05. 1887 г.

Р. С.

Октябрь.

к. 10-12.

065. Русская.
Старина за 1887 г.
Октябр. Нояб. Декаб.

ать приговоръ на утвержденіе Пилата. Духовная
мы уже видѣли, фактически находилась вся въ ру-
Приказъ объ арестѣ, вѣроятно, исходилъ отъ
му-то вліятельному лицу привели сперва Іисуса. Ха-
ъ объ ученіи его и ученикахъ. Іисусъ гордо отка-
ть въ подробныя объясненія. Онъ сослался на свою
торая была публичной, и объявилъ, что ничего не
говорилъ тайно; затѣмъ онъ предложилъ бывшему
ику спросить тѣхъ, кто его слышалъ. Это былъ
гвенный отвѣтъ, но онъ показался дерзкимъ вслѣд-
еувеличеннаго почета, которымъ окружали старое
. И вотъ одинъ изъ служителей первосвященника
ятъ, ударилъ Іисуса по щекѣ. Петръ и Іоаннъ слѣ-
имъ Учителемъ до жилища Ханана. Іоаннъ, котораго
мъ домѣ, былъ пропущенъ безъ затрудненія, а
вленъ у входа, послѣ чего Іоаннъ принужденъ былъ
и просить придверницу пропустить Петра. Ночь.
Петръ, находясь въ преддверьи, приблизился, чтобы

838
1529

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восемнадцатый. ОКТЯБРЬ. 1887 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Сост. Гельбигъ 1

II. Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій. Историко-біограф. очеркъ. Сост. И. Я. Морошкинъ 31

III. Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историческій очеркъ. Сост. М. А. Колчинъ . . . 45

IV. Очеркъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в. Сост. В. И. Семевскій . 71

V. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Неиздан. юношеское его стихотв. „Исповѣдь“ 1829—1830 гг. Сообщ. П. А. Висковатый. . 107

VI. Альбомъ С. Д. Полторацкаго, 1820—1852 гг. Сообщ. Е. С. Некрасова 125

VII. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. (Окончаніе) 143

VIII. Первое десятилѣтіе с.-петерб. городскихъ начальныхъ училищъ на почвѣ столичнаго общественнаго управленія. (Оконч.). Состав. Д. Д. Семеновъ 161

IX. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1800 г. . . . 197

X. Павелъ Ивановичъ Савваитовъ, юбилей его ученой дѣятельности, 1837—1887 гг. 245

XI. Иванъ Константин. Айвазовскій, полувѣковая годовщина его худож. дѣятельности, 1876—1887 гг. . 263

XII. Историческіе документы, замѣтки и стихотв.: Замѣтка Петра I (211). М. В. Ломоносовъ (211).—А. В. Суворовъ (212).—Взятіе Очакова (213).—Прошеніе Павлу I (216).—Заплечные мастера (216).—Отшельникъ Александръ (217).—А. С. Пушкинъ (70).—Чаадаевъ (221).—Г. С. Батенковъ (222).—Н. М. Языковъ (224).—А. Полежаевъ (226).—Пѣсня (228).—Александра-Фленушка (230).—А. Кюлвейнъ (196).—В. И. Даль (231).—Н. А. Добролюбовъ (233).—А. И. Никитскій (70).—С. Д. Дрожжинъ (236).—К. Р. (239).—Словарь къ «Нов. Завѣту» (243).

XIII. Библіографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Михаила Юрьевича Лермонтова въ гробу; гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.—II. Портретъ отшельника Александра (Ѳедора).

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1887.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1887 г.

Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изд. ворон. губер. статистич. комитета. Т. I. Ворон. 1887, 420 стр. Съ картою Воронеж. края XVII столѣт., чертеж. города и снимкомъ грамоты. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

Въ теченіи 1885—86 гг. секретаремъ воронежскаго стат. комит. Л. Б. Вейнбергомъ было издано 10 выпусковъ «Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній» (отдѣльн. оттиски изъ «Вор. Губ. Вѣд.»), въ количествѣ не свыше 50 экземпляровъ. Редакторъ имѣлъ при этомъ въ виду извлечь впослѣдствіи изъ этого собранія болѣе цѣнные матеріалы и, приведя ихъ въ хронологическій порядокъ, напечатать отдѣльною книгою. Настоящій томъ представляетъ начало такой полезной работы; но изъ прежде изданныхъ выпусковъ въ него вошло лишь нѣсколько документовъ, а другіе будутъ размѣщены въ послѣдующихъ томахъ. Такимъ образомъ настоящее изданіе представляетъ въ значительной степени новый и самостоятельный сборникъ. Можно пожелать только успѣшнаго выхода дальнѣйшихъ томовъ его, куда бы вошли и прочіе акты изъ названныхъ выше «матеріаловъ», какъ составляющихъ библіографическую рѣдкость.

Въ настоящемъ I-мъ томѣ напечатаны царскія грамоты (свыше 130), за 1620—1702 гг., и другіе документы (челобитныя, памяти, отписи и т. п.) съ конца XVI в. по 1705 годъ. Бо́льшая часть актовъ перваго отдѣла касается заселенія края и службы (раздача помѣстій и т. п.), но также между ними есть много актовъ, имѣющихъ бытовой характеръ (преслѣдованіе преступниковъ, разслѣдованіе о непристойныхъ рѣчахъ юродиваго и т. п.), административное значеніе (о высылкѣ смѣтныхъ книгъ, о разныхъ повинностяхъ); рядъ актовъ какъ въ этой, такъ и во второй группѣ, относящихся къ бунту Стеньки Разина. Во второй группѣ заслуживаютъ вниманія: поручныя записи полковыхъ казаковъ, челобитныя вдовъ убитыхъ воиновъ о выдачѣ имъ жалованья нап остриженіе, строенная книга гор. Воронежа, объ отобраніи книгъ и писемъ польской и латинской печати, захваченныхъ во время войны въ польскихъ городахъ, о служилыхъ иностранцахъ при Петрѣ Великомъ, о насиліяхъ воеводъ и друг. служилыхъ людей и т. п.

По примѣру первыхъ издателей «Воронежскихъ актовъ», нынѣшніе издатели (Л. Вейнбергъ и А. Полторацкая) приложили систематическій указатель предметовъ, алфавитный указатель именъ личныхъ и географическихъ, словари старинныхъ и иностранныхъ словъ, наконецъ, списокъ городищъ и кургановъ въ Воронежской губерніи.

Въ виду вновь предпринятаго систематическаго изданія и переизданія прежнихъ актовъ позволительно высказать пожеланіе, чтобы статистическій комитетъ обратилъ также вниманіе на сборникъ Второва и Александрова, давно ставшій чрезвычайною библіографическою рѣдкостью. Новое изданіе его, безъ сомнѣнія, было бы привѣтствовано всѣми цѣнителями отечественныхъ памятниковъ, а при нынѣшнихъ типографскихъ средствахъ онъ могъ бы быть изданъ безъ особеннаго обремененія для комитета, въ болѣе сжатомъ видѣ.

Путеводитель по ростовскому музею церковныхъ древностей. Составилъ Ѳ. А. Бычковъ. Яросл. 1886. 27+27 стр.

Ростовскій музей помѣщается въ возобновленной въ 1883 г. Бѣлой палатѣ, построенной около 1675 г. Задача музея заключается въ собираніи древнерусскихъ церковныхъ памятниковъ, съ цѣлью сохраненія ихъ отъ уничтоженія. И уже въ скоромъ времени послѣ объявленнаго приглашенія о доставленіи въ музей предметовъ древностей, они въ обиліи стали поступать какъ изъ церквей, такъ и отъ частныхъ лицъ; въ настоящее время въ немъ уже насчитывается болѣе 3000 №№. Предметы же, не имѣющіе прямаго отношенія къ цѣли музея, но представляющіе этнографическій и историческій интересъ, выдѣляются въ особое помѣщеніе, близъ палаты. Такимъ образомъ вся эта коллекція теперь раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) музей церковныхъ древностей (собраніе портретовъ духовныхъ дѣятелей, нумизматическое, рукописей, автографовъ, актовъ), и 2) собранія портретовъ русскихъ царей и историческихъ дѣятелей и предметовъ, относящихся до мѣстной и

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1887 г.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1887.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1887 г.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ. Сост. Гельбигъ, секретарь саксонскаго посольства при Екатеринѣ II. Перев. съ нѣм. изд. 1809 г., съ примѣчаніями, В. А. Бильбасовъ. (Окончаніе). . 1—30; 425—444

Васильевъ (1).—Дубянскій (2).—Зоричъ (3).—Корсаковъ (5).—Иванъ Страховъ (8). — Александръ Ланской (9). — Александръ Ермоловъ (13). — Александръ Мамоновъ (17). — Эккъ (22). — Даль (23). — Степанъ Шешковскій (24). — Радищевъ (25). — Германъ (29).—Платонъ Зубовъ I (425).—Валеріанъ Зубовъ II (432).—Николай Зубовъ III (437). — Аркадій Морковъ (439). — Иванъ Кутайсовъ (442).

II. Императоръ Павелъ и его время. Записки барона Гейкинга, 1796—1801. Перев. съ нѣмецк. И. И. О. 365—394; 783—815

III. Записки Д. И. Ростиславова, профессора спб. духовной академіи, † 18-го февраля 1877 г. Гл. XX—XXI. . . . . 445—470

IV. Записки Н. Н. Мурзакевича, 1806—1883. Съ примѣчаніями кн. В. Д. Дабижа . . . . . 649—675

V. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Окончаніе. 1868—1870 гг. . . . . 145—162

Историческіе и біографическіе очерки. Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

стр.

I. Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историческій очеркъ. Составилъ М. А. Колчинъ. . . . . 45—69; 333—363; 591—617

II. Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій. Историко-біограф. очеркъ. Состав. И. Я. Морошкинъ 31—44; 273—296.

III. Замѣтка Петра I. Сообщ. Анат. Ѳ. Кони. 211

IV. О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ. Сообщ. А. Н. Труворовъ. 837—842

V. Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка. Сообщ. Ѳедоръ Афанасьевичъ Бычковъ. . . . . 487—490

VI. Александръ Васильевичъ Суворовъ 1760 г. Сообщ. Григорій Космичъ Рѣпинскій. 212

VII. Московская старина. Выписки изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1786 г. Сообщ. Аск. Ник. Труворовъ. . . . 756

VIII. Разсказъ священника очевидца о взятіи Очакова 6-го декабря 1788 г. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ . . . 213—215

IX. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ с. Надеждинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., въ концѣ XVIII в. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ. 618

X. Прошеніе кригсъ-комиссара Лузина Павлу I. Сообщ. С. Стерлеговъ 216

Лузинъ. Замѣтка. Сообщ. Александръ Чичеринъ. 554

XI. Павелъ Озерецковскій, первый, по времени, оберъ-священникъ. Изъ дней Павла I. Сообщ. Н. Д. Горемыкинъ. 843—846

XII. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1800 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. 197—210

XIII. Портретъ Фигнера. Замѣтка Ред. 227

XIV. 1815 годъ. Письмо прапорщика Софійскаго пѣхотнаго полка Василія Чагина къ родителямъ. Сообщ. А. Ѳ. Кони. 846—848

XV. Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. Крестьянскій вопросъ въ журналистикѣ и литературѣ въ 1785—1855 годахъ. Сост. магистръ рус. истор. В. И. Семевскій. 71—106; 395—424 619—648

Поправка. 582

стр.

XVI. Князь Николай Николаевичъ и княгиня Варвара Павловна Еникѣевы. Сообщ. Н. Н. Еникѣевъ. . . 525—528

XVII. Гавріилъ Степановичъ Батенковъ. Сообщ. К. М. С. В. 222—223

XVIII. Заплечные мастера и кнуты. Указъ 1832 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 216

XIX. Петръ Чаадаевъ, 1836 г. 221

XX. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Уральскихъ горахъ въ іюлѣ 1837 г. Сообщ. Н. П. Свѣчина, рожденная Ахматова. . . . . 676—680

XXI. Алексисъ Дебре. Замѣтка. Сообщ. кн. В. Ц. Дабижа. 515

XXII. Екатерина Ѳедоровна Жуковская. Замѣтка. Сообщ. Петръ Влад. Жуковскій. 516

XXIII. Антонія Кюлвейнъ. Сообщ. В. П. Желиховская . . 196

XXIV. Альбомъ С. Д. Полторацкаго, 1820—1852 гг. Сообщ. Е. С. Некрасова. . . . . 127—144; 471—486

XXV. Всероссійскій дворянскій молебенъ 1851—1852 годовъ. Сообщ. А. Танковъ. . . . . 490—492

XXVI. Баженины. Купеческій родъ г. Архангельска. Сообщ. Н. Н. Платуновъ. 554

XXVII. Отшельникъ Александръ (Ѳеодоръ) въ Сибири. Сообщ. В. Долгорукой и И. К. Смирновъ. 217—220 и 529—530

XXVIII. Александра Фленушка. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа П. И. Мельникова: «Въ лѣсахъ». Сообщ. К. И. Коваленкова. 230

XXIX. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи. Біографическій очеркъ. Сост. Н. М. Колмаковъ. 297—332 757—782

XXX. Русская Америка, 1862—1863 гг. Сообщ П. П. Андреевъ . . . . . 681—696

XXXI. Александръ Васильевичъ Головнинъ въ 1863 и 1881 гг. 507—515

XXXII. Памяти Софьи Марковны Котельниковой, рожденной Кисель, падчерицы историка Н. И. Костомарова. Сообщ. Д. Л. Мордовцевъ . . . . . 503—506

XXXIII. Первое десятилѣтіе с.-петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ въ вѣдѣніи столичнаго общественнаго управленія (См. «Русскую Старину» изд. 1887 г., т. LV, стр. 667—703). Окончаніе. Сост. Д. Д. Семеновъ. 163—195

стр.

XXXIV. Ученыя архивныя коммиссіи въ 1886 г. Обзоръ ихъ дѣятельности. Читано директоромъ археологическаго института профессоромъ И. Е. Андреевскимъ, въ собраніи института 10-го октября 1887 г. . . 537—553

Исторія русской литературы.

I. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.
Прошеніе его 1758 г. Сообщ Г. К. Рѣпинскій. . 211—212

II. Михаилъ Васильевичъ Милоновъ.
Два документа къ біографіи его, 1809 и 1813 гг. Сообщ. Я. К. Гротъ. . . . . 363—364

III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
1. Новыя изданія его сочиненій, 1887 г. Сообщ. В. Е. Якушкинъ . . . . . 697—730
2. Замѣтка объ А. С. Пушкинѣ. Сообщ. А. Цимбалистовъ. 70

IV. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
1. Неизданное его стихотвореніе «Исповѣдь» 1829 — 1830 гг. Сообщ. профессоръ П. А. Висковатовъ. 107—126
2. Стихотвореніе его на французскомъ языкѣ, 1841 г. Сообщ. П. А. Висковатовъ . . . . . 731—739

V. Николай Михайловичъ Языковъ.
Стихотвореніе его 1830 г. Сообщ. В. Н. Поливановъ. 224—225

VI. Василій Андреевичъ Жуковскій.
Подлинныя его рукописи въ изслѣдованіи и описаніи Ивана Афанасьевича Бычкова. Сообщ. М. И. С. . 567—574

VII. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.
1. Привѣты и отклики по поводу сочиненій К. Н. Батюшкова, явившихся въ изданіи, исполненномъ его братомъ, П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1887 г. Три тома. Сообщ. М. И. С. 2. Замѣтка къ біографіи Помпея Ник. Батюшкова. Сообщ. М. И. Городецкій. . . . . 555—566

VIII. Николай Васильевичъ Гоголь.
Служба его въ Патріотическомъ институтѣ, 1831—1835 гг. Сообщ. Н. А. Бѣлозерская . . . . . 741—755

IX. Николай Александровичъ Добролюбовъ.
1. Посланіе его къ С. П. Галахову. Сообщ. А. С. Галаховъ. 233—235
2. Н. А. Добролюбовъ, 1861 г. Сообщ. П. Травинъ и Н. 518

X. Владиміръ Ивановичъ Даль.
Замѣтки его на «Крестовый календарь». Сообщ. А. А. Гатцукъ. . . . . 231—232

XI. Николай Ивановичъ Пироговъ.
1. Записка его объ учрежденіи каѳедры географіи въ университетахъ . . . . . 493—494
2. Записка его о преобразованіи Одесскаго лицея въ университетъ, 1858 г. . . . . 816—818

XII. Адольфъ Петровичъ Берже.
1. Дѣятельность его какъ оріенталиста. Сообщ. Н. Гулакъ. . . . . 819—824
2. Страница изъ посмертныхъ записокъ Берже . . 825—227

XIII. Александръ Ивановичъ Никитскій.
Замѣтка о трудахъ его по русской археологіи. Сообщ. П. Юрченко. 70

XIV. С. Я. Надсонъ.
По поводу посмертнаго изданія его стихотвореній. Сообщ. профессоръ О. Ѳ. Миллеръ . . . . . 495—502

XV. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.
Очеркъ его литературной дѣятельности, 1828—1887 гг. Сообщ. профессоръ О. Ѳ. Миллеръ . . . . . 575—582

XVI. Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ.
1. Двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности, 1862—1887 гг. Сообщ. Г. К. Градовскій . . 828—834
2. Автобіографическія замѣтки изъ альбома ред. «Русск. Старины»: «Знакомые» (томъ III). . . . . 834—836

XVII. Павелъ Ивановичъ Саввантовъ.
Юбилей его ученой дѣятельности, 1837—1887 гг. Замѣтки М. И. Семевскаго. . . . . 245—262

XVIII. К. К. Ром...въ.
1. Стихотворенія его, 1882—1885 гг. . . . . 519—524
2. По поводу одного изъ стихотвореній К. К. Р. 1885 г. Замѣтка. Сообщ. П. А. Степановъ . . . . . 239—242

XIX. Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ.
Стихотворенія его. . . . . 236—238

XX. Солдатская пѣсня, 1812 г. Сообщ. Л. В. Киселева. 228—229
XXI. Звѣрьяда. Сообщ. М. О. Пѣтуховъ и В. В. Тушенскій. . . . . 517 и 739—740.

стр.

XXII. О сообщеніи матеріаловъ для изданія сочиненій А. Полежаева. Сообщ. П. А. Ефремовъ. . . . . 226—227

XXIII. С. П. Колошинъ. Замѣтка. Сообщ. Д. Д. Языковъ. . 518

XXIV. «Словарь къ Новому Завѣту». Составилъ Петръ Андреевичъ Гильтебрандтъ. Замѣтка Ред. . . . . 243—244

Исторія искусствъ.

I. Карлъ Брюлловъ, Михаилъ Глинка и Несторъ Кукольникъ: акварельный рисунокъ Петра Андр. Каратыгина. Замѣтка Ред. . . . . 851—853

II. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій. Полувѣковая годовщина его художественной дѣятельности 1837—1887 гг. Замѣтки Ред. . . . . 263—272 и 583—590

III. Дмитрій Александровичъ Ровинскій. Его труды и изданія по исторіи гравированія и вообще иконографіи въ Россіи, 1856—1886 гг. Замѣтка Ред. . . . . 531—536

IV. Русскій народъ въ трехъ-стахъ акваряляхъ, исполненныхъ профес. Ѳ. Г. Солнцевымъ въ 1827—1887 гг. Замѣтка Ред. 851

Изъ Альбома ред. „Русской Старины".

I. Замѣтка Ея Величества королевы эллиновъ, Ольги Константиновны 524

II. Четырехстишіе графа П. А. Валуева 524

Портреты и гравюры.

I. Портретъ Михаила Юрьевича Лермонтова въ гробу 15-го іюля 1841 г. Гравир. художн. И. И. Матюшинъ.
(При стр. 1).

II. Портретъ-группа: К. П. Брюлловъ, М. И. Глинка и Н. В. Кукольникъ. Ксилографическій снимокъ съ акварели П. А. Каратыгина. Гравир. И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 851).

III. Портретъ гр. Льва Николаевича Толстаго. Гравир. художн. В. В. Маттэ.
(При стр. 273).

IV. Портретъ отшельника Александра (Ѳедора).
(При стр. 217).

V. Медальонъ Петра I, пожалованный архангельскому купцу Д. Баженину. Гравир. Авг. Ив. Даугель.
(При стр. 853).

I. „Русская Старина“ въ изд. 1887 г., восемнадцатый годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ. Статья М. И. С. 855
II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, разсказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1887 гг. 885
III. „Русская Старина“ и книги, изданныя ея редакціей, въ числахъ читателей-подписчиковъ этого журнала въ 1887 г. 897
IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ LIII, LIV, LV, LVI томовъ „Русской Старины“ изд. 1887 г. Составила Вѣра Вас. Тимощукъ. . . . I—LXXXIV
V. Систематическое оглавленіе LVI тома „Русской Старины“—октябрь, ноябрь, декабрь—изд. 1887 г. . I—VII
VI. О подпискѣ на „Русскую Старину“ изд. 1888 года, девятнадцатый годъ изданія.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изд. ворон. губерн. статистическ. комитета. Т. I. Ворон. 1887, 420 стр. Съ картою Воронежск. края XVII стол., чертеж. города и снимкомъ грамоты. (На оберткѣ X-й книги „Русской Старины“ изд. 1887 г.).
2. Путеводитель по ростовскому музею церковныхъ древностей. Составилъ Ѳ. Аф. Бычковъ. Яросл. 1886. 27+27 стр. (Тамъ-же).
3. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Н. Н. Булича. Ч. 1. Казань. 1887. 639 стр. (Тамъ-же).
4. Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV ст. А. М. Андріяшева, съ картою волынской земли. Кіевъ. 1887. 232 стр. (Тамъ-же).
5. Сочиненія Петра Влад. Жуковскаго. Спб. 1885 г., въ 8 д., стр. 192. (На оберткѣ XI-й книги „Русской Старины“ изд. 1887 г.).

6. Польско-русская война, 1830—1831 гг., I томъ. Спб. Составилъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ А. Пузыревскій. (Об. XI кн. „Русской Старины“ изд. 1887 г.).

7. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митр., подъ ред. Н. Субботина. Т. VIII. 370 стр. (Тамъ-же).

8. Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Историко-юридическое изслѣдованіе В. Н. Латкина. Т. I. Спб. 1887. 595 стр. (Тамъ-же).

9. Война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг. Сочиненіе генер.-маіора Андр. Ник. Петрова. Спб. 1885—1887 гг. Три тома съ приложеніемъ плановъ и картъ. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины“ изд. 1887 г.).

10. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣд. Д. И. Багалѣя. М. 1887. XVI+614, съ картою для 2-й четверти XVIII стол. (Тамъ-же).

11. Первое столѣтіе г. Екатеринослава 1787—1887. Матер. для историческаго очерка М. М. Владимірова. Екат. 1887. Стран. 275. (Тамъ-же).

12. Boris Godunow. Dramatisches Gedicht von A. Puschin. Uebersetzt von Friedrich Fiedler. Leipzig.

Gedichte von A. Kolzow. Deutsch von Friedrich Fiedler. Leipzig. (Тамъ-же).

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ [1]).

XCIII. ВАСИЛЬЕВЪ.

Сознаніе, что никогда завѣдомо не погрѣшилъ, составляетъ величайшее, блаженнѣйшее и неувядающее успокоеніе государственнаго сановника.

Васильевъ былъ темнаго происхожденія, но возмѣщалъ этотъ невольный недостатокъ такими способностями и познаніями, которыя составили бы честь самому высокому рожденію. Этотъ дѣйствительно великій человѣкъ былъ въ теченіи 20 лѣтъ, рядомъ съ кн. Вяземскимъ, душею русскихъ финансовъ, и какъ ни были они запутаны въ царствованіе Екатерины II, умѣлъ находить средства къ удовлетворенію желаній государыни и къ покрытію государственныхъ потребностей, не удручая чрезмѣрно подданныхъ. Онъ не могъ, конечно, по ограниченности своего круга вѣдѣнія, воспрепятствовать тому, что, помимо собственно финансоваго вѣдомства, вредило финансамъ вообще въ придворной, военной и флотской организаціи. Васильевъ началъ свою карьеру въ канцеляріи князя Вяземскаго. Въ школѣ этого прекраснаго учителя, котораго онъ, однако, превзошелъ, получилъ онъ такія свѣдѣнія о силѣ и слабости Россійской имперіи, какихъ до него не имѣлъ еще ни одинъ министръ финансовъ. Его добрый, благодѣтельный и твердый характеръ увеличивалъ еще цѣну его превосходныхъ дарованій.

Онъ умеръ въ 1807 году.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. L, апрѣль, стр. 1—180; т. LI, іюль, стр. 1—20.; т. LII, октябрь, стр. 1—24; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 299—328 мартъ, стр. 533—550; т. LIV, стр. 35—46.

Въ то время Васильевъ былъ русскій графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, финансъ-министръ, генералъ-директоръ медицинской коллегіи и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, св. Анны и св. Владиміра 2-й степени.

Примѣч. переводчика: Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, 1742—1807. П. С. З., № 17,609, 17,813, 18,396; Арх. Г. С., I, ч. 2, 108, 118, 496, 578; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXVII, 73; XLII, 496); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 310, 377, 379); Государственная роспись при Екатеринѣ II (Сборникъ, VI, 237); Письма Васильева (Соч. Державина, изд. Грота, V, 486, 511, 581, 614, 639, 655, 662, 666, 668, 674, 678, 690, 691, 695, 707, 712, 795, 849); Воронцевъ, X, 101, 188, 189; XIII, 406; XIV, 180, 487; XVIII, 475; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 440; XXIX, 532); Храповицкій, 395, 411, 430, 431, 460; Державинъ, 731, 733, 745, 754, 777, 817; Болотовъ, IV, 685; Отзывъ Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 165; Куприяновъ, Медицина при Екатеринѣ II, 22; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 627; Саитовъ, 25; Бантышъ-К., Списки, 246, 336; Долгоруковъ, II, 221, 322; Карабановъ-Долгоруковъ, 121, 199. В. Б.

XCIV. ДУБЯНСКІЙ.

Дубянскій былъ простой монахъ. Его всѣ уважали за большую честность; его же необыкновенная для подобныхъ людей ученость помогла ему дослужиться до высшей духовной должности въ государствѣ: онъ былъ духовникъ императрицы Екатерины II. Здѣсь онъ имѣлъ случай собрать большія богатства.

Онъ оставилъ сына [1]) и дочь [2]), которымъ, по собственному примѣру, далъ очень хорошее воспитаніе. Въ 1790-хъ годахъ сынъ былъ гвардейскимъ капитаномъ съ чиномъ полковника, а дочь—фрейлиной императрицы Екатерины II.

Примѣч. переводчика: Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, † 1771. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XLII, 413, 481); Шаховской, 68; Воронцовъ, I, 9, 19, 67; VIII, 123; Свѣдѣнія о родителяхъ Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, I, 44; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ (Осмнадц. вѣкъ, II, 409, 417); Лонгиновъ, Пособники Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, III, 344, 347); М. И. Семевскій, 155; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 292. В. Б.

---

[1]) Дубянскій, женатый на Маріи Константиновнѣ Шарогородской, имѣлъ четырехъ сыновей: Михаила (1733—1776,) Ѳедора, Захара (1743—1765) и Якова (1745—1807). О смерти Захара упоминаетъ Порошинъ, 580; Саитовъ, 46.

[2]) Елизавета Ѳедоровна (1747—1779), замужемъ за княземъ Яковомъ Петровичемъ Долгорукимъ. Саитовъ, 44. В. Б.

XCV. ЗОРИЧЪ.

Зоричъ, изъ дворянскаго рода, не пользовавшагося никакимъ значеніемъ, съ юныхъ лѣтъ отличался въ военной службѣ и прибылъ въ Петербургъ гусарскимъ маіоромъ для пріисканія болѣе выгоднаго мѣста. У него было много наглости, его не страшили отказы въ просьбахъ и онъ тотчасъ обратился къ всемогущему Потемкину, думая чрезъ него составить себѣ карьеру. Потемкинъ исполнилъ его просьбу, но не на томъ блестящемъ пути, на которомъ Зоричъ искалъ улучшенія своей судьбы.

Въ это именно время Потемкинъ былъ очень недоволенъ попыткой Завадовскаго, стремившагося сдѣлаться самостоятельнымъ, и искалъ человѣка, который могъ бы занять его мѣсто при дворѣ. Онъ нашелъ его случайно въ Зоричѣ, который соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя для того качества и не могъ быть ему опасенъ ни умомъ и характеромъ, ни семейными связями. Потемкинъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ, подполковникомъ и представилъ его въ гусарской формѣ императрицѣ. Онъ понравился. Въ тотъ же день онъ . . . сталъ полковникомъ и былъ назначенъ флигель-адъютантомъ императрицы.

. . . . . .

Зоричъ, какъ уже сказано, пользовался этимъ благополучіемъ только 11 мѣсяцевъ. Человѣкъ неразсудительный, онъ думалъ, что можетъ летать на своихъ крыльяхъ. Но Потемкинъ замѣтилъ этотъ самостоятельный, смѣлый полетъ и прижалъ Зорича къ землѣ. Незначительное разногласіе, бывшее между Зоричемъ и княземъ, дало поводъ къ удаленію Зорича. Потемкинъ не былъ сердитъ на него, онъ не завидовалъ его чудовищнымъ богатствамъ, онъ не боялся его быстро вознесшагося значенія—онъ зналъ, что Зоричъ вообще былъ настолько ничтоженъ, что никоимъ образомъ не могъ быть ему опасенъ; но онъ хотѣлъ показать, что нельзя безнаказанно даже думать ему противиться и хотѣлъ этимъ примѣромъ предостеречь отъ опасности всякаго, кому пришла бы въ голову такая мысль.

Князь представилъ императрицѣ, что непріятно и даже унизительно для ея просвѣщенныхъ намѣреній имѣть близь себя человѣка столь ограниченныхъ познаній, какъ Зоричъ, и предложилъ ей выбрать себѣ другаго адъютанта, которымъ она будетъ болѣе довольна. Такъ какъ императрица въ это время не питала большой склонности къ Зоричу, то и приняла предложеніе князя. Лѣтомъ 1778 г. Зоричъ жилъ съ императрицею и Потемкинымъ въ Царскомъ Селѣ. Однажды,

вечеромъ, въ іюнѣ, онъ былъ въ своей комнатѣ, когда получилъ приказаніе въ ту же минуту удалиться отъ двора и отправиться въ свои имѣнія. Его какъ громомъ поразило. Какъ стрѣла, бросился онъ въ комнату государыни, но ему запретили входъ. Онъ просилъ о разрѣшеніи проститься, но и въ этомъ ему было отказано. Онъ бросился къ князю Потемкину, но князь настаивалъ, что онъ въ этотъ же вечеръ долженъ отправиться въ свое лифляндское имѣніе и оттуда въ Бѣлоруссію, чтобъ принять имѣнія, купленныя для него у Чарторижскаго. Возраженія ничего не помогли. Онъ долженъ былъ уѣхать, оставивъ своихъ довѣренныхъ слугъ, которые должны были потомъ привезти его вещи.

Онъ отправился тѣмъ путемъ, который былъ ему предписанъ. Поселился же онъ въ Шкловѣ, гдѣ устроился по княжески. Онъ имѣлъ все, что только деньги могутъ доставить пріятнаго въ жизни, даже свою театральную труппу. Но вскорѣ оказалось, что даже его громадныхъ доходовъ недостаточно, чтобъ поддерживать такой сибаритскій образъ жизни. Такъ какъ онъ не настолько владѣлъ собою, чтобы сократить свои расходы, то вскорѣ очутился въ большомъ затрудненіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія всѣ его имѣнія были обременены долгами и почти всѣ его драгоцѣнности распроданы.

Зоричъ былъ настолько уменъ, что вскорѣ послѣ своего удаленія отъ двора униженно подчинился Потемкину и тѣмъ примирился съ нимъ. Князь позволилъ даже Зоричу явиться къ нему въ 1787 году, когда князь, проѣздомъ въ Херсонъ, былъ занятъ устройствомъ театральныхъ выдумокъ, которыя должны были обмануть императрицу во время ея путешествія. Потемкинъ принялъ его весьма милостиво, и охотно былъ бы радъ, если-бъ могъ имъ вытѣснить гордаго и опаснаго Мамонова. Зоричъ былъ еще очень красивъ и ужъ совершенно безпритязателенъ. Императрица соблаговолила повидать его, обошлась съ нимъ весьма милостиво и назначила его генералъ-лейтенантомъ. Но этимъ все и кончилось. Потемкинъ, съ нѣкотораго времени появлявшійся при дворѣ только чрезъ большіе промежутки, терялъ мало по малу свое значеніе. Онъ замѣтилъ теперь это очень ясно, но не хотѣлъ поднимать никакого громкаго скандала изъ-за дѣла, которое въ сущности не слишкомъ-то его и интересовало. Зоричъ уѣхалъ обратно въ Шкловъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пріѣхалъ.

Этотъ чрезвычайно статный избранникъ принадлежалъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, къ числу тѣхъ немногихъ людей, у которыхъ вовсе нѣтъ пороковъ, мало недостатковъ, есть нѣкоторые таланты и много пріятныхъ качествъ. Зоричъ не обладалъ проницательнымъ умомъ, но онъ вовсе не былъ ограниченнымъ человѣкомъ. Онъ не получилъ образо-

ванія и впослѣдствіи, кромѣ французскаго языка, ничему не научился. Но онъ былъ чрезвычайно остроуменъ, обворожительно веселъ и былъ постоянно въ добромъ расположеніи. Эти-то для общительности столь пріятныя свойства дѣлали его, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ любезнымъ изъ всѣхъ избранниковъ Екатерины. Сверхъ того, онъ былъ храбръ, честенъ, великодушенъ, услужливъ, безъ всякаго притворства. Жаль, что такія хорошія свойства затемнялись часто невѣроятною суетностью, безграничнымъ легкомысліемъ и неимовѣрною склонностью къ расточительности.

Примѣч. переводчика: Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, † 1799. П. С. З., № 17,829, 17,893; Арх. Г. С., I, ч. 1, 49, 63; ч. 2, 734; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 248; XXVII, 254, 263, 466); Спб. Вѣдомости за 1762, № 80; Письма Екатерины II („Русск. Ст.“, 1875, XIV, 448; 1876, XVI, 446); Бумаги Репнина (Сборникъ, XVI, 226); Воронцовъ, XIV, 446, 449; XXVII, 6; Храповицкій, 435, 501; кн. Щербатовъ, 678; Державинъ, 708, 719, 725, 730; Добрынинъ въ „Русск. Стар.“, IV, 118; Энгельгардтъ, 9, 24, 27, 29, 32; Гарновскій въ „Русск. Стар.“, XV, 12; Masson, 106; Russie, 307, 308, 326, 327, 328, 377; Castera, II, 175, 224, 454; Карабановъ, III, 42; Барсуковъ, Шкловскіе авантюристы (Каширевъ, II, 1); Bartold, Die geschichtliche Persönlichkeiten in Cazanova's Memoiren. Berlin, 1846, 324; Д., Зоричъ („Русск. Стар.“, 1878, XXII, 329); Мещерскій, С. Г. Зоричъ (Архивъ, 1879, II, 37); Корсаковъ, О С. Г. Зоричѣ (Архивъ, 1879, II, 75); С. Г. Зоричъ („Русск. Стар.“, 1873, VIII, 730); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 174; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 671; Бантышъ-К., Словарь, II, 401; Долгоруковъ, II, 320; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 322; Ѳедоровъ, Стосемилѣтній старецъ Щегловскій, Спб., 1844; Проза Пушкина (Библіогр. Зап., II, 138); Russica, II, 692. В. Б.

XCVI. КОРСАКОВЪ.

Корсаковъ былъ дворянинъ, изъ очень хорошей русской фамиліи, которая собственно называется Корсаковъ-Римскій.

Онъ началъ свою военную службу сержантомъ въ конной гвардіи; по рекомендаціи былъ переведенъ въ кирасирскій полкъ, и съ отличіемъ служилъ во время польскихъ смутъ. Онъ былъ капитаномъ, когда Потемкинъ познакомился съ нимъ. Корсаковъ понравился ему, и князь причислилъ его къ тѣмъ двумъ лицамъ, изъ которыхъ императрица должна была избрать одного (адъютанта) на мѣсто только что уволеннаго Зорича. Эти два были: Бергманъ, лифляндецъ, и Ронцовъ, побочный сынъ графа Воронцова, о которыхъ мы, впрочемъ, ничего не

можемъ сказать. Оба они ничѣмъ не обращали на себя вниманія, даже не будучи сравниваемы съ Корсаковымъ. Рядомъ-же съ нимъ они совершенно теряли, такъ какъ онъ обладалъ чрезвычайно изящной фигурой. Было и еще одно обстоятельство, обезпечивавшее за Корсаковымъ преимущество. О немъ ходила молва, что онъ вовсе неопытенъ въ интригахъ, словомъ совершенно (не бывалъ въ свѣтѣ). Было условлено, что всѣ три кандидата (на званіе флигель-адъютанта) будутъ показаны въ ея пріемной. Когда они явились, Потемкина еще не было. Императрица пришла, поговорила съ каждымъ изъ присутствовавшихъ и подошла, наконецъ, къ Корсакову. Она дала ему букетъ, только что поднесенный ей, и поручила отнести этотъ букетъ князю Потемкину и сказать ему, что она желаетъ говорить съ нимъ. Корсаковъ исполнилъ приказаніе. Потемкинъ, какъ онъ говорилъ, чтобы наградить принесшаго императорскій подарокъ, сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали исторію возвышенія этого избранника.

Какъ-бы ни было, но несомнѣнно, что день спустя послѣ представленія, въ іюнѣ 1778 г., Корсаковъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ ... . Мало по малу, но чрезъ очень короткіе промежутки, онъ сталъ прапорщикомъ кавалергардовъ, что, насколько мы помнимъ, давало ему чинъ генералъ-маіора, кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ государыни.

. . . . . .

. . . . . .

По удаленіи изъ дворца, онъ оставался еще въ Петербургѣ, такъ какъ серьезная болѣзнь не позволяла ему покинуть столицу. Ему часто должны были пускать кровь и прошло нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ онъ выздоровѣлъ. Но едва оправившись, онъ, подобно прочимъ придворнымъ, явился однажды ко двору. Это поведеніе многіе порицали, но, какъ намъ думается, несправедливо. Почему-же онъ, не будучи еще въ состояніи уѣхать, не могъ явиться, подобно другимъ, для изъявленія публично своего почтенія государынѣ, которая была столь милостива къ нему? Между тѣмъ, какъ это появленіе при дворѣ, такъ и другія его старанія не произвели никакого впечатлѣнія, хотя ему очень хотѣлось занять свой прежній постъ. Онъ надѣялся на это, потому что его комнаты въ императорскомъ дворцѣ, по другимъ причинамъ, оставались еще не занятыми; но онъ ошибся.

Когда онъ, наконецъ, убѣдился въ этомъ, онъ отправился, насколько намъ извѣстно, не заграницу, а въ Москву, гдѣ, по смерти графини

Брюсъ, завязалъ новую связь — съ покойною уже (1808) супругою стараго графа Строгонова [1]), рожденною княгинею Трубецкою [2]).

Онъ остался навсегда жить въ Москвѣ и, вѣроятно, еще и теперь живетъ тамъ на доходы съ своего большаго состоянія.

. . . . . .

Корсаковъ въ сущности былъ болѣе любезенъ, чѣмъ красивъ, но его внѣшнія формы были такъ изящны и прелестны, что подобныя рѣдко встрѣчаются. Этотъ внѣшній лоскъ скоро пропалъ и онъ, по внѣшнему виду, сталъ пріятнымъ развратникомъ, на которомъ сказывались слѣды его неправильнаго образа жизни. Легкомысліе и добросердечіе составляли главныя черты его характера. Онъ обладалъ даромъ чрезвычайно пріятной бесѣды, и правильнымъ, хотя и не проницательнымъ, умомъ; но онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ познаній. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ составился анекдотъ, который даже напечатанъ, но за вѣрность котораго мы, однако, не ручаемся. Разсказываютъ, будто Корсаковъ слышалъ, что прежде государственные сановники и знатнѣйшіе придворные имѣли большія библіотеки, которыя по штату уже полагались въ дворцахъ, какъ вещь необходимая. Когда онъ получилъ въ подарокъ отъ императрицы дворецъ Васильчикова, онъ позвалъ книгопродавца и заказалъ ему библіотеку для извѣстной залы. На вопросъ-же книгопродавца, сдѣлалъ-ли Корсаковъ списокъ книгъ, которыя желалъ-бы имѣть, и по какой наукѣ должны быть выбраны книги, избранникъ отвѣчалъ:

— «Объ этомъ я ужъ не забочусь—это ваше дѣло; внизу должны стоять большія книги и чѣмъ выше, тѣмъ меньшія, точно такъ, какъ у императрицы».

Примѣч. переводчика: Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ. П. С. З., № 18508, 18595; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 107, 109, 111, 118, 126, 137, 148); Мѣсяцесловъ на 1786 годъ, 5; Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 421); Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Русск. Ст.“, 1876, XVII, 47, 584); Письма Безбородко (Сборникъ, XXIX, 531); Воронцовъ, XIV, 502; Любовныя записочки (Архивъ, 1881, III, 402); кн. Щербатовъ, 678; Castera, II, 224, 454; Энгельгардтъ, 10; Russie, 327, 328, 329, 337, 341,

---

[1]) Графъ Строгоновъ—безспорно одинъ изъ ученѣйшихъ эстетиковъ въ Россіи. Его огромныя богатства доставили ему средства составить прекраснѣйшія собранія картинъ, антиковъ и рѣдкостей. Этотъ достойный человѣкъ достигъ уже глубокой старости. Онъ оберъ-камергеръ и кавалеръ русскихъ и польскихъ орденовъ. Его сынъ—также заслуженный человѣкъ и уже министръ.

[2]) Она дочь князя Петра и внучка князя Никиты Трубецкаго. Объ обоихъ этихъ лицахъ было уже говорено кое-что въ этой книгѣ.

377; Добрынинъ, „Русск. Ст.“, IV, 343; Masson, 106, 461; Записки Витберга („Русск. Ст.“, 1872, V, 577); Карабановъ, II, 497; V, 136; Костаревъ, Т. Г. Простаковъ („Русск. Стар.“, 1873, VII, 581); Свиданіе Суворова съ А. М. Римскимъ-Корсаковымъ („Русск. Ст.“, 1876, XV, 214); Herrmann, VII, 614; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 328. См. также очерки Н. М. Колмакова: Домъ и фамилія гр. Строгоновыхъ („Русск Ст.“, 1887 г., LIII, 575, LIV, 71. В. Б.

XCVII. ИВАНЪ СТРАХОВЪ.

Иванъ Страховъ, русскій, мѣщанскаго происхожденія, былъ племянникомъ одной камерфрау императрицы Екатерины II.

Онъ былъ малъ ростомъ, уродливъ лицомъ; его внѣшній видъ былъ крайне непріятный. Однако, онъ полагалъ, что произвелъ на государыню, которая тогда только что удалила отъ двора избранника своего Корсакова,—впечатлѣніе, потому что императрица, случайно встрѣтивъ его въ Царскомъ Селѣ, въ своей гардеробной, заговорила съ нимъ съ свойственными ей любезностію и снисхожденіемъ. Страховъ до того былъ прельщонъ собою, что о возможности стать избранникомъ говорилъ даже съ графомъ Панинымъ, въ канцеляріи котораго онъ служилъ секретаремъ. Онъ сообщилъ свое открытіе графу въ то время, когда ѣхалъ съ нимъ изъ Царскаго Села, гдѣ министръ имѣлъ докладъ у императрицы. Панинъ принялъ его за сумасшедшаго и хотѣлъ отвлечь отъ этой безумной мечты. Однако, въ дѣйствительности, Страховъ не былъ настолько безуменъ, какъ предполагалъ Панинъ; по крайней мѣрѣ, эта мечта составила его карьеру. Онъ сталъ чаще навѣщать своихъ родныхъ и видалъ тамъ императрицу, которая, по совершенно непонятной причинѣ, вѣроятно, для развлеченія, охотно бесѣдовала съ нимъ. Когда Екатерина однажды сказала ему, что онъ можетъ просить у нея какой нибудь милости, Страховъ бросился на колѣни и просилъ ея руки. Это было уже слишкомъ. Императрица болѣе не видѣлась съ нимъ иначе, какъ публично, при дворѣ.

Между тѣмъ, этотъ случай составилъ его счастье. Онъ получилъ большіе подарки деньгами и крестьянами и сталъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, вице-губернаторомъ Костромы и кавалеромъ ордена св. Владиміра.

Примѣч. переводчика: Иванъ Варѳоломеевичъ Страховъ. Письма Страхова (Воронцовъ, XIV, 471); Russie, 330, 337, 338; Лордъ Мальмсбюри о Россіи (Архивъ, 1874, I, 1,500; II, 145); Воронцовъ, XIV, 191; Соч. Державина, изд. Грота, VI, 195; Евгеній, II. 180. В. Б.

XCVIII. АЛЕКСАНДРЪ ЛАНСКОЙ.

Александръ Ланской былъ сынъ русскаго дворянина очень хорошей фамиліи.

Онъ былъ конногвардеецъ, когда генералъ Толстой [1]), въ то уже время, когда Корсаковъ жилъ еще при дворѣ, рекомендовалъ его государынѣ въ генералъ-адъютанты. Хотя его внѣшній видъ и его бесѣда понравились императрицѣ, но особыя обстоятельства побуждали ее тогда воздержаться отъ окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ, онъ получилъ 10,000 рублей для первоначальнаго обзаведенія. Въ то же время съ разныхъ сторонъ ему не то приказывали, не то дружески совѣтовали обратиться къ князю Потемкину. Князю очень понравился такой знакъ довѣрія и онъ тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Ланской оставался шесть мѣсяцевъ на этомъ мѣстѣ.

Только на святой недѣлѣ 1780 г. императрица, занятая до тѣхъ поръ важными дѣлами и будучи больна, нашла время, когда молодой Ланской могъ быть ей представленъ. Она назначила его своимъ флигель-адъютантомъ и полковникомъ . . . . . .

. . . . . .

Свое пребываніе при дворѣ Ланской сдѣлалъ замѣчательнымъ лишь своею похвальною привязанностью къ императрицѣ и тѣми воздаяніями, которыя онъ получилъ за это. Онъ никогда не занимался государственными дѣлами, которыя столько же были ему чужды, какъ и онъ имъ. Не смотря на то, онъ могъ имѣть часто случай сдѣлаться важнымъ лицомъ. Въ его время, въ Россію пріѣзжали Іосифъ II, потомъ Фридрихъ Вильгельмъ, наслѣдникъ Фридриха II, и, наконецъ, Густавъ II. Каждый изъ нихъ охотно привлекъ бы его на свою сторону; но его поведеніе всегда было настолько сдержанно, что до него нельзя было и добраться. Онъ тщательно избѣгалъ придворныхъ интригъ, и можно сказать, что за время пребыванія его при дворѣ бабамъ и сплетникамъ было мало или даже вовсе не было дѣла. Даже родня не имѣла къ нему доступа, хотя государыня, по собственному побужденію, дала нѣкоторымъ изъ нихъ мѣста при дворѣ. Короче,

---

[1]) Въ первую турецкую войну генералъ Толстой стяжалъ себѣ славное имя. Оба графа Толстые, занимающіе теперь (1808 г.) важныя государственныя должности при русскомъ дворѣ, его сыновья. Онъ умеръ въ 1780-хъ годахъ

Ланской не связывалъ себя ни съ кѣмъ, жилъ только для своей службы и приносилъ себя въ жертву своимъ обязанностямъ. Это спокойствіе избранника никому не казалось опаснымъ и было опасно для всѣхъ. Его значеніе въ глазахъ императрицы, которую онъ никогда не покидалъ, было безгранично. Всякій сознавалъ, что Ланскому стоило сказать слово, чтобъ свергнуть его и самъ Потемкинъ чувствовалъ, что его политическое бытіе зависитъ только отъ воли избранника.

Къ счастью для придворныхъ, этотъ страшный человѣкъ жилъ не долго. Со времени появленія при дворѣ онъ постоянно хворалъ. Въ началѣ онъ страдалъ лихорадкою. Стараніями врачей и заботливымъ уходомъ онъ поправился; но его здоровье не было крѣпкимъ и иногда возвращались припадки болѣзни. Это была его вина . . .

. . . . . .

. . . . . .

императрица. . . . . пригласила знаменитаго Вейкгарда [1]), котораго она давно уже, вслѣдствіе его славы, вызвала изъ Фульды въ Петербургъ. Онъ повиновался неохотно, потому что Ланской однажды очень невѣжливо выпроводилъ его отъ себя. По приказанію императрицы, онъ отправился, однако, съ ассессоромъ Кельхеномъ [2]) къ больному. Какъ только онъ увидалъ больнаго, онъ тотчасъ же сказалъ императрицѣ: «онъ умретъ въ этотъ же вечеръ». Вейкгардъ нашелъ, что у больнаго воспаленіе горла. Государыня не хотѣла этому вѣрить и усумнилась въ наукѣ врачей. Она утверждала, что близкая смерть немыслима, такъ какъ больной опять могъ говорить. Однако, Вейкгардъ былъ правъ. Воспаленіе горла сдѣлало свое дѣло. Ланской умеръ вечеромъ, 25-го іюня 1784 года, на 27 году [3]).

Такъ какъ онъ ни съ кѣмъ не былъ близокъ, то никто о немъ и не пожалѣлъ, кромѣ человѣколюбивой государыни, нѣжное сердце которой, всегда проникнутое чувствомъ дружбы, было глубоко опечалено потерей человѣка, котораго она привыкла ежедневно видѣть въ своемъ обществѣ и услуги котораго умѣла цѣнить. . . . . .

---

[1]) Вейкгардъ сталъ жертвою интриги. Въ Петербургѣ имъ вовсе не такъ дорожили, какъ онъ того заслуживалъ. Онъ очень грустилъ, что былъ вырванъ изъ своего счастливаго положенія. Его братъ — искусный врачъ въ Петербургѣ.

[2]) Кельхенъ—придворный медикъ и опытный врачъ.

[3]) См. „Русскій Архивъ“, изд. 1886 г., тетрадь 4-я, весьма подробныя и интересныя записки Вейкгарда о придворномъ значеніи, болѣзни и смерти Ланскаго. Ред.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . По смерти Ланскаго, императрица отправилась съ его сестрою, г-жею Курселевою [1]), въ Петербургъ, а оттуда въ Пеллу, маленькій, недостроенный загородный дворецъ близь столицы; но въ это лѣто она не возвращалась уже въ Царское Село.

Мечтательное, юношеское желаніе Ланскаго быть погребеннымъ въ какомъ либо романтическомъ мѣстѣ царскосельскаго сада было исполнено. Тѣло его похоронили въ саду и обозначили мѣсто могилы простою, но дорогою мраморною урною, которая была видна еще въ 1790-хъ годахъ. Тѣло оставлено было тамъ до зимы. Безнравственные злодѣи вынули тѣло изъ гроба, изуродовали его и старались осквернить память умершаго позорными пасквилями, изобличающими, однако, въ авторѣ большой умъ. Императрица, справедливо возмущенная этимъ, приказала положить гробъ въ церковь близъ-лежащаго городка Софіи, пока не была выстроена маленькая, но красивая капелла, въ которой его погребли и которую поэтому можно назвать мавзолеемъ избранника Ланскаго.

Великія милости, оказанныя императрицей Ланскому при жизни и по смерти его, объясняются, безъ сомнѣнія, его видимо неподдѣльною добротою сердца, его спокойною, никакимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ не тревожимою, жизнью и его нерушимо вѣрною преданностью священной особѣ императрицы. Извѣстно и подтверждено самою императрицею, что она никогда въ жизнь свою не встрѣчала примѣра такой вѣрности. Впрочемъ, его существованіе было вредно для многихъ въ Россійской имперіи, ни для кого не было полезно и для большинства безразлично. У него не было ни познаній, ни дарованій, которыя заставляли бы сожалѣть о немъ, и еще вопросъ—была-ли его вѣрность императрицѣ обдуманною добродѣтелью, естественнымъ настроеніемъ или искуснымъ обманомъ? Скрытое скряжничество лежало въ основѣ его характера и было рычагомъ его дѣйствій, направленныхъ лишь къ тому, чтобъ собрать несмѣтныя богатства, почетныя должности и знаки милости.

Если-бъ Ланской жилъ дольше, онъ превзошелъ бы всѣхъ выскочекъ. Онъ умеръ на 27 году и былъ уже генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, поручикъ кавалергардовъ, шефъ Троицкаго кираспрскаго полка и кавалеръ орденовъ

---

[1]) Мужъ этой дамы былъ сдѣланъ, по смерти Ланскаго, флигель-адъютантомъ и полковникомъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и живетъ (1808 г.) доходами съ своего большаго имѣнія.

св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Станислава, Сѣверной Звѣзды и св. Анны.

. . . . . .

Ланской сдѣлалъ императрицу наслѣдницею своихъ богатствъ, но государыня имѣла великодушіе предоставить наслѣдство его ближайшимъ родственникамъ [1]). Она оставила себѣ только картинную галлерею, неоцѣненное для знатока собраніе медалей, библіотеку, въ которой было много залежалаго товара, все серебро и на 400,000 рублей имѣній. Все это она купила у наслѣдниковъ на чистыя деньги. У него были прекрасныя имѣнія въ лучшихъ провинціяхъ имперіи. Его домъ [2])—лучшій въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, Ланской, по милости императрицы и противъ своей воли, лишь по смерти своей сталъ благодѣтелемъ своихъ родныхъ, для которыхъ онъ при жизни ничего не сдѣлалъ. Что онъ не раздавалъ своимъ роднымъ важныхъ должностей, къ чему они быть можетъ не имѣли и способностей, или не обогащалъ ихъ на счетъ казны — было бы очень похвально, еслибъ эта воздержность исходила изъ патріотизма; но было дурно, что онъ изъ своихъ собственныхъ богатствъ не улучшалъ ихъ положенія, и доказывало, что онъ не способенъ къ состраданію. Его сестеръ [3]) императрица назначила фрейлинами; братъ [4]) достигъ только подполковника. Онъ былъ имъ и въ 1790-хъ годахъ. Эта родня не видѣла отъ него никакой выгоды для себя, кромѣ того, что могла обѣдать за столомъ 30-ти, который сервировался для него отъ двора и за который онъ никогда не садился. Семь племянниковъ Ланскаго, въ томъ числѣ весьма достойные люди, могли добиться лишь весьма незначительныхъ мѣстъ въ арміи.

. . . . . Природа дала Ланскому прелестный видъ и стройный станъ. Его красота не передана на прекрасномъ изображеніи [5]) въ эрмитажѣ. Онъ представленъ въ красной и черной шитой серебромъ артиллерійской формѣ. Адъютанты императрицы имѣли

---

[1]) Именной указъ Екатерины II сенату отъ 7-го іюля 1784 г. (Архивъ, 1880, II, 151). В. Б.

[2]) Этотъ домъ находится (1808 г.) насупротивъ Зимняго дворца. Большой подъѣздъ и балконъ изъ прелестнаго сѣраго, бѣлаго и краснаго мраморовъ. Въ этомъ дворцѣ довольно обширный театръ, гдѣ даются обыкновенно нѣмецкія представленія.

[3]) Три сестры Ланскаго: Авдотья Дмитріевна была замужемъ за И. Л. Чернышевымъ, Елизавета Дмитріевна—за И. И. Кушелевымъ и Варвара Дмитріевна—за Н. М. Мацневымъ. В. Б.

[4]) Два брата—Степанъ Дмитріевичъ и Павелъ Дмитріевичъ. В. Б.

[5]) Изображеніе рѣзано на мѣди англичаниномъ Джемсомъ Уолкеромъ.

право носить всѣ формы, безъ различія, за исключеніемъ лишь морской. Вѣроятно, Ланской находилъ, что артиллерійскій мундиръ идетъ къ нему болѣе другихъ. Изображеніе поясное. Избранникъ изображенъ съ генералъ-адъютантской палочкой [1]) въ рукахъ, стоящимъ у стола, на которомъ поставленъ бюстъ императрицы и лежатъ рисунки.

Примѣч. переводчика: Александръ Дмитріевичъ Ланской, 1758—1784. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 218, 223, 224, 244, 252, 256, 282, 299, 300, 316, 317, 319, 322; XXVII, 185, 270, 331; XLII, 418); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 265, 313, 330); Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Русск. Ст.“, 1876, XVI, 45, 52); Письмо къ матери Ланского („Русск. Ст.“, 1879, XXVI, 151); Письма Безбородко („Русск. Ст.“, 1873, VIII, 732, 887; Сборникъ, XXVI, 281, 413); Записки путешествія Екатерины II, Воронцовъ, XIII, 17, 58, 114, 163; XXI, 245, 283; Храповицкій, 3, 10, 275, 525; кн. Щербатовъ, „Русск. Стар.“, III, 678; Энгельгардтъ, 38, 49, 52; Castera, II, 242, 273, 297, 454; Russie, 341, 354, 355, 377; Masson, 107, 294; Пикаръ, „Русск. Стар.“, XXII, 55; Карабановъ, IV, 391, 392; V, 137; Лордъ Мальмсбюри о Россіи (Архивъ, 1874, II, 179, 352, 778, 841, 1,031); Dohm, Русскій дворъ (Россія, 1879, III, 89); Александровъ, Послѣ кончины Ланского (Архивъ, 1880, II, 151); Бантышъ-К., Словарь, II, 264; Списки, 324; М. И. Семевскій, 102; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 167, 332; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 689; Herrmann, VII, 625. В. Б.

XCIX. АЛЕКСАНДРЪ ЕРМОЛОВЪ.

По смерти адъютанта Ланскаго, ... княгиня Дашкова (весьма желала приблизить ко двору одного изъ близкихъ ей лицъ); отъ ея ума и познаній можно было ожидать, что она предложитъ весьма даровитаго человѣка. Такъ и случилось. Соискателемъ на званіе флигель-адъютанта былъ ея сынъ [2]), юноша, подававшій большія надежды, обучавшійся въ Англіи подъ надзоромъ своей матери. Полковникъ князь Дашковъ [3]) обладалъ, дѣйствительно, многими любезными свойствами для общества и по внѣшнему виду былъ весьма представителенъ. Онъ даже понравился императрицѣ. Но этого было

[1]) Эта палочка была изъ чернаго дерева съ золотымъ набалдашникомъ, на которомъ эмалированъ императорскій орелъ.

[2]) Rulhière, IV, 325; Воронцовъ, XXI, 284. В. Б.

[3]) Князь Дашковъ вышелъ въ отставку генераломъ, женился и жилъ въ Москвѣ только для науки.

недостаточно. Князь Потемкинъ, зная безпокойный характеръ матери и опасаясь ея вліянія, отстранилъ его.

. . . . . .

Александръ Ермоловъ, русскій дворянинъ изъ хорошей, но не имѣвшей большаго значенія, фамиліи, былъ унтеръ-офицеромъ Семеновскаго гвардейскаго полка, когда князь Потемкинъ (въ февралѣ 1785 г.) назначилъ его, 22-хъ-лѣтняго юношу, своимъ адъютантомъ и представилъ его императрицѣ во время праздника.... Немного спустя онъ сталъ флигель-адъютантомъ императрицы . . . . . Ермоловъ, имѣвшій болѣе общеполезные и либеральные принципы, чѣмъ Ланской, держался совсѣмъ другой системы. Онъ помогалъ всѣмъ, насколько могъ, отчасти изъ своихъ средствъ, отчасти своимъ вліяніемъ, и не отпускалъ отъ себя никого, къ какому-бы состоянію проситель ни принадлежалъ, безъ удовлетворенія, если былъ убѣжденъ, что онъ того достоинъ. Но онъ при этомъ не злоупотреблялъ своимъ благоволеніемъ, такъ какъ его богатства были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что имѣли другіе избранники. Императрица могла положиться на его рекомендацію, такъ какъ онъ обладалъ знаніями и имѣлъ способность оцѣнивать людей, и не покровительствовалъ недостойнымъ. Для своихъ родныхъ онъ былъ благодѣтелемъ, но разумнымъ. Одному [1]) изъ нихъ, весьма дѣльному человѣку, онъ добылъ отъ императрицы въ подарокъ 50,000 руб.; другому [2]) самъ подарилъ 300 крестьянъ и далъ пенсію въ 1,500 рублей. Онъ принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, если могъ полагать, что его вмѣшательство поможетъ добру и помѣшаетъ злу. Благороднѣйшею его добродѣтелью была искренность. Она дѣлаетъ несчастными всѣхъ своихъ поклонниковъ и цѣнителей; то же она сдѣлала и съ Ермоловымъ. Ермоловъ полагалъ, что благоволенія къ нему государыни даютъ ему право указывать императрицѣ на небреженія и злоупотребленія князя Потемкина въ государственномъ управленіи. Онъ дѣлалъ это съ свойственною ему правдивостью и имѣлъ удовольствіе замѣтить, что его представленія производили чувствительное внечатлѣніе на умъ и сердце государыни. Чтобы не имѣть, однако, въ глазахъ императрицы, вида клеветника, онъ подтвердилъ свои обвиненія примѣромъ, который во всякомъ случаѣ былъ весьма невыгоденъ для славы князя. Бывшему

---

[1]) Его звали Левашевъ, онъ былъ флигель-адъютантъ, маіоръ гвардіи и генералъ-лейтенантъ. Павелъ I сдѣлалъ его генераломъ отъ инфантеріи. Еще прежде онъ былъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

[2]) Это былъ тоже Левашевъ, и именно тотъ, который отправился путешествовать съ Ермоловымъ.

крымскому хану [1]) была обезпечена, при занятіи Крыма, значительная пенсія. Князь Потемкинъ, какъ генералъ-губернаторъ Тавриды, долженъ былъ заботиться объ уплатѣ условленной суммы. Онъ, однако, такъ мало безпокоился объ этомъ, что бывшій ханъ нѣсколько уже лѣтъ ничего не получалъ. Ханъ жаловался, но ничего не добился. Тогда онъ обратился къ Ермолову, участіе котораго къ судьбамъ несчастныхъ ему очень хвалили. Ермоловъ принялъ жалобу и познакомилъ императрицу съ незаконными дѣйствіями Потемкина. Государыня сдѣлала князю справедливые упреки по этому поводу, не указавъ, однако, ему источника своихъ свѣдѣній. Потемкинъ скоро отгадалъ измѣнника и ожидалъ только случая, чтобы отомстить. Случай скоро представился. Однажды, за картами, Потемкинъ наговорилъ грубостей дядѣ Ермолова, генералу Левашову. Генералъ пожаловался племяннику, племянникъ императрицѣ, и императрица опять обратилась къ Потемкину съ упреками. . . . . Должно полагать, что Ермоловъ самъ желалъ этой перемѣны. Въ день восшествія на престолъ 1786 года—большой праздникъ въ Петергофѣ—онъ проявилъ необыкновенную веселость и сталъ относиться къ князю Потемкину съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ. То и другое противорѣчило его характеру и возбуждало крайнее удивленіе. Это поведеніе было послѣднимъ напряженіемъ его силы; Потемкинъ прижалъ его къ землѣ. Онъ испросилъ отъ императрицы опредѣленнаго рѣшенія, которое тотчасъ-же и послѣдовало. Ермоловъ часто уже говорилъ императрицѣ, что онъ предвидитъ кратковременность его избранничества, по примѣру своихъ предшественниковъ, и въ этомъ случаѣ онъ желалъ-бы только получить разрѣшеніе отправиться путешествовать. Императрица вспомнила теперь о такомъ его желаніи. Въ послѣдній вечеръ іюня, когда Потемкинъ испрашивалъ категорическаго рѣшенія императрицы, она послала генералъ-адъютанта къ Ермолову и дала ему разрѣшеніе отправиться заграницу на три года. Онъ съ радостью принялъ это предложеніе, черезъ нѣсколько-же часовъ оставилъ дворъ и отправился въ Петербургъ, откуда вскорѣ выѣхалъ заграницу съ своимъ родственникомъ, полковникомъ Левашевымъ.

Графъ Безбородко получилъ приказаніе выдать ему рекомендательныя письма во всѣ русскія посольства въ Германіи и Италіи. Ермоловъ поѣхалъ чрезъ Варшаву и Вѣну въ Италію, вездѣ велъ себя съ похвальною скромностью, которой всѣ удивлялись въ то время,

---

[1]) Ханъ Сабинъ-Херай былъ несправедливостями Потемкина вынужденъ бѣжать въ Константинополь, гдѣ и былъ удавленъ.

когда онъ былъ въ милости, и пріобрѣлъ обширныя познанія. По возвращеніи, онъ поѣхалъ въ Москву, сборище всѣхъ придворныхъ недовольныхъ и на половину или вполнѣ впавшихъ въ немилость. Но всюду, гдѣ онъ ни появлялся, его также цѣнили, какъ и на берегахъ Невы, и онъ вполнѣ это заслуживалъ.

Когда Ермоловъ покинулъ дворъ, онъ былъ не болѣе, какъ генералъ-майоръ и кавалеръ обоихъ польскихъ орденовъ.

. . . . . .

. . . . . .

Ермоловъ былъ очень уменъ и хотя не очень сообразителенъ, все же у него нельзя отрицать нѣкоторой сметки. При появленіи при дворѣ, онъ, кромѣ знанія французскаго языка, былъ почти невѣжда. Свободное отъ дѣлъ время онъ посвятилъ на пріобрѣтеніе научныхъ и политическихъ познаній. Заграницей онъ просвѣтилъ свой умъ вполнѣ. Высокая честность и откровенность, презирающая всякое сопротивленіе, были основными чертами его характера. Можно полагать, что оба эти качества, соединенныя съ расположеніемъ духа всегда мрачнымъ, часто граничившимъ съ ипохондріей, дѣлали его неспособнымъ быть . . придворнымъ, ... По отзыву всѣхъ знавшихъ Ермолова, его ростъ и бюстъ были превосходны и пропорціональны, и лицо его, исключая большой бѣлизны и негроваго носа, было очень красиво.

Примѣч. переводчика: Александръ Петровичъ Ермоловъ, 1754—1836. П. С. З. № 17606; Арх. Г. С. I, ч. 2, 444, 536; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXVII, 372); Мѣсяцесловъ на 1786 годъ, 6; Письма Екатерины II („Русск. Ст.“, 1871, III, 476); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 378; XXIX, 541); Воронцовъ, IX, 71, 110; XIII, 82, 111, 455; Щербатовъ, „Русск. Ст.“, III, 678; Зиновьевъ, 409; Castera, II, 300, 305, 312; Энгельгардтъ, 54; Ségur, I, 362, 418, 420; II, 318; Державинъ, 577; Записки гр. Комаровскаго (Осмнадц. вѣкъ, I, 322); Карабановъ, „Русск. Стар.“, V, 138; Отзывъ Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 127); Сочинен. Державина, изд. Грота, V, 503; IX, 666 Herrmann, VI, 630, 634, 635, 639; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 331. В. Б.

18102

С. АЛЕКСАНДРЪ МАМОНОВЪ.

Александръ Мамоновъ, происходившій изъ старой дворянской русской фамиліи, которая называлась, собственно говоря, Дмитріевъ-Мамоновъ, былъ капитанъ-поручикомъ гвардіи, когда палъ его предшественникъ Ермоловъ.

Какъ всѣ до сихъ поръ адъютанты императрицы избирались княземъ Потемкинымъ, такъ и Мамоновъ былъ имъ представленъ императрицѣ на другой день послѣ отъѣзда Ермолова. Извѣстно, что онъ послалъ его, какъ своего адъютанта, къ императрицѣ съ нарисованной фигурой, причемъ государыня и князь заранѣе условились, что критика рисунка будетъ означать оцѣнку его подателя. Екатерина, отдавая листокъ бумаги, приказала Мамонову сказать князю: «рисунокъ хорошъ, но колоритъ дуренъ». Хотя этотъ приговоръ былъ и не въ пользу Мамонова, императрица все таки назначила его полковникомъ и своимъ флигель-адъютантомъ.

Ему было тогда только 24 года, но онъ тотчасъ-же проявилъ такое стремленіе, которое позволяло уже догадываться о его будущемъ высокомѣрномъ поведеніи. Но прежде, чѣмъ предпринять что либо, онъ такъ умно укрѣпился во мнѣніи императрицы, что сталъ необходимѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ государыни. Вскорѣ посыпались знаки милости. Въ сентябрѣ онъ былъ уже прапорщикъ кавалергардовъ и генералъ-маіоръ. Въ октябрѣ польскій король прислалъ ему разомъ оба свои ордена (одинъ орденъ св. Станислава не принималъ уже ни одинъ знатный русскій). Мамоновъ отказался носить ихъ и просилъ короля дозволить ему сохранить у себя эти ордена и надѣть лишь послѣ полученія русскаго ордена. Затѣмъ онъ пошелъ къ наслѣднику и попросилъ у него орденъ св. Анны, который онъ и надѣлъ, богато усыпанный брилліантами, въ день св. Екатерины. Только послѣ этого онъ надѣлъ и польскіе ордена.

Съ января 1787 года началось знаменитое путешествіе императрицы. Мамоновъ сопровождалъ ее . . . . . .

. . . (Одинъ изъ художниковъ написалъ портреты Екатерины II и Мамонова) въ дорожныхъ костюмахъ [1]). Въ пути онъ постоянно сидѣлъ

[1]) Оба изображенія, которыя можно видѣть въ эрмитажѣ, рѣзалъ на мѣди Джемсъ Уолкеръ, и они продавались всюду. Подпись подъ изображеніемъ императрицы замѣчательна во многихъ отношеніяхъ:

Reconnois, vers le Nord, l'aimant qui nous attire,
Cet heureux conquérant, profond legislateur.

18102
Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

въ каретѣ императрицы, въ числѣ шести лицъ, причемъ другія постоянно мѣнялись. Когда путешественники прибыли въ Смоленскъ, онъ схватилъ обыкновенную болѣзнь—горловую. Императрица была такъ любезна, что оставалась въ Смоленскѣ со всѣмъ обществомъ шесть дней—обстоятельство, стоившее ежедневно 4,000 дукатовъ, вслѣдствіе одной заготовки лошадей, не считая другихъ громадныхъ издержекъ. Сверхъ того, это путешествіе было для него такъ удачно, что во время его онъ получилъ, между прочимъ, два полка и камергерскіе ключи.

Въ это-же время Мамоновъ началъ принимать участіе въ политическихъ переговорахъ. И могло-ли быть иначе? Ежедневно и ежечасно онъ видѣлъ посланниковъ Австріи, Франціи, Англіи, изъ которыхъ каждый хотѣлъ перетащить его на свою сторону и сообщить вѣрныя свѣдѣнія о двухъ остальныхъ. Въ его присутствіи императрица и князь всегда говорили о политикѣ. Наконецъ, во время этого путешествія, съ русской императрицей свидѣлись, ради политическихъ цѣлей, германскій императоръ и польскій король. Мамоновъ постоянно присутствовалъ, когда Екатерина II разговаривала съ Іосифомъ II; онъ былъ единственный свидѣтель бесѣды своей повелительницы съ Станиславомъ-Августомъ. Сверхъ того, императрица оказывала ему честь, сообщая многія секретныя свѣдѣнія, чтобы, какъ она говорила, преподать ему науку, которая, быть можетъ, понадобится ему въ будущемъ. Такъ какъ Мамоновъ былъ уменъ, то выказалъ при обученіи большую понятливость и скоро пріобрѣлъ обширныя политическія свѣдѣнія. Онъ самъ теперь началъ вставлять слово при обсужденіи внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, давать совѣты, которымъ нерѣдко слѣдовали. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ значеніе и сталъ опасенъ самому князю Потемкину. Ужъ онъ пытался было нѣсколько разъ свергнуть избранника, но всѣ эти попытки не произвели никакого дѣйствія. Конечно, князь скоро достигъ-бы своей цѣли, еслибы постоянно оставался въ Петербургѣ; Мамоновъ часто открывалъ свою слабую сторону и поразить его было не трудно. Такъ, напримѣръ,

---

Femme aimable, grand homme, et que l'envie admire,
Qui parcourt Ses Etats, y verse le bonheur.
Grande en l'art de regner, savante en l'art d'écrire,
Repandent la lumière, écartant les erreurs.
Si le sort n'avoit pû Lui donner un Empire,
Elle auroit eû toujours un Throne dans nos coeurs.

L'original se trouve dans la collection
de S. E. Mr. le Comte de Mamonow.

Стихи тогдашняго французскаго посланника графа Сегюра.

въ 1788 году, онъ вошелъ въ связь съ графиней Скавронской [1]), племянницей Потемкина, и эта связь становилась уже извѣстной. Но какъ только ему показали знаки неудовольствія, онъ тотчасъ-же прервалъ эту связь и велъ себя такъ умно, что значеніе его было еще больше, чѣмъ когда либо.

Въ первые шесть мѣсяцевъ 1789 года, которые были и послѣдними мѣсяцами нахожденія его въ милости, его кредитъ болѣе всего поднялся и онъ даже могъ стать вице-канцлеромъ. И онъ, конечно, сталъ-бы имъ, не смотря на сопротивленіе отсутствовавшаго князя Потемкина, еслибы только графу Безбородко, который тогда былъ не въ милости, можно было-бы дать подходящее мѣсто, такъ какъ графа Остермана хотѣли и весьма легко могли перевести на пенсію. Кто знаетъ, какъ все пошло-бы, еслибы Мамоновъ новою неосторожностью самъ не свергнулъ себя.

Въ послѣдніе дни іюня узналась его тайная связь съ княжною Щербатовою, фрейлиною императрицы. Государыня справедливо возмутилась этою связью. Она осыпала обоихъ справедливыми упреками и (чего они никакъ не ожидали) въ тотъ-же вечеръ помолвила ихъ. 12-го іюля праздновалась уже свадьба, въ Царскомъ-Селѣ, въ комнатахъ Мамонова, въ которыхъ онъ остался и послѣ свадьбы. На слѣдующій же день онъ долженъ былъ отправиться съ своею женою въ Москву и, пока жила императрица, не являлся въ Петербургъ.

Онъ и въ Москвѣ подвергался нѣсколько разъ непріятностямъ, потому что его взгляды казались правительству подозрительными. Но вскорѣ объ этомъ перестали и говорить, такъ какъ всѣ обвиненія остались недоказанными. Насколько намъ извѣстно, Мамоновъ живетъ еще и теперь (1808 г.) въ Москвѣ, спокойный и довольный своею супругою, чего не было въ началѣ ихъ брачнаго сожительства.

Когда Мамоновъ находился на вершинѣ своего благоволенія, онъ былъ нѣмецкій имперскій графъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, поручикъ кавалергардовъ, премьеръ-маіоръ Преображенскаго полка, шефъ казанскаго кираспрскаго полка и еще одного кавалерійскаго полка и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Станислава и св. Анны.

Его богатства были неисчислимы. Доходы съ однихъ его имѣній достигали 63,000 руб., къ чему нужно еще прибавить 2,700 крестьянъ въ прекрасномъ нижегородскомъ намѣстничествѣ. О суммахъ, полученныхъ имъ чистыми деньгами, мы можемъ сообщить лишь неполныя свѣдѣнія. . . . . .

---

[1]) Нынѣшняя (1808 г.) графиня Литта.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Покинувъ дворъ, Мамоновъ естественно потерялъ и всѣ жалованья и получилъ штатную ежегодную пенсію въ 10,000 рублей.

. . . . . .

. . . . . .

Читатели этой статьи замѣтили, конечно, что это своекорыстіе было главнѣйшимъ недостаткомъ въ характерѣ Мамонова. Къ этому присоединялись преимущественно гордость, суетность и неблагодарность. Довольно слабымъ противовѣсомъ имъ служили выдержка въ начатыхъ предпріятіяхъ и привязанность къ своей фамиліи; да и эти добродѣтели были, можетъ быть, только пружинами его своекорыстія, Тѣмъ драгоцѣннѣе его таланты. Мамоновъ, изъ всѣхъ лицъ его категоріи, былъ самый образованный. Онъ былъ очень уменъ, проницателенъ и обладалъ такими познаніями, что въ нѣкоторыхъ научныхъ отрасляхъ, особенно-же во французской и итальянской литературѣ, его можно было назвать ученымъ. Онъ понималъ нѣсколько живыхъ языковъ; на французскомъ-же говорилъ и писалъ въ совершенствѣ. Одною изъ незначительныхъ его заслугъ было составленіе комедій [1]), во вкусѣ Аристофана, съ злобно-насмѣшливою, легко понимаемою остротою. Острота, за которою онъ всегда гонялся, рѣдко бывала естественною, и потому часто неудачною. Обыкновенно она покоилась на обманчивомъ обезьяничаньи моральнаго поведенія того лица, которое онъ хотѣлъ осмѣять. Своему стремленію понравиться такимъ позорнымъ талантомъ онъ приносилъ въ жертву все, даже лицъ, которымъ онъ былъ обязанъ почтеніемъ. Какъ ни милъ былъ Мамоновъ въ обществѣ, когда хотѣлъ быть милымъ, онъ становился невозможенъ, когда бывалъ не въ духѣ, что, даже на офиціальныхъ куртагахъ, онъ старался скорѣе выказать, чѣмъ скрыть. Смотря по нуждѣ, онъ обходился со всякимъ вѣжливо, непринужденно или ласково. Наслѣднику и его супругѣ онъ оказывалъ величайшее почтеніе и вниманіе, которыя навсегда сохранили ему благоволеніе этой высокой четы.

Онъ былъ высокаго роста, но его лицо, за исключеніемъ глазъ, было вовсе некрасиво. Приговоръ императрицы о немъ, что колоритъ дуренъ, былъ столь-же справедливъ, какъ и мнѣніе князя

---

[1]) Онѣ помѣщены въ „Théatre de l'Hermitage“, изданномъ въ Парижѣ, 2 т., in 8°. Авторами этихъ пьесъ были: императрица, графъ Сегюръ, Кобенцель, Мамоновъ, Строгоновъ и извѣстный Эстадъ, который былъ казненъ въ Парижѣ. Лучшія пьесы принадлежатъ Сегюру.

Потемкина, утверждавшаго, что у Мамонова калмыцкая физіономія.

. . . . . .

По милости императрицы онъ весьма щедро заботился о своихъ родныхъ. Отецъ, имѣвшій до того какую-то должность въ провинціи, сталъ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Въ то же время императрица дала ему 80,000 рублей на уплату долговъ. Каждой изъ четырехъ сестеръ молодаго Мамонова государыня дала по 50,000 рублей чистыми деньгами и на 20,000 рублей драгоцѣнностей.

Примѣч. переводчика: Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, 1758—1803. П. С. З. № 17606, 17621, 17940, 17953, 18322, 18333, 18595; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 387, 392, 398; XXVII, 376, 458, 488, 494; XLII, 16, 22); Письмо Мамонова (Архивъ, 1865, 633); Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Русск. Стар“., 1876, XVI, 57, 262, 440; XVII, 29, 31, 33, 37, 207); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 413, 495); Воронцовъ, VIII, 60; X, 12; XIII, 163; Дипломатич. документы (Сборникъ, III, 366, 388); Отзывъ Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 128); Храповицкій, 12, 13, 39, 65, 79, 85, 93, 150, 197, 252, 290, 308, 337, 489; Щербатовъ, „Русск. Ст.“, 678; Гарновскій, его весьма интересныя записки въ „Русской Старинѣ“, томъ XV, 15, 17, 20, 23, 240, 244, 252, 255, 260, 262, 474, 480, 715; XVI, 8, 26, 208, 211, 399, 402, 420; Энгельгардтъ, 55, 64, 108; Castera, II, 314, 331, 379, 455; Ségur, I, 420, 421, 423; II, 86, 163; Masson, 108; Карабановъ, „Русск. Ст.“, IV, 386; Гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ („Русск. Стар.“, 1871, III, 687; V, 253, 461, 396; VI, 415; X, 35); К. П. Гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ („Русск. Стар.“, 1877, XVIII, 369); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 26; Лонгиновъ, Драматич. сочиненія Екатерины II, 23; Сочин. Державина, издан. Грота, VI, 521; IX, 696; Кичеевъ, Гр. М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ (Архивъ, 1868, 87); Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 330; Herrmann, VI, 639; VII, 639, 651, 652; Бантышъ-К., Списки, 234, 327; Долгоруковъ, II, 178, 319. В. Б.

CI. ЭККЪ.

Эккъ былъ нѣмецкаго или шведскаго происхожденія. Онъ былъ очень способный человѣкъ, что, въ связи съ довольно хорошимъ научнымъ образованіемъ, имъ полученнымъ, было для него очень полезно. Эккъ пріобрѣлъ весьма полезныя и пріятныя свѣдѣнія. Съ этимъ онъ соединялъ мѣткую остроту и веселый нравъ, такъ что его бесѣда была, въ одно и то-же время, и поучительна, и забавна. Онъ утерялъ это, однако, въ 1780-хъ годахъ, послѣднихъ годахъ его дѣловой жизни.

Эккъ въ молодости служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ и сталъ, наконецъ, оберъ почтъ-директоръ въ Петербургѣ и членъ такъ называемой дешифровочной экспедиціи [1]), которая стоила невѣроятныхъ суммъ, требовала большаго труда и точности, и все-таки дешифрирована больше комбинаціями и золотымъ ключемъ.

Онъ не могъ скопить состоянія; по крайней мѣрѣ, оно не могло быть значительно. Но большіе доходы и милость императрицы дозволяли ему покрывать большіе расходы по дому.

Онъ и его другъ Даль умерли одинъ вслѣдъ за другимъ. Эккъ умеръ въ концѣ 1780-хъ годовъ.

Эккъ былъ оберъ почтъ-директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Владиміра 3-й степени и Сѣверной Звѣзды [2]). Послѣдній онъ получилъ во время пребыванія въ Россіи короля шведскаго.

Примѣч. переводчика: Матвѣй Матвѣевичъ Эккъ. П. С. З., № 17,720; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 6, 113, 169, 219, 222, 229, 274, 412; XXIII, 111, 114; XXVII, 38, 199; XLII, 428); Спб. Вѣдомости, 1764, № 39; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 450, 507); Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 181); Бесѣда Екатерины II съ Далемъ (Русск. Старина, 1876, XVII, 3); Dohm, Русскій дворъ (Россія, 1879, 3, 88); Пикаръ, „Русская Старина“, I, 138. В. Б.

---

[1]) Дешифровочныя экспедиціи стоили императрицѣ большихъ суммъ (напримѣръ, рижская 20,000 рублей ежегодно) и были безцѣльны. Изъ ихъ труда получались лишь ненадежныя комбинаціи. Единственный или, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣйшій ключъ—все-таки золотой.

[2]) Когда великій князь Павелъ отправлялся путешествовать подъ именемъ графа Сѣверпаго, у Экка взяли орденъ Сѣверной Звѣзды, сдѣлали съ нея снимокъ, и имъ пользовался вел. князь во время своего путешествія.

СП. ДАЛЬ.

Даль, сынъ рабочаго на о. Эзелѣ или въ Ригѣ, пріобрѣлъ хорошій навыкъ въ счетѣ и письмѣ.

Это преимущество доставило ему мѣсто въ рижской таможнѣ. Здѣсь онъ выказалъ себя столь полезнымъ для казны, что сталъ директоромъ. Но онъ не долго оставался на этомъ мѣстѣ.

За свои заслуги онъ былъ переведенъ на такое же мѣсто въ Петербургѣ. Онъ занималъ свой постъ въ столицѣ, равнымъ образомъ, къ большому удовольствію государыни, но, конечно, не къ радости купцовъ, которые ненавидѣли его за крайнюю строгость.

Даль имѣлъ возможность во время службы накопить богатства и получить значительные подарки отъ великодушія императрицы. Доходами съ своего состоянія и значительными полученіями по службѣ онъ могъ поддерживать роскошную жизнь и ежедневно угощать знакомыхъ обѣдами. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого щедраго гостепріимства какъ въ Россіи; для чужестранца это, конечно, самая любезная и выгодная добродѣтель. Даль практиковалъ ее въ самомъ широкомъ смыслѣ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что онъ былъ старъ и хворъ. У него можно было встрѣтить, какъ за обѣдами большей части русскихъ, людей всѣхъ классовъ, и это разнообразіе еще болѣе возвеличивало цѣну гостепріимства.

Онъ былъ директоръ таможни, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра 2-го класса.

Примѣч. переводчика: Германъ Юрьевичъ фонъ-Даль, † 1789. Арх. Г. С., I, ч. 2, 619; Указы Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, III, 223); Мѣсяцесловъ на 1786 годъ, 121; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 450); Воронцовъ, V, 356; XIII, 42, 44, 104; Бесѣда Екатерины II съ Далемъ (Русск. Старина, 1876, XVII, 1); Храповицкій, 225; Winkelmann, 434. В. Б.

СП. СТЕПАНЪ ШЕШКОВСКІЙ.

Степанъ Шешковскій, человѣкъ низкій по происхожденію, образованію и нраву, былъ въ царствованіе Екатерины II ужасомъ двора и города. Эта государыня назначила его директоромъ тайной канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, великимъ инквизиторомъ Россіи; эту обязанность онъ исполнялъ съ страшною строгостью и точностью. Онъ дѣйствовалъ съ возмутительнымъ деспотизмомъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о снисхожденіи, ни о пощадѣ. Шешковскій самъ хвалился, что обладаетъ средствомъ выпытывать сознаніе: онъ билъ палкою по подбородку, такъ что зубы трещали и даже выпадывали. Подъ страхомъ смертной казни ни одинъ обвиняемый не могъ защищаться. Необходимо замѣтить, что такъ обходились лишь съ лицами высокопоставленными, потому что преступники изъ простаго званія допрашивались подчиненными ему помощниками. Вотъ какими средствами Шешковскій заставлялъ сознаваться! Онъ же самъ приводилъ въ исполненіе и наказаніе знатныхъ лицъ. Онъ часто наказывалъ палками и розгами. Битье кнутомъ онъ производилъ съ такою ловкостью, какая дается только продолжительнымъ упражненіемъ. Когда Потемкинъ возвратился послѣ долгаго отсутствія въ Петербургъ и замѣтилъ, въ числѣ встрѣчавшихъ его, Шешковскаго, онъ громко спросилъ его:

— Сколько лицъ ты самъ билъ кнутомъ въ мое отсутствіе?

Шешковскій имѣлъ настолько стыда, что отвѣчалъ отрицаніемъ на эту «милостивую» шутку. По случаю каррикатуръ и пасквилей въ 1780-хъ годахъ въ руки Шешковскаго попали и нѣкоторые придворные. Въ Петербургѣ онъ имѣлъ постоянныя занятія, но онъ употреблялся и внѣ резиденціи. Если, напр., что случалось довольно часто, среди недовольныхъ въ Москвѣ слышались неприличныя рѣчи и императрица узнавала объ этомъ, она полагала, какъ въ 1790-хъ годахъ, что открыла зародышъ заговора, и старалась уничтожить его, для чего посылала туда Шешковскаго. Вся Москва трепетала и дѣло, послѣ наказанія кое-кого, опять оставлялось. Мы не считаемъ приличнымъ называть мужчинъ и дамъ, наказанныхъ имъ въ обоихъ главныхъ городахъ. Если Шешковскій живъ еще [1]), онъ, по крайней мѣрѣ, сп-

---

[1]) Шешковскій умеръ въ 1794 году. В. Б.

дитъ безъ дѣла при человѣколюбивомъ Александрѣ I. Въ концѣ царствованія Екатерины II онъ былъ тайный совѣтникъ съ титуломъ превосходительства, и кавалеръ ордена св. Владиміра 2-й степени. Его богатства были очень велики, такъ какъ онъ, при всякомъ случаѣ, получалъ подарки деньгами и крестьянами. Въ 1793 году, при заключеніи турецкаго мира, вовсе не касавшагося Шешковскаго, онъ получилъ пенсію въ 2,000 рублей.

Шешковскій имѣлъ сына [1]), отличавшагося познаніями, добрыми намѣреніями и пріятнымъ обращеніемъ.

Примѣч. переводчика: Степанъ Ивановичъ Шешковскій, 1720—1794. П. С. З., № 18,333; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 158, XLII, 297); Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 87); Комисія Уложенія (Сборникъ, IV, 12); Письма Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, I, 81, 125, 127, 132; „Русск. Старина", 1875, XIV, 452); Воронцовъ, XV, 12; Храповицкій, 70, 192, 409; Гарновскій, „Русская Старина", томъ XV, 701; Державинъ, 637, 641; Castera, II, 371; Карабановъ, „Русская Старина", томъ V, 138; Разсказы де-Санглена („Русская Старина", 1883, XL, 144); Писаніе Невзорова Поздѣеву (Библіогр. Зап., I, 651, 653); Шешковскій („Русск. Старина" 1874, X, 781); Калачовъ, о Шешковскомъ (Архивъ, 1866, 263); Радищевъ, С. И. Шешковскій (Русск. Старина, 1870, II, 637); Проповѣдникъ тобольской семинаріи (Кашпиревъ, III, 403); Братья Чоглоковы (Кашпиревъ, III, 331); Поповъ, Описаніе Александро-невской лавры, 111; Ефремовъ, Лукинъ и Ельчаниновъ, Спб., 1868, 507; Сапговъ, 150. В. Б.

CIV. РАДИЩЕВЪ.

Говорить правду сильнымъ міра сего всегда составляло вѣрнѣйшій путь къ несчастію.

Своими познаніями, своими добродѣтелями и своею дѣловитостью Радищевъ заставилъ позабыть свое ничтожное происхожденіе. Онъ имѣлъ случай обучаться въ Лейпцигѣ и былъ тамъ настолько прилеженъ, что, дѣйствительно, можно сказать, онъ собралъ цѣлый кладъ свѣдѣній въ нѣмецкой, французской и латинской литературѣ. Эта ученость была тѣмъ заслуженнѣе, что Радищевъ соединялъ съ нею скромность, какую рѣдко можно встрѣтить.

---

[1]) Иванъ Степановичъ Шешковскій, 1763—1818, дослужился до бригадира. Его сестра, Марья Степановна, была за тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ Митусовымъ В. Б.

По возвращеніи изъ Саксоніи, онъ опредѣлился въ таможенное вѣдомство и оставался въ немъ до момента своей высылки. Онъ былъ достоинъ занимать высшія мѣста въ государствѣ, но умный человѣкъ годится и на незначительномъ мѣстѣ. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ дѣльный, то скоро получилъ высшія мѣста въ таможнѣ и былъ послѣ Даля директоромъ. Домъ Даля былъ единственнымъ домомъ, гдѣ бывалъ Радищевъ. Онъ говорилъ очень мало и рѣдко прежде, чѣмъ его спросятъ. Но когда имѣлъ поводъ, онъ говорилъ хорошо и всегда весьма поучительно. Впрочемъ, онъ всегда былъ сосредоточенъ и имѣлъ видъ человѣка, не обращающаго никакого вниманія на то, что происходитъ вокругъ него, и занятаго предметомъ, который онъ обдумываетъ. Кромѣ того, онъ посѣщалъ небольшое литературное общество графа Александра Воронцова и его сестры, княгини Дашковой—двухъ лицъ, весьма замѣтно выдѣлявшихся своимъ умомъ и познаніями среди вельможъ двора. Сверхъ того, Радищевъ имѣлъ еще весьма важное разрѣшеніе посѣщать графа Воронцова, такъ какъ этотъ министръ былъ тогда собственно первымъ и важнѣйшимъ начальникомъ таможеннаго вѣдомства.

По смерти Даля, Радищевъ сталъ директоромъ таможни и статскимъ совѣтникомъ. Орденъ св. Владиміра 4-й степени онъ получилъ, будучи еще коллежскимъ совѣтникомъ. На своемъ новомъ мѣстѣ онъ оставался недолго. Въ маленькой книжной лавкѣ большихъ торговыхъ рядовъ, на Владимірской улицѣ, подъ № 21, 22 или 24-мъ, продавалась небольшая русская книжка подъ заглавіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». На этомъ пути автору снился сонъ, который онъ и разсказываетъ. Онъ говорилъ по этому случаю съ большою откровенностью о дѣлахъ тогдашняго государственнаго управленія, которыя вовсе были не пригодны для оглашенія ихъ въ истинномъ свѣтѣ. Между тѣмъ, всѣ лица были выведены въ книгѣ подъ вымышленными именами, но въ одномъ случаѣ (и онъ-то погубилъ Радищева) императрица была названа: предъ императрицей появляется истина подъ покрываломъ, поднимаетъ его и показываетъ государынѣ свое окровавленное лицо. Книга расходилась бойко, потому что была написана прелестнымъ, острымъ языкомъ. Всякій, хотя немного знакомый съ тогдашними дѣлами, могъ безъ ключа разгадать намеки. Въ нѣсколько дней было раскуплено множество экземпляровъ. Объ этомъ узналъ Шешковскій. Онъ взялъ книгу, объяснилъ, какъ всякій, скрытыя имена и сдѣлалъ доносъ императрицѣ [1]). Всѣ находившіеся

---

[1]) Сочиненія Державина, изд. Грота, VIII, 692. В. Б.

еще въ складѣ экземпляры были конфискованы, лавка закрыта и собственникъ загубленъ. Это было сдѣлано тайкомъ, но о немъ никогда уже болѣе не было слышно. Отъ него же было узнано, что авторъ книги Радищевъ. У него былъ сдѣланъ обыскъ и открылось, что онъ же и напечаталъ книгу. Всѣ, знавшіе Радищева, также удивились этому, какъ и пожалѣли о судьбѣ, его ожидавшей. Находили, что это предпріятіе вовсе не соотвѣтствуетъ его извѣстной осторожности. Если бы онъ только не называлъ императрицы въ этой книгѣ, его нельзя было бы изобличить въ зломъ намѣреніи. Вѣроятно, онъ полагалъ, что его не откроютъ, такъ какъ онъ жилъ въ отдаленной части города, въ Ямской, и происходившее въ его домѣ не могло быть наблюдаемо, такъ какъ онъ все дѣлалъ самъ и не имѣлъ помощниковъ и такъ какъ отдалъ книгу въ маленькую лавку, гдѣ торговля не бросается въ глаза. Между тѣмъ все дѣло до мельчайшихъ подробностей стало извѣстно тайной полиціи. Такому опытному сыщику, какъ Шешковскій, были открыты даже мысли; избѣжать его рукъ было немыслимо. Несчастный Радищевъ попалъ въ его лапы. Вскорѣ прошелъ слухъ, что онъ сосланъ въ Сибирь. Это было въ началѣ 1790-хъ годовъ. Бо́льшая часть петербуржцевъ забыла уже о немъ, когда, два года спустя, о немъ вновь заговорили. Несчастный, хотя и въ Сибири, содержался довольно сносно. Начальникъ того мѣста, гдѣ содержался Радищевъ, былъ человѣкъ добраго сердца; восхищенный бесѣдою Радищева, онъ предоставилъ ему всевозможныя вольности, въ томъ числѣ и употребленіе письменныхъ принадлежностей. Радищевъ, одержимый стремленіемъ всегда, даже и безъ вызова, говорить правду или, лучше, писать правду, опять написалъ произведеніе, подобное первому, и отправилъ рукопись, но куда—мы не знаемъ. Несчастный опять былъ открытъ. Его отправили за нѣсколько сотъ верстъ далѣе, въ болѣе строгое заточеніе, лишили его любимыхъ занятій и всѣхъ удобствъ. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ.

Екатерина II, болѣе человѣчная, чѣмъ Потемкинъ, который въ большей части книги могъ прочесть свою собственную исторію, приняла участіе въ оспротѣвшихъ дѣтяхъ Радищева и озаботилась воспитаніемъ ихъ.

Эта исторія имѣла вліяніе и на защитниковъ Радищева, графа Воронцова и княгиню Дашкову. Объ ихъ связи съ нимъ было извѣстно всѣмъ. Ихъ обвиняли въ участіи въ книгѣ, и они должны были защищаться передъ тайной инквизиціей. Они не были наказаны, но утеряли свое значеніе въ глазахъ императрицы и, мало по малу, должны были удалиться и отъ двора, и отъ дѣлъ.

Конфискаціей книги все-таки не помѣшали тому, чтобъ она стала извѣстна. Въ Россіи появились списки съ этой книги и нѣсколько экземпляровъ проникло даже заграницу. «Die Orakel zu Endor» сообщаетъ много мѣстъ, составляющихъ извлеченія изъ этой книги.

Примѣч. переводчика: Александръ Николаевичъ Радищевъ, 1749—1802. П. С. З., №19,647; Арх. Г. С., I, ч. 1, 593; ч. 2, 737; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XLII, 84; Архивъ, 1872, 547; Сочиненія Екатерины, изд. Смирдина, III, 392); Допросъ Радищеву (Воронцовъ, V, 430); Рапортъ иркутскаго намѣстническаго правленія (Русск. Стар., 1872, VI, 436); Повинная Радищева (Воронцовъ, V, 423); Рескриптъ Павла I (Русск. Старина, 1882, XXXVI, 499); Прошеніе Радищева (Чтенія, 1862, IV, 197); Письма Радищева (Сборникъ, X, 113; Воронцовъ, V, 284, 381, 404; XII, 411); Радищевъ, Житіе Ушакова (Осмнадц. вѣкъ, II, 296); Его-же, Записка о торговлѣ съ Китаемъ (Воронцовъ, V, 390); Его-же, Письмо къ другу (Русск. Старина, 1871, IV, 294); Разборъ „Путешествія“, писанный Екатериною II (Воронцовъ, V, 407); Воронцовъ, V, 220, 401, 402; IX, 181, 212, 231; X, 5; XIII, 104, 199, 201; XXI, 299; Изъ письма иркутскаго намѣстника (Воронцовъ, XXIV, 214); Храповицкій, 339, 340, 344; Ильинскій, III, 415; Castera, II, 371; Masson, 229; Записки Селивановскаго (Библіогр. Зап., I, 518); Изъ семейнаго архива села Вытебити (Архивъ, 1870, 932, 945, 947, 950, 953); Карабановъ, 484; Лонгиновъ, Источники для изученія Радищева (Архивъ, 1868, 1816); Лонгиновъ, Замѣтки (Архивъ, 1863, 448; Библіогр. Зап. II, 539); Радищевъ, А. Н. Радищевъ (Русскій Вѣстн., 1858, XVIII, 379); А. Н. Радищевъ (Чтенія, 1865, III, 67); Шугуровъ, Радищевъ и его книга (Архивъ, 1872, 927); Н. Радищевъ, А. Н. Радищевъ (Русск. Стар., 1872, VI, 573); Незеленовъ, А. Н. Радищевъ (Истор. Вѣстн., 1882, XII, 1); Сухомлиновъ, Радищевъ (Сборн. акад. наукъ, XXXII, № 6); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 120; Евгеній, II, 139; Бантышъ-К., Словарь, IV, 258; Кн. Голицынъ, Современныя извѣстія о Радищевѣ (Библіогр. Зап., I, 729); Лонгиновъ, Кутузовъ и Радищевъ (Современникъ, 1856, VIII, 147); Проза Пушкина (Библіогр. Зап., II, 161); Новиковъ, „Живописецъ“, 1772, 33; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 722; Сантовъ, 110.

В. Б.

CV. ГЕРМАНЪ.

Человѣкъ, происходившій изъ простаго народа и возвысившійся, мало по малу, только своими талантами и своею храбростью, заслуживаетъ, конечно, почтенія націи, которой онъ принесъ плоды своего ума и характера.

Германъ былъ сынъ деревенскаго кузнеца изъ Преща въ Саксоніи. Онъ изучалъ на родинѣ богословіе и затѣмъ отправился съ рекомендаціями въ Лифляндію, гдѣ получилъ мѣсто дворецкаго. Его баринъ, которому онъ заявилъ о своей страсти къ военной службѣ, одобрилъ его намѣреніе стать солдатомъ и добылъ ему вскорѣ первый военный чинъ. Германъ сталъ извѣстенъ генералу Бауеру, который, замѣтя въ немъ способнаго и предпріимчиваго малаго, отдалъ его въ ученіе и доставилъ ему выгодное мѣсто. Онъ не разъ отличался и былъ щедро награждаемъ. Во вторую турецкую войну ему посчастливилось взять въ плѣнъ извѣстнаго Баталъ-Бея [1]) анатолійскаго. За эту побѣду, не стоившую большаго труда такому человѣку, какъ Германъ, онъ получилъ 500 крестьянъ въ Финляндіи. Въ каждой другой провинціи это былъ бы весьма значительный подарокъ, но въ этой каменистой странѣ онъ ничтоженъ. Гораздо славнѣе было то, что онъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія 2-й степени. Генералъ Бауеръ [2]) и онъ были единственными лицами, которыя начали получать ордена св. Георгія 2-й степени.

---

[1]) Баталъ-бей былъ уже старикомъ, когда имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ. Онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ, по великодушію императрицы, пенсію въ 12,000 рублей. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ недоволенъ своею судьбою и, по его характеру, причина этого была весьма естественна. Передъ войною онъ зарылъ всѣ свои драгоцѣнности, при чемъ ему помогали двое его вѣрныхъ слугъ. Но этотъ старый злодѣй, изъ опасенія, что они выдадутъ его тайну, убилъ обоихъ слугъ, которые по праву могли бы назваться его друзьями. Баталъ-бей имѣлъ вскорѣ причины раскаяться въ этомъ позорномъ убійствѣ. Явились русскіе, подъ предводительствомъ Германа, и взяли его въ плѣнъ. Онъ былъ увезенъ и долженъ былъ потерять свои сокровища, которыя иначе стали бы добычей врага. Онъ не могъ бы оставить ихъ своимъ дѣтямъ, такъ какъ дѣти никогда не получили бы ихъ отъ турокъ; взять ихъ самъ онъ также не могъ, потому что при заключеніи мира онъ не былъ обмѣненъ, а при обмѣнѣ лишился бы головы.

[2]) Бауеръ былъ великій инженеръ и стяжалъ большія заслуги въ украшеніи Петербурга. Онъ умеръ въ началѣ 1780-хъ годовъ.

Павелъ I назначалъ его въ губернаторы Мальты, чѣмъ онъ, конечно, не могъ стать. Еще много разъ Германъ доказалъ свои военные таланты.

Богатствъ онъ не собралъ, но знаковъ отличія добылъ много. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ былъ генералъ-лейтенантъ, генералъ квартирмейстеръ и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, св. Анны и большаго креста 2-й степени Георгія.

Живъ ли онъ еще, намъ неизвѣстно.

Его жена была дочь статскаго совѣтника и знаменитаго гидравлическаго архитектора Гергардта.

Примѣч. переводчика: Иванъ Ивановичъ Германъ, П. С. З., № 17,606; Арх. Г. С. I, ч. 1, 817, 828, 986; ч. 2, 785; Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 433); Журналъ кампаніи по кавказской линіи (Отеч. Зап., 1825, XXIV, 352); Воронцовъ, X, 60, 64, 65; XX, 421; Энгельгардтъ, 117, 214, 216; Вейдемейеръ, Дворъ, II, 77; Бантышъ-К., Словарь, II, 23; Списки, 331; Карабановъ-Долгоруковъ, 188; Де-Пуле, Литва въ исходѣ XVIII вѣка (Осмнадц. вѣкъ, IV, 135, 195, 201).

В. А. Бильбасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ѲЕОДОСІЙ ЯНОВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

III [1]).

Въ 1718-мъ году Ѳеодосій возвратился изъ заграничнаго путешествія; возвратившись въ С.-Петербургъ, онъ пользовался уже полнымъ довѣріемъ Петра и Екатерины, и ему не страшенъ и не опасенъ былъ новопріѣзжій, въ С.-Петербургъ, по вызову Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ, имѣвшій, впослѣдствіи, весьма велikое вліяніе на судьбу Ѳеодосія. 1718-й годъ особенно важенъ въ исторіи нашего отечества отстраненіемъ царевича Алексѣя Петровича отъ престолонаслѣдія. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и его приближенные считали Ѳеодосія лютеранином и лютеранскимъ апостоломъ въ Россіи. Царевичъ о Ѳеодосіи, бывшемъ въ 1718 г. невскимъ архимандритомъ, говаривалъ: „развѣ-де за то батюшка его любитъ, что онъ вноситъ въ народъ люторскіе обычаи и разрѣшаетъ на вся“ [2]). Алексѣй Петровичъ на допросѣ отвѣчалъ: „что онъ говаривалъ вышеозначенныя слова, кромѣ того слова, что люторскіе обычаи“. Приближенные Алексѣя Петровича выписали изъ Полтавской благодарственной службы на литіи стихъ, начинающійся словами: „врагъ креста Христова“ и пѣвали его къ лицу архимандрита Ѳеодосія, называя его намѣрнымъ стихомъ; при томъ прибавляли, что когда будутъ его ставить въ архіереи, то пригоже будетъ пѣть это на облаченьи. А учитель

---

[1]) Главы I, II и начало III главы см. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LV, іюль, стр. 1—34.

[2]) См Ист. Петра В. Устрялова, т. VI, стр. 245—248.

царевича, Никифоръ Вяземскій, съ нотою оный стихъ написалъ и говаривалъ, что я бы-де пять рублевъ далъ пѣвчимъ, чтобъ то пропѣть для того, что онъ иконъ не почитаетъ.

18-го іюня 1718 года, по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, потребовалось мнѣніе духовенства. Духовенство подало такое мнѣніе, что дѣло о царевичѣ принадлежитъ суду гражданскому, а не духовному, и потому сказало: „что въ волѣ государя поступить, какъ ему благоугодно: если по дѣламъ и по мѣрѣ вины захочетъ наказать падшаго, есть образцы въ ветхомъ завѣтѣ; если же благоволитъ помиловать, имѣетъ образъ самого Христа, Который принялъ кающагося блуднаго сына и отпустилъ жену, по закону побіенія достойную: милости, сказалъ, хощу, а не жертвы“. Таково мнѣніе духовенства, въ числѣ 14 человѣкъ, высказанное 18-го іюня 1718 года; во главѣ духовенства это мнѣніе подписали: митрополитъ рязанскій, Стефанъ Яворскій и другіе, въ числѣ ихъ и Ѳеодосій, троицкій александро-невскій архимандритъ [1]). Ѳеодосій участвовалъ и въ погребеніи царевича Алексѣя Петровича 30-го іюня 1718 года [2]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ Алексѣй Петровичъ не жаловалъ Ѳеодосія, такъ и Ѳеодосій не былъ на сторонѣ царевича, между тѣмъ, какъ Стефанъ Яворскій любилъ царевича и видѣлъ въ немъ надежду Россіи.

О сочувствіи къ лишенію престолонаслѣдія царевича Алексѣя Петровича, Ѳеодосій не замедлилъ отозваться Петру письмомъ, отъ 27-го февраля 1718 года: „раболѣпно доношу вашему величеству, санктпетербургскіе церковники, любезно пріявъ и облобызавъ премѣну наслѣдства всероссійскаго престола отъ царевича Алексѣя Петровича до государя царевича Петра Петровича, желаютъ увѣдать, ради единомышленнаго согласія, о возношеніи имени его, государя царевича Петра Петровича, въ церковныхъ пѣніяхъ. Послѣдовательно или предварительно первому, хотя и видится быти пристойно премѣнить или вовсе первое отложить, кромѣ собственнаго вашего величества повелѣнія никто не смѣетъ, а въ Москвѣ въ церковныхъ пѣніяхъ какъ отправ-

---

[1]) См. Ист. Петра В. Устрялова, т. VI, стр. 264.
[2]) См. Ист. Петра В. Устрялова, приложеніе 186, стр. 539.

ляется, въ С.-Петербургѣ о томъ невѣдомо, благоволите о семъ нижайшихъ рабовъ вашихъ увѣдомить“ [1]).

Въ 1718-мъ году, по дѣлу царевича, государь приказалъ Ѳеодосію отрѣшить отъ Петропавловскаго собора весь причтъ, начиная съ протопопа Георгія до церковныхъ причетниковъ, а на ихъ мѣста опредѣлить другихъ добрыхъ людей немедленно. И Ѳеодосій, по своему усмотрѣнію и выбору, переселялъ доброжительныхъ и ученыхъ священниковъ въ С.-Петербургъ, не стѣсняясь ни ихъ желаніемъ, ни согласіемъ мѣстныхъ архіереевъ [2]).

Въ 1719-мъ году, уже по смерти митрополита Іова, Ѳеодосій далъ грамоту священнику Ямбургской церкви архангела Михаила, Константину Ѳедорову, назначенному управителемъ духовныхъ дѣлъ или благочиннымъ по Ямбургу съ уѣздомъ и по Копорью, съ изложеніемъ его обязанностей. Въ ней есть значительныя отмѣны и дополненія противъ грамоты митрополита Іова. Въ ней выступаютъ ужъ элементы духовнаго регламента [3]). Въ этой грамотѣ Ѳеодосій требуетъ отъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ совершенія вечерни, утрени и литургіи повседневно, во всякой трезвости и проч.... О богохульникахъ и о противникахъ святѣй церкви требуетъ доносить въ Невскомъ монастырѣ не мотчавъ. Да ему-жъ смотрѣть, чтобъ православныя-жъ христіанскія вѣры люди изображали на себѣ крестное знаменіе во имя святыя Троицы, первыми тремя персты десныя руки и проч....

Священники другихъ уѣздовъ, слыша о разосланной инструкціи, приходили въ недоумѣніе: исполнять-ли ее или нѣтъ?

Въ 1720-мъ году, 22-го августа, назначены были духовные управители въ городъ Шлиссельбургъ и на Котлинъ островъ, и снабжены такими же строгими и невыполнимыми инструкціями, какая дана Ямбургскому управителю. Кромѣ этихъ инструкцій,

---

[1]) См. стр. 264 и 265 ст. Есипова: „Чернецъ Ѳедосъ“.

[2]) См. письмо Ѳеодосія къ П. А. Толстому, отъ 2-го декабря 1718 года; въ Госуд. Архивѣ, дѣла царя Алексѣя. Кипинскій розыскъ, карт. XII, № 127. Также Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 80.

[3]) См. приложенія III—IV кн. „Духа Христіанина“, 1863—1864 гг., стр. 15 и слѣд., ст. Чистовича: „О распространеніи христіанской вѣры въ предѣлахъ с.-петербургской епархіи, инструкціи Ѳеодосія духовнымъ закащикамъ“.

И. М.

всѣмъ управителямъ дана была еще другая, дополнительная: о содержаніи чистоты церковной. Любопытно въ этой инструкціи правило, чтобы какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви не умножать свѣчъ возженныхъ. Дается наставленіе, какъ чистить иконостасъ, какъ месть церковный полъ, какъ мыть окна церковныя и алтарныя, престолъ и жертвенникъ отъ праха и паутины обметать, а сосуды священные чистить священнику самому въ седмицѣ дважды, какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви, иконъ домовыхъ закоптѣлыхъ и никакихъ не ставить (понеже церковь святая иконами изрядными, какъ надлежитъ, украшена). Какъ администраторъ, ѳеодосій снабжалъ духовенство строгими и невыполнимыми инструкціями, за которыя не долюбливало его подчиненное ему духовенство.

Въ 1719-мъ году, какимъ-то неразъяснимымъ чудомъ гудѣли по ночамъ въ церквахъ колокола. Петръ I, вообще, не жаловалъ чудесъ, а этотъ чудесный гулъ волновалъ народъ и подавалъ случай къ пустымъ, глупымъ толкамъ. Петръ былъ въ это время на олонецкихъ заводахъ, и ѳеодосію поручено было разузнать объ этомъ дѣлѣ. Вотъ его письмо къ Петру, отъ 8-го февраля 1716 года: „Раболѣпно поздравляю вашему величеству благополучно начатымъ вами минеральной воды куромъ, который даждь Боже съ пріобрѣтеніемъ здравія совершивъ здраво и мирно возвратиться и за дѣло князь Баса [1]) и Салваера приниматься.

„При семъ доношу вашему величеству про гудѣніе новгородское въ церквахъ, про которое донесено вамъ отъ г. графа Мусина [2]), ради котораго изволили вы повелѣть архимандрита Деревяницкаго призвать и увѣдомиться о томъ подлинно, который, прибывъ въ С.-Петербургъ, сказывалъ, что было у нихъ въ монастырѣ, въ церкви деревянной, въ которой повседневнаго [3]) возслѣдованія не отправляютъ и въ городѣ въ нѣкоторыхъ церквахъ каменныхъ, генваря 7-го дня, во время утренняго пѣнія, напримѣръ, въ часу 4-мъ или 5-мъ пополуночи, услышали

---

[1]) Т. е. Ивана Михайловича Головина—адмирала.

[2]) Т. е. Пушкина.

[3]) Письмо это въ отрывкахъ приводится и у С. М. Соловьева, см. XVI томъ его Исторіи, стр. 364 и 365. С. М. Соловьевъ говоритъ, что ѳеодосій подобнымъ письмомъ старался заискивать расположеніе царя къ себѣ.

И. М.

различныхъ гласовъ гудѣніе на подобіе органныхъ трубъ, двухъ басовъ и прочихъ тоншихъ, которое слышно было до дневнаго свѣта не въ маломъ разстояніи, по скаскѣ помянутаго архимандрита, въ дальнихъ монастырской слободы домѣхъ, напримѣръ, какъ на полверсты, а въ городскихъ не столь слышно, о чемъ оный архимандритъ обстоятельно сказалъ въ сенатской палатѣ предъ сенатомъ и подалъ за своею и другихъ слышавшихъ оное гудѣніе того монастыря монаховъ и бѣльцовъ руками скаску. И ежели оное не натурально и не отъ злохитраго человѣка ухищренно, котораго люди домыслиться не могли, то не отъ Бога. Толкованіе такое можетъ приложиться: ибо чему бы оное безсловесное гудѣніе человѣковъ учило, можетъ всякъ имущій умъ разсудить. Явѣ, яко отъ противника, который, по писанію святому, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити, рыдаетъ, яко прелесть его изгонится отъ народовъ россійскихъ: первое изъ кликушъ чрезъ Петра Великаго; второе, чрезъ новоприданные въ хиротонію архіерейскую отъ тогожъ пункты, дабы иконъ не боготворили и тамъ ложныхъ чудесъ не вымышляли; третіе, изъ раскольщиковъ, о которыхъ исправленіи прилежное тщаніе имѣетъ той же Петръ. А противникъ, хотя обновить прежнюю свою прелесть, которую прежде при иконѣ Богородичной на Тихвинѣ чрезъ нѣкоего Юрыша и тому подобныхъ прелестниковъ и кликушъ въ простомъ народѣ разсѣвалъ, какъ въ той бабской гисторіи обрѣтается, чему послѣдовали суевѣрные и не простаки. Такъ (мнится) и нынѣ при такой же иконѣ, понеже помянутая въ Деревяницкомъ монастырѣ, въ которой оное гудѣніе было, церковь во имя Тихвинской иконы, такожде тщится оную свою прелесть обновить и утвердить, а наипаче въ томъ народѣ, который паче прочихъ Россійскихъ къ тому издавна приклонный. Прочее пространно бредить со страхомъ для кура оставляю и за сіе всесмиренно прошу прощенія“ [1]).

Мы замѣчали выше, что Ѳеодосій не забывалъ и матеріальнаго благосостоянія своего Александроневскаго монастыря. При

[1]) Заключеніе письма: „Вашего величества нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ Ѳеодосій архимандритъ. Отъ С.-Петербурга, изъ монастыря Невскаго, 8-го февраля 1719 г.“, см. Каб. П. В., кн. 41, 1719 г., л. 647—659. И. М.

его содѣйствіи отписаны были къ Невскому монастырю часть вотчинъ отъ Сергіевскаго монастыря и Новгородскаго архіерейскаго дома. Въ 1719 году Ѳеодосій выпрашиваетъ у государя указъ, чтобы обращать на строеніе невскаго монастыря келейныя вещи и денги, оставшіяся послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ. 17-го апрѣля 1719 года, Ѳеодосій писалъ къ государю о разныхъ монастырскихъ и церковныхъ дѣлахъ слѣдующее:

„Всемилостивѣйшій государь! Прошлаго 1718 года, доносилъ вашему величеству въ Москвѣ казанской вице-губернаторъ о келейныхъ преставльшагося Самсона, митрополита астраханскаго, деньгахъ, которыя вы изволили опредѣлить на строеніе въ Невской монастырь, дабы нынѣ повелѣно было собственнымъ вашего величества милостивѣйшимъ указомъ оныя деньги и прочія важную цѣну имущія вещи, по описи Михаила Чирикова, изъ Астрахани достать въ Невской монастырь; а ежели тѣ деньги и прочія вещи расхищены, или куда на не государственные расходы употреблены, или что на оныя куплено, сыскавъ собрать и купленное прислать въ помянутой монастырь безъ утайки. Такожде и прочихъ епархій преставляющихся архіереевъ келейныя деньги и вещи собирать бы, для поспѣшенія строенія въ помянутой же монастырь, въ помощь государственной казны; понеже суммы не малой для великаго и регулярнаго и поспѣшнаго строенія помянутой монастырь будетъ требовать. А изъ помянутыхъ выморочныхъ денегъ и вѣщей нѣкоторыя промежъ рукъ и туне пропадаютъ [1]). Подобное распоряженіе Ѳеодосія не могло нравиться архіереямъ и архимандритамъ. Они считали это оскорбленіемъ братства, да и видѣли, что эти поборы идутъ не столько на церковное строеніе, какъ на другіе расходы.

30-го апрѣля 1719 года, Ѳеодосій писалъ письмо къ императрицѣ, съ просьбою о присылкѣ въ новоначатый въ Невскомъ монастырѣ огородъ сѣмянъ огородныхъ „не ради чего инаго, только чтобъ вѣрны были во всходѣ, а ежели изъ ряду взять, то опасно, чтобы земли даромъ невсходныя сѣмена не заняли“ [2]).

---

[1]) Каб. Петра В., кн. 41, л. 647—659. У Чистовича, стр. 81 его книги: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

[2]) Госуд. Архивъ. Собраніе писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I-й.

Устроившись самъ, Ѳеодосій вспомнилъ и о родныхъ. Въ маѣ 1719 года, онъ просилъ государя о своихъ родственникахъ, чтобы дать имъ вотчины на пропитаніе. „Всемилостивѣйшій государь, писалъ онъ Петру I, благоутробно услыши моленіе раба твоего. Обличаетъ мя писаніе святое, которое глаголетъ тако: аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть и невѣрнаго горши есть. Мнѣ же инаго промышленія о оныхъ нѣтъ, токмо припасть ко щедротамъ вашего величества; понеже имѣю сродниковъ ближнихъ, не яко отъ единыя крови, но отъ единыя утробы, которые обрѣталися и обрѣтаются въ службѣ вашего величества, и иные и животъ свой въ оный положили и отъ потомковъ ихъ тогожъ надѣяться можно; а вотчинъ и помѣстій за ними, кромѣ зѣло скудныхъ ихъ усадебъ, нѣтъ ни единаго двора и живутъ въ крайнемъ мизерствѣ. Того ради припадая прилежно, молю ваше всемилостивѣйшее величество, да повелится онымъ на пропитаніе дать хотя дворовъ нѣсколько крестьянъ изъ дворцовыхъ или изъ выморочныхъ прочіихъ помѣщиковъ, въ Смоленскомъ уѣздѣ, дабы и ябъ грѣшникъ, противъ моего званія, ради оныхъ моихъ сродниковъ въ чемъ не погрѣшилъ“ [1]).

Просьба Ѳеодосія о родственникахъ была уважена Петромъ, такъ какъ Ѳеодосій пріобрѣлъ въ это время полную довѣренность и любовь Петра.

Въ 1719 году, Ѳеодосій, по церковной администраціи, стоялъ выше всѣхъ архіереевъ. Довольно указать на одинъ докладъ его государю, въ этомъ году, чтобы понять его могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направленіе его понятій. Это—докладъ о крестовыхъ (или домовыхъ) священникахъ и волочащихся монахахъ. Тогда

---

[1]) См. Каб. Петра В., II отдѣл., кн. 41, л. 647—659. У Ѳеодосія былъ братъ Леонтій, которому вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ, въ 1719 году, отданы были описныя деревни въ Мещевскомъ уѣздѣ, Внедоходовскомъ стану, село Ольха, да деревня Воробьевка съ пустошьми, по переписнымъ книгамъ 19-ть дворовъ, по этой, вѣроятно, просьбѣ Ѳеодосія. По ссылкѣ же Ѳеодосія въ 1725 году, по указу ея импер. величества, каковъ состоялся въ правительствующемъ сенатѣ, велѣно оныя отданныя деревни отписать на ея императорское величество (см. К. П. В., II отд., кн. 76, 1725 года, листъ 72, челобитную гофмаршала Шепелева государынѣ, о надѣленіи его Ѳеодосовымъ и его брата Леонтія Яновскаго недвижимымъ имуществомъ со всѣмъ, что ко оному принадлежитъ (челобитная отъ 26-го сентября 1725 года). И. М.

еще продолжалось обыкновеніе у дворянъ, купцовъ и посадскихъ людей имѣть крестоваго попа. Эти попы были весьма часто бѣглые, а большею частію удаленные отъ мѣстъ—бродящіе. Они приставали не рѣдко къ расколу и были самыми ревностными его распространителями. О нихъ-то и поданъ былъ докладъ ѳеодосіемъ государю. „О священникахъ крестовыхъ учинить бы предѣлъ, кому держать, кому не держать; понеже отъ оныхъ многое безчиніе и унять ихъ невозможно. И ежели кому позволится, крестоваго попа держать, дабы той господинъ повиненъ былъ приходскимъ своимъ священникамъ дать такой же трактаментъ, какой оному крестовому на годъ даванъ будетъ, и за всякое его безчиніе обязанъ бы былъ отвѣтствовать. А ежели никому не позволится, штрафовать бы оныхъ волочащихъ поповъ чѣмъ тяжкимъ, хотя на время и до каторжной работы, дабы прочіе страхъ имѣли и безъ отпусковъ своихъ архіереевъ не волочились. На заставахъ заказать бы накрѣпко, дабы поповъ и чернецовъ, хотя и начальныхъ, которые не позваны будутъ и отъ своихъ архіереевъ не явятъ пропусковъ, къ С.-Петербургу не пропускать, такожде и нищихъ волочагъ, понеже и отъ тѣхъ не малое зло въ людяхъ бываетъ. Изъ сената послать бы указы ко всѣмъ архіереямъ, дабы они по своимъ епархіямъ заказали накрѣпко, чтобъ безъ ихъ вѣдома и собственной руки, всякаго духовнаго чина, какъ подначальные, такъ и начальные, въ С.-Петербургъ приходить не дерзали; а ежели не такъ, то отъ волочагъ оборониться не возможно“ [1]).

Всѣ подобнаго рода рѣзкія мѣры, говоритъ Г. В. Есиповъ [2]), ловить, хватать, ссылать въ каторгу, налагать штрафъ, были въ духѣ того времени, и ѳеодосій былъ въ полной милости Петра во все время его царствованія.

ѳеодосій дѣйствовалъ рѣшительно и въ духѣ Петра не только надъ попами и прочими церковными служителями, но и надъ раскольниками. Онъ предлагалъ Петру всегда мѣры рѣзкія и сильныя. Сохранилась его записка о знаменитыхъ Выгорѣцкихъ раскольникахъ Андреѣ и Семенѣ Денисовыхъ: „учитель злый и главный раскольщиковъ, Андрей Денисовъ, которому въ его ученіи послѣдуютъ народа

---

[1]) См. Каб. Петра В., кн. 41 (II отд.), 1719 г., л. 657 и 658.
[2]) См. его статью: Чернецъ ѳеодосъ, стр. 268.

многія тысячи; а именно, въ городахъ и уѣздахъ Юрьевца-Повольскаго, въ Балахнѣ, въ Шуѣ, въ Суздалѣ, въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, многіе и въ Москвѣ, который въ своемъ богомерзкомъ ученіи весьма не исцѣленъ, а водворяется оный въ Заонежье и приходитъ на Олонецъ ради своихъ потребъ и до коменданта Вилима Геника небоязненно. Да братъ тогожъ нрава и ученія, Семенъ Денисовъ, который былъ пойманъ у новгородскаго митрополита Іова, да ушелъ изъ-за караула, тамъ-же живетъ и разсѣеваетъ свое плевельное ученіе“ [1]). Резолюція на сію записку Ѳеодосія послѣдовала такая: „сіе дѣлать тогда, когда его царское величество будетъ у Геника на заводахъ“.

Къ этому времени относится письмо Ѳеодосія къ Алексѣю Васильевичу Макарову [2]), въ которомъ Ѳеодосій проситъ Макарова „роздать въ С.-Петербургѣ и по епархіямъ безденежно сочиненную книжку, службу праведной Елисаветы, матери Предтечевой и супруги святаго пророка Захаріи, которой напечатано въ С.-Петербургской типографіи 600 экземпляровъ. По поводу письма Ѳеодосія къ Макарову, послѣдній приказалъ отдать Ѳеодосію, для отсылки ко всѣмъ архіереямъ безденежно, книжки о празднествѣ на день тезоименитства государыни царевны Елисаветы Петровны, и денегъ за эти книжки Невскому архимандриту, въ количествѣ шестидесяти рублей, въ С.-Петербургскую типографію не платить, по указу ея величества государыни царицы“ [3]).

Ѳеодосій собиралъ со всей Россіи лучшихъ монаховъ для Невскаго монастыря „въ надежду архіерейства, чтобы здѣсь жили, и можно бы знать, чтобъ такихъ не поставить, какъ тамбовскій и ростовскій были“ [4]). Это распоряженіе страшно взволновало малороссійскіе монастыри. На переселеніе въ С.-Петербургъ монахи смотрѣли въ ту пору, какъ на ссылку въ Сибирь, а монастыри — какъ на самую тяжкую повинность и отдѣлывались отъ нея всѣми способами. Отъ 3-го апрѣля 1719 года, сохранилась записка Ѳеодосія государю слѣдующаго содержанія [5]).

---

[1]) См. Каб. Петра В., кн. 41 (II отд.), л. 655.

[2]) Отъ 29-го маія 1719 г., см. К. П. В., кн. 41, листъ 651.

[3]) См. Каб П. В., кн. 41, л. 652.

[4]) Полн. собр. закон. Т. V, № 3239.

[5]) См. Каб. П. В., кн. 41, л. 653—654, гдѣ перечисляются не явившіеся изъ разныхъ монастырей 12 человѣкъ. И. М.

„По имянному царскаго величества указу велѣно въ Троицкой Александро-Невской монастырь взять въ прибавокъ и для отправленія на корабли доброжительныхъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ изъ другихъ монастырей 40 человѣкъ, изъ которыхъ въ Невской монастырь прибыли только 28 человѣкъ, а 12-ть не явились“ [1]). Кому бы ни принадлежало это распоряженіе, но какъ исполнителемъ его былъ Ѳеодосій, то на него же и обрушился ропотъ монаховъ и монастырскихъ властей. Намъ извѣстно письмо Тихона, митрополита казанскаго, отъ 24-го марта 1719 года, къ государю, съ требованіемъ возвратить ему казначея іеромонаха Алексѣя Раевскаго, который взятъ былъ въ Невскій монастырь [2]). Петръ I-й уважилъ просьбу казанскаго митрополита; Ѳеодосій Яновскій писалъ по этому случаю къ Алексѣю Васильевичу Макарову, секретарю кабинета, отъ 23-го сентября 1719 года, изъ Невскаго монастыря: „его царское величество имяннымъ своимъ повелѣніемъ указалъ архіерейскаго казанскаго дома казначея іеромонаха Алексѣя, который былъ въ Россійскомъ флотѣ, отпустить изъ Невскаго монастыря въ Казань ради обученія новокрещенныхъ изъ черемисскаго народа и другихъ таковыхъ же ради привожденія ко благочестію [3]). А о посылкѣ къ Казанскому архіерею и той губерніи губернатору, дабы въ томъ дѣлѣ оному іеромонаху Алексѣю чинили вспоможеніе, указъ учинить изволь ваше благородіе по своему разсмотрѣнію“.

Ѳеодосій былъ и самъ по себѣ заносчивъ и не уживчивъ, не умѣлъ ладить съ людьми; а своимъ надменнымъ тономъ и властительскимъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла онъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ и нажилъ себѣ враговъ повсюду, между свѣтскими и духовными, знатными и простыми, въ бѣломъ духовенствѣ и монашествующемъ.

Онъ самъ понималъ свое положеніе и просилъ государя уволить его отъ дѣлъ и отпустить на покой — на безмолвіе. „Всемилостивѣйше доношу вашему величеству мизерный, — писалъ онъ къ государю, — умножишася паче власъ главы моея нена-

---

[1]) См. также К. П. В., кн. 47, л. 354—355, гдѣ помѣщенъ реестръ доброжительнымъ іеромонахамъ, которые вызывались въ Невскій монастырь; реестръ дополненъ и іеродіаконами, также доброжительными и немолодыми.

[2]) См. кн. 41 Каб. Петра В. 1719 г., л. 179 и 180.

[3]) См. Каб. Петра В., кн. 41, л. 656. И. М.

видящіи мя туне, а причины, за которыя ненавидятъ, суть сія. Изъ духовныхъ: 1) за приказаніе духовныхъ дѣлъ, мимо архіереевъ, въ резидующемъ семъ мѣстѣ; 2) за взятье изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ доброжительныхъ священниковъ и діаконовъ къ Санктпетербургскимъ церквамъ, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ; 3) рязанскій архіерей за конференцію о поученіи его, на которой изъ духовныхъ, кромѣ его, былъ только я, гдѣ и приразился, поборая по правдѣ, немало оному. Изъ недуховныхъ: 4) за приписаніе изъ новгородской епархіи нѣкоторыхъ монастырей и Сергіева монастыря вотчинъ къ Невскому монастырю; 5) за взятье изъ домовъ архіерейскихъ и лучшихъ монастырей, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ, доброжительныхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а именно, судей, келаревъ, казначеевъ, соборныхъ старцовъ и прочіихъ чиновныхъ и нечиновныхъ лучшихъ въ Невскій монастырь; 6) за перемѣну тихвинскаго архимандрита.

„Изъ недуховныхъ принципальныхъ и не принципальныхъ персонъ: 7) за крестовыхъ и прочіихъ волочащихся поповъ, старцевъ и старицъ, которыхъ предостерегалъ, чтобъ не держали; 8) за раскольниковъ, которыхъ помѣщики и не помѣщики знатніи защищаютъ, и сами раскольники злорѣчатъ; 9) за Ивана Синявина, которой во флотѣ оберъ-іеромонаху и другому іеромонаху обиду учинилъ, за которыхъ, по должности моей, а по просьбѣ ихъ, просилъ сатисфакціи, гдѣ надлежитъ, которая не токмо не учинена, но и враждебно противъ оныхъ и меня поступаютъ.

„Изъ всего поспольства: 10) за свѣчи по церквамъ всуе жегомыя, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ чрезъ потребу не жгли [1]); 11) за пречистыя тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лекарство аптекарское здравымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи, причастивъ единою, оставляли-бъ непричастныхъ до познанія добра и зла. И иныхъ причинъ къ помянутой ненависти набралось бы много, но не вмѣстятся на сей бумагѣ. Изъ которыхъ ненавистниковъ многіе вредятъ всякимъ злорѣчіемъ, не токмо

[1]) См. Инструкціи Ѳеодосія духовнымъ закащикамъ въ „Духѣ христіанина, 1863—1864 г.“, кн. 3 и 4; прилож. стр. 15—19. И. М.

въ народъ и между собою, но и предъ вашимъ величествомъ, и сумнѣваюся, негли и поврежденъ давно.

„Того ради, припадая къ милосердію вашего величества, прилежно молю: да будетъ повелѣно мнѣ въ черническомъ безмолвіи, да не горше что безвинно постражду. Вашего величества всенижайшій, всеблагожелательный молитвенникъ, Ѳеодосій мизерный“ [1]).

Вмѣсто увольненія на покой, Петръ приказалъ Стефану Яворскому поставить еко въ новгородскіе архіепископы. Собственноручное письмо Петра I къ Стефану Яворскому о нареченіи Ѳеодосія архіепископомъ новгородскимъ писано 31-го декабря 1720 года [2]).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1720 года, кабинетный секретарь, Макаровъ, при письмѣ къ Ѳеодосію, отправляетъ къ послѣднему для освидѣтельствованія въ служеніи, привезеннаго изъ Арзамасскаго уѣзда дьякона Игнатія Григорьева, по указу его царскаго величества [3]). Ѳеодосій свидѣтельствовалъ голосъ означеннаго дьякона и его служеніе и на письмѣ же Макарова, на другой сторонѣ, написалъ слѣдующія строки: „по сему освидѣтельствованъ, и хотя по дальной дорогѣ (Арзамасъ въ Нижегородской губерніи), однако, голосъ ядренъ и будетъ годенъ въ службу, а до опредѣленія своего чтобъ оный не ходилъ здѣсь со святымъ кошелемъ по грѣшному миру, въ томъ на вашу дышкрецію полагаю, такожде и о квартирѣ. Ѳеодосій архимандритъ своеручно. 27-го марта 1720 года [4])“. Объ этомъ же діаконѣ Ѳеодосій писалъ собственноручное письмо къ государю. „Вѣдѣніе дому владыцѣ. Вручаяй сіе вашему величеству, по чину православно-каѳолическія церкви исправися, и елико безписменному возможно должности изучися, точію дабы имѣлъ къ молитвамъ соборнымъ и домовнымъ, такожде и къ тайнамъ церковнымъ принуждателя. Вашего величества всеблагожелательный рабъ и молитвенникъ Ѳеодосій черноризецъ“ [5]).

---

[1]) См. Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 81 — 83. Сол., т. XVI, стр. 366, и каб. дѣла, II отд., № 41 (по Чистовичу).

[2]) См I томъ опис. докум свят. син., X приложеніе, 15 письмо.

[3]) См. Каб. П. В., кн. 47, л. 353, письмо отъ 27-го марта.

[4]) Кн. 47, л. 353, К. П. В. II отд.

[5]) См. Каб. П. В., кн. 47, л. 348. И. М.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1720 года, Ѳеодосій писалъ Алексѣю Васильевичу Макарову, что іезуитъ меншой, чрезъ гетмана Збуринскаго, подалъ царскому величеству панигирикъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, который въ Невскомъ монастырѣ переведенъ на русскій языкъ и поданъ мною царскому величеству; государь при поданіи изволилъ обѣщать означеннаго выше іезупта наградить презентомъ, до сихъ поръ ничѣмъ не награжденъ, извольте доложить, чтобъ оному іезуиту для чести царскаго величества что ни есть подарено было по обыкновенію монарховъ [1]). По сему письму Ѳеодосія выдано іезуиту 20 червонцевъ въ 10-й день іюля 1720 г.

Въ кабинетныхъ бумагахъ Петра Великаго [2]), сохранились двѣ записки Ѳеодосія о братѣ его родномъ Леонтіи, Михайловѣ сынѣ, Яновскомъ, котораго Ѳеодосій проситъ чрезъ Макарова вызвать изъ Смоленска въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ состоялъ смоленскаго гарнизона драгуномъ, а прежде служилъ въ рязанскомъ драгунскомъ полку. Вызовъ брата въ С.-Петербургъ въ 1720 году объясняется полученіемъ во владѣніе помѣстья, которое выхлопоталъ себѣ Ѳеодосій у государя въ 1719 году для своихъ родныхъ, о которомъ мы упоминали уже выше и которымъ владѣлъ Ѳеодосій совмѣстно съ своимъ братомъ Леонтіемъ, до отнятія отъ нихъ сего помѣстья, по ссылкѣ Ѳеодосія въ Корельскій монастырь.

Въ 1720 году, отъ 19-го іюля, Ѳеодосій писалъ кабинета секретарю Макарову о женкахъ, которыя, по касающимся въ канцеляріи Невскаго монастыря дѣламъ, по правиламъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ, за прелюбодѣйныя ихъ дѣла отрѣшены отъ ихъ мужей и осуждены въ работу, прося приказать отдать ихъ на Калашниковые заводы господину лейтенанту комисару Белеутову; кто же именно эти женки и за какія вины въ работу осуждены въ кабинетныхъ бумагахъ вѣдѣнія нѣтъ, хотя объ этомъ вѣдѣніе было приложено къ письму Макарова [3]).

При основаніи Александро-Невскаго монастыря, при Ѳеодосіи Яновскомъ, Петръ Великій повелѣлъ быть при немъ госпиталю для инвалидовъ, и на содержаніе его назначилъ доходы

[1]) См. Каб. Петра В., кн. 47, л. 3.9 и 350.
[2]) См. Каб. П. В., кн. 47, л. 351 и 352.
[3]) См. Каб. П. В., кн. 47, л. 350.

съ приписныхъ къ монастырю вотчинъ Иверскаго [1]) и Московскаго новодѣвичьяго монастырей [2]). Въ госпиталь поступали военные чины, заслужившіе милость государя и не могущіе трудиться за старостію и болѣзнями. Тѣ изъ нихъ, которые были еще въ силахъ, имѣли разныя занятія по вотчинамъ; офицеры наблюдали за порядкомъ при церковныхъ службахъ въ монастырѣ. Число призрѣваемыхъ доходило до 20 и больше.

Ѳеодосій, будучи еще архимандритомъ Александро-Невскимъ, близко сошелся съ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, членами учрежденной тогда тайной канцеляріи и главными ея дѣятелями. По всѣмъ дѣламъ, гдѣ были замѣшаны духовные,—а такихъ дѣлъ было много,—по дѣламъ раскольниковъ, Ѳеодосій участвовалъ въ засѣданіи тайной канцеляріи, допрашивалъ обвиненныхъ, увѣщевалъ раскольниковъ, руководилъ распоряженіями куда сослать, въ какой монастырь, и большею частію хлопоталъ, чтобъ подальше и заточить покрѣпче. По дѣламъ тайной канцеляріи видно, что въ Невскомъ монастырѣ у Ѳеодосія была своя тюрьма, свои караульные и часовые для охраненія колодниковъ, присылаемыхъ къ нему для допроса или увѣщанія изъ тайной канцеляріи. Отсюда выпускалъ онъ ихъ съ своими донесеніями въ застѣнки Петропавловской крѣпости [3]).

Въ званіи Александро-Невскаго архимандрита, съ 1712 по 1720 г., Ѳеодосій, какъ мы видѣли, уже пользовался полною довѣренностію и любовію государя, и, по церковной администраціи, стоялъ выше всѣхъ архіереевъ.

И. Я. Морошкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) 3,067 дворовъ и 13,811 душъ, принадлежавшихъ Иверскому и приписнымъ къ нему монастырямъ, приписано было къ Александро-Невскому монастырю (см. выпускъ 8-й Историко-статист. свѣд. о С.-Петербургской епархіи, стр. 504, въ статьѣ: Алекс.-Нев. лавра).

[2]) См. выпускъ 8-й, Алекс.-Нев. лавра, стр. 509, 1884 г. И. М.

[3]) См. Люди стараго вѣка, ст. Г. В. Есипова, Чернецъ Ѳедосъ, стр. 263—264. И. М.

ССЫЛЬНЫЕ И ЗАТОЧЕННЫЕ ВЪ ОСТРОГЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

Болѣе трехъ вѣковъ Соловецкій монастырь служилъ мѣстомъ ссылки; много людей за это время перебывало въ немъ, въ его мрачныхъ казематахъ, а между ними людей глубокихъ убѣжденій, крѣпкой вѣры и страстной любви къ истинѣ, людей изъ ряда вонъ выдающихся и своими заблужденіями, и силою своего характера. Въ монастырь ссылались люди не столько съ цѣлью наказанія, сколько—исправленія и наставленія на путь истинный; ссыльные были не столько преступники, сколько, какъ выразился императоръ Александръ Павловичъ, люди, имѣющіе несчастіе впасть въ духовное заблужденіе. Ссыльные были весьма различны какъ по характеру своихъ преступленій, такъ и по своему происхожденію: ссылались туда бунтовщики, государственный преступникъ и пьяный монахъ, религіозный сектантъ и разгулявшійся не въ мѣру отеческій сынокъ, знатный вельможа и не помнящій родства бродяга. Рѣдкая изъ религіозныхъ сектъ Россіи не имѣла своего представителя въ стѣнахъ Соловецкаго острога. Каждая историческая эпоха клала свой отпечатокъ на составъ соловецкихъ ссыльныхъ: на ихъ составѣ сказывалось къ чему тяготѣла общественная мысль въ данный періодъ времени. Въ эпоху религіознаго броженія, во время и послѣ Никона, являлись въ ссылку разные порицатели никоновскихъ реформъ и пророки антихристова пришествія; эпоха неустойчивости государственной власти послѣ Петра даетъ цѣлую серію разныхъ произносителей „важныхъ и непристойныхъ словъ“; начало настоящаго, эпоха мистицизма, выбрасываетъ въ Соловки ярыхъ, но неумѣлыхъ защитниковъ православія въ духѣ мистицизма, борющихся противъ массонства и вольномыслія, наконецъ, даже соціальное броженіе послѣднихъ лѣтъ оставило свое клеймо на Соловецкой тюрьмѣ.

Настоящій очеркъ составленъ по архивнымъ документамъ, хранящимся въ архивѣ и частью въ ризницѣ Соловецкаго монастыря. Къ сожалѣнію, много дѣлъ, касающихся какъ состава ссыльныхъ, такъ и ихъ положенія въ Соловкахъ, утрачено, а потому я не могу дать полной исторіи соловецкой ссылки, но только страницы изъ нея, вѣрнѣе,—исторію съ вырванными страницами.

Письменныя извѣстія о ссыльныхъ начинаются съ половины XVI ст., но за это время ихъ только два; въ XVII ст. они находятся въ бо́льшемъ количествѣ, но очень кратки, какъ относительно преступленій ссыльныхъ, такъ и ихъ состоянія въ монастырѣ. Въ XVIII ст. извѣстія дѣлаются полнѣе и только съ начала XIX ст. они начинаютъ сообщать точныя свѣдѣнія о ссыльныхъ. Изъ всего мною видѣннаго я выбралъ существенное, относящееся до преступленія и строгости содержанія ссыльныхъ. Отписки монастырскаго начальства о ссыльныхъ я почти не приводилъ, но взамѣнъ этого позволю себѣ сообщить именныя вѣдомости о ссыльныхъ, относящіяся къ 1786, 1835 и 1855 гг., изъ которыхъ видно будетъ и количество арестантовъ въ разное время, и отношеніе къ нимъ начальства.

Предпославъ общій историческій очеркъ положенія ссыльныхъ въ Соловкахъ, я сообщу ихъ списокъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ наболѣе характерныхъ данныхъ, относящихся какъ до ихъ преступленій, такъ и положенія ихъ въ ссылкѣ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою искреннюю благодарность уважаемому редактору „Русской Старины“, Михаилу Ивановичу Семевскому, за указаніе въ выборѣ историческаго матеріала, и настоятелю Соловецкаго монастыря, архимандриту Мелетію, за доставленіе мнѣ возможности пользоваться дѣлами соловецкихъ архива и ризницы.

М. А. Колчинъ.

I.

Значеніе монастыря какъ мѣста ссылки.

Среди сѣвернаго нелюдимаго Бѣлаго моря лежитъ группа острововъ; на одномъ, бо́льшемъ изъ нихъ, стоитъ Соловецкій монастырь (основанный въ 1437 году), окруженный высокою крѣпостью изъ дикаго камня. До времени прибытія преподобныхъ старцевъ Савватія и Зосимы, Соловецкій островъ былъ совершенно необитаемъ, лишь въ лѣтнее время окрестные поморы пріѣзжали туда для ловли рыбы и морскихъ звѣрей. Съ тѣхъ поръ, какъ поселившіеся на этомъ пустомъ островѣ св. отцы своимъ подвижничествомъ прославили себя и мѣсто, гдѣ они обитали, на Соловецкій островъ начали стекаться всѣ, кто желалъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, бѣжать изъ міра. Изъ этихъ бѣглецовъ міра образовалась и до сихъ поръ образовывается соловецкая монашеская община. И не даромъ. Соловецкій

монастырь для людей, бѣгающихъ міра, самое желанное мѣсто. Соловецкій островъ, лежащій подъ 65° 1′ с. ш. и 53° в. д., доступенъ для сообщенія только съ мая по сентябрь, а остальные восемь мѣсяцевъ въ году окруженъ плавающими льдами, препятствующими всякому сообщенію съ міромъ. Въ зимніе восемь мѣсяцевъ переѣздъ съ острова на матерую землю сопряженъ съ величайшею опасностью; лишь изрѣдка, въ экстренныхъ случаяхъ, взросшіе среди сѣверныхъ льдовъ поморы нѣсколько разъ въ зиму, съ опасностью жизни, пріѣзжаютъ въ монастырь.

Соловецкій островъ имѣетъ въ длину 25 верстъ и въ ширину 16. Почва его состоитъ изъ крупнаго песку въ перемѣшку съ громаднаго размѣра булыжниками. Поверхность его холмистая, изрѣзанная безлѣсными болотами и множествомъ прѣсноводныхъ озеръ. Озера эти, имѣющія очень затѣйливыя, извилистыя формы, представляютъ для незнакомаго съ мѣстностью такой лабиринтъ, изъ котораго трудно выбраться. Одному арестанту Дружинину въ 1753 году удалось ускользнуть изъ крѣпостнаго каземата, и побѣгъ сдѣлался неудачнымъ только потому, что бѣглецъ заплутался между озерами и, мучимый голодомъ, попался снова въ руки ищущихъ его людей. Отсутствіе всякаго жилья, кромѣ монастыря, на этомъ островѣ, суровость климата, сырость воздуха, всегда наполненнаго морскими испареніями, лишаютъ всякой возможности жить внѣ стѣнъ монастыря. Каменистая почва даетъ возможность рости лишь кривымъ березамъ да малорослымъ елямъ; только въ центрѣ острова изрѣдка попадается строевой лѣсъ, поэтому морской вѣтеръ безпрепятственно разгуливаетъ по острову, поднимая зимою страшные снѣговые буруны.

Соловецкій островъ отдѣленъ отъ твердой земли морскимъ проливомъ къ западу въ 60 верстъ, къ востоку въ 35; отъ г. Архангельска онъ отстоитъ на 350 верстъ, отъ г. Онеги—180 верстъ.

Берега твердой земли представляютъ изъ себя почти ту-же пустыню, что и Соловецкій островъ. Цѣпится на утесѣ морскаго берега жалкая деревушка съ избушками, потомъ верстъ 30—40 пустое пространство. Вездѣ пусто, тихо, безлюдно, лишь вѣчно бушующее море, напирая своими мощными волнами на каменную грудь земли, производитъ своеобразный шумъ; это на

востокѣ. Западный берегъ хотя и населеннѣе, но все-таки деревушка отъ деревушки отдѣляется 20—30 верстнымъ бездорожнымъ пространствомъ; даже до сихъ поръ здѣсь не имѣется дороги, а почту возятъ въ карбасахъ. Это въ настоящее время, а въ былыя времена берега Бѣлаго моря представляли изъ себя сущую пустыню съ небольшими оазисами.

Западный берегъ Бѣлаго моря цѣликомъ отъ р. Онеги до Кольскаго острога, на протяженіи тысячи верстъ, былъ монастырскою соловецкою вотчиною. На этомъ тысячеверстномъ пространствѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, едва было 4,000 душъ жителей. Восточный или, такъ называемый, лѣтній берегъ Бѣлаго моря былъ настолько малолюдный и жители его такъ обижены Богомъ и природой, что монастырь даже не считалъ нужнымъ просить его себѣ въ вотчину.

Итакъ, пустынный, крайсвѣтный островъ съ мрачною природою, съ кучкою суровыхъ, отшатнувшихся отъ міра, людей, кругомъ нелюдимое море, двѣ трети года покрытое льдами, а за этимъ моремъ опять пустынный берегъ съ изрѣдка попадающими путнику деревнюшками, въ которыхъ жили полузамерзлые и голодные монастырскіе людишки. Какъ только стала извѣстна эта особенность мѣстоположенія Соловецкой обители въ Новгородѣ и Москвѣ, то скоро поняли, что нѣтъ краше мѣста для людей, коихъ нужно было услать туда, куда воронъ костей не заноситъ.

Мѣсто для помѣщенія ссыльныхъ, по тогдашнему, должно было удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: a) отдѣлить ссыльнаго отъ своей родины; помѣстить его тамъ, гдѣ сношенія съ міромъ людей были-бы ограничены до крайнихъ предѣловъ; чтобы ссыльный не могъ знать ничего изъ міра и міръ про него; подвергнуть ссыльнаго нравственному одиночеству, елико возможно сдѣлать чувствительнѣе и продолжительнѣе его душевную истому; b) помѣстить ссыльнаго (для Соловокъ въ большинствѣ случаевъ сблудившаго съ прямаго пути обыденной жизни и традиціонныхъ мнѣній) въ такое мѣсто и среду, гдѣ-бы онъ могъ понять свое заблужденіе, возвратиться на правую стезю и принести Господу Богу достойное покаяніе; c) лишить ссыльнаго возможности побѣга.

Соловецкій монастырь какъ нельзя лучше удовлетворялъ этимъ условіямъ.

Соловки не были никому родиной, сама природа оградила островъ отъ всякаго мірскаго вліянія; сношенія съ другими людьми двѣ трети года физически невозможны, нравственное одиночество достигалось тѣмъ, что ссыльный рѣдко могъ найти друзей въ благочестивыхъ людяхъ, которые считали его еретикомъ. Въ зимнее время монастырь представлялъ глухую снѣговую пустыню; тишина словно въ мертвомъ царствѣ, только однообразный звонъ колоколовъ да зловѣщее карканье вороновъ нарушаютъ тишину этого мертваго царства. Вы здѣсь не услышите ни звонкаго, ласкающаго слухъ, женскаго голоса, ни веселящаго дѣтскаго лепета, ни пѣсни, то заунывной, то разгульной, но одинаково захватывающей душу русскаго человѣка. Осенью, когда закрывается навигація, когда направляешься жить восемь мѣсяцевъ среди полнаго разобщенія съ міромъ людей, страшная, доводящая до иступленія, тоска завладѣваетъ тобою, человѣкомъ вольнымъ, могущимъ во всякое время покинуть этотъ островъ. А что долженъ былъ выносить человѣкъ, которому вмѣнено въ обязанность пребывать тамъ „до кончины живота его безысходно“, то и помыслить страшно!

Физическія особенности острова, изолированнаго отъ всего живущаго, исключали всякую возможность побѣга. Крѣпкія, высокія стѣны окружали монастырь, а внутри стѣнъ казематы, тщательно охраняемые, служили достаточною порукою, что заключенные въ нихъ „утечки не учинятъ“. Бѣгали люди изъ крайнихъ предѣловъ Сибири, съ каторги, бѣгаютъ съ острова Сахалина, но не было примѣра, чтобы кто-либо убѣгалъ изъ Соловецкаго острога. Правда, убѣгали изъ казематовъ, но не дальше острова; съ него никуда не могли скрыться. Всѣ немногочисленные побѣги изъ Соловокъ ссыльныхъ были совершаемы тѣми изъ нихъ, которые не сидѣли въ казематахъ, а жили свободно подъ монастырскимъ надзоромъ. Живя на свободѣ, они знакомились съ мѣстностью и людьми; иногда удавалось найти друзей, а иногда купить человѣка за деньги, и благодаря имъ переѣхать съ острова на матерую землю и тамъ на время скрыться у знакомыхъ..

Что касается заблужденій ссыльныхъ, то гдѣ лучше искоренить

ихъ какъ не въ средѣ людей, считающихъ каждую іоту и точку не только догматовъ, но и всей обрядности своего исповѣданія за необходимое условіе своего спасенія. Начальство, посылая ссыльныхъ на увѣщаніе и караулъ монаховъ, хорошо знало, что послѣдніе будутъ и увѣщевать ихъ не только за страхъ, но и за совѣсть; они будутъ видѣть въ этомъ не одно только исполненіе предписаній, но и угодное Богу дѣло, спасеніе своей души. „Великое дѣло наставить на путь истины заблудшаго человѣка, спасти душу, совлеченную лукавымъ на путь погибельный“, говорятъ монахи: „Господь повелѣваетъ оставить 99 несблудившихъ и идти отыскивать одну заблудшую овцу“. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ ссыльныхъ нашли въ Соловецкомъ монастырѣ хотя невольную, но тихую гавань среди бурь житейскаго моря. Весь монашескій складъ жизни, какъ нѣчто цѣльное, оконченное, составленное по извѣстному плану съ опредѣленною цѣлью, оказывалъ иногда свое воздѣйствіе на ссыльныхъ; они не только раскаявались въ своихъ заблужденіяхъ, но дѣлались такими горячими адептами истоваго православія и монашескихъ подвиговъ, что удостоились быть занесенными на страницы Соловецкаго патерика наравнѣ съ великими подвижниками, прославившими обитель. Таковы іеромонахъ Іеронимъ, послушникъ Иванъ Сорокинъ, а сосланный Петромъ I по дѣлу Гришки Талицкаго его духовникъ „распятскій попъ Иванъ Ивановъ“ сдѣлался основателемъ Голгофо-распятскаго скита на Анзерскомъ островѣ, отличающагося строгостью своего устава даже между суровыми соловьянами, а теперь считаютъ его святымъ. Мощи его почиваютъ подъ-спудомъ въ церкви Голгофскаго скита.

II.

Мѣста заключенія арестантовъ: старинныя земляныя, крѣпостныя и секретныя тюрьмы, новая тюрьма, раскольническое кладбище, лобное мѣсто.

Мѣстами заключенія для ссылочныхъ подначальныхъ людей въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ служили казематы, построенные въ стѣнахъ и башняхъ монастырской крѣпости, основанной въ 1584 году. Первоначальный планъ внутреннихъ частей крѣпости намъ неизвѣстенъ, но, должно быть, составитель его, соловецкій монахъ Трифонъ, не мало поработалъ, чтобы устроить внутри крѣпостной стѣны такіе казематы, изъ которыхъ не только не могъ-бы выйти заключенный, но и свѣтъ Божій только украдкою входилъ-бы въ эти гробы для живыхъ людей.

Наружный видъ Соловецкой обители имѣетъ много общаго съ устройствомъ древнихъ феодальныхъ замковъ. Монастырь окруженъ высокою, изъ громаднаго размѣра дикихъ камней, стѣною, имѣющею въ длину 508 саженъ, съ 8 башнями и 4 воротами. Верхнія части какъ башенъ, такъ и стѣнъ пронизаны множествомъ бойницъ, сквозь которыя виднѣются дула старинныхъ пушекъ; въ нижнихъ частяхъ тутъ индѣ виднѣются маленькія окошечки крѣпостныхъ казематовъ. Вся крѣпостная стѣна имѣетъ въ основѣ кирпичныя арки, имѣющія форму лежачаго усѣченнаго конуса, обращеннаго узкимъ концомъ наружу; башни-же состоятъ изъ нѣсколькихъ такихъ арокъ, расположенныхъ радіально. Сверху и снаружи эти арки окладены сѣрымъ дикимъ камнемъ. Внутри-то этихъ арокъ въ башняхъ и нѣкоторыхъ частяхъ стѣнъ были устроены помѣщенія для арестантовъ. Уже болѣе столѣтія, какъ крѣпостные казематы перестали служить мѣстами заключенія, такъ какъ для арестантовъ были построены новыя тюрьмы. Въ настоящее время одни казематы заброшены, разломаны; другіе передѣланы, приспособлены для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей, устроены кладовыя, погреба, сушильни и т. п., но все-же, какъ-бы для памяти, въ трехъ башняхъ и нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ остались старинные казематы до сихъ поръ во всей ихъ страшной неприкосновенности.

Я попрошу читателя послѣдовать за мною подъ башню,

расположенную на южной сторонѣ крѣпостной стѣны, возлѣ мельницы.

При самомъ входѣ подъ башню находится жилище мельниковъ, отъ дверей котораго идетъ узкій темный проходъ сажени двѣ длины; чтобы не заплутаться и не запнуться за что-либо, необходимо идти съ огнемъ. Спускаемся ступени на три ниже уровня земли, идемъ по узкому темному проходу, сворачиваемъ немного вправо и входимъ низкою дверью въ большую квадратную, сажени въ три, комнату. Въ ней темно, такъ какъ нѣтъ ни одного окна, а взамѣнъ этого на каждой стѣнѣ находились двери съ махонькими вырѣзками среди нихъ. Комната цѣликомъ состоитъ изъ кирпича: полъ, потолокъ, стѣны, лавки, полки, словомъ, все кирпичное. Сыро, стѣны мокрыя, заплѣсневѣлыя; воздухъ спертый, удушливый, такой, какой бываетъ въ сырыхъ погребахъ. Испугавшіяся свѣта крысы, водящіяся здѣсь во множествѣ, съ ужасомъ бросаются вамъ подъ ноги. Въ этой комнатѣ въ прежнее время помѣщалась стража, караулившая узниковъ, заключенныхъ въ казематы, расположенные по всѣмъ сторонамъ этой комнаты. Прямо предъ нами маленькая, аршина въ два вышины, дверь съ крошечнымъ окошечкомъ въ срединѣ ея; дверь эта ведетъ въ жилище узника, куда мы и входимъ. Оно имѣетъ форму лежачаго усѣченнаго конуса изъ кирпича, въ длину аршина 4, шириною сажень, высота при входѣ три аршина, въ узкомъ концѣ полтора. При входѣ направо мы видимъ скамью, служившую ложемъ для узника, надъ нею почернѣлая до неузнаваемости икона, а за нею сохранилась пасхальная верба. На другой сторонѣ остатки разломанной печи. Стѣны, какъ и въ первой большой комнатѣ, сырыя, заплѣсневѣлыя, воздухъ затхлый, спертый. Въ узкомъ концѣ комнаты находится маленькое окошечко вершковъ шесть въ квадратѣ; лучъ свѣта, точно украдкою, черезъ три рамы и двѣ рѣшетки тускло освѣщаетъ этотъ страшный казематъ. При такомъ свѣтѣ читать можно было въ самые свѣтлые дни и то съ великимъ напряженіемъ зрѣнія. Если заключенный пытался черезъ это окно посмотрѣть на свѣтъ Божій, то его взорамъ представлялось одно кладбище, находящееся прямо предъ окномъ. Побывъ около получаса въ удушающей атмосферѣ каземата, становится душно, кровь приливаетъ къ головѣ, появляется какое-то безграничное

чувство страха. Я не считаю себя способнымъ описать все то впечатлѣніе, какое испытываешь при посѣщеніи этихъ казематовъ. Съ одной дамой, которая была со мною въ этомъ казематѣ, сдѣлалось дурно. У каждаго побывшаго здѣсь, будь онъ самый суровый человѣкъ, невольно вырывается изъ груди если не крикъ ужаса, то тяжелый вздохъ и съ языка слетаетъ вопросъ: „неужели здѣсь возможна жизнь? неужели люди были настолько крѣпки, что выносили года этой гробовой жизни?“ А на самомъ дѣлѣ есть свѣдѣнія, что въ подобныхъ казематахъ проживали десятки лѣтъ. Разсказываютъ, что въ разсматриваемомъ нами казематѣ послѣдній кошевой бывшей Сѣчи Запорожской, Кольнишевскій, просидѣлъ 16 лѣтъ, будучи болѣе ста лѣтъ отъ роду. Про него передаютъ въ монастырѣ легенду: Кольнишевскій, просидѣвъ 16 лѣтъ въ казематѣ, оказался невиннымъ; царь, освободивъ его, захотѣлъ чѣмъ-либо вознаградить за перенесенныя страданія и приказалъ спросить Кольнишевскаго, чего онъ хочетъ себѣ въ награду.

— „Старъ я сталъ“, отвѣчалъ Кольнишевскій: „мірскія почести меня не прельщаютъ, богатство мнѣ не нужно; не прожить мнѣ и того, что у меня есть, одна у меня забота: приготовить себя къ будущей жизни, а нигдѣ я этого не сдѣлаю такъ хорошо, какъ въ сей святой обители; потому первая моя просьба дозволить мнѣ дожить свой вѣкъ въ Соловкахъ, а вторая просьба, если царь-батюшка хочетъ меня пожаловать, пусть онъ прикажетъ выстроить для преступниковъ настоящую тюрьму, чтобы они не маялись, какъ я, въ душныхъ казематахъ крѣпости“.

Было-ли это въ дѣйствительности, или это вымыселъ, навѣрное сказать не могу, но достойно примѣчанія то, что время устройства новыхъ тюремъ совпадаетъ со временемъ его освобожденія.

Какъ легко становится, когда вылѣзешь изъ этого погреба на свѣтъ Божій, вздохнешь полною грудью свѣжій воздухъ и любуешься ласкающимъ тебя лучемъ солнца!

Осмотрѣнный нами казематъ, подобные которому сохранились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ крѣпости, есть обычный казематъ. Но были узники, коихъ предписывалось держать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ до смерти, неисходно, такъ, чтобы ни онъ кого, ни другіе его видѣть не могли; для нихъ были

устроены въ стѣнахъ верхнихъ этажей крѣпостныхъ башень особые мѣшки, гдѣ дѣйствительно ни ихъ кто, ни они кого видѣть не могли.

Поднимемся на башню, стоящую у Архангельскихъ воротъ, которая въ древнее время носила названіе Головленковой.

Въ узкомъ проходѣ для лѣстницы, ведущей на верхъ башни, находится дверь, обитая войлокомъ, ведущая въ каменное помѣщеніе аршина два длины, полтора ширины и три высоты. У одной стѣны выкладена кирпичная лавочка шириною полъ аршина. Маленькое окошечко, достаточное лишь для того, чтобы протянуть руку, выходитъ на темную лѣстницу, и въ былое время служило не для освѣщенія, а для подачи пищи узнику. Въ такомъ мѣшкѣ нѣтъ возможности лечь, и несчастный узникъ долженъ былъ года, если такая обстановка не убивала его, спать въ полусогнутомъ положеніи. Въ Головленкову башню, въ уединенное мѣсто, заточенъ былъ, въ 1701 году, Петромъ I тамбовскій епископъ Игнатій.

Подъ башнею, расположенною на с.-з. углу крѣпости, помѣщались такъ называемыя земляныя тюрьмы. Осмотрѣть эти тюрьмы не было возможности, такъ какъ входъ подъ эту башню оказался замурованнымъ [1]). Судя по старинамъ описаніямъ земляныхъ тюремъ, это были вырытыя въ землѣ ямы аршина три глубины; края у нихъ были обложены кирпичемъ; крыша состояла изъ досокъ, на которыя была насыпана земля. Въ крышѣ находилось небольшое отверстіе, закрываемое дверью, запирающеюся на замокъ, въ которое опускали и поднимали узника, а равно подавали ему пищу. Для спанья полъ устилался соломою. Были-ли въ этихъ погребахъ печи—навѣрное сказать не могу. Такъ какъ почвенный уровень воды въ Соловкахъ стоитъ на трехъ четвертяхъ, то эта башня, обрытая съ возвышенной сѣверной стороны глубокимъ рвомъ, единственная, въ которой возможно было устроить земляныя тюрьмы.

Тюрьмы, расположенныя въ стѣнахъ монастыря, носили разныя названія или по мѣсту своего положенія, или по фамиліямъ знатныхъ лицъ, въ нихъ заключенныхъ. Такъ, были тюрьмы

---

[1]) Земляныя тюрьмы уничтожены и входъ въ нихъ замурованъ по указу св. синода въ 1742 году. М. К.

у Никольскихъ воротъ, у Святыхъ, подъ крыльцомъ Успенскаго собора. Башня съ земляными тюрьмами носила названіе корожной. Тюрьма Салтыковская находилась въ западной башнѣ, а Головленкова—въ башнѣ у Архангельскихъ воротъ, на восточной сторонѣ крѣпости.

Какъ ни многочисленны и разнообразны были крѣпостные казематы, но они оказались неудобными; главное неудобство состояло въ ихъ разбросанности, вслѣдствіе чего требовалась многочисленная стража для надзора за арестантами. Вслѣдствіе этого, мало по малу начинается устройство тюремъ не въ стѣнахъ крѣпости, а въ подвальныхъ этажахъ монастырскихъ корпусовъ. Такъ, въ корпусѣ, занятомъ келарскою, въ подвальномъ этажѣ, гдѣ теперь помѣщаются погреба, еще въ прошломъ столѣтіи были тюрьмы, называемыя келарскими. Успенскій и Преображенскій соборы, построенные св. Филиппомъ, бывшимъ игуменомъ соловецкимъ, въ подвалахъ также содержали тюрьмы, носящія названія по соборамъ: успенская и преображенская тюрьма. На с.-з. углу монастырской стѣны, близъ корожной башни съ земляными тюрьмами, въ 1618 году построена была большая двухъ-этажная палата; въ этой палатѣ нижній этажъ, въ 1798 году, приспособленъ былъ для тюремныхъ помѣщеній, въ немъ устроено было 12 арестантскихъ чулановъ. Черезъ 30 лѣтъ, въ 1828 году, и второй этажъ этой палаты также былъ приспособленъ для арестантовъ, въ немъ устроено 16 чулановъ, а остальное помѣщеніе отведено для солдатъ. Въ это время, т. е. въ началѣ текущаго столѣтія, караульные солдаты помѣщались вмѣстѣ съ арестантами: корридоры между арестантскими чуланами служили помѣщеніемъ для солдатъ. Такое сосѣдство стражи съ арестантами было причиною многихъ непріятныхъ столкновеній между ними, а потому въ 1842 году, по просьбѣ архимандрита Иларія, для солдатъ и офицера построены особыя казармы, а тюрьма увеличена надстройкою третьяго этажа. Такъ она существуетъ и до сихъ поръ. Настоящая тюрьма представляетъ изъ себя высокое трехъ-этажное зданіе, которое рѣзко бросается изъ-за стѣнъ монастыря своею красною крышею и окнами третьяго этажа съ рѣшетками.

Внутренній сѣверо-западный уголъ крѣпости огороженъ высокою кирпичною стѣною; въ срединѣ этой ограды стоитъ большая трехъэтажная тюрьма и возлѣ нея солдатская казарма. Нижній

этажъ тюрьмы на половину лежитъ въ землѣ, такъ что небольшія окна его находятся на уровнѣ земли. Зайдя въ тюрьму, вы спускаетесь по нѣсколькимъ ступенямъ внизъ—и предъ вами темный, длинный, сырой, съ особымъ затхлымъ запахомъ, корридоръ. По одну сторону этого корридора находится шесть дверей, ведущихъ въ шесть арестантскихъ чулановъ. Чуланы эти имѣютъ сажени по двѣ длины и аршина по два съ прибавкою ширины, съ однимъ окномъ. Помѣщенія эти, не будь они сыры и мрачны, ни чуть не хуже подобныхъ же тюремъ въ провинціальныхъ острогахъ. По другую сторону корридора мы нашли заколоченную дверь. Расколотивъ дверь, мы зашли чрезъ нее въ узкій, длинный, темный ходъ, продѣланный внутри толстой тюремной стѣны. Идемъ по нему; сердце невольно сжимается, какой-то безпредѣльный страхъ завладѣваетъ, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при мысли, что дверь за нами закроется и мы останемся въ этомъ длинномъ каменномъ гробѣ. Но любопытство беретъ верхъ, и мы идемъ далѣе, пока, наконецъ, не наталкиваемся на небольшую дверь съ маленькимъ окошечкомъ въ срединѣ ея. За дверью чуланъ аршина полтора въ квадратѣ, безъ всякой лавки, безъ окна, безъ всего того, безъ чего жить человѣку нельзя. Въ немъ можно только стоять или сидѣть скорчившись. Лежать или сидѣть съ протянутыми ногами не дозволяетъ пространство чулана, а скамьи для сидѣнья не полагается. А несомнѣнно, что здѣсь заставляли жить людей не одинъ день. Можно догадываться, что это было не мѣсто карцера, а особый родъ каземата, „особое уединенное мѣсто“, назначенное для людей, которыхъ желали помѣстить такъ, чтобы о нихъ и ухо не слышало и глазъ не видѣлъ. И дѣйствительно, этотъ мѣшокъ самое желанное мѣсто для такой цѣли: оттуда не слышны ни вопль, ни воздыханіе, не видны ни слезы, ни печаль узника. Въ темныхъ мѣшкахъ башенъ было лучше: тамъ дверь выходила наружу, были слышны движеніе и говоръ людей свободныхъ, крикъ узника могъ доноситься до посторонняго уха. Не то здѣсь. Что въ этотъ казематъ не временно садились арестанты въ наказаніе, какъ въ карцеръ, находятся нѣкоторыя указанія въ арестантскихъ дѣлахъ. Въ отношеніяхъ начальниковъ Соловецкой караульной команды упоминается иногда, что арестанты, назначенные для содержанія въ уединенномъ мѣстѣ, были садимы въ нижній этажъ тюрьмы въ отдѣльный чуланъ, а такой чуланъ

имѣется только одинъ, о которомъ мы говорили выше. Такъ, туда былъ заключенъ раскольникъ Лазарь Шепелевъ, который, проживъ тамъ ровно годъ, Божіею волею умре. Трудно, кажется, пробыть день въ этомъ страшномъ чуланѣ безъ свѣта, безъ воздуха, безъ тепла, а болѣе долгое пребываніе, кажется, совсѣмъ невозможнымъ; даже одна мысль о такомъ житьѣ леденитъ кровь въ жилахъ, а люди проживали въ такомъ помѣщеніи цѣлые года.

Во второмъ и третьемъ этажахъ тюрьмы находится десятка по два арестантскихъ помѣщеній, такихъ же размѣровъ, какъ и въ нижнемъ этажѣ; только чуланы верхнихъ этажей будутъ суше и посвѣтлѣе. Въ каждомъ чуланѣ имѣется тубаретъ, небольшой столикъ и одна или двѣ деревянныя кровати, смотря по тому, одинъ или два арестанта помѣщались въ чуланѣ. Въ третьемъ этажѣ въ одномъ чуланѣ до сихъ поръ видна въ окнѣ разогнутая рѣшетка въ память побѣга одного арестанта, Потапова. Этотъ арестантъ, пользуясь сильнымъ колокольнымъ звономъ, по случаю крестнаго хода, табуретомъ разогнулъ рѣшетку, пролѣзъ чрезъ нее и бросился внизъ на крѣпостную стѣну, а оттуда на землю. Дѣло было лѣтомъ; масса богомольцевъ; скрыться, пожалуй, и можно было, но выбѣжавшій въ одной рубашкѣ на волю арестантъ былъ настолько напвенъ, что сейчасъ объявилъ народу кто онъ, и, понятно, былъ спроваженъ въ старое жилище и, закованный въ кандалы, посаженъ въ болѣе крѣпкій чуланъ.

Въ октябрѣ 1883 года выпущенъ былъ изъ этой тюрьмы послѣдній арестантъ Давидовъ, и съ тѣхъ поръ она стоитъ ни кѣмъ не занятая.

Къ югу отъ монастыря, въ полуверстѣ отъ монастырской стѣны, на небольшомъ холмѣ, окруженномъ болотомъ съ мелкимъ лѣсомъ, находится старое раскольническое кладбище. Тѣхъ арестантовъ, у которыхъ хватало характера и силы воли настолько, чтобы, не смотря ни на тяжесть заключенія, ни на почти ежедневныя увѣщанія отказаться отъ своихъ заблужденій и согласиться съ ученіями св. церкви,—остаться вѣрными своимъ убѣжденіямъ, такихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ приходилось хоронить особо отъ прочихъ людей,—

Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка....
Безъ поповъ....

Такъ какъ большинство такихъ не раскаянныхъ грѣшниковъ были люди не согласные съ ученіями церкви,—раскольники, поэтому и кладбище называется раскольническимъ.

Стоятъ на этомъ холмѣ два покосившіеся креста, десятка два могильныхъ насыпей изъ крупнаго булыжника, да двѣ готовыя могилы [1]) со сгнившими досками на верху ихъ. Кривыя ели да малорослыя березы жалобно покачиваютъ своими вершинами, да птички поютъ свои пѣсни надъ погребенными, какъ бы желая замѣнить своимъ пѣніемъ тѣ надгробныя пѣсни, которыя люди отказались пѣть надъ ними. Зимнія вьюги каждый годъ совершаютъ имъ тризну хоровыми заунывными пѣснями, а окружающія деревья покачиваютъ имъ въ тактъ своими вершинами. Сколько эти могилы сокрыли горя, страданій, душевныхъ мукъ, терзаній совѣсти, сомнѣній, какія горячія сердца и пылкія головы придавлены этими камнями! Да, все это были люди идеи, люди убѣжденій, убѣжденій глубокихъ, много передуманныхъ, горько выстраданныхъ, такихъ крѣпкихъ, что никакія бури жизни не могли поколебать ихъ. Правда, что убѣжденія ихъ были обманчивы, ложны, даже сумасбродны; это просто были заблужденія, но что до этого? для нихъ они были святы, вѣрны, несомнѣнны; это были неоцѣнимыя для нихъ сокровища, дороже ихъ самихъ, дороже всѣхъ благъ жизни, свѣтъ и украшеніе ихъ души. Ихъ страдальческая жизнь, ихъ устойчивость, твердость и непоколебимость и, наконецъ, эти молчаливыя могилы говорятъ за нихъ.

На противоложной сѣверной сторонѣ крѣпости, противъ коннаго двора, находилось „лобное мѣсто“, гдѣ въ былыя времена наказывали провинившихся арестантовъ, подначальныхъ людей, стрѣльцовъ и солдатъ, а иногда и иноковъ. Наказаніе производилось плетьми, батогами, розгами и шелепами. Былъ ли въ употребленіи кнутъ—изъ дѣлъ не видно. Какой-то полковникъ, прожившій въ монастырѣ инкогнито въ качествѣ простаго рабочаго, выстроилъ на этомъ мѣстѣ маленькую часовеньку на каменномъ фундаментѣ и поставилъ въ ней громадный деревян-

[1]) Въ Соловкахъ грунтъ состоитъ изъ крупнаго песка, перемѣшаннаго съ большими булыжниками. Зимою, когда замерзаетъ земля, копать могилы нѣтъ никакой возможности, а потому могилы заготовляются лѣтомъ на всю зиму.
М. К.

ный крестъ. Много въ этомъ несчастномъ мѣстѣ истрепано плетей, изломано батоговъ и березовыхъ прутьевъ; много изуродовано человѣческихъ спинъ, изорвано у несчастныхъ жертвъ кожи и мяса! А сколько пролито слезъ и крови!

Не одну сотню лѣтъ производилась эта расправа и долго бы еще свершались истязанія, если бы державная воля Царя-Освободителя не положила предѣлъ этому варварству.

III.

Общій историческій очеркъ положенія ссыльныхъ въ Соловкахъ.

До времени постройки въ Соловкахъ крѣпостной стѣны съ ея казематами ссыльные подначальные люди, коихъ велѣно было содержать съ „великимъ береженіемъ“, заключались въ „нѣкіи молчательныя келіи“. Это были комнаты, находившіяся отдѣльно отъ общихъ монашескихъ помѣщеній. Подначальный запирался въ эту комнату и къ нему приставлялся особый сторожъ. На обязанности сторожа было слѣдить за каждымъ шагомъ и словомъ подначальнаго человѣка, слѣдить, чтобы никто къ нему не приходилъ, ничего къ нему не приносили, а равно и подначальный ничего не могъ кому либо передать. Если заключенный былъ грамотный, то особое вниманіе обращалось на то, чтобы онъ не могъ чего-либо написать, а для того строго слѣдилось, чтобы арестантъ не имѣлъ чего-либо, чѣмъ можно писать, какъ-то: пера, чернилъ, бумаги, даже угля и береста. Боясь вліянія заключеннаго на сторожа, этотъ послѣдній отдавался подъ надзоръ какому-либо монаху, который долженъ былъ слѣдить, не оказываетъ ли заключенный какого-либо вліянія на сторожа, не дѣлаетъ ли послѣдній какихъ-либо льготъ заключенному въ строгости заключенія, или не приноситъ ли чего не положеннаго въ пищу. Въ случаяхъ какихъ-либо не важныхъ упущеній со стороны сторожа въ пользу заключеннаго, сторожа наказывали плетьми, садили на цѣпь и т. п.; если онъ и отъ этихъ наставленій не вразумлялся, то его вовсе отстраняли отъ этого „послушанія“ и садили самого на время въ подобную же келію, а потомъ посылали въ черные труды; на мѣсто его къ заключенному

назначали болѣе надежнаго сторожа. Кромѣ сторожа къ заключенному приставлялся особый священникъ, который долженъ былъ увѣщевать заключеннаго, исповѣдывать его, но пріобщать св. таинъ дозволялось лишь при смерти, или съ разрѣшенія высшаго начальства. Священникъ этотъ, въ свою очередь, также находился подъ надзоромъ игумена и соборныхъ старцевъ.

Въ позднѣйшее время, когда были устроены крѣпостные казематы, присылаемыхъ колодниковъ начали засаживать въ эти казематы. По тѣмъ останкамъ старинныхъ казематовъ, которые были описаны ранѣе, можно судить о положеніи въ нихъ арестантовъ. Строгость содержанія арестантовъ была далеко не одинакова. Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалась земляная тюрьма. Въ этотъ темный, сырой погребъ опускали живаго человѣка, часто скованнаго по рукамъ и ногамъ, гдѣ не рѣдко, водящіяся во множествѣ, крысы объѣдали у беззащитнаго узника носъ и уши. Давать что либо для защиты отъ этихъ звѣрьковъ строго запрещалось. Такъ одинъ караульщикъ, давшій находящемуся въ земляной тюрьмѣ вору и бунтовщику Ивашкѣ Салтыкову палку для обороны отъ крысъ, былъ за такую поблажку битъ нещадно плетьми. Свѣтъ Божій все таки удавалось иногда видѣть этимъ несчастнымъ. Такъ, въ одномъ наказѣ, относящемся къ концу XVII ст., приказывается арестанта, заключеннаго въ земляную тюрьму, Мишку Амирева, во время церковнаго пѣснопѣнія вынимать изъ тюрьмы, а по отпускѣ службы снова сажать его туда. Пища подавалась имъ чрезъ окошко, продѣланное вверху тюрьмы. Для естественной нужды подавались особыя суда, которыя поднимались и очищались разъ въ сутки. Къ счастію этихъ арестантовъ, многіе изъ нихъ чрезъ извѣстное время были переводимы или въ обыкновенные крѣпостные казематы, или въ монастырь подъ началъ, гдѣ ихъ не рѣдко силою постригали въ монашество. Особенно часто сажалъ въ земляныя тюрьмы Петръ I.

Съ половины XVIII ст. нѣтъ извѣстій, чтобы кто былъ ссылаемъ въ земляныя тюрьмы, но ихъ замѣнили особымъ, секретнымъ мѣстомъ заключенія. Особенно важныхъ преступниковъ, особенно такихъ, общеніе съ которыми могло заразить ихъ прелестію другихъ людей, повелѣвалось сажать въ особое уединенное мѣсто, „чтобы ни они кого, ни ихъ кто видѣть не могли“.

Караульнымъ запрещалось съ ними разговаривать, иногда даже присылалась вмѣстѣ съ арестантомъ особая для него стража. Понятно, такіе арестанты не выпускались ни въ церковь, ни за пищей или куда бы то ни было, что дозволялось другимъ узникамъ. Только одному коменданту крѣпости—архимандриту монастыря давалось право посѣщать ихъ и потомъ сообщать высшему начальству о ихъ поведеніи. Еще, съ особаго разрѣшенія начальства, могъ входить въ уединенные казематы монастырскій духовникъ для исповѣди арестанта. Иногда такіе уединенные казематы особо устраивались для имѣющаго быть присланнымъ арестанта, по предварительно составленному плану, разсмотрѣнному высшимъ начальствомъ.

Прочіе рядовые колодники помѣщались въ общихъ крѣпостныхъ казематахъ, иногда по два человѣка въ одной кутузкѣ. И тутъ были разряды въ степени наказанія. Такъ, одни арестанты сидѣли въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ и прикованными на цѣпь къ стѣнѣ; другіе носили оковы или на рукахъ и ногахъ, или только на ногахъ; третьи—находились безъ оковъ. При посылкѣ каждаго арестанта сообщалась подробная инструкція какъ содержать его. Нужно замѣтить, что бо́льшая половина колодниковъ назначалась для употребленія въ монастырскіе труды. Даже часто высшимъ начальствомъ, которымъ присылался колодникъ, назначался самый родъ работы. Такъ, одного назначаютъ въ хлѣбню—печь хлѣбы, другаго—въ поваренные труды, третьяго рубить дрова, возить воду и т. п. Печеніе хлѣбовъ и работы по кухнѣ считаются и считались въ монастырѣ самыми трудными, потому что требовали и чрезмѣрной напряженности мускульной силы и потому, что отдыхъ давался часа на четыре въ сутки. Что дѣлало монастырское начальство для побужденія къ такимъ тяжкимъ трудамъ лѣнивыхъ или малосильныхъ, съ точностію сказать нельзя, хотя есть извѣстія, гдѣ повелѣвается непослушныхъ „смирять по монастырскому обычаю не щадно“; а монастырское смиреніе состояло въ сажаніи на цѣпь, наказаніи плетьми, батогами; самое легкое смиреніе—сотни поклоновъ послѣ 18-ти часоваго труда. Колодниковъ, назначенныхъ въ работы, послѣ окончанія дневныхъ работъ, приказывали приводить къ вечернему пѣснопѣнію и только послѣ окончанія церковной службы отводить въ казематы. Это было монастырское послушаніе.

Едва ли было лучше положеніе и тѣхъ колодниковъ, которые не назначались въ работы. Эти несчастные принуждены были иногда цѣлые года изо дня въ день просиживать въ своихъ сырыхъ, темныхъ и душныхъ чуланахъ безъ всякаго дѣла, вполнѣ лишенные возможности питать чѣмъ-либо свои не рѣдко пытливыя головы. Книгъ для чтенія не давалось, кромѣ необходимыхъ молитвенниковъ и иногда отеческихъ твореній; разговаривать запрещалось, но къ счастію ихъ, это плохо исполнялось. Тяжесть такого положенія нѣсколько смягчалась тѣмъ, что нѣкоторымъ колодникамъ позволялось производить въ своихъ казематахъ коекакія работы. Одни дѣлали ушаты, ведра и т. п., другіе сапожничали и портняжили, третьи выдѣлывали крестики и ложки. У каждаго были свои инструменты. Работали и на монастырь, и на частныхъ людей, монаховъ и богомольцевъ, и работой этой добывали себѣ копѣйку, которую держали на свои потребы.

Строгость надзора надъ обычными, не секретными, колодниками была не особенно сильна. Караульные, сначала стрѣльцы и послушники, а потомъ солдаты, жили въ корридорахъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ арестантами. Такая близость неминуемо смягчала отношенія между арестантами и караульными они сживались, иногда сдружались, чувствовали общность интересовъ, взаимную зависимость, и ихъ отношенія принимали фамильярный характеръ. Лѣтомъ еще приходилось смотрѣть, какъ говорится, во всѣ глаза, ибо тогда пріѣзжаетъ масса посторонняго народа, арестантъ можетъ скрыться въ толпѣ, уйти или что-либо передать или получить; тогда отвѣчай своей спиной передъ начальствомъ. Иное дѣло зимою: тогда островъ отрѣзанъ носящимся непроѣзднымъ льдомъ отъ міра; въ монастырѣ всѣ свои люди, своя семья, уйти не куда. Это понимали и стражи, и стрегомые, а потому въ зимнее время охраненіе обычныхъ, не секретныхъ, арестантовъ было лишь номинальное. Арестанты свободно ходили за водой, за пищей на монастырскую кухню, за дровами, посѣщали другъ друга, спорили о вѣрѣ, работали, и только на ночь запирались каждый въ свой чуланъ. Колодниковъ хотя кормили и одѣвали монастырскимъ, но, по обычаю того времени, сидя въ своихъ казематахъ, они черезъ окна просили у проходящихъ милостыню. Въ лѣтнее время сердобольныя богомолки наносили имъ холста, нитокъ, бѣлаго хлѣба и меду,

а иногда малую толику денегъ. Въ зимнее время монастырскіе старцы имѣли обыкновеніе въ день своего ангела или на поминъ душъ своихъ родителей дѣлать арестантамъ подаянія. Случалось, что узника утѣшали не матеріальною помощію только, но и словомъ любви и участія; тутъ узналъ узникъ иногда и то, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

Съ начала настоящаго столѣтія жизненная обстановка арестантовъ нѣсколько улучшилась. Ихъ стали помѣщать не въ сырые, душные казематы, а въ болѣе сухіе и свѣтлые новые арестантскіе чуланы. Арестантовъ, коихъ не велѣно было держать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ, запирали въ чуланы только на ночь, а днемъ они свободно могли сходиться въ корридорахъ и посѣщать другъ друга. Сойдясь въ корридорахъ, арестанты производили жаркіе диспуты о вѣрѣ, настолько горячіе, что не рѣдко кончали рукопашной схваткой, которую приходилось разнимать караульнымъ солдатамъ, часто принимавшимъ участіе въ этихъ спорахъ. Особенно горячими спорщиками и защитниками восточнаго православія, понимаемаго ими по своему, были въ то время есаулъ войска донскаго Котельниковъ и игуменъ Селенгинскаго монастыря Израиль. Ихъ пренія не рѣдко кончались приступами бѣшенства, продолжавшагося нѣсколько недѣль. Когда монастырское начальство узнавало о такихъ жаркихъ спорахъ, то приказывало особенно горячихъ спорщиковъ на нѣкоторое время запирать въ чуланы, не выпуская ихъ оттуда ни для чего. Впрочемъ, многое относительно строгости или слабости содержанія арестантовъ зависѣло отъ настоятеля монастыря, который въ Соловкахъ былъ самъ богъ, самъ царь. При добрыхъ, гуманныхъ настоятеляхъ арестантамъ жилось сносно: ихъ водили въ церковь по праздникамъ, сами они ходили за водой на канаву за полверсты отъ монастыря, попеременно ходили на монастырскую кухню за пищей, каждую недѣлю мылись въ банѣ, прогулки тоже разрѣшались. Но все это дозволялось лишь зимою, когда въ монастырѣ никого посторонняго не бываетъ; лѣтомъ арестантовъ ни въ церковь, ни за водой, ни куда бы то ни было не выпускали; въ баню все таки водили раннимъ утромъ, когда еще народъ спалъ. При настоятеляхъ суровыхъ, строгихъ положеніе арестантовъ дѣлалось несноснымъ: ихъ томили въ душныхъ чуланахъ, не выпуская даже для естественной нужды, плохо

кормили, жалобы на дурное обращеніе стражи, которая старалась поддѣлаться въ тонъ начальству, оставались безъ всякаго вниманія, прогулки воспрещались. Вотъ какъ описываетъ одинъ арестантъ-священникъ Лавровскій свое положеніе при архимандритѣ Досифеѣ Нѣмчиновѣ въ началѣ 1830-хъ годовъ.

— „Тюрьма Соловецкая при архимандритѣ Досифеѣ была, дѣйствительно, несноснымъ игомъ. Въ каждомъ чуланѣ, всегда почти запертомъ, трехъ аршинъ длины, въ два аршина съ двумя или тремя вершками ширины, находилось по два арестанта; между двухъ коекъ былъ проходъ только для одного узника; рамы не имѣли форточекъ, отчего воздухъ стѣснительный дѣлался удушающимъ, и одно милосердіе Божіе спасало страдальцевъ. Для исполненія естественной нужды не дозволялось выходить въ нужное мѣсто, куда однажды только въ сутки выносили арестанты изъ чулановъ свои судна для очищенія. Пища давалась убогая; арестанты восхищались отъ радости, когда имъ, изрѣдка, приносимъ былъ мягкій хлѣбъ. Въ продолжительныя зимнія ночи узникамъ не дозволялось при огнѣ и поужинать; посему, держа только предъ лицемъ ложку, ощупью употребляли они пищу. Но всѣхъ прискорбій тогдашняго содержанія въ нынѣшнемъ моемъ положеніи [1]) и объявить не можно, дабы и самое истинное описаніе утѣсненій не вмѣнено мнѣ было въ новое преступленіе“.

Кромѣ описанныхъ утѣсненій физическихъ, арестанты подвергались болѣе тяжкимъ нравственнымъ утѣсненіямъ. Въ одномъ чуланѣ помѣщали двухъ сектантовъ такого рода, что они не только сообщаться и бесѣдовать другъ съ другомъ не хотѣли, но даже безъ злобы не могли смотрѣть одинъ на другаго. Такое сожительство, худшее полнаго одиночества, должно было продолжаться многіе года, ибо такое сожительство признаваемо было одною изъ мѣръ исправленія.

Такія утѣсненія арестантовъ могли бы продолжаться еще много времени, если бы не одинъ печальный случай, убійство арестантомъ поручикомъ Веселаго караульнаго солдата, заставилъ высшее начальство обратить вниманіе на положеніе арестантовъ въ Соловкахъ, гдѣ, безъ всякаго контроля, настоятель былъ самовластнымъ господиномъ. Въ 1835 году былъ, по высо-

[1]) Писалъ онъ это сидя въ тюрьмѣ, но уже при другомъ настоятелѣ. М. К.

чайшему повелѣнію, командированъ жандармскій полковникъ Озерецковскій для ревизіи Соловецкаго острога. Онъ нашелъ, что положеніе арестантовъ слишкомъ тяжелое, что многіе преступники несутъ наказаніе, превышающее ихъ вину. О результатахъ ревизіи скажу въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ смѣненнаго въ это время архимандрита Досифея прибылъ на его мѣсто новый настоятель архимандритъ Иларій, человѣкъ мягкій, гуманный и желающій всякаго добра узникамъ. Во время его настоятельства сдѣланы многія улучшенія въ положеніи арестантовъ, какъ въ помѣщеніяхъ, такъ и въ пищѣ, одеждѣ, особенно въ нравственномъ ихъ утѣшеніи. Почасту бесѣдуя съ арестантами, даже приглашая ихъ для бесѣдъ въ свои комнаты, архим. Иларій старался своимъ ласковымъ словомъ, принятіемъ участія въ ихъ положеніи подать лучъ надежды на лучшее будущее и тѣмъ смягчить тяжесть заключенія. Я ниже приведу его переписку съ гр. Протасовымъ, бывшимъ тогда оберъ-прокуроромъ синода, о состояніи арестантовъ, хорошо рисующую ихъ положеніе.

Что касается людей, ссылаемыхъ подъ началъ для строгаго смотрѣнія надъ ними, то ихъ положеніе было нѣсколько лучше тѣхъ, коихъ ссылали подъ караулъ, т. е. въ тюрьму. Подначальные люди жили наряду съ монастырскими послушниками и по монастырскому обычаю обязаны были работать, что прикажетъ монастырское начальство. Только богатые и знатные изъ ссыльныхъ людей, которые имѣли средства откупиться отъ работы, могли жить какъ имъ хочется, работать или нѣтъ. Нѣкоторые ссылались прямо на извѣстную работу, съ извѣстною строгостію содержанія, такъ что ни милость мѣстнаго начальства, ни деньги не могли избавить ихъ отъ работъ.

Такъ, въ 1623 году, патріархомъ Филаретомъ присланъ съ Москвы Ѳедоръ Семенскій подъ началъ—въ хлѣбню; въ 1681 г. черный попъ Семіонъ—въ хлѣбню на цѣпь, гдѣ онъ, прикованный къ стѣнѣ, долженъ былъ мѣсить хлѣбы. Въ большинствѣ случаевъ подначальные были посылаемы въ черные труды. Черными трудами въ монастырѣ считается мытье бѣлья, уборка нечистотъ, рубка и возка дровъ и т. п. Когда не означено было рода работы, тогда монастырское начальство назначало работу по своему усмотрѣнію. Вообще подначальные отдавались всецѣло

во власть монастырскаго начальства: оно могло посылать его въ ту или другую работу, а въ случаѣ непослушанія или какого-либо неудовольствія бить и истязать его, какъ хотѣло. Впрочемъ, въ случаѣ какого-либо неблаговиднаго поступка, подначальнаго предавали монастырскому суду и, по постановленію этого суда, чинили смиреніе. Вотъ образецъ такого суда.

— „1709 года, марта въ 14 день, въ Соловецкомъ монастырѣ присланный съ Москвы калужскій посадскій человѣкъ Ѳедоръ Мутовозовъ въ портной швальнѣ, въ чуланѣ у портнаго мастера, у Игнатья Архипова, пойманъ и въ соборныя сѣни приведенъ и предъ городничимъ соборнымъ старцемъ Вассіаномъ допрашиванъ.

„А въ допросѣ онъ, Ѳедоръ, сказалъ: Постился-де онъ, Ѳедоръ, на первой недѣлѣ вел. поста, къ отцу духовному на исповѣди (былъ), и въ ночи вышеписаннаго того мѣсяца 11 числа ночевалъ въ рубашечной палатѣ, въ швальнѣ. И изъ тое швальни, вставъ въ ночи, изъ рубашечной сшелъ вверхъ по лѣстницѣ въ портную швальню. И пришедъ, отомкнулъ ключемъ своимъ чуланъ, и вшелъ въ него, и затворилъ, и хотѣлъ искать денегъ или серебра, и того онъ, Ѳедоръ, учинить не изуспѣлъ, только успѣлъ взять въ томъ чуланѣ ложечникъ съ ложкою да полотна аршина полтора. И засталъ его, Ѳедора, въ томъ чуланѣ тое жъ портной швальни Филиппъ Григорьевъ. А то онъ, Ѳедоръ, учинилъ своимъ умысломъ, и ни отъ кого не наученъ, и никто про то не вѣдалъ, и прежъ того онъ, Ѳедоръ, по чуланамъ не хаживалъ, и воровства за нимъ, Ѳедоромъ, не бывало. А которымъ ключемъ чуланъ онъ, Ѳедоръ, отмыкалъ, и тотъ ключъ отъ него, Ѳедора, отданъ огороденному старцу Мисаилу. А за вышеписанное его, Ѳедора, воровство, учинено смиреніе: битъ плетьми. Руку приложилъ (на оборотѣ) къ симъ попроснымъ рѣчамъ Ѳедоръ Мутовозовъ“.

Жалобы на дурное и произвольное обращеніе монастырскаго начальства не могли имѣть мѣста. Переслать какую-либо жалобу изъ Соловокъ безъ вѣдома начальства и въ настоящее время трудно, а тогда было почти невозможно. Переписываться подначальные могли лишь съ дозволенія и подъ надзоромъ настоятеля; съ людей, выѣзжающихъ изъ монастыря на судахъ, брались росписки, что они ничего не будутъ возить безъ вѣдома начальства. Переслать черезъ пріѣзжающихъ богомольцевъ тоже было трудно. Шпіонство въ монастырѣ были развиты до крайнихъ предѣловъ; каждый шагъ, каждое слово было извѣстно настоятелю. Сношеніе подначальныхъ съ прочею братіею было очень рискованно. Если замѣчали кого-либо изъ братіи, что онъ разговариваетъ съ подначальнымъ, то таковаго подвергали допросамъ, а въ иныхъ случаяхъ садили подъ караулъ на цѣпь. Съ подна-

чальными, въ случаѣ чего-либо подозрительнаго, поступали еще строже. Когда находили у кого-либо „воровское письмо“, то виновнаго садили въ тюрьму, нерѣдко на нѣсколько лѣтъ, предварительно выдравъ плетьми. Случалось изрѣдка, что такія „воровскія письма“ дохаживали до Москвы и Петербурга,—какой-либо сердобольный странникъ донашивалъ ихъ, въ награду за что получалъ отъ начальства нѣсколько палокъ въ спину,—но въ результатѣ получалось только внушеніе за то, что начальство въ монастырѣ не зорко смотритъ надъ ссыльными.

Трудность подначальнаго житія всею тяжестію ложилась только на людей бѣдныхъ, безвѣстныхъ, а для богатыхъ и знатныхъ жить было многимъ лучше. Такъ, напр., кн. Львовъ, сосланный по дѣлу печатнаго двора, при Никонѣ, пользовался полною свободою, дѣлалъ, что хотѣлъ, ночи проводилъ съ монахами въ пьянствѣ и разныхъ играхъ, и начальство должно было смотрѣть на все это сквозь пальцы. Одно очень важное преимущество подначальныхъ людей передъ тюремными людьми было то, что они могли, познакомясь съ мѣстностію и людьми, надѣяться на возможность побѣга, а эта надежда для тюремныхъ людей была неосуществимою мечтою. И дѣйствительно, побѣги удавались лишь подначальнымъ людямъ, а не было примѣра за все время ссылки, чтобы кто-либо убѣгалъ изъ казематовъ.

Какъ вообще жилось ссыльнымъ въ Соловкахъ, можно заключить изъ одной просьбы губернскаго секретаря Пархомова, сосланнаго при императрицѣ Елизаветѣ въ Соловки подъ надзоръ, а не въ тюрьму,—который просилъ, какъ величайшей милости, чтобы его перевели изъ сего „студенаго, крайсвѣтнаго, темнаго, нелюдимаго острова, гдѣ не только здоровье человѣческое, но и желѣза ржавѣютъ“, въ каторжную работу въ Петербургъ. Если подначальные, коимъ сравнительно съ колодниками жилось сносно, особенно такіе, какъ Пархомовъ, надъ которымъ произволъ настоятеля не могъ проявиться безгранично, просили, какъ милости, каторги, то что же можно сказать о положеніи бѣдныхъ колодниковъ, которые жили въ своихъ казематахъ безвыходно. „Всей ихъ горести, какъ пишетъ Пархомовъ своему сыну, и помыслить не можно“.

Какъ родъ заключенія и строгость содержанія у колодниковъ и подначальныхъ людей были не одинаковы, такъ и пища

ихъ была различна. Въ грамотахъ XVI—XVIII ст., при коихъ были посылаемы арестанты, всегда упоминалось, какую имъ давать пищу. Самымъ скуднымъ содержаніемъ было назначеніе „давать токмо одинъ хлѣбъ и воду". Такое содержаніе было назначено раскольщику дьячкову сыну Ивану Яковлеву. Потомъ были приказы давать пищу противъ монастырскихъ людей іеромонаховъ, монаховъ и работниковъ. „А пищу давать ему, говорятъ наказы, противу одного іеромонаха", или монаха, или работника. Самое частое назначеніе пищи было противу одного монаха.

Чтобы сдѣлать понятнымъ смыслъ этихъ выраженій, я долженъ сказать, что въ Соловецкомъ монастырѣ, по древнему обычаю, существуетъ три трапезы: верхняя, или братская, монашеская, нижняя — для богомольцевъ, трудящихся на монастырь, и, наконецъ, рабочая,—за монастыремъ, гдѣ кормятъ наемныхъ рабочихъ и дрововозовъ. Трапезы эти разнятся какъ по количеству блюдъ, такъ и по качеству пищи: на верхней трапезѣ подается четыре блюда, а на нижней три и то худшаго качества [1]). Для арестантовъ пища не готовилась отдѣльно, а брали ее съ монастырскихъ кухонь. Тѣмъ арестантамъ, которымъ назначалась пища противу іеромонаха, брали пищу съ верхней трапезы, кому противу монаха—съ нижней, а кто былъ на порціи работника—изъ кухни рабочихъ.

Съ конца XVIII ст. всѣмъ арестантамъ начали давать пищу одинаковую, братскую. Арестанты поочереди ходили съ ведрами на монастырскія кухни и приносили въ тюрьму пищу; тамъ брали ее каждый въ свою чашку и уносили въ свои чуланы. Секретнымъ колодникамъ приносили пищу караульные. Ѣсть вмѣстѣ мѣшала религіозная рознь сектантовъ. У арестантовъ велась очередь, кому какой день брать пищу первымъ въ свою чашку. Кто первымъ бралъ изъ ведра принесенную пищу, тотъ въ очередный день пользовался не осквернённой еретикомъ пищей и вкушалъ ее съ чистою совѣстію. За то другіе, вынужденные брать пищу, уже початую другимъ, иной секты, арестантомъ, слѣд. оскверненную, должны были прежде вкушенія пищи

---

[1]) Подробное изслѣдованіе о питаніи въ Соловкахъ пишетъ докторъ медицины П. Ѳ. Ѳедоровъ. М. К.

положить начало, т. е. нѣсколько поклоновъ, чтобы Господь простилъ ихъ, что они по необходимости должны ѣсть осквернённую пищу.

Въ прежнее время въ монастырѣ былъ обычай: предъ обѣдомъ іеромонахъ ходилъ со святой водой и окроплялъ всю пищу, и потому дѣлалъ ее оскверненною въ глазахъ сектантовъ, тогда всѣмъ нуженъ былъ началъ. Въ послѣднее время арестантамъ позволялось брать пищу ранѣе окропленія ея святой водой.

Нѣкоторымъ арестантамъ, преимущественно секретнымъ, выдавалось денежное пособіе, а караульные должны были получать для нихъ пищу. Такъ, секретному колоднику „бывшему Пушкину“ выдавалось по гривнѣ въ день, а кошевому Сѣчи запорожской Кольнишевскому — по рублю. На свои деньги арестанты могли заказывать себѣ пироги, булки, покупать лакомства и пр., но деньги всегда хранились у монастырскаго казначея, который выдавалъ ихъ по немногу на потребы арестанта.

Одеждою арестанты пользовались также отъ монастыря. Бѣлье и верхнюю не теплую одежду позволялось носить свою. Монастырь выдавалъ пару рубашекъ и портовъ, чулки холщевые и суконные, босовики, балахонъ холщевый, а иногда суконный кафтанъ. Вещи давались безъ срока; когда какая вещь изнашивалась—ее смѣняли новою. Для спанья полагался войлокъ, обтянутый холщевою наволочкою, и подушка изъ оленьей шерсти. Богатые арестанты имѣли свои спальныя принадлежности, свое платье и бѣлье, и даже свою прислугу. Одинъ арестантъ, офицеръ Жуковъ, даже торговалъ своими людьми, сидя въ Соловецкой крѣпости: двухъ слугъ, своихъ крѣпостныхъ, продалъ какому-то офицеру по 10 руб. за штуку.

За содержаніе арестантовъ пищею и одеждою государство платило монастырю отъ 120 до 160 руб. за человѣка въ годъ.

М. А. Колчинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г., стр. 159, Н. Г. Тройницкій, упоминая о посѣщеніи Пушкинымъ одесскаго лицея, говоритъ, что будто-бы Пушкинъ, заставъ одного воспитанника за чтеніемъ Онѣгина, шутя замѣтилъ ему: „охота вамъ читать этотъ вздоръ“.

Свѣдѣніе это невѣрно.

Онѣгинъ съ первой главы началъ печататься въ Петербургѣ только въ началѣ 1825 года, когда Пушкинъ жилъ не въ Одессѣ, которую онъ оставилъ въ іюлѣ 1824 года, а въ Псковской губерніи, въ сельцѣ Михайловскомъ, поэтому подобной шутки онъ не могъ говорить лицеисту и лицеистъ не могъ читать Онѣгина во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ иначе, какъ въ рукописи; но ни изъ чего не видно, чтобы поэтъ такъ былъ близокъ къ лицею, чтобы воспитанники лицея пользовались его рукописями.

Въ той же книгѣ, стр. 163, при описаніи квартиры, гдѣ умеръ Пушкинъ, сказано: „мы усѣлись отдохнуть въ кабинетѣ на диванѣ предъ столомъ, на которомъ, къ величайшему удивленію, увидѣли съ письменными принадлежностями въ безпорядкѣ наваленную кучу черновыхъ стихотвореній поэта. Мы съ любопытствомъ стали ихъ разсматривать“.

Это заявленіе по важности своей требовало бы разъясненія, такъ какъ извѣстно, что по высочайшему повелѣнію, по кончинѣ Пушкина, Жуковскій немедля опечаталъ кабинетъ своею печатью до разбора рукописей поэта.

Андрей Цимбалистовъ.

9 іюня 1887 года.

Александръ Ивановичъ Никитскій.

ЗАМѢТКА.

Въ некрологѣ: „А. И. Никитскій“, напечатанномъ въ іюльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г., не указана довольно важная черта дѣятельности покойнаго.

Посвятивъ свои изслѣдованія внутренней жизни самостоятельныхъ общинъ Новгорода и Пскова и сочувствуя развитію русской археологіи, А. И. посѣщалъ археологическіе съѣзды: въ Кіевѣ, Тифлисѣ и Одессѣ. На IV, V и VI археологическихъ съѣздахъ съ глубокимъ вниманіемъ и живымъ интересомъ были выслушаны его рефераты, въ Кіевѣ—о распространеніи торговли Новгорода, въ Тифлисѣ—„О слѣдахъ Востока въ новгородской торговлѣ“ (16 сентября 1881 г.). Въ особенности важенъ на одесскомъ съѣздѣ рефератъ, прочитанный въ засѣданіи 25 августа 1884 г. Со свойственною покойному скромностью въ сообщеніи: „Петербургъ въ XV столѣтіи“ проведена очень важная мысль, что Петръ Великій, въ выборѣ мѣста для Петербурга, перваго русскаго города при западномъ морѣ, имѣлъ предшественниковъ въ новгородскихъ колонистахъ, давшихъ и названія островамъ, напр., Васильевскому, и ведшихъ дѣятельныя сношенія, при посредствѣ Ганзы, съ Данцигомъ. Ихъ поселокъ на устьѣ Невы былъ извѣстенъ у нѣмцевъ подъ именемъ Nü, Nu, т. е. Нева, въ смыслѣ Васильевскій и др. острова. (Позже шведское укрѣпленіе Невское—Ніен-шанцъ). Мѣстность эта была населена новгородцами „не меньше другихъ мѣстностей“.

Выходитъ, что Петръ В. основаніемъ Петербурга „попалъ въ истинный потокъ исторической народной жизни“.

П. Юрченко.

Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка [1]).

Очеркъ первый.

Крестьянскій вопросъ въ журналистикѣ и литературѣ въ царствованіе императора Александра I.

I.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II впервые началось серьезное обсужденіе крестьянскаго вопроса: сама государыня указала въ Наказѣ на необходимость ограниченія крѣпостнаго права, она-же побудила вольное экономическое общество обнародовать задачу о правѣ собственности крестьянъ; въ коммиссіи для составленія новаго уложенія происходили горячіе споры между сторонниками и против-

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ были напечатаны слѣдующія статьи магистра русской исторіи В. И. Семевскаго по исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ Россіи: 1) „Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II“, 1876 г., т. XVII, стр. 579—618, 653—690. 2) „Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II“, 1877 г., т. XVIII, стр. 193—226. (Объ эти монографіи вошли затѣмъ въ составъ книги того-же автора: „Крестьяне при Екатеринѣ II“, т. I., Спб., 1881 г.). 3) „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II“, 1879 г., т. XXIV, стр. 1—40, 247—266, 377—396, 621—638; т. XXV, стр. 35—54, 231—248. 4) „Рѣчь, произнесенная въ московскомъ университетѣ предъ диспутомъ при защитѣ диссертаціи на степень магистра русской исторіи, 17-го февраля 1882 г.“; 1882 г., т. XXXIV, стр. 565—578. 5) „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II въ письмахъ князей Д. А. и А. М. Голицыныхъ“, 1882 г., т. XXXV, стр. 233—274. 6) „Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе императора Николая“, 1887 г., т. LIII, 389—430.

Ред.

никами ограниченія помѣщичьей власти. Все это должно было отразиться на современной журналистикѣ и литературѣ и побудило нашихъ писателей содѣйствовать рѣшенію крестьянскаго вопроса обличеніями различныхъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Извѣстно, какую полезную службу обществу сослужили въ этомъ направленіи Новиковскіе журналы «Трутень» и «Живописецъ»; извѣстно, что сама императрица задѣла жестокихъ помѣщиковъ въ комедіи «О, время»; тѣмъ же направленіемъ проникнута комедія Княжнина «Несчастіе отъ кареты».

Любопытно, что обличенія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ мы находимъ даже у такого яраго противника освобожденія крестьянъ, какимъ былъ извѣстный писатель А. П. Сумароковъ. Въ возраженіяхъ на Наказъ императрицы Екатерины онъ старался представить положеніе крѣпостныхъ въ радужномъ свѣтѣ; въ письмѣ въ вольное экономическое общество, по поводу обнародованной этимъ послѣднимъ задачи о правѣ собственности крестьянъ, Сумароковъ явился также энергическимъ защитникомъ крѣпостнаго права; не смотря на все это, онъ нерѣдко обличаетъ въ своихъ сочиненіяхъ злоупотребленія помѣщичьею властью. Такъ, въ одномъ изъ хоровъ, написанныхъ имъ къ большому маскараду, бывшему въ Москвѣ въ 1763 г., прилетѣвшая изъ-за моря синица разсказываетъ, что за моремъ воеводы правдивы, дьяки не ѣздятъ цугами, въ подрядахъ не крадутъ:

„Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
За моремъ людьми не торгуютъ,
. . . . . .
Всѣ люди за моремъ трудятся,
. . . . . .
Лучше работящій тамъ крестьянинъ,
Нежели господинъ тунеядецъ".

Въ сатирѣ «О благородствѣ», посвященной дворянамъ, Сумароковъ говоритъ:

— „На то-ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не яснѣй умъ барскій мужикова,
Такъ я различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ, и ѣстъ, родился и умретъ;
Господскій такъ-же сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое нерѣдко славитъ,

Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ! должно-ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко-ль,—можетъ быкъ людей быку продать?"

Въ другой сатирѣ «О честности» тотъ же авторъ говоритъ:

„Пречестный господинъ слугъ кормитъ и поитъ,
Хотя его слуга и не довольно сытъ;
Безъ нужды не отдастъ онъ лишняго въ солдаты,
Какъ развѣ что купить, иль долга на заплаты;
Однако, и за то снабдитъ его жену,
И дастъ ей куль муки за ту свою вину.
Да чѣмъ дѣтей кормить? за что-жъ терпѣть имъ голодъ?
Такъ ихъ въ аукціонъ бояринъ шлетъ подъ молотъ" [1]).

Еще подробнѣе рисуетъ Сумароковъ печальное положеніе крѣпостныхъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ; мы остановимся на нихъ въ виду исключительно крѣпостнической репутаціи Сумарокова. Такъ, въ статьѣ «О домостроительствѣ» онъ говоритъ:

«Почему-жъ называютъ тѣхъ жадныхъ помѣщиковъ экономами, которые или на свое великолѣпіе, или на заточеніе злата и серебра въ сундуки сдираютъ со крестьянъ своихъ кожи, и конхъ манифактуры и прочіе вымыслы крестьянъ отягощаютъ и все время у нихъ на себя отъемлютъ, учиняя ихъ невинными каторжниками, кормя и поя какъ водовозныхъ лощадей, противу права моральнаго и политическаго, единственно ради своего излишняго изобилія, раздражая и божество, и человѣчество... Каждый человѣкъ есть человѣкъ, и всѣ преимущества только въ различіи нашихъ качествъ состоятъ... Но какъ то ни есть, уступимъ политическому расположенію, когда моральное мало свойственно роду человѣческому, и утвердимъ помѣстничество или паче власть нашу, свойственную единому человѣколюбію. Власть быти должна; не деревня будетъ, но гнѣздо разбойническое, гдѣ нѣтъ у поселянъ ни прикащика, ни старосты. Тѣло безъ головы быти не можетъ, однако и мизинецъ ноги есть членъ тѣла. Помѣщикъ, обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя, и долженъ онъ названъ быть доморазсорителемъ. Такой извергъ природы—невѣжа и во естественной исторіи, и во всѣхъ наукахъ. Тварь безграмотная, не почитающій ни Божества, ни человѣчества..., разрушающій блаженство ввѣренныхъ ему людей, стократно вреднѣе разбойника отечества.

[1]) Въ „притчѣ" (баснѣ) „Воля и неволя" волкъ предпочитаетъ свою голодную, но свободную, жизнь сытой жизни собаки на цѣпи. В. С.

Увеселяюся ли я тогда..., когда мнѣ такой извергъ показываетъ сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птицъ, рыбныя ловли, рукодѣлія и прочее? Но я съ такими домостроителями не схожуся, и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю... Въ такомъ обѣдѣ пища—мясо человѣческое, а питіе—слезы и кровь... Ежели помѣщикъ почитаетъ себя головою своихъ подданныхъ, такъ, сохраняя голову, сохранитъ и мизинецъ; ибо голова тѣла и мизинцу сострадетъ. Но таковые гнусные домостроители не почитаютъ себя головою своей деревни и не отличаютъ крестьянъ отъ лошадей... Домостроительство помѣщичье есть ядъ имперіи, когда оно только единаго помѣщика обогащаетъ... Но что дѣлаю я въ разсужденіи моихъ крестьянъ по домостроительству? Что я противъ беззаконнаго домостроительства пишу, то я и дѣлаю».

Въ статьѣ «О почтеніи автора къ приказному роду» Сумароковъ говоритъ о томъ, какъ помѣщикъ проигрываетъ въ карты цѣлое село. Такимъ образомъ, признавая необходимость крѣпостнаго права и помѣщичьей власти, Сумароковъ энергически возстаетъ противъ обремененія крестьянъ тяжелыми работами и поборами, противъ торговли людьми и проигрыванія ихъ въ карты.

Злоупотребленія помѣщичьею властью энергически обличались тогда печатью, но въ ней очень рѣдко обсуждался вопросъ, какъ помочь этому злу; однако, повинны въ этомъ не наши писатели. Извѣстно, что лучшій русскій отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества, принадлежащій перу Полѣнова, не былъ напечатанъ въ свое время, по причинамъ, отъ автора не зависѣвшимъ. Заслужившій премію отвѣтъ француза Беарде де Лаббея появился въ «Трудахъ вольнаго экономическаго общества» и въ русскомъ переводѣ, остальные же три лучшіе отвѣта иностранныхъ писателей были напечатаны лишь въ подлинникахъ, по французски и по нѣмецки.

Какія же средства указывалъ Беарде де Лаббей для рѣшенія крестьянскаго вопроса. Беарде предоставлялъ все это дѣло усмотрѣнію помѣщиковъ безъ всякаго вмѣшательства государства: господинъ самъ надѣлитъ крестьянъ землею въ вознагражденіе за ихъ особенное прилежаніе, при чемъ опредѣленіе степени этого прилежанія и размѣровъ надѣла будетъ вполнѣ отъ него зависѣть. Но во всякомъ случаѣ, по мысли Беарде, участокъ земли, дарованный крестьянину, не долженъ быть великъ, не долженъ вполнѣ обезпечивать состояніе его семьи, и всѣ разсчеты помѣщика, всѣ надежды на увеличеніе дохода основываются на томъ, что крестьяне должны будутъ брать его земли въ аренду, должны уже не въ силу юридическаго принужденія, но побуждаемые необходимостью обезпечить

свое пропитаніе. Къ тому же даже и это благополучіе предоставляется какъ награда крестьянамъ за хорошее поведеніе въ весьма отдаленномъ будущемъ: ему предшествуютъ наставленія священника, съ цѣлью развитія крестьянъ, затѣмъ освобожденіе по одиночкѣ и дарованіе права на движимое имущество и, наконецъ, черезъ многіе годы, надѣленіе маленькимъ клочкомъ земли. Очевидно, такой планъ совершенно не подходилъ къ условіямъ русской народной жизни, и осуществленіе его могло бы принести только величайшій вредъ.

Въ «Трудахъ вольнаго экономическаго общества», въ концѣ 1760-хъ и началѣ 1770-хъ годовъ появлялись статьи, авторы которыхъ желали не освобожденія крестьянъ, а лишь установленія болѣе опредѣленныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами, но не путемъ правительственныхъ мѣропріятій, а по волѣ самихъ землевладѣльцевъ. Авторы этихъ статей пропагандировали введеніе у насъ дворовъ съ опредѣленнымъ числомъ душъ, извѣстнымъ количествомъ земли и точнымъ опредѣленіемъ размѣра барщины, допуская при томъ существованіе и бобылей, но, къ счастью, эта пропаганда въ русскомъ обществѣ остзейскихъ поземельныхъ отношеній не имѣла замѣтныхъ результатовъ. Авторъ одной изъ такихъ статей, баронъ Зальца, говоритъ: «Крестьянинъ долженъ быть безопаснымъ въ собственности своего имѣнія, дабы, будучи исправенъ въ господской работѣ и въ платежѣ своихъ податей, не могъ опасаться новыхъ налоговъ... Ничего человѣчеству столь несносно, какъ всегдашняя неволя, зависящая отъ произволенія единаго только человѣка и неограниченная предписаніемъ какого нибудь права. Происходящій отъ того ущербъ почти столь же великъ, каковъ бы воспослѣдовать могъ отъ совершеннаго неимѣнія законовъ»...

Бѣда только въ томъ, что введеніе порядковъ, предлагаемыхъ авторами въ родѣ барона Зальца, не только не улучшило бы, а напротивъ, сдѣлало бы болѣе тяжелымъ положеніе огромнаго большинства нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ «Трудахъ вольнаго экономическаго общества» появлялись въ это время и рѣзко крѣпостническія заявленія по крестьянскому вопросу. Такъ, авторъ одной статьи объ управленіи помѣщичьими вотчинами въ отсутствіе господина, между прочимъ, говоритъ: «Прежде всего надлежитъ стараться, чтобъ земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они не для одной только собственной своей пользы упражняются въ земледѣліи..., но тѣмъ обязаны служить, во первыхъ, государю, потомъ помѣщику и всему обществу и быть безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ». Членъ общества фонъ-Клингштетъ въ статьѣ «Изъясненіе вопроса: не

возможно-ли изобрѣсть средства, способныя къ поощренію земледѣльцевъ, къ вящему трудолюбію и къ уменьшенію лѣности, въ большей части оныхъ вкоренившейся», между прочимъ, говоритъ: «Вольность и собственное владѣніе имѣніемъ своимъ должно, безъ сомнѣнія, почитать наисильнѣйшимъ поощреніемъ человѣческаго трудолюбія. Но когда въ самое то-жъ время взирать на бѣдственное состояніе столь многихъ чухонскихъ и украинскихъ жителей, хотя они и всѣ люди вольные, то признаться должно, что вольность тѣмъ людямъ, которые ею по надлежащему не умѣютъ пользоваться, больше бываетъ вредною, нежели полезною, и что одна только вольность не въ силахъ препятствовать лѣности и предупреждать происходящую отъ ней бѣдность». Но консервативныя мнѣнія въ печати по крестьянскому вопросу были, въ первую половину царствованія императрицы Екатерины, рѣдкимъ исключеніемъ.

Во вторую половину царствованія гораздо труднѣе было проникнуть въ печать либеральнымъ мнѣніямъ по крестьянскому вопросу; реакція замѣтно отразилась и на литературѣ. Еще въ «Недорослѣ» фонъ-Визина, напечатанномъ въ 1783 г., предаются осмѣянію жестокіе помѣщики, хотя мрачность красокъ смягчается выставленіемъ добродѣтельныхъ чиновниковъ и наказаніемъ порока; но другое сочиненіе Фонъ-Визина «Разговоръ у княгини Халдиной (письмо отъ Стародума» 1788 г.), гдѣ Сорванцовъ проигрываетъ въ карты тысячу душъ и продаетъ людей въ рекруты, въ свое время въ печати не появилось. Въ журналахъ, издававшихся въ это время Новиковымъ, почти нѣтъ и помину о прежней сатирѣ. Въ стихотвореніи «Быль» въ журналѣ «Вечерняя Заря» (1782 г.) [1]) представленъ баринъ, который бранитъ и бьетъ слугу и въ то же время думаетъ, что тотъ долженъ быть доволенъ своею судьбою, такъ какъ его кормятъ и одѣваютъ; протестъ слуги ведетъ къ наказанію его на конюшнѣ. Въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» (1785 г.) было напечатано стихотвореніе «Письмо къ другу», принадлежащее перу женщины, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи крестьянъ:

„Они, работою и зноемъ утомленны,
. . . . . .
Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
Отдохновенія едва-ль имѣютъ часъ:
Кровавый потъ они трудяся проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.

---

[1]) Ч. II, 307—310.

Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ не стыдясь подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ.
. . . . . .
Неужто будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда ..“ [1])

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя изъ тѣхъ немногихъ журнальныхъ статей второй половины Екатерининскаго царствованія, въ которыхъ такъ или иначе задѣвалось крѣпостное право. Въ нихъ можно встрѣтить или довольно невинныя обличенія дурнаго обхожденія господъ со слугами [2]), или увѣщанія первыхъ быть милостивыми, а вторыхъ послушными. Такъ, въ одномъ журналѣ съ этою цѣлью помѣщены нравоученія господамъ и «рабамъ» «славнаго господина Лафатера», гдѣ рабамъ даются, между прочимъ, слѣдующія наставленія: «Управляющій всѣмъ Промыслъ Божій, то есть самъ Богъ, премудрый и преблагій Отецъ восхотѣлъ, чтобъ ты былъ слугою... Такъ радуйся сему управленію, сей волѣ Божіей. Ибо все, что Богъ хочетъ, есть благо... посему лучше быть тебѣ слугою, служанкою, или нянькою и прочая, нежели какимъ нибудь другимъ человѣкомъ [3])».

Относительно крестьянъ обыкновенно также ограничивались рекомендаціею гуманнаго съ ними обращенія. Такъ, въ одномъ журналѣ было помѣщено «Завѣщаніе уѣзднаго дворянина своимъ дѣтямъ», въ которомъ отецъ даетъ такія наставленія относительно крѣпостныхъ: «Сихъ душъ не почитайте вы подлыми; онѣ кормятъ благородныхъ. Все учреждайте къ ихъ благосостоянію. Крестьяне всѣ равны намъ. Многіе нынѣ изъ дворянъ, грабя своихъ крестьянъ, пресыщаютъ собакъ». Напротивъ того, составитель завѣщанія проситъ своихъ дѣтей брать съ крестьянъ «весьма неотяготительный оброкъ» и не мучить сихъ «несчастныхъ людей». Далѣе разсказано, какъ одинъ изъ сосѣдей «почти до смерти засѣкъ было своего бѣднаго повара» за то, что тотъ «ненарочно обварилъ немного любимую его гончую собаку». Составитель завѣщанія оставляетъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство деревни лишь подъ условіемъ, «что они не будутъ тираны», будутъ брать весьма умѣренный оброкъ, во время набора ставить рекрута не иначе, какъ по жребію и не присвоятъ себѣ небольшаго

---

[1]) „Покоящійся Трудолюбецъ“, 1785 г., ч. IV, 229.

[2]) Въ журналѣ „Бесѣдующій Гражданинъ“, 1789 г., ч. III, стр. 93—94, стихотвореніе „Участь нашихъ слугъ“.

[3]) „Санктпетербургское еженедѣльное сочиненіе“, 1778 г., стр. 331—334, 341, 362.

капитала, назначеннаго для поддержки крестьянъ въ ихъ промыслахъ [1]). Въ журналѣ, издававшемся въ Ярославлѣ, было указано на необходимость измѣненія положенія крестьянъ ради улучшенія земледѣлія: «Гдѣ народъ», говоритъ авторъ, «держимъ въ своемъ отечествѣ собственностью и безопаснымъ имѣніемъ своихъ владѣній и доходовъ, тамъ земли суть въ наилучшемъ состояніи. Когда не будутъ давать преимуществъ однимъ городамъ, селамъ-же рабство, тогда увидятъ каждаго владѣльца, восхищающагося наслѣдіемъ предковъ своихъ [2])». Весьма энергическое нападеніе на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ было сдѣлано въ журналѣ, издававшемся въ Тобольскѣ на средства приказа общественнаго призрѣнія, подъ заглавіемъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену». Здѣсь была помѣщена «Сатира на жестокости нѣкоторыхъ дворянъ къ ихъ подданнымъ» Ив. Бахт. (Бахтина), гдѣ, впрочемъ, стихъ не блещетъ особенными достоинствами. Прежде всего авторъ изображаетъ, какъ жестоко обращается со своими слугами скупецъ Крисипъ, какъ плохо кормитъ и одѣваетъ ихъ. Не лучше и Меандръ относится къ своимъ крестьянамъ; обращаясь къ нему, авторъ говоритъ:

„Ты взоры на себя тѣмъ тщишься всѣхъ привлечь,
Что душъ съ пятисотъ въ годъ пять тысячъ получаешь,
. . . . . .
Безщадно ихъ сѣчешь, притомъ сѣчешь съ охотой,
Меандръ, ты пьешь всегда Шампанское, Понтакъ,
Крестьяне-же твои забыли въ квасѣ смакъ;
А часто бѣдняки и безъ соли хлебаютъ,
Мякину иногда за хлѣбъ употребляютъ..."

Въ томъ же родѣ и еще два выведенные авторомъ владѣльца крѣпостныхъ душъ. Для смягченія слишкомъ рѣзкой картины, сочинитель въ заключеніе заявляетъ, что «сила просвѣщенія» значительно уменьшила число такихъ «уродовъ» [3]).

Если въ журналахъ второй половины Екатерининскаго царствованія рѣдко бичевалось крѣпостное право, то виноваты были въ этомъ не писатели, а тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ находилась тогда печать. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго

---

[1]) „Всѣдующій гражданинъ" 1789 г., ч. II, стр. 233—235, 242—245. Наставленія о гуманномъ отношеніи къ крестьянамъ мы находимъ также въ „Духовной", сочиненной и изданной отдѣльною книгою Друковцовымъ. С.-Петерб. 1780 г., стр. 7—8.

[2]) „Уединенный Пошехонецъ" 1786 г., ч. II, „О Земледѣліи и земледѣльцѣ", стр. 742.

[3]) „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену", январь, 1790 г., стр. 17—25

В. С.

примѣра. По поводу прикрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи въ 1783 г. Капнистъ сочинилъ оду «На рабство», въ которой, между прочимъ, говоритъ:

Куда ни обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельскія утѣхи,
Игрива рѣзвость, пляски, смѣхъ;
Веселыхъ пѣсней гласъ утихъ;
Златыя нивы сиротѣютъ;
Поля, лѣса, луга пустѣютъ,
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.
Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ тверды зиждетъ власть ограды
И вольность узами тѣснитъ.
Гдѣ благо, счастіе народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.—
Увы! судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.
. . . . . .
А вы, Цари! на толь зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ
Изъ счастливыхъ людей—несчастныхъ
И зло изъ общихъ благъ творить?
На то-ль даны вамъ скипетръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра
И вашихъ чадъ могли губить?
Воззрите вы на тѣ народы,
Гдѣ рабство тяготитъ людей;
Гдѣ нѣтъ любезныя свободы
И раздается звукъ цѣпей:
Тамъ къ бѣдству смертные рожденны,
Къ уничиженью осужденны,
Несчастій полну чашу пьютъ;
Подъ игомъ тяжкія державы
Потоками льютъ поть кровавый
И злѣе смерти жизнь влекутъ.
Насилія властей страшатся,
Потупя взоръ должны стенать;
Поднявъ главу, воззрѣть боятся
На жезлъ готовый ихъ карать.
Въ вериѣхъ рабства унываютъ,
Низвергнуть ига не дерзаютъ,

Обременяющаго ихъ;
Отъ страха казни цѣпенѣютъ
И мыслію наслу смѣютъ
Роптать противъ оковъ своихъ".

Обращаясь далѣе къ царицѣ, авторъ спрашиваетъ ее: неужели она «умножитъ муки» народа:

„Возможно-ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?"

Поэтъ выражаетъ, напротивъ, надежду видѣть

. . . . . „то златое время,
Когда спасительной рукой
Веригъ постыдно сложишь бремя
Съ отчизны моея драгой".

Тогда «прервется въ тѣхъ краяхъ стенанье» и «съ счастьемъ вольность процвѣтетъ».

Княгиня Дашкова, повидимому, хотѣла помѣстить оду Капниста въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», которыя начали издаваться въ 1786 г., но Державинъ, другъ Капниста, объяснилъ ей, что и для нея, и для автора выгоднѣе не печатать и не показывать этой оды императрицѣ [1]). Впервые она появилась въ печати въ «Лирическихъ сочиненіяхъ» Капниста, изданныхъ въ 1806 г. [2]).

Не только въ журналахъ, но и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ трудно было въ то время задѣвать крѣпостное право. Правда, Болтинъ въ примѣчаніяхъ на Леклерка (1788 г.) признаетъ, что есть много помѣщиковъ, обращающихся съ крестьянами «хуже, нежели со скотами», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказываетъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ французскихъ и нѣмецкихъ. Что касается уничтоженія крѣпостнаго права, то Болтинъ держится мнѣнія Руссо, что прежде должно освободить души рабовъ, а потомъ уже ихъ тѣла; но, однако-же, это не мѣшаетъ ему считать необходимымъ ограниченіе помѣщичьей власти. Если умѣренные взгляды Болтина нашли доступъ въ печать, то, какъ извѣстно, совершенно иная судьба постигла сочиненіе Радищева, гдѣ авторъ не только изобразилъ зло-

---

[1]) Сочиненія Державина, т. V, стр. 848—849.

[2]) Стр. 337—44. Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Капниста 1849 г. „Ода на рабство" не была помѣщена.

употребленія крѣпостнымъ правомъ, но и представилъ планъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ [1]).

Въ царствованіе императора Павла обсужденіе крестьянскаго вопроса въ печати сдѣлалось совершенно невозможнымъ; точно также тогда запрещались и всѣ иностранныя книги, заключавшія въ себѣ обличеніе этого зла русскаго общественнаго быта [2]).

II.

Въ царствованіе императора Александра I-го наша печать также далеко не пользовалась свободою въ обсужденіи крестьянскаго вопроса, и этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется то, что въ журналистикѣ александровской эпохи мы находимъ гораздо менѣе статей по этому предмету, чѣмъ сколько можно было бы ожидать въ виду того вниманія, которое участь крѣпостныхъ возбуждала въ то время въ правительствѣ и обществѣ. Особенно скудны въ этомъ отношеніи журналы перваго десятилѣтія XIX вѣка, и тутъ мы можемъ отмѣтить лишь нѣсколько довольно слабыхъ замѣтокъ по крестьянскому вопросу. Между тѣмъ какъ правительство носилось въ это время съ освободительными идеями и до извѣстной степени проявляло свое либеральное настроеніе не только въ законодательствѣ (указъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и нѣкоторыя другія мѣры), но допускало затрогивать злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ даже въ оффиціальномъ изданіи, цензура въ то-же время преслѣдовала такія сочиненія, какъ весьма умѣренная книга Пнина «Опытъ о просвѣщеніи», извѣстная къ тому же съ хорошей стороны самому государю.

Когда въ 1804 г. правительство издало распоряженіе, имѣвшее цѣлью прекратить торговлю рекрутами, въ «С.-Петербургскомъ журналѣ», оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, появилось «Письмо къ издателямъ изъ Москвы» о продажѣ людей въ рекруты [3]). Авторъ письма выражаетъ сомнѣніе, чтобы въ столицѣ

---

[1]) См. о крестьянскомъ вопросѣ вообще въ царствованіе императрицы Екатерины наши статьи въ „Отеч. Зап.“ 1879 г. №№ 10—12 и въ „Русской Старинѣ“ 1882 г. № 8.

[2]) „Русская Старина“ изд. 1875 г. Т. XIV, стр. 455, 463, 467.

[3]) Письмо это было напечатано съ примѣчаніемъ отъ редакціи, вызывавшимъ и другихъ лицъ къ присылкѣ подобныхъ статей. В. С.

извѣстны были «всѣ извороты и тонкости сего постыднаго торга» и разсказываетъ далѣе то, что собственно уже было описано въ сочиненіи Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», но что вслѣдствіе уничтоженія этого сочиненія могло быть ново для многихъ читателей: какъ помѣщикъ, желая продать крѣпостнаго въ рекруты, отпускаетъ его на волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ садитъ его подъ стражу или даже надѣваетъ ему оковы, и какъ затѣмъ приписываетъ его къ казенному селенію, которое и сдаетъ его въ военную службу. «Видали примѣры, что лучшіе люди, бывъ выбраны изъ вотчины, привозимы были толпою на мѣсто рекрутскаго пріема. Вслѣдъ затѣмъ открывалась торговля. Люди, желающіе поставить вмѣсто себя рекрута, приходили въ домъ, гдѣ торжище сіе было открыто, смотрѣли, выбирали, торговались и заключали, наконецъ, продажу. Помѣщикъ получалъ деньги, а казенный крестьянинъ получалъ рекрута. Такимъ образомъ въ двѣ минуты все было кончено. Бумаги и весь обрядъ лживости и подлога совершались вслѣдъ затѣмъ и совершались именемъ того-же самаго закона, который столь безстыдно былъ попираемъ». Въ другихъ мѣстахъ при наступленіи рекрутскаго набора открываютъ родъ маклерской конторы, куда являются и помѣщики, желающіе продать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты, и люди, ихъ ищущіе [1]).

Въ виду цензурныхъ строгостей приходилось иногда говорить лишь намеками о желательномъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса. Такъ, авторъ статьи «Опытъ о Великобританіи» въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» [2]), разсуждая о томъ, что необходимо для процвѣтанія Россіи, говоритъ, что если бы «какіе либо торги, заводы, животныя: рогатый скотъ, овцы, лошади и прочія (курсивъ въ подлинникѣ), находясь въ чьемъ-либо исключительномъ владѣніи», препятствовали «свободному употребленію и разлитію произведеній и способностей

---

[1]) „Санктпетербургскій журналъ“ 1804 г. Т. IV, стр. 119—124. Въ этомъ же журналѣ печатались нѣкоторые договоры объ увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Очевидно, съ цѣлью обличенія продажи людей безъ земли помѣщались также въ журналахъ того времени статьи о торговлѣ неграми. Такъ въ 1804 г. (въ „Періодическомъ изданіи вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ“, ч. I, стр. 43—47) былъ помѣщенъ очеркъ Попугаева „Негръ“, будто бы переведенный съ испанскаго. Здѣсь проданный негръ обращается къ продавшимъ его соотечественникамъ съ такимъ увѣщаніемъ: „Кто позволилъ вамъ дѣлать невольниками собратій вашихъ? Воля не есть продажная; цѣна золота всего свѣта не въ силахъ оной заплатить и никакой тиранъ ею располагать не долженъ“.

[2]) 1805 г. № 3, стр. 259—260. В. С.

сихъ предметовъ», то и тогда, чтобы уничтожить эти препятствія, «злоупотребленіемъ постановленныя, временемъ утвержденныя», не пришлось бы нарушать права собственности: авторъ предлагаетъ вознаградить за потерю всего вышеназваннаго казенными землями, которыя остаются необработанными: «Пусть правленіе, по справедливости соблюдая сокровища государственныя, щедро раздаетъ тѣ, ему безполезныя, земли, въ промѣнъ за вышеупомянутые предметы» (торги, заводы и прочія, т. е. крѣпостныхъ крестьянъ), «которые, оно пріобрѣвъ, по свойству каждаго изъ нихъ, или присвоитъ въ особенности себѣ» (здѣсь разумѣются крѣпостные), «или снабдитъ оными прилежныхъ, но скудныхъ земледѣльцевъ». Этотъ примѣръ всего нагляднѣе показываетъ, какимъ езоповскимъ языкомъ приходилось писать тогда о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ «Журналѣ россійской словесности» Бруслова [1]) была помѣщена ода Нинна «Человѣкъ», въ которой находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ
Раба отъ Человѣка я:
Одинъ какъ солнце въ небѣ ясномъ,
Другой такъ мраченъ, какъ земля.
Одинъ есть все, другой—ничтожность.
Когда-бъ позналъ свою рабъ должность,
Спросилъ природу, разсмотрѣлъ:
Кто бѣдствій всѣхъ его виною?
Тогда бы тою-же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи, что̀ надѣлъ“.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1807 г., издававшемся тогда Каченовскимъ [2]), напечатана либеральная статья «Добрый помѣщикъ», авторъ которой, между прочимъ, выражаетъ сочувствіе закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Изображая идеальнаго помѣщика, онъ влагаетъ ему въ уста слѣдующую рѣчь: «Всякій помѣщикъ прежде долженъ позаботиться о людяхъ, потомъ уже о землѣ и скотинѣ, прежде о выгодахъ крестьянъ, потомъ о своихъ доходахъ... Я никакъ не могу повѣрить, чтобы тотъ почиталъ своего крестьянина человѣкомъ, кто обходится съ нимъ, какъ съ безсловеснымъ животнымъ... Не мое дѣло входить въ изслѣдованіе, должно-ли, можно-ли, и какими средствами можно обезпечить состояніе поселянъ и оградить ихъ безопасностью отъ своевольныхъ притѣсненій. Помѣщикъ отъ того

[1]) 1805 г. Кн. I-я, стр. 38—48.
[2]) Ч. 35, стр. 281—289.

не потерпитъ ни малѣйшаго урону въ своихъ выгодахъ. Простаковы и подобные имъ пускай себѣ вопіютъ, что у нихъ отнимаютъ право побить крестьянина, когда захочется: слава и благоденствіе отечества не зависятъ отъ Простаковыхъ... Злые помѣщики заставляютъ быть крестьянъ злыми. Угнетаемый крестьянинъ ненавидитъ господина своего, ибо почитаетъ его орудіемъ своего несчастія. При такомъ взаимномъ расположеніи, какого можно ожидать усердія, какого доброхотства? Помѣщикъ, презирающій крестьянина, не печется о его благоденствіи; крестьянинъ, ненавидящій помѣщика, работаетъ ему принужденно. Вотъ источникъ многихъ безпорядковъ, опасныхъ для цѣлаго государства... Не одно человѣколюбіе, но и собственная польза должны бы заставить насъ хорошо обходиться съ крестьянами». Сочувствуя вообще освобожденію крестьянъ, авторъ не даетъ, однако, по этому предмету никакихъ практическихъ указаній и лишь протестуетъ противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ.

Въ 1808 г. изданіе «Вѣстника Европы» перешло въ руки В. А. Жуковскаго, и въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ (въ № 9) свою статью: «Печальное происшествіе, случившееся въ началѣ 1809 г.», въ которой затрогиваетъ вопросъ о тяжеломъ положеніи образованныхъ крѣпостныхъ: онъ описываетъ несчастную судьбу одной дворовой дѣвушки, воспитанной вмѣстѣ съ дочерью помѣщика и полюбившей его сына; ее разлучаютъ съ любимымъ человѣкомъ, который сходитъ съ ума. Авторъ заканчиваетъ этотъ разсказъ слѣдующими словами: «Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ фаворитовъ. Что это значитъ? Они выбираютъ или мальчика, или дѣвочку изъ состоянія служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ непринадлежащими, и—оставляютъ ихъ въ прежней зависимости. То-ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ на вѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того-ли, чтобъ онъ могъ яснѣе почувствовать со временемъ, что Провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его, и познанія должны угаснуть безплодно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокій эгоизмъ или, лучше сказать, злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ, а что унизительнѣе рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованіе и умъ необыкновенный,—итакъ, прежде, нежели рѣшитесь открыть ему тайну

его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія. Вы или укажете ему дорогу къ испорченности и разврату, или душа его, если она неспособна привязаться къ пороку, увянетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ [1]). Такимъ образомъ, Жуковскій затрогиваетъ здѣсь лишь одну, но довольно важную, сторону быта крѣпостныхъ [2]).

Рядомъ съ либеральными статьями по крестьянскому вопросу мы встрѣчаемъ въ тогдашнихъ журналахъ и такія, авторы которыхъ враждебно относятся къ освобожденію крестьянъ [3]) или даже какому бы то ни было ограниченію помѣщичьей власти. Въ «Другѣ Просвѣщенія» 1805 г. [4]) княгиня Дашкова, которая еще въ разговорѣ съ Дидро высказала консервативные взгляды по крестьянскому вопросу, напечатала, за подписью «Россіянка», статью «Размышленія благороднаго земледѣльца, присланныя изъ Тамбова» [5]). Авторъ разсказываетъ здѣсь, между прочимъ, что въ имѣніи П. Д. Еропкина, Калужской губерніи, крестьяне платятъ помѣщику только по два рубля оброка и затѣмъ избавлены отъ всякихъ работъ и подводъ; статья эта, однако, написана вовсе не для того, чтобы рекомендовать всѣмъ помѣщикамъ такой легкій оброкъ; напротивъ, она, безъ сомнѣнія, вызвана тревожными для автора слухами о либеральныхъ намѣреніяхъ правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ. «Въ кроткое нынѣ

---

[1]) Авторъ разсказываетъ далѣе объ одномъ живописцѣ, который былъ крѣпостнымъ добраго помѣщика, получилъ хорошее образованіе и жилъ на волѣ, хотя еще не имѣлъ свободы; но вотъ прежній господинъ его умеръ, и онъ достался другому, сдѣлавшему его своимъ слугою. Несчастный художникъ, прежде принимаемый въ лучшемъ обществѣ, теперь не только долженъ былъ ѣздить въ ливреѣ за каретою, но даже былъ разлученъ съ женою, отданною въ приданое за дочерью его господина. Кончилось тѣмъ, что онъ сталъ пить. „Сочиненія В. А. Жуковскаго“, изд. 7-е. Спб. 1878 г. Т. V, 326—332, 561, VI, 687.

[2]) Въ 1822 г. В. А. Жуковскій отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ; это стоило ему 2,400 р. Вслѣдъ затѣмъ онъ даетъ свободу принадлежавшему лично ему семейству крѣпостныхъ. Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія Жуковскаго“. Спб. 1883 г., стр. 123—124.

[3]) Таковы статьи Карамзина: „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“ и „Письмо сельскаго жителя“ (Вѣстникъ Европы“ 1802 г. № 12 и 1803 г. № 17).

[4]) № 2, стр. 100—109.

[5]) О томъ, что эта статья написана княгинею Дашковою, см. въ „Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности въ Академіи наукъ“. Т. V, вып. I, стр. 114—115. В. С.

царствованіе», говоритъ княгиня Дашкова, «правительство не будетъ и, коли смѣю сказать, не позволитъ себѣ предписывать, чтобъ всѣ помѣщики, по примѣру добродѣтельнаго мужа, Петра Димитріевича (Еропкина), только по два рубли съ души брали...» Княгиня вполнѣ соглашается со взглядами тѣхъ, которые говорятъ, что ихъ мужики, не смотря на шестирублевый оброкъ, «въ хорошемъ состояніи и не ропщутъ».

— «Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ она, «хозяйство дворянъ, сопряженное съ правами и пожертвованіями, сему почтенному сословію свойственными, заслуживаетъ нѣкоторую нѣжную разсмотрительность правительства», и указываетъ на великія заслуги дворянъ для отечества [1]).

Редакція журнала «Русскій Вѣстникъ», который началъ издавать съ 1808 г. Сергѣй Глинка, задалась цѣлью содѣйствовать смягченію крѣпостнаго права выставленіемъ добродѣтельныхъ помѣщиковъ, хорошо обращающихся со своими крестьянами [2]). Въ статьѣ «Русская Правда или мысли нижегородскаго помѣщика» авторъ утверждаетъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ весьма завидное [3]), однако,

---

[1]) Впрочемъ, и въ статьѣ Дашковой есть вполнѣ вѣрныя мысли. По поводу хозяйственныхъ нововведеній нѣкоторыхъ помѣщиковъ на англійскій манеръ она справедливо доказываетъ, что пригодное для Англіи вовсе непригодно у насъ, и протестуетъ противъ обращенія крестьянъ въ батраковъ.

[2]) Въ одной статьѣ въ этомъ родѣ авторъ говоритъ: „Истинные русскіе помѣщики, благородные по дѣламъ, а не по одному только имени, были всегда помѣщиками человѣколюбивыми. Они знали и старались напечатлѣвать въ сердцахъ дѣтей своихъ, что крестьяне суть такіе-же люди, какъ и они“,—и далѣе разсказано, какъ выразилась по смерти господина любовь крестьянъ кн. П. М. Волконскаго (1809 г., т. V, стр. 207—220, 223—24). Въ другой статьѣ высказываются подобныя же мысли: „Истинный русскій дворянинъ долженъ быть отцомъ-помѣщикомъ. Попеченіе о крестьянахъ есть такая же служба, какъ и служеніе на ратномъ поприщѣ“ (1810 г., томъ IX, стр. 121; срав. 1809 г., т. VI, стр. 111; 1815 г., кн. 2, стр. 83, кн. 3, стр. 10, кн. 4, стр. 12).

[3]) „Иноплеменники проповѣдуютъ, будто бы у русскихъ крестьянъ нѣтъ собственности. Не трудно предложить множество примѣровъ о крестьянахъ, которые нажили сотни тысячъ, въ коихъ они полные господа и владѣльцы. Легко бы также можно было исчислить, что и самые посредственные крестьяне отъ трудовъ и избытковъ своихъ наживаютъ собственность, которою располагаютъ по своей волѣ. Но дѣло не о томъ: случается, что при всѣхъ удачахъ и выгодахъ отъ непредвидѣнной бѣды гибнетъ у крестьянъ продовольствіе годовое, а иногда и многолѣтнее. Кто-же имъ тогда помогаетъ? Тогда собственность помѣщика становится добромъ крестьянъ. Эта мысль рѣдко приходитъ въ голову иностранныхъ“. („Русск. Вѣстникъ“ 1814 г., кн. 15, стр. 35—36). В. С.

и редакція «Русскаго Вѣстника» не находила возможнымъ скрывать, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не всегда хорошо жилось крѣпостнымъ. Правда, о «постыдномъ для человѣчества торгѣ людьми», т. е. торговлѣ рекрутами, говорится какъ о явленіи прошломъ [1]), но въ путевыхъ запискахъ Ѳ. Н. Глинки, по Смоленской губерніи, описано весьма тяжелое положеніе крестьянъ у одного помѣщика, и излюбленныя идеи редакціи сказываются лишь въ томъ, что весьма обременительныя работы въ барскомъ саду приписываются распоряженіямъ садовника француза, а дурное отношеніе помѣщика къ крестьянамъ объясняется его воспитаніемъ въ иностранномъ пансіонѣ. О садовыхъ работахъ такъ разсказываетъ автору одна крестьянка: «У насъ, батюшка, не какъ у людей: отдыху нѣту ни на минуту, и въ воскресный день кряхтимъ да потѣемъ на работѣ.... баринъ нашъ съ мѣста на мѣсто переноситъ цѣлыя деревни, людей какъ скотъ перегоняетъ, а все это для того, чтобъ на селидбенныхъ мѣстахъ и на старинныхъ мужицкихъ огородахъ засѣивать свою пшеницу! Было бы ему хорошо, а мужикъ хоть гнилую колоду гложи!»—«Сверхъ этихъ отяготительныхъ работъ», продолжаетъ авторъ, «крестьяне господина NN обременены еще страшными поборами. У нихъ берутъ все, что только можно вздумать: масло, яйца, крупы, ветчину, барановъ и пр., и пр.». Огромныя каменныя строенія были воздвигнуты и обширные сады разведены руками всего двухсотъ крестьянъ въ 3 года, а сверхъ того и «полевыя работы удвоены». — «Послѣ этого посудите», продолжаетъ авторъ, «каково житье крестьянъ помѣщика NN». Когда на требованіе помѣщикомъ денежнаго оброка крестьяне отвѣчали, что у нихъ нѣтъ денегъ, то онъ, «угрожая имъ плетьми, розгами и всѣмъ, чѣмъ буйное самовластіе грозитъ уничиженному рабству, говорилъ: «Продайте своихъ коровъ, овецъ и все, что имѣете, для заплаты мнѣ оброку: мнѣ нужда въ деньгахъ; я ѣду въ Москву!» Онъ правъ! въ Москву нельзя показаться безъ денегъ.... Тамъ многіе сельскіе доходы, орошенные потомъ и слезами земныхъ тружениковъ-поселянъ, возлагаются на алтарь богини большаго свѣта—Роскоши!» [2]).

Въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», издававшемся обществомъ любителей словесности, наукъ и художествъ [3]), было помѣщено доставленное почетнымъ членомъ общества, А. Н. Оленинымъ, извлеченіе изъ вышедшей за два года передъ тѣмъ книги англичанина Вильсона

---

[1]) „Русск. Вѣстн.“ 1808 г., т. II, стр. 315—316.
[2]) „Русск. Вѣстн.“ 1812 г., кн. 12, стр. 83—92.
[3]) 1812 г. № 7, стр. 95.

о русской арміи. Авторъ, между прочимъ, говоритъ о нашемъ правительствѣ, что оно «далеко отъ того, чтобы налагать новыя цѣпи рабства», и напротивъ того, «всѣми мѣрами старается распространить благоразумную свободу», но въ то-же время онъ высказываетъ мысль, что уничтожить крѣпостное право можно было бы только съ извѣстною постепенностью. «Съ чувствами и правилами, совсѣмъ противными продавцу невольниковъ», говоритъ онъ, «я утверждаю, что самое большое несчастіе, могущее постигнуть Россію, было бы внезапное и общее истребленіе крѣпостнаго права; никакое предпріятіе не могло бы возродить равныхъ бѣдствій и столь великаго негодованія. Что бы сдѣлалось съ больными, хворыми и престарѣлыми, если бы они вдругъ лишились прокормленія (примѣч. переводчика: прокормленія, которое имъ нынѣ обязаны давать помѣщики). Что бы сдѣлалось даже съ здоровымъ, который, не имѣя никакой собственности, нигдѣ въ скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для своего промысла? Защитники революціи не устрашатся всѣхъ сихъ затрудненій; но человѣкъ государственный, добрый гражданинъ, разсматривая оныя, уважитъ послѣдствія, прежде нежели приметъ всѣ сіи умствованія. Отъ многихъ знатныхъ людей въ Россіи можно удостовѣриться, сколько людей, отпущенныхъ на волю и пришедшихъ въ старость, просятъ убѣжища у ихъ прежнихъ помѣщиковъ». Очевидно, возраженія автора имѣютъ силу только относительно безземельнаго освобожденія крестьянъ.

III.

Съ 1815 года начало выходить въ Петербургѣ серьезное повременное изданіе «Духъ Журналовъ», въ числѣ издателей котораго мы находимъ цензора Яценкова и Вельяминова-Зернова. Здѣсь стало появляться не мало статей о положеніи крестьянъ въ Россіи и заграницей, по большей части консервативнаго направленія. Слѣдуетъ замѣтить, что нельзя считать вредными всѣ статьи консерваторовъ по крестьянскому вопросу; въ нихъ очень часто мы встрѣчаемъ совершенно справедливую мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а частое повтореніе этой мысли было весьма необходимо во второй половинѣ десятыхъ годовъ, въ эпоху безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. Такія статьи должны были предостерегать русское общество отъ сочувствія Остзейскимъ реформамъ и до нѣкоторой степени препятствовать произведенію такихъ опасныхъ опытовъ

и въ самой Россіи. Съ этой точки зрѣнія консервативныя статьи «Духа Журналовъ» по крестьянскому вопросу имѣютъ для насъ значительный интересъ.

Въ статьѣ «О переселеніяхъ» (выписка изъ частнаго письма изъ Рейнскихъ областей) мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія разсужденія: «О несчастное слово вольность... Здѣшніе мужики всѣ вольны — вольны, какъ птицы небесныя, но также, какъ сіи, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ холода и голода. Какъ бы они были счастливы, если бы законъ поставилъ ихъ въ неразрывной связи съ землею и помѣщиками! По крайней мѣрѣ, они были бы увѣрены, что не пропадутъ съ голоду и не пойдутъ скитаться по міру съ нищенскою сумою, были бы увѣрены, что господа ихъ или помѣщики стали бы беречь ихъ, защищать отъ обидъ какъ свою собственность, хотя ради собственной своей выгоды. Но теперь они свободны! И только пользуются сею свободою на то, чтобъ, оставя свое отечество, бѣжать за моря, искать себѣ пропитанія... Было время, когда состояніе крѣпостныхъ людей въ Россіи почиталось отъ иностранцевъ рабскимъ и самымъ жалостнымъ. Теперь они узнали свое заблужденіе». Авторъ статьи увѣряетъ, что когда онъ объяснилъ нѣмецкимъ крестьянамъ положеніе русскихъ крѣпостныхъ (при чемъ онъ утверждалъ, что хотя помѣщикъ и «исправляетъ» дурныхъ людей наказаніемъ, но за то у нашего крестьянина «никто земли не отниметъ»), то нѣмцы пришли въ восхищенье и воскликнули: «это дѣти, а помѣщикъ ихъ отецъ!» — «и таковы суть дѣйствительно соотношенія русскихъ къ ихъ помѣщикамъ!» заключаетъ авторъ свою статью. Издатели, впрочемъ, нашли нужнымъ прибавить къ этому слѣдующее примѣчаніе: «по крайней мѣрѣ, таковы они должны быть, и таковы, безъ сомнѣнія, суть у большей части помѣщиковъ; и нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать ихъ таковыми у всѣхъ вообще», но какъ этого добиться, сохраняя крѣпостное право, издатели не объясняютъ [1]).

Тѣмъ же направленіемъ проникнута статья «Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными», помѣщенная въ «Духѣ Журналовъ» въ томъ же году съ подписью «Русскій дворянинъ Правдинъ». И тутъ идетъ рѣчь о томъ, что «вольность» только «пустое слово», что отъ этой вольности крестьяне мрутъ съ голоду или переселяются въ иныя страны, что наши крѣпостные гораздо счастливѣе, и авторъ затѣмъ старается подтвердить это, представляя жизнь русскихъ крестьянъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Онъ увѣряетъ читателей, что всего лучше живется помѣщичьимъ крестьянамъ, состоящимъ на барщинѣ;

[1]) Ч. XXIV, стр. 929—932.

положеніе оброчныхъ селеній, по мнѣнію автора, хуже, чѣмъ барщинныхъ, а казенныхъ и удѣльныхъ хуже, чѣмъ помѣщичьихъ вообще. Но важно то, что «всѣ вообще крестьяне въ русскомъ царствѣ имѣютъ свою недвижимую собственность, которую у нихъ никто не можетъ отнять (?), но которой, къ ихъ счастью, и они сами не въ силахъ себя лишить, и это есть ощутительное преимущество въ ихъ положеніи предъ иностранными». Въ заключеніе Правдинъ старается показать, какъ вредно было бы для нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ, если бы они очутились въ такомъ же положеніи, какъ иностранные, т. е. объясняетъ всю гибельность для нихъ безземельнаго освобожденія, что, какъ мы уже замѣтили, въ то время было весьма и весьма небезполезно. «Во первыхъ», говоритъ авторъ, «существующая нынѣ, можно сказать, семейная связь между помѣщиками и крестьянами совершенно пресѣчется: эгоизмъ помѣщиковъ возрастетъ до такой же высокой степени, какъ въ чужихъ краяхъ... Первое и величайшее притѣсненіе, которое помѣщикъ можетъ сдѣлать мужикамъ, будетъ то, чтобы потребовать съ нихъ несоразмѣрную цѣну за наемъ земель его; и въ этомъ ему препятствовать нельзя: ибо въ своемъ добрѣ всякъ воленъ. Ежели мужикъ не согласится на требуемую цѣну, то стоитъ только погрозить ему, что выгонятъ его изъ села»; если же состоится соглашеніе между помѣщиками относительно арендной платы, «то совершенно мужику некуда дѣваться; тогда онъ принужденъ согласиться на все, хотя бы и увѣренъ былъ, что не въ силахъ будетъ, безъ крайняго раззоренія, выплатить свое обязательство». Затѣмъ помѣщикъ уже не дозволитъ крестьянамъ безплатно пользоваться своими рыбными ловлями, лѣсами и проч., не станетъ помогать имъ въ нуждѣ и болѣзняхъ, не будетъ защищать ихъ отъ обидъ людей посторонніхъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что въ случаѣ эмансипаціи, «можетъ быть, помѣщики въ томъ своихъ выгодъ не потеряютъ, хотя это еще весьма подлежитъ сомнѣнію, но мужики навѣрно будутъ раззорены, какой бы оборотъ ни былъ въ этомъ дѣлѣ» [1]).

Статья Правдина вызвала возраженіе, помѣщенное въ слѣдующемъ году въ «Сынѣ Отечества» (изданіе Н. И. Греча), подъ заглавіемъ: «О состояніи иностранныхъ крестьянъ», гдѣ мы находимъ остроумныя доказательства, что свободная жизнь выгоднѣе крестьянамъ. Авторъ прежде всего указываетъ на то, что «вольность» (т. е. свобода) вовсе не пустое слово: на основаніи ея «первое важнѣйшее право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что онъ самъ себѣ принадлежитъ и не переходитъ изъ рукъ въ руки посредствомъ мѣны, продажи,

[1]) „Духъ Журналовъ", 1817 г. Ч. XXIV, стр. 981—1008.

дара, наслѣдства и другихъ сдѣлокъ, но всегда остается своимъ господиномъ, и сіе право такъ драгоцѣнно, что если бы захотѣли присвоить и продать частно или съ аукціона самого сочинителя, Правдина, то бы онъ вѣрно на сію перемѣну своего состоянія не согласился, хотя бы покупщикъ самому ему равенъ былъ въ человѣколюбіи, и предпочелъ бы навсегда остаться при худой свободѣ. Второе важное право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что сына его никто не возьметъ невольно въ личное услуженіе, какъ-то: въ конюхи, лакеи, псари и т. п. Дочь его также не будетъ взята въ кухарки, поломойки, горничныя и проч., но останется при родителяхъ своихъ до замужества, и потомъ вступитъ въ бракъ только по собственной склонности и по родительскому благословенію..., а не такъ, какъ оный происходитъ часто между крѣпостными: парню приказываютъ жениться на такой-то дѣвкѣ, а сей непремѣнно за него выйти», подъ угрозою наказанія въ случаѣ ослушанія. Третье важное право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что онъ ведетъ свои дѣла по собственному усмотрѣнію: нанимаетъ землю у кого и какую хочетъ, платитъ за нее оброкъ по добровольному соглашенію. За то всѣ плоды его трудолюбія принадлежатъ ему неотъемлемо. Работу исполняетъ онъ по собственному побужденію, а не по наказу, и трудится прилежно, имѣя несомнѣнную надежду улучшить свое состояніе. Никто не накажетъ его произвольно и пристрастно, ибо никто не имѣетъ къ тому ни права, ни побужденія. Итакъ, свобода для иностраннаго крестьянина есть слово не пустое, но имѣющее вещественное значеніе». Далѣе авторъ старается доказать, что иностранные крестьяне находятся не въ такомъ печальномъ экономическомъ положеніи, какъ это представляетъ Правдинъ. «Если они переселяются въ Россію, то дѣлаютъ это не для того, чтобы поступить въ крѣпостное состояніе, но чтобы свободно заниматься земледѣліемъ и «пріобрѣтать посильный достатокъ для себя, а не для другихъ». Если бы они «бѣжали отъ свободы», какъ увѣряетъ Правдинъ, то почему же они «до сихъ поръ еще не подали просьбы объ укрѣпленіи ихъ за какимъ либо благодѣтелемъ-помѣщикомъ? Нѣкоторыя колоніи существуютъ уже тридцать и сорокъ лѣтъ въ Россіи и до сихъ поръ еще не убѣдились въ преимуществѣ закрѣпощенія предъ свободою» [1]). Какъ ни остроумно, однако, доказываетъ авторъ статьи въ «Сынѣ Отечествѣ» (подписавшійся буквами NN) преимущества личной свободы предъ крѣпостною зависимостью, онъ не могъ, однако, опровергнуть той мысли, что въ бытѣ нашихъ крестьянъ,

[1]) „Сынъ Отечества“ 1818 г. Ч. 45, стр. 162—186.

сравнительно съ положеніемъ срочныхъ арендаторовъ и безземельныхъ батраковъ на западѣ, есть выгодныя стороны, заключающіяся въ постоянной земельной обезпеченности, если не юридической, то фактической.

Въ «Духѣ Журналовъ» продолжали появляться статьи и замѣтки по крестьянскому вопросу. Въ 1818 г. Правдинъ въ письмѣ къ издателю старается доказать, что положеніе барщинныхъ крестьянъ лучше оброчныхъ, если помѣщикъ содержитъ ихъ «по доброй совѣсти и по закону». Онъ не отрицаетъ существованія значительныхъ злоупотребленій помѣщичьею властью въ Великороссіи и Бѣлоруссіи; ему извѣстно во многихъ губерніяхъ не мало вотчинъ, гдѣ крестьянамъ дозволяютъ работать на себя только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, или еще сверхъ того по одному дню въ недѣлю; но, по мнѣнію автора, «все сіе есть злоупотребленіе и великая несправедливость. Сіи помѣщики равнымъ образомъ раззорили бы своихъ крестьянъ и на оброкѣ». Губернское начальство должно считать своею обязанностью «унимать безсовѣстныхъ помѣщиковъ, дабы они не отягощали своихъ крестьянъ сверхъ законнаго положенія» и не подвергали ихъ суровымъ истязаніямъ. Но если во всѣхъ губерніяхъ «будутъ губернаторы безкорыстные, умные, человѣколюбивые, вѣжливые, свѣдующіе въ сельскомъ хозяйствѣ», тогда было бы полезно перевести всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ на барщину; вслѣдствіе этого «усовершенствуются земледѣліе и всѣ вообще вѣтви сельской промышленности и, слѣдовательно (?), умножится народное богатство и благоденствіе». Такимъ образомъ, авторъ не прочь отъ нѣкотораго ограниченія помѣщичьяго произвола, но лишь при невозможномъ совершенствѣ мѣстной администраціи (которой «не трудно» было бы дать тогда «наставленіе»), но, къ сожалѣнію, онъ рекомендуетъ при этомъ мѣру весьма вредную для помѣщичьихъ крестьянъ — обращеніе всѣхъ ихъ изъ оброчныхъ въ барщинные.

Впрочемъ, въ «Духѣ Журналовъ» появлялись статьи по крестьянскому вопросу и совершенно крѣпостническаго направленія, какъ, напр., «О рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ», авторъ которой, между прочимъ, говоритъ: «Нѣмцы болѣе всѣхъ кричатъ противъ нашего рабства,... но я бы совѣтовалъ имъ оглянуться на себя и узнать получше состояніе собственныхъ ихъ мужиковъ.... Давно-ли и вездѣ ли рабство у нихъ уничтожено? Въ Богеміи со временъ императора Іосифа II, т. е. съ небольшимъ лѣтъ за сорокъ; въ Вестфаліи въ правленіе Іеронима; въ княжествѣ Нассау съ 1814 года; во Франкфуртѣ — въ вольномъ городѣ!—въ семъ году. Въ нѣкоторыхъ же нѣмецкихъ владѣніяхъ и донынѣ существуетъ, напримѣръ, въ Мекленбургѣ и Поме-

раніи. Въ польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Австріи, а также и въ Венгріи, крѣпостное право на крестьянъ остается и донынѣ въ полной силѣ... Въ Мекленбургѣ правительство не только не помышляетъ объ уничтоженіи рабства, но и запрещаетъ о томъ говорить». Въ подтвержденіе этого авторъ разсказываетъ, какъ одинъ изъ земскихъ чиновъ въ Мекленбургѣ «имѣлъ дерзость» подать своему государю записку, въ которой доказывалъ необходимость уничтоженія крѣпостнаго права, и съ сочувствіемъ приводитъ исполненный негодованія отвѣтъ на нее герцога Мекленбургскаго. «Желали ли бы мы», продолжаетъ авторъ статьи, «чтобы всѣ наши самозванные политики замѣтили себѣ этотъ урокъ, а особливо тѣ незрѣлые школьные умы, которые, недавно вышедши изъ школьныхъ пеленъ, тотчасъ берутся строить и поправлять огромное и многосложное зданіе государства». Въ доказательство, что положеніе нѣмецкихъ крестьянъ гораздо хуже, чѣмъ нашихъ крѣпостныхъ, авторъ приводитъ выдержки изъ статьи одного нѣмецкаго журнала о печальной жизни нѣмецкихъ земледѣльцевъ, а далѣе съ торжествующимъ видомъ указываетъ на ужасное положеніе невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ [1]).

Какъ затруднительно было появленіе статей, гдѣ проводилась мысль о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1818 г. въ «Духѣ Журналовъ» была напечатана рѣчь новороссійскаго военнаго губернатора Н. Г. Репнина, произнесенная имъ въ началѣ того-же года предъ дворянскими выборами въ Полтавѣ и Черниговѣ, въ которой тотъ убѣждалъ дворянъ принять мѣры для улучшенія благосостоянія ихъ крестьянъ [2]). Репнинъ совѣтовалъ даже дворянамъ позаботиться о томъ, чтобы это улучшеніе быта ихъ крестьянъ не было лишь временнымъ и зависящимъ отъ каприза владѣльца: «Сіи отеческія попеченія ваши, продолжалъ Репнинъ, да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой: оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаньямъ вашимъ

[1]) „Духъ Журналовъ“ 1818 г. Ч. XXVI, стр. 359—374, 386—387. Тѣ-же мысли о преимуществахъ въ положеніи русскихъ крестьянъ, сравнительно съ западно-европейскими, мы находимъ и въ статьѣ „Что значитъ слово рабъ?“ Ibid, стр. 439—454.

[2]) „Вы не будете“, говорилъ Репнинъ, „изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его; напротивъ, вы изыщете способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли“.

В. С.

изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы было обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастію, еще доселѣ случаются: избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя... Иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили, другіе своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ весьма къ нему сблизились. Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ [1])». Такимъ образомъ, Репнинъ убѣждалъ малороссійское дворянство, чтобы оно собственною властью ограничило крѣпостное право, точно опредѣливъ повинности помѣщичьихъ крестьянъ.

Не смотря на всю умѣренность рѣчи Репнина (которая если и имѣетъ значеніе, то лишь потому, что была произнесена не частнымъ лицомъ, а однимъ изъ видныхъ сановниковъ), напечатаніе ея вызвало неудовольствіе администраціи. Министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, немедленно обратилъ вниманіе попечителя петербургскаго учебнаго округа на то, что издатель «Духа Журналовъ» помѣщаетъ «статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ, и многія другія неприличности». Кромѣ того, писалъ министръ, въ этомъ журналѣ помѣщена статья, недозволенная къ печатанію (рѣчь Репнина), предлагалъ потребовать у издателя объясненія и вообще «обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства». Издатель Яценковъ, относительно статей «о рабствѣ и вольности», сослался въ своемъ объясненіи на то, что въ прошломъ (1817) году было дозволено къ печатанію нѣсколько статей, заключавшихъ «сужденія о семъ предметѣ несравненно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ»; а въ нынѣшнемъ году напечатана статья «О рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ». Когда-же, въ опроверженіе мнѣній «Духа Журналовъ» по крестьянскому вопросу, была напечатана въ «Сынѣ Отечества» статья объ иностранныхъ крестьянахъ, то начальство, по словамъ Яценкова, «не только не нашло ничего предосудительнаго въ ученыхъ состязаніяхъ о семъ предметѣ, но еще гласно изъявило за то издателю

---

[1]) „Духъ Журналовъ“. Ч. XXVII, 591—602.

«Сына Отечества» свое отличное одобреніе». Объясняя далѣе, почему въ его изданіи была напечатана рѣчь князя Репнина, онъ сослался на то, что она была прислана главному издателю журнала уже отпечатанною, и говорена была такимъ лицомъ, которое «есть органъ воли монаршей, слѣдовательно принята за оффиціальную», а потому издатель, основываясь на одномъ изъ пунктовъ цензурнаго устава, и не нашелъ нужнымъ испрашивать разрѣшенія для ея перепечатки. Яценковъ былъ обязанъ впредь не печатать ничего безъ дозволенія цензуры [1]). Понятно, что хотя послѣ того его журналъ существовалъ еще два съ половиною года, въ немъ не появлялось уже болѣе статей по крестьянскому вопросу. Посмотримъ, что можно найти по этому предмету въ другихъ журналахъ александровской эпохи съ половины 1810-хъ годовъ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» [2]) была напечатана статья Коспнскаго «Замѣчанія на мысли о устроеніи счастливѣйшаго быту крестьянъ польскихъ», переведенная изъ одного польскаго журнала. Останавливаясь въ ней лишь на томъ, что могло имѣть значеніе для рѣшенія крестьянскаго вопроса въ Россіи, мы отмѣтимъ неодобрительное отношеніе автора къ дарованію Наполеономъ въ 1807 г. польскимъ крестьянамъ личной свободы безъ земли, такъ какъ, по его мнѣнію, вслѣдствіе этого ихъ положеніе отнюдь не улучшилось. Это «установленіе всеобщей свободы.... ни мало не облегчило долю крестьянъ;... не соотвѣтствуя мѣстнымъ обстоятельствамъ, оно не доставляетъ прочнаго благосостоянія, какъ то уже и самые опыты показали. Упомянутое право на самомъ дѣлѣ является болѣе вреднымъ для крестьянъ, нежели полезнымъ», такъ какъ лишило ихъ помощи со стороны землевладѣльцевъ, и, по мнѣнію автора, усилило въ нихъ склонность къ бродяжничеству и праздности. Договоры крестьянъ съ землевладѣльцами не могутъ улучшить ихъ бытъ.

Черезъ три года въ «Вѣстникѣ Европы» появилась статья, переведенная изъ другаго польскаго журнала, подъ заглавіемъ: «Какъ выгоднѣе воздѣлывать землю: своими собственными или наемными работниками». Авторъ прежде всего излагаетъ въ ней содержаніе труда Меркеля, написаннаго въ отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда (Меркель высказывается въ пользу послѣдняго) и затѣмъ сообщаетъ тѣ выводы, къ которымъ привела его самого провѣрка

---

[1]) „Бесѣды въ Обществѣ любителей рос. словесности при московскомъ университетѣ". Вып. III, Москва, 1871 г., стр. 21—23.

[2]) Часть 82, стр. 264—281.

теоріи Меркеля на практикѣ. По его словамъ, онъ убѣдился: «1) что теорія Меркеля основательна и справедлива; 2) что освобожденіе земледѣльцевъ отъ барщины очевиднѣйшимъ образомъ соотвѣтствуетъ выгодамъ господина; 3) чтобы крѣпостнымъ людямъ доставить способъ сдѣлаться вольными работниками, было бы всего лучше оцѣнить ихъ землю, назначить приличный за нее оброкъ и употреблять на господскую работу самихъ-же крестьянъ», съ тѣмъ, чтобы они отработывали оброкъ, какъ вольнонаемные. Переводчикъ статьи указалъ, съ своей стороны, нѣкоторую непрактичность этого предложенія: онъ обратилъ вниманіе на то, что участки земли, отведенные крестьянамъ, могутъ быть оцѣнены слишкомъ дорого, а за ихъ трудъ назначено весьма недостаточное вознагражденіе, такъ что теорія автора приложима лишь въ имѣніи «помѣщика благомыслящаго»[1]). Во всякомъ случаѣ эта статья была проникнута либеральною тенденціею, и потому она вызвала протестъ какого-то крѣпостника. Нѣсколько времени спустя послѣ ея напечатанія, въ «Вѣстникѣ Европы» появилась замѣтка «Два слова въ отвѣтъ на многія страницы», въ которой было заявлено, что въ полученномъ редакторомъ письмѣ изъ Калужской губерніи отъ г. Глѣбова по поводу статьи «Какъ выгоднѣе воздѣлывать землю, собственными или наемными работниками» было, между прочимъ, сказано: «Кажется, всякій долженъ и безъ означенія узнать, что запросъ сей не русскій, ибо намъ невозможно сего мыслить». На это былъ данъ такой отвѣтъ: «Редакторъ смѣетъ увѣрить, что запросъ сей русскій, потому что, во 1-хъ, онъ предложенъ русскимъ ученымъ сословіемъ, именно-же, императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ С.-Петербургѣ; во 2-хъ, онъ предложенъ на русскомъ языкѣ; въ 3-хъ, онъ предложенъ для русскихъ. Касательно-же приводимаго г. Г. довода, можемъ ему замѣтить, что невозможное въ сельцѣ Гремячевѣ» (откуда было прислано письмо), «почитается возможнымъ въ другихъ мѣстахъ, и что когда предлагаютъ намъ подобные запросы, то это вѣрно для того, чтобъ мы не лѣнились мыслить, а обдумывали бы на нихъ удовлетворительные отвѣты. Сего требуетъ польза и слава нашего отечества»[2]).

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1818 г., ч. 100, стр. 196—205, 260—269.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1818 г., ч. 102, стр. 159—160. Въ этомъ-же журналѣ (1817 г., ч. 95, стр. 126—140) помѣщена переводная съ нѣмецкаго либеральная статейка о торгѣ невольниками, а позднѣе переведенный съ французскаго отрывокъ изъ курса политической экономіи Шторха: „Взглядъ на постепенный упадокъ рабства и крѣпостнаго состоянія въ Европѣ и ея колоніяхъ“ (1819 г., ч. 106, стр. 138—147). В. С.

Негодованіе крѣпостниковъ изъ публики, если оно обнаруживалось лишь въ формѣ литературныхъ протестовъ, отражать было не трудно; но сплошь и рядомъ они на этомъ не останавливались и начинали инсинуировать передъ администраціею. Такъ, въ 1820 году, одной статьѣ по крестьянскому вопросу было совершенно неожиданно приписано возбуждающее вліяніе даже на самихъ крестьянъ. Дѣло идетъ о весьма невинной, переведенной изъ нѣмецкаго журнала, статьѣ «Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ россійскомъ государствѣ», помѣщенной въ издававшемся въ Москвѣ серьезномъ повременномъ изданіи, подъ заглавіемъ «Историческій, статистическій и географическій журналъ, или современная исторія свѣта» [1]). Здѣсь, между прочимъ, было сказано объ императорѣ Александрѣ I: «Важнѣе всего суть учрежденія къ лучшему положенію крестьянъ и гражданской ихъ свободѣ, при чемъ поступилъ онъ съ такимъ же человѣколюбіемъ, какъ и мудростью: первое явилъ онъ постепеннымъ уничтоженіемъ узъ рабства, послѣднюю, предпринявъ прежде перемѣны сіи на границахъ провинціи, гдѣ спасительное дѣйствіе оныхъ исподволь будетъ распространять благопріятное расположеніе мыслей для дальнѣйшаго расширенія сей системы человѣчества и благоразумія во внутреннихъ предѣлахъ государства». Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что главное средство къ возведенію россійскаго государства на высочайшую степень просвѣщенія и благосостоянія, къ коему оно способно, состоитъ въ томъ, чтобы исподволь и съ благоразуміемъ доставить нижнему классу людей, а наипаче крестьянамъ, большую гражданскую свободу, и даровать имъ въ полной мѣрѣ права, приличныя имъ, какъ человѣкамъ и разумнымъ существамъ». Впрочемъ, авторъ признаетъ, что осуществленіе этой важной перемѣны «подлежитъ многоразличнымъ затрудненіямъ». Тѣмъ не менѣе, онъ съ сочувствіемъ указываетъ на мѣры, принимаемыя для освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи и Курляндіи, и на дозволеніе крестьянамъ въ собственной Россіи выкупаться на свободу съ согласія своихъ господъ. «Сіи новыя извѣстія изъ великой имперіи долженствуютъ быть радостными для каждаго друга человѣчества». Вотъ и все, что сказано было въ этой статьѣ о крестьянскомъ вопросѣ, авторъ которой, слѣдовательно, ограничился лишь выраженіемъ сочувствія правительственнымъ мѣрамъ, относительно крестьянъ, и общими либеральными пожеланіями въ этомъ отношеніи, не сдѣлавъ никакихъ указаній о желательномъ рѣшеніи участи крѣпостныхъ.

[1]) 1820 г., ч. II, кн. 1, апрѣль, стр. 18—32.

Тѣмъ удивительнѣе, что статьѣ этой было придано совершенно не подобающее ей значеніе по слѣдующему поводу. Помѣщикъ Кочубей продалъ крестьянъ другому владѣльцу для переселенія изъ Полтавской губерніи въ Херсонскую. Крестьяне не хотѣли повиноваться и не покорились даже и тогда, когда покупщикъ отъ нихъ отказался, и они остались за прежнимъ господиномъ. Предписано было наказать виновныхъ въ присутствіи всей вотчины и сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ и подтвердить, что малѣйшее неповиновеніе повлечетъ за собою строгое наказаніе, которое, не ограничиваясь одними зачинщиками, можетъ распространиться и на ихъ семейства. Однако, всѣ крестьяне остались непреклонными, и напрасны были увѣщанія чиновниковъ, указывавшихъ имъ на то ужасное положеніе, въ какое они поставили себя своимъ упорствомъ: дома ихъ стояли безъ крышъ, безъ окошекъ и дверей, хлѣба они вовсе не имѣли, во дворахъ не было скота и домашнихъ птицъ. При самомъ наказаніи, когда палачъ грозилъ всему обществу тою-же участью, никто не обнаружилъ ни смущенія, ни робости. Крестьяне сохранили совершенное спокойствіе и не оказали ни малѣйшаго сопротивленія; когда-же уполномоченный отъ помѣщика предложилъ имъ хлѣбъ и другую помощь, то они отъ всего отказались, заявивъ, что полагаются на волю Божію и на свою судьбу. Оказали неповиновеніе крестьяне Кочубея, проданные и двумъ другимъ лицамъ. Военный губернаторъ Малороссіи высказалъ мысль, что поводъ къ этому былъ поданъ статьею въ «Историческомъ, статистическомъ и географическомъ журналѣ» (содержаніе которой мы только что указали), статьею, «наполненною неумѣстными выраженіями и сужденіями, какъ то: что государь императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свободу и что главное средство къ возведенію россійскаго государства на высочайшую степень благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобы доставить крестьянамъ бо́льшую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ, какъ существамъ разумнымъ». По этому поводу комитетъ министровъ поручилъ министру народнаго просвѣщенія потребовать объясненія отъ цензора, пропустившаго эту статью. Съ своей стороны, князь Голицынъ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ воспретить цензорамъ пропускать къ печати «всѣ таковыя сочиненія, кои касаться будутъ какъ до настоящаго политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи, такъ и будущихъ въ отношеніи къ нимъ видовъ..., каковые, по неизвѣстности намѣреній правительства, всегда будучи ложными, могутъ вводить и другихъ въ заблужденіе».

Цензоръ, профессоръ Черепановъ, объяснилъ, что, пропуская эту статью, не опасался никакихъ послѣдствій и считалъ себя даже не

въ правѣ задержать ее, такъ какъ она написана съ полнымъ сочувствіемъ и глубочайшимъ уваженіемъ къ дѣйствіямъ русскаго правительства. Однако, это объясненіе не удовлетворило правительство, и петербургскому цензурному комитету было сообщено, что согласно положенію комитета министровъ государь повелѣлъ о «неосмотрительномъ поступкѣ» профессора Черепанова «опубликовать предъ прочими университетами, чтобы сіе послужило въ осторожность другимъ въ подобныхъ случаяхъ, а его не избирать впредь ни въ деканы, ни въ цензоры [1]), ибо одобреніе къ напечатанію такой статьи, которая содержитъ въ себѣ столь неприличное разсужденіе о побудительныхъ причинахъ и видахъ правительства по толико важному предмету, есть всегда погрѣшность со стороны цензора, и не можетъ быть приписана неумышленной неосторожности, неосмотрительности или необдуманію послѣдствій, потому что частному человѣку нельзя никогда позволить публиковать догадокъ своихъ въ дѣлѣ государственномъ, если причины и виды высшей власти ему неизвѣстны, а еще менѣе, если бы оные ему были открыты по какому либо случаю» [2]).

Обсуждать крестьянскій вопросъ оказывалось или совершенно невозможнымъ, или въ высшей степени затруднительнымъ не только въ журнальныхъ статьяхъ, но и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Книжка Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» (1804 г.), когда понадобилось ея новое изданіе, была запрещена и оставшіеся экземпляры перваго изданія были отобраны изъ книжныхъ лавокъ. Переводъ сочиненія Стройновскаго «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», напечатанный въ 1809 г., сдѣлался доступнымъ публикѣ лишь черезъ два года и вызвалъ величайшую ярость и доносы крѣпостниковъ. По поводу выпуска въ свѣтъ «Теоріи налоговъ» Н. И. Тургенева (1818 г.), гдѣ мѣстами задѣвалось крѣпостное право, Аракчеевъ высказывалъ удивленіе, что можно писать и печатать подобныя вещи. Цензурныя строгости по вопросу о крѣпостномъ правѣ были таковы, что въ 1809 г. московскій цензурный комитетъ въ сдѣланномъ Д. Языковымъ переводѣ книги Монтескьё «О существѣ законовъ» (изъ которой такъ много заимствовала имп. Екатерина II) исключилъ нѣкоторыя мѣста,

---

[1]) Званіе цензора соединялось тогда съ званіемъ декана.

[2]) М. И. Сухомлиновъ. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1866 г., т. 132, стр. 35—36; „Матеріалы для исторіи русск. цензуры“ въ „Бесѣдахъ—общ. любит. русск. слов.“, вып. III, 32—33. О статьяхъ по крестьянскому вопросу, помѣщенныхъ въ „Трудахъ вольнаго экономическаго общества“, см. нашу статью въ „Русской Мысли“ 1883 г., книга I. В. С.

касающіяся рабства[1]). Тѣмъ болѣе приходится дорожить тѣми немногими сочиненіями, гдѣ задѣвалось крѣпостное право. Упомянемъ о посмертныхъ собраніяхъ сочиненій двухъ авторовъ, хотя они весьма несходны между собою. Мы разумѣемъ Мих. Никит. Муравьева и А. Н. Радищева.

Въ 1810 г. были изданы сочиненія М. Н. Муравьева, въ которыхъ, въ статьѣ «Обитатель предмѣстья», авторъ описываетъ, между прочимъ, помѣщика, самымъ идеальнымъ образомъ обходящагося со слугами, а затѣмъ другаго, который довелъ своихъ крестьянъ до раззоренія, посвящая все свое вниманіе не людямъ, а собакамъ [2]). Но съ точки зрѣнія автора это были только печальныя исключенія изъ общаго правила, и онъ считалъ вообще завиднымъ положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ изданномъ 1819—20-хъ годахъ полномъ собраніи сочиненій того-же автора мы находимъ статью «О благосостояніи земледѣльца», гдѣ, между прочимъ, сказано: «общимъ опытомъ доказано, сколько россійскій дворянинъ внимателенъ къ пользѣ подвластнаго ему селянина.... Между тѣмъ какъ въ земляхъ, гордящихся наиболѣе соблюденіемъ правъ человѣчества и собственности, въ трудолюбивой Германіи, въ самой Англіи, земледѣлецъ, незаслуженнымъ несчастіемъ лишенный способовъ пропитать семейство свое и быть болѣе полезнымъ обществу, долженъ искать сострадательныхъ сердецъ для облегченія его участи, русскій крестьянинъ, пострадавшій отъ пожара, падежа, болѣзни, неурожая, находитъ въ помѣщикѣ своемъ перваго избавителя» [3]).

Совершенно въ иномъ свѣтѣ рисуетъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ

---

[1]) А именно, слѣдующія: „Рабство нехорошо по существу своему; оно не приноситъ пользы ни господину, ни рабу; этому потому, что онъ ничего не можетъ сдѣлать по разсужденію, а первому, что, обходясь съ своими рабами занимаетъ разныя дурныя привычки, нечувствительно пріучаясь не наблюдать никакихъ нравственныхъ добродѣтелей, дѣлаясь гордымъ, вспыльчивымъ, суровымъ, гнѣвливымъ, сластолюбивымъ, жестокимъ“ (кн. XV, гл. I). „Но какъ всѣ люди родятся равными, то надобно сказать, что рабство противно природѣ, хотя въ нѣкоторыхъ земляхъ оно основано на естественной причинѣ, и надобно очень отличать эти земли отъ тѣхъ, въ которыхъ запрещаютъ естественныя причины“. (Гл. VII). Главное правленіе училищъ одобрило рѣшеніе комитета. М. И. Сухомлиновъ „Матеріалы“... въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1866 г., т. 132, стр. 48.

[2]) „Опыты исторіи словесности и нравоученія. Сочиненія М. Н. Муравьева“. Москва, 1810 г., II, 40—41. Его-же „Полное собраніе сочиненій“. С.-Петербургъ, 1819 г., ч. I, 92—94, 97—98.

[3]) „Полное собраніе сочиненій М. Н. Муравьева“. Ч. III, Спб., 1820 г., стр. 209. В. С.

А. Н. Радищевъ въ статьѣ «Описаніе моего владѣнія». Упомянувъ о томъ, какъ трудятся земледѣльцы во время жатвы, Радищевъ говоритъ: «Блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую, и самъ, самъ чуждъ есть, увы!» Въ другомъ мѣстѣ той-же статьи онъ говоритъ: «Если мы разсмотримъ состояніе земледѣльца въ подробности, то величайшія его отношенія и обязанности состоятъ противъ его господина: 1) сей можетъ его продать оптомъ, или подробно; не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ разницу продавать запрещено, а оптомъ (sic). Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы; 2) господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни дворoваго не опредѣлено; 3) господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ судья его и исполнитель своихъ приговоровъ; 4) господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ; 5) распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ: слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенный... Въ отношеніи государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода... платить подати, судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ, селянинъ, если имѣетъ употребленіе чего либо, то дѣлается только изъ благосердія господина. Но, кажется, поелику селянинъ платитъ подать, то онъ, для удовлетворенія тому, долженъ имѣть собственность и проч.» [1]). Это едва-ли не самая сильная вылазка въ печати противъ крѣпостнаго права во все царствованіе императора Александра I.

---

[1]) „Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева". Ч. IV. М. 1811 г., стр. 99, 145—147.

IV.

Въ произведеніяхъ изящной словесности было такъ-же трудно дѣлать въ печати намеки на крѣпостное право, какъ и въ серьезныхъ статьяхъ. Знаменитое стихотвореніе А. С. Пушкина «Деревня» (1819 г.) въ свое время напечатано не было, не смотря на то, что оно понравилось государю. Въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ Батюшкова не оказывается отраженій либеральныхъ вѣяній по крестьянскому вопросу въ первую четверть XIX вѣка, но онъ написалъ въ 1814 году, по свидѣтельству князя Вяземскаго, «прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу», государь «призванъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа». Однако, стихотвореніе это, написанное, быть можетъ, подъ вліяніемъ бесѣдъ Батюшкова во Фрейбургѣ съ извѣстнымъ энергическимъ борцомъ за освобожденіе крестьянъ, Н. И. Тургеневымъ, не было въ свое время напечатано, и даже не сохранилось [1]). Жуковскій не могъ освободить изъ оковъ цензуры переводъ извѣстнаго стихотворенія Шиллера «Die drei Worte des Glaubens» («Три слова вѣры»), а безъ второй строфы:

„Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und wäre er in Ketten geboren“ [2]),

онъ не хотѣлъ ихъ печатать [3]).

Комедія «Горе отъ ума» также не была напечатана немедленно по ея окончаніи.

Упомянемъ еще объ одномъ малоизвѣстномъ поэтѣ, который, по самой своей судьбѣ, былъ живымъ протестомъ противъ крѣпостнаго права, такъ какъ онъ былъ крѣпостной. Его фамилія Сибиряковъ; о немъ въ 1818 году въ двухъ журналахъ появилась статья И. П. Свиньина, авторъ которой, впрочемъ, вмѣсто того, чтобы показать,

---

[1]) „Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго“ т. VII, стр. 418. Сочиненія Батюшкова, изд. 1887 г., т. III, стр. 247. La Russie et les Russes par N. Tourgeneff. II. 114.

[2]) „Человѣкъ созданъ свободнымъ, и онъ свободенъ, если-бы даже родился въ цѣпяхъ“.

[3]) Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883 г., стр. 124—125.

В. С.

какъ ужасно должно быть положеніе образованнаго человѣка въ неволѣ, сталъ защищать крѣпостное право отъ нападокъ иностранцевъ: «Счастливыя способности Сибирякова», говоритъ Свиньинъ, «обращаютъ на себя еще особенное вниманіе каждаго потому, что онѣ возродились и созрѣваютъ въ такомъ состояніи, въ какомъ, какъ иностранцы полагаютъ, если природа и произвела что-либо отличное, то одно положеніе достаточно», чтобы все «убить, искоренить». Впрочемъ, выразивъ признательность помѣщику, «умѣвшему питать и поощрять способности молодаго питомца музъ», авторъ выражаетъ надежду, что этотъ помѣщикъ откроетъ Сибирякову «бо́льшіе способы для усовершенствованія своихъ дарованій и бо́льшій кругъ содѣлать себя полезнымъ обществу» [1]). Сопровождая своего господина въ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Сибиряковъ уже тогда писалъ стихи; ему не разъ предлагали остаться заграницей и сдѣлаться такимъ образомъ свободнымъ, но онъ возвратился на родину крѣпостнымъ, хотя и очень тяготился своимъ положеніемъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго четверостишія:

„Увы! и я, и я рожденъ
Въ послѣдней смертныхъ долѣ.
Природой чувствомъ надѣленъ,
Столь гибельнымъ въ неволѣ“.

В. А. Жуковскій и нѣкоторые другіе литераторы приняли участіе въ положеніи Сибирякова, и послѣ того, какъ онъ прислалъ государю въ честь его стихотвореніе, петербургскій военный губернаторъ, графъ Милорадовичъ, обратился къ помѣщику крѣпостнаго поэта съ запросомъ, не расположенъ-ли онъ его продать: «въ такомъ случаѣ, онъ купленъ будетъ, для того только, чтобы получить въ то-же самое время свободу, которой онъ столько достоинъ», въ противномъ-же случаѣ «возникающее дарованіе» будетъ «въ состояніи рабства» совершенно потеряно для общества. Помѣщикъ, ссылаясь на то, что Сибиряковъ «съ немалыми издержками воспитанъ въ московскихъ училищахъ, а также обученъ кондитерскому искусству», запросилъ за него 10,000 рублей [2]). Не знаемъ, былъ-ли выкупленъ крѣпостной поэтъ, но только въ 1820 году онъ оставался еще въ неволѣ, какъ видно изъ ненапечатаннаго въ свое время, безъ сомнѣнія по цензурнымъ причинамъ, стихотворенія кн. Вяземскаго «Сибирякову».

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1818 г., № 23, стр. 228—229. Ср. его стихотворенія, ibid., № 24, стр. 254—259. Первоначально статья Свиньина была напечатана въ „Трудахъ Общества любителей росс. словесности“ ч. XII.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1873 г., кн. 1, 639—642. В. С.

Не смотря однако на всѣ цензурныя строгости, въ произведеніяхъ изящной словесности удавалось выводить въ свѣтъ нѣкоторыя безобразія крѣпостнаго права. Тутъ, прежде всего, слѣдуетъ остановиться на сочиненіяхъ извѣстнаго писателя В. Нарѣжнаго.

Въ повѣсти «Аристіонъ или перевоспитаніе» 1822 г. Нарѣжный во многихъ мѣстахъ обличаетъ крѣпостное право. Такъ, его молодой герой, прокутившись въ столицѣ, желаетъ отдать своихъ дворовыхъ въ залогъ ростовщику, и тѣ спасаются лишь бѣгствомъ. Изображая далѣе деревенскую жизнь, авторъ выставляетъ не мало помѣщиковъ, раззоряющихъ или мучающихъ своихъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, страстный любитель охоты, ради этого удовольствія отвлекаетъ крѣпостныхъ отъ производительныхъ работъ, а также заставляетъ дѣвушекъ и парней плясать для его увеселенія до упаду. Крестьяне пристрастились такимъ образомъ къ лѣности, пьянству и всякому безчинству, а помѣщикъ, самъ въ этомъ повинный, началъ строго съ нихъ взыскивать и «за всякій проступокъ неупустительно наказывалъ» длинною веревчатою плетью, хотя это ни къ чему не приводило [3]). Другой помѣщикъ, «бережливый» Тарахъ,—страшный скупецъ, первообразъ Плюшкина, а жена его еще лучше. «Не говоря о всѣхъ угнетеніяхъ, натяжкахъ, обидахъ всякаго рода, коими они придавили насъ къ землѣ» (разсказываетъ про своихъ господъ крестьянинъ), «такъ что и людьми назваться не смѣемъ, они подъ конецъ изобрѣли хитрости, противъ коихъ и самъ сатана не остережется. Челядинцы ихъ, ходящіе въ лохмотьяхъ, приманиваютъ нашихъ быковъ, коровъ, овецъ, куръ, гусей и проч. какъ нибудь отвѣдать корму господскаго, а тутъ-то они и пиши—пропали». Сверхъ того, «установлено, чтобы всякій крестьянинъ, крестьянка, мальчикъ, дѣвочка, буде въ праздничный день захотятъ помолиться Богу въ церкви въ ближнемъ селѣ,... то должны прежде придти на господскій дворъ и принести въ даръ: кто курицу, кто утку, кто десятокъ яицъ, мѣрку меду, масла, сыру, словомъ, что на кого возложено панами. По собраніи этой подати, которую называютъ они христіанскими поборами, дозволяютъ уже имъ молиться Богу». Затѣмъ «очередной крестьянинъ... долженъ эту добычу везти въ ближайшій городъ... на продажу. Если ему не удастся продать по той цѣнѣ, какая назначена» господами, «то долженъ пополнить собственными деньгами, а буде заупрямится, то челядинцы

[3]) „Это дикій звѣрь“, (говоритъ о немъ авторъ устами одного изъ своихъ героевъ), „который готовъ терзать себѣ подобныхъ, если ихъ сильнѣе; помочь же имъ въ чемъ нибудь онъ и не умѣетъ, и не хочетъ, и есть истинное бремя на земномъ шарѣ, есть гнусный вередъ, заражающій все общественное тѣло, есть ядовитое животное, оскверняющее все, къ чему ни прикоснется“.

придутъ на его дворъ и возьмутъ на господина то, что, по мнѣнію ихъ, вознаградитъ недоимку». Это черта, вполнѣ возможная въ жизни малороссійскихъ крестьянъ: извѣстно, что господа заставляли тамъ крѣпостныхъ поневолѣ покупать у нихъ извѣстные припасы по произвольной цѣнѣ, назначенной землевладѣльцемъ. Однако, рядомъ съ этими отрицательными типами, авторъ выводитъ и добродѣтельную помѣщицу, заботящуюся о благосостояніи своихъ крестьянъ.

Въ повѣсти «Марія» Нарѣжный затрогиваетъ тотъ-же вопросъ, что и Жуковскій въ извѣстной намъ его статьѣ: какія пагубныя послѣдствія имѣетъ для крѣпостныхъ воспитаніе ихъ вмѣстѣ съ господами. Тутъ сынъ одного графа влюбляется въ крѣпостную дѣвушку своихъ родителей, получившую воспитаніе вмѣстѣ съ его сестрой, ихъ разлучаютъ, и она сходитъ съ ума, а молодой человѣкъ, узнавъ о ея смерти, проводитъ жизнь въ полномъ уединеніи, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему быть благодѣтелемъ своихъ крестьянъ [1]).

Въ комедіи князя Шаховскаго «Пустодомы» (1820 г.) авторъ, между прочимъ, изображаетъ, какъ вредно могутъ отражаться на крестьянахъ агрономическія затѣи помѣщика. Князь Радугинъ, богатый землевладѣлецъ, совершенно незнакомый съ условіями сельскаго хозяйства въ Россіи, производитъ въ имѣніяхъ реформы, руководствуясь единственно книгами и совѣтами своего педанта библіотекаря, а также разныхъ иностранцевъ, отправленныхъ въ его помѣстья; это тяжело отражается на положеніи крестьянъ. По словамъ бывшаго прикащика:

. . . . . село Княжое
Заморской сволочью, что князь прислалъ въ него
Для экономіи, для фабрикъ, для заводовъ,
Раззорено въ конецъ . . . . .

Для свеклосахарнаго завода крестьяне работали «круглый годъ день деньской» и «подъ свеклу десятинъ до сотни распахали». Разореніе крѣпостныхъ довершаетъ жена князя Радугина, ради нарядовъ которой пришлось въ одинъ годъ «мадамамъ заплатить съ двухъ тысячъ душъ оброки». Въ противоположность этимъ лицамъ, въ комедіи есть и хорошій помѣщикъ, заботящійся о своихъ крестьянахъ, который въ концѣ концовъ помогаетъ своему племяннику-князю выпутаться изъ долговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ ему:

---

[1]) „Романы и повѣсти, сочиненія Василія Нарѣжнаго". Изд. 2-е. СПБ. 1836 г., ч. V и X.

„Педантовъ не велю пускать къ тебѣ на дворъ
И мучить мужиковъ напрасно не дозволю".

Хотя рѣдко, но все таки бывали случаи, что и въ произведеніяхъ изящной словесности проводились консервативные взгляды на крестьянскій вопросъ. Такъ, Г. Р. Державинъ, который, по мѣрѣ силъ и возможности, боролся съ либеральными предположеніями правительства по этому предмету, хотя и не прочь былъ отъ обсужденія крестьянскаго вопроса дворянствомъ, помѣстилъ въ изданныхъ имъ въ 1804 г. «Анакреонтическихъ пѣсняхъ» (стр. 116) стихотвореніе, гдѣ голубка говоритъ, что не желаетъ вольности, которую ей хочетъ дать Хлоръ, сынъ Фелицы; по ея словамъ:

„Какая это воля,
Летала, чтобъ одна;
Была-бъ безвѣстна доля,
Была-бы голодна?"

По объясненію самого Державина, стихотвореніе это написано въ Петербургѣ въ 1808 г. «по случаю тогдашняго мнѣнія императора Александра, чтобы вольность дать крестьянамъ» [1]).

Въ 1805 году Державинъ написалъ еще слѣдующее стихотвореніе по поводу преній въ англійскомъ парламентѣ о торгѣ невольниками, которое въ свое время осталось ненапечатаннымъ:

„Прекрасно, хорошо, и можно подтвердить,
Чтобъ дать невольникамъ отъ ихъ работъ свободу;
Но прежде надобно двѣ вещи разрѣшить:
Льзя-ль просвѣщенный умъ привить всему народу
И въ равенствѣ его во всей вселенной зрѣть?
Коль можно, то съ звѣрьми должно въ норахъ сидѣть
И лѣсъ звать городомъ, а пить за кофе воду" [2]).

В. И. Семевскій.

---

[1]) „Сочиненія Державина", 2-е академическое изданіе, т. II, 250, III, 601. Необходимо замѣтить, что, судя по воспоминаніямъ крестьянъ въ его имѣніи Званка, Державинъ былъ добрымъ помѣщикомъ. Ibid. II, 412—413.

[2]) Ibid., III, 299. В. С.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

Неизданное юношеское его стихотвореніе

„ИСПОВѢДЬ"

1829—1830 гг.

Кто имѣлъ въ рукахъ черновыя тетради Михаила Юрьевича Лермонтова, или присматривался внимательнѣе къ обоимъ томамъ далеко неполнаго собранія сочиненій поэта, тотъ не удивится, если мы скажемъ, что мотивы ко всѣмъ почти позднѣйшимъ произведеніямъ Михаила Юрьевича, доставившимъ ему громкую, всемірную славу, кроятся въ наброскахъ и попыткахъ, сдѣланныхъ имъ почти ребенкомъ — отъ 13 до 15-ти лѣтняго возраста.

Извѣстно, что великія произведенія писателей по бо̀льшей части задумывались ими въ юности, если и выполнялись гораздо позднѣе. Такъ, Гёте задумалъ величайшее свое твореніе «Фауста» на 19 году (Не такъ давно найденъ первый набросокъ, этого произведенія долго тщетно разыскивавшійся). То-же можно сказать о Байронѣ и о многихъ другихъ, но рѣдко у кого талантъ, мысль, характеръ творчества сказались такъ рано и опредѣленно, какъ у Лермонтова. «Что успѣлъ онъ проникнуть своимъ умомъ, отпечатлѣлось ясно и живо... Перебирая его мысли, чувствуешь, какъ онъ замѣтно совершенствуется — доказательство, что поэзія составляетъ сущность его внутренней жизни». Эти слова Плетнева, сказанныя при появленіи перваго изданія стихотвореній Лермонтова, глубоко справедливы и могутъ быть поставлены рядомъ съ тѣмъ, что говоритъ о поэзіи Лермонтова Боденштедтъ [1]).

---

[1]) Соч. и переписка Плетнева, изд. Я. Грота. 1885 г., т. II, стр. 304. Боденштедтъ: Mich Lermontoff's Poet. Nachlass. Berlin, 1852. B. II, S. 319.

Одаренный въ высшей степени чуткою душою, рано измученный несчастными обстоятельствами жизни, поэтъ созрѣлъ не по лѣтамъ и одинокій ввѣрялъ лишь музѣ свои мысли и скорбь души. Всѣ его произведенія носятъ автобіографическій характеръ, все истекало изъ рано имъ самимъ пережитаго. Строгій къ самому себѣ и чуткій къ красотамъ слова, Лермонтовъ вновь и вновь перебиралъ задѣвшій его мотивъ, выразить который вполнѣ ему при первыхъ попыткахъ не удавалось. Такъ, еще 14-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ сдѣлалъ первый набросокъ «Демона», изображая въ поэмѣ горечь ранней любви своей, раннихъ страданій, и затѣмъ всю жизнь, до 1841 года, опять и опять перерабатываетъ сюжетъ. Зрѣя талантомъ, онъ постепенно переносилъ его изъ области субъективныхъ ощущеній въ міръ эпическихъ сказаній и народныхъ вѣрованій. Мотивы изъ поэмы «Аулъ Бастунджи» переходятъ и совершенствуются въ «Измаилѣ Беѣ» [1]), «Каллы» въ «Хаджи Абрекѣ» [2]). Многое изъ драмы «Два брата» перешло въ «Героя нашего времени», даже мотивы знаменитыхъ лирическихъ произведеній находимъ мы въ юношескихъ тетрадяхъ. Тамъ встрѣчаются въ нихъ первые наброски стихотвореній: «Бородино», «Любовь мертвеца», «Договоръ» и пр. Даже «На смерть кн. А. И. Одоевскаго» цѣлымъ рядомъ стиховъ походитъ на то, что Лермонтовъ въ «Сашкѣ» относитъ къ Полежаеву, а въ одномъ изъ писемъ къ М. Лопухиной къ самому себѣ [3]). Точно также извѣстно, что многое изъ «Боярина Орши» перешло въ «Мцыри».

П. А. Ефремовъ, вслѣдъ за Дудышкинымъ въ послѣднемъ изданіи (1887 г., стр. 525), говоритъ даже, что юношескую поэму «Литвинку» можно назвать первымъ очеркомъ «Боярина Орши». Но это не такъ и основано лишь на одномъ имени Арсенія, встрѣчающемся въ обоихъ произведеніяхъ, какъ мною уже было указано въ послѣсловіи къ «Литвинкѣ», изданной мною въ 1882 году («Русская Мысль», декабрь).

Первый набросокъ, легшій въ основаніе «Боярина Орши» и «Мцыри», приводится мною нынѣ и любопытенъ, какъ примѣръ постепеннаго развитія темы, запавшей въ душу поэта еще въ весьма молодые годы.

«Исповѣдь» написана Лермонтовымъ, очевидно, въ одно время съ первымъ наброскомъ «Демона» и драмою «Испанцы», т. е. въ 1829 или

---

[1]) См. предисловіе мое къ Аулу Бастунджи, впервые напечатанному въ „Русской Мысли“, февраль 1883 г.

[2]) См. мое предисловіе къ Каллы, „Русская Мысль“, ноябрь 1882 г.

[3]) См. мое предисловіе къ „Сашкѣ“, напечатанному въ первый разъ въ „Русской Мысли“, январь 1882 г. П. В.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

15-го іюля 1841 г.

1830 гг. Лермонтовъ въ то время чрезвычайно интересовался Испаніею. Страдая за преслѣдованіе отца богатою роднею своей умершей матери, считавшей его человѣкомъ незнатнаго рода, мальчикъ сильно былъ занятъ прошлою судьбою своихъ предковъ. Не имѣя точныхъ о нихъ свѣдѣній, онъ производилъ родъ свой отъ испанскаго герцога «Лермы». Именемъ «Лерма» поэтъ долго подписывался подъ своими рукописями. Существуетъ даже поясной портретъ воображаемаго имъ предка [1]) — рисованный самимъ поэтомъ около 1830 года. Вотъ отчего въ это время онъ особенно охотно уносится своею фантазіею въ Испанію и не только пишетъ драму «Испанцы», но и мѣсто дѣйствія поэмы «Демонъ», въ наброскѣ 1830 года, переноситъ въ Испанію. Мѣсто дѣйствія въ «Исповѣди» тоже Испанія — берега Гвадалквивира. И соображенія наши, на основаніи всего сказаннаго, и самый стихъ даютъ намъ достаточно основаній отнести это произведеніе къ 1830 году или раньше. На рукописи годъ не означенъ. Есть и еще обстоятельство, подтверждающее нашу догадку—это конецъ печатаемой нынѣ поэмки. Въ немъ мы встрѣчаемся съ «Двѣнадцатью дѣвами», скрытыми въ монастырѣ. Все это очень смутно и туманно, и напоминаетъ образъ «двѣнадцати спящихъ дѣвъ» у Жуковскаго. Какъ разъ въ это время Лермонтовъ былъ подъ вліяніемъ нѣмецкой романтической поэзіи и представителя ея у насъ—Жуковскаго. Михаилъ Юрьевичъ переводилъ много изъ нѣмецкихъ поэтовъ, самъ писалъ стихи на этомъ языкѣ, а Жуковскаго переписывалъ въ своихъ юношескихъ тетрадкахъ 1827 и 1828 годовъ [2]).

Что касается до рукописи «Исповѣдь», нынѣ нами печатаемой, то исторія ея слѣдующая: въ 1881 году я въ Пензѣ получилъ отъ г. Хохрякова рукописные матеріалы для біографіи М. Ю. Лермонтова. Частью ими пользовался, довольно небрежно, Дудышкинъ и помѣтки его находятся на поляхъ одной изъ тетрадей [3]). Г. Хохряковъ многое получилъ отъ близкаго друга Лермонтова, Святослава Аѳанасьевича Раевскаго, введшаго его въ петербургскіе литературные кружки, черезъ Андр. Алекс. Краевскаго, и поплатившагося

---

[1]) См. конецъ главы III біографіи Лермонтова, помѣщенной въ декабр. кн. „Русской Мысли“ за 1881 годъ. Тамъ-же гл. IV, „О семейныхъ горестяхъ поэта“. Рисованная Лермонтовымъ голова мнимаго предка-испанца находится въ Лермонтовскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

[2]) См. гл. III біогр. Лермонтова, въ „Русской Мысли“, декабрь 1881 г.: „Начало поэтической дѣятельности“ и д.

[3]) Объ этихъ матеріалахъ г. Хохрякова я уже говорилъ не разъ, между прочимъ, въ статьѣ „Университетскіе годы М. Ю. Лермонтова“. Прим. 18, 34, 42 и пр. („Русская Мысль“, апрѣль 1883 г.). П. В.

вмѣстѣ съ Лермонтовымъ за распространеніе знаменитыхъ стиховъ его «На смерть А. С. Пушкина» [1]). Бабка Раевскаго воспитывалась въ домѣ Столыпиныхъ, вмѣстѣ съ бабкою Лермонтова, впослѣдствіи Арсеньевой. Эта Е. А. Арсеньева (рожд. Столыпина) крестила Св. А. Раевскаго, который былъ лѣтъ на пять старше Лермонтова. Онъ тоже воспитывался въ московскомъ университетѣ, подолгу живалъ въ домѣ Арсеньевыхъ и, какъ старшій, оказывалъ вліяніе на Михаила Юрьевича. Арестованный одновременно съ Лермонтовымъ въ 1837 году за распространеніе стиховъ, Раевскій былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, въ то время какъ Лермонтовъ ссылался на Кавказъ. Письма и нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, попавшія въ руки слѣдственной коммиссіи по дѣлу о стихахъ, по окончаніи его, были отданы Раевскому [2]), а послѣдній многое подарилъ Хохрякову. Г. Хохряковъ затѣмъ собралъ еще изрядное количество рукописей Лермонтова, принадлежавшихъ двоюродному брату его, Шанъ-Гирею. Многое онъ поднесъ въ даръ Публичной библіотекѣ, но кое-что у него осталось и было обязательно передано мнѣ.

Въ находящихся у меня матеріалахъ г. Хохрякова находится, между прочимъ, отрывокъ, сочтенный имъ за отрывки-варіанты къ «Боярину Оршѣ». Они начинаются съ обрывка конца II строфы (шесть строкъ) и затѣмъ вполнѣ сохранились до VII строфы включительно. Въ строфахъ этихъ я, дѣйствительно, нашелъ многое, что есть въ «Бояринѣ Оршѣ», но еще и другое, а главное, что нумерація строфъ совершенно не сходилась съ нумераціею главъ въ «Бояринѣ Оршѣ». Я видѣлъ, что этотъ набросокъ имѣлъ тоже мало общаго съ поэмою «Мцыри» и ждалъ, что какъ нибудь или откуда нибудь явится поясненіе—найдется ключъ, начало произведенія, намекъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ собиранія матеріаловъ, удача часто мнѣ улыбалась и изъ разныхъ мѣстъ неожиданно получалъ я желаемое. Иногда слово, обрывокъ письма, намекъ—все разъясняли. Такъ письмо, бывшее въ рукахъ Раевскаго и упоминаемое въ одномъ спискѣ, было мнѣ случайно выслано дружественной рукой съ береговъ Рейна. И теперь, наконецъ, совершенно неожиданно объяснились мнѣ отрывки въ матеріалахъ г. Хохрякова.

Въ февралѣ 1887-го года я получилъ письмо отъ Софьи Александровны Эллисъ, рожденной Кирѣевой. Въ дѣлѣ о стихахъ на смерть Пушкина упоминается имя Кирѣева, отца Софьи Алексан-

---

[1]) Ср. статью мою: „Лермонтовъ на смерть А. С. Пушкина“. „Вѣстникъ Европы“, 1887 г., январь.

[2]) Опись ихъ находится при „Дѣлѣ о стихахъ“ въ Лермонтовск. музеѣ. П. В.

дровны, пензенскаго помѣщика, двоюроднаго брата Свят. Аѳ. Раевскаго. Въ письмѣ ко мнѣ Софья Александровна пишетъ, что когда въ 1861 году, окончивъ курсъ, поѣхала въ свое пензенское имѣніе, она была въ Пензѣ привѣтствована Св. Аѳ. Раевскимъ. Раевскій искренно и глубоко любилъ М. Ю. Лермонтова, какъ всѣ очень близко его знавшіе люди. Старику было пріятно видѣть въ молодой дѣвушкѣ восторженную почитательницу таланта его друга и онъ подарилъ ей, какъ выражается г-жа Эллисъ, автографъ сцены изъ «Мцыри». Автографъ этотъ, носящій названіе «Исповѣдь», Софья Александровна поднесла въ даръ Лермонтовскому музею. Вотъ эта «Исповѣдь» и составляетъ первый набросокъ и начало тѣхъ отрывковъ, которые получилъ я отъ г. Хохрякова. Н. Н. Буковскій любезно сравнилъ рукопись, находящуюся у меня, съ автографомъ «Исповѣди». Оказалось, что «Исповѣдь» составляетъ недостающее у меня начало отрывковъ. Кромѣ того, нумерація строфъ немного другая, т. е. II строфа автографа «Исповѣди» соотвѣтствуетъ III строфѣ моей рукописи. III строфа автографа—отрывку изъ VI строфы рукописи. Есть кое-какія измѣненія, вѣрнѣе исправленія отдѣльныхъ выраженій. Ясно, что сначала была написана «Исповѣдь» въ томъ видѣ, въ какомъ она печатается. Затѣмъ были сдѣланы исправленія и добавленія, которыя вмѣстѣ съ первоначальнымъ наброскомъ составили всю печатаемую нынѣ пьесу. Изъ этого начала образовалась поэма «Боярин Орша», писанная поэтомъ въ 1835 году, когда, выйдя изъ школы гвардейскихъ подпрап., Лермонтовъ сталъ интересоваться вопросами русской исторіи, отношеніями Россіи къ Европѣ и нашимъ общественнымъ строемъ.

«Исповѣдь» мы издаемъ такъ, что текстъ, составляющій автографъ г-жи Эллисъ, печатается крупнымъ шрифтомъ; добавленія—болѣе мелкимъ. Такимъ образомъ читатель легко можетъ изъ всей пьесы возстановить первоначальный набросокъ. Затѣмъ видимъ его въ исправленномъ и дополненномъ видѣ и, наконецъ, можемъ прослѣдить, по отмѣткамъ на поляхъ и примѣчаніямъ, всю поэтическую работу—какъ выраженія, мысли и цѣлые стихи перенесены Лермонтовымъ въ «Боярина Оршу» и затѣмъ «Мцыри», т. е. въ какомъ видѣ, наконецъ, въ 1840 году [1]) устанавливается то, что затрудняло поэта въ 1829 или 1830 году, на 14 или 15-лѣтнемъ возрастѣ.

---

[1]) Хотя П. А. Ефремовъ и причисляетъ „Мцыри“ къ 1839 году (Соч. Лерм., т. I), но это неправильно. Въ 1839 году Лермонтовъ работалъ надъ „Мцыри“, но въ окончательный видъ привелъ и напечаталъ въ первомъ изданіи самъ подъ 1840 годомъ. С. С. Дудышкинъ въ изданіи соч. Лерм. 1863 года сдѣлалъ дополненія изъ тетрадей Краевскаго къ строфѣ VIII (2 строки) и къ строфѣ

ИСПОВѢДЬ.

I.

День гасъ! Въ нарядѣ голубомъ
Крутясь бѣжалъ Гвадалквивиръ...
И не заботяся о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то міръ
Для счастья чуждый, полный зломъ—
Свѣтило южное текло
Безпечно, пышно и свѣтло...
Но въ монастырскую тюрьму
Игривый лучъ не проникалъ,
Какую-бъ радость одному
Туда принесъ онъ, если-бъ зналъ.
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Испанецъ родомъ и душой...
Таковъ былъ рокъ! зачѣмъ, за что,
Не зналъ и знать не могъ никто.
Но въ преступленьи обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ.
Онъ зналъ людей и зналъ законъ,
И ничего отъ нихъ не ждалъ...
Но вотъ по лѣстницѣ крутой
Звучатъ шаги, открылась дверь
И старецъ дряхлый и сѣдой
Взошелъ въ тюрьму—зачѣмъ теперь?

XXV (семь заключительныхъ строкъ), которыя вмѣстѣ съ примѣчаніями безъ оговорокъ П. А. Ефремовъ перенесъ въ число собственныхъ своихъ библіографическихъ примѣчаній въ редактированномъ имъ изданіи. Можетъ быть, что эти два выпущенныя мѣста не вошли въ изданіе 1840 года изъ-за цензурныхъ соображеній. Во всякомъ случаѣ, черновая „Мцыри“ хотя и подписана 1839 годомъ августа 5, но окончательно пересмотрѣна въ 1840 году и причислить ее надо къ этому году. П. В.

Что сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ! [1])

II.

«Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!..
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди—люди, мой отецъ!
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія [2]),
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить—и крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Согрѣть имъ вновь не суждено [3])
Сердца увядшія давно.
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ не была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ.
И тѣнь невиннаго [4]), повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь.
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ... зналъ-ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?

„Боярин Орша“, стр. 465 соч. Лерм. изд. 1887 г., ч. II.

„Мцыри“, V.

[1]) Вмѣсто шести послѣднихъ стиховъ было прежде написано:

Но кто идетъ къ нему теперь?
Гремитъ запоръ, открылась дверь!
И старецъ дряхлый и сѣдой
Вошелъ тяжелою стопой.

[2]) Въ „Боярине Орша“ эта строка читается такъ:

Пускай умру... но смерть моя...

[3]) Въ „Боярине Орша“:

Имъ разогрѣть не суждено...

[4]) Въ „Боярине Орша“—несчастнаго. П. В.

„Боярин Орша“, стр. 465 соч. Лерм. изд. 1887 г., ч. II.

„Мцыри“, V.

Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ [1]) стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись голубь молодой
Сидитъ испуганный грозой!
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слѣпъ [2]), ты сѣдъ
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ!—я также могъ-бы жить!...

III.

„Боярин Орша“, стр. 460—461.

„Мцыри“, III.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ—благодарю.
Не понимаю [3]), что была
У нихъ за мысль? —Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно-ль разсказать?
И если-бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я преступникъ [4]) иль злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ

---

[1]) Въ „Боринѣ Орша“—трещинѣ.

[2]) Также въ „Боярине Орша“, а въ „Мцыри“—слабъ... Странно, что редакторъ изданія сочиненій Лермонтова, П. А. Ефремовъ, не сравнилъ тождественныя мѣста въ „Мцыри“ съ таковыми же въ „Боярине Орша“. Знаки препинанія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ совершенно различные. Между тѣмъ, они поставлены редакціей, ибо Лермонтовъ ставилъ ихъ ужъ совершенно не такъ—да и неправильно.

[3]) Въ рукописи г-жи Эллисъ: „не постигаю“.

[4]) Въ „Боярине Орша“ „безсовѣстный злодѣй“. П. В.

„Боярин Орша“, стр. 460 — 461 и 464.

Рукою неба [1]) утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой;
Онъ оправдалъ меня—одинъ,
Онъ сердца [2]) полный властелинъ.
И тайну страшную мою
Я неизмѣнно [3]) сохраню,
Пока земля въ урочный часъ,
Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнъ
Среди угрюмыхъ этихъ [4]) стѣнъ,
Гдѣ дѣтства ясные [5]) года
Я проводилъ Богъ вѣсть куда!
Какъ сонъ, безъ радости [6]) и бѣдъ,
Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ
И воскресить тѣ дни едва-ль
Желалъ бы я, а все ихъ жаль!
Зачѣмъ молчаніе храня
Такъ грозно смотришь [7]) на меня?
Я воленъ... я не братъ живыхъ!
Судей безчувственныхъ монхъ
Не проклинаю, но, старикъ,
Я признаюся, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить,
За то, что прежде можетъ быть
Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ
Погаснетъ въ мирной тишинѣ,
Я, свѣжій, пылкій, молодой,
Который здѣсь передъ тобой,
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,
Весь превращуся въ слово: нѣтъ!
И прахъ лишенный бытія
Ужъ будетъ прахъ одинъ—не я».

---

[1]) Въ „Боярине Орша“—„Бога“.
[2]) „Не сердцу“, какъ напечатано въ новомъ изданіи.
[3]) Въ рукописи г-жи Эллисъ: „какъ могила“.
[4]) Въ рукописи г-жи Эллисъ: „вашихъ“.
[5]) Въ рукописи г-жи Эллисъ: „свѣтлые“.
[6]) Въ рукописи г-жи Эллисъ: „счастія“.
[7]) Въ рукописи г-жи Эллисъ: „слушаешь“.

IV.

„И могъ-ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ вы душой оставить свѣтъ
И жить, не вѣдая страстей,
Подъ солнцемъ родины моей?
Ты позабылъ, что сѣдина
Межъ этихъ кудрей не видна,
Что пламень въ сердцѣ молодомъ
Не остудишь мольбой, постомъ,
Когда надъ бездною морской
Свирѣпой бури слышенъ вой
И громъ гремитъ по небесамъ,
Вели не трогаться волнамъ,
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!...
Да если-бъ черный сей нарядъ
Не допускалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ;
Но подъ одеждой власяной
Я человѣкъ, какъ и другой
И ты, безчувственный старикъ [1]),
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился-бъ также согрѣшить,
Отвергнувъ все, законъ и честь,
Ты былъ-бы счастливъ перенесть
За слово, ласку или взоръ,
Мое страданье, мой позоръ!..

„Боярин Орша“, стр. 461.

„Бояр. Орша“, стр. 461.

V.

„Я о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь;
Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
Разлуки первой, грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
И если-бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной,

„Бояр. Орша“, стр. 480.

---

[1]) Въ „Боярине Орша“ этотъ стихъ измѣненъ:
„И ты, и ты, слѣпой старикъ“.

„Боринъ Орша“; стр. 480.

Клянусь, я прежде чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ-бы спросилъ,
Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Нѣтъ, перестань, не возражай!...
Что безъ нея земля и рай?
Пустыя, звонкія слова,
Блестящій храмъ безъ божества [1]).
Увы! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, милый взглядъ,
Отдай мнѣ свѣжія уста,
И голосъ сладкій, какъ мечта...
Одинъ лишь слабый звукъ отдай...
О! старецъ, что такое рай?“...

VI.

«Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей;
Но разъ на мрачное окно
Упалъ одинъ—давнымъ давно;
И съ этихъ поръ между камней
Ничтожный слѣдъ веселыхъ дней
Забытъ, какъ узникъ, одинокъ
Ростетъ блѣднѣющій цвѣтокъ;
Но вовсе онъ не разцвѣтетъ,
И гдѣ родился—тамъ умретъ!
И не сходна-ль, отецъ святой,
Его судьба съ моей судьбой?
Знай, можетъ быть ея ужъ нѣтъ!...
И вотъ послѣдній мой отвѣтъ:
Поди, бѣги, зови скорѣй
Окровавленныхъ палачей;
Судить и медлить вамъ на что?
Она не тутъ,—и все ничто!
.... Прощай, старикъ, вотъ казни часъ:
За нихъ молись... въ послѣдній разъ
Тебѣ клянусь передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ.

---

[1]) Два эти стиха встрѣчаемъ въ „Демонѣ“.
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

Скажи, что умеръ я какъ могъ,
Безъ угрызеній и тревогъ;
Что съ тайной гибельной моей
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я, ... что любилъ
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ!
Кого любилъ?... Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной
За жизнь, за міръ, за вѣчность [1]) вамъ
Я тайны этой не продамъ!»
. . . . . [2]).

VII.

.... И онъ погибъ,—и погребенъ.
И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной;
И въ храмъ высокій онъ проникъ...
Тамъ, гдѣ сіялъ Мадонны ликъ
Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
Какъ призраки стояли въ рядъ
Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣтъ
Причелъ къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ...
Неслась мольба ихъ къ небесамъ
И отвѣчалъ старинный храмъ
Ихъ пѣсни мирной и святой,
И пѣли всѣ кромѣ одной.
Какъ херувимъ, она была
Обворожительна мила;
Въ ея лицѣ никто-бъ не могъ
Открыть печалей и тревогъ.
Но что такое женскій взглядъ?
Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!...
Прилежнымъ ухомъ у окна
Шумъ вѣтра слушала она,
Какъ будто долженъ былъ принесть
Онъ рѣчь любви, иль смерти вѣсть!...
Когда-жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ—то слабый крикъ

---

[1]) Въ рукописи г-жи Эллисъ: „небо“.
[2]) Точки въ подлинникѣ.

„Б. Орша“, стр. 454 вн.

Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!...
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

М. Лермонтовъ.

Первая и главная мысль, интересовавшая поэта, была—выставить человѣка благородной и сильной натуры, обиженнаго судьбою и преслѣдуемаго людьми. Онъ презираемъ какъ бѣднякъ и личность незнатнаго происхожденія. Люди не признаютъ за нимъ правъ человѣческихъ, которыя общество считаетъ лишь за привиллегированными своими членами. Уже въ первой написанной Лермонтовымъ драмѣ «Испанцы» (1830 г.) мы встрѣчаемся съ героемъ ея Фернандо, человѣкомъ, судьбою приниженнымъ. Онъ найденышъ, выросшій на чужомъ хлѣбѣ изъ милости. Какъ смѣетъ онъ имѣть чувство человѣка благороднаго рожденія. Какъ смѣетъ желать выйти изъ круга ему указанныхъ чувствъ и понятій! Люди и законъ не спрашиваютъ, чѣмъ переполнена его душа, какія его мысли, страсти—естественныя права человѣка. Словомъ, субъективная въ немъ сила должна смириться какъ безправная. Этотъ разладъ между стремленіями сильной души и сковывающими ее рамками, очевидно, рано затронулъ Лермонтова, еще до времени, когда въ поэзіи Байрона нашелъ онъ откликъ своимъ думамъ.

Да если-бъ черный сей нарядъ
Не допускалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ-бы виноватъ;
Но подъ одеждой власяной
Я человѣкъ, какъ и другой...

говоритъ герой въ «Исповѣди». Страшно возмущался онъ мыслію, что нарядъ монашескій, въ который онъ попалъ невольною волею, запрещаетъ ему проявленія чувствъ законныхъ для всего человѣчества. Онъ не признаетъ, что этотъ запретъ наложенъ справедливыми небесами:

Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ: (т. е. казнь, наказаніе)
Все люди—люди...

съ негодованіемъ восклицаетъ онъ.

Выяснить героизмъ положенія такой скованной души — вотъ что занимало умъ юнаго поэта. Вынесъ же онъ и самъ на себѣ, и въ лицѣ любимаго, можетъ быть, идеализируемаго имъ отца, подобную пытку. Былъ же онъ свидѣтелемъ преслѣдованія, угнетенія, презрѣнія къ отцу за незнатность рода его, не смотря на которую онъ дерзнулъ полюбить дѣвушку аристократку и породниться съ родами, бывшими въ богатствѣ и чести [1]).

Чѣмъ болѣе ощутительно было незаслуженное униженіе со стороны другихъ, тѣмъ сильнѣе пробуждалась внутренняя гордость, и росла она въ мечтахъ юнаго ума до сатанинской гордыни.

О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ...

восклицаетъ въ одномъ изъ лирическихъ стихотвореній той же эпохи юный поэтъ. Между нимъ и умершимъ въ это время отцомъ, прежде всегда разлучаемымъ съ нимъ, образовалась тайная связь, тайный союзъ душъ. Онъ говоритъ отцу въ другомъ лирическомъ стихотвореніи:

Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ...

т. е. имъ, сыномъ своимъ, «Мишелемъ Лермонтовымъ».

Рядомъ съ этимъ горемъ у юноши-поэта было и еще сердечное горе. Онъ любилъ дѣвушку однихъ съ нимъ лѣтъ. Отношенія были странныя, двойственныя. Она считалась какъ бы его кузиной, хотя была съ нимъ только въ свойствѣ, но среди его двоюродныхъ сестеръ она росла въ одинаковыхъ съ ними къ нему отношеніяхъ. На него въ

---

[1]) Родъ отца Лермонтова, Юрія Петровича, утратилъ не только богатство, но и свои родовыя бумаги. Родъ, дѣйствительно, захудалъ. Бумагъ не было и не безъ труда, кажется, добыли ему дворянскій дипломъ и внесли имя его въ дворянскую родословную книгу Тульской губерніи („Русск. Стар.“, т. XXXIII, стр. 469), марта 10-го дня 1829 г. Вѣроятно, что свѣдѣнія о предкахъ были скудны. Выйдя въ офицеры, по разсказу И. Н. Лермонтова (младшая линія—поэтъ послѣдній изъ старшей линіи), Мих. Юр. не зналъ даже герба своей фамиліи. Характерно и начало стихотворенія, въ коемъ говоритъ онъ о себѣ и отцѣ:

Ужасная судьба отца и сына—
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина. П. В.

обществѣ глядѣли какъ на мальчика и если и замѣчали, быть можетъ, привязанность поэта, то не придавали ей серьезнаго значенія. Къ тому же она, однихъ съ нимъ лѣтъ, являлась уже взрослою. Въ общественномъ положеніи была, слѣдовательно, большая разница. Самому Лермонтову, почти мальчику еще, отношеніе къ Варварѣ Лопухиной было неясно. Она представлялась ему то сестрой, то недосягаемымъ идеаломъ, дамою сердца и помысловъ. Она наполняла его душу или миромъ и покоемъ, или негодованіемъ среди опасныхъ соперниковъ; казалась то мягкой и любящей, то коварной. Однимъ взглядомъ и словомъ она поднимала его на высоту небесъ, или низвергала въ мрачное настроеніе духа, въ глубокія пропасти ада. Около нея поэтъ сосредоточивалъ свою фантазію. Мечты переплетались съ дѣйствительностію—выходомъ являлось творчество. Въ «Испанцахъ» любимая дѣвушка является героиней драмы, страстно любимою Фернандо, и затѣмъ внезапно оказывается его сестрою. Въ юношеской повѣсти, писанной немного позднѣе (1836 г.), она изображена сестрою горбача Вадима, безумно ея любящаго и увѣреннаго, что только ея любовь можетъ вернуть его къ добру. Страдающій и неясный въ самомъ себѣ, Лермонтовъ, сомнѣваясь и ревнуя, какъ Гамлетъ, посылаетъ Офелію свою въ монастырь. Въ его тогдашнихъ произведеніяхъ Варвара Александровна не разъ является монахиней. Такъ, въ первомъ очеркѣ «Демона» она монахиня-испанка. Поэтъ даже нарисовалъ акварелью ея портретъ въ костюмѣ католической монахини, въ окнѣ испанскаго монастыря на берегу моря [1]). Въ «Исповѣди» дѣвушка, любимая героемъ, тоже въ монастырѣ. Любовь къ ней признается преступною со стороны молодаго монаха и его приговариваютъ къ казни. Работая вновь и вновь надъ излюбленною темою, желая выставить роковаго человѣка въ борьбѣ съ предвзятыми людскими предразсудками, Лермонтовъ видоизмѣнялъ фабулу своего сюжета согласно съ тѣми интересами, которые въ данный моментъ занимали его. Когда фантазія поэта была занята Испаніею, онъ рисовалъ ее съ ея бурными страстями, убійствами, казнями, пытками и ужасами таинственной инквизиціи. Послѣдняя, какъ учрежденіе, носившее въ себѣ глубокій разладъ съ ученіемъ христіанства, коимъ она прикрывалась, представлялась поэту особенно яркой иллюстраціей противорѣчивыхъ дѣяній и ложныхъ постановленій человѣческаго

---

[1]) Существуетъ и второй ея акварельный портретъ, нарисованный поэтомъ въ 1836 году, на коемъ онъ изобразилъ ее княгинею Лиговскою. Ср. статью мою: „По поводу княгини Лиговской". „Русскій Вѣстникъ", мартъ 1882 г., стр. 336. П. В.

общества. Когда Лермонтовъ сталъ заниматься и интересоваться русскою исторіею и брать сюжеты изъ нея, онъ перенесъ, что желалъ высказать въ «Исповѣди», изъ Испаніи въ обстановку русскую и такимъ образомъ создалъ «Боярина Оршу». Произведеніе это заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія, нежели какое обыкновенно ему придаютъ. Старикъ Орша и монастырскій служка Арсеній нарисованы сильными штрихами, яркими красками. Стихъ изобличаетъ уже мастера.

Мотивы, однако же, остаются тѣ же.

И здѣсь герой поэмы Арсеній—тотъ же безродный, безправный найденышъ, о коемъ Орша говоритъ:

Я заплачу тебѣ, злодѣй—
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота.

И здѣсь юноша гордо отвергаетъ обвиненіе, не считая себя виновнымъ передъ Богомъ, не признавая суда людскаго. Судящему его игумену онъ отвѣчаетъ:

Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой:
Онъ оправдалъ меня, одинъ
Онъ сердцу полный властелинъ!
Когда-бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ.

Субъективное право человѣка Лермонтовъ ставитъ тутъ высоко. Арсеній считаетъ любовь даромъ неба, имъ узаконеннымъ правомъ и вопіющею несправедливостію раздѣляемый Оршею предразсудокъ, по которому онъ, безродный найденышъ, не смѣетъ полюбить боярскую дочь. Не признаетъ Арсеній и обвиненіе монастырской братіи въ томъ, что, какъ монахъ, не смѣетъ полюбить дѣвушку. Рѣчи Арсенія дышатъ чудною гордостью, силой души. Страшнымъ, непримиримымъ бойцомъ за родину является Орша, онъ напоминаетъ мощь Тараса Бульбы, его непоколебимую волю. Онъ тоже убійца непослушнаго дѣтища, не смотря на безграничную и нѣжную къ нему любовь. Ненависти Орши къ Арсенію нѣтъ конца. Когда послѣдній, послѣ кровавой сѣчи русскихъ съ литовцами, въ обезображенной грудѣ тѣлъ, отыскиваетъ умирающаго израненнаго Оршу, старикъ, собирая остатокъ силъ, съ грозною рѣчью обращается къ виновнику душевныхъ мукъ своихъ, теперь перебѣжчику и измѣннику страны родной:

.... вѣрный родинѣ моей
Не отверну теперь очей,
Хоть ты-бъ желалъ, измѣнникъ ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
И сожалѣнье, и печаль...
Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
А жаль лишь то, что часъ мой билъ,
Покуда я не отомстилъ,
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣтъ твоей!...

Глубоко схвачены и скорбь, и мука душевная Арсенія и мягко, и грустно звучатъ теперь слова, выходящія изъ его гордыхъ, непреклонныхъ устъ:

Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда на эту грудь,
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ, давно,
А кѣмъ и какъ—не все-ль равно...

Лермонтовымъ страшно сопоставлена любовь отцовская и любовника къ одному и тому же прекрасному, несчастному созданію. Есть что-то трагическое въ отношеніяхъ этихъ двухъ непреклонныхъ, гордыхъ враговъ, всетаки прикованныхъ другъ къ другу безграничною любовью къ одному и тому же предмету, обоими ими сгубленному. Только что прозвучали укоры и проклятія, прозвучала насмѣшка, полная горькой муки и презрѣнія къ Арсенію; еще сердце Орши не совсѣмъ перестало биться, а ужъ молодой человѣкъ ясно читаетъ въ чертахъ врага своего повѣсть сердечныхъ мукъ, заглушить которыя не могъ голосъ ненависти.

Къ нему Арсеній подошелъ
И руки сжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ поблѣднѣвшихъ мутныхъ глазъ...
И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ,
Прощая—не прощенъ ни въ чемъ!

Не смотря на сильную рисовку характеровъ и много достоинствъ поэмы, въ ней есть недостатки; такъ, поэтъ не можетъ отдѣлаться отъ

образовъ своихъ испанскихъ мечтаній. Въ «Бояринѣ Орша» монахи и ихъ игуменъ совсѣмъ не русскіе монахи, а смахиваютъ на инквизиторскій трибуналъ католическаго ордена. Въ Арсеніи, какъ начальникѣ разбойничьей шайки, есть также сходство съ мотивами изъ «Натальи боярской дочери» Карамзина. Словомъ, поэтъ, творя своеобразно, не творилъ еще свободно. Оттого-то онъ самъ не былъ удовлетворенъ этимъ произведеніемъ и подвергъ излюбленный мотивъ новой переработкѣ.

Такъ какъ талантъ поэта быстро зрѣлъ, то и понятно, что онъ все болѣе и болѣе освобождался изъ подъ оковъ субъективныхъ ощущеній. Самая первоначальная идея, борьбы подавленной индивидуальности богатой и сильной натуры противъ нравственныхъ оковъ условнаго, самая эта идея выплывала все яснѣе въ чистотѣ своей. Побочные мотивы любви, ненависти должны были уйти на второй планъ и являться развѣ эпизодами. Вотъ какъ подошелъ поэтъ къ своему произведенію «Мцыри». И тутъ правда не обошлось безъ нѣкотораго толчка извнѣ. Какъ разъ въ то время, когда Лермонтовъ, странствуя по старой военно-грузинской дорогѣ, изучалъ мѣстныя сказанія [1]), видоизмѣнившія поэму «Демонъ», онъ наткнулся въ Мцхетѣ,

Тамъ, гдѣ сливаяся шумятъ
Обнявшись будто двѣ сестры
Струи Арагвы и Куры,

на одинокаго монаха или, вѣрнѣе, стараго монастырскаго служку «Бэри» по грузински. Сторожъ былъ послѣдній изъ братіи упраздненнаго близлежащаго монастыря [2]). Лермонтовъ съ нимъ разговорился и узналъ отъ него, что родомъ онъ горецъ, плѣненный ребенкомъ генераломъ Ермоловымъ во время экспедиціи [3]). Генералъ его везъ съ собою и оставилъ заболѣвшаго мальчика монастырской братіи. Тутъ онъ и выросъ; долго не могъ свыкнуться съ монастыремъ, тосковалъ и дѣлалъ попытки къ бѣгству въ горы. Послѣдствіемъ одной такой попытки была долгая болѣзнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, дикарь угомонился и остался въ монастырѣ, гдѣ

---

[1]) Ср. статью мою: „Отраженіе кавказскихъ преданій въ поэзіи Лермонтова“, газета „Кавказъ“, 1881 г., № 203.

[2]) Разсказъ Ак. П. Шанъ-Гирея и Хостатова. Къ послѣднему, знаменитому храбрецу на Кавказѣ, имѣютъ отношенія повѣсти Лермонтова: „Фаталистъ“ и „Бэла“.

[3]) Точно ли то былъ Ермоловъ, вопросъ второстепенный, имя его такъ популярно на Кавказѣ, что ему охотно приписываютъ дѣянія другихъ забытыхъ лицъ. П. В.

особенно привязался къ старику монаху. Любопытный и живой разсказъ «Бэри» произвелъ на Лермонтова впечатлѣніе. Къ тому же онъ затрагивалъ уже знакомый поэту мотивъ и вотъ онъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что было подходящаго въ «Исповѣди» и «Боринѣ Орша», и перенесъ все дѣйствіе изъ Испаніи и потомъ Литовской границы—въ Грузію. Теперь въ героѣ поэмы онъ могъ отразить симпатичную ему удаль непреклонныхъ свободныхъ сыновъ Кавказа, а въ самой поэмѣ изобразить красоты кавказской природы. Все побочное отпадаетъ и поэтъ рисуетъ только могучую вольную душу. Хоть онъ и говоритъ, какъ въ первомъ своемъ наброскѣ въ «Исповѣди»:

А душу можно-ль разсказать!

но всетаки онъ пытается это совершить и попытка его увѣнчивается на этотъ разъ бо̀льшимъ успѣхомъ.

На послѣднемъ листкѣ послѣ черновой рукописи поэмы «Бэри» или «Мцыри» рукою Лермонтова написано нѣсколько любопытныхъ строкъ, кажется, имѣющихъ отношеніе къ поэмѣ и самому поэту:

Ты много жилъ и въ столько лѣтъ
Успѣлъ узнать людей и свѣтъ,
И много горестей и бѣдъ
Пережила душа твоя—
Но Боже! вѣрно такъ, какъ я,
Ты не страдалъ....

Если сравнить «Мцыри» съ «Бояриномъ Оршей», то мы найдемъ много мѣстъ общихъ между ними, больше, чѣмъ указано нами, потому что мы обратили вниманіе только на тѣ строки, которыя вошли во всѣ три произведенія. Разбирать суть и значеніе поэмы «Мцыри» не считаемъ нужнымъ, въ виду общей ея извѣстности. Задача наша была показать, какъ создавались, росли, развивались мотивы поэтическаго творчества Лермонтова; какъ изъ субъективныхъ ощущеній и автобіографическаго матеріала, мало по малу очищеннаго, выходила главная идея, облекаясь въ опредѣленный, ясный поэтическій образъ. Въ поэмѣ «Мцыри» все второстепенное, въ прежнихъ наброскахъ еще проникавшее въ повѣствованіе и оспаривавшее у главнаго мотива его первенствующее значеніе, уходитъ на второй планъ и служитъ исключительно для придачи бо̀льшаго рельефа важнѣйшему образу и важнѣйшей идеѣ. Такъ, эпизодъ любви къ дѣвушкѣ въ «Исповѣди» и въ «Боринѣ Оршѣ», являющійся какъ бы главнымъ мотивомъ невзгодъ послушника, въ «Мцыри» представляется только

прелестнымъ легкимъ силуэтомъ, арабескомъ, выставляющемъ рельефнѣе душевное состояніе юноши, рвущагося въ жизнь. Поэтъ уже не прибѣгаетъ къ рисовкѣ ужасающихъ страстей, ненависти игумена, или гордаго свирѣпаго боярина. Монахи въ «Мцыри» не жестокіе инквизиторы, а добродушные, любящіе старцы. Нигдѣ нѣтъ ненависти, жестокости, угнетенія. Потому-то такъ подавляюще дѣйствуетъ описаніе одинокой души юноши, погибающей отъ непониманія, отъ чуждой обстановки, отъ недостатка вольной воли. Послушникъ задыхается въ этой чуждой, хоть и доброй къ нему, обстановкѣ. Трагизмъ его положенія ростетъ именно вслѣдствіе того, что въ столкновеніяхъ своеобразной души съ окружающей обстановкой жизни нѣтъ никакой утрировки, гнета и преслѣдованія. Для изображенія роковаго и трагическаго не нужно ужасовъ и крови. Поэту удалось выполнить, что онъ задумалъ почти мальчикомъ, т. е. нарисовать благородную и сильную душу, трепещущую и томящуюся въ рамкахъ чуждой жизни, чуждыхъ условій. И эта борьба опредѣленной индивидуальности съ опредѣленнымъ жизненнымъ строемъ, въ результатѣ приводя къ смерти, ставитъ намъ вѣчные, еще не рѣшенные, вопросы: «почему, что виною?»

Пав. А. Висковатый.

Юрьевъ-Ливонскій.
Іюнь 1887 г.

АЛЬБОМЪ С. Д. ПОЛТОРАЦКАГО

1820—1852.

Въ бумагахъ С. Д. Полторацкаго, доставшихся московскому публичному Румянцевскому музею, находится много рукописныхъ тетрадокъ, отдѣльныхъ листковъ со стихами извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поэтовъ, начиная съ 1820-хъ годовъ и кончая 1850-ми годами, копій съ писемъ разныхъ лицъ и чѣмъ-нибудь интересныхъ бумагъ.

Тутъ, между прочимъ, встрѣчаются стихотворенія: Дениса Давыдова, Нелединскаго-Мелецкаго, Бенедиктова, Познанскаго, Добровольскаго, Нечаева, Протасова, Оржицкаго и др.

Между письмами встрѣчается письмо знаменитаго писателя Озерова къ князю Шаховскому по поводу трагедіи «Поликсены»; письмо Н. Н. Муравьева къ С. Д. Полторацкому о побѣгѣ крѣпостныхъ мужиковъ; письмо нѣкоего Петковича—о впечатлѣніяхъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, гдѣ онъ «имѣлъ удовольствіе» видѣть Карамзина; два письма императрицы Елизаветы Алексѣевны къ государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ тотчасъ послѣ смерти императора Александра I-го, облетѣвшее въ спискахъ всю Россію; письмо князя Евг. П. Оболенскаго изъ Ялуторовскаго къ родному брату князю Константину Петровичу въ Москву, въ которомъ прекрасно обрисовывается высокогуманная личность автора, полная любви и заботы о ближнемъ. Въ письмѣ Е. Оболенскій старается успокоить Кашкина, котораго сынъ попался въ дѣлѣ М. В. Петрашевскаго. Все письмо проникнуто необычайною бодростью и христіанскою любовью. Наконецъ, среди рукописей нашлось нѣсколько документовъ, имѣющихъ интересъ по отношенію къ исторіи русской цензуры.

Многія изъ бумагъ до сихъ поръ не напечатаны, а другія — если и попали въ печать, то почему-либо не въ цѣльномъ видѣ, но всѣ онѣ, въ большей или меньшей степени, имѣютъ значеніе и интересъ историко-литературный. Съ этой стороны бумаги представляютъ весьма любопытный матерьялъ,

который, по своей отрывочности, пригоденъ для составленія литературнаго альбома первой половины нынѣшняго столѣтія.

Такой альбомъ предлагаю читателямъ «Русской Старины».

Е. С. Некрасова.

I.

В. А. Озеровъ—къ князю А. А. Шаховскому

1808 г.

«Писецъ весьма мѣшкотный и двухъ дѣйствій не успѣлъ переписать, между тѣмъ я самъ ѣду въ пятницу или субботу на нынѣшней недѣлѣ,—и такъ, не могу, мой любезный князь, исполнить моего обѣщанія до отъѣзда—и доставить вамъ четыре дѣйствія моей «Поликсены». У Алексѣя Николаевича [1]) всѣ четыре дѣйствія въ портфелѣ, моею рукою переписанныя. Онъ, вѣрно, не откажетъ вамъ дать ихъ на время для прочтенія его высокопревосходительству Александру Львовичу [2]). Только нужно въ IV-мъ дѣйствіи, во 2-мъ явленіи, въ первой рѣчи Нестора прибавить два стиха женскихъ между 4 мужскихъ, о которыхъ мнѣ замѣтилъ Иванъ Андреевичъ [3]), именно-же послѣ 140-го стиха:

„Предъ гордой твердостью троянскія стѣны“

вставить надобно:

„Мечтавшей о себѣ быть въ вѣкъ неодолимой;
Которы, удалясь отъ родины любимой“,—

и перемѣнить послѣдующій стихъ такимъ образомъ:

„Стремились кровь свою на сихъ брегахъ пролить“, и проч.

Сдѣлайте, пожалуйста, сію перемѣну, когда рукопись получите отъ Алексѣя Николаевича, у котораго вы моимъ именемъ можете попросить всѣ четыре дѣйствія. Что-же касается до 5-го, я его здѣсь началъ, но перерванъ былъ въ своемъ упражненіи сборами къ отъѣзду отсюда, намѣреваясь не возвращаться въ Петербургъ, но прислать изъ отпуска прошеніе объ отставкѣ. Надѣюсь, что мое 5-е дѣйствіе окончу въ деревнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ и доставлю въ августѣ къ Алексѣю Николаевичу; тогда буду просить его, васъ и другихъ

---

[1]) А. Н. Оленинъ.
[2]) А. Л. Нарышкинъ.
[3]) И. А. Крыловъ.

искренних и добрых моих пріятелей разсмотрѣть, достойна-ли будетъ трагедія быть играннною, вашей-же дружбѣ особливо поручу замѣнить меня на пробахъ,—и болѣе еще на васъ положусь, нежели на самого себя, въ наставленіи актеровъ, любезныхъ актрисъ и въ учрежденіи всего хода трагедіи. Вѣроятно, что до моего отъѣзда я съ вами не увижусь,—вы живете,—какъ я слышу,—на дачѣ; но я считаю, что вы мнѣ продолжите вашу пріязнь, и хотя по разстояніямъ мѣстъ, гдѣ будемъ жить, будемъ мы между собою далеки, но по сердцу и по мысли будемъ часто и весьма близки. Прощайте. Преданный вамъ Владиславъ Озеровъ».

II.

Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ.

Къ одѣ Пушкина: «На вольность».

Огнемъ свободы пламенѣя
И заглушая звукъ цѣпей,
Проснулся въ лирѣ духъ Алцея
И рабства пыль слетѣла съ ней.
Отъ лиры искры побѣжали
И вседрожащею струей—
Какъ пламень Божій—ниспадали
На чела блѣдныя . . . . .

* *
*

Счастливъ—кто гласомъ твердымъ, смѣлымъ,
Забывъ ихъ санъ, ихъ тронъ
Вѣщать . . . . . .
Святыя истины рожденъ!
И ты великимъ симъ удѣломъ
О, музъ—питомецъ,—награжденъ?

* *
*

Воспой и силой сладкогласья
Разнѣжь, растрогай, преврати
Друзей холодныхъ самовластья
Въ друзей добра и красоты!

* *
*

Но гражданъ не смущай покою
И блеска не мрачи вѣнца,
Пѣвецъ! подъ царскою парчею
Смягчай, а не тревожь сердца.

Ѳ. И. Тютчевъ.

III.

Михаилъ Петковичъ—къ С. Д. Полторацкому, товарищу по Ришельевскому лицею.

Петербургъ, 10-го мая 1821 года.

Любезный другъ, вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я писалъ тебѣ, но не получалъ до сихъ поръ отвѣта; хочу думать, что письмо мое тебѣ не доставлено: я послалъ его черезъ помѣщика Шалашникова. Могу-ли сомнѣваться, чтобы другая какая нибудь причина заставляетъ тебя молчать? конечно, нѣтъ, иначе бы я сдѣлался недостойнымъ твоей дружбы. Въ прежнемъ письмѣ я описывалъ тебѣ мою скуку, которая мнѣ сопутствовала по выѣздѣ изъ Москвы, гдѣ я нашелъ потерянаго было друга и съ коимъ проводилъ время въ пріятнѣйшихъ, сладостныхъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ времени, которое я всегда буду считать въ числѣ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни; потомъ сказалъ нѣсколько словъ о Твери, о педантствѣ моемъ въ Новгородѣ при разсматриваніи его древностей; о русскихъ деревняхъ, какихъ, я думаю, въ самой Германіи мало; о дорогѣ, вновь сдѣланной за 150 верстъ до Петербурга (здѣсь я замѣтилъ, что она ровнѣе нашихъ лицейскихъ половъ, въ классахъ бывшихъ), особливо же я выхвалялъ тебѣ дорогу отъ Царскаго до столицы, обсаженную въ четыре ряда деревьями, каменныя версты и многія другія учрежденія по сей дорогѣ, предвѣщающія, что въѣзжаешь въ первый въ свѣтѣ городъ.

Ты знаешь, любезный, какъ мнѣ понравилась Москва, поэтому можешь вообразить восхищеніе степнаго жителя при видѣ чрезвычайнѣйшихъ строеній, регулярныхъ улицъ съ прекраснѣйшими тротуарами, бульваровъ, удивительныхъ набережныхъ Невы и каналовъ, монументовъ — однимъ словомъ всего того, о чемъ я съ такою жадностью разспрашивалъ тебя и С. въ Одессѣ.

Не ожидай отъ меня описанія сего чудеснаго украшенія Россіи и всего свѣта, ибо я, будучи не въ состояніи его описать съ такою живостью, съ какою силою дѣйствуютъ на меня здѣшніе предметы,—боюсь наскучить тебѣ. Впрочемъ, ты самъ былъ въ немъ и скоро опять будешь, слѣдовательно, не имѣешь нужды въ моемъ нелѣпомъ описаніи. Скажу теперь тебѣ только, что я видѣлъ уже почти всѣ рѣдкости Петербурга, ибо былъ въ кунсткамерѣ и въ Эрмитажѣ, т. е. въ собраніи чудесъ природы и искусства.

Такъ какъ я еще не опредѣлился въ кавалерійскій эскадронъ, потому что со времени моего отъѣзда изъ дому еще не получилъ ни одного письма, а слѣдовательно и денегъ, то занятія мои состоятъ въ томъ, что по середамъ, четвергамъ и пятницамъ хожу въ Публичную Библіотеку для чтенія;

въ прочіе же дни блуждаю по городу; бываю часто и почти всегда въ театрѣ на русскихъ и французскихъ представленіяхъ. (Русскіе и французскіе актеры почти всѣ хорошо играютъ, поютъ же нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно; что же касается до балетовъ, то они доведены здѣсь, кажется, до возможнаго совершенства; декораціи тоже, какъ я думаю, не могутъ быть лучше нигдѣ, впрочемъ, сему послѣднему нечего удивляться, ибо театръ здѣсь получаетъ много доходу; самый театръ внутри отдѣланъ прекраснѣйшимъ образомъ, не въ примѣръ лучше Московскаго).

Я и забылъ сказать тебѣ, что въ библіотекѣ видѣлъ: Крылова, Гнѣдича, Востокова и Лобанова, но сколько ни старался видѣть гдѣ нибудь Карамзина (любимаго мною болѣе всѣхъ, — ты объ этомъ знаешь), но не могъ найти къ тому случая. Уже съ большимъ прискорбіемъ хотѣлъ оставить свои безполезныя старанія, какъ вдругъ пришло мнѣ въ голову пойти къ нему самому и рекомендоваться такимъ образомъ, какъ онъ рекомендовался славнымъ писателямъ въ Германіи и Франціи. Отъискавши его квартиру, я вхожу къ нему и начинаю говорить:

— «Ваше превосходительство! Съ самаго малолѣтства я любилъ заниматься вашими сочиненіями и имѣлъ величайшее желаніе видѣть такого великаго человѣка, но не имѣя къ тому инаго способа, я рѣшился придти къ вамъ и прошу васъ извинить мою дерзость». Онъ меня принялъ ласково, разспрашивалъ, гдѣ я воспитывался, какихъ читалъ авторовъ и, узнавши отъ меня, что древнихъ авторовъ я читалъ только въ переводахъ, совѣтовалъ мнѣ учиться по крайней мѣрѣ по латыни. Я ему сказалъ, что непремѣнно исполню его совѣты. Мы говорили болѣе получаса и когда я отъ него уходилъ, то онъ, давши мнѣ руку, которая заставила меня такъ восхищаться и даже плакать, пригласилъ меня приходить иногда къ нему.

Недавно отъискалъ я Аркудинскаго. Послѣ обыкновенныхъ восклицаній: «какимъ образомъ?! давно-ли? зачѣмъ?» онъ сказалъ, что очень доволенъ моимъ пріѣздомъ и что всѣ свободные часы отъ своихъ занятій будетъ проводить со мною, —онъ сдержалъ свое слово, и мы часто вмѣстѣ дѣлимъ время очень пріятно, ибо разсказываемъ одинъ другому свои происшествія со времени нашей раздуки и воспоминаемъ о проведенныхъ годахъ нами вмѣстѣ въ институтѣ и въ лицеѣ. Я ему говорилъ, какимъ образомъ мы увидѣлись и проводили время въ Москвѣ. Онъ велѣлъ мнѣ отъ него кланяться и увѣрить тебя въ его къ тебѣ любви.

Въ Одессу къ брату я уже писалъ и скоро надѣюсь получить отвѣтъ. Я ему кланялся отъ тебя, отъ Рошфора и отъ Пушкина. Любезнѣйшимъ друзьямъ: Рошфору и Пушкину свидѣтельствую свою дружбу и прошу отъ меня имъ кланяться. Я надѣюсь, что ты извинишь меня передъ Рошфоромъ за то, что я никакъ не могъ взять его ящикъ съ книгами.

Прощай, сердечный мой другъ, въ ожиданіи твоего скораго отвѣта остаюсь навсегда нѣжно любящимъ, истиннымъ твоимъ другомъ Михаилъ Петковичъ.

P. S. Говорятъ, что будетъ война: Tans mieux, parbleu, tans mieux, ce que je demande et ma joie en est grande [1]).

IV.

Маіоръ Раевскій

1822 г.

Извѣстный маіоръ Василій Ѳедосѣевичъ Раевскій жилъ въ Кишиневѣ въ то время, когда тамъ былъ А. С. Пушкинъ.

Раевскій служилъ въ 16-й дивизіи, которая составляла передовое сословіе города, а затѣмъ подпала подъ опалу, обвиняемая въ составленіи заговора на югѣ. Раевскій вмѣстѣ съ двумя бригадными генералами и самимъ начальникомъ дивизіи былъ арестованъ. О томъ, что его арестуютъ, Раевскій узналъ отъ А. С. Пушкина. Вотъ какъ онъ самъ объ этомъ разсказываетъ.

— «1822 года 5-го февраля, въ 9 часовъ пополудни, кто-то постучался у моихъ дверей. Арнаутъ, который стоялъ въ безмолвіи передо мною, вышелъ встрѣтить или узнать—кто пришелъ. Я курилъ трубку, лежа на диванѣ.

— Здравствуй, душа моя! сказалъ Пушкинъ весьма торопливо и измѣнившимся голосомъ.

— Здравствуй, что новаго?

— Новости есть, но дурныя; вотъ почему я прибѣжалъ къ тебѣ.

— Добраго я ничего ожидать не могу послѣ безчеловѣчныхъ пытокъ С.... Но что такое?

— Вотъ что, продолжалъ Пушкинъ: С. сейчасъ уѣхалъ отъ генерала (Инзова); дѣло шло о тебѣ. Я не охотникъ подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрѣшилъ, приложилъ ухо. С. утверждалъ, что тебя надо непремѣнно арестовать; нашъ Инзушка—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ—отстаивалъ тебя горячо. Долго еще продолжался разговоръ, я многаго не дослышалъ, но изъ послѣднихъ словъ С—ва ясно уразумѣлъ, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестованъ.

— Спасибо, сказалъ я Пушкину; я этого почти ожидалъ, но арестовать штабъ-офицера по однимъ подозрѣніямъ — отзывается турецкою расправой;

---

[1]) Переводъ: „Тѣмъ лучше, ей Богу, тѣмъ лучше! Я этого именно и желалъ — и очень радъ“.

впрочемъ, что будетъ, то будетъ. Пойдемъ къ Липранди,—только ни слова о моемъ дѣлѣ». («Вѣстникъ Европы», 1874 г., іюнь).

Раевскаго арестовали и посадили въ Тираспольскую крѣпость, а по окончаніи суда сослали на поселеніе. Въ крѣпости онъ написалъ стихотвореніе: «Пѣвецъ въ темницѣ» и послалъ Пушкину.

О, міра чернаго жилецъ!
Сочти всѣ прошлыя минуты,
Быть можетъ близокъ твой конецъ
И переломъ судьбины лютой.
Ты зналъ-ли радость? свѣтлый миръ—
Души награду непорочной?
Что составляло твой кумиръ:
Добро иль гулъ толпы непрочной?
Читалъ-ли дѣвы молодой
Любовь во взорахъ сквозь рѣсницы,
Въ усталомъ снѣ ея съ тобой
Встрѣчалъ-ли яркій лучъ денницы?
Ты зналъ-ли дружества привѣтъ,
Всегда съ наружностью холодной,
Давалъ-ли другъ тебѣ совѣтъ
Стремиться къ цѣли благородной?
Дарилъ-ли щедрою рукой
Ты бѣдныхъ золотомъ и пищей?
Почтилъ-ли вѣкъ подъ сѣдиной
И посѣщалъ-ли бѣдъ жилища?
Однимъ исполненный добромъ
И, слыша стонъ простонародный,
Сей ропотъ робкій подъ ярмомъ,
Алкалъ-ли мести благородной?
Сочти часы, вступя въ сей свѣтъ,
Повѣрь протекшій путь надъ бездной,
Измѣрь ее—и дай отвѣтъ
Потомству съ твердостью желѣзной.
Мой вѣкъ, какъ тусклый метеоръ,
Сверкнулъ въ полуночи незримо,
И первый вопль, какъ приговоръ,
Мнѣ былъ судьбы непримиримой.
Я нѣги не любилъ душой,
Не зналъ любви, какъ страсти нѣжной,
Не зналъ друзей, и разумъ мой
Встревоженъ мыслію мятежной.
Забавы дѣтства презиралъ!
И я летѣлъ къ извѣстной цѣли!
Мечты мечтами истреблялъ,
Не зная мира и веселій.
Подъ тучей черной, грозовой,
Подъ бурнымъ вихремъ истребленья,

Средь черни грубой, боевой,
Средь буйныхъ капищъ развращенья
Пожалъ я жизни первый плодъ,
И тамъ съ какимъ-то чернымъ чувствомъ
Привыкъ смотрѣть на смертныхъ родъ:
Обезображенный искусствомъ,
Какъ истуканъ, нѣмой народъ
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И вѣра! щитъ . . . . стальной,
Узда для черни суевѣрной,
Передъ . . . . главой
Смиряетъ разумъ дерзновенный.
Къ моей отчизнѣ устремилъ
Я, общимъ зломъ пресытя, взоры,
Съ предчувствьемъ мрачнымъ вопросилъ
Сибирь, подземные затворы
И книгу, кою открывалъ,
Дыша къ землѣ родной любовью.
Но хладный потъ меня объялъ,—
Листы залиты были кровью!
Я бросилъ свой смущенный взоръ
Съ печалью на кровавы строки—
Тамъ былъ подписанъ приговоръ
Судьбою гибельной, жестокой:
„Во прахъ и Новгородъ, и Псковъ,
Конецъ ихъ гордости народной!
Они дышали шесть вѣковъ
Во славѣ жизнію свободной“.

* *
*

Погибли Новгородъ и Псковъ,
Во прахѣ пышныя жилища
И трупы добрыхъ ихъ сыновъ
Звѣрей голодныхъ стали пища.
Но тамъ безсмертныхъ имена
Златыми буквами сіяли;
Богоподобная жена—
Барецкая, Вадимъ,—вы пали:
Съ тѣхъ поръ исчезъ, какъ тѣнь, народъ,
И гласъ его не раздавался
Предъ вѣстью бранныхъ непогодъ,
На площади онъ не сбирался и проч.

Пушкину стихотвореніе очень понравилось, — а объ одномъ четверостишіи онъ выразился такъ: «какъ хорошо, какъ это сильно! Мысль эта никогда не встрѣчалась; она давно вертѣлась въ моей головѣ, но это не въ моемъ родѣ: это въ родѣ Тираспольской крѣпости, а хорошо!»

V.

Николай Николаевичъ Муравьевъ—къ С. Д. Полторацкому.

28-го мая 1825 г. С. Осташево.

«Адресуюсь къ тебѣ, любезный Сергѣй Дмитріевичъ, въ полной надеждѣ, что ты приложишь самое дѣятельное стараніе исполнить мою просьбу, состоящую въ нижеслѣдующемъ. (Пишу не своей рукой, потому что почеркъ мой неразборчивъ).

Одинъ изъ моихъ крестьянъ, по имени Артемій Сергѣевъ,—уже два раза былъ въ побѣгахъ, и оба раза мною прощенъ; я по добродушію своему повѣрилъ его обѣщаніямъ и онъ остался въ вотчинѣ безъ наказанія. Но, видно, не суждено было кротостію его исправить — онъ нынѣ подговорилъ трехъ молодыхъ крестьянъ, обѣщая имъ золотыя горы въ Одессѣ, и въ ночь съ 24 на 25 число они всѣ четверо ушли. Сегодня одинъ изъ нихъ, пришедъ въ раскаяніе, возвратился и объявилъ, что они 26 числа были только въ 27-ми верстахъ отсюда по дорогѣ къ Калужской губерніи; что Артемій долго его уговаривалъ съ ними остаться, но что онъ, не смотря на сіе, возвратился, присовокупивъ, что какъ у нихъ денегъ нѣтъ ни полушки, то Артемій наклоняетъ ихъ заняться грабежемъ, пробираясь къ Одессѣ и не захватывая городовъ, дабы не попасться. Почему и полагаю, что они пойдутъ уѣздами — Мядынскимъ, Масальскимъ, Серпейскимъ, Мещевскимъ, Жиздринскимъ и Орловской губерніи Брянскимъ уѣздомъ. Примѣты симъ тремъ бѣглецамъ при семъ прилагаю. Усерднѣйше прошу тебя, любезный Сергѣй Дмитріевичъ, употребить наивозможное стараніе, чтобы склонить господина калужскаго исправника о немедленномъ предписаніи по уѣзду, чтобъ ихъ ловили. Онъ можетъ буде захочетъ и въ вышеписанные уѣзды сообщить о томъ же и послать ихъ примѣты. Да хорошо, если бы ты попросилъ и самого господина гражданскаго губернатора о семъ,—князь меня знаетъ,— то можно его просить и отъ имени моего, дабы онъ приказалъ въ уѣздахъ, по пути къ Одессѣ лежащихъ, ихъ ловить; буде захочетъ сообщить и въ Орловскую губернію въ Брянскій уѣздъ, симъ можетъ мнѣ большое одолженіе сдѣлать, да сверхъ того предохранить отъ воровства и убійства, которое легко отъ нихъ послѣдовать можетъ, ибо Артемій хотя и слабаго сложенія, но мужикъ продувной, а двое его товарищей—молодцы! въ гренадеры годятся. Сдѣлай одолженіе, постарайся о семъ, но не мѣшкай — дабы они не успѣли пройти Калужской губерніи. Пойдутъ же они не городами, — ночевать будутъ въ лѣсахъ, — почему ловить ихъ надобно при проходѣ дорогою черезъ селенія или на перекресткахъ.

Повторяю мою просьбу,—сдѣлай милость немедленно похлопочи о семъ, а отвѣчай мнѣ въ городъ Волоколамскъ; прося засвидѣтельствовать мое почтеніе

милостивой государынѣ Аннѣ Петровнѣ—и остаюсь душевно тебѣ преданнымъ Николай Муравьевъ».

При письмѣ приложенъ листокъ:

Примѣты бѣжавшихъ крестьянъ села Новаго:

1) Евдокимъ Егоровъ росту средняго, волосы на головѣ свѣтлорусые. Борода и усъ пробиваются, лицомъ чистъ, широколицъ и бѣлъ, носъ широковатъ, глаза сѣрые; 22-хъ лѣтъ. Платье на немъ: шуба, кафтанъ русскаго сѣраго сукна, шляпа русская, ветхая, сапоги лишные (личные?).

2. Терентій Савельевъ, росту большаго; волосы на головѣ темно-русые, кудрявые, усъ и борода пробиваются; лицомъ чистъ, носъ прямъ, глаза каріе, двадцати одного году; платья на немъ: шуба, кафтанъ русскаго сѣраго сукна ветхаго, шляпа русская, сапоги лишные, ветхіе.

3. Артемій Сергѣевъ, деревни Жулиной, росту двухъ аршинъ четырехъ вершковъ, лицомъ чистъ, носъ продолговатъ, глаза сѣрые, волосы на головѣ темно-русые, усъ пробивается свѣтло-русый, сутуловатъ, 27 лѣтъ. Платье на немъ: два кафтана русскаго сѣраго сукна, на ногахъ лапти.

VI.

Указъ святѣйшему синоду объ одеждѣ церковниковъ

31-го августа 1825 г.

Дошло до нашего свѣдѣнія, что нѣкоторые причетники въ видѣ одежды отступаютъ отъ древнихъ обычаевъ нашей церкви, равномѣрно и ученики духовные, предназначенные для служенія алтарю Господню, не соблюдаютъ свойственное имъ смиреніе въ одѣяніи, ихъ духовному званію столь приличное, а жены и дочери священно- и церковнослужителей, не уступая мірскимъ въ нарядахъ, водворяютъ между собою разительную роскошь и непостоянство.

Желая положить преграду дальнѣйшимъ отступленіямъ отъ древнихъ обычаевъ, повелѣваемъ святѣйшему синоду на основаніи слова Божія и церковныхъ постановленій составить правила о благоприличномъ духовнымъ лицамъ одѣяніи, которое бы, отличая ихъ отъ мірскихъ, въ то же время напоминало имъ приличіе ихъ званія и обязанностей,—и сіи правила представить намъ на утвержденіе. Александръ.

Каменный Островъ.

Примѣчаніе. О распоряженіяхъ правительства Александра I, по поводу одеждъ духовенства, было уже напечатано въ „Русской Старинѣ“, изд. 1871 г., томъ IV, стр. 443—445. Ред.

VII.

Императрица Елизавета Алексѣевна—къ государынѣ Маріи Ѳедоровнѣ въ С.-Петербургъ.

Таганрогъ, 1825 г.

Матушка! Ангелъ нашъ на небесахъ, а я еще скитаюсь на землѣ. Кто бы могъ вообразить, что я—слабая, больная—могла когда-либо его пережить? Матушка! не оставьте меня! Я осталась совершенно одна въ семъ горестномъ мірѣ?

Матушка! Усопшій дражайшій нашъ воспріялъ свой прежній видъ. Улыбка его свидѣтельствуетъ, что онъ достоенъ блаженства и наслаждается зрѣніемъ утѣшительнѣйшихъ предметовъ, нежели каковые представлялись ему въ сей жизни. Единственное успокоеніе въ моей невозвратной потерѣ есть, что я его не переживу: вскорѣ надѣюсь съ нимъ соединиться.

Примѣчаніе. Это современный 1825 года переводъ съ французскаго весьма распространившихся въ спискахъ по Россіи писемъ императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Е. Н.

VIII.

Пѣснь на проѣздъ черезъ Москву 30-го ноября 1825 года, въ день народной присяги государю императору Константину Павловичу.

Что, россіяне, такъ вы уныли?
Гдѣ ваша слава — добрый вашъ царь?
Съ кѣмъ вы Европы миръ утвердили?
Ахъ! Онъ въ могилѣ!... тяжкій ударъ!!!

*
* *

Нѣтъ его; лейте слезы рѣками.
Счастье съ нимъ ваше въ мигъ протекло!
Но успокойтеся: Константинъ съ вами,
Намъ его небо отцомъ нарекло.

*
* *

Мы поклянемся быть ему вѣрны:
Онъ Александру равенъ душой;
Съ нимъ на сраженьяхъ раны примѣрны,
Братъ Александра—царь и герой!

Стихи на отказъ его высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича отъ престола.

Внезапно дивный слухъ промчался
И всюду вселенну удивилъ:
Монархъ отъ царства отказался,
Престолъ братъ брату уступилъ.

*
* *

Что Петръ и что Екатерина?
Что ихъ великія дѣла
Передъ дѣлами Константина?
Пускай о нихъ гремитъ хвала.

*
* *

Они предѣлы расширяли,
Обширность царства своего;
Они престолы доставали:
Онъ отказался отъ него!

*
* *

Когда рожденье и порода,
Россіи ввѣренный законъ,
Преданность войскъ, любовь народа,
Все, все — ему давали тронъ.

*
* *

Но гласу дружества внимая,
Отвергъ величества титулъ,
На тронъ возвысилъ Николая,
Ему онъ первый присягнулъ.

*
* *

Въ усердіи царю поклялся,
Примѣромъ быть земли своей,
Онъ цесаревичемъ остался,
Но выше сталъ онъ всѣхъ царей.

* *
*

Ему не нужны діадемы
И клятвы вѣрности въ словахъ; —
Народомъ князь боготворимый,
Безъ клятвъ ты царствуешь въ сердцахъ.

*
* *

Тебѣ усердье, вмѣсто трона;
Сердца людей — тебѣ чертогъ;
Любовь народная — корона;
Тебѣ титулъ — нашъ полубогъ!

В. А. Добровольскій.

IX.

Что кому нужно.

Для ума потребенъ геній,
Для разсудка—зрѣлость лѣтъ,
Для улана—конь-игренъ,
Для красавицы—корсетъ,
Для романа—нѣжны чувства,
Для сатиры—ѣдка соль,
Для судей—воровъ искусство,
Для поповъ—Тартюфа роль,
За прекрасными—смотрѣнье,
Для ревнивыхъ—сто очей,
Для влюбленныхъ—сто ночей,
А терпѣнье—для мужей.

Нечаевъ.

(1830-хъ гг.).

X.

Что извиняю и чего не прощаю.

Влюбиться молодцу въ прекрасное лицо
И съ нимъ идти къ вѣнцу—
Вотъ что я извиняю.
* *
*
Но обольщаться той мечтой,
Что вѣчно женщиной плѣняться красотой—
Вотъ что я не прощаю.
* *
*
Дѣвицамъ бракъ желать,
А женихамъ—умненько выбирать—
Вотъ что я извиняю.
* *
*
Но что! хоть разумъ малъ,
Но чтобъ женихъ былъ генералъ—
Вотъ то, что не прощаю.
* *
*
Говорить о тѣхъ дѣлахъ,
Какъ лавры мы беремъ на Марсовыхъ поляхъ—
Вотъ что я извиняю.
* *
*

Но чтобы новость знать,
Съ утра до вечера по улицамъ скакать—
Вотъ что я не прощаю.
* *
*
Играть въ бостонъ, въ пикетъ
Въ собраніи, гдѣ милыхъ нѣтъ—
Вотъ что я извиняю.
* *
*
Но чтобъ любить играть
И отъ игры имѣніе продать—
Вотъ что я не прощаю.
* *
*
Иной такъ горячо
Захочетъ лентъ надѣть черезъ плечо—
Вотъ что я извиняю.
* *
*
Но поднимать платокъ любимцу царскому
За красный лоскутокъ—
Вотъ что я презираю.

Протасовъ.

XI.

Четыре націи.

Британскій лордъ
Свободой гордъ,
Онъ властелинъ,
Онъ вѣрный сынъ
Родной земли.
Ни короли,
Ни происк папъ
Кровавыхъ лапъ
На смѣльчака
Исподтишка
Не нанесутъ.
Отважный Брутъ,
Онъ носитъ мечъ,
Чтобъ когти сѣчь.
* *
*
Французъ дитя,
Онъ вамъ, шутя,
Разрушитъ тронъ
И дастъ законъ.
Нетерпѣливъ,
Самолюбивъ,

И быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ,
И удивитъ, и насмѣшитъ.
* *
*
Германецъ смѣлъ,
Но переспѣлъ
Въ котлѣ ума.
Онъ, какъ чума
Сосѣднихъ странъ,
Мертвецки пьянъ:
Носъ въ табакѣ,
Самъ въ колпакѣ,
Сидѣть готовъ
Хоть пять вѣковъ
Надъ кучей книгъ,
Кусать языкъ
И проклинать
Отца и мать
За пару строкъ
Халдейскихъ числъ,
Которыхъ смыслъ
Понять не могъ.
* *
*
Въ Россіи чтутъ
. . . . . .
Разиня ротъ,
Во весь народъ,
Кричатъ:—
Насъ бить пора!
Мы любимъ кнутъ!
За то и бьютъ—
И ночь, и день—
Да и не лѣнь.
Что вилой въ бокъ,—
То сѣна клокъ!
Чѣмъ больше бьютъ,
Тѣмъ больше жнутъ.
А безъ побой—
Вся Русь хоть вой,—
И упадетъ,
И пропадетъ.

А. Полежаевъ.

[1826 г.].

XII.

Поздравленіе съ новымъ годомъ

подполковника Хомутова.

Мой другъ,—ты исполнитель страстный
Обычьевъ дряхлой старины,—
Въ святую яицы ѣшь красны,
Въ недѣлю сырную—блины.
Четвероногихъ ѣсть не будешь,
Когда великій постъ придетъ,
Кутью же ты въ сочельникъ любишь,
А поздравленье—въ новый годъ.
Но я и праздникомъ не ставлю,
Что нынѣ первое число,
А только съ тѣмъ тебя поздравлю,
Что время въ вѣчность унесло
Еще, мой другъ, годъ жизни нашей,—
Хваленье воздадимъ Творцу,
Что намъ страдать осталось менѣ,
Смотря на бѣдствія другихъ.
Столѣтій лѣтъ временъ при смѣнѣ
Не измѣнится жребій ихъ.
Что пользы? Новый годъ настанетъ,
Но все пойдетъ чредой своей:
Судья брать взятки не престанетъ,
Ханжа—обманывать людей.
Все будетъ такъ, какъ было прежде:
Богачъ и льстецъ въ чинахъ, въ чести;
Монахъ—въ святой своей одеждѣ,
Всегда . . . . . жизнь вести!
Любимцы случая и счастья
Безсильныхъ станутъ угнетать,
Тяжелый . . . . . .
Умы и знанье подавлять;
Мужъ ссориться съ своей женою;
Дуракъ—все будетъ дуракомъ,
Подлецъ же съ низкою душою
Все прежнимъ будетъ подлецомъ;
Старушки—отправлять молебны,
Лѣта безбожно убавлять;
Поэтъ—въ страны летать волшебны,
Мечтами жить и вѣчно лгать;

Всѣ будутъ общества учены—
Собраніемъ пустыхъ людей,
А молодыя модны жены—
Лишь раззорять своихъ мужей....
Какъ прежде будутъ всѣ дѣвицы
Романы по ночамъ читать,
Не умъ свой украшать, но лица—
И передъ зеркаломъ стоять;
Несчастнаго, какъ прежде, стоны
Лишь вѣтеръ будетъ разносить;
Какъ прежде будутъ спать законы,
А сильный слабаго тѣснить;—бояръ давить во дланяхъ;
Вельможи—не имѣть души,
Герой—мечтать о шумныхъ браняхъ,
Купецъ—считать лишь барыши;
Бѣднякъ носить свою котомку,
Слезами орошая путь:
Нашъ будетъ братъ болтать про ссылку
И храбро Трантелева (?) гнуть.
Въ своемъ ученомъ факультетѣ
Твердить всѣ будутъ доктора,
Что вредно долго жить на свѣтѣ,
Что умирать больнымъ пора...
Но глупости людей оставлю,—
Не можно ихъ пересчитать,—
И только съ тѣмъ тебя поздравлю,
Что меньше намъ осталось жить!
Мой другъ! готова полна чаша,
Почтимъ боговъ хвалой своей,
Что жизнь укоротилась наша
На триста-шестьдесять-пять дней!

Познанскій.

(1840 г. ?).

XIII.

Жизнь нынѣшнихъ гусаровъ

[1840 г.].

Вотъ участь нынѣшнихъ героевъ
Бѣжать покоя, какъ огня,
При звукѣ барабанныхъ боевъ
Шагать, молчаніе храня.

* *
*

За славой хочетъ кто гоняться,
Уставъ тотъ долженъ протвердить,
Рекрутской школою заняться
И въ караулъ умѣть ходить.

* *
*

Снаровка, вѣрный шагъ въ парадѣ—
У насъ умѣютъ все цѣнить
И лучшій путь къ большой наградѣ—
Умѣть ходить и такту бить.

[1840 г.]

Сообщ. Е. С. Некрасова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ТАТЬЯНЫ ПЕТРОВНЫ ПАССЕКЪ.

Окончаніе [1]).

1868—1870 гг.

Продолжаю выписки изъ дружеской переписки моего сотоварища дѣтства и роднаго мнѣ Александра Ивановича Г—на, съ его другомъ Николаемъ Платоновичемъ О—вымъ; переписка эта относится къ двумъ послѣднимъ годамъ жизни Александра Ивановича.

На этотъ разъ, однако, мы сохраняемъ въ этихъ письмахъ давнихъ лѣтъ, отдаленныхъ отъ насъ почти на четверть вѣка, только то, что имѣетъ болѣе или менѣе общій интересъ.

Все, что имѣетъ отношеніе къ семьѣ покойнаго, то тщательно исключено, и эти исключенія просмотрѣны сыномъ покойнаго, уважаемымъ профессоромъ въ академіи города Лозанны (Швейцарія), который, по просьбѣ редактора «Русской Старины», просмотрѣлъ корректуру настоящей главы моихъ Воспоминаній.

Едва-ли надо повторять, что представляемыя нами выдержки имѣютъ интересъ лишь потому, что онѣ служатъ къ полнѣйшей обрисовкѣ личности покойнаго А. И. Г—на, о которомъ я такъ много говорила на страницахъ уважаемой «Русской Старины» и который, при всѣхъ его ошибкахъ и увлеченіяхъ,—пламенно любилъ отечество и въ эпоху его возрожденія былъ особенно видный, по своимъ дарованіямъ, литературный дѣятель.

Итакъ, вотъ нѣсколько выписокъ изъ помянутыхъ предсмертныхъ писемъ Герцена за время 1868, 1869 и 1870 годовъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., томы VI и VII; изд. 1876 г., томы XV, XVI и XVII; изд. 1877 г., томы XVIII и XIX; изд. 1878 г., томы XXI и XXII; изд. 1879 г., т. XXVI; изд. 1882 г., т. XXXIV; изд. 1886 г., томы XLIX и LII.

16-го апрѣля (1869 г. ?). Пятница.

...Что же сказать о статьѣ? Если вы порѣшили и сдѣлали—такъ и быть—если же нѣтъ, пусти ее вовсе безъ подписей. Вѣрь, Огаревъ, моему такту—статья эта журнальная діатриба не comport pas (не заслуживаетъ)—трехъ подписей, трехъ старыхъ бойцовъ. Мы можемъ втроемъ ходить на N. N., но не на Андрея Александровича (Краевскаго). Можетъ воззваніе къ юношамъ было бы хорошо, но уже, конечно, не это. Нашъ голосъ издали и изъ другаго поколѣнія—опять таки долженъ раздаться благовѣстомъ широкимъ, сильнымъ, а не «благосвѣтловскимъ» тономъ. Дѣйствительно, ты поддѣлался даже къ ихъ тону, «облопаться»—«верхобокое начальство»—«воровской умъ»—«жидовскія уста» etc., etc. и потомъ старая фикція о шляхетной и нешляхетной Польшѣ; гдѣ народная Литва?.. Да и что сдѣлаетъ сама по себѣ народная Россія? Это жаргонъ 1863 г. и Бакунина. Трезвость обязываетъ! Не сердись на меня, а просто обдумай спокойно дѣло.

Студентская прокламація (въ Siecl'ѣ) очень проста, очень хороша; статью 82-го «Голоса» можно осмѣять и опозорить (?), съ ея выраженіемъ «византійскихъ представителей» и пр., но не твоей наскоро выбраненной статьей [1]). Практическій результатъ тотъ: безъ подписей статью можно послать,—если она не разослана, вели перепечатать, вымарывая подписи—если разослана—головы не снимутъ, но тогда говорить не стоитъ.

24-го апрѣля (1869 г.). Суббота (Ницца).

...Шифъ прочелъ героическую лекцію, онъ прямо и открыто бросилъ перчатку клерикальной партіи. «Одинъ — духъ въ наукѣ и есть—это разумъ человѣческій», онъ явился апостоломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Галилей и Саванорола ломили изувѣрство. Молодецъ.

2-го мая (1869 г.). Воскресенье (Ницца).

Былъ утромъ рано на кладбищѣ, все въ цвѣтахъ покойно, роскошно покойно [2]). Сегодня русская пасха.

---

[1]) Попробуй перевести твою статью на французскій языкъ и ты увидишь, что она лопнетъ. А. Г.

[2]) Кладбище въ Ниццѣ на горѣ, называемой „Замокъ". На одной изъ площадокъ этой горы, въ виду прелестной картины окрестностей бывшаго здѣсь въ средніе вѣка замка, покоится прахъ Натальи Александровны Герценъ, рожденной Захарьиной; подлѣ нея, менѣе чѣмъ годъ спустя послѣ посѣщенія этой могилы Герценомъ, погребенъ и онъ самъ, ея мужъ, Александръ Ивановичъ. На его могилѣ возвышается прекрасная бронзовая его статуя, поставленная его дѣтьми. Т. П.

Душевно желаю окончить поскорѣе полемику съ тобой.

...Вчера получилъ (одну газету русск.) 16 № съ третьей статьей. Нѣсколько строкъ выпущены, но и то, что есть, съ каенскимъ перчикомъ. Ergo печатать можно—у нихъ есть еще 4-я. Да у меня готовы 5-я и 6-я, а когда ты отдашь письмо о Бакунинѣ (или статью будетъ и 7). Получилъ ты 16 №? иначе я пришлю или привезу.

Въ французскихъ журналахъ разсказываютъ, что надняхъ le célèbre Musset Russe (безцѣнное выраженіе) (это о И. С. Тургеневѣ) ставилъ самъ въ Веймарѣ свою оперу—музыки Viardot на сценѣ. Заглавіе «Le dernier sorcier» (послѣдній колдунъ). Герцогъ былъ въ восторгѣ и тутъ-же заказалъ (a commandé) русскому Мюссу новую либрето.—Succès et triomphe (успѣхъ и торжество).

Какъ же тутъ хорошо писать о Бѣлинскомъ?

О Бѣлинскомъ можетъ я и напишу, но гдѣ и какъ—видно мой проэктъ у тебя еще не взошелъ къ докладу. На счетъ листовой выдачи «Полярной Звѣзды» ты ни разу не отвѣчалъ.

4-го. Утро 8 часовъ.

Письма отъ 30 апр. и отъ 2 мая пришли. Твоя статья, разумѣется, лучше манифеста, но эта статья и можетъ быть подписана только однимъ, она субъективна по языку, по формѣ, потому что она вовсе не воззваніе и не манифестъ. Я думаю, лучше къ ней приписать мою adhesion (подтвержденіе), что я и сдѣлаю, чѣмъ подписываться à la F. Pyat съ своими—все это битый путь. Я буду непремѣнно писать и печатать. Сдѣлай, пожалуй, изъ этого пробный листъ «Полярной Звѣзды». Но что же будетъ Бакунина прокламація? Если тебѣ хочется, для контраста можно. Я въ текстѣ, какъ ты увидишь, ничего не поправлялъ—это лишнее, потому что ты все же не поправишь. Но нѣсколько замѣчаній долженъ сдѣлать: 1) Всѣ жарты о молебнахъ купцовъ выбросилъ бы я; 2) пошлыя выраженія, въ родѣ два раза повторенныхъ «разсылочекъ», «нѣхтуры» и впЕхать (это ли не по русски—отъ пихать—не выйдетъ впехать), я бы выбросилъ. Далѣе. Часть литературы «Спб. Вѣд.», «Голосъ», «Недѣля», «От. Зап.» etc. отстаивала храбро реальныя школы. Кто считалъ 500 въ разсылочку... Что за исторія извощиковъ? Мнѣ и заглавіе «Наша повѣсть» не нравится.....

10-го августа (1869 г.). Вторникъ.

«Вѣстникъ Русскій» получилъ и, разумѣется, тотчасъ прочелъ Кельсіева—есть мерзости и сплетни, но не больше, какъ въ его статьѣ объ Абихтѣ. Загибать за это «распалей» я не согласенъ.

А холодно и просто сказать, что онъ «ренегатъ», можно. Въ «Вѣстникѣ» есть статьи важнѣе—1) «Литературный типъ», гдѣ Грановскій выставленъ сторонникомъ классицизма; 2) Студентская исторія со всѣми подробностями (1862) въ трехъ главахъ «Панургова стада». Я совѣтую прочесть.

Сегодня будетъ у меня Де-Грефъ—адвокатъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и дѣятельныхъ людей здѣсь. Жду вашихъ писемъ.—До завтра.

(11-го августа 1869 г.).

Де-Грефъ не былъ: дождь льетъ три дня; холодъ и срамъ.

Письмо твое отъ 9 пришло. Какъ случилось, что мои два пришли въ одинъ день? Я ѣду отсюда не по приглашенію, а по чувству дигнитета (достоинства). Жалѣю внѣшнюю часть очень—я думаю (помимо климата) врядъ можно ли гдѣ нибудь такъ легко, подъ рукой, имѣть всѣ удобства—видно, рано на покой...

...У*** говорилъ, что Бакунинъ хвалился тѣмъ, что фондъ употребитъ—и дѣло пошло.

Въ 1862 г. И. Тургеневъ говорилъ, что Бакунинъ, недовольный «Колок.», увѣрялъ, что дастъ ему иное направленіе. Онъ пріѣхалъ 1 января 1862 г., черезъ годъ «Колоколъ» сталъ падать какъ кирпичъ, брошенный въ воду. У него глазъ дуренъ. Въ дѣлѣ «Колокола» и въ дѣлѣ фонда онъ больше дѣйствуетъ на тебя и тобой. Вообрази, что будетъ, когда онъ унесетъ десятую тысячу и нужны будутъ 100 фр. на дѣло неясное для меня. Ты первый будешь уговаривать ихъ дать, а эти 100 заставятъ отдать и остальныя 9,900. Отличная русская типографія въ Женевѣ можетъ быть заведена на 10,000—вотъ и центръ пропаганды и обезпеченье хоть въ половину Б—ва. Никто не мѣшаетъ отдать долгъ въ 3,000 въ фондъ Чернецкому—и снова взять потомъ, но исключительно для типографіи, а не для уплаты долговъ. Кажется, это ясно.

Куда я буду телеграфировать Б. или Мер.? Я адреса не знаю. Если Б. долго (съ мѣсяцъ) пробудетъ въ Трувилѣ—мнѣ все равно теперь ли, черезъ мѣсяцъ ли его увижу. Въ Парижъ я собирался одинъ—теперь все измѣнилось и, вѣроятно, въ октябрѣ увидимся.—Иду пить настой. A propos, я пью черный и безъ сахара по утрамъ—это проще.

N. человѣкъ дѣльный и дѣятельный. Съ нимъ можно бы школу заводить. Такъ ты боишься утячей полиціи—а нѣтъ того, чтобъ послать хоть отъ меня узнать о «народномъ дѣлѣ» у N. N. Вели

ему сказать, что, за минованіемъ интереса, я прошу возвратить статью. О, бездарники.. Ну-съ, кто же былъ правъ въ ихъ оцѣнкѣ—Бакунинъ до ссоры? Ты или я? подумай и прощай.

28-го августа (1869 г.), суббота. Grand Hôtel du Louvre.

Дѣла литературныя идутъ медленно. Я начинаю грызться, но со всѣмъ тѣмъ меня связалъ срокъ пуще всего, т. е. сдача квартиры въ Брюсселѣ. Поѣду завтра утромъ, надобно будетъ опять пріѣхать, пожалуй, къ тому времени, когда будетъ Боткинъ, т. е. къ 20.

Дѣло ваше я можетъ лучше и подробнѣе знаю, чѣмъ ты.

Сегодня опять свидѣлся съ Мазадомъ и съ Лакруа—припишу.

Былъ у меня Озеровъ, онъ, кажется, малый хорошій. Съ В*. у него послѣ обѣда поспорилъ до колкостей. Онъ, т. е. В*, просто ненавидитъ все русское и унижаетъ въ глазахъ французовъ. Что же за тактъ, позвать меня и еще трехъ господъ и начать непріятный споръ. Ну, да я въ долгу не остался...

Здравіе процвѣтаетъ. Тесье упитываетъ и упаиваетъ меня формидабельно.

11-е. Суббота (1869). 184 №. Gr. H. du Louvre.

Всѣ дѣла привелъ въ величайшій порядокъ,—на этотъ разъ у Родшильда всѣ были очень любезны и даже его секретарь меня утащилъ къ какому-то доктору, который пріѣхалъ изъ Египта. Вообще вѣтеръ попутный—и это сдѣлалъ французскій Колоколъ [1]). Оба Араги и Гартманъ Маврицій и Бамбергеръ—бисмаркующій и всѣ etc. любезны до безконечности—даже Рубинштейнъ безбоязненно, увидѣвъ меня въ Café de l'Opera—сію минуту (въ Россіи нравы не перемѣнились) потребовалъ бутылку Редерера—frap. и съ вѣнскимъ издателемъ музыки пилъ за счастливую встрѣчу. Я ему замѣтилъ, что она можетъ превратиться не въ особенно счастливую (кафе былъ полонъ). Но онъ разгеройствовался—«мнѣ, говоритъ, ни по чемъ, говоритъ». Въ понедѣльникъ онъ даетъ огромный концертъ, онъ имѣетъ успѣхъ; оперы Кашперева не хвалитъ.

---

[1]) „Колоколъ“ съ 1-го января 1868 г. сталъ издаваться въ Женевѣ на французскомъ языкѣ и обѣщалъ выходить два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го чиселъ,—но вышло его только пятнадцать нумеровъ, и 1-го декабря того-же года изданіе окончено было письмомъ А. И. Герцена къ Н. П. Огареву, просуществовавъ такимъ образомъ съ 1-го іюля 1857 года—одиннадцать съ половиной лѣтъ. Т. П.

Въ дополненіе къ мелочамъ, завтракаю я у Вефура и нахожу, что цѣны снова сдѣлались естественнѣе, а достоинство всего, что даютъ, необыкновенно. Entrecote съ картофелемъ 2 фр., но кусокъ вдвое больше, чѣмъ у Визіога — и этого совершенно достаточно, отъ 12 до 7 часовъ. Обѣдалъ я, наконецъ, по Жирардену—не стоитъ ни похвалъ въ Liberté, ни цѣны. Вообще, я обѣды ненавижу...

Lacroix немного продаетъ «Колокола», отъ 20 до 25 экз. постоянныхъ.

Что D-r Herz, здѣсь еще, т. е. у васъ, или нѣтъ?

Forcade (изъ Revue des Deux Mondes) сошелъ совсѣмъ съ ума— его хотятъ посадить. Ламартинъ написалъ статью о Тургеневѣ, въ которой воспѣлъ его до небесъ.

Я ѣду сегодня въ ночь или завтра утромъ: отдохну въ Марсели и во всякомъ случаѣ буду во вторникъ въ Ниццѣ. Не жду ничего хорошаго—буду писать и—addio.....

16-го сентября (1869 г.). Парижъ. 12 часовъ.

Я Боткинымъ (С. П.) доволенъ безъ предѣла и конца, я ничего подобнаго не видѣлъ—его осмотру. Подробности послѣ, иду съ нимъ въ трактиръ.

Виши довольно. Но окончательно скажетъ черезъ два дня.

Весной въ Карлсбадъ. Діеппъ не важенъ.

Прощай.

Пиши одно письмо: Grand Hôtel du Louvre, au second, № 221.

26-го сентября (1869 г.). Bruxelles.

Здѣшній журналъ «Liberté» и женевскій «Egalité» помѣстили почти въ одно время статьи объ отношеніи соціализма къ положительной наукѣ. Я ими доволенъ — и желалъ бы, чтобы ты прочелъ. Есть же люди, которые понимаютъ точно такъ, какъ я хотѣлъ высказать въ письмахъ Бакунину (я теперь ужасно жалѣю, что они не были напечатаны. Только повѣсти и художества могутъ ждать. А мысль новая или Standpunkt особый—долженъ тотчасъ печататься— а то завтра слѣдующій станетъ на мѣсто—а кё (хвостъ) безконечное). Можетъ Бакунинъ самъ и писалъ въ Egalité (объ отношеніяхъ къ коопераціямъ), тогда это прогрессъ или bal masqué. Впрочемъ, измѣнять (исправлять?) ошибки должно. Бакунинъ былъ отчаяннымъ панславистомъ, націоналистомъ — хотѣлъ Амурскимъ-Муравьевымъ — Австрію заполонить. Ну, а отвѣтъ его о крестьянахъ былъ неудаченъ въ Базелѣ. Повыспрошу у д-ра Пана какъ и что было.

Какъ я ни прикидываю, не могу понять изъ чего ты думаешь составить «Колоколъ»? «Полярная Звѣзда» еще можетъ пробиваться «задами», т. е. статьями, писанными заранѣе. Но «Колоколъ»? и гдѣ же корреспонденціи? Какъ я теперь поставилъ себя относительно журналовъ въ Парижѣ, я легко могу имѣть постоянное мѣсто, для русскаго отдѣла, въ «Siècle», «Liberté» или «Temps». И для кого же издавать «Колоколъ»? Гдѣ его публика? П*** мнѣ сдѣлалъ предложеніе посылать въ новый журналъ, который собираются издавать,— а границы ты знаешь по дѣлу Щапова и писемъ Луи Бланъ. Вѣдь что ни толкуй, а Щаповъ ажитированъ (читалъ-ли ты рѣчь Спасовича?)—на этомъ основаніи я три четверти «Колокола» могъ бы перепечатать въ Москвѣ. Я, Огаревъ, не возражаю, и очень радъ убѣдиться въ противномъ, но навожу тебя на производство слѣдствія и діагнозы.

Помни и то, что рабочія силы наши уменьшились и силы Чернецкой печати тоже. Если мнѣ рѣшиться издавать на свой страхъ переводы моихъ Opera—конечно, это дало бы два года жизни типографіи. Но рѣшить это, не поговоривши съ Гашетомъ, Етцелемъ и Данпло, нельзя.....

Мы ѣдемъ 23 въ четвергъ въ 9 часовъ утра въ Парижъ и слѣд. въ 4 часа того же дня бросимъ якорь въ Grand Hôtel du Louvre. Стало ты можешь писать, адресуя туда. Что дальше—истинно не знаю. Что я побываю въ Женевѣ, это вѣрно, но что мы всѣ сдѣлаемъ? не знаю. Въ Парижѣ центръ дѣятельности—но и дороговизна. Я снова долженъ сказать, что въ Брюсселѣ легко живется—я не знаю почему и какъ-то діапазонъ не такъ давитъ, какъ въ Швейцаріи, но гадко послѣ avertissement. Устроиться здѣсь можно очень недорого. Въ Женевѣ можно гостить, но жить мудреное дѣло. — Прощай.

..... Ну, а Zukunft — видно запрещенъ въ Швейцаріи. — A propos — какая же польза въ jury Бакун. Либкнехта, если это не напечатано, а если напечатано—пришли. Во Францію не такъ будетъ легко посылать. Но это не относится къ Zukunft.

29 сентября 1869 г. Hôtel du Louvre.

..... Боткинъ дѣлалъ осмотръ, общимъ доволенъ. Онъ совѣтуетъ пить Селестинскую воду (тоже Vichy, но крѣпче) и въ маѣ ѣхать дней на 20 туда.

Дай Богъ успѣха Бакунинскому переводу Маркса — я одного не понимаю почему же онъ держалъ подъ сурдинкой свои сношенія съ нимъ? Вся вражда моя съ марксидами изъ-за Бакунина.....

2-го октября (1869 г.). Hôtel du Louvre. № 328.

Письмо твое отъ 28-го пришло, но я не имѣлъ времени отъ парижской суеты отвѣчать на его теоретически-террористическую часть, но отвѣчать буду непремѣнно. На другія части вотъ что:

Осмотръ Боткина и разложеніе, сдѣланное въ лабораторіи Тесье, подтвердили, что состояніе относительно діабета также хорошо, какъ было въ Женевѣ. Боткинъ стучалъ и раздѣвалъ и заключилъ тѣмъ, что «еще поживемъ-съ!» Онъ совѣтовалъ пить здѣсь въ Парижѣ 15 дней селестинскую воду—что тоже Vichy—но самая сильная; ваннъ не брать, а въ началѣ мая съѣздить на три недѣли въ Vichy. Единственная вещь, которую я замѣтилъ и Боткинъ подтвердилъ, состоитъ въ усиленіи глухоты. Вотъ и все.....

У Боткина (С. П.) умеръ меньшой братъ (богачъ въ Москвѣ), а не Василій Петровичъ, который цвѣтетъ. Ко мнѣ ходятъ незнакомые русскіе—К*, потомъ генералъ Б*—все это такъ,—посмотрѣть звѣря.

Вчера въ «Presse» была статейка о русскихъ Flugschrift'ахъ, печатаемыхъ въ Женевѣ и найденныхъ въ большомъ количествѣ будто бы въ Тверской губерніи и между студентами. Авторами всего этого La Presse называетъ Бакунина и меня. Что тутъ правда, что вздоръ? A propos, чтобъ не возвращаться къ старому, меня какъ-то конфузитъ и огорчаетъ, когда я нахожу у тебя въ письмахъ такія фразы объ «языкахъ», было напечатано такъ—да бѣда не велика. По моему это страшная бѣда, но что всего хуже, тогда, когда мы читали и возражали, тогда это не было отпечатано, а только набрано, во что же послужило возраженіе? Я тутъ тебя не понимаю, какъ и во многомъ, можетъ радіусы глазъ измѣнились. Напр., я получилъ Zukunft (глупо, три письма о Россіи, а ихъ девять), за эти три письма кошки не за что выпороть, старая Марксовская манера—такія статьи были въ Leader въ Morning Advestiser'ѣ. Я приготовился отвѣчать и хотѣлъ писать Я*. Но передъ этимъ fatras остановился. Итакъ, Г. Г., вы всѣмъ комитетомъ не въ состояніи были выписать изъ Берлина, а сами придали статьямъ важность.....

.....Тхоржевскаго прошу сильно выписать черезъ Георга недостающіе №№ Zukunft'а — не Богъ же знаетъ чего они стоятъ. Присланы: № 167, 187, 189, 21 іюля 1869 г.—Въ 167-мъ VIII статья о Россіи, неужели невозможно имѣть прежнія VIII?

17-го октября 1869 г. Воскресенье.

(Нѣкто въ Россіи) сказалъ одному изъ своихъ пріятелей — «еще шесть лѣтъ латыни и вы увидите, какъ угомонится наша молодежь». Что хорошо, то хорошо. А это ты знаешь, что никто изъ профес-

соровъ по выбору не пошелъ въ члены (Московскаго) лицея, такъ что упали въ ***, который никогда о N* не говоритъ иначе, какъ «они» и «ихъ превосходительство». Общая сумма слуховъ изъ Россіи очень разношерстна. Столичное образованное общество, говорятъ, падаетъ видимо тономъ... Ф** съ ужасомъ разсказываетъ о голодѣ и о томъ, что богатые крестьяне, пользуясь имъ, скупаютъ землю бѣдняковъ. Въ высшихъ слояхъ не заботится никто о 1870 г. и переселеніяхъ ихъ. Женщинъ хвалятъ—занимаются и рвутся на волю. Боткинъ уже въ Петербургѣ, семья его ѣдетъ въ Римъ, жена больна грудью.

Ну что Тхоржевскій съ бумагами [1]), этотъ Постниковъ меня мучилъ какъ кошмаръ. Бралъ бы Т. деньги, благо даютъ—и баста.

18-го. Понедѣльникъ.

Вопросъ о Парижѣ или о не Парижѣ становится премучительнымъ.

Трудно повѣрить дороговизнѣ всего—да вѣдь всего—отъ дома и шляпы до мяса и башмаковъ. Начинается холодъ...

На счетъ Н. и Америки одно затрудненіе, здѣсь нѣтъ ни одного русскаго, который бы зналъ о существованіи Н., гдѣ-бъ то ни было. Вчера вечеромъ были всѣ здѣшніе знакомые.....

Сейчасъ ушелъ, просидѣвши часа три, путешественникъ Диксонъ, изъ Сибири и Петербурга (тотъ самый, который хотѣлъ меня видѣть въ маѣ)—очень интересенъ и уменъ, онъ ѣдетъ 2-го ноября въ Петербургъ.

21-го октября 1869 г. Четвергъ.

Сейчасъ получилъ вѣсть отъ Тхоржевскаго, что онъ бумаги Долгорукаго продалъ, очень радъ за него. И въ то-же время твою записку и Бакунина. Онъ съ ней опоздалъ, да она мнѣ что-то не нравится (зачѣмъ толкъ о расахъ, жидахъ...). Впрочемъ, если Ре снесетъ и напечатаютъ — пусть себѣ. Дѣло въ томъ, что, написавши холодно и сдержанно письмо, я отправился вчера въ «Réveil» съ Бакунина статьей «Къ юношамъ». Делеклюза, какъ всѣхъ редакторовъ, не было дома; я сталъ объяснять какому-то NN дѣло, какъ вдругъ отворилась дверь и вылетѣлъ изъ алтаря Делеклюзъ съ видомъ П. И. Озерова сенатора и Осипъ Иван. (Сенковскаго?)—диктатора—

---

[1]) Князя В. П. Долгорукаго, который завѣщалъ всю свою движимость и бумаги г. Тхоржевскому, весьма заботливо оберегавшему больнаго въ послѣдній годъ его жизни. Т. П.

желчевой, худой — онъ, не говоря худаго слова, пошелъ костить Бакунина.

Я, не говоря ни одного хорошаго, замѣтилъ, что дѣло совсѣмъ не въ его мнѣніи, а въ томъ, что въ статьѣ Гесси инсинуаціи. (Хотя, право, изъ-за этой статьи не стоило ершиться).

«Я, говоритъ — сенаторъ Озер., не намѣренъ печатать клюнубрацію — Бакунина, онъ дѣлаетъ страшный вредъ; какой онъ представитель французскихъ работниковъ? Мы будемъ до конца силъ бороться съ этими теоріями. Пусть у васъ онѣ хороши, но Европѣ нейдутъ. Вы, т. е. русскіе, умѣете какъ-то согласовать комунизмъ съ абсолютизмомъ».

— Гдѣ же вы это видѣли? — Разумѣется, онъ ничего не видѣлъ кромѣ Ледрю. Стали приходить разныя «надежды» Франціи, и, наконецъ, какой-то цирюльникъ, обритый и тощій,—который бросился ко мнѣ, Камилъ Боне... Dio Santo.. тѣ-же фразы, тѣ-же ужимки. A la fin des fins Делеклюзъ сказалъ, что онъ никогда не думалъ лично оскорблять Бакунина, что если «онъ», т. е. Бакунинъ, такъ думаетъ, то напечатаетъ мое письмо; я въ карманъ и отдаю ему Liberté— глядь это не тотъ №—у меня внутри сдѣлались судороги бѣшенства; но не желая передъ непріятелемъ показать слабость памяти и характера, я гордо скрылъ и пошелъ домой за другой Liberté.

Да и въ самомъ дѣлѣ, я хочу не ихъ свободы.

Здѣсь (т. е. въ Парижѣ) хаосъ и мы бродимъ на вулканѣ; жалѣю, что всѣхъ впечатлѣній не передать—эта страница парижской жизни стоитъ томовъ. Положеніе гораздо больше натянуто, чѣмъ издали кажется [1]). Лѣвая сторона — окончательно въ параличѣ — и не встанетъ — но и побившіе ее другъ друга ненавидятъ до... до героизма, т. е. до сумасшедшей отваги — и тутъ опять эти люди становятся хороши до поэзіи, и въ этомъ пеклѣ, въ той электрической атмосферѣ, близкой къ грозѣ, глазъ пріятно останавливается на нетающей, свѣтлой, ледяной фигурѣ В**, который обо всемъ разсудилъ, привелъ въ порядокъ, радуется прогрессу, не печалится регрессу.

Я очень благодаренъ Бакунину, что онъ мнѣ далъ случай видѣть еще львиную пещеру. Если эти левшаи (т. е. лѣвая сторона въ палатѣ) одержутъ верхъ когда нибудь, — то я на другой день уѣду

---

[1]) Эти строки наблюдательнаго и талантливаго публициста писаны лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до крушенія французской имперіи—сначала подъ ударами Германіи, а потомъ коммуны и республики, на развалинахъ имперіи возникшей. Т. П.

изъ Парижа—на недѣлю. Потому что черезъ недѣлю отъ нихъ останутся только косточки и развѣ Боне. О немъ еще при свиданьи.

Умоляю читать внимательно газеты.

Путешественникомъ Диксонъ я безконечно доволенъ. Свѣтлый, прямой, образованный англичанинъ. Онъ нарочно останавливался здѣсь и въ томъ же отелѣ, на день, чтобъ со мной познакомиться. Онъ изучаетъ Россію серьезно, ѣдетъ 2-го ноября опять въ Петербургъ — и обѣщаетъ черезъ 10 мѣсяцевъ говорить по русски. Онъ былъ въ Сибири и у донскихъ казаковъ, въ Таганрогѣ и на сѣверѣ. Наблюдатель, ученый и cum grano salis. Я увѣренъ, что его книга о Россіи будетъ хороша [1]).

— «Образованное общество (въ Россіи) — ужасно мнѣ напоминаетъ—говорилъ онъ—Остъ-Индскую кампанію съ англицкимъ обществомъ—въ Индіи. Только у насъ меньше воруютъ»;—и еще: «Польша ваше проклятіе, съ ней на ногахъ у васъ не можетъ быть прогресса,—она стѣна между Россіей и Европою». О 1870 годѣ онъ говоритъ, что (никто) не заботится, полицейски такъ затруднятъ переходъ, что ни одинъ крестьянинъ не двинется».

Онъ въ Тобольскѣ получилъ мое письмо, посланное изъ Брюсселя въ Лондонъ. Это курьезно.

Вотъ тебѣ безъ обѣщаній длинное письмо. Прочти Бакунину.....

28-го октября (1869), четвергъ. Парижъ.

Письма были бы еще интереснѣе, если-бъ между ними не сидѣлъ Шпекинъ [2]). Климатеричный день сошелъ съ рукъ отлично и показалъ, что движеніе глубже и оттого вовсе не такъ быстро выступаетъ на кожу. Реемъ я очень доволенъ, онъ прекрасный и умный человѣкъ. Я буду тебѣ посылать dann und wann газеты, ты изъ нихъ узнаешь многое и, главное, тебя удивитъ sans façon. Смотрю и присматриваюсь къ зрѣлищу очень интересному.

Теперь о частныхъ дѣлахъ... Я нашелъ провизуарно квартиру въ небольшомъ, но чистомъ отелѣ, въ Champs Elysés Avenue d'Antin—33. По здѣшнему не дорого. Затѣмъ у меня въ виду очень хорошая, не меблированная квартира, противъ самаго Люксембургскаго сада. Я

---

[1]) Эта книга „Свободная Россія“ вышла въ слѣдующемъ, 1870 году, на англійскомъ языкѣ и была переведена на всѣ языки, въ томъ числѣ и на русскій. Русское изданіе въ Спб. все сполна разошлось. Т. П.

[2]) Почтмейстеръ въ „Ревизорѣ“ Гоголя.

думаю, что, повертѣвшись во всемъ мірѣ, все же надобно разбить гдѣ нибудь свой инвалидный домъ и въ немъ помѣстить большихъ и дѣтей. Если я рискну взять домъ на три года, я предложу тебѣ черезъ годъ переѣхать сюда. Пока думаю лучше останься въ Женевѣ... Квартиру съ двумя спальнями, салончикомъ и кухней возлѣ Люксембургскаго сада я найду. Главное, надобно суворовскую храбрость, чтобъ подписать на три года контрактъ...

На счетъ Костромскаго имѣнья замѣть одно, что публикаціи были въ 1863 г. и у насъ не было ни одного знакомаго, не говорю друга, который бы извѣстилъ — по несчастію, это черта русская.

Перешли остальное Бакунину, прочитавши. Прощай.

Бакунину. 28-го октября.

Письмо, которымъ изволили почтить, получилъ. Отвѣтъ пишу сейчасъ. Политика твоя мнѣ не нравится. Въ Макіавели ты не годишься съ твоими dividi. Я никакъ, никакъ не могу согласиться на то, чтобъ, по примѣру русской (прежней) цензуры,—дозволять ругань титул. совѣтн. и не бранить генераловъ. Маркса просто ты не хочешь зацѣпить, чтобъ не попортить свое отношеніе. Хорошо, ну, такъ оставь же и Гесса, и К—нію. Это совѣтъ и мнѣніе. Далѣе, что ты такъ кипятишься, статья Гесса никѣмъ не была замѣчена и безслѣдно ухнула. Письмо мое (надѣюсь, ты получилъ) къ Делеклюзу покончило вопросъ. Ре — (который мнѣ очень нравится) снесъ твою статью къ молодежи въ «Реформу» (она не то что умна, но благородна, смѣла); тамъ обѣщали ее помѣстить завтра или послѣ завтра. Нумеръ Progrès, гдѣ о тебѣ, я отдалъ, на чемъ и все кончилось. Ходить къ Дантю можно только въ очистку совѣсти. Совѣтъ мой таковъ. Рукопись (она теперь у Ре), со всѣми приложеніями, я тебѣ пришлю. Переправь въ прохолодь первую часть, выдумай всему громкое заглавіе, не обижая Макковея и Ротшильда, и потомъ передай Чернецкому; печатай не все вдругъ, а ливрезонами... это легче для расхода и платы. Когда будетъ все на мази, я помѣщу въ десяти журналахъ annonc'ы. Доволенъ что-ли?

Пожалуй, оставь жидовскую улицу, какъ она есть, но совѣтъ мой — все же обдумай.

Здѣсь много хорошаго и серьезнаго. Но что за жалкіе мандарины и брамины, что за жалкіе журналы! Я думаю просто остаться пока здѣсь.

В** меня не тѣшитъ, а бѣситъ. Чистый и добрый человѣкъ — онъ доктринерствомъ съѣлъ свое сердце, и къ окружающему отно-

сится какъ адвокатъ или прокуроръ. Минутами онъ мнѣ ненавистенъ. Прощай.

У тебя очень часто обмороки—это заставляетъ меня освѣдомиться о количествѣ алкоголя?

Послѣдніе два мѣсяца своей жизни Александръ Ивановичъ былъ глубоко опечаленъ и потрясенъ нездоровьемъ одной изъ своихъ дочерей, нѣжно имъ любимой. При первой вѣсти о ея болѣзни, онъ поспѣшилъ къ ней, во Флоренцію, и здѣсь, 2-го ноября 1869 г., какъ писалъ Н. П. Огареву, былъ обрадованъ свиданіемъ съ ней. Знаменитый профессоръ Шифъ—обнадежилъ Александра Ивановича полнымъ выздоровленіемъ больной, что впослѣдствіи вполнѣ и оправдалось.

Въ концѣ ноября того-же 1869 г. Герценъ, въ сопровожденіи дочерей и Н. А. Огаревой, отправился изъ Флоренціи въ Парижъ.

Во время пути, а затѣмъ и по пріѣздѣ, Александръ Ивановичъ не оставлялъ своего друга Николая Платоновича обычными извѣстіями о себѣ, семействѣ, и замѣтками о явленіяхъ современной ему общественной и политической жизни.

26-го ноября (1869 г.). Генуя. Hôtel Feder.

«Почта изъ Франціи не проходила за Mont Cenis, все покрыто снѣгомъ. Дорога въ Ниццу размыта дождями, остается пароходъ, а погода только сегодня устанавливается и качать все-же будетъ сильно. А тутъ Суецы, да Панамы перерываютъ—въ то время, какъ между Италіей и Швейцаріей, между югомъ Швейцаріи и Италіи и Франціею—столько же сообщеній зимой, какъ между Саранскомъ и Тюменью»...

Любопытна замѣтка Александра Ивановича, вызванная въ немъ, кажется, прочтеніемъ одного изъ литературныхъ произведеній Андреа Лео:

— «Я, Огаревъ, холодно и съ пассивностью смотрю на жизнь... виноваты всѣ. Ты подумай вотъ о чемъ—почему мелодраматическіе Лео Леони, Оривы и завзятые негодяи—имѣютъ не въ однихъ романахъ, а въ самой реальности—самое сильное вліяніе на лучшихъ женщинъ. Да кстати, вмѣстѣ со всѣми Нечаевскими, отрекись отъ абортивныхъ освобожденій; въ исторію можно забѣгать—но уже тогда отвыкни жалѣть погибающихъ, жалѣть личности. И, дѣйствительно, ни Пугачевъ, ни Маратъ ихъ не жалѣли.

«Что за вздоръ проповѣдывалъ ты (и я) о полной свободѣ не только въ выборѣ, но и въ перемѣнѣ,—особенно прежде, чѣмъ ты,

какъ въ раму, улегся въ фашимумъ. Смотри теперь кругомъ на развалины и только не цитируй крайности съ противуположной стороны —я ихъ знаю».

14-го ноября (1869 г.). Воскресенье.

...Я рѣшительно ничего не дѣлаю, ничего не хочу дѣлать и ничего не читаю—оттого пишу длинныя письма.

(С. П.) Боткинъ—страшный пророкъ медицины. Онъ мнѣ говорилъ: «все пойдетъ хорошо, если не будетъ сильныхъ толчковъ». Вотъ и толчекъ, казалось все—благодаря нашему провидѣнію, т. е. желудку—сошло съ рукъ, анъ нѣтъ, — Боткинъ правъ. Тутъ безъ Vichy весной не отдѣлаешься.

Omni casu—мы плывемъ въ понедѣльникъ въ Ниццу и отправимся въ 9 вечера, будемъ тамъ въ 6 утра.

23-го декабря (1869 г.) Парижъ, 8. Rue Rovigo.

Вчера былъ Броко (докторъ), сидѣлъ больше получасу... О себѣ я и не спрашивалъ, мнѣ не до себя пока... Ѣмъ и пью хорошо, но сплю скверно. Съ вечера засыпаю какъ убитый,—но часа въ 4 просыпаюсь съ ужасомъ не уснуть.

Квартиру съ пенсіономъ и всѣмъ нашелъ, дорого, но превосходную, тихую, въ самомъ центрѣ и въ самой тишинѣ,—172, Rue de Rivoly—въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ увижу, остаемся ли въ Парижѣ, и тогда квартиру сыщу fixe, а тутъ надобно бросить въ печь фр. 800 въ мѣсяцъ.

Это мнѣ очень непріятно, но нѣкоторый комфортъ и ширь комнатъ для больной необходимъ. Пенсіонъ устраняетъ всѣ хлопоты о хозяйствѣ, дрязги и проч. Вотъ полный отчетъ.

Ч*** арестованъ; объ этомъ я читалъ въ тобою присланномъ «Голосѣ». Если что узнаю, сообщу; я еще не видалъ ни В***, ни Б***. Вчера безъ меня была Полина (Левицкая), она ангажирована на три года въ Covent Garden—по 12 т. въ годъ, съ разными правами концертовъ, поѣздокъ...

Письмо провалялось въ моемъ карманѣ больше 24 часовъ, т. е. до 24 декабря.

Все обстоитъ благополучно.

Съ квартирой еще не кончилъ. Пиши 8, Rue Rovigo.

29-го декабря (1869 г.). 8. Rue Rovigo.

Сейчасъ переѣзжаемъ въ Pavillon Rohan—172 rue Rivoli, это огромный домъ, отдающійся на мелкія и крупныя квартиры, съ ѣдой

и безъ ѣды. Мѣсяцъ или даже два можно отдохнуть и выждать.... Эту трату за покой я заслужилъ двумя послѣдними мѣсяцами.

Я не могу ни на чемъ сосредоточиться, ничѣмъ заниматься и свелъ все на одно чтеніе.

Въ Indép. подробности о Ч***. Захвачено въ Москвѣ и Петербургѣ до ста человѣкъ. Нашли какія-то прокламаціи у Е***, и по подозрѣнію обыскали Ч***.—У него не нашли, а нашли въ судѣ (онъ мировой судья)—за что и арестовали. Пиши на новый адресъ.

Присылай стихи.—Прощай.

Съ новымъ годомъ,—отъ котораго ни на волосъ не жду ничего новаго—и ничего хорошаго. Лишь бы остаться при своихъ.

А что скажете объ Оливійскомъ министерствѣ?

(Парижъ) 4-го января (1870 г.) 172. Rue Rivoli.

Опять не знаю, что писать—все идетъ медленно, вяло и не то чтобы особенно гладко. Татѣ (Натальѣ Александровнѣ Герценъ) становится лучше и лучше. Все остальное ковыляетъ по прежнему.

Сегодня въ половинѣ девятаго утромъ явился Иванъ Батистъ Боне. Да еще въ дополненіе принесъ мнѣ какой-то долгъ, о которомъ я забылъ. Неизмѣнно тотъ же.

Скажу откровенно, мнѣ кажется, что общей жизни здѣсь не устроишь. Все виситъ на ниткѣ. Съ одной Татой—мы бы устроились лучше—да оно тѣмъ и кончится...

NB. Если Egal. съ Пероновой рѣчью не послано—или не дошло, прошу вырѣзать рѣчь и прислать въ письмѣ. До сей минуты не получалъ.

Въ «Спб. Вѣдомостяхъ» протестъ студента московскаго университета А.—увѣдомляющаго, что имя его по ошибкѣ попалось въ (списокъ), и свидѣтельствующаго — что онъ на лекціи Полунина не былъ. Это — и протестъ N. N. я считаю очень важнымъ...

7-го января 1870 г. Пятница. 172. Rue Rivoli.

Получилъ твое письмо отъ 5-го. Я не писалъ двухъ, трехъ дней по совершенному отсутствію сообщаемаго.

Рѣчь на могилѣ С. С. читалъ—ничего, не дурно. Озерова (какъ ты знаешь) я знаю давнымъ давно... Въ женевскихъ шпіоновъ вѣрую и посылаю тебѣ тартинку изъ Liberté.

Вотъ тутъ и вспомнишь блаженной памяти—Ловецкаго «Польза—вредъ большой, употребленіе — никуда не употребляется». Да, я

окончательно разумомъ убѣдился въ томъ, въ чемъ мое чутье убѣждало меня. А тутъ—какъ ты видѣлъ въ письмѣ Боне—валятъ и на меня долю безумій, противъ которыхъ я былъ сначала до конца. (A propos—зачѣмъ ты пересылаешь такую белиберду, какъ это письмо Боне)?

На счетъ «Колокола» еще не знаю. Когда все устроится и домъ будетъ нанятъ—я пріѣду недѣли на двѣ.

Для возобновленія «Колокола»—нужна программа—даже для насъ. На такомъ двойствѣ воззрѣній—которое мы имѣемъ о главномъ вопросѣ, нельзя создать журнала. Читать насъ никто не хочетъ. Сдѣлаемъ опытъ издать «Полярную Звѣзду»,—что у тебя есть готоваго?—Я, впрочемъ, предпочелъ бы участвовать въ какомъ нибудь петербургскомъ изданіи. A propos,— Б** собирается издавать газету—ежедневную, опозиціонно-литературную и политическую, въ родѣ Figaro. Онъ за этимъ ѣдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ. За симъ кланяюсь.

Совсѣмъ было забылъ объ N. N. Можно ничего не давать—или дать almeno 50 фр.—10 фр. я считаю рѣшительно невозможнымъ. Напиши, что за напасть у нихъ—что они пошли по міру?

„Подайте мальчику на хлѣбъ".

3 часа и три другіе сидѣлъ у меня старикъ Свербѣевъ, московскій... съ великими дружбами.

Natalie была у С**—кланяется тебѣ.

10-го января (1870 г.). Понедѣльникъ.

Vivatement наше такъ безсобытно, что дѣйствительно писать нечего. Главное—здоровье Таты—оно идетъ хорошо.

Свербѣевъ для меня наполняетъ цѣлый кварталъ фиміамомъ — Арбата и Пречистенки. Ему 70 лѣтъ — и ни на волосъ не измѣнился—читалъ мнѣ начало своихъ записокъ... Говорятъ, что надняхъ здѣсь свезли въ домъ умалишенныхъ старика Петра Андр. Вяземскаго.

Далѣе продолжаю хронику—сегодня ждутъ въ здѣшнюю столицу Ив. Серг. Тургенева.—В*** и Б***—бываютъ часто. В*** очень любезенъ съ дамами и споритъ безпрерывно. Вотъ и все.

Б*** говорилъ о какой-то статьѣ въ «Москов. Вѣдом.», о студентахъ и прокламаціяхъ—если интересно, пришли.

Свербѣевъ увѣрялъ меня, что NN. въ Москвѣ—всѣ власти и не власти боятся за его тайныя связи и доносы, что онъ, иначе сказать, ... en gros.

Въ твоей записочкѣ къ Сат. (которую, наконецъ, N. рѣшилась послать, можетъ она была права, что переждать слѣдовало) ты ему

пишешь объ Астраковѣ..... Да, саго mio, неужели ты забылъ, что онъ давнымъ давно умеръ.

M-lle Michel въ Версали. Прощай.

Сегодня Озеровъ дастъ первый урокъ Лизѣ—въ ариѳметикѣ. Лиза здорова. Она полосами—шалитъ, т. е. капризничаетъ, и полосами умна и просто рѣзва. Теперь она въ хорошей полосѣ.

Голова претяжелая. Аминь.

Тхоржевскому прилагаю записочку о главномъ обществѣ застрахованія, Мейрари—съострилъ отлично—на счетъ Пана—передай ему. Онъ говоритъ: «Если вы скажете, что этотъ польскій господинъ вашъ другъ и непремѣнно пойдетъ въ первое возстаніе — они накинутъ 5% лишку».

СМЕРТЬ.

Съ 1864 года Александръ страдалъ діабетомъ. Опредѣлилъ болѣзнь его Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Александръ лѣчился, но непослѣдовательно. Ему совѣтовали лечиться водами Виши; послѣ предварительнаго леченія, избѣгать всякаго душевнаго разстройства.

Швейцаріи Александръ не любилъ. Онъ говорилъ, что мѣщанскій духъ ея ему несимпатиченъ, и отправился отыскивать мѣсто, гдѣ бы могъ поселиться больше по душѣ.

Огаревъ одинъ оставался въ Женевѣ, гдѣ наблюдалъ за изданіемъ «Колокола» и «Полярной Звѣзды». Жена его, Наталья Алексѣевна, въ 1864 году лишилась двухъ дѣтей и такъ была убита этой потерей, что нигдѣ не находила мѣста настолько симпатичнаго, чтобъ успокоиться. Она уѣхала съ своей дочерью Лизой въ Ниццу, оттуда ѣздила въ нѣкоторые города Франціи, даже Швейцаріи. Дочери Александра Ивановича большею частью жили въ Италіи.

Александръ, путешествуя, дѣлилъ время свое между дѣтьми своими и семействомъ Огарева, временами жилъ съ ними вмѣстѣ и часто навѣщалъ Огарева, въ Женевѣ. Въ Бельгію онъ ѣздилъ въ послѣдній годъ своей жизни. Въ Брюссель къ нему пріѣзжали старшая дочь его Наталья Александровна и Наталья Алексѣевна Огарева съ дочерью Лизой, вмѣстѣ съ которыми онъ былъ въ Ліонѣ и потомъ въ Парижѣ. Старшая дочь его, кажется, изъ Ліона или изъ Ниццы, опять уѣзжала въ Италію.

Въ 1866 году Николай Платоновичъ Огаревъ сломалъ ногу. Александру дали знать телеграммой. Онъ совсѣмъ растерялся и въ полномъ

отчаяніи говорилъ: «я его не застану» — и долго не могъ успокоиться: хотѣлъ ѣхать и не трогался съ мѣста. Ему собрали все необходимое для поѣздки и проводили на желѣзную дорогу.

Другой ударъ еще сильнѣе поразилъ его. Въ 1869 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Александръ пріѣхалъ въ Парижъ изъ Бельгіи, чтобы тамъ устроиться на болѣе продолжительное время, какъ получилъ письмо отъ своего сына, которымъ тотъ просилъ поскорѣй пріѣхать его во Флоренцію, такъ какъ одна изъ сестеръ сильно заболѣла.

Александръ поспѣшилъ съ Н. А. Огаревой и ея дочерью Лизой въ Италію—и перевезъ обѣихъ дочерей своихъ, въ декабрѣ 1869 г., въ Парижъ, гдѣ больная скоро оправилась, а впослѣдствіи совершенно выздоровѣла.

Въ русскій новый годъ, т. е. 13-го января нов. стиля 1870 г, Александръ вышелъ вечеромъ и простудился. Въ діабетѣ воспаленіе легкихъ очень опасно.

Жаръ и бредъ все увеличивались; однако, онъ каждый день писалъ карандашемъ нѣсколько словъ къ Огареву.

Наканунѣ его кончины по ихъ улицѣ прошла военная музыка. Александръ любилъ ее слушать. Онъ улыбнулся, билъ тактъ по рукѣ Натальи Алексѣевны Огаревой, слезы ея капали на его руку.

Вечеромъ онъ велѣлъ позвать дѣтей и цѣловалъ ихъ. «Надо проститься», говорилъ онъ. Быть можетъ онъ чувствовалъ близость смерти. Въ этотъ день онъ послалъ своему другу Огареву послѣднюю телеграмму (20-го января нов. ст. 1870 г.), гдѣ онъ говорилъ, что опасность прошла, и что «завтра» напишетъ.

Послѣ этого жаръ и бредъ сдѣлались сильнѣе. Разъ онъ сказалъ: «поѣдемъ въ Россію». Онъ все хотѣлъ куда-то уйти, уѣхать....

Дыханіе становилось все труднѣе и труднѣе.

Пробило два часа. Дыханіе становилось все рѣже, тише, тише и, наконецъ, наступила та торжественная тишина, которую слышно. Всѣ молчали, будто боялись нарушить ее.

Герцена не стало.

Т. П. Пассекъ.

Первое десятилѣтіе с.-петерб. городскихъ начальныхъ училищъ

въ вѣдѣніи столичнаго общественнаго управленія [1]).

«Если-бъ у меня спросили, какіе столпы церкви и государства?—я бы отвѣчалъ: во первыхъ училища, во вторыхъ училища и въ третьихъ училища».

Митроп. Паисій (въ XVII в.).

«Откройте въ Россіи столько школъ, сколько ихъ есть въ Америкѣ, и это государство превзойдетъ могуществомъ всѣ остальныя въ мірѣ».

Лавелэ, 1874 г.

4. Педагогическій контроль надъ школами посредствомъ экспертовъ по учебной части.

Правительственный надзоръ надъ школами и утвержденіе учащихъ въ должностяхъ принадлежитъ городскому училищному совѣту, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ городскаго головы, изъ инспектора народныхъ училищъ, по одному члену отъ мин. народн. просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и духовнаго вѣдомства и двухъ гласныхъ думы, состоящихъ вмѣстѣ съ тѣмъ членами училищной коммиссіи. Подъ вѣдѣніемъ училищнаго совѣта, къ 1-му января 1887 г. находились не только 230 думскихъ начальныхъ городскихъ училищъ, но еще 2 училища, содержимыя земствомъ, 2—церковнымъ причтомъ, 4 частныхъ и 14 воскресныхъ, изъ которыхъ 8 учреждены думою, а всего 253 учебныя заведенія. Очевидно, что одинъ инспекторъ не можетъ входить во всѣ подробности школьнаго дѣла и по своему административному положенію не можетъ принимать участія въ засѣданіяхъ училищной коммиссіи и исполнять ея порученія, тѣмъ болѣе, что онъ еще обязанъ имѣть наблюденіе надъ

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LV, стр. 667—703.

казенными городскими училищами, школами техническаго общества и проч.

Уже вскорѣ по принятіи отъ мин. народн. просвѣщенія въ вѣдѣніе города 16 училищъ и по учрежденіи 4-хъ новыхъ школъ, коммиссія представила думѣ свои соображенія о необходимости имѣть лицо, «спеціально знакомое съ педагогическимъ дѣломъ». Въ засѣданіи 12 октября 1877 года дума разрѣшила коммиссіи пригласить такое компетентное лицо, которое, «совѣщаясь съ коммиссіей, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняло бы порученія ея». Лицо это получило впослѣдствіи названіе «эксперта по учебной части при городскомъ управленіи» [1]), на котораго коммиссія возложила слѣдующія обязанности: а) доклады коммиссіи о лицахъ, достойныхъ занять учительскія должности въ ввѣренныхъ наблюденію коммиссіи училищахъ; б) надзоръ за исполненіемъ учителями и учительницами принятыхъ ими на себя обязанностей; в) руководство и совѣты учителямъ при затрудненіи ихъ въ какомъ-либо спеціальномъ вопросѣ; г) содѣйствіе коммиссіи при выборѣ книгъ для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ и другихъ учебныхъ пособій; д) содѣйствіе коммиссіи при разработкѣ разныхъ вопросовъ, возникающихъ по завѣдыванію училищами; е) доклады коммиссіи о необходимыхъ улучшеніяхъ въ училищахъ; ж) доклады коммиссіи объ обнаружившейся потребности въ какой либо части города объ открытіи новаго училища, или необходимости въ переводѣ училища изъ одной мѣстности въ другую и т. д.

Когда число городскихъ училищъ достигло 77, коммиссія, въ 1880 году, пришла къ тому убѣжденію, что надзоръ за ними со стороны одного только эксперта становится чрезвычайно затруднительнымъ; поэтому она просила разрѣшенія городской думы имѣть двухъ экспертовъ [2]). Но когда число школъ стало быстро возрастать, коммиссія, съ разрѣшенія думы, пригласила, съ 1883 г., третьяго эксперта, а съ 1886 г. она имѣетъ уже четырехъ экспертовъ [3]). На основаніи 10-ти-лѣтняго опыта обязанности экспертовъ выразились въ слѣдующихъ занятіяхъ:

1. Участіе экспертовъ въ выборѣ учащихъ въ городскія училища. Опытъ послѣднихъ трехъ лѣтъ показалъ, что вслѣдствіе постояннаго увеличенія числа городскихъ училищъ съ одной стороны и потери по разнымъ случаямъ (выходъ замужъ, смерть, болѣзнь,

---

[1]) Первымъ экспертомъ былъ В. Б. Вулихъ, а вторымъ — В. В. Григорьевъ.

[2]) А. Я. Гердъ и І. И. Паульсонъ.

[3]) Д. Д. Семеновъ, съ 1 окт. 1883 г.; В. И. Воленсъ съ 1 нояб. 1883 г.; В. А. Воскресенскій, съ 1 авг. 1886 г.; Т. В. Докучаевъ, съ 1 сент. 1886 г.

отъѣздъ изъ Петербурга) до 20% наличнаго состава учащихъ — съ другой, училищная коммиссія должна имѣть въ запасѣ ежегодно не менѣе 50—60 приготовленныхъ учителей и учительницъ изъ числа лицъ, внесенныхъ коммиссіею въ кандидатскій списокъ [1]). По правиламъ только тѣ изъ этихъ лицъ могутъ получить мѣсто учащаго въ городскихъ училищахъ, которые, кромѣ педагогической подготовки, удовлетворительно выдержали пробные уроки въ присутствіи членовъ коммиссіи и экспертовъ. Организація каждаго пробнаго урока всецѣло возложена на обязанности экспертовъ. Съ этою цѣлью эксперты: а) составляютъ заблаговременно списокъ училищъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, могутъ быть даваемы пробные уроки; б) назначаютъ матеріалъ для пробныхъ уроковъ и предварительно просматриваютъ программы кандидатовъ и кандидатокъ; в) присутствуютъ на самыхъ пробныхъ урокахъ; г) послѣ уроковъ даютъ свое заключеніе во время производимаго ими публично colloquium'а, и д) представляютъ докладъ о пробномъ урокѣ въ ближайшемъ засѣданіи коммиссіи, которая постановляетъ окончательное рѣшеніе объ испытуемомъ.

Это непосредственное участіе экспертовъ въ выборѣ учащихъ для городскихъ училищъ училищная коммиссія считаетъ одною изъ главныхъ и существенныхъ обязанностей экспертовъ, такъ какъ отъ строгаго, безпристрастнаго и осторожнаго подбора учащаго персонала преимущественно зависитъ успѣхъ городскихъ школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ экспертами прослушано и дано заключеніе о пробныхъ урокахъ болѣе, чѣмъ 300 лицъ [2]).

2. Обязательное и возможно частое посѣщеніе училищъ. На каждаго эксперта возложено посѣщать отъ 50 до 75 училищъ. Каждое посѣщеніе экспертами училища продолжается minimum $^1/_2$ часа и maximum—2 часа. Особенно часто приходится экспертамъ посѣщать вновь открываемыя училища, чтобы помочь учащимъ въ пріемѣ дѣтей, въ распредѣленіи ихъ по отдѣленіямъ, въ выборѣ и пріобрѣтеніи необходимыхъ учебныхъ пособій и руководствъ, въ составленіи росписанія и распредѣленіи уроковъ, въ установленіи школьныхъ порядковъ и вообще во всемъ томъ, на чемъ основывается

---

[1]) Въ кандидатскій списокъ вносятся лишь тѣ лица, которыя, кромѣ общаго средняго образованія, получили спеціальное педагогическое или высшее научное и имѣютъ за собою не менѣе года школьной практики.

[2]) Пробные уроки стали обязательными для кандидатовъ лишь съ 1881 г.; а до того времени учащіе приглашались по рекомендаціи членовъ училищной коммиссіи и эксперта. Д. С.

успѣхъ школы въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Во время своихъ посѣщеній, эксперты: а) слушаютъ преподаваніе учащихъ, которымъ и сообщаютъ потомъ результатъ своихъ наблюденій; б) осматриваютъ письменныя работы дѣтей и дѣлаютъ о нихъ свои замѣчанія, какъ учащимъ, такъ и учащимся; в) по просьбѣ учащихъ иногда даютъ примѣрные уроки, съ цѣлью практически и наглядно показать учащимъ лучшіе пріемы преподаванія по тому или другому учебному предмету, входящему въ курсъ начальной школы; г) время отъ времени провѣряютъ успѣхи дѣтей въ чтеніи, письмѣ и счетѣ; д) указываютъ на средства, поддерживающія разумную классную дисциплину; е) въ случаѣ болѣзни учащаго руководятъ занятіями временно занимающихся въ школѣ запасныхъ учительницъ или кандидатокъ, дабы замѣна постояннаго учащаго временнымъ не отразилась бы неблагопріятно на успѣхахъ и поведеніи учащихся, и ж) вообще даютъ совѣты и указанія учащимъ по всѣмъ возникающимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго характера. На эти посѣщенія эксперты отдаютъ каждое свободное отъ пробныхъ уроковъ утро отъ 9 до 2 часовъ. Сверхъ того, для учащихъ, желающихъ получить отъ эксперта совѣты по веденію порученнаго имъ дѣла, а также для предварительнаго разсмотрѣнія списка учебныхъ пособій и книгъ для школьной библіотеки, эксперты открываютъ у себя на дому пріемные часы во внѣ учебное время. Училищная коммиссія придаетъ весьма важное значеніе такому постоянному наблюденію надъ школами со стороны экспертовъ, въ виду очевидной пользы для успѣховъ и поведенія учащихся.

3) Обязательное представленіе отчетовъ къ 1-му мая каждаго учебнаго года.

Каждый экспертъ представляетъ въ коммиссію письменный годовой отчетъ о состояніи училищъ того района, который порученъ его наблюденію. Въ этихъ отчетахъ эксперты: а) на основаніи приведенныхъ статистическихъ данныхъ дѣлаютъ тѣ или другіе выводы; б) смотря по успѣхамъ и поведенію учащихся распредѣляютъ училища на группы; в) характеризуютъ дѣятельность учащихъ; г) высказываютъ свое мнѣніе о состояніи учебно-воспитательнаго дѣла въ городскихъ училищахъ за истекшій учебный годъ вообще и въ частности о положеніи каждаго учебнаго предмета и классной дисциплины, и д) возбуждаютъ различные педагогическіе вопросы, могущіе содѣйствовать, по ихъ мнѣнію, прогрессивному улучшенію городскихъ училищъ; е) указываютъ на мѣстности, въ которыхъ, по ихъ наблюденіямъ, слѣдуетъ открыть новыя училища и какія именно: мужскія или женскія.

По выслушаніи отчетовъ экспертовъ, коммиссія провѣряетъ мнѣнія

ихъ и затѣмъ постановляетъ свои рѣшенія и распоряженія относительно школъ, требующихъ исправленія. Равнымъ образомъ, и вопросы, поднятые экспертами, не остаются безъ обсужденія въ коммиссіи. Краткое извлеченіе изъ отчетовъ экспертовъ помѣщается въ «Извѣстіяхъ с.-петербургской думы». Очевидно, что матеріалъ для такихъ отчетовъ накопляется постепенно и эксперты употребляютъ не мало времени для ежедневныхъ записей своихъ наблюденій и для составленія изъ нихъ отчетовъ. Помимо историческаго, статистическаго и педагогическаго интереса и практическаго значенія для школъ, коммиссія находитъ весьма полезнымъ отчеты экспертовъ и въ томъ отношеніи, что составъ коммиссіи чрезъ каждые четыре года мѣняется и для вновь избранныхъ членовъ весьма важно знать прошлое столичныхъ школъ.

4. Постоянное участіе въ засѣданіяхъ коммиссіи. Участіе экспертовъ въ засѣданіяхъ коммиссіи выражается въ томъ, что эксперты: а) дѣлаютъ доклады о пробныхъ урокахъ; б) составляютъ для коммиссіи проэкты по различнымъ спеціально-педагогическимъ вопросамъ, возбуждаемымъ въ коммиссіи; в) исполняютъ различныя порученія коммиссіи; г) присутствуютъ на повѣрочныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ, и д) вообще даютъ свои заключенія и мнѣнія по вопросамъ, входящимъ въ кругъ ихъ спеціальности. Согласно, напр., пункту б) экспертами были предварительно выработаны и представлены на обсужденіе коммиссіи: 1) программы учебныхъ предметовъ; 2) проэктъ по организаціи училищъ; 3) списокъ учебныхъ пособій; 4) правила для кандидатовъ и кандидатокъ на учительскія должности; 5) инструкція для учащихъ; 6) вопросъ о частой смѣнѣ учебниковъ; 7) о занятіяхъ рукодѣліемъ въ женскихъ училищахъ; 8) объ установленіи четырехлѣтняго курса въ городскихъ училищахъ; 9) объ организаціи пріема дѣтей въ центральныхъ пунктахъ; 10) о воспитательныхъ мѣрахъ и т. д. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробный разборъ каждаго доклада экспертовъ, но считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на важное значеніе послѣднихъ двухъ вопросовъ.

Установленіе въ городскихъ училищахъ четырехлѣтняго курса вмѣсто существующаго нынѣ трехлѣтняго было предположено, между прочимъ, съ цѣлью упрочить знанія учащихся и, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, путемъ чтенія и бесѣдъ, основательнѣе и прочнѣе познакомить дѣтей съ географіей и исторіей Россіи и съ важнѣйшими явленіями природы. Эта мѣра тѣмъ болѣе необходима, что на основаніи новыхъ правилъ, къ экзамену на льготу по воинской повинности допускаются мальчики не менѣе 11 лѣтъ, а по фабричному закону дѣти вообще не допускаются къ работамъ на фабрики и различныя заведенія ранѣе 12 л.; между тѣмъ, дѣти,

и при томъ болѣе способныя, поступая въ школу 7 лѣтъ, оканчиваютъ курсъ въ 10 лѣтъ; слѣдовательно, одинъ или два года они должны оставаться на улицѣ, внѣ благодѣтельнаго вліянія школы [1]). Къ сожалѣнію, коммиссія отложила окончательное обсужденіе проэкта до болѣе благопріятнаго времени, когда, съ увеличеніемъ числа школъ, потребность въ пріобрѣтеніи первой грамотности будетъ вполнѣ удовлетворена.

Задача втораго проэкта—раздѣленіе города на школьные участки съ центральнымъ пріемнымъ пунктомъ въ каждомъ, состоитъ въ томъ, чтобы упорядочить пріемъ дѣтей, болѣе правильно и равномѣрно раздѣлить учащихся по училищамъ; опредѣлить точное число отказовъ за недостаткомъ мѣста въ томъ или другомъ училищахъ, и знать дѣйствительное число дѣтей школьнаго возраста каждаго участка. Обсужденіе этого важнаго проэкта еще ждетъ своей очереди.

5. Сверхъ перечисленныхъ постоянныхъ занятій экспертовъ, на нихъ возлагается еще руководство собраніями учащихъ и чтенія для нихъ лекцій.

Такъ, бывшій экспертъ І. И. Паульсонъ, въ январѣ 1883 года, открылъ рядъ бесѣдъ «о методикѣ начальныхъ учебныхъ предметовъ и объ организаціи элементарной школы», а А. Я. Гердъ, въ томъ же году, не только подробно изложилъ методику предметныхъ уроковъ, но въ присутствіи учащихъ далъ цѣлый рядъ образцовыхъ уроковъ, указавъ на всѣ самостоятельныя наблюденія, опыты и работы, которыя слѣдуетъ ввести въ школахъ въ связи съ такими уроками. Третій экспертъ—Д. Д. Семеновъ, замѣтивъ, что учащіе наиболѣе затрудняются въ веденіи уроковъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія и въ выборѣ учебниковъ, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ напечаталъ въ педагогическомъ журналѣ «Женское образованіе» рядъ примѣрныхъ уроковъ по чтенію, а въ другомъ журналѣ «Воспитаніе и обученіе» предпринялъ цѣлый рядъ статей, подъ заглавіемъ «Опытъ педагогической критики русской элементарной учебной литературы».

---

[1]) Извѣстно, что въ Германіи и Швейцаріи дѣти обязательно должны посѣщать школы съ 7-ми до 14-ти-лѣтняго возраста; вслѣдствіе этого не только грамотность, но знаніе отечественной географіи и исторіи, а также ариѳметики и естественной исторіи—весьма удовлетворительно усваиваются дѣтьми народа, посѣщающими элементарныя школы; дѣвочки успѣваютъ пріобыкнуть къ рукодѣльямъ; всѣ дѣти отлично усваиваютъ себѣ уроки пѣнія и проч. Выйдя затѣмъ изъ школы 14-ти лѣтъ, сынъ или дочь наибѣднѣйшаго поденщика, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, не забываютъ того, что усвоили себѣ въ элементарной школѣ, оставаясь въ ней съ семилѣтняго, нерѣдко даже съ шестилѣтняго возраста. М. С.

Въ послѣднемъ трудѣ принялъ участіе, по отдѣлу математики, и В. П. Воленсъ.

Возлагая столь важныя и разнообразныя обязанности, которыя могутъ быть успѣшно выполнены лишь спеціалистами-педагогами, не только практически, но и теоретически знакомыми съ дѣломъ начальнаго образованія въ Россіи и заграницей, и вполнѣ сознавая, что отъ нравственнаго вліянія экспертовъ зависитъ во многомъ и успѣхъ петербургскихъ школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи, коммиссія избираетъ въ число экспертовъ только такихъ лицъ, которыя извѣстны своею прошлою педагогическою дѣятельностію, болѣе или менѣе свободны отъ служебныхъ занятій и настолько авторитетны, чтобы совѣты ихъ принимались охотно и съ уваженіемъ учащими. Благодаря училищной коммиссіи и экспертамъ, городское управленіе знаетъ насколько производительно оно тратитъ полмилліона рублей ежегодно на свои школы.

5. Гигіеническая обстановка школъ.

На физическое воспитаніе подростающаго поколѣнія, этотъ залогъ успѣшности школьнаго обученія и нравственнаго развитія дѣтей и обезпеченія тѣлесной крѣпости грядущаго потомства, у насъ всегда обращалось очень мало вниманія, забывая столь извѣстное и мудрое изрѣченіе еще древнихъ римлянъ, что въ здоровомъ только тѣлѣ живетъ и здоровый духъ. Петербургской думѣ принадлежитъ починъ въ организаціи дѣйствительнаго, а не фиктивнаго зачастую у насъ, врачебно-санитарнаго надзора надъ своими школами.

Училищная коммиссія, всегда столь ревниво относящаяся къ своимъ обязанностямъ, не могла не обратить вниманія на то, что въ городскія училища приходятъ дѣти изъ подваловъ, угловъ и такихъ мелкихъ квартиръ, въ которыхъ всего скорѣе распространяются ежегодно появляющіяся въ Петербургѣ эпидемическія заразныя болѣзни; коммиссія не могла не печалиться о неудовлетворительности состоянія училищъ въ санитарномъ отношеніи. Поэтому еще въ 1880 году она исходатайствовала у думы разрѣшеніе на отпускъ 3,500 р. на вознагражденіе врачамъ и отпускъ лекарствъ бѣднѣйшимъ дѣтямъ. Но какъ было организовать санитарный надзоръ и врачебную помощь дѣтямъ начальныхъ школъ, когда дѣло это было совершенно новымъ у насъ? По совѣщанію какъ съ разными спеціалистами дѣла, такъ и съ цѣлыми обществами врачей, коммиссія на первый разъ рѣшилась отдать завѣдываніе врачебною частью въ школахъ въ распоряженіе

«С.-Петербургской врачебной общины», но подобная организація, имѣя частный и временный характеръ, не могла, конечно, принести ожидаемой пользы, хотя нѣкоторые врачи Общины и отнеслись къ дѣлу весьма серьезно. Поэтому, уже въ 1882 г., училищная коммиссія обратилась за содѣйствіемъ въ «Городскую коммиссію охраненія общественнаго здравія», которая для санитарнаго надзора въ училищахъ образовала особую подкоммиссію, во главѣ которой сталъ знаменитый врачъ-профессоръ, гласный думы, С. П. Боткинъ, а членами—доктора г. Архангельскій и г. Лебедевъ и гласный Шуппе. Эти лица нашли, что врачебная помощь должна быть сосредоточена, главнѣйшимъ образомъ, въ самихъ училищахъ, для чего врачами еженедѣльно долженъ производиться осмотръ въ училищахъ всѣхъ дѣтей и подаваться помощь учащимся какъ амбулаторно, такъ и въ школѣ при первомъ требованіи учащихъ. Съ этою цѣлью приглашены были 6 женщинъ-врачей, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ каждой, и санитарное дѣло въ школахъ стало на твердую почву. Женщины-врачи отнеслись къ своимъ новымъ обязанностямъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ, съ беззавѣтною преданностью къ своему дѣлу, съ безконечною любовью къ дѣтямъ, съ какою можетъ относиться только любящая мать къ своимъ дѣтямъ. За ничтожное вознагражденіе, каждая женщина-врачъ имѣла въ своемъ завѣдываніи до 25 школъ, т. е. до 1,200 дѣтей. Еженедѣльно она осматривала всѣхъ дѣтей каждой школы: кому изъ нихъ подавала совѣтъ, кому приготовляла сама даровое лекарство, кому прописывала рецептъ для полученія лекарства по удешевленной цѣнѣ, кого изъ нихъ старалась помѣстить въ Николаевскую дѣтскую больницу, гдѣ было отдано въ распоряженіе коммиссіи 14 кроватей, а кого навѣщала на дому. «Она не стыдится и не боится, писалъ одинъ экспертъ, спуститься въ смрадный и сырой подвалъ, утѣшить семью и больнаго ребенка, сама его обмоетъ, научитъ мать, какъ обращаться съ нимъ, сама дастъ лекарство. Помимо еженедѣльныхъ визитовъ, женщина-врачъ принимаетъ дѣтей на дому и спѣшитъ въ школу на каждый зовъ учительницы, въ случаѣ заболѣванія ребенка какою-нибудь заразною болѣзнью». Изъ отчета городской коммиссіи общественнаго здравія за 1881—1883 гг., мы усматриваемъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ женщинами-врачами было констатировано 26,498 случаевъ заболѣванія учащихся, при чемъ каждое изъ заболѣваній требовало отъ двухъ до трехъ осмотровъ. Принявъ въ среднемъ выводѣ 2,5 осмотра для каждаго заболѣванія, получимъ болѣе 66,000 врачебныхъ осмотровъ, т. е. на каждую изъ женщинъ-врачей приходилось за два года 11,000 случаевъ медицинской помощи самымъ бѣднѣйшимъ дѣтямъ. Не

смотря на такую усиленную врачебную помощь, женщины-врачи за два года издержали на медикаменты всего 2,050 р., т. е. по 3 коп. на каждый случай заболѣванія.

Такъ продолжалось до послѣдняго времени, когда по случаю преобразованія городской коммиссіи общественнаго здравія въ двѣ коммиссіи—санитарную и больничную, и вслѣдствіе увеличенія числа школъ, медицинскій надзоръ надъ школами и врачебная помощь были возложены на новую санитарную коммиссію, которая и выработала, вмѣстѣ съ училищною коммиссіею, двѣ особыя инструкціи санитарнымъ и думскимъ врачамъ, по отношенію къ санитарному и врачебному надзору за городскими начальными училищами [1]). По этимъ инструкціямъ какъ санитарный, такъ и думскій врачъ обязаны посѣтить каждое училище своего участка не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, а въ случаѣ появленія въ училищѣ эпидемическихъ болѣзней посѣщенія учащаются по мѣрѣ надобности; но закрытіе училища по случаю появленія заразныхъ болѣзней можетъ быть сдѣлано лишь по распоряженію члена, завѣдывающаго училищемъ. О всѣхъ недостаткахъ училища какъ въ санитарномъ, такъ и въ медицинскомъ отношеніяхъ врачи немедленно должны увѣдомлять какъ санитарную, такъ и училищную коммиссію.

Сверхъ того, думскіе врачи обязаны осматривать всѣхъ вновь поступающихъ дѣтей, при легкихъ заболѣваніяхъ подавать медицинскую помощь учащимся въ своихъ амбулаторіяхъ въ часы пріема, посѣщать больныхъ дѣтей и на дому, если того пожелаетъ семейство учащагося, а также лечить учащихъ и школьную прислугу, разумѣется, безвозмездно. Очевидно, что 25 думскихъ врачей [2]), на обязанности которыхъ лежитъ врачебная помощь не только дѣтямъ школъ, но и всему бѣдному населенію своихъ участковъ, не могутъ относиться къ училищамъ съ тою отеческою заботливостью, которая характеризуетъ первыхъ шесть женщинъ-школьныхъ врачей, исключительно вѣдавшихъ однѣ только школы; тѣмъ не менѣе, санитарный и врачебный надзоръ и въ настоящемъ видѣ приноситъ несомнѣнную пользу училищамъ и дѣтямъ. Такъ, больныхъ, которые обращались за помощью къ думскимъ врачамъ въ прошедшемъ 1886 году, было 8,266; изъ нихъ заразными болѣзнями страдало 983 ребенка; смертныхъ случаевъ было только 25, т. е. одинъ случай смерти на 396 учащихся, процентъ самый ничтожный и крайне утѣшительный. Появленіе

---

[1]) Утверждены городскою санитарною коммиссіею 2-го декабря 1886 г. и введены въ дѣйствіе съ 1-го января 1887 г.

[2]) Нынѣ изъ 25 думскихъ врачей—10 женщинъ-врачей. Д. С.

какой либо заразной болѣзни въ училищѣ (оспа, корь, скарлатина, дифтеритъ) немедленно вызывало усиленную дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ думскихъ и санитарныхъ врачей; училище временно закрывалось; потомъ производилась тщательная дезинфекція всего училищнаго помѣщенія и оно открывалось вновь только по прекращеніи въ той мѣстности заразы. Въ теченіи учебнаго года было закрыто на 2, на 3 недѣли только 8 училищъ.

Но это еще не все. На помощь бѣднымъ дѣтямъ идетъ и «Общество для пособія учащимся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи с.-петербургской городской думы».

Общество это возникло въ Петербургѣ еще въ 1881 году, по иниціативѣ училищной коммиссіи и при содѣйствіи нѣкоторыхъ гласныхъ думы. Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы доставлять одежду, пищу и квартиру дѣтямъ, находящимся въ безпомощномъ положеніи, сиротамъ, потерпѣвшимъ отъ какого либо внезапнаго бѣдствія; оказывать нуждающимся медицинскую помощь въ случаѣ заболѣванія, и вообще не только помогать бѣднымъ въ школѣ, но и доставлять способнѣйшимъ средства къ продолженію образованія по выходѣ изъ училища. За нѣсколько мѣсяцевъ число членовъ въ этомъ благодѣтельномъ обществѣ дошло до 300, а капиталъ возросъ до 10,039 р. Чтобы увеличить свои средства, общество, кромѣ сбора членскихъ взносовъ (3 р. въ годъ), устраиваетъ спектакли, базары, концерты; такъ что въ настоящее время общество, благодаря энергической дѣятельности ежегодно избираемаго вновь предсѣдателя М. П. Миткова (гласнаго думы и члена училищной коммиссіи), имѣетъ уже 478 членовъ, въ числѣ которыхъ не мало и учащихъ, и владѣетъ капиталомъ въ 37,000 р. Въ прошедшемъ 1886 году обществомъ выдано пособій на покупку платья, бѣлья, обуви и на завтраки на 4,955 р. 60 к. 676 учащимся, въ 131 училищѣ; среднимъ числомъ на каждаго изъ получившихъ пособіе пришлось по 7 р. 31 коп. Сверхъ того, въ вѣдѣніи правленія общества находятся двѣ квартиры для безпріютныхъ дѣвочекъ, изъ коихъ одна, для 5 дѣвочекъ, содержится на средства почетнаго члена В. А. Ратькова-Рожнова, при 2-мъ Рождественскомъ городскомъ училищѣ для дѣвочекъ, другая, для шести дѣвочекъ, содержится Е. А. Сибиряковой, на частной квартирѣ. Оба пріюта обходятся жертвователямъ до 3,000 р. ежегодно.

Прибавимъ ко всему сказанному, что не смотря на ничтожную плату за ученіе, всего два рубля въ годъ, училищная коммиссія освобождаетъ ежегодно и отъ этой платы до 10% бѣднѣйшихъ дѣтей. Освобожденныя отъ платы за ученіе дѣти, сверхъ того, снабжаются

всѣми учебными пособіями изъ суммы 2,500 р., ассигнуемой думою спеціально на этотъ предметъ.

Кромѣ Думы, санитарной коммиссіи и «Общества», помощь дѣтямъ оказывается, въ значительной степени, попечителями школъ то-есть членами училищной коммиссіи и даже самими учащими.

Благодаря столь разнообразнымъ видамъ помощи бѣднымъ дѣтямъ, вы не встрѣтите въ городскихъ училищахъ дѣтей оборванныхъ, необутыхъ, лишенныхъ верхняго платья, или не имѣющихъ книгъ тетрадей, аспидныхъ досокъ, перьевъ, грифелей и карандашей. Есть школы, гдѣ дѣти одѣты особенно чисто, опрятно, въ однообразныхъ простыхъ костюмахъ, умыты, причесаны, имѣютъ ежедневный завтракъ; а во всѣхъ вообще обозрѣваемыхъ городскихъ начальныхъ школахъ дѣти такъ прилично сидятъ и держатъ себя, что любое казенное училище можетъ позавидовать такой школѣ.

Не мало помогаетъ сохраненію здоровья дѣтей и хорошая гигіеническая обстановка городскихъ школъ. Хотя берлинское школьное общество опредѣлило minimum для школъ 100 куб. ф. на каждаго учащагося [1]), а освѣщеніе признается удовлетворительнымъ, если на одного ученика приходится не менѣе 400 кв. д. стеклянной поверхности [2]), однако, училищная коммиссія, принимая во вниманіе дурныя климатическія условія Петербурга, при которыхъ дѣти изъ 9-ти учебныхъ мѣсяцевъ $6^1/_2$ учатся при окнахъ съ двойными рамами и при недостаткѣ дневнаго свѣта, старается довести въ нанимаемыхъ помѣщеніяхъ для школъ количество воздуха до 200 куб. ф., а стеклянной поверхности до 500 кв. д. на каждаго учащагося. «Нельзя не признать, говоритъ В. А. Семека, инспекторъ народныхъ училищъ, въ оффиціальномъ отчетѣ за 1886 годъ, что въ большинствѣ случаевъ квартира начальнаго городскаго училища производитъ пріятное впечатлѣніе: она представляетъ собою довольно свѣтлую, теплую, хотя иногда не достаточно просторную классную комнату, съ паркетнымъ поломъ; при ней небольшое помѣщеніе для рекреаціи и двѣ-три комнаты для учительницы. Но помѣщенія для храненія верхняго дѣтскаго платья въ 120 школахъ мало удобны—тѣсны и темны. Кромѣ св. иконы и изображенія Государя Императора и Государыни Императрицы, во многихъ училищахъ находятся портреты въ Бозѣ почившихъ высочайшихъ особъ, въ память коихъ училища учреждены. Окна классныхъ комнатъ снабжены шторами. На стѣнахъ развѣшаны наглядныя пособія (бо́льшею частью картины изъ священной исторіи, изданія

---

[1]) Деркачевъ, Школьное дѣло.
[2]) Фармаковскій, Школьная діэтетика.

Рокочи и К°, атласъ Лейтемана, изданія вольно-экономическаго общества, географическія ландкарты, картины Фену и Д. Д. Семенова). Классная мебель довольно разнообразна. Начиная съ 1878 года, городское управленіе, при открытіи новыхъ училищъ, нѣсколько разъ вводило новыя системы училищныхъ столовъ. Общее во всѣхъ этихъ системахъ лишь то, что каждый отдѣльный столъ устраивается на два человѣка, съ опорою для спины сидящаго, и что размѣры столовъ расчитаны на 3 различные возраста. Кромѣ столовъ, въ классной комнатѣ находятся непремѣнно двѣ-три классныя доски, компендіумъ, классные счеты, стойки для вывѣшиванія наглядныхъ пособій» и т. п. [1]).

Нечего и говорить, что сами учащіе употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для поддержанія ежедневной чистоты и свѣжести воздуха въ классѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сама дума и всѣ ея агенты: санитарная и училищная коммиссія съ ихъ членами, учащіе, врачи, эксперты, а равно общество для пособія бѣднымъ дѣтямъ, каждый въ кругѣ своей дѣятельности, способствуютъ къ осуществленію на практикѣ принципа правильнаго физическаго воспитанія дѣтей, обучающихся въ городскихъ училищахъ. А потому и не удивительно, что докторъ С. М. Васильевъ, по осмотрѣ дѣтей въ этихъ училищахъ, между прочимъ, писалъ предсѣдателю училищной коммиссіи еще въ 1883 г.: «Мною вынесено самое отрадное впечатлѣніе о среднемъ уровнѣ здоровья дѣтей въ городскихъ училищахъ. Особенно же мнѣ было пріятно еще разъ убѣдиться въ томъ, какое громадное значеніе на развитіе груди оказываетъ пѣніе. Признаюсь, что, приступая къ своимъ наблюденіямъ, я думалъ встрѣтиться съ весьма печальнымъ физическимъ развитіемъ учениковъ и учениць; но какъ пріятно было видѣть, что средній уровень физическаго развитія учащихся въ городскихъ училищахъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ гимназіяхъ, не смотря на то, что въ послѣднихъ воспитываются, во всякомъ случаѣ, дѣти болѣе зажиточныхъ семействъ, чѣмъ въ первыхъ» [2]).

Такъ умѣло, практично и цѣлесообразно организованы въ Петербургѣ врачебно-санитарный надзоръ надъ школами (о которомъ, напр., въ Москвѣ до сихъ поръ еще не было и рѣчи), помощь бѣднымъ дѣтямъ школьникамъ и вообще вся гигіеническая обстановка начальныхъ училищъ! Все это, въ совокупности взятое, несомнѣнно благотворно повліяетъ на физическія силы подростающаго поколѣнія и

---

[1]) Отчетъ с.-петерб. училищн. сов. за 1886 годъ.

[2]) Рѣчь предсѣдателя коммиссіи, сказанная на актѣ 1883 года.

разовьетъ въ простомъ населеніи болѣе заботливое отношеніе къ сохраненію здоровья своихъ дѣтей.

6. Организація школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи.

Нормальнымъ типомъ городской начальной школы признается училище съ тремя послѣдовательными отдѣленіями: младшимъ, среднимъ и старшимъ; но больше школъ съ двумя отдѣленіями и очень немного съ однимъ младшимъ (во вновь открытыхъ училищахъ). Такъ, въ 1886 — 1887 учебномъ году изъ всего числа (230) училищъ было съ тремя отдѣленіями 87, съ двумя 130 и съ однимъ младшимъ 13. Но къ какому-бы типу по своей организаціи училище ни принадлежало, оно должно имѣть трехгодичный курсъ при одномъ законоучителѣ и одномъ учителѣ или учительницѣ; комплектъ учащихся для каждаго училища полагается maximum 50, minimum 40, смотря по размѣрамъ классныхъ помѣщеній; обязательные уроки продолжаются отъ 9-ти до 2-хъ часовъ, съ получасовымъ перерывомъ для отдыха и завтрака и съ малыми перемѣнами въ 10 минутъ, между часовыми уроками. Въ сужденіи о томъ, какой типъ школъ болѣе удовлетворяетъ педагогическимъ требованіямъ, всѣ эксперты и большинство учащихъ стоятъ на сторонѣ двухотдѣленной организаціи школъ. И совершенно справедливо. Трехотдѣленная организація однокласснаго начальнаго училища, созданная барономъ Н. А. Корфомъ для селъ, при которой одному учителю приходится заниматься одновременно съ тремя послѣдовательными отдѣленіями, достаточно уже осуждена и нашей педагогической литературой, и практикой, и даже отзывами инспекторовъ народныхъ училищъ, какъ система, тормозящая успѣхи дѣтей въ наукахъ, мѣшающая установленію стройной классной дисциплины, а главное—безмѣрно и безцѣльно утомляющая какъ учащихъ, такъ и учащихся, безвременно подрывая ихъ силы. Между тѣмъ, двухотдѣленная система, по наблюденію экспертовъ, даетъ возможность учащимъ легче и удобнѣе распредѣлять учебный матеріалъ и самостоятельныя работы дѣтей, посвящать больше времени на занятія учащихъ съ тою или другою группою дѣтей, слѣдить за дисциплиною класса, основательнѣе приготовляться къ меньшему числу уроковъ; оттого въ школахъ съ двумя отдѣленіями успѣхи дѣтей идутъ быстрѣе и замѣтно отражается вліяніе учительницы на нравственности дѣтей. Въ Москвѣ въ этомъ отношеніи пошли еще дальше. Тамъ городское училище также состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій, но каждое отдѣленіе составляетъ одинъ классъ, поручаемый отдѣльному учителю, причемъ каждый преподаватель, начиная обученіе

съ младшаго отдѣленія, продолжаетъ его въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ, занимаясь въ теченіи 3-хъ лѣтъ съ одною и тою-же группою учениковъ. Одинъ изъ преподавателей называется старшимъ, другіе двое—младшими. Нормальный комплектъ московскаго начальнаго училища—100 дѣтей, такъ что каждому преподавателю приходится заниматься съ 30—35 дѣтьми, въ Петербургѣ съ 40—50 при двухъ или даже трехъ разнородныхъ отдѣленіяхъ. Очевидно, что трудъ учащихъ и учащихся въ московскихъ школахъ легче труда петербургскихъ.

Въ петербургскихъ начальныхъ училищахъ введены слѣдующіе учебные предметы: Законъ Божій, чтеніе по книгамъ церковной и гражданской печати, чтеніе рукописей, чистописаніе и диктовка, элементарная ариѳметика, пѣніе, предметные уроки (не во всѣхъ училищахъ), рукодѣліе (въ женскихъ училищахъ), ручной трудъ (только въ одномъ мужскомъ училищѣ), рисованіе (въ нѣкоторыхъ училищахъ) и гимнастика (въ очень рѣдкихъ случаяхъ). Преподаваніе Закона Божія возлагается на обязанность законоучителя, которымъ можетъ быть священникъ, дьяконъ или свѣтское лицо, получившее богословское образованіе; всѣ прочіе предметы поручаются одному учителю или учительницѣ; но если учащій не умѣетъ обучать пѣнію, то для уроковъ пѣнія приглашается особое спеціальное лицо.

Въ городскія училища дѣти поступаютъ 8—9 лѣтъ, учатся 3—4 года, и въ этотъ короткій періодъ времени они должны по Закону Божію: а) знать наизустъ общеупотребительныя молитвы съ разумѣніемъ ихъ смысла; б) умѣть связно и толково передавать важнѣйшія событія изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта; в) кратко объяснять Символъ вѣры, 10 заповѣдей и молитву Господню; г) выказать знакомство съ церковнымъ богослуженіемъ, и д) по церковнославянскому языку дѣти доводятся до свободнаго и правильнаго чтенія съ передачею прочитаннаго. По русскому языку отъ выпускныхъ дѣтей требуется: а) умѣнье читать не только бѣгло, но и выразительно любую статью, доступную пониманію ученика; б) связно пересказать прочитанную статью повѣствовательнаго характера въ прозѣ, безъ помощи вопросовъ; в) знать наизустъ 10—20 образцовыхъ стихотвореній и басенъ; г) писать подъ диктовку съ соблюденіемъ преподанныхъ въ теченіи трехъ лѣтъ орѳографическихъ правилъ; д) изложеніе письменно прочитаннаго или разсказаннаго, въ связи съ соблюденіемъ знаковъ препинанія; письмо должно быть чистое, по транспаранту, почеркъ правильный, наконецъ, е) ученикъ долженъ умѣть читать болѣе или менѣе четкую рукопись. По ариѳметикѣ выпускныя дѣти доводятся до умѣнья рѣшать устно и письменно

съ надлежащими разъясненіями сложныя прикладныя задачи на четыре дѣйствія съ цѣлыми, простыми и именованными числами; знать нумерацію и правила производства дѣйствій; имѣть даже первоначальныя понятія о дробяхъ.

Чтобы судить о томъ, на сколько добросовѣстно учащіе выполняютъ предъявленную программу и какихъ результатовъ они достигаютъ,—надо знать ту обстановку, при которой совершаются выпускные экзамены и которая уничтожаетъ всякую тѣнь подозрѣнія въ пристрастіи или послабленіи экзаменующихся. Выпускные экзамены производятся не самими учащими, и даже не членами коммиссіи или экспертами, а членами столичнаго училищнаго совѣта, письменные въ училищныхъ помѣщеніяхъ, а устные—публично въ залѣ городской думы, ежегодно, обыкновенно въ теченіи мая мѣсяца. Вотъ что, между прочимъ, мы читаемъ въ оффиціальномъ отчетѣ училищнаго совѣта за прошлый 1886 г.: «Письменныя испытанія. Такъ какъ каждая статья для диктовки включала до 100 словъ, а среднее число ошибокъ въ экзаменаціонныхъ работахъ 4,72, то должно придти къ заключенію, что результаты по диктовкѣ получились весьма удовлетворительные. Неудовлетворительными успѣхами по диктовкѣ оказались только два училища (изъ 132). Еще выше успѣхи по изложенію: неудовлетворительныхъ работъ вовсе нѣтъ—всѣ онѣ отличаются достаточною полнотою и правильностью. Но самые высшіе результаты въ письменныхъ испытаніяхъ получились по ариѳметикѣ. Изъ 2,494 ариѳметическихъ работъ, исполненныхъ 745 мальчиками и 502 дѣвочками, невѣрно рѣшены только—40 задачъ и 27 вычисленій. Есть цѣлыя городскія части, училища которыхъ за исполненіе ариѳметическихъ работъ получили круглые 5, таковы, напримѣръ, женскія училища Коломенской и Нарвской частей; средній баллъ всѣхъ работъ 4,3 [1]). Устныя испытанія

[1]) Вотъ какія, напримѣръ, письменныя работы были предложены выпускнымъ дѣтямъ на экзаменахъ въ маѣ мѣсяцѣ 1887-го года.

Диктовка: Былъ августъ мѣсяцъ. Нѣсколько дней сряду не показывалось ни облачка на небѣ; солнце пекло и съ утра дулъ сильнѣйшій вѣтеръ, подымая по дорогѣ облака горячаго песку. Вода въ рѣкѣ сбыла и бѣжала по канавкамъ. Въ прудѣ цѣлый день слышались всплески и взвизги дѣвочекъ и мальчиковъ. Комары начали тучами носиться въ рѣдкомъ воздухѣ. Время было рабочее: все населеніе кишѣло въ полѣ, а малые ребятишки забирались въ заросшіе, тѣнистые сады, въ которыхъ вездѣ чернѣли и краснѣли спѣлыя ягоды. Кое-гдѣ по пыльной дорогѣ ѣхали скрыпучія телѣги. На нѣкоторыхъ задворкахъ разгребли запоздавшее сѣно, спѣша поскорѣе покончить съ нимъ и приняться жать. Къ вечеру со всѣхъ сторонъ уже раздаются пѣсни, смѣхъ и дѣтскіе голоса; мелькаютъ цвѣтныя одежды бабъ.

производились по Закону Божію, по чтенію славянскому и русскому съ передачей содержанія, причемъ производился разборъ синтаксическій и этимологическій, и по ариѳметикѣ. Успѣхи по Закону Божію найдены выше хорошихъ. По прочимъ предметамъ результаты устныхъ испытаній оказались еще выше письменныхъ. Вотъ процентное отношеніе оцѣнки успѣшности школъ по устнымъ испытаніямъ изъ русскаго языка и изъ ариѳметики.

	По русск. яз.	По ариѳм.
Удовлетворительныхъ школъ	1%	1%
Хорошихъ »	24%	21%
Отличныхъ »	75%	78%».

Въ настоящемъ 1887 году на выпускные экзамены явилось 924 мальчика и 530 дѣвочекъ, всего 1454 учащихся; получили свидѣтельства объ окончаніи курса 906 мальчиковъ и 523 дѣвочки; слѣдовательно, не выдержали экзамена только 25 дѣтей, т. е. всего 1,7%; число-же успѣшно окончившихъ курсъ ко всему числу учащихся

Всѣ счастливы: плоды годовыхъ трудовъ собираются, а нынѣшній годъ они обѣщаютъ быть особенно обильными.

Письменное изложеніе разсказа, прослушаннаго два раза. Въ одной деревнѣ Симбирской губерніи жилъ землепашецъ—Фролъ Силинъ. Мужикъ онъ былъ трезвый, работящій, хозяинъ исправный: во́ время пахалъ, во́ время сѣялъ, и хлѣбъ у него лучше родился, чѣмъ у другихъ. Пришелъ худой годъ: не было урожая ни на травы, ни на хлѣбъ. Только у Фрола Силина стоятъ скирды хлѣба отъ прежняго урожая. И думаютъ люди: вотъ-то попользуется Фролъ. Какую цѣну за хлѣбъ положитъ, такую и возьметъ: нужда, торговаться никто не будетъ. А Фролъ Силинъ позвалъ къ себѣ самыхъ бѣдныхъ и говоритъ: „Вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много, возьмите себѣ сколько нужно каждому до новаго хлѣба“. Узнали объ этомъ бѣдняки и въ другихъ деревняхъ,—и тамъ былъ голодъ,—пришли и они къ Силину за хлѣбомъ; онъ никому не отказывалъ. На слѣдующій годъ былъ такой урожай, какого люди давно не помнили. Собрали мужики хлѣбъ и каждый привезъ Силину, сколько бралъ. Но Фролъ не взялъ хлѣба. „У меня новаго хлѣба много, благодарите Бога—не меня“, сказалъ Силинъ, „и если есть у васъ лишній, раздайте его бѣднымъ“. Мужики такъ и сдѣлали.

Задача. Двѣ артели рабочихъ чистили одновременно два участка дороги и окончили починку въ 42 дня. Въ первой артели было 20 человѣкъ и каждому изъ нихъ приходилось чинить разстояніе въ 4 сажени 3 фута 6 дюймовъ. Второй участокъ былъ короче перваго на 3 версты 30 саж., а число рабочихъ второй артели было на 5 человѣкъ болѣе числа рабочихъ первой артели. Какой длины разстояніе чинилъ ежедневно каждый рабочій второй артели, если всѣ они работали поровну?

Примѣръ. Отъ произведенія 7654 и 99 отнять сумму 98765, 74098, 724 и 17 и остатокъ уменьшить въ 39 разъ. Д. С.

составляетъ около 13%; въ обоихъ случаяхъ результатъ весьма утѣшительный. Приведенные факты лучше всякихъ комментарій доказываютъ, какъ успѣшно идетъ преподаваніе Закона Божія, русскаго языка и ариѳметики въ начальныхъ петербургскихъ училищахъ, особенно, если мы прибавимъ, что обученіе письму, чтенію и счету совершается по самымъ современнымъ усовершенствованнымъ способамъ при помощи лучшихъ руководствъ и учебныхъ пособій.

Не менѣе удовлетворительно поставлены въ городскихъ училищахъ предметные уроки и пѣніе. На предметныхъ урокахъ учащіе сообщаютъ дѣтямъ нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія изъ области естествовѣдѣнія, географіи и даже русской исторіи, путемъ-ли наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ Вольно-Экономическаго общества, Лейтемана, Шрейбера, Рождественскаго, Д. Семенова и Фену, или помощью книги для чтенія, или при пособіи волшебнаго фонаря и простыхъ опытовъ. Такимъ образомъ, по выходѣ изъ училища, дѣти пріобрѣтаютъ основныя и правильныя понятія о повседневныхъ явленіяхъ природы и знаютъ главнѣйшіе факты изъ отечественной географіи и исторіи. Подобные уроки развиваютъ въ дѣтяхъ пытливость, поселяютъ въ нихъ нерѣдко похвальное стремленіе къ дальнѣйшему образованію и любовь къ чтенію доступныхъ имъ по содержанію книгъ, что легко и удовлетворяется, такъ какъ училища (за немногими исключеніями) имѣютъ уже хорошо сформированную дѣтскую библіотеку. Впрочемъ, предметные уроки поставлены прочно только въ училищахъ съ двумя отдѣленіями; въ школѣ съ тремя отдѣленіями на систематическое веденіе такихъ уроковъ не хватаетъ времени.

Дѣти петербургскихъ городскихъ училищъ поютъ много и любятъ пѣть; поютъ молитвы, церковныя пѣснопѣнія, народные гимны, патріотическія и дѣтскія пѣсни. На публичныхъ актахъ благодарственный молебенъ поетъ до 500 дѣтскихъ голосовъ. Особенно много и хорошо поютъ дѣти въ тѣхъ школахъ, гдѣ въ дѣтскомъ пѣніи принимаютъ участіе и сами учащіе. Въ такихъ училищахъ разрѣшается даже имѣть на средства школы недорогіе рояли или фисгармоніи. Поэтому должно пожелать, чтобы дѣло обученія пѣнію всецѣло перешло въ руки самихъ учащихъ. Въ настоящее время все къ тому и клонится. Многія учительницы усердно посѣщаютъ думскій пѣвческій хоръ М. А. Бермана и, подъ руководствомъ его, постепенно подготовляются къ тому, чтобы въ близкомъ будущемъ вести уроки пѣнія самимъ безъ приглашенія постороннихъ лицъ [1]).

---

[1]) Достойно вниманія, что Михаилъ Андреевичъ Берманъ съ самаго основанія городской училищной коммиссіи, т. е. съ іюля 1877 года, состоитъ

Черченіе и рисованіе имѣютъ несомнѣнно важное педагогическое значеніе въ обще-образовательномъ курсѣ народной школы: оно не только способствуетъ развитію глаза и руки, даетъ задатки эстетическаго вкуса, помогаетъ выработкѣ красиваго письма, но и крайне необходимо для послѣдующаго ремесленнаго обученія, въ которомъ такъ нуждаются весьма многіе изъ питомцевъ городскихъ школъ.

Къ сожалѣнію, на этотъ столь важный предметъ въ петербургскихъ училищахъ не обращено должнаго вниманія. Въ однихъ училищахъ уроковъ рисованія вовсе нѣтъ, въ другихъ оно отдано на совершенный произволъ дѣтей, въ видѣ самостоятельнаго занятія или развлеченія, въ третьихъ, оно ведется безъ всякой системы. Москва въ этомъ отношеніи лучше распорядилась: въ тамошнихъ городскихъ училищахъ преподаютъ рисованіе особые учителя-спеціалисты, для чего на каждое училище московскою думою ассигнуется въ годъ по 200 р. Поэтому неудивительно, что въ московскихъ училищахъ преподаютъ черченіе и рисованіе съ проволочныхъ, гипсовыхъ и даже деревянныхъ фигуръ; большинство школъ доходитъ до рисованія орнаментовъ съ тушевкою, а въ женскихъ школахъ рисуютъ даже цвѣты и узоры и занимаются сочиненіемъ самостоятельныхъ узоровъ [1]). Изъ петербургскихъ училищъ пока только въ одномъ охтенскомъ рисованіе ведетъ спеціалистъ.

Въ женскихъ училищахъ положено также обучать и рукодѣлію. Но, принимая во вниманіе, что вообще трудно соединить занятіе какимъ-нибудь ремесломъ съ первоначальнымъ обученіемъ въ начальной школѣ, гдѣ дѣти оканчиваютъ курсъ нерѣдко 11—12 лѣтъ, рукодѣлію не можетъ быть отведено значительное число часовъ и занятіе рукодѣліемъ не можетъ идти въ извѣстной послѣдовательности и доходить хотя до нѣкотораго совершенства. Поэтому успѣхи дѣвочекъ по рукодѣлію находятся въ полной зависимости отъ искусства и охоты самихъ учительницъ. Лучшія дѣтскія работы представляются на дѣтскіе базары, устраиваемые въ думѣ въ пользу бѣдныхъ дѣтей. Цѣль сама по себѣ очень хорошая и поучительная для дѣтей, но едва ли ковры, дорогія салфетки, туалетныя бездѣлушки, часто весьма

ея дѣлопроизводителемъ. Его энергіи, замѣчательнымъ способностямъ къ веденію обширнаго дѣлопроизводства коммиссіи и, въ особенности, его просвѣщенной любви и преданности дѣлу народнаго образованія—коммиссія весьма и весьма много обязана. М. А. Берманъ снискалъ себѣ уваженіе и признательность всего состава коммиссіи и всѣхъ безъ исключенія учащихъ въ завѣдываемыхъ ею школахъ. Мих. С.

[1]) Баронъ Н. А. Корфъ. „Вѣстникъ Европы“, 1882, іюнь, Московскія и петербургскія школы.

красивыя, могутъ быть полезны для тѣхъ, кто ихъ производитъ. За то есть школы, въ которыхъ дѣти одѣты въ платья и передники, сшитые старшими дѣвочками. Чтобы хоть сколько нибудь урегулировать преподаваніе рукодѣлія, коммиссія, при помощи экспертовъ и опытныхъ учительницъ, выработала новую программу, въ которой главное вниманіе обращено на то, чтобы дѣвочки выучились: чинить, штопать, шить, вязать все то, что необходимо въ ихъ домашнемъ быту. Однимъ изъ членовъ училищной коммиссіи внесено предложеніе о введеніи ручнаго труда, по шведской системѣ, въ мужскія училища, но вопросъ этотъ пока еще не разработанъ и ручной трудъ введенъ только, въ видѣ опыта, въ одномъ училищѣ, благодаря тому обстоятельству, что учитель знаетъ это новое у насъ дѣло.

Не въ лучшемъ пока положеніи находится и гимнастика, хотя въ нѣкоторыхъ школахъ заведены даже гимнастическіе снаряды. Правда, дѣти съ радостью бѣгутъ въ свѣтлыя и теплыя школы изъ своихъ часто темныхъ, холодныхъ и смрадныхъ подваловъ и угловъ, но все таки они осуждены быть запертыми на 5, на 6 часовъ въ одной комнатѣ, изъ которой имъ выбѣжать некуда, такъ какъ наемныя помѣщенія для школъ не имѣютъ ни школьныхъ дворовъ, ни садовъ, гдѣ бы дѣти могли побѣгать, порѣзвиться и подышать свѣжимъ воздухомъ во время перемѣнъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать училищную коммиссію за то, что по ея иниціативѣ, въ прошломъ году, профессоръ Лесгафтъ прочелъ въ залѣ думы для учащихъ рядъ лекцій по гимнастикѣ и ознакомилъ ихъ на практикѣ съ различными гимнастическими упражненіями и играми, которыя могутъ быть введены въ каждой школѣ безъ всякихъ дорого стоющихъ снарядовъ. Лекціи почтеннаго профессора не прошли безслѣдно: многіе учащіе и сами продолжаютъ заниматься гимнастическими упражненіями для поддержанія собственнаго здоровья и бодрости духа, что неминуемо должно благотворно отразиться на ихъ преподаваніи, а нѣкоторые учащіе даже пробуютъ вводить гимнастику въ своихъ школахъ.

Такимъ образомъ, уже изъ этого краткаго очерка о положеніи учебнаго дѣла въ городскихъ училищахъ видно, что, за исключеніемъ одного рисованія, оно находится въ болѣе чѣмъ удовлетворительномъ состояніи, а рукодѣліе и гимнастика на пути къ улучшенію. Это мнѣніе подтверждается и отчетами экспертовъ за послѣдніе три года. Изъ нихъ, между прочимъ, мы узнаемъ, что въ 1884—1885 учебномъ году, изъ числа бывшихъ въ томъ году 183 училищъ, эксперты дали неблагопріятный отзывъ объ успѣхахъ дѣтей въ наукахъ лишь въ 6 учил. (3,3%), въ 1885—1886 г. только въ 9 учил. изъ 207 (4%),

а въ прошломъ 1886—1887 г. только въ 4 учил. изъ 230 (1,7%); значитъ, учебное дѣло въ петербургскихъ начальныхъ училищахъ съ каждымъ годомъ прогрессивно улучшается.

Въ отличномъ положеніи находится въ городскихъ училищахъ и воспитательное дѣло. Нравственное воздѣйствіе учащихъ на своихъ питомцевъ обнаруживается въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ тѣхъ порядкахъ и обычаяхъ, которые господствуютъ въ школѣ, и въ тѣхъ воспитательныхъ мѣрахъ, которыя употребляются въ городской школѣ.

Что касается до отношенія учащихъ къ дѣтямъ, то, по свидѣтельству членовъ коммиссіи и экспертовъ, отношенія ихъ самыя гуманныя, проникнутыя истинною христіанскою любовью и согрѣтыя материнскою заботливостью о нуждахъ дѣтей, и это главнымъ образомъ отъ того, что большинство учащихъ—учительницы, при томъ весьма хорошо образованныя. Изъ школьныхъ обычаевъ, которые установлены въ петербургскихъ училищахъ, весьма распространены и обыкновенны слѣдующіе: а) предъ началомъ и послѣ ученія дѣти поютъ и читаютъ общія молитвы; б) предъ завтракомъ и послѣ завтрака они читаютъ или поютъ также соотвѣтственную молитву; в) дѣти входятъ на каждый урокъ и уходятъ съ него поочередно, въ стройномъ порядкѣ, попарно; г) послѣ завтрака, всѣ дѣти умываютъ руки и лицо; д) строго наблюдается за тѣмъ, чтобы всѣ учебныя принадлежности дѣти содержали въ чистотѣ и порядкѣ; е) во избѣжаніе толкотни и шалостей на улицѣ, дѣти выпускаются изъ школы не всѣ вмѣстѣ, а небольшими группами, въ 5, въ 10 человѣкъ; ж) дѣти уходятъ изъ школы не иначе, какъ вѣжливо попрощавшись съ учителемъ или учительницей и почтительно здороваясь при входѣ въ школу; з) предъ началомъ каждаго урока учащіеся остаются нѣсколько секундъ стоящими, съ цѣлью возбужденія вниманія къ уроку и для выслушанія отъ учащаго его приказаній и распоряженій и раздачи дѣтямъ всѣхъ необходимыхъ принадлежностей для предстоящаго урока, и во время самаго урока на каждый вопросъ учителя или учительницы дѣти отвѣчаютъ не всѣ вдругъ, а лишь по назначенію и пріучаются отвѣчать громко, а не тихо или сквозь зубы. Вотъ и всѣ тѣ немногія правила, которыя устрояютъ школьный порядокъ и способствуютъ спокойному ходу обученія въ лучшихъ городскихъ училищахъ. Хотя совершенно справедливо, что при разумной методѣ преподаванія наказанія за шалости не можетъ быть, потому что всѣ дѣти заинтересованы преподаваніемъ и заняты, и за лѣность также, потому что въ начальной школѣ все усваивается дѣтьми въ классѣ-же, тѣмъ не менѣе, тѣ изъ учащихъ, которые не съумѣли пріобрѣсти

еще надлежащаго нравственнаго авторитета въ глазахъ дѣтей или не пріобрѣли еще навыка въ воспитывающемъ обученіи, принуждены бываютъ прибѣгать къ нѣкоторымъ наказаніямъ, которыя не могутъ быть оправданы съ строго воспитательной точки зрѣнія, каковы, напр., частый крикъ на дѣтей, высыланіе дѣтей изъ класса въ коридоръ, оставленіе дѣтей въ школѣ послѣ уроковъ и т. п. Къ счастью, такія мѣры практикуются въ петербургскихъ школахъ съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже. Вообще же, учащіе не допускаютъ наказаній въ смыслѣ мести (т. е. отплаты зломъ за дурной поступокъ), а равно и наказаній, вызывающихъ въ ребенкѣ чувства физической боли, страха, ожесточенія и т. п.; если же и приходится прибѣгать къ наказанію, то оно носитъ нравственный, естественный характеръ, т. е. такой, который прямо вытекаетъ изъ свойства проступка и въ самомъ себѣ заключаетъ исправленіе зла, причиненнаго проступкомъ; напр., ученикъ, нарушающій порядокъ въ классѣ, ставится на мѣстѣ или сажается на отдѣльную скамейку; мѣшающій игрѣ лишается участія въ игрѣ; испортившій книгу, на нѣкоторое время не имѣетъ права получить другой книги и т. д. Относительно сообщеній родителямъ о проступкахъ дѣтей мнѣнія учащихъ раздѣляются. Одни изъ нихъ совершенно отвергаютъ эту мѣру, какъ вызывающую со стороны необразованныхъ и часто грубыхъ родителей побои и истязаніе дѣтей. Другіе, напротивъ, находятъ, что, обращаясь лично къ родителямъ, учительница своими совѣтами предупреждаетъ побои и даже такъ вліяетъ на родителей, что они и въ другихъ случаяхъ обращаются къ учительницѣ за совѣтомъ, какъ поступить съ ребенкомъ при томъ или другомъ проступкѣ, совершенномъ на дому. Всякія же тѣлесныя наказанія въ петербургскихъ школахъ вовсе не допускаются.

Въ отчетахъ экспертовъ мы встрѣчаемъ очень много характеристикъ, какъ отдѣльныхъ училищъ, такъ и цѣлыхъ группъ школъ, которыя проливаютъ яркій свѣтъ на постановку въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла; для полноты картины приводимъ нѣкоторые изъ такихъ отзывовъ: «Нѣсколько мужскихъ школъ представляютъ образецъ такихъ училищъ для мальчиковъ, въ которыхъ безъ всякихъ наказаній, но силою характера, стойкостью даннаго слова, серьезнымъ и разумнымъ преподаваніемъ учительницы, дѣти научаются цѣнить школу, уважать авторитетъ учащаго и серьезно относиться къ своему дѣлу. Площадная брань, мелкая кража, дѣтскія драки въ этихъ школахъ немыслимы. Замѣчательно, что дѣти пріучены не только прилично сидѣть и внимательно слушать въ классѣ въ присутствіи учительницы, но даже и безъ нея; во время перемѣнъ ученики ведутъ себя какъ благовоспитанныя дѣти: играютъ, поютъ,

разговариваютъ, шалятъ, но безъ дракъ и ссоръ. Немудрено, что при такой образцовой дисциплинѣ, дѣти оказываютъ хорошіе успѣхи въ наукахъ; книги и тетради ихъ въ порядкѣ...»

«По выработанному и цѣлесообразному методу преподаванія, по тактичному обращенію съ дѣвочками, по умѣнью будить въ нихъ любознательность, охоту къ ученію, по умѣнью привить имъ хорошія нравственныя привычки, отличаются не мало и женскихъ училищъ гдѣ дѣвочки читаютъ, произносятъ стихотворенія, объясняютъ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ, дѣлаютъ грамматическій разборъ, пишутъ—толково, бойко, умно и въ то-же время дѣвочки очень скромны, привѣтливы и послушны»....

«Нѣкоторые учителя мужскихъ училищъ, можно сказать, живутъ исключительно школою; они равнымъ образомъ заботятся какъ объ основательномъ обученіи дѣтей, такъ и о привитіи имъ нравственныхъ привычекъ. Такъ и вѣетъ въ такихъ школахъ порядочностью»....

«Въ нѣсколькихъ вновь открытыхъ училищахъ учительницы въ первый же годъ успѣли пріобрѣсти нравственный авторитетъ въ глазахъ дѣтей, занимаются энергично, вразумительно; слишкомъ отстающихъ дѣтей нѣтъ; всѣ толково читаютъ и бойко считаютъ; порядокъ въ школахъ образцовый; дѣти послушны, привѣтливы, но отнюдь не загнаны; всегда умыты, причесаны, прилично одѣты; тетради и книги содержатся въ аккуратности и чистотѣ. На всемъ видѣнъ отпечатокъ образцовой, умной, заботливой воспитательницы-учительницы»....

«Изъ всѣхъ народныхъ школъ, писалъ одинъ экспертъ въ своемъ отчетѣ еще въ 1884 г., видѣнныхъ мною въ теченіи 30-лѣтней педагогической дѣятельности, при чемъ приходилось и самому открывать организовать не малое число ихъ, петербургскія начальныя городскія училища слѣдуетъ признать лучшими, какъ по составу учащихъ лицъ и по внѣшней обстановкѣ, такъ и по своей организаціи, въ особенности же по духу любви, который въ нихъ царитъ — любви дѣтей къ школѣ и школы къ дѣтямъ. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ такого состоянія училищъ—замѣчательно добросовѣстное отношеніе учащихъ къ своимъ обязанностямъ при ихъ высокомъ образовательномъ цензѣ». Вотъ гдѣ секретъ поистинѣ блестящаго положенія петербургскихъ училищъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи—это въ удачномъ выборѣ учащаго персонала. Въ самомъ дѣлѣ, по дѣйствующимъ съ 1883 г. правиламъ [1]), въ число учащихъ въ город-

---

[1]) Правила о порядкѣ зачисленія и назначенія кандидатовъ и кандидатокъ на учит. должности въ с.-петерб. нач. городск. училищахъ.

скихъ училищахъ могутъ попасть лишь тѣ лица, которыя, кромѣ средняго общаго образованія, получили еще спеціальное педагогическое или высшее научное, имѣютъ за собою самостоятельную преподавательскую практику (не менѣе года продолжавшуюся) и, сверхъ того, выдержали удовлетворительно пробные уроки въ присутствіи предсѣдателя коммиссіи, двухъ или трехъ экспертовъ и двухъ членовъ училищной коммиссіи.

Очевидно, что, при существованіи подобныхъ требованій, въ петербургскія начальныя училища попадаетъ большинство учительницъ, а не учителей, такъ какъ для молодыхъ людей, получившихъ высшее образованіе, открывается болѣе широкое поприще, а окончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ не проходятъ предварительно средне-образовательнаго курса; напротивъ, не говоря уже о высшихъ женскихъ курсахъ и александровскихъ педагогическихъ, даже въ с.-петербургскую земскую школу поступаютъ дѣвицы, окончившія предварительно полный курсъ ученія въ женскихъ гимназіяхъ или институтахъ.

Какъ высокъ поэтому образовательный цензъ нынѣшняго состава учащихъ въ с.-петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ показываютъ слѣдующія статистическія данныя: изъ 230 учащихъ лицъ — учителей 27, учительницъ 203. Учителя, за исключеніемъ одного, опредѣлены до изданія новыхъ правилъ, и большинство изъ нихъ получило образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, меньшинство въ учительскихъ институтахъ, гимназіяхъ и духовныхъ семинаріяхъ. Напротивъ, изъ учительницъ, послѣ прохожденія курса средняго образованія, 21 окончили высшіе женскіе курсы, 108 высшіе педагогическіе, 64 с.-петербургскую земскую учительскую школу, 6—тверскую учительскую семинарію и только 4 не получили ни спеціально-педагогическаго, ни высшаго научнаго образованія. Приведенныя данныя доказываютъ съ одной стороны, что преобладающій контингентъ учащихъ лицъ— учительницы, а съ другой стороны, что образовательный цензъ учительницъ выше учителей — фактъ весьма знаменательный, говорящій въ пользу того, что петербургская дума предпочитаетъ для своихъ школъ женскій трудъ, поощряя вмѣстѣ съ тѣмъ русскую женщину къ полученію болѣе солиднаго образованія. Знаменательно, что и московская дума пришла къ убѣжденію предпочитать для своихъ школъ также учительницъ, хотя, впрочемъ, въ Москвѣ для занятія учительскаго мѣста считается достаточнымъ представленіе свидѣтельства на званіе народнаго учителя или учительницы [1]).

---

[1]) Московск. городск. учил. „Женское образованіе“. 1887 г. Январь.

Но предъявляя столь высокія требованія къ педагогическому персоналу для своихъ школъ, дума тѣмъ самымъ какъ бы обязывалась обставить своихъ учителей и учительницъ возможно лучше въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Какъ мы уже сказали выше, всѣ учащіе безъ различія пола, при готовой квартирѣ, изъ двухъ-трехъ комнатъ съ кухнею, получаютъ по 600 руб. въ годъ жалованья, 120 руб. на прислугу, да кромѣ того наградныхъ къ рождественскимъ праздникамъ по 50 руб. — всего до 800 руб. Нерѣдко также училищная коммиссія, по случаю болѣзни, смерти дѣтей или за усиленныя занятія по школѣ выдаетъ единовременныя пособія въ размѣрѣ отъ 50 до 150 руб. Подведя итогъ всему, что предлагаетъ городъ своимъ учителямъ и учительницамъ натурой и деньгами, окажется, что годовое содержаніе каждаго изъ нихъ обходится думѣ не менѣе 1,000—1,200 руб., т. е. почти столько же, сколько получаетъ преподаватель учительской семинаріи. Едва ли какой нибудь другой городъ не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ можетъ сравниться съ Петербургомъ по издержкамъ вознагражденія народнаго учителя. Въ Москвѣ, напр., старшему учителю назначено жалованья 500 руб., старшей учительницѣ — 400 руб., а младшимъ учителямъ и учительницамъ — по 300 р. За то нельзя не сочувствовать тому, что въ Москвѣ жалованье учителямъ и учительницамъ постепенно возрастаетъ, вслѣдствіе прибавки за каждые 3 года службы по 50 р. для учителя и по 40 р. для учительницы до тѣхъ поръ, пока maximum для перваго составитъ 750 р., а для второй 600 р., но и въ этомъ случаѣ въ Москвѣ почему-то трудъ учительницы цѣнится менѣе труда учителя, чего мы не видимъ, и совершенно справедливо, въ Петербургѣ. Будущая участь народнаго учителя какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ теперь обезпечена. Какъ тамъ, такъ и здѣсь выработаны пенсіонные уставы, по которымъ въ Петербургѣ учащимъ въ начальныхъ училищахъ за 25 лѣтъ службы полагается пенсія въ размѣрѣ 65% съ получаемаго оклада, а за 20 лѣтъ половинная пенсія [1]), въ Москвѣ за тѣ-же 25 лѣтъ высшій окладъ пенсіи 400, а низшій 300 рублей [2]). Однимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ еще не ограничивается вполнѣ заботливое отношеніе думы къ своимъ учительницамъ. Заболѣетъ ли кто изъ нихъ, на помощь школѣ является запасная учительница и больная не тревожится тѣмъ, что дѣти во

---

[1]) Уставъ о пенсіяхъ и единовремен. пособіяхъ лицамъ, служащимъ при городскомъ обществ. управленіи.

[2]) „Женское образованіе“ 1886 г., февраль.

время ея болѣзни останутся безъ призора [1]), окажется ли квартира вредною въ гигіеническомъ отношеніи или появится среди дѣтей эпидемія—санитарная коммиссія принимаетъ мѣры къ устраненію неблагопріятныхъ условій; въ вопросахъ хозяйственныхъ, воспитательныхъ или учебныхъ — учительница всегда встрѣтитъ добрый совѣтъ, поддержку и разрѣшеніе у попечителя школы или эксперта.

Прибавимъ ко всему сказанному, что отношенія всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ школѣ, самыя добрыя, прямыя, откровенныя, чуждыя всякой искусственности и фальши.

Вотъ почему въ петербургскія начальныя училища идутъ самыя лучшія педагогическія силы; учительницы гордятся своимъ общественнымъ положеніемъ; дорожатъ службою городу. И дѣйствительно, сказать, что учительницы относятся къ своему дѣлу вполнѣ добросовѣстно, съ умѣньемъ и знаніемъ, недостаточно; нѣтъ, онѣ вкладываютъ въ школу всю свою душу, работаютъ для нея неустанно, до самоотверженія, до истощенія силъ.

Получивъ строго научный взглядъ и стремленіе къ высшимъ идеаламъ, онѣ и дѣтей не только учатъ, но и воспитываютъ, облагораживаютъ, посѣевая въ нихъ и любовь къ ученію и задатки христіанской нравственности.

Добросовѣстность и любовь къ дѣтямъ почти у всѣхъ учительницъ доходитъ до того, что онѣ занимаются съ дѣтьми не только въ урочное время, но собираютъ, почему либо отставшихъ, дѣтей по вечерамъ и даже по праздникамъ, въ твердомъ убѣжденіи, что ни одинъ ребенокъ не долженъ оставить школу необученнымъ, какъ слѣдуетъ, и что выбрасывать ребенка на улицу есть тяжкій грѣхъ всякой школы. Въ теченіи, напр., послѣднихъ 3-хъ лѣтъ не было ни одного случая исключенія ребенка изъ думскихъ школъ.

Надо посмотрѣть на дѣтей, когда ихъ приводятъ въ школу, прослѣдить ихъ жизнь въ школѣ, приглядѣться къ нимъ, когда они выходятъ изъ школы, чтобы судить насколько плодотворна дѣятельность учительницы, получившей высшее образованіе. Въ большинствѣ случаевъ въ городскія начальныя училища поступаютъ дѣти прямо съ улицы, изъ разныхъ подваловъ, норъ и логовищъ, гдѣ

---

[1]) Институтъ запасныхъ учительницъ и кандидатокъ—прекрасное учрежденіе Думы. Три запасныя учительницы, получая постоянное жалованье по 500 рублей въ годъ безъ квартиры, обязаны, по первому требованію учил. коммиссіи, замѣщать заболѣвающихъ учительницъ; не хватаетъ запасныхъ учительницъ, посылаются въ школы кандидатки съ вознагражденіемъ по 2 руб. за учебное время дня. Д. С.

ются простой рабочій людъ. Нерѣдко родители приводятъ въ школу ребенка 7—8 лѣтъ, уже нравственно испорченнаго, съ дурными наклонностями, не причесаннаго, оборваннаго и грязнаго, и взгляните на этого же ребенка при выходѣ его изъ школы—и вы его не узнаете. Это уже благонравное, воспитанное дитя 12—13 лѣтъ, опрятно и прилично одѣтое, прямо и довѣрчиво смотрящее вамъ въ глаза и бойко отвѣчающее на ваши вопросы. И все это дѣлается ласковымъ словомъ, теплымъ участіемъ къ дѣтскимъ радостямъ и горестямъ. Учительница всегда и вездѣ съ дѣтьми: и во время молитвы, и на урокахъ, и во время ихъ игръ; она и въ семейство зайдетъ, и елку дѣтямъ устроитъ, и прогулку совершитъ. Прибавимъ ко всему сказанному, что въ учащей корпораціи не рѣдкость встрѣтить лицъ, которыя въ совершенствѣ изучили всѣ лучшіе современные методы элементарнаго преподаванія съ цѣлью облегчить дѣтямъ ученіе, сдѣлать, вопреки установившейся пословицѣ, не только плоды, но и корень ученія сладкимъ; такіе учащія вносятъ въ свое преподаваніе не малую долю и собственнаго творчества, въ убѣжденіи, что школа, гдѣ нѣтъ постояннаго творчества—мертвый организмъ. Есть даже лица, которыя успѣли пріобрѣсти почетную извѣстность въ педагогической и дѣтской литературѣ. Достаточно указать на такія довольно извѣстныя имена, какъ: С. М. Макарова (скончавшаяся въ 1887 году), О. И. Шмидтъ, А. В. Пѣшехонова, Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ, братья Кореневы и др.

Изъ настоящаго очерка о дѣятельности учащихъ не трудно убѣдиться въ благотворномъ вліяніи на петербургскія школы огромнаго большинства учителей и учительницъ, которые въ своей дѣятельности преслѣдуютъ не однѣ только учебныя цѣли, но и воспитательныя; а послѣднія, можетъ быть, еще важнѣе первыхъ для того контингента дѣтей, которыя учатся и воспитываются въ школахъ бѣдняковъ. Главная причина такого воспитывающаго значенія петербургской начальной школы кроется въ привлеченіи Думою въ школы путемъ широкой конкуренціи, хорошей матеріальной обстановки и требованій отъ учащаго персонала наивысшей нормы образовательнаго ценза—такихъ просвѣтительныхъ силъ, которыя бы въ короткій промежутокъ времени въ состояніи были бы выполнить двойную задачу народной школы: дать первоначальное образованіе дѣтямъ и воспитать физически и нравственно подрастающее поколѣніе бѣднѣйшаго населенія столицы.

Такъ, только въ XIX столѣтіи начинаетъ осуществляться на практикѣ великій завѣтъ величайшаго славянскаго педагога Амоса Коменскаго XVI-ю вѣка, что школа прежде всего должна быть «мастерскою гуманности».

7. Отношеніе столичнаго общества къ начальной школѣ.

Мы счастливы начать заключительную главу нашей статьи со многознаменательнаго заявленія, что думскія школы привлекаютъ вниманіе прежде всего Августѣйшей фамиліи.

По милостивѣйшему вниманію нынѣ царствующаго Государя Императора, каждый разъ, когда по повелѣнію Его Величества давались безплатные спектакли въ Императорскихъ театрахъ для дѣтей различныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, и дѣти начальныхъ городскихъ училищъ пользовались этою царскою милостью и царскимъ угощеніемъ. Такъ бываетъ ежегодно на Рождественскихъ праздникахъ, на Пасхѣ, на масляницѣ и въ высоко торжественные царскіе дни. На всю жизнь останутся памятными для дѣтей такіе дни, въ которые они чувствовали себя счастливыми и обласканными Царемъ и Царицею наравнѣ со своими привиллегированными сверстниками.

Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, интересуясь устройствомъ петербургскихъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ столичнымъ общественнымъ управленіемъ, неоднократно ихъ посѣщалъ, высказывая нерѣдко учительницамъ свое удовольствіе о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ школахъ.

Зоологическій садъ, акваріумъ, выставки художественныхъ картинъ, народный театръ, балаганы, циркъ, благодаря содѣйствію думы открыты въ извѣстные праздничные дни для безплатнаго посѣщенія дѣтьми начальныхъ школъ; а лѣтомъ они пользуются безплатными проѣздами въ Царское Село, Павловскъ и на Поповку для прогулокъ и учебныхъ экскурсій. Сколько полезныхъ свѣдѣній, сколько пріятныхъ воспоминаній пріобрѣтутъ дѣти отъ подобныхъ посѣщеній! Какою благодарностію будутъ преисполнены они къ той школѣ, которая заботится о всестороннемъ развитіи ихъ ума и сердца, которая доставляетъ имъ не только знанія и умѣнія, но и радости, и удовольствія даже и внѣ школы!

Съ 15 августа по 23 декабря и учащіе, и учащіеся почти безпрерывно, усиленно работали. Пора отдохнуть, развлечься, повеселиться. Наступаютъ рождественскіе праздники. Дѣти-бѣдняки не поглядываютъ уже съ завистью на приготовленіе «елки» для барскихъ дѣтей. Въ каждой школѣ устраивается собственная своя «елка». Намъ нерѣдко случалось бывать на подобныхъ школьныхъ «елкахъ». Трогательно было видѣть, какъ маленькія дѣти, собранныя въ школѣ

изъ самыхъ темныхъ закоулковъ Петербурга, беззаботно веселились вокругъ ярко освѣщенной и разукрашенной елки, пѣли, играли, танцовали, произносили стихотворенія, басни и цѣлыя дѣтскія сценки въ костюмахъ и маскахъ, а волшебный фонарь, забавные опыты и фокусы приводили въ неподдѣльный восторгъ дѣтей. Присутствовали и радовались родители. Между ними можно было замѣтить и бѣднаго чиновника-труженика, и отставнаго солдата, и дворника, и рабочаго, и кухарку, и прачку и т. д. Здѣсь они во-очію убѣждаются, чему учатъ ихъ дѣтей въ школѣ, какъ обращаются съ ними, какою любовью и заботливостью окружаютъ ихъ, и сами научаются относиться къ дѣтямъ съ бо́льшею теплотою и справедливостью. Кромѣ различныхъ сладостей, каждый ребенокъ получаетъ на «елкѣ» то красивую книжку съ картинками, то игрушки, то новенькую блузу, то новенькіе сапоги или башмаки: учительница знаетъ, кто въ чемъ изъ дѣтей нуждается, кому изъ дѣтей доставить и пользу, и удовольствіе. Если церковь своимъ благолѣпіемъ и величіемъ привлекаетъ и дѣлаетъ прихожанина усерднымъ и богомольнымъ, то и школа чистотою, привѣтливымъ свѣтомъ, радушною теплотою должна пріютить дѣтей не только въ учебные дни, но и въ праздники, которые, впрочемъ, должны оставаться вполнѣ дѣтскими.

Ученіе въ школахъ начинается и заканчивается также праздникомъ, носящимъ уже религіозно-торжественный характеръ. Во время лѣтнихъ каникулъ всѣ школы обыкновенно ремонтируются, чистятся, принимаютъ обновленный видъ. Когда оканчивается пріемъ дѣтей, что обыкновенно бываетъ около половины августа, дѣти и ихъ родители приглашаются въ школу на молебствіе. Дѣти въ чистенькихъ, хотя и въ самыхъ простенькихъ, костюмахъ, въ стройномъ порядкѣ группируются возлѣ священника, впереди ихъ стоитъ учительница; позади толпятся матери и отцы, снарядившіе дѣтей получше въ хорошія школы [1]), нерѣдко на послѣдніе трудовые гроши. Какія слезы умиленія виднѣются на глазахъ родителей, когда надъ наклоненными дѣтскими головками священникъ читаетъ: «И приношаху къ Нему дѣти, да коснется ихъ... Оставите дѣтей приходити ко Мнѣ, и не браните имъ... И обемь ихъ, возложь руцѣ на нихъ, благословляше ихъ». По окончаніи молебствія священникъ окропляетъ святою водою и дѣтей, и школу, благословляетъ ихъ св. крестомъ, говоритъ имъ назидательное слово... И это религіозное служеніе, и опрятная, изящная обстановка школы, и этотъ добрый, ласковый, полный

[1]) Такъ обыкновенно называетъ простой народъ въ С.-Петербургѣ городскія училища.

любви взоръ учительницы — производятъ магическое вліяніе на дѣтей и родителей. И тѣ, и другіе уже на порогѣ такой школы начинаютъ сознавать, что школу надо уважать, цѣнить, гордиться ею.

По окончаніи ученія, 30-го мая, въ день рожденія великаго основателя Петербурга, преобразователя и обновителя Россіи Петра I, выпускныя дѣти, въ сопровожденіи своихъ учителей и учительницъ, собираются въ обширное зало Думы на публичный актъ, на который нерѣдко пріѣзжаютъ высокопоставленныя лица города, духовныя и свѣтскія, а также представители учебнаго вѣдомства, гласные думы, всѣ члены училищной коммиссіи, родители учащихся и проч. Здѣсь приносится снова благодареніе Богу за успѣшное окончаніе ученія, учащіе и дѣти выслушиваютъ напутственное слово архипастыря, рѣчь предсѣдателя училищной коммиссіи, заключительное слово городскаго головы; дѣти получаютъ евангеліе, аттестатъ, угощеніе, и веселые, счастливые возвращаются домой, гдѣ, окруженные своими родственниками, передаютъ свои впечатлѣнія и воспоминанія о школѣ, которая не только озарила ихъ свѣтомъ ученія, но и посѣяла въ сердцахъ ихъ сѣмена христіанской нравственности, сдѣлала ихъ благовоспитанными и добрыми дѣтьми, научила ихъ любить ученіе.

Послѣ всего до сихъ поръ сказаннаго нами о петербургской народной школѣ неудивительно, что подобная школа въ теченіи перваго же десятилѣтія своего существованія на почвѣ общественнаго управленія столицы успѣла пріобрѣсти уже значеніе и извѣстность какъ въ глазахъ болѣе образованнаго общества, такъ и въ средѣ простаго, рабочаго населенія Петербурга. Для доказательства, насколько въ городскомъ обществѣ пробуждается интересъ къ петербургскимъ начальнымъ училищамъ, приведемъ лишь слѣдующіе отрадные факты.

Въ 1878 году гласный спб. городской думы д. с. с. Громовъ, письмомъ отъ 2-го іюня, изъявилъ готовность безвозмездно отпустить лѣсъ на сумму 5,500 р. для постройки особой школы на 120 мальчиковъ и дѣвочекъ. Это благое желаніе приводится теперь въ исполненіе однимъ изъ компаньоновъ покойнаго, В. А. Ратьковымъ-Рожновымъ, еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Гласный Думы и членъ училищной коммиссіи г. Ратьковъ-Рожновъ приступилъ уже къ постройкѣ на свой счетъ всего школьнаго дома, который будетъ отвѣчать всѣмъ современнымъ педагогическимъ и гигіеническимъ условіямъ для помѣщенія въ немъ съ будущаго учебнаго года двухъ училищъ— мужскаго и женскаго.

Въ 1880 г. дочь покойнаго Ѳ. Ѳ. Эвальда пожертвовала облигацію въ 1000 р. въ собственность двухъ училищъ, основанныхъ

думою въ память ея отца, съ тѣмъ, чтобы проценты съ капитала расходовались ежегодно на устройство въ этихъ школахъ рождественской «елки» для дѣтей.

Гласный думы и бывшій членъ училищной коммиссіи А. Д. Воденковъ, по случаю столѣтняго юбилея (въ 1881 году), перваго городскаго училища—Исакіевскаго (нынѣ Коломенское 2-е) пожертвовалъ капиталъ въ 5,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него могъ получать дальнѣйшее образованіе одинъ изъ учащихся въ этомъ училищѣ; а жившій долгое время въ Петербургѣ швейцарскій подданный Целикоферъ оставилъ, по завѣщанію, также 5,000 р. въ пользу городскихъ училищъ.

Въ томъ-же 1881 г. гласный Ф. К. Санъ-Галли построилъ на свои средства два училища—мужское и женское, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, и содержалъ ихъ на свой счетъ въ теченіи пяти лѣтъ.

Въ 1882-мъ году землевладѣлецъ В. Ф. Лугининъ на тѣхъ же основаніяхъ устроилъ женское училище и содержалъ его три года. Въ настоящее время всѣ три училища переданы въ вѣдѣніе и содержаніе общественнаго управленія.

Въ 1883 г. общество для пособія бѣднымъ учащимся, какъ мы уже упоминали выше, положило начало устройству квартиръ для безпріютныхъ дѣтей, обучающихся въ городскихъ училищахъ. На этотъ предметъ «общество» изъ пожертвованій сотрудниковъ газеты «Голосъ», ея редактора А. А. Краевскаго и Ѳ. И. Базилевскаго, собрало капиталъ въ 5,400 р., но какъ на проценты съ такого капитала трудно было бы приступить къ осуществленію задуманнаго столь благодѣтельнаго предпріятія, то на помощь обществу пришли два его члена: А. Д. Воденковъ и В. А. Ратьковъ-Рожновъ, которые приняли на себя: первый—устройство и содержаніе пріюта для 4-хъ мальчиковъ, а второй—5 дѣвочекъ. Когда пріютъ А. Д. Воденикова былъ закрытъ въ 1885 г., за окончаніемъ курса ученія дѣтьми пріюта въ городскихъ училищахъ, то на мѣсто его возникъ новый пріютъ на 6 дѣвочекъ, содержимый на средства Е. А. Сибиряковой. В. А. Ратьковъ-Рожновъ расходуетъ ежегодно на содержаніе пріюта до 700 р., а Е. А. Сибирякова до 2,500 р.; учительница 2-го рождественскаго училища Е. П. Рѣпина вотъ уже 8-й годъ безвозмездно принимаетъ на себя уходъ и воспитаніе сиротъ, помѣщеннаго у нея на квартирѣ, пріюта В. А. Ратькова-Рожнова. Кстати прибавимъ еще, что «Общество фармацевтовъ» снабжаетъ дѣтей городскихъ училищъ лекарствами частью безплатно, частью за половинную цѣну, а К. И. Шуппе уже нѣсколько лѣтъ безвозмездно и на довольно значительную сумму отпу-

скаетъ изъ своей аптеки медикаменты для всѣхъ нуждающихся учениковъ 2-го Коломенскаго училища [1]).

Въ началѣ 1881—1882 учебнаго года при училищной коммиссіи была учреждена центральная библіотека для учащихъ, чтобы, съ одной стороны, удовлетворить нравственныя потребности ихъ, а съ другой, облегчить стремленіе къ педагогическому ихъ самоусовершенствованію. Въ настоящее время эта библіотека насчитываетъ уже 3,854 названія, въ 5,925 томахъ, на сумму 7,053 руб. 87 коп., преимущественно книгъ педагогическаго и научнаго содержанія и книгъ для дѣтей. Очевидно, что 900 руб., отпускаемыхъ ежегодно думою на пополненіе и содержаніе библіотеки, было бы далеко недостаточно для сформированія ея въ указанныхъ размѣрахъ. И дѣйствительно, бо́льшая половина книгъ (почти на 4,000 р.) подарена. Самое крупное приношеніе было сдѣлано бывшимъ петербургскимъ педагогическимъ собраніемъ, которое передало въ распоряженіе училищной коммиссіи всѣ свои книги: между ними самое видное мѣсто занимаютъ педагогическія и философскія сочиненія изъ библіотеки покойнаго К. Д. Ушинскаго; наслѣдница Ѳ. Ѳ. Эвальда прислала также 282 названія педагогическихъ книгъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; точно также поступила и вдова покойнаго ректора академіи художествъ г. Іордана. Наши главнѣйшіе издатели педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ, гг. И. И. Глазуновъ, Вольфъ, Ильинъ, Моревъ и Фену, пожертвовали часть своихъ изданій. Не мало присылаютъ въ библіотеку книгъ и журналовъ А. А. Краевскій, М. И. Семевскій (доставившій, между прочимъ, различныя изданія, относящіяся до осмотрѣнныхъ имъ заграничныхъ школъ), М. М. Стасюлевичъ и А. С. Суворинъ.

Столь же сочувственно отнеслось петербургское общество и къ двумъ народнымъ читальнямъ, которыя возникли въ столицѣ по иниціативѣ нынѣшняго городскаго головы В. И. Лихачева и наименованы «Пушкинскими» въ память исполнившагося 29 января 1887 года пятидесятилѣтія кончины безсмертнаго русскаго поэта, того достопамятнаго дня, съ котораго произведенія поэта сдѣлались достояніемъ народнымъ. Отвѣтственное и непосредственное завѣдываніе читальнями приняли на себя безвозмездно члены училищной коммиссіи, гласные думы, Н. А. Варгунинъ и П. А. Потѣхинъ.

Извѣстный русскій путешественникъ по Средней Азіи Н. М. Пржевальскій, счастливое возвращеніе котораго изъ новаго путе-

---

[1]) Всѣ данныя о пожертвованіяхъ заимствованы изъ годичныхъ отчетовъ училищной коммиссіи. Д. С.

шествія привѣтствовала городская дума черезъ своихъ представителей въ торжественномъ собраніи Императорскаго русскаго географическаго общества, согласно выраженному гг. гласными желанію, сдѣлалъ въ залѣ городской думы, 8-го марта 1886 года, публичное сообщеніе о своемъ путешествіи въ Среднюю Азію, и собранную при этомъ съ посѣтителей плату, въ суммѣ 587 р. 61 к., просилъ обратить на устройство первой городской читальни.

5-го января 1887 года городской голова получилъ два письма: одно за подписью г. Б. Кетрица, съ приложеніемъ на устройство двухъ городскихъ читаленъ 800 руб. отъ нѣкоторыхъ лицъ, пожелавшихъ содѣйствовать благому дѣлу устройства въ городѣ даровыхъ читаленъ, и другое — отъ И. М. Сибирякова съ приложеніемъ 700 р. на устройство нѣсколькихъ читаленъ въ память Пушкина.

Петербургскій комитетъ грамотности съ своей стороны поспѣшилъ прислать въ народныя читальни по 4 экземпляра каждаго изъ своихъ изданій (всего 84 книжки). Этому благому примѣру послѣдовали И. И. Глазуновъ, М. И. Семевскій, Н. А. Лейкинъ, Фену и Карбасниковъ. Такъ петербургское общество отзывчиво ко всякому благому дѣлу, направленному къ распространенію и поддержанію народнаго образованія среди трудоваго населенія столицы.

Мы упомянули здѣсь только о выдающихся пожертвованіяхъ, а сколько еще бываетъ пожертвованій, въ особенности со стороны членовъ училищной коммиссіи (попечителей школъ), вещами и деньгами для бѣдныхъ дѣтей, пожертвованій не крупныхъ, но дорогихъ, какъ выраженіе сочувствія школѣ, какъ выраженіе любви къ тѣмъ бѣднякамъ, которые учатся въ ней и нуждаются во всемъ необходимомъ, нуждаются и по выходѣ изъ школы.

До сихъ поръ мы все говорили объ отношеніи къ городской школѣ образованнаго и зажиточнаго класса населенія; но и отношеніе къ ней простаго рабочаго люда несомнѣнно доказывается чрезмѣрнымъ наплывомъ учащихся не только въ существующія уже школы, успѣвшія уже себя зарекомендовать съ хорошей стороны, но и во вновь открываемыя. Родители просто съ боя берутъ школу: не успѣютъ прибить вывѣски надъ училищемъ, какъ толпы родителей и дѣтей тѣснятся у дверей школы.

По составу учащихся подавляющее большинство, 92,73%, въ прошломъ 1886 г. принадлежало къ сословіямъ мѣщанскому, ремесленному, крестьянскому и нижнимъ чинамъ; 4% дали дворяне, чиновники и духовныя лица и 3% купцы, почетные граждане и свободные художники.

При пріемѣ дѣтей въ послѣдніе три года наблюдается еще одно отрадное явленіе: теперь уже рѣдко приводятъ въ школу восьмилѣтнихъ дѣтей совершенно безграмотными, ибо первымъ началомъ грамоты дѣти, играя и шутя, научаются отъ своихъ братьевъ и сестеръ—питомцевъ начальной школы.

Такъ, въ какія нибудь 10 лѣтъ свѣтъ образованія начинаетъ проникать въ глубь самой темной и безпріютной семьи петербургскаго населенія. Какъ-же безсмертна должна быть память Александра II Освободителя, который, даровавъ свободу милліонамъ людей, свободно растворилъ для дѣтей этихъ милліоновъ и двери школы! Пустьже ростетъ и множится число начальныхъ училищъ въ Петербургѣ, а по благому примѣру и во всѣхъ городахъ и весяхъ нашего обширнаго отечества! Эта заслуга петербургской думы не забудется исторіею и внесется свѣтлыми буквами въ ея страницы на память отдаленнаго потомства.

Пожелаемъ, чтобы уже въ теченіи наступившаго втораго десятилѣтія существованія городскихъ школъ на почвѣ общественнаго самоуправленія столицы коммиссія начальныхъ училищъ могла бы, въ годичномъ своемъ отчетѣ, заявить Думѣ, что съ нынѣшняго года въ С.-Петербургѣ уже нѣтъ болѣе безграмотныхъ дѣтей!

Д. Д. Семеновъ.

11-го іюля 1887 г.
Павловскъ.

Антонія Кюлвейнъ.

Я лишь недавно прочла опроверженіе „институтки“ (?) моего разсказа объ Антоніи Кюлвейнъ (а не Килевейнъ, какъ пишетъ „институтка“, „Русская Старина“ 1887 г., іюль, стр. 236—238).

Прежде всего сознаюсь, что я никогда не считала необходимымъ удостовѣряться въ истинѣ словъ особы, правдивость которой для меня, какъ и для всѣхъ ее знавшихъ, вопроса не составляла... Разсказы Антоніи Христьяновны, касавшіеся изложеннаго мною въ „Русск. Старинѣ“ событья, какъ и многіе другіе, записаны въ дневникѣ, который я вела съ дѣтства. Что она,—бѣдная, безправная сирота, получала всю жизнь милостью царскою пенсію,—фактъ, извѣстный многимъ, кромѣ меня.

Не перемѣшаны-ли лица „институткой?...“

На это подозрѣніе меня наводитъ многое. Во первыхъ, появленіе какой-то сестры Елены, о которой положительно никто изъ насъ отъ нея не слыхивалъ, хотя она разсказывала намъ все касавшееся ея семьи и старшаго брата, вскорѣ, впрочемъ, умершаго. Во вторыхъ, хотя я не знаю точнаго года ея выпуска, но думаю, что въ 1835 г. она еще не могла кончить курса. Ей теперь далеко не было-бы 70 лѣтъ!...

Бонной А. Х. Кюлвейнъ никогда не бывала, а была очень разумной и прекрасно знавшей свое дѣло, въ особенности языки, воспитательницей и учительницей. Не спорю противъ того, что институтки 1830-хъ годовъ всѣ были такъ геніальны, что А. Х. Кюлвейнъ приходилось кончать образованіе въ отдѣлѣ тупицъ; знаю лишь тотъ фактъ, что мать моя ее всегда находила знающей, умной собесѣдницей, чрезвычайно цѣнила ея мнѣнія касательно своихъ произведеній и любила, какъ лучшаго друга. Что же касается меня ично, то я обязана ей всѣмъ, что есть во мнѣ сколько нибудь разумнаго и честнаго: начиная съ нравственнаго развитія и малыхъ моихъ знаній до умѣнія связать и написать два къ ряду понятныхъ слова.

Для меня—и, думаю, для всѣхъ знавшихъ А. Х. Кюлвейнъ,—ея пребываніе въ какой-то камчаткѣ Екатерининскаго института составляетъ полнѣйшій сюрпризъ!...

Впрочемъ, не бо́льшій, чѣмъ удостовѣреніе „институтки“ въ томъ, что будто-бы „Кюлвейнъ во всю свою жизнь,—живи она хоть сто лѣтъ (!),—не могла бы догнать г-жу Воейкову ни въ чемъ изъ наукъ“,—преподававшихся въ 1830-хъ годахъ въ Екатерининскомъ институтѣ...

Почему?!...

Вѣра Желиховская.

С.-Петербургъ,
1887 года, 22 августа.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

1800 г. [1]).

3 февраля Генералъ отъ инфантеріи князь Сибирской и генералъ-лейтенантъ Турчаниновъ отставлены отъ службы (№ 12).

— Кронштадтскаго порта кригсъ-коммисару Звѣреву позволено быть въ Санктпетербургѣ для объясненія по дѣламъ въ коммис. экспедиціи.

— Съ Майна отъ 21 января. Въ письмахъ изъ Вѣны превозносятъ великими похвалами красоту, отличныя и превосходныя качества (великой княгини Александры Павловны) супруги эрцгерцога Іосифа палатина венгерскаго. Ей 17 лѣтъ отъ рожденія, а супругу ея 24. Она весьма знающа въ языкахъ, ибо говоритъ совершенно по французски, по нѣмецки и по русски; разумѣетъ также англійской, итальянской и латинской языкъ. Симъ послѣднимъ усугубитъ она уваженіе и приверженность къ себѣ венгерцевъ.

— Продаются книги: Емилій и Софія или благовоспитанные любовники, съ пріобщеніемъ повѣсти уединенника. Исторія о славномъ рыцарѣ Полиціонѣ, египетскомъ царевичѣ, получившемъ себѣ за храбрость и силу въ замужество прекрасную королеву Милитину, и о сынѣ ихъ, дивномъ въ герояхъ Херсонѣ, съ картинами, 4 р. 50 коп.

— Пропала 1 числа сего мѣсяца маленькая старая собачка кобель, которая ходитъ и сидитъ на заднихъ ногахъ, а передними машетъ, отродокъ болонскихъ собакъ, шерстью косматая, бѣлая, съ рыжими пятнами,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190, 589—590, 784—788; т. XII, стр. 231—236, 451—452, 663—664, 830—832; т. XIII, стр. 457—458; изд. 1882 г., т. XXXV, стр. 425—432, 653—664; изд. 1883 г., т. XL, стр. 449—456, 645—648; т. XLI, стр. 363—370, 619—626; т. XLII, стр. 279—280; т. XLIV, стр. 625—634; изд. 1885 г., т. XLVII, стр. 336—345; изд. 1886 г., т. L, стр. 451—458.

большими висящими ушами. Доставившему оную Москов. части, въ 1 кварт., въ домъ подъ № 139, жильцу Андрею Арѣхову, заплачено будетъ за труды.

14 февраля. Произведенъ изъ генералъ-лейтенантовъ въ генералы отъ кавалеріи войска донскаго Иловайской I (№ 13, приказъ 3-го февраля).

— Продается ода на случай освобожденія Италіи его сіятельствомъ княземъ Италійскимъ, графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ, соч. Поспѣловой, въ бум. 25 коп.

— Фельетъ честь имѣетъ увѣдомить почтенную публику, что въ середу, т. е. 15 числа сего мѣсяца, будетъ послѣдній раутъ. Господа подписавшіеся благоволятъ пріѣзжать съ дамами своими, а тѣ, которые не подписались, могутъ билеты получать въ низу у входа, платя по рублю съ человѣка. Въ пятницу же, т. е. 17-го числа, будетъ маскарадъ.

17 февраля. Генералъ отъ кавалеріи Иловайскій I и генералъ-маіоръ Иловайскій 2-й отставлены отъ службы (№ 14, приказъ 11-го февраля).

— Е. и. в. высочайше повелѣваетъ, чтобы всѣ военные начальники, какихъ бы чиновъ ни были, не иначе сносились со всѣми не военными мѣстами, какъ вѣдѣніями, а коли отношеніе идетъ на лицо какой особѣ, такъ письмами, а рапортами ни къ кому не относиться, кромѣ военныхъ начальниковъ.

— Генералъ отъ инфантеріи графъ Каховскій отставленъ отъ службы.

— Е. и. в. предписываетъ всѣмъ шефамъ полковъ не перемѣщать ротныхъ командировъ безъ соизволенія на то его величества.

— Позволено быть изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ, для объясненія по дѣламъ морской артиллеріи, капитану 1-го ранга барону Лаудицу.

— Титулярные совѣтники Кожинъ 1 и Кожинъ 2 переименованы въ капитаны, коимъ состоять по арміи съ ношеніемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку мундира, и опредѣлены въ свиту е. и. в. (приказъ 14 февраля).

— Прошеніе генерала отъ кавалеріи Дотишампа, представляющаго свою яко бы невинность въ употребленіи для письменныхъ дѣлъ унтеръ-офицера гренадерскаго принца Мекленбургскаго полку, оставлено безъ уваженія [1]).

— Прошеніе маіора Нагеля о представленіи гос. им—ру двухъ переводовъ его тактическихъ книгъ и прожекта о укрѣпленіи обрушившейся горы Кіево-печерскія лавры, къ Днѣпру простирающейся, оставлено безъ вниманія.

— Съ итальянской границы, отъ 22 января. До прибытія россіанъ въ Неаполь, лазароны дѣлали тамъ всякія наглости. Незадолго передъ тѣмъ напали они на нѣкоторыхъ якобинцевъ, вымазали ихъ дегтемъ, потомъ катали въ перьяхъ, и въ такомъ нарядѣ водили ихъ по городу.

21 февраля. Отъѣзжающіе за границу: ...князь Николай Ивановичъ

---

[1]) Маркизъ Дотишампъ отставленъ приказомъ отъ 30-го декабря 1799 г. (№ 2 Вѣдомостей 1800 г.).

Ромадановскій-Лодыженскій, дѣйств. т. сов., живетъ Москов. части въ 3 кварт. подъ № 310.

24 февраля. Дѣйств. ст. сов. Герардъ 3 произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ отданіемъ слѣдующаго старшинства, съ опредѣленіемъ въ инженерный корпусъ, и командируется къ департаменту водяныхъ коммуникацій и въ экспедицію о дорогахъ [1]) (№ 16).

— Свиты е. и. в. капитаны Кожинъ 1 и Кожинъ 2 всемилостивѣйше пожалованы въ флигель-адъютанты къ е. и. в. (приказъ 20 февраля).

— Армянину Павлову, просившему монаршей помощи на путь въ Іерусалимъ, для поклоненія гробу Господню, дается знать, что на удовлетвореніе просьбы его высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Изъ Парижа, отъ 3-го февраля. Въ Парижѣ въ Нойерской улицѣ существуетъ еще тотъ самый домъ, въ которомъ родился Жанъ-Батистъ-Руссо, сынъ башмачника. Нынѣшній хозяинъ онаго прибилъ на воротахъ слѣдующій билетъ: „въ семъ домѣ, гдѣ родился великій Руссо, свѣтильникъ своего столѣтія, отдаются въ наемъ меблированные покои“.

— Почтенную публику имѣю честь увѣдомить, что, съ дозволенія начальства, сего февраля 26-го числа, въ Кушелевомъ театрѣ, мною на флейтѣ данъ будетъ концертъ, а посему ласкаюсь надеждою благосклоннаго посѣщенія. Пигманъ, юноша, 7 лѣтъ отъ роду имѣющій.

— Нѣкоторая женщина, со многими дарованіями, желаетъ опредѣлиться здѣсь въ городѣ или на мызѣ надзирательницею надъ дѣтьми или ключницею.

— Желающіе продать повара или повариху, также голландскую или холмогорскую корову стѣльную или дойную, благоволятъ дать знать въ Стремянной улицѣ, подъ № 32, служителю Потапу Ефимову.

— Отъѣзжающіе за границу: Катерина Володимировна, жена отставнаго генерала отъ кавалеріи Ст. Ст. Апраксина, съ малолѣтнею дочерью, дворовыми людьми и арапомъ Острогорскимъ,—жив. 1 Адмир. ч. подъ № 113.

28 февраля. Корпусъ принца Конде распущенъ (№ 17, приказъ 23-го февраля).

— Государственную экспедицію конскихъ заводовъ, коихъ одна изъ главнѣйшихъ обязанностей есть снабдѣвать лошадьми придворную нашу конюшню, поручаемъ отъ нынѣ въ главную дирекцію оберъ-шталмейстеру нашему графу Кутайсову, не занимая его вседневнымъ участіемъ въ текущихъ дѣлахъ, но предоставляя надсмотру его и утвержденію (составляемыя) экспедиціею распоряженія по конскимъ заводамъ.

— Прошеніе генерала-маіора Арбенева, описывающаго свою яко бы невинность по случаю отлучки его въ Гельдеръ отъ мѣста сраженія, бывшаго

---

[1]) Тѣмъ же приказомъ приняты въ службу ген.-м. Деволантъ, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, полк. Фелькерзамъ и ген.-м. князь Салаговъ.

8-го сентября 799 года, и просящаго монаршаго къ нему благоволенія, оставлено безъ уваженія.

2 марта. Свиты е. и. в. по квартирмистрской части всѣмъ чинамъ, находящимся при инспекціяхъ, явиться въ С.-Петербургъ. (№ 18).

— Во всѣхъ обществахъ говорятъ теперь о молодомъ дикарѣ, найденномъ въ локанскомъ лѣсу, въ авейронскомъ департаментѣ (бывшемъ Руергѣ), гдѣ поймали его три охотника. При ихъ приближеніи, нагой сей мальчикъ бросился бѣжать и взлѣзъ на дерево. Когда даютъ ему хлѣба, то онъ, обнюхавъ его, грызетъ, плюетъ и потомъ бросаетъ; то-же самое дѣлаетъ и со всякою другою пищею; а сіе и доказываетъ, что онъ давно уже живетъ въ лѣсу. Удивительно, какъ онъ могъ выдержать жестокую стужу нынѣшней зимы въ локанскомъ лѣсу, который находится на самой холодной и высокой горѣ. Мальчикъ сей, кажется, не можетъ имѣть болѣе 10 или 12 лѣтъ отъ роду. Онъ лица прекраснаго, глаза имѣетъ черные и быстрые, бѣгаетъ рысью. Когда подаютъ ему картофелей, то беретъ ихъ столько, сколько прекрасныя его рученки могутъ захватить; ежели картофель вареной (что для него гораздо пріятнѣе), то, облупивши его, ѣстъ, какъ обезьяна. Онъ весьма крѣпокъ на ухо, и долго думали, что вовсе глухъ, но вскорѣ убѣждены были въ противномъ. Его теперь одѣли, но онъ всячески старается сбросить свое платье, которое, какъ ему кажется, его связываетъ. Предоставляя ученымъ изслѣдованіе сего явленія, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно полагать, что мальчикъ сей принадлежитъ которому нибудь изъ тѣхъ несчастныхъ семействъ, кои изо всей Франціи стекались въ лангедокскія горы, гдѣ искали они для себя безопаснаго убѣжища отъ тиранскаго правленія 1793 года, и что онъ, лишась тамъ по какому либо случаю своихъ родителей, питался каштанами и дикими плодами. Въ 1793 году могъ онъ имѣть 4 или 5 лѣтъ отъ роду, слѣдственно въ силахъ уже былъ доставать себѣ пищу; но по чрезвычайному своему малолѣтству, конечно, позабылъ и самые слѣды общежитія.

— Съ дозволенія правительства данъ будетъ императорскимъ каммеръ-музыкантомъ Дали-оккою-контрабасистомъ и Червенкою-гобоистомъ на Каменномъ театрѣ, при акомпанировкѣ госпожъ Маччурлети, г. Тесторъ и Мандинъ и всего придворнаго музыкальнаго хора, вокальный и инструментальный концертъ. О дальнѣйшемъ изъяснено будетъ въ печатной афишкѣ.

— Желающіе будущею весною въ С.-Петербургѣ Невскую преспективу, начиная отъ Полицейскаго моста до Лиговскаго канала, по обѣимъ сторонамъ, въ два ряда усадить березками, кои-бъ были не тонѣе въ окружности 6 вершковъ, а при томъ и около оныхъ сдѣлать балюстратъ, могутъ съ ясными о состояніи своемъ доказательствами и залогами являться с.-петербургскаго городскаго правленія въ камеральный департаментъ къ торгамъ каждодневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней съ 15 числа марта.

Въ оной департаментъ могутъ съ 15-го же марта являться съ ясными о себѣ доказательствами и залогами ежедневно, исключая воскресные и табельные дни, также тѣ, кои пожелаютъ будущею весною въ С.-Петербургѣ Невскую преспективу, начиная отъ Казанскаго моста и продолжая до Аничковскаго, по обѣимъ сторонамъ, въ два ряда усадить липками, но не менѣе въ окружности 6 вершковъ имѣющими.

Отъѣзжающіе за границу: ...Левъ Давыдовъ, генералъ-маіоръ, съ женою Катериною Николаевною, малолѣтними дѣтьми и дворовыми людьми; при немъ отставной поручикъ Тахаловъ, жив. Лит. ч. подъ № 165.

— Отъ конторы театральной дирекціи почтенная публика извѣщается, что въ нынѣшнемъ великомъ посту имѣютъ быть на Каменномъ театрѣ, по воскреснымъ днямъ, концерты, даваемые отъ дирекціи: на второй недѣлѣ марта 4-го: новая италіянская ораторіо, сочиненіе г. Гульгельми, съ пѣніемъ лучшихъ итальянскихъ актеровъ и хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. На третьей недѣлѣ, 11-го числа, будутъ играть виртуозы разные концерты и лучшія выбранныя изъ французскихъ и итальянскихъ оперъ піэсы, съ пѣніемъ лучшихъ актеровъ и хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. На четвертой недѣлѣ, 18-го, та-же италіанская ораторіо, что и на второй недѣлѣ. На пятой недѣлѣ, 25-го, такой же концертъ, какъ и на третьей недѣлѣ, съ перемѣною новыхъ какъ концертовъ, такъ и піесъ для пѣнія. На шестой недѣлѣ, апрѣля 1-го, русская ораторіо, сочиненія г. Сарти, съ роговою музыкою, хоромъ и пѣніемъ лучшихъ русскихъ пѣвчихъ. Желающіе абонировать ложи благоволятъ присылать въ контору съ деньгами, отъ которой даны будутъ билеты.

6 марта. Гарнизоннаго Булгакова полку поручикъ принцъ Бирономъ отставленъ отъ службы. (№ 19).

— Изъ Вѣны, отъ 12 февраля. Цензора (въ Италіи) получили именное императорское королевское повелѣніе, по которому въ здѣшнихъ областяхъ не должно печатать и привозить никакихъ исторій о волшебникахъ и духахъ, никакихъ романовъ о разбойникахъ или обманщикахъ, никакихъ сочиненій о сообществахъ и проч.

— Изъ Брина, отъ 12 февраля. Его сіятельство россійскій императорскій генералиссимусъ и императорскій королевскій фельдмаршалъ, князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, во время проѣзда своего чрезъ Моравію, былъ встрѣченъ 4 сего мѣсяца въ городѣ Вишау тамошнимъ оберамтманомъ, коммисаромъ Целинкою, бургомистромъ Заулихомъ, при играніи на трубахъ и литаврахъ. Его сіят—во, будучи весьма доволенъ таковою нечаянною встрѣчею, обнялъ помянутыхъ особъ, и пригласилъ ихъ къ столу, во время коего сей герой пилъ за здоровье ихъ им. вел—въ Павла I и Франца II. Въ продолженіи стола дѣти оберамтманова пришли съ другими дѣтьми, и пропѣвши въ похвалу сему герою кантатъ вмѣстѣ съ инструментальною музыкою, поднесли князю Италійскому разные плоды, яко малой даръ, не имѣя ничего лучшаго. При сей сценѣ покатились отъ радости слезы по ланитамъ достопочтеннаго и украшеннаго сѣдинами героя, лобызавшаго съ усердіемъ многократно всѣхъ бывшихъ тутъ дѣтей. Потомъ, посадивши за столъ вокругъ себя небольшой хоръ сихъ пѣвцовъ, самъ ихъ подчивалъ и давалъ каждому мальчику пить изъ своей рюмки. Почти полтора часа разговаривалъ сей герой съ одними своими маленькими гостьми, увѣщевая ихъ быть добродѣтельными и благочестивыми; онъ разсказывалъ имъ также и о собственныхъ своихъ дѣтяхъ, и въ продолженіе разговора очень часто показывались въ очахъ его радостныя слезы. „Сегодня, повторялъ онъ неоднократно, самые пріятнѣйшіе у меня за столомъ гости. О невинность! и я, любезные мои дѣти, скоро на васъ буду походить; вы для меня столь пріятны, что не могу съ вами разстаться“, и въ самомъ дѣлѣ его сіят—во сидѣлъ за столомъ цѣлый

часъ болѣе обыкновеннаго. Потомъ приказалъ своимъ служителямъ уложить хорошо принесенные дѣтьми подарки, вмѣстѣ съ однимъ экземпляромъ помянутаго кантата, для воспоминанія пріятнаго для него проѣзда чрезъ Моравію. По окончаніи стола его сіят—во далъ въ память каждому изъ сихъ дѣтей по экземпляру гравированнаго своего портрета, увѣщевалъ ихъ при томъ вторично шествовать по стези благочестія и добродѣтели, облобызалъ и благословилъ, каждаго особенно, знаменіемъ святаго креста, благодаря усердно за оказанную ему честь.

— Продается: Переходъ въ Швейцаріи чрезъ Альпійскія горы россійскихъ им—хъ войскъ, подъ предводительствомъ генералисимуса, 1799 г., соч. г. Державина, съ 2-мя виньетами, изъ коихъ послѣдній представляетъ Чертовъ мостъ. На В. О., на Большомъ проспектѣ, въ 14 линіи, въ домѣ Винтера подъ № 613, цѣною по 1 р. экземпляръ.

9 марта. Генералу-интенданту Балле позволяется съѣздить въ Кронштадтъ (№ 20).

— Управляющій лѣснымъ департаментомъ адмиралъ де-Рибасъ, за положеніе за смолу въ лѣсной доходъ гораздо низкихъ цѣнъ противу представленныхъ архангельскимъ гражд. губ—мъ, отставленъ отъ службы.

— Назначены квартиры полкамъ: мушкетерскому Меркулова въ Орлѣ, драгунскому Шрейдерса 2 въ Тулѣ.

— Изъ Праги, отъ 17 февраля. Когда князь Италійскій, по отъѣздѣ своемъ отсюда, проѣзжалъ чрезъ богемской городъ Гогенмаутъ, то встрѣтили его тамъ съ пушечною пальбою, и молодыя дѣвицы поднесли ему лавровой вѣнецъ, которой онъ благосклонно принялъ и наложилъ на свою голову, а привѣтствующимъ изъявилъ свою благодарность ласками и поцѣлуями. Для засвидѣтельствованія же своей признательности городу сему, вписалъ онъ себя своеручно, такъ какъ и въ Пильзенѣ, въ роспись мѣщанскихъ стрѣлковъ, съ приложеніемъ при томъ княжескаго своего герба печати.

— Изъ Шверина, отъ 19 февраля. 15 сего мѣсяца прибыли сюда въ вожделѣнномъ здравіи наслѣдный нашъ принцъ Фридерикъ-Людовикъ и супруга его, наслѣдная принцесса, ея п. в. Елена Павловна, и при всеобщихъ восклицаніяхъ были встрѣчены торжественнѣйшимъ образомъ.

— По Вознесенской улицѣ, въ д. Исаевой подъ № 216, продается баба и дѣвка, также мебели, двумѣстная карета и сани.

— Отъ конторы театральной дирекціи почтенной публикѣ извѣщается, что ежели кто желаетъ подписаться вообще на спектакли, какъ то: на 60 фр—хъ репрезентацій, 30 ит—хъ, 30 русскихъ съ большими балетами, для комплектованія 200 годовыхъ спектаклей, коихъ дирекція имѣетъ дать въ теченіи сего 1800 г., начиная оные послѣ Пасхи и продолжая по великой постъ будущаго 1801 г., при чемъ дирекція всячески будетъ стараться дѣлать удовольствіе почтенной публикѣ, избирая наилучшія зрѣлища, — то-бъ благоволили являться въ назначенную контору, или присылать по 21 число сего мѣсяца. Сборъ деньгамъ будетъ чиниться съ господъ подписавшихся три раза въ годъ, т. е. каждые 4 мѣсяца впередъ; и потому при подпискѣ,

получа третную плату, имѣютъ быть даваны билеты. По прошествіи же означеннаго срока, хотя и деньги вносимы будутъ, но оныя уже не примутся и билеты даваны не будутъ. А цѣны годовыя на всѣ вообще спектакли, съ большими и малыми балетами для іг. подписавшихся, суть слѣдующія: каждой ложѣ въ 1-мъ ярусѣ 1400 р., во 2-мъ 1000 р., въ 3-мъ 600 р., каждымъ кресламъ 200 р., отдѣленному мѣсту въ партерѣ 1 р. 50 к.

13 марта. Генер.-лейтен. Амбразанцовъ отставленъ отъ службы. (№ 21).

— Аудиторамъ кираспрскихъ полковъ (всѣмъ имъ) явиться въ генералъ-аудиторіатъ [1]).

— Лейбъ-кираспрской ея и. вел—ва полкъ переведенъ изъ санктп—ой въ брестскую инспекцію и назначены непремѣнныя квартиры въ Яновѣ и ближайшихъ селеніяхъ.

— Комендантамъ по гарнизону и комендантству доносить обо всемъ прямо къ е. и. вел—ву; о ввѣренныхъ же имъ баталіонахъ относиться къ шефамъ ихъ полковъ.

— Въ прошломъ 1799 году въ здѣшней имп—ой столицѣ родилось 7489 младенцовъ, 3874 человѣка мужескаго и 3615 женскаго полу, въ числѣ коихъ находилось 26 младенцовъ, кои родились мертвы. Умерло 9869 человѣкъ, 6277 мужескаго и 3592 женскаго полу, браковъ сочеталось 1554 пары.

— Изъ Милана, отъ 6 февраля. Массена недавно началъ раздавать гарнизону (въ Генуѣ) шляпы и чулки. Но едва солдаты получили сіи вещи, то и продали ихъ опять жителямъ, для доставленія себѣ съѣстныхъ припасовъ.

16 марта. Отставленъ отъ службы лейбъ-кираспрскаго е. и. вел—ва полку командиръ генералъ-лейтенантъ дюкъ де-Ришелье (№ 22, приказъ 11 марта).

— Изъ Парижа, отъ 24 февраля. Завтра въ первой разъ, по прошествіи 10 лѣтъ, будетъ опять данъ маскарадной балъ въ оперномъ театрѣ. Центральное правленіе хотя и запретило сіе увеселеніе, но Бонапарте, не уважая никакихъ намекъ и тосклпвыхъ заботъ, позволилъ оное. Тѣснота будетъ страшная. Никто не долженъ идти въ маскарадъ съ оружіемъ.

20 марта. Отставленный отъ службы генералъ-лейтенантъ дюкъ де-Ришелье принятъ попрежнему въ службу и назначенъ шефомъ лейбъ-кираспрскаго е. и. вел—ва полку. (№ 23, приказъ 14 марта).

23 марта. Генералъ отъ кавалеріи графъ Денисовъ отставленъ отъ службы (№ 24).

— Въ суконной линіи, въ книжныхъ лавкахъ подъ № 15 и 16 продается вновь переведенная комедія Гваделупской житель, соч. г. Мерсье, въ которой помѣщена Славная эпистоля къ моему кафтану. Нѣжныя души и чувствительныя сердца найдутъ въ оной комедіи себѣ пищу.

---

[1]) Вызвано 17 человѣкъ, которые и названы по фамиліямъ.

27 марта. 4 Адм. части, въ 4 кварт., въ большой Коломнѣ, въ д. Большакова, продается молодая и собою хорошая дѣвка. О цѣнѣ спросить въ томъ же домѣ въ верхнемъ этажѣ, что къ воротамъ (№ 25).

30 марта. Предписывается всѣмъ вообще въ донесеніяхъ къ его имп. вел—ву не помѣщать слова стража, но вмѣсто онаго писать караулъ (№ 26).

— Его и. в. усматриваетъ по присланнымъ въ гвардію изъ полковъ людямъ, что во многихъ полкахъ оные имѣютъ позитуру болѣе сходную для кулачнаго бою, нежели приличную для солдата, что и сего дня было особливо замѣчено съ людьми изъ полку генералъ-маіора Хитрова, которымъ были такъ задерганы, что отъ нихъ добиться слова нельзя было, что и дается къ замѣчанію всей арміи.

— Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ 2, позволившій себѣ, стоя на квартирахъ въ Ригѣ, привести барабанщиковъ своего полку на квартиру консула Тромповскаго и заставилъ бить въ барабанъ до тѣхъ поръ, что младенецъ онаго Тр—го отъ испугу умеръ, за каковую шалость отставленъ отъ службы.

— Предписывается всѣмъ шефамъ не иначе отвѣтствовать на сообщаемыя именныя повелѣнія отъ генералъ-адъютантовъ, какъ партикулярными письмами, а не рапортами, какъ оное сдѣлалъ генералъ-маіоръ Лобановъ, которому за оное и дѣлается выговоръ.

— Генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ за битье почталіоновъ и взятье 12 лошадей вмѣсто 6 отставленъ отъ службы.

— Изъ Копенгагена, отъ 11 марта. Зундъ покрытъ еще такъ крѣпкимъ льдомъ, что ежедневно пріѣзжаетъ сюда множество шведскихъ саней.

— Продаются книги: Путь къ добродѣтели и любомудрію, полезнѣйшая для образованія и просвѣщенія юношества книга, 60 коп., и комическая опера Тарасъ въ ульѣ, 50 коп.

— У Казанской, въ пѣвческой школѣ продается взрослая здоровая дѣвка.

3-го апрѣля. Дѣвицѣ, дочери умершаго конюшеннаго коммиссара Шумлепова, жаловавшейся на отставнаго подпоручика Веригина, который, яко-бы обольстя взять ее за себя, лишилъ ее чести и, приживъ съ нею младенца, оставилъ ее съ онымъ безъ призрѣнія, отказывается, поелику по взятой справкѣ открылось, что Веригинъ взять ее за себя никогда не обѣщался, поставляя причиною тому, что онъ извѣстенъ былъ о непристойномъ ея поведеніи (№ 27).

— Иностранцу Конголо, просившему о позволеніи представить государю им—ру собраніе рѣдкихъ картинъ, объявляется, что е. и. вел—ву не угодно имѣть оныя.

— Инспектору Эргарту, просившему объ опредѣленіи его ко двору и изъяснившему при томъ, что государь им—ръ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ сонзволилъ ему сіе обѣщать, отказывается потому, что никогда ему такого высочайшаго обѣщанія сдѣлано не было.

— Изъ Парижа, отъ 14 марта. Въ Бордо недавно стоялъ нацѣпи у позорнаго столба нѣкоторый тамошній житель за то, что онъ женился на двухъ живыхъ женахъ.

— Изъ Вѣны, отъ 12 марта. Въ день рожденія Венгерскаго палатина, 9-го числа сего мѣсяца, супруга его (великая княгиня Александра Павловна) особливо тѣмъ ознаменовала сію торжественную эпоху, что ея им. выс—во въ офенскомъ ломбардѣ выкупила всѣ заклады бѣдныхъ отъ самомалѣйшей цѣны до 10 гульденовъ, и повелѣла безденежно возвратить оные хозяевамъ. Употребленная на то сумма простирается до 40 тысячъ гульденовъ

— Во 2 Адмиралтейской части, въ Столярной Мѣщанской улицѣ, въ д. подъ № 137, продаются двѣ дѣвки, изъ коихъ одна умѣетъ вышивать золотомъ и шелками, да новыя на четыре лошади шоры.

— Еще продается крестьянская 14 лѣтъ дѣвка въ Малой Коломнѣ, 4 ч. во 2 кварт. подъ № 68, да лѣтняя повозка. О цѣнѣ спросить у живущей подъ тѣмъ же № хозяйки.

6-го апрѣля. Предписывается всѣмъ господамъ военнымъ губернаторамъ и инспекторамъ по случаю усмотрѣнія е. и. в—вомъ, что нѣкоторые, получая изъ с.-петербургскаго камеральнаго департамента свидѣтельства для выѣзда изъ города, представляютъ оныя въ другихъ мѣстахъ вмѣсто паспортовъ, служащихъ имъ для свободнаго вездѣ жительства, то чтобъ таковыя свидѣтельства нигдѣ не имѣли другихъ видовъ, кромѣ только свободнаго выѣзда изъ Санктпетербурга (№ 28).

— Кавалергардскому полку состоять въ инспекціи генералъ отъ кавалеріи фонъ деръ-Палена.

— Изъ Лондона, отъ 4-го и 18-го февраля. Недавно умершій здѣсь португальскій жидъ де-Маттосъ Мокатта постановилъ въ своемъ завѣщаніи, чтобы его могилу охраняли цѣлый годъ, и отказалъ по оному тремъ на то опредѣленнымъ сторожамъ 200 гиней.

— Оттуда же. Полковникъ Куннингамъ, у котораго отстрѣленъ подбородокъ въ Голландіи, и который былъ помолвленъ на дѣвицѣ Вортлей, но теперь сомнѣвался, захочетъ ли она за него выйти замужъ при сихъ обстоятельствахъ, получилъ отъ нея отвѣтъ слѣдующій: „ежели ваша душа не перемѣнилась такъ, какъ ваша особа, то я желаю сдержать свое обѣщаніе“. Рѣдкій примѣръ вѣрности и истинной склонности.

— Отъѣзжающіе за границу: ...Петръ Степ. Валуевъ, дѣйств. тайн. сов., съ фамиліею, жив. у Аничкова моста, въ д. вдовы Милютиной, подъ № 162

10-го апрѣля. Е. и. в. высочайше указать соизволилъ не брать пошлинъ за приложеніе государственной печати къ высоч—мъ граматамъ, на княжеское достоинство даваемымъ (№ 29).

13-го апрѣля. Мушкетерскимъ полкамъ, потерявшимъ знамена: Ласунскаго—три, Тучкова I-го—два, Пршибышевскаго—одного, Измайлова—одного, Повалошвейковскаго 2-го—два и Вязмитинова—одного, впредь знаменъ давано не будетъ (№ 30).

— Е. и. в., усмотря по пришедшему съ границы мушкетерскому Бороздина 1-го полку, что во всѣхъ частяхъ, составляющихъ службу, сдѣлано упущеніе, даже и обыкновенный шагъ ни мало не сходенъ съ предписаннымъ уставомъ, и видя противное всему данному высочайшему повелѣнію, дѣлаетъ замѣчаніе на общее лицо.

— Продаются за сходную цѣну: краснаго дерева дамскій туалетъ иностранной работы со всѣмъ приборомъ и бриллiантовыя серьги новѣйшаго вкуса, да способные ко всякой домашней работѣ крестьянинъ съ женою, разумѣющею пивоваренное искусство. О цѣнѣ спросить у живущей въ Каретной ч. на Невскомъ проспектѣ въ д. подъ № 15 самой хозяйкѣ.

17-го апрѣля. Мушкетерскаго графа Каменскаго полку маіоръ Дейферъ за дерзкіе поступки исключенъ изъ службы (№ 31).

— Прошеніе исключеннаго изъ службы генералъ-маіора Балашева—о всемилостивѣйшемъ его прощеніи, оставлено безъ уваженія.

— 12-го числа сего мѣсяца вскрылась Нева и около полудня рѣка отъ льду совершенно очистилась, такъ что нынѣшнею зимою оная 142 дня была покрыта льдомъ, которое продолженіе времени 5 днями менѣе средняго числа.

20-го апрѣля. Бывшему генералъ-адъютанту князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому, всемилостивѣйше повелѣваемъ быть по прежнему двора нашего камергеромъ (№ 32, указъ придв. конторѣ 16-го апрѣля) [1]).

— Вторая часть дѣяній генералиссимуса кн. Италійскаго гр. Суворова-Рымникскаго изъ печати вышла. Особы, благоволившія на оную подписаться, могутъ для полученія оной присылать билеты, куда слѣдуетъ.

— 3 адмир. ч. въ 3. кварт. въ Большой Подъяческой улицѣ продается каменный о двухъ этажахъ домъ, подъ № 250; да тутъ же продается прочная нѣмецкой работы двумѣстная карета, таратайка, мало поѣзженныя дрожки и мальчикъ, ко всякой работѣ способный. Цѣну всему объявитъ въ томъ же домѣ кучеръ Прокофій.

— Контора театральной дирекціи почтенную публику чрезъ сіе извѣщаетъ, что какъ нынѣ послѣдовало абонированіе ложъ и креселъ на городовомъ театрѣ на всѣ вообще спектакели на цѣлый годъ, то по сему случаю прежняя абонировка ложъ и креселъ на одни токмо французскіе спектакели существовать не можетъ; а по сему оная и уничтожается, и тѣ ложи и кресла отданы будутъ желающимъ абонировать на годичное время; имѣющіе билеты на французскіе спектакли, но которымъ сроки еще не вышли, для полученія по онымъ обратно за остальные спектакели денегъ, благоволятъ съ тѣми билетами являться сами, или кого присылать, въ контору каждодневно въ 9 часовъ утра до 2-го часа пополудни. Далѣе же по онымъ билетамъ отъ нынѣ пользоваться не могутъ.

24-го апрѣля. Повелѣвается состоящимъ въ полкахъ пѣхотныхъ изъ дворянъ унтеръ-офицерамъ двадцати называться подпрапорщиками (№ 33).

---

[1]) Объ этомъ состоялся приказъ и по военному вѣдомству 17-го апрѣля (№ 33).

Повелѣвается полкамъ не собираться для учебнаго времени безъ особаго на то высочайшаго повелѣнія.

— Желающіе продать двухъ добраго поведенія поваровъ среднихъ лѣтъ, холостыхъ или женатыхъ, довольно искусившихся въ поваренномъ искусствѣ, да молодыхъ лѣтъ парикмахера женскаго и мужскаго, благоволятъ увѣдомить о семъ подполковницу Маріанну Вронскую.

— Отъѣзжающіе за границу: ...Князь Багратіонъ, сенаторъ, жив. во 2-й Мѣщанской, въ нѣмецкомъ трактирѣ Гейна.

27-го апрѣля. Кираспрскаго Миллера 2 полку полковникъ Тешшау, за старостію лѣтъ, отставленъ отъ службы. Генералъ отъ инфантеріи Архаровъ отставленъ отъ службы (№ 34).

— Предписывается всѣмъ инспекторамъ объѣзжать полки инспекцій ихъ въ учебное время для осмотру, а е. и. вел—ву только доносили бы заблаговременно, когда они для сего осмотра отправятся.

— Дѣйств. тайн. сов. графу Артемію Воронцову, что на всеподданнѣйшій докладъ объ обстоятельствахъ невступленія отъ него въ сенатъ апелляціонной жалобы въ годовой срокъ на рѣшеніе межевой канцеляріи о землѣ, бывшей при селѣ его Никольскомъ въ Тамбовской губерніи, и на просьбу его о возстановленіи сей апелляціи, упущенной повѣреннымъ его, послѣдовало высочайшее е. и. в. повелѣніе: «своя была воля выбирать повѣреннаго плута, а потому дѣло оставить въ законномъ положеніи».

— Продается дворовый человѣкъ, способный ко всякой домашней работѣ, которой при томъ мастеръ стрѣлять и собакъ лягавыхъ тресировать. Видѣть его и о цѣнѣ узнать могутъ на Новыхъ мѣстахъ близь измайловскаго экзерцисгауза въ домѣ секретарши Бобровой подъ № 814.

1-го мая. Адъютантъ генералисимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, полковникъ Кушниковъ, и подполковникъ баронъ Розенъ опредѣлены по прежнему въ полки, первой въ гренадерской Розенберга, а послѣдній въ мушкетерской графа Ланжерона; маіорамъ же Румянцову и Ставракову и капитану Кригеру состоять по арміи (№ 35).

— Ломакину, написанному изъ подпоручиковъ въ рядовые за пьянство и за самовольную отлучку и просившему всемилостивѣйшаго прощенія, прошеніе возвращено съ наддраніемъ и со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ.

— Маіору Кульневу, выключенному изъ службы по суду, надъ нимъ производившемуся, и просившему о разсмотрѣніи вновь онаго дѣла, и Казанской губерніи города Козьмодемьянска мѣщанину Башкирцову, описывающему причиняемыя ему пермскимъ губернаторомъ притѣсненія и содержаніе его якобы безвинно подъ карауломъ и просившему дозволенія предстать ему лично къ е. и. в—ву для разныхъ донесеній, прошенія возвращены съ наддраніемъ и со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ.

— Изъ Лондона, отъ 11-го апрѣля. Съ герцогомъ Іоркскимъ, выѣхавшимъ 8-го числа верхомъ, случилось такое несчастіе, что упала подъ нимъ лошадь,

которую испугала пробѣжавшая мимо ея собака; и какъ нога запуталась въ стремени, то герцога влекла лошадь на разстояніе довольно нарочитое, отъ чего весьма сильно повредилъ онъ себѣ лицо, брюхо, ноги и руки.

— Изъ Парижа, отъ 30-го марта. Кунакъ Тивено, изобрѣтатель тахиграфіи (скорописанія), въ непродолжительномъ времени издастъ способъ какъ писать музыку съ такою же скоростію, какъ ее играютъ. Искусство сіе называетъ онъ музыкальною брахиграфіею (скорописью).

4-го мая. Шкловскаго кадетскаго корпуса маіоръ Твардовскій за старостію и дряхлостію отставленъ отъ службы (№ 36).

— Въ 3 адмир. части въ Вознесенской улицѣ въ домѣ подъ № 216 у отъѣзжающаго продается лучшаго турецкаго табаку 15 фунтовъ, семь турецкихъ съ длинными чубуками трубокъ, изъ коихъ четыре осыпаны янтарями; да годный въ рекруты молодой человѣкъ и добраго поведенія деревенская дѣвка. О цѣнѣ спросить у дворника.

8-го мая. Е. и. в. объявляетъ свое благоволеніе военному губернатору графу Палену за благочиніе и порядокъ, соблюденный вчерашняго дня (1-го мая) на гуляньѣ; равно и всѣмъ подкомандующимъ его здѣшняго гарнизона. (№ 37).

11-го мая. Шефу кирасирскаго полку генералъ-маіору Гамперу имѣть пребываніе свое въ мызѣ Шветгофѣ. (№ 38).

— Стеклянному фабриканту Гейнце, просившему о позволеніи съѣздить въ Тюрингенъ для принятія наслѣдства, повторяется прежняя высочайшая резолюція, что онъ можетъ ѣхать заграницу, но безъ возврата.

— Маркизѣ де Мастинъ, просившей о всемилостивѣйшемъ позволеніи мужу ея съ младенцомъ и кормилицею пріѣхать въ Россію, объявляется, что просьба ея оставлена безъ вниманія.

— У книгопродавца Ѳедора Свѣшникова принимается подписка на книгу подъ названіемъ: „Что нибудь отъ бездѣлья и на досугѣ“, еженедѣльное изданіе Николая Осипова, частію историческаго, а частію моральнаго, критическаго и шутливаго содержанія, взятаго изъ лутчихъ россійскихъ и иностранныхъ писателей. Цѣна за полгода 3 р. 50 к. При подпискѣ получатъ отпечатанные 18 листовъ и билетъ для полученія впредь выходящихъ листовъ въ каждую субботу.

15-го мая. Е. и. в. объявляетъ совершенную свою благодарность е. и. выс—ву Александру Павловичу и свое благоволеніе учившимся сего дня (9-го мая) лейбъ гвардіи полковъ лейбъ-баталіонамъ е. и. вел—ва, е. и. выс—ва Александра Павловича и е. и. выс—ва Константина Павловича; баталіонамъ: Сукина, Мазовскаго и Голынскаго и оныхъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а нижнимъ чинамъ жалуетъ по рублю на человѣка, по фунту говядины и по чаркѣ вина. (№ 39).

— Мая 7-го былъ на Царицынскомъ лугу смотръ лейбъ-гвардіи полку е. и. вел—ва, по окончаніи котораго государь им—ръ, въ знакъ своего удовольствія, всемилостивѣйше возложить изволилъ командорскій крестъ

державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго на командира полка своего имени генералъ-лейтенанта и кавалера Талызина.

— Маркизу Пакъ-Дебадену, бывшему французской королевской службы капитану, просившему о принятіи его въ россійскую службу, отказывается, по неимѣнію въ немъ надобности.

— На просьбу войска Донскаго генералъ-маіора Курнакова 1-го о увольненіи его отъ службы съ награжденіемъ за 30-лѣтнее продолженіе оной, высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Прошеніе находящагося въ Тобольскѣ французскаго офицера маркиза де Бомануа, о дозволеніи ему возвратиться оттоль къ своему королю и родственникамъ, оставлено безъ уваженія.

— Италіанцу Монтебелло, просившему о принятіи его въ службу въ театральную дирекцію пѣвцомъ и требовавшему себѣ жалованья по 10 тысячъ руб., да на квартиру по 500 р., просьба его, яко не дѣльная, возвращена ему съ наддраніемъ.

— Продаются книги: „Примѣчатель свѣта, или живи подумавъ“, въ пер. 1 р. 50 коп. „Философъ горы Амсунской, или мысли при извѣстіи о смерти великой Екатерины II“, въ бум. 30 коп.

— У живописца Беніамина Патерсона, живущаго по Екатер. канавѣ, между государственнымъ заемнымъ банкомъ и Кокушкинымъ мостомъ, въ Шаровомъ домѣ, подъ № 131, продаются изъ собранія раскрашенныхъ эстамповъ, состоящаго изъ 10 листовъ и представляющаго берегъ Невы рѣки вдоль набережной, начиная отъ Воскресенскаго моста до истока оной у Галернаго двора, и переднюю часть Васильевскаго о—ва, первые 5 листовъ, удостоенные высочайшаго е. и. в—ва одобренія, а именно: видъ статуи им—ра Петра I, Воскресенскаго моста съ переднею частію крѣпости, набережной отъ Мраморнаго дворца до импер—го Зимняго, им—го Зимняго дворца съ частію адмиралтейства. Каждый листъ стоитъ перваго сорта 20 р., втораго 15 р. Такъ же и послѣдніе 5 въ скоромъ времени выданы будутъ.

— Въ Преображ. полку въ Большой Офицерской улицѣ въ д. тит. сов—цы Дори, что прежде былъ князя Давыдова, продается годной въ рекруты человѣкъ и верховая лошадь.

18-го мая. Е. и. вел—во объявляетъ особенное благоволеніе государю наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Павловичу, яко первому его помощнику (№ 40).

25-го мая. Исключенный изъ службы съ лишеніемъ чиновъ прошлаго 1799 года егерскаго Михельсона 2-го полку штабсъ-капитанъ Сибирцовъ, въ уваженіе просьбы его вел—ва короля шведскаго, принятъ по прежнему въ службу въ тотъ же полкъ (№ 42).

— Мая 12-го былъ смотръ на Царицынскомъ лугу полкамъ кавалергардскому, конной гвардіи, лейбъ-гусарскому и лейбъ-казацкому, при которомъ случаѣ е. и. в. изволилъ пожаловать нижнимъ чинамъ кавалергардскаго полку по фунту говядины и по чаркѣ вина, а лейбъ-гусарскаго полку — по чаркѣ вина.

— При высочайшемъ своемъ отъѣздѣ въ городъ Павловскъ того же дня (14-го мая), при паролѣ е. и. в. изволилъ объявить е. и. выс—ву Константину Павловичу совершенное свое благоволеніе всѣмъ господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ. (№ 42).

— „Камергеру г. Кутайсову быть при мнѣ штатсъ-секретаремъ“ (собственноручный указъ императора Павла Петровича, 19-го мая).

29-го мая. Прошеніе Паздерскаго, изъяснявшаго свою погрѣшность по духовному его состоянію и чрезъ невѣдѣніе учиненную, и просившаго всемилостивѣйшаго прощенія, оставлено безъ уваженія (№ 43).

— Черниговской богоявленской церкви протоіерею Куцинскому, испрашивавшему въ сдѣланной имъ погрѣшности всемилостивѣйшаго прощенія, прошеніе возвращено съ наддраніемъ и со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ.

— Припечатавшій въ прошедшихъ вѣдомостяхъ о желаніи купить добраго поведенія дѣвочку можетъ освѣдомиться не только объ одной, которой 7 лѣтъ, но и о другой—10 лѣтъ, на Петерб. сторонѣ въ Большой Дворянской улицѣ, въ домѣ подъ № 555.

1-го іюня. Ихъ импер—мъ высочествамъ Константину Павловичу и Николаю Павловичу помѣняться полками (№ 44, приказъ 28-го мая).

— Мостовской, урожденной княжнѣ Радзивилъ, просившей паспорта срокомъ на 10 мѣсяцевъ для проѣзда въ Пирмонтъ, объявляется, что просьба ея оставлена безъ уваженія. Просьба генералъ отъ кавалеріи Дотишампа возвращена ему съ наддраніемъ и со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ.

— Продаются сочиненія и переводы князя Алексѣя Ив. Голицына: 1) ода на принятіе титула великаго магистера е. и. в—омъ и на побѣды графа Суворова-Рымникскаго; 2) государю им—ру Павлу I; 3) надгробная Великой Екатеринѣ; 4) къ портрету гр. Суворова; 5) ода на случай взятія Праги гр. Суворовымъ и другихъ его въ Польшѣ; 6) на путешествіе государя им—ра въ Казань; 7) Суворовъ; 8) стихи на смерть Ломоносова; 9) къ портрету г. Хераскова; 10) акростихъ на Вольтера; 11) стихи на Бонапарте; 12) къ французамъ въ Египтѣ; 13) письмо (леди) Темири къ лорду Бандпору, волонтеру на кораблѣ адмирала Нельсона и многія другія стихотворенія и театральныя сочиненія, въ бум. 2 р. 80 к.

— Продается собраніе сочиненій и подражаній Пан. Сум . . . въ стихахъ. Книжка сія сдѣлаетъ читателямъ удовольствіе; стихотворецъ замысловатъ, шутливъ, разсказываетъ легко, затѣйливо, пріятно, смѣшитъ, нравится, и подаетъ надежду, что русская литература современемъ еще болѣе украсится его счастливымъ талантомъ, въ бум. 1 р. 10 к. (№ 42).

Историческіе матеріалы, замѣтки и стихотворенія.

Замѣтка Петра I.

штандартъ—24 (пушки) 8 ѳунтовыя
3 корабля на каждомъ 54 пушки
ізподніе 18 ѳунтовыя
а верхніе 8 ѳунтовыя
на ѳордекѣ і бакѣ 4 ѳунтовыя.

вышеписанныя карабли могутъ быть на море выюне мѣсеце.

Примѣчаніе. Написано на полулистѣ, нижняя половина котораго загнута Все ссбственноручно.

Прочитано А. Ѳ. Бычковымъ.
Сообщ. А. Ѳ. Кони.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ

1758 г.

[По титулѣ]. Бьетъ челомъ коллежскій совѣтникъ и академіи наукъ профессоръ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1. Сего 1758 года, маія 5 дня, въ присутствіи правительствующаго сената объявлено мнѣ, что въ ономъ опредѣлено украсить въ здѣшней крѣпости церковь святыхъ апостолъ Петра и Павла мозаичнымъ художествомъ съ моихъ заводовъ въ честь и славу великихъ дѣлъ безсмертныя памяти государя родителя вашего императора Петра Великаго, о чемъ изъ онаго сената поданъ докладъ вашему императорскому величеству. Къ сему прошенію

2. А понеже за другими важнѣйшими государственными попеченіями минуло уже многое время безъ всемилостивѣйшія онаго доклады конфирмаціи, для того заготовленныя на заводахъ моихъ къ тому матеріалы, машины и мастеровые люди состоятъ почти безъ дѣла, отъ чего причиняется моимъ заводамъ не

малое поврежденіе, затѣмъ, что отъ употребленной на произведеніе мозаичнаго художества суммы нѣтъ почти никакого повороту, за неимѣніемъ приватныхъ охотниковъ къ покупкѣ мозаики. Коллежскій совѣтникъ и профессоръ

3. И дабы высочайшимъ вашего и—го в—ва указомъ повелѣно было сіе мое всенижайшее прошеніе въ учрежденной при дворѣ в. в—ва конференціи принять и для вышепоказанныхъ причинъ, а паче для великолѣпнаго изображенія трудовъ безсмертныя памяти великаго вашего родителя и для умноженія прехвальныхъ дѣлъ благословеннаго вашего государствованія соблаговолить учинить всемилостивѣйшую конфирмацію. Михайло Ломоносовъ

Всемилостивѣйшая государыня! прошу вашего и—го в—ва о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Октября дня 1758 года. Прошеніе писалъ академіи наукъ копеистъ Иванъ Барковъ. Руку приложилъ [1]).

Сообщилъ **Г. К. Р.**

Александръ Васильевичъ Суворовъ

1760 г.

[По титулѣ]. Бьетъ челомъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Василій Ивановъ сынъ Суворовъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1. По всевысочайшему вашего и. в—ва указу отъ 31 декабря 759 года сынъ мой, Казанскаго пѣхотнаго полку подполковникъ Александръ Суворовъ, предѣленъ, по представленію господина генерала кригс-комисара князя Шаховскаго, къ правленію оберъ-кригскомисарской должности и изъ полку выключенъ. Къ сему

2. А нынѣ оный сынъ мой ко мнѣ пишетъ что онъ по своимъ молодымъ лѣтамъ желаніе и ревность имѣетъ еще далѣе въ воинскихъ операціяхъ практиковаться и службу свою, по прежнему, продолжать при полку. Прошенію

И дабы всевысочайшимъ в. и. в—ва указомъ повелѣно было онаго сына моего отъ правленія оберъ-кригскомисарской должности исключить и опредѣлить, по прежнему, въ полкъ при заграничной арміи, дабы онъ, по своей ревности, далѣе при оной вашему и—у в—у наиусерднѣйшую свою службу продолжать могъ. Василій

Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего и. в—а о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Февраля дня 1760 г. Къ поданію надлежитъ въ учрежденную при дворѣ в. и. в—а конференцію. Челобитную писалъ военной коллегіи канцеляристъ Федоръ Матвѣевъ. Суворовъ руку приложилъ [1]).

Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.**

---

[1]) Подлинникъ въ сенатскомъ архивѣ.

Разсказъ священника очевидца о взятіи Очакова

6-го декабря 1788 г.

[Письмо отъ 4-го января 1789 г.].

Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій архіепископъ! Я утруждаю ваше высокопреосвященство частыми письмами, и неизвѣстно—утрудилъ ли я оными и всѣ ли къ вамъ доходятъ? На другой день послѣ взятія Очакова писалъ я къ вамъ весьма коротко, ибо обстоятельства наши, въ которыхъ мы тогда находились, болѣе писать не дозволяли, а теперь—поелику мнѣ болѣе можно къ вамъ писать, по причинѣ спокойнаго состоянія нашихъ дѣлъ,—то я о томъ же увѣдомить васъ и самую истину,—чтобъ удовлетворить вашему любопытному духу и представить предъ глазами вашими,—всячески постараюсь.

Въ первыхъ числахъ декабря, нашъ, нынѣ торжествующій, герой [1]), вышедши изъ терпѣнія по столь долго ожиданномъ времени произвольной [2]) давно осажденнаго города (сдачи), приказалъ приготовиться отборнымъ войскамъ къ нападенію на Очаковъ—городъ столь упорный и не щадящій крови своихъ гражданъ. Нападеніе оное долженствовало быть 6-го декабря во освященный день святому Николаю. Между тѣмъ, какъ обыкновенно поступаютъ великіе вожди, чтобы удобнѣе и удачнѣе совершить предпринимательство дѣла, раздѣлилъ онъ на извѣстныя части солдатъ, намѣревающихся идти; надъ каждою частію поставилъ особенныхъ полководцевъ, искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, давши имъ планъ, какъ поступать и дѣйствовать весьма самымъ яснымъ истолкованіемъ. Шесть было колоннъ, съ шести сторонъ города напасть имѣющихъ, которыя для исполненія сего дѣла назначены были, чтобъ видно (было) употребленіе воинствующихъ со всѣхъ сторонъ (для нападенія) на городъ. Все приготовлено... Вотъ уже наступила тотчасъ ночь, въ которую однимъ должно было убивать, а другимъ самимъ убитымъ быть... Въ 6 часовъ ополудни

---

[1]) Т. е. князь Потемкинъ.
[2]) Т. е. добровольной.

князь призвалъ меня къ себѣ и приказалъ мнѣ съ соборомъ священниковъ въ церкви истинно-воинствующей всенощное бдѣніе (отслужить), потомъ окропить святою водою тѣхъ, которые намѣрены были идти. Они разошлись по мѣстамъ, каждому назначеннымъ. Послѣ сего князь приказалъ призвать меня опять въ свою палату и приказалъ, почти уже въ полночь, отпѣть молебенъ, который въ самомъ началѣ чиновника положенъ, и при томъ съ колѣнопреклоненіемъ. Окончивши оный, по приказанію князя, ходилъ я въ полкъ Екатеринославскій, надъ которымъ онъ особеннымъ и начальникомъ называется, для отправленія такого-жъ молебна (и) тамъ.

Отправивши то, что для меня принадлежало, отпустилъ я солдатъ на сраженіе, окропивши святою водою, прося всеусердно отъ Бога помощи нашимъ, а пораженія непріятелю. Когда я помышляю о моей жизни, то сомнѣваюсь, чтобы мои молитвы испросили что нибудь у Бога, но молитвы другихъ, особливо воинствующихъ, услышаны были Онымъ, въ чемъ насъ самый случай увѣрилъ.

Въ 6 часовъ пополудни начались молитвы утреннія, начался и приступъ къ городу.

Придвигнулись солдаты (и) наступили на городъ; со всѣхъ сторонъ раздался крикъ, смѣшанный съ средними выстрѣлами пушекъ и безпрерывныхъ ружей; послѣ сего сразилися вблизи: турки—саблями, а наши—на штыки; по прошествіи часа съ четвертью между сраженіемъ ослабѣла въ конецъ сила непріятелей, а особливо когда уже съ ихъ стороны убито было 7 тысячъ. Однако же, наши щадили, сколько было возможно, безоружныхъ женщинъ и младенцевъ. Заняли крѣпость, повели плѣнныхъ (и) разграбили имѣніе побѣжденныхъ, ибо права войны позволяютъ побѣдителямъ сіе чинить надъ побѣжденными.

Съ нашей стороны, въ разсужденіи съ числомъ убитыхъ непріятелей, весьма мало убито; впрочемъ, воспоминать (сіе) ужасается мой духъ.

Теперь я начну писать о радостнѣйшихъ происшествіяхъ.

Мы проздравляли князя со взятіемъ города и одержаніемъ столь славной побѣды; онъ принималъ наши проздравленія съ весьма веселымъ видомъ, побѣду же не себѣ, но Господу силъ и храбрости воиновъ приписывалъ; и мы также проздравлены отъ него взаимно. О, день веселый и торжество ни въ чемъ (съ другими), развѣ со днемъ святыя пасхи, равняющееся!

Когда сіе происходило, привели пашу—начальника Очаковскаго, который нашими же солдатами едва былъ сохраненъ отъ гнѣва нашихъ другихъ солдатъ. Князь порицалъ плѣнника за безразсудное его упорство и за пролитіе столь многія крови своихъ согражданъ. Паша отвѣтствовалъ, что онъ дѣлалъ то, что ему должно было дѣлать: «тебѣ, сказалъ онъ, приказано было взять городъ, а мнѣ оный не давать». Къ сему присовокупилъ еще и то, что никто у него не погибъ, развѣ тотъ, которому судьбою назначено было умереть. Вотъ мужъ храбрый и богословствующій, сколько прилично магометанину!

Я не могу надивиться снисхожденію князя къ плѣннымъ и истинно отеческому старанію, о пользѣ ихъ пекущемуся: онъ снабдѣваетъ ихъ пищею и одеждою, какъ людей сродныхъ себѣ.

На другой день послѣ сраженія приказано мнѣ было идти въ россійскій Очаковъ выбрать изъ мечетей турецкихъ лучшую для перемѣненія въ православный храмъ.

Взошелъ я въ городъ, наполненный по всѣмъ улицамъ трупами различными и многообразными смертьми погибшихъ; вездѣ почти во время моего пути должно было мнѣ переходить черезъ кучи убитыхъ... Но отвратимся отъ сего многоужаснаго зрѣлища. Въ городѣ были три знатнѣйшія капища, изъ которыхъ одно ядрами пушечными весьма было повреждено и испроломано, а другое наполнено сухарями; третіе выбралъ я. Прочетши молитвы и окропивши св. водою, поставилъ иконостасъ, престолъ и жертвенникъ. Когда я сіе пріуготовлялъ, съ коликою душевною радостію наши солдаты, купцы и маркитанты, которые тутъ были, поднимали колокола со мною, изъ лагеря принесенные, ставили крестъ сверхъ луны на капище, звонили и знаменали себя крестомъ, говорили, что звономъ колоколовъ духъ россійскій оживотворился: слѣдственно православіе распространяется. По городу самъ князь, въ великомъ провожаніи многихъ знатнѣйшихъ особъ, ходилъ; я вышелъ къ нему на встрѣчу въ провожаніи священниковъ, облеченныхъ въ священныя одежды, поднесъ для цѣлованія образъ Спасителя нашего и хлѣбъ съ солію, по обыкновенію, отъ древнѣйшихъ еще временъ въ Россіи принятому; проздравлялъ побѣдителя сими словами: «благословенъ, гряды во имя Господне». Потомъ началась литургія; читалъ евангеліе то, которое обыкновенно читаютъ на заутрени въ день ваій, яко весьма приличное нашимъ обстоятельствамъ и обыкновенію города. О семъ я вамъ, высокопреосвященнѣйшій, за нужное почелъ увѣдомить въ разсужденіи города Очакова. Вашего высокопреосвященства всегдашній почитатель Моисей. Генваря 4 числа, 1789 года. Изъ города святыя Елисаветы.

Примѣчаніе. Помѣщаю на страницахъ уважаемой „Русской Старины“ письмо очевидца о взятіи крѣпости Очакова въ подлинникѣ, такъ какъ нахожу его интереснымъ уже потому, что обстоятельства, сопровождавшія взятіе этой крѣпости, излагаются лицомъ духовнымъ съ своеобразной точки зрѣнія и съ такими подробностями, которыя могли быть не замѣчены очевидцами другаго званія и положенія. Къ сожалѣнію, я не могу сказать—кто былъ Моисей—авторъ этого письма,—и кому изъ тогдашнихъ архіереевъ адресовалъ онъ свое посланіе? Предполагаю, что оно адресовано московскому или петербургскому владыкѣ настоятелемъ походной церкви кн. Потемкина, быть можетъ, состоявшимъ въ санѣ архимандрита. Письмо написано на большомъ листѣ толстой бумаги и весьма старательно, прямымъ почеркомъ, безъ малѣйшихъ помарокъ.

Сообщ. А. Е. Мерцаловъ.

Прошеніе кригсъ-комиссара Лузина Павлу I.

Уму Умовичу,
Павлу Петровичу,
Твой кригсъ-комиссаръ,
Лузинъ Иванъ,
Бьетъ въ барабанъ,
Трамъ, тамъ, тамъ, тамъ!
Не по правиламъ фортификаціи,
Ниже по ситуаціи,
Но по Божеской власти
Петербургъ раздѣленъ на части:
Сирѣчь въ крѣпости комендантъ,
А въ городѣ другой,
Сіе доноситъ тебѣ Лузинъ,
Яко мужъ не искусенъ,
Истощая ума своего крошки
Проситъ отъ щедротъ твоихъ трошки.

Лузинъ Иванъ.

Примѣчаніе. Курьезное прошеніе это найдено мною въ одной изъ рукописей конца XVIII вѣка.

Сообщ. С. Стерлеговъ.

Крѣпость Новогеоргіевскъ.

Заплечные мастера и кнуты.

22-го сентября 1832 г. было предложено министромъ внутреннихъ дѣлъ, Д. Н. Блудовымъ, циркулярно-секретно гражданскимъ губернаторамъ слѣдующее:

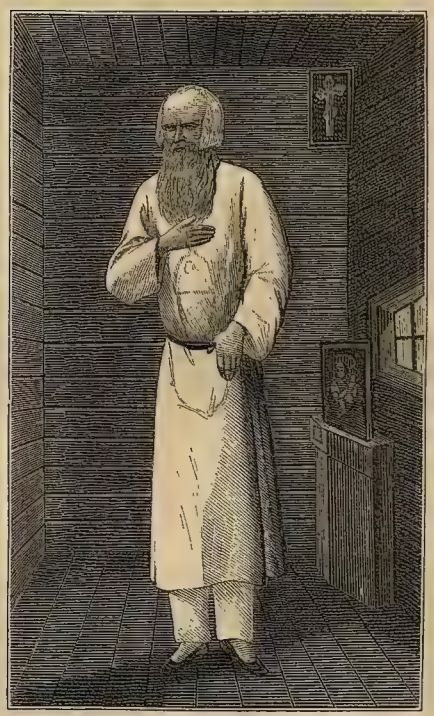
— „Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1832 г. сынъ французскаго маршала князя Екмюльскаго, бывъ въ Москвѣ, купилъ тайнымъ образомъ, чрезъ агента своего, у заплечнаго мастера два кнута, коими наказываются преступники.

По всеподданнѣйшему докладу о семъ государю императору, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: „впредь ни кнутовъ, ни заплечнаго мастера никому не показывать“.

О таковомъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи было сообщено начальникамъ губерній къ надлежащему исполненію.“

Сообщ. Г. К. Р.

Примѣчаніе. Не на основаніи ли этого повелѣнія заплечные мастера на всю жизнь запирались въ острогахъ?



ОТШЕЛЬНИКЪ ѲЕДОРЪ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 ДЕКАБРЯ 1885 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Отшельникъ Александръ (Ѳеодоръ) въ Сибири.

Въ XI книгѣ «Русской Старины» изд. 1880 г., на стр. 742—744, напечатана замѣтка кн. Н. С. Голицына, подъ названіемъ «Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ».

Подъ именемъ Александра-отшельника кн. Голицынъ описываетъ неизвѣстную личность, проживавшую въ «одномъ изъ глухихъ мѣстъ» Западной Сибири, пользовавшуюся большою популярностью между простымъ народомъ, считавшимъ этого отшельника за нѣчто въ родѣ святаго и вѣровавшаго, что онъ — происходитъ изъ царскаго рода. Послѣднее возникло потому, — какъ сообщаетъ кн. Голицынъ, — что неизвѣстный имѣлъ большое сходство съ императоромъ Александромъ I, за котораго, будто, многіе и принимали его.

Хотя въ замѣткѣ кн. Н. С. Голицына точно не обозначена мѣстность, гдѣ проживалъ этотъ отшельникъ, но такъ какъ въ разсказѣ упомянуто, что это было—въ Западной Сибири, въ 1860-хъ годахъ,— то я и предполагаю, что кн. Голицынъ говоритъ о томъ отшельникѣ, который жилъ неподалеку отъ Томска и умеръ лѣтъ семнадцать тому назадъ. Да и другихъ отшельниковъ, которые бы пользовались большою извѣстностью и о которыхъ бы ходила молва, что они, будто, изъ царскаго рода,—въ нынѣшнемъ столѣтіи ни въ Восточной, ни въ Западной Сибири—не существовало.

Поэтому я считаю не безъинтереснымъ сообщить извѣстныя мнѣ подробности объ «Александрѣ-отшельникѣ», какъ его называетъ кн. Н. С. Голицынъ, не вошедшія въ замѣтку послѣдняго; тѣмъ болѣе что этотъ отшельникъ, дѣйствительно, загадочная и странная личность...

Близъ Томска, въ 4—5 верстахъ, есть заимка (такъ въ Сибири называются хутора, загородныя дачи, —вообще, небольшое пространство земли съ домомъ, пашней и т. п.), принадлежащая томскому купцу Семену Ѳеофановичу Хромову, почтенному старцу, понынѣ 1881 г. здравствующему.

На этой-то заимкѣ, въ убогой маленькой келіи, проживалъ въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ какой-то неизвѣстный мужчина, котораго знали подъ именемъ «отца Ѳеодора» (а не Александра). Явился онъ на заимку Хромова уже очень пожилымъ человѣкомъ. Какъ онъ попалъ именно къ г. Хромову, и когда тотъ построилъ для него келію на заимкѣ—мнѣ неизвѣстно. Только про этого старца сначала говорили, что онъ—бѣглый ссыльно-каторжный и ходили слухи, что купцу Хромову стоило не мало денегъ, чтобъ оградить принятаго имъ къ себѣ старца отъ притѣсненій со стороны полицейскихъ и иныхъ властей.

Въ прежніе годы въ Сибири деньги были—всесильнымъ орудіемъ и помощію ихъ можно было заставить власть имущихъ смотрѣть на многое сквозь пальцы. Благодаря щедрости Хромова, — старца не тревожили.

Этотъ отшельникъ, какъ я уже говорилъ, былъ старикъ—высокаго роста, худощавый, съ правильными чертами лица и большой бородой; вообще, наружность имѣлъ величественную.

Замѣчательный даръ слова, которымъ онъ, по словамъ знавшихъ его, обладалъ, знаніе иностранныхъ языковъ и, въ то-же время, отшельническій образъ жизни, при стараніи въ разговорѣ избѣгать разсказовъ о себѣ, а порою—и намеки о своемъ высокомъ происхожденіи, которые онъ позволялъ себѣ въ присутствіи иныхъ изъ посѣщавшихъ его, — все дѣлало изъ него странную, загадочную личность, и люди малообразованные, какими являлись большинство посѣщавшихъ его, невольно поддавались обаянію его и дѣлались его усердными почитателями.

Говорятъ, что нѣкоторымъ изъ посѣщавшихъ его, которымъ онъ особенно довѣрялъ и которые пользовались его расположеніемъ, неизвѣстный старецъ, подъ строжайшею тайною — взявъ съ нихъ предварительно клятву въ молчаніи — сообщалъ, кто онъ. Только молва, существовавшая между сибиряками объ этомъ таинственномъ отшельникѣ, не признавала его за покойнаго императора Александра I, а самъ старецъ по намекамъ, дѣлаемымъ имъ, впрочемъ, очень немногимъ изъ его почитателей, давалъ понять, что онъ или императоръ Петръ III, или цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Простой народъ и даже многіе изъ купцовъ ходили и ѣздили на поклоненіе къ этому старцу, пользовавшемуся славой исцѣлителя болѣзней и слывшаго, за его, дѣйствительно, строго иноческій образъ жизни, за угоднаго Богу человѣка.

Про даръ провидѣнія, которымъ, будто - бы, обладалъ старецъ, ходили въ Томскѣ разсказы еще при жизни его. Такъ, разсказываютъ:

разъ зимою у отца Ѳеодора вышли на заимкѣ дрова. Онъ послалъ къ купцу Хромову (жившему въ самомъ Томскѣ) одного изъ рабочихъ, бывшихъ на заимкѣ, просить о присылкѣ ему дровъ (келія его составляла особый маленькій домикъ). Хромовъ сказалъ посланному старца, что дрова тотчасъ будутъ доставлены, и въ то-же время приказалъ одному изъ своихъ служащихъ наложить дровъ и отвезти старцу.

Тому служащему, которому дано было это порученіе, почему-то не хотѣлось ѣхать на заимку, и онъ, накладывая дрова на дровни, въ досадѣ нѣсколько разъ выругался, обозвавъ притомъ заочно и старца, къ которому, волей неволей, надо было везти дрова, неприличными словами.

Когда, затѣмъ, дрова были этимъ служащимъ доставлены старцу,— послѣдній сказалъ:

— Спасибо! но дровъ теперь мнѣ не нужно.

— Какъ не нужно! да вы-же сами просили прислать ихъ?—замѣтилъ привезшій дрова служитель.

— Отъ тебя дровъ не возьму!—отвѣчалъ старецъ.—Ты съ неохотой везъ ихъ мнѣ. Употреблялъ ругательства, когда накладывалъ дрова, да и меня при этомъ обругалъ ни за что, ни про что худыми словами.

И — старецъ передалъ изумленному служителю дословно все то, что онъ говорилъ въ Томскѣ передъ отъѣздомъ къ нему.

Сознавая свою вину, служитель палъ на колѣни и испросилъ у старца прощеніе.

Отецъ Ѳеодоръ—какъ передаютъ знавшіе его—отлично зналъ русскую исторію и въ разговорахъ (которыми онъ удостоивалъ, повторяю, очень немногихъ, избранныхъ и излюбленныхъ имъ, будучи съ большинствомъ посѣтителей немногословенъ, а иныхъ — и вовсе, подъ предлогомъ нездоровья, не принимая къ себѣ) онъ обнаруживалъ большое знаніе высшаго петербургскаго свѣта и закулисныхъ дворцовыхъ происшествій конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Онъ умеръ въ глубокой старости — болѣе ста лѣтъ отъ роду.

Передъ смертью — гласитъ легенда — онъ написалъ кому-то изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургъ письмо, которое, будто, было имъ вручено одному изъ его почитателей, съ тѣмъ, что, когда онъ умретъ, письмо-бы было доставлено по назначенію.

Старецъ никакъ не соглашался, не смотря на всѣ просьбы его почитателей, снять съ себя портретъ, но почитателямъ его удалось, какъ-то, перехитрить его: съ него снята была фотографическая

карточка. Мнѣ удалось получить съ нея копію. Отецъ Ѳеодоръ (называемъ его такъ, какъ всѣ звали при жизни) изображенъ на ней во весь ростъ—въ миніатюрѣ, стоящимъ въ своей кельѣ. Одѣтъ онъ (какъ и описываетъ кн. Голицынъ) въ длинную, спускающуюся ниже колѣнъ, рубашку русскаго покроя; подвязанъ поясомъ; одна рука покоится на груди, другая заткнута за поясъ. Въ кельѣ—незамѣтно никакой мебели, кромѣ небольшаго шкапчика, на которомъ поставлена икона Божіей Матери. Въ одномъ углу кельи виднѣется — распятіе. На ногахъ у старца башмаки, изъ подъ которыхъ виднѣются бѣлые носки.

Портретъ о. Ѳеодора прилагается къ настоящей книгѣ «Русской Старины».

Келія, которую занималъ этотъ загадочный старецъ, сохранилась до сихъ поръ (1881 г.).

Отецъ Ѳеодоръ похороненъ въ Томскѣ, въ оградѣ Алексѣевскаго монастыря. На его могилѣ—плита, на которой, говорятъ, существуетъ какая-то странная надпись, которую мнѣ разсмотрѣть не пришлось.

Когда лица, мало знакомыя съ отцемъ Ѳеодоромъ, обращались къ нему и спрашивали, кто онъ такой,—то онъ, обыкновенно, отвѣчалъ:

— Запамятовалъ, — давно уже это было!

Во всякомъ случаѣ, личность Ѳеодора замѣчательна, такъ какъ онъ является едва-ли ни послѣднимъ изъ самозванцевъ на Руси, выдававшихъ себя за лицъ царскаго рода.

В. Долгорукой.

Томскъ.
11-го февраля 1881 г.

Петръ Чаадаевъ.

1836 г.

Отъ находящагося въ Московской губерніи корпуса жандармовъ подполковника Бѣгичева. № 221. 13 ноября 1836 года. Москва. Донесеніе на предписаніе за № 85-мъ о связяхъ и знакомствѣ отставнаго ротмистра Петра Чаадаева.

Секретно.

Во исполненіе предписанія вашего превосходительства отъ 5 сего ноября за № 85 о дознаніи подъ рукою съ кѣмъ наиболѣе отставной ротмистръ Петръ Чаадаевъ имѣетъ связи и знакомства, и въ чемъ заключаются бесѣды его съ знакомыми?—честь имѣю донести вашему превосходительству, что по развѣданіямъ моимъ г. Чаадаевъ имѣетъ здѣсь весьма обширный кругъ знакомства, и какъ его посѣщаютъ многіе, равно онъ и самъ ѣздитъ къ разнымъ лицамъ;—но замѣчаютъ, что онъ ближе прочихъ знакомъ съ отставнымъ генералъ-маіоромъ Орловымъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, княгинею Мещерскою, сихъ послѣднихъ двухъ особъ имѣются у него портреты, изъ коихъ Тургенева съ надписью внизу: «безъ боязни обличаху», — находится въ числѣ взятыхъ у Чаадаева бумагъ его; съ отставнымъ генералъ-маіоромъ княземъ Гагаринымъ, и секретаремъ ученыхъ обществъ Масловымъ. Въ чемъ же заключаются бесѣды г. Чаадаева съ знакомыми, того достовѣрно никто не знаетъ, но по ученымъ его занятіямъ, полагать можно, что и разговоры съ означенными лицами относятся до предметовъ ученыхъ.

Подполковникъ Бѣгичевъ.

Начальнику 2 округа корпуса жандармовъ, господину генералъ-маіору и кавалеру Перфильеву.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ.

На страницѣ 642-й іюньской книги „Русск. Ст." изд. 1887 г. г. Янъ сообщаетъ нѣсколько данныхъ о Гавріилѣ Степановичѣ Батенковѣ — „Къ матеріаламъ для его біографіи", свѣдѣнія о которой мы находимъ у С. В. Максимова, въ III части его извѣстнаго сочиненія: „Сибирь и каторга" (примѣч. къ стр. 259, изд. 1871 г.), а также въ журналѣ „Русскій Архивъ" за 1881 г., гдѣ помѣщены: Записки Г. С. Батенкова „Данныя—повѣсть собственной жизни" (т. II, 2, стр. 251—276), съ указаніемъ преимущественно на дѣтскіе годы, и „Разсказы о Г. С. Батенковѣ", записанные въ семействѣ, связанномъ съ нимъ тѣсною, долголѣтнею дружбою (т. III, 2, стр. 436—441). Въ небольшую замѣтку г. Яна вкрались, сверхъ того, нѣкоторыя ошибки, которыя мы считаемъ долгомъ поправить, въ виду интереса личности Батенкова.

Прежде всего въ сообщеніи г. Яна замѣчаются ошибки въ правописаніи собственныхъ именъ. Такъ, рѣчка въ Томскѣ, черезъ которую Батенковъ соорудилъ мостъ, существующій еще понынѣ, превосходящій крѣпостью и устойчивостью другой, болѣе новый, мостъ, который неоднократно уже, кажется, подмывало во время весенняго половодья, и напоминающій старожиламъ-томичамъ о ихъ знаменитомъ землякѣ, Гавріилѣ Степановичѣ, рѣчка эта носитъ названіе не „Умайны", какъ пишетъ г. Янъ, а „Ушайки", какъ легко убѣдиться, взявъ любое описаніе г. Томска, хотя-бы изданіе Хоз. департ. министр. внутр. дѣлъ „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири" (Спб. 1882 г., стр. 161). Далѣе, извѣстный всей Западной Сибири владѣлецъ богатыхъ золотыхъ пріисковъ—есть Асташевъ, а не Осташевъ. Наконецъ, упоминаемаго г. Яномъ Лучшева авторъ „Разсказовъ о Батенковѣ", лицо, очевидно болѣе знакомое съ послѣднимъ, чѣмъ Ал. Степ. Поповъ, со словъ котораго г. Янъ записалъ свои матеріалы, называетъ Лутчевымъ.

Помимо этихъ ошибокъ въ замѣткѣ г. Яна, мы усматриваемъ слѣдующія неточности. Батенковъ не „остался въ Томскѣ инженеромъ" послѣ Сперанскаго и тогда выстроилъ мостъ, какъ можно понять изъ словъ г. Яна, а уѣхалъ въ Россію вмѣстѣ со Сперанскимъ, что можно заключить изъ „Разсказовъ", гдѣ исторія постройки моста сообщена довольно подробно.

Хотя Максимовъ [1]) также говоритъ, что отъ Батенкова, „явившагося въ Томскъ съ именемъ секретнаго, всѣ сторонились, и никто не хотѣлъ пускать его на квартиру", однако такой отзывъ врядъ-ли можно примѣнить къ И. Д. Асташеву, какъ дѣлаетъ г. Янъ, такъ какъ покойный Асташевъ, какъ мы слышали отъ лично знавшихъ его, отзывался о Батенковѣ всегда съ большимъ уваженіемъ. Объ „Альбиносѣ" мы находимъ подробныя указанія у Максимова; надо замѣтить также, что и въ Сибири (въ Тобольскѣ) первое время этотъ гостинщикъ показывался за деньги.

Прибавимъ еще и то обстоятельство, о которомъ мы не нашли указаній въ упомянутой выше литературѣ и о которомъ слышали отъ своихъ родственниковъ, проведшихъ долгое время въ Сибири, что проживая въ Томскѣ, послѣ возвращенія на родину изъ Петропавловской крѣпости, Гавріилъ Степановичъ весьма часто и охотно бывалъ и вращался въ семействѣ Кобылиныхъ, въ которомъ былъ дружески принятъ, какъ старый—еще во время службы въ Томскѣ—хорошій знакомый.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить желаніе, что было-бы весьма нелишнимъ и интереснымъ, если-бы кто-либо изъ старожиловъ сибиряковъ подѣлился съ публикой своими воспоминаніями или свѣдѣніями о жизни и личности Г. С. Батенкова.

К. М. С. В.

Примѣчаніе. Желаніе это будетъ со временемъ исполнено, такъ какъ въ распоряженіи редакціи „Русской Старины" имѣется множество интересныхъ матеріаловъ къ біографіи Г. С. Батенкова и въ особенности за время его пребыванія въ ссылкѣ, въ Сибири. Ред.

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что почтенный Сергѣй Васильевичъ, вѣроятно по ошибкѣ, въ двухъ мѣстахъ Батенкова величаетъ «Семеновичемъ», а не «Степановичемъ», какъ-бы слѣдовало. В.

Николай Михайловичъ Языковъ

1830 г.

Ея свѣтлости,

главноуправляющей отдѣленіемъ народнаго продовольствія по части чайныхъ обстоятельствъ,

отъ благодарныхъ членовъ Троицко-Сергіевской экспедиціи.

Въ тѣ дни, какъ путь богоугодной
Отъ мѣста, гдѣ теперь стоимъ,
Мы совершали пѣшеходно
Къ мѣстамъ и славнымъ и святымъ;
Въ тѣ дни, какъ сладостнаго мая
Любезно-свѣжая пора,
Тиха отъ утра до утра,
Сіяла намъ, благословляя
Нашъ подвигъ вѣры и добра,
И въ тѣ часы, какъ дождь холодной
Ненастье намъ предвозвѣстилъ,
И трудъ нашъ мило-пѣшеходной
Ѣздою тряской замѣнилъ;
Тамъ, гдѣ рука императрицы,
Которой имя въ родъ и родъ
Сей бѣлокаменной столицы
Какъ драгоцѣнность перейдетъ,
Своею властію державной
Соорудила православно
Живымъ струямъ водопроводъ;
Потомъ въ селѣ, на брегѣ Учи,
Тамъ, гдѣ въ досадномъ холодкѣ,
При входѣ въ избу на доскѣ,
Въ шинели, въ бѣломъ колпакѣ,
Лежалъ дрожащій и дремучій

Историкъ нашего пути,—
Его жестоко утомили
Часы хожденья и усилій,
И скучный страхъ впередъ идти;
Потомъ, въ избѣ деревни Талицъ,
Гдѣ идетъ хладъ со всѣхъ сторонъ,
Гдѣ въ ночь усталый постоялецъ
Дрожать и жаться принужденъ;
Потомъ въ мѣстахъ, гдѣ казни плаха
Смиряла пламенныхъ стрѣльцовъ,
Гдѣ не нашли-бъ мы и слѣдовъ
Ихъ достопамятнаго праха;
Тамъ, гдѣ полудня въ знойный часъ,
Унылъ и жаждущій подушки
На улицѣ одинъ изъ насъ
Лежалъ—подъ нимъ лежали стружки!
Потомъ, въ виду святыхъ воротъ,
Бойницъ, соборовъ, колоколень,
Тамъ, гдѣ не даромъ богомоленъ
Христолюбивый нашъ народъ;
Обратно, въ день дождя и скуки,
Когда мы съѣхалися въ домъ
Жены, которой бѣлы руки
Играли будущимъ царемъ,—
Всегда и всюду благосклонно
Вы чаемъ угощали насъ.
Вы прогоняли омракъ сонный
Отъ нашихъ думъ, отъ нашихъ глазъ.
Итакъ, да знаменье оставимъ
На память будущимъ вѣкамъ,
И свой великій долгъ исправимъ
Святой признательности къ вамъ.
Мы всѣ съ поклономъ вамъ подносимъ
И купно молимъ васъ и просимъ
Принять съ улыбкою нашъ даръ,
Лишь съ виду малый и убогій,
Какъ принимаютъ наши боги
Кадилъ благоговѣйный паръ.

Постельничій и походный виршеписецъ Н. Языковъ.

Изъ собранія автографовъ
В. Н. Поливанова (1885).

Москва, у Красныхъ воротъ.
Мая 11-го дня, 1830 года.

О сообщеніи матеріаловъ для изданія сочиненій Полежаева.

Въ ряду второстепенныхъ поэтовъ Пушкинской эпохи безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Полежаеву по силѣ его таланта, къ сожалѣнію, остановленнаго въ самомъ началѣ развитія крайне неблагопріятными для поэта обстоятельствами.

Благодаря именно этимъ же обстоятельствамъ, стихотворенія Полежаева въ свое время очень рѣдко появлялись на страницахъ тогдашнихъ журналовъ, а почти исключительно попадали, за ничтожный авторскій гонораръ, въ руки спекулянтовъ-издателей московскаго толкучаго рынка и печатались ими въ безобразнѣйшихъ сборникахъ съ затѣйливыми именами, чуть-ли не на оберточной бумагѣ, безъ всякаго порядка, и со множествомъ ошибокъ, опечатокъ и пропусковъ, къ которымъ тогдашняя цензура присоединяла еще значительную долю своихъ.

За исключеніемъ этихъ сборниковъ появилось и очень хорошее изданіе въ 1857 г., но, къ сожалѣнію, оно не представляетъ надлежащей полноты, заключая въ себѣ только избранныя стихотворенія.

Предположивъ нынѣ сдѣлать возможно полное и порядочное изданіе сочиненій Полежаева и подготовивъ его по имѣющимся у меня матеріаламъ, я сверхъ того обращался ко многимъ лицамъ, у которыхъ могъ предполагать рукописи поэта или матеріалы для его біографіи. Къ сожалѣнію, однако, я никакъ не могъ дознаться: гдѣ находятся теперь рукописи Полежаева, которыя другъ его, А. П. Лазовскій, уже давно умершій, сообщалъ въ свое время Кетчеру для изданія 1857 г. и которыми я тогда могъ воспользоваться только въ очень незначительной мѣрѣ.

Остановивъ поэтому печатаніе своего изданія до начала октября мѣсяца, обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ, владѣющимъ рукописями, принадлежащими А. П. Лазовскому, сообщить мнѣ ихъ на короткое время или прислать копіи, а также прошу и всѣхъ

лицъ, у которыхъ имѣются какія либо исправленія и дополненія къ стихотвореніямъ Полежаева или матерьялы для его біографіи, не оставить меня своими благосклонными сообщеніями, такъ какъ только при такомъ общемъ содѣйствіи и общей помощи можно надѣяться на возстановленіе и пополненіе текста и самой біографіи поэта, искаженныхъ прежними издателями и біографами.

Мой адресъ: Петру Александровичу Ефремову, въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ, № 25.

П. А. Ефремовъ.

Примѣчаніе. Исполняя желаніе П. А. Ефремова, съ удовольствіемъ перепечатываемъ приведенное выше заявленіе его, появившееся въ газетахъ.

Просимъ многочисленныхъ читателей „Русской Старины“ — не отказать въ сообщеніи почтенному нашему библіографу всего, что можетъ послужить для предпринятаго имъ изданія сочиненій Полежаева, каковое изданіе, безъ сомнѣнія, будетъ исполнено также обстоятельно и вполнѣ хорошо, какъ изданы подъ редакціею П. А. Ефремова собранія сочиненій многихъ русскихъ славныхъ писателей. Ред.

Портретъ Фигнера.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что портретъ партизана Фигнера, — приложенный къ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г., августъ, — исполненъ съ весьма рѣдкаго экземпляра, имѣющагося въ громадномъ и драгоцѣнномъ собраніи портретовъ русскихъ людей, принадлежащемъ Петру Александровичу Ефремову и постоянно имъ пополняемомъ. Другой экземпляръ того же портрета мы видѣли на стѣнѣ дворянскаго клуба въ г. Псковѣ, въ читальной комнатѣ, гдѣ онъ издавна виситъ какъ изображеніе знаменитаго псковича. М. С.

Солдатская пѣсня

1812 г.

Вы солдатушки—уланы,
Ваши лошади буланы;
Гдѣ вы были, побывали?
Мы подъ городомъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали.
Мы Москвою проѣзжали,
Во слободку заѣзжали.
Во слободкѣ одинъ дворикъ,
Одинъ дворикъ и тотъ вдовій.
Ко вдовѣ мы заѣзжали,
Ночевать у ней просились:
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевать насъ, постояти,
Насъ солдатушекъ немного:
Полтораста—все на коняхъ,
Полтретьяста—пѣшеходовъ.
Намъ вдовушка отвѣчала,
Ночевать насъ не пускала:
У меня дворикъ маленекъ,
Нова горенка тѣсненька.
Мы солдатушки смѣленьки:
Во дворъ силой ворвалися,
Во избушку взобралися
И посѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, по порядку.
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ, подъ окошкомъ;
А вдова стоитъ у печки,
Поджавши ручки къ сердечку.
Какъ большой гость слово молвитъ,
Слово молвитъ, рѣчь говоритъ:
Ты давно-ль, вдова, вдовѣешь?

А много ли сиротѣешь?
Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротѣю съ годомъ двадцать,
Подойди, вдова, по-ближе,
Поклонись гостямъ пониже,
И сними съ меня ты шляпу,
Шляпу мою пуховую,
Пуховую—полковую.
Что не въ ней-ли полотенце,
Не твое ли рукодѣлье?
Въ полотенцѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
То не нашъ ли обручальный?
Какъ пошла вдова по сѣнямъ,
Будитъ вдова милыхъ дѣтокъ:
Вы вставайте, милы дѣтки,
Что пріѣхалъ вашъ родитель,
Вашъ родитель, мой сожитель.
Не ходи, вдова, по сѣнямъ,
Не буди ты милыхъ дѣтокъ;
Мнѣ не вѣкъ здѣсь вѣковати,
Только ночку ночевати.

Эту пѣсню я часто слышала отъ своей няни въ 1840-хъ годахъ. Мы жили тогда во Владимірской губерніи. Отецъ моей няни былъ солдатъ.

Сообщ. Л. В. Киселева.

Москва.

Александра-Фленушка.

Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа П. И. Мельникова: „Въ лѣсахъ“.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, читая „Въ лѣсахъ“ Печерскаго (Мельникова), я совершенно случайно спросила бабушку мою (рожд. Жедринскую), почтенную старицу (въ настоящее время ей 88-й годъ), что такъ какъ она нижегородка, то слыхала-ли что-либо о тѣхъ скитахъ, которыя такъ прекрасно описаны г. Печерскимъ? И что-же оказывается, что бабушка моя не только что слышала, но даже знала м. Манеону (подлин. имя) и не разъ бывала въ гостяхъ у нея съ своимъ отцемъ, который раньше служилъ въ военной службѣ при государѣ императорѣ Павлѣ Петровичѣ, въ Петербургѣ, а потомъ былъ семеновскимъ предводителемъ дворянства.

Судьба Александры-Фленушки (имя Фленушка вымышленное) очень печальна.

Бабкѣ моей хотя и 88-й годъ, но она не утратила ни своей прекрасной памяти, ни своего честнаго и правдиваго ума.

Вотъ что она мнѣ разсказала о трагической смерти Александры. Послѣ Манеоы, Александра заступила ея мѣсто.

Разъ является къ ней Самоквасовъ (дѣйствующее лицо въ разсказѣ Печерскаго). Уходя отъ игуменьи, Самоквасовъ говоритъ ея послушницѣ: „матушка не приказала безпокоить ее!“

Проходитъ часъ — другой, наконецъ, послушница теряетъ терпѣніе, начинаетъ безпокоиться и идетъ къ сестрамъ сообщить имъ свою тревогу. Монахини идутъ къ игуменьѣ, подходятъ къ ея двери и видятъ, что дверь келіи снаружи заперта. Онѣ окликаютъ матушку, но отвѣта нѣтъ. Тогда, видя что-то неладное, отпираютъ дверь, и глазамъ ихъ представляется ужасная картина: несчастная Александра, привязанная косою къ самоварному крану совсѣмъ ошпаренная, была уже мертвая. Такъ какъ въ тѣ времена скиты (раскольническіе) сильно преслѣдовались, то за молчаніе, кому слѣдовало, раскольниками было преподнесено „рѣшето жемчуга“.

Сообщ. К. И. Коваленкова.

Сергіевскій Посадъ.

Замѣтки В. И. Даля на «Крестовый календарь».

1. Я бы назвалъ его принятымъ въ народѣ именемъ мѣсяцеслова.

2. Наборъ я бы постарался устроить покрупнѣе—хотя, конечно, убористая печать необходима.

3. Брюсовы пророчества, уличаемыя день за-день въ пустословіи, я бы выкинулъ; нашъ народъ не требуетъ этихъ предсказаній, необходимыхъ нѣмцамъ и полякамъ, а они вводятъ въ ошибки. Народныя же примѣты, изъ коихъ многія оказываются вѣрными, я бы старался съ году на годъ расширять, собирая ихъ со всѣхъ концовъ.

4. Если бы предполагалось увеличить объемъ календаря, то я бы ежегодно помѣщалъ дюжину краткихъ и ясныхъ бесѣдъ, проповѣдей, толкованій на изреченія евангельскія. Это крайне охотно читается, если писано не по семинарски.

5. Ежегодно могло бы быть прилагаемо и по статьѣ, разъясняющей какой либо общій, занимательный предметъ, наприм., о подлинныхъ отношеніяхъ къ намъ западныхъ губерній и самой Польши; о всѣхъ славянскихъ народахъ и нарѣчіяхъ или языкахъ ихъ; разъясненіе всей общности нынѣшняго земскаго управленія, которое, при единодушномъ, дружномъ направленіи всѣхъ сословій, даетъ имъ власть и средства устроить бытъ свой; жизнь людей, вышедшихъ своими силами, на нашихъ глазахъ, въ высшіе дѣятели, какъ Скобелевъ, Евдокимовъ и проч. Подобныя статьи и ежегодное ожиданіе новыхъ, хорошо и по-русски написанныхъ, сильно увеличило бы спросъ на календарь, и ввело бы его въ обиходъ.

6. Можно бы прибавить и противъ дней и недѣль всѣ народныя ихъ названія, даже народныя названія мѣсяцевъ, кои есть, отчасти, въ календарѣ моихъ пословицъ.

Для всѣхъ прибавокъ этихъ, кажется, пришлось бы отдать подъ каждый мѣсяцъ по страницѣ.

Врачебная помощь.

Въ холерѣ лучшая охрана сѣра, наружно: толченую сѣру или сѣрный цвѣтъ носить всегда при себѣ, насыпая щепотьми въ обувь. Нашатырь же не помогаетъ, а вредитъ.

«Вливай въ ротъ (утопленника) по нѣскольку капель нашатырнаго спирта»—я бы выпустилъ: въ суматохѣ зальютъ и задушатъ этимъ обмершаго.

Совѣтъ обратиться къ доктору, для спасенія замерзшаго, не давая притомъ никакого совѣта для помощи, бѣдноватъ; какъ же не велѣть растирать его снѣгомъ, въ нежаркой избѣ, на полу, гдѣ довольно холодно. Тутъ ждать доктора некогда.

Закапывая или засыпая землею пораженнаго молніею (способъ хорошій, мною испытанный), надо быть весьма осторожнымъ, чтобы не задавить его землей—никакъ нельзя насыпать на него земли болѣе вершка. Копать могилы не нужно, а на мѣстѣ подсыпать ему земли въ головы и легонько обвалить все тѣло землею или грязью.

«Угорѣвшаго вынести на свѣжій воздухъ»—и въ 30 градусовъ морозу?

При ушибѣ свинцовая вода никуда не годится; бодяга хороша, но надо остерегаться, она всю кожу сдеретъ. А главное и самое превосходное средство не названо: прикладывать весьма жидкій настой арники, или аптечнаго настою по чайной ложкѣ на стаканъ холодной воды. Противъ этого средства нѣтъ другаго, равнаго ему.

Объ ознобахъ, столь частыхъ, не сказано ни слова. На это есть всякому сподручное средство, если имъ во время запасешься: настой водки на жгучей крапивѣ; его надо прикладывать, поколѣ ознобъ не загноится, тогда полно. Разумѣется и ознобу надо сперва дать отойти исподволь, растирая снѣгомъ, но не на морозѣ, а въ теплѣ.

Кровь носомъ: лягъ навзничь, а руки закинь выше головы.

Вообще, во всѣхъ кровотеченіяхъ нѣтъ ничего лучше хорошаго знахаря, въ зубной боли также; но какъ говорить въ просвѣщенный XIX вѣкъ о заговорахъ!! Мы такъ умны стали, что и въ Бога не вѣруемъ, не только въ заговоры. А знахарь, и самъ того не вѣдая, дѣйствуетъ таинственно для насъ силою природы, которой ученые наши сочли необходимымъ дать и самое ученое названіе магнетизма, хотя оно также ничего не объясняетъ. Но это въ календарь не идетъ.

При ожогѣ, но только въ самомъ началѣ, крапивный настой изъ лучшихъ средствъ, а затѣмъ хлопчатка, или посыпка мукой, которая спекается коркой и покоитъ больное мѣсто.

Въ сибирской язвѣ надо вытравить, чѣмъ бы то ни было, самую болячку. Росной ладонъ плохое снадобье; разрѣжь болячку накрестъ и прикладывай: нашатырь съ табакомъ, уксусъ съ солью, или немного толченаго купоросу, или полщепоти негашеной извести и проч.

Надо сильно остерегать крестьянъ отъ вошедшаго въ обычай леченія сулемой въ водкѣ и окуркой киноварью. Цѣлыя деревни страдаютъ этой отравой. Ртуть, во всякомъ видѣ, ядъ; врачи отравляютъ ею день за день людей, не видя, что они дѣлаютъ, потому что помѣшаны на кичливой раціональности, а въ рукахъ не врача ртутныя снадобья—адское, предательское средство, на гибель цѣлымъ поколѣніямъ.

В. И. Даль.

Сообщ. А. А. Гатцукъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДОБРОЛЮБОВЪ.

Посланіе къ С. П. Галахову.

Примѣры заразительны [1])
Твердятъ намъ все не впрокъ,
И вашъ превосходительный
Примѣръ меня увлекъ.
Стихами безтолковыми
Хочу вамъ описать
Какъ трудностями новыми
Судьба меня опять
Преслѣдуетъ несчастнаго,
На цѣлые два дня
Сообщества прекраснаго
Лишая вновь меня.
Терплю я испытаніе
Въ лицѣ моихъ друзей...
Но вотъ вамъ описаніе
Исторіи моей.
Въ числѣ моихъ пріятелей
Полякъ одинъ здѣсь былъ,
Чуть въ секту зажигателей
Онъ не записанъ былъ,
За то, что злыхъ зарядами
Билъ глупыхъ на повалъ,
И прямо казнокрадами
. . . . . ругалъ;
За то, что справедливости
И честности хотѣлъ,
Шелъ противъ всякой мерзости,
Безчестья не терпѣлъ.
Онъ нашъ педагогическій
Оставилъ институтъ,
За то, что нашъ классическій
Директоръ слишкомъ крутъ,

---

[1]) За нѣсколько дней до этого посланія мы въ шутку играли въ риѳмы.
Г.

Моритъ насъ тяжкимъ голодомъ,
Что рубища намъ шьетъ
И будто-бъ тяжкимъ молотомъ
Намъ голову куетъ.
. . . . . .
. . . . . .
Но на смѣхъ душамъ пламеннымъ
На Невскомъ иль въ Морской,
На Выборгской, на Каменномъ,
Все тотъ же родъ людской.
. . . . . учрежденіямъ
Кому-жъ у насъ служить
Когда не упражненіемъ
Начальникамъ служить
Въ домашней экономіи.
Такъ нашъ и П—нъ,
На зло всей гастрономіи,
Набилъ себѣ карманъ
И вывелъ изъ терпѣнія
Голодныхъ лекарей,
И вотъ, въ ожесточеніи
Противъ судьбы своей,
Отправили Поржницкаго
Къ N. N. они опять,
Чтобы . . . . . низкаго
Грѣшки изобличать.
И вотъ они представились
Передъ лицо N. N.,
Черезъ мѣсяцъ же отправились
Они всѣ въ фельдшера.
Ихъ чудная исторія
Извѣстна вѣрно вамъ.
И вамъ, крушась отъ горя, я
Ее не передамъ.
Изъ всей ихъ аттестаціи
Могу сказать одно,
. . . . . .
Прощеніе имъ дано,
. . . . . .
А чтобъ отъ нихъ избавиться
Онъ далъ имъ свой декретъ,

Чтобы въ Казань отправиться
Имъ въ университетъ.
На дняхъ же собираются
Друзья мои туда,
Быть можетъ распрощаемся
Мы съ ними навсегда.
Разлуку чтобъ печальную
Немного усладить,
Мы предъ дорогой дальнею
Рѣшились вмѣстѣ быть,
И даже я ужасную
Имъ жертву приношу,
Когда сію несчастную
Галиматью пишу!
Но что же дѣлать — дружество
Царитъ въ душѣ моей,
Во мнѣ не станетъ мужества
Бѣжать моихъ друзей,
Хотя-бъ и веселѣе васъ
Было увидать.....
Варварѣ Алексѣевнѣ
Прошу васъ передать
Глубокое почтеніе.
Супругѣ вашей то-жъ.
У нихъ ужъ и прощенія
Боюсь просить я,—дрожь
Проймetъ меня отъ мысли взбалмочной,
Что я ихъ обманулъ
И вмѣсто Шестилавочной
Вдругъ къ Выборгской махнулъ.
На ваше покровительство
Надѣюсь только я —
Гнѣвъ ихъ превосходительства
Смягчите для меня.
И въ счастьи, и въ несчастіи
Вамъ преданный душой,
Я быть имѣю счастіе
Покорнѣйшимъ слугой —

Н. А. Добролюбовъ.

Сообщ. А. Галаховъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ КРЕСТЬЯНИНА-ПОЭТА

С. Д. ДРОЖЖИНА [1]).

1.

Я цвѣла и красовалася
Словно ландышъ полевой,
И отъ молодцевъ скрывалась
Подъ шелковою фатой.
У меня-ли брови черные,
Съ поволокою глаза,
У меня-ли груди полные,
И широкая коса...
Подошла пора, приспѣлося
Время дѣвицѣ любить,
И безъ друга не хотѣлося
Мнѣ одной на свѣтѣ жить.
Его рѣчи полюбовныя
Вдругъ запали въ мою грудь,
И порою въ ночи темныя
Не давали мнѣ заснуть.
За весной весна смѣнялася,
Вяла травушка въ поляхъ,
Скоро съ милымъ я разсталася,
Молодёшенька въ слезахъ.
Обѣщался мой дѣтинушка
Воротиться по веснѣ,
Да загинулъ какъ былинушка
Въ чужой дальней сторонѣ.
Безъ него-ли осѣкается
Моя русая коса,
Брови червыя стираются,
Вянетъ дѣвичья краса.
Безъ него-ли въ ночь глубокую,
Что гробовая доска
Давитъ сердце одинокое
Безотрадная тоска.

---

[1]) См. автобіографію и стихотворенія крестьянина Спиридона Дмитріевича Дрожжина въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 503—522; т. XLIV, стр. 93—122; 307—334; изд. 1885 г., т. XLV, стр. 478—480; изд. 1887 г., т. LV, стр. 148—154.

2.

По каменьямъ течетъ рѣченька,
Течетъ рѣченька бурливая,
Раскипѣлося по дѣвицѣ
Въ груди молодца ретивое.
„Если ты на свѣтъ родилася
Ужъ такая распригожая,
На цвѣточекъ на лазоревый
Средь муравушки похожая.
Не круши меня, зазнобушка,
Красотою ненаглядною,
Выйди къ молодцу удалому
На свиданье въ ночь туманную;
Словомъ ласковымъ, привѣтливымъ
Разгони тоску, разлапушка!!“
— „Рада-бъ выдти, да про дѣвицу
Пробѣжитъ худая славушка“.
„Ты отъ матушки украдучись
Не селомъ иди,—сторонкою,
По заулку, огородами,
Черезъ поле да задворкою!“
— „Стороной пойду я дѣвица,
Злые люди догадаются,
По заулку, огородами—
Псы зубастые разлаются.
Если любишь, добрый молодецъ,
Посылай ты сваху къ батюшкѣ,
Мы ему тогда поклонимся
И возьмемъ согласье матушки“.

3.

Пролетѣло
Лѣто красное,
Охладѣло
Солнце ясное.
Разгулялись
Вѣтры буйные,
Разыгрались
Вьюги шумныя...
У меня-ли,
Разудалаго,
Полиняли
Щеки алыя,

Помутились
Очи темныя,
Распустились
Кудри черные.
Грудь безъ друга
Встосковалася,
Горе-вьюга
Разыгралася,—
Постлала
Постель холодную,
Занесла
Дорожку торную,
Запушила
Всю мятелицей,
Разлучила
Съ красной-дѣвицей.

С. Д. Дрожжинъ.

Деревня Низовка.

По поводу одного изъ стихотвореній К. Р.

1885 г.

Въ уважаемой «Русской Старинѣ» за августъ мѣсяцъ, 1887 года, томъ LV, стр. 467—473, помѣщена статья, посвященная молодому весьма талантливому поэту К. К. Р. Она мнѣ напомнила одно обстоятельство, которое и излагаю, какъ-бы въ дополненіе къ этой статьѣ.

Въ іюнѣ 1887 года послѣдовало приказаніе по петербургскому военному округу и по войскамъ гвардіи объ устройствѣ отдѣльныхъ кладбищъ для войскъ петербургскаго округа. Для обсужденія этого вопроса составлена была коммиссія, которая и объяснила причины, вызывающія необходимость отдѣльныхъ кладбищъ, между прочими, слѣдующими доводами:

«При прощаніи со своимъ, павшимъ на полѣ битвы, товарищемъ, у живаго солдата заболитъ по немъ сердце, но тою святою болью, гдѣ нѣтъ мѣста грѣшному упреку.

«Не то представляетъ для него видъ до нельзя упрощенныхъ и пренебрежительныхъ солдатскихъ похоронъ въ мирное время, когда онѣ, безъ всякой уже уважительной причины, мало даже напоминаютъ собою христіанскій обрядъ. Зачастую только приказъ по полку о нарядѣ команды на похороны и объ исключеніи изъ списковъ преждевременно умершаго оставляетъ впослѣдствіи кой какой слѣдъ и то въ полковомъ архивѣ; но и приказъ напоминаетъ лишь то, что такой-то служилъ, а когда умеръ, то исключенъ изъ списка, а гдѣ похороненъ умершій, того нельзя найти и въ полковомъ архивѣ.

«Церковный обрядъ отпѣванія рѣдко совершается въ церкви и обыкновенно безъ присутствія товарищей покойнаго.

«Вся вышесказанная здѣсь горькая несправедливость къ умершимъ солдатамъ, самымъ честнымъ слугамъ государя и отечества, всегда больно отзывается и въ душѣ оставшихся въ живыхъ ихъ товарищей».

Когда я прочиталъ эти строки, онѣ отозвались чѣмъ-то знакомымъ, память указала мнѣ на стихи К. Р., озаглавленные «Умеръ», о которыхъ упоминается въ «Русской Старинѣ». Вотъ это прекрасное стихотвореніе:

Умеръ.

Умеръ, бѣдняга! Въ больницѣ военной
Долго, родимый, лежалъ;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкій недугъ доканалъ...
Рано его отъ семьи оторвали:
Горько заплакала мать,—
Всю глубину материнской печали
Трудно перомъ описать!
Съ невыразимой тоскою во взорѣ
Мужа жена обняла;
Полную чашу великаго горя
Рано она испила.
И протянулъ къ нему съ плачемъ ручонки,
Мальчикъ-малютка грудной...
... Изъ виду скрылись родныя избенки,
Край онъ покинулъ родной.
Въ гвардію былъ онъ назначенъ, въ пѣхоту,
Въ полкъ нашъ по долгомъ пути;
Сдали его въ Государеву роту
Царскую службу нести.
Съ виду пригожій онъ былъ новобранецъ,
Стройный и рослый такой,
Кровь съ молокомъ, во всю щеку румянецъ,
Бойкій, смышленый, живой;
Съ еле замѣтнымъ пушкомъ надъ губами,
Съ честнымъ открытымъ лицомъ,
Волосомъ русъ, съ голубыми глазами,
Ну—молодецъ молодцомъ.
Былъ у ефрейтора онъ на порукѣ,—
Къ участи новой привыкъ,
Приноровился къ военной наукѣ,—
Смѣтливый былъ ученикъ.
Старымъ его ужъ считали солдатомъ,
Сталъ онъ любимцемъ полка;

Въ этомъ измайловцѣ щеголеватомъ
Кто бы узналъ мужика!
Онъ безупречно во всякомъ нарядѣ
Службу свою отбывалъ,
А по стрѣльбѣ скоро въ первомъ разрядѣ
Ротный его записалъ.
Мы-бы въ учебной командѣ зимою
Стали его обучать,
И подготовленный онъ-бы весною
Въ роту вернулся опять;
Славнымъ со временемъ былъ-бы онъ взводнымъ....
Но не сбылись тѣ мечты!
.... Кончились лагери; вѣтромъ холоднымъ
Желтые сдуло листы,
Сѣрый спустился туманъ на столицу,
Льются дожди безъ конца...
— Въ осень ненастную сдали въ больницу
Нашего мы молодца.
Таялъ онъ, словно свѣча, по немногу
Въ нашемъ суровомъ краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдалъ онъ душу свою.
Умеръ вдали отъ роднаго селенья,
Умеръ въ разлукѣ съ семьей,
Безъ материнскаго благословенья
Этотъ солдатъ молодой.
Ласковой, нѣжной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полкъ о кончинѣ его извѣстили,—
Хлопоты съ мертвымъ пошли:
Въ старый одѣли мундиръ, положили
Въ гробъ и въ часовню снесли.
Къ выносу тѣла къ военной больницѣ
Взводъ былъ отъ насъ наряженъ...
По небу тучи неслись вереницей
Въ утро его похоронъ;
Выла и плакала снѣжная вьюга
Съ жалобнымъ воплемъ такимъ,
Плача объ участи нашего друга,
Словно рыдая надъ нимъ!
Вынесли гробъ; привязали на дроги,
И по худой мостовой

Старая кляча знакомой дорогой
Ихъ потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтобъ до угла проводить:—
Взводу до перваго лишь поворота
Надо за гробомъ слѣдить.
Дрогамъ во слѣдъ мы глядѣли, глядѣли
Долго съ печалью нѣмой...
Перекрестилися, шапки надѣли
И воротились домой...
Люди чужіе солдата зароютъ
Въ мерзлой землѣ глубокò
За̀ городомъ, тамъ, гдѣ вѣтеръ лишь воетъ,
Гдѣ-то въ глуши, далеко.
Спи-же, товарищъ ты нашъ, одиноко,
Спи-же, покойся себѣ
Въ этой могилкѣ сырой и глубокой,
Вѣчная память тебѣ!

Такъ вотъ въ чемъ вся суть: стихотвореніе молодаго поэта, сильное любовью и состраданіемъ, въ данномъ случаѣ пробудило сердца, которыя какъ будто только ждали призыва для совершенія добраго дѣла.

Дѣйствовать съ такою мощію на добрыя чувства людей есть призваніе истиннаго поэта.

Да сохранитъ-же Господь и возститъ эту силу въ душѣ К. К. Р. на благо человѣчества!

Солдатъ.

„Словарь къ Новому Завѣту".

Составилъ Петръ Андреевичъ Гильтебрандтъ.

Въ настоящей книгѣ «Русской Старины», въ отдѣлѣ объявленій, читатели, конечно, замѣтятъ объявленіе о «Справочномъ и Объяснительномъ Словарѣ къ Новому Завѣту», составленномъ членомъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, П. А. Гильтебрандтомъ, нынѣ ученымъ справщикомъ при святѣйшемъ синодѣ. Отлагая до удобнаго случая подробный отчетъ объ этомъ поистинѣ монументальномъ трудѣ, мы пока скажемъ нѣсколько словъ и лишь для того (не скрываемъ), чтобы поставить въ извѣстность нашихъ почтенныхъ подписчиковъ и читателей объ этомъ «Словарѣ» и возбудить къ нему то сочувствіе, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ.

Трудъ г. Гильтебрандта есть трудъ единоличный, совершенный имъ однимъ. Тамъ, гдѣ требовалась бы цѣлая академія, цѣлое учрежденіе,—его замѣнила, и съ успѣхомъ, энергія одного лица. Это — только по части составленія и редижированія. Но надо было издать— это совсѣмъ уже особое дѣло для человѣка, обладающаго лишь хлѣбомъ насущнымъ, но не капиталомъ. Г. Гильтебрандтъ совершилъ и это. Словарь его весь оконченъ—и весь сполна изданъ.

Изъ массы отзывовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ, видно, что «Словарь къ Новому Завѣту» встрѣченъ чрезвычайно сочувственно.

Государь Императоръ и многіе изъ членовъ августѣйшей фамиліи подписались на это изданіе. Св. синодъ и оберъ-прокуроръ рекомендовали это изданіе епархіальнымъ преосвященнымъ.

У г. Гильтебрандта собрано много благодарственныхъ отзывовъ отъ подписчиковъ на «Словарь». Мы ихъ видѣли и читали. Нѣкоторыми изъ нихъ почтенный сочленъ нашъ по археографической коммиссіи подѣлился съ нами. Вотъ, напримѣръ, два изъ нихъ, принадлежащіе къ разнымъ полюсамъ: отзывъ академика и отзывъ фабричнаго рабочаго.

Многоуважаемый Яковъ Карловичъ Гротъ, предсѣдательствующій во второмъ отдѣленіи императорской академіи наукъ, пишетъ къ П. А. Гильтебрандту, отъ 18-го февраля 1886 года, слѣдующее:

— «Получивъ шестую и послѣднюю книгу вашего «Словаря къ Новому Завѣту», чувствую сердечную потребность поздравить васъ съ окончаніемъ этого монументальнаго труда и вмѣстѣ принести вамъ глубокую мою благодарность за драгоцѣнный даръ. Вчера я провелъ цѣлый вечеръ въ просматриваніи разныхъ частей его и не могъ не удивляться совершенству исполненія плана, который вы себѣ составили. Это истинный подвигъ на пользу многихъ поколѣній и отрадный памятникъ нашего времени, доказывающій, что и среди суеты настоящаго есть еще люди, хранящіе священный огонь любви къ высокимъ духовнымъ дѣламъ и способные вдохновляться ею на трудъ долгій и тяжелый. А вашъ трудъ тѣмъ замѣчательнѣе, что вы совершили его въ сравнительно короткій срокъ».

Затѣмъ, въ октябрѣ 1886 года, составитель Словаря получилъ отъ фабрично-рабочаго ярославской большой мануфактуры, Ивана Ѳедоровича Рожкина, вмѣстѣ съ просьбою выслать экз. словаря, письмо, изъ котораго приводимъ слѣдующую выдержку: «Ваше изданіе, какъ руководство, необходимо для справокъ и поясненій господамъ ученымъ, но еще болѣе оно нужно и полезно простымъ людямъ, любящимъ Слово Божіе и желающимъ уразумѣть смыслъ и силу св. Писанія... Искренно, отъ души, сердечно благодарю васъ и желаю вамъ отъ Бога, да посѣянное вами на нивѣ Божіей принесетъ и плоды, достойные славы Божіей, чрезъ что да снидетъ на васъ и трудъ вашъ отъ Господа Бога благословеніе небесное, и да поможетъ вамъ и на прочее время такъ же трудиться для славы Бога и пользы ближняго».

Эти простыя слова простаго человѣка вполнѣ подтверждаютъ данную имп. обществомъ любителей древней письменности аттестацію Словарю г. Гильтебрандта, а именно: Общество признало этотъ Словарь—«необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія церковнославянскаго текста Новаго Завѣта, настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго христіанина».

Вотъ на эту-то «настольную книгу», на этотъ отличный трудъ единаго изъ ученыхъ тружениковъ нашихъ, мы и сочли своимъ долгомъ обратить вниманіе нашихъ подписчиковъ и многочисленныхъ читателей «Русской Старины».

Ред.

L.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

САВВАИТОВЪ

1-го сентября.

Юбилей его ученой дѣятельности.

1837—1887.

I.

1-го сентября 1887 года скромно, но весьма задушевно отпразднованъ юбилей полувѣковаго служенія отечественной наукѣ, — богословію, исторіи, археологіи и этнографіи,—достоуважаемаго Павла Ивановича Савваитова.

Прежде другихъ явились съ привѣтомъ къ юбиляру его сочлены по археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія: академикъ А. А. Куникъ, А. И. Тимоѳеевъ, М. И. Семевскій, П. А. Гильтебрандтъ и помощникъ директора императорской публичной библіотеки, онъ-же членъ и правитель дѣлъ археографической коммиссіи, Л. Н. Майковъ, прочитавшій слѣдующій адресъ коммисіи:

Адресъ юбиляру отъ его сочленовъ по археографической коммиссіи.

«Высокоуважаемый Павелъ Ивановичъ. Сегодня исполняется полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ вы вступили на поприще государственной службы по духовно-учебному вѣдомству: начало этой службы было для васъ и началомъ ученой дѣятельности, которую вы съ тѣхъ поръ продолжаете безпрерывно, плодотворно и съ тѣмъ же рвеніемъ, какое одушевляло васъ въ молодые годы.

«Уроженецъ города Вологды, питомецъ вологодской семинаріи, затѣмъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и магистръ с.-петербургской духовной академіи, вы умѣли самыя раннія педагогическія занятія ваши соединить съ трудами чисто учеными, сперва наблюдая и изслѣдуя народный бытъ и народное слово въ родномъ вамъ краѣ, а затѣмъ постепенно расширяя кругъ вашихъ изученій въ области богословскихъ наукъ, церковной исторіи, отечественныхъ древностей и письменности. Остроумными розысканіями вашими впервые разъяснены наукѣ самобытный строй, составъ и взаимное отношеніе нарѣчій зырянскаго языка, употребляемаго значительною частью населенія

Вологодской губерніи; замѣчательнѣйшіе древніе монастыри этого края нашли себѣ въ лицѣ вашемъ обстоятельнаго историка. Затѣмъ, въ неоднократныя поѣздки ваши по разнымъ мѣстностямъ Россіи и и усердными занятіями въ архивахъ и рукописныхъ собраніяхъ вы подготовили обширные матеріалы для новыхъ ученыхъ работъ. Многочисленныя сообщенія по части отечественной исторіи, археологіи и этнографіи, доставленныя вами въ общества археологическое, географическое, любителей древней письменности и другія, а также во многіе духовные и ученые журналы, отличаются какъ богатымъ интересомъ содержанія, такъ и строгою тщательностью ученой обработки. Замѣчательные труды ваши неоднократно были увѣнчиваемы почетными наградами и доставили вамъ званіе члена во многихъ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ, между прочимъ званіе члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ вашихъ по обилію содержащихся въ немъ свѣдѣній и по тщательности и разнообразію объясненій: «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора» — составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ науку русской археологіи и служитъ настольною справочною книгою для всѣхъ, кто занимается нашею бытовою стариною московскаго періода.

«Археографическая коммиссія съ 1858 года считаетъ васъ въ составѣ своихъ членовъ. Цѣлый рядъ ея изданій, исполненныхъ при вашемъ ближайшемъ участіи, служитъ живымъ и наглядымъ свидѣтельствомъ тому, съ какимъ усердіемъ вы посвящали свои труды и обширныя познанія на пользу коммиссіи. Подъ вашимъ наблюденіемъ положено начало изданію Великихъ Миней-Четіихъ, собранныхъ митрополитомъ Макаріемъ, и новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Вы завѣдывали изданіемъ двухъ выпусковъ Лѣтописи занятій коммиссіи и въ каждомъ изъ нихъ помѣстили любопытные, вами отысканные, историческіе документы. Вашими стараніями впервые напечатанъ и превосходно объясненъ драгоцѣнный памятникъ русской письменности XIII вѣка—Хожденіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ. Наконецъ, подъ вашимъ надзоромъ воспроизведенъ свѣтопечатью харатейный списокъ новгородской лѣтописи, и многолѣтними трудами вашими приготовленъ къ изданію старѣйшій изъ памятниковъ новгородскаго лѣтописанія, печатаніе котораго нынѣ близится къ концу.

«Столь многочисленные и разнообразные труды ваши, ясно свидѣтельствующіе какъ о рѣдкихъ дарованіяхъ и объ основательныхъ и разносторонніхъ познаніяхъ вашихъ, такъ и о безкорыстной любви вашей къ наукѣ, давно пріобрѣли вамъ вполнѣ заслуженную почетную

извѣстность въ ученомъ мірѣ. Археографическая коммиссія, съ дѣятельностью которой работы ваши имѣютъ столь тѣсную связь, не можетъ не относиться къ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ и съ искреннею признательностью. Благоволите, высокоуважаемый Павелъ Ивановичъ, принять въ нынѣшній памятный день живѣйшее выраженіе того глубокаго уваженія, которое питаетъ къ вамъ коммиссія. Да продлятся еще надолго дни и труды ваши на пользу и славу всѣмъ намъ дорогой отечественной науки».

Подлинный подписанъ членами археографической коммиссіи.

Вслѣдъ за симъ явился археологъ П. Н. Петровъ, авторъ „Исторіи города С.-Петербурга“, сказавшій привѣтъ, въ которомъ выставилъ на видъ дѣйствительно замѣчательную черту въ добродушномъ и ровномъ характерѣ юбиляра, его снисходительность къ чужому мнѣнію и терпимость, готовность слушать собрата по наукѣ и бесѣдовать съ нимъ до самаго поздняго часа ночи. И дѣйствительно, Павелъ Ивановичъ является едва-ли ни послѣднимъ изъ могикановъ ученаго добродушія и радушія, независтливымъ и „независтнымъ“, т. е. нескупымъ, неоскуднымъ, обильнымъ источникомъ знанія, изъ котораго черпать можетъ всякій нелѣнивый.

Вскорѣ явился профессоръ В. И. Ламанскій, предсѣдательствующій въ отдѣленіи этнографіи географическаго общества, вмѣстѣ съ секретаремъ отдѣленія Ѳ. М. Истоминымъ. Какъ извѣстно, Павелъ Ивановичъ весьма много потрудился для императорскаго географическаго общества.

Министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ лично и с.-петербургская духовная академія, почетнымъ членомъ которой состоитъ съ февраля 1884 г. Павелъ Ивановичъ, чрезъ своего ректора, епископа Антонія, поздравили юбиляра.

С.-Петербургская духовная семинарія и ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія привѣтствовали въ особыхъ адресахъ П. И. Савваитова чрезъ депутаціи.

Семинарія почтила своего профессора, который изъ полувѣковой своей ученой, учебной и административной дѣятельности двадцать пять лѣтъ съ честью и талантомъ занималъ въ этой семинаріи каѳедру, преподавая: святое писаніе, герменевтику,

патристику, чтенія отцовъ церкви по гречески, православное исповѣданіе, ученіе о расколѣ, и былъ въ ней библіотекаремъ.

Ученый комитетъ мин. народн. просвѣщ. въ сердечно-дружескихъ выраженіяхъ привѣтствовалъ своего сочлена правителя дѣлъ; „нелегкую обязанность“ эту Павелъ Ивановичъ, по словамъ привѣтственнаго адреса комитета, несетъ уже многіе годысъ неослабнымъ вниманіемъ. „Ваша всегдашняя готовность быть полезнымъ, ваше благодушіе и прямота останутся навсегда памятными товарищамъ вашимъ“.

Отъ императорскаго общества любителей древней письменности предсѣдательствующій въ немъ тайный совѣтникъ Д. Ѳ. Кобеко, экзархъ Грузіи Павелъ, профессоръ В. И. Ламанскій—отъ географическаго общества, депутаціи отъ филологическаго общества и отъ археологическаго института также привѣтствовали юбиляра.

Получено было нѣсколько писемъ отъ бывшихъ воспитанниковъ Павла Ивановича, его сослуживцевъ, сочленовъ по ученымъ обществамъ, знакомыхъ и почитателей. Такъ, между прочими, прочитаны въ день юбилея письма: извѣстнаго археолога ген.-лейтен. А. И. Савельева, професс. Д. А. Корсакова, тайн. сов. Н. А. Ратынскаго, Л. Леве, священника Жудра изъ Гомеля, свящ. Дроздова изъ г. Устюга — который привѣтствовалъ въ юбилярѣ „добрую, безупречную жизнь для всѣхъ доброжелательнаго труженика науки“; гг. Гречулевича, дѣйств. ст. сов. Дроздова, Ив. Камчатова, А. Пановой и друг.

До тридцати телеграммъ было прислано уважаемому юбиляру съ разныхъ концовъ Россіи отъ Варшавы до Чекмента въ Средней Азіи, Тегерана въ Персіи и Біарица во Франціи. Вотъ лица, приславшія привѣтствія по телеграфу:

Изъ Москвы: намѣстникъ Троицко-Сергіевой лавры архим. Леонидъ; предсѣдатель имп. московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ И. Е. Забѣлинъ, который сердечно привѣтствовалъ отъ общества день полувѣковаго юбилея „многоплодной, многополезной дѣятельности П. И. Савваитова“.

Предсѣдатель императорскаго общества любителей древней письменности гр. С. Д. Шереметевъ, члены археографической коммиссіи и другихъ ученыхъ обществъ Н. П. и А. П. Бар-

суковы и Г. Ѳ. Карповъ; директоръ I-го московск. корпуса А. Хаминъ.

Изъ окрестностей Спб.: Гавриловъ, И. П. Корниловъ, И. И. Ростовцевъ, г. Белярминовъ.

Особенно сердечны были привѣты отъ земляковъ Павла Ивановича—вологжанъ: Кириковъ, ректоръ вологодской семинаріи о. Лосевъ, Ширяевъ, настоятель Спасо-Прилуцкаго монастыря о. Ѳеодосій, Суворовъ.

Изъ Петрозаводска—Елинскіе; оттуда-же епископъ Павелъ. Изъ Орла: Лебединскіе; изъ Минска: Поликарповичъ; изъ Новгородской губ.: профессоръ Н. И. Барсовъ, Шелашниковъ; изъ Ярославля: городской голова Ив. Соболевъ; изъ Чекмента: священникъ А. Тихомировъ; изъ Тегерана: Левитскій; изъ Лондона: Мордовинъ; изъ Вятки: архіепископъ Макарій; изъ Варшавы: архіепископъ Леонтій; изъ Казани: архіепископъ Палладій; изъ Biarritz: товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. М. С. Волконскій.

Вообще все празднованіе годовщины полувѣковаго служенія наукѣ П. И. Савваитова отличалось задушевностью; въ юбилярѣ, что такъ рѣдко бываетъ, привѣтствовали не только неутомимаго труженика, даровитаго ученаго, но и самаго благодушнаго, самаго доброжелательнаго человѣка.

Какъ человѣкъ, Павелъ Ивановичъ снискалъ отъ всѣхъ его знающихъ, отъ всѣхъ, кто только когда либо къ нему обращался за совѣтомъ и содѣйствіемъ въ ученыхъ и историческихъ трудахъ, всеобщее уваженіе и любовь; это не черствый педантъ, не человѣкъ, преисполненный самомнѣнія и самовозвеличенія,—нѣтъ, это—полный жизни, привѣтливости и вполнѣ русскаго добродушія и остроумія подвижникъ науки. Это русскій хорошій человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова... У него, какъ вполнѣ справедливо сказали мы въ другой нашей статьѣ, множество друзей и почитателей и нѣтъ завистниковъ и недруговъ.

Чувствомъ уваженія и любви проникнуто было и чествованіе полувѣковаго его служенія отечественной наукѣ.

II.

Профессура П. И. Савваитова въ с.-петербургской духовной семинаріи, пишетъ намъ П. А. Гильтебрандтъ, выработала изъ П. И. прекраснаго знатока слова Божія, издателя и толкователя. Мы разумѣемъ подъ этимъ два труда Павла Ивановича, о которыхъ многіе позабыли, а громадное большинство, вѣроятно, и совсѣмъ не знаетъ и не слыхало. Это:

— Библейская герменевтика (Спб., 1859), т. е. „наука, въ которой преподаются правила, какъ узнавать и изъяснять подлинный смыслъ Священнаго Писанія“. Это небольшая „книжица“ въ 144 страницы, но какая! Здѣсь „въ краткихъ, но точныхъ словахъ“ говорится о смыслѣ Св. Писанія и главномъ руководительномъ началѣ толкованія; о средствахъ и пособіяхъ, необходимыхъ для уразумѣнія сего смысла, и о способѣ изъясненія его путемъ перевода, парафраза, примѣчанія и толкованія. Эта прекрасная „книжица“ вплотную позабыта, и даже въ продажѣ не находится. Самая „Герменевтика“ переименована или въ „Экзегетику“, или въ „Богословіе толковательное“, или въ „Изъясненіе (или Толкованіе) Св. Писанія“. При синодѣ въ настоящее время переиздаются такія классическія сочиненія, какъ „Письма Муравьева“, „Бесѣды Амфитеатрова“;—„Библейская герменевтика“ Павла Ивановича, хотя и позабытая, прямо подходитъ къ разряду сочиненій, вопіющихъ о переизданіи. Интересно было-бы изъ устъ самого Павла Ивановича выслушать читателямъ „Русской Старины“ разсказъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя пришлось автору „Библейской герменевтики“ побороть и выпустить свою книгу въ свѣтъ, въ 1859 году; до этого года „Герменевтика“, какъ мы слышали, была два раза печатаема, но оба изданія не узрѣли свѣта. Вотъ эту-то исторію и интересно было-бы выслушать отъ самого Павла Ивановича, который еще такъ недавно („Чтенія общ. люб. дух. просв.“ 1884, февраль) разсказалъ чрезвычайно интересную исторію „Объ изданіи Остромирова Евангелія и о содѣйствіи московскаго митрополита Филарета выпуску въ свѣтъ этого изданія“.

— Новый Завѣтъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ (Спб., 1861—1866), исполненный подъ опытнымъ смотрѣніемъ Павла Ивановича, по просьбѣ Авраама Сергѣевича Норова. На послѣдней страницѣ Четвероевангелія упомянуто: „сіе Святое Евангеліе начася тисненіемъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1860, въ день святыя великомученицы Варвары"; а въ концѣ Апокалипсиса, въ сноскѣ: „сія священная книга Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа совершися тисненіемъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1866 марта 14, въ день иже во святыхъ отца нашего Ѳеогноста митрополита кіевскаго и всея Россіи". Это драгоцѣнное и до послѣдняго времени единственное изданіе представляетъ верхъ добросовѣстности учено-издательской и корректорской, что особенно важно въ подобныхъ книгахъ.

За полвѣка Павломъ Ивановичемъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго адреса археографической коммиссіи, чрезвычайно много сдѣлано, написано и издано: „яже аще бы по единому писана быша" (т. е. если-бы писать о томъ подробно), то не хватило-бы и негдѣ было „вмѣстити пишемыхъ книгъ". За эти полвѣка Павелъ Ивановичъ поработалъ и потрудился, „яко добръ воинъ". И вотъ этому-то „доброму воину" археографіи, исторіи, археологіи и богословія мы отъ всей души и отъ всего сердца желаемъ возможно долгихъ дней и неослабѣвающей энергіи для трудовъ и изданій дальнѣйшихъ.

III.

Въ 1873 г., по случаю избранія Павла Ивановича Саввaитова въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, покойный И. И. Срезневскій сообщилъ нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя, съ дополненіемъ имѣющихся у насъ данныхъ.

П. И. Саввaитовъ родился въ 1815 году (15 февраля), въ Вологдѣ, сыномъ священника, учился въ вологодской семинаріи, а потомъ съ 1833 года въ с.-петербургской духовной академіи. Въ 1837 году, по окончаніи академическаго курса, причисленъ къ первому разряду академическихъ воспитанниковъ, опредѣленъ бывшею коммисіею духовныхъ училищъ наставникомъ философіи въ вологодскую семинарію,

и затѣмъ возведенъ въ степень магистра и въ званіе профессора. Тогда ему еще не было 23-хъ лѣтъ. Въ должности наставника философіи въ Вологдѣ онъ оставался пять лѣтъ, исполняя по временамъ обязанности наставника и по другимъ предметамъ, между прочимъ, по исторіи и по еврейскому языку. Въ 1842 году онъ переведенъ въ с.-петербургскую семинарію профессоромъ патристики, св. писанія, герменевтики и чтенія отцевъ церкви греческихъ и латинскихъ, и оставался въ этой должности 25 лѣтъ, съ 28 года до 53 года жизни. Не ограничивая свою дѣятельность занятіями по названнымъ предметамъ и научными трудами, Павелъ Ивановичъ слишкомъ четыре года (въ 1853—1858 гг.) преподавалъ въ семинаріи статистику русскаго раскола и занимался обозрѣніемъ сочиненій какъ раскольническихъ, такъ и написанныхъ противъ нихъ: почти двѣнадцать лѣтъ (въ 1855—1867 гг.) былъ библіотекаремъ семинаріи. Кромѣ того, занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности — въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (въ 1843—1862 гг.), въ коммерческомъ училищѣ (въ 1845—1847 гг.) и въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (въ 1853—1854 гг.) и нѣсколько лѣтъ (въ 1862—1864 гг.) былъ наставникомъ-наблюдателемъ по русской литературѣ въ Павловскомъ корпусѣ и въ 1-мъ Павловскомъ военномъ училищѣ.

Исполняя преподавательскія обязанности, П. И. Савваитовъ все болѣе предавался и научнымъ трудамъ, между прочимъ собиранію и разработкѣ памятниковъ русской древности и старины. Какъ издавна началось это, узнаемъ изъ записокъ современника о Вологдѣ, М. П. Погодина, относящихся къ 1841 г. и напечатанныхъ въ «Москвитянинѣ» 1842 г.—«18 августа. Познакомился съ профессоромъ исторіи Савваитовымъ и получилъ отъ него много извѣстій о матеріалахъ, имъ собранныхъ. Есть очень любопытные, особенно относящіеся до жизни частной, о коей мы знаемъ такъ мало.—21 августа. Былъ у г. Савваитова. Онъ живетъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, священникомъ, и занимаетъ одну маленькую комнатку, отъ которой еще отдѣлены три клѣточки. Здѣсь онъ занимается своей философіей и исторіей, но долженъ очищать ее, если къ отцу (каѳедральному священнику) придетъ какой прихожанинъ. Кто бы подумалъ, что за сальнымъ огаркомъ, въ захолустьи бѣднаго губернскаго города, въ полуразвалившейся избенкѣ, читается и разбирается Августинъ и Кантъ... Г. Савваитовъ показалъ мнѣ свое собраніе. Есть вещи прелюбопытныя». Это говорится о молодомъ человѣкѣ, которому едва минуло 25 лѣтъ. Въ Вологдѣ П. И. Савваитовъ долженъ былъ ограничивать свою любознательность и страсть собирать и объяснять памятники старины и народности только въ кругѣ того, что представляли мѣстныя средства. Кру-

гозоръ его внимательности и работъ расширился съ переѣзда въ Петербургъ — при помощи и нѣкоторыхъ изъ его начальниковъ, и еще болѣе при помощи дружбы. Между прочимъ, онъ сошелся здѣсь и очень сблизился съ И. П. Сахаровымъ, извѣстнымъ собирателемъ «Сказаній русскаго народа», постоянно увлеченнымъ всѣмъ, что могъ найдти и въ памяти народа и въ старописанныхъ и старопечатныхъ листахъ и книгахъ. Пользуясь, по мѣрѣ возможности, тѣмъ, что хранилось въ библіотекахъ общественныхъ и частныхъ и что доставлялось ему со стороны, съ его родины и изъ другихъ мѣстъ, П. И. Савваитовъ не упускалъ случаевъ и самъ ѣздить. Такъ, въ 1846 и 1853 гг. онъ былъ посылаемъ начальствомъ для ученыхъ изслѣдованій и обозрѣнія замѣчательнѣйшихъ книгохранилищъ въ губерніяхъ Вологодской, Ярославской, Костромской и Владимірской, въ 1858 г. въ Москву для изслѣдованій въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ вотчинномъ архивѣ (что при департаментѣ правительствующаго сената); нѣсколько разъ выѣзжалъ въ разныя мѣста по своему выбору и по порученіямъ археологическаго общества. Болѣе правильно пошли его работы съ тѣхъ поръ, какъ въ 1858 г. онъ былъ избранъ членомъ археографической коммисіи и позже, съ того времени, какъ онъ вышелъ въ отставку изъ семинаріи и предался исключительно научнымъ занятіямъ.

Литературными работами, если не считать студенческихъ и вообще не напечатанныхъ, П. И. Савваитовъ сталъ заниматься съ 1840-хъ гг. Въ «Москвитянинѣ» 1841 и 1842 года появилось нѣсколько работъ его,—первая изъ нихъ (въ «Москвитянинѣ» 1841 г. II, 270;—III, 3,— и 1842, IV, 251 — 275) была о вологодскихъ пѣсняхъ. Сообщеніе небольшое, но по отзыву покойнаго академика Срезневскаго—«очень замѣчательное, какъ свидѣтельство какихъ взглядовъ на народность, на народную поэзію и на народный языкъ въ это относительно давнее время, когда всѣмъ этимъ занимались еще очень мало и немногіе, и когда понятія обо всемъ этомъ были очень туманны, хотѣлъ держаться молодой профессоръ вологодской семинаріи. Онъ считалъ необходимымъ удерживать въ переписи пѣсни народный говоръ до мелочи, — и далъ такимъ образомъ довольно полный образецъ вельскаго народнаго языка, не потерявшій и доселѣ своего достоинства. Одинъ изъ первыхъ (если не первый) онъ тутъ же обратилъ вниманіе на неохотность нашихъ селянъ сообщать пѣсни свои для записыванія («вѣдь пѣсня быль» — говорятъ обыкновенно—«а мало-ли что бываетъ: за ичое и въ судъ поведутъ») и на употребленіе слова былина («въ Вельскомъ уѣздѣ всѣ разсказы (о старинѣ) называются былинами

и разсказываются на распѣвъ» [1]). Въ другихъ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Москвитянинѣ», П. И. Савваитовъ сообщилъ не только замѣчанія, любопытныя при изученіи народности, но и нѣкоторые остатки старины и объясненія на нихъ. Съ того давняго времени онъ продолжалъ сообщать въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльно подобныя наблюденія и объясненія относительно народности, старины и древности русской, исторіи и современнаго положенія разныхъ монастырей, жизни замѣчательныхъ русскихъ людей и т. п. Въ «Москвитянинѣ», въ «Географическихъ Извѣстіяхъ», въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Археологическаго Общества, въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Академіи, въ «Вѣстникѣ Географическаго Общества», въ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія», въ «Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи», въ «Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ», въ «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», въ альманахѣ «Утро», въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Русской Старинѣ», помѣщено имъ многое, менѣе или болѣе любопытное и важное. Кое-что не менѣе замѣчательное издано и отдѣльно, и давно уже сдѣлалось не доступно для большинства занимающихся. Изъ числа его трудовъ по русскимъ древностямъ и старинѣ болѣе другихъ замѣчательны его Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія и проч. съ объяснительнымъ указателемъ (1865) и его только что оконченное изданіе доселѣ бывшаго почти совершенно неизвѣстнымъ Путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка, съ разнообразными объясненіями (1872). Эти два труда П. И. Савваитова какъ нельзя яснѣе даютъ знать, съ какою стойкостью и какъ безкорыстно умѣетъ онъ работать на пользу науки. — Говоря о трудахъ П. И. Савваитова по русской древности и старинѣ, въ особенности должно указать, что и сдѣлано въ вышеприведенномъ адресѣ, о его дѣятельности по званію члена археографической коммисіи.

Всего того, что сдѣлано П. И. Савваитовымъ по русскимъ древностямъ и старинѣ, слишкомъ достаточно для дѣятельности самаго достойнаго труженика. И однако, у него оставалось времени не мало и для трудовъ другого рода.

По званію профессора с.-петербургской семинаріи П. И. Савваитовъ долженъ былъ съ 1842 г. заняться герменевтикой и близкими съ нею отраслями знаній,—и въ 1844 г. уже издалъ свой трудъ: «Библейская герменевтика», трудъ, переизданный въ 1857 и потомъ

---

[1]) Разсказы о старинѣ называются тамъ и былинами и былями.

въ 1859 г. Второе изданіе этой книги было принято какъ пособіе, а третье какъ руководство по классу герменевтики въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Нѣсколько другихъ трудовъ меньшаго размѣра по объясненію книгъ св. писанія, исторіи христіанства и т. п. издано было имъ или отдѣльно, или въ такихъ повременныхъ сборникахъ, какъ «Духовная Бесѣда», «Духъ Христіанина», «Странникъ» и пр. Къ этому же отдѣлу трудовъ надо отнести и трудъ Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ съ греческимъ текстомъ, подобраннымъ изъ разныхъ изданій, гдѣ можно было найдти то или другое выраженіе, соотвѣтствующее славянскому переводу,—трудъ столько же тяжелый, какъ и невидный, и едва ли не менѣе полезный, чѣмъ бы могло быть изслѣдованіе для разрѣшенія вопроса: когда, какіе именно списки Новаго Завѣта были въ виду при измѣненіи древняго славянскаго перевода. П. И. Савваитовъ принялъ его на себя по желанію А. С. Норова, предпринявшаго изданіе Новаго Завѣта въ такомъ видѣ.

Третій отдѣлъ трудовъ П. И. Савваитова касается зырянскаго языка, употребляемаго, какъ извѣстно, значительною частію народа въ Вологодской губерніи, родинѣ Савваитовыхъ, и изученнаго имъ еще въ юности. Кромѣ нѣсколькихъ книжекъ на зырянскомъ языкѣ для народа, онъ написалъ грамматику зырянскаго языка и зырянско-русскій и русско-зырянскій словарь (1849). За два послѣдніе труда онъ удостоенъ былъ демидовской преміи. Нельзя упустить изъ виду, что П. И. Савваитовъ изучилъ этотъ языкъ и представилъ о немъ свои наблюденія не по одному какому нибудь нарѣчію, а по всѣмъ четыремъ главнымъ и по нѣкоторымъ мѣстнымъ говорамъ, и только вслѣдствіе сравненія нарѣчій и говоровъ порѣшилъ, что всѣхъ важнѣе нарѣчіе сысольское. Съ этими главными трудами по зырянскому языку соединяются и нѣсколько малыхъ этнографическихъ и археологическихъ, каковъ напр. о зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбукѣ (въ Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда).

Обширная и разнообразная дѣятельность П. И. Савваитова не могла не вызывать къ нему сочувствіе разныхъ ученыхъ обществъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ очень ревностнымъ членомъ [1]). Не пересчитывая всѣхъ обществъ, въ которыхъ онъ

[1]) А именно Павелъ Ивановичъ состоитъ членомъ: археографической коммиссіи (съ 1858 г.), императорскихъ русскихъ обществъ: географическаго, археологическаго, вольно-экономическаго, московскаго археологическаго, а также общества исторіи и древностей россійскихъ; общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ; общества любителей древней письменности; московск. общества любит. духовн. просвѣщенія; членомъ-основателемъ королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ

находится членомъ, укажу на его постоянное участіе въ трудахъ русскаго археологическаго общества: оно и наградило его за услуги, имъ оказанныя, золотою медалью.

—«Въ ряду людей, сочувствующихъ дѣятельности П. И. Саввaитова, писалъ въ 1883 г. знаменитый профессоръ и академикъ И. И. Срезневскій, не могу не поставить и себя. Чѣмъ болѣе я узналъ его, чѣмъ болѣе случаевъ было мнѣ бесѣдовать съ нимъ о томъ, что и его и меня занимало, тѣмъ потребнѣе было для меня уважать его. Какъ ученый труженикъ, онъ приготовленъ къ труду очень разнообразными знаніями и между прочимъ знаніемъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и готовностью трудиться—съ увлеченіемъ, безъ устали, денно и нощно. При работѣ имъ овладѣваетъ не желаніе скорѣе добраться до конца начатаго дѣла, а стараніе дойдти до полнаго разрѣшенія каждаго частнаго вопроса, до объясненія каждой мелочи. Время для него при этихъ развѣдкахъ какъ будто не существуетъ: онъ не въ силахъ спѣшить и разсчитывать ни недѣли, ни мѣсяцы, ни годы. Не существуетъ для него при этомъ и усталость отъ хлопотъ: занятый какою-нибудь трудностью, представившеюся ему въ работѣ, онъ не полѣнится перебывать въ разныхъ библіотекахъ, архивахъ, кабинетахъ и у разныхъ лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и написать нѣсколько писемъ; онъ успокоится тогда только, когда дѣло покажется ему яснымъ, разрѣшеніе трудности удовлетворительнымъ или же невозможнымъ. Черта завидная, встрѣчающаяся въ труженикахъ всякаго рода не очень часто».

IV.

СПИСОКЪ ТРУДОВЪ П. И. САВВАИТОВА.

I. Отдѣльныя изданія.

Библейская герменевтика. 1 изд. 1844; 2 изд. 1857; 3 изд. 1859.

Описаніе Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря. 1844.

Описаніе Велико-Устюжскаго Архангельскаго и приписнаго къ нему Троицкаго Гледенскаго монастырей. 1848.

Грамматика зырянскаго языка. 1849.

Зырянско-русскій и русско-зырянскій словарь. 1849.

въ Копенгагенѣ въ 1857 г.; членомъ коммиссіи для разбора дѣлъ синодальнаго архива, членомъ-кореспонд. императорской академіи наукъ, почетн. членомъ спб. духовн. академіи, ростовскаго музея, членомъ общ. московск. музея и проч. Съ 1864 г. Павелъ Ивановичъ состоитъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. и кавалеромъ ордена св. Владиміра 2-й степ. Ред.

Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря и приписной къ нему Дѣдовской Троицкой пустыни. 1850.

Взятіе Анапы эскадрою Черноморскаго флота въ 1807 году. 1851.

Святый Климентъ, епископъ римскій. Патрологическій опытъ. 1852.

Адмиралъ сенаторъ Семенъ Аѳанасьевичъ Пустошкинъ. Жизнеописаніе. 1853.

Описаніе Семигородной Успенской пустыни и упраздненнаго Катромскаго Николаевскаго монастыря. 1 изд. 1856; 2 изд. 1870.

Описаніе вологодскаго Спасо-Каменскаго Духова монастыря. 1860.

Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива московской оружейной палаты, съ объяснительнымъ указателемъ и съ двѣнадцатью таблицами рисунковъ. 1865.

Преосвященный Амвросій Орнатскій, епископъ пензенскій и саратовскій. Біографическій и библіографическій очеркъ. 1869.

Путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ 12-го столѣтія. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. 1872.

Новгородскія писцовыя книги:

Томы I и II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г. 1859—1862.

Томъ III. Переписная оброчная книга Вотьской пятины (первые 12 лл.).

Лѣтопись занятій археографической коммиссіи. 1864 года. Вып. 3.

Великія Минеи Четьи:

Сентябрь, дни 1—13. Сбп. 1868.

„ дни 14—24. Сбп. 1869.

„ дни 25—30; Спб. 1883 г.

Сказанія о русскихъ и славянскихъ святыхъ, извлеченныя изъ Великихъ Миней Четіихъ. Часть I, 1868; часть II, 1886 г.

Записки императорскаго археологич. общества. Т. XI и XII. Спб. 1865.

Велӧдӧм кыдзі позјас вічісјны Јен пісјкісјс і кыдзі колӧ пуктыны морт вічісј пісјкі. 1845.

Кыл вінајуӧм јылысј, вісјталӧмъ Петыр-Павел лунӧ. 1848.

Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа на греческомъ и славянскомъ языкахъ:

а) Святое Евангеліе. 1861.

б) Дѣянія и посланія апостольскія и Апокалипсисъ. 1866.

Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы. 1 изд. 1869; 2 изд. 1871

Строгоновскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ по надписямъ на нихъ, съ приложеніемъ соборной описи 1579 г. Спб. 1886 г., въ 8 д., 120 стр.

О зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбукѣ, изобрѣтенной Св. Стефаномъ. Москва, 1873 г.

Объ изданіи Остромирова Евангелія и о содѣйствіи московскаго митрополита Филарета выходу въ свѣтъ этого изданія. Москва, 1884 г.

II. Статьи, сообщенія, замѣтки.

Вологодскія пѣсни (съ примѣчаніями). Москвит. 1841 г. Ч. II. № 3 и Ч. III. № 5.

Извѣтное челобитье 1660 года и пѣснь о князѣ Михаилѣ. Ib. 1842. Ч. IV. № 8.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Устьсысольскомъ уѣздѣ Вологодской губ. Ib.

Двѣ грамоты по дѣлу святѣйшаго Никона, патріарха всероссійскаго. Ib. Ч. V. № 9.

Дорожныя замѣтки отъ Вологды до Устюга. Ib. Ч. VI. № 12.

Свѣдѣнія о нарѣчіяхъ зырянскаго языка. Географ. Изв. 1848 г. Вып. 2.

Три русскія надписи въ Вологдѣ и Сольвычегодскѣ. Зап. археолог. общ. Спб. 1851 г. Т. III.

Оружейная палата Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря, по описнымъ книгамъ 1668 г. Зап. отд. русск. и слав. археологіи. Т. I. 1851.

Предположеніе объ археологической программѣ. Ib. Отд. IV.

Современное извѣстіе о дѣлахъ подъ Москвою въ сентябрѣ 1611 года. Учен. зап. имп. акад. наукъ по I и III отдѣленіямъ. Т. III. Вып. 1. 1855.

Извѣстіе объ изданіи источниковъ для каноническаго права греко-восточной церкви. Ib.

Матеріалы для біографіи М. М. Сперанскаго. Москвит. 1855 г. № 3, кн. 1.

Нѣсколько примѣчаній къ обзору русской духовной литературы. Изв. имп. акад. наукъ по отд. русск. яз. и слов. Т. VI. 1857 г.

Начало и распространеніе христіанства въ предѣлахъ вологодской епархіи и учрежденіе вологодской епархіи. Вѣстн. Русск. Географич. Общ. 1858. Ч. XXII.

Отчетъ о писцовыхъ книгахъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1858. № 11.

О новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1859 г. № 12.

Поручная запись вязниковскихъ посадскихъ людей по иконописцѣ Пономаревѣ, 1674 г. Изв. Имп. Археолог. Общ. 1859 г. Т. I.

Уръ и шайт. Зырянскія названія копѣйки и рубля. Тамъ-же. Т. II. 1861 г.

Церкви и ризница Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря, по описнымъ книгамъ 1668 г. Зап. отд. русск. и слав. археологіи. Т. II. 1861 г.

Св. Игнатій Богоносецъ, епископъ антіохійскій. Дух. Бес. 1860 г. Т. IX.

Объ артосной панагіи, хранящейся въ ризницѣ Святодухова монастыря гор. Вологды. Изв. Имп. Археол. Общ. Т. II. 1861.

Разборъ труда В. И. Даля: „Толковый словарь живаго великорусскаго языка“. Отч. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1862 г. и Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1863. Кн. I.

Преподобный Ѳеодосій тотемскій. Дух. Бес. 1861 г. Томъ XII.

О книгѣ Іова. Ib. 1861 г. Т. XIII.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ (Филип. 2, 5). Ib. 62 г. Т. XV.

Вологодскіе акты 1500—1684 гг. Лѣт. занят. археограф. ком. Вып. 3.

Акты Спасо-Каменскаго монастыря 1545—1698 гг. Ib.

Опись имѣющимся въ домовотчинной преосв. Серапіона, епископа вологодскаго и бѣлоезерскаго жалованнымъ грамотамъ, указамъ и всякимъ крѣпостямъ, и платежнымъ отписямъ, и квитанціямъ, и книгамъ 1756 г. Ib.

Чинъ поставленія на великое княжество Дмитрія Іоанновича, внука Іоанна III Васильевича. Ib.

Посланіе константинопольскаго патріарха къ всероссійскому митрополиту Фотію, о Григоріи Цамвлахѣ. Ib.

Посланіе прота и иноковъ Аѳонской горы къ вел. князю Василью Васильевичу о правовѣріи восточной церкви и о суемудріи западной, по случаю Флорентійскаго собора. Ib.

Посланіе в. кн. Василія Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его московскимъ соборомъ. 1441 года. Ib.

Изустная роспись образовъ, келейныхъ книгъ, рухляди и денегъ серебряныхъ Вологодскаго архіепископа Маркелла. Ib.

Сговорная роспись приданаго 1718 года. Изв. Имп. Арх. Общ. Т. IV. 1863.

Мнѣніе о трудахъ П. С. Воронова. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1864 годъ, кн. I.

Похвала св. Кириллу, учителю Словѣньску языку. Створено Климентомъ епископомъ. Кирилло-Меѳод. Сборникъ. М. 1865 г.

Двѣ рѣчи Иринея, епископа Вологодскаго: 1) ея имп. величеству, послѣ посвященія во епископа Вологодскаго; 2) предъ молебствіемъ при выборѣ судей во вновь открытое (въ 1870 г.) вологодское намѣстничество. Приб. къ волог. епарх. вѣд. 1868 г. № 14.

Объ изданіи Остромирова Евангелія.

Отзывъ о статьѣ А. С. Полонскаго, подъ заглавіемъ: „Анадырскій Острогъ“. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1869 годъ.

Какими приношеніями Вологжане, Устюжане, Тотмяне и нѣкоторые Вологодскіе монастыри привѣтствовали царя Алексѣя Михайловича, по случаю вѣнчанія его на царство. Приб. къ Волог. епарх. вѣд. 1870 г. № 8.

Грамота святѣйшаго патріарха Филарета Новгородскому митрополиту Макарію о разрѣшеніи Вологодскаго архіепископа Нектарія, жившаго на смиреніи въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ монастырѣ, 24 мая 1621. Ib. №. 16.

Наказная память Вологодскаго и Великопермскаго архіепископа Сильвестра. Ib. № 15.

Слово Амвросія, епископа Вологодскаго, на бракосочетаніе ея высочества принцессы Анны съ его свѣтлостію кн. Антономъ-Ульрихомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ и Люнебургскимъ. Ib. № 14.

Мысли Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, о Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ. Утро. М. 1868 г.

Замѣтка о Кіевскомъ митрополитѣ Евгеніѣ. Ib.

Письмо архіепископа Макарія, алтайскаго миссіонера, къ А. С. Норову. Ib.

О Зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и Пермской азбукѣ, изобрѣтенной св. Стефаномъ. Труды перваго археол. съѣзда въ Москвѣ. II. 1871 г.

Есть сообщенія въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, въ „Духѣ Христіанина“, въ „Странникѣ“, въ „Русскомъ Архивѣ“, въ „Русской Старинѣ“.

Послѣдній многолѣтній трудъ Павла Ивановича, оконченный имъ буквально наканунѣ своего полувѣковаго юбилея служенія его на поприщахъ археографіи, археологіи и исторіи, составляетъ редакція Новгородскихъ лѣтописей, именно лѣтописи съ 6362 года (854), по синодальному списку:

— „Временникъ, еже есть нарицается лѣтописаніе князей земля русския, и како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстомъ, преже новгородчкая волость і потомъ кыевская, и о поставленіи Киева, како во имя назвася Кыевъ".

Эта книга убористой печати, въ восьмую долю, — до 37 печатныхъ листовъ—издана археографическою коммиссіею, подъ редакціею ея члена П. И. Савваитова, и обставлена имъ примѣчаніями и безчисленнымъ множествомъ разночтеній (варьянтовъ), разныхъ списковъ.

Трудъ многолѣтній, колоссальный, трудъ высоко плодотворный, такъ какъ эта лѣтопись составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ нькамней отечественной исторіи.

М. С.

L.

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

АЙВАЗОВСКІЙ.

Полувѣковая годовщина его художественной дѣятельности.

26-ое сентября.

1837—1887.

„Русская Старина“, постоянно внимательная къ заслугамъ наиболѣе выдающихся русскихъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ служенія ихъ отечеству, еще въ 1878-мъ году помѣстила обширную автобіографію высокоуважаемаго, славнаго во всей Европѣ профессора живописи, Ивана Константиновича Айвазовскаго.

Редакторъ „Русской Старины“ лично убѣдилъ Ивана Константиновича подѣлиться своими воспоминаніями съ читателями этого изданія, и его автобіографія, изложенная скромно, просто, съ задушевною искренностію, напечатана въ XXI-мъ, XXII-мъ, XXIII-мъ и въ XXXI-мъ томахъ „Русской Старины“ (изд. 1878 г., апрѣль, стр. 649—674; іюль, стр. 423—444; сентябрь, стр. 55—74; октябрь, стр. 281—306; изд. 1881 г., іюль, стр. 411—436). Эта автобіографія великаго русскаго художника, конечно, навсегда послужитъ, да ужъ въ настоящее время и послужила всѣмъ и каждому, кто пожелаетъ ознакомиться съ художественною дѣятельностію истинно феноменальнаго, по своему таланту, мариниста, наилучшимъ для того источникомъ.

Айвазовскимъ съ 1836-го по 1887-й годъ написано до 2,300 картинъ; многія, очень многія изъ нихъ представляютъ совершенство, повторяемъ—почти феноменальное явленіе въ живописи; всѣ онѣ служатъ украшеніемъ сотней музеевъ, общественныхъ и частныхъ собраній художественныхъ произведеній, едва ли не во всѣхъ странахъ стараго и новаго свѣта.... Многіе изъ русскихъ художниковъ заняли видное мѣсто на страницахъ исторіи отечественныхъ художествъ, но, какъ справедливо замѣчено „Русской Стариной“ еще въ 1878-мъ году, завидный жребій снискать вполнѣ европейскую славу выпалъ на долю лишь

немногихъ русскихъ и къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ художникъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Отсылая читателей нашихъ, которые пожелали бы воскресить въ своей памяти всѣ подробности труженической и полной блестящихъ тріумфовъ артистической жизни Айвазовскаго, къ его собственному, въ высшей степени интересному и обширному, разсказу, мы здѣсь лишь въ нѣсколькихъ строкахъ напомнимъ главнѣйшіе факты жизни, труда и торжества маститаго профессора.

Иванъ Константиновичъ родился въ Крыму въ Ѳеодосіи, 17 іюля 1817 года. Ребенкомъ 10—12 лѣтъ Айвазовскій самоучкою игралъ на скрипкѣ и занимался рисованіемъ; ѳеодосійское уѣздное училище было первымъ учебнымъ заведеніемъ, которое дало мальчику первоначальное образованіе; въ 1830-мъ году онъ его продолжалъ въ симферопольской гимназіи, но и здѣсь, и тамъ постоянно рисовалъ. Рисунки эти были замѣчены, представлены императору Николаю Павловичу, и вотъ юноша переведенъ въ С.-Петербургъ, гдѣ 23-го августа 1833 года опредѣленъ ученикомъ, пансіонеромъ кабинета его величества, въ императорскую академію художествъ.

Въ мартѣ 1836 года талантъ Айвазовскаго обратилъ особое вниманіе августѣйшаго его покровителя императора Николая Павловича, при весьма интересныхъ обстоятельствахъ, уже разсказанныхъ въ „Русской Старинѣ“ („Русск. Стар.“ 1878 г., т. XXII). Николай I одобрилъ его картину, выдалъ художнику денежную награду и назначилъ Айвазовскаго сопровождать его императорское высочество великаго князя Константина Николаевича въ его первомъ практическомъ плаваніи по Финскому заливу.

Результатомъ этого плаванія для Айвазовскаго было то, что къ осенней въ академіи выставкѣ 1836 г. имъ было написано семь морскихъ видовъ, послужившихъ краеугольными камнями его будущей извѣстности и славѣ. Айвазовскій тогда же, въ сентябрѣ 1836 г., былъ награжденъ за свои картины первою золотою медалью, приблизившею ему на два года срокъ отъѣзда въ чужіе края, назначеннаго, вмѣсто 1842 г., на 1840 г. Картины его были куплены императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Въ мартѣ 1838 года, послѣ пятилѣтней разлуки съ своею

родиною, Айвазовскій отправился въ Крымъ; отсюда присланы имъ пять картинъ; къ апрѣлю 1839 г. является новый рядъ его картинъ; сюжетъ для нихъ онъ беретъ на очаровательномъ южномъ берегу Крыма. Лѣтомъ того же 1839 г. Иванъ Константиновичъ сопутствуетъ генералу Н. Н. Раевскому въ его боевой экспедиціи—на восточный берегъ Чернаго моря. Плодомъ участія Айвазовскаго въ экспедиціи была превосходная картина, изображающая перестрѣлку въ моментъ дессанта у Субаши. Какъ эта картина, такъ и видъ Севастополя въ 1840 году, были пріобрѣтены императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Въ томъ же 1840 году Айвазовскій отправленъ, какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ художниковъ, выпущенныхъ академіею, въ Италію. Невозможно въ краткой замѣткѣ перечислить длинный рядъ художественныхъ произведеній Ивана Константиновича, скажемъ одно, что онъ трудился неустанно, трудился съ поразительною энергіею и каждый день пребыванія его въ Италіи былъ днемъ его все бо̀льшаго и бо̀льшаго усовершенствованія; но это не былъ рядовой труженикъ, это былъ истинный художникъ,—талантъ, писавшій всегда подъ наитіемъ вдохновенія.

— „Живописецъ, только копирующій природу, — говорилъ намъ еще въ 1878 г. Иванъ Константиновичъ, — становится ея рабомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Человѣкъ, не одаренный памятью, сохраняющею впечатлѣнія живой природы, можетъ быть отличнымъ копировальщикомъ, живымъ фотографическимъ аппаратомъ, но истиннымъ художникомъ—никогда! Движенія живыхъ стихій неуловимы для кисти: писать молнію, порывъ вѣтра, всплескъ волны—немыслимо съ натуры. Для этого-то художникъ и долженъ запоминать ихъ, и этими случайностями, равно какъ и эффектами свѣта и тѣней, обставлять свою картину. Такъ я писалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, такъ пишу и теперь; писать тихо, корпѣть надъ картиною цѣлые мѣсяцы не могу. Сюжетъ картины слагается у меня въ памяти, какъ сюжетъ стихотворенія у поэта; сдѣлавъ набросокъ на клочкѣ бумаги, я приступаю къ работѣ и до тѣхъ поръ не отхожу отъ полотна, пока не выскажусь на немъ моею кистью“.

„Набросавъ карандашомъ на клочкѣ бумаги планъ задуманной мною картины, я принимаюсь за работу и, такъ сказать, всей душой отдаюсь ей. Обдумывая картину, я не отвлекаю отъ

нея моего вниманія не только праздными разговорами, но даже и видомъ предметовъ посторонннхъ; не выхожу на улицу, не смотрю ни на горизонтъ, ни на окрестную мѣстность. Непремѣнное условіе моей мастерской—гладкія стѣны, не обвѣшанныя ни картинами, ни эскизами. Удаленіе отъ мѣстности, изображаемой на моей картинѣ, заставляетъ лишь явственнѣе и живѣе выступать всѣ ея подробности въ моемъ воображеніи.... Вдохновенный видомъ живописной мѣстности при эффектномъ ея освѣщеніи, либо какимъ нибудь моментомъ бури — я сохраняю воспоминаніе о нихъ многіе годы. Таково же точно свойство и чувствительныхъ моихъ способностей: горе и радость я сознаю сильнѣе, когда они переходятъ въ область минувшаго.... Мое воображеніе сильнѣе воспріимчивости дѣйствительныхъ впечатлѣній. Они записываются въ памяти моей, какъ будто какими-то симпатическими чернилами, проступающими весьма явственно отъ времени или отъ теплаго луча вдохновенія. Въ теченіи многихъ лѣтъ моей художественной дѣятельности я написалъ очень много картинъ, въ которыхъ сосредоточены воспоминанія о живой природѣ разныхъ мѣстностей и разныхъ эпохъ моей жизни.... Таково, повторяю, свойство моей кисти и характерная особенность моей художественной складки... Внимательно изучивъ атмосферическія перемѣны, игру свѣта и тѣни на волнахъ моря, на вершинахъ горъ, на купахъ деревьевъ—я могу воспроизводить ихъ, какъ нѣчто давно мнѣ знакомое, съ тою быстротою, за которую укоряютъ меня нѣкоторые строгіе судьи". („Русская Старина", 1878 г., томъ XXII, автобіографія И. К. Айвазовскаго, стр. 425—427).

Поразительная быстрота работъ—свойство, присущее таланту И. К. Айвазовскаго, явленіе весьма замѣчательное, но уже имѣвшее мѣсто въ исторіи живописи. Такъ, изъ великихъ мастеровъ разныхъ старинныхъ школъ укажемъ на Кореджіо (1569 † 1609), на Рубенса (1577 † 1640), на Рембрандта (1606 † 1671), наконецъ, на Луку Джіордано (1632 † 1705), прозваннаго „скорописцемъ извѣстную"; картину свою — „Умирающій Сенека" онъ написалъ въ однѣ сутки, — И. К. Айвазовскій, въ академіи художествъ, въ мастерской художника Орловскаго, въ теченіи $2^1/_2$ часовъ написалъ большую картину (въ 1875 г.),

а въ бытность свою въ Петербургѣ, съ 5-го ноября 1877 по 1-е марта 1878 г., написалъ до двадцати картинъ.

Пребываніе въ Италіи было въ высшей степени полезно для развитія художественнаго таланта молодого человѣка. Осматривая и изучая памятники искусства — въ особенности въ Римѣ, Айвазовскій тогда же восторженно писалъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ: „Здѣсь, въ Италіи, день стоитъ года. Я, какъ пчела, сосу медъ изъ цвѣтника, чтобы принести благодарную дань царю и матушкѣ Россіи!“

Отсылаемъ читателей къ автобіографіи славнаго художника; въ ней онъ найдетъ, между прочими интересными подробностями, обстоятельный разсказъ Ивана Константиновича о первомъ пребываніи за границей въ 1840 до осени 1844 г., въ Италіи, Франціи, Англіи, Португаліи, Испаніи, Нидерландахъ, о его неутомимыхъ трудахъ въ бытность его въ западной Европѣ [1]), его знакомствахъ и приключеніяхъ; тамъ же приведены и восторженные отзывы газетъ того времени, между прочимъ, „Художественной Газеты“ 1841 года, издававшейся въ С.-Петербургѣ, о блестящихъ успѣхахъ русскаго художника (см. „Русскую Старину“, изд. 1878 г., т. XXII, стр. 423—444).

Осенью 1844 года Айвазовскій былъ уже въ С.-Петербургѣ: въ высшей степени милостивый пріемъ императора Николая Павловича, званіе академика, орденъ св. Анны 3-й степени и, наконецъ, громадный заказъ отъ самого государя—были наградами Айвазовскому за его заграничные труды, за ту славу, которою озарилъ онъ русскую академію художествъ, являясь, въ качествѣ ея питомца, съ своими дивными картинами на выставкахъ художественныхъ произведеній въ различныхъ центрахъ европейской цивилизаціи.

Государь поручилъ Айвазовскому написать виды нашихъ первоклассныхъ портовъ и приморскихъ городовъ. Отсюда новыя путешествія, новыя картины, новый родъ блестящихъ тріумфовъ на художественныхъ выставкахъ.

21-го сентября 1844 г. Айвазовскій былъ удостоенъ званія

---

[1]) Со времени выѣзда своего изъ Россіи въ 1840 г. по конецъ 1843 г.— Айвазовскій нарисовалъ до 50 большихъ картинъ и набросалъ безчисленное множество эскизовъ. („Русск. Стар.“, 1878 г., т. XXII, стр. 440).

Ред.

„живописца главнаго морскаго штаба е. и. величества". Интересны разсказы объ отношеніяхъ государя Николая Павловича къ геніальному художнику:

— „Милость и благосклонное ко мнѣ вниманіе въ Бозѣ почивающаго императора—такъ разсказывалъ намъ въ 1878 году Иванъ Константиновичъ, были для меня велики и останутся навсегда незабвенны. По высочайшей волѣ, мнѣ, когда я писалъ виды морскихъ сраженій, давались всевозможныя пособія отъ адмиралтейства: чертежи кораблей, рисунки оснастки судовъ, вооруженіе и т. д. Для доставленія мнѣ случая видѣть полетъ ядра рикошетомъ по водной поверхности, императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ произвести при мнѣ, въ Кронштадтѣ, нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ боевыми зарядами. Для ближайшаго ознакомленія моего съ движеніями военныхъ кораблей во время морскихъ сраженій, государь предложилъ мнѣ однажды присутствовать на морскихъ маневрахъ на Финскомъ заливѣ. Глубоко врѣзались въ мою память эффекты отраженія солнечныхъ лучей въ клубахъ пороховаго дыма, быстро взвивавшихся къ небу, или плавно разстилавшихся на поверхности залива. Помню, какъ государь, осматривая одну изъ оконченныхъ мною картинъ, замѣтилъ, что изображенныя на ней волны и всплески отъ ядеръ, падающихъ въ воду, не совсѣмъ согласны съ дѣйствительностью, а потому его величество желалъ-бы, чтобы я сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія. Я позволилъ себѣ отозваться, что предпочитаю, вмѣсто исправленія, написать новую картину. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, строгій блюститель экономіи по министерству двора, поспѣшилъ предупредить меня, что вторую картину я обязанъ написать безъ всякаго за нее вознагражденія. Даже безъ этого предваренія я, конечно, и самъ не упомянулъ бы о вторичной платѣ; но покойный императоръ Николай Павловичъ, съ свойственною ему истинно царскою щедростью, приказалъ выдать мнѣ и за вторую картину точно такое же вознагражденіе, какъ и за первую. Прибавлю ко всему этому, что обхожденіе государя со мною всегда отличалось тою обаятельною благосклонностью, съ которою онъ вообще относился къ художникамъ и артистамъ". („Русск. Стар.", 1878 г., т. XXII, стр. 443—444).

Было бы очень долго, если бы мы стали обозрѣвать жизнь и художественную дѣятельность маститаго художника за все полустолѣтіе; она изложена со словъ самого Ивана Константиновича въ обширной монографіи, протянувшейся десять лѣтъ тому назадъ, къ большому удовольствію читателей „Русской Старины", по нѣсколькимъ книгамъ изданія нашего журнала за 1878 и 1881 годы. Скажемъ коротко: въ основѣ этой жизни лежалъ трудъ, трудъ и опять-таки трудъ.

Работая непрерывно, отдаваясь труду беззавѣтно, съ страстью, художникъ постоянно учился и учился усердно у величайшей учительницы—природы, внимательно изучая ее въ многочи-

сленныхъ, съ этою цѣлью предпринимаемыхъ, путешествіяхъ. Самое пребываніе его въ родномъ Крыму, куда онъ издавна стремился каждую раннюю весну, нельзя было назвать отдыхомъ, напротивъ: южная природа была неистощимымъ источникомъ вдохновенія для трудолюбиваго художника, и въ Крыму все лѣто до поздней осени онъ работалъ гораздо болѣе, нежели зимою въ Петербургѣ... Въ одинъ изъ періодовъ его продолжительнаго пребыванія въ Крыму, съ апрѣля 1845 г. по іюль 1846 года, Иванъ Константиновичъ имѣлъ, какъ онъ говорилъ, истинное счастіе, по волѣ государя, сопровождать его императорское высочество государя великаго князя Константина Николаевича въ его продолжительномъ плаваніи къ берегамъ европейской Турціи, Малой Азіи и по Архипелагу.

—„Это путешествіе, кромѣ наслажденія—быть въ обществѣ высокообразованнаго, любезнаго, всегда добраго и благосклоннаго ко мнѣ генералъ-адмирала, доставило мнѣ,—говорилъ намъ Иванъ Константиновичъ,—обширный запасъ эскизовъ и обогатило мою счастливую художественную память множествомъ новыхъ впечатлѣній“.

Лѣтомъ 1846 года, по возвращеніи изъ своего путешествія, Айвазовскій, со свойственною ему быстротою, воспроизвелъ и выставилъ въ Одессѣ и Ѳеодосіи двѣнадцать картинъ... Они были встрѣчены восторженными отзывами. (См. „Русскую Старину“ 1878 г., т. XXIII, стр. 59, біографія Айвазовскаго).

Итакъ, въ десять лѣтъ безвѣстный юноша—сдѣлался европейскою знаменитостью: Италія, Франція, Англія, Нидерланды восхищались его произведеніями, съ уваженіемъ произносили его имя; на родинѣ, въ Россіи, онъ силою своего таланта и неутомимаго труда занялъ почетное положеніе, и восторгъ, возбуждаемый его произведеніями во всѣхъ классахъ общества, былъ надежнымъ залогомъ упроченія его славы и за обезпеченіе его матеріальнаго благосостоянія...

И этотъ почетъ, эта слава не умалились затѣмъ—въ теченіи болѣе пятидесяти лѣтъ.

Болѣе полувѣка маститый художникъ-профессоръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, каждое произведеніе его геніальной кисти встрѣчается—какъ произведеніе великаго мастера, славнѣйшаго учителя.

Это чистый, безъ пятна и упрека, служитель искусства. Всю жизнь онъ стоялъ внѣ всякихъ дрязгъ, пошлостей, сплетень и интригъ, которыми и нашъ художественный міръ кишитъ, какъ и другіе мірки. Какъ гражданинъ, онъ сдѣлалъ очень много для своего родного края, и никогда не отвращался отъ бѣдности и несчастія: какъ часто сборы съ выставокъ его истинно художественныхъ произведеній, во всѣ періоды его многолѣтней жизни привлекавшихъ толпы зрителей, обращаемы имъ были въ пользу бѣдныхъ всѣхъ слоевъ русскаго общества и въ особенности часто въ пользу бѣдныхъ тружениковъ и учащихся въ области того искусства, которое обезсмертило его имя!

Честь и слава Ивану Константиновичу Айвазовскому, слава и какъ художнику, и какъ гражданину нашего дорогаго Отечества.

26-е сентября 1887 года было истиннымъ праздникомъ и вполнѣ заслуженнымъ торжествомъ въ жизни великаго художника.

Къ многочисленнымъ привѣтамъ, присланнымъ и полученнымъ имъ какъ съ высоты трона, такъ и изъ дальнихъ уголковъ Россіи, присоединился голосъ с.-петербургскаго городскаго общественнаго управленія.

Еще 16-го сентября, въ засѣданіи с.-петербургской городской думы, гласные М. П. Боткинъ, П. В. Жуковскій и М. И. Семевскій—пишущій эти строки—внесли предложеніе почтить юбиляра, въ день 26-го сентября 1887 г. (день ангела Ивана Константиновича), привѣтствіемъ, и тутъ-же все собраніе единогласно приняло это предложеніе и утвердило адресъ, предложенный М. И. Семевскимъ. Вотъ онъ:

С.-Петербургская Городская Дума

И. К. Айвазовскому.

— „Общественное управленіе города С.-Петербурга привѣтствуетъ васъ, высокоуважаемый Иванъ Константиновичъ, въ день пятидесятилѣтней годовщины служенія вашего отечественному искусству.

„Высокохудожественныя произведенія вашей кисти прославили имя ваше не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами.

„Да сохранитъ Господь жизнь вашу на долгіе годы, да продолжаются труды ваши во славу дорогаго нашего Отечества и да пребудутъ они образцомъ для художниковъ всего міра“.

М. С.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восемнадцатый. НОЯБРЬ. 1887 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій. Историко-біограф. очеркъ. Сост. И. Я. Морошкинъ 273

II. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи. Гл. I—V. Біографич. очеркъ. Сост. Н. М. Колмаковъ 297

III. Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историч. очеркъ. Гл. IV—IX. Сост. М. А. Колчинъ . . 333

IV. Императоръ Павелъ и его время. Записки курляндскаго барона, 1796—1801. Гл. I—II. . . . 365

V. Очеркъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в. Гл. II—III. Сост. В. И. Семевскій 395

VI. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Сост. Гельбигъ 425

VII. Записки Д. И. Ростиславова, проф. спб. духовн. академіи, о бѣломъ духовенствѣ. Гл. XX—XXI. 445

VIII. Альбомъ С. Д. Полторацкаго, 1820—1852 гг. (Оконч.). Сообщ. Е. С. Некрасова. 471

IX. Александръ Васильевичъ Головнинъ въ 1863 и 1881 гг. . . 507

X. Ученыя Архивныя Коммиссіи въ 1886 г. Сообщ. П. Е. Андреевскій 537

XI. Гр. Левъ Николаевичъ Толстой, 1828—1887 гг. Сообщ. О. Ѳ. Миллеръ 575

XII. С. Я. Надсонъ. По поводу посмертнаго изданія его стихотвореній. Сообщ. О. Ѳ. Миллеръ. 495

XIII. Стихотворенія К. К. Р., 1882—1885 гг. 519

XIV. Историческіе документы и замѣтки: Матеріалы къ русской исторіи XVIII в. Сообщ. Ѳ. Ѳ. Бычковъ (487).—М. В. Милоновъ (363).—Отшельникъ Ѳеодоръ (529). — Е. Ѳ. Жуковская (516).—Дебре (515).—Всеросс. дворянскій молебенъ, 1852 г. (490).—Звѣрьяда (517). — Н. А. Добролюбовъ (518).—С. П. Колошинъ. (518).—Н. И. Пироговъ (493). — С. М. Котельникова (503).—Батюшковы (555). — В. А. Жуковскій (567).—Труды и изданія Д. А. Ровинскаго (531).—П. К. Айвазовскій (583).—Поправки 554 и 582

XV. Библіографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Портретъ гр. Льва Николаевича Толстаго. Гравир. художн. г. Маттэ.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1887.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1887 г.

Сочиненія П. В. Жуковскаго. Спб. 1885 г., въ 8 д., стр. 192.

Послѣ многихъ лѣтъ застоя въ русской поэзіи, на ряду съ молодыми поэтами—выдвинувшимися на нашемъ литературномъ горизонтѣ, выступили и люди сороковыхъ, пятидесятыхъ годовъ. Писали они стихи для себя и небольшаго круга друзей и знакомыхъ, но вотъ теперь собрали плоды своего досуга и выпускаютъ ихъ особою книгою. Одинъ изъ такихъ стихотворцевъ, скромно сторонившійся отъ печати,—П. В. Жуковскій. Въ числѣ его произведеній, какъ теперь оказывается изъ выпущенной книги, имѣются нѣсколько весьма не дурныхъ стихотвореній. Обращаемъ вниманіе, напр., на его историческую хронику XVII столѣтія въ четырехъ дѣйствіяхъ: Евдокія Стрѣшнева. Въ ней поэтически разработанъ эпизодъ изъ эпохи царя Михаила Ѳедоровича, избравшаго себѣ, вопреки козней придворныхъ, женою дочь бѣднаго дворянина; есть сцены очень недурныя, есть нѣкоторое движеніе, нѣсколько живыхъ бытовыхъ картинъ XVII вѣка и языкъ вполнѣ хорошъ; нельзя не пожелать, чтобъ пьеса эта явилась на сценѣ нашего театра. Изъ прочихъ произведеній пера П. В. Жуковскаго отмѣтимъ: Бирюкъ (изъ Записокъ охотника—И. С. Тургенева), Кладбище (изъ Гейне), Кладъ (изъ поволжскихъ легендъ), Встрѣча (стр. 163), Совѣтъ (изъ Гейне), Экспромтъ (при возложеніи вѣнка на бюстъ В. А. Жуковскаго)—и нѣкоторыя другія. М.

Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. 3 тома. Спб. 1863—1864 гг. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ (нынѣ генер.-маіоръ) А. Пузыревскій.

Событія, предшествовавшія возстанію, и война 1831 г. въ Польшѣ имѣютъ довольно обширную литературу на русскомъ, польскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ. Полное описаніе войны 1831 г. прежде всего явилось въ нѣмецкомъ сочиненіи Ф. Смита, переведенномъ на русскій языкъ г. Квитницкимъ... Будучи современникомъ описываемыхъ событій, но не военнымъ, Смитъ касается болѣе политическихъ событій, чѣмъ подробностей военныхъ. Послѣднія часто излагаются имъ сбивчиво и не съ достаточною подробностью, а потому книга г. Пузыревскаго является желаемымъ и полнымъ живаго интереса вкладомъ въ русскую военно-историческую литературу. Написанная спеціально для слушателей военной академіи, она вполнѣ удовлетворяетъ первой и главной потребности — изученію хода военныхъ дѣйствій; авторъ касается политической части только въ общихъ чертахъ настолько, насколько это необходимо, для уясненія военныхъ операцій, предпринимавшихся тою или другою стороною. Только путемъ тщательнаго изученія источниковъ г. Пузыревскій могъ дать намъ столь правдивое и вполнѣ безпристрастное описаніе военныхъ дѣйствій. Положеніе автора было нелегкое, потому что большинство польскихъ источниковъ написаны подъ давленіемъ политическихъ страстей, предвзятыхъ взглядовъ, переполненныхъ симпатіями и антипатіями къ дѣйствующимъ лицамъ. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору—это отсутствіе ссылокъ на источники, изъ которыхъ онъ заимствовалъ факты для своего сочиненія, имѣющаго болѣе характеръ курса, чѣмъ подробнаго и полнаго описанія войны 1831 года,—но, повторяемъ, курса весьма полезнаго, интереснаго и очень обстоятельнаго. Книга увѣнчана отъ Академіи Наукъ премією и вполнѣ заслуженно, что и не могло быть иначе. Н. Ѳ.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митр., подъ ред. Н. Субботина. Т. VIII. 370 стр. Ц. 2 руб.

Настоящій и послѣдній томъ предпринятаго изданія заключаетъ въ себѣ. 1) новооткрытыя сочиненія протопопа Аввакума (это толкованія на нѣкоторые псалмы и посланія къ разнымъ лицамъ); 2) челобитная царю Алексѣю Михаиловичу бывшаго муромскаго архимандрита Антонія; 3) сличеніе Филаретовскаго служебника съ Никоновскимъ; 4) житіе боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марьи Даниловой; 5) сказанія о распряхъ, происходившихъ на Керженцѣ изъ-за Аввакумовыхъ писемъ; 6) новооткрытыя сочиненія инока Авраамія (свидѣт. на нынѣшнее время о предтечѣ антихрис. и пр.).

ѲЕОДОСІЙ ЯНОВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

IV [1]).

Указомъ Петра I-го и по письму его, собственною его рукою писанному, къ Стефану Яворскому, въ 31-й день декабря 1720-го, Ѳеодосій нареченъ архіепископомъ велико-новгородскимъ и велико-луцкимъ [2]). Ѳеофанъ былъ моложе Ѳеодосія, но епископомъ псковскимъ сдѣланъ былъ въ 1719-мъ году, а Ѳеодосій только въ концѣ 1720 г.

П. Н. Петровъ объясняетъ это оставленіе Ѳеодосія архимандритомъ до 1721-го года охлажденіемъ къ нему Стефана Яворскаго [3]). Изъ дѣла Тверитинова очевидно было натянутое отношеніе Стефана Яворскаго къ Ѳеодосію, котораго первый готовъ бы былъ и тогда засадить въ монастырь, если бы только Ѳеодосій не имѣлъ за себя покровителей въ лицѣ Меншикова и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ, за сочувствіе Ѳеодосія къ дѣлу Тверитинова.

Въ 1721-мъ году 25 января состоялся именной указъ объ учрежденіи духовной коллегіи или святѣйшаго правительствующаго синода, вышелъ духовный регламентъ и назначены члены святѣйшаго синода [4]). Рѣшившись учредить новую форму

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LV, іюль, стр. 1—34; т. LVI, октябрь, стр. 31—44.

[2]) См. Опис. докум. свят. синода, томъ I, X приложеніе, 15 письмо.

[3]) См. примѣч. въ его книгѣ: Исторія С.-Петербурга, 357, стр. 50.

[4]) Полн. собр. зак. Рос. имп., т. VI, № 3718.

церковнаго правленія, государь поручилъ Ѳеофану Прокоповичу составить уставъ духовной коллегіи, который въ 1719 году и былъ имъ написанъ, подъ заглавіемъ: Духовный Регламентъ.

Въ манифестѣ объ учрежденіи святѣйшаго синода и изданіи Регламента, составленномъ Ѳеофаномъ, слова: „понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ; къ тому-жъ не наслѣдственная власть, того ради вящше не брегутъ“, равно какъ слова: „имѣютъ-же всѣ члены сея коллегіи, при вступленіи въ свое дѣло, учинить присягу, или обѣщаніе предъ святымъ евангеліемъ, по приложенной формѣ присяги“, приписаны государемъ. Послѣ наименованія президента и двухъ вице-президентовъ, слова: „четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ“, приписаны Ѳеодосіемъ, равно какъ и слѣдующая за тѣмъ статья: „а понеже помянулось въ семъ Регламентѣ, въ I-й части, въ 7 и 8 пунктахъ, что президентъ подлежати имать суду своея братіи, сіе есть той же коллегіи, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ; того ради опредѣляемъ и голосъ оному имѣть единъ, съ прочими равный“ [1]). На регламентѣ Ѳеодосій подписался еще какъ архимандритъ Александро-Невскій, такъ какъ оный былъ подписанъ имъ въ первой половинѣ 1720 года, до его хиротоніи [2]).

Духовная коллегія, при первоначальномъ ея учрежденіи, состояла изъ президента, каковымъ былъ назначенъ Стефанъ, митрополитъ рязанскій и муромскій, бывшій мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, двухъ вице-президентовъ, каковыми были назначены Ѳеодосій, архіепископъ велико-новгородскій и великолуцкій, и Ѳеофанъ, архіепископъ псковскій и нарвскій,—четырехъ совѣтниковъ, каковыми были: архимандритъ симоновскій Петръ, ипатскій Гавріилъ, новоспасскій Іероѳей и высокопетровскій Леонидъ, и четырехъ ассесоровъ: іерея Анастасія Кондоиди (грека), протопопа троицкаго Іоанна, петропавловскаго Петра и іеромонаха Варлаама, исполнявшаго должность оберъ-секретаря [3]).

Въ новомъ званіи Ѳеодосій не снискалъ любви ни у духовенства, ни у народа. Духовенство не любило его за то, что онъ обращался съ нимъ надменно, смотрѣлъ на великорусскихъ

---

[1]) См. кабин. Петра В., дѣла I, № 31, л. 30 и 31.
[2]) См. Опис. докум. свят. синода, т. I, стр. 30.
[3]) Тамъ-же, томъ I-й, № 665, столб. 709.

архіереевъ съ презрѣніемъ, а прочихъ архимандритовъ и протопоповъ ни во что не ставилъ. „Только себя любилъ, писалъ о немъ казанскій митрополитъ Сильвестръ, а братію весьма ненавидѣлъ. Еще же по острожелчію своему дненощно вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворить, а иногда искій, кого бы и поглотити". Кромѣ того, подъ рукою ходили слухи, что онъ бралъ съ архіереевъ и архимандритовъ дары и за это вознаграждалъ ихъ доходными мѣстами и оберегалъ отъ доносчиковъ. Народъ не могъ извинить ему его прихотливой жизни, оскорблявшей въ его лицѣ санъ епископа и званіе монаха [1]). „Въ санѣ архіерейскомъ, говоритъ С. М. Соловьевъ [2]), Ѳеодосій былъ человѣкомъ энергическимъ, но неудержимымъ въ дѣлѣ и словѣ, властолюбивымъ и корыстолюбивымъ. Ѳеодосій былъ готовъ на преобразованія въ церкви, но когда эти преобразованія начинали клониться къ уменьшенію его значенія и доходовъ, онъ былъ очень недоволенъ и не умѣлъ сдерживать своего неудовольствія. Честолюбіе Ѳеодосія было оскорблено тѣмъ, что, по смерти Стефана Яворскаго, онъ не былъ назначенъ президентомъ синода, корыстолюбіе — урѣзываніемъ доходовъ, недачею жалованья".

По учрежденіи святѣйшаго синода, Стефанъ Яворскій хотя и былъ назначенъ президентомъ синода, но дѣйствующими и и вліятельными лицами въ немъ уже были Ѳеодосій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ вице-президенты синода. Ѳеодосій и Ѳеофанъ въ синодѣ дѣйствовали согласно въ одномъ направленіи и въ этомъ направленіи сходились съ государемъ. Съ Ѳеодосіемъ Ѳеофанъ первые годы синодальнаго правленія былъ уклончивъ, уступалъ Ѳеодосію повсюду первенство и во всемъ преимущество, какъ младшій архіепископъ. Стефанъ же былъ уже слабъ и хворъ и не могъ даже аккуратно посѣщать синодальныя засѣданія.

Петръ, безъ сомнѣнія, по словамъ г. Чистовича, не все зналъ о Ѳеодосіи; а то, что видѣлъ и зналъ, не казалось ему ни дурнымъ, ни предосудительнымъ для духовнаго лица. У него идея

---

[1]) См. объявленіе казанскаго митрополита Сильвестра о Ѳеодосіи, въ прибавленіи, № II; объявленіе это находится въ рукописи, въ дѣлахъ архива свят. синода, 1731 г., № 292, л. 86—91.

[2]) См. т. XVIII его Исторіи, стр. 315. И. М.

всегда шла впереди факта и заслоняла собою фактъ. Ему нравились понятія Ѳеодосія: что нужды, что онъ живетъ не какъ подвижникъ? За то разумѣетъ дѣло и проводитъ хорошія понятія въ церковномъ правленіи. Петръ радъ былъ встрѣтить человѣка съ свѣтлою мыслію и живымъ взглядомъ на вещи, и держалъ и цѣнилъ его, не смотря на недостатки и неровности его личнаго поведенія, такъ, какъ онъ цѣнилъ Меншикова и другихъ.

Екатерина смотрѣла на Ѳеодосія глазами Петра и уважала его, какъ вѣрнаго исполнителя государевой воли. Изъ писемъ къ ней Ѳеодосія видно, что онъ пользовался ея милостію и прибѣгалъ къ ея покровительству, когда замѣчалъ, что навлекъ на себя гнѣвъ государя. Но и тутъ Ѳеодосій не могъ сдержать своей заносчивости. Въ 1721 году государыня пожаловала ему на панагію алмазовъ, съ тѣмъ, чтобы украсить ими на одной сторонѣ распятіе, а на другой портретъ государя. Пожалованныхъ алмазовъ не достало на это украшеніе. Ѳеодосій обратился къ кабинетъ-секретарю Макарову и просилъ его доложить государынѣ, чтобъ она не поскупилась на прибавку алмазовъ, потому что онъ (Ѳеодосій) въ гробъ съ собою панагіи не положитъ, а по смерти его она возвратится въ кабинетъ. Ѳеодосій такъ писалъ Макарову: „Всемилостивѣйшая государыня царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна, при походѣ своемъ нынѣ въ Ригу, изволила пожаловать на обѣщанную давно невскому архимандриту панагію алмазовъ, которые отданы господину Черкасову. А по усмотрѣнію золотыхъ дѣлъ мастера, на украшеніе обоюдное, то есть распятія и персоны государевой вмѣстѣ, оныхъ алмазовъ будетъ мало, и ежели де (сказалъ мастеръ) убрать хорошенько, то на одну сторону къ распятію или къ персонѣ государевой, надобно къ прежнимъ въ прибавокъ алмазовъ на 260 рублевъ. А ежели де обѣ стороны убирать равно, то надобно на 1,000 рублевъ къ прежнимъ алмазамъ. А прежнихъ алмазовъ число и количество вѣдомо у помянутаго господина Черкасова. А понеже оной панагіи невскій архимандритъ въ гробъ съ собою не положитъ, но останется въ монастырѣ въ сокровищѣ церковномъ, на славу царскаго величества, или можетъ, по смерти упомянутаго архимандрита, до заслуженія въ такихъ же трудахъ другаго, и въ габинетъ (вм. въ кабинетъ) паки возвращена быть; того ради, помянувъ убогіе труды и

многое жданіе (разумѣется архіерейства) настоящаго архимандрита, благоволите оную панагію устроить по обѣщанію мнѣ вашего благородія, чтобъ знатна была онаго служба. Прочее пребываю вашего благородія всеблагожелательный молитвенникъ, Ѳеодосій архіепископъ новгородскій, архимандритъ Александроневскій. Изъ монастыря Александро-Невскаго, апрѣля 25 дня 1721 года".

Къ этому же письму приложена цидулка Ѳеодосія къ Макарову, въ формѣ постскрипта. „Ежели благовременно будетъ, не извольте запамятовать о отдачѣ соляныхъ прибыльныхъ денегъ Невскому монастырю на строеніе, отъ промысла того-жъ монастыря".

„О архимандритахъ, которымъ быть въ коллегіи духовной, чтобъ отданы были въ ихъ диспозицію монастыри ихъ совсѣмъ, какъ были прежде описи, чтобъ о томъ изволилъ самъ всемилостивѣйшій государь повелѣть отъ каморъ и штатсъ-конторъ коллегій президентамъ".

Подобное требованіе Ѳеодосія не могло произвести хорошаго впечатлѣнія на Екатерину. Но за прежнею близостью, въ продолженіи многихъ лѣтъ, еще стушевывались черты грубости и заносчивости зазнавшагося монаха [1]). Алмазы были присланы [2]); панагія сдѣлана, и Ѳеодосій носилъ ее, какъ драгоцѣнный даръ государя, на груди, на голубой лентѣ. „Всенижайше благодарю, писалъ Ѳеодосій императрицѣ, вашему величеству за милостивѣйшее благоволеніе о устроеніи панагіи невскому архимандриту, которая уже начата дѣлать"...

При самомъ утвержденіи своемъ, святѣйшій синодъ долженъ былъ заниматься дѣломъ о разводѣ Салтыковыхъ, дѣломъ новымъ и труднымъ. По поводу этого дѣла, Ѳеодосій Яновскій писалъ императрицѣ Екатеринѣ: „Всенижайше доношу вашему величеству о дѣлѣ Салтыкова съ женою его, которые хотятъ, чтобы дѣло по ихъ желанію было сдѣлано, а виноватаго бъ не было; къ тому жъ и чести своей очень берегутъ и одинъ

---

[1]) См. стр. 85 Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

[2]) См. письмо Ѳеодосія къ государынѣ, отъ 5-го мая 1721 г., напечат. у Чистовича, стр. 85—86 въ выноскахъ. Подлинное въ госуд. архивѣ, въ собраніи писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I. И. М.

другому не уступаетъ; когда она подала челобитную на мужа въ синодъ, тогда его въ С.-Петербургѣ не было; а когда онъ прибылъ, тогда она изъ С.-Петербурга провалилась, а онъ безъ нея не хочетъ противъ ея челобитья отвѣтствовать; отъ чего не малая въ синодѣ трудность. И ежели впредь такъ будутъ поступать, то намъ не чѣмъ будетъ и начать. Не изволите ли, ваше величество, увѣдомиться чрезъ царевну, герцогиню Курляндскую, о ея, Салтыковой, отъ мужа въ Митавѣ побояхъ, такожде и у доктора ея высочества, который ее, Салтыкову, послѣ тѣхъ побоевъ пользовалъ лекарствами; секретарю вашего величества взять бы сказку за рукою онаго доктора, которая бы намъ къ рѣшенію дѣла много помогла; понеже побоевъ смертныхъ и не смертныхъ никто такъ тонко не можетъ, какъ докторы. Сіе написавъ, ежели что непристойное, всенижайше прошу прощенія [1]).

Въ этомъ любопытномъ письмѣ вскрываются причины той медленности, какою отличалось тогда наше судопроизводство. Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о разводѣ Александры Григорьевны, урожденной Долгоруковой, съ кравчимъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ. Отецъ Салтыковой, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, также въ письмѣ къ императрицѣ, указываетъ на другія причины медленности: „Всѣмъ обидимымъ милостивая мать! Извѣстно вашему величеству, какія дочь моя отъ мужа своего нестерпимыя обиды и смертные побои терпѣла и совсѣмъ ограблена и нынѣ безъ всякаго милостиваго страждетъ разсужденія, что еще по се время не только праваго рѣшенія и ни начала по неусыпному моему прошенію въ ея извѣстномъ дѣлѣ нѣтъ, когда многія противныя сильныя особы людей въ пользу его просятъ и принуждаютъ, а моего никакого истиннаго прошенія принять не хотятъ и къ себѣ ни съ какою истиною меня не допускаютъ; того ради помянутый зять мой въ Москвѣ и по

[1]) См. письмо въ госуд. архивѣ, въ собраніи писемъ къ Екатеринѣ I, напеч. также у Соловьева, т. XVIII, стр. 197—198, и у г. Чистовича, см. стр. 86 его Ѳеофана; И. А. Чистовичъ болѣе придерживается точныхъ выраженій подлинника письма, а Соловьевъ нѣкоторыя слова замѣняетъ словами современнаго языка. Мы приводимъ это письмо согласно съ принятымъ текстомъ С. М. Соловьева. См. также каб. дѣла кн. 57, II отдѣл., л. 68 и 69, докладъ синода царю по дѣлу Салтыкова, отъ 28-го августа 1721 г., и л. 31 и 32 той-же книги. И. М.

деревнямъ всегда ѣздитъ и донынѣ гуляетъ и веселится и мнѣ ругается, и я, съ моею фамиліею, въ слезахъ едва живъ обрѣтаюсь, что по се время ни въ которой коллегіи ни единаго моего праваго дѣла окончить, ни правымъ, ни виноватымъ учинить не хотятъ, токмо безстыдно все продолжаютъ до того времени, чтобъ я отсюды по прежнему отъѣхалъ“ [1]). Дѣло это длилось, не смотря на медицинское освидѣтельствованіе побоевъ Салтыковой докторомъ Бидлоо, и кончилось уже въ 1730 году. Салтыкова постриглась, послѣ развода, въ нижегородскомъ монастырѣ, а мужъ ея въ томъ же году умеръ [2]).

Ѳеодосій былъ солидаренъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ раскольниковъ съ нижегородскимъ епископомъ Питиримомъ, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ. Ѳеодосій самъ извѣстилъ Питирима о своей хиротоніи въ архіепископа новгородскаго, и Питиримъ отвѣчалъ ему, что онъ радуется всею душою, что Ѳеодосій сдѣланъ архіепископомъ новгородскимъ [3]). Питиримъ обращается къ Ѳеодосію по дѣламъ раскольническимъ и Ѳеодосій ходатайствуетъ о приведеніи въ исполненіе его ходатайствъ предъ синодомъ и предъ государемъ чрезъ кабинетъ-секретаря Макарова. Питиримъ, очевидно, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ѳеодосіемъ, и сходился Питиримовъ взглядъ на раскольниковъ со взглядомъ на послѣднихъ самого Ѳеодосія. А каковъ былъ взглядъ Ѳеодосія на раскольниковъ, мы уже видѣли изъ его записки, представленной государю о братьяхъ Денисовыхъ.

Ѳеодосій, въ качествѣ архіерея новгородскаго, на первыхъ же порахъ начинаетъ проявлять свою административную дѣятельность какъ по своей епархіи, такъ и по синоду, какъ старшій и вліятельный вице-президентъ послѣдняго. По именному указу 1721 г., Ѳеодосій опредѣляетъ въ святѣйшій синодъ канцеляристами къ дѣламъ изъ архіерейскихъ домовъ старыхъ подъячихъ, изъ новгородскаго—Герасима Семенова, и изъ ростовскаго — Ивана Орлова [4]). Первый изъ этихъ канцеляристовъ,

---

[1]) См. письмо въ госуд. архивѣ, въ собраніи писемъ къ Екатеринѣ I-й.

[2]) См. подробности у М. И. Семевскаго, въ его книгѣ: „Царица Прасковья“, въ главѣ IV. Изданіе второе. 1883 г.

[3]) См. Опис. докум. св. синода, т. I, приложенія, стр. CXVIII, письмо 10 марта 1721 г. Питирима.

[4]) См. Опис. докум. св. синода, т. I, стр. 76, № д. 106 и 371, 16 февр. и 12 сент. 1721 г. И. М.

Герасимъ Семеновъ, за усердные труды, былъ назначенъ, по приговору святѣйшаго синода, секретаремъ, дабы имя его написано было съ прочими секретарями. Впрочемъ, такъ какъ Герасимъ Семеновъ былъ и секретаремъ архіепископа новгородскаго Ѳеодосія, то синодъ постановилъ: „быть ему у дѣлъ секретаремъ и засѣданіе съ прочими секретари имѣть, и въ званіи своемъ дѣйствительно поступать, когда президентство, а именно президентъ и вице-президенты со прочими члены собраніе имѣть будутъ, и въ прочія времена быть ему, Герасиму, при ономъ преосвященномъ архіепископѣ у отправленія порученныхъ ему дѣлъ, а за вышеозначенные его труды до синодальной отправы учинить ему изъ синодальныхъ доходовъ трактаментъ секретарской".

Ѳеодосій опредѣляетъ въ греко-славянскую при его домѣ школу учителемъ и проповѣдникомъ, вмѣсто выбывшихъ въ Москву братьевъ Лихудовъ, іеродіакона московскаго Заиконоспасскаго монастыря, Іоасафа Туркевича, и изъ своей домовой казны опредѣляетъ ему жалованье [1]). О своемъ опредѣленіи Ѳеодосій доноситъ святѣйшему синоду.

31-го марта 1721 года преосвященный Ѳеодосій представляетъ въ святѣйшій синодъ доставленную ему мірскимъ судьею, нижегородскимъ губернаторомъ Ржевскимъ, табель о раскольникахъ и о собранныхъ съ нихъ деньгахъ за 1718—1719 годы, по нижегородской епархіи. Табель эта показываетъ, что всѣхъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи было въ то время 37,771 душа обоего пола; собрано съ нихъ штрафныхъ денегъ 19,715 руб., 33 алтына, 2 деньги [2]).

Церковникъ ямбургскаго собора, Петръ Борисовъ, подаетъ преосвященному Ѳеодосію свое представленіе о сборѣ вѣнечныхъ пошлинъ съ жителей лютеранскаго исповѣданія въ Ямбургѣ, Копорьѣ и другихъ новозавоеванныхъ городахъ и уѣздахъ; подобное же доношеніе подалъ означенный выше Борисовъ и въ святѣйшій синодъ [3]).

Въ 1721 г. Ѳеодосій предлагаетъ святѣйшему синоду письмо

---

[1]) См. I т. Опис. докум. св. синода, № д. 117 и 396, 24 февр. и 13 сент. 1721 г., стр. 88.

[2]) См. томъ I-й Опис. докум. св. синода, стр. 96—97.

[3]) Тамъ-же, стр. 115.

митрополита Тихона, объ отдачѣ въ ризницу казанскаго архіерейскаго дома церковныхъ вещей, оставшихся послѣ смерти армянскаго архіерея. 5 марта 1721 г. состоялось опредѣленіе синода отдать эти вещи епископу Иннокентію, опредѣленному въ Китай во епископа [1]).

Въ 1721 году Ѳеодосій проситъ синодъ сдѣлать распоряженіе о высылкѣ въ Александро-Невскій монастырь изъ Кіево-Печерскаго и другихъ малороссійскихъ монастырей голосистыхъ іеромонаховъ и монаховъ и о посылкѣ на флотъ монаховъ изъ другихъ архіерейскихъ домовъ и монастырей, кромѣ Невскаго [2]).

Въ 1721 году открылось, что Ѳеодосія хотятъ лишить жизни, по доносу іеродіакона Александро-Невскаго монастыря Пафнутія на намѣстника того монастыря, іеромонаха Варлаама Голенковскаго, о намѣреніи сего послѣдняго лишить жизни архіепископовъ новгородскаго Ѳеодосія и псковскаго Ѳеофана. По этому доносу были допрошены іеродіаконы Павелъ и Мелетій. Іеродіаконъ Павелъ показалъ, будто намѣстникъ Александро-Невской лавры Варлаамъ Голенковскій говорилъ ему, Павлу, въ чуланѣ своемъ наединѣ: „судья де имъ Богъ, что меня никуды не отпускаютъ, когда-бъ де ихъ Богъ умертвилъ двухъ человѣковъ, а имянно, новгородскаго, да псковскаго архіереевъ, то-бъ де я на Украйну свободно выѣхалъ“. Іеродіаконъ же Мелетій показалъ, что ему Павелъ, сидѣвшій на цѣпи въ хлѣбной, передалъ слѣдующія слова намѣстника: „коли-бъ намъ уморить преосвященнаго архіерея новгородскаго, да преосвященнаго же архіерея псковскаго, то-бъ де нашъ верхъ былъ“. Спрошенный намѣстникъ, іеромонахъ Варлаамъ, отрицалъ справедливость показаній Павла. На очной ставкѣ всѣ остались при своихъ показаніяхъ; тѣмъ и закончилось производство означеннаго дѣла [3]).

---

[1]) См. Опис. докум. св. синода, т. I, стр. 129—130. Разумѣется здѣсь святый Иннокентій Кульчицкій, въ 1721 году 5-го марта посвященный въ сибирское государство, умершій 1721 г. ноября 26; 1804 года окт. 28 причтенъ къ лику святыхъ (см. списки архіереевъ, Юрія Толстого, стр. 6).

[2]) См. тамъ-же, стр. 167 и 168, т. I-й.

[3]) См. стр. 188 I т. Опис. докум. св. синода, 1721 г. марта 23-го дня, № д. 187 и 307. Мы выше замѣчали, что намѣстникъ лавры, Варлаамъ Голенковскій, былъ товарищъ Ѳеодосія по академическому курсу въ кіевской академіи и, по всей вѣроятности, ему хотѣлось подняться въ іерархіи церковной, но его не повышали Ѳеодосій и Ѳеофанъ. И. М.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 года Ѳеодосій запрещаетъ, въ домовой походной церкви ближняго боярина графа Петра Матвѣевича Апраксина, съ подвижнымъ антиминсомъ, отправлять богослуженіе; хотя онъ представлялъ ему свое болѣзненное состояніе, не дозволяющее ему посѣщать другія церкви, но преосвященный Ѳеодосій велѣлъ ему обратиться въ синодъ съ просьбою о семъ. 26-го апрѣля сего же года святѣйшій синодъ разрѣшилъ совершеніе божественной литургіи въ домовой церкви графа Апраксина до времени, доколѣ святая церковь въ показанномъ оному графу мѣстѣ построена будетъ по образцовому манеру архитектора Трезина [1]). Эту домовую церковь блаженныя памяти государыни царицы и великой княгини Марѳы Матвѣевны графъ Апраксинъ перенесъ, въ 1717 году, на загородный свой дворъ, находящійся на Невскомъ проспектѣ, называемомъ Ѳонтана.

26-го апрѣля 1721 года Ѳеодосій проситъ о припискѣ къ новгородской епархіи девятнадцати церквей Ржевскаго уѣзда новоторжской приписи и о перечисленіи этихъ церквей въ вѣдомство синодальнаго дома. 28-го апрѣля 1721 года означенныя церкви были причислены къ новгородской епархіи; но, по низложеніи Ѳеодосія, 24-го мая 1725 года, эти церкви переписаны были со всѣми ихъ доходами въ вѣдомство синодальнаго дома [2]).

Послѣ недавно описаннаго мною случая съ Голенковскимъ, Ѳеодосій проситъ уволить его отъ должности намѣстника Александро-Невскаго монастыря. Въ 1716 г., по именному указу, Варлаамъ Голенковскій былъ присланъ въ Александро-Невскій монастырь въ санѣ игумена, потомъ онъ былъ назначенъ намѣстникомъ монастыря. Выборъ его, однако, оказался не совсѣмъ удачнымъ. Онъ. намѣстникъ, не смотря на неоднократныя со стороны преосвященнаго Ѳеодосія увѣщанія, своему дѣлу и званію не прилежалъ, но жилъ въ монастырѣ, яко гость гостилъ. Поэтому преосвященный Ѳеодосій просилъ святѣйшій синодъ, дабы позволено было помянутаго Варлаама Голенковскаго отъ намѣстничества отставить въ братство, а на мѣсто его выбрать въ намѣстника изъ іеромонаховъ того-жъ Александро-Невскаго монастыря тщаливаго. Святѣйшій

---

[1]) См. стр. 206, т. I, Опис. докум. св. синода.

[2]) См. тамъ-же, стр. 225—226.

синодъ изъявилъ согласіе на эту мѣру и предложилъ архіепископу Ѳеодосію привести ее въ исполненіе [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1721 г., по доношенію Ѳеодосія и по требованію святѣйшаго синода, посланъ поручикъ Иванъ Коптѣловъ въ новгородскую епархію для сыска раскольниковъ и для сбора съ нихъ двойныхъ окладныхъ денегъ, а съ не бывшихъ у исповѣди и святаго причастія штрафныхъ [2]).

Въ томъ же мѣсяцѣ Ѳеодосій жалуется въ святѣйшій синодъ на офицеровъ, обирающихъ его домовыхъ служителей. Обиды заключались въ томъ, что офицеры сами становились у архіерейскихъ служителей постоемъ, врываясь насильно въ домы ихъ, и буйствовали въ нихъ, какъ хотѣли. Святѣйшій синодъ два раза жаловался на это военной коллегіи, требуя огражденія архіерейскихъ служителей отъ своеволія офицеровъ, но обиды не прекращались [3]).

А. И. Ушаковъ объявляетъ Ѳеодосію, въ маѣ 1721 года, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ, преступленіе архимандрита Гедеона; при этомъ тайною канцеляріею было замѣчено только, что это дѣло, по своему существу, не синодальнаго правленія, т. е. чисто гражданское или политическое. Съ Гедеона сняли монашескій и священническій санъ, назвавши его растригою Григорьемъ, и сослали въ Кирилловъ-Бѣлоезерскій монастырь [4]).

По всѣмъ дѣламъ, гдѣ были замѣшаны духовные,—а такихъ дѣлъ было много,—Ѳеодосій участвовалъ, съ учрежденіемъ тайной канцеляріи въ С.-Петербургѣ, въ засѣданіяхъ ея; такъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1721 года, Ѳеодосій въ тайной канцеляріи даетъ мнѣніе: „попа Якова Семенова, за совершеніе въ Москвѣ, въ разныхъ домахъ, церковныхъ требъ раскольническимъ обычаемъ, за такое его дерзновеніе надлежитъ съ наказаніемъ сослать въ Соловецкій монастырь, въ земляную тюрьму, для покаянія, и быть ему тамъ до кончины жизни его неисходно“ [5]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1721 года Ѳеодосій доноситъ святѣйшему

---

[1]) См. Опис. докум. и дѣлъ св. синода, т. I, стр. 240.
[2]) См. тамъ-же, стр. 256—267.
[3]) См. тамъ-же, стр. 267.
[4]) См. тамъ-же, стр. 302—309.
[5]) См. тамъ-же, стр. 310—312.

синоду о дьячкѣ Троицкой новгородской церкви, Василіи Евѳимовѣ, огласившемъ ложное чудо, будто бы бывшее въ этой церкви, и въ этомъ же доношеніи опредѣляетъ казнить этого дьячка за это преступленіе [1]).

Вмѣстѣ съ другими преосвященными, Ѳеодосій жалуется на обиды, наносимыя его подчиненнымъ свѣтскими управителями [2]) и проситъ святѣйшій синодъ распорядиться посылкою на флотъ іеромонаховъ, по доношенію князя Александра Даниловича Меншикова [3]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1721 года Ѳеодосій проситъ святѣйшій синодъ вытребовать въ типографію точныя копіи съ грамотъ восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи патріарха Никона изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и московской патріаршей ризницы, для исправленія по нимъ печатавшейся въ то время книги: „Отвѣты Питирима раскольникамъ“. Присланныя изъ иностранной коллегіи копіи съ восьми патріаршихъ грамотъ были отправлены святѣйшимъ синодомъ къ преосвященному Ѳеодосію [4]). Послѣднее ходатайство Ѳеодосія предъ синодомъ опять свидѣтельствуетъ намъ о солидарности взглядовъ Ѳеодосія и Питирима на расколъ и ихъ взаимныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Ѳеодосіемъ же, по всей вѣроятности, эти копіи съ грамотъ препровождены были къ нижегородскому епископу Питириму для означенной выше цѣли.

Въ томъ же мѣсяцѣ Ѳеодосій производитъ слѣдствіе по жалобѣ монаха Макарія, сосланнаго въ Соловецкій монастырь, на неисходное пребываніе въ немъ въ монастырскихъ трудахъ по денежной претензіи его на епископа Аарона [5]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1721 года, Ѳеодосій представляетъ въ святѣйшій синодъ донесеніе архимандрита Александро-Свирскаго монастыря Кирилла о могилѣ монаха Маркелла, почитаемаго за святаго; святѣйшій синодъ опредѣлилъ: за святаго того Маркелла

---

[1]) См. Опис. докум. св. синода, т. I, стр. 346.

[2]) См. тамъ-же, стр. 357.

[3]) См. тамъ-же, стр. 370.

[4]) См. тамъ-же, стр. 429.

[5]) См. тамъ-же, стр. 459; Ааронъ съ 1714 года викарій корельскій, изъ архим. Юрьева монастыря (см. Списки архіереевъ, стр. 4). И. М.

отнюдь не почитать, и предписалъ Ѳеодосію образъ Маркелла прислать въ синодъ [1]).

Ѳеодосію Яновскому Петръ I объявляетъ въ 1721 году, отъ 16 ноября, о необходимости воспитанія дѣтей духовенства въ учреждаемыхъ школахъ при архіерейскихъ домахъ. Такимъ образомъ, по волѣ государя, при Ѳеодосіи Яновскомъ, въ 1721 году основано въ С.-Петербургѣ духовное училище при Александро-Невскомъ монастырѣ. Петръ Великій обратилъ особое вниманіе на состояніе духовенства вообще и, въ частности, на состояніе духовенства новооснованной имъ столицы государства. Высочайшими указами еще 1714 и 1716 годовъ повелѣно было учредить при архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ цифирныя школы и обучать въ нихъ цифири и геометріи протопопскихъ, поповскихъ, дьяконскихъ и причетническихъ дѣтей. Но постановленіями регламента цифирныя школы были отмѣнены, а вмѣсто ихъ повелѣно всякому епископу имѣть въ домѣ, или при домѣ своемъ, школу для дѣтей священническихъ и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ [2]), и соединить съ ними цифирныя школы, гдѣ онѣ были открыты. Первое духовное училище (съ 1721 по 1725 г.) носило названіе: Александро-Невская Словенская школа. Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, указомъ преосвященнаго Ѳеодосія, архіепископа велико-новгородскаго и архимандрита Александро-Невскаго монастыря, отъ 11 іюля 1721 года, предписано было: „учредить въ общую пользу при Александро-Невскомъ монастырѣ, для обученія юныхъ дѣтей чтенію и писанію, словенскую школу, въ которой какъ того монастыря служительскихъ дѣтей, такъ и сиротъ, не имѣющихъ родителей и своего пропитанія и постороннихъ, кто кого отдать похочетъ, принимая отъ 5 до 13 лѣтъ, учить словенскаго чтенія и писанія, по новопечатнымъ букварямъ.... И содержать ту школу изъ обыкновенныхъ того монастыря доходовъ. Въ то же время приказано было: „для содержанія при Невскомъ монастырѣ въ ученіи словено-россійской грамматики школьниковъ убрать при канцеляріи свѣтлицу, со всѣмъ, какъ надлежитъ“. Рапортомъ отъ 4 ноября монастырская канцелярія доносила преосвященному Ѳеодосію,

---

[1]) См. Опис. докум. св. синода, т. I, стр. 450—452.
[2]) См. Полн. Собр. Закон., томъ VI, 3718.

что вышеписанная свѣтлица убрана совсѣмъ, какъ можно школьниковъ учить [1]).

Первые воспитанники Словенской школы были изъ всѣхъ сословій, но бо́льшею частію служительскія дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, дьяческіе, подьяческіе, посадскіе и монастырскіе келейники. Церковническихъ дѣтей до 1725 года было очень немного. Для пріема и выпуска воспитанниковъ не было опредѣленныхъ сроковъ: поступали въ разныя времена и продолжали ученіе столько времени, во сколько кто успѣвалъ пройти всѣ хитрости грамоты и цифири. Впрочемъ, главный начальникъ школы, преосвященный Ѳеодосій, наблюдалъ, чтобы безъ указу не окончившіе грамматики и не обучившіеся ариѳметикѣ и не свидѣтельствованные имъ самимъ изъ школы не выходили и ни въ какія службы не опредѣлялись. Отцевъ обязывали не брать изъ школы дѣтей до совершеннаго обученія ихъ. Сироты получали отъ монастыря пищу и одежду; прочіе состояли на содержаніи своихъ отцевъ, которые платили за нихъ въ монастырь по три четверти ржи и по три рубля денегъ въ годъ. Въ Александро-Невской школѣ учились азбукѣ, письму, ариѳметикѣ, псалтири, грамматикѣ и толкованію евангельскихъ блаженствъ. Въ свободное время воспитанники обучались, по силѣ духовнаго регламента, игрѣ на мусикійскихъ инструментахъ и живописи, для чего приглашаемы были особые мастера изъ города. Сначала былъ одинъ учитель, но когда число воспитанниковъ увеличилось и одному учителю стало трудно управляться со всѣми, то преосвященный Ѳеодосій, въ августѣ 1723 года, вызвалъ изъ новгородской школы другаго учителя, Андрея Тишина, который помогалъ подьяку Иродіону Тихонову, по должности наставника, обучая, кромѣ того, желающихъ и греческому языку. Канцелярія Невскаго монастыря возложила на него обязанность, сверхъ занятій по школѣ, обучать орѳографіи подьячихъ Невской канцеляріи. Вмѣстѣ съ ними келейный іеромонахъ Веніаминъ обучалъ старшихъ школьниковъ ариѳметикѣ.

Чтобы не было недостатка въ учителяхъ способныхъ для епархіальныхъ школъ, приказано было выбрать остроумнѣйшихъ

---

[1]) См. Исторію С.-Пбург. Дух. Акад. И. А. Чистовича, стр. 5, и томъ I Опис. докум. свят. синода, стр. 715.

изъ подъяковъ, или изъ поповскихъ дѣтей возрастныхъ отъ 15 до 20 лѣтъ, и прислать ихъ въ домъ преосвященнаго новгородскаго Ѳеодосія, и съ каждой епархіи по три человѣка, и по обученіи ихъ въ томъ домѣ преосвященнаго Ѳеодосія, выслать ихъ для обученія священно-служительскихъ дѣтей въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они присланы будутъ, чтобы неимуществомъ тѣхъ учителей впредь никто не извинялся [1]).

Весь курсъ ученія, въ архіерейскихъ школахъ того времени, ограничивался умѣньемъ читать по часослову и псалтири и знаніемъ заповѣдей, и обыкновенно распредѣлялся такъ: 1) азбука, 2) часословъ, 3) псалтирь, 4) заповѣди. Исключеніе изъ этого составляли школы: Элинно-греческая, подвѣдомая московской типографіи, Славяно-латинская и Кіевская школы, гдѣ преподавались науки: грамматика, піитика, риторика, философія, богословіе, и гдѣ существовало раздѣленіе учениковъ на фаристовъ, инфимистовъ, грамматиковъ, синтактовъ, піитовъ, риторовъ, философовъ и богослововъ [2]).

Образцовая или учительская школа Ѳеодосія Яновскаго ограничивала свой кругъ образованія грамматикою, но и ту могли побѣдить не всѣ, а только нѣкоторые.

Ѳеодосій въ 1722 году предложилъ святѣйшему синоду, что въ С.-Петербургѣ „люди духовнаго и мірскаго чиновъ обучаютъ дѣтей с.-петербургскихъ жителей словесной грамотѣ, которая въ дѣтскомъ возрастѣ требуетъ отъ учащаго весьма правильно грамматичнаго отъ фундамента къ чтенію и письму наученіемъ вкорененія. А они, учащіе, всѣ ли таковаго находятся искусства, о томъ святѣйшему правительствующему синоду неизвѣстно“. Вслѣдствіе этого предложенія Ѳеодосія, святѣйшій синодъ возложилъ на учителя Тихонова порученіе проэкзаменовать всѣхъ учителей со стороны ихъ познаній и способностей къ учительству и представить въ святѣйшій синодъ вѣдомость съ отмѣткою, кому можно дозволить обученіе дѣтей и кого слѣдуетъ отстранить. Такимъ образомъ неспособнымъ запрещено было принимать на

---

[1]) См. т. I Опис. докум. и дѣлъ св. синода, стр. 715.
[2]) См. тамъ-же, стр. 715.

себя учительское званіе [1]). Ѳеодосій учредилъ также надзоръ за учителями въ частныхъ домахъ и школахъ.

Въ 1721 же году Ѳеодосій, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, имѣлъ третье столкновеніе съ Стефаномъ Яворскимъ, весьма непріятное для послѣдняго, по дѣлу сына кабальнаго (дворовaго) человѣка Кузьмы Любимова, ложно писавшаго къ царевичу Алексѣю Петровичу и Алексѣю Нарышкину о небесномъ къ нему гласѣ [2]). Любимовъ, побуждаемый видѣніями и снами и желающій снискать милость царевича Алексѣя Петровича, сочинилъ въ 1713 году акаѳистъ Алексѣю человѣку Божію, также стихиры и канонъ, кондакъ и икосъ, канонъ же Марку Фряческому и стихиры малой и большой вечерни и, наконецъ, акаѳистъ Александру Невскому. Поднести Любимовъ нашелъ лучшимъ свои сочиненія чрезъ Алексѣя Ивановича Нарышкина, какъ любимца царевича. Нарышкинъ тогда былъ воеводою въ Угличѣ, и вмѣсто того, чтобъ переслать письмо и сочиненія Любимова къ царевичу, переслалъ ихъ къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому въ Преображенскій приказъ. Ромодановскій не усмотрѣлъ важности въ письмахъ и сочиненіяхъ Любимова, выпустилъ его на волю и возвратилъ ему бумаги. Въ 1720 году П. А. Толстой, въ тайной канцеляріи, уже по смерти царевича Алексѣя Петровича, возбудилъ это дѣло снова, по доносу на Любимова, что онъ сочинялъ въ пользу царевича молитвы и акаѳисты. Послѣ суда и смерти несчастнаго царевича, сношенія съ царевичемъ, самыя невинныя, были предметомъ страшныхъ розысканій. Послали отыскивать Любимова, нашли у старухи его матери уцѣлѣвшія сочиненія сына и привезли его вмѣстѣ съ ними въ тайную канцелярію. 28 февраля 1721 года тайная канцелярія предположила препроводить все дѣло на распоряженіе святѣйшаго синода; но это постановленіе канцеляріи, самимъ Петромъ, при личномъ его присутствованіи въ тайной канцеляріи, 9 марта 1721 года, было разсмотрѣно подробно: Петръ приказалъ „князь Алексѣя человѣка Долгорукова, Кузьму Любимова, и присланныя изъ Преображенской канцеляріи тетрадки сочиненія его, Любимова, отослать въ духовный синодъ [3]), и о томъ его

[1]) См. Архивъ свят. синода, дѣло № 625, 1722 г.

[2]) См. госуд. архивъ, дѣло № 91, разрядъ VI, о Кузьмѣ Любимовѣ.

[3]) См. тамъ-же, дѣло № 91, разр. VI.

сочиненіи освидѣтельствовать и слѣдовать о чемъ надлежитъ, а что явится, тому извѣстіе и его, Любимова, паки прислать въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ [1]), а по присылкѣ, за его ложный вымыселъ, будто ему былъ нѣкоторый гласъ, и то чудо вымысля солгалъ на Бога, учинить ему, Любимову, наказаніе: бить его кнутомъ и, вырвавъ ноздри, послать на каторгу въ вѣчную работу". Странное постановленіе! Для чего же посылать еще Любимова въ синодъ, когда судьба его рѣшена была уже впередъ?

Въ синодѣ въ то время Стефанъ Яворскій не присутствовалъ по болѣзни. Любимова разспрашивали Ѳеодосій и Ѳеофанъ, оба хлопотавшіе о томъ, чтобъ поскорѣе сбыть старика, твердо стоявшаго въ своихъ убѣжденіяхъ, честнаго, правдиваго и неодобрявшаго ихъ поведенія. Изъ разспросовъ Любимова обнаружилось, что онъ свои сочиненія, то есть, акаѳисты, каноны и прочія представлялъ Стефану, который благодарилъ его за труды и одобрялъ ихъ будто бы къ печатанію.

Ѳеодосій и Ѳеофанъ, ободряемые нерасположеніемъ Петра къ Стефану, не постыдились оскорбить больнаго старика, задавъ ему вопросные пункты.

Отвѣты Стефана такъ ясно обрисовываютъ его характеръ, что мы не лишнимъ считаемъ привести ихъ въ подлинникѣ [2]):

Вопросъ первый, предложенный Стефану Ѳеодосіемъ и Ѳеофаномъ. „О смотрѣніи Божіи къ нему, Любимову, о начатіи акаѳистнаго сочиненія, также сочиненныхъ имъ, Любимовымъ, Алексѣю человѣку Божію акаѳистъ и Марку Фряческому службу тебѣ, преосвященному митрополиту, онъ объявлялъ ли, и оныя ты смотрѣлъ ли и, по исправленіи, префекту Гавріилу и архимандриту Лопатинскому отдавалъ ли, и по исправленіи по нихъ приносить молитву и въ 1717 году, по его же, Любимова, прошенію, акаѳистъ Александру Невскому сочинять его ты благословлялъ ли?" [3]).

---

[1]) У Есипова эти слова приведены не точно: см. Люди стараго вѣка, стр. 257, и сличи съ дѣломъ госуд. архива № 91, разр. VI, съ указомъ 1721 г. 9 марта, подпис. П. А. Толстымъ и А. И. Ушаковымъ.

[2]) См. Есиповъ, Люди стараго вѣка, стр. 258 и слѣд.

[3]) См. дѣло, № 91, разр. VI. Любимовъ въ спросѣ своемъ въ тайн. роз. дѣлъ канц. показалъ почти одинаково съ вышеозначеннымъ вопросомъ, относительно Стефана. И. М.

Стефанъ на предложенный ему вопросъ отвѣчалъ: „Во первыхъ, надо бы накрѣпко смотрѣть и истязати время, въ кое сочинялъ Любимовъ канонъ, и въ какое время началась несчастливая трагедія, и тыя времени взмѣривши вся лукавая помышленія, у благоразумныхъ и боящихся истязателей могутъ не во что же быти и подозрѣніе неправедное яко прахъ предъ лицомъ вѣтра исчезнути. Второе, допросить сочинителя оныхъ каноновъ, какимъ намѣреніемъ, чьимъ поученіемъ и подущеніемъ, чьимъ благословеніемъ сочинялъ свое письмо, а мнѣ идущему изъ церкви подалъ онъ таковыя тетрадки, не упомню коего года и коего мѣсяца, и просилъ, чтобъ мнѣ пересмотрѣть оное письмо, нѣтъ ли въ немъ безмѣстія, и я взялъ оное письмо и, вошедъ въ келью, не смотрѣлъ его внимательно, но абіе съ дьяками кинулся къ управленію дѣлъ и къ челобитнымъ, а то письмо лежало безъ чтенія моего, и понеже онъ, Любимовъ, часто мнѣ на дорогѣ накучалъ, и я то письмо послалъ въ учительный монастырь, не упомню чрезъ кого, къ учителямъ разсмотрѣть, тое дѣло онымъ вручилъ, откуда явственно можно познати, что тутъ коварства никакого не было, понеже дѣло шло въ публику, а коварства публика не любитъ, и не того ради послано письмо къ учителямъ, чтобъ они его лукавое намѣреніе утвердили и похвалили, но того ради, аще нѣтъ въ немъ чего противнаго православной вѣрѣ, ибо тое вездѣ дѣется, о чемъ знаютъ, которые видали таковымъ дѣламъ поведеніе, а наипаче, что въ то время еще не было запрещенія, чтобъ не писать никакихъ писемъ, къ хвалѣ Божіей надлежащихъ. Акафистъ Александру Невскому первое слышу“.

На вопросъ второй, предложенный Стефану Ѳеодосіемъ и Ѳеофаномъ, что будто Любимовъ „ему, преосвященному, письмо подалъ, самъ ли, и ты его то письмо прочиталъ ли, и за труды его благодарилъ ли и то врученное письмо нынѣ у васъ ли?“ Стефанъ отвѣчалъ: „О писаніи ко мнѣ особенномъ упомню только, или въ письмѣ, или въ предисловіи помню, что написалъ свое нѣкое явленіе Божеское, о чемъ и я его истязалъ, и за то самое и читать не хотѣлъ его каноновъ. Быть можетъ, что я, не могучи иначе сбыти отъ себя онаго докучника Любимова, выслалъ его письма чрезъ келейника своего Григорья Томашевскаго. О письмѣ особенномъ не упомню, аще же бы было мню яко въ немъ прошеніе о читаніи его каноновъ, пусть онъ самъ признаетъ“.

На третій вопросъ: „по сочиненіи акаѳистовъ, каноновъ и письменныхъ молитвъ, напечатать, ты, преосвященный митрополитъ, ему, Любимову, позволилъ ли, и словесно ль или письменно, и то письменное повелѣніе ему ли отдано?“ Стефанъ отвѣчалъ, что „позволять мнѣ печатать его писемъ и думать невозможно, понеже печатный дворъ не въ моей власти, но во власти графа Ивана Алексѣевича (Мусина-Пушкина), до котораго мнѣ дѣла никакого не было, и ихъ справщикъ Ѳедоръ Поликарповъ безъ указа никогда же бы дерзнулъ печатати“ [1]). Любимовъ, при спросѣ въ тайной канцеляріи, сказалъ: „акаѳистъ и каноны онъ объявлялъ рязанскому архіерею (котораго въ письмѣ назвалъ архіерейскимъ величествомъ), а рязанскій архіерей, смотря тѣ труды его, отдалъ ко исправленію префекту Гавріилу и архимандриту Лопатинскому, а по исправленіи, онъ, Рязанской, благословилъ его, Любимова, приносить по нихъ молитву, а въ 1717 году, по прошенію его, Любимова, Стефанъ Яворскій благословилъ Любимова сочинять акафистъ Александру Невскому, который и сочиненъ“ [2]). Любимовъ благословенія на печатаніе своихъ акаѳистовъ и каноновъ и не испрашивалъ у Стефана Яворскаго, какъ видно изъ допроса Любимова, по отношенію его къ Стефану Яворскому.

Послѣдній вопросъ, предложенный Стефану Яворскому: „Напечатанный Алексѣю человѣку Божію акаѳистъ въ лицахъ и службу Марку Фряческому печатную же тебѣ, преосвященному митрополиту, онъ, Любимовъ, самъ вручилъ ли, и ты у него принялъ ли, и изъ кельи своей помянутаго келейника Григорія къ нему посылалъ ли, и за труды его похвалять ты повелѣлъ ли, и приносить по нихъ молитвы повсюду благословилъ ли, и тотъ акаѳистъ и службу онъ, келейникъ, ему, Любимову, назадъ отдалъ ли, и по твоему ли приказу и резолюціи, каковая объ ономъ ему, Любимову, отъ тебя, преосвященнаго митрополита, была ли и словесна ли или письменна?“

Стефанъ на послѣдній вопросъ Ѳеодосія и Ѳеофана отвѣчалъ: „Печатныхъ его писемъ не видѣло мое смертное око никакихъ,

---

[1]) Въ дѣлѣ госуд. архива, № 91, VI разр., о Любимовѣ, въ тайной канцеляріи и не спрашивали о томъ Любимова, позволилъ ли Стефанъ напечатать ему его сочиненія и пр., такъ какъ подобный спросъ былъ не умѣстенъ.

[2]) См. госуд. архива дѣло № 91, разр. VI, допросъ Любимова. И. М.

и не видалъ, и не принималъ ни отъ него, ниже отъ иныхъ, ниже его за трудъ хвалилъ, ниже печатныя его сочиненія (развѣ може писанныя) чрезъ Григорія келейника не высылалъ. Но что больше: чистая совѣсть яко щитъ непобѣдимъ, въ немъ всѣ стрѣлы лукаваго разженныя угасоша, и еще аще будутъ, силою Божіею угаснутъ; Богъ неповинныхъ скрываетъ въ тайнѣ лица своего отъ мятежа человѣческаго, прикрываетъ ихъ въ кровѣ своемъ отъ пререканія языкъ". Подписалъ: „писалъ больною, но не трепещущею рукою въ С.Пбургѣ, года 1721, марта 24 дня. Смиренный Стефанъ, митрополитъ рязанскій". Стефанъ вскорѣ послѣ таковыхъ допросовъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Москву и уже болѣе въ С.-Петербургъ не возвращался и синодальное управленіе находилось въ рукахъ Ѳеодосія, какъ старшаго вице-президента, и Ѳеофана. Ѳеодосій съ Ѳеофаномъ, при всемъ желаніи повредить Стефану, ничего не могли съ нимъ подѣлать; отвѣты его были на ихъ допросы такъ хороши, что имъ ничего не оставалось болѣе, какъ замять подобное дѣло и виновнымъ оказался одинъ Любимовъ.

1721 года 22-го декабря императоръ Петръ I-й, будучи въ синодальномъ домѣ, указалъ изъ оставшихся послѣ патріарховъ мантій и одеждъ годное на церковное облаченіе раздать отъ синода въ бѣдныя церкви, а что къ употребленію въ облаченіе неудобно, то раздать синодальнымъ членамъ, по разсмотрѣнію, безъ оцѣнки и безденежно. Этотъ указъ святѣйшему синоду объявленъ былъ вице-президентомъ онаго, преосвященнымъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ.

Ѳеодосій въ 1722 году, въ бытность свою въ кельѣ синодальнаго дома казначея, іеромонаха Филагрія, разсматривалъ оставшіяся патріаршія вещи и взялъ снятый съ бѣлаго чешуйчатаго камчатнаго клобука крестъ золотой, въ которомъ было 10 алмазовъ четверогранныхъ, да по концамъ четыре лала, обнизано въ одну нить среднимъ гурмысаскимъ жемчугомъ. Изъ вещей патріаршихъ преосвященному Ѳеодосію достались: ряса объяринная малиновая, на собольемъ пластинчатомъ мѣху, ряса холодная бархатная вишневая и перчатки бархатные зеленые, на собольемъ мѣху [1]).

---

[1]) См. Опис. докум. и дѣлъ св. синода, т. I, стр. 752.

Въ 1721 же году Ѳеодосій исправляетъ проэктъ посланія святѣйшаго синода къ восточнымъ патріархамъ, объ учрежденіи, въ замѣнъ патріаршаго, синодальнаго правленія [1]). Ѳеодосій въ концѣ формы письма до греческихъ патріарховъ отъ россійскаго синода, о объявленіи установленія онаго, вмѣсто россійскаго патріарха, написалъ своею рукою слѣдующія слова: „сочинено преосвященнымъ Ѳеофаномъ псковскимъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ и красоту лучшую имѣетъ. Преведено на славенскій того-жъ сенсу имъ же. И ежели всемилостивѣйшему государю такъ угодно, къ патріархамъ пошлется на греческомъ и славенскомъ“ [2]).

Въ февралѣ 1721 года Ѳеодосій отправляетъ къ Петру I-му письмо, въ которомъ проситъ его величество, чтобы деньги, собранныя съ раскольщиковъ, повелѣно было обратить на трактаментъ духовнаго правительства [3]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1721 же года Ѳеодосій проситъ кабинетъ-министра, Алексѣя Васильевича Макарова, исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя повелительный о семъ указъ, по которому бы оными сборными съ раскольщиковъ деньгами про себя и про другихъ мощно было дѣйствовать святѣйшему синоду [4]). „Безъ вашего собственнаго вѣдѣнія, пишетъ Ѳеодосій къ Макарову, сихъ денегъ на опредѣленный синодскимъ членамъ трактаментъ и въ надлежащіе расходы держать не смѣемъ“.

Пиритимъ, епископъ нижегородскій, въ 1721 г. отъ 26 февраля, сообщаетъ Ѳеодосію объ отъѣздѣ нижегородскаго вице-губернатора г. Ржевскаго съ вѣдомостями о раскольникахъ въ С.-Петербургъ и проситъ Ѳеодосія ходатайствовать предъ государемъ объ удержаніи Ржевскаго на мѣстѣ или о назначеніи его вице-президентомъ надворнаго суда, въ каковой должности онъ можетъ быть полезенъ для искорененія раскола [5]). Это письмо

---

[1]) См. Описаніе докум. и д. свят. синода, т. I, стр. 770. Въ сентябрѣ 1723 года объявлена была грамота антіохійскаго и константинопольскаго патріарховъ, признававшихъ синодъ (см. Полн. собр. зак. № 4,310, Исторію Соловьева, т. XVIII, стр. 193).

[2]) См. кн. 21, л. 80—83. Каб. д. Петра Вел., II отдѣл.

[3]) См. Опис. докум. и д. св. синода, т. I, стр. 74.

[4]) См. кн. 57, Каб. д. Петра Вел., II отдѣл., л. 30. Письмо Ѳеодосія къ Макарову, 28 апр. 1721 г.

[5]) См. Опис. докум. и д. св. синода, I т., стр. 95 и 134. И. М.

свидѣтельствуетъ намъ опять о солидарности между Питиримомъ и Ѳеодосіемъ въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ ими противъ раскольниковъ. Въ этомъ же году Ѳеодосій получаетъ письма отъ казанскаго митрополита Тихона, который проситъ Ѳеодосія принять мѣры къ поддержанію православнаго миссіонерства среди инородцевъ казанской епархіи и въ то-же время проситъ объ увольненіи его отъ управленія епархіею за старостію его лѣтъ [1]).

Святѣйшій синодъ, отъ 15 марта 1721 года, имѣя во главѣ подпись Ѳеодосія Яновскаго, „доноситъ царскому пресвѣтлому величеству о томъ, что въ сенатѣ происходитъ къ сторонѣ правительства духовнаго противность, а имянно:

1) На пункты, поданные отъ духовнаго правительства, и собственною вашего величества рукою опредѣленные, о вѣдѣніи патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, быть въ правленіи духовномъ, какъ было въ монастырскомъ приказѣ, а нынѣ, по опредѣленію сената, велѣно онымъ и служителемъ ихъ быть подъ судомъ по генеральному регламенту въ юстицъ-коллегіи, а когда генеральной регламентъ сочиниванъ, тогда о духовномъ правительствѣ еще и начинанія не было; а нынѣ, по всемилостивѣйшему опредѣленію вашего величества, духовное правительство отъ прочихъ коллегій отмѣнно, равно какъ сенатъ, и ежели быть по сенатскому нынѣ опредѣленію, то онымъ вотчинамъ и ихъ служителемъ прежнее отъ монастырскихъ властей утѣсненіе будетъ, и дабы прежнее собственною вашего величества рукою всемилостивѣйшее опредѣленіе непремѣнно было.

2) О опредѣленныхъ въ духовное правительство собственнымъ вашего величества на реестрѣ подписаніемъ секретарехъ и подъячихъ, въ ихъ сенатскомъ приговорѣ опредѣлено противно оному, что быть въ синодѣ тѣмъ, которые не у дѣлъ, и посему знатно опредѣляются тѣ, которые уже къ дѣламъ не годны, каковыми не точію таковаго важнаго и великаго дѣла, но и легчайшихъ дѣлъ управлять невозможно, а оныя по реестру секретари и подъячіе, хотя и у дѣлъ, но не въ сенатѣ, ниже въ коллегіяхъ, и не у толь важныхъ, какъ духовное правительство, во ономъ же сенатскомъ

[1]) См. Опис. докум. и д. св. синода, I т., стр. 364—368.

приговорѣ опредѣлено, дабы синоду довольствоватися монастырскаго и патріаршихъ приказовъ, и архіерейскими и знатныхъ монастырей дьяками и подъячими, а изъ оныхъ мѣстъ лучшіе приказные люди разобраны до сего времяни къ дѣламъ въ коллегіи въ губерніи, а оставлены только негодные.

3) Духовныя персоны до опредѣленія духовнаго правительства, по разнымъ касающимся до нихъ дѣламъ, браны были въ разныя канцеляріи и приказы, а отнынѣ, дабы вашего величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно было, чтобы до оныхъ духовныхъ персонъ ни касалось, изслѣдовать о томъ въ духовномъ правительствѣ, доколѣ изъ нихъ до кого не дойдетъ до розыску гражданскаго суда, дабы иногда безвинные не страдали со злодѣями въ темницахъ.

4) О требованіяхъ духовнаго правительства противъ посылаемыхъ въ сенатъ вѣдѣній докладъ бываетъ какъ о партикулярныхъ дѣлахъ по реестру, въ чемъ есть духовнымъ дѣламъ продолженіе и остановка, и дабы такія духовнаго правительства дѣла, яко не партикулярныя, но важныя къ резолюціи предлагалися кромѣ реестра безъ продолженія.

5) С.-Петербургской типографіи правитель Аврамовъ писался донынѣ цейхъ-директоромъ, понеже имѣлъ въ правленіи своемъ с.-петербургской цейгоузъ, а нынѣ ему, при правительствѣ духовномъ, какой имѣть рангъ; его прошеніе, дабы писаться генераломъ директоромъ, а въ духовномъ правительствѣ приговорили, напримѣръ, именоватися ему оберъ-директоромъ отъ типографіи, или верховнымъ или главнымъ директоромъ отъ типографіи, или протодиректоромъ отъ типографіи. А дѣло его будетъ надсмотрѣніе имѣть какъ надъ типографіями, такъ и надъ иконописцами и живописцами, и надъ ихъ академіею, ежели опредѣлено будетъ.

6) С.-Петербургской типографіи въ одномъ ли мѣстѣ быть и розданные станы во едино собрать ли, а мнится быть прилично, дабы въ одномъ мѣстѣ оную размножить“ [1]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1721 года Ѳеодосій и Ѳеофанъ въ письмѣ къ Макарову (отъ 30-го апрѣля) жалуются „на долговременное коснѣніе съ синодальныхъ предложеніяхъ его царскому величеству

[1]) См. кн. каб. д. Петра В. 57, л. 18 и 19, л. 33 и 34.

и просятъ г. Макарова прилежно потщиться, церкви ради святой, исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя милостивое рѣшеніе на ихъ предложенія“ [1]). Синодъ переживалъ трудное время, время начальной дѣятельности, и въ какую эпоху! Предложенія синодальныя не скоро утверждались и не скоро приводились въ исполненіе; приходилось синоду нѣсколько разъ докладывать его величеству объ одномъ и томъ же предметѣ и не получать резолюцій на синодальныя доношенія.

И. Я. Морошкинъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

---

[1]) См. 57 кн., каб. д. Петра В., II отд., л. 31.

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ

министръ юстиціи.

«Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія».
Псал. Давида.

I.

Введеніе.—Значеніе времени управленія министерствомъ юстиціи графомъ В. Н. Панинымъ.—Родители его: графъ Никита Петровичъ и графиня Софья Владиміровна.—Графы Никита Ивановичъ, Петръ Ивановичъ и Никита Петровичъ Панины.—Воспитаніе графа Виктора Никитича.—Вступленіе его на службу 15-го декабря 1819 года.—Буря на Черномъ морѣ и капитанъ Папо-Христи.—Назначеніе графа Панина въ Грецію повѣреннымъ.—Переводъ его въ помощники статсъ-секретаря при государственномъ совѣтѣ.—Назначеніе товарищемъ министра юстиціи въ 1832 году и управляющимъ министерствомъ юстиціи въ 1839 году.

Въ 1874 году, 12 (24) апрѣля, въ г. Ниццѣ, на 73 году своей жизни, отошелъ въ вѣчность графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.

Прахъ его покоится въ фамильномъ склепѣ въ стѣнахъ Троицко-Сергіевской пустынѣ, что близъ Петербурга.

Отпѣваніе графа на вѣчный покой: идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная, происходило 5-го мая того-же 1874 года. Имя графа Виктора Никитича Панина и должность министра юстиціи, которую онъ занималъ назадъ тому 24 года, было однозначущее выраженіе.

Такъ, когда говорили о графѣ Панинѣ, то въ имени этомъ подразумѣвали и министра юстиціи, и наоборотъ, когда упоминали о министрѣ юстиціи, то думали о графѣ Панинѣ.

Повторяемъ, въ свое время, въ устахъ всѣхъ, это имѣло одинъ смыслъ и было одно слово.

И, дѣйствительно, графъ Панинъ былъ назначенъ на эту должность въ 1839 году и, оставаясь въ этомъ званіи до конца 1862 года, т. е. въ теченіи 23 лѣтъ, былъ въ памяти современниковъ лицомъ несмѣняемымъ. Мысль эта еще болѣе подтверждается, если припомнимъ, что въ 1832 году онъ былъ уже товарищемъ министра юстиціи и за отсутствіемъ бывшаго тогда министра Дашкова управлялъ министерствомъ юстиціи (1833 г.).

Итакъ, имя графа Панина въ теченіи 30 лѣтъ неразрывно было связано съ судебнымъ вѣдомствомъ. Между тѣмъ, въ это время возросло, созрѣло и достигло высшихъ должностей цѣлое поколѣніе людей, посвятившихъ себя дѣлу суда.

Многіе изъ нихъ, начавъ при графѣ Панинѣ службу тотчасъ по окончаніи курса наукъ, достигали впослѣдствіи званія сенаторовъ. Вотъ это время, по справедливости, можно назвать панинскимъ періодомъ. Честный и суровый взглядъ графа Панина на дѣло вообще и на службу въ особенности, сознаніе въ необходимости дѣятельной власти, а равно уваженіе къ добросовѣстному труду и, наконецъ, стремленіе къ поддержанію историческихъ основъ нашего отечества, — суть тѣ свойства, кои были присущи ему. Послѣдствія очевидны. Свойства сіи не могли не быть усвоены и лицами, созрѣвшими въ длинный періодъ его управленія и кои нынѣ, въ похвалу его добраго имени и времени, занимаютъ высшія должности по судебному вѣдомству.

При графѣ Панинѣ вступленіе на службу обусловливалось непремѣнно окончаніемъ курса наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такой выборъ людей имѣлъ послѣдствіемъ то, что въ производствѣ судебныхъ дѣлъ выработалась своего рода научность, образовалась стойкость или твердость взглядовъ, возникло уваженіе къ закону и, въ концѣ концовъ, окрѣпла и самая судейская правда.

Да! Наука и опытъ на дѣлѣ, при безупречности въ направленіи, образовали массу людей панинскаго періода. Но время не удержимо! За смертью графа Панина слѣдуютъ, въ свою очередь, одинъ за другимъ, и его старѣйшіе подчиненные. И скоро,

и близко то время, когда не останется въ живыхъ ни одного изъ тѣхъ бывшихъ его подчиненныхъ, кои во время его составляли боевую или, лучше сказать, дѣловую силу судебнаго вѣдомства. Почтемъ-же память графа Виктора Никитича изложеніемъ хотя главныхъ обстоятельствъ его жизни, а равно служебной и государственной его дѣятельности. Но для того, чтобы поселить довѣріе въ читателѣ, скажемъ, что пишущій сіи строки въ теченіи многихъ лѣтъ, съ 1844 по 1861 годъ, занималъ при немъ разныя должности, въ томъ числѣ начальника гражданскихъ отдѣленій департамента министерства юстиціи и старшаго юрисконсульта при консультаціи. Нынѣ, по прошествіи многихъ лѣтъ, спокойно, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности за истину предъ потомствомъ и, наконецъ, съ молитвою на устахъ о томъ, чтобы Господь Богъ не уклонилъ сердце наше въ словеса лукавствія, мы рѣшились посвятить нѣсколько страницъ памяти отошедшаго въ вѣчность графа Виктора Никитича.

Но при всемъ этомъ оговоримся, что мы не пишемъ полной біографіи его, на что потребовались бы многія данныя, коихъ мы, находясь въ Кіевѣ, не имѣемъ, но мы по преимуществу излагаемъ живыя и личныя воспоминанія о немъ, и если коснемся нѣкоторыхъ фактовъ внѣ служебныхъ отношеній, то только по тѣсной связи описываемыхъ предметовъ съ другими обстоятельствами его жизни, провѣренными нами.

Впрочемъ, для изложенія нашей статьи мы заручились свѣдѣніями, частью полученными непосредственно отъ вдовы графа Панина, графини Натальи Павловны, урожденной Тизенгаузенъ, а частью почерпнутыми нами изъ другихъ источниковъ, болѣе или менѣе офиціальныхъ и не подлежащихъ сомнѣнію.

Начнемъ съ того, что графъ Викторъ Никитичъ былъ сынъ графа Никиты Петровича Панина, жившаго въ 1771 по 1837 годъ, извѣстнаго въ свое время дипломата и образованнѣйшаго человѣка; супруга его, мать графа Виктора, была графиня Софья Владиміровна, урожденная графиня Орлова, умершая 7 января 1844 года. По общему отзыву современниковъ, графиня Софья Владиміровна отличалась образованностью, высшими душевными качествами и въ особенности щедрою благотворительностію.

Бракъ родителей графа Виктора послѣдовалъ съ соизволенія императрицы Екатерины II, выраженнаго въ письмѣ ея отъ 2-го

апрѣля 1789 года къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову (Русск. Истор. Сб., т. I, стр. 116).

При чемъ императрица соизволеніе это напутствовала добрыми пожеланіями на радость и утѣшеніе какъ самихъ бракосочетавшихся, такъ и ихъ родителей.

Въ 1791 году у графа Никиты и его супруги родился сынъ Александръ, бывшій попечитель Харьковскаго округа, жившій постоянно въ Москвѣ. Онъ умеръ въ 1850 году. А въ 1801 г., 28 марта, явился на свѣтъ Божій и нашъ графъ Викторъ.

Въ промежутокъ времени между рожденіями сихъ сыновей родители ихъ подверглись несчастію: они въ теченіи марта мѣсяца 1797 года потеряли двухъ мальчиковъ, Петра и Владиміра, и дочь Елизавету.

Чтобы лучше оттѣнить родъ отца графа Виктора, Никиту, отъ другаго графа, тоже Никиты Панина, жившаго также во времена Екатерины II, мы скажемъ нѣсколько словъ о семъ послѣднемъ.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, получившій графское достоинство, родился 15 сентября 1718 года и умеръ 31 марта 1783 года. Онъ извѣстенъ былъ какъ первоприсутствовавшій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а главное—какъ воспитатель наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. Женатъ онъ не былъ, хотя и былъ помолвленъ съ дочерью графа Петра Борисовича Шереметьева, но невѣста его, фрейлина императрицы Екатерины, графиня Анна Петровна, предъ самою своею свадьбою, къ несчастью, занемогла оспою и умерла 17 мая 1768 г., на 24 году своей жизни.

Родной братъ графа Никиты Ивановича, графъ Петръ Ивановичъ, былъ дѣдъ нашего графа Виктора, отличался преимущественно на поприщѣ военной службы и прославилъ себя въ турецкую войну 1770 года взятіемъ Бендеръ и въ 1774 году уничтоженіемъ пугачевскихъ скопищъ. Умеръ въ 1789 году.

Графъ Петръ Ивановичъ былъ женатъ два раза: первая его жена, Анна Алексѣевна, была изъ рода Татищевыхъ, а вторая, Марія, была урожденная Ведель.

Отъ двухъ сихъ женъ, какъ извѣстно, онъ имѣлъ двадцать два человѣка дѣтей. Изъ нихъ двадцать умерли при жизни родителей, а изъ оставшихся: дочь Софія была замужемъ за

Тутолминымъ, а сынъ Никита былъ отецъ нашего графа Виктора. Графъ Никита Петровичъ былъ посломъ въ Берлинѣ въ царствованіе императора Павла, а потомъ вице-президентомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и вице-канцлеромъ—на 29 году своей жизни!

Біографіи графа Никиты Ивановича, Петра Ивановича и, наконецъ, Никиты Петровича не составляютъ предмета нашей статьи, а потому мы, не вдаваясь въ это, обращаемся къ графу Виктору Никитичу.

Служеніе отца его на дипломатическомъ поприщѣ, по всей вѣроятности, дало поводъ и ему самому посвятить себя этого-же рода дѣятельности.

Воспитаніе свое графъ Викторъ Никитичъ получилъ домашнее, въ имѣніи Смоленской губерніи, въ селѣ Думно, подъ руководствомъ своего отца, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, и ученаго воспитателя-нѣмца, по имени Бютгеръ.

Воспитаніе это, если судить по послѣдствіямъ, было весьма основательное.

Фактъ этотъ подтверждается тѣмъ, что онъ держалъ экзаменъ въ московскомъ университетѣ и обнаружилъ потомъ глубокія и обширныя свѣдѣнія въ области разныхъ наукъ, языкахъ, древнихъ и новыхъ, а главное—и въ русскомъ языкѣ. Сопровождался-ли этотъ экзаменъ полученіемъ ученой степени студента или кандидата, мы не знаемъ.

Если принять во вниманіе, что экзаменъ этотъ онъ держалъ на 18 году своей жизни, то трудно предположить, чтобы онъ получилъ ученую степень; скорѣе нужно думать, что экзаменъ этотъ былъ на право вступленія на службу. Но съ другой стороны, извѣстно и то, что первый чинъ, который онъ получилъ на службѣ, былъ чинъ титулярнаго совѣтника, поэтому нужно думать, что онъ экзаменомъ въ университетѣ получилъ право на чинъ 12 класса, что соотвѣтствуетъ степени кандидата. Впрочемъ, это не важно,—въ виду того, что онъ впослѣдствіи достигъ высшихъ степеней служебной іерархіи. Замѣтимъ, что въ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ нынѣшняго основательное изученіе русскаго языка не входило въ область воспитанія нашихъ знатныхъ фамилій. Дѣти ихъ отлично говорили и писали на иностранныхъ языкахъ и въ особенности на французскомъ, но по

русски, къ стыду своему, и писали, и говорили не-умѣло. Правда, въ то время Карамзинъ и другіе писатели открыли глаза нашимъ соотечественникамъ въ томъ, что знаніе русскаго языка— есть первый долгъ всякаго, любящаго свое отечество, но повторяемъ, что высшіе дворяне того времени плохо говорили по русски и еще хуже того писали на своемъ родномъ языкѣ. Но графъ Панинъ представлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе: онъ правильно писалъ по русски и совершенно свободно излагалъ свои мысли, при томъ почеркъ его руки былъ весьма четкій и красивый. Хотя предшественники его, министры юстиціи: Державинъ, Дмитріевъ, Дашковъ и Блудовъ были знатоками въ русскомъ языкѣ, но и графъ Панинъ между современниками отличался знаніемъ русскаго языка и притомъ слылъ за образованнѣйшаго и ученаго человѣка.

Государственная служба его началась 15 декабря 1819 года вступленіемъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ. Чрезъ годъ съ небольшимъ онъ назначенъ былъ переводчикомъ, а въ слѣдующихъ за симъ годахъ 1823 и 1824 онъ имѣлъ уже два ордена: св. Анны 3 степени и св. Владиміра 4 степени, и получилъ чинъ титулярнаго совѣтника. Въ томъ-же году онъ назначенъ былъ въ миссію въ Мадридъ вторымъ секретаремъ, но здѣсь онъ не долго оставался и послѣ 14 декабря 1825 года снова возвратился въ коллегію. Въ 1826 и 1827 годахъ графъ Панинъ получилъ чины коллежскаго ассесора, надворнаго совѣтника и званіе камеръ-юнкера. Въ 1828 году объявлена была война съ турками и графъ Викторъ Никитичъ былъ назначенъ въ походную канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ.

Канцелярія эта, вмѣстѣ съ своимъ министромъ Нессельроде и прочими иностранными послами, въ октябрѣ 1828 года, на пути изъ г. Варны въ г. Одессу, едва не сдѣлалась жертвою бурныхъ волнъ Чернаго моря, хотя графа Панина въ томъ числѣ не было, по случаю его командировки.

Извѣстно, что императоръ Николай, по взятіи крѣпости Варны русскими войсками, 2-го октября 1828 года, сѣлъ на корабль „Императрица Марія“ и отправился въ г. Одессу.

Сопровождавшая его военно-походная канцелярія, съ министромъ графомъ Нессельроде, помѣстилась на фрегатѣ „Пантелеймонъ“ и должна была слѣдовать за государемъ. Въ теченіи

полутора сутокъ плаваніе было весьма благополучно, но вдругъ все измѣнилось, забушевала буря и оставалось одно только—закрыть паруса и отдаться на произволъ шторма. Густой туманъ и порывистый вѣтеръ разъединили два корабля, а штормъ усилился до ужасающихъ размѣровъ; мачты на кораблѣ „Марія“ разбились въ дребезги и, въ довершеніе бѣдствія, корабль этотъ несло по направленію къ Босфору, т. е. въ Константинополь—ко врагу, турецкому султану Махмуду.

Императоръ, въ виду угрожающихъ обстоятельствъ, началъ отдавать приказанія матросамъ, но капитанъ корабля Папо-Христи, сознавая всю важность отвѣтственности предъ Россіею и всѣ печальныя послѣдствія отъ неумѣлыхъ распоряженій, громко и смѣло воскликнулъ:

— „Государь, здѣсь на кораблѣ одинъ капитанъ—Папо-Христи, другаго нѣтъ и быть не можетъ!“

— Справедливо! отвѣчалъ государь. Исполняйте свои обязанности!

Туманъ между тѣмъ разсѣялся, корабль былъ въ виду турецкихъ береговъ. Но Провидѣніе хранило жизнь государя. Буря начала стихать и корабль, не смотря на свои поврежденія, получилъ правильный ходъ и благополучно прибылъ въ г. Одессу.

А о судьбѣ фрегата „Пантелеймонъ“ не было долго никакихъ свѣдѣній. Разнесся слухъ, что фрегатъ погибъ безслѣдно, но Провидѣніе и его хранило!

По описанію, корабль этотъ, лишившись мачтъ и всѣхъ снастей, носился въ морѣ по волѣ вѣтра и волнъ. Капитанъ объявилъ, что къ спасенію нѣтъ никакой надежды.

Всѣ начали готовиться къ смерти. Офицеры, матросы и члены дипломатическаго корпуса стояли на колѣняхъ и молились Богу. Іеромонахъ, замѣнявшій на кораблѣ должность священника, читалъ разрѣшительныя молитвы. Четыре дня и ночи фрегатъ носился по морю, но, наконецъ, благодареніе Богу, достигъ, сверхъ всякаго чаянія, севастопольскаго порта. Пассажиры сошли на берегъ полумертвые отъ страха, изнеможенія, голода и холода.

Въ томъ-же 1828 году графъ Викторъ Никитичъ командированъ былъ въ Грецію къ повѣренному нашему Бунгаро, гдѣ поддерживалъ президента графа Каподистрія, а въ 1829 году

онъ самъ назначенъ былъ уполномоченнымъ въ Грецію, гдѣ и оставался до 1831 года. Время, проведенное графомъ Панинымъ въ Греціи (съ 1828—1831 г.), чрезвычайно интересно въ исторіи. Это то самое время, когда греческое королевство, такъ сказать, получило свою политическую жизнь. Адріанопольскій миръ въ сентябрѣ 1829 года опредѣлилъ ея границы и самобытное существованіе. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ особыхъ данныхъ о дѣятельности здѣсь графа Панина и должны будемъ описаніе о семъ предоставить будущему его историку.

Въ теченіи этого времени графъ Панинъ получилъ чины коллежскаго и статскаго совѣтниковъ, а въ 1830 и въ 1833 г. награжденъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ пожалованіемъ въ званіе камергера.

Если принять во вниманіе, что въ 1831 году ему было не болѣе 30 лѣтъ отъ роду, а исправленіе должности повѣреннаго въ Греціи было соединено съ важными обязанностями и довѣріемъ, то нельзя не признать, что способности графа проявлялись въ первые годы его службы и замѣчены были тогда-же высшимъ правительствомъ. Замѣчаніе это подтверждается еще тѣмъ, что въ томъ-же 1831 году онъ назначенъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, по департаменту законовъ, а вслѣдъ затѣмъ 21 апрѣля 1832 года онъ назначенъ былъ къ исправленію должности товарища министра юстиціи, коимъ былъ тогда Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, къ которому графъ питалъ глубокое уваженіе. Личность министра юстиціи Дашкова и образъ его дѣйствій въ поддержаніи законнаго порядка, въ ходѣ судебныхъ дѣлъ, оставили глубокіе слѣды и въ товарищѣ его, графѣ Викторѣ Никитичѣ.

Личное уваженіе ихъ между собою сдѣлало ихъ друзьями. Дашковъ не долго былъ министромъ. Въ это время умираетъ главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи, графъ Сперанскій, и онъ заступаетъ его мѣсто. Дашкова замѣнилъ графъ Блудовъ и въ отсутствіе его, съ 3 іюня по 5 сентября 1834 года, графъ Панинъ управляетъ министерствомъ юстиціи.

Послѣ сего въ 1839 году, декабря 31 дня, графъ Панинъ, на 38 году своей жизни, назначается управляющимъ министерствомъ

юстиціи, а засимъ 16 апрѣля 1841 года утверждается въ этой должности съ производствомъ его въ тайные совѣтники.

Въ семьѣ графа Панина сохранилось такое преданіе, что когда онъ былъ еще помощникомъ статсъ-секретаря и былъ однажды на балу, императоръ Николай Павловичъ, обратившись къ французскому послу Баремту и указавъ на графа Панина, сказалъ: „вотъ мой будущій министръ“.

Со времени 1839 года по 21 октября 1862 года графъ Панинъ остается постоянно въ званіи министра юстиціи, и въ этотъ періодъ заявили свои стойкія служебныя достоинства и выработали свои убѣжденія тѣ лица, кои отчасти и нынѣ составляютъ высшую судебную власть.

Мы говоримъ о нѣкоторыхъ членахъ государственнаго совѣта и въ томъ числѣ о нынѣшнемъ министрѣ юстиціи.

II.

Назначеніе графа Панина въ 1860 году предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу.—Опроверженіе мнѣнія о томъ, что графъ Панинъ былъ противникомъ крестьянскаго дѣла.—Рѣчь графа при вступленіи въ редакціонную коммиссію.—Дѣятельность его въ коммиссіи.—Содержаніе высочайшаго рескрипта графу Панину, 23-го апрѣля 1861 года.

О трудахъ графа Панина по министерству, образѣ дѣйствій и, наконецъ, управленіи онымъ мы скажемъ впослѣдствіи, теперь же упомянемъ, что, состоя въ званіи министра, на него, 18-го февраля 1860 года, по случаю смерти Я. И. Ростовцева, было возложено предсѣдательство и непосредственное начальство надъ редакціонными коммиссіями, состоявшими при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, съ освобожденіемъ его отъ управленія министерствомъ юстиціи.

Многіе, со словъ сенатора Соловьева, писатели о крестьянской реформѣ говорятъ еще и теперь, что графъ Панинъ былъ будто бы противникомъ крестьянскаго дѣла до назначенія его предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи. Не такъ, скажемъ мы. Правда, онъ, состоя еще до этого времени въ секретномъ, а съ 1858 г. въ Главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, указывалъ на важность сего дѣла и на то, что оное слѣдуетъ вести съ крайнею осторожностью,

но это не значитъ — быть противникомъ реформы по крестьянскому дѣлу; это только свидѣтельствуетъ о его своеобразной мудрости и не болѣе того. И дѣйствительно, крестьянское дѣло въ самомъ началѣ было темное, во всякомъ случаѣ новое, выходившее изъ круга науки, не обставленное осязательными данными, а потому, какъ и слѣдовало ожидать, графъ Панинъ отнесся къ нему совершенно сдержанно и съ явною, вполнѣ основательною, осторожностью.

Доказательствомъ вѣрности этого взгляда служитъ прилагаемое слово, сказанное членамъ редакціонной коммиссіи 21 февраля 1860 года. „Господа, сказалъ графъ Панинъ, вы помните слова государя императора. Они глубоко запечатлѣны въ моей памяти и я буду дѣйствовать сообразно съ ними. Вы знаете, что предсѣдатель редакціонной коммиссіи еще не утвержденъ, а потому я не могу сказать ничего ни успокоительнаго, ни неблагопріятнаго для васъ. Я надѣюсь, что вы воздержитесь отъ всего, что можетъ возбудить большія надежды или опасенія дворянства. Хотя самъ богатый помѣщикъ, я не забуду интересовъ помѣщиковъ небогатыхъ; но помня, что крестьяне здѣсь не имѣютъ представителей, я всегда буду имѣть въ виду ихъ выгоды, тѣмъ болѣе, что вполнѣ убѣжденъ, что это дѣло не можетъ обойтись безъ жертвъ со стороны дворянства. Это дѣло, господа, наше частное, семейное, оно не должно выходить отсюда, не надо распространять его, а тѣмъ боляе писать что нибудь о немъ за границу. Теперь я имѣю, господа, къ вамъ еще просьбу: я слышалъ, что многіе изъ васъ собираются у графа Шувалова, гдѣ дворяне приготовляются къ выборамъ, а потому я прошу васъ прекратить ваши посѣщенія къ нему, потому что тамъ будутъ стараться завлечь васъ. Дверь моя, господа, всегда открыта для всѣхъ и каждаго изъ васъ; но я прошу васъ не посѣщать меня, чтобы не подать повода къ толкамъ, что я нахожусь подъ вліяніемъ. Итакъ, господа, совѣтую вамъ заняться. Въ этомъ отношеніи я имѣю навыкъ и могу сказать вамъ, что нѣтъ такого государственнаго дѣла, котораго нельзя было бы окончить въ 14 дней“.

Рѣчь ободряющая, вызывающая на скромность и трудъ, но скажемъ, что и званіе предсѣдателя редакціонной коммиссіи онъ принялъ съ должною покорностію, единственно только по волѣ

государя императора, но тѣмъ не менѣе обязанности по сему званію онъ исполнялъ въ высшей степени добросовѣстно.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству многихъ членовъ редакціонной коммиссіи, онъ изучалъ крестьянское дѣло во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ, прислушивался къ мнѣнію опытнѣйшихъ изъ нихъ, относясь съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ ко всему. И только благодаря графу Панину и его настойчивости, всѣ попытки затормазить это дѣло послѣ смерти Ростовцева не увѣнчались успѣхомъ.

Тутъ онъ встрѣчалъ, какъ и слѣдовало ожидать, многое для себя новое, о чемъ прежде и не думалъ, какъ и многіе лучшіе его современники. Предъ нимъ открылся другой міръ и иной бытъ! Но, къ счастію, этотъ міръ былъ не чуждъ для него, такъ какъ графъ родился, воспитался и провелъ первую молодость въ деревнѣ и былъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ разныхъ губерніяхъ.

Въ оправданіе графа скажемъ еще, что мысль объ устройствѣ быта крестьянъ въ томъ видѣ, какъ оное выражено въ крестьянскомъ положеніи 19 февраля 1861 года, развилась не вдругъ, но мало по малу и съ бо̀льшими или меньшими недоразумѣніями. Да и вообще слѣдуетъ замѣтить, что для составленія крестьянскаго положенія не было такого мудреца, который бы, такъ сказать, сразу обхватилъ все дѣло и имѣлъ бы ясную идею, что̀ и какъ слѣдуетъ написать и изложить.

Графъ былъ человѣкъ научный, глубоко образованный, съ многосторонними знаніями, но въ мысляхъ своихъ и въ общемъ порядкѣ онъ не иначе допускалъ развитіе законодательства, какъ въ строгой исторической послѣдовательности.

Въ крестьянскомъ же дѣлѣ что было научнаго и историческаго? Въ немъ ясно было одно только, это то, что всякій человѣкъ, какъ существо нравственное и свободное, не можетъ быть вещью или рабомъ другаго подобнаго же существа и что государь императоръ заявилъ твердое намѣреніе покончить вопросъ, тяготѣвшій вѣками надъ Россіею, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ! Но на какихъ основаніяхъ? Вотъ это былъ вопросъ крайне темный,—какъ по существу своему, такъ и по отношенію къ дворянству, какъ сословію, на коемъ зиждились основы государства. Да и самъ государь, со всею своею любовію

къ человѣчеству и въ особенности къ Россіи, не могъ вполнѣ и съ ясностью выразить, что̀ и какъ онъ желаетъ свершить освобожденіе крестьянъ.

Слова въ рескриптахъ на имя начальниковъ края и губерній и въ оффиціальныхъ заявленіяхъ о томъ, что освобожденіе крестьянъ должно быть безобидно для обѣихъ сторонъ, т. е. помѣщиковъ и крестьянъ, далеко не выражали того, что̀ и какъ слѣдовало сдѣлать.

Къ разрѣшенію сего вопроса нужно было призвать всю Россію въ лицѣ всего россійскаго дворянства, ея губернскихъ комитетовъ и опытнѣйшихъ людей въ лицѣ членовъ редакціонной коммиссіи, преданныхъ всею душою великому дѣлу освобожденія крестьянъ и исполненія въ семъ отношеніи воли государя императора.

Съ назначеніемъ предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи у графа Панина не было уже колебанія и онъ со страстью предался этому и довершилъ оное вмѣстѣ съ другими со славою.

Итакъ, убѣдимся, что графъ Викторъ Никитичъ не былъ противникомъ крестьянскаго дѣла, напротивъ того, онъ, какъ мужъ государственный и служивой, любящій свое отечество, думалъ о томъ, какъ бы окончить это дѣло безъ сотрясенія отечества и какъ бы не ввести правительство въ ошибку.

Не осуждать за это нужно, но воздавать должную похвалу.

Такъ и сдѣлалъ царь!

Важность заслугъ собственно членовъ редакціонной коммиссіи въ общемъ составѣ выражена въ рескриптѣ государя императора, послѣдовавшаго на имя графа Виктора Никитича, какъ предсѣдателя, отъ 17 апрѣля 1861 года, и въ другомъ рескриптѣ отъ 23 апрѣля 1861 г., по поводу пожалованія его высшею наградою въ государствѣ,—орденомъ Андрея Первозваннаго, исчислены всѣ его заслуги по крестьянскому дѣлу.

Мы не можемъ, при изложеніи его государственной дѣятельности, не упомянуть о семъ рескриптѣ, приводимъ его цѣликомъ:

„Нашему статсъ-секретарю и дѣйствительному тайному совѣтнику министру юстиціи, графу Виктору Панину. По особенной къ вамъ довѣренности и по вашей опытности въ дѣлахъ государственнаго управленія, пріобрѣтенной многолѣтнею и всегда

полезною службою вашею отечеству, мы, въ февралѣ 1860 года, призвали васъ къ исполненію обязанностей предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій, учрежденныхъ для составленія проектовъ положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Коммиссіямъ предстояло тогда привести въ общую систему всѣ предварительныя работы и приступить къ составленію окончательныхъ проектовъ новыхъ законоположеній. Все это исполнено редакціонными коммиссіями съ полнымъ успѣхомъ во время вашего предсѣдательства. По поступленіи работъ сихъ коммиссій въ главный по крестьянскому дѣлу комитетъ, а потомъ въ государственный совѣтъ, вы принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ вообще трудахъ по разсмотрѣнію новыхъ о крестьянахъ положеній. Вполнѣ сочувствуя освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ и изучивъ всѣ вообще подробности этого труднаго, обширнаго и многосложнаго дѣла, вы пламеннымъ въ этомъ дѣлѣ участіемъ много содѣйствовали успѣшному его совершенію. Желая изъявить вамъ искреннюю признательность нашу за огромные и полезные труды, вами въ этомъ дѣлѣ понесенныя, и, вообще, за ревностное и полезное служеніе ваше престолу и отечеству въ важныхъ государственныхъ должностяхъ, на васъ возложенныхъ, мы, въ изъявленіи такой признательности нашей, всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ императорскаго ордена нашего св. апостола Андрея Первозваннаго, коего знаки, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ императорскою милостію нашею навсегда благосклонны“.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано: Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 23-го дня 1861 г.

III.

Назначеніе графа Панина непремѣннымъ членомъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.—Опроверженіе мнѣнія о томъ, что онъ былъ противникомъ судебной реформы.—Слухи о поводахъ къ выходу въ отставку.—Д. Н. Замятнинъ.—Заслуги его.—Имена лицъ, занявшихъ мѣста при введеніи реформы.

Съ окончаніемъ крестьянскаго дѣла, графъ Викторъ Никитичъ въ то-же время, именнымъ указомъ 19-го февраля 1861 г., назначенъ былъ непремѣннымъ членомъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и здѣсь, какъ и во всѣхъ возлагаемыхъ на него обязанностяхъ, онъ полагалъ свою душу и дѣятельность на благослуженіе отечеству. Но силы его, повидимому, ослабѣвали и глаза въ особенности стали болѣть. Въ уваженіе сего ему предоставлено было воспользоваться отпускомъ съ 1-го іюля по 25-е октября 1861 года. Засимъ онъ снова вступаетъ въ управленіе министерствомъ юстиціи, гдѣ въ это время шла усиленная работа по начертанію новыхъ судебныхъ уставовъ.

Излагать его дѣятельность и личныя воззрѣнія отдѣльно отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, кои занимались этимъ дѣломъ, мы считаемъ неудобнымъ. Достаточно будетъ сказать, что его дѣятельность въ семъ отношеніи и усилія слились въ общую массу работъ и по достоинству вмѣстѣ съ другими оцѣнены верховною властью.

Скажемъ, что имена членовъ государственнаго совѣта, а въ томъ числѣ и графа Виктора Никитича, а равно и лицъ, бывшихъ въ коммиссіи, учрежденной при государственной канцеляріи по устройству судебныхъ мѣстъ и новаго судопроизводства, должны сохраниться на вѣки въ благодарномъ потомствѣ.

Противудѣйствія со стороны графа Виктора Никитича въ какомъ-либо отношеніи не было, доказательствомъ сему служитъ обширная переписка его съ графомъ Блудовымъ, имѣющаяся въ министерствѣ юстиціи, начиная съ 1849 года.

Разсмотрите и увѣруйте въ то, что мы говоримъ!

Правда, были заявленія его и мнѣнія частью несогласныя съ окончательными выводами, принятыми впослѣдствіи въ государственномъ совѣтѣ, но это ничего не доказываетъ.

Дѣло устройства суда и начертанія правилъ новаго судопроизводства развивалось и выяснялось тоже не вдругъ, а постепенно.

Повѣдаемъ теперь, что при первоначальномъ обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ проекта судопроизводства заявлена была графомъ Блудовымъ высочайшая воля о томъ, чтобы въ совѣтѣ не было возбуждаемо вопросовъ ни о гласномъ, ни объ устномъ судопроизводствѣ, ни о присяжныхъ засѣдателяхъ, ни объ адвокатахъ, но впослѣдствіи все это устранено,—сила вещей измѣнила намѣренія власти.

Фактъ о семъ не былъ оглашенъ до сихъ поръ въ печати, но оный не подлежитъ сомнѣнію.

Итакъ, скажемъ, что до начертанія основныхъ началъ нашего судоустройства и судопроизводства, высочайше утвержденныхъ 29-го сентября 1862 года,—всѣ блуждали и не знали на чемъ остановиться. Разногласія графа Панина съ другими членами тутъ были не при чемъ и потому память о немъ не должна быть омрачаема.

Правда, вслѣдъ за утвержденіемъ 29-го сентября 1862 года означенныхъ выше сего основныхъ правилъ, графъ Викторъ Никитичъ, 21-го октября 1862 г., по разстроенному здоровью и, главнымъ образомъ, по слабости глазъ, не считая себя въ силахъ исполнить реформу, уволился отъ званія министра юстиціи; но не забудемъ того, что въ то-же время онъ оставленъ въ званіи члена государственнаго совѣта и статсъ-секретаря и вслѣдъ за симъ 27-го февраля 1864 года былъ назначенъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи и предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта.

Въ этомъ случаѣ ходъ его службы и дѣятельности былъ совершенно одинаковъ съ предшественниками его, Д. В. Дашковымъ и графомъ Блудовымъ, кои оставили по себѣ добрую память въ дорогомъ нашемъ отечествѣ. Все это мы приводимъ, чтобы отвергнуть заявленія нѣкоторыхъ писателей о томъ, что будто бы роль графа Панина, съ утвержденіемъ упомянутыхъ основныхъ правилъ, по званію министра была съиграна и ему пришлось выйти въ отставку и что, наконецъ, будто бы судебная реформа есть исключительное дѣяніе его преемника Д. Н. Замятнина. Не такъ, отвѣчаемъ мы.

Сначала упомянемъ, что дѣйствительно силы графа Виктора

Никитича, въ особенности же зрѣніе, слабѣли и ему надо было подумать о своемъ здоровьи. Но не смотря на это, въ оффиціальномъ мірѣ носились разные слухи о причинахъ его отставки. Самый правдоподобнѣйшій изъ сихъ разсказовъ, по нашему мнѣнію, былъ слѣдующій: въ осенній сезонъ 1862 года въ государственномъ совѣтѣ разсматривался проектъ законоположеній объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Иниціатива этого закона, разумѣется, всецѣло принадлежала милосерднѣйшему изъ монарховъ, императору Александру II. О приведеніи сего предположенія въ исполненіе предложилъ и настаивалъ въ особенности графъ М. А. Корфъ. Члены государственнаго совѣта, въ виду сего, а можетъ быть и глубокаго убѣжденія, признали эту мѣру своевременною. Но не такъ думалъ графъ Панинъ,—онъ отрицалъ эту мѣру, какъ не соотвѣтствовавшую степени развитія и образованія народа, а главное потому, что съ неустройствомъ тюремной реформы—тѣлесныя наказанія невозможно было замѣнить тюремнымъ заключеніемъ.

Ко благу человѣчества, мнѣніе его не было принято.

Но не скроемъ о томъ, что впослѣдствіи, послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, тюрьмы были переполнены арестантами и приходилось выпускать ихъ на свободу раньше срока, опредѣленнаго судебнымъ рѣшеніемъ.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній совпалъ съ мыслію графа Панина о выходѣ въ отставку, о чемъ и подано было имъ прошеніе, которое и было принято, и 21-го октября 1862 г. о семъ состоялось высочайшее соизволеніе.

Постановленіе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній распубликовано было 17-го апрѣля 1863 года,—день рожденія приснопамятнаго императора Александра II.

Приводимъ означенный фактъ, чтобы повѣдать, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, чтобы набрасывало какую либо тѣнь на честное имя графа Виктора Никитича Панина. И дѣйствительно, въ мнѣніяхъ его о несвоевременности отмѣны тѣлесныхъ наказаній ничего нѣтъ не соотвѣтствующаго ни законодательству, ни тогдашнимъ нравамъ народонаселенія.

Тѣлесныя наказанія существовали издавна, народъ былъ грубъ и страхъ для нарушителей закона необходимъ былъ, да и теперь въ волостяхъ, по приговорамъ сельскихъ властей, крестьяне

подвергаются сѣченію розгами. Если это наказаніе поддерживаетъ грубость нравовъ, то тюремныя заключенія обрекаютъ на праздность, развращаютъ денежныя взысканія и раззоряютъ крестьянъ.

Въ виду послѣдняго, графъ Панинъ и находилъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній преждевременною.

Но мы отъ себя скажемъ, что нужно было покончить и съ этимъ дѣломъ, позорящимъ человѣчество, а потому слава и вѣчная благодарность государю императору Александру II за отмѣну казней и тѣлесныхъ наказаній! Что же касается до мысли о томъ, что будто бы дѣло судебной реформы принадлежитъ преемнику графа Панина—Д. Н. Замятнину, то это болѣе, нежели преувеличено и далеко отъ истины.

Если бы можно было спросить самого Замятнина: правда ли, что̀ ему приписываютъ? Онъ, какъ человѣкъ добросовѣстный, отвѣчалъ бы: не правда. Я, сказалъ бы онъ, продолжалъ то, что было выяснено прежде меня, и то, что не могло быть иначе; я, по званію министра, выбиралъ только лицъ на мѣста изъ числа людей, кои были подготовлены въ долгій періодъ управленія графа Панина и кои имъ были уже намѣчены. Вотъ въ чемъ собственно состояла дѣятельность и заслуга Замятнина!

Въ доказательство сего, припомнимъ имена лицъ, поступившихъ при первоначальномъ введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Въ сенатѣ первоприсутствующимъ въ гражданскомъ отдѣленіи—Башуцкій, въ уголовномъ—Корніолинъ-Пинскій; сенаторы гражданскаго департамента—А. И. Войцеховичъ, М. Н. Любощинскій, Д. Н. Набоковъ; сенаторы уголовнаго департамента: В. А. Арцимовичъ, Буцковскій; оберъ-прокуроры уголовнаго департамента: Ковалевскій и гражданскаго—фонъ-Дервизъ.

Въ с.-петербургской палатѣ: Гольтгойеръ, Фришъ, Шаровскій, Зубаревъ, Гюне, Ковалевскій, Чемадуровъ.

Въ московской палатѣ: Полѣновъ, Шаховъ и проч.

Всѣ эти лица, за исключеніемъ Башуцкаго и Войцеховича, суть люди окончательно выработавшіеся и воспитавшіеся въ періодъ времени графа Панина. Правила реформы ими были восприняты до назначенія ихъ на сіи должности. Оставшіеся при Д. Н. Замятнинѣ лица: Н. И. Стояновскій, Хвостовъ, Шрейберъ, Д. И. фонъ-Дервизъ, Эссенъ, Рѣпинскій, Беръ и Врангель—суть

также лица, выработавшіяся и созрѣвшія въ министерствѣ юстиціи въ періодъ управленія графа Панина.

Всѣмъ этимъ мы не хотимъ умалить достоинствъ Замятнина, напротивъ того, онъ, какъ начальникъ, былъ крайне доступный, привѣтливый, добрѣйшій и опытный въ выборѣ людей; вотъ съ этими достоинствами онъ имѣлъ полную возможность узнать лицъ, могущихъ привести въ дѣйствіе судебную реформу.

Такимъ образомъ, созданіе судебной реформы не есть дѣяніе бывшаго министра юстиціи Замятнина, но есть плодъ усилій цѣлаго поколѣнія людей и дѣльцовъ созрѣвшихъ и выработавшихъ свои убѣжденія въ теченіи долгаго періода панинскаго времени. При томъ, съ учрежденіемъ особой коммиссіи при государственномъ совѣтѣ, министерство юстиціи въ начертаніи проэкта было въ сторонѣ.

Министерству или, лучше сказать, Д. Н. Замятнину принадлежитъ самое открытіе и введеніе реформы, что и послѣдовало въ с.-петербургскомъ округѣ 17 апрѣля 1866 года.

Графъ Панинъ въ это время продолжалъ свою дѣятельность въ государственномъ совѣтѣ и по званію главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ, гдѣ и оставался по 1867 годъ. Его замѣнилъ князь С. Н. Урусовъ.

Въ заключеніе сего отдѣла добавимъ, что и лица, составлявшія коммиссію при государственной канцеляріи для составленія судебныхъ уставовъ, въ большинствѣ принадлежали также къ составу министерства юстиціи—времени графа Панина.

Мысль о томъ, что графъ Панинъ, выборомъ людей и научною подготовкою ихъ къ занятію высшихъ должностей, далъ полную возможность впослѣдствіи введенія судебной реформы въ 1864 г. выражена вполнѣ въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 15 декабря 1869 года.

Рескриптъ этотъ напечатанъ нами въ заключеніе настоящаго нашаго очерка.

IV.

Награды, кои получены графомъ Панинымъ во время его службы.—Вниманіе императора Николая I къ его женитьбѣ на графинѣ Наталіи Павловнѣ, урожденной Тизенгаузенъ.—Дѣти графа Панина.—Щедрость его.

Занятіе высокаго поста министра юстиціи съ 1839 года по 1862 годъ, въ теченіи двухъ царствованій, свидѣтельствуетъ, что милость къ графу Виктору Никитичу императоровъ Николая и Александра II была къ нему постоянна и неизмѣнна. Но въ службѣ вниманіе государей къ заслугамъ ихъ министровъ выражается еще пожалованіемъ ихъ орденами въ сроки болѣе или менѣе короткіе. Въ этомъ отношеніи, можемъ сказать, графъ Панинъ не былъ счастливъ.

Такимъ образомъ, орденъ св. Анны 1-й степени онъ получилъ 31 декабря 1834 года, когда былъ товарищемъ министра юстиціи, а чрезъ девять лѣтъ послѣ сего, именно 1 января 1843 года, онъ пожалованъ былъ орденомъ Бѣлаго Орла. Въ 1846 году, декабря 31 дня, онъ награжденъ былъ орденомъ Александра Невскаго и затѣмъ до самой смерти императора Николая, послѣдовавшей 18 февраля 1855 года, въ теченіи девяти лѣтъ, служба графа Виктора Никитича ни чѣмъ не была поощрена.

Служащіе въ то время въ министерствѣ юстиціи не могли объяснить это, но должно засвидѣтельствовать, что графъ работалъ съ прежней энергіей, ѣздилъ безъ пропусковъ во дворецъ на выходы и ни словомъ, ни взглядомъ, ни дѣломъ не далъ повода думать, что онъ былъ не въ милости.

Въ это время постоянно въ обществѣ носился слухъ, что вотъ-вотъ будетъ назначенъ другой министръ на мѣсто Панина, но это не оправдывалось. Преданный графу М. И. Топильской былъ въ отчаяніи, метался повсюду, чтобы узнать, что, какъ и почему, но самъ графъ Панинъ по виду былъ покоенъ.

Годы сіи были временемъ недоумѣнія.

Немилость государя къ нему объясняли тѣмъ, что самъ графъ былъ скупъ на представленія къ наградамъ и что императоръ,

не жалуя его, давалъ тѣмъ ему чувствовать, что онъ самъ забывалъ другихъ; впрочемъ, все это были одни только слухи, но скажемъ кстати, что графъ Панинъ, дѣйствительно, не былъ щедръ на награды. За то если графъ Панинъ кого либо награждалъ или дѣлалъ представленія о комъ либо внѣ правилъ, то можно было быть увѣреннымъ, что это лицо поистинѣ было того достойно.

Впрочемъ, мы припомнимъ одинъ случай, свидѣтельствующій объ особомъ взглядѣ графа на награды. Въ числѣ воспитанниковъ перваго выпуска училища правовѣдѣнія 1840 года отличались по службѣ въ особенности два: Н. Ѳ. Коржевскій и Л. Л. Вестингаузенъ.

Послѣ четырехлѣтней службы, они, по ходатайству графа Панина, были награждены орденами Станислава 2-й степени, сопровождаемыми собственноручными его письмами о томъ, что они награждаются не столько за личныя заслуги, сколько, главнымъ образомъ, для того, чтобы служили примѣромъ для другихъ, будучи одними изъ первыхъ, проявившихъ свою дѣятельность.

За исключеніемъ этого случая, мы не помнимъ, чтобы кто либо въ короткое время удостоенъ былъ наградами не въ мѣру или кто либо получилъ высшую должность, не прослуживъ въ низшей достаточное время.

Слово карьеристъ не имѣло мѣста при графѣ Панинѣ. Въ 1856 году 1 января, т. е. почти чрезъ годъ послѣ смерти императора Николая, графъ Панинъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ 1859 году 8 сентября ему пожалованы алмазные знаки къ ордену Александра Невскаго.

Въ 1865 году 1 января онъ пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени, потомъ награжденъ былъ золотою медалью въ память устройства крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, такую же медаль онъ получилъ въ 1861 году за труды по освобожденію крестьянъ въ Россіи.

Засимъ апрѣля 16 дня 1867 года, въ выраженіе монаршей признательности за продолжительное и обильное полезными результатами служеніе и въ изъявленіе искренняго благоволенія е. и. в., всемилостивѣйше пожалованы алмазные знаки императорскаго ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, при именномъ высочайшемъ рескриптѣ.

Послѣдняя его награда была 15 декабря 1869 года, когда по случаю 50-лѣтняго юбилея графъ Викторъ Никитичъ всемилостивѣйше пожалованъ былъ украшеннымъ алмазами портретомъ е. и. величества для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ, при именномъ высочайшемъ рескриптѣ.

Независимо отъ должности министра юстиціи, въ 1842 году онъ былъ назначенъ вице-президентомъ общества попечительства о тюрьмахъ, потомъ въ 1844 году онъ былъ назначенъ въ комитетъ, учрежденный для начертанія проекта о преобразованіи мужскихъ сиротскихъ институтовъ; въ чемъ состояла дѣятельность графа Панина въ семъ комитетѣ мы обстоятельныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Въ 1849 году 21 апрѣля ему объявлена была признательность государя за Константиновскій межевой институтъ. Онъ также много посвящалъ времени дѣлу спеціальнаго размежеванія земель въ Россіи.

Далѣе, по случаю участія графа въ Человѣколюбивомъ обществѣ, онъ неоднократно получалъ признательность отъ государя императора.

Ко всему этому добавимъ, что въ 1865 году онъ состоялъ предсѣдателемъ въ комитетѣ объ устройствѣ евреевъ, но въ скорости дѣла сего комитета были переданы въ комитетъ министровъ.

Въ 1866 году іюня 15 дня, за отсутствіемъ предсѣдателя департамента законовъ, онъ назначенъ былъ членомъ верховнаго уголовнаго суда.

16 апрѣля 1867 года онъ былъ уволенъ, по разстроенному здоровью, отъ должности главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи статсъ-секретаря.

Въ заключеніе сего отдѣла разскажемъ еще и другіе поводы къ немилости государя императора Николая къ графу Панину. Такъ, говорятъ, что будто-бы однажды графъ А. Ѳ. Орловъ спросилъ Панина: почему тебя не награждаютъ? Послѣдній будто-бы отвѣчалъ: „я того не требую, я служу Россіи!“ Слова его были переданы императору и онъ будто-бы сказалъ: „Ну, пусть-же его Россія и награждаетъ!“ Объясняютъ еще неудовольствіе императора на Панина другимъ случаемъ: государь однажды посѣтилъ госпиталь, гдѣ докторъ Флоринскій пожаловался ему

на то, что Пашковъ магнитизеръ не платитъ ему. Государь, въ уваженіе его, приказалъ взыскать съ Пашкова въ 6-ти мѣсячный срокъ, но графъ Панинъ доложилъ государю, что при установленныхъ срокахъ мѣра эта не можетъ быть приведена въ исполненіе.

О семейной жизни графа Панина вотъ что намъ извѣстно: на 33 году своей жизни онъ женился на фрейлинѣ двора ея величества Натальѣ Павловнѣ Тизенгаузенъ.

Фамилія графовъ Тизенгаузенъ принадлежитъ къ древнимъ и знаменитымъ родамъ Остзейскаго края. Отецъ ея, графъ и сенаторъ, былъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Во время женитьбы графъ Панинъ былъ товарищемъ министра юстиціи Д. В. Дашкова.

Вступленіе его въ бракъ сопровождалось испрошеніемъ всемилостивѣйшаго соизволенія, которое и послѣдовало 27 декабря 1834 г.; государь императоръ Николай Павловичъ, разрѣшивъ этотъ бракъ, соблаговолилъ собственноручно на докладѣ написать: „весьма радъ счастливому выбору графомъ Панинымъ и желаю ему всякаго благополучія“.

Обстоятельство это свидѣтельствуетъ, что императоръ Николай сердечно относился къ семейному положенію графа Панина.

Въ другой разъ императоръ Николай выразилъ ту мысль, что продолжительное отсутствіе Панина отъ должности товарища министра ему, государю, не желательно. Такая мысль государя выражена была при слѣдующихъ обстоятельствахъ: послѣ бракосочетанія графа Виктора Никитича, именно въ апрѣлѣ 1835 года, онъ просился въ 4-хъ мѣсячный отпускъ въ Москву для свиданія съ своими родителями, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему посѣтить и родителей его жены, графовъ Тизенгаузенъ, въ Остзейскомъ краѣ.

Императоръ, разрѣшая ему отпускъ, соизволилъ отозваться: „я увѣренъ, что графъ Панинъ лишнее время въ отпуску не пробудетъ“.

Ясно, что государь о графѣ Панинѣ имѣлъ понятіе какъ о человѣкѣ трудящемся.

Да, онъ трудился и трудился неустанно, что извѣстно всѣмъ служившимъ подъ его начальствомъ, о чемъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Отъ брака съ графиней Наталіей Павловной онъ имѣлъ сына Владиміра, уже умершаго, и четыре дочери, изъ коихъ старшая, Ольга, родилась въ 1836 г., и три другія, Евгенія, Леонилла и Наталія, родившіяся въ 1837, 1840 и 1843 гг. Намъ извѣстно, что старшая изъ ихъ дочерей, графиня Ольга Викторовна, вышла замужъ за графа Левашева, графиня Леонилла состояла въ замужествѣ за графомъ Владиміромъ Егоровичемъ Комаровскимъ, а графини Евгенія и Наталія скончались. Сынъ Владиміръ былъ женатъ на дочери генерала Сергѣя Ивановича Мальцева и умеръ въ 1872 г., въ подмосковномъ имѣніи, въ с. Морфинѣ, оставивъ по себѣ дочь Софію.

Состояніе графа было значительное и заключалось въ 8-ми тысячахъ душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Послѣ освобожденія крестьянъ онъ объѣхалъ всѣ имѣнія съ сыномъ и щедро предоставилъ крестьянамъ въ собственность всѣ земли, которыми они до тѣхъ поръ пользовались.

Приводимъ это для того, чтобы удостовѣрить, что графъ дѣйствительно былъ богатъ и не дорожилъ жалованьемъ по должности министра юстиціи. Содержанія онъ получалъ 8,017 рублей ассигнаціями и, какъ намъ положительно извѣстно, оное употреблялъ на помощь чиновникамъ его вѣдомства и другимъ людямъ.

Такъ, онъ почасту снабжалъ одеждою бѣдныхъ чиновниковъ, равно дровами, чаемъ въ зимнее время и проч. пособіями.

Лица сіи, получивъ пособія, не знали даже отъ кого оныя были пожертвованы.

Объ этомъ знали экзекуторъ департамента министерства юстиціи Лалаевъ, да М. И. Топильской, который завѣдывалъ домашними дѣлами графа Панина.

V.

Обязанности генералъ-оберъ-прокурора.—Свойство судебныхъ дѣлъ, требующихъ письменности.—Вниманіе графа вообще къ дѣламъ.—Анекдотъ его съ М. А. Корфомъ по поводу личныхъ докладовъ.—Консультація при министерствѣ юстиціи, важность оной.—Опроверженіе мнѣнія о томъ, что графъ Панинъ не былъ самовластенъ.—Взгляды его на дѣла уголовныя.—Стойкость въ дѣлахъ графа Панина.—Дѣло о маіоратѣ графа Ивана Ѳедоровича Паскевича-Эриванскаго.—Милосердіе императора Александра II.

Съ должностью министра юстиціи соединяется и званіе генералъ-оберъ-прокурора.

Обязанности его и отношенія къ сенату и судебнымъ мѣстамъ были весьма обширны. Мы не станемъ ихъ исчислять, такъ какъ оныя опредѣлены закономъ (т. I, учр. мин., ст. 1905 и т. д.), но скажемъ, что свойство всѣхъ судебныхъ дѣлъ, кои поступали въ министерство юстиціи, при своей сложности, требовали неизбѣжно письменности. Доклады составляютъ возможно краткіе, но тѣмъ не менѣе всякія дѣла представляются министру не иначе, какъ при запискѣ.

Люди, служившіе при графѣ Панинѣ, сознавали, что нужно облегчать министру и избавлять его, по возможности, отъ чтенія обширныхъ докладовъ, но устранить вовсе письменность и замѣнить ее личными докладами было нельзя. Посему напрасно обвиняютъ графа Панина въ пристрастіи къ бюрократизму.

Подчиняясь по необходимости письменному порядку, графъ Панинъ могъ удобно располагать своимъ временемъ.

Припомнимъ, что онъ, по званію министра юстиціи, въ теченіи недѣли долженъ былъ присутствовать: въ понедѣльникъ и пятницу въ государственномъ совѣтѣ, во вторникъ—въ комитетѣ гг. министровъ, въ четвергъ—въ совѣтѣ гг. министровъ. Въ пятницу почасту бывалъ и въ общемъ собраніи сената.

При докладахъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ графъ удивлялъ всѣхъ знаніемъ обстоятельствъ оныхъ и вообще поражалъ своимъ краснорѣчіемъ.

Готовясь къ докладу въ государственномъ совѣтѣ, онъ, какъ намъ извѣстно, бралъ дѣла на домъ и просиживалъ надъ ними до глубокой ночи, а часто и до разсвѣта. Подлинныя бумаги

судебныхъ дѣлъ и печатныя записки оныхъ были испещрены его замѣтками. Однимъ словомъ, онъ работалъ, какъ истый юрисконсультъ.

Кабинетъ графа въ министерствѣ съ длинными и широкими столами заваленъ былъ ежедневно докладами и бумагами. Представляли графу только то, что было неотлагательно нужно, но громадный запасъ докладовъ хранился въ канцеляріи директора; сей послѣдній пускалъ въ ходъ, когда представлялась къ тому возможность.

Простой взглядъ на груды дѣлъ и бумагъ, коими заваленъ былъ кабинетъ графа, могъ привести простаго смертнаго въ ужасъ и отчаяніе.

Все это заставляло графа беречь время, сидѣть въ кабинетѣ и волею-неволею не быть доступнымъ для всѣхъ и во всякое время, какъ того многіе желали.

Не будемъ скрывать и того, что графъ Панинъ дѣйствительно любилъ уединеніе и отдавалъ себя всецѣло труду, но все это не подлежитъ нареканію.

Пріемъ публики производился въ назначенное время еженедѣльно; при семъ онъ, выслушивая просителей со вниманіемъ, терпѣливо отбиралъ записки и прошенія и потомъ не оставлялъ безъ вниманія.

Въ крайнихъ случаяхъ онъ предоставлялъ дѣлать пріемъ ситилей своимъ товарищамъ: Шереметьеву, Илличевскому или Д. Н. Замятнину.

Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать, что графъ Панинъ небезучастно относился къ обществу, въ чемъ его такъ упрекали.

По поводу обвиненія его въ отсутствіи личныхъ докладовъ разскажемъ одинъ характерный случай, свидѣтельствующій о томъ, что графъ Панинъ былъ находчивъ, остеръ и не давалъ себя въ обиду.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Александра II, когда, съ цѣлью достигнуть прогресса,—всѣ огуломъ заговорили о необходимости гласности, устности и о личныхъ докладахъ и когда въ этомъ только и видѣли спасеніе отечества, графъ заявилъ, что и онъ въ возможныхъ случаяхъ послѣдуетъ такому же порядку. И дѣйствительно, начались личные доклады у графа. Потомъ, встрѣтясь съ графомъ Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ,

управлявшимъ тогда II-мъ отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи, онъ сказалъ ему, что вотъ и онъ въ министерствѣ юстиціи вводитъ личный докладъ.

— Прекрасно, поздравляю съ прогрессомъ, вскричалъ Корфъ, давно бы пора это сдѣлать.

Графъ Панинъ сдержанно выслушалъ это, а потомъ сказалъ ему: „а знаете, что я замѣтилъ? Что чиновники изъ лицеистовъ докладываютъ гораздо хуже университетскихъ и правовѣдовъ, да и вообще, прибавилъ онъ, лицеисты выказываютъ себя какъ-то неумѣлыми и даже грубыми".

Графъ Корфъ понялъ, куда метилъ графъ Панинъ.

Извѣстно, что Корфъ былъ лицеистъ.

Особымъ предметомъ заботливости и попеченія графа Панина безъ сомнѣнія были консультаціи, учрежденныя при министерствѣ юстиціи.

Сюда поступали дѣла по разногласіямъ гг. сенаторовъ изъ общихъ собраній сената, коихъ въ то время было три: два въ С.-Петербургѣ и одно въ Москвѣ.

По поступленіи сихъ дѣлъ въ министерство въ видѣ печатныхъ записокъ, графъ немедля ихъ предварительно обозрѣвалъ и тутъ же собственноручно отмѣчалъ какъ въ книгѣ, заведенной по сему предмету по консультаціи, такъ и на самихъ печатныхъ запискахъ: кому какое дѣло онъ назначаетъ для доклада и на какое число, при чемъ означалъ имя, отчество и фамилію докладывающаго полными словами. При назначеніи дѣлъ можно было видѣть, что графъ отлично зналъ спеціальность докладывавшихъ, не смѣшивая криминалистовъ съ цивилистами.

Онъ не ограничивался только лицами, служащими въ министерствѣ юстиціи или по консультаціи, нѣтъ, всѣ оберъ-секретари и секретари сената, а равно чиновники за оберъ-прокурорскимъ столомъ привлекаемы были и къ докладу. Напримѣръ, П. А. Зубовъ, оберъ-секретарь 5-го департамента, часто по назначенію Панина докладывалъ дѣла или писалъ предложенія; за симъ дѣла докладывались и составлялись, такъ называемые, журналы съ прописаніемъ мнѣнія членовъ консультаціи и вмѣстѣ съ сенатскимъ заключеніемъ, а часто и съ подлиннымъ дѣломъ, представлялись графу. По возвращеніи отъ графа можно было ясно

видѣть по замѣткамъ, на печатныхъ запискахъ и по журналу консультаціи, что онъ дѣло это разсматривалъ во всѣхъ подробностяхъ.

При изложеніи же своихъ резолюцій, графъ вовсе не стѣснялся ни большинствомъ мнѣній гг. сенаторовъ, ни голосами членовъ консультаціи, а прямо высказывалъ или прописывалъ свое заключеніе.

Въ случаѣ несогласія графа съ большинствомъ сенаторовъ въ прежнее время писалось предложеніе и вносилось въ общее собраніе. Принятіе $^2/_3$-ми голосовъ сенаторовъ предложенія г. министра оканчивало дѣло, т. е. предложеніе обращалось въ опредѣленіе и посылались исполнительные указы, а въ противномъ случаѣ дѣло вносилось въ государственный совѣтъ.

Проходили многіе мѣсяцы, пока дѣло, внесенное въ государственный совѣтъ, подвергалось тамъ разсмотрѣнію.

Тутъ опять графъ, выказывая свое терпѣніе, снова возобновлялъ въ своей памяти дѣло, разумѣется, во всей подробности.

По свидѣтельству лицъ, графъ при докладѣ въ государственномъ совѣтѣ поражалъ всѣхъ и знаніемъ дѣла, и, сверхъ того, краснорѣчіемъ.

Этого мало, оставаясь недоволенъ работою докладывающихъ, не только исправлялъ редакціи предложенія, но самъ писалъ ихъ во всей полнотѣ.

Такъ, въ 1852 года, онъ написалъ предложеніе о земляхъ Пермской губерніи, Чердынскаго уѣзда, по рѣкѣ Лолопъ, графовъ Строгоновыхъ.

Предложеніе было весьма обширное и сдѣлало бы честь лучшему и опытнѣйшему юрисконсульту.

Но составляя самъ предложенія, онъ умѣлъ цѣнить труды своихъ подчиненныхъ и благодарить ихъ въ такихъ выраженіяхъ, кои обличали въ немъ, что на письменныя работы ихъ онъ смотритъ какъ-бы на созданія художниковъ, увѣковѣчивающихъ имя своими произведеніями. Старшій юрисконсультъ С. И. Зарудный (нынѣ сенаторъ) занимался съ особою любовію старымъ дѣломъ о земляхъ г. Смоленска. Дѣло это, по своей сложности, обширности и запутанности, было весьма трудное, но С. И. Зарудный отнесся къ нему весьма серьезно и съ любовію. Докладъ

по сему дѣлу и составленіе по оному предложенія были такъ отчетливо и художественно изложены, что графъ, читая оные, не могъ не восхищаться работою его.

Утверждая докладъ его и подписывая составленное по оному предложеніе сенату, графъ Панинъ сказалъ приблизительно слѣдующія слова:

— „Если бы я хотя одинъ разъ въ жизни доложилъ бы такое дѣло и написалъ бы такое предложеніе, какъ С. И. Зарудный, то я считалъ бы, что моя жизнь прожита не напрасно".

Вникните въ эти замѣчательныя слова.

Министръ цѣнитъ письменную и служебную работу своего подчиненнаго и ставитъ ее такъ высоко, что если бы онъ ее свершилъ, то считалъ бы достаточнымъ, чтобы прославить свое имя. Сказать подобныя слова могъ только тотъ, который умѣлъ понимать, цѣнить работу и сознавать ея трудность, а это не всякому дается.

Да и вообще скажемъ, что каждый разъ, когда по какому-либо бывшему на консультаціи дѣлу сенатскія печатныя записки возвращались отъ графа, всѣ мы, работавшіе при немъ, съ любопытствомъ разсматривали оныя, гдѣ онъ и въ какомъ мѣстѣ, и на чемъ именно, остановилъ свое вниманіе.

Замѣтки сіи подтверждали и убѣждали насъ во-очію, что графъ Панинъ былъ дѣлецъ, трудолюбивый и глубокомысленный человѣкъ.

Такого трудолюбія въ разработкѣ дѣла мы не встрѣчали ни въ одномъ изъ тогдашнихъ членовъ консультаціи, ни въ его товарищахъ Илличевскомъ и Замятнинѣ и ни въ комъ-либо другомъ.

Обыкновенно при обсужденіи дѣла на консультаціи члены оной ограничивались только изъявленіемъ согласія,—съ большинствомъ или съ меньшинствомъ голосовъ общаго собранія сената или съ кѣмъ либо отдѣльно изъ гг. сенаторовъ. Въ особую разработку дѣла, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, никто изъ нихъ не пускался.

Одинъ только графъ Панинъ не стѣснялся ни большинствомъ голосовъ гг. сенаторовъ въ сенатѣ, ни мнѣніемъ членовъ консультаціи, и прямо высказывалъ свое убѣжденіе.

А между прочимъ кстати скажемъ, сколько важныхъ дѣлъ

рѣшено на консультаціи и сколько лицъ, благодаря внимательному разсмотрѣнію въ оной, охранены отъ потери правъ и получили свое имя и имущество и, наконецъ, сколько вопросовъ юридическихъ разъяснены въ ней до степени догматовъ, не говоря о другихъ законоположеніяхъ, разсмотрѣнныхъ также въ консультаціи.

Мы могли бы, въ подтвержденіе сего, привести многочисленные примѣры, но ограничимся нѣсколькими:

1) Жена инспектора кіевскаго университета Дудникова обвинялась въ убійствѣ своего мужа (1852 г.) и приговорена къ лишенію всѣхъ правъ, но по докладу на консультаціи совершенно оправдана. Докладывалъ Д. П. Шубинъ.

2) Заброшенный и загнанный своимъ отцемъ генераломъ Широемъ, по ненависти къ своей женѣ, мальчикъ по имени Заботинъ получилъ имя и достояніе своего отца, Широя. Докладывалъ М. Н. Любощинскій.

3) Вопросъ о силѣ и значеніи десяти-лѣтней давности получилъ окончательное объясненіе въ дѣлѣ князя Сергѣя Голицына съ Марковымъ. Докладывалъ С. И. Зарудный.

4) Дѣло о Платоновскомъ пріискѣ, въ коемъ участвовали личности, какъ-то: А. Ѳ. Орловъ, Тизенгаузенъ, Безобразовъ, Танѣевъ, Нелидова и друг., получило правильное разрѣшеніе въ пользу купца Голубкова. Докладывалъ пишущій эти строки.

5) Почетный гражданинъ Толли, купивъ имѣніе графа Плятера съ публичныхъ торговъ и съ разрѣшенія сената, получилъ купчую и владѣлъ имѣніемъ нѣсколько лѣтъ, но графъ Плятеръ, подъ видомъ неправильности будто описей, по коимъ продано имѣніе, переноситъ дѣло въ общее собраніе сената и тутъ большинство, не обращая вниманія на права Толли и купчую, постановляетъ торги уничтожить; но министръ юстиціи, Д. Н. Набоковъ, согласно съ меньшинствомъ, далъ предложеніе въ томъ смыслѣ, что публичные торги не могутъ быть нарушаемы безъ достаточнаго уваженія и основаній, кои опредѣлены въ законѣ, каковыхъ поводовъ въ дѣлѣ вовсе не было. И дѣйствительно, государственный совѣтъ, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ 13-го октября 1883 года, вполнѣ подтвердилъ такой взглядъ министра юстиціи. Дѣло это осязательно доказываетъ, что „большинство“ гг. сенаторовъ не всегда служитъ доказательствомъ, что мнѣніе онаго

правильно. Напротивъ того, часто мнѣніе меньшинства гг. сенаторовъ бываетъ болѣе справедливымъ. Вотъ, въ такихъ случаяхъ министръ юстиціи былъ истиннымъ представителемъ законовъ и благодѣяніемъ для рѣшенія многихъ дѣлъ. Избавленіе министра юстиціи отъ разсмотрѣнія дѣлъ общаго собранія сената послѣдовало отчасти въ тѣхъ видахъ, чтобы избавить государственный совѣтъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ, поступавшихъ въ оный изъ общаго собранія сената, и тѣмъ дать государственному совѣту исключительную возможность посвятить себя законодательнымъ дѣламъ.

Впрочемъ, оцѣнка мѣропріятій правительства послѣдняго времени не входитъ въ предѣлы нашей статьи, мы говоримъ только о томъ, что было прежде при графѣ Панинѣ. Въ заключеніе о консультаціи скажемъ еще то, что она имѣла особое значеніе въ томъ отношеніи, что здѣсь оберъ-прокуроры, какъ члены оной, могли провѣрять свои взгляды и направлять дѣла къ единообразному рѣшенію, а это весьма важно. Наконецъ, консультаціи были лучшею школою для молодыхъ юристовъ.

Въ доказательство того, что графъ Викторъ Никитичъ не считалъ себя, бывши на консультаціи, самовластнымъ начальникомъ, а относился съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣнію своихъ подчиненныхъ, сохраняя при этомъ установленный порядокъ—я могъ бы привести много примѣровъ, но ограничимся однимъ изъ болѣе видныхъ. Случай этотъ былъ на консультаціи въ то время, когда я былъ старшимъ юрисконсультомъ.

Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: по закону (209, т. I, ч. II), когда во время производства гражданскаго дѣла откроются обстоятельства, которыя по рѣшенію гражданскаго суда, еще не окончательному, подвергаютъ суду уголовному, то сей послѣдній можетъ быть начатъ не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи суда гражданскаго.

На практикѣ случаи такіе имѣли почасту примѣненіе и сами по себѣ не возбуждали сомнѣнія.

Но по одному дѣлу, начатому и производившемуся гражданскимъ порядкомъ, въ которомъ открылись уголовные признаки преступленія, графъ Панинъ на одномъ изъ журналовъ консультаціи написалъ, что то дѣло слѣдовало начать уголовнымъ, а не гражданскимъ порядкомъ, и въ этомъ смыслѣ состоялась его

резолюція, по которой мнѣ слѣдовало написать предложеніе общему собранію сената.

Но я внутренно находилъ резолюцію графа Панина неправильною и потому объяснился объ этомъ съ членами консультаціи, написалъ возраженіе и представилъ графу, домогаясь, чтобы онъ отмѣнилъ свою первоначальную резолюцію. Графъ на моей запискѣ написалъ, что въ предстоящую субботу самъ явится на консультацію для доклада означеннаго дѣла.

Въ субботу графъ явился на консультацію и по дошедшей очереди самъ сталъ докладывать дѣло. Докладъ его былъ ясенъ и послѣдователенъ, съ изъясненіями какъ его самого первоначальной резолюціи, такъ и моего мнѣнія, противъ котораго онъ возражалъ. Графъ нашелъ такое мнѣніе мое неправильнымъ, въ виду того, что разсматриваемое дѣло въ существѣ своемъ было уголовное, и потому законъ, изъясненный въ 209 ст., т. I, ч. II, не могъ быть къ дѣлу примѣненъ. Нѣкоторые члены, напримѣръ, М. Н. Любощинскій и другіе, по обыкновенію, смѣло возражали графу. Засимъ графъ, отобравъ мнѣнія членовъ консультаціи и когда по счету за нимъ оказалось большинство, то, обратясь ко мнѣ, какъ старшему юрисконсульту, сказалъ: „исполните мою первоначальную резолюцію“. Затѣмъ всталъ, раскланялся со всѣми и удалился въ свой кабинетъ. Былъ ли правъ графъ или нѣтъ, это другой вопросъ. Мы только обращаемъ вниманіе на способъ устраненія разногласія, котораго держался графъ.

Обращаю вниманіе на этотъ случай въ томъ отношеніи, что графъ былъ чуждъ самовластія. И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы приказать исполнить его первоначальную резолюцію, графъ является въ консультацію, самъ докладываетъ дѣло; убѣждаетъ всѣхъ членовъ оной въ правильности своего взгляда; способъ, какъ видите, далеко чуждый самовластія и достойный подражанія.

Равнымъ образомъ, въ свое время было много нареканій на графа Панина, какъ министра юстиціи, въ томъ отношеніи, что по дѣламъ уголовнымъ онъ будто бы злобно относился къ лицамъ, виновнымъ въ преступленіяхъ, увеличивая всегда мѣру наказанія, и не желалъ ходатайствовать предъ государемъ о смягченіи наказаній.

Намъ извѣстно, что графъ Панинъ въ дѣлахъ уголовныхъ,

тамъ, гдѣ законъ въ точности опредѣлялъ мѣру наказанія, не считалъ себя вправѣ ослаблять законъ, уменьшая мѣру наказанія. Вотъ такой взглядъ графа могли считать жестокостью, но это едва ли справедливо.

Равнымъ образомъ, графъ строго относился къ такого рода дѣламъ, гдѣ къ опредѣленіямъ суда предполагалось ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о смягченіи наказанія.

Дѣйствительно, къ ходатайству о монаршемъ милосердіи тносительно смягченія наказанія графъ Панинъ при бѣгалъ только въ случаяхъ, явно заслуживающихъ, по его понятіямъ, милосердія. Нельзя смотрѣть на монаршее милосердіе, какъ на заурядную мѣру, ибо въ такомъ случаѣ эта мѣра потеряла бы свое высокое и разумное значеніе. Вотъ такой взглядъ и вызывалъ нареканія,—но все это опять едва-ли справедливо.

Къ чести графа Панина скажемъ, что на его убѣжденія не вліяли никакія ходатайства высокопоставленныхъ лицъ; онъ равно относился ко всѣмъ и для него буква закона была превыше всего.

Въ подтвержденіе сего мы разскажемъ только слѣдующій случай: извѣстно, что блаженной памяти императоръ Николай высоко чтилъ и даже называлъ „отцомъ-командиромъ“ свѣтлѣйшаго князя Ивана Ѳедоровича Паскевича-Эриванскаго.

Въ то время, когда онъ былъ варшавскимъ намѣстникомъ, онъ возъимѣлъ намѣреніе изъ своихъ имѣній учредить маіоратъ.

Составивъ актъ по сему предмету, князь Паскевичъ при письмѣ представилъ оный государю императору. Таковыя просьбы всегда разсматривались въ министерствѣ юстиціи, и въ случаѣ уважительности представлялись чрезъ комитетъ гг. министровъ на высочайшее утвержденіе. Министерство юстиціи, по разсмотрѣніи маіоратнаго акта, нашло въ немъ нѣкоторыя отступленія отъ правилъ, изданныхъ по сему предмету 10-го іюня 1845 г. (ст. 467, т. I, ч. I). Отступленія сіи касались, впрочемъ, не главныхъ предметовъ, но частныхъ случаевъ, которые могли проявиться только въ будущемъ. Но не смотря на это, министерство юстиціи сочло своимъ долгомъ доложить объ этомъ государю императору, указывая на необходимость измѣнить проектъ маіоратнаго акта—графа Паскевича.

На это послѣдовала такая высочайшая резолюція, чтобы

о препятствіяхъ къ утвержденію маіоратнаго акта сообщить князю Ивану Ѳедоровичу.

По всей вѣроятности, князь не ожидалъ этого и позволилъ себѣ снова написать государю императору письмо, въ которомъ, напоминая о своихъ заслугахъ предъ престоломъ и отечествомъ, ходатайствовалъ настойчиво объ утвержденіи маіоратнаго акта, безъ всякаго измѣненія.

Письмо это снова было препровождено въ министерство юстиціи, но послѣднее не сочло себя вправѣ, въ угоду князю, колебать прямой смыслъ закона и измѣнять свое прежнее заключеніе.

Все это съ высочайшаго разрѣшенія снова было разъяснено князю Варшавскому, но онъ въ новомъ письмѣ государю позволилъ себѣ исчислить всѣ свои боевыя заслуги, въ выраженіяхъ глубоко огорченнаго человѣка, и просилъ рѣзко не отказывать ему.

Засимъ государь смиловался и изволилъ написать приблизительно слѣдующее: препятствія, о коихъ упоминаетъ министръ юстиціи, могутъ представиться только въ будущемъ. Посему онъ, государь, считаетъ возможнымъ утвердить маіоратный актъ князя Паскевича съ тѣмъ, чтобы, когда описываемый случай представится на самомъ дѣлѣ, то о семъ должно быть испрошено особое высочайшее соизволеніе. Этотъ примѣръ, а такихъ случаевъ можно привести много, свидѣтельствуетъ съ одной стороны о стойкости заключеній министерства юстиціи, а съ другой подтверждаетъ, что приснопамятный императоръ Николай питалъ глубокое уваженіе къ закону, который считалъ превыше державной своей воли.

А между тѣмъ говорили и писали, что будто бы графъ Панинъ не былъ самостоятеленъ и справедливъ въ мнѣніяхъ своихъ и что будто бы онъ желалъ угождать особамъ и лицамъ, близко стоявшимъ ко двору или къ высшимъ властямъ.

Чистая напраслина, скажемъ мы.

Въ подтвержденіе сего можно бы привести много случаевъ, напримѣръ, что ходатайства въ свое время сильныхъ людей: графа А. Ѳ. Орлова, В. А. Нелидовой, Тизенгаузенъ, Безобразова, княгини Софіи Радзивиллъ и друг., оставлены были безъ послѣдствій, если только ходатайства сіи выходили изъ круга, очерченнаго закономъ.

Такъ, въ теченіи многихъ лѣтъ нашей службы при графѣ Панинѣ, мы не знаемъ ни одного случая, чтобы судебное дѣло подвергалось какому либо исключенію въ порядкѣ-ли разсмотрѣнія или въ ходѣ своемъ. На все клалась печать закона, которому всѣ должны подчиняться безъ возраженія.

Такъ было при императорѣ Николаѣ, но твердость министерства при его преемникѣ императорѣ Александрѣ II должна была уступить милосердному его взгляду на дѣло.

Въ доказательство приведемъ слѣдующій примѣръ:

Графинѣ Кушелевой, урожденной Васильчиковой, подкинута была неизвѣстнаго происхожденія дѣвочка.

Графиня была бездѣтна и со свойственною ей добротою она приняла эту дѣвочку и начала ее воспитывать какъ собственное свое дитя.

По достиженіи ею извѣстнаго возраста, графиня начала ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о предоставленіи этой дѣвочкѣ фамиліи также Кушелевой.

Просьба сія была препровождена въ министерство для доклада, которое по разсмотрѣніи нашло эту просьбу не подлежащею удовлетворенію.

Мотивы къ этому были слѣдующіе: дѣвочка, о которой идетъ рѣчь, была неизвѣстнаго происхожденія, а между тѣмъ родъ Кушелевыхъ принадлежитъ къ знатнѣйшей фамиліи, изъ коей племянники ея мужа находились тогда въ живыхъ. Далѣе, что сама Кушелева изъ рода Васильчиковыхъ. Наконецъ, что законы въ точности опредѣляютъ случаи о присвоеніи фамилій чужеродцамъ и т. д.

Но государь императоръ, единственно по монаршему своему милосердію къ дѣвочкѣ, соизволилъ предоставить ей фамилію Кушелевой.

Приведя эти примѣры, мы хотѣли обозначить рѣзкое отличіе двухъ царствованій императора Николая и Александра II.

При первомъ положительный законъ былъ превыше всего, а при второмъ милосердіе было на первомъ планѣ.

Замѣчательно, что, по восшествіи на престолъ Александра II, первое высочайшее повелѣніе, полученное въ министерствѣ юстиціи, было о признаніи дитяти Мины Ивановны Бурковой законнымъ. Личность эта находилась подъ покровительствомъ графа Влади-

міра Ѳедоровича Адлерберга. Кстати припомнимъ, что въ періодъ царствованія Александра II многія незаконнорожденныя дѣти утверждены были въ законности и, сколько помнится, въ подобныхъ случаяхъ въ коммиссіи прошеній, гдѣ разсматривались подобныя дѣла, отказа не было. А между тѣмъ извѣстно изреченіе императора Николая, который на просьбу о дарованіи законности одному изъ незаконнорожденныхъ сказалъ: „не законнаго не могу сдѣлать законнымъ“.

Когда получено было въ министерствѣ юстиціи высочайшее повелѣніе о дарованіи законности вышеозначенной подкинутой дѣвицѣ фамиліи Кушелевой, графъ Панинъ скорбѣлъ и печалился не о томъ, что милосердіе государя пало на нее, нѣтъ, онъ кручинился тому,—что министерство юстиціи при разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ потеряло почву въ томъ отношеніи: слѣдуетъ-ли держаться закона или все представлять на милосердіе государя.

Много было нареканій на графа Панина на то, что онъ исходатайствовалъ въ 1851 году законъ о томъ, что служащіе въ канцеляріяхъ сената чиновники не могутъ быть ходатаями по производившимся въ какомъ бы то ни было мѣстѣ или вѣдомствѣ частнымъ дѣламъ, кромѣ своихъ собственныхъ, и то не иначе, какъ по письменному разрѣшенію начальства (ст. 195, пун. 5, т. X, ч. II).

Въ соблюденіи сего правила всѣ сенатскіе чиновники обязывались подписками.

Въ этомъ законѣ порицатели графа Панина, а въ томъ числѣ и А. И. Герценъ въ своей книжкѣ: „Голоса изъ Россіи“, видятъ лишеніе и ограниченіе личныхъ правъ.

Намъ извѣстны поводы къ исходатайствованію графомъ Панинымъ сего закона, который на самомъ дѣлѣ былъ весьма полезенъ на практикѣ и имѣлъ цѣлью оградить правосудіе, подвигнуть чиновниковъ къ труду оффиціальному, а не частному, и возвысить личность служащихъ, а также прекратить лихоимство, пустившее глубокіе корни подъ видомъ ходатайства.

Въ подтвержденіе сего скажемъ, что сенатскіе чиновники 1840-хъ годовъ, числясь на службѣ въ сенатѣ, занимались почасту и заурядъ ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ и при своихъ отношеніяхъ къ другимъ сослуживцамъ, состоявшимъ на службѣ

въ другихъ департаментахъ сената и подчиненныхъ оному мѣстахъ, обдѣлывали дѣла своихъ кліентовъ въ ущербъ правосудію.

Зло было явное — оставлять такой порядокъ нельзя было. Нужна была мѣра крутая. Вотъ мотивы того закона. Итакъ, упомянутый законъ имѣлъ цѣль нравственную. Благомыслящіе люди или вообще чиновники не могли жаловаться на это, такъ какъ у насъ издавна существовалъ общій законъ о томъ, что вообще служащіе не могли быть ходатаями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они при должностяхъ находятся. Вотъ этотъ законъ, въ виду того, что сенатъ представляетъ собою высшее судебное правительственное мѣсто, имѣвшій вліяніе на всѣ вѣдомства, получилъ дальнѣйшее развитіе, но всякій по собственному дѣлу, безъ затрудненія, въ силу исходатайствованія графомъ Панинымъ закона, могъ получать разрѣшеніе для веденія собственнаго своего дѣла. Ясно, что и это обвиненіе на графа Панина неосновательно.

Н. М. Колмаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ССЫЛЬНЫЕ И ЗАТОЧЕННЫЕ ВЪ ОСТРОГѢ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

IV [1]).

Арестанты въ прошлыхъ столѣтіяхъ отправлялись въ Соловки подъ конвоемъ какого-либо сына боярскаго. Сынъ боярскій сопровождалъ колодника обыкновенно не одинъ, а ему въ помощь давались или стрѣльцы и солдаты, когда ссыльный отправлялся свѣтскимъ начальствомъ, и недѣльщики,—если духовнымъ. Подъ конвойныхъ и колодника давались подводы; конвойный снабжался инструкціею, какъ ему обращаться въ пути съ колодникомъ. Послѣдній обыкновенно сковывался на дорогу по рукамъ и ногамъ, на ночлегъ запирался въ особую комнату, къ нему не пускали постороннихъ людей, развѣ только для подачи милостыни, но разговаривать имъ строго запрещалось. Остановка въ пути дозволялась только на случай смертной болѣзни колодника; тогда приказывалось исповѣдать и пріобщить его, если онъ самъ того пожелаетъ, и опять продолжать свой путь. Кромѣ путевой инструкціи, конвойному вручалась грамота на имя настоятеля монастыря съ братіею, которую онъ долженъ былъ вручить настоятелю вмѣстѣ съ колодникомъ. Вотъ образчикъ грамотъ, при коихъ присылались ссылочные люди.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 45—71.

— „Отъ преосвященнаго Корнилія, митрополита великаго Нова-града и Великихъ Лукъ, Соловецкаго монастыря келарю, старцу Лаврентію, казначею, старцу Иларіону, съ братіею. Въ нынѣшнемъ 186 г., іюля въ 18 день, по нашему преосвященнаго митрополита указу посланъ къ вамъ въ Соловецкій монастырь черный попъ Ааронъ и софійскаго дому и нашъ сынъ боярскій Василій Малгинъ, да бобыль Гаврилко Гусевъ, да посадскій человѣкъ Гришка Судоплетовъ скованы въ кандалахъ, софійскаго дому и нашимъ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Жегловымъ, да недѣльщикомъ Мишкою Афонасьевымъ. И какъ къ вамъ ся наша, преосвященнаго митрополита грамота придетъ, а софійскаго дому и нашъ сынъ боярскій Иванъ Жегловъ да недѣльщикъ Мишка къ вамъ въ Соловецкій монастырь пріѣдутъ, и вы бъ у него, сына боярскаго да недѣльщика Мишки, сына боярскаго Василья Малгина, и бобыля Гаврилку и посадскаго человѣка Гришку Судоплетова взяли, и тѣ домовые кандалы велѣли снять и отдали сыну боярскому Ивану Жеглову да недѣльщику Мишкѣ, а ихъ, чернаго попа Аарона и сына боярскаго Василья Мелгунова, бобыля Гаврилку велѣли въ свои монастырскіе кандалы заковать на шесть недѣль, и къ церкви божіей, къ божественному пѣнію къ вечернямъ, и къ заутре, и къ обѣднямъ велѣли бъ имъ, черному попу Аарону, сыну боярскому Вас. Мелгунову и бобылю Гаврилкѣ приходить по вся дни, безоблѣнно въ кандалахъ. И какъ шесть недѣль минетъ, и вы-бъ съ нихъ (перечисляются имена) кандалы велѣли снять и велѣли тому черному попу Аарону въ Соловецкомъ монастырѣ стоять на клиросѣ, а бобылю Гаврилкѣ велѣли-бъ работать монастырскую работу съ монастырскими работники, и велѣли-бъ беречь ихъ съ великимъ береженіемъ, чтобы они изъ монастыря никуды не ушли. А посадскаго человѣка Гришку Судоплетова, сковавъ въ монастырскіе кандалы, велѣли-бъ посадить въ тюрьму и беречь такожъ съ великимъ береженіемъ, чтобы онъ изъ тюрьмы не ушолъ и дурна никакова надъ собою не учинилъ. А буде онъ, Гришка, раскается и захочетъ во иноческій чинъ постричься и вы бъ его, Гришку, велѣли постричь въ рясу и отдали подъ началъ попу или старцу добру, искусну и крѣпкожительну и велѣли-бъ за нимъ подсматривать. А буде онъ учнетъ жить по монашескому чину, велѣли-бъ постричь совершенно и велѣли-бъ въ томъ монастырѣ въ монастырскихъ службахъ, гдѣ доведется, а безъ нашего, преосв. митрополита, указу выпускать изъ монастыря никуды не велѣли-бъ. Писано въ Новѣ-градѣ 7186 (1678) г., іюля 18 дня“.

Когда привозили арестанта въ монастырь, то вмѣстѣ съ грамотою или указомъ сдавали его настоятелю монастыря. Принявъ арестанта, настоятель, въ старое время, передавалъ его монастырскому городничему, въ болѣе позднее — караульному офицеру, вмѣстѣ съ инструкціею его содержанія. Всѣ вещи и деньги арестанта отбирались и сдавались на храненіе,— вещи въ рухольнюю палату монастыря, а деньги казначею. Какъ у рухольнаго, такъ и у казначея имѣлись особыя книги, куда вписывались арестантскія деньги и вещи; деньги выдавались арестанту казначеемъ, по мѣрѣ нужды, по особой книжкѣ для каждаго

арестанта. Изъ этихъ книжекъ видно, что арестанты тратили свои деньги большею частію на улучшеніе своей пищи и на чай. Если арестанту удавалось заработать какимъ-либо способомъ копѣйку, то въ большинствѣ случаевъ и эти сбереженія отдавались на храненіе казначею.

Сдѣлавъ опись отобраннымъ вещамъ и деньгамъ, заставляли арестанта подписаться подъ нею, и потомъ вели его въ казематъ. Вскорѣ послѣ заключенія, къ узнику являлся настоятель или духовникъ освѣдомиться, что̀ за человѣкъ присланный, есть-ли надежда на его исправленіе. Часто отъ этого перваго визита, отъ того впечатлѣнія, какое произвелъ арестантъ на начальника, зависѣла во многомъ та или другая строгость заключенія. Или запирался онъ накрѣпко въ своемъ казематѣ подъ самое строгое смотрѣніе, или давались ему извѣстныя льготы, дозволялись прогулки, посѣщеніе церкви и другихъ узниковъ. Если присланный назначался не подъ караулъ, т. е. въ тюрьму, а подъ присмотръ, то его отдавали на руки какому-либо монаху, который долженъ былъ наблюдать какъ надъ его нравственностію, такъ и надъ тѣмъ, „дабы онъ утечки не учинилъ“. Кромѣ этого, ему назначалась какая-либо работа, если оная не была назначена ранѣе начальствомъ, приславшимъ арестанта. Потомъ монастырское начальство, которому было вмѣнено въ обязанность употреблять всевозможныя мѣры къ исправленію и наставленію на путь истины заблудшихъ, время отъ времени обходило съ цѣлію увѣщаній чуланы тѣхъ арестантовъ, коихъ велѣно исправлять. Эти посѣщенія, смотря по дѣятельности настоятеля, производились раза два въ недѣлю, а иногда и разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Увѣщаніями занимались и сами настоятели, и другія лица изъ монашества, которымъ настоятель считалъ возможнымъ ввѣрить это трудное дѣло. Увѣщатели старались сначала, опираясь на св. писаніе, опровергнуть ученія арестантовъ, доказать ихъ заблужденія; но когда, часто, эти мѣры не только не приводили къ раскаянію, но вызывали дерзкій отпоръ со стороны арестанта, тогда употреблялись болѣе энергичныя мѣры. Арестанты, не слушавшіе увѣщаній, подвергались бо̀льшей строгости, заключенія, ихъ переводили въ худшіе казематы, ухудшали пищу, а въ рѣдкихъ случаяхъ сажали на цѣпь, налагали оковы и т. п. Однако, не смотря на всю важность успѣшности увѣщаній

арестантовъ въ смыслѣ служебномъ, соловецкое начальство, по крайней мѣрѣ въ XIX ст., насколько я могъ судить по арестантскимъ оффиціальнымъ дѣламъ, не пользовалось прямымъ насиліемъ при увѣщаніяхъ. Правда, увѣщанія бывали часты, настойчивы, арестантъ долженъ былъ выслушивать восхваленіе того, что онъ считалъ неправдою, и поруганіе тому, что онъ считалъ святынею.

Обыкновенно, въ первое время арестантъ горячо защищалъ свою вѣру, горячо спорилъ съ увѣщателемъ, но послѣ, увидя безполезность и вредъ для себя отъ этого, хладнокровно выслушивалъ все, что ему говорили, но крѣпко держался своихъ заблужденій. Другіе же, не въ состояніи будучи переносить тягости заключенія, не имѣя нравственной поддержки въ своихъ единомышленникахъ, входили въ сдѣлку съ совѣстію, рѣшались принести раскаяніе, и тѣмъ избавиться отъ заключенія. Лишь только узникъ высказывалъ намѣреніе раскаяться, немедленно присылался отъ настоятеля опытный писецъ, и скоро являлось „чистосердечное“, краснорѣчивое раскаяніе съ проклятіемъ прежняго заблужденія и слезною мольбою присоединить его къ святой церкви. Это раскаяніе посылалось въ синодъ. Послѣ нѣкотораго времени испытанія, арестантъ присоединялся къ церкви и выпускался изъ тюрьмы.

Но далеко не всегда эти краснорѣчивыя раскаянія на бумагѣ были таковыми же на дѣлѣ. Нерѣдко написавшій такое раскаяніе измѣнялъ ему еще ранѣе, чѣмъ успѣвали услать бумагу въ синодъ. Иногда притворство раскаянія было такъ искусно, что сектанту удавалось уходить не только изъ тюрьмы, но и изъ монастыря, и уже много послѣ дѣло показывало, что это было далеко не чистосердечное раскаяніе. Свобода, впрочемъ, никогда не давалась немедленно послѣ раскаянія, но всегда проходилъ годъ или два предварительнаго искуса. Весь успѣхъ зависѣлъ отъ того, какъ удачно выдерживалъ заключенный этотъ искусъ: успѣлъ его выдержать, т. е. казаться истовымъ православнымъ, креститься тремя крестами, ходить по праздникамъ въ церковь, исповѣдываться и пріобщаться, а главное, слушать и соглашаться во всемъ съ начальствомъ,—тогда свободенъ; не успѣлъ—десятки лѣтъ заключенія.

Хотя побѣги арестантовъ изъ Соловокъ случались крайне

рѣдко, но все-таки бывали. Что же предпринимало монастырское начальство въ этихъ случаяхъ? Какъ только побѣгъ дѣлался извѣстнымъ, прежде всего отбирали допросъ съ караульнаго—какъ, когда и почему бѣжалъ арестантъ? а самого сторожа засаживали въ тюрьму. Изъ монастыря посылались немедленно гонцы къ монастырскимъ вотчиннымъ приказчикамъ съ повелѣніемъ слѣдить за всякимъ пришлымъ человѣкомъ, описывались примѣты бѣглеца, и по нимъ велѣли хватать подозрительныхъ людей. По всему острову разсылались люди искать бѣглеца, а чтобы кто-либо изъ монастырскихъ людей не унесъ бѣглецу одежды, а особенно хлѣба, и тѣмъ далъ-бы возможность скрыться на островѣ до благопріятнаго времени, по всему монастырю отдавался приказъ, чтобы никто, ни подъ какимъ видомъ, изъ монастыря не уходилъ. Всѣ пріѣзжающіе поморы отдавались подъ присмотръ, чтобы не могли увезти кого не слѣдуетъ; отправляющіяся суда тщательно осматривались. Такое осадное положеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока бѣглецъ не отыскивался или не дѣлалось извѣстнымъ, что онъ переѣхалъ на берегъ. На случай поимки арестанта, — что чаще всего случалось,—его подвергали допросамъ—какъ и когда онъ убѣжалъ, не подговаривалъ-ли кто къ побѣгу, не было-ли пособниковъ и совѣтниковъ и т. д. Послѣ допроса бѣглеца заковывали въ ручные и ножные кандалы, а иногда приковывали его къ стѣнѣ на цѣпь. Доносилось о такомъ происшествіи и высшему начальству, и дѣло кончалось тѣлеснымъ наказаніемъ и усиленіемъ надзора.

Для того, чтобы арестанты какъ-либо не ухищрялись писать „зловредныя тетрадишки и воровскія письма“, а равно, чтобы не могли сдѣлать какихъ-либо приготовленій къ побѣгу, въ арестантскихъ чуланахъ дѣлались караульными, совмѣстно съ монастырскимъ начальствомъ, обыски. При этихъ обыскахъ нерѣдко попадались запрещенныя вещи, въ родѣ лоскутковъ исписанной бумаги, береста, угля и т. п. вещей, а иногда и цѣлыя сочиненія—тетрадки. Незначительные проступки, въ родѣ имѣнія запрещенныхъ вещей, наказывались монастырскимъ начальствомъ самостоятельно, а въ болѣе важныхъ, напр., при находкѣ какихъ-либо сочиненій, доносилось или въ синодъ, или въ тайную канцелярію, и оттуда выходила резолюція.

Между арестантами попадались такіе неспокойные люди,

которые не унимались даже въ тяжкомъ заключеніи и при всякомъ удобномъ случаѣ произносили „важныя и непристойныя слова“. Такимъ неугомоннымъ людямъ въ ротъ вкладывали особый инструментъ, препятствующій говорить, называвшійся кляпъ. „А если паче чаянія, говоритъ старая инструкція, оный колодникъ станетъ произносить важныя и непристойныя слова, то класть ему въ ротъ кляпъ и вынимать, когда пища будетъ давана, а что произнесетъ онъ въ это время, то все сполна записывать и, содержа секретно, писать о томъ въ тайную канцелярію“.

Непристойныя слова играли въ ту пору большую роль; въ дѣлахъ соловецкаго архива находится много доносовъ и слѣдствій объ этихъ „словахъ“. Доносили и монахъ на монаха, и подначальный на начальника, арестантъ на арестанта, даже духовникъ на исповѣдника. По доносамъ производились слѣдствія; много людей оговоренныхъ брали подъ караулъ, т. е. сажали въ тюрьму, налагали оковы и производили допросы съ пристрастіемъ.

Были-ли въ ходу пытки—положительно сказать не могу, хотя есть указанія на ихъ существованіе. Архіепископъ холмогорскій Аѳанасій въ одной грамотѣ солов. архимандриту Варсонофію предписываетъ не производить пытокъ [1]). Можно полагать, что и послѣ этой грамоты истязанія для познанія истины были въ ходу. Такъ, въ 1774 году архангельскій губернаторъ снова посылаетъ соловецкому архимандриту слѣдующее сообщеніе:

„Въ 15 день сего мѣсяца удостоился я получить въ секретномъ предложеніи отъ его сіятельства г-на д. т. с. генералъ-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера кн. Александра Вяземскаго имянное ея и. в. всевысочайшее повелѣніе о недѣланіи присутственнымъ мѣстамъ ни по какимъ дѣламъ, ни подъ какимъ видомъ никому никакихъ при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія о дѣйствіяхъ истины. И во исполненіе сего всевысочайшаго повелѣнія, предписавъ во всѣ вѣдомства моего присутственныя мѣста, за должное нашелъ, въ разсужденіи могущихъ иногда быть и въ Соловецкомъ монастырѣ такихъ дѣлъ, сообщить о томъ и в. в—преподобію, прося содержать оное въ глубочайшемъ секретѣ. Ноября 15 д. 1774 г.“.

Конечно, если употреблялись при дѣлахъ съ арестантами эти мѣры стариннаго дѣлопроизводства и правосудія, то только въ особенно важныхъ дѣлахъ, наприм., когда арестантъ произносилъ

[1]) Грам. духовн. особъ въ солов. ризницѣ № 287.

важное и непристойное „блеваніе“ (дѣло Жукова), или сочинялъ „злодѣйственныя воровскія тетрадишки“ (дѣло Щербакова) [1]). Въ большинствѣ случаевъ доносы оказывались ложными, оговоренныхъ людей, полуживыхъ отъ страха, выпускали на свободу, а лживаго донощика били плетьми. Если доносъ подтверждался, то опять плети, только не донощику, а произносителю „словъ“. Доносы, будь они справедливы или нѣтъ, мало въ чемъ измѣняли положеніе ссыльнаго, въ лучшемъ случаѣ могли считать его на хорошемъ виду и дать незначительныя льготы въ строгости заключенія. Но инымъ этого было недостаточно. Заключеніе дѣлалось до того невыносимымъ, что они рады были принять и плети, и всякаго рода истязанія, лишь бы, хотя на время, освободиться, выйти изъ душнаго каземата, повидать людей. Для достиженія такой цѣли служило объявленіе „слова и дѣла“.

Начальство, услышавъ страшное „слово и дѣло“, сейчасъ начинаетъ допросы, что̀ это за слово, но арестантъ не сдается, а говоритъ, что объявить это онъ можетъ только предъ самимъ государемъ. Дѣлать нечего, заковываютъ колодника въ кандалы, даютъ ему провожатыхъ людей и отправляютъ въ Москву или въ Питеръ. Дологъ былъ въ то время путь отъ Ледовитаго моря до Москвы, много удавалось повидать узнику и свѣту божьяго и людей дорогою, надышаться свѣжимъ воздухомъ. Привезли его въ Москву, а тамъ сказываетъ какіе-либо пустяки; бьютъ его плетьми, и снова отсылаютъ въ соловецкій казематъ. Съ дорогами, допросами проходитъ цѣлый годъ, годъ жизни не въ примѣръ лучшей, чѣмъ въ казематѣ,—и колодникъ доволенъ. Повадны стали арестантамъ такія прогулки въ Москву, многіе изъ нихъ стали объявлять важность или слово и дѣло, начальству наводили много хлопотъ и безпокойства. Во избѣжаніе этого, при посылкѣ нѣкоторыхъ арестантовъ, прямо объявлялось, что если они учнутъ сказывать важность или слово и дѣло, то въ томъ имъ, за многимъ ихъ подозрительствомъ, не вѣрить, оговоренныхъ ими людей подъ караулъ не брать, въ Москву ихъ не посылать, а за такое ихъ сказыванье чинить имъ на мѣстѣ наказаніе плетьми.

Нельзя сказать, чтобы монастырское начальство, въ лицѣ

[1]) Соловецкій монастырь, архивъ, докум. № 159.

настоятеля, было всегда строгимъ, безсердечнымъ исполнителемъ нерѣдко суровыхъ предписаній высшаго начальства; нѣтъ, были между ними люди добрые, способные проникнуть въ душу несчастнаго арестанта, задѣть въ ней живую струну, видѣть въ арестантѣ не столько преступника, сколько несчастнаго человѣка.

Таковы были архимандриты Варсонофій, Герасимъ, Иларій, Порфирій.

Они дѣлали все возможное, чтобы сдѣлать положеніе арестантовъ насколько возможно сноснымъ: улучшали пищу, давали льготы относительно строгости заключенія, хорошо аттестовали предъ начальствомъ скромныхъ изъ нихъ, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ, призрѣвали больныхъ. Но и для нихъ, при всемъ ихъ добромъ желаніи, не всегда возможно было дѣлать послабленія арестантамъ, не вызвавъ доносовъ со стороны подчиненныхъ, монаховъ. Такъ одинъ монахъ, наказанный за какой-то проступокъ архим. Варсонофіемъ, донесъ на него, что онъ мирволитъ государевымъ врагамъ-арестантамъ, посылалъ графамъ Толстымъ, сосланнымъ въ Соловки, на царскія имянины по кружкѣ пива и меду. Архимандриту много нужно было писать, чтобы снять съ себя такое подозрѣніе, и это удалось ему только потому, что онъ былъ лично извѣстенъ въ Петербургѣ высшимъ властямъ.

Высшее начальство, посылавшее ссыльныхъ въ Соловки, тоже не всегда забывало ихъ, но выказывало о нихъ заботливость въ той или другой степени. Говоря—высшее начальство, я разумѣю тѣхъ, которые ссылали въ Соловки, а ссылали какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Въ допетровское время ссылали патріархи, митрополиты, архіереи и самъ царь. Въ XVIII ст. бо́льшее число арестантовъ было посылаемо по распоряженію тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, а потомъ по синодскимъ резолюціямъ. Съ 1835 г. ссылать въ Соловки можно было только по высочайшему повелѣнію. Посылая человѣка въ ссылку или заточеніе, начальство требовало болѣе или менѣе частыхъ и точныхъ свѣдѣній объ его житьѣ и поведеніи. Въ XVI и XVII ст. свѣдѣнія эти требовались очень рѣдко, и лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, наприм., смерти, бѣгства или раскаянія заточеннаго, монастырское начальство дѣлало отписку. Въ XVIII ст. требуются синодомъ уже болѣе частыя и точныя свѣдѣнія объ

арестантахъ, черезъ полгода или 4 мѣсяца. Съ конца прошлаго столѣтія начали ежегодно посылать въ синодъ вѣдомости о всѣхъ содержавшихся арестантахъ съ обозначеніемъ, кто съ какого времени, по чьему рѣшенію и за что заточенъ.

Одинъ несчастный случай—убійство арестантомъ часоваго и вызванная имъ ревизія острога, назначенная по высочайшему повелѣнію, побудили синодальнаго оберъ-прокурора гр. Протасова обратить особое вниманіе на соловецкихъ арестантовъ. Послѣ ревизіи Соловецкаго острога въ 1835 г. былъ смѣненъ архимандритъ Досифей, и на мѣсто его назначенъ архим. Иларій. Лишь только Иларій вступилъ въ управленіе монастыремъ, гр. Протасовъ потребовалъ отъ него самыхъ точныхъ свѣдѣній какъ о положеніи монастыря вообще, такъ и въ частности о состояніи содержащихся въ немъ арестантовъ. Такимъ образомъ, въ августѣ 1836 г., архим. Иларій получилъ отъ графа Протасова слѣдующее отношеніе:

„Ваше в—преподобіе, по вступленіи въ управленіе Соловецкимъ монастыремъ, конечно, не оставили войти въ разсмотрѣніе всего того, что относится до благоустройства сей обители и въ особенности до содержанія находящихся въ оной арестантовъ. Находя съ своей стороны нужнымъ имѣть подробныя свѣдѣнія о состояніи ввѣренной вамъ обители, я покорнѣйше прошу в. в—біе доставить мнѣ таковыя свѣдѣнія съ мнѣніемъ вашимъ: какія могутъ быть приняты мѣры для приведенія сего монастыря въ должное благоустройство и для улучшенія положенія арестантовъ".

Въ сентябрѣ того же года архимандритъ Иларій послалъ гр. Протасову слѣдующія свѣдѣнія о положеніи арестантовъ въ Соловкахъ:

.... „Касательно содержащихся арестантовъ честь имѣю донести в. сіятельству, что съ прибытія моего сюда всемѣрно стараюсь объ улучшеніи ихъ участи противъ прежняго. На сей конецъ, для душевной пользы ихъ, часто лично вижусь съ ними, дѣлаю, по обязанности, увѣщанія и вразумленія на ихъ сомнѣнія, которыя, чтобы не могли остаться безъ плодовъ, но были подкрѣпляемы непрерывно, поручилъ и монастырскому духовнику ходить къ нимъ. Равномѣрно и въ разсужденіи довольствія ихъ и житія, узнавая отъ самихъ о нуждахъ ихнихъ, сколько возможно удовлетворялъ оныя, какъ въ пищѣ, такъ и одеждѣ, и сдѣлалъ уже въ обѣихъ сихъ статьяхъ прибавки. А для спокойнѣйшаго пребыванія въ своемъ жилищѣ, и чтобъ избавить отъ теперешняго стѣсненія и происходящихъ чрезъ то для нихъ тягостей, полагаю я вывести, живущую въ одной съ ними казармѣ, солдатскую команду, которой тутъ и быть неприлично, и при томъ безпокойно и утѣснительно для ней, а находились бы впредь одни часовые. Ибо при теперешнемъ

помѣщеніи въ одной связи и арестантскихъ жилыхъ чулановъ и сей казармы бываетъ удушливая духота и тягость, вредящая здоровью, особенно въ зимнее время, когда нельзя свободно освѣжать въ покояхъ воздухомъ, какъ дѣлается сіе лѣтомъ, а только курится можжевельникомъ; при томъ и чуланы арестантскіе устроены съ отверстіями у каждаго вверху перегородокъ для прохода или тепла, отчего всякому изъ нихъ можно имѣть между собою словесное сообщеніе, къ утвержденію себя въ своихъ ересяхъ, и тѣмъ ослаблять или уничтожать дѣлаемыя имъ увѣщанія. Для вывода отсюда солдатъ, необходимо нужно рядомъ тутъ же выстроить для жилья имъ особенную казарму". (Далѣе, жалуясь на бѣдность монастыря, проситъ исходатайствовать отъ казны потребную для постройки сумму). „По выводѣ же солдатъ изъ арестантской связи, считаю весьма полезнымъ учредить, дабы они въ опорозненной казармѣ имѣли общую трапезу, за однимъ столомъ, а не каждый особо въ запертомъ своемъ чуланѣ, какъ донынѣ сіе соблюдается. Во время трапезы избранный мною изъ братіи читалъ бы имъ книги св. писанія и отеческія, кои со временемъ непремѣнно могутъ произвести надъ кѣмъ-либо спасительное дѣйствіе, при помощи божіей, а что есть изъ арестантовъ такіе, кои по своимъ ересямъ не пріемлютъ церковныхъ нашихъ установленій, то время понудитъ ихъ къ участію съ прочими въ общей трапезѣ и къ слушанію слова Божія".

Эти свѣдѣнія для гр. Протасова оказались недостаточными. Черезъ два года онъ снова обращается къ архимандриту съ просьбою доставить ему, по указанной формѣ, именную вѣдомость содержащихся въ монастырѣ лицъ съ показаніемъ въ ней противъ каждаго: по чьему распоряженію кто присланъ, когда, по какой причинѣ, сколько имѣетъ лѣтъ отъ роду и въ какомъ находится состояніи здоровья, содержится ли въ строжайшемъ заключеніи, или пользуется хотя нѣкоторымъ облегченіемъ, какъ-то: прогулкою и т. п., какую употребляетъ пищу и какую имѣетъ одежду, имѣетъ ли книги для чтенія и какія, бываетъ ли на божественныхъ службахъ, часто ли получаетъ увѣщанія и духовное утѣшеніе, не терпитъ ли какихъ невыгодъ отъ стужи или сырости, какое имѣетъ призрѣніе въ случаѣ болѣзни, наконецъ, въ какомъ положеніи его разсудокъ и вообще степень умственныхъ понятій, также какъ себя ведетъ, чувствуетъ ли свое заблужденіе или преступленіе?

На эти запросы архимандритъ отвѣчаетъ гр. Протасову довольно подробно.

—„При семъ честь имѣю представить на благоусмотрѣніе в. сіятельства по данной формѣ именную вѣдомость о лицахъ, заключенныхъ въ монастырѣ, съ подробнымъ въ ней о каждомъ описаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ считаю изъяснить: во первыхъ—значущіеся по вѣдомости люди заключены

по воспослѣдовавшимъ о нихъ высочайшимъ повелѣніямъ, кромѣ одного, крестьянина Никодима Вакорина, который поступилъ вслѣдствіе состоящагося положенія комитета г.г. министровъ; во вторыхъ—въ случаѣ болѣзни ихъ тѣлесной, такъ и помѣшательства разсудка, леченія здѣсь не бываетъ, по неимѣнію ни медиковъ, ни лекарствъ, кромѣ обычныхъ пластырей для случающихся иногда наружныхъ вередовъ при работахъ и при другихъ случаяхъ; но для утѣшенія въ какой-либо временной слабости дается или чай, или шалфей и лекарственныя травы, частію здѣсь растущія, смотря по человѣку и по его къ симъ питьямъ расположенію; раскольникамъ же, не употребляющимъ оный, дается медъ. Не токмо сіи заключенные, но и всѣ вообще обитатели здѣшніе, числомъ до 500, никакого пользованія не имѣютъ, но въ несомнѣнномъ упованіи на молитвы св. соловецкихъ угодниковъ божіихъ, ходатаевъ нашихъ, сохраняются въ положеніи здоровомъ. А изъ числа заключенныхъ лицъ, значущихся въ вѣдомости, только трое одержимы болѣзнію, но и то одинъ давнею наружною грыжею, другой давнею чахоткой, и третій отъ старости, да трое находятся въ сумашествіи, какъ-то: поручикъ Александръ Горожанскій, военный поселянинъ Ѳедоръ Рабочій и рядовой Иванъ Смирновъ, коихъ весьма нужно бы отправить въ г. Архангельскъ для пользованія въ домѣ умалишенныхъ, по примѣру подобнаго же сумашедшаго, бывшаго въ здѣшнемъ острогѣ, мастероваго Петра Потапова, который туда отправленъ съ разрѣшенія св. синода, ибо сія болѣзнь все болѣе и болѣе усиливается, а затѣмъ и духовнымъ утѣшеніемъ они пользоваться не могутъ. Въ третьихъ—книги для чтенія заключеннымъ выдаются изъ монастырской библіотеки слѣдующія: Новый завѣтъ, бесѣды св. Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Ефрема Сирина и подобныя, также О вѣрѣ, Жезлъ правленія, Пращица, Розыскъ и Благовѣстникъ, которыя разбираются какая кому нужна, а нѣкоторые читаютъ охотнѣе нынѣ издаваемыя „Христіанское Чтеніе“ и „Кіевское Воскресное Чтеніе“, которыя я собственно для себя получаю и даю имъ пользоваться. Въ четвертыхъ—посѣщенія заключенныхъ для обыкновенныхъ увѣщаній ихъ дѣлаются мною каждую недѣлю одинъ, два и три раза, смотря по надобности въ томъ и по досугу мнѣ; кромѣ сего, по порученію моему, и духовникъ монастырской ходитъ къ нимъ. Въ пятыхъ—покои заключенныхъ сухіе и всегда теплые, кромѣ только крайнихъ къ надворнымъ стѣнамъ, кои отъ того имѣютъ сырость и то небольшую, поелику находящіеся тутъ же скопцы не могутъ по своей испорченной натурѣ переносить и малаго холода. А одежда дается монастырская теплая и зимняя всѣмъ равная, пища братская, такъ что одна сія пища составляетъ монастырю болѣе отпускаемой годовой суммы на каждаго человѣка на все вообще содержаніе, т. е. пищу, и одежду, и обувь, по 160 рублей.

„Не лишнимъ, со своей стороны, нахожу присовокупить на благоусмотрѣніе в. сіятельства особое описаніе о трехъ разногласіяхъ раскольническихъ, называемыхъ: 1) ѳедосѣевщина, 2) морельщики, 3) странники, къ коимъ изъ числа заключенныхъ принадлежитъ 12 человѣкъ, и сдѣлалъ сіе описаніе съ ихъ словъ. А прочіе арестанты принадлежатъ къ сектамъ уже извѣстнымъ по ихъ наименованіямъ, другіе суть держащіе наше православное исповѣданіе, или за особыя преступленія присланы. Хотя участники въ сектахъ раскольническихъ по онымъ между собою несогласны, отъ различія ихъ мудрованій, и явные одни другимъ порицатели, но ненависть къ нашей святой церкви у нихъ единодушная.

„По сей причинѣ не соглашаются и трапезу имѣть всѣ за однимъ столомъ, какъ я предлагалъ де учредить съ чтеніемъ во время оной книгъ св. писанія и отеческихъ для содѣйствія ихъ обращенія къ православію. Таковое ихъ несогласіе происходитъ отъ того, какъ нынѣ узнано мною, что предъ обѣдомъ и по обѣдѣ читать должно, по нашему церковному уставу, молитвы, и притомъ здѣсь издревле соблюдается слѣдующій благочестивый обычай: каждодневно предъ обѣдомъ, по божественной литургіи, окропляется, съ произношеніемъ молитвъ, святою водою изготовленная пища какъ на кухнѣ, такъ и въ трапезной; со святою водою и св. крестомъ ходятъ для сего по очереди іеромонахи. Раскольники изъ ненависти къ нашимъ церковнымъ установленіямъ, по полученіи принесенной съ келарской кухни для всѣхъ пищи, разносятъ ее каждый въ свой чуланъ, и тамъ прежде полагаютъ поклоны, чтобы безгрѣшно могъ употреблять ее, по причинѣ нашего окропленія и молитвъ, тогда уже начинаетъ обѣдать. Сіе невѣжественное мнѣніе ихъ и не допускаетъ участвовать въ общественномъ обѣдѣ“.

Записка о раскольническихъ сектахъ.

1. Ѳедосѣевщина.

Браку у нихъ не имѣется, присоединяющихся же къ нимъ отъ православной церкви женатыхъ перекрещиваютъ по своему расколу и налагаютъ эпитимію, послѣ чего мужъ съ женою живутъ невозбранно. Рождающихся отъ нихъ дѣтей, такъ и отъ оныхъ, не имѣющихъ брака, крестить избранный на то наставникъ; за государя молятся, но въ молитвахъ говорятъ вмѣсто благочестивѣйшаго—о самодержавномъ. Сей секты нижеслѣдующіе арестанты:

1. Иванъ Ѳедотовъ,
2. Сергѣй Гнуспнъ,
3. Семенъ Шубинъ,
4. Никодимъ Вакоринъ,
5. Архипъ Павловъ,
6. Василій Герасимовъ,
7. Тарасъ Семеновъ,
8. Козьма — Макѣевы.
9. Филиппъ — Макѣевы.

} Всѣ одного согласія.

10. 8-го класса чиновникъ Александръ Крестинскій, новоженъ, потому что вѣнчанъ былъ православнымъ священникомъ въ нашей святой церкви, и потомъ уже къ оной сектѣ присоединился. О бракѣ онъ имѣетъ мнѣніе, что должно быть оному, а совершеніе сего таинства въ нашей церкви отвергаетъ, яко не признающій ея дѣйствія, по единомыслію своему съ раскольниками. Съ вышепомянутыми безбрачниками не имѣетъ согласія еще и въ томъ, что вмѣстѣ съ ними не молится и не ѣстъ, во всѣхъ же прочихъ раскольническихъ мудрованіяхъ ихъ согласенъ съ ними. Для таковыхъ новоженовъ исключительно имѣется для моленія въ Москвѣ, въ Покровскомъ, моленная, въ которой и крестятъ и браки совершаютъ сами безъ священниковъ и безъ употребленія вѣнцовъ,—причемъ ни Апостола, ни Евангелія не читаютъ, а только служатъ молебенъ всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ, особо ими на то сочиненный. И если дѣти какъ вышеупомянутыхъ не признающихъ брака коренныхъ раскольниковъ, такъ и рождающихся отъ

сихъ новоженовъ, пожелаютъ вѣнчаться, то бракъ совершается въ сей же Покровской моленной и потомъ новобрачные сіи облагаются, по вышеписанному, эпитиміею подобно новоженамъ.

2. Называемые странники.

Сей секты не помнящій родства бродяга Егоръ Ивановъ знаетъ, что власти на землѣ есть, а что онѣ по Божію произволу установлены—не признаетъ сего и не почитаетъ для себя обязанностію повиноваться имъ; въ случаѣ же принужденія ихъ къ тому противу воли удаляются отъ общаго сожительства въ степи, безъ взятія съ собою женскаго пола, и тамъ готовы уморить себя голодомъ, нежели исполнить приказаніе. Съ прочими никакими сектами не молятся и не ѣдятъ и всѣ они суть перекрещиванцы.

Ѳедоръ Хоменко—крещенъ въ грекороссійской церкви, по малороссійскому обыкновенію поливательнымъ крещеніемъ, а посему и не признаетъ оное дѣйствительнымъ, и даже отпалъ отъ святой церкви нашей и не хочетъ никогда ходить въ оную. Предпочитаетъ секту Ѳедосѣевщины и явно говоритъ, что имѣетъ желаніе присоединиться къ ней и никакихъ увѣщаній, дѣлаемыхъ ему, не принимаетъ.

3. Морельщики.

Сей секты Егоръ Афанасьевъ крещеніе пріемлетъ отъ святой церкви нашей, и перекрещиваній въ ихъ секту уже нѣтъ никому, но преданій церковныхъ не признаютъ и отвергаютъ, возлагаютъ надежду на всемилостиваго Спаса. И если которые, по мнѣнію ихъ, пожелаютъ спасти душу свою, то, взявъ женъ и дѣтей своихъ, оставляютъ села и уходятъ въ степи; тамо которые малодушнѣе другихъ чѣмъ могутъ питаются, а ревностные уморяютъ себя голодомъ, почитаясь за то мучениками. Ни съ какими другими сектами не въ согласіи, а потому ни съ кѣмъ вмѣстѣ не молятся и не ѣдятъ.

Послѣдствіемъ этой переписки было отдѣленіе караульной команды отъ арестантовъ: солдатамъ была построена на казенный счетъ особая казарма, тюрьма увеличена. Въ слѣдующіе годы, во время прокурорства Нечаева и Карасевскаго, заботливость объ арестантахъ не прекращается. Прокуроры своими запросами какъ-бы наталкивали соловецкое начальство находить всевозможные случаи, могущіе облегчить участь заключенныхъ.

V.

Близость отношеній между коренными жителями монастыря и ссылочными людьми несомнѣнно должна была оказывать извѣстное вліяніе на обѣ стороны. На сторонѣ монашества была сила власти, извѣстная устойчивость, неподвижность мнѣній, наконецъ, такъ сказать, массовое давленіе на одиночныхъ ссыльныхъ. На сторонѣ ссыльныхъ, въ большинствѣ случаевъ—людей убѣжденій, была сила нравственной устойчивости, крѣпкій характеръ, идея и страданіе за нее, какъ-бы она зачастую ни была дика и нелѣпа. Но они были одиночны, въ положеніи людей подозрительныхъ, противъ вліянія которыхъ говорило ихъ положеніе. Ссыльные не были сильны своимъ количествомъ, не находили нравственной поддержки въ своей братіи; напротивъ, какъ люди разныхъ религіозныхъ мнѣній, считающихъ свою вѣру единственно способною привести къ спасенію, а вѣру прочихъ толковъ не вѣрною, ведущею къ погибели и достойною проклятій, ссыльные разныхъ толковъ (а имя имъ легіонъ) вели ожесточенные споры между собою, проклинали другъ друга и тѣмъ взаимно подрывали свои ученія. Не смотря на это неблагопріятное положеніе ссыльныхъ сектантовъ, не смотря на стоглазый надзоръ надъ ними, ссыльные все-таки время отъ времени заставляли задумываться твердыхъ въ своихъ понятіяхъ монаховъ, а иногда даже промѣнять свою святыню на ученіе ссыльнаго.

Чѣмъ глубже входимъ мы въ даль временъ, тѣмъ замѣтнѣе это вліяніе идей и ученій ссыльныхъ на монашество. Такъ, игуменъ Артемій, сосланный при Грозномъ за ересь Башкина, не смотря на двойной надзоръ со стороны монастырскаго начальства, такъ успѣлъ повліять на своего сторожа, что тотъ далъ возможность бѣжать ему. Особенно сильно вліяніе ссылочныхъ людей на монашество было въ эпоху всероссійскаго религіознаго броженія, вызваннаго никоновской реформой. Двое ссылочныхъ ростовскихъ людей (имена ихъ не упомянуты), жившихъ сначала въ Кандалажномъ монастырѣ, а потомъ переведенныхъ въ Соловецкій, сильно распространяли расколъ и чинили великое смятеніе, за что грамотою новгородскаго митрополита велѣно ихъ

заковать въ желѣза и бросить въ тюрьму (Грам. дух. ос., № 135). Общее недовольство настолько успѣшно было раздуваемо ссылочными людьми, что обратилось въ явный бунтъ. Ссыльные мистики начала настоящаго столѣтія, въ родѣ игумена Израиля, есаула Котельникова и іероманаха Іеронима свели не одного монаха съ обычнаго пути аскетическихъ умствованій. Даже представители такой противоестественной секты, какъ скопцы, имѣли успѣхъ среди монашества. Въ соловецкомъ архивѣ находится дѣло о монахѣ Ѳеофанѣ Акуловѣ, который оказался оскопленнымъ. Одинъ архимандритъ въ своемъ донесеніи оберъ-прокурору синода жалуется, что изъ монашествующихъ не кому поручить дѣлать увѣщанія еретикамъ, ибо невѣжественные и глупые неспособны это дѣлать, а когда были поручены увѣщанія еретиковъ болѣе ученымъ и умнымъ, то они не только не имѣли успѣха, но сами увлеклись еретичествомъ [1]). Если принять во вниманіе, что я говорю о такихъ случаяхъ, которые мнѣ удалось найти въ дѣлахъ архива, а не касаюсь того вліянія, которое не получило оффиціальной огласки, то станетъ понятнымъ, что воздѣйствіе ссыльныхъ на монаховъ было далеко не малое.

Что касается вліянія монаховъ на ссыльныхъ, которые спеціально посылались въ монастырь для исправленія, и монастырское начальство по обязанности должно было употреблять всѣ усилія, чтобы обратить заблудшаго на путь истины, то успѣхи начальническихъ увѣщаній были далеко не блистательны. Почти изъ 200 ссыльныхъ найдутся единицы, которыя подъ вліяніемъ монашескихъ увѣщаній добровольно, чистосердечно раскаялись; нѣсколько болѣе изъявили притворное раскаяніе, чтобы избавиться чрезъ это тюрьмы и ссылки. Но за то громадное большинство изъ нихъ остались вѣрны своимъ ученіямъ, недоступны никакимъ увѣщаніямъ монашествующихъ.

---

[1]) Донесеніе архимандрита Александра въ 1855 году.

VI.

Первымъ ссыльнымъ въ Соловки, о которомъ сохранилось письменное извѣстіе, былъ игуменъ Троицкаго монастыря Артемій. Онъ обвиненъ былъ въ соучастіи и единомысліи ереси Башкина и осужденъ духовнымъ соборомъ, собраннымъ Грознымъ въ 1554 г. Я не буду касаться подробностей обвиненія Артемія,—желающіе найдутъ это въ общихъ руководствахъ по русской исторіи [1]), скажу только въ нѣсколькихъ словахъ о винѣ Артемія. Артемія обвиняли въ соучастіи Башкину, который отвергалъ божество Іисуса Христа, церковные правила и обряды, св. угодниковъ, и изрыгалъ на нихъ хулы, особенно на Николая Чудотворца, не поклонялся иконамъ и называлъ ихъ идолами. Въ число обвиненій Артемію поставили и то, что онъ ѣздилъ въ нѣмецкій городокъ искать такого человѣка, который могъ бы „говорить съ нимъ книгами о вѣрѣ“. Артемій былъ приглашенъ сначала на соборъ, судившій Башкина, не въ качествѣ обвиняемаго, но какъ членъ собора, но будучи предупрежденъ, что его заподозрѣваютъ въ единомысліи съ Башкинымъ, счелъ за благо скрыться изъ Москвы, что и поставлено было ему, потомъ, въ вину. Вынужденный послѣ явиться на тотъ соборъ, Артемій былъ обличенъ Башкинымъ,—который при допросахъ Грознаго, „звеся языкъ“, выдалъ всѣхъ своихъ единомысленниковъ,—и многими другими доносчиками въ разныхъ мелочныхъ выраженіяхъ относительно вѣры. Не смотря на слабыя улики, но должно быть за рѣзкіе отвѣты, соборъ осудилъ Артемія и послалъ въ Соловки подъ строгій началъ. Онъ присланъ былъ въ Соловки при грамотѣ отъ имени митрополита Макарія и всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, изъ которой я позволю себѣ привести то мѣсто, которое касается строгости содержанія Артемія въ Соловкахъ. Послѣ изложенія винъ и свидѣтельскихъ показаній противъ Артемія грамота излагаетъ такое рѣшеніе собора:

---

[1]) Костомаровъ, Монографіи; Соловьевъ, Ист. Россіи съ древнихъ временъ; Макарій, И. Р. Ц., т. VI, стр. 250.

„Сего ради соблагочестивѣйшимъ царемъ соборъ осудихомъ... повелѣхомъ отведену быти ему въ честную обитель боголѣпнаго преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, во общій монастырь преподобныхъ и богоносныхъ Савватія и Зосимы, сололецкихъ чудотворцевъ, къ духовному настоятелю игумену Филиппу со всею о Христѣ съ братіею. Пребывати-же ему внутрь монастыря съ великою крѣпостію и множайшимъ храненіемъ, заключену-жь ему быти въ нѣкоей кельѣ молчательной, да яко и тамо душевредный и богохульный недугъ отъ него ни на единаго-же да не распространится, и да не бесѣдуетъ ни съ кѣмъ-же, ни съ церковными, ни съ простыми того монастыря или инаго монастыря мнихи; но ниже писанія глаголати ему къ кому, или учить кого, или инако мудрованіе, или къ нѣконмъ посланья посылати, или отъ нѣкінхъ посланья пріимати, или слово, или кую вещь, или ино что, ниже собою, ниже инѣми, ниже сообщатися и дружбу имѣти съ кѣмъ, или нѣкінмъ смѣяти ходатайство свойственно и дерзновенно показати къ нему, но точію затворену и заключену въ молчаніи сидѣти и каятися о прелести еретичества своего, въ нѣже впаде. Да обращаясь обратится къ истиннѣй вѣрѣ православія, да никто-же отъ него погибнетъ, сего ради и юза ему соборная отъ насъ наложена есть, яко быти ему во отлученіи и необщеніи совершеннемъ дондеже обратится отъ своего нечестія и въ конецъ покается и исправится воистину, и тогда вся о немъ да совершатся по священнымъ правиломъ; и того ради повелѣхомъ дати ему единого отъ достовѣрныхъ православныхъ иноковъ, презвитера, и да исповѣдается ему и кается, и той священникъ да смотритъ и испытуетъ о немъ: аще истинно есть покаяніе его, и о томъ о всемъ извѣщаетъ настоятелю духовному, тебѣ игумену Филиппу, да и самъ ты, игуменъ, его временемъ наказуй и поучай отъ божественнаго писанія о всѣхъ полезныхъ къ его обращенію. И аще прилежно и трудолюбезно житіе его, и таковъ аще будетъ, да причастится въ болѣзни при смерти; аще оздоровѣетъ отъ недуга, да пребываетъ безъ святаго и пречистаго причащенія на всегда, точію при смерти да причастится. Книгъ же имѣти ему на молитву и моленіе и прочитываньe, ихъ же смиреніе наше со священнымъ соборомъ повелитъ ему яко же ко Господу Богу обращатися и каятися отъ бѣсовскія прелести его нечестія; отъ прочихъ же книгъ всяческихъ уврежатися ему и съ великимъ опасеніемъ соблюдатися и немудрствовати, якоже окаянне мудрствовалъ. Подобаетъ же съ великимъ разсмотрѣніемъ и мудрованіемъ испытовати и смотрѣти житія его, аще истинно, свято и нелестно обращеніе его въ православіе, и аще плоды духа имать свидѣтельствующа къ спасенію, и сокрушенно сердце и смиренъ разумъ, и покаяніе, и исповѣданіе прилежно. Подобаетъ же и тому самому стражу, который къ нему приставленъ, съ нимъ съ великимъ опасеніемъ соблюдати себя отъ него, да не како поврежденъ будетъ. Такъ же и той самый презвитеръ да соблюдаетъ себя твердѣйша прежь рѣченныя ради вины; иже аще приходити къ нему имать исповѣди ради, подобаетъ же надъ симъ смотрѣти твердѣйша, яко да не изнесутъ отъ него ни къ кому же ничто же, ниже отъ кого къ нему принесутъ и дадутъ или пошлютъ что нигдѣ же, ни когда же, ни ко мнихомъ, ни къ міряномъ, но вся бываемоя отъ него ко архіепископу Пимену Великаго Новограда и Пскова доправляетъ истинно настоятель тоя честныя обители, и архіепископъ Пименъ списываетъ о томъ благочестивому царю и великому князю и нашему смиренію и ни како-же ничто-же да не скрываетъ благо или зло. Аще истинно будетъ обращеніе его православней

вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа да поразумѣетъ о семъ великій и божественный соборъ со совѣтомъ божественнаго писанія и еже о св. дусѣ съ сыномъ святыя церкви и нашего смиренія православнаго и христолюбиваго царя, государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца повелѣніемъ о всѣхъ полезныхъ благочестивой нашей вѣрѣ и къ душевной пользѣ о всѣхъ благочестивыхъ, хотящихъ каятися истинно, а нелестно, и таковыхъ святая соборная апостольская церковь пріемлетъ и о всѣмъ исправляти повелѣваетъ по священнымъ правиломъ. Аще-ли не учнетъ каятися, но пребывать имать въ своемъ злочестіи, и тогда держать его въ велицей крѣпости, дондеже обратится и покается, и тогда вся о немъ да совершатся по священнымъ правиломъ.

Елицы же чрезъ заповѣданіе и запрещеніе наше къ нему дерзнутъ или посланья посылати, или бесѣдовати, или учити, или инако како пріобщатися, или явне, или тайне, таковіи убо вси, аще и въ величествѣ кто будетъ, или властію, или саномъ нѣкіимъ почтены отъ православнаго и христолюбиваго великаго державнаго государя нашего великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца и отъ нашего смиренія и отъ всего великаго и божественнаго собора безо всякаго сомнѣнія и извѣта единосовѣтники и единомышленницы да вмѣнятся ему, и тѣмъ же судомъ да сужени будутъ, яко богохульніи единомысленницы и поборницы, ихъ же подобаетъ ненавидѣти совершенною ненавистію, яко же речетъ благочестивый Иванъ Златоустъ.... и таковіи убо и отъ нашего смиренія и отъ всего великаго и божественнаго собора епитиміями и отлученіи накажутся; аще-ли-жь и еще не послушныя имѣютъ и не утрезвятся и не уцѣломудрятся, тогда духовными мечи да разсѣцаемы будутъ, отъ православнаго же и христолюбиваго и боговѣнчаннаго царя нашего государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца законную казнь пріимутъ. И по свидѣтельству закона сія изложена и утверждена и списана быша въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7062, мѣсяца генваря въ 24 день. (Грамота Солов. ризн. № 295).

Неизвѣстно долго ли Артемій пробылъ въ такомъ заключеніи, но ему удалось пріобрѣсти, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, друзей и съ помощію ихъ бѣжать изъ Соловокъ. Бѣжалъ онъ за рубежъ, въ Литву, гдѣ, по сказаніямъ Курбскаго, былъ ярымъ защитникомъ православія, и написалъ нѣсколько книгъ въ защиту его. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ шатки были обвиненія собора противъ Артемія.

Время и мѣсто кончины Артемія неизвѣстны.

Въ числѣ членовъ собора, осудившихъ Артемія, былъ протопопъ Силивестръ, авторъ „Домостроя“, которому и самому вскорѣ привелось испытать участь Артемія. Попавши въ немилость къ Грозному, онъ въ 1560 г. былъ также сосланъ въ Соловки въ заточеніе. Письменныхъ извѣстій о его ссылкѣ не имѣется; указываютъ только, по преданію, его могилу близь Преображен-

скаго собора. Надо полагать, что строгость его заключенія много смягчалась тѣмъ, что настоятелемъ монастыря былъ, въ то время, его хорошій знакомый, игуменъ Филиппъ, потомъ митрополитъ московскій.

VII.

Въ 1605 году былъ присланъ изъ Москвы бывшій царь казанскій Симіонъ Бекбулатовичъ. Онъ былъ второй царь казанскій, взятый въ плѣнъ при завоеваніи Казани Іоанномъ Грознымъ. Въ магометанствѣ онъ назывался Гедеригъ-Магметъ. Попавши въ плѣнъ, онъ изъявилъ желаніе принять православную вѣру со всѣмъ своимъ семействомъ, и былъ крещенъ въ присутствіи царя; воспріемникомъ его отъ купели былъ митрополитъ Макарій. Такой поступокъ казанскаго царя не остался безъ награды со стороны Грознаго: онъ далъ ему титулъ царя тверскаго, назначилъ придворный штатъ, и поселилъ его въ Твери. По смерти Грознаго, при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, не смотря на отличія на полѣ брани, оказанныя Бекбулатовичемъ, по происканъ Бориса Годунова, онъ былъ лишенъ царскаго титула, ослѣпленъ и сосланъ на житье въ Кушилинскую волость, Тверской губерніи. Во время самозванца Симіонъ Бекбулатовичъ оказывается въ Москвѣ, ратуетъ противъ Лжедмитрія, укоряя его въ принятіи латинскихъ обрядовъ и увѣщеваетъ народъ стоять за православіе. За эти поступки самозванецъ сослалъ его въ Соловецкій монастырь, приказавъ постричь въ монашество.

Симіонъ Бекбулатовичъ былъ постриженъ въ Соловкахъ подъ именемъ Степана.

Во время междуцарствія онъ писалъ просьбу Пожарскому и прочимъ боярамъ, прося освободить его отъ соловецкаго житія. Просьба его была уважена, и въ отвѣтъ—получена отъ Пожарскаго такая грамота:

„Въ Кирилловъ монастырь игумену Матѳею съ братіею бояра и воеводы и Дмитрій Пожарскій съ товарищи бьютъ челомъ. Билъ намъ челомъ старецъ Степанъ Бекбулатовъ, а сказалъ: велѣлъ де его постричь въ Соловецкомъ монастырѣ воръ, что былъ на Москвѣ, растрига Гришка Отрепьевъ; и нынѣ де ему въ Соловецкомъ монастырѣ нужа великая, и намъ бы ему

велѣти быти въ Кирилловѣ монастырѣ, и по совѣту всей земли велѣли есмя старцу Степану Бекбулатову быти въ Кирилловѣ монастырѣ, и на Соловки о томъ отписано-жъ; а велѣли старца Степана съ Соловокъ отпустити и проводити до Кириллова монастыря соловецкимъ служкамъ. И какъ къ вамъ въ Кирилловъ монастырь старецъ Степанъ Бекбулатовъ и съ нимъ соловецкіе служки пріѣдутъ, и вы бъ старца Степана у тѣхъ соловецкихъ взяли, и устроили его въ Кирилловѣ монастырѣ, и покоили его по монастырскому чину, какъ прочую братію.... Писано въ Ярославлѣ, лѣта 7120. Іюля въ 25 день". (Ист. оп. Сол. м., а. х. Досифея, т. I, стр. 108).

По приговору Пожарскаго съ боярами въ 1612 году былъ присланъ въ Соловки для самаго тяжкаго тюремнаго заключенія атаманъ разбойнической шайки Петръ Отяевъ. Онъ во время междуцарствія рыскалъ со своею шайкою по Московскому государству, оскверняя и раззоряя монастыри и храмы и избивая по деревнямъ беззащитный народъ.

По грамотамъ патріарха Филарета сосланы въ Соловки:

1623 г. Боярскій сынъ Ѳедоръ Семенскій подъ началъ въ хлѣбню за насильное постриженіе своей жены.

1627 г. Хутынскаго монастыря дьяконъ Ефремъ за то, что онъ „дѣйствовалъ священническая".

Того-же года. Подъ началъ въ черную работу Троице-Сергіева монастыря старецъ Пахомъ Нащокинъ „за блудъ и другое его неистовство". Въ 1627 г. освобожденъ отъ черныхъ работъ.

1628 г. Казначей Суздальскаго монастыря старецъ Ѳеофанъ „за грубость".

Того-же года. Дьячекъ Васька Марковъ за растлѣніе своей дочери, подъ строгій надзоръ.

По грамотамъ Аѳонія, митрополита новгородскаго:

1) Въ 1641 г. Черный попъ Гедеонъ за то, что пьяный вышелъ изъ алтаря безъ ризъ; его велѣно держать 6 недѣль на цѣпи и сѣять муку, а потомъ дозволить служить.

2) 1648 г. Посланъ въ тяжкіе труды черный попъ Нектарій за то, что на церковный помостъ „испустилъ воды". Черезъ годъ ему разрѣшили служить.

Въ 1652 году, по грамотѣ Никона, митрополита новгородскаго, былъ вызванъ къ нему изъ Соловокъ подначальный ста-

рецъ Арсеній грекъ, какъ человѣкъ образованный, ученый, для исправленія богослужебныхъ книгъ. Онъ сосланъ былъ въ Соловки по подозрѣнію въ неправославномъ образѣ мыслей, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ латинскихъ западныхъ училищахъ и принимавшій временно латинство, чтобы быть допущеннымъ въ эти училища [1]).

Въ первыхъ годахъ второй половины XVII столѣтія въ Соловки было сослано очень много людей за непризнаніе и протестъ противъ никоновской реформы по исправленію богослужебныхъ книгъ; между ними особенно видное мѣсто занимаетъ кн. Львовъ, начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ. Точно годъ, въ который былъ онъ сосланъ, не извѣстенъ, но въ 1657 г., когда былъ присланъ въ Соловки исправленный служебникъ, въ числѣ ссыльныхъ былъ и кн. Львовъ. Въ 1655—1656 гг. былъ соборъ изъ греческихъ и русскихъ святителей для разсмотрѣнія исправленнаго служебника и, кажется, въ это время и былъ высланъ кн. Львовъ. Видной роли въ подготовленіи возмущенія соловецкихъ монаховъ онъ не игралъ; живя въ монастырѣ, занимался болѣе кутежами, чѣмъ ратоборствомъ за старину. Въ началѣ возмущенія монаховъ, онъ былъ увезенъ изъ Соловокъ.

Явное возмущеніе соловецкихъ старцевъ противъ церковной, а потомъ и государственной власти выразилось въ 1666 г. и продолжалось до взятія монастыря воеводою Мещериновымъ въ 1676 г. Конечно, въ этотъ періодъ въ Соловки ссыльныхъ не присылали. Послѣ усмиренія монаховъ, первымъ ссыльнымъ явился Иванъ Мещериновъ, тотъ самый, который взялъ монастырь и усмирилъ монаховъ.

Взойдя въ монастырь, какъ побѣдитель, Мещериновъ властною рукою бралъ себѣ монастырскія богатства и принималъ отъ побѣжденныхъ старцевъ богатые дары. При занятіи монастыря онъ обошелся съ побѣжденными по варварски: всѣ деревья кругомъ монастыря были увѣшаны трупами монаховъ, толпа полунагихъ черноризцевъ была выгнана изъ монастыря на морскую губу въ январьскіе морозы и тамъ монахи были заморожены.

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс., т. XI, стр. 284.

Уѣзитые, повѣшенные и замороженные монахи валялись около монастыря не погребенными до лѣта. Только немногіе счастливцы, которые имѣли возможность дать суровому воеводѣ богатые дары, остались въ живыхъ. О разграбленіи монастырскаго имущества воеводою-побѣдителемъ было донесено въ Москву и оттуда посланъ князь Волконскій для изслѣдованія дѣла. Доносъ подтвердился и побѣдитель попалъ въ число подначальныхъ людей. Сторону Мещеринова держалъ новгородскій митрополитъ Варсанофій, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Соловецкій монастырь: онъ часто писалъ грамоты соловецкому архимандриту, прося оказывать снисхожденіе и пріятство Мещеринову. Стараніями Варсанофія Мещериновъ, около 1680 г., былъ освобожденъ.

Афанасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, сосланы въ Соловки:

1) 1681 г. Черный попъ Симіонъ „за непокорство“, подъ строгій надзоръ, чтобы держали его въ хлѣбнѣ на цѣпи.

2) 1685 году Казначей архіепископа Афанасія іеромонахъ Сергій подъ началъ за скаредныя дѣла. Въ 1686 г. посаженъ подъ караулъ „за его воровскія письма“; послѣ былъ держанъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, но, по просьбѣ воеводы Кондратія Нарышкина, былъ раскованъ.

3) 1695 г. Житель г. Архангельска Ивашка Филатовъ за пьянство и распутство „въ тяжкіе труды“.

По указу Петра I, въ 1691 году, посланъ для содержанія „въ земляной тюрьмѣ“ самозванецъ Ивашка Салтыковъ.

Въ слѣдующемъ году посланъ для такого же содержанія Мишка Амиревъ; „за великія непристойныя слова, вмѣсто смертныя казни, велѣно его держать въ земляной тюрьмѣ вмѣстѣ съ самозванцемъ Ивашкою Салтыковымъ“. Черезъ годъ была послана царская грамота, коей повелѣвалось изъ земляной тюрьмы Амирева выпустить, постричь въ монахи и быть ему въ томъ монастырѣ „неисходно до кончины живота его, изъ монастыря никуда его не отпущать, ни въ какую отхожую службу не посылать и смотрѣть того на крѣпко, чтобы былъ онъ всегда въ видахъ и жилъ во всякомъ послушаніи и братіи никакого ропота ни чинилъ, никакихъ непріятныхъ словъ не говорилъ“. Постриг-

шись въ монашество, подъ именемъ Моисея, Амиревъ такъ умѣлъ поддѣлаться къ монахамъ, что его назначили нарядчикомъ-распорядителемъ работъ. Однако, въ этой должности онъ побылъ не долго; у него нашли какія-то „ябедническія письма“ и по указу царя Петра онъ былъ отставленъ отъ нарядчиковъ съ тѣмъ, что если будетъ еще писать письма, то будетъ посаженъ въ тюрьму. Въ 1700 г. Амиревъ, „чрезъ воровскую стѣну“, ушелъ изъ монастыря и, не смотря на все стараніе царя Петра отыскать его, онъ остался не найденнымъ.

VIII.

Въ 1700 г. въ Москвѣ было возбуждено дѣло Талицкаго [1]). Дѣло было такого рода. Книгописецъ Григорій Талицкій, по доносу одного пѣвчаго, былъ схваченъ, и въ пыткѣ признался, что составилъ воровское письмо, будто настало послѣднее время и явился антихристъ, т. е. Петръ I, а также и другія многія статьи писалъ государю въ укоризну, и народу отъ него отступать приказывалъ, слушать и подати платить запрещалъ, а велѣлъ взыскать князя Михаила (Черкасскаго), отъ котораго будетъ добро народу. Находясь подъ пытками, Талицкій, между прочимъ, показалъ, что онъ о послѣднемъ вѣкѣ и объ антихристѣ разговаривалъ съ тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ, который велѣлъ все это написать въ книгу и прислалъ ему 5 рублей денегъ, и онъ за эти деньги послалъ епископу тетрадки. Игнатій по этимъ показаніямъ тоже былъ схваченъ и, подвергнутый пыткамъ, признался, что слышалъ отъ Талицкаго поносныя слова на государя и говорилъ: „видимъ мы и сами, что худо дѣлается, да что мнѣ дѣлать, я немощенъ“, просилъ Талицкаго написать все въ тетрадяхъ получше, чтобы можно было ему, Игнатію, лучше истину познать. Талицкій уличалъ Игнатія еще въ томъ, что когда Игнатій слушалъ написанное въ тетрадяхъ, то плакалъ и, взявши тетради, поцѣловалъ ихъ. Игнатій, разстриженный, измученный пытками, сосланъ въ Соловецкій монастырь въ тюрьму, гдѣ и пробылъ до своей смерти.

[1]) Соловьевъ. И. Р., т. XV, стр. 122—124.

Въ Соловки онъ посланъ былъ при слѣдующей грамотѣ Афанасія, архіепископа холмогорскаго:

„Въ нынѣшнемъ 1701 году, декабря въ 22 день, за грамотою великаго государя и царя и великаго князя Петра Алексѣевича великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержца изъ Преображенскаго приказа, за прописью дьяка Якова Никонова присланъ къ намъ, преосвященному архіепископу, на Холмогоры, съ провожатыми вологодскими стрѣльцами, вора и бунтовщика Гришки Талицкаго сообщникъ и единомышленникъ растрига Ивашко Шангинъ (Игнатій), за его воровство. Изъ Холмогоръ велѣно его послать къ вамъ въ Соловецкій монастырь и посадить его въ Головленкову тюрьму и быть ему въ той тюрьмѣ до кончины живота его неисходно, а пищу давать ему противъ таковыхъ же подначальныхъ. А чернилъ, бумаги ему, Ивашкѣ, давать отнюдь не велѣно, и ни отъ кого ему писемъ не принимать и не отдавать, а такъ же и отъ него ни къ кому никакихъ писемъ не принимать же и не отдавать, а буде отъ кого какія письма явятся къ нему, Ивашкѣ, или отъ него, Ивашки, и тѣ письма велѣно отсылать къ Москвѣ въ Пресбраженскій приказъ... Декабря 22 дня 1701 года“.

Долго ли сидѣлъ Игнатій въ тюрьмѣ—неизвѣстно. Погребенъ онъ подъ Преображенскимъ соборомъ. На его могилѣ, въ стѣнѣ, поставлена архимандритомъ Александромъ плита, съ надписью: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло тамбовскаго епископа Игнатія, умершаго въ 1699 г., понесшаго долгое и тяжкое разлученіе со своею паствою“. Явная несообразность. На грамотѣ Афанасія о присылкѣ Игнатія находится помѣтка: „1702 г. Генваря 17 дня, подалъ преосвященнаго архіепископа грамоту кемскій стрѣлецъ Степашко Осиповъ“. Если Игнатій привезенъ въ январѣ 1702 года, то онъ не могъ умереть въ 1699 г., да еще потерпѣвъ долгое разлученіе съ паствою!

Въ томъ же году и по тому же дѣлу былъ присланъ въ Соловки духовникъ Петра I, „распятскій попъ Иванъ Ивановъ“, какъ названъ онъ въ грамотѣ. Онъ былъ присланъ не въ тюрьму, какъ Игнатій, а велѣно было только постричь его немедленно въ монахи. Постриженный подъ именемъ Іова, онъ своимъ подвижничествомъ и смиреніемъ пріобрѣлъ довѣріе братства и расположеніе соловецкаго настоятеля. Пріѣхавшій лѣтомъ того же года царь Петръ, по словамъ автора Житія Іова, увѣрился въ невинности его и приглашалъ снова вернуться въ Москву на почетную должность, но испытавъ всѣ треволненія мірской жизни, старецъ Іовъ отказался отъ приглашенія царя

и пожелалъ окончить дни свои въ мирной Соловецкой обители. Но и общая монастырская жизнь не удовлетворила несчастнаго старца, и онъ, съ благословенія настоятеля, удалился въ лѣсъ Анзерскаго острова, гдѣ на горѣ, названной имъ Голгоѳой, основалъ уединенный монашескій скитъ и оставилъ своимъ ученикамъ очень строгій уставъ скитской жизни. Онъ умеръ 1720 г. и погребенъ подъ голгоѳской церковію.

Въ томъ же году сосланъ учитель московской школьной палаты іеродіаконъ Іовъ за непослушаніе, грубость и прочіе пороки.

Въ 1707 г. по указамъ царя Петра Алексѣевича присланы:

Монахъ Волоколамскаго Іосифова монастыря Герасимъ Синица „для того, что онъ, Герасимъ, будучи въ домѣ гостя Саввы Малыгина, говорилъ непристойныя слова, а въ Преображенскомъ приказѣ при допросѣ заявилъ, что ничего не помнитъ, такъ какъ былъ пьянъ... За то ему, монаху Герасиму, учинено въ Преображенскомъ приказѣ жестокое наказаніе, вмѣсто кнута, снемъ рубаху, битъ плетьми нещадно, и велѣно его съ Москвы послать въ дальніе монастыри подъ началъ“.

Калужскій посадскій бобыль Ѳедоръ Мутовозовъ за „то его воровство, что онъ написалъ и подкинулъ воровское подметное письмо и съ пытокъ въ томъ воровствѣ винился“. Мутовозова велѣно держать въ монастырскихъ трудахъ до смерти, никуда изъ монастыря не выпуская, чернилъ, бумаги и прочаго, чѣмъ писать можно, давать ему не велѣно.

Бродящій монахъ Симіонъ, что слыветъ Сава—большая слава, за то, что онъ по Москвѣ ходитъ по кружаламъ и валяется по улицамъ, а въ монастыряхъ нигдѣ не живетъ. Держать велѣно его въ монастырскихъ трудахъ до царскаго указу, а пищу давать братскую.

Въ 1708 г. присланы въ Соловки люди, замѣшанные въ борьбу между Кочубеемъ и Мазепою: попъ Иванъ Святайло съ сыномъ Иваномъ и іеромонахъ Сѣвскаго Спасскаго монастыря Никаноръ [1]). Этимъ людямъ старый Кочубей довѣрилъ

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ см. въ Ист. Р. Соловьева, т. XV, стр. 274, 277, 294.

свою тайну объ измѣнѣ Мазепы и поручилъ имъ доносъ на Москвѣ царю. Но пользующійся въ то время довѣріемъ царя Мазепа съумѣлъ оправдаться отъ доноса, и довѣренные Кочубея поплатились за свою услугу ссылкою. Присланы они при указахъ царя Петра, въ коихъ про вину Святайлова выражено такъ: „попа Ивана Святайло за ложное донесеніе на гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепу сослать въ Соловецкій монастырь на вѣчное житье съ сыномъ Иваномъ, и если изъявитъ желаніе, то постричь въ монахи"; а про чернеца Никанора сказано, что онъ „явился въ Кочубеевѣ дѣлѣ". За Никанора просилъ холмогорскій архіепископъ Афанасій, чтобы архимандритъ былъ къ нему „милостивымъ".

Въ концѣ года измѣна Мазепы оправдала доносъ Кочубея, и въ Соловкахъ былъ полученъ указъ объ освобожденіи Святайлова и Никанора.

Въ 1709 г. присланъ въ Соловки двое-крещенецъ жидовскаго роду Матѳей Никифоровъ. Дѣло было такого рода: еврей изъявилъ желаніе принять православную вѣру и былъ крещенъ подъ именемъ Ивана. Спустя нѣкоторое время онъ снова крестился и принялъ имя Матѳея. Эта продѣлка была замѣчена, и перекрещенецъ попалъ въ патріаршій приказъ, который рѣшилъ: за тѣ его вины учинить ему жестокое наказаніе, бить плетьми безъ пощады, что онъ тѣмъ крещеніемъ другимъ преступилъ правила святыя и уставъ церковный, знатно посмѣваясь христіанской вѣрѣ, чего бы ему дѣлать не довелось".

Около этого времени были заточены въ соловецкую крѣпость два графа Толстыхъ. Письменныхъ документовъ объ ихъ присылкѣ не нашлось; но находится слѣдственное дѣло по доносу одного монаха на архимандрита Варсонофія въ томъ, что онъ „мирволитъ гр. Толстымъ, посылаетъ со своего стола явства и питія". Изъ этого дѣла видно, что они сидѣли въ келарской тюрьмѣ, и что при нихъ былъ слуга. Умерли они въ заточеніи и похоронены на западной сторонѣ Преображенскаго собора. На ихъ могилахъ до сихъ поръ видны бѣлыя надгробныя плиты.

1721 г. игуменъ Мошногорскаго монастыря Іосафъ за „нѣкоторыя дерзновенныя важныя слова и за перстное сложеніе

противнаго креста и за постриженіе монахинь былъ наказанъ нещадно плетьми и присланъ въ Соловецкій монастырь въ подземную тюрьму. Ему, должно быть, какъ нибудь удалось бѣжать или онъ былъ освобожденъ, такъ какъ въ 1728 г. снова присылается въ Соловки вмѣстѣ со священникомъ новгородской епархіи Ѳедоромъ Ефимовымъ и казначеемъ Троицко-Сергіева монастыря Ѳеогностомъ, съ наказомъ, чтобы ихъ держали въ самыхъ крѣпкихъ тюрьмахъ порознь, ихъ не выпуцая, къ нимъ никого не впущая и ни въ чемъ имъ не вѣря. Въ 1743 г. онъ объявляетъ „слово и дѣло“. Когда отказались вести его по этому заявленію въ Москву, то онъ объявилъ, что за Днѣпромъ онъ знаетъ мѣсто, гдѣ зарыто въ землю много драгоцѣнностей, и это мѣсто онъ можетъ указать. Что дало ему это заявленіе по дѣлу—неизвѣстно, вѣроятно плети, ибо онъ вскорѣ умеръ въ Соловкахъ.

Въ 1722 году, по повелѣнію Петра I, изъ тайнаго Преображенскаго приказа былъ присланъ іеромонахъ Соловецкаго монастыря Иванъ Обуяновскій за произнесеніе имъ важныхъ и непристойныхъ словъ, „въ земляную тюрьму“, на вѣчно. Черезъ годъ Обуяновскому сдѣлано облегченіе, онъ переведенъ изъ земляной тюрьмы въ казематъ подъ успенскимъ крыльцомъ. Сидя тамъ въ сосѣдствѣ съ другими такими же подначальными греками-монахами Герасимомъ и Парфеніемъ, онъ посовѣтовалъ имъ объявить государево слово и дѣло и съ помощію этого избавиться не только отъ тюрьмы, но и отъ ссылки. Согласно этому совѣту, ссыльные греки объявили слово и дѣло. Этимъ заявленіемъ началось большое дѣло. Въ соборной кельѣ собралось все монастырское начальство: архимандритъ Варсонофій, казначей монахъ Андроникъ, инквизиторъ [1]) іеромонахъ Миронъ, ризной іеромонахъ Ѳеодосій, монахъ Иларій Стромиловскій; городничій Діодоръ представилъ предъ ихъ лицо объявителей слова и дѣла монаховъ Герасима и Порфирія. Начали ихъ разспрашивать какое слово и дѣло они знаютъ, откуда узнали, не научилъ-ли кто объявить имъ это? Изъ разспросовъ оказалось, что

[1]) Должность такая была учреждена Петромъ I. Въ монастырскомъ архивѣ находится большое дѣло объ инквизиторахъ и ихъ дѣятельности.

ихъ подговорилъ объявить это распопъ Иванъ Обуяновскій, обѣщая тѣмъ избавиться имъ отъ суда и ссылки. Призванный на это судилище Обуяновскій признался, что, желая освободить невинныхъ монаховъ отъ ссылки, онъ посовѣтовалъ имъ объявить государеву важность; важность эта состояла въ слѣдующемъ: a) одинъ пришлой монахъ обокралъ съ иконъ драгоцѣнные камни и эти камни взялъ себѣ архимандритъ, а вора отпустилъ; b) что въ монастырѣ есть въ числѣ монаховъ бѣглые солдаты; c) когда на Дону была съ татарами война, тогда татары, будто, много нашихъ казаковъ взяли въ плѣнъ къ себѣ. И когда съ ними учинили миръ, тогда велѣно тѣхъ казаковъ назадъ отдать, и будто тѣ татары, не хотя нашихъ казаковъ назадъ возвратить, дали за то много денегъ Петру Матвѣевичу Апраксину и тѣмъ оныхъ, будто, у себя удержали.

Первыя два показанія, по тщательному изслѣдованію монастырской коллегіи, оказались ложными, а о третьей они ничего не могли рѣшить, а потому рѣшили Обуяновскаго отослать для разслѣдованія дѣла въ Москву, въ Преображенскій приказъ. Такъ какъ дѣло это считалось государственнымъ, важнымъ, поэтому, не дожидая открытія навигаціи, Обуяновскаго, сковавъ по рукамъ и ногамъ, 1 января 1725 года отправили изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Въ тайномъ приказѣ онъ, должно быть, не могъ доказать вѣрности показанія своего относительно взятки Апраксина, а потому, получивъ въ приказѣ жесточайшее наказаніе плетьми, снова былъ заключенъ въ соловецкій казематъ. Пытался онъ еще разъ объявить слово и дѣло, но это объявленіе не было принято къ свѣдѣнію, и онъ принужденъ былъ 26 лѣтъ просидѣть въ казематѣ и тамъ покончить свою жизнь.

IX.

1727 г., священникъ села Качалаева, Пензенской губерніи, Кириллъ Ѳедоровъ, находясь въ компаніи съ крестьяниномъ помѣщика Сумарокова Лукіаномъ Серебрянниковымъ, имѣлъ дерзость говорить поносныя слова, относящіяся до императрицы Екатерины I. Этотъ разговоръ былъ кѣмъ-то подслушанъ и переданъ начальству. Священникъ привезенъ въ тайную канцелярію, а также слушавшій его Серебрянниковъ. Подвергнутый пыткамъ, священникъ Ѳедоровъ заявилъ, что поносныя слова на императрицу говорилъ потому, что былъ пьянъ. Тайная канцелярія учинила имъ такую резолюцію: распопу Кирилла Ѳедорова за великія его непристойныя слова бить кнутомъ и урѣзать языка; крестьянина помѣщика Сумарокова Лукіяна Серебрянникова за не извѣтъ о тѣхъ словахъ бить кнутомъ-же и сослать ихъ: распопу и Серебрянникова въ Соловецкій монастырь, распопу въ заточеніе, а Серебрянникова въ тяжкіе монастырскіе труды.

Черезъ три года распопъ умеръ въ заточеніи, а Серебрянниковъ былъ освобожденъ въ 1743 году.

1732 г. Дворцоваго села, Московскаго уѣзда, разъдьяконъ Алексѣй Клементьевъ, „который причинился въ кражѣ имъ въ той церкви изъ алтаря съ престола евангелія, креста и разныхъ книгъ и въ сказываньи слова и дѣла“. По рѣшенію тайной канцеляріи велѣно его, наказавъ нещадно плетьми, сослать въ Соловецкій монастырь. При пересылкѣ его изъ Москвы въ Соловки, вышла непріятность между тайной канцеляріей и смотрителемъ московскаго соловецкаго подворья, показывающая порядки того времени. Дьяконъ Клементьевъ, назначенный въ Соловки, былъ присланъ смотрителю московскаго подворья для отправки по назначенію. Смотритель, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ вотчины въ московскомъ уѣздѣ, и на бѣдность монастыря, отказывался переслать арестанта на свой счетъ и отправилъ обратно въ канцелярію, чтобы отправили его на казенный счетъ. Канцелярія, не внявъ его жалобамъ, отправляетъ арестанта опять на подворье, съ подворья опять въ канцелярію, и такъ до трехъ разъ,

пока, наконецъ, не сдался смотритель подворья и не отправилъ арестанта въ Соловки.

Клементьевъ умеръ въ Соловкахъ въ 1739 году.

Въ томъ же году присланъ подьячій Константиновъ при слѣдующемъ указѣ тайной канцеляріи: „понеже имяннымъ ея и. в. указомъ велѣно содержащагося въ канцеляріи розыскныхъ дѣлъ колодника подьячаго Ивана Константинова за важную его вину послать въ Соловецкій монастырь и содержать его въ томъ монастырѣ въ крѣпкомъ смотрѣніи, не выпуская никуды, и чернилъ и бумаги не давать, и того накрѣпко, вамъ, архимандриту съ братіею, смотрѣть за нимъ, чтобы онъ отнюдь ничего не писалъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ и никуды не ушелъ и въ томъ вамъ подписаться, а такъ-же и впредь, которыя во ономъ монастырѣ будутъ власти потому-жъ подписываться, и тѣ подписки присылать за руками вашими въ тайную канцелярію. Понеже, ежели что посему опущено будетъ или отъ него, Константинова, явятся какія письма, или на словахъ что непристойное будетъ разсѣвать, и то все будетъ взыскано на васъ, властяхъ, и Соловецкаго монастыря архимандриту съ братіею о вышеписанномъ учинить по сему ея и. в. указу. 1732 года генваря 6 дня. Генералъ и гвардіи полковникъ Ушаковъ“.

Колодникъ былъ сданъ на руки монастырскому городничему монаху Діонисію, и съ него взята росписка въ этомъ смыслѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по привозѣ въ монастырь Константиновъ умеръ.

1737 г., священникъ выгозерскаго погоста, Олонецкой губерніи, Григорій Гавриловъ „за нѣкоторую его вину“, по наказаніи кнутомъ, сосланъ въ Соловецкій монастырь. Живя въ монастырѣ, Гавриловъ признался, что онъ крестьянинъ нюхотцкой соловецкой вотчины. Въ 1715 году, будучи 15 лѣтъ отъ роду, онъ ушелъ съ родины на Выгъ, тамъ своею начитанностію пріобрѣлъ довѣріе жителей и по просьбѣ ихъ посвященъ въ С.-Петербургѣ во священника. Возвратясь на Выгъ, онъ перешолъ въ расколъ и сдѣлался на Выгозерѣ раскольническимъ священникомъ, въ чемъ и состояла его „нѣкоторая вина“. Былъ съ женою и дѣтьми водворенъ въ Нюхчу, въ число прежнихъ крестьянъ.

1739 г., по указу тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи присланъ „адмиралтейскаго вѣдомства магазинъ-вахтеръ князь Дмитрій Мещерскій за нѣкоторую важную его вину“. Содержать его приказано было „въ земляной тюрьмѣ до смерти неисходно“, подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ. Въ 1741 году, по указу тайной-же канцеляріи, дана льгота князю Мещерскому: его приказано изъ земляной тюрьмы освободить, а помѣстить на житье въ монастырѣ, но только подъ строгое смотрѣніе, чтобы онъ куда либо уйти не могъ.

М. А. Колчинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Васильевичъ Милоновъ

въ 1803 — 1813 гг.

Благодаря весьма обязательному сообщенію академика Я. К. Грота—представляемъ здѣсь два документа, немаловажные для біографіи извѣстнаго поэта-сатирика М. В. Милонова. Ред.

I.

Августа 19-го дня 1809 года.

Свидѣтельство. Изъ учрежденнаго при императорскомъ московскомъ университетѣ благороднаго пансіона дано сіе студенту Михаилу Милонову, сыну коллежскаго совѣтника Василія Милонова, въ томъ, что онъ, записанъ будучи въ помянутый пансіонъ 1803 года, учился: 1) закону Божію и священной исторіи; 2) исторіи и географіи; 3) ариѳметикѣ и геометріи; 4) тригонометріи и алгебрѣ; 5) россійскому законоискусству; 6) натуральной исторіи и физикѣ; 7) россійскому краснорѣчію и стихотворству; 8) гражданской архитектурѣ; 9) французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ, и 10) рисовать,

съ отмѣннымъ понятіемъ весьма прилежно и съ превосходными успѣхами. Велъ себя честно и благородно. Былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ лучшихъ благородныхъ воспитанниковъ въ ученіи и поведеніи, въ знакъ чего при публичныхъ экзаменахъ получилъ двѣ книги, серебряную и золотую медали и одобрительный листъ за отличные успѣхи въ наукахъ, особливо въ беллетрахъ. Въ 1805 году, декабря 23 дня, произведенъ отъ университета студентомъ и продолжалъ въ оном слушать профессорскія лекціи по 1809-й годъ. Дано въ Москвѣ за подписаніемъ статскаго совѣтника, профессора, оного пансіона инспектора и ордена святыя Анны втораго класса кавалера, съ приложеніемъ герба фамиліи его печати. Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

(М. П.).

II.

31 мая 1813 г.

№ 2054. Служащему въ департаментѣ министерства юстиціи г-ну титулярному совѣтнику Милонову.

Господиномъ министромъ юстиціи откомандированы вы къ исправленію должности правителя канцеляріи въ коммисію, учрежденную для разсмотрѣнія прошеній обывателей московской столицы и губерній, потерпѣвшихъ раззореніе отъ нашествія непріятельскаго. Вслѣдствіе чего рекомендую вамъ немедленно явиться къ президенту той коммисіи, господину оберъ-шенку графу Головину, купно съ канцелярскими чиновниками, назначенными въ ту коммисію изъ департаментовъ правительствующаго сената. Директоръ департамента графъ Салтыковъ.

Сообщ. Акад. Я. К. Гротъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

Записки курляндскаго дворянина.

1796—1801.

Въ 1886 году (въ Лейпцигѣ), подъ заглавіемъ: «Изъ дней имп. Павла» издана, на нѣмецкомъ языкѣ, часть обширныхъ ненапечатанныхъ мемуаровъ барона N. (фамилія автора скрыта подъ этою буквою), занимавшаго въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій довольно выдающееся положеніе въ нашей административной сферѣ. Имѣя большія связи, будучи хорошо знакомъ съ многими изъ приближенныхъ ко двору людей, и самъ въ продолженіи нѣкотораго времени пользовавшійся благосклонностію монарха, авторъ, рядомъ съ фактами общеизвѣстными, представляетъ намъ нѣсколько любопытныхъ характеристическихъ подробностей изъ тогдашней придворной и общественной жизни. Не смотря на то, что баронъ N., подобно большинству чиновниковъ того времени, испыталъ на себѣ измѣнчивость характера императора Павла и, послѣ выдающихся знаковъ вниманія, подвергся внезапной опалѣ, — онъ сохранилъ къ этому государю самыя теплыя чувства, и печальную перемѣну въ его нравѣ постоянно приписываетъ пагубному вліянію людей, успѣвшихъ втереться въ его довѣріе.

Въ Запискахъ барона N. мы встрѣчаемся съ характеристиками нѣкоторыхъ лицъ, игравшихъ въ то время значительную роль. Сопоставленіе ихъ съ тѣмъ, что о помянутыхъ лицахъ уже было написано, можетъ пролить новый свѣтъ на явныя и тайныя пружины государственной дѣятельности въ эпоху Павла I.

Замѣтимъ, что авторъ самъ былъ очевидцемъ или дѣйствующимъ лицомъ въ бо́льшей части тѣхъ событій, которыя описываетъ; объ остальныхъ же имѣлъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія отъ своихъ друзей и знакомыхъ, и лишь самая незначительная часть написаннаго имъ почерпнута изъ третьихъ, четвертыхъ и т. д. рукъ.

Въ виду несомнѣнной занимательности книги барона N. и значенія ея — какъ матеріала — для новѣйшей исторіи нашего отечества, мы пригодимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нея извлеченія, представляющія болѣе общій интересъ.

Замѣтимъ при этомъ, что авторъ, еще при жизни Екатерины II, былъ,—

какъ видно изъ его Записокъ,—хорошо извѣстенъ наслѣднику престола, Александру Павловичу, и пользовался его расположеніемъ. Въ моментъ воцаренія Павла баронъ N. жилъ въ Митавѣ, гдѣ занималъ мѣсто предсѣдателя суда.

И. О.

I.

Извѣстіе о внезапной кончинѣ императрицы Екатерины II сообщено было генералъ-губернатору (Курляндіи) Палену запискою изъ Риги,—какъ разъ въ то время, когда мы сидѣли у него за обѣдомъ. Измѣнившись въ лицѣ, онъ молча ушелъ въ свой кабинетъ и хотя скоро возвратился и, сѣвъ на свое мѣсто, старался казаться спокойнымъ, однако, не смотря на его старанія, всѣ замѣтили, что онъ взволнованъ и встревоженъ.

Послѣ обѣда онъ тотчасъ же удалился и вечеромъ не появлялся въ кругу гостей, собравшихся у его жены. Только на третій день событіе это сдѣлалось нѣсколько болѣе извѣстнымъ, благодаря проѣзду курьера, посланнаго къ князю Рѣпнину, занимавшему мѣсто генералъ-губернатора лифляндскаго, эстляндскаго и литовскаго; тогда Паленъ, отведя меня въ сторону, сообщилъ мнѣ эту важную новость,—но совершенно конфиденціально, такъ какъ еще не имѣлъ прямаго сообщенія ни отъ государя, ни отъ сената.

Я былъ сильно пораженъ этою кончиною, которая должна была повести за собою большія перемѣны во всемъ государствѣ, и хотя имѣлъ основанія хвалиться тѣмъ благоволеніемъ, которое новый императоръ выказывалъ мнѣ, еще будучи великимъ княземъ,—однако, былъ искренне опечаленъ кончиною великой монархини. Паленъ очень этому удивился. «Вы должны быть въ восторгѣ», сказалъ онъ, «я знаю, какъ великій князь васъ цѣнилъ, и увѣренъ, что государь вамъ это докажетъ». — «Правда», отвѣчалъ я, «государь, въ теченіи двухъ лѣтъ, выказывалъ мнѣ весьма лестное благоволеніе; но теперь, отвлекаемый во всѣ стороны, поглощенный занятіями, онъ обо мнѣ не подумаетъ. Но я и не имѣю притязаній на это»...

Наконецъ, прибыла изъ Риги эстафета съ циркулярнымъ сообщеніемъ о вступленіи на престолъ Павла I и съ повелѣніемъ о приводѣ къ присягѣ.

Черезъ два дня послѣ этого, когда мы вечеромъ играли у генерала Палена въ бостонъ, мнѣ подали съ почты письмо подъ императорскою печатью и потребовали росписку въ полученіи. Письмо оказалось отъ тещи моей, г-жи Де-Лафонъ (директрисы Смольнаго института въ Петербургѣ). «Нашъ несравненный государь»—писала она—«назначилъ высокую супругу свою главною начальницею здѣшняго института, и е. в. императрица пріѣзжала сама, чтобы сообщить объ этомъ повелѣніи. При этомъ случаѣ я назначена статсъ-дамою, и обожаемая императрица наша украсила грудь мою своимъ портретомъ. Я слишкомъ взволнована и ничего болѣе не могу писать вамъ, дорогія мои дѣти.

Императрица увѣнчала доброту свою еще тѣмъ, что предложила сама отправить это письмо, дабы вы получили его безъ задержки».

Письмо это, прочитанное всѣмъ присутствующимъ, возбудило въ нихъ весьма различныя чувства, преобладающимъ изъ коихъ, конечно, была зависть. Зависть эта возрасла до гораздо бо́льшихъ размѣровъ, когда генералъ-губернаторъ получилъ указъ, по которому автору этихъ Записокъ дарованы были различныя льготы по имущественнымъ правамъ.

Столько знаковъ царской милости—продолжаетъ авторъ—требовали и съ нашей стороны выраженія подобающей благодарности; но такъ какъ я привязанъ былъ къ мѣсту моими обязанностями предсѣдателя суда, то мы рѣшили, чтобы жена моя поѣхала въ Петербургъ и тамъ повергла дань глубокой признательности къ ногамъ нашихъ высокихъ благотворителей. Я, между тѣмъ, приготовлялся къ переѣзду на новую квартиру, какъ вдругъ потребованъ былъ генераломъ Паленомъ.

«Видите ли»—воскликнулъ онъ, обнимая меня—«то, что я вамъ предсказывалъ, сбылось! Государь повелѣваетъ вамъ прибыть въ Петербургъ. Вотъ это повелѣніе, написанное генералъ-прокуроромъ княземъ Куракинымъ; оно гласитъ слѣдующее: Вы имѣете сообщить статскому совѣтнику и предсѣдателю суда, барону **, высочайшее е. и. величества повелѣніе о безотлагательномъ прибытіи его въ Петербургъ».

Болѣе взволнованный, нежели обрадованный, открывавшеюся мнѣ лестною перспективою, я сдалъ всѣ дѣла моего вѣдомства секретарю; 16 декабря 1796 г. отправился въ путь, а 20 былъ въ Петербургѣ. Между Дерптомъ и Ригою встрѣтилось намъ нѣсколько человѣкъ поляковъ, которымъ государь возвратилъ свободу; между ними былъ и извѣстный башмачникъ Килинскій.

Было уже около 7 часовъ вечера, когда я прибылъ во дворецъ, чтобы явиться его величеству. Во дворцѣ нашелъ я полную во всемъ перемѣну [1]), но дошелъ безъ задержанія, до внутреннихъ покоевъ, гдѣ находятся дежурные камергеры. Тамъ съ довольно удивленными лицами стали спрашивать меня, что мнѣ нужно.—«Государь повелѣлъ мнѣ прибыть въ Петербургъ; такъ вотъ я явился, чтобы представиться ему».—Послѣ нѣкоторой бѣготни придворныхъ, взадъ и впередъ, показался генералъ-адъютантъ графъ Растопчинъ, который освѣдомился о моемъ имени, чинѣ и причинахъ моего прибытія. Отвѣтивъ довольно обстоятельно на оба первые вопроса, я прибавилъ: «что касается до

---

[1]) Когда я пріѣхалъ ко двору, то нашелъ всѣ переднія залы въ траурномъ облаченіи; но за единственнымъ исключеніемъ князя Зубова, который не могъ скрыть своей основательной горести, всѣ прочіе придворные, казалось, совсѣмъ забыли о великой государынѣ, какъ будто она скончалась лѣтъ двадцать тому назадъ. А между ними было много такихъ, которыхъ императрица Екатерина осыпала своими щедротами. Эта позорная неблагодарность просто ужаснула меня.

причинъ прибытія, то онѣ мнѣ неизвѣстны, такъ какъ государь императоръ еще не объявлялъ мнѣ ихъ; но вотъ мой паспортъ; изъ него вы усмотрите точное повелѣніе монарха».—Растопчинъ пошелъ къ государю и черезъ нѣсколько минутъ возвратился: «е. в. поручилъ мнѣ передать вамъ, господинъ баронъ, что онъ очень радъ вашему прибытію; государь дастъ вамъ знать черезъ генералъ-прокурора, въ которомъ часу желаетъ завтра видѣть васъ».

Я поспѣшилъ въ Смольный институтъ, къ моей тещѣ, у которой нашелъ всѣхъ дамъ, изъ нашихъ пріятельницъ. Мы уже отобѣдали, когда изъ дворца пріѣхала фрейлина Нелидова. Самымъ любезнымъ образомъ выразила она радость свидѣться со мною у «доброй маменьки». (Такъ продолжали называть мою тещу всѣ бывшія воспитанницы института, какое бы положеніе въ обществѣ онѣ ни занимали). Поцѣловавъ у своей «маменьки» руку, она сказала ей: «ихъ величества поручаютъ мнѣ поздравить васъ съ удовольствіемъ видѣть у себя господина барона. Государь желаетъ привѣтствовать его завтра вечеромъ». Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, г-жа Нелидова внушительно замѣтила: «Вы не дурно сдѣлаете, если завтра по утру заѣдете къ генералъ-прокурору; но ранѣе восьми часовъ!»—прибавила она, улыбаясь.—«Да, заявилъ кто-то изъ присутствовавшихъ,—все въ Петербургѣ измѣнилось; поднимаются очень рано, а въ 11 часовъ вечера всѣ по домамъ».

Передъ восемью часами я пріѣхалъ къ князю. Пріемная его была уже полна; я приказалъ доложить о себѣ и чрезъ нѣсколько минутъ былъ допущенъ въ кабинетъ.

Князь Алексѣй Куракинъ—очень красивый мужчина. Блестящіе глаза и густыя, черныя, красиво-очерченныя брови придавали бы его наружности строгое выраженіе, если бы оно не смягчалось его привѣтливыми манерами и вѣжливымъ тономъ рѣчи. Войдя въ кабинетъ, я передалъ ему удостовѣрительное письмо отъ Палена.

— Вамъ нѣтъ надобности въ этомъ письмѣ, господинъ баронъ! — сказалъ Куракинъ, — государь много говорилъ о васъ и приказалъ мнѣ привезти васъ сегодня вечеромъ ко двору, для представленія ихъ величествамъ. Это даетъ вамъ право присутствія на малыхъ выходахъ (les petites entrées) и ужинать съ государемъ. Къ этому знаку своего благоволенія е. в. присоединяетъ еще и другой: онъ предоставляетъ вамъ свободный выборъ болѣе соотвѣтствующаго вамъ мѣста, нежели то, которое вы теперь занимаете».—

— «Я слишкомъ тронутъ благостію государя, чтобы имѣть возможность выразить передъ вашимъ сіятельствомъ всю мою благодарность. Моя жизнь и мои способности принадлежатъ ему: онъ пусть и рѣшаетъ мою судьбу.»

— «Но государь приказываетъ вамъ, — возразилъ Куракинъ, — выбрать какое либо мѣсто; я не осмѣлюсь приносить ему неопредѣленный отвѣтъ; онъ этого не любитъ».

«Если ужъ мнѣ непремѣнно надо высказаться—отвѣчалъ я, послѣ нѣко-

торой запинки, то не скрою отъ васъ, князь, что предпочелъ бы дипломатическое поприще всякому другому. Если не ошибаюсь, то есть свободное мѣсто въ Неаполѣ».

— «Кажется, что на это мѣсто уже кто-то назначенъ, и я полагаю, что государь намѣренъ удержать васъ въ Петербургѣ, при своей особѣ».

«Какъ ни лестно для меня это намѣреніе, возразилъ я, однако, не знаю, какое бы мѣсто могъ принять при дворѣ; я недостаточно для этого здоровъ, да и недостаточно богатъ, чтобы появляться тамъ съ подобающею пышностію. Впрочемъ, я занимался общественнымъ и гражданскимъ правами, и только въ должности такого рода могъ бы отвѣчать ожиданіямъ нашего великаго монарха».

Тутъ я вдругъ вспомнилъ о назначеніи г. Ховена въ сенаторы; за эту должность я ухватился и представилъ ее генералъ-прокурору, какъ единственную, которая могла бы меня прельстить, если бы я долженъ былъ остаться въ Петербургѣ.

Не распространяясь объ этомъ вопросѣ, князь отвѣчалъ мнѣ: «Такъ не угодно ли вамъ будетъ сегодня вечеромъ, въ $7^1/_2$ часовъ, пожаловать ко двору; я буду тамъ, для представленія васъ е. в—ву, если, впрочемъ, вы не предпочтете, чтобы я самъ сопровождалъ васъ туда».—Предложеніе это было мною принято; затѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, стараясь сколько нибудь оріентироваться въ томъ новомъ мірѣ, гдѣ, въ теченіи пяти недѣль, все подверглось перемѣнѣ.

Вечеромъ нашелъ я во внутреннихъ покояхъ дворца очень мало народа, и появленіе мое, повидимому, произвело нѣкоторую сенсацію. Не могли постигнуть, какъ человѣкъ, пріѣхавшій изъ провинціи, могъ получить право присутствія на «petite entrée», не состоя въ числѣ особъ третьяго класса, или не имѣя придворной должности.

Князь Рѣпнинъ, передъ присоединеніемъ Курляндіи къ Россіи, обращался со мною очень надменно; теперь же, побесѣдовавъ сначала съ генералъ-прокуроромъ, онъ подошелъ ко мнѣ и наговорилъ мнѣ разныхъ любезностей. Я отвѣчалъ ему учтиво, но довольно холодно. Онъ становился все вѣжливѣе и вѣжливѣе и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ банальныхъ фразъ, спросилъ меня задушевнымъ тономъ:

— «Можно ли узнать, господинъ баронъ, зачѣмъ государь приказалъ вамъ пріѣхать?»

«Этого я не знаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, но, можетъ быть, узнаю черезъ полъ-часа».

Графъ Николай Румянцовъ, которымъ я всегда былъ отличаемъ, привѣтствовалъ меня весьма дружелюбно; тутъ же подошелъ и добрый другъ мой, графъ Віельгорскій, у котораго я уже былъ, но не засталъ дома; состоя въ должности гофмейстера, онъ обязанъ былъ представлять государю списокъ тѣхъ

лицъ, которыя пожелали бы остаться ужинать. Свиданіе наше было самое сердечное, и немедленно затѣмъ вышелъ изъ кабинета князь Куракинъ.

— «Пойдемте къ ихъ величествамъ», сказалъ онъ. «Вы должны преклонить колѣно, поцѣловать руку у государя, а потомъ у государыни».

Въ глубокомъ молчаніи и съ болѣе чѣмъ почтительными минами вступили мы всѣ въ залу, гдѣ собралась царская фамилія. Ближе всѣхъ къ дверямъ, черезъ которыя мы вошли, стоялъ императоръ. Каждый изъ входившихъ дѣлалъ ему низкій поклонъ, а затѣмъ отходилъ влѣво, чтобы дать мѣсто слѣдующимъ. Когда князь Куракинъ вошелъ со мною, то низко преклонился и назвалъ меня. Я опустился на колѣно, чтобы поцѣловать руку у государя, но онъ поспѣшно меня поднялъ, обнялъ и когда я хотѣлъ благодарить, то возразилъ мнѣ:

— «За что вамъ меня благодарить? я еще ничего для васъ не сдѣлалъ, но, прибавилъ онъ, схвативъ меня за руку, теперь я васъ держу крѣпко, и вы больше отъ меня не ускользнете!»

Слова эти, сказанныя весьма громко, обнаружили передъ всѣмъ дворомъ ощущенія государя. Я направился къ императрицѣ, и когда поцѣловалъ у нея руку, она сказала мнѣ весьма привѣтливо:

— «Не нашли ли вы, что наша добрая маменька Де-Лафонъ помолодѣла?»

«Вашему и. в—ву, отвѣчалъ я, предоставлено было сдѣлать это чудо: сначала воскресить, а затѣмъ помолодить».

— «Правда, продолжала государыня, она была очень плоха».

«Хуже, чѣмъ во всѣхъ представляемыхъ о ней отчетахъ», возразилъ я въ полъ-голоса. Государыня улыбнулась и стала довольно откровенно говорить объ институтѣ. Въ это время императоръ разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Императрица сѣла за партію бостона съ княземъ Рѣпнинымъ, вице-канцлеромъ Куракинымъ и графомъ Николаемъ Румянцовымъ. Она сидѣла на софѣ, государь справа отъ нея, а великій князь Александръ рядомъ съ отцемъ, на креслѣ; далѣе великій князь Константинъ и прочіе, по чинамъ. Замужнія великія княгини сидѣли по другую сторону императрицы, а юныя великія княжны, съ г-жею Ливенъ, за особымъ круглымъ столомъ занимались рукодѣльемъ.

Разговоръ велъ одинъ государь; ему или просто отвѣчали, или разъясняли подробности того, о чемъ онъ спрашивалъ; но бесѣда шла лишь о вещахъ малозначущихъ. Изъ иностранцевъ приглашены были въ этотъ вечеръ только графы Дитрихштейнъ и Брюль, присланные съ поздравленіями отъ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ; кромѣ того, генералъ Клингспортенъ, изъ Швеціи, и графъ Штальбергъ, присланный отъ какого-то нѣмецкаго двора. Ни одинъ изъ иностранныхъ посланниковъ не имѣлъ доступа въ этотъ тѣсный кружокъ.

Кто усѣлся на своемъ мѣстѣ, тотъ уже не смѣлъ съ него сдвинуться, и это принужденное положеніе прекращалось лишь тогда, когда приглашали къ ужину. На столѣ было около двадцати приборовъ: 8—9 членовъ императорской

фамиліи, дежурные придворные чины [1]), 2—3 постороннихъ человѣка и 5—6 лицъ, пользовавшихся правомъ присутствія на «petite entrée». По окончаніи ужина всѣ вышли въ другую комнату, гдѣ государь поговорилъ еще съ нѣкоторыми лицами. Затѣмъ, съ ласковымъ выраженіемъ лица, которое дѣлало всю его наружность столь отличною отъ той, какую онъ имѣлъ при дурномъ настроеніи духа, государь приблизился ко мнѣ и сталъ разговаривать со мною весьма привѣтливо. Я удалился въ совершенномъ отъ него восторгѣ, и, при уходѣ моемъ, всякій старался сказать мнѣ какую нибудь любезность. О, вы! которые близко знали Павла въ первые два года его царствованія, скажите: развѣ не имѣлъ онъ чувствительнаго сердца, не обладалъ доброжелательнымъ характеромъ, просвѣщеннымъ умомъ? И если ему случалось дѣлать несправедливость—не проистекало ли это отъ преизбытка его любви къ справедливости, и развѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ убѣждался въ своей ошибкѣ, не имѣлъ онъ мужества сознаться въ ней и стараться ее исправить? Но низкіе льстецы, но люди, желавшіе удержаться на своемъ мѣстѣ, въ ущербъ правдѣ, испортили эти хорошія свойства и мало по малу задушили драгоцѣнные зародыши его добродѣтелей, способствуя развитію противуположныхъ качествъ!..

Въ воскресенье, 26 декабря 1796 г., когда я собирался идти къ генералъ-прокурору, то получилъ отъ него слѣдующую записку: «Князь Куракинъ имѣетъ честь увѣдомить господина барона, что государь императоръ только что подписалъ указъ, которымъ вы назначаетесь сенаторомъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники. Князь Куракинъ совѣтуетъ вамъ сегодня же утромъ отправиться во дворецъ для принесенія благодарности е. в—ву, что вы исполните согласно указаніямъ дежурнаго камергера».

Можно себѣ представить, какое удовольствіе доставило это мнѣ и женѣ моей, которая считала себя теперь навсегда соединенною съ своею матерью, которую обожала. Мы поспѣшили къ ней, чтобы сообщить добрую вѣсть. Весь институтъ съ искреннимъ участіемъ отнесся къ этой царской милости, которая тѣмъ болѣе была замѣчательна, что воспослѣдовала такъ скоро и что я, съ повышеніемъ званія, перескочилъ черезъ четвертый классъ табели о рангахъ.

Передъ тѣмъ, чтобы ѣхать во дворецъ, я отправился къ князю, чтобы поблагодарить его, и признаюсь, что совершенно помимо поста, имъ занимаемаго—исполнился искреннею къ нему симпатіею.

Государю я приносилъ благодарность передъ всѣмъ дворомъ. Когда мы уходили, то генералъ-прокуроръ предупредилъ меня, чтобы я пріѣхалъ во дворецъ

---

[1]) Т. е. оберъ-гофмейстерина, статсъ-дама, двѣ фрейлины, оберъ-гофмаршалъ, гофмаршалъ и дежурный генералъ-адъютантъ.

къ ужину, такъ какъ можетъ случиться, что императоръ пожелаетъ о чемъ нибудь поговорить со мною.

Я послѣдовалъ его совѣту. При нашемъ появленіи государь приблизился ко мнѣ и, оставивъ остальное общество, далъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

— «Скажите мнѣ откровенно, какъ идутъ дѣла въ Курляндіи?»

«Смѣю увѣрить в. в., отвѣчалъ я, что можетъ быть немного есть въ Россіи губерній, гдѣ господствуетъ бо̀льшій порядокъ и гдѣ дѣла рѣшаются съ бо̀льшею быстротою».

— «А, Паленъ? Гм!—довольны имъ?» (При этомъ государь быстро взглянулъ на меня).

«Да, государь, имъ повсюду довольны».

— «Говорите мнѣ по чистой совѣсти: я ожидаю отъ васъ правды».

«Я никогда не скрылъ бы ее отъ моего монарха, даже если бы глубочайшая благодарность не возлагала на меня этой обязанности... Осмѣливаюсь повторить в. в—ву, что большинство обывателей имъ довольны». Чрезвычайно подвижное лицо государя явственно обнаружило, что отвѣтъ мой не очень-то его удовлетворилъ. Онъ прервалъ меня вопросомъ:

— «У васъ тамъ полякъ есть, Гурко. Это что за человѣкъ?»

«Вице-губернаторъ Гурко, отвѣчалъ я, имѣетъ усердіе къ службѣ и не лишенъ способностей».

«Такъ онѣ пригодятся для добряка Ламсдорфа (губернатора), прервалъ государь;—я его знаю, это почтенный человѣкъ».

Черезъ день послѣ этого, когда я сидѣлъ за обѣдомъ у моей тещи, мнѣ принесли слѣдующую записку отъ генералъ-прокурора: «г. баронъ! е. в. соизволилъ повелѣть, учредить при сенатѣ особую коммисію, и издалъ указъ, въ силу коего ваше пр—во назначаетесь членомъ оной. Сегодня, въ 5 часовъ пополудни, назначено засѣданіе этой коммисіи, въ 1-мъ департаментѣ сената. Я буду имѣть честь представить собранію ея то дѣло, о которомъ сегодня будетъ рѣчь», и т. д.

Этотъ новый знакъ царскаго довѣрія живо тронулъ меня. Въ 5 часовъ я прибылъ въ сенатъ, гдѣ нашелъ только старика Соймонова (дядю сенатора 3-го департамента) и Завадовскаго, которые весьма удивились, что я назначенъ къ засѣданію въ коммисіи по дѣлу чрезвычайной важности, прежде объявленія о назначеніи меня сенаторомъ и приведенія, по этому званію, къ присягѣ.

Явились всѣ члены; часовые были разставлены на извѣстномъ разстояніи, чтобы никто изъ низшихъ чиновниковъ, или кто бы то ни было, не могъ слышать докладъ о дѣлахъ, ввѣренныхъ этой тайной коммисіи; генералъ-прокуроръ самъ прочелъ указъ о назначеніи насъ членами, при чемъ прибавилъ: «Такъ какъ е. п—во г. баронъ ** уже приносилъ присягу на чинъ статскаго совѣтника и званіе предсѣдателя суда, то е. в. находитъ, что онъ имѣетъ

право здѣсь засѣдать до возобновленія присяги, которая касается лишь его чина тайнаго совѣтника, но не званія судьи».

Дѣло шло о доносѣ маіора И. на вице-адмирала Мордвинова.

Составъ коммисіи былъ слѣдующій: сенаторъ графъ Иванъ Яковлевичъ Сиверсъ (бывшій посолъ въ Польшѣ), извѣстный своею честностью; графъ Завадовскій, старикъ Соймоновъ, управляющій главнымъ казначействомъ Васильевъ, Тарбеевъ, я, генералъ-прокуроръ и генералъ-губернаторъ Архаровъ.

Этотъ Архаровъ, котораго покойная императрица, незадолго до своей кончины, вызвала изъ Москвы, гдѣ онъ отличался въ званіи оберъ-полиціймейстера, считался единственнымъ въ своемъ родѣ человѣкомъ по дѣламъ высшаго полицейскаго надзора въ большомъ, столичномъ городѣ. Дѣятельный, вкрадчивый, скрытный подъ маскою открытой физіономіи, лицемѣръ со всѣми пріемами искренности,—онъ пользовался благоволеніемъ придворной челяди, которой прислуживался, и чувствовалъ за собою поддержку той массы дураковъ и олуховъ, которые, во всѣхъ классахъ общества, составляютъ большинство и которые восхваляютъ все, что озаряется сіяніемъ счастія. Таковъ былъ петербургскій генералъ-губернаторъ, который, по занимаемому имъ мѣсту, находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ государемъ; ловко пользуясь доставляемыми ему полиціею средствами, онъ умѣлъ, когда нужно, внушать императору Павлу безпокойство, затѣмъ, опять, по своему усмотрѣнію, успокоивать его, и этимъ придавать себѣ значеніе весьма необходимой личности.

Засѣданіе продлилось до 11 часовъ ночи. На другой день я былъ введенъ въ сенатъ, далъ присягу и занялъ мѣсто подлѣ г. Ховена, назначеніе котораго въ сенаторы сначала было для меня загадкою, такъ какъ я зналъ, что государь, будучи еще великимъ княземъ, былъ о немъ очень дурнаго мнѣнія. Наконецъ, я получилъ ключъ этой разгадки. Между бумагами императрицы найденъ былъ списокъ лицъ, которыя къ новому году должны были получить повышеніе. Государь счелъ своею обязанностію исполнить волю матери, и такимъ-то образомъ Ховенъ попалъ въ сенатъ. Однако, государь никогда не говорилъ съ нимъ и не оказывалъ ему никакого личнаго вниманія.

Старшимъ въ 3-мъ департаментѣ былъ графъ Строгановъ, извѣстный даже за границею своею симпатичностію; то былъ человѣкъ вполнѣ разумный и благородный, страстный поклонникъ искусствъ, владѣлецъ большаго имѣнія, съ сердцемъ чуткимъ и сострадательнымъ; но при всѣхъ этихъ качествахъ онъ страдалъ отсутствіемъ характера и энергіи. Сужденія его были шатки; забавы, развлеченія и обязанности придворнаго человѣка не оставляли ему нужнаго времени для того, чтобы основательно обдумать дѣло, или во что нибудь углубиться.

Вслѣдствіе этого недостатка, который можетъ быть и самъ онъ ощущалъ, главнымъ вліяніемъ въ 3-мъ департаментѣ сталъ пользоваться молодой

Соймоновъ, сдѣлавшійся чѣмъ-то въ родѣ диктатора въ этомъ судилищѣ, потому что старикъ Стрекаловъ, безпечный Пастуховъ и добрѣйшій графъ Минихъ были безусловными нулями и никогда не имѣли собственнаго мнѣнія. Г. Ребиндеръ—очень хорошій шталмейстеръ—засѣдалъ въ сенатѣ, самъ не зная почему; но, хотя ему не доставало познаній, онъ все таки обладалъ весьма здравымъ природнымъ разсудкомъ, характеромъ и такою манерою держать себя, которая можетъ внушать уваженіе. Графъ Потоцкій, имѣвшій всѣ чувства человѣка порядочнаго, страдалъ отсутствіемъ связности въ мысляхъ. Но кто былъ просто изумителенъ, это—г. Голохвастовъ, вышедшій изъ оберъ-прокуроровъ въ сенаторы и окончательно распростившійся съ логикою. Когда онъ, по выслушаніи какого либо дѣла, хотѣлъ дать о немъ отчетъ, то начиналъ путаться, оставлялъ исходный пунктъ, прицѣплялся къ какой нибудь ошибкѣ въ формальностяхъ, и зачастую даже не доходилъ до вопроса, который надо было поставить, чтобы формулировать рѣшеніе дѣла. О г. Ховенѣ я не стану говорить: его умъ и познанія слишкомъ хорошо извѣстны въ исторіи Курляндіи.

За то нашъ первый прокуроръ, Козодавлевъ, былъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Онъ учился въ Лейпцигѣ, былъ знакомъ съ нѣмецкимъ и французскимъ языками, довольно сносно зналъ по латынѣ, а роднымъ своимъ языкомъ владѣлъ въ совершенствѣ. При этомъ онъ былъ вѣжливъ, выслушивалъ безъ предубѣжденія всякое мнѣніе, и старался приводить всѣхъ къ соглашенію, не задѣвая ничьего самолюбія; словомъ, онъ былъ тонкій придворный человѣкъ.

Здѣсь долженъ я упомянуть объ одномъ фактѣ, доказывающемъ желаніе государя ускорить, во благо своихъ подданныхъ, медленный ходъ юстиціи. Съ изумленіемъ и гнѣвомъ узнавъ, что въ сенатѣ находится болѣе 10,000 нерѣшенныхъ дѣлъ, онъ учредилъ временной сенатъ для окончанія старыхъ процессовъ, и этимъ облегчилъ производство новыхъ дѣлъ. На это онъ пожертвовалъ болѣе 100,000 рублей. Хотя распоряженіе это было весьма важно для счастія его подданныхъ, однако, никто не сдѣлалъ извѣстнымъ этого проявленія благости и справедливости [1]).

Гофмаршалъ графъ Віельгорскій далъ мнѣ совѣтъ два раза въ недѣлю ужинать во дворцѣ. Поэтому былъ я тамъ и въ среду, по окончаніи засѣданія тайной коммисіи, длившагося только полтора часа.... Когда государь увидѣлъ меня, то, отведя въ сторону, спросилъ:

— «Что вы думаете о доносѣ маіора И.?»

---

[1]) И. Сиверсъ упоминаетъ объ этомъ лишь въ слѣдующей замѣткѣ (Blum, Ein Russischer Staatsmann, Leipzig und Heidelberg, 1858, S. 148): „Вяземскій (въ царствованіе Екатерины II) представлялъ дѣла къ докладу въ засѣданіяхъ, не соображаясь съ текущими нумерами. Вслѣдствіе сего осталось 11,000 нумеровъ, которые, при воцареніи Павла, были перевезены за Неву“. (Примѣчаніе издателя 1886 г.).

«В. в.,—отвѣчалъ я, мы до сихъ поръ слушали только обвинителя. Но такъ, на первый взглядъ,—я считаю доносъ ложнымъ».

— «Почему же это?»

«Потому, что въ немъ встрѣчаются противурѣчія, преувеличенные разсказы... и если дозволили бы мнѣ высказать напередъ мое мнѣніе, то я, кажется, осмѣлился бы увѣрять, что г. вице-адмиралъ не виновенъ».

— «Вы, безъ сомнѣнія, съ нимъ знакомы?»

«Виноватъ, государь, я никогда не видалъ его».

— «Однако»,—тутъ императоръ сталъ говорить о нѣкоторыхъ подробностяхъ доноса.

Я взялъ смѣлость опровергать его простыми предположеніями и, въ заключеніе, замѣтилъ: «Можетъ быть и обвиняемый въ состояніи будетъ представить тѣ или другія руководившія имъ побужденія. Надо его самого выслушать».

Меня поразило стремленіе къ справедливости и человѣчности, съ какимъ государь относился къ этому уголовному дѣлу.

— «Видите ли,—сказалъ онъ, между прочимъ, — сколь ни высокаго я мнѣнія о генералъ - прокурорѣ, однако не желаю предоставлять ему одному рѣшать такія дѣла, гдѣ рѣчь идетъ о жизни или чести котораго либо изъ моихъ подданныхъ. Я строго отнесся къ выбору лицъ, составляющихъ комиссію, и—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ,—я покоенъ, потому что вы находитесь въ ихъ числѣ».

Никогда не рѣшился бы я повторить эту, дѣйствительно, преувеличенную фразу, если бы графъ Шуазёль-Гуфье, графъ Николай Румянцовъ и князь Александръ Куракинъ не находились достаточно близко отъ насъ, чтобы ее услышать. Первый отпустилъ мнѣ, при этомъ случаѣ, прелестный комплиментъ; а когда впослѣдствіи оба мы, сами не зная за что, попали въ изгнаніе, то не разъ припоминали эту фразу.

Послѣ ужина государь обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Довольны были бы ваши земляки, если бы возстановить ихъ прежніе судебные порядки?»

«В. в., отвѣчалъ я, — они были бы въ восторгѣ отъ такой милости, потому что сердце у нихъ лежитъ къ старымъ формамъ судопроизводства, не смотря на то, что они признаютъ въ нихъ возможность нѣкоторыхъ злоупотребленій».

— «Чтобы успокоить сердца курляндцевъ, сказалъ государь,—вы можете сообщить имъ, что я имъ отдамъ назадъ ихъ прежнія судебныя учрежденія; потому что (при этомъ онъ улыбнулся) отдать назадъ саму Курляндію—уже невозможно. Я ни у кого ничего не стану брать, но съумѣю сохранить то, что имѣю».

Легко угадать мой отвѣтъ: мнѣ посчастливилось дать ему такой оборотъ, что я могъ прочесть на лицѣ государя лестное одобреніе.

Странно, что этотъ властитель, передъ которымъ все трепетало, никогда не внушалъ мнѣ ни страха, ни смущенія. Пріемъ ли, оказанный имъ мнѣ съ самаго начала, снялъ съ меня всякую принужденность, искренность ли моего къ нему расположенія вселила въ меня эту глубокую довѣрчивость,—только могу увѣрить, что всѣ мои отвѣты шли прямо отъ сердца и, пожалуй, благодаря этому, удостоивались высочайшаго одобренія.

Когда государь объявилъ мнѣ о возстановленіи нашихъ прежнихъ судебныхъ порядковъ, то я прежде всего призналъ необходимость уничтоженія монополіи, которою пользовались—противно законамъ здраваго смысла и во вредъ публикѣ—восемь курляндскихъ адвокатовъ. На другой же день написалъ я генералъ-прокурору откровенное и должнымъ образомъ мотивированное письмо, которое онъ предъявилъ е. и. в—ву. Во время сенатскаго засѣданія, 10 января, я былъ весьма удивленъ, когда стали читать указъ, въ силу котораго отмѣнялось положенное число восьми адвокатовъ и уже разрѣшалось такъ называемымъ унтеръ-адвокатамъ тоже вести дѣла во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ.... Мнѣ, совмѣстно съ генералъ-прокуроромъ, е. в. изволилъ повелѣть заняться преобразованіемъ прежнихъ формъ управленія въ Курляндіи. Къ этому же дѣлу, по моей просьбѣ, былъ приглашенъ и г. Ховенъ; въ письмоводители взяли г. Тихомирова, котораго я только что помѣстилъ въ канцелярію князя Куракина.

Когда, черезъ два дня послѣ этого, я былъ при дворѣ, то государь, послѣ ужина, отозвалъ меня въ сторону и, устремивъ на меня ему одному—въ извѣстные моменты—свойственный взглядъ, спросилъ:

— «Вы, безъ сомнѣнія, хорошо знакомы съ графомъ Потоцкимъ (Игнатіемъ)?»

«Да, государь, я знаю его уже болѣе десяти лѣтъ. Это человѣкъ умный, обладающій познаніями и чрезвычайно любезный въ обществѣ». (Я особенно интонировалъ послѣднее качество, зная, какъ государь цѣнитъ свѣтскую любезность).

— «Но говорятъ, что онъ человѣкъ опасный», замѣтилъ Павелъ.

«В. в., при просвѣщенномъ, сильномъ, благодѣтельномъ и справедливомъ правительствѣ никто не опасенъ». На это государь отвѣчалъ мнѣ удовлетвореннымъ тономъ:

— «Я надѣюсь, что господа поляки мною довольны... Но, à propos! Вице-адмиралъ Мордвиновъ прибылъ. Посмотримъ, какъ-то онъ будетъ защищаться».

«Очень просто, государь, и очень хорошо».

— «Я желалъ бы этого, но (тутъ лицо Павла приняло строгое выраженіе) надѣюсь, что дѣло будетъ изслѣдовано въ точности, до малѣйшихъ подробностей».—Глубокій поклонъ былъ моимъ отвѣтомъ.

Непосредственно по вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ приступилъ къ преобразованію учрежденныхъ Екатериною II (1775) генералъ-губерна-

торствъ. Перемѣны эти могли бы повлечь за собою общую путаницу, если бы она не предотвращена была необычайною быстротою, съ которою, денно-нощно, работалъ генералъ-прокуроръ.

Баронъ Паленъ лишился своего генералъ-губернаторства въ Курляндіи и принужденъ былъ удовольствоваться мѣстомъ командира кирасирскаго полка, стоявшаго въ Ригѣ. Губернатору (курляндскому) Ламсдорфу пришлось теперь возиться со всѣми недоразумѣніями, обыкновенно возникавшими при подобныхъ перемѣнахъ, и, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, испрашивать особыхъ приказаній. Всякій разъ государь давалъ повелѣнія генералъ-прокурору приглашать меня къ совѣщанію о тѣхъ мѣрахъ, какія слѣдовало принять.

Въ то время продолжались и засѣданія тайной коммисіи по дѣлу вице-адмирала Мордвинова. Маіоръ И. всячески старался запутать дѣло и, чтобы выиграть время, вызывалъ все новыхъ свидѣтелей.... Дѣло, однако, кончилось благополучно, благодаря, преимущественно, стараніямъ автора записокъ; маіоръ И. доведенъ былъ до сознанія въ ложности своего доноса, къ которому побудило его чувство мщенія, такъ какъ Мордвиновъ отказалъ ему въ мѣстѣ. Государь былъ весьма доволенъ этою развязкою, принялъ вице-адмирала въ частной аудіенціи, возвратилъ его на прежнее мѣсто въ Одессѣ и пожаловалъ ему осыпанную алмазами табакерку съ своимъ портретомъ.

При возстановленіи прежнихъ судебныхъ порядковъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, часть апелляціонныхъ дѣлъ, направляемыхъ въ сенатъ, была возвращена въ юстицъ-коллегію, которая была учреждена Петромъ I, для веденія судебныхъ дѣлъ ново-пріобрѣтенныхъ провинцій, согласно законамъ и статутамъ послѣднихъ. Но потомъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ при Екатеринѣ II нововведеній, за коллегіею этою сохранено лишь веденіе консисторіальныхъ дѣлъ, возникавшихъ у лютеранъ, кальвинистовъ и католиковъ. Мало по малу она пришла въ такое запущеніе, что въ теченіи 15 лѣтъ оставалась безъ предсѣдателя, такъ какъ г. Симолинъ, занимая мѣсто посланника въ Лондонѣ, а потомъ въ Парижѣ, никогда и не заглядывалъ въ коллегію [1]); вице-президенты же ея были избраны изъ совершенно неизвѣстныхъ при дворѣ лицъ. Недовольный подобнымъ порядкомъ дѣлъ, императоръ Павелъ вознамѣрился поставить это учрежденіе на одну ногу съ прочими государственными коллегіями, въ которыхъ тогда вездѣ предсѣдательствовали сенаторы [2]). Вслѣдствіе сего, князь Куракинъ

[1]) Его хотѣли выжить изъ департамента иностранныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ онъ былъ назначенъ въ предсѣдатели этой коллегіи; однако, онъ написалъ императрицѣ, что, никогда не занимавшись юриспруденціей, не можетъ занимать этого мѣста. Вслѣдствіе сего, онъ сохранилъ титулъ предсѣдателя, не исполняя обязанностей его.

[2]) Въ иностранной коллегіи предсѣдателемъ былъ, въ то время, государственный канцлеръ сенаторъ графъ Остерманъ; въ военной коллегіи — фельдмаршалъ и сенаторъ графъ Николай Солтыковъ; въ адмиралтействъ-коллегіи — графъ Чернышевъ; въ коммерцъ-коллегіи—сенаторъ Соймоновъ.

обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не согласился ли бы я принять на себя обязанности предсѣдателя помянутой коллегіи, по дѣламъ Лифляндіи и Эстляндіи...

— «Государь желаетъ,—прибавилъ онъ,—чтобы этому высшему судебному учрежденію возвращено было прежнее значеніе его, и взглянулъ бы на добровольное усиленіе вашихъ трудовъ, какъ на новое доказательство вашего усердія».

«Желаніе моего монарха для меня равносильно приказанію,—отвѣчалъ я,—и если мнѣ можно разсчитывать на поддержку вашего сіятельства, при необходимыхъ преобразованіяхъ, то охотно принимаю эту должность»...

Черезъ день послѣ этого въ сенатѣ былъ прочитанъ указъ о моемъ новомъ назначеніи....

Въ тотъ же вечеръ я явился во дворецъ, для принесенія благодарности императору. Когда я преклонилъ колѣно, е. в. изволилъ громко сказать слѣдующія слова:

— «Мнѣ слѣдуетъ благодарить васъ за то, что вы обременяете себя новою работою». — Затѣмъ, нѣсколько понизивъ голосъ: «Я предоставляю вамъ самыя широкія полномочія относительно вашихъ господъ пасторовъ. Глядите во всѣ глаза и сообщайте мнѣ; я знаю, что многіе изъ нихъ пропитаны духомъ новшествъ и обнаруживаютъ воззрѣнія, сходныя съ теперешними французскими ученіями. Законно-существующимъ въ моемъ государствѣ вѣроисповѣданіямъ я всегда буду покровительствовать,—а слѣдовательно, и служителямъ ихъ; но пусть они не уклоняются отъ подобающаго повиновенія законамъ, иначе я накажу ихъ примѣрно, потому что они будутъ вдвойнѣ виноваты».—Болѣе четверти часа государь говорилъ объ этомъ предметѣ весьма умно, горячо и справедливо. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Во всѣхъ случаяхъ, требующихъ моего непосредственнаго рѣшенія, обращайтесь прямо ко мнѣ»...

Едва началъ я водворять нѣкоторый порядокъ въ юстицъ-коллегіи, какъ снова былъ призванъ къ императору.

— «Со всѣхъ сторонъ,—сказалъ онъ, я получаю жалобы на епископовъ и на начальниковъ монашескихъ орденовъ. Это понуждаетъ меня придать вашей коллегіи еще одинъ департаментъ, собственно для католиковъ. Между польскимъ и литовскимъ духовенствомъ есть безпокойныя головы, которыя еще придерживаются прежняго духа инсубординаціи и анархіи. За этими господами надо зорко присматривать».

Но, в. в.,—возразилъ я,—католики навряд ли пожелаютъ видѣть во главѣ этого департамента мірянина и не-католика».

— «Тѣмъ хуже для нихъ. Я самъ имѣю честь быть мірянином, и снабжаю васъ моимъ полномочіемъ; мнѣ кажется, что я этому дѣлу господинъ. Впрочемъ, въ составъ этого департамента вы можете взять и католиковъ, но должны мнѣ служить за нихъ порукою».

«В. в. позволите мнѣ представить этихъ лицъ; иначе я не могъ бы ручаться».

— «Само собою разумѣется. Обдѣлайте это дѣло съ генералъ-прокуроромъ»

26 января 1797 г. государь подписалъ указъ; 27 онъ былъ прочитанъ въ сенатѣ, и я оказался обремененнымъ ужасною дѣловою тяжестію и страшною отвѣтственностію, безъ увеличенія жалованья и даже безъ назначенія мнѣ столовыхъ денегъ, присвоенныхъ всѣмъ прочимъ начальникамъ департаментовъ. Конечно, я могъ бы получить ихъ, еслибы сталъ просить; но развѣ нельзя было избавить меня отъ этой необходимости?

Указъ объ учрежденіи католическаго департамента разосланъ былъ по всѣмъ губерніямъ; въ то же время я увѣдомилъ объ этомъ, циркулярно (съ приложеніемъ копіи имяннаго высочайшаго указа), архіепископовъ могилевскаго и уніятскаго и всѣхъ прочихъ епископовъ русскихъ провинцій.

Всѣ епископы отнеслись къ этому повелѣнію съ подобающимъ монарху почтеніемъ, кромѣ монсиніора Сестренцевича, архіепископа могилевскаго. Онъ прислалъ мнѣ длинное частное письмо, и—надѣясь ли этимъ склонить меня въ его пользу, или же въ доказательство того, что письмо это неоффиціальное—оно было написано по нѣмецки.

Я поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ видѣлъ, что намѣреніе архіепископа состояло въ томъ, чтобы себя лично освободить отъ соображеній съ помянутымъ указомъ. Павелъ слишкомъ ревниво относился къ своему авторитету, чтобы равнодушно взглянуть на подобную выходку духовнаго главы русскихъ католиковъ. Если бы я представилъ о ней оффиціальный докладъ, то могъ опасаться подвергнуть архіепископа монаршему гнѣву и даже повредить всему духовенству. Съ другой стороны, слишкомъ большою смѣлостію было бы допустить то исключительное положеніе, на которое заявлялъ притязанія Сестренцевичъ. По зрѣломъ обсужденіи вопроса, генералъ прокуроръ ознакомилъ съ этимъ дѣломъ государя императора, и е. в. повелѣлъ мнѣ послать архіепископу форменный выговоръ, внушивъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если онъ не станетъ оказывать немедленнаго повиновенія царскому указу и приказаніямъ, исходящимъ изъ юстицъ-коллегіи, то будетъ наказанъ по всей строгости закона.

Только тѣ, которымъ была извѣстна гордость этого прелата, могутъ представить себѣ въ какую ярость онъ пришелъ. Онъ немедленно сталъ, подъ рукою, добиваться разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ. Разрѣшеніе это дано ему было не скоро; но когда онъ пріѣхалъ, то въ началѣ старался скрывать свою ненависть ко мнѣ подъ самымъ смиреннымъ и лицемѣрнымъ обличіемъ. Ненависть стала обнаруживаться лишь мало по малу, и послѣ того, какъ онъ тысячу разъ завѣрялъ меня въ своей живѣйшей ко мнѣ привязанности....

Въ это же время (въ февралѣ 1797) князь Зубовъ, получившій разрѣшеніе отправиться за границу, проѣзжалъ черезъ Ригу. Генералъ Паленъ, а также лифляндскій губернаторъ Кампенхаузенъ посѣтили его. Полицейскій шпіонъ, который, по приказанію петербургскаго генералъ-губернатора Архарова,

слѣдовалъ за Зубовымъ, донесъ, что князь былъ принятъ въ Ригѣ необычайнымъ образомъ; между прочими выдумками, онъ сообщилъ, будто Паленъ провожалъ Зубова до Митавы, т. е. внѣ границъ губерніи,—чего полковые командиры никогда не смѣютъ дѣлать. Государь, котораго старались возстановить противъ Зубова, страшно разгнѣвался, когда ему разсказали о почестяхъ, оказанныхъ обыкновенному его подданному, и, не давъ себѣ труда изслѣдовать доносъ, исключилъ Палена изъ рядовъ арміи. Паленъ, въ оправданіе себя, написалъ письмо, но государь, какъ говорили, бросилъ его, не читая. Кампенхаузенъ потерялъ свое мѣсто, благодаря тому же ложному доносу. Однако, очевидная невиновность этихъ господъ побудила князя Рѣпнина и генерала Бенкендорфа къ такому горячему за нихъ заступничеству, что государь простилъ ихъ.

Передъ отбытіемъ своимъ въ Москву, Павелъ снова внушалъ мнѣ— имѣть строжайшій надзоръ за протестантскимъ духовенствомъ вообще, а генералъ-прокуроръ обѣщалъ давать наискорѣйшее рѣшеніе ввѣреннымъ моему руководству дѣламъ.

Едва прошла одна недѣля, какъ прокуроръ юстицъ-коллегіи Брискорнъ указалъ мнѣ на шведскаго пастора Сигнеуса, какъ на заподозрѣннаго въ томъ, что ѣздилъ въ Швецію и что при этомъ избѣжалъ проѣзда черезъ нашъ пограничный постъ. Свидѣтелемъ этого показанія онъ называлъ пастора Ск.... Дѣло, впрочемъ, окончилось благополучно; Сигнеусъ, посланный съ полицейскимъ офицеромъ въ Москву, былъ оправданъ; государь приказалъ отпустить его, а мнѣ рескриптомъ—2 апрѣля 1797 года—выразилъ особое свое благоволеніе, за надлежащее отношеніе къ этому дѣлу.

5 апрѣля 1797 г. состоялась коронація. Царскія милости при этомъ были безграничны и безпримѣрны: графъ Безбородко возведенъ въ княжеское достоинство, и ему пожаловано 30,000 душъ крестьянъ; оба брата Куракины получили таковыхъ 12,000 и, кромѣ того, сдѣланы обладателями богатѣйшихъ во всемъ государствѣ рыбныхъ промысловъ. Имѣніями и орденами, вообще, не скупились. Пользуясь этимъ, г. Кутайсовъ, хотя уже получившій чинъ статскаго совѣтника, вздумалъ попросить у государя еще орденъ св. Анны 2-го класса. Сильно разгнѣвавшись, Павелъ выгналъ его и, войдя къ императрицѣ, у которой засталъ фрейлину Нелидову, объявилъ имъ, что Кутайсовъ уволенъ, за его безстыдство. Старанія государыни успокоить своего супруга, въ которомъ кровь еще кипѣла, были напрасны; только послѣ обѣда удалось г-жѣ Нелидовой испросить прощеніе Кутайсову. Тотъ, во изъявленіе благодарности, бросился къ ея ногамъ; но послѣдствія показали какова была его признательность къ обѣимъ его благодѣтельницамъ!

Черезъ нѣсколько дней, послѣ этого, на одномъ изъ баловъ, Павелъ обратилъ вниманіе на дѣвицу Лопухину. Въ тотъ же вечеръ онъ говорилъ о ней съ Кутайсовымъ, и этотъ совершенно поверхностный разговоръ послужилъ основою

для весьма дальновиднаго плана, развитіе котораго шло, однако, довольно медленно.

II.

Такъ какъ императоръ пожелалъ, возвращаясь изъ Москвы, осмотрѣть другую часть государства, то путь его направился чрезъ Литву, Курляндію и Лифляндію. Генералъ-губернаторъ Архаровъ пріѣхалъ прямо въ Петербургъ и, думая приготовить государю пріятный сюрпризъ, приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ и даже садовыхъ заборовъ полосами черной, оранжевой и бѣлой красокъ, на манеръ казенныхъ шлагбаумовъ. Это смѣшное приказаніе надо было выполнить немедленно, и оно повлекло за собою огромные расходы, такъ какъ маляры воспользовались удобнымъ случаемъ и запрашивали сколько вздумается.

Со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія. Императрица, поспѣшившая на встрѣчу своему августѣйшему супругу, была сильно поражена этимъ приказаніемъ, о которомъ ничего ей не было сказано. Она ли обратила вниманіе государя, или самъ Павелъ пораженъ былъ комическимъ однообразіемъ казенныхъ и частныхъ построекъ,—но онъ, при въѣздѣ своемъ, спросилъ, что означаетъ эта странная фантазія?—Ему отвѣчали, что полиція принудила обывателей безотлагательно исполнить волю ихъ монарха. «Такъ что-жъ я, дуракомъ что ли сталъ,—гнѣвно воскликнулъ Павелъ,—чтобы отдавать такія повелѣнія!»—Этотъ, самъ по себѣ маловажный, случай повлекъ за собою паденіе Архарова. Его замѣнилъ графъ Буксгевденъ....

Я привелъ здѣсь этотъ разсказъ, чтобы указать на любовь государя къ справедливости. Человѣка, отличеннаго имъ, какъ Архаровъ, онъ немедленно наказалъ, лишь только удостовѣрился въ его жестокости, несправедливости и двуязычіи. Вообще, мнѣ кажется, что никто изъ смертныхъ не обнаруживалъ въ своемъ характерѣ такихъ контрастовъ свѣта и тѣни, какъ императоръ Павелъ I. Его умъ и его страсти, его чувствительность и его жестокость, его добродѣтели и пороки, его энтузіазмъ въ дружбѣ и его упорная ненависть къ тому же лицу, его признательность за все, что, какъ ему казалось, искренне дѣлали въ его пользу, и его бѣшеный гнѣвъ при малѣйшемъ упущеніи, замѣченномъ относительно его собственной особы,—все это доходило въ немъ до крайности.... Нашлись люди, умѣвшіе злоупотреблять его добротою и любовью къ справедливости, извратить самыя добродѣтели его, и осуществившіе справедливость изрѣченія: corruptio optime pessima.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Москвы, государь явилъ мнѣ новое

доказательство своего довѣрія, назначивъ меня (указомъ 31 мая 1797 г.) членомъ вновь учрежденной коммисіи, для редактированія государственныхъ законовъ.

Екатерина II задалась достойнымъ ея генія планомъ—издать гражданскій и уголовный кодексъ. Вслѣдствіе этого, она написала свою «инструкцію» депутатамъ, созваннымъ ею для совершенія этого великаго дѣла. Различныя причины прервали эту работу; но черезъ нѣсколько лѣтъ императрица возвратилась къ своему любимому плану и учредила новую коммисію, которая работала уже довольно продолжительное время, когда смерть оторвала Екатерину отъ счастья ея подданныхъ.

Павелъ, жаждавшій славы законодателя, поручилъ тремъ сенаторамъ,—въ числѣ коихъ находился и я,—пересмотрѣть, совмѣстно съ генералъ-прокуроромъ, ту часть работы, которая уже была сдѣлана, исправить ее и закончить.

Эта прибавка труда почти что превысила мои силы; такъ какъ уже прежде, для надлежащаго изслѣдованія ввѣряемыхъ мнѣ важныхъ дѣлъ, мнѣ часто приходилось работать у себя дома.

Какъ только окончилось первое засѣданіе коммисіи, я просилъ показать мнѣ общій планъ предполагавшагося свода законовъ. Мнѣ отвѣчали, что таковаго плана не имѣется. Я написалъ генералъ-прокурору, чтобы получить, по крайней мѣрѣ, обзоръ отдѣльныхъ частей, и только съ трудомъ добился этого. Съ этой минуты всѣ эти господа стали ко мнѣ не благоволить.

Первый вопросъ шелъ о порядкѣ веденія процессовъ. Я нашелъ, что пропущено двадцать существенныхъ статей, и обратился съ этимъ замѣчаніемъ къ князю (Куракину), прося его поддержать, въ особенности, предложеніе мое относительно средствъ къ сокращенію процессовъ. Предложеніе это состояло, между прочимъ, въ томъ, чтобы поставить судьямъ въ обязанность стараться примирить тяжущіяся стороны, прежде чѣмъ дать дѣлу законный ходъ. Мѣра эта, принятая уже въ Пруссіи, Швеціи и Даніи, заслужила одобреніе генералъ-прокурора. Однако, для введенія ея въ кодексъ начали ставить затрудненія; но когда я объявилъ, что обращусь прямо къ государю, то статья эта была принята. Все это не способствовало тому, чтобы расположить въ мою пользу господъ членовъ прежней коммисіи.

Павелъ, всегда готовый исправить сдѣланную имъ несправедливость, если она должнымъ образомъ была объяснена, опять принялъ Палена въ армію, съ возвращеніемъ ему полнаго старшинства, и назначилъ Кампенхаузена сенаторомъ въ 3-й департаментъ. Новый сенаторъ очень мнѣ понравился; я былъ въ восторгѣ, что нашъ 3-й департаментъ получилъ подкрѣпленіе въ лицѣ лифляндскаго дворянина, который, при прямомъ и честномъ характерѣ, обладалъ умомъ и юридическими познаніями. Послѣднимъ онъ былъ обязанъ своею репутаціею, и это увеличило довѣріе общества къ 3-му департаменту, противъ котораго ново-пріобрѣтенныя провинціи питали довольно сильное и, можетъ быть, основательное предубѣжденіе. Я приведу здѣсь нѣкоторыя черты, чтобы

указать на тотъ духъ партій, который господствовалъ между старыми россіянами и новоприобрѣтенными провинціями, да который и въ настоящее время еще продолжается.

Однажды Соймоновъ захотѣлъ было принять прежній диктаторскій тонъ, для поддержанія своего взгляда на одно изъ лифляндскихъ дѣлъ, которое мы, конечно, должны были лучше его знать. Онъ предварительно поговорилъ съ Стрекаловымъ, Пастуховымъ и Голохвастовымъ, и тѣ приняли его сторону. Пренія сдѣлались оживленными. Минихъ не могъ подавать голоса, такъ какъ состоялъ въ родствѣ съ одной изъ тяжущихся сторонъ. Графъ Строгановъ былъ нездоровъ. Такимъ образомъ, составилось большинство изъ Ребиндера, Потоцкаго, Ильинскаго, Ховена, Кампенхаузена и меня. Но такъ какъ для того, чтобы не переносить дѣла въ общее собраніе сената, департаментъ долженъ былъ рѣшить оное единогласно, то оберъ-прокуроръ употреблялъ всѣ старанія, чтобы согласить насъ. Соймоновъ упрямился, мы тоже стояли на своемъ; наконецъ, онъ позволилъ себѣ выразиться такъ: «вы, господа, придерживаетесь вашей нѣмецкой юриспруденціи». — «Конечно, — возразилъ г. Ховенъ,—потому что она основана на правовыхъ принципахъ, и здѣсь идетъ рѣчь о привиллегированной провинціи, которая руководствуется своими частными законоположеніями».—«Вы все съ вашими привиллегіями!» — «Онѣ также священны, какъ и всякія другія права»,—отвѣчали ему.

Я, видя, что они начинаютъ горячиться, началъ говорить: «Господа, мы отдаляемся отъ нашего вопроса; возвратимся къ нему и сопоставимъ то, что было сказано за и противъ». Затѣмъ, вкратцѣ изложивъ сущность дѣла, я прочелъ соотвѣтствующую статью закона, которая была понятна и ясна, и заключилъ словеснымъ повтореніемъ нашего мнѣнія. «Таково настоящее положеніе вопроса,—обратился я къ оберъ-прокурору,—и я заявляю за себя и за большинство, что мы ни однимъ словомъ не отступимъ отъ нашего мнѣнія, основаннаго на долгомъ и зрѣломъ изслѣдованіи».

Оберъ-прокуроръ отвелъ Соймонова въ сторону. Послѣдній счелъ за лучшее уступить, и на этотъ разъ все устроилось.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, я опять имѣлъ столкновеніе съ прежнимъ диктаторомъ, изъ-за одного курляндскаго дѣла. Онъ вздумалъ противупоставлять софизмы авторитету положительной статьи закона. Раздосадованный его неосновательнымъ разсужденіемъ, я сказалъ ему:

— «Мнѣ кажется, что вашему п—ву легче придумывать какіе-либо аргументы, нежели оспаривать меня на основаніи законовъ, потому что курляндскіе законы вамъ такъ мало извѣстны, что сомнѣваюсь, знаете ли вы даже, на какомъ языкѣ они написаны».

— «О, очень хорошо знаю, — возразилъ онъ съ гнѣвомъ; они написаны на вашемъ прелестномъ нѣмецкомъ діалектѣ».

— «Вотъ видите ли! Вы ошибаетесь, ваше п—во; они изложены по

латински, и мы даже не имѣемъ общепринятаго и утвержденнаго перевода».— Для подтвержденія своихъ словъ я всталъ, взялъ въ руки собраніе законовъ Курляндіи и съ торжествующимъ лицомъ показалъ ему Formula Regiminis et Statuta, напечатанные исключительно на латинскомъ языкѣ.—Ни сколько не смутившись, Соймоновъ тотчасъ же отвѣчалъ мнѣ:

— «У насъ въ сенатѣ принимаются одни русскіе акты; мнѣ мало дѣла до того, сдѣланъ ли русскій переводъ съ нѣмецкаго или съ латинскаго языка, и вашему п—ву,—прибавилъ онъ,—никакой пользы нѣтъ отъ вашего латинскаго образованія».

— «Польза для меня только та, — отвѣчалъ я, — что переводчикъ не можетъ обмануть меня». — Объясненіе сдѣлалось нѣсколько горячимъ, но оно было прервано, и дѣло рѣшили, какъ слѣдовало рѣшить.

Позволю себѣ вставить здѣсь нѣсколько замѣчаній относительно сената. Въ свое время я сообщалъ ихъ генералъ-прокурору, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что провести какую либо реформу невозможно.

Сенатъ раздѣляется на шесть департаментовъ, изъ коихъ два въ Москвѣ. 3-й департаментъ завѣдуетъ 13-ю губерніями и составляетъ для нихъ послѣднюю судебную инстанцію; это представляетъ невѣроятныя затрудненія, въ виду многочисленности частныхъ законоположеній во всякой губерніи. Ингерманландія, Эстляндія и Лифляндія руководствуются во многихъ случаяхъ шведскими законами и провинціальными статутами. Въ Курляндіи опять другіе законы. Вильно и Гродно держатся Statuta Magni Ducatus Lithuaniae, а въ бѣлорусскихъ губерніяхъ и въ Кіевѣ судятъ частію по старымъ польскимъ законамъ и уложеніямъ, частію по обнародованнымъ впослѣдствіи указамъ

Всякій безпристрастный человѣкъ согласится со мною, что судьямъ невозможно знать всю эту громаду законовъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ. Не слѣдовало ли бы, какъ для болѣе точнаго сужденія, такъ и для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, раздѣлить 3-й департаментъ на два, поручивъ одному отдѣлу шесть, а другому семь губерній? Нельзя возражать, что это удвоило бы расходы, потому что, въ сущности, въ 3-мъ департаментѣ достаточно членовъ для того, чтобы раздѣлить ихъ. Ихъ тамъ 10—12, а для каждаго отдѣла довольно было бы и пяти.

То же можно сказать и о 1-мъ департаментѣ, который былъ загроможденъ дѣлами, благодаря дурному распредѣленію ихъ.... О другихъ недостаткахъ умалчиваю; но несообразности, про которыя я упомянулъ, были такъ значительны, устранить ихъ было столь легко, что упорство, съ которымъ генералъ-прокуроры противились подобной реформѣ, было бы совершенно необъяснимымъ, если бы не знать, что ихъ авторитетъ и ихъ вліяніе утверждались, частію, именно на этой ошибочной организаціи сената. Единственнымъ отвѣтомъ было мнѣ то, что все это установлено Петромъ Великимъ, и что изъ уваженія къ его памяти нельзя дѣлать нововведеній.

Осенью 1797 года прибылъ въ Петербургъ кавалеръ мальтійскаго ордена Рачинскій, привезшій съ собою крестъ Ла-Валетта [1]). Графъ Литта былъ наименованъ посланникомъ гросмейстера, и 27 ноября 1797 г. разыграна была, по возможности серьезно, комедія его пріема. 29-го числа того же мѣсяца происходила публичная аудіенція. Весь сенатъ стоялъ по правую сторону трона, на которомъ возсѣдалъ Павелъ, въ парадномъ костюмѣ, окруженный государственнымъ канцлеромъ княземъ Безбородко, вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ и др. высшими сановниками. Литта былъ одѣтъ въ большую мантію изъ чернаго бархата, лице его имѣло торжественное выраженіе; сопровождаемый императорскимъ коммисаромъ, оберъ-церемоніймейстеромъ и секретаремъ посольства, предшествуемый тремя рыцарями, несшими на златотканныхъ подушкахъ облаченіе для государя, крестъ Ла-Валетта и нѣсколько другихъ крестовъ для царской фамиліи, онъ приблизился къ трону и произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ. По окончаніи ея, онъ вручилъ свои вѣрительныя грамоты государю, который передалъ ихъ князю Безбородко. Послѣдній отвѣчалъ по русски, что императоръ съ удовольствіемъ соизволяетъ на присвоеніе титула протектора ордена и принятіе креста бывшаго гросмейстера Ла-Валетта. Послѣ этого Литта поднесъ крестъ государю и, между прочимъ, произнесъ слѣдующую фразу: «Вотъ знакъ почтенія, которое храбрость оказываетъ добродѣтели». Когда посланникъ, подойдя къ Павлу, сталъ возлагать на него мальтійское облаченіе, то Кутайсовъ завязывалъ ленты онаго. Хитрый итальянецъ Литта хотѣлъ доставить этому старому служителю какую нибудь роль при торжествѣ; хотя было бы гораздо естественнѣе, если бы эта легкая работа была исполнена оберъ-камергеромъ.

Обойду молчаніемъ тѣ церемоніи, которыя происходили у императрицы, а также возведеніе въ рыцарское званіе великихъ князей и принца Конде, который былъ одновременно сдѣланъ кавалеромъ большаго креста и великимъ пріоромъ.... Вскорѣ, однако, мальтійскій орденъ былъ недостойнымъ образомъ профанированъ и потерялъ свое значеніе.

Если припомнить событія, которыя, въ концѣ 1797 года, свершились во Франціи, то нельзя удивляться тому безпокойству, которое выказывалъ Павелъ, въ виду старанія приверженцевъ разрушительныхъ доктринъ—повсюду пропагандировать ихъ. По донесеніямъ своихъ пословъ и многочисленныхъ эмиссаровъ онъ хорошо зналъ обо всѣхъ подобныхъ попыткахъ, и потому съ особенною подозрительностію относился къ тому классу иностранцевъ, которые, подъ предлогомъ образованія юношества, внушали ему презрѣніе ко всему, что называется послушаніемъ, долгомъ и правиломъ. Низвергнуть прежнія идеи, дабы всему дать новый видъ,—вотъ направленіе, которому стали слѣдовать не только

---

[1]) Крестъ этого знаменитаго гросмейстера хранился въ сокровищницѣ ордена, какъ драгоцѣннѣйшій памятникъ.

нѣмецкіе и швейцарскіе учители, но и нѣкоторые изъ лютеранскихъ и реформатскихъ пасторовъ.

На одномъ изъ придворныхъ вечеровъ императоръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Не слыхали вы о новыхъ продѣлкахъ и нововведеніяхъ вашихъ лифляндскихъ пасторовъ?»

«Нѣтъ, государь, не слыхалъ».

— «Ну, такъ я долженъ вамъ сообщить, что тамъ нѣкоторые изъ этихъ господъ измѣнили обрядъ крещенія и стараются ввести много разныхъ новостей».

Послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ объ одномъ лифляндскомъ семействѣ, гдѣ пасторъ, гувернеръ и учитель стали говорить другъ другу «ты», придерживаясь принциповъ равенства, и повелѣлъ мнѣ обратить вниманіе на это обстоятельство.

— «Я буду охранять лютеранскую церковь,—продолжалъ онъ съ горячностію,—потому что ученіе ея извѣстно; но если всякій пасторъ вздумаетъ, по своему личному усмотрѣнію, дѣлать перемѣны, такъ нужно тутъ водворить порядокъ. Вы понимаете меня?»

«Вполнѣ понимаю, в. в—во. Но я ни случайно, ни оффиціально не получалъ какого-либо особеннаго донесенія изъ этихъ провинцій; а между тѣмъ о какихъ либо неблаговидныхъ дѣлахъ, которыя тамъ творятся, могу освѣдомиться лишь изъ жалобы, законнымъ образомъ представленной въ юстицъ-коллегію. Единственная мѣра, какую я могъ бы принять, это — разослать всѣмъ лютеранскимъ пасторамъ циркуляръ, въ которомъ бы имъ строго воспрещалось всякое нововведеніе, сколько нибудь противурѣчащее аугсбургскому вѣроисповѣданію и высочайше утвержденнымъ церковнымъ порядкамъ».

Предложеніе это было одобрено государемъ. Но нельзя себѣ представить того ропота, который поднялся противъ меня, отъ Петербурга до Архангельска....

Приведя затѣмъ нѣсколько случаевъ столкновенія своего съ лютеранскими пасторами, изъ-за вышепомянутаго циркуляра, авторъ продолжаетъ:

Душою и сердцемъ страдалъ я отъ этихъ раздоровъ, которые могли бы кончиться весьма печально для неразумныхъ нововводителей. Они не воображали, что, принимая съ одной стороны, строгій тонъ, для обузданія ихъ дерзкихъ выходокъ, я, съ другой стороны, напрягалъ всѣ мои силы, чтобы скрыть буйный духъ этихъ безумцевъ отъ Павла, который наказалъ бы ихъ крайне строго.

Можно себѣ представить, какого дурнаго мнѣнія онъ былъ о нихъ, потому что онъ вдругъ приказалъ мнѣ болѣе не принимать пасторовъ изъ иностранцевъ, особенно же изъ шведовъ.

— «Я даже не желалъ бы,—сказалъ мнѣ однажды государь,—допускать въ духовное званіе тѣхъ господъ, которые теперь возвращаются изъ нѣмецкихъ университетовъ; потому что тамъ все заражено».

«Но, в. в., — возразилъ я, — откуда же брать пасторовъ, изучившихъ богословіе? Вѣдь у насъ нѣтъ университетовъ».

«Надо учредить семинаріи».

«Это потребуетъ времени, в. в.»

— «Можно все сдѣлать быстро, если есть усердіе. На ваше рвеніе я достаточно разсчитываю, для того чтобы поручить вамъ начертаніе плана (учрежденія семинарій)».

«В. в., у католиковъ имѣются университеты (въ Вильнѣ, Кіевѣ, Могилевѣ), семинаріи и денежныя средства; но у лютеранъ и кальвинистовъ ихъ нѣтъ. Конечно, можно было бы безъ большихъ расходовъ прибавить въ Митавѣ одного профессора богословія и увеличить размѣры ревельской гимназіи».

— «Устраивайте это, какъ хотите».

«Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ, в. в., потребовать относительно этого, вашимъ именемъ, соотвѣтствующія свѣдѣнія отъ епископовъ и губернаторовъ помянутыхъ провинцій?»

— «Конечно; я уполномочиваю васъ сдѣлать это и совѣтую слегка поналечь на этихъ господъ».

Вслѣдствіе этихъ повелѣній я написалъ оффиціальныя и весьма настоятельныя письма: князю Репнину, генералъ-губернатору литовскому, губернаторамъ: эстляндскому, лифляндскому и курляндскому, и приказалъ юстицъ-коллегіи написать повелѣнія, отъ имени государя, католическимъ и уніятскимъ архіепископамъ и епископамъ....

III.

Государь, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, особенно подтягивалъ конно-гвардейскій полкъ. Что ни дѣлалъ шефъ этого полка, Паленъ, императоръ всегда оставался недовольнымъ. На каждомъ парадѣ онъ отправляль нѣсколькихъ офицеровъ подъ арестъ, да и на самого командира такъ гнѣвался, что можно было подумать, что онъ на другой же день будетъ уволенъ. Однако, всѣ эти бури ничѣмъ не кончались, и Паленъ самъ говорилъ: «Я похожъ на тѣ маленькія куколки, которыхъ хотѣли бы опрокинуть и поставить вверхъ ногами, но которыя всегда опять становятся на ноги». Впрочемъ, секретъ его устойчивости можно было легко понять.... Онъ никогда ни о комъ не говорилъ прямо чего либо дурнаго; но никогда онъ и не являлся защитникомъ честнаго человѣка, на котораго взводили клевету, а соблюдалъ при этомъ осторожное и преступное молчаніе, или же отпускалъ какую нибудь остроту, казавшуюся лишь забавною, но, на дѣлѣ, гораздо болѣе опасною, такъ какъ при дворѣ все смѣшное и неловкое гораздо труднѣе прощается, нежели порокъ, прикрывающійся соблазнительною оболочкою. Такимъ-то образомъ Паленъ всѣхъ расположилъ къ себѣ, заслужилъ любовь придворной челяди, порядочнымъ

людямъ казался не опаснымъ и, незамѣтнымъ образомъ, расчистилъ себѣ дорогу, которая должна была привести его къ высшимъ милостямъ и безграничному довѣрію.

Однажды государь, довольно несправедливымъ образомъ, отправилъ его сына на гауптвахту; онъ думалъ, что отецъ будетъ просить о его помилованіи, или выкажетъ извѣстное безпокойство; но Паленъ, представляя свой рапортъ, оказался въ спокойномъ и вселомъ расположеніи духа.

— «Мнѣ досадно,—сказалъ государь,—что вашъ сынъ сдѣлалъ ошибку».

«Наказывая его, — отвѣчалъ Паленъ, — в. в. поступили по справедливости, и это научитъ молодаго человѣка быть внимательнѣе».

При своей преобладающей страсти къ справедливости, Павелъ пришелъ въ восторгъ отъ этого отвѣта; а то онъ, одну минуту, подумалъ было, что поступилъ съ молодымъ Паленомъ несправедливо.

Сколь живо было въ Павлѣ желаніе быть справедливымъ со всякимъ, показываетъ слѣдующая черта. Однажды утромъ (10 ноября 1797 г.) меня разбудили въ 6 часовъ, для врученія собственноручнаго письма государя. Я вообразилъ себѣ, что рѣчь идетъ о дѣлѣ первостепенной важности; поспѣшно раскрылъ письмо; смотрю на подпись:—Павелъ.—Содержаніе письма было слѣдующее:

— «Г. тайный совѣтникъ, и пр. Прилагаю при семъ еще нѣсколько бумагъ, касающихся жалобы бригадира Подляцкаго на маіора Гермейера, а также и объясненія послѣдняго. Поручаю вамъ разобрать показанія противныхъ сторонъ и рѣшить дѣла, согласно закону. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Павелъ».

Дѣло оказалось болѣе запутаннымъ, нежели важнымъ; оно было скоро окончено, и когда я представилъ о томъ непосредственный докладъ государю, онъ казался весьма довольнымъ. Мнѣ неизвѣстно еще, какія особыя причины имѣлъ Павелъ интересоваться этими довольно неизвѣстными лицами; но приведенный случай показываетъ, какъ строго наблюдалъ онъ за теченіемъ судебныхъ дѣлъ.

Бесѣдуя со мною о рѣшеніи этого дѣла, онъ замѣтилъ, что я внимательно разсматриваю крестъ Ла-Валетта, который висѣлъ у него на груди, на золотой цѣпочкѣ.

— «Что это вы такъ внимательно разсматриваете?»—спросилъ государь.

«Вотъ этотъ достопочтенный крестъ знаменитаго Ла-Валетта».

Тогда государь, во вниманіе къ моей близорукости, благоволилъ разрѣшить мнѣ взять крестъ въ руки, для подробнаго осмотра. Вѣроятно, онъ при этомъ взглянулъ и на мой орденъ: то была лента св. Станислава. Затѣмъ, поговоривъ со мною еще нѣсколько минутъ, онъ обратился къ другимъ.

На слѣдующій день, когда я находился въ юстицъ-коллегіи, генералъ-прокуроръ прислалъ за мною секретаря капитула ордена св. Анны, съ просьбою придти къ себѣ, такъ какъ имѣетъ надобность поговорить со мною по порученію императора. Я отправился въ сенатъ, гдѣ г. Ховенъ сказалъ мнѣ, что и его пригласилъ къ себѣ генералъ-прокуроръ. При подобномъ приглашеніи,

посланнымъ черезъ орденскаго секретаря, мы не сомнѣвались, что государь желаетъ замѣнить нашъ польскій орденъ которымъ нибудь изъ русскихъ.

Это подтвердилъ и генералъ-прокуроръ, когда мы вошли къ нему: «Е. в. повелѣлъ мнѣ объявить вамъ, господа, чтобы сегодня вечеромъ, ровно въ 5 часовъ, вы находились въ императорскихъ аппартаментахъ, гдѣ е. в., вѣроятно, украситъ васъ лентою ордена св. Анны»..

«Позвольте намъ, князь,—сказалъ я,—начать съ принесенія благодарности вамъ».

— «Вы мнѣ ни чѣмъ не обязаны, г. баронъ; я даже и не упоминалъ объ этомъ е. в—ву. Онъ самъ сегодня утромъ спросилъ меня, почему это вы не имѣете ни одного русскаго ордена, и прибавилъ, что сегодня же хочетъ пожаловать васъ. Но такъ какъ г. Ховенъ находится въ такомъ же положеніи, то я воспользовался симъ случаемъ, чтобы напомнить о немъ, и государь украситъ орденомъ васъ обоихъ».—Я вспомнилъ при этомъ то, что произошло вчерашнимъ вечеромъ, разсказалъ о томъ генералъ-прокурору и онъ замѣтилъ, что это можетъ быть и было причиною рѣшенія государева.

Въ 5 часовъ мы были на мѣстѣ. Мы встрѣтили лишь оберъ-церемоніймейстера Валуева и нѣсколькихъ дежурныхъ придворныхъ чиновъ. Немедленно за симъ вступилъ въ залу императоръ. Онъ прямо подошелъ къ намъ и, не говоря ни слова, надѣлъ шляпу и быстро вынулъ шпагу изъ ноженъ. Оберъ-церемоніймейстеръ, державшій на золотомъ подносѣ два орденскіе знака, обратился къ г. Ховену, который, въ качествѣ старшаго, стоялъ справа отъ меня, и воскликнулъ: «на колѣни!»—Государь трижды ударилъ Ховена шпагою по плечу и возложилъ на него ленту, говоря при этомъ: «примите знаки сего ордена, въ знакъ моего благоволенія».—Затѣмъ онъ поднялъ его и обнялъ. Я тоже преклонилъ колѣно передъ государемъ, и онъ сказалъ мнѣ:

— «Это—старый долгъ, который я съ радостію уплачиваю. Примите сей знакъ моего благоволенія и удовольствія, внушаемаго мнѣ вашимъ усердіемъ и вашею службою».

Мы благодарили государя. Отпуская насъ, онъ прибавилъ:

— «Надѣюсь опять увидѣть васъ вечеромъ, на балу».

Мы, конечно, явились на балъ; причемъ достаточно ясно могли замѣтить проявленія зависти и досады, вопреки холоднымъ поздравленіямъ, которыми насъ привѣтствовали. Ордена этого не имѣли еще многіе изъ сенаторовъ, какъ-то: графъ Воронцовъ, Леонтьевъ, Головкинъ, Тарбѣевъ, Голохвастовъ, а также и другія лица, изъ придворныхъ чиновъ. Горько роптали на это, но роптали втихомолку, чтобы Павелъ ничего не услышалъ, иначе онъ бы съумѣлъ заставить замолчать недовольныхъ. Ненависть этихъ господъ, тѣмъ не менѣе, была возбуждена и скоро нашла случай выказать себя.

Возникшій незадолго предъ тѣмъ процессъ между старшинами реформатской церкви (нѣмцами и французами) представленъ былъ въ 3-й департаментъ

сената, и тамъ почти единогласно утверждено было рѣшеніе юстицъ-коллегіи, основанное на соотвѣтствующихъ статьяхъ указа 1778 года. (На рѣшеніи этомъ остановились, дабы спасти старшинъ: графа Головкина, пастора Мансбейделя и негоціянта Фуерса отъ болѣе строгаго взысканія). Я, какъ непосредственно заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, конечно, не принималъ участія въ засѣданіяхъ департамента съ того дня, какъ тамъ стали обсуждать помянутый процессъ; но я зналъ всѣ подробности преній, и такъ какъ онѣ не разъ возобновлялись, то, вѣроятно, и государь узналъ о нихъ.

— «Я слыхалъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—что въ 3-мъ департаментѣ много спорятъ. О чемъ же это?»

«В. в.,—отвѣчалъ я,—передъ тѣмъ, чтобы рѣшить вопросъ, его съ точностію обсуждаютъ, помня изрѣченіе: in contradictione veritas».

— «Но въ чемъ же предметъ этихъ преній?»

«Это дѣло старшинъ реформатской церкви».

— «Нельзя ли мнѣ имѣть честь познакомиться съ ними? Какъ ихъ зовутъ?»

«Графъ Головкинъ и купецъ Фуерсъ». Я назвалъ Головкина очень тихо, а съ болѣе сильною интонаціею упомянулъ о Фуерсѣ. Однако, государь приказалъ мнѣ повторить эти фамиліи, и воскликнулъ:

— «А-а, г. Головкинъ! Онъ хочетъ разыгрывать роль главы реформатовъ».

«В. в. позволите мнѣ замѣтить, что онъ, какъ старшина этой церкви, полагалъ нужнымъ поддерживать права оной; но такъ какъ юстицъ-коллегія его смѣнила, то онъ, за свою ошибку, уже понесъ наказаніе, и весьма вѣроятно, что рѣшеніе это сенатомъ будетъ одобрено».

— «Но вѣдь этимъ вы наживете непріятности съ польскимъ королемъ, который очень его любитъ».

«В. в., я не забочусь о неудовольствіи польскаго короля».

— «Какъ такъ?»

«Потому что я никогда не посѣщаю его польскаго величества».

— «Это вы хорошо дѣлаете,—сказалъ Паленъ,—потому что тамъ составился небольшой кружокъ праздныхъ людей, которые вообразили себѣ, что могутъ фрондировать, анализировать... Мнѣ бы желательно было, чтобы польскій король отнюдь не забывалъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ».—Государь произнесъ эти слова очень громко, такъ что не только Нарышкинъ, слышавшій весь разговоръ, но и многія другія лица могли разслышать ихъ. Я ничего не отвѣтилъ, а государь продолжалъ: «Г. Головкинъ и тамъ играетъ роль краснобая. Я все знаю, и желалъ бы, чтобы польскому королю было извѣстно, что я ничего не просмотрю». Черты лица Павла стали оживляться; я же хотя сохранялъ спокойную наружность, но страдалъ невыносимо, потому что чувствовалъ приближеніе бури. Онъ сказалъ еще нѣсколько словъ о польскомъ королѣ и, удаляясь, прибавилъ, какъ бы послѣ нѣкотораго раздумья: «А! г. Головкинъ!».

Послѣ ужина, когда мы уходили, Нарышкинъ замѣтилъ мнѣ:

— «Я видѣлъ, какъ вы страдали при сегодняшнемъ разговорѣ, и вамъ дѣлаетъ честь, что вы имѣли мужество оправдывать Головкина».

«Но мнѣ кажется, — отвѣчалъ я, — что государь ошибается и говоритъ о церемоніймейстерѣ (Головкинѣ), между тѣмъ какъ дѣло идетъ о его братѣ, графѣ Петрѣ».

На слѣдующій день, въ субботу, я выходилъ лишь для присутствія въ законодательной коммисіи. Когда я, въ воскресенье, прибылъ ко двору, то генералъ-губернаторъ, графъ Буксгевденъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— «Знаете ли вы, что случилось съ вашимъ Головкинымъ?»

«А что же?»

— «Государь выслалъ его въ имѣніе, за то, что онъ провинился противъ юстицъ-коллегіи, которой былъ подчиненъ, какъ старшина реформатской церкви».— Замѣтивъ мое горестное изумленіе, Буксгевденъ продолжалъ: «Мнѣ досадно, что государь высказалъ причину своего повелѣнія, потому что теперь при дворѣ поговариваютъ, что это устроили вы, въ отмщеніе за насмѣшки Головкина надъ юстицъ-коллегіею».

Глубоко огорченный этимъ, я цѣлую недѣлю не показывался во дворецъ; когда же, наконецъ, опять явился туда, то государь уже не заговаривалъ со мною объ этомъ дѣлѣ и, такимъ образомъ, воспрепятствовалъ моему намѣренію испросить прощеніе Головкина. Такъ какъ ни кому не дозволялось говорить съ государемъ о томъ, о чемъ онъ самъ не заговаривалъ, то я и лишенъ былъ удовлетворенія, которое доставило бы отраду моему сердцу и посрамило бы клеветниковъ..

Между тѣмъ губернаторы остзейскихъ провинцій уже доставили мнѣ свѣдѣнія, относящіяся до гимназій и школъ, и проэктъ семинаріи для лютеранъ былъ уже почти законченъ. Но епископъ каменецкій и виленскій затянулъ отвѣтъ, и князь Репнинъ написалъ мнѣ длинное письмо, въ его извиненіе. Письмо это доказывало, что князь, введенный въ заблужденіе своими подчиненными, или какими нибудь господами, въ разсчеты коихъ входило утаить денежные фонды семинарій, намѣревался уклониться отъ доставленія свѣдѣній, требуемыхъ юстицъ-коллегіею....

Я, съ своей стороны, тоже былъ вынужденъ писать князю, но онъ не отвѣчалъ мнѣ самъ, такъ какъ собирался ѣхать въ Петербургъ, а поручилъ исполнить это литовскому губернатору Бутакову, который и сообщилъ мнѣ нѣкоторыя, весьма поверхностныя, свѣдѣнія.

По прибытіи князя Рѣпнина, архіепископъ могилевскій вступилъ съ нимъ въ соглашеніе, чтобы ускорить исполненіе плана для отнятія у меня католическаго департамента и для порученія онаго вѣдѣнію его, архіепископа. Вѣроятно, государя увѣрили, что проэктъ организаціи семинарій еще не оконченъ, потому что католическій департаментъ ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслитъ,

и что редакція этого проэкта должна быть поручена священникамъ. Внушенія эти уже стали производить свое дѣйствіе, когда государь спросилъ меня:

— «А что, проэктъ о семинаріяхъ развѣ еще не готовъ?»

«Та часть, которая касается лютеранъ и реформатовъ, уже окончена, в. в., и переписывается на бѣло; но епископы еще не доставили достаточно подробныхъ свѣдѣній».

— «Это очень медленно подвигается», замѣтилъ Павелъ, отвернулся отъ меня и въ тотъ вечеръ больше со мною не заговаривалъ.

На другой день, въ сенатѣ, генералъ-прокуроръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— «Государь намѣренъ снять съ васъ непріятную обузу».

«Юстицъ-коллегію?» радостно спросилъ я.

— «Нѣтъ, не всю коллегію, а католическій департаментъ».

«О, князь, я въ восторгѣ.... безконечныя столкновенія, безпрерывные доносы, и все это задаромъ, такъ какъ ни чести, ни выгодъ нѣтъ для меня никакихъ. Положеніе мое, какъ сенатора, выше положенія предсѣдателя, а я не получаю ни прибавки къ жалованью, ни столовыхъ, которыми пользуются всѣ другіе предсѣдатели».

Указъ былъ обнародованъ. Онъ гласилъ слѣдующее: «Католическій департаментъ ввѣряется архіепископу могилевскому, а юстицъ-коллегія имѣетъ остаться на прежнемъ положеніи».....

Король польскій скончался скоропостижно, вслѣдствіе удара, и государь повелѣлъ устроить погребеніе со всѣми, подобающими коронованному лицу, почестями. Какъ страстный любитель церемоніала, онъ приказалъ архіепископу отправить богослуженіе въ католической церкви со всевозможною пышностію. Сестренцевичъ, хотя втайнѣ и былъ врагомъ апостолическаго нунція Литты, однако, соединилъ съ нимъ усилія, чтобы отпѣваніе королевскаго тѣла было вполнѣ торжественно и великолѣпно. Прахъ Станислава Августа въ теченіи цѣлой недѣли покоился въ Мраморномъ дворцѣ, на парадной кровати, подъ балдахиномъ, окруженный королевскими регаліями. Чины первыхъ пяти классовъ должны были посмѣнно дежурить у тѣла. Мнѣ нездоровилось, и я былъ избавленъ отъ этой тяготы. Въ день отпѣванія, епископъ облекся въ богатыя ризы и велѣлъ выткать на своей митрѣ вензель Павла I-го. Это произвело чрезвычайный эффектъ, и съ того дня государь не зналъ, какъ и выразить ему свою благосклонность. Онъ пожаловалъ ему звѣзду св. Андрея Первозваннаго и оказывалъ ему, при дворѣ, выдающееся вниманіе.

Вскорѣ послѣ этого скончался и герцогъ Виртембергскій, родитель императрицы. Государь не преминулъ и ему устроить великолѣпное отпѣваніе. Сестренцевичъ тутъ опять блеснулъ, и съ этой минуты императрица стала раздѣлять съ своимъ супругомъ расположеніе къ нему. Онъ получилъ отъ Павла брилліантовый епископскій крестъ, а отъ государыни драгоцѣннѣйшую

золотую табакерку. Надменность, внушенная этими знаками благорасположенія,—не смотря на все лицемѣріе Сестренцевича—дала таки себя знать свѣтскимъ членамъ его новаго департамента; относительно же меня, лично, онъ постоянно придумывалъ искусные подвохи.

Освобожденный отъ тяжкаго бремени, я могъ съ бо́льшимъ усердіемъ посвящать себя моимъ другимъ обязанностямъ, въ особенности же—разработкѣ гражданскаго кодекса, первая часть коего (введеніе общей для всего государства формы веденія процессовъ) приближалась къ окончанію. Такъ какъ императоръ замѣтилъ неполноту русскаго уголовнаго кодекса, то онъ поставилъ коммисіи въ обязанность безотлагательно заняться уложеніемъ о наказаніяхъ. Поводомъ къ этому былъ слѣдующій случай.

Нѣсколько человѣкъ поляковъ, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ, было заключено въ крѣпость. Государь повелѣлъ сенату обсудить это дѣло въ общемъ собраніи, и съ особымъ вниманіемъ. Имена преступниковъ были мнѣ неизвѣстны; я крайне опасался найти между ними котораго нибудь изъ моихъ пріятелей, или старыхъ знакомыхъ, потому что революціонныя страсти бушевали въ Польшѣ столь же сильно, какъ во Франціи.

Въ засѣданіи присутствовало семьдесятъ сенаторовъ, и всѣ они желали найти поляковъ невиновными. Но захваченныя письма на имя французской директоріи, подлинность коихъ они не отвергали, равно какъ сознаніе преступниковъ въ присягѣ, ими данной,—ввести въ Польшѣ республиканское правленіе, при помощи Франціи,—все это служило столь крупнымъ обвиненіемъ, что спасеніе ихъ дѣлалось невозможнымъ.... Слишкомъ много было неоспоримыхъ уликъ. Всѣ преступники сознались, что приносили личную присягу императору; а потому, согласно буквѣ закона, они подлежали лишенію дворянскаго званія, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь.

Сенатъ представилъ объ этомъ дѣлѣ обширный всеподданнѣйшій докладъ. Въ докладѣ выставлялись на видъ разныя облегчающія обстоятельства (старость одного, молодость другаго, ограниченность третьяго, и т. п.), которыя могли бы вызвать милостивое воззрѣніе монарха; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчено, что сенаторы, какъ подчиненные буквѣ закона, созваны были лишь для того, чтобы опредѣлить сущность дѣла и подвести его подъ существующія статьи.

Сенатскій приговоръ представленъ былъ государю утромъ, и въ тотъ же вечеръ онъ сказалъ мнѣ:

— «Я весьма недоволенъ вами и прочими господами сенаторами».

«Чѣмъ заслужили мы это несчастіе, в. в.?» спросилъ я.

— «Какъ? Вы не соблюдаете постепенности въ наказаніяхъ, и всѣхъ осуждаете въ равной мѣрѣ!»

«В. в. позволите мнѣ замѣтить, что въ этомъ виновато русское уложеніе о наказаніяхъ, а не судьи, которые могутъ лишь скорбѣть о строгости и неполнотѣ закона, но, по долгу присяги, обязаны только прилагать

его къ фактамъ. Потому что, иначе, судья обратился бы въ законодателя. В. в. изволили сознать, насколько наши законы нуждаются въ точномъ пересмотрѣ, и повелѣли намъ заняться этимъ».

— «А далеко ли подвинулось у васъ это дѣло?»

«Первая часть гражданскаго кодекса окончена».

— «Ахъ, возьмитесь немедленно за уложеніе о наказаніяхъ и учредите постепенность, въ которой было бы должное соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ».

Таковы-то были постоянныя стремленія Павла, когда онъ не увлекался, не волновался и не горячился. Я часто возвращаюсь къ этой мысли, но не могу отстранить ее.

Строгій приговоръ сената былъ государемъ измѣненъ. Старика онъ отправилъ къ его семьѣ, въ Литву, безъ всякаго наказанія; прочіе отдѣлались однимъ страхомъ: они возведены были на эшафатъ, гдѣ имъ объявлено помилованіе, т. е. они не подверглись наказанію кнутомъ, ссылка ихъ была смягчена и срокъ ея сокращенъ [1]).

Перев. съ нѣмецкаго яз. И. О.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Вслѣдствіе кончины Павла, Александръ I возвратилъ всѣхъ и отпустилъ на родину.

Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка [1]).

II [1]).

Не смотря на всѣ либеральныя мечтанія императора Александра I относительно уничтоженія крѣпостнаго права, въ его царствованіе этотъ трудный вопросъ былъ рѣшенъ, и то весьма неудовлетворительно, лишь въ Остзейскомъ краѣ; что касается собственной Россіи, то даже для ограниченія крѣпостнаго права было принято слишкомъ мало мѣръ. Такая крайняя медлительность правительства въ самомъ главномъ дѣлѣ внутренней политики возбуждала, само собою разумѣется, недовольство въ лучшихъ представителяхъ русской интеллигенціи и въ особенности въ молодомъ поколѣніи, и это недовольство еще болѣе усиливалось вслѣдствіе того, что о крестьянскомъ вопросѣ было почти совершенно невозможно говорить въ печати. Существованіе крѣпостнаго права со всѣми его злоупотребленіями и бездѣятельность правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ были, по признанію нѣкоторыхъ декабристовъ, одною изъ главныхъ причинъ ихъ вступленія въ тайное общество. Одинъ изъ членовъ этого общества, поэтъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, объясняя во время слѣдствія причины, побудившія его желать измѣненія существующаго порядка, сказалъ, что одною изъ нихъ была распространяющаяся въ простомъ народѣ порча нравовъ, особенно-же, лукавство и недостатокъ честности, которыя онъ приписывалъ угнетенію и всегдашней неувѣренности раба относительно права пользованія своимъ имуществомъ. «Признаюсь», продолжаетъ онъ, «что эта причина была для меня одна

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 71—106.

изъ самыхъ главныхъ, ибо, взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ русскій, . . . я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ». Другой членъ тайнаго общества, Крюковъ, объясняя въ своихъ показаніяхъ причины вступленія въ общество, указывалъ, между прочимъ, на то, что въ Подольской губерніи онъ видѣлъ, «до какой степени простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками и жидами». Пестель, описывая то, какимъ образомъ онъ пришелъ къ своимъ крайнимъ воззрѣніямъ, говоритъ: «обращалъ я также мысли на положеніе народа, при чемъ всегда сильно поражало меня рабство помѣщичьихъ крестьянъ, а равно дѣйствовали на меня преимущества аристократіи, которую считалъ я, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ истинное положеніе народа укрывающею». Якушкинъ въ своихъ Запискахъ разсказываетъ, что въ половинѣ 1810-хъ годовъ въ бесѣдахъ того кружка гвардейскихъ офицеровъ, въ которомъ онъ вращался по своему служебному положенію, обыкновенно шелъ разговоръ о положеніи Россіи. «Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами». Самъ онъ, еще въ 1816 г., пріѣхавъ въ свое не большое имѣніе Смоленской губерніи, объявилъ своему дядѣ, который управлялъ этимъ имѣніемъ, что онъ желаетъ освободить крестьянъ. «Въ это время», продолжаетъ Якушкинъ, «я не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что̀ изъ этого выйдетъ, но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе—мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ».

Однако, при образованіи Союза Благоденствія, составители его устава недостаточно рѣшительно высказались по крестьянскому вопросу. «Законоположеніе» этого тайнаго общества было составлено Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми, кн. Сергѣемъ Трубецкимъ и П. Колошинымъ въ значительной степени по уставу нѣмецкаго «Союза добродѣтели» (Тугендбунда), но любопытно, что параграфы, относящіеся къ крестьянскому дѣлу, были измѣнены и смягчены. Нѣмецкій уставъ требуетъ, чтобы вступающій въ союзъ, если имѣетъ крестьянъ, освободилъ-бы ихъ, не позже конца того-же хозяйственнаго года, отъ подданническихъ отношеній, и обезпечилъ-бы ихъ пропитаніе достаточнымъ количествомъ земли. Въ русскомъ уставѣ этого совсѣмъ нѣтъ, и членамъ общества рекомендовалось только человѣчное отношеніе къ своимъ крѣпостнымъ, распространеніе гуманныхъ взглядовъ на крестьянъ, и, въ случаѣ возможности, борьба

съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ. Союзъ Благоденствія ставилъ себѣ цѣлью употреблять всѣ усилія къ искорененію пороковъ и въ томъ числѣ «жестокостей съ подвластными». Члены Союза должны были стараться «склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя, что подданные такіе-же люди, и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которыя дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться». Они должны были также обратить вниманіе помѣщиковъ на то, чтобы они не допускали своихъ крестьянъ «бродить по міру», и тѣхъ, у кого болѣе такихъ нищихъ крѣпостныхъ, подвергать «сужденію соотечественниковъ», чтобы заставить владѣльцевъ подобныхъ имѣній «взять мѣры къ прекращенію праздношатанія». Всякій членъ Союза долженъ и самъ «въ управленіи подвластными быть добросердечнымъ и человѣколюбивымъ» и стараться «доказать всѣмъ, что жестокость съ подвластными есть дѣло безчестное, ибо участь ихъ и безъ притѣсненій заслуживаетъ не только сожалѣніе, но и всевозможное стараніе улучшить оную». Члены Союза, состоящіе на службѣ по выбору дворянства или по назначенію правительства, «выхваляютъ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ добрымъ съ подвластными обхожденіемъ», а также «истребляютъ продажу крѣпостныхъ людей въ рекруты, отклоняютъ вообще отъ продажи ихъ по одиночкѣ, стараясь вразумить, что люди не суть товаръ и что только простительно однимъ народамъ, не просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанства, почитать подобныхъ себѣ собственностію, участью коей каждый, имѣющій оную располагать можетъ по произволенію» [1]).

Одинъ изъ составителей «Законоположенія Союза Благоденствія», кн. Трубецкой, описывая въ своихъ замѣткахъ тогдашнее положеніе Россіи, говоритъ: «Язва крѣпостнаго состоянія располагаетъ Россію къ бо́льшимъ бѣдствіямъ, въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ (какъ былъ примѣръ тому во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство. Развитіе промышленной образованности, не соединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той-же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи государя дать свободу крестьянамъ должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея».

Далѣе Трубецкой указываетъ на весьма неодинаковое положеніе низшаго класса въ Россіи. «Въ Финляндіи свобода, въ народахъ

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 2-е, 1885 г., стр. 378—79, 506, 521, 523, 524, 529.

магометанской вѣры и идолопоклонническихъ—также, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ только что она возникала, въ Царствѣ Польскомъ существовала въ законѣ, но не въ самомъ дѣлѣ. Одни только христіане, и то большею частью православные, подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ [1]). Крестьяне казенные великороссійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки, одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ» повинностей крѣпостныхъ крестьянъ. «Помѣщикъ полагаетъ ее по произволенію, изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ и Польской Украйнѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею [2]), не имѣя ничего собственнаго; пьянство одна отрада ихъ, и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы—основанные на безнравственности народа; правосудіе—продажное; взятки—должный доходъ чиновника! Вотъ зло, съ которымъ должно было вступить въ борьбу, и чрезъ его только истребленіе можно было водворить въ отечествѣ благосостояніе. Этотъ подвигъ общество поставило себѣ обязанностью, и уставъ долженствовалъ быть составленъ такъ, чтобъ велъ къ выполненію его. Достигло-ли того общество сочиненіемъ его, есть вопросъ, котораго я рѣшить не берусь, но думаю, что если вполнѣ не достигло, то, по крайней мѣрѣ, не удалилось отъ предмета своей цѣли. В. А. Жуковскій, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, если-бы могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія, но что, къ несчастію, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы».

Иначе отнесся къ этому дѣлу Н. И. Тургеневъ, который уже пріобрѣлъ тогда извѣстность своею книгою «Теорія налоговъ», изданною въ 1818 г.

«Въ концѣ 1819 г.», разсказываетъ Н. Тургеневъ въ своихъ мемуарахъ, «однажды ко мнѣ пришелъ кн. Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя въ долгія предварительныя объясненія, онъ

---

[1]) Эту-же мысль высказалъ Н. И. Тургеневъ въ своей запискѣ 1819 г., представленной гр. Милорадовичемъ государю.

[2]) Нельзя не замѣтить, что такіе случаи были довольно рѣдкимъ явленіемъ.

сказалъ мнѣ, что, судя по тому, что онъ могъ знать обо мнѣ и о моихъ мнѣніяхъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ предложить мнѣ вступить въ общество, уставъ котораго онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представилъ: это былъ уставъ «Союза Благоденствія»... Общество ставило себѣ цѣлью общее благо. Члены общества должны были быть раздѣлены на различные классы и отрасли, изъ которыхъ одна должна была заниматься распространеніемъ просвѣщенія, другая правосудіемъ, третья политическою экономіею и финансами и т. д. Въ подобномъ планѣ не было для меня ничего соблазнительнаго. Я не вѣрилъ, чтобы въ Россіи какое нибудь общество могло доставить средства для достиженія столь важнаго и сложнаго результата, какой имѣли въ виду въ этомъ предпріятіи... Прибавлю, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я былъ удивленъ и огорченъ тѣмъ, что, не смотря на выраженіе многихъ добрыхъ намѣреній въ уставѣ общества, въ немъ не было и рѣчи о дѣлѣ, въ моихъ глазахъ самомъ важномъ: уничтоженіи крѣпостнаго права... Однако, я не счелъ себя въ правѣ слѣдовать примѣру моего друга поэта» (В. А. Жуковскаго), «я думалъ, что всякій честный человѣкъ долженъ отложить въ сторону неважныя соображенія относительно формы, не обращать вниманія на личныя неудобства и даже опасности, если онъ можетъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать дѣлу нравственному и полезному. Упущеніе, о которомъ я упомянулъ, быть можетъ, содѣйствовало принятому мною рѣшенію, такъ какъ я тотчасъ-же составилъ планъ обратить вниманіе общества на вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Я немедленно объявилъ объ этомъ моему собесѣднику и, убѣдившись изъ его словъ, что какъ онъ, такъ и его друзья воодушевлены наилучшими намѣреніями относительно бѣдныхъ русскихъ крѣпостныхъ, почувствовалъ сладостную надежду, что будетъ подвинуто впередъ дѣло, составляющее предметъ моихъ постоянныхъ заботъ».

Вступивъ въ общество, Н. И. Тургеневъ предложилъ, чтобы каждый членъ его далъ обязательство «сдѣлать немедленно все, что будетъ въ его власти, во первыхъ, чтобъ ослабить крѣпостное право, а затѣмъ содѣйствовать его уничтоженію. Каждый изъ васъ, говорилъ я имъ, владѣетъ или будетъ владѣть крѣпостными; если вы владѣете ими, дайте немедленно свободу тѣмъ, которые состоятъ въ вашемъ личномъ услуженіи, и примите мѣры для освобожденія крестьянъ, обратившись къ правительству, такъ какъ законъ это позволяетъ. Такимъ образомъ, не только нѣсколькими крѣпостными будетъ менѣе, но и правительство, и общество увидятъ, что уважаемые помѣщики желаютъ, чтобы крѣпостные сдѣлались людьми свободными. Тогда мысль объ эмансипаціи укрѣпится, и къ ней

начнутъ привыкать. Чтобы насколько возможно подкрѣпить свою проповѣдь примѣромъ, я прибавилъ, что дамъ отпускныя моимъ слугамъ, что и исполнилъ немедленно. Мое предложеніе было принято безъ затрудненій».

«Что касается споровъ о политической свободѣ и о конституціяхъ», продолжаетъ Тургеневъ, «то я былъ слишкомъ поглощенъ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, чтобы много ими заниматься... Я не относился къ этимъ спорамъ индифферентно. Я, конечно, имѣлъ опредѣленныя мнѣнія о главныхъ вопросахъ политической организаціи, о представительствѣ, свободѣ печати, равенствѣ передъ закономъ, организаціи власти законодательной, исполнительной и судебной; я не отказался бы дѣйствовать и даже пожертвовать собою, чтобы добиться гарантирующихъ все это учрежденій, тотчасъ же, какъ только будетъ уничтожено крѣпостное право; но пока существуетъ рабство, всѣ мои мысли были сосредоточены исключительно на томъ, что я считалъ самымъ большимъ зломъ, требующимъ самаго быстраго леченія... По моему мнѣнію, всѣ вопросы подчинены вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ. Когда я замѣчалъ въ своихъ собесѣдникахъ стремленіе къ политической свободѣ безъ желанія освободить крѣпостныхъ, негодованіе овладѣвало мною; видя меня, можно было бы подумать, что я защищаю абсолютизмъ. Это рѣдко случалось съ молодыми людьми, которыхъ мнѣ всегда удавалось убѣждать, но съ лицами пожилыми, поставленными на вершинѣ общественной пирамиды и болѣе или менѣе проникнутыми аристократическими принципами, которые прежде всего мечтали о палатѣ пэровъ и т. п., споръ дѣлался страстнымъ, даже рѣзкимъ, и тогда я особенно часто увлекался до проповѣди о выгодахъ, представляемыхъ неограниченною верховною властью въ странѣ, гдѣ существуетъ крѣпостное право»[1]).

Либеральные взгляды на крестьянскій вопросъ, распространенные среди молодежи, примкнувшей къ тайному обществу, были странны и чужды громадному большинству нашего высшаго сословія. Когда И. Д. Якушкинъ, еще въ 1816 г., какъ мы видѣли, объявилъ своему дядѣ, что хочетъ освободить крестьянъ, тотъ выслушалъ это предположеніе «даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ»: онъ былъ увѣренъ, что его племянникъ сошелъ съ ума. Многіе изъ членовъ тайнаго общества «стали при всѣхъ случаяхъ громѣть противъ дикихъ учрежденій, каковы: палка, крѣпостное состояніе и проч. Теперь покажется невѣроятнымъ», писалъ Якушкинъ въ 1855 г., «чтобы вопросы, давно уже порѣшенные между образованными людьми,

[1]) La Russie et les Russes, I, 77—78, 81—83.

38 лѣтъ тому назадъ были вопросами совершенно новыми даже для людей, почитаемыхъ тогда образованными, т. е. для людей, которые говорили по французски и были нѣсколько знакомы съ французскою словесностью... Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе—какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство... Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины». И. Д. Якушкинъ рѣшился сдѣлать, что могъ, для своихъ крѣпостныхъ. Когда въ 1819 г. онъ заѣхалъ въ свое смоленское имѣніе, крестьяне стали просить его, такъ какъ онъ не служилъ, чтобы онъ пріѣхалъ пожить съ ними: по ихъ словамъ, его присутствіе будетъ полезно уже тѣмъ, что при немъ ихъ будутъ менѣе притѣснять. Молодой помѣщикъ охотно исполнилъ эту просьбу. Первымъ распоряженіемъ его было—уменьшить на половину господскую запашку, затѣмъ многіе отяготительные поборы были отмѣнены. Онъ допускалъ всѣхъ крестьянъ къ себѣ и, по возможности, удовлетворялъ ихъ просьбы; вскорѣ отучилъ ихъ кланяться въ ноги и стоять передъ баріномъ безъ шапки, когда онъ самъ былъ въ шляпѣ. За проступки они наказывались не иначе, какъ по приговору всѣхъ домохозяевъ. Затѣмъ онъ сталъ подготовлять планъ совершеннаго освобожденія своихъ крѣпостныхъ, съ предоставленіемъ въ ихъ собственность усадебныхъ земель, который, однако, ему не удалось привести въ исполненіе и вслѣдствіе несочувствія этому дѣлу крестьянъ, и по несогласію администраціи. Въ 1820 г. Якушкинъ, узнавъ о разныхъ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ въ его имѣніи земскимъ засѣдателемъ во время отсутствія помѣщика, былъ такъ возмущенъ, что написалъ адресъ къ императору, гдѣ излагалъ всѣ бѣдствія Россіи и предлагалъ созвать земскую думу. Адресъ этотъ, по мысли Якушкина, должны были подписать всѣ члены Союза Благоденствія; но по совѣту одного изъ членовъ общества адресъ былъ уничтоженъ. Такъ какъ нѣкоторые члены общества были недовольны бездѣйствіемъ Союза Благоденствія, то на съѣздѣ въ Москвѣ, въ январѣ 1821 г., было объявлено, что онъ прекращаетъ свое существованіе. Такимъ образомъ, ненадежные члены были удалены изъ общества, но оно возродилось въ видѣ двухъ главныхъ отдѣловъ—Сѣвернаго и Южнаго обществъ [1]).

[1]) Въ 1821 г. Якушкинъ принялъ въ члены тайнаго общества смоленскаго помѣщика, отставнаго генерала Пассека. Еще ранѣе, возвратившись

Относительно одного изъ членовъ тайнаго общества, Лунина, мы имѣемъ извѣстіе недостаточно ясное. По словамъ Д. Завалишина, «Лунинъ хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ, но встрѣтилъ въ томъ препятствіе» (со стороны ли правительства, или какое иное — неизвѣстно. Вѣроятно, предположенія его, какъ и Якушкина, противорѣчили правиламъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ); «онъ хотѣлъ дать свободу хотя по завѣщанію, но родные оспаривали завѣщаніе, что и было причиною неудовольствія Лунина на сестру» [1]). Либеральные взгляды Лунина на крестьянскій вопросъ видны изъ его статьи «Взглядъ на тайное общество въ Россіи» (1816—1826), въ которой онъ говоритъ, что это общество «подняло голосъ противъ рабства и торга русскими, несовмѣстнаго съ божьими и человѣчьими законами»; по его же словамъ, партія, враждебная тайному обществу, «состояла изъ той части дворянъ, которая боялась лишиться крѣпостныхъ и своихъ правъ».

Дѣятельнѣе всѣхъ работалъ для крестьянскаго дѣла Н. И. Тургеневъ: въ 1819 г. онъ подалъ государю замѣчательную записку, въ которой предлагалъ цѣлый рядъ дѣльныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права; въ 1820 г. пытался устроить съ этою же цѣлью гласное общество, наконецъ, онъ могъ оказать много услугъ крестьянскому дѣлу по своему служебному положенію; проэктъ прекращенія продажи людей безъ земли, въ составленіи котораго онъ принималъ участіе въ 1820 г., былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ, но во многихъ частныхъ случаяхъ дѣла, въ которыхъ были заинтересованы крѣпостные крестьяне, получали благопріятное рѣшеніе, особенно

изъ за-границы, Пассекъ жестоко порицалъ крѣпостное состояніе... „Онъ всегда былъ добръ до своихъ крестьянъ“, говоритъ Якушкинъ, „но съ этихъ поръ посвятилъ имъ все свое существованіе, и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище „по способу взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ“. Пассекъ предоставилъ въ распоряженіе крестьянъ сдачу рекрутъ и всѣ мірскіе сборы; „они имѣли свой судъ и расправу: по воскресеньямъ избранные отъ міра старики собирались въ конторѣ и разбирали тяжбы между крестьянами“. Добрый помѣщикъ въ нѣсколько лѣтъ истратилъ на своихъ крестьянъ десятки тысячъ; благосостояніе крестьянъ невѣроятно улучшилось, и въ имѣніи было много грамотныхъ. Къ несчастію, Пассеку не пришло въ голову обратить своихъ крестьянъ въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, и послѣ его смерти наслѣдники уничтожили всѣ его благія учрежденія.

[1]) Изъ напечатанной переписки Лунина въ 1839 г. видно, что крестьяне его сестры въ это время были освобождены; вѣроятно, это тѣ самые, которые до ссылки принадлежали самому Луниву, и освобожденіе ихъ совершилось, безъ сомнѣнія, подъ его вліяніемъ. В. С.

въ искахъ относительно освобожденія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ общинъ [1]). Кромѣ того, онъ заключилъ со своими крестьянами частный договоръ, подобный тѣмъ, которые были установлены указомъ 1842 г. объ обязанностяхъ крестьянъ. Упомянемъ еще, что членъ тайнаго общества, баронъ В. И. Штейнгель, написалъ въ 1823 г. записку о необходимости уничтожить продажу людей, которую и представилъ государю.

«Всѣ декабристы, сколько мнѣ извѣстно», говоритъ Е. И. Якушкинъ, авторъ одной изъ статей о Рылѣевѣ, «признавали необходимость освобожденія крестьянъ... относительно же способовъ освобожденія мнѣнія были различны. Одни высказывали самый широкій взглядъ на владѣніе землею (Пестель и нѣкоторые члены Южнаго общества), который казался другимъ утопическимъ. Освобожденіе крестьянъ безъ земли представлялось для нихъ немыслимымъ. Другіе были за личное освобожденіе..., и считали освобожденіе съ землею невозможнымъ. Третьи, и въ томъ числѣ Н. М. Муравьевъ, думали, что крестьяне должны получить въ собственность только дома и огороды, остальная же земля должна остаться за помѣщиками или государствомъ (въ экономическихъ и удѣльныхъ имѣніяхъ») [2]).

Въ «Донесеніи слѣдственной комиссіи» упоминаются слѣдующіе проэкты конституцій, выработанные въ тайномъ обществѣ: 1) Никиты Муравьева; 2) «Русская Правда», Пестеля; 3) неполный проэктъ, найденный въ бумагахъ кн. Трубецкаго, который былъ «не что иное, какъ списокъ конституціи Муравьева съ весьма неважными перемѣнами», и 4) «Государственный Завѣтъ», найденный у Сергѣя Муравьева-Апостола — сокращеніе проэкта Пестеля. Такимъ образомъ, было, собственно говоря, два проэкта конституціи: Никиты Муравьева (составленный въ 1822 г.) и Пестеля.

Въ неоконченной конституціи, найденной въ бумагахъ кн. Трубецкаго и, какъ уже сказано, весьма сходной съ составленною Никитою Муравьевымъ,—въ исчисленіи того, что предполагалось объявить въ сенатскомъ манифестѣ объ учрежденіи временнаго правительства, между прочимъ, упомянуто и «уничтоженіе владѣнія крѣпостными людьми», но на какихъ основаніяхъ, — неизвѣстно. Что касается

---

[1]) См. подробнѣе о Н. И. Тургеневѣ въ нашей статьѣ въ журналѣ „Русская Мысль“ 1884 г., № 2, стр. 118—120, № 3, стр. 88—95, № 6, стр. 197 и слѣд.

[2]) Рылѣевъ былъ „за надѣленіе крестьянъ не только огородною, но и полевою землею; какъ та, такъ и другая должны были поступить въ ихъ собственность“. „Девятнадцатый вѣкъ“, изд. г. Бартенева, I, 361. В. С.

соціальныхъ взглядовъ Пестеля, то они казались Н. И. Тургеневу утопическими. «Одинъ изъ основныхъ пунктовъ теоріи Пестеля и его друзей», говоритъ Тургеневъ, «состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать поземельную собственность нѣкоторымъ образомъ общею всѣмъ, опредѣливъ обработку ея регламентами, изданными верховною властью. По крайней мѣрѣ, они предполагали предоставить пользованіе казенными землями тѣмъ, которые не имѣли поземельной собственности. То, что законъ королевы Елизаветы гарантировалъ всякому англичанину,—право получить прокормленіе, за неимѣніемъ другихъ средствъ существованія, съ помощью налога на бѣдныхъ, они хотѣли гарантировать—каждому, предоставивъ владѣніе или, скорѣе, пользованіе извѣстнымъ количествомъ земли для удовлетворенія его потребности». По словамъ декабриста барона А.Е. Розена, П. И. Пестель предлагалъ въ «Русск. Правдѣ» «освобожденіе всѣхъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и надѣленіе всѣхъ землею въ собственность», а также «общинное управленіе крестьянъ». По немногимъ выдержкамъ изъ «Русской Правды», приведеннымъ въ «Исторіи царствованія Александра I» Богдановича, мы знаемъ только, что, по плану Пестеля, «земля въ волостяхъ раздѣляется на участки, и каждому гражданину дается одинъ изъ участковъ; остающаяся же отъ раздачи земля составляетъ имущество всей волости и отдается въ наемъ, но не болѣе какъ на одинъ годъ... Все заводится сперва въ казенныхъ селеніяхъ; господскіе же крестьяне выкупаютъ свою свободу деньгами, либо лѣтнею работою, и, сдѣлавшись вольными, поступаютъ въ волости».

По свидѣтельству кн. С. П. Трубецкаго, въ проэктѣ государственнаго уложенія, которое должно было выработать «временное правленіе», состоявшее изъ Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, «главными пунктами» должны были быть: «учрежденіе представительнаго правленія, по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ, и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». Если вѣрить свидѣтельству Д. Завалишина, «нѣкоторыя данныя и мысли по крестьянскому вопросу» (вырабатываемыя въ сѣверномъ тайномъ обществѣ), «разумѣется, въ видѣ общихъ разсужденій, были прочитываемы Мордвиновымъ..., который часто обращался къ этому вопросу, и на одно чтеніе свода всего, что было [выработано въ совѣщаніяхъ тайнаго общества, Мордвиновъ пригласилъ маркиза Паулуччи, бывшаго генералъ-губернатора остзейскихъ провинцій, гдѣ крестьяне были освобождены... Замѣчательно, что въ нашихъ совѣщаніяхъ Г. С. Батенковъ заявлялъ мнѣніе Сперанскаго, что освобожденію крестьянъ должно предшествовать введеніе конституціи, и что тогда освобожденіе совершится легче. Большинство мнѣній склонялось къ выкупу

государствомъ, что облегчалось тѣмъ, что большинство имѣній было заложено».

Рылѣевъ, а также Николай и Александръ Бестужевы въ первыхъ числахъ декабря 1825 г., по свидѣтельству Н. А. Бестужева въ его Воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ, «рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часоваго и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до пятнадцати лѣтъ солдатская служба... Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты», продолжаетъ Н. Бестужевъ; «нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ».

Нѣкоторые декабристы заявленіемъ своихъ мнѣній и послѣ ареста желали содѣйствовать тому, чтобы правительство обратило вниманіе на крестьянскій вопросъ. Такъ, Якушкинъ, еще въ ожиданіи ареста, нарочно положилъ на столъ листъ съ вычисленіями относительно выкупа крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, надѣясь, что его возьмутъ вмѣстѣ съ другими бумагами, и что этотъ документъ, можетъ быть, обратитъ вниманіе правительства. Якушкинъ предложилъ арестовавшему его полиціймейстеру взять эти исчисленія, но получилъ отвѣтъ, что эти цифры совершенно ненужны. На первомъ допросѣ во дворцѣ Якушкинъ, на вопросъ Левашова, каковы были его дѣйствія по обществу, отвѣчалъ: «я всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи».

— Что же вы можете сказать объ этомъ? спросилъ Левашовъ.

«То, что это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ или, въ противномъ случаѣ, насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія».

— Но что же тутъ можетъ сдѣлать правительство? — возразилъ Левашовъ.

«Оно можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ».

— Это невозможно! Вы сами знаете, какъ русское правительство скудно деньгами.

Баронъ В. И. Штейнгель, въ январѣ 1826 г., написалъ императору Николаю изъ крѣпости письмо, въ которомъ, между прочимъ, доказывая, что русское правительство въ царствованіе императора Александра само распространяло тѣ либеральныя идеи, которыя теперь ставятся въ вину членамъ тайнаго общества, употребляетъ такое сравненіе: «Когда вы изволите быть въ Москвѣ, то увидите въ ней въ миніатюрѣ изображеніе русскаго юношества, возросшаго

въ XIX вѣкѣ: это училище, обществомъ сельскаго домоводства для помѣщичьихъ крестьянскихъ дѣтей учрежденное... Съ преподаваніемъ наукъ, развивающихъ высшія понятія, возвышающихъ душу, они дѣлаются людьми выше своего состоянія; и зачѣмъ все это? Чтобы по окончаніи курса отдать (ихъ) помѣщику, который, при первомъ капризѣ, можетъ сего образованнаго юношу послать на конюшню для тѣлеснаго наказанія. Не есть ли это то-же, что точить на себя ножъ ожесточенія?» Далѣе, въ перечнѣ мѣръ, которыя, по мнѣнію барона В. И. Штейнгеля, необходимо принять правительству, онъ называетъ улучшеніе состоянія земледѣльцевъ и уничтоженіе «унизительной для націи продажи людей» («къ сему средства», прибавляетъ Штейнгель, намекая на упомянутое выше письмо его, «я имѣлъ счастье представить покойному государю»). Въ показаніяхъ своихъ во время слѣдствія члены тайнаго общества также старались обратить вниманіе правительства на крестьянскій вопросъ: мы указывали въ началѣ этой главы на показанія Кюхельбекера, Крюкова и Пестеля.

И во время ссылки декабристы не переставали интересоваться крестьянскимъ вопросомъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже серьезно работали надъ рѣшеніемъ этой трудной задачи. Въ Читинскомъ острогѣ декабристы читали лекціи для товарищей. Барону А. Е. Розену пришлось «пояснять личное освобожденіе крестьянъ Прибалтійскихъ губерній изъ крѣпостной зависимости безъ надѣловъ земли, безъ всякихъ выкупныхъ договоровъ, но съ общимъ правомъ пріобрѣтенія земельной собственности по обоюдному соглашенію». Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ, объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи въ 1816 г., онъ выражается такимъ образомъ: «Дворянство эстляндское доказало свое человѣколюбіе добровольнымъ ограниченіемъ своей власти; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно сдѣлало ошибку важную, давъ личную свободу крестьянамъ, не обезпечивъ въ то же время ихъ существованія прочными постановленіями, относительно пользованія землею». М. А. Фонъ-Визинъ составилъ въ Сибири, въ 1840-хъ годахъ, нѣсколько замѣчательныхъ записокъ по крестьянскому вопросу. Наконецъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, А. Н. Муравьеву, Г. С. Батенкову, М. М. Нарышкину, барону Е. А. Розену и другимъ, удалось поработать для окончательнаго уничтоженія крѣпостнаго права и въ царствованіе императора Александра II.

III.

Вниманіе декабристовъ было болѣе обращено на необходимость политическихъ, нежели соціальныхъ реформъ; не для всѣхъ членовъ тайнаго общества было даже ясно, что, прежде чѣмъ добиваться политическихъ реформъ, нужно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Насколько мы знаемъ мнѣнія декабристовъ, лишь немногіе изъ нихъ были проникнуты соціалистическими взглядами; но къ числу этихъ немногихъ несомнѣнно принадлежалъ Пестель. Послѣ того, какъ мечты декабристовъ о политической свободѣ потерпѣли такое жестокое крушеніе, съ теченіемъ времени все болѣе должно было усиливаться въ интеллигенціи сознаніе необходимости соціальныхъ реформъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду молодежи стали проникать съ запада соціалистическія идеи.

Въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ въ Москвѣ существовалъ кружокъ молодежи, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и въ которомъ участвовалъ Огаревъ. Интересуясь преимущественно вопросами исторіи и другихъ общественныхъ наукъ, они, между прочимъ, съ увлеченіемъ зачитывались брошюрами сенъ-симонистовъ, ихъ проповѣдями, изложеніемъ ихъ процессовъ. Герценъ и Огаревъ, въ то время студенты московскаго университета, мечтали основать зерно общества, подобнаго декабристамъ, но ихъ собственные взгляды были еще далеко не выяснены. Они проповѣдывали идеи и декабристовъ, и французской революціи, и сенъ-симонизмъ, и конституцію, и республику, и чтеніе политическихъ книгъ, и необходимость сосредоточенія силъ въ одномъ обществѣ. Никакого тайнаго общества они, разумѣется, не составляли. Въ 1834 г. члены кружка были арестованы, и въ слѣдующемъ году Герценъ былъ сосланъ въ Пермь и оттуда въ Вятку, а Огаревъ—къ отцу въ Пензу.

Слѣдственная коммиссія по дѣлу этого кружка убѣдилась, что члены его «проникнуты пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона». Уничтоженіемъ его собраній не было, разумѣется, прекращено распространеніе соціалистическихъ идей, серьезное сочувствіе которымъ въ 1840-хъ годахъ мы находимъ въ такихъ выдающихся писателяхъ, какъ тотъ же Герценъ и В. Г. Бѣлинскій, а также и въ другихъ русскихъ образованныхъ людяхъ.

Съ начала 1840-хъ годовъ въ лучшихъ представителяхъ русской интеллигенціи, а также и среди нѣкоторой части молодежи мы замѣчаемъ значительный интересъ къ французской соціалистической

литературѣ. По свидѣтельству П. В. Анненкова, пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1843 г. изъ-за границы, онъ «встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа. Книга Прудона о собственности, «Икарія» Кабе, сочиненія Фурье,—все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху (1840—1843 гг.), подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ». Въ числѣ лицъ, охваченныхъ этимъ движеніемъ, былъ, между прочимъ, Мих. Вас. Буташевичъ-Петрашевскій, имя котораго связано съ цѣлымъ кружкомъ людей, съ нимъ единомышленныхъ и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ. Мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, преслѣдуемая въ печати и на каѳедрѣ, должна была тѣмъ не менѣе развиваться частью въ произведеніяхъ русскихъ авторовъ, напечатанныхъ за-границею, частью въ кружкахъ молодежи и вообще передовыхъ людей того времени; само собою разумѣется, что на ряду съ другими настоятельными реформами, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ обсуждался и въ кружкѣ петрашевцевъ, о которомъ мы и будемъ говорить лишь настолько, насколько необходимо для возможнаго выясненія этой стороны взглядовъ его членовъ [1]).

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и еще въ 1836 году, 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ замѣченъ тамъ «въ либеральномъ образѣ мыслей»; выйдя оттуда, онъ поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ по юридическому факультету и въ 1841 году получилъ кандидатскій дипломъ. Уже въ это время онъ мечталъ о необходимости республиканской формы правленія, о прекращеніи войнъ, о полной терпимости въ дѣлахъ вѣры. Вслѣдъ за тѣмъ Петрашевскій ревностно предался изученію сочиненій Фурье, въ то время строго запрещенныхъ, но легко добываемыхъ изъ-за границы при посредствѣ петербургскихъ иностранныхъ книжныхъ магазиновъ. Усвоивъ систему Фурье и ознакомившись съ другими произведеніями, посвященными соціальнымъ вопросамъ, Петрашевскій началъ распространять взгляды, которые казались ему наиболѣе правильными и симпатичными: раздавалъ знакомымъ иностранныя книги и журналы, старался дѣйствовать на молодежь, какъ непосредственно, такъ и чрезъ сблизившихся

---

[1]) Кромѣ печатныхъ источниковъ, мы могли при этомъ воспользоваться копіею съ записки секретной слѣдственной коммиссіи по дѣлу этого кружка, сообщеніемъ которой мы обязаны редакціи „Русской Старины“. В. С.

съ нимъ учителей, и съ этою цѣлью, въ 1844 году, просилъ объ опредѣленіи его наставникомъ въ лицей, но получилъ отказъ. Тѣмъ не менѣе, будучи прежде самъ воспитанникомъ лицея, Петрашевскій имѣлъ тамъ знакомства; нѣкоторые лицеисты посѣщали его по праздникамъ, и слѣды его вліянія были замѣчены въ этомъ заведеніи. Трехъ лицеистовъ, по оффиціальному свидѣтельству, онъ, «въ самое короткое время успѣлъ довести до того, что въ нихъ обнаружилось скептическое направленіе мысли относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка». (Одинъ изъ нихъ былъ исключенъ изъ заведенія, другой подвергнутъ исправительному наказанію).

Съ 1845 г. у Петрашевскаго стали собираться по пятницамъ его знакомые—педагоги, литераторы, студенты, при чемъ онъ былъ крайне неосторожень и приглашалъ къ себѣ лицъ, весьма мало ему извѣстныхъ. Здѣсь обсуждались такіе вопросы, какъ необходимость улучшенія судопроизводства, уничтоженія крѣпостнаго права и т. п., которые нѣсколько лѣтъ позднѣе были подняты самимъ правительствомъ, но тогда считались совершенно не подлежащими обсужденію частныхъ лицъ.

Для лучшаго распространенія симпатичныхъ Петрашевскому идей была учреждена, по свидѣтельству записки слѣдственной коммиссіи, «библіотека соціальныхъ книгъ на общія деньги», распорядителемъ которой былъ самъ Петрашевскій [1]).

Петрашевскій не ограничился однако проведеніемъ своихъ идей въ кругу только знакомыхъ, но пожелалъ дать имъ и гораздо бо́льшее распространеніе путемъ печати. Съ этою цѣлью онъ задумалъ издать маленькую энциклопедію въ формѣ словаря иностранныхъ словъ, въ составленіи которой принялъ дѣятельное участіе весьма талантливый молодой человѣкъ, Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, вскорѣ заявившій себя нѣсколькими прекрасными критическими статьями въ «Отечественныхъ Записках» [2]). Въ 1845 году вышелъ

---

[1]) Въ описи библіотеки, оставшейся послѣ Петрашевскаго и подлежавшей, по распоряженію правительства, продажѣ съ публичнаго торга, мы находимъ, между прочимъ, сочиненія Огюста Конта, Люи Блана, Кабе, Ламменэ, книги о сенъ-симонизмѣ, соціалистахъ, объ освобожденіи рабовъ, о собственности и проч.

[2]) В. Н. Майковъ, младшій братъ извѣстнаго поэта, въ 1842 году окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Въ 1846 году, когда Бѣлинскій покинулъ „Отечественныя Записки“ для обновленнаго „Современника“, Майковъ сталъ сотрудничать въ первомъ изъ этихъ журналовъ. Въ 1847 году онъ утонулъ, купаясь

первый выпускъ этой книги подъ заглавіемъ: «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый Н. Кириловымъ» [1]). На оберткѣ мы находимъ «нѣсколько словъ отъ издателя»: «Объявивъ о выходѣ въ свѣтъ предлагаемаго «Словаря» и открывъ на него подписку», говоритъ онъ, «я ободренъ былъ успѣхомъ, превзошедшимъ мои ожиданія. Это заставило меня приступить немедленно къ улучшенію своего изданія. Первоначальною цѣлью моею было простое словотолкованіе; теперь-же, какъ увидятъ гг. подписчики изъ перваго выпуска, «Словарь» есть не что иное, какъ краткая энциклопедія искусствъ и наукъ или, вѣрнѣе сказать, краткая энциклопедія понятій, внесенныхъ къ намъ европейскою образованностью. Средства не позволили мнѣ дать этой энциклопедіи надлежащую полноту. Тѣмъ не менѣе, по поводу филологическаго толкованія иностранныхъ словъ, читатели найдутъ здѣсь столько свѣдѣній, сколько необходимо ихъ имѣть для уразумѣнія современныхъ литературныхъ произведеній, помѣщаемыхъ въ журналахъ и газетахъ». «Словарь» былъ «всепреданнѣйше» посвященъ издателемъ Н. Кириловымъ великому князю Михаилу Павловичу, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній. Первый выпускъ былъ составленъ очень осторожно, а нѣкоторыя статьи, какъ, напримѣръ, объ аристократіи [2]) и конституціи [3]), могли показаться администраціи

въ пруду въ окрестностяхъ Петербурга. См. интересную статью о немъ К. К. Арсеньева въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г. № 4 (на стр. 810—811, тутъ есть указаніе на отраженіе въ рецензіяхъ В. Майкова его отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву). В. С.

[1]) Липранди свидѣтельствуетъ, что книга эта, „подъ именемъ Кирилова“, была издана Петрашевскимъ („Русская Старина“ 1872 г., т. VI, 73). Не слѣдуетъ думать, что Кириловъ былъ лишь псевдонимомъ Петрашевскаго; такое лицо дѣйствительно существовало, но словарь былъ составленъ Петрашевскимъ и его кружкомъ.

[2]) Здѣсь авторъ указываетъ на то, что „по смыслу нашихъ законовъ, кровь и богатство ничего не значатъ на службѣ въ сравненіи съ познаніями и способностями“ и съ удовольствіемъ заявляетъ, что „въ этомъ отношеніи мы, русскіе, можемъ гордиться предъ англичанами, народомъ, который почитаетъ себя достигшимъ совершенства въ своей государственной организаціи“.

[3]) „На практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе“, говоритъ здѣсь между прочимъ авторъ: „есть не что иное, какъ аристократія богатства... Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ собственности, а въ личности, и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію! Двѣсти тысячъ богатыхъ, управляющихъ 33-мя милліонами бѣдныхъ и нищихъ,—то же самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые

даже весьма благонамѣренными. Отрицательное отношеніе составителей «Словаря» къ конституціи вызывалось тѣмъ, что для нихъ на первомъ мѣстѣ стояли вопросы не политическаго устройства, а задачи экономическія и соціальныя, и подкрѣплялось еще отсутствіемъ въ то время въ западной Европѣ всеобщей подачи голосовъ. Одинъ изъ петрашевцевъ свидѣтельствуетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, что онъ, «какъ убѣжденный послѣдователь Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался вовсе и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ» [1]).

Во второмъ выпускѣ «Словаря», вышедшемъ въ 1846 году и доведенномъ до буквы О, гораздо яснѣе раскрывались взгляды его составителей: тутъ уже прямо дѣлались ссылки на сочиненія Овена, Сенъ-Симона, Базара и Анфантена, Фурье, Кабе, Прудона и проводились взгляды, заимствованные изъ ихъ сочиненій. Укажемъ для примѣра на нѣкоторыя мѣста. Въ статьѣ «Нормальное состояніе» авторъ говоритъ, что «нормально развитымъ или благоустроеннымъ обществомъ... будетъ то, которое доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ [2]) и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу безъ самозакланія личности». Въ статьѣ «Новаторство» сказано, что «примѣромъ смѣлаго новаторства въ бытѣ общественномъ могутъ служить системы Овена, Сенъ-Симона, Фурье». Въ статьѣ «Овенизмъ» сжато излагается ученіе Овена, и указано, между прочимъ, на отрицаніе имъ «исключительно частной собственности» и требованіе, чтобы орудія производства составляли общее достояніе. Подъ словомъ «органическая эпоха» излагаются нѣкоторыя черты сенъ-симонизма. Статья «Оракулъ» заключается слѣдующими словами: «ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ всѣмъ возможнымъ пифіямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ, и въ противоположность тому являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя

утопали въ нѣгѣ и роскоши, попирая личность милліоновъ людей, оффиціально называвшихся вещами". (Въ выноскѣ пояснено: „здѣсь разумѣются рабы").

[1]) Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 86.

[2]) Разрядка автора.

основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлью водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности [1]), съ каждымъ днемъ привлекало себѣ новыхъ сподвижниковъ... Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія». Въ статьѣ «Организація производства» особенно рекомендуются сочиненія Фурье и указываются нѣкоторыя черты его ученія, болѣе подробное изложеніе котораго предполагалось сдѣлать подъ словомъ «фурьеризмъ».

Люди, проникнутые соціалистическими взглядами, разумѣется, не могли быть защитниками крѣпостнаго права, но въ первыхъ двухъ выпускахъ «Словаря» составителямъ его рѣдко представлялся случай (а быть можетъ они не имѣли къ тому и возможности) выразить свое отвращеніе къ рабству: оно затронуто лишь въ статьяхъ «Негрофилъ» и «Негры». Статья «Негрофилъ» начинается такимъ образомъ: «Такъ называютъ благородныхъ поборниковъ правды, принимающихъ живое, дѣятельное участіе въ судьбѣ несчастнаго племени негровъ... и доблестныя усилія которыхъ, въ новѣйшее время, увѣнчались успѣхомъ. По важности современнаго политическаго вопроса о торговлѣ неграми и уничтоженіи невольничества, мы считаемъ не излишнимъ изложить его съ нѣкоторою подробностью». Авторъ приводитъ слова папы Льва X, который «объявилъ невольничество противнымъ какъ христіанской религіи, такъ и человѣческой природѣ», и указываетъ на протесты противъ торговли неграми въ сочиненіяхъ различныхъ писателей и ученыхъ, а затѣмъ и на запрещеніе ея правительствами европейскихъ государствъ. Покончивъ съ вопросомъ о торговлѣ неграми, авторъ переходитъ къ ихъ эмансипаціи и уничтоженію невольничества. «Идея, разъ пробужденная», говоритъ онъ, «не успаетъ, а идетъ дальше: такъ, по прекращеніи торговли негровъ (sic) негрофилы начали стремиться къ уничтоженію невольничества, начали представлять, что негры, рожденные въ колоніяхъ, не менѣе заслуживаютъ состраданія, какъ и тѣ, которые живутъ въ Африкѣ, что слѣдовательно, уничтоживъ торгъ неграми въ Африкѣ, тѣмъ болѣе надобно уничтожить его на рынкахъ колоніальныхъ городовъ». Далѣе авторъ указываетъ на то, что въ 1824 г. въ Англіи былъ принятъ билль, которымъ, между прочимъ, смягчена и опредѣлена мѣра наказаній для рабовъ и указаны случаи, когда эти наказанія допускаются, запрещено запирать негровъ на ночь и тѣмъ болѣе заковывать ихъ въ цѣпи, запрещено при продажѣ разлучать членовъ семейства другъ съ другомъ, признано

[1]) Разрядка, какъ здѣсь, такъ и ниже, принадлежитъ авторамъ „Словаря“.

за неграми право безусловной собственности—движимой и недвижимой и они допущены къ свидѣтельству на судѣ противъ своихъ владѣльцевъ. Наконецъ, актомъ парламента въ 1833 г. рабство негровъ было окончательно уничтожено во всѣхъ американскихъ и африканскихъ колоніяхъ англичанъ, при чемъ рабовладѣльцы должны были получить вознагражденіе въ 20 мил. стерл.». Въ заключеніе авторъ защищаетъ «разумность и святость уничтоженія подобнаго рабства и угнетенія». Въ статьѣ «Національное собраніе» авторъ, конечно, не забываетъ упомянуть объ уничтоженіи въ началѣ французской революціи «рабства (l'abolition de la qualité de serf)» и «феодальныхъ судовъ (l'abolition des juridictions seigneuriales)». Само собою разумѣется, что этими указаніями авторъ вездѣ желаетъ намекнуть на необходимость уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія крѣпостнаго права въ Россіи.

Составители словаря предполагали не только закончить его, но и снабдить еще многими добавленіями; однако, имъ не удалось осуществить эти намѣренія: «Карманный словарь», по распоряженію цензурнаго комитета, былъ отобранъ изъ лавокъ, при чемъ, однако, къ великому сожалѣнію Ив. Липранди, автора извѣстной записки о петрашевцахъ, «издатель остался безъ всякаго за то преслѣдованія, не спрошено было даже и о лицахъ, доставлявшихъ статьи», хотя, казалось бы, трудно было преслѣдовать за изданіе книги, вышедшей въ свѣтъ съ дозволенія цензуры.

Видя невозможность проводить свои взгляды въ печати, Петрашевскій [1]) попробовалъ прибѣгнуть къ иному способу. Въ мартѣ 1848 г. онъ роздалъ петербургскимъ дворянамъ во время губернскихъ выборовъ болѣе 200 экземпляровъ литографированной записки «о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній», «косвенно содѣйствующихъ», по мнѣнію ея автора, «освобожденію крестьянъ». Содержаніе ея, какъ и вообще подробности относительно взглядовъ Петрашевскаго на крестьянскій вопросъ, къ сожалѣнію, почти совершенно неизвѣстны. Въ докладѣ слѣдственной коммиссіи, учрежденной по дѣлу Петрашевскаго, сказано объ этой запискѣ, что авторъ ея выходитъ «совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ. Напримѣръ, Петрашевскій полагаетъ гибельнымъ для общественнаго благосостоянія вообще предоставленіе права владѣнія населенными землями одному только классу исключительно, желаетъ введенія у насъ нѣкоторыхъ правилъ, существующихъ въ Пруссіи, Польшѣ и Франціи, пишетъ, что мѣры эти дадутъ

[1]) Онъ служилъ въ то время въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ. В. С.

возможность крестьянамъ быть обязанными своему труду и благоразумію, а не странному пожертвованію другихъ,—своимъ освобожденіемъ, что нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна, какъ благонадежное средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы. Онъ хочетъ улучшенія формъ судопроизводства и надзора за административными и исполнительными властями, полагая, что всѣ сіи мѣры развиваютъ нравственныя и матеріальныя силы въ народѣ, находящемся понынѣ въ дремотномъ состояніи, и проч.» Петербургскій губернскій предводитель дворянства Потемкинъ сказалъ Петрашевскому, что государю императору «благоугодно, дабы о семъ предметѣ не было разсужденія», и Петрашевскій своей записки нигдѣ не читалъ. Для уясненія взглядовъ Петрашевскаго на крестьянскій вопросъ мы имѣемъ еще лишь слѣдующія указанія.

Въ одномъ письмѣ къ пріятелю, упомянувъ о томъ, что кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ привезъ въ Петербургъ извѣстія «будто бы въ смежныхъ съ Галиціей губерніяхъ» Россіи крѣпостные «весьма расположены вырѣзать помѣщиковъ», и что «эти извѣстія имѣли свое вліяніе на возобновленіе общаго вниманія къ эмансипаціи крестьянъ». Петрашевскій продолжаетъ: «мнѣ кажется, что этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразованія судоустройства и судопроизводства, т. е. безъ введенія de la publicité de procédure avec le jury». Мы знаемъ также, что одному изъ членовъ кружка петрашевцевъ, а именно Кайданову, жившему въ Ростовѣ, проэктъ Петрашевскаго, желавшаго, очевидно, распространить его и между провинціальными дворянами, совершено не понравился. Въ декабрѣ 1848 г. онъ писалъ брату въ Петербургъ: «получилъ я письмо Петрашевскаго; но едва-ли могу быть полезнымъ: во первыхъ, потому что крестьяне Ростовскаго уѣзда принадлежатъ по бо́льшей части Панину, Шереметеву, Орлову и другимъ богачамъ, живущимъ въ Петербургѣ, а въ Ростовѣ живутъ только четыре раззорившіеся помѣщика, и то такіе, съ которыми можно еще играть въ карты, но никакъ не говорить о какомъ нибудь дѣлѣ; во вторыхъ, потому что я не могу проповѣдывать то, чему самъ не сильно сочувствую, а я не могу сочувствовать его проэкту, какъ и всему тому, что ведетъ къ меркантильному феодализму и финансовой аристократіи; да къ тому же я не помѣщикъ, меня нисколько не интересуетъ возвышеніе цѣнности населенныхъ имѣній; пусть цѣны на имѣнія падаютъ все ниже и ниже и даютъ государству возможность пріобрѣтать эти имѣнія отъ помѣщиковъ».

Итакъ Петрашевскій въ своей запискѣ высказывался за предостав-

леніе права владѣть населенными имѣніями лицамъ, не принадлежащимъ къ дворянству, но по всей вѣроятности не иначе, какъ подъ условіемъ введенія въ этихъ вотчинахъ извѣстныхъ ограниченій помѣщичьей власти. Чтобы облегчить проведеніе подобной мѣры, онъ, вѣроятно, и указывалъ дворянству на то, что увеличеніе количества помѣщиковъ увеличитъ цѣнность населенныхъ имѣній. Само собою разумѣется, что этимъ не ограничивались его пожеланія относительно крестьянскаго вопроса; онъ, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидалъ совершеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, но думалъ, что этой мѣрѣ должно предшествовать преобразованіе нашего обветшалаго судопроизводства: введеніе гласности и суда присяжныхъ.

Если записку Петрашевскаго не одобрили нѣкоторые изъ членовъ его кружка, то еще менѣе понравилась она министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ. «Въ началѣ марта 1848 г. разнесся слухъ», разсказываетъ Ив. Липранди, «что Петрашевскій роздалъ многимъ какую-то литографированную записку вреднаго или, по крайней мѣрѣ, сомнительнаго содержанія.. Получивъ приказаніе... министра внутреннихъ дѣлъ—стараться достать экземпляръ этой записки, я не встрѣтилъ къ тому большаго затрудненія, такъ какъ записка эта была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Содержаніе записки не могло не обратить вниманіе г. министра, и она тотчасъ же была препровождена къ шефу жандармовъ, который равномѣрно усмотрѣлъ важность ея содержанія, и оба они замѣтили, что это должно быть плодомъ тайнаго, обдуманнаго предначертанія. Тогда только по взаимному соглашенію ихъ сіятельствъ (гр. Л. А. Перовскаго и гр. А. Ѳ. Орлова), возложено было на меня собрать свѣдѣнія о Петрашевскомъ. И тутъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, ибо оказалось, что всѣ благомыслящіе знали Петрашевскаго за вольнодумца въ полномъ значеніи этого слова».

Цѣлый годъ продолжалась негласная работа Липранди, которому удалось, наконецъ, ввести на собранія Петрашевскаго своего агента по фамиліи Антонелли. Кромѣ Петрашевскаго, собранія въ это время и ранѣе бывали еще у литератора А. Н. Плещеева, у Нагорнаго или Европеуса, у Кузьмина и Бѣлецкаго, у поручика Пальма, литератора Дурова и Пальма, жившихъ вмѣстѣ, у поручика Момбелли и у чиновника азіатскаго департамента Кашкина. Люди, сочувствующіе взглядамъ кружка Петрашевскаго, были и въ провинціи, гдѣ они и распространяли по возможности ученіе, которое сами исповѣдывали: таковы были Кузьминъ въ Тамбовѣ, Кайдановъ въ Ростовѣ, отставной подпоручикъ Черносвитовъ въ Сибири, тит. совѣт. Тимковскій въ Ревелѣ. Кайдановъ въ письмахъ говоритъ о

своей «паствѣ», для которой переводитъ на русскій языкъ сочиненія Бидермана о соціализмѣ; онъ выписываетъ и читаетъ Консидерана, Фурье, Прудона, Луи-Блана, Сенъ-Симона, Кабе; пишетъ, что «совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre Maître».

Въ Петербургѣ собранія у Петрашевскаго и людей съ нимъ единомышленныхъ посѣщали литераторы, офицеры, чиновники, учителя, студенты, художники и даже купцы и мѣщане [1]). Тутъ очень много толковали объ ученіи Фурье и другихъ соціальныхъ теоріяхъ того времени, но въ примѣненіи къ русской дѣйствительности все сводилось къ «тремъ главнымъ вопросамъ», т. е. къ горячему протесту противъ цензуры, негласнаго суда и крѣпостнаго права, другими словами: къ требованію освобожденія крестьянъ, свободы книгопечатанія и преобразованія судопроизводства. Мы остановимся лишь на тѣхъ свѣдѣніяхъ, къ сожалѣнію, крайне неполныхъ и отрывочныхъ, какія мы имѣемъ о толкахъ и мнѣніяхъ петрашевцевъ относительно крестьянскаго вопроса. На собраніяхъ у Петрашевскаго читались рефераты,—между прочимъ и объ освобожденіи крестьянъ; въ бесѣдахъ по этому предмету, кромѣ самого хозяина, всего болѣе принимали участіе помощникъ инспектора классовъ въ технологическомъ институтѣ и преподаватель въ двухъ корпусахъ Ястржембскій, состоявшій при министерствѣ юстиціи и готовившійся быть учителемъ въ училищѣ правовѣдѣнія Головинскій, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Павелъ Кузьминъ, офицеръ Григорьевъ, литераторъ Ѳ. М. Достоевскій, служившій въ азіатскомъ департаментѣ, кандидатъ спб. университета, Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ и офицеръ Момбелли.

Такъ, по свидѣтельству Липранди, основывающемуся на сообщеніяхъ агента Антонелли, Головинскій «отличался краснорѣчіемъ, дерзостью выраженій и самымъ враждебнымъ духомъ, разбирая три главные вопроса», въ томъ числѣ и уничтоженіе крѣпостнаго права; онъ говорилъ также, что болѣе другихъ «противенъ освобожденію

---

[1]) „Русская Старина“ 1872 г., т. VI, 73—79. Липранди въ своихъ донесеніяхъ насчитывалъ болѣе ста человѣкъ, которые, по его мнѣнію, „должны были“ болѣе или менѣе сочувствовать „обществу“ Петрашевскаго. Въ „запискѣ слѣдственной коммиссіи“ сказано: „въ 1848 году собранія сіи“ (у Петрашевскаго) „были немногочисленны, но съ этого года они начали увеличиваться, именно отъ 10, 15 и до 30 человѣкъ; число лицъ, посѣщавшихъ разновременно эти собранія, было далеко значительнѣе, потому что гости мѣнялись съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ; одни оставляли Петрашевскаго также легко, какъ другіе съ нимъ знакомились“. В. С.

крестьянъ гр. Панинъ», и, между прочимъ, заявилъ на одномъ изъ собраній у Петрашевскаго, что «въ слѣдующія двѣ пятницы предполагаетъ сказать о законной возможности крестьянъ требовать освобожденія». Во время слѣдствія двое изъ членовъ кружка Петрашевскаго, Филипповъ и Григорьевъ, показали, что Головинскій доказывалъ возможность освободить крѣпостныхъ «безъ содѣйствія и воли правительства, чрезъ возстаніе ихъ самихъ», такъ какъ крестьянамъ «не трудно внушить, до какой степени противуестественны ихъ отношенія къ помѣщикамъ», а Пальмъ на слѣдствіи добавилъ, что Головинскій, «говоря очень горячо», утверждалъ, что «для освобожденія крестьянъ всѣ мѣры хороши». Но Головинскій, отрицая это, отозвался, что объ уничтоженіи крѣпостнаго права онъ «говорилъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство въ силу самодержавнаго права» [1]). Дм. Дм. Ахшарумовъ доказывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, что «вопросы о судопроизводствѣ и объ освобожденіи крестьянъ должны разрѣшиться въ одинъ и тотъ же день». Ѳ. М. Достоевскій, какъ сказано въ донесеніяхъ Липранди, принималъ участіе въ преніяхъ «о трехъ главныхъ вопросахъ... соглашаясь съ мнѣніемъ Головинскаго» [2]). Однажды, возвращаясь отъ Петрашевскаго, Черносвитовъ спросилъ Спѣшнева: какая, по его мнѣнію, реформа теперь всего полезнѣе въ Россіи. Спѣшневъ отвѣчалъ: «реформа крѣпостнаго состоянія», съ чѣмъ согласился и Черносвитовъ. Другой разъ Петрашевскій, будучи у Черносвитова, спросилъ Спѣшнева: «какіе и гдѣ вы видите способы къ возстанію?»

---

[1]) Въ „запискѣ секретной слѣдственной коммиссіи“ такимъ образомъ изложено показаніе Головинскаго: въ апрѣлѣ 1848 г., на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго, онъ „говорилъ объ освобожденіи крестьянъ въ томъ смыслѣ, что всякое улучшеніе въ администраціи должно начаться съ сравненія крѣпостныхъ съ прочими сословіями, т. е. въ дарованіи имъ гражданскихъ правъ, права собственности и права быть свидѣтелями. Когда же Петрашевскій возразилъ, что правительство скорѣе займется улучшеніемъ судопроизводства, чѣмъ освобожденіемъ крестьянъ, которое повлечетъ за собою гибельное столкновеніе сословій и такой переворотъ, который затруднитъ разрѣшеніе этого вопроса, то онъ, Головинскій, сказалъ, что все это можетъ устраниться временною диктатурою, разумѣя подъ этимъ самодержавіе, которое, охраняя въ обыкновенное время существующія отношенія между сословіями, при необходимости для пользы общественной, въ силу права державнаго, можетъ измѣнить ихъ не постепенно и чрезъ обоюдное согласіе, а рядомъ энергическихъ мѣръ, выходящихъ изъ предѣловъ обыкновенной законности“. Слѣдственная коммиссія замѣтила, что „понятія о диктатурѣ и о самодержавіи совершенно противоположны“.

[2]) На одномъ изъ собраній у Петрашевскаго офицеръ Григорьевъ излагалъ свое мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ. В. С.

Тотъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, всего одинъ вопросъ въ Россіи представитъ поводъ къ народному возстанію, именно крѣпостной вопросъ. Петрашевскій высказался при этомъ вообще противъ бунта и возстаній черни и выразилъ надежду на измѣненіе общественнаго устройства въ духѣ ученія Фурье.

Кружокъ, собиравшійся у Дурова, какъ свидѣтельствуетъ г. А. П. Милюковъ, его посѣщавшій, болѣе всего былъ занятъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ и о томъ, какими путями и когда оно можетъ совершиться. Иные высказывали мнѣніе, что въ виду реакціи, вызванной у насъ европейскими революціями, правительство едва ли приступитъ къ рѣшенію этого дѣла, и что слѣдуетъ ожидать движенія скорѣе снизу, чѣмъ сверху. Другіе, напротивъ, утверждали, что народъ нашъ не пойдетъ по слѣдамъ европейскихъ революціонеровъ и, не вѣруя въ новую Пугачевщину, будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Въ этомъ смыслѣ съ особенною настойчивостью высказывался Ѳ. М. Достоевскій. «Я помню», разсказываетъ А. П. Милюковъ, «какъ однажды, съ обычною своей энергіей, онъ читалъ стихотвореніе Пушкина «Уединеніе». Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ: «Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный» и т. д. «Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ. Однако-же, по свидѣтельству Пальма, когда однажды во время спора былъ поставленъ вопросъ: «ну, а если-бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе, какъ чрезъ возстаніе», то Достоевскій съ обычною горячностью отвѣтилъ: «такъ хотя бы чрезъ возстаніе!» Одно изъ главныхъ преступленій Достоевскаго, по обвинительному акту, состояло въ томъ, что въ мартѣ 1849 г. онъ читалъ полученное изъ Москвы отъ А. Н. Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова и отдалъ его для снятія копіи Момбелли. Въ письмѣ Бѣлинскаго членамъ этихъ кружковъ долженъ былъ нравиться, между прочимъ, и энергическій протестъ противъ крѣпостнаго права. Г. Милюковъ свидѣтельствуетъ, что Ѳ. М. Достоевскій «читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученій была цѣль благородная, онъ, однако-жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ

жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги. Конечно, наши упорные проповѣдники соціализма не соглашались съ нимъ» [1]). Однако-же, по словамъ петрашевца Дебу, и ревностные поклонники Фурье обращали вниманіе на русскую общину, съ которою ихъ познакомилъ Гакстгаузенъ; относительно фаланстеръ онъ подтверждаетъ, что взглядъ Достоевскаго «былъ практичнѣе».

Липранди обвиняетъ нашихъ фурьеристовъ въ томъ, что они стремились распространять свои идеи въ народѣ и для этого «вступали въ разговоръ съ легковыми извощиками во время переѣздовъ и усиливались направить ихъ и ожесточить противъ помѣщиковъ и высшаго правительства»; онъ говоритъ, что свѣдѣнія объ этомъ были получены изъ двухъ источниковъ. Подобное обвиненіе мы встрѣчаемъ въ донесеніи Липранди относительно Ястржембскаго: онъ, по словамъ агента Антонелли, научалъ извощика «не платить господамъ подать, а какъ будутъ требовать, то давать имъ колотушку» и въ заключеніе сказалъ ему: «вотъ видишь, нѣмцы—нехристи, да не берутъ оброка; какъ же православные дерутъ съ васъ, мужиковъ?» На что извощикъ будто бы сказалъ: «хотѣли было ихъ освободить, да (начальство) не захотѣло». Иначе разсказываетъ объ этомъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Ястржембскій: когда на слѣдствіи отъ него требовали признанія въ томъ, что онъ «проповѣдывалъ извощикамъ необходимость убіенія помѣщиковъ, то допрашиваемый пояснилъ, что однажды извощикъ жаловался ему на тяжесть оброка и при этомъ сказалъ: «некому за насъ заступиться: Богъ высоко, царь далеко», онъ-же, Ястржембскій, по привычкѣ своей думать иногда въ слухъ, замѣтилъ: «да, французы, нѣмцы и прочіе нехристи свободны, а русскій православный народъ въ рабствѣ». Случай этотъ онъ потомъ сообщалъ у Петрашевскаго, гдѣ его слышалъ Антонелли и передалъ съ дополненіями и извращеніями.

Въ теченіи года съ небольшимъ Липранди наблюдалъ за кружкомъ Петрашевскаго и, наконецъ, 20-го апрѣля 1849 г. онъ получилъ

---

[1]) Милюковъ. Ѳ. М. Достоевскій (къ его біографіи): „Русская Старина“ изд. 1881 г., т. XXX, стр. 695, 697.

отъ министра внутреннихъ дѣлъ приказаніе передать все дѣло Дубельту, съ четырьмя именными списками лицъ, болѣе или менѣе принадлежавшихъ къ обществу, съ отмѣтками противъ каждаго о степени ихъ участія, для произведенія единовременнаго ареста. 23-го апрѣля, по свидѣтельству Липранди, было «арестовано 33 человѣка (независимо другихъ пяти), которыхъ агентъ мой лично самъ видѣлъ на этихъ собраніяхъ».

Такъ какъ при обыскахъ были найдены нѣкоторые документы, изобличавшіе либеральныя мнѣнія арестованныхъ, то мы укажемъ на тѣ мѣста въ нихъ, которыя прямо относятся къ крестьянскому дѣлу, какъ составляющему предметъ нашего изслѣдованія, не касаясь остальныхъ затронутыхъ тамъ вопросовъ.

Такъ, въ захваченномъ письмѣ А. Н. Плещеева къ Дурову, — первый писалъ изъ Москвы, въ мартѣ 1849 г.: «Дворянство нисколько не негодуетъ на то, что... одинъ изъ ихъ сословія завелъ у себя въ деревнѣ гаремъ и изнасильничалъ одну дѣвушку въ глазахъ ея отца и матери. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Закревскій» (московскій генералъ-губернаторъ) «хорошо поступилъ, хоть и нарушилъ право, т. е. наказалъ безъ суда, непосредственно, отпустивъ тотчасъ же на волю весь гаремъ и отдавъ барина подъ строжайшій надзоръ полиціи. Баринъ этотъ—нѣкто Смирновъ». Найденъ былъ также дневникъ штабсъ-капитана Кузьмина, веденный въ Тамбовѣ (въ іюнѣ 1848 г.); здѣсь объ одномъ весьма вліятельномъ мѣстномъ помѣщикѣ, которому Кузьминъ, по всей вѣроятности, сообщилъ записку Петрашевскаго объ увеличеніи цѣнности дворянскихъ имѣній, было сказано слѣдующее: «С—въ, не смотря на образованность и начитанность современную, имѣетъ довольно дикій и допотопный взглядъ на помѣстное право. Зная неправильность порядка, въ которомъ люди имѣютъ право на личность подобныхъ себѣ, старается доказать, что допущеніе купцовъ къ владѣнію населенными землями [1]) съ тѣмъ, чтобы дѣлать крестьянъ обязанными, и вообще, кромѣ дворянъ, другихъ классовъ, имѣющихъ на то средства и досугъ заниматься» (хозяйствомъ?) «лично, будетъ несправедливо и даже вредно, потому что разстроитъ существующій порядокъ, организацію работъ, вопросъ, занимающій западъ Европы, но у насъ окончательно рѣшенный».

---

[1]) Это, какъ мы видѣли выше, предлагалъ Петрашевскій, и по всей вѣроятности онъ готовъ былъ допустить подобную мѣру именно на томъ условіи, о которомъ упоминаетъ далѣе Кузьминъ, т. е. съ обращеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. В. С.

«Вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго класса», продолжаетъ Кузьминъ, «имѣетъ двѣ человѣческія цѣли: 1) обезпеченіе существованія трудящагося и 2) возможность путемъ труда улучшить свое положеніе и совершенствоваться. Близорукіе помѣщики-эгоисты скажутъ,—у насъ возможно достичь той и другой цѣли; работящій мужикъ не умретъ съ голоду и даже можетъ разбогатѣть, а потомъ выкупить на волю себя съ семействомъ, а потомъ уже вести дѣтей своихъ, какъ пожелаетъ. Не проникнувши глубоко въ этотъ вопросъ, оно кажется и дѣйствительно такъ, но на самомъ дѣлѣ нѣтъ; чѣмъ прилежнѣе мужикъ, тѣмъ болѣе достается и работы на его долю; у мужика есть хлѣбъ въ голодный годъ, хлѣбъ, собранный крохами въ лучшіе годы, политый потомъ, и такой мужикъ естественно не получитъ помощи во время голода; лѣнтяй же и пьяница обезпечивается въ случаѣ неурожая. У лѣнтяя нѣтъ лошади, помѣщикъ—или дай ему лошадь, чтобы тотъ работалъ на барщинѣ и въ домѣ, или даетъ ему другое назначеніе съ обезпеченіемъ содержанія; прилежный мужикъ, собравъ деньжонокъ, хочетъ выкупиться на волю, помѣщикъ требуетъ за это сумму, превосходящую собранный мужикомъ капиталъ; но воля такъ заманчива, что мужикъ входитъ въ долгъ и выкупается. И разъ объявивъ себя не бѣднякомъ, онъ подвергается всѣмъ притѣсненіямъ, которыя во власти помѣщика, чтобы заставить мужика предпочесть свободу въ рубищѣ достатку съ притѣсненіемъ; возражайте на это—я опровергну примѣрами.

«С—въ самъ говоритъ, что его мнѣніе противу настоящаго порядка, что капитальныя выгоды его страдаютъ, — не нравится ему (помѣщику) имѣніе, онъ распродаетъ его по розницѣ: крестьянъ на свозъ, лѣсъ на срубъ, землю особо, и получитъ гораздо болѣе, нежели бы получилъ, продавъ имѣніе цѣлое, какъ было; мало того, купитъ онъ землю въ многоземельной губерніи, напр., въ Саратовской, мужики охотой не идутъ туда (что весьма естественно),—онъ назвалъ его Сибирью, выселилъ туда негодяевъ, и саратовское имѣніе, населенное негодяями, даетъ ему доходу болѣе при 40 душахъ негодныхъ, нежели тамбовское при 150 хорошихъ крестьянахъ. Этотъ взглядъ положителенъ; но онъ же есть взглядъ не человѣческій, не современный и даже не далекъ [1]).

---

[1]) Беклемишевъ въ рукописи, подъ названіемъ „Переписка двухъ помѣщиковъ“, мечтая о преобразованіи общественнаго строя Россіи въ духѣ ученія Фурье, желаетъ „сообщить помѣщиковъ и крестьянъ“; тогда не будетъ болѣе безпорядковъ: „Тогда помѣщики не будутъ болѣе, какъ нынѣ, дрожать ежеминутно за жизнь свою, они будутъ спокойно ложиться спать. Отчего?

Письмо А. Н. Плещеева и дневникъ Кузьмина, хотя изъ нихъ и ясно видно было отрицательное отношеніе обоихъ этихъ лицъ къ крѣпостному праву, что съ точки зрѣнія тогдашней администраціи было вовсе не дозволительно, все-таки могли гораздо менѣе скомпрометтировать ихъ авторовъ, чѣмъ объясненія десяти заповѣдей, найденныя въ бумагахъ студента Филиппова. Въ объясненіи 4-й заповѣди сказано: «Видали мы господъ, что, почитай, цѣлую недѣлю гоняютъ бѣдныхъ крестьянъ на барщину. Прійдетъ праздникъ Господень, и радъ бы мужикъ справить его по христіански, да глядишь: то сѣно не убрано, то хлѣбъ пора жать, то дровъ навозить, а дома и холодно, и голодно. Какъ быть? Ништо станешь дѣлать! пошелъ мужикъ на работу, и праздникъ ему не праздникъ. А кто причина, что мужикъ не справляетъ праздника Божія? Господинъ. Тяжкій отвѣтъ дастъ онъ Богу на судѣ страшномъ, что ввелъ мужика въ соблазнъ». Къ преступленіямъ противъ шестой заповѣди авторъ причисляетъ обиду ближняго и притѣсненія со стороны помѣщиковъ, требуя при этомъ отъ крѣпостныхъ протеста противъ гнета, который они терпятъ: «Какъ же, забывая слово Божіе, начальники и господа слова не вымолвятъ съ нашимъ братомъ мужикомъ безъ брани?.. Дадимъ отвѣтъ и мы, что попустили ихъ обижать нашихъ братій; пора унять беззаконниковъ, да перестанутъ гнѣвить Господа Бога, ибо коли не уймешь ихъ, гнѣвъ Господень падетъ на всѣхъ насъ. Мало того, чтобъ не убивать человѣка, надо и не обижать ближняго... Нарушающій слово Божіе смертью да умретъ. Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію и что принимаютъ наказаніе какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники, а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника?» По поводу седьмой заповѣди сказано: «Бракъ по назначенію помѣщика—прелюбодѣяніе и еще бо̀льшій грѣхъ и для помѣщика, и для жениха съ невѣстой». На допросѣ Филипповъ показалъ, что «хотя толкованіе десяти заповѣдей написано имъ съ цѣлью распространять ложныя мысли о божественномъ писаніи, но онъ никому этого сочиненія не показывалъ». И дѣйствительно, мѣстами оно болѣе напоминаетъ предварительный черновой набросокъ: такъ, послѣ

Оттого, что не будетъ больше рабовъ, порою потрясающихъ самое твердое иго, не будетъ болѣе нищихъ въ вѣчной борьбѣ съ обществомъ, отказывающимъ имъ въ насущномъ хлѣбѣ, не будетъ пролетаріевъ, не будетъ отверженцевъ".

вышеприведенныхъ словъ по поводу седьмой заповѣди, въ скобкахъ прибавлено: «объ насилованіи, кстати и объ насилованіи помѣщиковъ», что очевидно представляетъ простую замѣтку для памяти, мысль, которую нужно было со временемъ развить [1]). Въ составленной поручикомъ Григорьевымъ статьѣ «Солдатская Бесѣда», предназначавшейся, очевидно, для чтенія солдатъ, авторъ влагаетъ въ уста обнищавшаго отставнаго служиваго воспоминаніе о комъ, какъ развратничалъ ихъ баринъ-нѣмецъ, какъ угощалъ своихъ гостей невинными крестьянскими дѣвушками, какъ никакія жалобы начальству не помогали, какъ, наконецъ, онъ избилъ барина за изнасилованіе своей сестры, и за это ему забрили лобъ.

Нѣкоторые изъ петрашевцевъ и на допросахъ заявляли о своемъ отрицательномъ отношеніи къ крѣпостному праву: такъ, отставной поручикъ Черносвитовъ сказалъ, что «считаетъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ, особенно освободить крестьянъ». Ханыковъ заявилъ слѣдственной коммиссіи, что онъ признаетъ насущными потребностями Россіи «свободное книгопечатаніе, публичное судопроизводство и освобожденіе крестьянъ». Петрашевскій сказалъ слѣдственной коммиссіи, что онъ готовъ указать «способы и множество мѣръ, которыя могутъ содѣйствовать къ разрѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ, этого труднѣйшаго и щекотливѣйшаго изъ вопросовъ нашего общественнаго быта».

Въ докладѣ генералъ-аудиторіата, конфирмованномъ 19-го апрѣля 1849 г., о системахъ «соціальныхъ и коммунистскихъ» и въ томъ числѣ о системѣ Фурье, было сказано, что подсудимые, примѣняя эти ученія къ Россіи, имѣли, между прочимъ, въ виду уничтоженіе «права собственности общественнымъ способомъ чрезъ соединеніе помѣщиковъ и крестьянъ въ одну общину» [2]).

---

[1]) Въ лекціяхъ законовѣдѣнія (неизвѣстно чьихъ), найденныхъ у поручика Пальма, Липранди обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто, гдѣ опровергалось мнѣніе Аристотеля о невозможности равенства: „Люди по природѣ всѣ равны, а слѣдовательно и рабства быть не должно. Несправедливость рабства можно доказать и исторически, потому что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ“. Продолжая далѣе разсуждать о причинахъ неравенства, авторъ видитъ одну изъ нихъ въ „феодальномъ и крѣпостномъ владѣніи“. „Русская Старина“, т. VI, 82.

[2]) Тутъ, очевидно, имѣется въ виду рукопись Беклемишева. Липранди въ мнѣніи, поданномъ имъ въ слѣдственную коммиссію, пытался даже связать усиленіе крестьянскихъ волненій и убійствъ помѣщиковъ съ пропагандою петрашевцевъ. „Русская Старина“, т. VI, 78—79. **В. С.**

Приговоръ по дѣлу Петрашевскаго извѣстенъ. Замѣтимъ только, что Головинскій, опредѣленный рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны, былъ наказанъ только за «либеральные разговоры на собраніи у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства» [1]).

В. И. Семевскій.

---

[1]) Достойно вниманія, что возвращенные императоромъ Александромъ II изъ ссылки участники въ дѣлѣ Петрашевскаго сослужили добрую службу государю и отечеству въ крестьянскомъ дѣлѣ. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ, и особенно Спѣшневъ былъ усерднымъ, честнымъ и энергическимъ мировымъ посредникомъ въ Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, мировымъ посредникомъ—доброй памяти перваго призыва. Спѣшневъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ. М. В. Петрашевскій умеръ поселенцемъ въ г. Минусинскѣ, 7-го декабря 1867 г. Ред.

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ [1]).

CVI. ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ I.

Если поэтъ и ваятель не стѣсняются придавать изображаемымъ ими предметамъ пріятную форму и легко обходятъ или едва лишь касаются недостатковъ, чтобъ искусствомъ своего изображенія произвесть наиболѣе пріятное впечатлѣніе, то историкъ не можетъ позволить себѣ такія вольности. Истина—первый и нерушимый законъ историка.

Фамилія Зубовыхъ принадлежитъ къ старому дворянскому роду, который лишь въ концѣ царствованія Екатерины II достигъ нѣкотораго значенія. Зубовъ-отецъ былъ вицегубернаторомъ въ провинціи и при этомъ управлялъ сосѣдними имѣніями генералъ-аншефа Николая Ивановича Салтыкова [2]). Зубовъ имѣлъ значительныя помѣстья; его доходъ опредѣляли въ 20,000 рублей. Благодаря счастью своихъ сыновей, онъ также повысился. Онъ былъ даже генералъ-прокуроромъ сената и тайнымъ совѣтникомъ, но не могъ удержаться. Быть можетъ, онъ былъ уменъ, но несомнѣнно золъ. Его обвиняли, что онъ, прикрываясь авторитетомъ императрицы, дѣлалъ несправедливости и обманы. Проступокъ, имъ совершенный, былъ, должно быть,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. L, апрѣль, стр. 1—180; т. LI, іюль, стр. 1—20.; т. LII, октябрь, стр. 1—24; изд. 1887 г., т. LIII, февраль, стр. 299—328; мартъ, стр. 533—550; т. LIV, апрѣль, стр. 35—46; т. LVI, октябрь, стр. 1—30.

[2]) Салтыковъ былъ воспитателемъ обоихъ великихъ князей, Александра и Константина, президентомъ военной коллегіи, кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ и теперь фельдмаршалъ. Впрочемъ, многія его заслуги весьма сомнительны.

очень великъ, если могли осмѣлиться крики о немъ довести до слуха императрицы, которая была вынуждена уволить отца избранника и даже удалить его отъ двора. Мы слышали, что онъ умеръ прежде императрицы. Жена его была статсъ-дамою государыни. Отъ этого брака произошли четыре сына—Николай, Платонъ, Валерьянъ и Дмитрій—и одна дочь. Отецъ далъ сыновьямъ лишь обыкновенное, но не совсѣмъ ужъ дурное образованіе. Главная ихъ наука состояла въ довольно поверхностномъ знаніи французскаго языка. Онъ отвезъ всѣхъ четырехъ сыновей въ Петербургъ, гдѣ, при помощи генерала Салтыкова, они тотчасъ же были опредѣлены офицерами въ различные гвардейскіе полки. О трехъ старшихъ сыновьяхъ говорится въ особыхъ статьяхъ. Изъ всѣхъ братьевъ, Дмитрій—самый незначительный во всѣхъ отношеніяхъ и, вѣроятно, именно поэтому самый лучшій. Его сдѣлали камергеромъ и дали ему въ жены княжну Вяземскую [1]), дочь тогдашняго генералъ-прокурора. Онъ имѣлъ несчастіе быть тугимъ на ухо. Сестра Зубовыхъ давно уже стала извѣстна своею (свободною) жизнью. Ея мужемъ былъ Жеребцовъ, камергеръ. Она имѣла одного сына, который былъ уже камеръ-юнкеромъ. Онъ былъ посланъ въ Берлинъ съ извѣстіемъ о смерти Павла I. . . . . При этомъ его очень дурно дрессировали (онъ былъ чрезвычайно болтливъ). Его мать была тогда также въ Германіи. Она имѣла осторожность выѣхать изъ Петербурга еще до смерти императора.

Платонъ Зубовъ, второй изъ всѣхъ братьевъ, былъ офицеромъ въ конной гвардіи и, въ день паденія Мамонова, занималъ караулъ въ Царскомъ Селѣ. Ему было тогда 22 года. . . . . Салтыковъ былъ друженъ съ отцомъ его. Если ему удастся составить счастіе молодаго человѣка, онъ могъ разсчитывать на его благодарность и на свое вліяніе на дѣла. Платонъ Зубовъ явился. Его внѣшній видъ былъ также мало представителенъ, какъ и его способности. Если-бъ представился выборъ, онъ никогда не былъ бы избранъ; но такъ какъ хотѣли показать Мамонову, что въ адъютантахъ нѣтъ недостатка, то онъ сталъ избранникомъ. До сихъ поръ многіе избранники носили имя Александра. Теперь явился маленькій, слабенькій на видъ, человѣкъ, носившій ничего не значущее для избранника имя великаго Платона. Въ первый же вечеръ немилости Мамонова, Зубовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ императрицы и полковникомъ, и получилъ чрезъ

---

[1]) Графъ Дмитрій Александровичъ Зубовъ († 1836) былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской († 1835 г.). В. Б.

Салтыкова приказаніе сопровождать государыню и нѣсколькихъ придворныхъ лицъ въ прогулкѣ по водѣ . . . . . Впрочемъ, вначалѣ не было причины радоваться такому избранію. Бесѣда Зубова не была ни жива, ни остра и, вслѣдствіе своей юности, онъ дѣлалъ промахи, свойственные лишь людямъ, еще не окончившимъ своего образованія. Онъ чувствовалъ непристойность своего поведенія, бросилъ ее и сталъ, наконецъ, весьма любезенъ въ обществѣ (не считая даже престижа, который всегда является въ столь особенномъ санѣ). Зубовъ много трудился надъ пріобрѣтеніемъ научныхъ познаній, и трудился съ успѣхомъ. Любимою его склонностію была музыка. Онъ съ жаромъ изучалъ ее и достигъ большаго искусства въ игрѣ на скрипкѣ. Онъ тѣмъ удобнѣе могъ предаваться занятіямъ, что велъ при дворѣ такую тихую жизнь, какую только позволялъ придворный шумъ. Это онъ сдѣлалъ по совѣту Салтыкова, своего «бывшаго» защитника, такъ какъ теперь онъ не нуждался уже въ защитникѣ. Его менторъ предостерегалъ его отъ всякихъ связей, которыя такъ легко могутъ имѣть видъ интригъ, и давалъ ему тѣ правила, слѣдованіе которымъ могло ему пригодиться для укрѣпленія своего значенія, но которыя не были, конечно, наилучшими для блага человѣчества. Вслѣдствіе этихъ наставленій, Зубовъ постановилъ себѣ правила, которыя для него стали закономъ: никогда не имѣть желанія, которое не совпадало бы съ мнѣніемъ императрицы; всегда льстить капризамъ императрицы и ея главнымъ страстямъ, съ которыми Салтыковъ бѣгло ознакомилъ его, и, наконецъ, смиряться предъ княземъ Потемкинымъ и противиться ему не прежде, чѣмъ когда онъ будетъ настолько крѣпокъ, чтобъ князь не могъ уже его свергнуть. Зубовъ точно слѣдовалъ этимъ правиламъ и былъ весьма счастливъ, по крайней мѣрѣ относительно внѣшняго блеска . . . . . Платонъ Зубовъ былъ посвященъ во всѣ внѣшнія, внутреннія и военныя дѣла русскаго двора; вскорѣ же онъ достигъ такого значенія, что сталъ главнымъ двигателемъ русской государственной машины. Наконецъ, одинъ только его голосъ сталъ рѣшающимъ въ совѣтѣ императрицы. Въ нашъ планъ не входитъ разсказъ всѣхъ замѣчательныхъ событій его жизни до смерти Екатерины. Его исторія такъ тѣсно сплелась съ лѣтописями послѣднихъ семи лѣтъ царствованія Екатерины, что читая одно, необходимо читаешь и другое.

Замѣчательнѣйшія политическія событія того времени, когда Зубовъ имѣлъ наибольшее вліяніе при дворѣ, были, приблизительно, слѣдующія: шведская война, которой онъ, по совѣту Салтыкова,

противился; верельскій миръ съ этою державою, которому онъ, по тому же побужденію, содѣйствовалъ; война съ Турціею, которую онъ, по указанію Салтыкова же, порицалъ и тѣмъ разошелся съ Потемкинымъ; смерть Іосифа II; несостоявшійся конгресъ въ Систовѣ; смерть Потемкина, который былъ открытымъ врагомъ Зубова и могущество котораго разбивалось о высокое значеніе этого избранника, какъ о камень, не производя никакого дѣйствія; Ясскій миръ съ Портою, на заключеніи котораго онъ настаивалъ; революція и происшедшія изъ нея возстанія въ Польшѣ; второй раздѣлъ Польши, который онъ и Марковъ позорнѣйшимъ образомъ подготовили и совершили; убійство Густава III; смерть Леопольда II; пріемъ графа д'Артуа и французскихъ эмигрантовъ; торговыя мѣры противъ Франціи . . и, наконецъ, неудавшійся планъ брака Густава Адольфа II съ великою княгинею Александрою Павловною, въ чемъ Зубовъ, равнымъ образомъ, принималъ большое участіе.

Екатерина умерла среди хлопотъ объ этомъ бракѣ. Исторія не можетъ дать ей болѣе подходящаго титула, какъ Екатерина Счастливая. Этотъ проектъ брака былъ, можетъ быть, единственный проектъ въ ея жизни, въ которомъ ей не посчастливилось. Несомнѣнно, что ее свело въ могилу горе по поводу этого злополучія, которое такимъ оскорбительнымъ образомъ компрометировало ее въ глазахъ всего свѣта и заставляло отказаться отъ излюбленной ею идеи.

Зубовъ поспѣшилъ извѣстить великаго князя о смертельной болѣзни его матери, но его услужливость была уже позднею; Безбородко упредилъ его.

Когда императрица умерла, Зубовъ былъ нѣмецкій имперскій князь, носилъ портретъ государыни, былъ генералъ-фельдцейгмейстеръ, генералъ-адъютантъ, генералъ-губернаторъ Екатеринослава и Таврриды, сенаторъ, шефъ кавалергардовъ и кавалеръ орденовъ св. Андрея, св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Чернаго Орла и св. Анны.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

По смерти императрицы, которая окончила жизнь страшнымъ крикомъ, Зубовъ представился молодому монарху, который утвердилъ его во всѣхъ должностяхъ и, обнимая, милостиво сказалъ ему: «l'ami de ma mère sera toujours le mien». Въ началѣ, дѣйствительно, казалось, что это вовсе не пустыя слова. Зубовъ былъ каждодневнымъ собесѣдникомъ государя.

Къ этому времени относится анекдотъ, который, быть можетъ,

немногимъ читателямъ извѣстенъ. Первое лѣто своего царствованія Павелъ проводилъ въ своемъ загородномъ дворцѣ, въ Павловскѣ, съ своею супругою, дѣтьми и небольшимъ числомъ друзей, къ которымъ принадлежалъ и Платонъ Зубовъ. Императоръ имѣлъ при себѣ большой отрядъ гвардіи, болѣе тысячи человѣкъ, которыхъ онъ весь день обучалъ, и чтобъ испытать ихъ бодрость и военную выправку, будилъ ихъ по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй готовыми къ походу. Въ этихъ случаяхъ онъ самъ вставалъ, одѣвался, шелъ на дворцовый дворъ и въ казармы, чтобъ трубить тревогу и судить о готовности войскъ. Впрочемъ, тамъ, въ своей семьѣ, императоръ жилъ совсѣмъ по домашнему. По вечерамъ онъ обыкновенно очень рано отпускалъ дворъ. Затѣмъ отправлялся съ супругою и немногими довѣренными лицами въ императорскую спальню и проводилъ еще нѣсколько часовъ въ дружеской бесѣдѣ. Однажды, вечеромъ, часовъ уже въ 11, гвардейцы услышали звукъ, похожій на тревогу, котораго въ императорскомъ дворцѣ вовсе не слышали. Въ одну минуту войска были готовы и появились на дворцовомъ плацу, чтобъ принять приказанія императора. Они дивились, не видя императора, но терпѣливо ожидали его. Между тѣмъ прибытіе войскъ сопровождалось шумомъ, который произвелъ во дворцѣ удивленіе . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Наконецъ, пришло на мысль разузнать, чѣмъ было вызвано это странное происшествіе. Причина его оказалась слѣдующая: за нѣсколько дней до этого происшествія, императоръ, охотно все германизировавшій, приказалъ, чтобы почтальонамъ были выданы нѣмецкіе рожки, которыми они должны были оповѣщать о времени своего прибытія. Приказъ этотъ не былъ еще всѣмъ извѣстенъ. Между тѣмъ, одинъ изъ почтальоновъ, снабженный уже рожкомъ, привезъ кого-то съ экстреннымъ мальпостомъ изъ Петербурга въ Павловскъ и сталъ трубить по всему городку и у гвардейскихъ казармъ. Гвардейцы приняли рожокъ за тревогу и — произошло то, что мы сообщили выше. Теперь всѣ улеглись спать . . . . . .

Неизвѣстно почему, но скоро императоръ лишилъ Зубова своей милости. Вмѣсто нея появилось рѣшительное неблаговоленіе императора. Поводомъ къ этому послужилъ недостатокъ 18,000 рублей въ артиллерійской кассѣ, которою завѣдывалъ Зубовъ, какъ фельдцейхмейстеръ. Императоръ приказалъ тотчасъ же наложить запрещеніе на всѣ имѣнія Зубова, но еще прежде, чѣмъ успѣли исполнить это приказаніе, Зубовъ уплатилъ недостающую сумму. Тѣмъ не менѣе,

Зубовъ лишился тогда всѣхъ своихъ должностей и съ нимъ обходились отнынѣ какъ съ отставнымъ генералъ-аншефомъ.

Этотъ случай сдѣлалъ, однако, Зубова болѣе осторожнымъ. Онъ нашелъ болѣе благоразумнымъ держаться внѣ сферы молніи, такъ легко поражающей. Въ этихъ видахъ онъ просилъ позволенія отправиться въ путешествіе и получилъ отпускъ съ такою легкостью и въ такихъ выраженіяхъ, что это путешествіе можно было принять за изгнаніе. Онъ пріѣхалъ въ Германію и всѣ, знавшіе его въ Россіи, видѣли теперь передъ собою совершенно другаго человѣка. Прежде онъ былъ гордъ и отталкивалъ всѣхъ отъ себя; теперь, когда не стало жрецовъ, воздававшихъ ему нѣкогда почитаніе — любезенъ и веселъ.

Легко понять, что онъ сохранилъ свои связи въ Россіи . . . . . Нашли средство подбиться къ Кутайсову, подкупивъ его любовницу. Чрезъ этого всесильнаго въ то время человѣка всѣ Зубовы получили разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Достигнувъ этого, Зубовъ притворился, будто его волнуютъ такія чувствованія, которыхъ онъ никогда и не имѣлъ. Онъ старался показать, что его трогаютъ хлопоты Кутайсова въ его пользу. Чтобъ выразить ему свою благодарность, онъ представился какъ будто хочетъ жениться на его дочери. Этой уловкой онъ опять добился благоволенія Павла, который далъ ему и его братьямъ доказательства своей полной милости. Такое великодушіе Павла должно было бы примирить съ нимъ даже и его враговъ, но они не были способны на подобныя чувствованія. Они опасались, что императоръ вновь прогнѣвается, такъ какъ онъ всегда дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ минуты, что и придавало его характеру отпечатокъ какого-то непостоянства.

Вскорѣ послѣ (восшествія на престолъ Александра), Платонъ Зубовъ покинулъ дворъ, гдѣ ему ужъ больше нечего было дѣлать, и отправился въ Курляндію, въ свое имѣніе.

Изъ этого краткаго и недостаточнаго біографическаго очерка читатели въ состояніи будутъ судить хотя до нѣкоторой степени, что Зубовъ чрезвычайно развилъ прилежаніемъ свой довольно обыкновенный умъ и что всѣми почти его дѣйствіями руководили гордость, мстительность и жестокость.

Въ картинной галлереѣ императорскаго эрмитажа, въ Петербургѣ, показывали два изображенія Зубова: какъ государственнаго человѣка и какъ генералъ-фельдцейхмейстера. Первое было поколѣннымъ портретомъ. Платонъ сидитъ передъ столомъ, на которомъ лежатъ ландкарты, рисунки и книги. Это изображеніе было вырѣзано потомъ на мѣди. На другомъ онъ изображенъ во весь ростъ. Онъ стоитъ

въ латахъ, отчасти прикрытый пурпуровою тогой и окруженный массою орудій, символовъ его высокаго военнаго сана. Эту картину рисовалъ знаменитый Ламми.

Многимъ, конечно, читателямъ придетъ, по прочтеніи этого очерка, на мысль сдѣлать паралель между Григоріемъ Орловымъ и Платономъ Зубовымъ, которая можетъ быть распространена отчасти и на ихъ братьевъ. Приводимъ наиболѣе поразительные пункты ихъ сходства и различія: всѣ братья Зубова, какъ нѣкогда братья Орлова, были возведены въ графское достоинство . . . . . оба они были вторыми изъ братьевъ, наконецъ, оба были генералъ-фельдцейхмейстерами, носили портретъ императрицы и въ послѣдній годъ своего избранства стали нѣмецкими имперскими князьями.

Примѣч. переводчика. Платонъ Александровичъ Зубовъ, 1767—1822. П. С. З. № 17,706, 17,724, 17,832, 17,854, 17,967, 17,972, 18,309, 18,595, 18,877, 19,682; А. Г. С., I, ч. 2, 154, 211; Бумаги Екатерины II, (Сборникъ, XXIII, 516, 566; XLII, 19, 23, 24, 60, 64, 137, 235, 238); Указы Павла I (Истор. Вѣстн., 1881, VI, 203); Рескриптъ Павла I (Осмнадц. вѣкъ, IV, 474); Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 429); Письма Павла I („Русская Старина“, 1882, XXXIII, 443, 444); Расходы Павла I („Русская Старина“, 1873, VIII, 98); Бычковъ, Письма и бумаги Екатерины II, Спб., 1873, 99; Письма Зубова (Воронцовъ, XXIV, 250; Осмнадц. вѣкъ, IV, 183); Письма Екатерины II (Архивъ, 1864, 568; 1865, 767; „Русская Старина“, 1876, XVII, 31, 33, 35, 38, 205, 212, 412, 417, 425, 645); Бумаги Репнина (Сборникъ, XVI, 87, 282); Письма Безбородко (Сборникъ XXVI, 414, 428, 430, 431, 496; XXIX, 502); Воронцовъ, V, 274, 369; VIII, 52, 66, 72, 80, 84, 125, 128, 157, 168; IX, 416; X, 6, 12, 172; XII, 258; XIII, 255, 315, 345, 354; XIV, 149, 177; XVIII, 60; XX, 30, 53, 138, 388; XXI, 310; Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 308); Гарновскій, XVI, 401, 404, 406, 411, 424; Castera, II, 379, 427, 443, 455; Энгельгардтъ, 109, 125; Masson, 96, 108, 123; Державинъ, 610, 617, 625, 638, 696, 698, 739, 752; Виже-Лебренъ, 299; Храповицкій, 292, 295, 315, 325, 363, 378, 435, 503; Записки гр. Комаровскаго (Осмнадц. вѣкъ, I, 342); Воспоминанія Нельи (Осмнадц. вѣкъ, III, 397); Ségur, II, 168; Разсказъ Лубянскаго (Архивъ, 1871, 148); Карабановъ, V, 144; Разсказы Львовой („Русская Старина“, 1880, XXVIII, 352; Дмитріевъ, 36; Sternberg, Bemerkungen über Russland auf einer Reise gemacht in 1792 und 1792. S. l., 1794; Отзывъ гр. Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 127); А. Л., Замѣтки о фамиліи Зубовыхъ („Русская Старина“, 1876, XVII, 173; П. П., Князь П. А. Зубовъ („Русская Старина“, 1876, XVI, 591); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 92; Бантышъ-К., Словарь, II, 411 (17, изд. 1847 г.); Списки, 127, 236, 329; Долгоруковъ, II, 317; III, 134; Карабановъ-Долгоруковъ, 125, 151, 198; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 333; Соч. Державина, изд. Грота, I, 599; IX, 671; Письма Державина (Библіогр. Зап., III, 520); Записки греческаго митрополита Хрисанфа (Архивъ, 1872, 863); Проза Пушкина (Библіогр. Зап., II, 131, 528); Ода П. Зубову („Русская Старина“, 1871, IV, 299); Hermann, VII, 395, 409, 437, 534, 535, 591, 592, 600, 656.

В. Б.

CVII. ВАЛЕРІЯНЪ ЗУБОВЪ II.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II самымъ удивительнымъ являлась быстрая перемѣна въ поведеніи людей, которыхъ неожиданное счастье приближало къ трону. За день до этого они принадлежали къ тому классу общества, въ который поставило ихъ рожденіе и способности; они были скромны и часто любезны. Въ день, когда рѣшалась ихъ судьба, они были какъ бы одуряемы счастьемъ. Они поднимались до высшихъ сферъ и приближались къ земному божеству. На этой высотѣ у нихъ кружилась голова. Они вели себя неловко и нуждались въ помочахъ. День же спустя они выказывали обыкновенно все безстыдство выскочки, забывшаго, что 24 часа назадъ онъ былъ ничто, стремящагося презирать окружавшихъ его и грозящаго злоупотребить своимъ незаслуженнымъ возвышеніемъ. Молодой человѣкъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, велъ себя именно такъ.

Валерьянъ Зубовъ третій изъ братьевъ, былъ 19-ти лѣтъ при возвышеніи Платона, и прапорщикъ въ конной гвардіи. Онъ былъ тотчасъ же командированъ въ караулъ въ Царское Село, и такъ какъ онъ понравился, то его ежедневно допускали въ общество императрицы. Государыня оказывала ему столько же милости, какъ и его брату. Чтобы обставить . . . . . его возвышеніе, онъ, въ чинѣ маіора гвардіи, былъ посланъ въ армію князя Потемкина. Недовольный возвышеніемъ Зубовыхъ, Потемкинъ выражалъ это тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ относился къ Валеріяну публично, при всѣхъ. Но такъ какъ Потемкину намекнули изъ Петербурга, чтобъ онъ послѣ перваго же счастливаго дѣла прислалъ Зубова обратно въ Петербургъ, то онъ уступилъ требованіямъ политики и послалъ его въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи какой-то турецкой крѣпости, кажется, Измаила. Когда Валерьянъ, передъ отъѣздомъ изъ лагеря, явился въ послѣдній разъ къ князю, чтобъ получить послѣднія приказанія, случился интересный анекдотъ, много разъ уже разсказанный, но все же удивительный: «если императрица спроситъ тебя — сказалъ князь дружески Валерьяну — какъ я себя чувствую, скажи ей, что зубы причиняютъ мнѣ боль, но когда я пріѣду въ Петербургъ, то вырву ихъ». Этого, однако, не случилось. Зубы продолжали причинять ему боль. Потемкинъ явился въ Петербургъ, хотѣлъ ихъ вырвать, но искусство его, какъ зубнаго врача, оказалось для этого слишкомъ слабымъ.

Едва Валеріянъ прибылъ ко двору, его повысили въ чинѣ, сдѣлали флигель-адъютантомъ императрицы и, кромѣ другихъ подарковъ,

онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Онъ остался въ Петербургѣ, ежедневно бывалъ у императрицы и былъ осыпанъ знаками милости. Въ 1791 году его доходы считали уже въ 22,000 руб.

Довольно ограниченному уму Валерьяна такая жизнь должна была казаться пріятною, и тѣмъ не менѣе Валерьяну хотѣлось идти дальше по пути военной славы, но, конечно, идти по своему. Безпорядки въ Польшѣ дали ему случай если и не прославиться, то стать извѣстнымъ. Какъ генералъ-маіоръ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, онъ получилъ важное командованіе и отмѣтилъ всюду свое пребываніе слѣдами безразсудства и жестокости. Крайне низкое, безстыдное и возмутительное обхожденіе его съ нѣкоторыми польскими панами и ихъ женами содѣйствовало взрыву возстанія въ Варшавѣ, въ 1794 году, и происшедшему отъ того несчастію многихъ русскихъ. Извѣстны средства, употреблявшіяся для успокоенія поляковъ. Зубовъ занялся насильственнымъ примѣненіемъ ихъ. Но онъ былъ наказанъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ проявилъ наибольшую несправедливость. Однажды, въ сентябрѣ 1794 года, онъ отправился на рекогносцировку и, къ тому же, туда, гдѣ было особенно опасно. Отчасти онъ сдѣлалъ это не во-время, отчасти же онъ не былъ къ этому призванъ. Это было съ его стороны не мужество, а своевольство. Поляки это замѣтили, прицѣлились и ему оторвало ногу ядромъ. Тотчасъ же былъ отправленъ въ Петербургъ курьеръ, не получившій, конечно, награды за это извѣстіе. Оно распространило при дворѣ ужасъ. Императрица сама написала Валерьяну и просила его возвратиться въ Петербургъ. Она послала ему очень удобную англійскую дорожную карету и 10,000 дукатовъ на дорожныя издержки. Затѣмъ она дала ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, вслѣдствіе чего онъ сталъ генералъ-лейтенантомъ, и 300,000 рублей на уплату его долговъ.

Зубовъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ 1795 года. На каждой станціи для него заготовляли 110 лошадей и онъ всѣ ихъ бралъ, между тѣмъ какъ для герцога курляндскаго Бирона, который въ то-же время ѣхалъ въ Петербургъ, заказывали на каждой станціи лишь 60 лошадей, изъ которыхъ онъ бралъ только 40. Валерьянъ представился императрицѣ въ креслѣ на колесахъ. Великая во всемъ, и въ своихъ чувствованіяхъ, государыня не могла удержать слезъ при видѣ Валерьяна. Она хотѣла подарками выразить свое участіе и облегчить его судьбу. Не всѣ, конечно, подарки были извѣстны публикѣ; извѣстны же были слѣдующіе: прекрасный, миленькій дворецъ въ Большой Мильонной улицѣ, принадлежавшій въ прежнее время генералу Густаву Бирону и купленный нынѣ (1808 г.) камергеромъ Дивовымъ; подарокъ въ 25,000 руб. золотомъ и, наконецъ, пенсія въ 13,000 руб.

серебромъ. Леченіе сопровождалось страданіями и шло медленно, потому что онъ предавался всяческимъ излишествамъ. Онъ остался калѣкой. Ему пришлось отпилить часть колѣна. Одни говорятъ, что ему отпилили слишкомъ много, другіе—слишкомъ мало. Выписали изъ Англіи искусственныя колѣна, но ни одно не пришлось. Когда онъ появлялся публично при дворѣ, онъ ходилъ на деревяшкѣ. Тѣмъ не менѣе, его все повышали въ чинахъ. Въ 1795 году Валерьянъ былъ генералъ-аншефъ инфантеріи и директоръ кадетскаго артиллерійскаго и инженернаго корпуса.

Но славолюбіе Зубова все еще было не удовлетворено. Онъ просилъ о позволеніи командовать арміей въ Персіи и получилъ разрѣшеніе. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ походѣ, необходимо сказать о причинѣ войны.

Нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, во время князя Потемкина, одинъ изъ его племянниковъ, генералъ Павелъ Потемкинъ[1]) командовалъ русскою арміей на Кавказѣ [2]). Въ то время, въ сосѣдней или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ отдаленной Персіи нѣсколько братьевъ оспаривали другъ у друга правленіе страною и изгоняли другъ друга. Одинъ изъ нихъ, изгнанный однимъ изъ своихъ братьевъ, спасся со всѣми своими драгоцѣнностями къ Павлу Потемкину. Этотъ принялъ его и сказалъ, что доставитъ его въ Россію. Всѣ его богатства были нагружены на корабль, а ему сказали, что онъ будетъ отправленъ вслѣдъ затѣмъ на другомъ кораблѣ. Онъ согласился; но къ его крайнему удивленію его не хотѣли принять ни на одинъ изъ кораблей. Между тѣмъ, корабль съ драгоцѣнностями уже отплылъ. Персіянинъ сѣлъ на маленькое судно и поплылъ въ догонку своихъ сокровищъ. Когда онъ былъ уже такъ близокъ къ кораблю, на которомъ нахо-

---

[1]) Павелъ Потемкинъ пользовался дурною славою; говорили, что у него злое сердце, и этотъ слухъ подтверждается тѣмъ, что выше разсказано. Онъ былъ очень храбръ и получилъ за храбрость орденъ св. Георгія 2-й степени. Онъ умеръ во время процесса. Его жена была Закревская.

[2]) Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, 1743—1796. Арх. Г. С., I, ч. 2, 58, 64, 79, 125, 191; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, I, 99; XIII, 373, 403, 420; Архивъ, 1872, 873); Письма Екатерины II къ П. С. Потемкину („Русская Старина“, 1875, XIII, 115); Наставленіе Потемкина капитану Лунину (Архивъ, 1864, III, 109); Masson, 255; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 163; Евгеній, II, 136; Бантышъ-К., Словарь, IV, 192; Списки, 227, 317; Карабановъ-Долгоруковъ, 188, 195; П. С. Потемкинъ („Русская Старина“, I, 317; II, 226, 335, 345, 351; IV, 574; V, 346); Каратыгинъ, Гр. П. С. Потемкинъ (Истор. Вѣстн., 1883, XIII, 345); Гротъ, П. С. Потемкинъ во время пугачевщины („Русская Старина“, 1870, II, 399); Библіогр. Зап., II, 183; Лонгиновъ, Замѣтка о судѣ надъ П. С. Потемкинымъ (Архивъ, 1863, 462); Саитовъ, 108. В. Б.

дились его сокровища, что могъ вскочить на него, онъ бросился и ухватился обѣими руками за бортъ. Ему отрубили пальцы и несчастный упалъ обратно въ свое судно. Изуродованный, онъ бѣжалъ на родину и былъ убитъ своимъ братомъ. Это былъ 75-тилѣтній эвнухъ. Другой братъ еще въ юности оскопилъ его. Теперь этотъ эвнухъ былъ узурпаторомъ большей части Персіи. Другаго своего брата, Муртасу-Кули-хана, шаха эриванскаго, онъ тоже изгналъ, и русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Персіею, прогналъ въ Баку; впрочемъ, никакихъ другихъ враждебныхъ дѣйствій относительно Россіи онъ не дѣлалъ. Муртаса зналъ уже русскихъ. Въ 1793 году, когда эвнухъ лишилъ его владѣній, онъ убѣжалъ на русскую землю и именно въ Астрахань. Теперь онъ сдѣлалъ то-же самое и, какъ человѣкъ, умѣвшій защищать себя, прибылъ даже въ Петербургъ. Здѣсь онъ представился императрицѣ, потребовалъ выдачи сокровищъ своего покойнаго брата, захваченныхъ Павломъ Потемкинымъ, и просилъ о защитѣ противъ эвнуха. Защита была ему обѣщана и Валерьянъ Зубовъ получилъ командованіе надъ арміей, назначенной въ персидскій походъ.

Легко догадаться, что онъ отправился въ походъ со всевозможными удобствами, опустошилъ нѣсколько провинцій, перебилъ несмѣтное число людей и сдѣлалъ распоряженія объ осадѣ Дербента [1]). Предшествовавшія кровопролитія сдѣлали Валерьяна Зубова страшнымъ. Городъ тотчасъ сдался. Разсказываютъ, будто 120-лѣтній старикъ поднесъ Зубову ключи города, тѣ самые, которые онъ нѣкогда подносилъ императору Петру I. Если этотъ анекдотъ, выдуманный, быть можетъ, только ради оригинальности, справедливъ, то старикъ могъ пожаловаться на жестокость своей судьбы, приберегшей для него, послѣ столькихъ лѣтъ, несравненно бо́льшее униженіе, чѣмъ первое. Тогда онъ отдавалъ ключи великому, всѣми почитаемому и коронованному побѣдителю; теперь — юному, невѣжественному и злодѣйскому выскочкѣ. Взятіемъ Дербента закончилъ Валеріянъ свою военную карьеру. Время его блеска миновало. Екатерина II умерла.

Павелъ I не видалъ никакого интереса въ войнѣ съ Персіею. Онъ отозвалъ назадъ войска, но сдѣлалъ это въ крайне оскорбительной для Валерьяна Зубова формѣ. Ни единымъ словомъ не извѣщая его, командующаго арміей, онъ послалъ всѣмъ, находившимся подъ его начальствомъ, генераламъ приказаніе возвратиться со всѣми своими

[1]) Въ петербургскомъ арсеналѣ есть модель Дербента, сдѣланная по приказанію Петра I. По ней видно, что городъ никогда не былъ обложенъ, для чего потребовалась бы невѣроятно большая армія.

войсками въ Россію и отправиться на свои зимнія квартиры. Валерьянъ остался бы совершенно одинъ, если-бъ не рѣшился послѣдовать за другими. Въ этомъ столь оскорбительномъ для чести Зубова приказѣ Павла I можно видѣть одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ злобѣ Зубовыхъ . . . . . .

Валерьянъ возвратился въ Петербургъ и былъ нехорошо принятъ императоромъ. Такъ какъ другіе братья покинули уже дворъ, то и этотъ Зубовъ удалился отъ двора и отправился въ свои великолѣпныя имѣнія въ Курляндіи, въ бывшіе удѣлы герцога, между которыми лучшее было Вюрцанъ [1]). Такимъ образомъ, Валерьянъ раздѣлилъ участь обоихъ старшихъ братьевъ. Впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ ними же прибылъ въ Петербургъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Мудрость совѣтовала Зубовымъ удалиться вслѣдъ за восшествіемъ на тронъ Александра, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, такъ они имѣли случай замѣтить, что имъ едва-ли удастся играть роль при новомъ правленіи, хотя и милостивомъ, но справедливомъ и человѣколюбивомъ. Валерьянъ тоже послѣдовалъ этому указанію мудрости и отправился въ Курляндію. Тамъ онъ и умеръ, лѣтомъ 1804 года.

Мы знаемъ уже всѣ важнѣйшія должности, которыя занималъ Валерьянъ. Но къ этому мы должны еще прибавить, что онъ былъ нѣмецкій имперскій графъ и кавалеръ орденовъ Бѣлаго, Чернаго и Краснаго Орла.

Валерьянъ Зубовъ былъ невысокъ ростомъ; тѣмъ не менѣе, это былъ чрезвычайно красивый мужчина. Особенно у него были живые глаза; взглядъ его былъ чрезвычайно пріятенъ. Послѣ того какъ онъ лишился употребленія ноги и долженъ былъ все сидѣть, онъ сталъ очень толстъ. Его внутреннія качества вовсе не соотвѣтствовали его внѣшности. Онъ былъ человѣкъ ограниченный, ничему не учившійся; онъ былъ легкомысленъ, развратенъ, расточителенъ, злопамятенъ и жестокъ.

Полагающіе, что Валерьянъ Зубовъ получилъ отъ императрицы чистыми деньгами и имѣніями не болѣе милліона рублей, ошибаются; вѣрнѣе было бы сказать два милліона. Его драгоцѣнности также были весьма значительны.

Валерьянъ Зубовъ былъ женатъ. Его женою была разведенная

---

[1]) Въ Вюрцанѣ прелестный замокъ; только жаль, что комнаты очень низки. Распланировку сада дѣлала императрица Анна, какъ герцогиня Курляндская.

жена графа Прото-Потоцкаго, нѣкогда очень богатаго поляка, имѣвшаго въ Варшавѣ мѣняльную лавку и потерявшаго все свое состояніе во время бѣдствій, постигшихъ его родину. Зубовъ жилъ съ нею открыто и когда она формально развелась съ своимъ мужемъ, Валерьянъ женился на ней. Мы слышали, что отъ этого брака были дѣти.

Примѣч. переводчика. Валерьянъ Александровичъ Зубовъ, 1771—1804. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 616, 632, 643, 671, 685; XLII, 24, 64, 185, 327); Письма Зубова (Архивъ, 1873, 876; Соч. Державина, изд. Грота, V, 819); Записка Зубова о торговлѣ съ Азіею (Архивъ, 1873, 879); Воронцовъ, VIII, 72, 124, 132, 144, 151; X, 205, 220; XIII, 354; XIV, 481, 496; XX, 138, 388; Григорьевъ, Замѣтка Хрисанфа о походѣ въ Персію (Чтенія, 1861, I, 5); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 499; XXIX, 534); Бумаги Репнина (Сборникъ, XVI, 407, 508); Письмо Румянцева („Русская Старина“, 1873, VIII, 722); Храповицкій, 317, 502; Записки гр. Комаровскаго (Осмнадц. вѣкъ, I, 343); Энгельгардтъ, 141, 174, 190; Masson, 110, 153, 268, 273, 296; Державинъ, 613, 787, 788, 799, 804; Castera, II, 283, 382, 401, 415, 425, 426, 443, 447, 455; Вейдемейеръ, Дворъ, II, 145; Бантышъ-К., Словарь, II, 406; Списки, 128, 240; Карабановъ-Долгоруковъ, 188; Соч. Державина, изд. Грота, I, 604, 743; Хмыровъ, Густавъ Бирономъ, братъ регента (Осмнадц. вѣкъ, II, 283); Russica, II, 692 [См. примѣч. подъ № 106]. В. Б.

CVIII. НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ III.

Николай Зубовъ былъ старшимъ изъ братьевъ. Онъ (вѣроятно, еще, 1808 г., живъ) очень высокъ ростомъ, но уродливъ; у него мало ума, онъ крайне невѣжественъ; кажется, не очень храбръ. Онъ доказалъ свою возмутительную жестокость и велъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, въ высшей степени невоздержный образъ жизни.

Послѣ этого всякій удивится, что такой человѣкъ занималъ довольно важныя мѣста въ арміи. Платонъ и Валерьянъ вытянули въ гору своего брата, у котораго было также мало достоинствъ, какъ и у нихъ. Прежде всего, Николай былъ посланъ въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Не сдѣлавъ тамъ ровно ничего, онъ возвратился ко двору и получилъ за свои военныя заслуги гражданскій орденъ. Затѣмъ онъ отправился въ Польшу, подъ команду Игельстрома. Онъ былъ въ Варшавѣ въ 1794 году, когда тамъ вспыхнуло страшное возстаніе. Зубовъ бѣжалъ и, по собственному побужденію, явился курьеромъ въ Петербургъ съ этимъ извѣстіемъ; но такъ дурно разсчиталъ, что явился ко двору какъ разъ въ день рожденія императрицы.

Конечно, онъ не могъ теперь разсчитывать на награду — онъ получилъ ее позже. При порабощеніи Польши онъ опять является дѣйствующимъ лицомъ и по случаю незначительной схватки, въ которой его люди отбили у поляковъ четыре или пять пушекъ, получилъ золотую шпагу, богато усыпанную брилльянтами. По окончаніи этого такъ называемаго похода, онъ получилъ прусскій и русскій ордена.

Послѣ этого Николай Зубовъ оставилъ военную службу и сталъ императорскимъ шталмейстеромъ.

По смерти императрицы, онъ вмѣстѣ съ братьями впалъ въ немилость. Въ это время онъ жилъ то въ имѣніяхъ своихъ и жениныхъ, то въ Москвѣ. Позже онъ прибылъ въ Петербургъ и присутствовалъ при восшествіи на престолъ Александра.

Послѣ онъ опять отправился въ свои имѣнія, которыя, насколько намъ извѣстно, никогда уже не покидалъ болѣе.

Когда Екатерина II умерла, онъ былъ генералъ-маіоръ, шталмейстеръ, кавалеръ орденовъ Чернаго Орла, св. Александра Невскаго и св. Владиміра 3-й степени. Павелъ I оставилъ ему всѣ его должности и знаки отличія; онъ долженъ былъ только отказаться отъ чина генералъ-маіора, такъ какъ императоръ не терпѣлъ отставныхъ военныхъ и давалъ имъ соотвѣтствующій гражданскій чинъ.

Въ то время, какъ братья находились въ милости, Николай Зубовъ женился на единственной дочери генералъ-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго.

Отчасти за женой, отчасти по милости императрицы, Николай Зубовъ получилъ столь большія имѣнія, что его можно причислить къ самымъ богатымъ частнымъ лицамъ въ Россіи.

Примѣч. переводчика. Николай Александровичъ Зубовъ, 1763—1805. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 624); Рескрипты Павла I (Осмнадц. вѣкъ, IV, 474); Воронцовъ, VIII, 129, 161; XIV, 511; Храповицкій, 310, 353, 426; Энгельгардтъ, 195; Castera, II, 382, 401, 415, 425, 426; Письма Суворова къ зятю (Архивъ, 1866, 951); Бантышъ-К., Списки, 130, 244; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 334. [См. примѣч. подъ № 106].

В. Б.

CIX. АРКАДІЙ МОРКОВЪ.

Великіе таланты даютъ своимъ обладателямъ основательное право притязать на высшія государственныя должности; но для этого необходимо, чтобъ эти таланты не сопровождались пошлостью, высокомѣріемъ и злобою. Пошлость, не идущая даже къ красотѣ, еще болѣе обезображиваетъ уродство и дѣлаетъ его еще болѣе разительнымъ; высокомѣріе умаляетъ достоинство способностей, а злость, если имѣетъ вліяніе, часто ведетъ къ проклятію всѣхъ націй. Такова характеристика человѣка, достопримѣчательностей жизни котораго мы хотимъ коснуться.

Мы не можемъ опредѣлить былъ ли Аркадій Морковъ [1]), какъ одни говорятъ, сыномъ, или какъ другіе съ бо́льшею увѣренностью утверждаютъ, внукомъ русскаго крестьянина. Достовѣрно только, что его образованіе было значительно выше его происхожденія. Онъ изучилъ языки и другія извѣстныя и прикладныя науки, и сдѣлалъ въ тѣхъ и другихъ тѣмъ бо́льшіе успѣхи, что обладалъ необыкновенными способностями. Люди прозорливые, знавшіе его еще тогда, говорили, что въ немъ лежали многообѣщающіе зародыши, но развивавшіеся при неблагопріятныхъ вліяніяхъ.

Морковъ началъ свою политическую карьеру тѣмъ, что былъ частнымъ секретаремъ князя Голицына, бывшаго посланника въ Голландіи. Въ домѣ его онъ оставался не долго. Его дарованія нуждались въ болѣе высокой сферѣ.

Онъ былъ извѣстенъ графу Стакельбергу [2]), который отправился посланникомъ въ Испанію и взялъ его съ собою сперва частнымъ секретаремъ, но тотчасъ поручилъ ему дѣла своего штата и вскорѣ добылъ ему мѣсто императорскаго секретаря посольства въ Мадридѣ. Такимъ образомъ, творцомъ карьеры Моркова былъ собственно Стакельбергъ и Моркова упрекали, что онъ впослѣдствіи совершенно забылъ это благодѣтельное для него обстоятельство.

Когда Морковъ возвратился въ Россію, онъ былъ посланъ въ Варшаву, гдѣ тогда русскимъ посломъ былъ Салдернъ. Здѣсь ему представилось широкое поприще для его рѣшительнаго таланта

---

[1]) Морковъ по русски значитъ морковь.

[2]) Стакельбергъ, одинъ изъ дѣльнѣйшихъ министровъ, умеръ въ Дрезденѣ шесть или восемь лѣтъ назадъ. Одинъ изъ его сыновей, равнымъ образомъ ловкій человѣкъ, также посланникъ.

къ интригамъ, составлявшимъ въ то время главное занятіе русскихъ дипломатовъ въ Польшѣ. Онъ велъ ихъ, конечно, искуснѣе Салдерна, который, впрочемъ, могъ поспорить съ нимъ въ злой волѣ. Они были согласны относительно сущности; они расходились только въ способѣ примѣненія средствъ для достиженія своей цѣли. Это различіе было главною причиною ссоры, которая, наконецъ, должна была быть предоставлена рѣшенію императрицы. Оба забылись до того, что посолъ приказалъ арестовать посольскаго секретаря. Морковъ былъ вскорѣ же освобожденъ отъ ареста, такъ какъ Салдернъ сознавалъ, зчто не имѣлъ никакого права къ столь самовольному шагу. Вскорѣ ратѣмъ пришло приказаніе Моркову явиться въ Петербургъ. Въ февралѣ 1772 года онъ отправился въ Россію, и тогда случилось, что ожидали: умный посольскій секретарь свернулъ шею считавшему себя умнымъ послу. Съ этого времени и до 1779 года Морковъ оставался въ Петербургѣ, въ канцеляріи департамента внѣшнихъ дѣлъ. Въ 1779 году онъ отправился, какъ посольскій совѣтникъ, съ княземъ Репнинымъ на конгрессъ въ Тешенъ. Оттуда онъ былъ посланъ въ Парижъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ.

Послѣ того онъ былъ посланникомъ въ Швеціи, гдѣ подготовилъ и началъ то, что Разумовскій продолжилъ и окончилъ.

Въ 1787 году, вслѣдствіе удаленія Бакунина [1]), стало вакантнымъ третье мѣсто въ министерствѣ внѣшнихъ дѣлъ. Безбородко, знавшій дѣловитость Моркова, постарался такъ, что императрица назначила его третьимъ членомъ этой имперской коллегіи. Безбородко и Морковъ, оба люди умные, были вполнѣ согласны въ веденіи дѣлъ. Съ неловкимъ графомъ Остерманомъ, который былъ первымъ изъ нихъ трехъ, они обходились какъ съ автоматомъ, который долженъ былъ дѣлать лишь то, что они желали. Это согласіе ихъ было тѣмъ естественнѣе, что оба они были вѣрными сотоварищами въ веденіи неправильной жизни, какую только можно себѣ представить. Но и относительно Безбородко Морковъ скоро забылъ о той благодарности, которую онъ былъ долженъ ему. Онъ свергнулъ его, присоединясь къ невѣжественному, но всесильному Зубову. Изъ этого видно, что умный человѣкъ достигнетъ всего, чего желаетъ, если даже встрѣтятся и препятствія. Императрица имѣла предубѣжденіе противъ Моркова, которое нельзя себѣ и объяснить. Тѣмъ не менѣе, Морковъ повелъ дѣло такъ, что въ сущности Зубовъ былъ только орудіемъ и онъ чрезъ этого выскочку дѣлалъ все, что хотѣлъ. Салдернъ былъ творцомъ перваго расчлененія Польши, Морковъ повелъ дѣло дальше. Онъ,

[1]) Хвалятъ не характеръ Бакунина, но его умъ.

вмѣстѣ съ Зубовымъ и Сиверсомъ, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во второмъ (отнятіи) польскихъ провинцій и, наконецъ, въ совершенномъ уничтоженіи политическаго существованія этого государства. Поляки громко проклинали его.

Онъ недолго оставался на своемъ посту по смерти Екатерины. Павелъ I, презиравшій Моркова и желавшій чувствительно наказать его, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, далъ ему лишь нѣсколько часовъ сроку, чтобы уѣхать изъ Петербурга въ свои имѣнія. Впослѣдствіи императоръ предлагалъ ему вновь вступить въ службу, но Морковъ былъ настолько уменъ, что отклонилъ это предложеніе. Онъ остался въ своихъ имѣніяхъ не только при Павлѣ, но и при нынѣшнемъ правительствѣ и, вѣроятно, еще и теперь (1808 г.) живетъ тамъ на доходы отъ своего огромнаго состоянія.

Когда онъ оставилъ службу, онъ былъ нѣмецкій графъ, тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Владиміра 2-й степени.

Морковъ никогда не былъ женатъ, но уже много лѣтъ онъ живетъ съ старою французскою актрисою, Madame Hus, которую онъ вызвалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей. Въ лучшіе дни ее содержалъ въ Страсбургѣ нынѣшній (1808 г.) баварскій король, тогда принцъ Максимиліанъ Цвейбрюкенскій.

Примѣч. переводчика. Аркадій Ивановичъ Морковъ, 1747—1827. П. С. З., № 16,498, 16,594, 17,606; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 289; XXVI, 223; XXVII, 334; XLII, 332); Мѣсяцесловъ на 1789 г., 36; Расходы Павла I („Русская Старина", 1873, VIII, 99); Письма Моркова (Воронцовъ, XIV, 209; XX, 1; Архивъ, 1869, 866); Донесенія Моркова (Архивъ, 1873, 2,229); Бумаги Репнина (Сборникъ, XV, 446, 567; XVI, 296, 329, 336); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 382, 428, 492, 494, 499; XXIX, 532, 536, 540); Воронцовъ, V, 202; VIII, 85, 92, 106, 128, 151, 204; IX, 110, 234, 252, 258, 346; X, 39, 154, 181, 219, 222; XII, 282, 331; XIII, 55, 216, 260, 276, 278, 290, 325, 342, 345, 351, 359; XIV, 20, 26, 165, 439; XVIII, 61, 361; XXIX, 481; Храповицкій, 369, 401, 416, 435, 533; Энгельгардтъ, 194; Державинъ, 648; Masson, 144; Castera, II, 333, 401, 425; Пикаръ, I, 133; Карабановъ, въ „Русской Старинѣ", V, 462; Отзывъ Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 127, 165); Бартеневъ, А. И. Морковъ (Бесѣда, 1857, IV, 1); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 148; Бантышъ-К., Словарь, I, 369; Списки, 209; Долгоруковъ, II, 320; III, 200; Карабановъ-Долгоруковъ, 188, 198; Вѣсти изъ Россіи (Архивъ, 1876, I, 90); Радищевъ, А. Н. Радищевъ („Русская Старина", 1872, VI, 574); Вяземскій, V, 53; Arneth, Joseph II und Leopold von Toscana (Архивъ, 1872, I, 770); Гротъ, Шведская война 1788 г. (Архивъ, 1869, 112); Herrmann, VII, 360, 365, 395, 411, 436, 506, 534, 535, 591, 592, 601; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 92, 362; Сантовъ, 86. В. Б.

СХ. ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ КУТАЙСОВЪ.

Кліо краснѣетъ, видя погрѣшности того монарха, котораго она, ради его многихъ добрыхъ качествъ, съ такимъ участіемъ защищаетъ отъ враговъ и отъ людей, которые судятъ о немъ и осуждаютъ, не зная его; Кліо краснѣетъ, замѣчая, что хотя этотъ государь во все свое царствованіе имѣлъ только одного избранника, но и при этомъ одиночномъ избраніи онъ впалъ въ ошибку большинства своихъ предшественниковъ и избралъ выскочку, лишеннаго всякихъ заслугъ.

Кутайсовъ, вѣроятно, еще здравствующій (1808 г.), по рожденію мохамеданинъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ уже большимъ мальчикомъ въ первую турецкую войну, въ 1770 году, при взятіи Бендеръ, и, какъ рѣдкость, подаренъ великому князю Павлу, который тоже былъ юнъ еще. Павелъ окрестилъ его въ греческую вѣру, при чемъ, кажется, молодой прозелитъ получилъ имя Ивана. Мы не знаемъ происхожденія данной ему фамиліи Кутайсовъ. Великодушный Павелъ не удовольствовался только крещеніемъ. По его приказанію, его избранникъ (онъ былъ уже имъ въ то время) былъ обученъ французскому языку и необходимымъ наукамъ, по крайней мѣрѣ, поверхностно. Хотя Кутайсовъ дѣлалъ лишь посредственные успѣхи, онъ все же научился большему, чѣмъ знаютъ обыкновенно люди его категоріи.

Великій князь принялъ его въ число придворныхъ служителей, но не возвысилъ его даже и до камердинера. Всѣ, посѣщавшіе русскій дворъ въ началѣ 1790-хъ годовъ, видѣли, въ комнатахъ наслѣдника, въ Зимнемъ дворцѣ, и во время зимнихъ празднествъ въ каменноостровскомъ дворцѣ, Кутайсова въ лакейской ливреѣ. Такъ какъ онъ былъ турокъ, то его показывали тогда, какъ рѣдкое существо.

Въ серединѣ послѣдняго десятилѣтія онъ снялъ, наконецъ, ливрею и сталъ дѣйствительнымъ камердинеромъ. Уже тогда говорили шопотомъ, что Кутайсовъ будетъ играть роль, когда Павелъ взойдетъ на престолъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Кутайсовъ былъ посредникомъ при сближеніи Павла съ Нелидовою [1]),

---

[1]) Дѣвица Нелидова съ умомъ и познаніями соединяла великолѣпный характеръ. Впрочемъ, можно было только удивляться, какимъ образомъ Павелъ могъ предпочесть ея маленькую, уродливую фигурку признанной красотѣ своей супруги.

придворною дамою великой княгини-матери. Избранникъ Кутайсовъ велъ себя при этомъ весьма ловко и къ удовольствію своего государя, но, пока жила Екатерина II, не могъ подняться выше камердинера.

Со смертью Екатерины взошла счастливая звѣзда Кутайсова. Новый императоръ объявилъ его своимъ фактическимъ избранникомъ, осыпавъ его почетными должностями и подарками. Но монархъ могъ возвеличить его, какъ хотѣлъ, онъ все же не могъ вложить въ него внутреннее содержаніе и его отъ природы доброе сердце не могъ снабдить остроумнымъ характеромъ. Павелъ I, знавшій, вѣроятно, слабость Кутайсова, предписалъ ему какъ нерушимый законъ: никогда не разговаривать съ чужими людьми, чтобъ они ничего не могли узнать отъ него о частной жизни императора. Хитрый Безбородко, съумѣвшій скоро же раскусить избранника, снизошелъ съ своей высоты и присоединился къ Кутайсову, чтобъ при помощи его подняться еще выше. Союзъ этихъ двухъ лицъ породилъ неограниченную власть, которую они и практиковали. Безбородко руководилъ Кутайсовымъ, а Кутайсовъ направлялъ императора по волѣ своего друга. Дѣвицу Нелидову необходимо было удалить. Благодаря своимъ достоинствамъ, она стала подругой императрицы. Въ императорской семьѣ не было согласія, чего они и не желали, такъ какъ оно могло быть опаснымъ ихъ вліянію. Поэтому-то имъ было необходимо разрушить (дружбу) угрожавшую имъ опасностью. Значеніе братьевъ Куракиныхъ [1]) хотя и было ослаблено Безбородко и Кутайсовымъ, или даже совсѣмъ пало, но Куракины были друзьями императрицы и Нелидовой — они легко могли подняться и отомстить своимъ противникамъ. Эту случайность необходимо было предотвратить. Нѣкогда, при коронаціи въ Москвѣ, дѣвица Лопухина [2]) произвела впечатлѣніе на государя. Эту склонность вновь пробудили, предложивъ императору, въ 1798 году, вновь отправиться въ Москву съ небольшою свитою. Путешествіе состоялось. Кутайсовъ сопровождалъ императора, быть можетъ, и Безбородко, и оба, по крайней мѣрѣ, достигли своей цѣли; чтобъ погубить Лопухину, противъ нея былъ сдѣланъ родъ заговора, который Кутайсовъ открылъ по своемъ возвращеніи въ Петербургъ. По мѣрѣ того какъ участники заговора теряли

---

[1]) Оба князья Куракины, Александръ и Алексѣй, столь же милые люди, какъ и истинные патріоты. Они издавна были вѣрными друзьями Павла. Старшій теперь (1808 г.) посломъ въ Вѣнѣ, младшій министромъ въ Петербургѣ.

[2]) Дѣвица Лопухина красивѣе, чѣмъ дѣвица Нелидова, что не значитъ еще красивая, вышла теперь (1808 г.) за князя Гагарина, бывшаго посланника въ Неаполѣ.

милость императора, ихъ антагонисты возвышались. Фамилія Лопухиныхъ была возведена въ княжеское достоинство. Безбородко стоялъ тогда такъ высоко, что не могъ уже возвыситься. Кутайсовъ же, бывшій только егермейстеромъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта и кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени и мальтійскимъ кавалеромъ [1]), сталъ, по случаю бракосочетанія великой княжны Елены съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, въ 1799 году, имперскимъ графомъ и, если мы не ошибаемся, тогда же оберъ-егермейстеромъ съ чиномъ генерала и кавалеромъ ордена св. Андрея.

Кутайсовъ не пользовался своимъ вліяніемъ такъ, какъ долженъ бы былъ пользоваться. Онъ могъ способствовать добру и препятствовать злу; но онъ не дѣлалъ ни того, ни другаго . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ мартѣ 1801 г. онъ убѣжалъ въ Кенигсбергъ, гдѣ и жилъ нѣкоторое время. Вѣроятно, онъ отправился потомъ въ свои имѣнія, въ Россію. Гдѣ онъ находится теперь (1808 г.), намъ неизвѣстно.

Кутайсовъ былъ или и теперь еще женатъ. Отъ этого брака у него была одна дочь, на которой намѣревался жениться князь Зубовъ, чтобъ такимъ образомъ вѣрнѣе обмануть ея отца.

[Гельбигъ.]

Примѣч. переводчика: Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, 1759—1848. П. С. З. № 18595, 19238; Воронцовъ, VIII, 195, 276; X, 104, 110, 131, 278; XIV, 377; XVIII, 194, 327, 355; XXIII, 135; Державинъ, 702, 715, 719, 730, 732, 736; Записки Саблукова (Архивъ, 1869, 1894) Энгельгардтъ, 197; Masson, 271, 424; Журналъ Будберга (Сборникъ, IX, 398); Бантышъ-К., Словарь, II, 236: Соч. Державина, изд. Грота, IX, 688; Долгоруковъ, II, 220, 322. Е. Б.

Перевелъ съ нѣмецкаго, составилъ примѣчанія и сообщ. въ 1885 г.
В. А. Бильбасовъ.

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Конечно, первый примѣръ въ исторіи, что турокъ родомъ сталъ мальтійскимъ кавалеромъ!

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

† 18-го февраля 1877 г.

Глава XX [1]).

О житьѣ моемъ на квартирѣ.

Не ласковы были къ намъ учителя, не блаженствовали мы при нихъ въ классѣ, но и на квартирѣ невсегда весела и безбоязненна была жизнь моя. Анна Яковлевна, замѣчая много глупостей и шалостей за Кудрявцевымъ и Евсеемъ, покушалась усилить дисциплину, но дѣйствовала не очень рѣшительно, да и съ этими двумя избалованными, исшалившимися и притомъ довольно взрослыми господами не легко было ей бороться. При поступленіи моемъ въ низшее отдѣленіе, оба они перешли въ Рязань; изъ прежнихъ квартирантовъ я остался только одинъ, но на квартиру еще поступили трое: мой односельчанинъ Андрюша, братъ жены моего дяди Василія Мартыновича, Антонъ Соловьевъ и прежній мой односельчанинъ (по Палищамъ) Феофиловъ, внукъ тамошняго священника Евдокима и сынъ дьячка Кузьмы; Андрюша былъ помоложе, а Соловьевъ и Горловъ постарше меня годомъ или немного поболѣе.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XVII и XVIII; изд. 1882 г., т. XXXIII и XXXIV; изд. 1884 г., т. XLII и XLIII, стр. 87—104; 289—312.

Съ самаго начала сентябрьской трети 1820 г. Анна Яковлевна сказала намъ своего рода назидательную проповѣдь, совѣтывала быть смирными, прилежными, не шалить, не проказничать; въ случаѣ повиновенія нашего обѣщалась быть къ намъ ласковою, заботиться о нашихъ нуждахъ, но съ другой стороны напоминала и о розгѣ, если мы не послѣдуемъ ея совѣтамъ. Меня же, какъ человѣка ей уже извѣстнаго, какъ низшеклассnаго, сдѣлала чѣмъ-то въ родѣ старшаго надъ тремя соквартирантами, которые всѣ были въ приходскомъ, приказала мнѣ въ ея отсутствіе смотрѣть за ними и доносить ей объ ихъ неисправностяхъ. Анна, слушая все это, прибавляла: «да, матушка Анна Яковлевна, не надобно выпускать ихъ изъ рукъ, а то вонъ прежніе балобаны чего тутъ не надѣлали? Да вотъ старшаго-то нынѣшняго еще покрѣпче нужно бы держать, кому довольно и пяти ударовъ лозой, а ему надобно десятокъ». Анна Яковлевна, слѣдуя, разумѣется, не совѣтамъ Анны, а своимъ собственнымъ правиламъ, прибавила: «ты, Митя, уже большой, вѣрно будешь поумнѣе этихъ (указывая на приходскихъ) и не доведешь себя до розги; по смотри, и тебѣ потачки не будетъ».

Анна Яковлевна не ограничилась одною только проповѣдью, а позаботилась о насъ и въ другихъ отношеніяхъ. Пища наша была по прежнему хороша, даже получше; потомъ намъ велѣно было недѣли черезъ двѣ выбивать пыль изъ войлоковъ, на которыхъ мы спали. Баню стали для насъ топить не черезъ двѣ недѣли, а еженедѣльно. А главное, заботливая хозяйка почти всегда сама бывала съ нами въ банѣ, не снимая, впрочемъ, при насъ съ себя рубахи. Если время у нея было свободное, то сама, сидя на скамеечкѣ, мыла каждому изъ насъ голову. Затѣмъ уже приказывала самимъ мыть тѣло и другъ другу вытирать спины намыленными суконками. За недостаткомъ свободнаго времени мыла кого-нибудь одного или двухъ, а прочіе уже сами занимались своими головами. Въ то-же самое время она внимательно осматривала каждаго изъ насъ, какъ говорится, съ ногъ до головы, спереди и сзади, чтобы видѣть не появляется ли на насъ чесотка. Самъ по себѣ такой осмотръ для насъ ничего бы не значилъ, но бѣда тутъ состояла въ томъ, что при этомъ открывалось—кого изъ насъ недавно посѣкли въ классѣ. Тутъ начи-

нались допросы: за что это высѣкли? давались совѣты вести себя и учиться получше и пр.

Получивши отъ Анны Яковлевны что-то похожее на званіе старшаго надъ своими соквартирантами, я сталъ поступать съ ними, руководясь тѣмъ идеаломъ, который могъ составить по образцамъ своихъ классическихъ старшихъ. На это я считалъ себя тѣмъ болѣе уполномоченнымъ, что отцы моихъ подчиненныхъ просили меня тоже смотрѣть за ними, объяснять уроки, не позволять имъ лѣниться и пр. Я по своимъ тогдашнимъ понятіямъ могъ считать себя чѣмъ-то въ родѣ маленькаго Михаила Яковлевича. И дѣйствительно, повелъ себя я относительно соквартирантовъ важно и почти начальнически, дѣлалъ имъ выговоры, т. е. бранилъ ихъ за неисправности, позволялъ себѣ подрать ихъ за волосы и за уши, а главное жаловался Аннѣ Яковлевнѣ на ихъ неисправности и на то, что они осмѣливаются меня не слушаться, за что Анна Яковлевна иногда ихъ наказывала розгою. Такими поступками, разумѣется, я не могъ пріобрѣсти любви своихъ подчиненныхъ. Но я постарался увеличить ихъ нерасположеніе къ себѣ и другими глупостями, съ важностью доказывая, что они, приходскіе, предъ нами, низшеклассными ничего не значатъ, что мы ихъ можемъ колотить, какъ намъ угодно, что насъ учителя не сѣкутъ, а если и сѣкутъ, то не больно, по рубахѣ, а ихъ, какъ мальчишекъ, порютъ не на животъ, а на смерть. Съ своей стороны и подчиненные начали противъ меня бунтовать, стали жаловаться на меня за мою придирчивость къ нимъ, за щипки, пинки и пр. Сторону ихъ приняла и Анна.

— «Вы бы, матушка Анна Яковлевна, старшаго-то самого хорошенько высѣкли; онъ-то настоящій забіяка и озорникъ».

Общая наша командирша дѣлала мнѣ замѣчанія, грозила и со мною расправиться, если я не оставлю своихъ притязаній на званіе начальника, иногда трепала даже за волосы и за уши и все это при моихъ подчиненныхъ. Амбиція моя страдала и я озлобился еще болѣе противъ своихъ подчиненныхъ. Въ концѣ сентября, въ субботу, когда намъ нужно было мыться въ банѣ, меня за что-то высѣкли въ классѣ; мои соквартиранты отъ кого-то узнали объ этомъ и шепнули Аннѣ, которая во время обѣда принялась надо мною смѣяться.

— «Что, старшій, разрисовали и тебѣ ж—у? Вотъ пойдете въ баню, Анна Яковлевна увидитъ это».

Хоть высѣкли меня не больно и не обнажая, однако, я все-таки полагалъ, что слѣды сѣченья могла замѣтить Анна Яковлена и я долженъ буду въ присутствіи своихъ подчиненныхъ разсказать, за что меня высѣкли, и выслушать проповѣдку. Я рѣшился не идти въ баню и послѣ обѣда сталъ одѣваться. Въ это время вошла къ намъ хозяйка.

— «Куда это ты идешь? — спросила она меня. Вѣдь скоро пойдемъ въ баню». Я отвѣчалъ: «мнѣ съ другими товарищами велѣлъ придти къ себѣ Красновъ, чтобы поработать у него». Злая Анна тотчасъ же разсказала, что меня высѣкли и что я вѣрно вру. Начались допросы, я стоялъ на своемъ, но Анна вызвалась меня провожать къ Краснову и посмотрѣть правду ли я говорю.

Анна Яковлевна согласилась на это предложеніе.

— «Ну ступай съ нею, сказали мнѣ, но смотри, если совралъ ты, такъ я въ другой банѣ выпорю тебя; лучше сознайся, пока еще есть время». Я долженъ былъ отказаться отъ своего плана. Разумѣется, всѣ засмѣялись, а я униженный предъ сокварти-рантами еще болѣе осердился на нихъ и началъ придумывать, какимъ образомъ мнѣ отдѣлаться отъ бани; взялъ какую-то книжку и забрался въ темный уголъ чердака. И потому, когда прочіе мальчики собрались идти въ баню, меня не оказалось на лицо; искали, звали меня, а я сидѣлъ помалчивая. Но Анна скоро отыскала, привела меня и сказала, гдѣ меня нашла.

— «Ты что это тамъ дѣлалъ?»-- спросила меня Анна Яковлевна.

«Урокъ училъ», отвѣчалъ я. Разумѣется, всѣ захохотали, потому что тамъ, гдѣ меня нашли, нельзя было ничего читать, по причинѣ темноты. Всѣ пошли въ баню, а я сталъ изъ сундучка доставать бѣлье и подъ разными предлогами протягивалъ время. Анна, замѣтивши мои продѣлки, насильно меня потащила въ баню; я у нея вырывался, не шелъ и кричалъ, но все-таки приведенъ былъ въ предбанникъ. Анна Яковлевна, мывшая уже товарищей моихъ, велѣла Аннѣ помочь мнѣ раздѣться и втолкнуть меня въ самую баню. Но, вошедши раздѣтый уже, я остановился у порога.

— «Ну, иди ко мнѣ,—сказала Анна Яковлевна, я тебѣ голову

вымою». — «Я не маленькій, отвѣчалъ я», и самъ вымоюсь», и началъ наливать себѣ воду.

Раздосадованная моимъ упрямствомъ, она велѣла сокварти-рантамъ подтащить меня къ ней, и я, дѣлать нечего, подошелъ и сталъ съ лѣвой стороны ея на колѣни и положилъ голову свою на ея лѣвую ногу. Но вмѣсто мытья она обѣими руками под-хватила меня подъ животъ, подняла и положила такъ, что я растянулся спиною вверхъ; велѣла Андрюшѣ изъ вѣника вы-нуть два прута и, очистивъ отъ листьевъ, похлестать меня ими. Андрюша еще не привыкъ сѣчь другихъ и потому его сѣченье было для меня очень не больно, да и ударилъ онъ разъ пять. Аннѣ Яковлевнѣ хотѣлось только попристращать меня. Но амби-ція моя еще болѣе прежняго разыгралась.

Пришедши изъ бани, мои приходскіе разсказали Аннѣ о томъ, что меня въ банѣ посѣкли, и вмѣстѣ съ нею принялись надо мною смѣяться. Я выходилъ изъ себя и особенно золъ былъ на Горлова, который болѣе всѣхъ смѣялся. При Аннѣ мнѣ ничего нельзя было сдѣлать. Но когда она ушла изъ кухни куда-то, я не вытерпѣлъ, подскочилъ къ Горлову, стоявшему ко мнѣ спиною, ударилъ его и онъ, на мою бѣду, ударился объ стѣну носомъ, изъ котораго тотчасъ потекла кровь. Поднялся, разумѣется, крикъ, доложили Аннѣ Яковлевнѣ и она, пришедши въ кухню, увидала Горлова въ крови. Тутъ уже и ея терпѣніе лопнуло. Возвратив-шаяся вскорѣ Анна еще болѣе подзадорила свою хозяйку.

«Давно я вамъ, матушка, говорила, что онъ забіяка, вотъ смотрите-ка, какъ онъ парня избилъ». Ее послали въ баню до-быть изъ распареннаго вѣника хорошую розгу. Когда Анна во-ротилась съ розгою, я спдѣлъ въ переднемъ углу за столомъ и, не смотря на приказанія Анны Яковлевны, не выходилъ, или, лучше, не торопился выходить оттуда. Анна, между тѣмъ, по-ставила на серединѣ кухни скамейку, отодвинула столъ и, свя-завши мнѣ руки, понесла меня къ скамьѣ, положила поперегъ ея на животъ, такъ что моя голова и грудь были на одной сто-ронѣ скамьи, а на другой—висѣли ноги. Заворотить рубаху за обшивку и снять долой инекспреспбли было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, и посыпались удары по моему тѣлу. Экзекуція была жестокая; по окончаніи ея, почти весь обнаженный, я въ полу-безпамятствѣ легъ на заднюю лавку, плакалъ, плакалъ, да и

заснулъ. Андрюша прикрылъ меня моимъ халатомъ. Горько было мнѣ проснуться; подчиненные мои видѣли, что меня такъ высѣкли при нихъ, какъ ихъ еще не сѣкали; весь форсъ, по поговоркѣ, слетѣлъ съ меня. И Аннѣ Яковлевнѣ, когда она успокоилась, стало меня жалко; въ слѣдующій день она позвала меня въ горницу, посадила къ себѣ на колѣни и говорила: «что это тебѣ глупому вздумалось такъ упрямиться и потомъ еще драться? перестань дурачиться, теперь ты самъ видишь, какъ за это наказываютъ». Потомъ дала какихъ-то лакомствъ и отпустила. Но я уже увидалъ, что мнѣ нечего превозноситься предъ своими соквартирантами, помирился съ ними, а съ Андрюшей сдѣлался опять пріятелемъ. Да и мудрено было мнѣ превозноситься, потому что между нами не дѣлали различія, когда приходилось насъ за что-нибудь наказывать. Впрочемъ, Ашу уже почти никогда не заставляли сѣчь насъ, мы сами другъ друга держали и сѣкли, а иногда и сама Анна Яковлевна брала розгу въ руки.

Въ половинѣ сентябрьской трети 1820 г. число соквартирантовъ нашихъ увеличилось двумя новыми товарищами, Ивановыми; старшій былъ высшеклассникомъ ученикомъ, младшій моимъ товарищемъ. Отецъ ихъ, священникъ Гусевскаго погоста, Гавріилъ, вѣсилъ, кажется, пудовъ до 10-ти. Туловище его безъ головы, ногъ и рукъ, ну, кажется, чуть-чуть не могло-ли назваться кубическимъ. Онъ слылъ богатымъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ жилъ богато, по барски. Поэтому и дѣтей своихъ поставилъ на нашей квартирѣ на особенныхъ условіяхъ. Они должны были обѣдать вмѣстѣ съ хозяевами, пили даже чай утромъ и вечеромъ, помѣстились въ горницѣ (въ передней за ширмою), мы ихъ и называли горничными, а они насъ кухонными. Впрочемъ, младшій братъ, Петръ, скоро сдружился и почти всегда проводилъ время съ нами вмѣстѣ, если только мы сами, наскучивъ его шалостями, не прогоняли его отъ себя. Но старшій братъ, Василій, любилъ разыгрывать предъ нами роль какого-то высшаго существа. Это былъ типъ тогдашняго избалованнаго, испалившагося священническаго сынка; при отличныхъ способностяхъ не отличался успѣхами и, кажется, едва-ли уже не былъ оставленъ въ высшемъ классѣ на второй курсъ. Съ нами обращался самымъ высокомѣрнымъ образомъ; называлъ насъ почти

всегда не иначе, какъ кухонными чумичками или замарашками, дрянью и пр.; нашихъ именъ долго и знать не хотѣлъ. Не меньше обпаруживалъ спѣси и предъ Анною: «эй ты, баба, подай то-то, сдѣлай то-то, что ты, мерзавка, замѣшкалась» и пр. Анна, обижаясь такими привѣтствіями, ругалась съ нимъ чуть не при каждой встрѣчѣ. «Ну уже попадешься ты мнѣ въ руки, когда матушкѣ Аннѣ Яковлевнѣ угодно будетъ велѣть отпороть тебя, ужъ такъ отпорю, что небу жарко будетъ, тогда заговоришь другимъ языкомъ, натѣшусь я». «Э, погоди, баба, отвѣчалъ Ивановъ, далека пѣсня, я вѣдь не эти мальчишки замарашки (т. е. мы), меня не уложите на полъ». До Анны Яковлевны начали доходить частыя жалобы на него и отъ насъ и отъ Анны. Кромѣ того, онъ иногда по нѣсколько часовъ не приходилъ по окончаніи послѣ обѣденныхъ классовъ, иногда и съ квартиры уходилъ безъ спроса; извѣстно уже было, что онъ и попивалъ, и въ карты игралъ и пр. Онъ потому и отданъ былъ подъ надзоръ Анны Яковлевны, чтобы она попыталась исправить его. Она, дѣйствительно, задумалась взяться за это; сначала хотѣла дѣйствовать словами и убѣжденіями, потомъ стала грозить и розгами; угроза эта, однажды, была высказана и при насъ. Ивановъ, не желая конфузиться предъ нами, отвѣчалъ: «ну ужъ извините, до этого далека пѣсня, не горячитесь, Анна Яковлевна, вѣдь я не мальчишка»; онъ былъ въ это время лѣтъ 16-ти, такъ что въ баню его не брала съ собою Анна Яковлевна. Она на этотъ разъ удержалась отъ вспышки, но сказала: «вотъ увидимъ», и Ивановъ тоже ей отвѣтилъ: «увидимъ», и дѣйствительно дѣло скоро довелъ до развязки. Чрезъ нѣсколько дней онъ не только насъ разбранилъ безо всякаго повода, но кому далъ толчекъ, кому щипокъ, да вдобавокъ ушелъ безъ спроса изъ дому. По возвращеніи его, Анна Яковлевна рѣшилась его высѣчь, но онъ выдержалъ себя, не легъ на полъ и даже сталъ отмахиваться руками, когда она съ Анною хотѣла было нагнуть его. Ивановъ торжествовалъ и хвастался предъ нами на кухнѣ своею стойкостью, и Аннѣ говорилъ: «ну что вы съ матушкою сдѣлали»? Но торжество его было непродолжительно. Гусевскій погостъ отстоялъ отъ Касимова верстахъ въ 18 — 20; Анна Яковлевна дала знать отцу Гавріилу, чтобы онъ самъ пріѣхалъ въ городъ. Когда мы чрезъ

нѣсколько дней возвратились домой по окончаніи послѣобѣденнаго класса, Анна намъ показала пару отличныхъ розогъ и прибавила, что пріѣхалъ отецъ Гавріилъ, переговорилъ уже съ Анною Яковлевною и велѣлъ ей, Аннѣ, приготовить пару розогъ. Скоро подтвердилъ слова Анны меньшой Ивановъ и затѣмъ немного погодя вошелъ и отецъ Гавріилъ съ старшимъ сыномъ. «Ну что, Анна, все у тебя готово?», и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «покажи-ка мнѣ»; взглянувши на розги, прибавилъ: «хорошо, возьми-ка вотъ его, да получше сѣки, я тебѣ спасибо скажу, а ты, Василій, поди-ка вотъ сюда», и придвинулъ его къ скамейкѣ, которую Анна успѣла отодвинуть къ срединѣ комнаты. Надобно сказать, что о. Гавріилъ говорилъ самымъ спокойнымъ образомъ, не горячась, не возвышая голоса, какъ будто дѣло шло о самыхъ пустякахъ, но уже за то видно было, что онъ будетъ дѣйствовать неумолимо и рѣшительно. Ивановъ началъ было упрашивать отца. «Полно, полно тебѣ болтать-то, ложись-ка на скамейку, а ты, обращаясь къ Аннѣ, прибавилъ: уложи, да привяжи его». Анна уложила, плотно привязала своего врага къ скамьѣ нашими кушаками и обнажила; двоихъ изъ насъ о. Гавріилъ заставилъ держать скамью, чтобы она какъ нибудь не упала. И досталось же Иванову, обѣ розги сдѣлались негодными къ употребленію; когда отвязали Иванова отъ скамьи, то онъ, подобно мнѣ, тоже легъ на заднюю лавку и болѣе часа лежалъ не вставая. На слѣдующій день о. Гавріилъ, прощаясь съ сыномъ, сказалъ, что тотчасъ же опять пріѣдетъ и угоститъ еще болѣе жаркою банею, если онъ будетъ бунтовать противъ Анны Яковлевны.

Болѣе нежели на недѣлю Василій Ивановъ присмирѣлъ, но мелочно спѣсивая его натура мало по малу взяла свое. Онъ опять началъ задавать намъ и Аннѣ форсу. И когда мы говорили, что ему, кажется, нечѣмъ теперь превозноситься передъ нами, что его недавно высѣкли въ квартирѣ такъ, какъ изъ насъ никого не сѣкли, то онъ отвѣчалъ: «ну что же? высѣкли, правда, но по приказанію отца, а не какой нибудь Анны Яковлевны», что его мы не только не сѣкли, но и не держали, что его привязали къ скамьѣ, что онъ по прежнему не слушается Анны Яковлевны» и пр., а вдобавокъ началъ насъ честить кухонными чумичками и замарашками, а Анну—бабою. Эта баба

не умѣла молчать, не только сама давала, какъ говорятъ, сдачи своимъ языкомъ, но и пересказывала все хозяйкѣ. Анна Яковлевна не очень испугалась самохвала; услыхавши отъ насъ, что онъ по прежнему насъ ругаетъ, она привела его въ кухню и рѣшилась сама своею властью высѣчь. Сначала Ивановъ думалъ было оказывать какое-то сопротивленіе, но когда ему напомнили, что завтра же пошлютъ къ отцу нарочнаго, то онъ счелъ за лучшее растянуться на полу; одинъ изъ насъ взялся за лозу, а четверо держали его. Въ слѣдующія трети операція эта очень часто надъ нимъ возобновлялась, гораздо чаще, нежели сколько каждому изъ насъ приходилось ей подвергаться на квартирѣ, потому что Ивановъ не совсѣмъ еще отсталъ отъ прежнихъ своихъ шалостей. Анна Яковлевна была къ нему гораздо строже, нежели къ намъ. Мало по малу нашъ горничный баринъ, какъ мы называли Василія Иванова, присмирѣлъ, началъ съ нами обращаться по товарищески и даже позволялъ намъ надъ собою подсмѣиваться. «Что это ты, Василій Гавриловичъ, съ нами поладилъ? вѣдь прежде къ тебѣ приступа не было», спрашивалъ кто нибудь изъ насъ. «Да, отвѣчалъ онъ, по неволѣ поладишь, лоза не свой братъ, ты самъ знаешь, какъ отъ нея больно бываетъ». Но настоящимъ образомъ онъ немного развѣ сдѣлался лучше прежняго, дурныя его привычки позадержались, но не истребились. По переводѣ его въ семинарію, онъ вновь принялся за лѣнь и за шалости и сколько помнится, исключенный изъ нея чрезъ два года, поступилъ въ приказные; сначала служба его шла не дурно; по слухамъ, его считали хорошимъ чиновникомъ, но потомъ мало по малу онъ предался пьянству и распутной жизни и умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Помирившись съ Ивановымъ, я не могъ поладить съ розгами, которыми по временамъ угощала меня Анна Яковлевна. Хотя большей части моихъ товарищей, какъ я уже сказалъ выше, доставалось отъ хозяевъ и высшеклассныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были квартиры, гдѣ нашъ братъ пользовался бо̀льшею свободою и рѣже былъ наказываемъ, нежели у насъ; иные же любили похвастаться, что они живутъ на квартирѣ припѣваючи и что до нихъ тамъ никто пальцемъ не дотрогивается. Увлекаемый подобными разсказами, я рѣшился какъ нибудь перебраться на другую квартиру, на волю, на просторъ. Разумѣется, началъ

жаловаться дома на разныя притѣсненія отъ Анны Яковлевны и отъ Анны, на дурную пищу, на то, что насъ часто посылаютъ по городу съ порученіями и не даютъ учить уроки, что въ самой квартирѣ намъ покоя нѣтъ отъ руготни Анны и пр. Конечно, въ этомъ случаѣ не обошлось безъ преувеличенія, даже многое, напр., относительно пищи было попридумано. Но всѣ мои разсказы ничего бы не сдѣлали, если бы у батюшки не вышла разладка съ Бѣляевыми на второмъ году моего низшеклассnаго житья-бытья. Въ то время метрическія и духовныя книги, т. е. записи о рождающихся, причастившихся и не причастившихся, доставляемы были въ каждое духовное правленіе духовенствомъ приписанныхъ къ нему уѣздовъ, а оттуда уже пересылались въ консисторію. Тогдашній архіерей Сергій захотѣлъ, чтобы все это представлялось прямо въ консисторію. Распоряженіе очень хорошее; духовенство съ книгами всегда уже прилагало, какъ тогда говорили, документы князя Хованскаго, т. е. тогдашнія ассигнаціи, въ качествѣ взятки, членамъ и повытчику правленія, но, кромѣ того, надобно было также задобрить и консисторію, которая имѣла право повѣрять пересланные къ ней документы; не задобри, тогда обойдется дороже. По новому же распоряженію архіерея приходилось давать взятки только въ консисторію. Такимъ нововведеніемъ члены и повытчики духовныхъ правленій весьма были недовольны, даже озлоблены; вѣдь оно было очень убыточно для ихъ бездонныхъ кармановъ. Но не знаю, справедливая или нѣтъ, только тогда молва гласила, что мой батюшка, пользовавшійся хорошимъ расположеніемъ владыки, внушилъ ему это нововведеніе. Разумѣется, члены Касимовскаго духовнаго правленія: нашъ смотритель, Красновъ, отецъ Федоръ и особенно повытчикъ Бѣляевъ начали косо посматривать на моего батюшку. На квартирѣ же пришлось и мнѣ много разъ слышать, какъ при мнѣ же бранили его и Иванъ Ефимовичъ, и отецъ Федоръ, и Анна Яковлевна; послѣдняя сдѣлалась, какъ мнѣ показалось, суровѣе прежняго со мною. Однажды наказывали всѣхъ насъ кухонныхъ за какую-то шалость; она велѣла прочимъ дать по шести ударовъ, а когда дошла очередь до меня, то сказала: «ну, а этому дайте десятокъ, вѣдь отецъ его...» тутъ она не докончила своей фразы, но ясно было, что мнѣ достались лишнихъ четыре удара изъ-за

моего батюшки. И объ этомъ я сказалъ дома, матушка вступилась за меня и положено было съ 1822 года перевести меня на новую квартиру.

XXI.

О житьѣ моемъ на новой квартирѣ и о переводѣ въ рязанское духовное училище.

Хотя батюшка и рѣшился освободить меня изъ-подъ опеки Анны Яковлевны, но давать мнѣ полный просторъ и волю вовсе не думалъ; онъ отыскалъ такую квартиру, гдѣ бы я находился подъ надзоромъ высшеклассnаго ученика. Въ то время обучались въ касимовскомъ духовномъ училищѣ три брата Гусевы, дѣти діакона села Парихина Федота; средній, Прокопій, былъ моимъ товарищемъ, младшій, Дмитрій, въ приходскомъ училищѣ, а старшій, Яковъ, въ высшемъ отдѣленіи занималъ первое мѣсто; послѣднему-то, по тогдашнему нашему выраженію, и отдали меня въ руки. Послѣ святокъ батюшка самъ привезъ меня въ Касимовъ; не знаю, что̀ и какъ онъ говорилъ моимъ хозяевамъ о моемъ переходѣ на новую квартиру, но Анна Яковлевна, пришедши на кухню, сказала мнѣ: «ты, Митя, переходишь на новую квартиру. Ну, смотри, вспомнишь и обо мнѣ; ты думаешь, что тамъ жить тебѣ будетъ лучше, увидишь да и пожалѣешь, что ушелъ отъ насъ». Но я былъ въ восхищеніи, и тотчасъ по отъѣздѣ батюшки переѣхалъ на новую квартиру. Кромѣ Гусевыхъ тутъ жили еще Иванъ Крыловъ, мой товарищъ, сынъ парихинскаго священника Ивана Антоновича, о которомъ я говорилъ выше, двое Веселкиныхъ, дѣти Михея, причетника села Курмона; старшій сынъ, прежній мой авдиторъ, учился и теперь вмѣстѣ со мною, а второй—въ приходскомъ училищѣ; наконецъ, Тимоѳей Гусевъ, сынъ парихинскаго причетника Ивана Елисеева; его мы звали Тимоша.

Новая квартира находилась у самаго Никольскаго оврага, въ домѣ какой-то мѣщанки Дарьи. Домъ этотъ состоялъ изъ небольшаго флигеля въ три окна по лицевой сторонѣ. Почти двѣ трети его занималъ какой-то купеческій прикащикъ со своей семьей, а остальное его пространство, шириною аршинъ пять,

а длиною аршинъ десять было нашею семинарскою квартирою; болѣе нежели четверть его занята была большою русскою печью, между нею и стѣною находился проходъ аршина два съ чѣмъ-либо, гдѣ на гвоздяхъ висѣло наше платье; въ остальной части, кромѣ лавокъ, стоялъ столъ и скамья. Въ такой-то комнатѣ жили хозяйка съ сыномъ и дочерью, да насъ восемь семинаристовъ, всего 11 человѣкъ. Въ холодное время спали хозяйка и дочь на печи, сынъ ея и мы располагались на палатяхъ, по лавкамъ и на скамейкахъ, но по очереди человѣка по 2—3 на полу. Можете судить, что̀ за воздухъ былъ бы въ такой комнатѣ даже при хорошей вентиляціи. Но о ней тогда мы и слухомъ не слыхали. Прибавьте сюда еще, что въ печи каждый день готовилась и оставалась до ужина пища; для освѣщенія употреблялись низкаго сорта сальныя свѣчи, а у хозяйки даже лучина. И все-таки, сколько теперь припоминаю, не жаловались мы на дурноту воздуха, даже едва ли подозрѣвали ее. Постели свои, т. е. войлокъ и подушку, мы на день должны были выносить въ сѣни, а на ночь вносили и укладывали на полу и по лавкамъ; только спавшіе на палатяхъ избавлены были отъ этихъ излишнихъ хлопотъ. Въ теплое же время мы спали одни въ сѣняхъ, а другіе на сушилѣ, но въ обоихъ мѣстахъ часто дождь безпокоилъ насъ, потому что по бѣдности хозяйки кровля вездѣ была плоха; поэтому и лѣтомъ иногда приходилось опять перебираться или въ избу, или въ амбаръ подъ сѣнями, гдѣ стоялъ разный домашній скарбъ. Дворъ былъ не маленькій, а за нимъ лежалъ еще садъ или, лучше, огородъ, въ которомъ вовсе почти не было плодовыхъ деревьевъ и росло нѣсколько вязовъ, ветелъ и березъ, съ которыхъ, въ случаѣ надобности срѣзывались розги для насъ. Кромѣ того, большія деревья доставляли намъ особаго рода удовольствіе: мы влѣзали на нихъ или для того, чтобы раззорить гнѣздо вороны, грача и пр., или только для того, чтобы тамъ посидѣть на сучкѣ.

Поддержать чистоту и опрятность въ нашей квартирѣ мудрено было даже самой заботливой женщинѣ. Наша хозяйка по временамъ мывала не только лавки, но и полы; только это мало помогало; 11 человѣкъ даже не въ грязное время скоро затаптывали полъ, а въ грязное—черезъ день или два слѣды мытья исчезали. На насъ это имѣло дурное вліяніе. Спавши по оче-

реди, какъ я сказалъ, на полу, мы должны были класть на него свои войлоки; отъ безпорядка, господствовавшаго въ томъ мѣстѣ, куда мы складывали постели, часто случалось, что сторона войлока, которая въ предъидущую ночь касалась пола, въ слѣдующую — обращена была вверхъ и, такъ сказать, вычищалась, бѣльемъ спавшаго, отъ приставшей къ ней пыли и грязи; къ этому нужно присоединить, что баню для насъ топили и мы перемѣняли бѣлье черезъ двѣ недѣли. Самая баня на нашемъ дворѣ была ветхая, темная, а зимою на полу было даже холодно. Иногда же приходилось намъ мыться въ баняхъ у сосѣдей, съ которыми наша хозяйка, изъ экономіи, топила ихъ бани вмѣстѣ; тогда даже и воды теплой не много доставалось каждому на долю. Особенно никогда не забуду одной бани, принадлежавшей домику, устроенному въ полугорѣ Никольскаго оврага; баня вся врыта была въ гору, такъ что только дверь, да небольшое около нея окно замѣтны были снаружи; въ нее, какъ мы тогда выражались, и свѣтъ Божій не проходилъ, гдѣ же тутъ было хорошо вымыться? Послѣ всего здѣсь сказаннаго, понятно, чѣмъ дѣлалось на насъ бѣлье чрезъ двѣ недѣли предъ нашею банею; по этимологіи его, конечно, нужно было производить отъ слова бѣлый, но по цвѣту его слѣдовало бы назвать чернымъ. Такъ какъ новые мои соквартиранты давнымъ давно уже жили въ такой неопрятности, то на тѣлѣ каждаго изъ нихъ было много семинарскаго бисера, такъ называли мы чесотку. Чрезъ нѣсколько недѣль и я началъ украшаться этимъ бисеромъ; эта семинарская проказа, усилившаяся послѣ во время моего житья въ рязанской семинаріи, съ промежутками продолжалась у меня до самой академіи, гдѣ меня уже кое-какъ вылѣчили при помощи сѣрныхъ ваннъ; хотя кромѣ того не было ни одного домоваго отпуска, въ теченіи котораго матушка не лечила бы меня; отъ меня заражались чесоткою наши домашніе въ Тумѣ.

На новой же своей квартирѣ я вполнѣ также ознакомился съ семинарскою пѣхотою и кавалеріей. Названія эти, можетъ быть, для всѣхъ моихъ читателей покажутся непонятными. Извѣстно, что есть преимущественно три рода насѣкомыхъ, которыя мучатъ нечистоплотное человѣчество, это вошь, блоха и клопъ. Семинаристы въ мое время подвергались нападеніямъ всѣхъ этихъ мелкихъ своихъ враговъ и въ шутку называли

вшей пѣхотою, блохъ — кавалеріей, а клоповъ — артиллеріей. У Анны Яковлевны мы мало знакомились съ этими родами воинствъ; особенно пѣхота была ею неумолимо преслѣдуема. Но на новой квартирѣ никто не заставлялъ насъ хорошенько и чисто чесать свою голову; бѣлье не перемѣнялось нами по двѣ недѣли, и кавалеріи, особенно пѣхотѣ, было полное раздолье. Тутъ я въ первый еще разъ сталъ встрѣчать ее у себя не на головѣ только, а и въ бѣльѣ. Если бы даже я и вздумалъ каждый день чесать свои волосы, то это не избавило бы меня отъ нашествія пѣхоты, потому что у прочихъ квартирантовъ было ея многое множество и въ бѣльѣ, и въ платьѣ; отъ нихъ она перешла бы ко мнѣ. Не меньше было въ нашихъ постеляхъ и кавалеріи въ теплое время, но артиллерія почему-то не успѣла еще устроить свою штабъ-квартиру у насъ.

Пища наша была уже очень неизысканна. Мои соквартиранты знали, что у Анны Яковлевны кормили семинаристовъ хорошо и подавали пищу, конечно, въ деревянной, но все-таки порядочной посудѣ и потому передъ ужиномъ въ первый день моего у нихъ житья начали надо мною подшучивать, говоря: «смотри, не потони въ нашей купели силоамской, не раздери рта нашими ковшами». И когда начали собирать ужинать, то они закрыли мнѣ глаза и говорили: «погоди, погоди, мы тебя вдругъ обрадуемъ». Наконецъ, открыли мнѣ глаза и я увидалъ предъ собою огромную съ толстыми стѣнками деревянную чашку самой грубой работы; это и была силоамская купель; равнымъ образомъ и ложки, конечно, нельзя было назвать ковшами, но, дѣйствительно, онѣ по одиночкѣ не во всякій ротъ могли проходить свободно. Любезные мои товарищи, замѣтивъ мое изумленіе, помирали со смѣху. Принялись за ужинъ. Я замѣтилъ, что щи забѣлили сметаною, поэтому надѣялся найти ихъ очень вкусными, предполагая, что въ нихъ варилась говядина, но тотчасъ разочаровался въ этомъ. Изъ моихъ соквартирантовъ только одинъ Крыловъ имѣлъ отца достаточнаго священника, а прочіе были дьяконскими и дьячковскими дѣтьми и потому объ изысканной пищѣ отцы и не позволяли имъ думать. Экономія въ этомъ отношеніи была самая строгая. Всѣ почти запасы: ржаная мука, гречневая крупа, скоромное масло, окорока ветчины или свинина, даже горшки сметаны привозились изъ дома, одно почти только постное коно-

пляное масло покупалось въ Касимовѣ. Въ скоромные будничные дни щи варились только изъ воды и капусты съ прибавкою небольшаго количества крупъ; оскоромливаемы же они были сметаною уже когда ихъ хозяйка подавала на столъ. Въ праздничные дни во щахъ варилась ветчина или свинина; свѣжую говядину въ теченіи двухъ третей года мы едва ли не три только раза покупали, именно въ Троицынъ день, въ заговѣнье предъ Петровымъ постомъ, да въ день Петра и Павла. Второе блюдо наше состояло изъ каши со скоромнымъ масломъ. Въ постные дни, разумѣется, пища была еще скуднѣе; щи состояли изъ той же воды, капусты, какъ и скоромные, да еще подбивались мукою; каша подслащивалась постнымъ масломъ; кромѣ того, въ великій постъ подавалась бѣлая капуста съ квасомъ, а лѣтомъ мы для своего холоднаго покупали сначала лукъ, а потомъ свѣжіе огурцы; лукъ толкли, огурцы изрѣзывали или тоже толкли, подливали квасу, солили, вотъ и готово холодное. Самый квасъ, который по договору варила для насъ на свой счетъ хозяйка, былъ очень дуренъ; онъ, какъ мы говаривали, рвалъ глаза, т. е. былъ очень киселъ. Такъ какъ я изъ двора ничего не привозилъ, то свою долю муки, крупы и масла покупалъ въ Касимовѣ, а за ветчину, сметану и пр. платилъ деньгами, сколько приходилось по оцѣнкѣ, сдѣланной моими соквартирантами. Скудную роспись нашихъ блюдъ за обѣдомъ и ужиномъ мы, подобно всѣмъ касимовскимъ семинаристамъ, пополняли блюдомъ изъ раковъ, которыхъ въ Окѣ было многое множество. Ловля производилась нами весною, лѣтомъ и даже осенью при помощи самыхъ простыхъ способовъ. Мы брали изношенный лапоть, клали на него небольшой камень и кусокъ хлѣба и опускали на веревочкѣ въ воду. Болѣе совершенный приборъ состоялъ изъ небольшаго обруча, котораго вся средина закрывалась обрывкомъ отъ невода или бредня; такіе обручи назывались сѣтками. Подержавши нѣсколько времени свои приборы въ водѣ, мы вытаскивали ихъ и находили раковъ въ лаптѣ или сѣткѣ; а иной своею клешнею прицѣплялся даже снизу или съ боку ихъ и попадался въ наши руки. Но иногда ни лаптя, ни сѣтки не было, тогда отправлялись на тѣ мѣста Оки, гдѣ дно ея покрыто было камнями. Раздѣвшись, мы тутъ ногами ощупывали порядочной величины камни, опускались на дно и рукою отыскивали тамъ

раковъ, не всегда находили, но все-таки мало по малу налавливали сколько нибудь. Хотя раки принадлежатъ къ постнымъ кушаньямъ, но мы и въ скоромные дни не пренебрегали ими. Если удавалось достать какой-либо бредень, то ходили ловить рыбу; удочка у насъ была въ небольшомъ употребленіи. Впрочемъ, начальство наше по какимъ-то своимъ соображеніямъ запрещало намъ ловлю и раковъ, и рыбы; поэтому мы производили ее или ночью, или хоть и днемъ, но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы насъ не увидѣлъ начальническій глазъ.

Хозяйка наша не принадлежала къ положительно дурнымъ женщинамъ; въ ней было даже не мало и хорошихъ качествъ, но бѣдность нерѣдко дѣлала ее злою, несправедливою и корыстолюбивою. Она съ двумя своими малолѣтними дѣтьми только и жила своимъ домомъ; не помню сколько ей платилъ приказчикъ, занимавшій двѣ трети дома; съ каждаго изъ насъ она получала по 10 руб. ассигнаціями въ годъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на свой счетъ заготовляла для насъ капусту, квасъ и соль; доходы, какъ видите, небольшіе. Неудивительно послѣ этого, что она любила пользоваться нашими припасами; не смотря на самый внимательный нашъ надзоръ, находила возможность украсть у насъ понемногу и муки, и крупы, и масла, и даже сметаны. Когда же во щахъ варилось мясное, то успѣвала изъ нихъ отливать для своей семьи хорошую порцію и дополняла ихъ водою; усмотрѣть за всѣмъ намъ не было никакой возможности. Далѣе она выходила изъ себя какъ скоро мы что-нибудь портили, ломали и, вообще, причиняли ей какой-либо убытокъ.

Наконецъ, въ новой своей квартирѣ я вполнѣ ознакомился съ однимъ неудобствомъ, котораго у Анны Яковлевны почти не зналъ. Колодезя на дворѣ у насъ не было, а воды на нашу квартиру требовалось для 11 человѣкъ. Въ малолѣтнихъ своихъ дѣтяхъ хозяйка не могла еще имѣть помощниковъ въ этомъ отношеніи, вотъ почему она и пускала къ себѣ семинаристовъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они носили нужную для нихъ воду; впрочемъ, такое условіе почти на всѣхъ квартирахъ существовало. У Анны Яковлевны насъ слишкомъ рѣдко принуждали къ этой работѣ, но здѣсь теперь пришлось мнѣ держать очередь по части водоношенья. И одинъ ушатъ принести было не очень легко, потому что колодезь находился дома черезъ два отъ насъ, но въ баню,

при мытьѣ бѣлья, при варкѣ квасу нужно было принести не одинъ ушатъ.

Немного прошло времени какъ я ознакомился со всѣми описанными недостатками новой квартиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ скоро я увидалъ, что и розги, которыя особенно заставили меня оставить прежнюю квартиру, употребляются и на новой. Прежде всего я состоялъ подъ полнымъ надзоромъ старшаго Гусева, Якова Федотовича; онъ получилъ полномочіе отъ моего батюшки принимать всѣ мѣры, какія сочтетъ нужными, противъ моихъ лѣности и шалостей. Кромѣ того, Яковъ Федотовичъ былъ нашимъ квартирнымъ старшимъ и, на основаніи тогдашнихъ училищныхъ юридическихъ неписанныхъ законовъ, обязанъ былъ доносить инспектору о нашихъ неисправностяхъ, а за это почти всегда грозили розги, приложеніемъ которыхъ къ виновному поручалось иногда заняться самому же старшему; такъ уже лучше было быть высѣченнымъ на квартирѣ безъ приказа инспекторскаго. Еще мое положеніе на новой квартирѣ, по крайней мѣрѣ, сначала, имѣло особое неудобство. Всѣ мои одноквартиранты были или близкіе родственники между собою, или односельчане, я одинъ былъ между ними чужой человѣкъ, только Крыловъ состоялъ въ дальнемъ родствѣ со мною и, главное дѣло, былъ я новичокъ на новой квартирѣ. Мои соквартиранты не то, что меня не любили, но имъ хотѣлось бы меня поучить по своему, поздравить съ квартирою также, какъ поздравляли съ пріѣздомъ или съ банею другъ друга ученики Михаила Яковлевича, о чемъ я говорилъ выше. Недѣли черезъ три я доставилъ имъ случай достигнуть своей цѣли. Сальныя свѣчи наши хранились въ стѣнномъ шкафѣ, находившемся въ сѣняхъ; онѣ обыкновенно висѣли тамъ на мочалѣ, которая продѣвалась сквозь ихъ свѣтильни, оканчивавшіяся чѣмъ-то похожимъ на колечко. Чтобы взять одну изъ такихъ свѣчей, надобно было или разрѣзать это кольцо, или развязать узелъ мочалки. Однажды, во время вечернихъ занятій меня послали за свѣчою; ножа я не взялъ, хотя мнѣ и говорили о томъ; я отвѣчалъ, что сниму съ мочалки. Но въ сѣняхъ снять съ гвоздя всю связку свѣчъ, да потомъ развязать мочалку, взять свѣчу, послѣ опять завязать мочалку и повѣсить связку на гвоздь мнѣ показалось продолжительнымъ; я пережогъ свѣтильню горѣвшею въ моей рукѣ свѣчою и не обратилъ

вниманія на то, не загорѣлась ли отъ свѣчи или мочалка, или другая свѣтильня. Чтобы скрыть слѣды того, какимъ образомъ мною снята свѣча, я, вошедши въ комнату, тотчасъ же у двери сталъ, какъ мы говорили, обжигать свѣтильню. Меня вновь спросили: да ты тамъ не огнемъ ли пережогъ свѣтильню? и получили въ отвѣтъ: «ну вотъ еще, какъ будто я не знаю, что дѣлать». Между тѣмъ, хозяйка минутъ черезъ 10—15 вышла въ сѣни и съ ужасомъ закричала: пожаръ! пожаръ! Къ ней выбѣжали и увидѣли, что разныя вещи въ шкапѣ горѣли. Конечно, скоро все затушили, но не выходи никто еще минутъ 10 — 15, вѣроятно, произошелъ бы настоящій пожаръ. Разумѣется, виноватый былъ извѣстенъ; запираться и оправдываться мнѣ не было возможности. Хозяйка, жившая только своимъ домикомъ, выходила изъ себя и требовала, чтобы меня сейчасъ же высѣкли; любезные мои соквартиранты готовы были къ услугамъ и самъ Яковъ Федотовичъ находилъ это справедливымъ. Но я рѣшился протестовать противъ всеобщаго приговора и требовалъ, чтобы дѣло было представлено на усмотрѣніе высшей инстанціи. Тутъ я руководствовался особымъ разсчетомъ. За нѣсколько дней до этого времени Красновъ посадилъ меня въ классѣ на четвертое мѣсто и сдѣлалъ авдиторомъ; я полагалъ, что онъ будетъ снисходительнѣе моихъ соквартирантовъ къ такой важной особѣ, какою я сдѣлался въ классѣ. По утру и хозяйка, и Яковъ Федотовичъ пожаловались Краснову на меня. «Да что же ты еще не высѣкъ его»? — спросилъ Красновъ Якова Федотовича и, получивъ въ отвѣтъ, что я не захотѣлъ его послушаться, прибавилъ: «ну такъ побольнѣе высѣки его». Противъ такой резолюціи мнѣ апеллировать уже нельзя было.

По возвращеніи нашемъ въ квартиру, не захотѣли откладывать мою экзекуцію и высѣкли меня, какъ поджигателя, прежде обѣда; любезные мои товарищи меня держали, а озлобленной хозяйкѣ предоставили сѣчь. Послѣ того я уже сдѣлался покорнымъ подданнымъ Якова Федотовича и подчинялся приговорамъ его безъ прекословія. Впрочемъ, онъ не злоупотреблялъ своею властью, да и мои соквартиранты, окрестивъ или поздравивъ меня домашними розгами, перестали видѣть во мнѣ новичка, да и самъ я, потерпѣвъ пораженіе, велъ себя уже поаккуратнѣе; поэтому мнѣ отъ Якова Федотовича пришлось быть высѣченнымъ не болѣе 2—3 разъ.

На новой квартирѣ мнѣ пришлось или вновь, или поближе прежняго ознакомиться съ разными семинарскими глупостями и шалостями. Укажу преимущественно на двѣ изъ нихъ. Семинаристы въ то время принадлежали къ хищному племени или, выражаясь по нынѣшнему, придерживались коммунистическихъ идей. Въ Касимовскомъ училищѣ нашъ коммунизмъ обнаруживался только въ нашествіяхъ на садъ въ лѣтнее время; маленькіе и большіе мародеры дѣлали непрошенные визиты сосѣднимъ садамъ. У Анны Яковлевны мы этимъ мародерствомъ не занимались, но на новой квартирѣ оно бывало въ употребленіи. Центромъ нашей дѣятельности по этой части было наше сушило. Тутъ у насъ находился довольно длинный шестъ, на концѣ котораго укрѣпленъ былъ гвоздь, загнутый въ видѣ крючка острымъ концомъ. Этимъ-то крючкомъ мы и доставали яблоки изъ сосѣдняго сада, но перелѣзать въ чужіе сады чрезъ заборы осмѣливались одни Веселкины; прочіе же собирали перебрасываемые оттуда яблоки. Въ этомъ случаѣ и нашъ квартирный командиръ если и не бывалъ дѣйствующимъ лицомъ, то не отказывался пользоваться добытыми плодами. Другая глупость, не касаясь ни чьей собственности, была, между тѣмъ, болѣе гадка, нежели предъидущая; ее мы называли игрою въ сѣченье. Ученики, добывши какія-нибудь карты, любили въ нихъ играть; иные, какъ я уже говорилъ про прежнихъ своихъ сокварти рантовъ, пускали при этомъ въ ходъ и деньги; но большинство довольствовалось играми въ дурачки, свои козыри, мельники и пр., только нельзя же было и тутъ обойтись безъ наказаній проигрывающагося. Обыкновенное наказаніе было битье по носкамъ. Каждый партнеръ бралъ извѣстное число картъ въ руку и билъ ими по носу дурака, мельника и пр. столько разъ, сколько слѣдовало по уговору. Надобно сказать, что нѣкоторые молодцы умѣли очень больно бить по носкамъ, такъ что у дурака изъ глазъ текли невольно слезы, и носъ краснѣлъ и даже дѣлался иногда опухлымъ; по послѣднему признаку учителя или хозяева квартиръ догадывались о томъ, что ученики гдѣ-либо играли въ карты. Во избѣжаніе такой улики, или просто подъ вліяніемъ циническаго настроенія, игроки часто носки замѣняли сѣченьемъ. Дурака, мельника и, вообще, проигравшагося со смѣхомъ валили на полъ, на скамью, садились на голову и на ноги и,

онбаживъ педагогическую часть, били по ней ладонью или, нерѣдко, какимъ-либо прутикомъ.

Такая игра происходила иногда и безъ картъ. Сначала устанавливали какую-либо очередь между собою и первый по ней долженъ былъ лечь; его кто-либо ударялъ; поднявшись, онъ долженъ былъ угадать, кто ударилъ; угадалъ, тогда ложись ударившій, не угадалъ, тогда опять ложись неугадчикъ. Но чтобы не пришлось одному испытывать слишкомъ много ударовъ, то было постановлено не болѣе трехъ разъ къ ряду класть на полъ одного и того же; если при третьемъ разѣ онъ и не угадывалъ ударившаго, то ложился уже слѣдующій очередной. Конечно, тутъ боль была незначительная, но самая игра показывала какой-то дикій цинизмъ. У Анны Яковлевны она намъ была неизвѣстна до появленія Ивановыхъ на квартирѣ, да и потомъ рѣдко была въ ходу, потому что Анна Яковлевна, узнавая о ней, всегда сѣкла за нее настоящимъ образомъ. Но на новой квартирѣ уже не было препятствій; самъ набольшій нашъ часто участвовалъ въ ней, а хозяйка только бывало помираетъ со смѣха, смотря на эту гадость.

Но случалось, что насъ всѣхъ или почти всѣхъ сѣкли на квартирѣ безъ игры, не шутя, противъ нашего желанія. Квартира наша, по несчастію, лежала на той дорогѣ, по которой большею частію ходилъ Красновъ изъ своего дома въ дѣвичій монастырь, гдѣ былъ священникомъ, и обратно.

Какъ мы ни старались вести себя осторожно, но нерѣдко ошибались въ своихъ разсчетахъ. Иногда онъ видѣлъ кого-либо изъ насъ лазившаго по вязу, ветлѣ и пр., иногда слышалъ шумъ и гамъ нашъ. Розыски и взысканія большею частію производились по утру въ классѣ, но два раза Красновъ не вытерпѣлъ, не отлагалъ дѣла въ долгій ящикъ, а заходилъ прямо къ намъ въ квартиру: отщипавши того или другаго за волосы, онъ приказывалъ принести розгу и сѣчь одного за другимъ, начиная со старшаго. И для всѣхъ насъ подобные визиты были, какъ говорится, не по шерсти; свидѣтелями нашего униженія была хозяйка со своими дѣтьми, но амбиція набольшаго нашего болѣе всего тутъ страдала. Вѣдь онъ имѣлъ право сѣчь и сѣкалъ каждаго изъ насъ, а тутъ ему же, старшему, приходилось ложиться на полъ; мы садились ему на руки и на ноги, раздѣ-

вали, какъ обыкновеннаго ученика, а одинъ кто-либо стегалъ его лозою, не думая о пощадѣ.

Что касается до нашихъ успѣховъ и поведенія, то мы, вообще, считались хорошими учениками. Двое изъ насъ, я и Дмитрій Гусевъ, кончили курсъ и были ординарными профессорами въ духовныхъ академіяхъ, трое: оба Веселкина и Крыловъ, кончили курсъ въ семинаріи и первые двое въ первомъ разрядѣ; набольшій нашъ Яковъ Гусевъ принадлежалъ постоянно къ отличнымъ ученикамъ, но, сдѣлавшись нездоровымъ въ философскомъ классѣ, поступилъ изъ него въ монахи. Прокопій Гусевъ былъ всегда очень хорошимъ ученикомъ, но умеръ въ реторикѣ; одинъ только Тимоѳей учился дурно и скоро исключенъ изъ училища. Относительно поведенія, если не брать во вниманіе общихъ ученическихъ и ребяческихъ шалостей и глупостей, слѣдуетъ назвать дурнымъ только одного старшаго Веселкина. Этотъ молодецъ еще въ низшемъ отдѣленіи обнаружилъ сильную наклонность къ мотовству, лакомству, картежной игрѣ и даже къ пьянству; занималъ деньги у всѣхъ, кто вѣрилъ еще ему, даже поворовывалъ понемногу у насъ. Отецъ его, узнавши о такихъ шалостяхъ, пріѣзжалъ въ Касимовъ; сначала шли допросы, а потомъ начались и расправы. Замѣчательно, что старикъ дѣйствовалъ тутъ своеобразно. Поговоритъ, посидитъ, побранится, подеретъ за волосы, за уши, покорчитъ оплеухами, потомъ уходитъ въ садъ, самъ наломаетъ прутьевъ и, вошедши въ комнаты, спрячетъ лѣвую руку съ ними назадъ и, подошедши быстро къ сыну, хватаетъ его за голову, ущимляетъ ее между ногъ и, обнаживъ виновнаго, самъ сѣчетъ; иногда, уставши, отдохнетъ, потомъ опять примется за него. Но всегда почти, высѣкши старшаго сына шалуна, возьмется за младшаго, ни въ чемъ не виновнаго, но непремѣнно посѣчетъ и его, приговаривая: «и ты не будь похожъ на Мартиніана—и тебѣ также, какъ и ему достанется больно». Обыкновенно хозяйка наша вступалась за невиннаго и почти отнимала его у разсерженнаго отца. Повторяю, мы по поведенію считались хорошими, даже очень хорошими учениками. И что же вышло потомъ? Семинарское воспитаніе принесло не очень хорошіе плоды. Я одинъ остался на всю жизнь не пьяницею. Яковъ Гусевъ, пока учился въ семинаріи, былъ примѣрнаго поведенія, но въ монашествѣ, мало по

малу привыкъ къ рюмочкѣ, уволенъ былъ за пьянство отъ должности настоятеля монастыря близь Скопина и теперь (писано въ 1860 г.г.) живетъ, пьетъ и допиваетъ свой вѣкъ, страдаетъ водяною и притомъ не только во время своихъ запоевъ, но и въ трезвомъ состояніи видитъ чертиковъ и слышитъ разные голоса. Дмитрій Гусевъ хоть еще въ семинаріи началъ попивать, но, служа въ петербургской академіи, сдерживалъ себя; перешедши же въ казанскую академію, мало по малу, вдался въ пьянство, страдалъ запоями и подвергся параличу. Теперь живетъ въ отставкѣ, ослабѣлъ памятью, видитъ Господа Саваоѳа, Іисуса Христа и пр.; я еще поговорю объ его помѣшательствѣ. Мартиніанъ Веселкинъ и Крыловъ, бывши священниками, продолжали свою разгульную семинарскую жизнь и умерли отъ пьянства. Тимоѳей Гусевъ, поступивши на причетническое мѣсто въ Тумѣ, хотя еще живъ теперь, но давно уволенъ за штатъ; отъ пьянства у него руки тряслись уже когда ему было съ небольшимъ 40 лѣтъ. Младшій Веселкинъ любилъ выпить, бывалъ и гулякою, но, поступивши въ свѣтское званіе, велъ себя все-таки получше старшаго брата; онъ умеръ еще въ молодости. Послѣ я много разъ еще буду говорить, до какой степени и духовенство наше, и его племя страдаетъ наклонностью къ пьянству.

Заговорившись о своей квартирѣ, я не касался классическихъ нашихъ дѣлъ; впрочемъ, о нихъ немного можно прибавить къ тому, что сказано въ 19-й главѣ. Гороховъ, къ концу нашего учебнаго курса, слишкомъ частенько являлся пьянымъ; разумѣется, для насъ такіе визиты не всегда оканчивались благополучно; я уже говорилъ въ 18-й главѣ, что Гороховъ пьяный бывалъ щедръ на розги. Но все-таки мы гораздо болѣе тяготились любезнѣйшимъ Михаиломъ Яковлевичемъ. Мы уже, какъ я говорилъ прежде, сдѣлались покорнѣйшими его подчиненными, не щадили себя, когда онъ заставлялъ держать другъ друга; но ему этого было мало, онъ намъ какъ будто не довѣрялъ или хотѣлъ подвергать бо̀льшему униженію и потому очень нерѣдко или приглашалъ своихъ приходскихъ сѣкуторовъ и держителей въ нашъ классъ, или совершалъ надъ нами экзекуціи въ приходскомъ училищѣ. Собирая, такъ называемыя, травы (о чемъ будетъ говорено ниже), мы иногда видали, какъ приходскіе заготовляютъ въ лѣсу розги, и узнавали, что это дѣлается по при-

казу Михаила Яковлевича для насъ на завтрашній день. Особенно намъ памятна послѣдняя экзекуція. Михаилъ Яковлевичъ не представлялъ списка о нашихъ неисправностяхъ цѣлый іюнь мѣсяцъ, но сдѣлалъ это 1-го или 2-го іюля и получилъ разрѣшеніе наказать насъ. Мы знали, что за насъ вступиться некому, но намъ досадно было быть высѣченными при окончаніи нашего учебнаго двухъ-лѣтія въ низшемъ отдѣленіи, и въ досадѣ своей говорили, что мы не послушаемся Михаила Яковлевича или станемъ сѣчь другъ друга не больно и пр. Слухъ объ этомъ дошелъ до него; по разсчету или безъ всякаго разсчета, только онъ насъ не сѣкъ до 10-го числа; мы даже увѣрились, что онъ испугался нашихъ угрозъ. Но 11-го числа, пришедши въ классъ, мы узнали, что къ нынѣшнему дню у приходскихъ приготовлены розги для насъ. До роспуска оставалось только дней пять и потому наши матери и отцы легко могли замѣтить слѣды экзекуціи, которая готовилась для насъ. Мы стали искать защиты у Горохова и Краснова, когда они шли на экзаменъ въ высшее отдѣленіе. Но бѣда наша состояла въ томъ, что по предметамъ Горохова отвѣты высшеклассныхъ были неудовлетворительны и протопопъ и Красновъ ему дѣлали замѣчанія; Гороховъ съ ними поссорился. И потому, увидѣвши наши слезы, онъ хотя и вступился было за насъ, но Красновъ не только не поддержалъ его, но даже, какъ бы на зло ему, сказалъ, что они того и стоютъ, и доложилъ даже о нашей жалобѣ пришедшему вскорѣ протопопу. Этотъ раскричался и велѣлъ сказать Михаилу Яковлевичу, чтобы онъ съ нами раздѣлался получше. Поощрять его, впрочемъ, и не нужно было. Въ 10 часовъ насъ всѣхъ потребовали въ приходское училище; тамъ уже нашли все и всѣхъ готовыми къ принятію насъ. Михаилъ Яковлевичъ сказалъ намъ привѣтственную рѣчь: «вы жаловались на меня, не хотѣли меня послушаться, ну вотъ я посмотрю, какъ вы не послушаетесь», и велѣлъ насъ устанавливать въ два ряда, съ полнѣйшею подготовкою. Дѣйствительно, отпороли насъ чуть не всѣхъ самымъ лучшимъ образомъ; Михаилъ Яковлевичъ такъ больно никогда насъ всѣхъ за разъ не наказывалъ; ему, кажется, хотѣлось съ нами распрощаться такъ, чтобы мы подольше помнили его.

Но время не обращаетъ вниманія на учителей и идетъ для учениковъ своимъ чередомъ; благодаря этому, и мы добрались

до конца своего низшеклассnаго курса. 13-го іюля насъ торжественно экзаменовали; многіе изъ насъ, пожалуй, даже спасибо сказали начальству за то, что во время экзаменовъ оно держало насъ на ногахъ, потому что отъ послѣдняго угощенія Михаила Яковлевича имъ сидѣть на вытяжку нѣсколько часовъ было бы неудобно. 15-го числа насъ распустили по домамъ и я отправился домой пѣшкомъ, какъ ученикъ уже высшаго отдѣленія, имѣя разные планы касательно жизни послѣ каникулъ. Дѣло сосостояло въ томъ, что на новой квартирѣ я не нашелъ тѣхъ выгодъ, которыхъ ожидалъ, не отдѣлался отъ тѣхъ непріятностей, которыя заставили меня убраться съ прежней квартиры, и между тѣмъ встрѣтилъ много неизвѣстныхъ мнѣ прежде неудобствъ. Конечно, на новой квартирѣ меня поменѣе сѣкли, нежели на старой, конечно, хозяйка Дарья не была моей командиршей, но за то дурная пища, неопрятность, тѣснота, семинарскіе бисеръ, кавалерія и пѣхота такъ мнѣ надоѣли, что я скоро сталъ жалѣть о прежнемъ житьѣ-бытьѣ. Анна Яковлевна, прощаясь со мною, говорила мнѣ, чтобы я ходилъ къ нимъ; я воспользовался этимъ приглашеніемъ. Въ первый разъ она приняла меня ласково и, увидавъ черное бѣлье на мнѣ, сказала: «да что ты такой запачканный? Давно ли ты былъ въ банѣ?» Потомъ посмотрѣла мнѣ въ голову и, нашедши пѣхоту, велѣла ходить къ нимъ въ баню. Я ходилъ въ тѣ недѣли, когда у насъ не было бани, и Анна Яковлевна, по своему обычаю, или сама мыла намъ голову, или смотрѣла, чтобы мы мыли ее хорошо. Хотя я тутъ не могъ надѣвать чистое бѣлье, но, по крайней мѣрѣ, прежнее выжаривалось въ банномъ жару и чрезъ то истреблялась пѣхота, появившаяся въ немъ. Видя такую заботливость о себѣ Анны Яковлевны, я рѣшился вновь перейти къ ней на квартиру и послѣ Пасхи собрался съ духомъ просить ее о томъ. Она побранила меня за то, что я много напрасно на нее наговорилъ батюшкѣ, потомъ прибавила, что не станетъ мнѣ потакать и употребитъ розгу, если я и въ высшемъ классѣ стану у нея пошаливать. И когда я ей обѣщалъ полное во всемъ повиновеніе, то она согласилась и велѣла мнѣ поговорить о томъ съ батюшкою.

Но у батюшки были свои планы на счетъ моей особы. Хотя

я и занималъ четвертое мѣсто въ классѣ, но онъ, проэкзаменовавши меня въ латинскомъ языкѣ и другихъ предметахъ, видѣлъ, что мои успѣхи не очень удовлетворительны; можетъ быть, онъ приписывалъ это нашимъ учителямъ, но не считалъ и меня правымъ, зная, что я не прочь пошалить и полѣниться. Недовѣріе его ко мнѣ подтверждали и тѣ рисунки на моемъ тѣлѣ, съ которыми я почти всегда пріѣзжалъ домой во время отпусковъ. Конечно, я сваливалъ все на притѣсненія и жестокость учителей и особенно Михаила Яковлевича, но все-таки нельзя же было мнѣ доказать и совершенную свою невинность. Батюшка особенно сталъ недовѣрчивъ ко мнѣ послѣ того, какъ узналъ, что я обманулъ его во многомъ, убѣждая свести меня съ квартиры отъ Бѣляевыхъ. Онъ имѣлъ право полагать, что мои недостатки съ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе еще болѣе увеличатся. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ онъ, не говоря мнѣ ни слова, рѣшился перевести меня въ рязанское училище, и отдать подъ строгій надзоръ или Артемія Ивановича Вихирева, или Трифона Васильевича Кудрявцева, которые послѣ каникулъ поступили въ философію и принадлежали къ лучшимъ ученикамъ.

Не зная, впрочемъ, ничего объ этомъ, я съ радостью пришелъ домой, но встрѣченъ былъ батюшкою очень сурово по одному обстоятельству. Когда я послѣ Пасхи поѣхалъ въ Касимовъ, то онъ приказалъ мнѣ непремѣнно на вакацію принести съ собою латинскіе грамматику и лексиконъ; онъ хотѣлъ меня занять переводами. Но я рѣшительно забылъ объ этомъ и явился домой не принеся ни одной книжки. Увидавши меня на-легкѣ, батюшка меня спросилъ: «а гдѣ же книги, которыя я велѣлъ тебѣ принести съ собою?» Тутъ-то только я вспомнилъ его приказаніе и ничего не могъ отвѣчать. Батюшка такъ былъ раздосадованъ, что тотчасъ же хотѣлъ меня высѣчь; насилу матушка уговорила его: «ну что ты, парень шелъ 60 верстъ пѣшкомъ, усталъ, а ты его прямо хочешь сѣчь; успѣешь и послѣ». По утру была истоплена баня, въ которой батюшка и матушка увидали на мнѣ ясные слѣды послѣдняго прощанія Михаила Яковлевича съ нами. Батюшка еще болѣе осердился на меня. «Ужъ если тебя такъ высѣкли предъ самымъ почти роспускомъ, то

вѣрно ты надѣлалъ ужасныя гадости». Я сказалъ, что такъ насъ отдѣлалъ всѣхъ Михаилъ Яковлевичъ; это подтвердилъ и Андрюша. Впрочемъ, батюшка былъ не ласковъ ко мнѣ почти всю вакацію; съѣздилъ въ Касимовъ за моимъ сундучкомъ и постелью и объявилъ мнѣ, что я буду переведенъ въ рязанское училище. Но, разставаясь съ Касимовымъ, я еще хочу сказать кое-что и о городскихъ жителяхъ, а также объ училищѣ, о тѣхъ его порядкахъ, которыхъ я еще не касался.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЬБОМЪ С. Д. ПОЛТОРАЦКАГО

1820—1852.

XIV [1]).

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Его стихотворенія

1.

Голова и Ноги.

[басня] [2]).

Уставши бѣгать ежедневно
По лужамъ, по грязи, по жесткой мостовой,
Однажды ноги очень гнѣвно
Разговорились съ головой:
Какъ мы несчастны, Боже мой!
Что вѣкъ (намъ) суждено тебѣ повиноваться!—
Днемъ, ночью, осенью, весной—
Лишь вздумалось тебѣ: изволь бѣжать, таскаться,
Къ тому-жъ, окутавшись чулками,
Ботфортами и башмаками,
Ты насъ, какъ каторжныхъ, моришь,
Богъ вѣдаетъ зачѣмъ—нести себя велишь;
Покойно судишь, говоришь

---

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 125—142.

[2]) Ходила въ рукописныхъ спискахъ, затѣмъ была напечатана въ одномъ изъ историческихъ журналовъ, вошла въ собраніе сочиненій поэта; приводится здѣсь потому, что помѣщена Полторацкимъ въ его альбомѣ. Ред.

О свѣтѣ, о людяхъ, о модѣ,
О доброй и дурной погодѣ,—
Частенько на нашъ счетъ себя ты веселишь
Насмѣшкой колкою, словами
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Хотя-бъ смирнѣй была за трудъ нашъ неизмѣнный,
Такъ—нѣтъ; когда душею напряженной
Несемъ смущенную къ торжественнымъ Богамъ—
Тогда лелѣешь насъ; но лишь домой вступили—
То ноги,—по твоимъ словамъ,—
Какъ будто не ходили....
„Молчать!“ вскричала голова. „Молчать!
Иль не страшитъ моя васъ сила?
Бродяги! вамъ-ли размышлять?
Природа мѣсто мнѣ когда опредѣлила
Васъ выше (для того), чтобы повелѣвать“.
— „Но пусть-бы ты повелѣвала,
Да насъ, какъ ссылочныхъ, повсюду-бъ не совала,—
А прихотямъ твоимъ несносно угождать;
И между нами, вѣдь, признаться,
Коль ты имѣешь власть (надъ) нами управлять,
Тогда имѣемъ мы все право спотыкаться,
И можно иногда, споткнувшись... какъ-же быть,—
Твое могущество о камень расшибить“.

Смыслъ этой басни всякій знаетъ,
Но должно—цыцъ! молчать! дуракъ (лишь) все болтаетъ.

2.

Къ невѣстѣ.

Сегодня вечеромъ увижусь я съ тобою,
Сегодня предъ отцемъ отнюдь не слицемѣрю:
Иль руку съедини съ моею ты рукою,
Иль ею укажи мнѣ дверь.

* *
*

Не то я въ горести, какъ зюзя, натянуся,
На тройкѣ ухарской стрѣлою полечу;
Проспавшись до Твери, въ Твери опять напьюся,
И пьяный въ Петербургъ на пьянство прискачу.

* *
*

Но если счастіе назначено судьбою
Тому, кто цѣлый вѣкъ со счастьемъ не знакомъ,
Я—русскій человѣкъ! напьюсь свинья-свиньею.
И въ радости пропью погоны съ кошелькомъ.

XV.

Нелединскій-Мелецкій.

[Стихотвореніе]

Андрею Лаврентьевичу Львову.

Ты споришь, Львовъ,
Что сто стиховъ
На рнему овъ
Набрать я не готовъ.
Ты правъ, не безъ большихъ трудовъ
Найду я столько словъ.
Я-жъ неискусный риѳмоловъ
И далъ-бы сто воловъ,
Три четверти бобовъ
И столько-же стрючковъ,
Да денегъ пять рублевъ,
Чтобъ схожихъ сто найти концовъ
И выдти тѣмъ изъ хвастуновъ.
Смотри, я щедръ—каковъ!
О, богъ золотоголовъ!
Возьми подъ свой покровъ
И не лиши даровъ
Меня—скуднѣйшаго изъ всѣхъ твоихъ рабовъ!
Молюся безъ плодовъ,
Фебъ съ музами суровъ
Для тѣхъ, кто въ риѳмахъ новъ,
Онъ любитъ тѣхъ писцовъ,
Которые умовъ
Не тратятъ ради пустяковъ,—
Другихъ онъ чтитъ за шалуновъ
И за своихъ враговъ
Безъ всѣхъ обиняковъ.
Свѣтлѣйшій изъ боговъ
Бѣжитъ отъ болтуновъ,
Парнасскихъ тѣхъ сверчковъ,
У коихъ голосовъ
Не болѣ, какъ у мрачныхъ совъ,
Которы ходоковъ
И самыхъ ѣздоковъ
Пугаютъ средь лѣсовъ.
Пегасъ, хоть безъ подковъ,
Имъ надавалъ толчковъ,
Съ парнасскихъ береговъ
Ихъ ссунетъ въ мрачный ровъ.
Мой будетъ рокъ таковъ

За то, что пять часовъ,
Какъ сущій пустословъ,
Ищу сто риѳмъ на овъ.
Да гдѣ-жъ ихъ взять? Умомъ вспорхнувъ до облаковъ,
Для риѳмы встрѣчу тамъ летающихъ орловъ,
Сравняю ихъ полетъ съ полетомъ соколовъ
И, чтобъ запутать мнѣ чтецовъ,
Низринусь вдругъ изъ тучъ до Стиксовыхъ краевъ.
Тамъ, не страшась духовъ,
Не спрашиваясь колдуновъ:
Съ усами, безъ усовъ,
Съ хвостами, безъ хвостовъ—
Сберу я всѣхъ боговъ
И имъ задамъ твою задачу, Львовъ,
Авось, межъ ихъ есть стихословъ.
Самъ между тѣмъ пойду ловить дроздовъ,
Нажарю ихъ и воробьевъ,
Скворцовъ,
Перепеловъ,
Индѣйскихъ пѣтуховъ,
Синицъ и ястребовъ,
Наставя блюдъ, горшковъ,
Къ столу созвавъ пѣвцовъ,
Прыгуньевъ, скакуновъ,
На скрипкахъ игроковъ,
Борцовъ,
Лихихъ бойцовъ
И всякихъ удальцовъ,
Пошлю къ тебѣ пословъ.
Изъ нихъ Степанъ Крыловъ
На карточкѣ безъ уголковъ
Подастъ тебѣ къ обѣду зовъ.
Съ тобою потвердимъ обжорныхъ мы задовъ
И тутъ отъ тартарскихъ жильцовъ
Дождемся или нѣтъ имъ заданныхъ стиховъ.
Еще, коль мало пустяковъ,
Я сказку слышану скажу отъ стариковъ
Видалъ-ли тыословъ?
Одинъ изъ нихъ, гуляя межъ ручьевъ,
По близости луговъ,
Увидѣлъ у кустовъ
Премножество цвѣтовъ—
Ромашекъ, васильковъ
И кашекъ, и пупковъ,
И всякихъ тутъ родовъ.
Голодныхъ жадность псовъ
Оскаленьемъ зубовъ
Явилъ глупѣйшій изъ скотовъ,
Эмблема дураковъ—

Онъ поднялъ сильный ревъ
И, не боясь волковъ,
Пустился по цвѣтамъ на ловъ.
Оселъ хоть не рѣзовъ,
Но тутъ махнулъ черезъ пять рвовъ.
Хотѣлъ поѣсть до стебельковъ
И не оставить ни листковъ;
Но, бывъ простякъ изъ простяковъ,
Не зналъ, съ чего начать, и дождался стадовъ.
Отъ неучтивыхъ пастуховъ
Принявши съ сотню тутъ толчковъ
И въ голову тузовъ,
И подъ животъ пиньковъ,—
Голодный уплелся на силу отъ коровъ.
Вотъ то-то безтолковъ!
А я, вѣдь, не таковъ:
Я зналъ, съ какихъ начать мнѣ словъ,
Чтобъ написать сто рнемъ на овъ.
Впередъ не спорь-же, Львовъ!
Прощай и будь здоровъ!

XVI.

Современный геній [1]).

1852 г.

Онъ геній, говорятъ,—и какъ опровергать
Его ума универсальность?
Богъ произвелъ его, чтобъ міру показать
Души презрѣнной геніальность.
Измѣнникъ царственный! онъ права первенства
У всѣхъ измѣнниковъ оспорилъ,
Онъ все нечистое возвелъ до торжества
И все святое опозорилъ.
Дипломъ на варварство, на низости патентъ
Стяжалъ онъ—подлости диктаторъ,
Клятвопреступникъ, тать, безчестный президентъ
И вѣроломный императоръ!
Онъ говоритъ: „Клянусь!“ а самъ ужъ мысль таитъ
Смять клятву, изорвать присягу,
„Имперія—не брань, но миръ“,—онъ говоритъ,
А самъ выдергиваетъ шпагу.

---

[1]) Наполеонъ III.

Достигнувъ вышины чрезъ низкія дѣла,
Въ Италію просунулъ лапу.
Пощупалъ—тутъ ли Римъ и дядина Орла
Когтями онъ пригладилъ папу;
Опутавъ Англію своимъ союзомъ съ ней,
Ей поднялъ парусъ дерзновенный
И немощь жалкую лоскутницы морей
Онъ обнажилъ передъ вселенной;
Свою союзницу на гибель соблазнилъ
Сойти съ родной ея стихіи;
Защитникъ Турціи, ее онъ раздавилъ
Защитой противу Россіи,—
И тонетъ въ оргіяхъ, и гордо смотритъ онъ
На свой Парижъ подобострастный,
И, передъ нимъ склонясь, продажный Альбіонъ
Съ своей монархиней безгласной
Ему сметаетъ пыль съ темнично-бѣглыхъ ногъ
И Веллингтоновской подвязкой
Вѣнчаетъ вашего предателя чулокъ,
Быль Ватерлоо почисливъ сказкой.
Убейте прошлое! пусть дней новѣйшихъ судъ
Во прахъ Исторію низложитъ!
Бытописатели вновь примутся за трудъ
И прахъ разроютъ.... но, быть можетъ,
До дней сихъ доведя разсказъ правдивый свой
И видя, какъ упрекъ здѣсь горекъ
Для человѣчества, дрожащею рукой
Изломитъ грифель свой историкъ
И разобьетъ скрижаль!.. Но лѣтописсь грѣха
И гнусныхъ козней вѣроломства
На огненномъ крылѣ могучаго стиха
Дойдетъ, домчится до потомства
И передастъ ему, какъ Страсбургскій буянъ,
Нахалъ, питомецъ беззаконій
Съ прикормленнымъ орломъ, безстыдный шарлатанъ,
Мятежникъ, схваченный въ Булони
И изъ тюрьмы—бѣглецъ законами игралъ,
И всѣмъ святымъ для человѣка,
И, стиснувъ Францію, съ насмѣшкой попиралъ
Высь девятнадцатаго вѣка....
Гюго! твой мѣткій ямбъ въ порывѣ гнѣвныхъ силъ
Ему безсмертье обезпечилъ,
Ты хищника стихомъ желѣзнымъ заклеймилъ
И стыдъ его увѣковѣчилъ,
И жаль мнѣ одного, что этотъ срамъ ввѣрялъ
Ты гармоническому звуку
И что его, клеймя, невольно замаралъ
Ты поэтическую руку.
А ты пока сіяй, верховный образецъ

Измѣнъ, разбоевъ и предательствъ!
Ты видишь, для тебя языкъ боговъ пѣвецъ
Готовъ унизить до ругательствъ,
Но время разорветъ твою съ фортуной связь,
Гигантъ нечестія въ коронѣ!
Хламъ человѣчества! Увѣнчанная грязь!
Монархъ съ пощечиной на тронѣ.

В. Бенедиктовъ.

XVII.

Николай Платоновичъ Огаревъ.

1848 г.

Друзья! унынiе грѣшно,—
Ему не надо предаваться:
Въ душѣ рождается оно,
Когда перестаемъ мужаться.
Творецъ невидимой рукой
Насъ тяжкой язвой поражаетъ:
Смиримся: гнѣвъ Его святой
Насъ къ покаянью призываетъ
Путемъ страданій, горя, слезъ.
Кто вѣчности достигъ порога,
Кто съ умиленіемъ донесъ
До гроба крестъ свой—ради Бога—
Смерть для того, какъ лѣтня ночь:
Едва успѣетъ тьма разлиться,
Какъ солнце гонитъ сумракъ прочь,
Востокъ отрадно золотится!
Друзья! унынiе грѣшно!
Творите Господу моленья,
Чтобъ въ душу заронилъ смиренья,
Надежды, бодрости зерно.
Любовью чистою и вѣрой
Мы заглушимъ въ своихъ сердцахъ
Духъ гордости закоренѣлый,
Сомнѣнья голосъ, ропотъ, страхъ.
Для благости Творца безмѣрной
Довольно лишь любви слѣпой,
Молитвы теплой, задушевной,—
Слезы раскаянья одной.

Н. Огаревъ.

25 іюня 1848 г.

XVIII.

Басня.

[1850 г.]

У мужичка зажиточнаго было
Стадовъ множество—при каждомъ и пастухъ.
И несся межъ сосѣдей слухъ,
Что все въ довольствѣ мирномъ жило,
Что̀ мужичку могло принадлежать.
Хозяинъ былъ онъ строгій, умный
И пастушковъ чтобъ выбирать,
Имѣлъ на то разсудокъ чудный,
Умѣя всѣхъ въ рукахъ держать.
Но, вѣдь, и въ солнцѣ пятна есть,—
Какъ сказываютъ звѣздочеты.
Мужичекъ, забывъ свои разсчеты,
Зачѣмъ и почему—Богъ вѣсть—
Отъ одного изъ главныхъ стадъ
Пастуха отставилъ,—и что же?
Приставилъ онъ къ нему,—мой Боже!
Собаку,—собаку, что тому назадъ
Лѣтъ нѣсколько прогнали
За глупость, злобу, небреженье
И гдѣ-то такъ изъ сожалѣнья
На привязи ее держали.
— Вотъ спущенъ съ цѣпи старый пёсъ,—
Овецъ грызетъ, кусаетъ, лаетъ
И пить, и ѣсть, и спать мѣшаетъ,
И страхъ такой на всѣхъ нанёсъ,
Что овцы глупыя не знаютъ,
Что дѣлать имъ,—куда бѣжать!
Нельзя гулять,—нельзя лежать,—
Трясутся и не понимаютъ.
Горька имъ сдѣлалась трава
Луговъ постныхъ москворѣцкихъ,
Забавъ нѣтъ прежнихъ молодецкихъ,
Бараньи отняты права.
Ягнята даже не играютъ,
Боятся пить въ Москвѣ-рѣкѣ;
Собравшись тихо въ уголкѣ,
Овечки слезы проливаютъ.
А пёсъ не спитъ ни день, ни ночь,
Какъ не грызетъ и не кусаетъ,
Такъ злобится, рычитъ и лаетъ,

И зубы скалитъ во всю мочь.
Баранью кротость знаетъ всякъ,
Они не жаждутъ полной воли,
Но перенесть такой юдоли
Не въ силахъ будучи.... и такъ
Они тихонько разбрелися
Посреди густыхъ лѣсовъ,
Въ дали родимыхъ береговъ
Печально жить перенеслися.

Придетъ пора, когда постричь
Овецъ хозяинъ пожелаетъ;
Но что его тутъ ожидаетъ,
Когда на столь извѣстный кличъ
Не будетъ отзыва? Сердитъ
Хозяинъ будетъ, давши маху,
И хоть повѣситъ онъ собаку,
Но стадо ужъ не воротитъ.

Изъ этого примѣра видимъ,
Что въ стадѣ не должно никакъ
Безъ пастуха держать собакъ;
Ущербъ хозяйскій ясно видимъ—
Съ овецъ возможно шкуру драть
И плотно стричь,—подчасъ и жарить,
И кипятить, варить и парить,
Но злому псу ихъ не ввѣрять,
Хозяинъ будетъ безъ овецъ,
Оставшись съ бѣшеной собакой.
Надъ нимъ смѣяться будетъ всякій—
Прохожій мимо молодецъ.
Не лучше-ль такъ вести бы дѣло,
Какъ экономія велитъ
И какъ пословица гласитъ:
И волкъ-то сытъ, и овцы цѣлы.

XIX.

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій.

Письмо къ брату его, князю Константину Петровичу Оболенскому, въ Москву.

Генваря 8-го, 1850 г. Ялуторовскъ.

Вотъ тебѣ обращается твой портретъ, другъ Константинъ,—къ тебѣ его везетъ К. Казанцевъ, Гаврила Петровичъ, бывшій учитель тобольской гимназіи, предобрый и прехорошій человѣкъ,—кажется, что самая доска пробита. Но это не бѣда,—твое лицо цѣло, слѣдовательно, надобно только перемѣнить

текло, а портретъ съ пулею въ груди пусть останется такимъ, какъ есть. Сдѣлай дружбу: пришли его ко мнѣ обратно какъ можно скорѣе. Я буду ожидать его въ концѣ февраля.

Теперь поговоримъ съ тобою на счетъ нашего Сергѣя Кашкина.

Я имѣлъ уже извѣстіе объ участи его сына, Николиньки—отъ Пущина, который въ Иркутскѣ видѣлся съ однимъ изъ его товарищей, сосланнымъ туда на службу, кажется, безъ лишенія чиновъ. По его словамъ, Николай былъ секретаремъ общества и былъ призванъ государемъ (Николаемъ Павловичемъ) и довольно смѣло отвѣчалъ. Теперь остается знать, какой участи онъ будетъ подверженъ.

Петрашевскій съ товарищемъ уже въ Тобольскѣ. Ихъ привезъ фельдъегерь въ простой арестантской одеждѣ, и, кажется, велѣно имъ идти въ партіи до Нерчинскихъ рудниковъ, и особенное имѣть за ними наблюденіе. По словамъ Петрашевскаго, осужденныхъ въ Нерчинскъ—всѣхъ девять человѣкъ; онъ назвалъ трехъ,—но въ числѣ ихъ Кашкина нѣтъ. По словамъ Лобанова, переданнымъ Пущинымъ, нашъ Николай осужденъ на трехлѣтнее заключеніе въ крѣпости и оттуда, безъ сомнѣнія, на Кавказъ солдатомъ. Но такъ какъ это извѣстіе подлежитъ еще сомнѣнію, и притомъ Николай былъ секретаремъ общества, то немудрено, что онъ можетъ отправиться въ Нерчинскъ въ числѣ девяти. Въ послѣднемъ случаѣ передай Сергѣю, что онъ будетъ снабженъ въ Тобольскѣ и деньгами, и всѣмъ нужнымъ. Я такимъ образомъ распоряжусь, чтобы наши дали ему все, что будетъ возможно, счеты же ты сведешь съ Сергѣемъ, а Наташа передастъ мнѣ тѣмъ путемъ, который она знаетъ. Вездѣ, по пространству всей Сибири, начиная отъ Тобольска, въ Томскѣ, Красноярскѣ, въ Иркутскѣ и далѣе—за Байкаломъ—онъ найдетъ нашихъ, которые всѣ, безъ исключенія, будутъ ему помощниками—и дѣломъ, и словомъ. Что касается до Нерчинска и его рудниковъ, то если онъ будетъ тамъ, то при всемъ тяжеломъ его положеніи, если юноша не потеряется, если отецъ и мать будутъ оказывать ему постоянную любовь и неизмѣнное участіе, то онъ пройдетъ невредимъ и чрезъ это испытаніе. Я тамъ былъ, и въ продолженіи года работалъ въ шахтахъ со всѣми простыми осужденными. Каждый день въ шестомъ часу утра намъ дѣлали перекличку и каждому изъ насъ давали въ товарищи простаго работника. Поочередно съ нимъ я держалъ кирку или отбивалъ молотомъ руду отъ стѣнъ шахты. Эта работа продолжалась до 11 часовъ. Окончивши ее, мы возвращались въ свои казармы и весело обѣдали; а потомъ весь вечеръ были свободны. Потомъ разбивали руду, на чистомъ воздухѣ, молотили и переносили ее на носилкахъ—урокомъ: по 30 пудовъ на двухъ работниковъ, —и тутъ работа не казалась тяжела, и всѣ мы были веселы и довольны. Когда же насъ перевели въ Читу, то работали на большой дорогѣ, засыпали рвы, канавы, съ тачками перевозили землю съ одного мѣста на другое, и, наконецъ, въ продолженіи десяти

лѣтъ я каждый день мололъ на ручномъ жерновѣ муку—по пуду въ день. Все это прошло, и я душой не погибъ, слава Господу Богу!

Душевно бы желалъ, чтобы Николай (Кашкинъ) не подвергался этому испытанію, но если оно его постигнетъ, пусть Сергѣй помнитъ, что его любовь, его попеченіе о сынѣ могутъ одни поддержать въ немъ и бодрость, и надежду. Если во все это тяжелое для меня время я сохранилъ душевную бодрость и силу, то обязанъ постоянному попеченію добрѣйшаго родителя, его всегдашней любви, неизмѣнной заботливости, всегдашней перепискѣ со мною. Присоедини къ этому любовь твою, любовь сестеръ,—все это вмѣстѣ всегда поддерживало во мнѣ ту силу души, которая такъ нужна въ тяжелыхъ испытаніяхъ жизни.

О заключеніи въ крѣпость и о томъ, что можно перенести въ этомъ тяжеломъ уединеніи, я не имѣю полнаго понятія, потому что самъ испыталъ только шестимѣсячное заключеніе въ Равелинѣ (Петропавловской крѣпости). Но, по словамъ Кюхельбекера, Поджіо, которые провели въ казематахъ по десяти лѣтъ, и Г. С. Батенкова, который прошелъ чрезъ это испытаніе въ продолженіи двадцати лѣтъ—оно очень тяжело, но облегчается исполнителями, которые не всѣ злые люди и доступны просьбамъ [1]). И потому, если Николай будетъ въ крѣпости, то и тамъ пусть его ищетъ его отецъ. И я увѣренъ, что Сергѣй найдетъ возможнымъ помочь ему въ уединеніи, доставляя ему книги и все, что нужно для небольшаго развлеченія; главное въ томъ, чтобы на всякомъ шагу онъ зналъ, что эта любовь вездѣ его ищетъ и находитъ. Его юная душа не ожесточится; но, напротивъ, находя вездѣ опору и утѣшеніе, она окрѣпнетъ въ борьбѣ съ несчастьемъ и сдѣлается, можетъ быть, лучше, чѣмъ была. Если Николаю суждено быть въ Нерчинскѣ, то пусть Сергѣй пишетъ прямо къ Екатеринѣ Ивановнѣ Трубецкой (рожденной Лаваль). Лишь только я узнаю, что Николай въ Тобольскѣ, я сейчасъ сообщусь съ Восточною Сибирью, и его вездѣ встрѣтятъ, какъ роднаго.

Но довольно объ этомъ. Можетъ быть, все кончится лучше, нежели ожидаемъ,—и моя тревога будетъ лишняя.

Письмо тебѣ вручитъ, какъ уже я тебѣ сказалъ, Гаврила Петровичъ Казанцевъ, ученикъ педагогическаго института, который, окончивъ курсъ шестилѣтняго преподаванія въ тобольской гимназіи, отправляется въ Тверь къ отцу-архимандриту Желтиковскаго монастыря. Онъ намѣренъ поступить въ гражданскую службу,—и если найдетъ мѣсто въ Твери, то устроится тамъ; если же нѣтъ, то онъ желалъ бы быть и въ Москвѣ. Онъ человѣкъ хорошій, и я увѣренъ, что, занявъ должность, будетъ ее исправлять честно

[1]) Въ 1879 г. мы посѣтили, подлѣ роднаго намъ города Торопца, уважаемаго землевладѣльца г. Поджіо, племянника здѣсь упомянутаго декабриста. У этого помѣщика хранится оловянная ложка и, сколько помню, кружка оловянная; та и другая вещи отъ многолѣтняго употребленія узникомъ, въ казематѣ, весьма значительно сбавлены, стерты губами и языкомъ. Ред.

и добросовѣстно. Если ты можешь ему помочь, то помоги черезъ своихъ знакомыхъ. Его жена, молодая и милая женщина, въ полномъ смыслѣ сибирячка, которая по французски не знаетъ, но по русски болтать умѣетъ. Если Наташа можетъ ихъ принять, то, вѣроятно, они не будутъ лишніе въ ея гостинной.

О себѣ ничего не скажу тебѣ, другъ Константинъ. Пятьдесятъ три года положили свою печать, но крѣплюсь и бодрствую. Жена тебя привѣтствуетъ всею любовью. Она любуется твоимъ здоровымъ лицомъ и твоею молодцоватостью. Пущинъ, Муравьевъ [1]) дружески тебѣ жмутъ руки. Затѣмъ обнимаю тебя—твой другъ и братъ Евгеній Оболенскій.

Не рѣшился, другъ Константинъ, разстаться съ твоимъ портретомъ. Я вынулъ осторожно стекло—и ты вышелъ цѣлъ и невредимъ, но безъ стекла и съ грудью, вдавленною гвоздемъ. Но я предпочелъ имѣть тебя въ этомъ (видѣ), нежели заставлять тебя вновь сидѣть подъ прямыми лучами солнца; кромѣ того, избавляю тебя отъ хлопотъ пересылки, а главное, не разстаюсь съ тобою. Обнимаю тебя еще разъ. Спасибо за портретъ!

XX.

Къ исторіи цензуры

1827—1852 гг.

1.

Ноябрь 26-го дня 1827 г.

Издателю „Московскаго Телеграфа“ симъ объявляется, что по предписанію г. попечителя, согласно съ мнѣніемъ комитета, представленное вами извѣщеніе гг. редакторовъ издаваемаго въ Женевѣ журнала особо печатать запрещается, а можетъ быть напечатано оно въ одномъ изъ номеровъ „Московскаго Телеграфа“.

Въ должности предсѣдателя цензоръ Сергѣй Аксаковъ. Секретарь Новиковъ.

2.

6-го декабря 1827 г.

1. „Московскій Телеграфъ“ 1827 года № 22. Зачеркнуто послѣ словъ „считать превосходнымъ“ слѣдующее: „напротивъ того весьма посредственный переводъ г. Каченовскаго, сдѣланный не съ подлинника, а съ польскаго перевода, совсѣмъ не былъ по вкусу москвитянамъ“.

---

[1]) Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г. въ Москвѣ.

На поляхъ сдѣлана приписка красными чернилами: „исключить! Какое вы имѣете право сказать, что сей переводъ былъ не по вкусу всей московской публикѣ? Вы можете сказать, что онъ не понравился вамъ, что онъ— по вашему мнѣнію—дуренъ".

2. Послѣ словъ: „твореній графа Хвостова" зачеркнуто: „и въ нашей литературѣ, какъ и въ другихъ, встрѣчается галиматья".

3. „И даже о „Русскомъ Вѣстникѣ", появившемся какъ-то опять". Слова: „даже", „какъ-то" зачеркнуты красными чернилами.

3.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій цензурный комитетъ въ Москвѣ.

Мая 25-го 1828 г., № 130.

Господину издателю „Московскаго Телеграфа". Въ исполненіе предложенія его превосходительства г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 24-го мая, за № 669-мъ полученнаго, московскій цензурный комитетъ: 1) требуетъ отъ васъ увѣдомленія, кто сочинитель статьи о физикѣ Аѳенея, въ 7-мъ номерѣ „Телеграфа" напечатанной, которую г. попечитель находитъ неблагонамѣренною; 2) комитетъ предписываетъ вамъ, чтобъ вы воздержались отъ пасквильныхъ сужденій—о трудахъ университетскихъ профессоровъ, а также и о сочиненіяхъ отъ университета или съ одобренія онаго издаваемыхъ, какъ отъ мѣста казеннаго, обязаннаго строгимъ отчетомъ во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ высшему начальству. 3) Если же и засимъ уже не прекратятся справедливыя жалобы на вашъ журналъ въ оскорбленіи личности самихъ чиновниковъ университета, то г. попечитель вынужденнымъ найдется законнымъ порядкомъ запретить изданіе онаго на будущее время.

Въ должности предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета С. Аксаковъ. Секретарь Новиковъ.

4.

Въ московскій цензурный комитетъ, издателя „Московскаго Телеграфа", Николая Алексѣевича Полеваго

Донесеніе.

№ 450. 1828 г., мая 29-го дня.

На предписаніе сего комитета отъ 25-го текущаго мѣсяца за № 130, почтеннѣйше честь имѣю донесть слѣдующее:

1. Статью о физикѣ Атенея, помѣщенную въ № 7-мъ „Телеграфа", сочинялъ я самъ.

2. Если сія статья могла подать поводъ къ подозрѣнію въ неблагонамѣренности, то за чистое и благое намѣреніе, съ какимъ писана сія статья, я готовъ отвѣтствовать, какъ сочинитель и какъ журналистъ; тѣмъ еще менѣе могу быть названъ за нее сочинителемъ пасквилей. Сожалѣя, что комитетъ не обозначилъ мѣстъ, которыя подали поводъ къ такому названію, смѣю сказать, что недовольство сочинителя, загрудняющагося, можетъ быть, отвѣтомъ на рецензію, не даетъ еще статьѣ сущности пасквильныхъ сужденій.

Точнымъ смысломъ высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ § 3 можно признавать таковыми сочиненія, „когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что касается до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою“. Напротивъ, въ статьѣ о физикѣ Атенея нѣтъ никакихъ непристойныхъ выраженій; вся она состоитъ изъ ученыхъ изслѣдованій; въ ней не только не представляется и не клевещется нравственность чья-либо, но даже ни разу не упомянуто имя сочинителя, коего сочиненіе подверглось критическому изслѣдованію. Если авторъ можетъ оскорбляться приведеніемъ источниковъ, изъ коихъ заимствовалъ онъ свои мысли, выдавая ихъ за свои собственныя, если сіи мысли опровергаются, то все сіе есть закономъ позволенное право, даже обязанность рецензента, и таковое право употреблено уже было мною въ статьѣ: О физикѣ Атенея (Телеграфъ, № 6-й), гдѣ разобрана мною статья, въ которой основанія философіи выведены издателемъ Атенея изъ Шелинга, такъ же какъ въ статьѣ О физикѣ основанія взяты имъ изъ Шелинга и Окена, что доказано мною цитатами, въ вѣрности коихъ убѣдится каждый, кто приметъ на себя трудъ справиться съ цитуемыми сочиненіями.

3. Если на статьѣ: О физикѣ Атенея основана увѣренность въ пасквильности моихъ сужденій „о трудахъ университетскихъ профессоровъ и о сочиненіяхъ отъ университета или съ одобренія оныхъ издаваемыхъ“, осмѣливаюсь донесть, что то изданіе Атенея есть предпріятіе частное и къ университету ни мало не принадлежащее. О книгахъ, университетомъ издаваемыхъ, въ журналѣ моемъ никакихъ рецензій не помѣщается. Справедливыя жалобы на журналъ, „мною издаваемый, въ оскорбленіи личности чиновниковъ университета“ мнѣ вовсе неизвѣстны, и ни одной жалобы донынѣ отъ нихъ до меня не было приносимо. Напротивъ, я имѣлъ честь удостоиваться всегда лестныхъ для меня—словесныхъ и письменныхъ отзывовъ и участія въ трудахъ моихъ отъ почтеннѣйшихъ профессоровъ московскаго университета. Впрочемъ, печатая всѣ статьи моего журнала съ позволенія цензурнаго комитета, осмѣливаюсь сослаться въ благонамѣренности ихъ за прошедшее и будущее время на собственное комитета усмотрѣніе. Мая 28-го дня 1828 года.

Къ сему донесенію издатель „Московскаго Телеграфа“ Николай Алексѣевъ Полевой подписуюсь.

На этой бумагѣ сдѣлана надпись цензора С. Т. Аксакова:

— „Возвратить оное донесеніе г. издателю „Телеграфа“, прося его отвѣчать только на вопросъ: Кто сочинитель статьи „О физикѣ Аѳенея“? Объясненія-же свои онъ можетъ препроводить особою бумагою прямо къ г. попечителю“.

5.

Въ московскій цензурный комитетъ. Издателя „Московскаго Телеграфа“ Николая Полеваго

Донесеніе.

Получивъ обратно изъ сего комитета поданное мною донесеніе, которымъ полагалъ я удовлетворительно объясниться по всѣмъ тремъ пунктамъ, находящимся въ предписаніи комитета отъ 25-го мая сего 1828 г. за № 130,

въ точное исполненіе надписи, на упомянутомъ донесеніи моемъ сдѣланной, симъ донести честь имѣю, что статью „О физикѣ Атенея“, помѣщенную въ № 7-мъ издаваемаго мною журнала,—сочинилъ я самъ. Мая 29 дня 1828 г.

Къ сему донесенію издатель „Московскаго Телеграфа“ Николай Алексѣевъ Полевой подписуюсь.

6.

„Посланіе къ любимымъ братьямъ москвичамъ“ 1840 г.

Съ эпиграфомъ: «Дворянство,—ограда престола и чести народной,—да станетъ примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ» (Манифестъ 1826 г.).

(Въ посланіи авторъ убѣждаетъ дворянъ служить по выборамъ, подавать голосъ, помогать государю—указывать и т. д.—все въ монархическомъ духѣ и въ духѣ православія).

Цензурный комитетъ вернулъ посланіе автору (г. Убри) съ надписью: „Для исправленія“,—а въ чемъ должно состоять исправленіе—неизвѣстно.

7.

„Московскій Телеграфъ“. I. Изящная словесность. „Вѣдьма“. Баллада.

Переводъ В. А. Жуковскаго.

Вся длинная баллада съ начала до конца зачеркнута красными цензорскими чернилами и не пропущена въ печать.

Внизу рукою цензора написано: „Баллада „Старушка“, нынѣ явившаяся „Вѣдьмой“, подлежитъ вся запрещенію, какъ пьеса, въ которой дьяволъ торжествуетъ надъ церковью, надъ Богомъ“.

Примѣчаніе. Эта баллада напечатана въ полномъ собраніи сочиненій В. А. Жуковскаго, т. I, (изд. 7-е), только съ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ.

8.

Редакція газеты „Сѣверной Пчелы“.

Спб., іюня 14 дня 1851 г., № 100.

Редакція „Сѣверной Пчелы“, препровождая къ его превосходительству Леонтью Васильевичу (Дубельту) прилагаемую при семъ статью о происшествіи во Владимірѣ, запмствованную изъ № 22 „Владимірскихъ губернскихъ Вѣдомостей“ (также при семъ прилагаемыхъ), покорнѣйше проситъ его превосходительство увѣдомить: можетъ-ли быть означенная статья напечатана въ газетѣ „Сѣверная Пчела“.

Приписка на этой-же бумагѣ: „По моему мнѣнію,—эту статью не должно

было печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ, которыя не для сего учреждены, но какъ она уже напечатана, то—кажется—нѣтъ препятствій печатать ее и въ „Сѣверной Пчелѣ“. Какъ прикажете?“

Отвѣтъ графа А. Ѳ. Орлова: „Я нахожу печатаніе этой статьи въ „Сѣверной Пчелѣ“ совсѣмъ ненужнымъ. Губернскихъ вѣдомостей никто почти не читаетъ, а „Сѣверная Пчела“ по всей имперіи и въ чужихъ краяхъ читается. Зачѣмъ возобновлять общую скорбь о семъ несчастномъ происшествіи? Поблагодарить Николая Ивановича Греча за его осторожность и объявить ему мое мнѣніе. Стрѣльна, 16 іюня. Графъ Орловъ“.

9.

Статья Булгарина о Гоголѣ въ отвѣтъ на статью «Московскихъ Вѣдомостей» въ № 76 1852 г.

Цензоръ А. Крыловъ не пропустилъ статьи и сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Сказанное здѣсь о Гоголѣ исключено мною по особому приказанію не возбуждать полемики по сему предмету. Цензоръ А. Крыловъ. 11 іюля 1852 г.“.

Въ упомянутой выше статьѣ, какъ и въ другихъ своихъ статьяхъ, Ѳадѣй Венедиктовичъ Булгаринъ по обыкновенію не признавалъ таланта Гоголя; онъ говорилъ его поклонникамъ: „Наслаждайтесь въ волю! Но я вовсе не намѣренъ заводить полемики для доказательства, что дважды два четыре, что огонь грѣетъ, а ледъ морозитъ. У всякаго свой вкусъ. Но мы не охотники до такихъ картинъ, какъ будочникъ, охотящійся за насѣкомыми въ своемъ воротникѣ, какъ лакей съ душкомъ, какъ пляска въ присядку у губернатора, какъ переплевывающіеся отъ скуки малороссіяне и пр., и пр... Наслаждайтесь, господа, повтореніями (Булгаринъ упрекалъ Гоголя, что онъ подражаетъ и повторяетъ французовъ) писателя, котораго вы называете геніемъ, и читайте прилежно журналы натуральной школы“.

Сообщ. Е. С. Некрасова.

Матеріалы къ русской исторіи XVIII-го вѣка.

I.

Государь мой Андреи Івановичъ! изволь написать въ рескрипте къ сыну моему Александру о болезні какая у Государя [1]) і чтобъ докторъ привез ссобою лекарства к тому приличныя. О семъ мне государыня приказывала. Слуга твой Гр. Головкинъ.

На оборотѣ адресъ: Андрею Івановичу Остерману.

II.

Маія въ 24 день 1727.

Светлейшій князь [2]). Хотя бъ желала васъ самаго видѣть и обо всемъ переговорить, но понеже извѣстноі случаи меня до сего не допущаетъ чтобъ могла васъ видѣть, того ради можетѣ быть извѣстны чрезъ господина графа Басевица о чемъ оной будѣтъ предлагать, извольтѣ быть вѣроятны, что оную мою коммисію вѣрно я вышеозначенному графу Басевицу поручила, в чемъ надѣюсь что ваша светлость сего не оставитъ, ибо во ономъ весма благонадѣжна, понеже во всѣхъ моихъ дѣлехъ отъ Васъ оставлена не была никогда, въ чемъ и нынѣ безъ сумнѣнія остаюсь Елисаветъ.

---

[1]) Петра Великаго.
[2]) Къ кн. А. Д. Меньшикову.

III.

Із Митавы 26 день Сентября 1727 году.

Петръ Михаіловичъ [1]), писмо ваше от 19 сего я ісправно получила за что вам благодарствую. Ізволте отписат как вас скора отпустят, а я здарова; толка надселас в моем доме і деревнях. Толька моя надежда Богъ сам і пресвятая Бц̄а. Боле писат не знаю, толка что поляки очен ко мне ласковы і с великимъ респектом ко мне поступают і жены іхъ. Слышела я, что вамъ нужда есть в денгах; вы ізвольте у каво занят 200 іли 300 рублевъ; я заплачю тот часъ і пребываю вамъ всегда дображелателная Анна.

IV.

Іюня 11 дня 1722. Село Сарское.

Господинъ Генералъ-Маіоръ и Екатеринославской Губерніи губернаторъ Каховской. Протоіерею Трофиму Куцинскому оказавшему на штурмѣ Измаилскомъ похвальное усердіе въ ободреніи войскъ и неустрашимомъ при оныхъ слѣдованіи на приступъ всемилостивѣйше повелѣваемъ производить изъ доходовъ губерніи Екатеринославской по триста рублей на годъ по смерть ево. Пребываемъ въ протчемъ къ вамъ благосклонны. Екатерина.

Примѣчаніе. Письмо писано все рукою императрицы. Хранится, какъ и предъидущія, въ моемъ собраніи автографовъ. Ѳ. Б.

V.

1798.

Графъ Алексей Григорьевичь. Узнавъ о празднествѣ, сдѣланномъ вами, по случаю прошедшаго дня моихъ имянинъ, и судя изъ онаго, что вы хотѣли дать мнѣ лично знать о вашей ко мнѣ преданности, я изъявляю вамъ мою благодарность, яко о дѣлѣ персонально ко мнѣ относящемся, пребывая вамъ въ прочемъ благосклоннымъ. Павелъ.

Примѣчаніе. Письмо адресовано графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому, по случаю устроеннаго имъ торжественнаго празднованія, въ Карлсбадѣ, дня тезоименитства имп. Павла (см. „Русская Старина“ 1882 г., сентябрь, стр. 653).

---

[1]) П. М. Бестужеву-Рюмину.

VI.

Указъ главнаго магистрата.

1753 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Главнаго Магистрата, Главнаго Магистрата канторѣ. Минувшаго Генваря 12-го дня. Въ Главной Магистратъ изъ государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ промеморіею объявлено: Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось коимъ образомъ россійскіе купцы для торга своего въ чужестранныя государства, а особливо въ Швецію, пріѣзжаютъ и тамъ такъ гнусно и подло пребываніе свое имѣютъ, что не токмо великое презрѣніе и посмѣяніе на себя самихъ, но и на все россійское купечество немалое предъосужденіе и поношеніе тѣмъ наносятъ; а именно многіе въ сѣрыхъ кафтанахъ и съ небритыми бородами пріѣзжаютъ, надлежащаго пристойнаго обхожденія съ чужестранными купцами не имѣютъ, притомъ же нѣкоторые и не трезво себя содержатъ также и другіе весьма непристойные поступки дѣлаютъ; того ради Ея Императорское Величество соизволила повелѣть о вышеписанномъ чрезъ Главной Магистратъ всему купечеству объявить, дабы подъ опасеніемъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва отъ нынѣ впредь всѣ россійскіе купцы, которые въ чужестранныя государства и города для торга или корреспонденціи ѣздить будутъ, не токмо поведеніе свое и платье совершенно перемѣнили, но и всякое честное и пристойное обхожденіе и знакомство тамо заводить старались, ибо тѣмъ они какъ себѣ самимъ, такъ и всему россійскому купечеству честь, почтеніе и лучшій кредитъ у всѣхъ чужестранныхъ націй пріобрѣсти могутъ. И по указу Ея Императорскаго Величества въ Главномъ Магистратѣ опредѣлено: въ Московскій и въ прочіе губернскіе и провинціальные магистраты, а изъ оныхъ въ приписные къ провинціямъ городы въ магистраты-жъ и ратушп прислать указы и велѣть во исполненіе вышеобъявленнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія отъ тѣхъ магистратовъ каждый въ своемъ городѣ купечеству о вышеписанномъ объявить съ подпискою съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, дабы отъ нынѣ впредь всѣ россійскіе купцы, кои въ чужестранныя государства и города для торга или корреспонденціи ѣздить будутъ, не токмо поведеніе свое и платье перемѣнили, но и всякое честное и пристойное обхожденіе и знакомство тамъ заводить

старались подъ опасеніемъ за неисполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва и жестокаго истязанія. И главнаго Магистрата Канторѣ учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу, а въ прочіе губернскіе и провинціальные магистраты указы посланы февраля 15 дня 1753 года.

Примѣчаніе. (Изъ рукописнаго историческаго сборника XVIII в., въ листъ, № 196, въ нашемъ собраніи въ с. Солыгаевѣ на Іодѣ, Рыбинскаго уѣзда).

Сообщ. 15 дек. 1882 г. Ѳ. Ѳ. Бычковъ.

Всероссійскій дворянскій молебенъ

1851 — 1852.

Въ 1851 году исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени вступленія на престолъ императора Николая I го. Событіе это было отпраздновано торжественнымъ образомъ въ каждой губерніи. Но дворянство Смоленской губерніи не удовольствовалось оффиціальнымъ празднованіемъ дня царскаго юбилея. Оно задумало отправить отъ себя депутацію въ Москву и тамъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ отслужить молебствіе о здравіи и долгоденствіи Николая Павловича. Смоленскому губернскому предводителю князю Друцкому-Соколинскому была, за подписью уѣздныхъ предводителей и другихъ дворянъ, подана докладная записка, въ которой говорилось: «Чѣмъ можемъ мы проявить чувство благодарности къ Монарху? чѣмъ ознаменовать нашу преданность ему? Ничѣмъ инымъ, какъ благодарственнымъ молебномъ отъ лица дворянъ въ первопрестольной Москвѣ, въ Успенскомъ соборномъ храмѣ, какъ мѣстѣ священнаго вѣнчанія царей Россіи». Предводитель смоленскаго дворянства взялся за осуществленіе мысли, возникшей въ средѣ его. Но въ это время среди смоленскихъ дворянъ явилась новая мысль: устроить дѣло такъ, чтобы молебенъ въ Москвѣ былъ не только смоленскимъ, но всероссійскимъ, чтобы депутаціи изо всѣхъ русскихъ губерній съѣхались въ извѣстное

время въ Москву и тамъ совершили общественное молебствіе. А поэтому князь Друцкой-Соколинскій разослалъ предводителямъ другихъ губерній письма съ просьбой принять участіе въ задуманномъ смоленскимъ дворянствомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ этими письмами были отправлены копіи съ формальнаго постановленія смоленскаго дворянства, о предстоящемъ молебнѣ. Въ этомъ постановленіи, между прочимъ, было сказано:

«Князь! въ пламенной любви и преданности къ царю первенства нигдѣ намъ не уступятъ. Мысль смольянъ — есть мысль россіянъ. Она горитъ уже лучомъ безсмертія. На наше движеніе, среди благоговѣйнаго созерцанія, безмолвнаго удивленія великимъ подвигамъ вѣнценосца, намъ откликнутся вѣрные сыны въ отдаленнѣйшихъ концахъ. . . . . радость, восторгъ отечества хлынетъ къ сердцу Россіи, и торжественный епміамъ вознесется къ Небу».

Обращая вниманіе губернскихъ предводителей на приведенныя слова, князь Друцкой-Соколинскій говоритъ: «Нынѣ, основываясь на истинѣ, что изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ есть невозбранно, я пріемлю смѣлость войти въ свое время съ представленіемъ объ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго соизволенія на отправленіе въ Москву депутаціи. Слѣдовательно, дѣйствія мои могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ общимъ принятіемъ изъявленной мысли и слитіемъ ея въ одно цѣлое. И что-жъ достойнѣе могло осуществить мысль и желанія сыновъ отечества, какъ молитва за царя предъ цѣлымъ міромъ, отъ лица всего народа?»

Въ декабрѣ 1851 года смоленскимъ губернскимъ предводителемъ стали получаться отвѣты изъ другихъ губерній, на предложеніе смоленскихъ дворянъ. Отвѣты эти были составлены на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ, и переданы мѣстнымъ губернскимъ предводителямъ. Эти послѣдніе отправляли письма князю Друцкому - Соколинскому. Владимірское дворянство предложило, чтобы каждая губернія послала въ извѣстное время въ Москву, въ качествѣ депутатовъ, всѣхъ своихъ уѣздныхъ предводителей съ губернскимъ во главѣ. Такимъ образомъ, нѣсколько сотень дворянскихъ предводителей должны были, въ назначенный день, собраться въ Успенскомъ соборѣ и слушать молебенъ... Но какой для всероссійскаго моленія избрать день?... Смоленскому предводителю пришла въ голову мысль, и онъ поспѣшилъ сообщить ее во всѣ губерніи: «торжество толпкой важности прилично совершить въ день сошествія Св. Духа. Дары Св. Духа осѣнятъ благодатію торжественное возношеніе народа и озарятъ вѣрноподданныхъ свѣтомъ разумѣнія...»

И на это были согласны дворяне другихъ губерній. Нѣкоторые

губернскіе предводители писали: завидуемъ вамъ, князь, какъ человѣку, у котораго впервые родилась идея всероссійскаго торжественнаго акта».

16 декабря 1851 года, Друцкой-Соколинскій послалъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому представленіе слѣдующаго содержанія:

— «Убѣждаясь изъ получаемыхъ отъ гг. губернскихъ предводителей дворянства отзывовъ, что мысль ознаменовать вѣрноподданническія чувства благодареніемъ въ Успенскомъ соборѣ принадлежитъ уже не губерніи Смоленской, а Россіи, и что къ вашему сіятельству отправляются о томъ представленія и ходатайства изъ губерній, я почитаю долгомъ, согласно постановленію смоленскаго дворянства, просить повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Е. И. В. мое представленіе о соизволеніи на осуществленіе нашей мысли и завѣтнаго желанія о посылкѣ депутаціи въ Москву»...

Въ мартѣ 1852 года департаментомъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ губернскимъ предводителямъ дворянства, ходатайствовавшимъ о совершеніи всероссійскаго дворянскаго молебна въ Москвѣ, былъ разосланъ слѣдующій циркулярный отвѣтъ:

— «Имѣю честь увѣдомить, что по всеподданнѣйшему докладу объ извѣстномъ желаніи смоленскаго дворянства прислать депутатовъ въ Москву для возсланія въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ молитвъ за дарованныя Россіи Е. И. В. благодѣянія, Государь на томъ докладѣ изволилъ собственноручно написать: «молиться, буде хотятъ, могутъ вездѣ, и можетъ каждый про себя, а не въ видѣ общемъ»...

Такимъ образомъ, всероссійскій дворянскій молебенъ не состоялся.

Сообщ. А. Танковъ.

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Записка его объ открытіи и учрежденіи каѳедры географіи при университетахъ [1]).

При отсутствіи особой каѳедры для преподаванія географіи въ университетахъ, нѣтъ науки, которая и связывала бы отдѣльныя отрасли естествознанія и служила бы основаніемъ для изученія всеобщей исторіи и статистики.

Безъ географіи въ курсѣ естественныхъ наукъ не достаетъ широкаго воззрѣнія на природу, представителемъ котораго былъ Гумбольдтъ; безъ географіи во всеобщей исторіи и въ статистикѣ теряется связь между природою и общественными явленіями, разъясненіе которой составляетъ заслугу Риттера. Вліяніе этого пробѣла особенно замѣтно въ приготовленіи преподавателей географіи для гимназій. Наставники по сему предмету, взятые изъ историко-филологическаго факультета, по незнакомству съ естественными науками, или вовсе не имѣютъ въ виду основной идеи географіи, или не въ состояніи развить эту идею съ пользою для учениковъ. Наставники же, взятые изъ физико-математическаго факультета, изучавшіе явленія природы независимо отъ вліянія ихъ на общественную жизнь, или вовсе не могутъ оцѣнить значенія физическихъ условій для человѣка, находящагося на различныхъ ступеняхъ общественности, или по крайней мѣрѣ теряютъ изъ виду этнографическій элементъ.

---

[1]) Въ настоящее время, когда преподаваніе географіи установлено, наконецъ, въ университетѣ, интересно привести мнѣніе по сему вопросу знаменитаго нашего ученаго Н. И. Пирогова. Извлекаемъ эту записку изъ архива „Русской Старины“, въ который она сообщена 21-го сентября 1883 года. Ред.

Вслѣдствіе этого наука, которая могла бы въ гимназіяхъ содѣйствовать умственному развитію дѣтей и сообщать имъ много замѣчательныхъ и полезныхъ свѣдѣній, обращается въ мертвую номенклатуру, въ перечни: собственныхъ именъ, произведеній трехъ царствъ природы, историческихъ событій и проч.

Заучивъ на память этотъ лексиконъ словъ, съ которымъ не связано никакой мысли, ученики выносятъ одно отупѣніе, чувство умственной усталости, тогда какъ географія, при надлежащемъ преподаваніи, должна бы возбудить охоту къ занятіямъ и къ чтенію, наконецъ, дать наставнику нравственное вліяніе на учащихся.

Настоятельная потребность, ощущаемая гимназіями въ хорошихъ преподавателяхъ географіи, указываетъ на необходимость основательной подготовки учителей въ педагогическихъ курсахъ. Достиженіе же этой цѣли условливается открытіемъ особыхъ каѳедръ при университетахъ.

Пироговъ.

С. Я. НАДСОНЪ.

По поводу посмертнаго изданія его стихотвореній.

Любовь публики къ юному, такъ рано унесенному смертью, поэту успѣла уже сказаться и на этомъ изданіи. Оно разошлось мгновенно. Но у Надсона было и не мало недруговъ. Въ громкомъ гамѣ различныхъ враждебныхъ ему голосовъ былъ и болѣе умѣренный голосъ, солидно утверждавшій, что значеніе его преувеличено. Самъ поэтъ скромно говорилъ про свои стихи:

Это—не пѣсни, это—намеки;
Пѣсни не въ мочь мнѣ сложить:
Некогда мнѣ эти бѣлыя строки
Въ радугу красокъ рядить.
Мать умираетъ—дитя позабыто,
Въ рваныхъ лохмотьяхъ оно...
Лишь бы хоть какъ нибудь было излито,
Чѣмъ многозвучное сердце полно!

Жизнь, произведшая такое дитя, какъ поэзія Надсона, въ самомъ дѣлѣ была какимъ-то томительно долгимъ процессомъ преждевременнаго умиранія. Но то была въ то-же время и полная, широкая и глубокая жизнь, жизнь сознательная, переполненная сокровищами любящаго сердца, свободная отъ всякой житейской грязи, не сдающаяся, бодрая, не смотря ни на что не теряющая вѣры. Поэтическіе аккорды, издаваемые этою страдальческою жизнію, что̀ бы ни говорилъ самъ поэтъ о художественной ихъ невоздѣланности—аккорды могучіе, полные, глубоко и ясно отдающіеся въ душѣ. Эта поэзія—страждущее, но не душевно-больное дитя умирающей матери. Самого поэта никакъ нельзя бы было назвать «больнымъ сыномъ больнаго вѣка», хотя его такъ и величали. Мы находимъ у него не только нашу душевную

боль и наши умственныя язвы, но и живое отъ нихъ врачевство. Оно—въ томъ запасѣ нравственныхъ силъ, какимъ онъ былъ одаренъ и какого именно и не достаетъ намъ.

Въ новомъ изданіи — болѣе половины книги отведено стихотвореніямъ, не входившимъ въ прежнія. Но не только въ этомъ богатомъ отдѣлѣ посмертныхъ стихотвореній (нѣкоторыя изъ нихъ появлялись, правда, въ журналахъ),—и въ предшествующемъ ему, среди пьесъ, помѣщенныхъ и въ пятомъ изданіи, встрѣчается нѣсколько, въ немъ не имѣющихся. Между тѣмъ каждый лишній аккордъ этой преждевременно «сломанной арфы» — настоящій подарокъ въ наши дни, когда такъ нужна намъ нравственная поддержка.

Стихотворенія въ обоихъ отдѣлахъ расположены по годамъ и заключаютъ въ себѣ цѣлую поэтическую жизнь. Въ біографіи, предшествующей стихамъ, помѣщены отрывки изъ дневника Надсона, такъ много объясняющіе въ его стихахъ. Теперь окончательно ясно, какъ много личнаго въ его поэзіи. Но чья душа была такъ хороша, такъ чиста, тотъ имѣетъ право, тотъ даже обязанъ быть личенъ (субъективенъ) въ своихъ стихахъ.

Многія изъ посмертныхъ стихотвореній посвящены матери, которой рано лишился поэтъ, но которая часто представлялась его любящему воображенію. Когда онъ въ своихъ свѣтлыхъ грезахъ простираетъ къ ней руки, то его никакъ нельзя сравнивать съ Некрасовымъ, вызывавшимъ тѣнь матери не на радость ей, а только на поддержку себѣ—чтобы, вымоливъ у нея прощеніе, подняться на ея зовъ изъ охватывающаго его омута. Надсонъ могъ просить у своей матери просто привѣта, ласки,—онъ могъ вызывать ея тѣнь, не стыдясь передъ ней ни за что, не рискуя ее огорчить такимъ вызовомъ. Ни множество, съ самаго ранняго дѣтства прочитанныхъ безъ разбора, книгъ, ни, какъ онъ выражается, «стоглавое товарищество» въ корпусѣ не замутили своимъ вліяніемъ его чистой души. Она омрачалась горемъ, сомнѣніями, но не страстями въ обычномъ, низменномъ смыслѣ. Онъ рано начинаетъ влюбляться—но это скорѣе какой-то благоговѣйный культъ созданій своего же собственнаго творческаго воображенія. Послѣ нѣсколькихъ разочарованій, онъ останавливается на существѣ, которое въ самомъ дѣлѣ стало для него воплощеніемъ неземной красоты, т. е. красоты душевной. Безпощадная смерть отнимаетъ ее у поэта, но онъ постоянно поминаетъ ее въ своихъ стихахъ, оставаясь въ самомъ дѣлѣ ей вѣрнымъ, а не рисуясь только своимъ постоянствомъ, какъ рисовались въ свое время «рыцари Тогенбурги». Если бы всякая юношеская любовь оставалась такою чистою и вдохновительною въ общественномъ смыслѣ, можно бы

было не бояться преждевременности любви. Вотъ что̀ писалъ онъ въ своемъ дневникѣ 31-го марта 1879 г.:

— «Я послѣ ея смерти—смерти совсѣмъ не боюсь, но умирать не хотѣлъ бы изъ принципа; во-первыхъ, мнѣ еще сильно нужно работать надъ собой, для того, чтобъ сдѣлаться достойнымъ ея; во вторыхъ, нужно работать для другихъ, нужно постараться одному сдѣлать то, что̀ мы собирались сдѣлать съ нею вмѣстѣ. У меня есть талантъ—въ этомъ я, наконецъ, убѣдился,—и ея именемъ я обѣщаю не допускать ни одного фальшиваго и неискренняго звука въ моихъ пѣсняхъ, ни одного подкупнаго слова». (XXX).

Итакъ, онъ хочетъ жить, потому что это его долгъ, потому что жизнь нужна ему, какъ художнику—т. е. прежде всего работающему надъ самимъ собою, призванному нравственно воздѣлать свою душу, чтобы стала она достойною того идеала, который воплотился для него въ миломъ существѣ. Въ этой завѣтной работѣ не допускается остановокъ; въ такихъ остановкахъ—не роздыхъ ради обновленія силъ, а опасность дремоты съ разслабляющими душу снами. Не даромъ же внутренній голосъ говорилъ поэту:

Ты, я знаю, силенъ: ты безстрашно сносилъ
И борьбу, и грозу, и тревоги —
Но сильнѣе открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ
Этотъ тайный соблазнъ полдороги.
Дальше жъ, путникъ!.. Повѣрь, лишь ослабитъ тебя
Мигъ отрады, мигъ грезъ и покоя, —
И продашь ты все то, что̀ ужъ сдѣлалъ, любя,
За позорное счастье застоя. (61).

Такіе стихи напоминаютъ въ нашей литературѣ развѣ Хомяковскаго «Труженика», да еще исполненныя такой же могучей нравственной силы стихотворенія И. С. Аксакова. Но за Надсономъ, при такой же силѣ нравственной, остается перевѣсъ поэтической силы, живаго творчества въ выраженіи мысли. Онъ хочетъ неустанно работать для другихъ, исполняя обѣтъ, данный, должно быть, заодно съ милымъ существомъ, и такою загробною связью съ нимъ напоминаетъ Жуковскаго, только придавая тому же идеализму опредѣленныя, ясныя формы. Онъ воображаетъ себѣ, должно быть, то же милое существо, воображаетъ его живымъ, когда говоритъ:

Не хочу я, мой другъ, чтобъ судьба намъ съ тобой
Все дарила улыбки да розы,
Чтобы насъ обходили всегда стороной
Роковыя житейскія грозы;
Чтобъ ни разу не сжалась тревогою грудь

И за міръ бы не стало обидно...
Чѣмъ такую безвѣстную жизнь помянуть?
Да и жизнью назвать ее стыдно!
Нашимъ счастьемъ пусть будетъ—несчастье вдвоемъ... (401).

Рѣшаясь вполнѣ жить для другихъ, весь отдаться общественному служенію, онъ боится съ другой стороны, чтобы это не стало забвеніемъ милаго существа. Онъ хочетъ оправдаться передъ его тѣнью, указывая на то, что вѣдь они же никогда и не гадали о возможности счастья, а думали только, по чудному его выраженію, о «несчастьи вдвоемъ».

Припомнимъ стихи, въ которыхъ она какъ бы опять передъ нимъ оживаетъ:

Не называй меня безумнымъ, дорогая,
Не говори, что я солгалъ передъ тобой;
Нѣтъ, я люблю тебя, какъ мальчикъ, отдавая
Всю душу, всѣ мечты, всю жизнь—тебѣ одной;
Но отголоски грозъ недавняго ненастья,
Какъ голосъ совѣсти, твердятъ душѣ моей:
„Есть дни, когда такъ пошлъ вѣнокъ любви и счастья
И такъ прекрасенъ тернъ страданій за людей!“ (368).

Но что, ежели онъ разумѣетъ тутъ не ее, переносясь въ невозвратное прошлое, т. е. въ тогдашнія ихъ мечты о будущемъ, а имѣетъ въ виду настоящее какое нибудь живое существо, любовь къ которому начинаетъ вкрадываться въ его душу? Такое обстоятельство, какъ видно изъ біографіи, заводилось было въ жизни поэта. Но вотъ золотое мѣсто въ его письмѣ:

— «Есть что-то подлое и низкое въ способности забвенья, вложенной въ душу человѣка; забвеніе, въ сущности говоря, та же измѣна и даже хуже измѣны, такъ какъ лицо страдательное изъ могилы не въ силахъ поднять свой голосъ... Сколько разъ я молилъ у прошлаго прощенія за одну только возможность жить въ настоящемъ! Помните, еще не такъ давно... я, на основаніи того, что есть забвеніе, отрицалъ любовь, такъ какъ такая любовь на время кажется мнѣ жалкой, ничтожной, «земной» любовью, а сердце проситъ, требуетъ вѣчности и чистоты идеала». (XXXI).

При такомъ взглядѣ было бы слишкомъ не легко развиться въ немъ какой нибудь новой любви, и вотъ почему, надо думать, упомянутое обстоятельство только промелькнуло въ жизни поэта. Трудно представить себѣ болѣе возвышенное понятіе о любви, чѣмъ то, которое выразилось у него въ слѣдующемъ покаянномъ плачѣ на священной могилѣ:

. .Прости мнѣ, моя дорогая,
Лживыя слезы, на мраморъ могильной доски,
Тяжко упавшія, память твою оскорбляя:
Нѣту любви, если годы похитить могли
Чистый твой образъ изъ сердца... Безъ вѣчности чувства
Смысла въ немъ нѣтъ!.. Если жъ нѣту любви—нѣтъ искусства,
Правды, добра, красоты—нѣтъ души у земли! (249).

Рисуя свою любовь, столь отличную отъ того, что составляетъ содержаніе столькихъ романовъ съ обычною ихъ развязкою, поэтъ говоритъ:

Если любить—безконечно томиться
Жаждой объятій и знойныхъ ночей, —
Я не любилъ: я молился предъ ней,
Такъ горячо, какъ возможно молиться. (247).

Не то ужасъ, не то отвращеніе наводитъ на поэта именно то, что для столькихъ другихъ и даже великихъ поэтовъ становилось предметомъ восторженнаго воспѣванія на всѣ лады. Ярко отличаясь отъ нихъ, утверждаетъ Надсонъ:

Только утро любви хорошо:
Хороши только первыя, робкія рѣчи,
Трепетъ дѣвственно чистой, стыдливой души,
Недомолвки и бѣглыя встрѣчи...
* *
*
Поцѣлуй—первый шагъ къ охлажденью: мечта
И возможной, и близкою стала;
Съ поцѣлуемъ роняетъ вѣнокъ чистота
И кумиръ низведенъ съ пьедестала...
* *
*
Взглядъ, прикованный прежде къ прекраснымъ очамъ,
И горѣвшій стыдливой мольбою,
Нагло бродитъ теперь по открытымъ плечамъ,
Обнаженнымъ безстыдной рукою... (279).

Та личная любовь, какою поэтъ любилъ ту, которую называлъ сестрою своей души (281), — это частица той міровой любви, о великомъ, нравственно-властномъ, значеніи которой говоритъ поэтъ въ своемъ особомъ стихотвореніи на смерть Достоевскаго, вошедшемъ въ отдѣлъ посмертныхъ. Въ началѣ рисуется тутъ Валтасаровъ пиръ. Бурная туча, смутившая было пирующихъ, пронеслась, и оргія опять достигаетъ разгара.

Но есть иная власть надъ полнотою людской
И эта власть—любовь! Созданія искусства,
Въ которыхъ теплится огонь ея святой,

Сметаютъ прочь съ души позорящія чувства;
Какъ благодатный свѣтъ, въ эгоистичный вѣкъ,
Сіяетъ всѣмъ она, любя и изцѣляя, —
И не дрожитъ предъ ней отъ страха человѣкъ,
А ницъ склоняется, ее благословляя!.. (220)

Вотъ этою-то міровою любовью и пропитана была насквозь поэзія Надсона и, повторяю, она постоянно отражалась у него въ чистомъ зеркалѣ его личной привязанности. Въ какой угодно литературѣ слишкомъ рѣдко вы встрѣтите лирика съ такою постоянною чистотою чувства.

Любя своею особенною любовью, т. е. благоговѣйно склоняясь передъ почившею «сестрою своей души», поэтъ обѣщаетъ недопускать ни одного фальшиваго звука въ своихъ пѣсняхъ. И онъ до конца остается вѣренъ такому обѣту, очень хорошо понимая, какъ легко выдается красивая фальшь за правду и какъ удобно бываетъ составить себѣ славу на подобной фальши. Онъ говоритъ:

Лги—людямъ ложь нужна... Рисуйся передъ ними,
Крикливо негодуй, сурово обличай,
Громи людской позоръ упреками своими
И доблестью своей нахально щеголяй.
Пусть отойдетъ любовь отъ твоего порога,
Возьми оружьемъ гнѣвъ, карая и губя,—
И робкая толпа въ тебѣ увидитъ бога,
И робкая толпа превознесетъ тебя...
Но, если ты правдивъ, но, если, обличая
Другихъ, ты и себя не хочешь пощадить... (237).

Стихотвореніе, къ несчастью, такъ и осталось не оконченнымъ.

Но дневникъ Надсона, заодно со стихами его, показываетъ намъ, какъ чутко онъ слышалъ фальшь даже въ ближайшей къ нему молодой средѣ съ излюбленными ею словечками, смыслъ которыхъ понималъ онъ такъ часто совсѣмъ иначе, выводя изъ него убійственный укоръ имъ-же — употребляющимъ эти словечки. Трудно было подкупить поэта, не даромъ клявшагося быть неподкупнымъ, даже восторженными оваціями, въ которыхъ его чуткое сердце чуяло что-то театральное. Не даромъ писалъ онъ однажды: «Я не рисуюсь—мнѣ въ самомъ дѣлѣ было грустно до тяжести, когда уходилъ я домой, увѣнчанный моимъ успѣхомъ. Причина этому та, что отъ меня не укрылась изнанка многаго... не укрылись ложь и фразы этого вечера... не укрылась та, если можно такъ выразиться, его оргійная сторона, которая мнѣ такъ противна»... (XLII—XLIII).

Въ дневникѣ поэта находимъ мы слѣдующее замѣчательное мѣсто, относящееся еще къ его восемнадцати лѣтнему возрасту (10-го мая 1880 г.): «Идеалъ жизни, и жизни не личной, а общественной, слѣдовательно самый высокій идеалъ — свобода, равенство, братство,

трудъ, и т. д., и т. д. Все это, въ концѣ концовъ, сводится къ одному давно знакомому итогу: «наслажденіе», а наслажденіе возможно и безъ жертвъ, и безъ борьбы, — стоитъ только потушить въ себѣ то, что̀ мы называемъ лучшимъ въ человѣкѣ... Но теперь вопросъ: если бы эгоистичный идеалъ и былъ достижимъ, удовлетворилъ ли бы онъ меня? Нѣтъ, потому что я уродливо созданъ, созданъ для самопожертвованья и другаго великодушничанья, а не для эгоистичнаго счастья и блаженнаго покоя. Слѣдовательно, или для меня нѣтъ идеала, или единственный возможный въ жизни идеалъ слишкомъ узокъ для меня.. Міръ для меня тѣсенъ, а другаго нѣтъ, даже если допустить существованіе рая, который опять таки сводится къ личному блаженству и покою и, значитъ, выдуманъ людьми». (XXXV).

Вполнѣ опять заодно съ дневникомъ написались у поэта стихи:

Нѣтъ, я больше не вѣрую въ вашъ идеалъ
И впередъ я гляжу равнодушно:
Если бъ міръ вашихъ грезъ, наконецъ, и насталъ —
Мнѣ бъ въ немъ было мучительно душно:
Сколько праведной крови погибшихъ бойцовъ,
Сколько свѣтлыхъ созданій искусства,
Сколько подвиговъ мысли, и мукъ, и трудовъ, —
И итогъ этихъ трудныхъ, рабочихъ вѣковъ —
Пиръ животнаго, сытаго чувства!
Жалкій, пошлый итогъ! Каждый честный боецъ
Не отдастъ за него свой терновый вѣнецъ... (302).

Какъ бы насмѣшливо относясь къ своему «великодушничанью», и даже называя свою натуру «уродливою», поэтъ, очевидно, не промѣнялъ бы ее ни на какую другую. «Идеалы въ наше время что-то отличное отъ жизни, писалъ онъ въ январѣ 1882 г., стоящее внѣ ея, а не сама жизнь; о нихъ можно говорить, спорить, горячиться, но проводить ихъ въ жизнь — «помилуйте, это донъ-кихотство, это непрактично». (XXXVIII). Самъ поэтъ всегда оставался «Донъ-Кихотомъ», потому что всегда говорилъ:

Отдайся всей душою
На служенье братьямъ, позабудь себя
И иди впередъ, свѣтя передъ толпою,
Поднимая павшихъ, вѣря и любя!
Не гонись за шумомъ быстраго успѣха,
Не мѣняй на лавръ суроваго креста, —
И пускай тебя язвятъ отравой смѣха
И клеймятъ враждой нечистыя уста.

Голое, холодно-насмѣшливое отрицаніе, разъѣдающія сомнѣнія и издѣвки, разшатывающее остроуміе, безъ зиждительной силы мысли, твердо вѣрящей въ путь, которымъ надо идти, постоянно наводили

ужасъ на нашего поэта, заставляя его вздыхать, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, по «возвышающемъ насъ обманѣ». Вѣдь онъ говорилъ:

Въ больные наши дни, въ дни скорби и сомнѣній,
Когда такъ холодно и мертвенно въ груди,
Не нуженъ ты толпѣ, невѣрующій геній,
Пророкъ погибели, грозящей впереди; —
Пусть истина тебѣ слова твои внушаетъ,
Пусть намъ исхода нѣтъ—не вѣруй, но молчи...
И такъ ужь ночь вокругъ свой сумракъ надвигаетъ,
И такъ ужь гаситъ день послѣдніе лучи...
Пускай иной пророкъ, пророкъ, быть можетъ, лживый,
Но только вѣрящій, намъ пѣснями гремитъ,
Пускай его обманъ, нарядный и красивый,
Хотя на краткій мигъ намъ сердце оживитъ!

Исканіе вѣрующаго пророка взамѣну во всемъ сомнѣвающихся, не увѣренныхъ и въ самихъ себѣ, обличителей, или, что хуже того, проповѣдниковъ безплодности подвига, разрѣшителей на всяради того, что вѣдь ничего не подѣлаешь — пламенное исканіе въ наше время существа, призваннаго «жечь своимъ глаголомъ сердца людей» въ силу того «пылающаго угля», который «водвинутъ ему въ грудь» вмѣсто обыкновеннаго сердца, проходитъ черезъ многія, начинаемыя и обрываемыя, стихотворенія нашего поэта. Онъ зоветъ, зоветъ, — и не дозовется пророка!

Напрасная мечта! Пророковъ нѣтъ... Мельчая,
Не въ силахъ ихъ создать ничтожная среда.
Есть только хищниковъ не дремлющая стая,
Да пошлость жалкая, да мелкая вражда...

И она не дремала. На нее не дѣйствовалъ примиряющимъ образомъ кличъ, раздававшійся съ одра болѣзни Надсона: «пора, явись, пророкъ!» Ее не уличали, не приводили въ молчаливую робость его выстраданныя слова:

Теперь иль никогда! Сознанье умираетъ,
Стыдъ гаснетъ, совѣсть спитъ. Ни проблеска кругомъ,
Одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ.

Оно продолжало его возвышать противъ поэта и дошло до ожесточеннаго лая. Это бѣсенята завидовали серафиму.

Но его не стало. На двадцать пятомъ году жизни догорѣлъ этотъ яркій духовный свѣтъ, слишкомъ нужный во дни невѣрія и нравственной разнузданности или дряблости. Ему противно было быть идоломъ молодежи, онъ былъ ей, какъ и всему обществу, прямымъ и правдивымъ другомъ, не знающимъ лести или потачки. Такіе люди не заживаются: ужъ слишкомъ мы не достойны ихъ.

Ор. Ѳ. Миллеръ.

Памяти Софьи Марковны Котельниковой, урожденной Кисель,

падчерицы историка Н. И. Костомарова.

Послѣ смерти Николая Ивановича Костомарова, 7-го апрѣля 1885 г., право собственности на изданіе всѣхъ его сочиненій, какъ бывшихъ уже въ печати, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, перешло, по духовному завѣщанію покойнаго историка, къ супругѣ его, Алинѣ Леонтьевнѣ Костомаровой.

Въ послѣдніе годы жизни Николая Ивановича редакторскіе труды по изданію его сочиненій (вторыми, третьими и даже четвертыми изданіями), какъ-то: провѣрку текста и цитатъ по подлиннымъ источникамъ, редакторскія корректуры (вторыя, третьи, а не рѣдко, въ видахъ строжайшей точности печатанія, и четвертыя), составленіе алфавитныхъ и предметныхъ указателей къ этимъ сочиненіямъ, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія и слабости зрѣнія престарѣлаго историка,—приняла на себя супруга его, Алина Леонтьевна Костомарова, а ей во всемъ помогала юная дочь ея, Софья Марковна Кисель, впослѣдствіи, въ замужествѣ – г-жа Котельникова. Всѣ послѣднія сочиненія Николая Ивановича (послѣдняго десятилѣтія его жизни) ими же, Алиною Леонтьевною и Софьею Марковною, переписывались набѣло для печати. Наиболѣе обширное сочиненіе покойнаго (посмертное, еще неизданное) — «Объ историческомъ значеніи южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» — все переписано Софьею Марковною съ особенною тщательностью.

Въ виду такого усерднаго и сердечнаго отношенія послѣдней къ трудамъ покойнаго историка и будучи увѣрена, что, при достигнутой уже ею опытности въ редактированіи его сочиненій, дальнѣйшее изданіе ихъ, даже послѣ смерти г-жи Костомаровой, будетъ обезпечено въ надежныхъ рукахъ ея любимой дочери, Алина Леонтьевна духовнымъ завѣщаніемъ своимъ всѣ права собственности на изданіе

сочиненій своего мужа передала ей — Софьѣ Марковнѣ, по мужѣ — Котельниковой.

Но къ величайшей скорби всѣхъ, близко знавшихъ послѣднюю, молодая жизнь ея пресѣклась слишкомъ рано: 25-го апрѣля 1887 г. Софья Марковна Котельникова скончалась. Убитая горемъ мать ея, желая почтить дорогую память нѣжно любимой дочери добрымъ, достойнымъ ея свѣтлой памяти, дѣломъ, въ первыя, самыя тяжкія, минуты материнской скорби, боясь, при крайне болѣзненномъ состояніи своемъ, не пережить понесенной ею жестокой утраты, просила меня тотчасъ же, въ тѣ самыя минуты, когда дорогая ей покойница находилась еще въ своей квартирѣ, написать Н. С. Таганцеву, г-ну предсѣдателю общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, членомъ котораго покойная Софья Марковна состояла въ теченіи послѣднихъ лѣтъ по выпускѣ ея изъ Смольнаго института,— чтобы г. Таганцевъ пожаловалъ къ ней для составленія духовнаго завѣщанія, которымъ она передавала какъ свои права собственности, такъ и права усопшей дочери—на изданіе всѣхъ сочиненій Николая Ивановича Костомарова—литературному фонду.

Н. С. Таганцевъ немедленно исполнилъ волю завѣщательницы: завѣщаніе было написано.

1-й пунктъ новаго завѣщанія А. Л. Костомаровой гласитъ: «принадлежащее ей право собственности на изданіе всѣхъ вообще сочиненій покойнаго мужа ея, Николая Ивановича Костомарова, какъ бывшихъ уже въ печати, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, она, Алина Леонтьевна Костомарова, завѣщаетъ въ полную собственность обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и кромѣ того она завѣщаетъ тому же обществу всѣ изданія и экземпляры сочиненій покойнаго мужа ея, Николая Костомарова, кои останутся въ день ея смерти въ книжныхъ складахъ или отданными на комиссію книгопродавцамъ, со всѣми по тѣмъ изданіямъ разсчетами, которые по тотъ день окажутся не оконченными, съ возложеніемъ на общество слѣдующаго обязательства: а) всѣ суммы, имѣющія поступить отъ изданій Николая Ивановича Костомарова и отъ продажи экземпляровъ оныхъ,—должны быть обращены обществомъ въ неприкосновенный капиталъ имени Николая Ивановича Костомарова; б) на проценты съ того капитала, немедленно по утвержденіи сего завѣщанія судомъ къ исполненію, общество обязуется приступить къ учрежденію въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету для студентовъ, преимущественно изъ занимающихся русскою исторіею, — двухъ стипендій: одной — имени покойнаго мужа завѣщательницы, Николая Ивановича Косто-

марова, а другой—имени покойной дочери ея, Софьи Марковны Котельниковой; в) всѣ оставшіеся проценты съ капитала общество обязуется употреблять на воспитаніе дѣтей нуждающихся литераторовъ и ученыхъ; г) впредь до образованія капитала, проценты съ коего будутъ достаточны для уплаты обѣихъ стипендій,—таковыя должны уплачиваться обществомъ изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи сочиненій Николая Ивановича Костомарова».

Въ настоящее время «Историческихъ монографій» Н. И. Костомарова обращается въ продажѣ восемнадцать томовъ; девятнадцатый выйдетъ надняхъ, а двадцатый составится изъ «Очерка торговли Московскаго государства» и нѣсколькихъ мелкихъ статей, въ родѣ «Ксеніи Годуновой» и проч. Этотъ двадцатый томъ, вѣроятно, будетъ печататься подъ редакціею завѣщательницы нынѣшнею зимою.

Такимъ образомъ, въ собственность литературнаго фонда поступитъ:

Двадцать томовъ «Историческихъ монографій и изслѣдованій».

Два тома (теперь въ трехъ, а будетъ въ четырехъ книгахъ) «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей».

Шесть томовъ (малыхъ) повѣстей и разсказовъ («Кудеяръ», «Сынъ», «Черниговка», «Холуй», «Разсказы Богучарова», «Еллины Тавриды», съ «Кремуціемъ Кордомъ» впослѣдствіи).

Одинъ томъ «Творівъ Іереміи Галки» (если онъ не подаренъ покойнымъ историкомъ навсегда одесситамъ).

Одинъ томъ «Очерковъ изъ русской исторіи», «Бытовыхъ и путевыхъ замѣтокъ».

Два тома изъ всего, что̀ печаталось въ «Бесѣдѣ» и «Русской Мысли» и что̀ имѣется въ рукописи: «Объ историческомъ значеніи южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества».

Два тома (по меньшей мѣрѣ) изъ собранія всѣхъ статей критическихъ и полемическихъ, и, наконецъ:

Одинъ томъ «Автобіографіи» покойнаго историка, имѣющейся въ рукописи.

Итого тридцать-пять томовъ — результаты сорока-семи лѣтъ трудовъ! Даръ, достойный безсмертнаго имени историка и свѣтлой, глубоко-трогательной памяти юной, угасшей въ началѣ разцвѣта, молодой жизни, лучшей изъ женщинъ—падчерицы его, Софьи Марковны Котельниковой. Эту свѣтлую память своего сочлена литературный фондъ почтилъ вставаніемъ въ первомъ послѣ смерти Софьи Марковны общемъ своемъ собраніи, 3-го мая 1887 г., въ третью годовщину кончины К. Д. Кавелина.

Напомню здѣсь прекрасныя, теплыя слова П. А. Гайдебурова,

сказанныя имъ въ «Недѣлѣ» по поводу безвременной кончины Софьи Марковны: «это была милая и чрезвычайно симпатичная дѣвушка (говоритъ онъ): изящная, привѣтливая, ласковая и какая-то, если такъ можно выразиться, жизнерадостная. Она, между прочимъ, прекрасно читала вслухъ (по-русски и по-малороссійски) и часто, въ этомъ отношеніи, замѣняла Костомарову—Алину Леонтьевну. Скромная, никогда не выдвигавшаяся впередъ, она, однако-же, на костомаровскихъ «вторникахъ» сдѣлалась душей общества, а на шевченковскихъ поминкахъ и другихъ случайныхъ собраніяхъ малороссовъ, гдѣ она часто бывала, безъ нея какъ будто чего не доставало. Послѣ смерти Костомарова, Софья Марковна вышла замужъ за В. Г. Котельникова, молодые поселились на одной лѣстницѣ съ Алиной Леонтьевной—и около нихъ изъ ближайшихъ друзей покойнаго Николая Ивановича образовался тѣсный, мирный кружокъ. Все, казалось, устроилось такъ хорошо и прочно, что оставалось только жить и радоваться: любящіе мужъ и мать, искренніе друзья, хорошія средства, жажда жизни — все было. И вдругъ... Софья Марковна умираетъ»... («Недѣля», 1887 г., № 19).

Къ этимъ симпатичнымъ словамъ можно бы прибавить еще многое, что выяснило бы еще ярче свѣтлую личность покойной. Но я ограничусь указаніемъ только на то, какъ обаятельно было нравственное вліяніе этого молодаго, прекраснаго существа на все ее окружавшее. Въ кругу близкихъ знакомыхъ Н. И. Костомарова находилось не мало ученыхъ, литераторовъ и художниковъ, изъ коихъ въ душѣ каждаго, я увѣренъ, она оставила глубокій слѣдъ своего духовнаго воздѣйствія, и этотъ слѣдъ всегда останется лучомъ свѣта въ воспоминаніяхъ каждаго. Во всѣхъ насъ она будила жажду работы и укрѣпляла вѣру въ неизмѣнное служеніе идеаламъ добра, правды и любви. Она слѣдила за нашими работами съ самымъ милымъ участіемъ, поощряла насъ, вдохновляла, и замѣчанія ея всегда были глубоко вѣрны, а совѣты — въ высшей степени благотворны.

Терять такую душевную красоту и притомъ—въ самомъ ея раннемъ разцвѣтѣ—больше чѣмъ обидно. Пусть же вѣчно вспоминаютъ эту безвременно похищенную у насъ смертью красоту человѣческаго духа тѣ, которымъ она будетъ подавать руку помощи и изъ-за могилы, благодаря человѣколюбивому подвигу ея достойной матери.

Д. Л. Мордовцевъ.

21-го сентября 1887 г.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВНИНЪ.

I [1]).

Рѣчь статсъ-секретаря тайн. сов. А. В. Головнина въ особомъ собраніи лицъ, созванныхъ, по повелѣнію императора Александра II, для разсмотрѣнія проекта университетскаго устава 17-го января 1863 г.

17 января 1863 г. собрались, по высочайшему повелѣнію, у генер.-адъют. графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, для разсмотрѣнія проекта унив. устава, представленнаго тогдашнимъ министромъ нар. просв., слѣд. лица: оберъ-гофм. бар. Мейендорфъ, ст.-секр. бар. Корфъ, ген.-адъют. кн. Долгоруковъ, м—ръ в. д., ст. секр. Валуевъ и тогдашній м—ръ нар. просвѣщенія. М—ръ нар. просвѣщенія А. В. Головнинъ изложилъ изустно слѣдующее:

—«Прежде обсужденія устава считаю необходимымъ объяснить настоящее положеніе дѣла по составленію онаго. Въ началѣ 1862 г., при вступленіи моемъ въ управленіе м—вомъ, я получилъ проектъ унив. устава, составленный бывшею тогда коммисіею, подъ предсѣдательствомъ покойнаго сенатора фонъ-Брадке. Отдавая полную справедливость этому труду и особенно тому направленію, которое было дано коммисіи почтеннымъ предсѣдателемъ оной, я не счелъ, однако, возможнымъ въ первые дни управленія м—вомъ внести въ госуд. совѣтъ и защищать проектъ устава, въ составленіи котораго я вовсе не участвовалъ. Государю императору, согласно всеподданнѣйшему

---

[1]) Помѣщаемъ документъ, полученный нами въ 1871 г. отъ покойнаго А. В. Головнина. Это копія съ его рѣчи 1863 г., сказанной имъ въ званіи министра народнаго просвѣщенія; она объясняетъ основанія и цѣли реформы университетовъ, совершенной въ 1863 г. Помѣщаемъ эту рѣчь на стр. „Русской Старины“—какъ документъ вполнѣ историческій. Ред.

докладу моему въ совѣтѣ министра, угодно было тогда приказать: сообщить этотъ проектъ всему нашему учебному вѣдомству и затѣмъ пересмотрѣть въ м—вѣ нар. пр., съ тѣми замѣчаніями, которыя будутъ на него получены.

«Высоч. воля сія была исполнена, замѣчаній собрано весьма много, имъ составлены были особые своды и на основаніи ихъ изготовленъ представленный нынѣ проектъ унив. устава. Прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ подробностей этого устава и отдѣлкѣ редакціи онаго, я просилъ государя императора о дозволеніи доложить въ совѣтѣ министровъ главныя начала проекта съ тѣмъ, чтобы на основаніи тѣхъ началъ, которыя будутъ его величествомъ одобрены, заняться въ м—вѣ нар. пр. окончательною обработкою предметовъ второстепенныхъ и самой редакціи. Его величеству угодно было на сіе согласиться, съ тѣмъ чтобы проектъ сей былъ предварительно разсмотрѣнъ нашимъ сегодняшнимъ собраніемъ. Посему я имѣю честь покорнѣйше просить обратить вниманіе преимущественно на главныя основныя мысли проекта, а не на редакцію и предметы второстепенные, развитіе коихъ будетъ зависѣть отъ главныхъ началъ.

«Къ сему считаю нужнымъ присовокупить еще слѣдующія соображенія. Безпорядки, происшедшіе въ нашихъ университетахъ въ 1861 году, не были поводомъ къ составленію новаго университетскаго устава, но были причиной ускоренія этой работы. М—во нар. пр. гораздо прежде сознавало необходимость принять разныя мѣры относительно университетовъ, и предмѣстникъ мой, д. т. с. Ковалевскій, еще въ 1858 г. обратился къ попечителямъ для собранія свѣдѣній о тѣхъ перемѣнахъ въ уставѣ, которыя они признавали нужными. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, что г. Ковалевскому не отдается надлежащая справедливость. Онъ работалъ спокойно надъ составленіемъ новаго устава, вполнѣ сознавая главный недостатокъ нашихъ университетовъ. Этотъ недостатокъ состоялъ не въ частныхъ случаяхъ безпорядковъ между студентами: тамъ, гдѣ собирается ежедневно нѣсколько сотъ или тысячъ молодыхъ людей въ возрастѣ способномъ къ увлеченіямъ, съ неопытностью и самонадѣянностію, всегда были и будутъ уклоненія отъ порядка. М—во пр. видѣло въ нашихъ университетахъ другой, гораздо болѣе важный, недостатокъ, состоявшій въ упадкѣ ихъ научной дѣятельности, т. е. недостиженіи той именно цѣли, для которой университеты существуютъ. Причины такого явленія весьма различны, равно какъ и послѣдствія оныхъ, и къ числу сихъ послѣдствій относятся, между прочимъ, и безпорядки, произведенные студентами. Причины помянутаго явленія касаются: во 1-хъ, профессоровъ, а во 2-хъ, студентовъ и въ 3-хъ, университетскаго устава.

1) Относительно профессоровъ. Правительство наше для университетовъ, равно какъ и для другихъ учрежденій, дѣлало всегда очень много, а общество оставалось въ сторонѣ и бездѣйствіи. Сначала профессора выписывались изъ за границы, затѣмъ русскіе посылались за границу для приготовленія къ каѳедрамъ, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ готовились профессоры для русскихъ университетовъ въ Дерптѣ; затѣмъ прекращены были эти три средства приготовленія профессоровъ, и съ того времени университеты наши, необновляемые свѣжими силами, оскудѣли: старые профессора, не возбуждаемые конкурренціею, впали въ апатію, каѳедры стали замѣщаться лицами, не имѣющими надлежащихъ ученыхъ степеней, и весьма натурально, что наука не могла идти впередъ; преподаваніе не происходило надлежащимъ образомъ и университетскія коллегіи, при помянутомъ составѣ лицъ, не могли имѣть нравственнаго вліянія на студентовъ. Сверхъ того, ничтожное содержаніе не могло не только привлекать къ профессорской должности, но даже случалось, что одновременно нѣсколько профессоровъ оставляли каѳедры для другаго рода службы, который лучше обезпечивалъ ихъ семейства. Въ настоящее время у насъ около 40 каѳедръ вакантныхъ, и я долженъ сознаться, что не могу безъ страха просматривать списки наличныхъ профессоровъ. Читая эти списки, нельзя не предполагать, что многіе профессора, по естественному ходу вещей, должны въ непродолжительномъ времени сойти съ своего поприща, нѣсколько другихъ могутъ оставить университетъ по какимъ либо причинамъ, и тогда мы будемъ вынуждены къ одновременному закрытію нѣсколькихъ факультетовъ. При такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ я долженъ былъ, при самомъ вступленіи въ управленіе м—вомъ, рѣшиться на чрезвычайную мѣру и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, но въ гораздо бо́льшемъ числѣ, послать молодыхъ ученыхъ за границу для приготовленія къ профессорскимъ должностямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ могутъ, конечно, не удасться, но я надѣюсь, что другія черезъ два или три года займутъ вакантныя каѳедры. Сверхъ того, весьма бы желательно возобновить приготовленіе профессоровъ въ Дерптѣ. Дерптскій университетъ находится въ исключительномъ положеніи: такъ какъ преподаваніе происходитъ тамъ на нѣмецкомъ языкѣ, то весьма легко сдѣлать его однимъ изъ первыхъ университетовъ въ Европѣ, пригласивъ на нѣсколько лѣтъ въ Дерптъ нѣкоторое число знаменитѣйшихъ европейскихъ ученыхъ. Нынѣшній попечитель графъ Кейзерлингъ, по своимъ ученымъ связямъ и сношеніямъ, могъ бы это легко исполнить. Въ то же время мы могли бы учредить въ Дерптѣ нѣсколько профессорскихъ стипендій, которыя доставили бы русскимъ университетамъ

недостающее число профессоровъ. Для всего этого необходимы, однако, денежныя средства, и вопросъ объ ассигнованіи оныхъ будетъ предложенъ обсужденію комитета финансовъ, о чемъ увѣдомилъ меня г. м—ръ финансовъ. Но всѣ вышепомянутыя административныя мѣры суть только распоряженія временныя; необходимо было озаботиться изысканіемъ средствъ для постояннаго приготовленія въ самихъ университетахъ молодыхъ ученыхъ, которые заступали бы устарѣвшихъ профессоровъ. Для сего положено въ проектѣ устава учрежденіе приватъ-доцентовъ, молодыхъ ученыхъ, которые допускаются съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ къ чтенію лекцій по разнымъ наукамъ, читаемымъ также профессорами. Чрезъ это учрежденіе будутъ достигнуты двѣ цѣли: профессоры будутъ возбуждены къ дѣятельности посредствомъ конкурренціи съ молодыми учеными и изъ этихъ ученыхъ будутъ готовиться новые профессоры.

2) Относительно студентовъ. Правительство наше съ половины прошедшаго столѣтія употребляло разныя средства для привлеченія молодыхъ людей къ высшему образованію. Бытность студентомъ зачиталась сначала въ дѣйствительную службу, студентамъ были присвоены красивые мундиры и шпаги, во всѣхъ университетахъ были казенно-коштные студенты на полномъ содержаніи правительства и, наконецъ, университеты давали чины, которые ставили молодыхъ людей въ гражданской службѣ разомъ выше лицъ, прослужившихъ весьма долгое время, но не получившихъ университетскаго образованія. Всѣ сіи искусственныя мѣры, которыя продолжались цѣлое столѣтіе, не могли остаться безъ послѣдствій: университеты наши, дѣйствительно, наполнились молодыми людьми, но должно сознаться, что не всѣ они шли въ университетъ, собственно для образованія, а для весьма многихъ прохожденіе чрезъ университетъ было какъ бы аферой или спекуляціей для составленія себѣ служебной карьеры. Въ настоящее время, кажется, необходимо отмѣнить эти искусственныя средства привлеченія молодыхъ людей на службу, дабы они видѣли въ университетѣ только средство къ высшему образованію. Для достиженія этой цѣли было бы необходимо отмѣнить вовсе право университетовъ давать чины, предоставивъ имъ только право удостоивать ученыхъ степеней. Но подобная мѣра не можетъ быть принята только для однихъ университетовъ, а должна быть одновременно распространена и на другія учебныя заведенія. Притомъ, необходимо бы измѣнить правила на счетъ пріема въ государственную службу лицъ, не имѣющихъ чиновъ. Если бы отмѣнить нынѣ право университетовъ давать чины, то это правило должно распространиться только на тѣхъ студентовъ, которые послѣ изданія онаго поступятъ въ университетъ и слѣдовательно только чрезъ

четыре года выйдутъ изъ онаго. Въ теченіи этого времени можно бы было заняться пересмотромъ постановленій о другихъ учебныхъ заведеніяхъ и о пріемѣ въ государственную службу. Не зная вообще насколько все сіе соотвѣтствуетъ общимъ видамъ правительства, я не рѣшился прямо внести въ проектъ университетскаго устава отмѣну права давать чины; но полагая, что подобная перемѣна въ будущемъ должна быть желательна, я включилъ правило, что университеты не будутъ давать степень дѣйствительнаго студента, которая не есть званіе ученое, но съ которою соединенъ чинъ XII класса, предоставляемый студентамъ, которые не въ состояніи выдержать испытаніе на степень кандидата. Эта мѣра была бы первымъ осторожнымъ шагомъ къ будущей отмѣнѣ права университетовъ давать чины. Сверхъ того, дабы доставить университетамъ лучшій составъ аудиторій, въ уставѣ постановлено, что кромѣ представленія гимназическаго аттестата молодые люди, желающіе поступить въ университетъ, подвергаются въ оном дополнительной повѣркѣ ихъ знаній. Такимъ образомъ, пріемъ въ университетъ былъ бы строже.

3) Относительно университетскаго устава. Будучи цѣлый годъ въ отставкѣ и путешествуя по Россіи туристомъ, какъ бывшій секретарь географическаго общества, я останавливался въ университетскихъ городахъ и весьма натурально проводилъ время большею частью между профессорами. Я помню, что бо́льшая часть откровенныхъ разговоровъ ихъ состояла въ жалобахъ на то, что уставъ не даетъ имъ права заниматься собственными дѣлами университета, что все дѣлаетъ попечитель, который не можетъ знать потребностей науки какъ профессоры, и затѣмъ являлись обыкновенно охужденія и критика дѣйствій попечителя. Попечитель являлся какимъ-то полиціймейстеромъ въ отношеніи къ студентамъ; профессора стояли въ сторонѣ, критиковали его дѣйствія, и весьма натурально, что они не могли имѣть на студентовъ того нравственнаго вліянія, которое могла бы имѣть цѣлая коллегія профессоровъ. Отъ этого происходило фальшивое положеніе попечителя и безучастіе къ нуждамъ и пользамъ университета со стороны преподавателей. Въ прошедшемъ году вступивъ въ управленіе м—вомъ, я вспомнилъ эти впечатлѣнія, и полученныя мною свѣдѣнія и мнѣнія разныхъ лицъ на проектъ устава доказывали вѣрность оныхъ. Университетъ состоитъ, съ одной стороны, изъ 50 или 70 ученыхъ, имѣющихъ свои достоинства и недостатки, съ другой стороны изъ нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей въ возрастѣ увлеченія и неопытности. Для управленія тѣми и другими невозможно простое полицейское устройство, невозможно единоличное дѣйствіе попечителя. Необходимо, чтобъ коллегія профессоровъ была привлечена къ участію

въ управленіи въ весьма значительной степени, но чтобъ попечитель могъ останавливать всякое неправильное ея дѣйствіе. Необходимо, чтобы студенты видѣли порицаніе своихъ неодобрительныхъ поступковъ и подвергались взысканію за оные не со стороны одного попечителя, но именемъ всей коллегіи профессоровъ, и притомъ, чтобъ это взысканіе налагалось не административнымъ распоряженіемъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ формъ правильнаго суда. Тогда только явится то нравственное вліяніе и та законность, которой безпрекословно подчиняются молодые люди. Слѣдуя этимъ мыслямъ, въ проектѣ устава даны значительныя административныя права совѣту университета и учрежденъ университетскій судъ для проступковъ студентовъ. Сверхъ того, составлены новые штаты, постепенное введеніе коихъ по мѣрѣ средствъ государственнаго казначейства составляетъ необходимое условіе для улучшенія нашихъ университетовъ. Назначены каѳедры сообразно современнымъ потребностямъ науки, постановлены весьма важныя правила о раздѣленіи факультетовъ и т. д.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что не смотря на всѣ его недостатки, университетское образованіе есть лучшее, которое получалось молодыми людьми въ имперіи, и что каждый начальникъ былъ весьма доволенъ, когда могъ для своего департамента или канцеляріи пріобрѣсти молодыхъ людей съ университетскими аттестатами.

А. В. Головнинъ.

II.

Александръ Васильевичъ Головнинъ

въ отношеніяхъ къ земству

1881 г.

Я имѣлъ честь знать покойнаго Александра Васильевича съ 1881 года; познакомился съ нимъ въ бытность его въ имѣніи своемъ, Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, въ селѣ Гулынкахъ, гдѣ я ему представлялся, какъ предсѣдатель пронской уѣздной земской управы, въ вѣдѣніи которой находятся устроенныя и пожертвованныя имъ, А. В. Головнинымъ, заведенія пронскому земству.

Достойно вниманія, что и этотъ единственный случай моего свиданія съ покойнымъ не прошелъ безъ послѣдствій для добраго дѣла со стороны незабвеннаго Александра Васильевича.

Пріѣхавши въ Гулынки по обязанностямъ службы—навѣстить ввѣренныя попеченію земства гулынскія заведенія: больницу, женское и мужское училища, а также зданія, гдѣ помѣщаются служащіе для сихъ заведеній, я тамъ же узналъ, что А. В. собирается на поѣздъ желѣзной дороги, возвращаясь въ Петербургъ,—слѣдовательно, долженъ былъ поспѣшить къ нему, и въ первое же свиданіе былъ поставленъ въ необходимость обратиться къ А. В. съ ходатайствомъ за одну изъ служащихъ, которой А. В. могъ оказать помощь. Почтенный А. В. спросилъ меня только, хорошо-ли мнѣ извѣстна личность (только что поступившая на службу въ Гулынки), за которую я предъявилъ ходатайство, и на отвѣтъ мой въ утвердительномъ смыслѣ А. В. мнѣ высказалъ, что мой лестный отзывъ обязываетъ его быть внимательнымъ къ моему ходатайству, и сію же минуту, при мнѣ, потребовалъ бурмистра и приказалъ ему выдавать дополнительное содержаніе лицу, за которое я ходатайствовалъ предъ нимъ. Этотъ случай свидѣтельствуетъ, насколько покойный былъ готовъ всегда сдѣлать посильное добро. И мое личное впечатлѣніе совершенно одинаково съ мѣткимъ опредѣленіемъ, сдѣланнымъ А. Ѳ. Кони, свойствъ покойнаго, выраженныхъ имъ въ мартовской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г., о томъ, «что у всякаго, кто встрѣчался съ Головнинымъ, при извѣстіи о его смерти, съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія соединяется воспоминаніе объ очень сутуловатомъ старичкѣ, небольшаго роста, который умѣлъ соединять утонченную, чрезвычайно рѣдкую и даже забытую въ наше время, вѣжливость съ твердостью взглядовъ и математическою точностію выраженій».

Въ дополненіе къ изложенному въ томъ же журналѣ, мартъ, 1886 г., на 785 стр., могу сообщить, что гулынскія заведенія пожертвованы Александромъ Васильевичемъ и переданы земству въ 1869 г. съ капиталомъ въ 12,000 руб. Для земства особенно цѣнна больница, такъ какъ она находится въ той части уѣзда, которая слишкомъ удалена отъ возможной медицинской помощи, ибо больница, переданная Приказомъ Общественнаго призрѣнія, помѣщается въ городѣ, на краю уѣзда, въ противоположной сторонѣ отъ гулынской больницы, и эта часть уѣзда, конечно, обязана прямо покойному, что она не въ безпомощномъ состояніи въ врачебномъ отношеніи. Могу свидѣтельствовать еще и о томъ, что А. В. постоянно не переставалъ приходить на помощь больницѣ и послѣ пожертвованія ея земству съ зданіями и землею при ней, — такъ, онъ выстроилъ на свой счетъ баню, часовню для покойниковъ, помѣщеніе для фельдшеровъ; не рѣдко присылалъ врачамъ медицинскія книги и вновь появляющіеся дорогіе медикаменты для больницы. Гулынскія заведенія,

можно сказать, осиротѣли безъ него, и намъ, пронскимъ жителямъ, нельзя не присоединиться къ тѣмъ, кто, воздавая честь по заслугамъ, умѣетъ цѣнить добро и помнить его. Сими строками, въ предѣлахъ для меня возможнаго, желаю почтить память покойнаго.

Предсѣдатель Пронской земской управы Левъ Мичуринъ.

1887 г., сентября 7-го дня.

III.

Письмо А. В. Головнина къ педагогу.

Петербургъ. 4-го марта 1881 г.

— «Многоуважаемый Николай Николаевичъ! Ваше письмо отъ 1-го марта доставило мнѣ не только удовольствіе, но истинную отраду и успокоеніе. Оно пришло въ то время, когда мы находились подъ тяжкимъ, потрясающимъ впечатлѣніемъ страшнаго злодѣйства, великаго горя, событія историческаго и неизвѣстнаго будущаго. Нравственная, умственная болѣзнь, ведущая къ извращенію понятій и къ ужаснымъ преступленіямъ съ рѣшимостью жертвовать собой для достиженія злой цѣли, должна заставить педагоговъ думать крѣпкую думу. Въ эти минуты горя, путаницы мыслей, нервическаго лихорадочнаго состоянія я получаю письмо почтеннаго педагога, спокойное, тихое, наполненное добрыхъ чувствъ, благихъ намѣреній, описывающее его полезную дѣятельность для правильнаго развитія молодыхъ поколѣній, для насажденія въ нихъ добрыхъ чувствъ, здравыхъ понятій, твердыхъ правилъ. Чтеніе этого письма доставило мнѣ истинное утѣшеніе. Если я особенно потрясенъ кончиною покойнаго Государя и особенно возмущенъ противъ виновниковъ его мученической смерти, то это весьма понятно. Я былъ четыре года его министромъ въ самую лучшую эпоху его царствованія. Я участвовалъ во многихъ изъ тѣхъ засѣданій совѣта министровъ, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, которыя останутся въ исторіи, и каждыя двѣ недѣли работалъ съ нимъ наединѣ. Его великая историческая личность будетъ болѣе и болѣе расти, по мѣрѣ удаленія отъ современныхъ дрязгъ и мелочей. Жизнь его есть великая трагедія. Его жизнеописаніе послужитъ въ рукахъ педагоговъ великимъ орудіемъ для развитія въ юношахъ любви къ доброму.

Искренно преданный А. Головнинъ.»

Примѣчаніе. Напечатанное выше письмо А. В. Головнина, писанное къ одному изъ русскихъ педагоговъ, доставлено намъ при слѣдующей замѣткѣ г. Н. К.: „Скончавшійся въ 1886 г. членъ государственнаго совѣта статсъ-секретарь А. В. Головнинъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Россіи, обладалъ широкимъ научнымъ образованіемъ и горячею любовью къ педагогическому дѣлу. Созданный имъ уставъ гимназій 1864 г., по выраженію бывшаго министра нар. просв. графа Д. А. Толстаго (Сб. пост. по мин. нар. просв., т. V, изд. 1877 г., стр. 275), „положилъ классическое образованіе въ основу собственно научнаго университетскаго образованія“ и всѣ лучшіе пункты этого устава перешли и въ позднѣйшее законодательство по гимназическому образованію въ Россіи. Покинувъ министерскій постъ, Александръ Васильевичъ не переставалъ съ горячимъ участіемъ слѣдить за судьбою образованія молодежи въ нашемъ отечествѣ, глубоко скорбя при отрицательныхъ явленіяхъ въ мірѣ педагогическомъ и искренно радуясь, если образованіе ставилось въ тѣсную связь съ воспитаніемъ. Помѣщаемое ниже письмо А. В. написано 4-го марта 1881 г. къ директору одной губернской гимназіи и представляетъ несомнѣнный интересъ по воспоминаніямъ и отзывамъ покойнаго патріота о безвременно почившемъ благодѣтелѣ Россіи“.

Алексисъ Дебре.

Замѣтка.

Въ журналѣ „Русская Старина“ 1887 г., кн. VIII, на стр. 446, сказано, что по просьбѣ генерала В. Гербеля французскій подданный Алексисъ Дебре былъ опредѣленъ учителемъ рисованія, при тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Алексисъ-Генрихъ Дебре состоялъ преподавателемъ танцовальнаго искусства при императорскомъ университетѣ св. Владиміра. Сначала на уроки танцованія собиралось не болѣе 20 студентовъ и преподавателю не предстояло особыхъ трудовъ; но впослѣдствіи, танцованіе было включено въ число обязательныхъ предметовъ для казенно-коштныхъ студентовъ (въ 1840-хъ годахъ); кромѣ того, въ зданіи университета были назначены танцовальные вечера, въ которыхъ принимали участіе вообще всѣ студенты и приглашаемыя ими лица, мужчины и дамы, изъ городскаго общества. При этихъ условіяхъ размѣры дѣятельности преподавателя танцовальнаго искусства должны были значительно расшириться. Не смотря на это, г. Дебре являлся аккуратно на свои уроки и исполнялъ добросовѣстно свои обязанности; въ отношеніяхъ съ студентами онъ постоянно отличался чисто французскою галантностію. Г. Дебре давалъ уроки танцованія въ кіевской гимназіи и былъ любимымъ преподавателемъ въ обществѣ. Кн. В. Д. Дабижа.

Екатерина Ѳедоровна Жуковская.

Замѣтка.

Находясь на воспитаніи въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ съ 1838 по 1844 г., я не могъ узнать причины, по которой бабка моя, Екатерина Ѳедоровна Жуковская, пользуется казенною квартирою въ корпусѣ, въ такъ называвшемся учительскомъ флигелѣ, на конюшенномъ дворѣ. Жительство ея въ корпусѣ тѣмъ болѣе интересовало меня, что ни ея мужъ, ни она сама и никто изъ родственниковъ никогда не служили въ корпусѣ. Только по выходѣ изъ корпуса отецъ разтяснилъ мнѣ эту загадку.

Незадолго до кончины императрицы Екатерины II, мой дѣдъ, по какому-то несправедливому доносу, былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ императора Павла I, государь, пріѣхавъ въ корпусъ, направился прямо въ лазаретъ. Въ числѣ больныхъ былъ и мой отецъ, страдавшій глазами. Императоръ, обходя больныхъ, остановился у кровати моего отца и прочелъ его фамилію, написанную на доскѣ.

— „Не родственникъ-ли твой находится арестованнымъ въ крѣпости?“ спросилъ императоръ. Узнавъ изъ отвѣта, что арестованный его отецъ, государь чрезвычайно ласково сказалъ: „я разсмотрѣлъ его дѣло. Онъ ни въ чемъ не виноватъ, и я уже приказалъ его освободить; ты можешь объявить объ этомъ твоей матушкѣ“. Затѣмъ, императоръ, отойдя нѣсколько шаговъ, остановился и спросилъ сопровождавшаго его доктора—можно-ли отпустить больнаго домой и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пошелъ далѣе.

На другой день жена освобожденнаго, еще молодая и очень красивая особа (что удостовѣряетъ ея портретъ), и къ тому же замѣчательно умная и находчивая женщина, испросила у императора соизволеніе представиться и благодарить за оказанную милость. Императоръ принялъ ее чрезвычайно благосклонно и при этомъ спросилъ, не имѣетъ-ли она какой либо просьбы? Ободренная милостивымъ вниманіемъ государя, бабка моя сказала, что если бы было повелѣно отвести ей казенную квартиру, то она была бы вполнѣ счастлива, избавившись отъ неудобствъ найма.

— „Чего же лучше какъ 1-й корпусъ, гдѣ воспитывается вашъ сынъ“, отвѣчалъ смѣясь императоръ, безъ сомнѣнія удивленный такою наивною и оригинальною просьбою. Въ тотъ же день послѣдовало высочайшее повелѣніе и бабка моя, поселившись въ учительскомъ флигелѣ, жила въ немъ въ царствованія Павла I, Александра I, Николая I, и умерла, достигнувъ глубокой старости, около 100 лѣтъ. Всѣ попытки корпуснаго начальства лишить ея квартиры уничтожались подтвержденіемъ высочайшаго повелѣнія императора Павла I.

П. В. Жуковскій.

Звѣрьяда.

Звѣрьяда претерпѣла множество варіантовъ, благодаря тому, что каждый выпускъ въ ней дѣлалъ свои дополненія и измѣненія. Однако, въ большинствѣ Звѣрьядъ сохранились слѣдующіе стихи:

Ужъ близокъ часъ освобожденія
Отъ логариѳмовъ и нулей,
Отъ скучнѣйшаго ученія,
Отъ наукъ и отъ звѣрей.

Прощайте плюсы, иксы, зеты,
Научныхъ формулъ легіонъ;
Банкеты, траверсы, барбеты,
Ѣзда въ манежѣ безъ стремянъ.

Прощайте всѣ учителя,
Предметы общей нашей скуки,
Ужъ не заставите меня
Приняться снова за науки.

Послѣ этихъ вступительныхъ стиховъ, Звѣрьяда видоизмѣняется сообразно съ разными выпусками, хотя въ большинствѣ Звѣрьядъ сохранилось слѣдующее четверостишіе:

Кончать звѣрьяду уже надо.
Прощайте, звѣри, всѣ толпой,
Безсмысленныхъ педантовъ стадо,
Забудетъ васъ корнетъ лихой.

Въ виду того, что изъ бывшихъ воспитанниковъ школы никому неизвѣстна Звѣрьяда, въ которой бы фигурировали лица, современныя пребыванію поэта М. Ю. Лермонтова въ школѣ, и въ виду сообщенія г. Познанскаго о принадлежности Звѣрьяды, въ ея первой редакціи, его перу, мнѣніе, что Звѣрьяда сочинена М. Ю. Лермонтовымъ, падаетъ само собою.

Сообщ. М. О. Пѣтуховъ.

Н. А. Добролюбовъ

1861 г.

Напечатанное въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1886 г. стихотвореніе покойнаго Добролюбова: „По чугуннымъ рельсамъ“ является въ печати не въ первый разъ: оно было помѣщено въ 1862 г. въ „Современникѣ“. Необходимо при этомъ замѣтить, что сообщенный въ „Русской Старинѣ“ списокъ напечатанъ съ ошибками, а именно, послѣднія восемь строкъ въ „Современникѣ“ читаются вполнѣ правильно такъ:

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси — исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

П. Травинъ.

Городъ Буй.
11-го ноября 1886 г.

Упомянутое выше стихотвореніе явилось впервые въ печати въ „Современникѣ“ подъ заглавіемъ: „Въ прусскомъ вагонѣ“ и затѣмъ вошло во всѣ изданія собранія сочиненій покойнаго Н. А. Добролюбова.

Н.

7-го ноября 1886 г.
г. Козловъ.

С. П. Колошинъ.

Въ іюньской книгѣ „Русской Старины“ (1887 г., стр. 692) напечатано стихотвореніе „Испанія и Россія“, съ объясненіемъ, что авторъ его — И. Колошинъ, издатель-редакторъ „Московскаго Наблюдателя“. По поводу этого комментарія необходимо замѣтить, что Колошина звали Сергѣемъ Павловичемъ; притомъ онъ издавалъ (съ декабря 1861 года) не „Московскій Наблюдатель“, а еженедѣльный журналъ „Зритель общественной жизни, литературы и спорта“, прекратившійся въ 1863 году (на 36 №).

Д. Языковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. К. Р.

1882—1885.

Вслѣдъ за появленіемъ въ „Русской Старинѣ“ замѣтокъ о стихотвореніяхъ К. Р. („Русск. Стар.“ 1887 г., книги VIII и X), къ намъ обращаются многіе съ просьбами указать гдѣ можно получить изданіе стихотвореній этого молодаго и даровитаго поэта. Сколько намъ извѣстно, книга не поступала въ продажу, но имѣя отъ автора его, въ полномъ смыслѣ изящную, книжечку, мы, въ дополненіе къ приведеннымъ на страницахъ нашего журнала стихотвореніямъ К. Р., приводимъ еще нѣсколько стихотвореній того же поэта. Ред.

I.

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

Сраженный стрѣлой ассирійскою, палъ
Кесарь, отступникъ Христова ученія;
Въ смертной тоскѣ къ небесамъ онъ воззвалъ:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

* * *

Погибъ Юліанъ, врагъ Христова креста,
Церковь свободна отъ злаго гоненія,
Снова воскликнули вѣрныхъ уста:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

* * *

Расторгнемъ-же сѣти порока и зла,
Къ свѣту воспрянемъ изъ тьмы усыпленія;
Вновь да раздастся и наша хвала:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

1882 г.

II.

Земля пробудилась отъ долгаго сна,
Явилась предвѣстница лѣта,—
О, какъ хороша ты, младая весна!
Какъ сердце тобою согрѣто!

* *
*

Люблю я просторъ этихъ ровныхъ полей,
Люблю эти вешнія воды!
Невольно въ душѣ отразилась моей
Краса обновленной природы.

* *
*

Но можно-ль любить, когда все, къ чему мы
Привязаны сердцемъ такъ нѣжно,
Замретъ подъ холоднымъ дыханьемъ зимы
И вьюгой завѣется снѣжной?...

1882.

III.

Письмо.

Опять тѣ алые цвѣты
По прежнему твой взоръ плѣняютъ
И, воскрешая о быломъ мечты,
Тебѣ меня, мой другъ, напоминаютъ.
— Ты думаешь, что въ горести нѣмой—
Свидѣтели тѣхъ дней, когда съ тобой
Вдвоемъ мы по саду бродили,—
Они, въ разлукѣ сѣтуя со мной,
Головки нѣжныя склонили?
О нѣтъ! не обо мнѣ они скучаютъ.
Давно меня забыли тѣ цвѣты;
Но чувствуютъ они и понимаютъ,
Что день и ночь, всю жизнь горюешь ты
По дорогой отчизнѣ; что не можетъ
Ихъ прелесть замѣнить тебѣ цвѣтовъ,
Подъ пеленою сѣверныхъ снѣговъ

Рожденныхъ; что тебя всечасно гложетъ
Тоска по родинѣ... Они грустятъ
И знаютъ, что тебѣ твоя Россія
Дороже, чѣмъ блестящій ихъ нарядъ,
Чѣмъ страны южныя, тебѣ чужія;
Что пламенѣя знойно и свѣтло,
Гдѣ ярче небосклонъ синѣетъ,
Взростившее ихъ солнце не пригрѣетъ
Тебя такъ нѣжно и тепло,
Какъ сѣвера холодное свѣтило;
И никогда ничто въ землѣ чужой
Тебѣ не будетъ, какъ въ странѣ родной,
Такъ близко, дорого и мило.

1883 г.

IV.

Я засыпаю... Ужъ слабѣя и блѣднѣя,
Сознанье еле властно надо мной,
И все еще, какъ наяву, дрожа, нѣмѣя,
Я вижу образъ твой передъ собой.

За мной смыкаются дѣйствительности двери,
Я сплю,—и въ царствѣ призраковъ и сновъ
Ты мнѣ являешься, плѣнительная пери,
И звуки ласковыхъ я слышу словъ.

Я просыпаюсь, полнъ волшебныхъ впечатлѣній,
Къ тебѣ протягиваю руки я,—
Но разступился уже ночныя тѣни,
Ужъ воцарилося сіянье дня.

И пронеслися мимолетныя видѣнья...
И цѣлый день съ томленіемъ, съ тоской
Я темной ночи жду,—жду грезъ и усыпленья,
Чтобъ хоть во снѣ увидѣться съ тобой!

1883 г.

V.

Повѣяло черемухой,
Проснулся соловей,
Ужъ пѣснью заливается
Онъ въ зелени вѣтвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть пѣснь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздается пѣснь моя
Могуча и сильна,
Пусть людямъ въ душу просится,
Пусть ихъ живитъ она;
И пусть все имъ становится
Дороже и любѣй,
Какъ первая черемуха,
Какъ первый соловей!

1884 г.

VI.

Смеркалось, мы въ саду сидѣли,
Свѣча горѣла на столѣ.
Ужъ въ небѣ звѣзды заблестѣли,
Ужъ смолкли пѣсни на селѣ...
Кусты смородины кивали
Кистями спѣлыхъ ягодъ намъ,
И грустно астры доцвѣтали,
Пестрѣя въ травкѣ здѣсь и тамъ.
Между акацій и малины
Цвѣлъ макъ махровый надъ прудомъ,
И горделиво георгины
Качались въ сумракѣ ночномъ.
Тутъ и березы съ тополями
Росли, и дубъ, и кленъ, и вязъ,
И вѣтви съ зрѣлыми плодами
Клонила яблоня на насъ;
Трещалъ кузнечикъ голосистый
Въ кустѣ осыпавшихся розъ...
— Подъ этой яблоней тѣнистой
Въ умѣ столпилось столько грезъ
И столько радужныхъ мечтаній,
Живыхъ надеждъ, волшебныхъ сновъ
И дорогихъ воспоминаній

Былыхъ, счастливѣйшихъ годовъ!..
. . . . . .
Садъ задремалъ; уже стемнѣло,
И воцарилась тишина...
Свѣча давно ужъ догорѣла,
Всходила полная луна,—
А мы . . . . мы все въ саду сидѣли,
Намъ не хотѣлось уходить!
Лишь поздней ночью еле-еле
Могли домой насъ заманить.

1885 г.

VII.

Царь Саулъ.

Душа изнываетъ моя и тоскуетъ,—
О пой же мнѣ, отрокъ мой, пѣсню твою:
Пусть звуки ея мою скорбь уврачуютъ,—
Я такъ твои пѣсни святыя люблю!

Гнетутъ меня злобнаго духа объятья,
Опять овладѣло унынie мной,
И страшныя вновь изрыгаютъ проклятья
Уста мои вмѣсто молитвы святой.

Томлюся я, гнѣвомъ пылая, и стражду;
Недугомъ палимая мучится плоть,
И злоба въ душѣ моей... Крови я жажду,
И тщетны усилія зло побороть.

Не разъ, жаломъ немощи той уязвленный,
Тебя могъ убить я въ безумномъ бреду.
— О пой же! быть можетъ тобой исцѣленный,
Рыдая, къ тебѣ я на грудь упаду!..

1884 г.

VIII.

Тебя преслѣдуетъ людская злоба
И не даютъ тебѣ отъ скорби отдохнуть;
Но потерпи немного: вѣдь до гроба
Не дологъ путь!

* *
*

Пробьетъ желанный часъ освобожденья;
Земли оковы смерть сорветъ своей рукой,
И отойдешь въ блаженномъ усыпленьи
Ты на покой.

* *
*

Упреки колкіе, обиды злыя,
Все, все переноси и не клянн людей:
Они орудья слабыя, слѣпыя
Судьбы своей.

* *
*

Терпи безропотно свои страданья,
Послѣднюю слезу скорѣе съ глазъ отри
И за печали всѣ, за испытанья
Благодари!

1885 г. К. К. Р.

Изъ альбома „Русской Старины“ (томъ III).

I.

Родная земля и въ горсти мила!

20-го іюля 1887 г. Висбаденъ. Ольга.

II.

Безъ цѣли не даны ни радость, ни страданье;
Есть въ счастьѣ заповѣдь, въ печали есть призванье.
Смиренно вознося мысль къ Богу твоему,
Не спрашивай: «Господь! за что?» спроси: «къ чему?»

27-го сентября 1887 г. Спб. Графъ П. А. Валуевъ.

Князь Николай Николаевичъ и княгиня Варвара Павловна Еникѣевы.

I.

Въ уважаемомъ журналѣ «Русская Старина» изд. 1887 г., кн. II, стр. 402, въ весьма интересномъ историческомъ изслѣдованіи В. И. Семевскаго: «Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе императора Николая», упоминается случай 1848 г., бывшій, по словамъ цитируемыхъ авторомъ статьи документовъ, въ имѣніи нѣкоей княгини Еникѣевой, Пензенской губерніи, и состоявшій въ томъ, что трое дворовыхъ ея крестьянъ, вызванные яко-бы жестокимъ обращеніемъ ея мужа, нанесли ему нѣсколько ударовъ арапникомъ.

Совершенно не знаю и никогда не слыхалъ—былъ ли такой случай съ кѣмъ либо изъ моихъ однофамильцевъ; но въ виду того, что покойные родители мои, князь Николай Николаевичъ и княгиня Варвара Павловна, были помѣщиками Пензенской губерніи, именно Мокшанскаго уѣзда, сельца Головачовки, долгомъ считаю заявить, во избѣжаніе какого либо недоразумѣнія, что таковаго случая, по отношенію къ моему отцу, никогда не было. Напротивъ, то были добрѣйшіе и благодѣтельнѣйшіе люди. Отецъ мой умеръ въ 1877 г. и, не смотря на то, что уже прошло послѣ 19-го февраля 1861 г. шестнадцать лѣтъ, крестьяне такъ его любили, что сами на свой счетъ служили по немъ панихиды не только въ домѣ его, но и литіи на всѣхъ перекресткахъ при его погребеніи. Дѣйствительно, это былъ въ высшей степени гуманный человѣкъ. Будучи отличнымъ хозяиномъ-агрономомъ, садоводомъ и пчеловодомъ, онъ дѣлился своими знаніями съ крестьянами, занимаясь и медициной—безмездно лечилъ ихъ, наконецъ, при освобожденіи своихъ крестьянъ, на основаніи Положеній 19-го февраля, онъ сдѣлалъ для нихъ все, что только добрый помѣщикъ, проникнутый сознаніемъ величія акта освобожденія, могъ и долженъ былъ сдѣлать.

Необходимо также замѣтить, что князь Николай Николаевичъ Еникѣевъ былъ человѣкъ искренно религіозный и ужъ, конечно, никогда не способный на жестокое обращеніе съ крестьянами, съ которыми онъ жилъ во всю свою продолжительную девяносто девятилѣтнюю жизнь въ замѣчательно хорошихъ отношеніяхъ.

Въ истинѣ мною сказаннаго ссылаюсь на его сосѣдей, на его крестьянъ и вообще на всѣхъ его земляковъ, всегда его любившихъ и уважавшихъ.

II.

Не ограничиваясь приведеннымъ заявленіемъ, передаю нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о моихъ родителяхъ.

Князь Николай Николаевичъ Еникѣевъ въ молодости своей былъ депутатомъ дворянъ Мокшанскаго уѣзда, а подъ старость, не смотря на свои преклонные года, былъ земскимъ гласнымъ нѣсколько лѣтъ. Къ его рѣчамъ всегда прислушивались и мнѣніе его высоко уважали. Онъ былъ внѣ всякихъ партій, всегда ратовалъ за правду, говорилъ всегда прямо и открыто, никогда, никому и ни въ какихъ случаяхъ не льстилъ и въ своихъ сужденіяхъ всегда былъ вполнѣ независимъ. Глубоко вѣрующій и вполнѣ христіанинъ, онъ былъ человѣкъ высокой нравственности, и вмѣстѣ съ этимъ философъ съ гуманной точки зрѣнія. Хорошій сельскій хозяинъ, большой садоводъ и пчеловодъ, онъ всѣ системы извѣстныхъ въ то время пчеловодовъ: Прокоповича, Нута, Дзержана и другихъ соединилъ и составилъ замѣчательный улей, который онъ назвалъ: «Комодный улей». Эти ульи его системы и по настоящее время находятся Спб., въ въ Императорскомъ сельско-хозяйственномъ музеѣ, что въ зданіи бывшаго Солянаго Городка, противъ Лѣтняго сада, входъ съ Рыночной улицы.

Всякій, кто бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ, ощущалъ необыкновенное душевное спокойствіе, такъ какъ высокія истины богопознанія и о цѣляхъ человѣчества высказывались имъ чрезвычайно просто, ясно и убѣдительно. Онъ былъ философъ вполнѣ вѣрующій, а въ жизни и въ своихъ дѣяніяхъ поступалъ, какъ учитъ тому христіанская вѣра.

Какъ агрономъ, онъ ввелъ орошеніе водою громаднаго головачевскаго сада и огорода, посредствомъ вырытыхъ канавъ, чрезъ которыя вода, проведенная за 3 или 4 версты, и хорошо нивелированная, протекала въ садъ и огородъ, и, смотря по надобности, орошала гряды и различныя насажденія.

Онъ былъ нововводителемъ нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства, такъ, между прочимъ, онъ первый сталъ разводить въ Мокшанскомъ уѣздѣ, въ головачевскомъ саду, тутовицу (Alorus nigra, morus alba), для кормленія тутовичными листочками шелковичныхъ червей, и достигъ того, что тутовыя деревца разрослись цѣлыми аллеями, болѣе 50,000 деревцовъ вполнѣ акклиматизировались и приносили плоды. Съ успѣхомъ разводилъ онъ шелковичныхъ червей, на дому разматывался шелкъ бѣлый и желтый, и получалось порядочное количество шолка, который въ Москвѣ отдавали въ краску, и затѣмъ на фабрику, гдѣ изъ головачевскаго шелку ткались платки и платочки.

Княгиня Варвара Павловна Еникѣева, рожденная Бахметева, была женщина замѣчательнаго ума, сердечной теплоты и безъ конца добрая, религіозная и гостепріимная. Не могу умолчать, что при всей своей кротости и сердечной добротѣ, эта женщина высказывала замѣчательную твердость характера и необыкновенную силу воли, олицетворявшую и дѣлавшую ее вполнѣ героинею. Приведу для подтвержденія моихъ словъ два примѣра изъ жизни моей матушки, навѣчно запечатлѣвшихся въ моей памяти. Вскорѣ послѣ севастопольскаго разгрома, а именно въ 1858 году, ѣхали мы съ матушкою изъ Петербурга въ Москву, по Николаевской желѣзной дорогѣ; въ вагонѣ, гдѣ мы находились, были лица, которыя себѣ позволили, на французскомъ языкѣ, дурно отзываться о Россіи и ея правительствѣ. Какъ теперь помню, матушка встала, вытянулась во весь ростъ и, съ энергическимъ жестомъ правой руки, громко произнесла:

— Господа, вы критикуете и дурно относитесь объ общемъ нашемъ отечествѣ Россіи и ея правительствѣ — скажите, зачѣмъ же вы носите русскій мундиръ?

Говоруны тотчасъ же замолчали.

Другой случай. Были мы еще дѣтьми, проводили лѣто въ Ораніенбаумѣ, у родственниковъ Свищевыхъ. Чрезъ знакомыхъ моряковъ, въ лѣтній жаркій день, былъ предложенъ матушкѣ и родственникамъ двѣнадцати-весельный катеръ прокатиться изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Прогулка удалась вполнѣ, на катерѣ былъ поднятъ парусъ и дулъ свѣжій вѣтерокъ, а здоровые и сильные матросы, равномѣрно ударяя веслами, заставляли катеръ быстро скользить по водному пространству. Не знаю, какъ случилось, заговорился ли съ дамскимъ обществомъ сопровождавшій насъ морской офицеръ, или не замѣтилъ, но, вдругъ, къ ужасу всѣхъ, видимъ: несется на нашъ катеръ, на всѣхъ парусахъ, голландскій бригъ... Одно мгновенье и мы были бы смяты и потоплены. Вдругъ раздается громкая команда: «Гребцы, парусъ долой, гребите назадъ!»

Какъ теперь вижу, матушка встала съ своего мѣста и прокомандовала эти пять словъ такъ внушительно, что матросы тотчасъ же послушались и исполнили ея приказаніе: парусъ мгновенно опустили и стали веслами грести назадъ и успѣли еще настолько отплыть назадъ, что бригъ безпрепятственно прошелъ мимо насъ, не задѣвъ нисколько, но за то нашъ катеръ подвергся большой качкѣ отъ только что уплывшаго брига. Офицеръ и его команда, а также и все общество дамъ и мужчинъ, горячо благодарили матушку за ея присутствіе духа, чрезъ что она спасла всѣмъ жизнь.

Матушка была домовитая и добрая хозяйка; не проходило дня, въ который не были бы въ головачевскомъ домѣ гости: во всякое время года, они пріѣзжали и гостили по днямъ, по недѣлямъ....

Матушка имѣла ковровую фабрику, пряжу; пряли изъ шерсти своихъ овецъ, затѣмъ, дома также пряжа красилась въ различные цвѣта и ткались прекрасные ковры. Разнообразные узоры рисовалъ московскій художникъ Милюковъ. Затѣмъ, было также тонкое тканье каемочекъ и угловъ коклюшками, изъ самаго тонкаго козьяго пуха (ангорскаго), основою былъ шелкъ-сырецъ.

По таковому способу ткались, на небольшихъ вертикальныхъ станочкахъ, каймы и углы для шалей, шарфовъ и платковъ; на таковыхъ тканяхъ сочетаніе цвѣтовъ, какъ полевыхъ, такъ и садовыхъ, было доведено до совершенства. Козій пухъ тоже красили дома и краски были чрезвычайно прочны и красивы. Стороны, какъ правая, такъ и лѣвая, были одинаковыя; эта работа походила скорѣе на рисунокъ, нежели на тканье. Каемочки и углы пришивались къ самому лучшему бѣлому индѣйскому кашемиру.

Были также и кружевницы. Плелись великолѣпныя кружева, не хуже алансонскихъ; матушка сама составляла рисунки и сколки для кружевницъ, и я помню очень хорошо, что многія барыни и барышни пріѣзжали нарочно въ Головачевку, чтобы обучиться кружевному мастерству.

Однимъ словомъ, княгиня В. П. Еникѣева была примѣрная супруга, мать, хорошая хозяйка и вполнѣ добрая русская женщина.

Кн. Н. Н. Еникѣевъ.

12-го октября 1887 г.
С.-Петербургъ.

Отшельникъ Ѳеодоръ.

Замѣтка.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ отшельникѣ Александрѣ-Ѳеодорѣ, помѣщеннымъ въ X книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г., имѣю сообщить слѣдующее:

Въ Сибири, при отсутствіи почти монастырей, на просторѣ, желающіе въ уединеніи спасаться подвижники поселялись въ глухихъ мѣстахъ—заимкахъ и лѣсахъ. Но молва объ ихъ благочестивой жизни распространялась въ народѣ по селеніямъ и городамъ и привлекала къ нимъ посѣтителей и поклонниковъ. Таковъ былъ въ 1820—1840 годахъ на югѣ Енисейской губерніи старецъ Даніилъ, почитавшійся за святаго не только русскимъ православнымъ народомъ, но даже иновѣрцами. (Извѣстно, что одинъ еврей принялъ христіанство и при крещеніи получилъ имя Даніила, отъ котораго идетъ извѣстный въ Енисейской губерніи родъ богатыхъ промышленниковъ и купцовъ Даниловыхъ). Таковымъ же слылъ и отшельникъ старецъ Ѳеодоръ, жившій близъ пограничнаго, между Енисейской и Томской губерніями, села Краснорѣчинскаго.

Въ іюлѣ 1859 года, мы (я и бывшій о. ректоръ семинаріи, нынѣ одинъ изъ сибирскихъ архіереевъ), путешествуя изъ Томска въ Иркутскъ, нарочно заѣзжали къ жившему недалеко за селомъ Краснорѣчинскимъ молчаливому отшельнику Ѳеодору. Новый деревянный домикъ былъ построенъ для него почитателемъ его, томскимъ купцомъ Хромовымъ (отъ котораго о. ректоръ и получилъ приглашеніе посѣтить старца), равно и скромное содержаніе простою пищею и одеждою отпускалось ему Хромовымъ-же. Келья его въ этомъ домѣ почти безъ мебели, съ простыми лавками и деревяннымъ ложемъ, но чистая; въ переднемъ углу былъ только крестъ съ библіей. Старецъ Ѳеодоръ—высокаго почти роста, прямодержавшійся сѣдой старикъ съ сѣрыми глазами и длинной бородой, блѣдный и худощавый. Онъ не ходилъ въ село къ народу и въ церковь и рѣдко выходилъ изъ кельи въ поля и лѣсъ. Насъ онъ принялъ довольно равнодушно. На привѣтствіе, рѣчи и совѣты о. ректора посѣщать церковь и пріобщаться Св. Тайнъ, онъ отвѣчалъ мало, на странномъ нарѣчіи изъ смѣси церковно-славянскаго языка съ латинскимъ, невразумительными фразами мистическими и даже апокалипсическими. Изъ этого посѣщенія мы вынесли такое предположеніе о немъ, что онъ или изъ Западной Россіи уніатскій богословъ, сбившійся съ логическаго толка или смысла, или же философъ-мистикъ и массонъ (у котораго, какъ говорится, зашелъ

умъ за разумъ). О времени и причинѣ его появленія въ Сибири мы точныхъ свѣдѣній собрать не успѣли.

Впослѣдствіи, спустя лѣтъ 15, въ 1870-хъ годахъ, уже послѣ смерти этого старца Ѳеодора, на хромовской заимкѣ близъ Томска, мнѣ приходилось слышать въ Томскѣ отъ родственниковъ Хромова легковѣрное увѣреніе о необыкновенномъ величіи этого старца отшельника, будто бы скрывавшагося втайнѣ самого императора Александра Павловича. Мои возраженія и опроверженія, конечно, не поколебали этой вѣры, и легковѣрная молва держалась и обращалась, правда, довольно скромно и въ ограниченномъ кругѣ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ Хромова.

Но въ концѣ 1885 года здѣсь, въ С.-Петербургѣ, случайно пришлось мнѣ видѣть и читать объемистую рукопись, нарочито доставленную сюда изъ Сибири для опубликованія и данную одному о. протоіерею его прихожаниномъ для ознакомленія объ этомъ необыкновенномъ отшельникѣ Ѳеодорѣ какъ знатномъ и великомъ въ мірѣ, съ легендами объ его мудрости, прозорливости, святости и даже чудесахъ. Эта рукопись можетъ быть любопытна въ психологическомъ отношеніи по изображенію или объясненію происхожденія и развитія легендъ о странномъ отшельникѣ Ѳеодорѣ въ пораженномъ и заполоненномъ воображеніи легковѣрныхъ его поклонниковъ (Хромова и его близкихъ).

Здѣсь же въ Петербургѣ пришлось намъ слышать нѣсколько совершенно не только невѣроятныхъ, но нелѣпыхъ разсказовъ на ту-же тему о мнимой смерти императора Александра Павловича, а именно:

— Во время пребыванія своего въ Таганрогѣ императоръ, осматривая со своимъ лейбъ-медикомъ Вилліе военный лазаретъ, нашелъ тамъ умирающаго солдата, весьма схожаго лицемъ съ императоромъ. Этотъ солдатъ былъ доставленъ во дворецъ и выданъ за Александра Павловича, который удалился, какъ простой странникъ. Солдатъ же по смерти былъ похороненъ какъ императоръ. Вилліе же, какъ главный дѣятель этой подмѣны, награжденъ былъ огромною суммою денегъ, на которую будто-бы и выстроена была клиника Вилліе.

— Отшельникъ Ѳеодоръ завѣщалъ, будто бы, передъ смертью доставить во дворецъ икону и перстень.

Вещи эти были привезены въ Петербургъ и доставлены по назначенію, причемъ эта икона и перстень оказались тѣми самыми, которые пропали, будто-бы, передъ кончиною императора Александра Павловича.

И. С.

ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКІЙ.

Его труды и изданія по исторіи гравированія и вообще иконографіи въ Россіи [1])

въ 1856—1886 гг.

Имѣя предъ собою только что пріобрѣтенный нами послѣдній по времени истинно монументальный трудъ Д. А. Ровинскаго: «Матеріалы для исторіи русской иконографіи», мы считаемъ весьма полезнымъ помѣстить на стр. «Русской Старины» обширный перечень трудовъ и изданій Дмитрія Александровича.

Считаемъ при этомъ не безъинтереснымъ указать на главнѣйшія данныя изъ біографіи этого уважаемаго дѣятеля.

Д. А. Ровинскій, какъ видно изъ имѣющейся въ III томѣ альбома редактора «Русской Старины» замѣтки, родился 18-го августа 1826 г., кончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1844 г., участвовалъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ (1860—1861 гг.), а затѣмъ и въ составленіи «Судебныхъ Уставовъ» (1862 — 1864 гг.), съ 1870 г. сенаторъ уголовнаго кассаціоннаго департамента; весьма рано, именно съ 1855 г., сталъ посвящать досуги отъ службы на составленіе собранія гравюръ, а одновременно—на труды по исторіи въ Россіи гравированія и на изданіе матеріаловъ для русской иконографіи. При этомъ Дмитрій Александровичъ не щадилъ и не щадитъ ни трудовъ, ни громадныхъ издержекъ; онъ совершаетъ въ вакаціонное отъ службы время далекія путешествія. Европейская Россія, въ ряду

---

[1]) Поименованные здѣсь книги, атласъ и сборники портретовъ, за исключеніемъ сполна распроданныхъ, можно получить: въ С.-Петербургѣ—у Фельтена и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“; въ Москвѣ—у Готье.

прочихъ европейскихъ государствъ, осмотрѣна Д. А. особенно усердно; гдѣ онъ только ни побывалъ на пространствѣ отъ Закавказья и южнаго берега Крыма до Соловецкой обители!.. Всюду Д. А. умѣлъ пріобрѣсти не только новыя свѣдѣнія, но и новые рѣдкіе экземпляры для своего наиобширнѣйшаго, знаменитѣйшаго собранія русскихъ гравюръ, портретовъ, лубочныхъ картинъ, а въ послѣдніе годы и литографій...

Изданные Д. А. труды увѣнчаны отъ академіи наукъ преміями, а самъ почтенный труженикъ науки, онъ же и сенаторъ, почтенъ званіями: въ 1879 г. —почетнаго члена императорской академіи художествъ, а въ 1882 г.—почетнаго члена императорской академіи наукъ.

Ред.

I. Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка. Спб. 1856 г. 8°. (Ц. 1 р. 50 к.).

II. Русскіе граверы и ихъ произведенія. Москва. 1870 г. 8°. На слоновой бумагѣ 10 р., на простой 2 р. 50 к.

III. Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1872 г. 8°. На слоновой бумагѣ 5 р., на простой 1 р. 15 к.

Примѣчаніе. Первыя три книги, въ этомъ спискѣ поименованныя, разошлись сполна.

IV. Русскій граверъ Чемесовъ. Спб. 1878 г., въ листъ, съ 17-ю портретами, воспроизведенными съ оригиналовъ Чемесова, по способу Скамони: Актеръ Волковъ, Екатерина II (2 раза), Елисавета Петровна (съ двухъ оригиналовъ), Фельдмаршалъ Мюнихъ, Гр. Г. Г. Орловъ (3 раза), Гр. И. Г. Орловъ, Петръ Великій (3 раза), Гр. К. Сиверсъ (2 раза), Чемесовъ (самъ граверъ) и И. И. Шуваловъ. (17 р.).

V. Та-же книга, съ французскимъ текстомъ. (17 р.).

VI. Русскія народныя картинки. Спб. 1881 г. Изслѣдованіе въ 5-ти книгахъ, съ алфавитомъ, въ 8-ю долю листа; къ нему атласъ въ большой листъ, содержащій въ себѣ болѣе 500 картинокъ. Цѣна изданію:

А. Экземпляръ атласа въ 4-хъ томахъ, картинки не раскрашены (раскрашено всего 16 для образца), съ текстомъ въ 5-ти книгахъ, на простой бумагѣ 17 р.

Б. Экземпляръ атласа въ 4-хъ томахъ, 169 картинокъ раскрашенныхъ (остальные листы не раскрашены), съ экземпляромъ книги на веленевой бумагѣ 100 р.

В. (Разошлось сполна): Экземпляръ атласа въ 7-ми томахъ, картинки

раскрашенныя и черныя—вдвойнѣ (болѣе 1000 листовъ), съ экземпляромъ книги на слоновой бумагѣ, 210 р.

Отдѣльно отъ атласа продаются: 1) Брюсовъ календарь 6-ти листовой; 2) Притча о блудномъ сынѣ (65 листковъ), и 3) Азбука 1812 г. (раскрашенная, въ футлярѣ); по 5 р. каждый нумеръ.

Цѣна текста 5-ти книгъ отдѣльно отъ атласа: на веленевой бумагѣ 25 р., на простой 10 р.

Алфавитъ къ нимъ отдѣльной книжкой 1 р.

VII. Достовѣрные портреты московскихъ государей: Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени. Спб. 1882 г. Въ большой листъ, съ 47 рисунками (25 р.).

Изъ числа этихъ рисунковъ: 1) Посольство Колычева въ Гродно и 2) Посольство кн. Сугорскаго (раскрашенное отъ руки) продаются отдѣльно, по 10 р. каждое.

VIII. То-же изданіе, съ французскимъ текстомъ. Спб. 1882 г. (25 р.).

IX. Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Спб. 1884 г. 8°, съ его портретомъ (3 р.).

X. Атласъ къ предъидущей книгѣ, съ 33 гравюрами Уткина и его учениковъ, а именно: 1. Портретъ Н. И. Уткина; 2. Меркурій обучаетъ Амура; 3 Св. Іоаннъ Креститель; 4. Портретъ К. Семеновой; 5. Громобой, виньетка; 6. Аракчеевъ; 7. Суворовъ; 8 и 9. Портикъ и лѣстница Академіи Худож.; 10. Медаль съ изображеніемъ Кановы; 11. Митрополитъ Михаилъ; 12. Екатерина II, гуляющая въ Царскосельскомъ саду; 13. Ломоносовъ; 14. Рикордъ; 15. Розенцвейгъ; 16. Оленинъ, съ оригинала Крюгера; 17. Уваровъ; 18. Памятникъ Ломоносову; 19 и 20. Двѣ доски для Антропометріи Шебуева; 21. Оленинъ, съ ориг. Брюллова; 22. Св. Василій Великій; 23. Св. Семейство. Работы учениковъ Уткина: 24. Св. Іеронимъ, К. Аѳанасьева; 25. Мартосъ, Владимірова; 26. Св. Марія Магдалина, Грунтова; 27. Моленіе о Чашѣ, Захарова; 28. Иродіада, Збруева; 29. Умершій Авель, Іордана; 30. Меркурій и Аргусъ, его же; 31. Видъ Іерусалима, Лебедева; 32. Богоматерь, Пищалкина; 33. Богоматерь, Степанова. Въ огромный листъ. Цѣна атласу на простой бумагѣ (бѣлой или желтой) 40 р., на китайской 60 р.

XI. Виды Соловецкаго монастыря, отпечатанные съ древнихъ досокъ, хранящихся въ тамошней ризницѣ (51 доска). Спб. 1884 г. Въ большой листъ (они составляютъ 1-е Дополненіе къ Русскимъ Народнымъ Картинкамъ); отпечатки съ переводовъ на камень (10 р.).

XII. Матеріалы для Русской Иконографіи. Портреты, виды, историческіе листы, смѣсь. Выпускъ 1. Спб. 1884 г., въ большой листъ, 40 рисунк.

1. Царевна Софья Алексѣевна, грав. Аѳанасьевымъ, съ ориг. Тарасевича; 2. Она же, грав. Блотелингомъ; 3. Картина, приложенная къ книгѣ: Благодать и Истина, 1683 г., съ изображеніями Софьи и царей Петра и Іоанна; 4. Кн. В. В. Голицынъ, грав. Тарасевича; 5—10. 6 картинокъ изъ книги: Schleussing'a. Derer beyder Czaren in Russland... 1693 г.; 11—14. 4 листа посольства кн. Я. Долгорукаго въ 1686 г.; 15. Царевна Софья, изд. Боннара; 16. Цари Петръ и Іоаннъ, поясныя изображенія, гравированныя въ 1685 г.; 17. Они же, въ ростъ; 18. Цари Ѳеодоръ, Іоаннъ и Петръ (1721 г.); 19 и 20. Петръ I въ русскомъ нарядѣ; 21. Заглавный листъ къ Алфавиту Максимовича 1705 г., съ изображеніями русскихъ царей; 22. Гравюра Щирскаго, съ уника, находящагося въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора; 23. Петръ, побѣдитель Азова, и казнь Якушки-измѣнника, гравюра Нахтгласса; 24. Заглавный листъ къ Атласу рѣки дона (Крюйса), съ изображеніемъ Петра I; 25—29. Пять портретовъ царя Михаила Ѳедоровича; 30—36. Семь досокъ изъ Кіевопечерской типографіи: Владиславъ IV, Стефанъ Яворскій, Рафаилъ Заборовскій, Мазепа, Варлаамъ Ясинскій (два портрета) и Осада Почаевской лавры; 37—39. Три листа работы граверовъ-серебрянниковъ: О тебѣ радуется, Символъ Вѣры и листъ сошнаго письма; 40. Видъ Коломенскаго дворца, гравюра Гильфердинга (Цѣна 20 р.).

XIII. То же изданіе, выпускъ II. Спб., 1884 г., 40 рисунковъ: 41. Владиславъ IV, Царь Московскій, грав. Ворстерманомъ; 42. Медаль съ его изображеніемъ; 43—48. Шесть картинокъ изъ польской поздравительной брошюры 1605 г., по случаю бракосочетанія Димитрія Самозванца съ Мариною Мнишекъ (портреты: Димитрія, Марины, ея отца, кардинала Мацеовскаго, Аѳанасія Власова Безобразова и московскій гербъ); 49. Димитрій Самозванецъ, грав. Киліаномъ; 50. Онъ же, грав. Іоде; 51—54. Четыре фантастическіе портреты его же; 55. Карлъ Ходкевичъ; 56. Исаакъ Масса, авторъ лѣтописи о смутномъ времени; 57. Борисъ Годуновъ (фантастическій портретъ); 58. Кн. Михаилъ Скопинъ; 59. Вооруженіе древняго русскаго воина 1579 г.; 60. Петръ I на конѣ, Allard sc.; 61. Петръ I съ аллегорическ. фигур., работы Нахтгласса; 62. Петръ I на конѣ; 63. Петръ I и Екатерина I, грав. въ 1717 г.; 64. Бухвостовъ въ ростъ, грав. Махаевъ; 65. Бирономъ, работы Соколова, неоконченный; 66. Іоаннъ Антоновичъ (Leopold exc.); 67. Арестъ Анны Леопольдовны; 68. Екатерина II (Елисавета Петровна), Schemitz del.; 69—71. Три гравюры Скородумова: Е. Р. Дашкова, скульпторъ Шварцъ и кн. Потемкинъ (покойникомъ); 72. Мих. Ник. Муравьевъ (Seeliger sc.); 73—80. Восемь видовъ московскихъ монастырей, грав. Пикаромъ до 1715 г.:

Даниловъ, Спасъ Симоновъ, Покровской, Донской, Дѣвичій, Андреевскій, Спасъ Новый и Воскресенскій. (Цѣна 20 р.).

XIV. То же изданіе; выпускъ III. Спб. 1884 г., 40 рисунковъ: 81. Андрей Виніусъ, грав. Вишера; 82—88. Семь портретовъ Царя Алексѣя Михайловича; 89. Котъ царя Алексѣя Михайловича, раб. Hollar'a; 90. Докторъ Францискъ Скорина; 91. Митрополитъ Даніилъ; 92 и 93. Два портрета царя Ѳеодора Іоанновича; 94. Янъ Сапѣга; 95. Станиславъ Жолкевскій; 96—98. Три картинки изъ брошюры: Вирши на погребъ Гетмана Сагайдачнаго, 1622 г.; 99 и 100. Петръ I, раб. Файторна, и приложенный, для сличенія, портретъ его съ гравюры Гунста; 101. Акафистъ, посвященный царевичу Алексѣю Петровичу; 102—104. Три портрета Петра I, грав. Хенрикезомъ въ 1777 г., Хубракеномъ, съ К. Мора, и Аѳанасьевымъ, съ Караваккa; 105. Екатерина II, и 106. Баронъ Строгановъ, грав. Чемесовымъ; 107. Отечество, и 108. Семь смертныхъ грѣховъ, двѣ гравюры царскаго иконописца Симона Ушакова; 109. Лѣствица Іоанна Лѣствичника, и 110. Повѣсть о Бѣсѣ Зерефере, двѣ картинки, работы граверовъ-серебряниковъ; 111. Екатерина II въ профиль (сидящая); 112. Радищевъ; 113. Видъ села Измайлова, работы Ив. Зубова; 114—119. Шесть портретовъ императора Александра I, съ оригиналовъ: Скородумова (1785 г.), Кюгельхена (1799 г.), Сентъ-Обена (1807 г.), Жерара (1814 г.), Изабе (1815 г.) и гр. Ѳ. Толстаго. 120. Портретъ Боровиковскаго. (Цѣна 20 р.).

XV. То же изданіе; выпускъ IV. Спб. 1886 г., 40 рисунковъ: 121. Графиня Орлова, грав. Берсеневъ; 122. Св. Іеронимъ, его же; 123—130. Восемь картинокъ изъ жизни Самозванца; 131—146. Костюмныя картинки съ гравюръ Вейгеля и Вечелліо; 147—150. Маски и бюсты Петра I; 151. Политическій тризетъ Екатерины II; 152. Потопъ на сѣверѣ въ 1806 г.; 153. Раззореніе Пруссіи; 154—156. Три карикатуры на Беннингсена; 157—160. Наполеонъ въ бѣдѣ, 4 картинки. (Цѣна 20 р.).

XVI. То же изданіе; выпускъ V. Спб. 1886 г. 40 рисунковъ: 161. А. В. Олсуфьевъ (грав. Радигъ); 162. Графъ Б. П. Шереметевъ (грав. Шхонебскомъ); 163 и 164. Ломоносовъ; 165. Н. П. Румянцевъ (грав. Скородумовъ); 166. Семейство графини Дашковой (его же); 167. Кн. Ю. В. Долгоруковъ и 168. Фильдъ, грав. Кипренскимъ; 169. Ѳедоръ Ивановичъ Калмыкъ; 170. Галактіоновъ; 171 и 172. Заглавные листы къ Имнологіи 1630 и Мечу Духовному; 173. Картинка къ книгѣ о пяти ранахъ Христа. Двѣ гравюры Тарасевича; 174. Ѳедоръ Стратилатъ (Шакловитый), и 175. Георгій Земля; 176—186. Одиннадцать рѣдкихъ портретовъ Петра I и Екатерины I; 187. П. И. Потемкинъ, грав. Блотелингомъ; 188. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ изъ

Олеарія; 189. Царь Василій Шуйскій; 190. Семейство Екатерины II (раб. Сидо)—десять сатирическихъ картинокъ; 191. Свиданіе въ Тильзитѣ; 192. Континентальная система; 193. Казакъ Землянутинъ въ Англіи. 194—196; Дочь Платова и графъ Платовъ; 197 и 198. Казакъ тушитъ Наполеона; 199. Казакъ возстановляетъ Лудовика XVIII; 200. Русскіе въ Парижѣ. (Ц. 20 р.)

XVII. То же изданіе; выпускъ VI. Спб. 1886 г., 40 рисунковъ: 201 Богданъ Хмельницкій (Хондіуса); 202 и 203. Самозванецъ и Марина (Сядецкаго); 204. Кантемиръ (Вагнера); 205—207. Князь Меншиковъ (Симона), его жена и дочь (А. Зубова); 208 и 209. Двѣ гравюры Берсенева; 210 и 211. Царь и царица изъ Мейерберга; 212—215. Шереметевъ, Хованскій, Емешенко и Ю. Хмельницкій (изъ книги Gualdo, 1670 г.); 216—220. Костюмные листы XVII столѣтія; 221 и 222. Мазепа; 223—229. Семь портретовъ Петра I; 230. Яковъ Де-ла-Гарди (Фалька). Десять сатирическихъ картинокъ; 231. Свиданіе на Нѣманѣ; 232—238. Бѣдствія Наполеона и его арміи; 239. Оксфордскіе доктора; 240. Веронскій конгрессъ. (Цѣна 20 р.).

XVIII. Одиннадцать гравюръ И. А. Берсенева. Спб. 1886 г. (Ц. 5 р.).

1886.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОММИССІИ

ВЪ 1886 Г.

Обзоръ ихъ дѣятельности.

Читано директоромъ археологическаго института И. Е. Андреевскимъ, въ собраніи института 10 октября 1887 г.

1887.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОММИССІИ

въ 1886 г.

Читано въ собраніи археологическаго института 10 октября 1887 г.

Согласно высочайше утвержденному опредѣленію комитета министровъ 13 апрѣля 1884 г., на археологическій институтъ возложена обязанность представлять академіи наукъ отчетъ о дѣятельности за минувшій годъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, начавшихъ въ 1884 г. создаваться въ Россіи съ легкой рукиу чредителя археолог. института—Н. В. Калачова.

Рука его оказалась легкою и, конечно, по той причинѣ, что не корыстные разсчеты легли въ основаніе представленныхъ имъ плановъ, но любовь къ отечеству, неразрывно связывавшаяся у него съ любовью къ наукѣ, та любовь къ истинѣ, которая была украшеніемъ этого ученаго учредителя археологич. института и вызвала къ нему справедливое и все выростающее уваженіе нашей доброй семьи архивистовъ.

Въ 1884 г. стараніями Калачова создались четыре ученыя архивныя коммиссіи—въ Тверп, Тамбовѣ, Орлѣ и Рязани, въ 1885 г. къ нимъ присоединилась пятая—въ Костромѣ.

О первыхъ шагахъ дѣятельности этихъ 5 коммиссій я имѣлъ честь сообщить въ прошедшемъ году, представивъ отчетъ о ихъ дѣятельности за 1885 годъ.

Въ настоящее время я буду просить у почтеннаго собранія вниманія на нѣсколько минутъ, чтобы представить ему отчетъ о дѣятельности этихъ пяти коммиссій за 1886 г. Я ввожу въ отчетъ только эти пять коммиссій, хотя въ 1886 г. открылись еще двѣ новыя коммиссіи: въ Саратовѣ и Симферополѣ.

Разрѣшеніе на открытіе саратовской коммиссіи было дано г. министромъ внутр. дѣлъ 14 января 1886 г., а открытіе коммиссіи послѣдовало въ концѣ года, 12-го декабря. На учрежденіе таврической коммиссіи дано было разрѣшеніе г. министромъ 11 сентября, но открылась она только 24 января нынѣшняго 1887 года. Обѣ эти коммиссіи, саратовская и таврическая, открылись при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, но разборъ ихъ дѣятельности можетъ войти только въ будущій отчетъ.

Отчетъ же за 1886 г. можетъ касаться только дѣятельности первыхъ пяти коммиссій — тверской, тамбовской, орловской, рязанской и костромской.

И этотъ отчетъ за второй годъ дѣятельности ученыхъ архивныхъ коммиссій можетъ засвидѣтельствовать, какъ явленіе утѣшительное, что эти новыя ученыя установленія не только продолжаютъ дѣйствовать, но сознательно крѣпнутъ въ выполненіи принятыхъ на себя немаловажныхъ функцій для дѣла науки. Представляя отчетъ въ прошедшемъ году о первыхъ шагахъ дѣятельности коммиссій, мы, конечно, должны были имѣть въ виду мнѣнія нѣкоторыхъ скептиковъ, что эти коммиссіи, какъ и многія полезныя учрежденія, совершенно искусственны, что энергія собравшихся членовъ возможна только на первыхъ порахъ, что очень скоро она потухнетъ, какъ тухнетъ многое, касающееся науки, что нѣтъ возможности пробудить въ этихъ глухихъ уголкахъ Россіи стремленія къ истинѣ, труду и т. д., и т. д.

Но вотъ и второй годъ дѣйствуютъ коммиссіи, темныя предсказанія не оправдываются, энергія членовъ не потухла, напротивъ, крѣпнетъ, и въ глухихъ уголкахъ Россіи оказывается спросъ на образованіе, спросъ на научныя работы и на стремленіе къ истинѣ....

I.

Въ выполненіи важнѣйшей изъ функцій, возложенныхъ на ученыя архивныя коммиссіи,—составленіе губ. историческаго архива,—не только не ослабѣла энергія коммиссій, но, напротивъ, скромно намѣченные пути въ первый годъ теперь освѣтились, окрѣпли и ведутъ къ ясно сознаваемой цѣли. Именно, слѣдующими способами создаютъ это дѣло архивныя коммиссіи:

1. Усердно продолжая разбирать описи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, продолжаютъ выдѣлять въ губернскій историческій архивъ тѣ дѣла, бумаги и документы, которые заключаютъ въ себѣ значеніе для отечественной исторіи и науки права.

Тверская коммиссія, окончивъ въ отчетномъ году приспособленія для помѣщенія историческаго архива въ зданіи бывшаго рабочаго дома, ввѣрила завѣдываніе этимъ новымъ историческимъ архивомъ члену коммиссіи—А. А. Смирнову.

Въ этотъ архивъ перенесены всѣ документы, отобранные въ 1885 году для вѣчнаго храненія, а въ отчетномъ году вотъ сколько разобрано дѣлъ и сколько выдѣлено въ историческій архивъ: а) подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. управляющаго казенною палатою, состоящаго вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ коммиссіи, г. Жизневскаго, разобраны 2,976 дѣлъ тверской казенной палаты, начиная съ 1826 г., изъ коихъ выдѣлены для храненія въ архивѣ только 19 дѣлъ контрольнаго отдѣленія, а остальныя предназначены къ уничтоженію; б) изъ доставленныхъ бывшимъ предсѣдателемъ тверскаго окружнаго суда, членомъ коммиссіи, И. И. Влезковымъ, описей разобранныхъ дѣлъ старицкой ратуши (1758—1800 гг.) и вышневолоцкаго магистрата (1843—1847 гг.) разсмотрѣны (П. Ѳ. Симсономъ) и отобраны для архива: изъ 896 дѣлъ старицкой ратуши 130 дѣлъ и 16 дѣлъ изъ 932 дѣлъ вышневолоцкаго магистрата; в) разсмотрѣны описи (В. А. Плетневъ) 2,691 дѣла тверскаго губернскаго правленія за 1841—1875 гг., отобрано въ историческій архивъ 129 дѣлъ (1844—1871 гг.) о замѣчательныхъ подвигахъ человѣколюбія. Отбирая эти дѣла для храненія, почтенная коммиссія руководилась тѣмъ соображеніемъ, что статистика нравственности, основывая свои выводы на числѣ преступленій и игнорируя подвиги человѣколюбія, приходитъ къ заключеніямъ невѣрнымъ, односторонниимъ; сохраненіе въ историч. архивѣ данныхъ о подвигахъ человѣколюбія можетъ содѣйствовать къ поправкѣ статистическихъ выводовъ; г) разсмотрѣны весьма важныя дѣла управленія вышневолоцкой системы судоходства съ 1775 по 1841 г. и дѣла вышневолоцкаго правленія по бывшимъ учрежденіямъ вѣдомства путей сообщенія съ 1806 по 1844 г. Эти важные историческіе документы, въ количествѣ 2,393 дѣлъ, записавшіе первые шаги нашего центральнаго управленія дѣлами путей сообщенія, коммиссія рѣшила въ полной ихъ совокупности хранить въ историч. архивѣ и подвергнуть ихъ тщательному описанію и изученію, начало чего уже предпринято А. А. Смирновымъ, и д) дѣла весьегонской городской шестигласной думы (съ 1822 по 1877 г.): предсѣдатель коммиссіи г. Жизневскій, разсмотрѣвъ по описи 2,084 дѣла, отобралъ для храненія 50 дѣлъ. Кромѣ того, предсѣдатель коммиссіи открылъ цѣлый рядъ сношеній, съ цѣлію узнать, какое содержаніе нижеслѣдующихъ архивовъ и какія могутъ потребоваться средства для описанія и приведенія ихъ въ порядокъ:

Кашинскаго Клобукова монастыря, тверской гимназіи, погорѣльской ратуши, тверской дух. семинаріи и нѣкоторыхъ духовныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, въ тверской историческій архивъ внесено къ 1-му января 1887 года 994 дѣла (книги и документы разумѣются подъ именемъ дѣлъ).

Тамбовская коммиссія, кромѣ продолженія разбора и описанія обширнаго архива шацкой провинціальной канцеляріи (П. И. Пискаревъ и М. Г. Розановъ), изъ котораго въ отчетномъ году отобрано въ историч. архивъ и подробно описано 425 дѣлъ (а всего съ открытія коммиссіи отобрано и описано 1,848 дѣлъ)—рѣшилась отложить до будущаго времени разборъ и описаніе другихъ архивовъ, сосредоточенныхъ въ г. Тамбовѣ, такъ какъ они вполнѣ обезпечены отъ уничтоженія. Но за то она рѣшилась предпринять разборъ и описаніе архивовъ уѣздныхъ городовъ, находящихся не въ такой безопасности, какъ архивы губернскіе. Въ отчетномъ году коммиссія приступила къ разбору архива елатомской городской думы, заключающаго въ себѣ не мало данныхъ для исторіи города Елатьмы—одного изъ самыхъ древнихъ городовъ губерніи.

Въ отчетномъ году, благодаря особенно заботливости непремѣннаго попечителя коммиссіи, губернатора барона А. А. Фредерикса, окончены начатыя еще при покойномъ Н. В. Калачовѣ, при участіи въ издержкахъ археологич. института, постройки для приспособленія помѣщенія архива: теперь въ распоряженіи коммиссіи для архива и музея три обширныя залы, расположенныя въ каменной пристройкѣ публичной библіотеки. (Освященіе и открытіе историч. архива и губ. музея послѣдовало не въ отчетномъ году, а только 17 іюня нынѣшняго 1887 г.).

Орловская коммиссія продолжала начатый ею разборъ различныхъ правит. архивовъ. Разобрано: а) 85 дѣлъ карачевскаго уѣзднаго суда съ 1783 по 1799 г. (Г. М. Пясецкій); б) оставшіяся въ архивѣ окружнаго суда дѣла орловской верхней расправы, орловской провинц. канцеляріи и сѣвскаго провинц. магистрата (С. А. Блохинъ).

Рязанской коммисіи удалось пересмотрѣть болѣе 6,000 дѣлъ, изъ которыхъ для историческаго архива отобрано 2,043 дѣла. Именно: а) изъ архива губ. предводителя дворянства отобрано и описано 361 дѣло (А. В. Селивановъ); б) изъ архива упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ съ 1800 г.—315 дѣлъ (служащими въ окружн. судѣ подъ наблюденіемъ Селиванова); в) изъ архива рязанской воеводской канцеляріи XVIII в. 172 дѣла (архимандритъ Владиміръ); г) изъ канцеляріи губернатора, 1828 и 1829 г.—8 дѣлъ (В. И. Ла-

шевскій); д) раненбургскаго предводителя дворянства съ 1800 г.— 222 дѣла (А. В. Селивановъ); е) казенной палаты, губ. чертежной и почтовой конторы 52 дѣла.

Костромская коммиссія занялась разсмотрѣніемъ дѣлъ по описямъ: а) губернскаго правленія съ 1746 по 1765 г.; б) канцеляріи губернатора съ 1798 по 1808 г.; в) бывшаго приказа общ. призрѣнія съ 1784 по 1867 г.; г) строительной и дорожной коммиссіи съ 1828 по 1866 г., и д) въ архивѣ окружнаго суда дѣла 10 уѣздныхъ судовъ съ 1800 по 1810 г.

2. Коммиссіи не только не отбросили уже проявленной ими попытки пополнять историческій архивъ актами изъ частныхъ архивовъ, но, напротивъ, достигли въ отчетномъ году весьма цѣнныхъ въ этомъ направленіи результатовъ.

Такъ, въ тверской историч. архивъ (музей) пожертвованъ весьегонскимъ помѣщикомъ Николаемъ Михайловичемъ Корякинымъ его фамильный архивъ, состоящій изъ 783 столбцовъ XVI и XVII ст. и дѣловыхъ бумагъ XVIII ст.,—касающихся дворянскихъ родовъ Заборовскихъ, Нелединскихъ, Бломберховъ, Палицыныхъ, Корякиныхъ и друг. Бѣжицкій землевладѣлецъ Николай Ѳедоровичъ Ивановъ также пожертвовалъ 59 столбцовъ XVII ст., заключающихъ въ себѣ ввозныя, послушныя грамоты, промѣнныя и раздѣльныя записи, выписи изъ писцовыхъ и отказныхъ книгъ, челобитныя, явочныя и о справкѣ помѣстій; къ этой связкѣ столбцовъ онъ приложилъ 27 листовъ разныхъ бумагъ на имя бригадира Люцевина и 15 бумагъ XVIII ст. по дѣламъ Окуловыхъ. Кромѣ того, изъ поступившихъ въ 1885 г. въ архивную коммиссію частныхъ архивовъ Травиныхъ и Кисловскихъ эти архивы приняты уже въ истор. архивъ послѣ сдѣланнаго ихъ описанія членомъ коммиссіи г. Крыловымъ. Въ этихъ частныхъ архивахъ оказалось до 350 бумагъ XVIII ст., содержаніе ихъ по преимуществу тяжбы между помѣщиками, грамоты на владѣніе пустошами и т. д. Коммиссія удержала для историч. архива только 46 дѣлъ; тяжебныя дѣла представляютъ интересъ только въ смыслѣ подтвержденія неудобныхъ порядковъ тогдашняго гражданскаго процесса, именно отмѣнной его тщательности, вслѣдствіе чего самыя несложныя по существу дѣла тянулись десятки лѣтъ; напр., тяжба о мельницѣ, построенной на р. Медвѣдицѣ, въ Кашинскомъ уѣздѣ, Отрочьимъ монастыремъ, которому принадлежалъ берегъ рѣки, велась ровно 60 лѣтъ.

Орловская коммиссія, въ этихъ же видахъ пополненія историческаго архива извлеченіемъ документовъ изъ частныхъ архивовъ, обращалась съ циркулярною просьбою къ настоятелямъ монастырей и

священникамъ, но въ отчетномъ году такихъ выписокъ было доставлено очень мало. Но за то одному изъ членовъ коммиссіи, г. Пупареву, удалось получить отъ одного землевладѣльца, г. Пигарева, 40 документовъ XVII ст., состоящихъ изъ выписей отказныхъ книгъ Ливенскаго уѣзда на помѣстныя земли, выписей изъ крѣпостныхъ книгъ, поступныхъ и кабальныхъ записей и проч.; съ 21 этихъ документовъ сняты копіи для историческаго архива.

Рязанская коммиссія, кромѣ архива Солотчинскаго монастыря XVII и XVIII в. (г. Доброклонскій описалъ и зарегистрировалъ 995 дѣлъ), получила отъ своихъ сочленовъ, или чрезъ ихъ посредство, значительную массу актовъ XVII и документовъ XVIII ст.

Костромской коммиссіи въ этомъ отношеніи также посчастливилось. Кромѣ разбора богатаго архива Ипатьевскаго монастыря (И. В. Миловидовъ), печатаемаго, по мѣрѣ изготовленія описей, въ Костромскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, изъ которыхъ готовится и 70 отдѣльныхъ оттисковъ описанія, тотъ-же почтенный членъ коммиссіи г. Миловидовъ разобралъ частный архивъ г. Мягкова, двѣ рукописи котораго подробно описаны имъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а шесть рукописей, заключающихъ въ себѣ купчія выписи изъ вотчинныхъ книгъ и проч., описаны священникомъ Богоявленскаго монастыря о. Іоанномъ Успенскимъ.

Кромѣ того, на циркулярную просьбу о. благочиннымъ, отъ многихъ получались указанія на хранящіеся при той или другой церкви важные документы, которые будутъ списаны и внесены въ историческій архивъ.

3. Опытъ перваго года—командированія своихъ членовъ въ центральные архивы для выборки изъ нихъ документовъ, касающихся собственной губерніи,—давшій выгодныя послѣдствія, продолжается и въ отчетномъ году.

Членъ тверской коммиссіи И. Ѳ. Токмаковъ, продолжающій свои усердные поиски въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ отчетномъ году нашелъ восемь дѣлъ второй половины XVII в., имѣющихъ большое значеніе для тверскаго историческаго архива, и одно дѣло 1707 г. По просьбѣ коммиссіи, съ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ г. Токмаковъ снялъ копіи.

Тотъ-же неутомимый Токмаковъ сообщилъ и тамбовской коммиссіи указанія на цѣлую серію документовъ, касающихся Тамбовскаго края. Но помимо этого тамбовская коммиссія обогатилась собраніемъ изъ этого архива и московскаго архива министерства юстиціи выборками по той причинѣ, что ея почтенный предсѣдатель И. И. Дубасовъ, поддерживая постоянно личныя и письменныя сношенія

съ московскими архивами, и самъ извлекалъ изъ нихъ многоразличные документы, изъ коихъ многіе и напечатаны въ приложеніяхъ къ журналамъ тамбовской коммиссіи.

Старанія г. Токмакова, библіотекаря главнаго архива мин. иностр. дѣлъ, не ограничились услугами для тверской и тамбовской коммиссій: онъ сообщилъ и орловской коммиссіи найденный имъ въ архивѣ списокъ матеріаловъ по археографіи Орловскаго края и, кромѣ того, двѣ рукописи, изъ коихъ одна, 1718 года, касается отправленія въ Орловскій уѣздъ посольской канцеляріи подьячаго Никиты Герасимова для приведенія оттуда въ Москву женщины Марѳы Онуфріевой съ усомъ и бородою.

Дѣлопроизводитель, притомъ особенно дѣятельный, рязанской коммиссіи, А. В. Селивановъ, списалъ для рязанскаго историческаго архива въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ любопытное сыскное дѣло о разбойникѣ Ѳедкѣ Кислеченкѣ, а тотъ-же г. Токмаковъ доставилъ списокъ матеріаловъ по археографіи Рязанскаго края.

II.

Въ выполненіи и другой обязанности—собираніи свѣдѣній о древностяхъ края—архивныя коммиссіи продолжаютъ и въ отчетномъ году тѣ пріемы, которые оказались весьма плодотворными и въ 1885 году.

Но первая мѣра, справедливо принятая многими коммиссіями, заключающаяся въ разосланныхъ объявленіяхъ о значеніи собиранія предметовъ древности и о желаніи нѣкоторыхъ коммиссій, какъ напримѣръ тамбовской, выдавать денежное вознагражденіе нашедшимъ тѣ или другіе предметы древности, вызвала нѣкоторыя недоразумѣнія, легко впрочемъ устранимыя. Именно, у насъ имѣется учрежденіе—императорская археологическая коммиссія, которой предоставлена привилегія требовать къ своему разсмотрѣнію всѣ находимые въ Россіи предметы древности. Эта привилегія дарована археологической коммиссіи въ то время, когда не было и мысли о подобныхъ коммиссіяхъ, дѣйствующихъ въ губерніи. Теперь, конечно, при посредствѣ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, самое полученіе предметовъ древности дѣлается гораздо удобнѣйшимъ, и работами нашихъ коммиссій легко можетъ воспользоваться императорская археологическая коммиссія. Средства, пущенныя для того въ ходъ губернскими коммиссіями, оказались весьма цѣлесообразными. Напримѣръ, тамбовская

коммиссія разослала свои объявленія въ августѣ, а уже въ ноябрѣ въ коммиссію были присланы изъ Калинкинской волости, Лебедянскаго уѣзда, найденныя тамъ въ одномъ крестьянскомъ огородѣ 568 серебряныхъ монетъ времени царя Михаила Ѳедоровича.

Орловская коммиссія, плодомъ своихъ просьбъ къ настоятелямъ монастырей и священникамъ, получила, между прочимъ, сообщеніе, что въ трубчевскомъ Троицкомъ соборѣ имѣется семь надписей на надгробныхъ камняхъ, сдѣланныхъ въ XVI столѣтіи, о погребеніи князей Трубецкихъ, что въ соборѣ хранится серебряно-позлащенный ковшъ, пожалованный Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, а также Евангеліе и Святцы, пожалованные Алексѣемъ Михайловичемъ, и на этихъ предметахъ имѣются надписи.

Члены рязанской коммиссіи, съ правителемъ ея дѣлъ, г. Селивановымъ, производили въ теченіи лѣта осмотры различныхъ памятниковъ рязанской древности, причемъ имъ удалось пріобрѣсти нѣсколько предметовъ для рязанскаго истор. архива.

Членъ костромской коммиссіи, М. В. Арцимовичъ, доставилъ коммиссіи замѣтку о находящейся въ с. Парскомъ, Юрьевецкаго уѣзда, церкви Іоанна Предтечи, какъ заслуживающей по древности нѣкоторыхъ сохранившихся въ ней иконъ, вниманія и изученія. Также, вслѣдствіе приглашенія коммиссіи, получены отъ нѣкоторыхъ благочинныхъ сообщенія объ имѣющихся надгробныхъ надписяхъ.

Другая мѣра, проводившаяся коммиссіями, касается пропзводившихся раскопокъ. Въ отчетномъ году, впрочемъ, только рязанская коммиссія самостоятельно занималась раскопками. Почтенный членъ ея, правитель дѣлъ коммиссіи, А. В. Селивановъ, произвелъ важную раскопку на Старопосадскомъ кладбищѣ (въ г. Касимовѣ, при чемъ вырыты изъ земли три надгробныхъ камня съ разными украшеніями и арабскими надписями). Препровожденные въ академію наукъ снимки съ надписей были разсмотрѣны академикомъ Радловымъ. Хотя не всѣ надписи, по причинѣ недостаточной явственности, могли быть разобраны, но разобранныя указываютъ на важность найденныхъ камней для исторіи Касимовскаго царства. Произведенныя въ с. Старой-Рязани раскопки ничего замѣчательнаго не обнаружили.

Въ третьихъ, добываемые членами коммиссій и доставляемые жертвователями предметы древности создаютъ при историческихъ архивахъ музеи, имѣющіе, конечно, свою будущность.

Но говоря объ этомъ новомъ и естественно вырастающемъ при историческихъ архивахъ учрежденіи, надобно замѣтить, что они создаются не одинаково, или лучше сказать, что тверской музей стоитъ на совершенно особыхъ началахъ. Собственно, онъ учрежденіе

отдѣльное, находящееся въ вѣдомствѣ статистическаго комитета, и связанъ съ архивною коммиссіею только чрезъ посредство ея почтеннаго предсѣдателя, г. Жизневскаго, завѣдующаго музеемъ и не щадящаго стараній для его развитія и процвѣтанія. И въ отчетномъ году музей обогатился многими предметами древности, и между прочимъ—изъ села Путани, Тверскаго уѣзда, обломкомъ каменной плиты съ загадочнымъ изображеніемъ заключенныхъ одинъ въ другомъ трехъ четвероугольниковъ, подобнымъ тому, какое находится на имѣющемся уже въ музеѣ бѣжицкомъ камнѣ, который былъ разбираемъ покойнымъ графомъ Уваровымъ. Всего въ отчетномъ году поступило въ музей 559 предметовъ (что съ прежними, къ 1 января 1887 года, составляетъ 3,410 предметовъ). Привѣтствуя это развитіе музея, его ежегодные приросты, много обязанные, конечно, почтенному предсѣдателю коммиссіи, г. Жизневскому, нельзя не пожелать однако, чтобы тверской музей сдѣлался музеемъ коммиссіи, состоящимъ при историческомъ архивѣ, и чтобы его богатый отдѣлъ рукописей (къ 1 января 1887 г.—3,292) влился въ историческій архивъ, такъ какъ рукописямъ мѣсто не въ музеѣ, а въ архивѣ. Тутъ встрѣтятся, правда, формальныя затрудненія, но съ ними легко будетъ справиться предсѣдателю коммиссіи, столько-же заботящемуся объ ея интересахъ, сколько пекущемуся и о процвѣтаніи музея. Можно думать, что отъ такого слитія музей не пострадаетъ, такъ какъ въ отчетномъ году музей тамбовскій, образующійся орловскій и рязанскій обогатились множествомъ важнѣйшихъ предметовъ древности.

4. Близко вращаясь въ области древнихъ сокровищъ, архивныя коммиссіи и въ отчетномъ году, также какъ въ предъидущемъ, принимаютъ мѣры для охраненія предметовъ древности. Особенную энергію въ этомъ направленіи выказала опять таки рязанская коммиссія. По ея ходатайству высокопреосвященный архіепископъ рязанскій Θеоктистъ сдѣлалъ распоряженіе по епархіи, чтобы передѣлка и исправленіе церковныхъ строеній, построенныхъ ранѣе средины XVIII вѣка, разрѣшались консисторіею не иначе, какъ по предварительному сношенію съ архивною коммиссіею; вслѣдствіе этого консисторіею составленъ и архивною коммиссіею провѣренъ особый списокъ всѣхъ церковныхъ строеній, воздвигнутыхъ ранѣе половины прошедшаго столѣтія. Кромѣ того, коммиссія возбудила предъ епархіальнымъ начальствомъ и другое ходатайство—чтобы реставрированіе древнихъ иконъ производилось не иначе, какъ съ разрѣшенія архивной коммиссіи, которая будетъ брать на себя посредничество въ пріисканіи опытнаго художника.

III.

То, что въ первомъ году дѣятельности ученыхъ архивныхъ коммиссій явилось весьма смѣлымъ починомъ, что мы привѣтствовали, какъ дѣло чрезвычайной важности, хотя и опасались, чтобы первыми удачами и не ограничилось все дѣло, это—печатаніе историческихъ и юридическихъ документовъ,—не только не ослабѣло въ отчетномъ году, но, напротивъ, представляетъ такое отрадное расширеніе, что наши архивныя коммиссіи завоевываютъ вниманіе и уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Въ отчетномъ году коммиссіи напечатали цѣлую серію весьма важныхъ документовъ, именно 88 актовъ и описи нѣкоторыхъ архивовъ.

Именно, тверская коммиссія въ своихъ журналахъ помѣстила цѣликомъ одинъ документъ (отрывокъ изъ записной книжки 1753 г. новоторжскаго бургомистра Морозова о поднесеніи хлѣба-соли императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и о всемилостивѣйшемъ прощеніи жителей г. Торжка за учиненную ими драку съ придворнымъ лакеемъ, сопровождавшимъ гардеробъ государыни) и описаніе 30 документовъ, преимущественно XVII ст.

Тамбовская коммиссія, въ приложеніяхъ къ своимъ журналамъ, напечатала 16 открытыхъ ею документовъ и описи архива.

Рязанская коммиссія, въ приложеніяхъ къ своимъ журналамъ, напечатала 63 документа, изъ коихъ нѣкоторые представляютъ большую важность, и списокъ матеріаловъ по археографіи рязанскаго края, составленный И. Ѳ. Токмаковымъ [1]).

Костромская коммиссія приступила въ отчетномъ году къ печатанію въ Костромскихъ губ. вѣдомостяхъ «Содержанія рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевскаго монастыря». Такъ какъ изготовлены 70 отдѣльныхъ оттисковъ, то получится новый, весьма важный, сборникъ историческихъ актовъ. Уже напечатано 8 грамотъ XVII ст.

---

[1]) О трудахъ Рязанской ученой архивной коммиссіи помѣщена обширная статья въ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г., т. LIV, апр., стр. 185—216а и 562. Ред.

IV.

Внутренняя сторона молодой еще жизни нашихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій представляетъ опять много привлекательнаго. Скромныя единенія добровольныхъ тружениковъ, принявшія на себя важныя научныя задачи, сдѣлались въ силу только выполненія этихъ задачъ, мѣстными историческими обществами, засѣданія которыхъ, посвящаемыя только научнымъ бесѣдамъ о дѣлахъ прошедшихъ, все болѣе и болѣе завоевываютъ къ себѣ вниманіе со стороны мѣстной интеллигенціи. Благодѣтельное покровительство, встрѣченное коммиссіями со стороны мѣстныхъ просвѣщенныхъ архипастырей, не только охранило на первыхъ порахъ собранія этихъ новыхъ въ Россіи ученыхъ обществъ, но и доставило имъ самобытное существованіе въ губерніяхъ. Оттого уже на второй отчетный годъ дѣятельности коммиссій новыя лица стремятся вступить въ члены коммиссій: желаніе принять участіе въ ихъ работахъ расширяется, и самое званіе члена коммиссіи начинаетъ пріобрѣтать почетъ и значеніе.

Такъ, къ 19 членамъ тверской коммиссіи въ отчетномъ году присоединилось новыхъ 10 членовъ, между которыми имѣются почтенные представители судебнаго персонала и учебнаго міра.

Тамбовская коммиссія имѣетъ уже 46 членовъ, между которыми имѣются и лица духовныя, и преподаватели, и члены судовъ, и присяжные повѣренные, и врачи, и архитекторы. (Въ отчетномъ году прибавилось 7).

Въ орловской коммиссіи всѣхъ членовъ къ 1 января 1887 г. было уже 64, въ рязанской—71 (въ отчетномъ году прибавилось 10 членовъ); костромская коммиссія обогатилась 23 новыми членами.

Этотъ выгодный ростъ личнаго состава архивныхъ коммиссій объясняется какъ полнѣйшимъ интересомъ сообщеній и бесѣдъ въ собраніяхъ коммиссій, такъ и весьма почтенными учено-литературными трудами многихъ членовъ каждой изъ этихъ пяти коммиссій. Въ отчетномъ году, кромѣ спеціальныхъ, чисто архивныхъ, своихъ работъ, многіе члены обогатили русскую историческую литературу немаловажными вкладами.

Такъ, почтенный предсѣдатель тверской коммиссіи, г. Жизневскій, кромѣ печатанія описи предметовъ, пріобрѣтенныхъ музеемъ въ 1885 г., (въ Тверскихъ губ. вѣдомостяхъ), напечаталъ въ Трудахъ моск. археолог. общества нумизматическій отдѣлъ тверскаго музея. Протоіерей В. Ѳ. Владиславлевъ, въ редактируемыхъ имъ Тверскихъ

епархіальныхъ вѣдомостяхъ, напечаталъ рядъ (12) статей по исторіи Тверскаго края и приготовилъ уже къ печати Обозрѣніе копіи съ хранящихся въ селѣ Путани писцовыхъ книгъ 1540—1627 и 1628 гг.

Священникъ В. Л. Успенскій окончилъ начатый имъ въ 1885 г. «Лѣтописный сборникъ положительныхъ свѣдѣній объ Осташковѣ до 1772 г.» и Житіе преподобнаго Нила, Столобенскаго Чудотворца.

Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ написалъ «Изслѣдованіе объ исторіи княжества Ржевскаго».

И. А. Ѳедоровъ «О состояніи сафьянаго дѣла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ».

Н. А. Криницкій помѣстилъ въ Тверскихъ епарх. вѣдомостяхъ: «Къ 100-лѣтнему юбилею въ Бозѣ почившаго московскаго митрополита, высокопреосвященнаго Филарета».

В. И. Колосовъ, кромѣ статей по русской церковной исторіи, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, помѣстилъ въ Тверскихъ епарх. вѣдомостяхъ: а) Книга памяти тверской семинаріи ректора, Желтикова монастыря архимандрита Макарія; б) Историческія свѣдѣнія о тверской семинаріи; в) Историческая замѣтка о днѣ открытія тверской духовной семинаріи,—и приготовлена была къ печати (въ нынѣшнемъ году и напечатанная) «Тверскіе филантропы XVIII ст.».

Членъ орловской коммиссіи, Г. М. Пясецкій, напечаталъ: а) Историческое описаніе Орловскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря и б) Жизнеописаніе блаженной памяти игумены и схимонахини Серафимы, бывшей настоятельницы Орловскаго Введенскаго монастыря.

Н. П. Барышниковъ напечаталъ: «Императрица Екатерина въ Орловской губерніи».

Членъ костромской коммиссіи, С. И. Ширскій, собралъ данныя для некролога извѣстнаго изслѣдователя старины, протоіерея Діева.

Почтенныя литературныя работы членовъ коммиссій также оказываютъ содѣйствіе къ развитію единенія между коммиссіями, стремленіе къ которому проявилось и въ первомъ году, а въ отчетномъ году выразилось:

1) въ сообщеніи коммиссіями одна другой своихъ журналовъ съ ихъ приложеніями;

2) въ избраніи коммиссіями въ свою среду членовъ другихъ коммиссій;

3) въ сообщеніи одною коммиссіею другой находимыхъ ею документовъ и касающихся другой коммиссіи. Такъ, для примѣра, можемъ указать, что орловская ученая коммиссія не могла не оцѣнить всей

выгоды проявляющагося единенія, когда въ отчетномъ году почтенный предсѣдатель тамбовской коммиссіи препроводилъ ей весьма важный для орловской коммиссіи документъ—жалобу ельчанъ, поданную царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову и патріарху Филарету Никитичу на притѣсненія, имъ дѣлаемыя бояриномъ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ.

V.

Переходя къ обозрѣнію финансовой стороны положенія ученыхъ архивныхъ коммиссій, я долженъ повторить то замѣчаніе, которое сдѣлалъ въ прошлогоднемъ отчетѣ, именно, что эта сторона самая бѣдная, и что эти пять коммиссій продолжаютъ пребывать самыми дешевыми установленіями въ мірѣ.

Именно, кромѣ отпущенныхъ въ отчетномъ году, по ходатайству археологическаго института, г. министромъ юстиціи, по 300 р. на каждую изъ четырехъ первыхъ коммиссій и 200 р. на костромскую для расходовъ по разбору и описанію архивовъ судебныхъ мѣстъ,—бюджетъ каждой изъ пяти коммиссій болѣе, чѣмъ скроменъ, и къ сожалѣнію и археологическій институтъ, по той же причинѣ скромности своихъ средствъ, долженъ былъ только поощрять скромность коммиссій.

Дѣйствительно, вотъ ихъ бюджеты въ отчетномъ 1886 году:

Тверская коммиссія имѣла въ своемъ распоряженіи только 200 рублей, посланные ей археологическимъ институтомъ. Изъ этихъ денегъ употреблено:

На устройство помѣщенія историческаго архива	42 р. 75 к.
» покупку стульевъ	46 » — »
» » подсвѣчниковъ	5 » — »
и на отопленіе	7 » — »

Остатокъ 97 р. 65 к. перешелъ на 1887 годъ.

Тамбовская коммиссія не имѣла въ отчетномъ году никакихъ источниковъ дохода, и просуществовала на денежныя средства, которыя давалъ ея непремѣнный попечитель, ревностный оберегатель ея интересовъ, губернаторъ баронъ А. А. Фредериксъ. Съ 1887 г. она положила установить членскій взносъ, въ размѣрѣ не менѣе 3-хъ рублей съ каждаго члена.

Рязанская коммиссія нѣсколько богаче.

Ея приходъ:

Оставалось къ 1 января 1886 г. . .	16 р.	78 к.
Поступило членскихъ взносовъ . .	250 »	
Выручено отъ продажи изданій . .	3 »	
Итого . .	269 р.	78 к.

Расходъ:

Мебель и шкафы	32 р.	15 к.
Доплата за портретъ Калачова и за рамку на портретъ кн. Гагарина .	34 »	20 »
Пріобрѣтеніе находокъ для музея . .	26 »	85 »
Пріобрѣтеніе книгъ	25 »	50 »
Переплеты	7 »	56 »
Раскопки	17 »	54 »
Канцелярскіе расходы	8 »	
Типографіи	7 »	35 »
Мелочные	18 »	64 »
Итого . .	177 р.	79 к.
Остатокъ	91 р.	99 к.

Орловская коммиссія прожила на членскіе взносы:

Отъ прежняго года ихъ оставалось неизрасходованными	38 р.	47 к.
Вновь поступило	48 »	
Итого . .	86 р.	47 к.

Израсходовано:

За переписку описей, отчетовъ, журналовъ и перевозку дѣлъ, всего . .	10 р.	90 к.
Осталось на слѣдующій годъ . . .	75 »	57 »

Костромская, по скромности, совсѣмъ умолчала о своемъ бюджетѣ.

Небогатыя денежными приходами, всѣ коммиссіи, однако, и въ отчетномъ году обогатились многими пожертвованіями книгъ въ образующіяся при нихъ архивахъ библіотеки и вещей въ ихъ музеи.

Вотъ коротенькія данныя о дѣятельности пяти архивныхъ коммиссій въ 1886 г. Но и эти данныя способны вызвать благодарность и уваженіе со стороны просвѣщенныхъ цѣнителей. Сколько новаго внесено этими безкорыстными тружениками въ область научную, сколько новыхъ и важныхъ документовъ ими напечатано, сколько сдѣлано для созданія новыхъ историческихъ архивовъ, сколько возбуждено стремленій по охраненію родной старины, сколько вызвано вниманія къ вопросамъ историческимъ. Безкорыстныя научныя работы и

заключаютъ въ себѣ то чарующее, что не только самихъ работниковъ поднимаютъ изъ области мелкихъ матеріальныхъ интересовъ въ высокія области мысли и анализа, но вмѣстѣ съ ними поднимаютъ и общество, среди котораго они работаютъ и дѣйствуютъ: внимающіе имъ, съ уваженіемъ смотрящіе на воздвигаемое ими дѣло, тѣмъ самымъ, незамѣтно для себя, вмѣстѣ съ ними поднимаются, движутся впередъ. И размышляя объ этихъ скромныхъ, но уже видныхъ научныхъ работахъ, размышляя о значеніи научнаго труда, по привычкѣ ли, а можетъ быть уже и по природѣ, я переношусь мыслію къ с.-петербургскому университету, — вспоминается его симпатичный пѣвецъ, покойный Подолинскій, вспоминается и послѣдній стихъ его добраго посланія къ университету,—стихъ, въ которомъ такъ вѣрно звучитъ утѣшающая и ободряющая истина, тотъ стихъ, который спб. университетъ сдѣлалъ своимъ девизомъ:

„Гдѣ высоко стоитъ наука,
„Стоитъ высоко человѣкъ".

И. Е. Андреевскій.

Баженины.

Купеческій родъ гор. Архангельска.

Въ іюльской книгѣ изд. 1887 г. журнала „Русская Старина“, въ интересной статьѣ Н. В. Латкина — „Купеческій родъ гор. Архангельска — Баженины“ — есть нѣсколько неточностей, а именно: годъ смерти послѣдняго изъ рода Баженинныхъ, Никифора Степанова, не 1863-й, а 1861-й (въ іюнѣ); изъ трехъ оставленныхъ имъ дочерей и по настоящее время (1887 г.) всѣ здравствуютъ, а не двое только; средняя и младшая замужемъ не за „братьями“ Платуновыми, какъ пишетъ г. Латкинъ, а мужъ средней дочери—родной дядя мужу младшей.

У младшей дочери (моей матери) имѣется медальонъ Петра Великаго собственноручной государя работы, подаренный имъ предку ея, Діонисію Ѳедорову Баженину [1]). Прилагая при этомъ фотографическій снимокъ съ медальона, предоставляю на ваше усмотрѣніе — помѣстить его въ „Русской Старинѣ“. Рѣзанъ онъ на бакаутовомъ деревѣ; размѣръ его: $5^3/_8$ д. въ діаметрѣ, а самый овалъ, гдѣ портретъ—большая ось 3 д. и малая $2^3/_4$ дюйма.

Н. Н. Платуновъ.

Гор. Слободской, Вятской губерніи.

Лузинъ.

Необходимо оговорить, что напечатанное въ 10-й книгѣ изд. 1887 г. „Русской Старины“, Прошеніе кригсъ-комиссара Лузина Павлу I было помѣщено по другому списку въ „Русскомъ Архивѣ“, изд. 1873 г., кн. I, стр. 645, гдѣ напечатана и резолюція императора Павла Петровича: „Выдать ему дураку 2,000 руб “.

Сообщ. А. Чичеринъ.

20 окт. 1887 г.

---

[1]) О немъ упоминается въ статьѣ Н. В. Латкина. Н. П.

1787—1887 гг.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

БАТЮШКОВЪ

род. 18-го мая 1787 г.

Привѣты и отклики по поводу сочиненій К. Н. Батюшкова, явившихся въ изданіи, исполненномъ его братомъ, П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1887 г. Три тома.

РОД. 1787 Г., † 7-ГО ІЮЛЯ 1855 Г.
ВЪ ВОЛОГДѢ.

Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданы П. Н. Батюшковымъ, со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Спб. 1885—1887 гг., типографія В. С. Балашова, въ б. 8-ю долю:

Томъ первый. Предисловіе издателя, стр. I—XXVII; о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, — изслѣдованіе Л. Н. Майкова, съ прилож. документовъ и указателя личныхъ именъ, стр. 1—360; стихотворенія, стр. 1—298; примѣчанія и указатель личныхъ именъ, стр. 299—463.

Къ первому тому приложенія: на мѣди гравированный профессоромъ И. П. Пожалостинымъ портретъ К. Н. Батюшкова, исполненный въ 1883 г., съ портрета знаменитаго Кипренскаго (1815 г.); два снимка съ гравированныхъ виньетокъ 1817 г. къ собранію сочиненій Батюшкова; снимокъ съ автографа—письма поэта Батюшкова.

Томъ второй: Проза, стр. 374; примѣчанія и указатель личныхъ именъ, стр. 375—585.

Томъ третій: Письма, стр. XV+594;—примѣчанія, дополненія и указатель личныхъ именъ, стр. 595 по 804.

Цѣна за три тома 15 руб. съ пересылкою.

Примѣчаніе. Отмѣтимъ здѣсь, что сочиненія К. Н. Батюшкова въ указанномъ здѣсь изданіи были напечатаны въ числѣ 2,135 экземпляровъ и вышли въ свѣтъ 3-го апрѣля 1887 г.; изъ нихъ 300 экз. почтенный издатель разослалъ въ даръ разнымъ лицамъ, учебнымъ и другимъ учрежденіямъ и редакторамъ различныхъ изданій; затѣмъ къ 1-му ноябрю 1887 г. продано 1,371 экземпляръ, оставалось къ помянутому числу у издателя 464 экземпляра.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

1787 $\frac{\text{мая}}{18}$ 1887.

I.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1887-го года русская литература имѣла свой дорогой праздникъ: былъ день столѣтней годовщины рожденія поэта Батюшкова, этого талантливаго предтечи великаго Пушкина,—Батюшкова, этого вполнѣ классическаго писателя, на прелестныхъ произведеніяхъ котораго изучало отечественный языкъ нѣсколько поколѣній и будутъ изучать грядущія поколѣнія дотолѣ, доколѣ русское слово останется предметомъ изученія.

Праздникъ ознаменованъ созданіемъ величаваго памятника.

Помпей Николаевичъ Батюшковъ на сооруженіе сего памятника положилъ много энергіи, заботъ, много средствъ матеріальныхъ, а приглашенные имъ къ дѣлу Л. Н. Майковъ и В. И. Саитовъ приложили свои обширныя знанія и необыкновенное трудолюбіе, оживленное искреннею любовью къ памяти поэта и его твореніямъ.

Мы говоримъ о роскошномъ, во всѣхъ отношеніяхъ образцовомъ, изданіи полнаго собранія сочиненій К. Н. Батюшкова, явившемся въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1887 г., въ С.-Петербургѣ.

Въ «Русской Старинѣ» [изд. 1887 г., т. LIV, май, стр. 505—565] мы представили обширное обозрѣніе помянутаго изданія и, смѣемъ думать, вполнѣ обстоятельную оцѣнку труда біографа Батюшкова и редактора его сочиненій.

Нашимъ полнымъ искренности и увлеченія привѣтомъ столь высоко замѣчательнаго акта въ исторіи русской литературы, каково изданіе П. Н. Батюшковымъ полнаго собранія сочиненій его брата, мы упредили отзывы почти всѣхъ, безъ исключенія, органовъ періодической русской печати.

Всѣ ихъ отзывы, явившіеся вслѣдъ за обширною статьею «Русской Старины», слились въ общій гулъ похвалъ поэту, а также издателю и редактору его твореній.

Сохранимъ здѣсь, въ сообщеніи М. И. Городецкаго, перечень газетъ и журналовъ, съ указаніемъ тѣхъ нумеровъ, въ которыхъ появились статьи о помянутомъ изданіи. Историку русской литературы этотъ перечень понадобится впослѣдствіи, а почитателямъ памяти даровитаго поэта онъ и теперь интересенъ.

1) „Русская Старина", май 1887 г., съ портретомъ (книга вышла 1-го мая).
2) „Наблюдатель", май, 1887 г. (книга вышла 15 мая).
3) „Звѣзда" отъ 16 мая 1887 г., № 20, съ портретомъ.
4) „Всемірная Иллюстрація" отъ 16 мая 1887 г., томъ XXXVII, № 21 (957), съ портретомъ.
5) „Новости" отъ 18 мая, № 134, отъ 1 и 8 іюля, №№ 177 и 184. Отъ 29 мая, № 144.
6) „Сынъ Отечества" отъ 18 мая, № 125.
7) „Петербургскія Вѣдомости" отъ 18 мая, № 135.
8) „Минута" отъ 18 и 21 мая.
9) „Московскія Вѣдомости" отъ 18 мая, № 135.
10) „Нижегородскій Биржевой Листокъ" 20 мая, № 112.
11) „Новое Время" отъ 19 мая № 4,029, 21 мая № 4,031 и 26 мая № 4,035.
12) „Петербургскій Листокъ" 20 мая № 134 и 21 мая № 135.
13) „Рижскій Вѣстникъ", отъ 20 мая № 108.
14) „Варшавскій Дневникъ" отъ 16, 22, 27 и 30 мая, №№ 106, 110, 113 и 115.
15) „Южный Край" отъ 21 мая, № 2,195.
16) „Историческій Вѣстникъ", іюнь, съ портретомъ.
17) „Гражданинъ".
18) „Вологодскія Губернскія Вѣдомости" 22 мая, № 21.
19) „Современныя Извѣстія" 16 августа, № 224.
20) „Вѣстникъ Европы", сентябрь, 1887 г.

Но кромѣ отзывовъ, явившихся въ печати, явились и письменные отклики русскихъ людей, по поводу столь крупнаго, столь знаменательнаго и по послѣдствіямъ въ высокомъ дѣлѣ образованія русскихъ молодыхъ поколѣній столь плодотворнаго событія, каково появленіе изданія полнаго собранія сочиненій Батюшкова.

Эти отклики явились въ письмахъ множества лицъ, къ издателю, т. е. къ Помпею Николаевичу Батюшкову, обращенныхъ.

Мы упросили, въ видахъ общаго интереса, каковой представляютъ таковые отзывы, дать намъ прочесть означенныя письма и привести изъ нихъ нѣсколько выписокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отклики русскихъ людей, написанные подъ пер-

вымъ, самымъ живымъ, впечатлѣніемъ просмотра роскошнѣйшаго изданія твореній поэта, весьма интересны.

И вотъ теперь, въ виду предстоящаго въ ноябрѣ сего года торжества поминокъ — дорогой для образованнаго русскаго общества — памяти К. Н. Батюшкова, поминокъ, предназначенныхъ къ совершенію въ императорской академіи наукъ, считаемъ мы вполнѣ своевременнымъ привести на страницахъ «Русской Старины» помянутыя выписки.

Прежде, однако, чѣмъ приводить ихъ, напомнимъ, что издатель сочиненій К. Н. Батюшкова, Помпей Николаевичъ, былъ осчастливленъ Высочайшею благодарностью за исполненный имъ трудъ:

— «Государь Императоръ, благосклонно принявъ экземпляръ изданнаго вами полнаго собранія сочиненій покойнаго вашего брата Константина Николаевича,—писалъ къ П. Н. Батюшкову, 7 апрѣля 1887 г., генералъ-адъютантъ Рихтеръ,—высочайше соизволилъ мнѣ поручить выразить вамъ искреннюю Его Величества благодарность».

Въ собственноручныхъ рескриптахъ и въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ прислали привѣты и благодарность издателю ихъ императорскія высочества в. к. Владиміръ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ.

— «Какое великолѣпное изданіе!—пишетъ г. министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ,—сейчасъ-же (7-го апрѣля 1887 г.) примусь за чтеніе біографіи Константина Николаевича, еще разъ благодарю...»

— «Спѣшу искренно благодарить васъ за это изданіе. Слава и честь вамъ за такое прекрасное и обстоятельное его выполненіе. Это изданіе воскрешаетъ въ мысли нашей цѣлую эпоху, къ которой относится поэтическая дѣятельность вашего брата. Душевно преданный К. Побѣдоносцевъ (6-го апрѣля 1887 г.)».

— «О наслажденіи, какое доставилъ мнѣ просмотръ великолѣпнаго изданія сочиненій Константина Николаевича Батюшкова, распространяться не буду, писалъ 3-го апрѣля академикъ Я. К. Гротъ. Довольно сказать, что вы этимъ изданіемъ воздвигли тройной памятникъ, давъ и редактору Л. Н. Майкову возможность заявить себя почетнымъ и прочнымъ образомъ. Портретъ К. Н. Батюшкова (гравюра Пожалостина) замѣчательно хорошъ и также послужитъ къ чести русскаго художника».

— «Новое изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова, пишетъ 7-го апрѣля 1887 г. маститый историкъ русской литературы А. Д. Галаховъ, по своему достоинству, внутреннему и внѣшнему, стоитъ рядомъ съ академическимъ изданіемъ Державина. Превосходно изложенная

біографія, полнота и точность провѣреннаго текста, какъ стихотворнаго, такъ и прозаическаго, интересъ писемъ, обиліе приложеній и примѣчаній—совершенно удовлетворяютъ самаго взыскательнаго читателя.

«Наконецъ, продолжаетъ А. Д. Галаховъ,—мы имѣемъ два изданія, соотвѣтственныя значенію лицъ! Но Державинъ—поэтъ XVIII вѣка. Къ намъ ближе поэтическій тріумвиратъ вѣка XIX-го. Одинъ изъ тріумвировъ теперь передъ нами: остаются Жуковскій и Пушкинъ. Богъ дастъ, наступитъ и ихъ очередь».

— «Поздравляю съ блестящимъ окончаніемъ вашего труда, писалъ 15-го мая 1887 г. П. Н. Батюшкову Дм. Ѳед. Самаринъ: изданіе превосходно во всѣхъ отношеніяхъ; статья Майкова, я ее только что прочелъ, написана съ большимъ талантомъ. Но задача ваша еще не окончена: вамъ надобно, кромѣ этого роскошнаго изданія, выпустить другое—дешевое, чтобы дать возможность учащейся молодежи ознакомиться съ сочиненіями К. Н. Батюшкова».

— «Такое классическое изданіе твореній славнаго русскаго поэта, совершенное трудами почтеннѣйшаго Леонида Николаевича Майкова, дѣлаетъ честь нашему времени. Оно обезсмертитъ ваше имя въ лѣтописяхъ отечественной литературы». (Членъ археографической коммиссіи А. П. Барсуковъ, письмо 12-го апрѣля).

— «Отъ души привѣтствую васъ съ блистательнымъ исполненіемъ во истину патріотическаго предпріятія — изданія полнаго собранія сочиненій К. Н. Батюшкова». (Членъ археографической коммиссіи Н. П. Барсуковъ, 13-го апрѣля).

— «Ваше изданіе является такимъ капитальнымъ событіемъ, что передъ нимъ блѣднѣютъ всѣ юбилярныя изданія Пушкина и на сравненіе напрашивается лишь академическое изданіе Державина. Трудъ Л. Н. Майкова и комментаріи къ сочиненіямъ К. Н. придаютъ вашей книгѣ значеніе цѣлаго курса исторіи русской литературы въ началѣ нашего столѣтія. Великое вамъ спасибо за прекрасный и полезный подарокъ всѣмъ любителямъ словесности». (Членъ археографической коммиссіи М. А. Веневитиновъ, 6-го мая 1887 г.).

— «Поздравляю васъ съ прекраснымъ исполненіемъ давнишняго завѣтнаго вашего намѣренія—изданія сочиненій К. Н. Батюшкова. Сколько новаго, важнаго, разъясненнаго! Честь вамъ и благодарность отъ всѣхъ друзей здороваго русскаго просвѣщенія». (П. И. Бартеневъ, 29-го апрѣля).

— «Изслѣдованіе Л. Н. Майкова о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова безупречно хорошо; это одинъ изъ самыхъ лучшихъ его трудовъ, прямо сказать—образцовый трудъ. Въ особой и довольно обширной статьѣ для моей «Русской Старины», мною составленной

(и въ ней, въ книгѣ V, изд. 1887 г., напечатанной), я выяснилъ, какъ умѣлъ, горячо и искренно, всѣ достоинства какъ монографіи г. Майкова, такъ вообще редакціи и внѣшности всего монументальнаго изданія сочиненій Батюшкова. Примите выраженія моей признательности какъ лица, которое съ особеннымъ наслажденіемъ прочло изданіе ваше, явившееся истиннымъ подаркомъ для всей образованной Россіи и не только современнаго, но и длиннаго ряда грядущихъ поколѣній». (М. И. Семевскій, 20-го апрѣля 1887 г.).

Глубоко сердеченъ откликъ статсъ-секретаря Ѳ. Ооома (Государыни Императрицы), сына той прелестной и высоконравственной особы—современницы К. Н. Батюшкова, которая въ жизни нашего поэта была свѣтлымъ для него явленіемъ: «Роскошно собраніе сочиненій покойнаго брата вашего. Цѣнно оно мнѣ и по тѣмъ страницамъ, которыя посвящены имъ памяти моей матери, которой я обязанъ всѣмъ и благодарныя чувства къ которой могутъ угаснуть только вмѣстѣ съ жизнею моею. Если я всегда почиталъ поэта Батюшкова, то чувствовалъ какую-то нравственную съ нимъ связь, какъ съ человѣкомъ, который умѣлъ цѣнить всѣ достоинства той дѣвушки, которая впослѣдствіи сдѣлалась и всю жизнь свою оставалась мнѣ нѣжнѣйшею матерью». (4-го апрѣля 1887 г.).

Въ высшей степени интереснымъ и, въ автобіографическомъ отношеніи, весьма важнымъ является вызванное появленіемъ изданія П. Н. Батюшкова письмо къ нему (отъ 12-го апрѣля 1887 г.) славнаго поэта Аполона Николаевича Майкова. Приводимъ этотъ документъ цѣликомъ:

— «Несказанное удовольствіе доставило мнѣ чтеніе вашего изданія! Сочиненія Константина Николаевича Батюшкова для меня особенно дороги: я помню, что въ юношествѣ моемъ, когда я началъ писать стихи, его произведенія, а именно: «Умирающій Тассъ», «На развалинахъ замка въ Швеціи», «Я берегъ покидалъ туманный Альбіона», «Есть наслажденіе», которыя я всѣ знаю наизустъ отъ начала до конца, и потомъ «Антологія греческая»—имѣли главное и рѣшающее вліяніе на образованіе моего слуха и стиха. Пушкинское вліяніе уже легло на эту почву. Все это я живо припомнилъ и только теперь понялъ и утверждаю тотъ фактъ, для меня несомнѣнный, перечитавъ залпомъ всѣ стихотворенія К. Н. Читая, я уже подсказывалъ себѣ впередъ что̀ за тѣмъ слѣдуетъ. А ужъ красота изданія, это кажется послѣднее слово нынѣшняго типографскаго искусства, руководимаго изящнымъ вкусомъ. Сожалѣю, что стѣсненъ въ отзывѣ моемъ о біографіи: писалъ ее очень ужъ мнѣ близкій человѣкъ [1]). Но

[1]) Аполлонъ Николаевичъ и Леонидъ Николаевичъ Майковы — родные братья. Ред.

не могу не замѣтить, что отъ этой близости біографія много выиграла. Автору ея изъ жизни извѣстны многія тайны поэтическаго творчества; онъ знаетъ, напримѣръ, что стихи пишутся не какъ репортерныя статейки тотчасъ въ минуту впечатлѣнія, а всегда тогда, когда впечатлѣніе уляжется, осмыслится и приметъ свой опредѣленный образъ, иногда очень много времени послѣ факта; отчего онъ и не впалъ въ безполезныя и, по моему нелѣпыя, розысканія разныхъ ненужныхъ датъ и подробностей (напримѣръ, въ родѣ: въ какомъ платьѣ была такая-то, когда встрѣтилъ ее поэтъ). И засимъ главное, что у него прослѣжено, это развитіе и поднятіе все выше и выше поэтической творческой силы въ поэтѣ и постепенное и постоянное расширеніе горизонта его зрѣнія. Вотъ этого внутренняго интереса изображаемаго лица, какъ поэта, я не видалъ ни въ одной русской біографіи. Объ изображеніи такъ называемой среды ничего не говорю, это не ново, и особенно успѣшно обработывалось нашими біографами и критиками, но въ этой внѣшности у нихъ обыкновенно и тонетъ образъ главнаго-то лица.

«Итакъ, къ драгоцѣннымъ воспоминаніямъ и признанію, чѣмъ я обязанъ вашему брату, я, благодаря вамъ, долженъ и могу присоединить радость, сказавъ, что «доволенъ и своимъ братомъ». И за все это вамъ сердечное спасибо, честь и слава!»

— «Прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ и для всѣхъ драгоцѣнно изданіе сочиненій вашего покойнаго брата, писалъ Помпею Николаевичу, отъ 19-го мая 1887 г., уважаемый историкъ и предсѣдатель Императорскаго Московскаго Общества исторіи — И. Е. Забѣлинъ: славная память Константина Николаевича Батюшкова, такъ полно и всесторонне оживленная этимъ превосходнымъ памятникомъ, да сохранится на вѣки, на бо́льшую славу русской литературы».

Оставляя въ сторонѣ, за недостаткомъ мѣста, отзывы многихъ другихъ лицъ, письма которыхъ лежатъ передъ нами, закончимъ наши выписки мнѣніями, высказанными о новомъ изданіи сочиненій Батюшкова профессорами русской словесности въ университетахъ дерптскомъ — П. А. Висковатовымъ и московскомъ — Н. С. Тихонравовымъ:

— «Я въ правѣ назвать К. Н. Батюшкова дорогимъ мнѣ поэтомъ,—пишетъ 30 мая 1887 г. П. А. Висковатовъ: многіе годы читаю я о немъ съ каѳедры, посвящая по нѣсколько лекцій разбору его произведеній. Я съ дѣтства любилъ этого славнаго поэта, вліяніе коего на Пушкина было, по моему мнѣнію, сильнѣе вліянія Жуковскаго.

«Я увѣренъ,—продолжаетъ г. Висковатовъ,—что прекрасное ваше изданіе вызоветъ наставниковъ и профессоровъ нашей словесности

къ слову сочувствія, которое найдетъ отголосокъ въ молодежи, интересующейся славою нашею, нашими представителями ума и таланта».

Съ своей стороны, извѣстный ученый и московскій профессоръ русской словесности, бывшій предсѣдатель Общества Любителей Рос. Словесности при московскомъ университетѣ, въ каковомъ Обществѣ П. Н. Батюшковъ имѣлъ честь состоять почетнымъ членомъ,—Н. С. Тихонравовъ писалъ, 1 іюня 1887 г., къ издателю сочиненій К. Н. Батюшкова такъ:

— «Въ русской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ сколько нибудь удовлетворительныхъ изданій классическихъ русскихъ писателей. До послѣдняго времени издатели только исправляли по своему, т. е. портили текстъ, русскихъ классиковъ. Такое фривольное обращеніе съ нашими «образцовыми» писателями началось съ XVIII вѣка и первою жертвою усердія издателей былъ Кантемиръ. На немъ не остановились. Сочиненія Ломоносова изданы были съ поправками Козодавлева; сочиненія Сумарокова—безобразно изданы Новиковымъ; Фонъ-Визинъ «исправленъ» по рукописямъ будто-бы въ изданіи Бекетова; Жуковскій съ товарищами «поправилъ» текстъ Пушкина въ посмертномъ изданіи «Сочиненій»; Жуковскаго «поправили» Блудовъ и Сербиновичъ; N. N. не мало также принялъ грѣха, издавая крайне небрежно русскихъ классиковъ.... У насъ установилась какая-то традиція—издатель долженъ «поправить» издаваемаго автора. Дошло до того, что ко времени пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина не нашлось въ Россіи ни отдѣльнаго лица, ниже общества, которое оказалось бы въ состояніи издать удовлетворительно творенія великаго поэта... Единственнымъ исключеніемъ изъ традиціонныхъ пріемовъ изданія классиковъ является у насъ академическое изданіе «Сочиненій Державина», совершенное трудами Я. К. Грота. Вы подарили нашей литературѣ изданіе произведеній вашего брата, которое ни въ чемъ не уступаетъ, по своимъ ученымъ достоинствамъ, академическому изданію Державина. Слѣдуетъ желать, чтобы примѣръ, вами поданный, нашелъ себѣ побольше послѣдователей, т. е. чтобы ваше изданіе твореній К. Н. Батюшкова убѣдило нашихъ издателей, что только добросовѣстное изученіе жизни и сочиненій издаваемаго писателя, съ соблюденіемъ требованій литературной критики, можетъ подготовить матеріалъ для классическаго изданія классическаго писателя.

«Къ столѣтней годовщинѣ рожденія К. Н. Батюшкова вы воздвигли ему лучшій памятникъ, какого только можетъ желать писатель: трудами вашими и избраннаго вами редактора Л. Н. Майкова разъяснено значеніе К. Н. Батюшкова въ исторіи нашей литературы,

облегчено изученіе его произведеній молодымъ поколѣніемъ, т. е. въ школахъ наставникамъ данъ въ руки многосторонній и вѣрный комментарій къ сочиненіямъ поэта. Въ русскомъ обществѣ изданіе это должно оживить поэзію и личность одного изъ даровитѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ русскихъ поэтовъ. Позволяю себѣ, однако, высказать вамъ съ совершенною откровенностію одно пожеланіе. Рядомъ съ этимъ ученымъ изданіемъ сочиненій К. Н. Батюшкова, которое по цѣнѣ не можетъ быть многимъ доступно, не слѣдуетъ ли издать общедоступнаго, школьнаго изданія, цѣною не выше одного рубля. Въ это общедоступное изданіе можно не помѣщать ни писемъ, ни біографіи, ни объяснительныхъ примѣчаній къ отдѣльнымъ пьесамъ; но всѣ стихотворенія и всѣ прозаическія статьи слѣдуетъ внести съ необходимыми краткими объясненіями. Теперь, когда ученое изданіе сочиненій К. Н. отпечатано, очень не трудно сдѣлать и общедоступное изданіе. Возможно широкое распространеніе произведеній такого поэта, какъ К. Н. Батюшковъ, въ высшей степени желательно въ интересахъ укрѣпленія въ молодомъ поколѣніи уваженія къ славнымъ писателямъ русскимъ и въ интересахъ расширенія въ нашемъ отечествѣ эстетическаго образованія».

II.

Къ біографіи П. Н. Батюшкова.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ текущаго 1887 г. въ императорской академіи наукъ предположено празднованіе столѣтней годовщины дня рожденія знаменитаго русскаго поэта и писателя Константина Николаевича Батюшкова, исполнившейся 18-го мая 1887 г.

По поводу этого юбилея, въ майской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г. были помѣщены: 1) Очеркъ жизни и дѣятельности К. Н. Батюшкова, съ превосходно исполненнымъ портретомъ его и изображеніемъ памятника на его могилѣ; 2) Замѣтки о полномъ собраніи его сочиненій, и 3) Очеркъ трудовъ и общественной дѣятельности Помпея Николаевича Батюшкова—издателя сочиненій его брата, съ портретомъ его [1]).

Несомнѣнно, на страницахъ «Русской Старины» своевременно

---

[1]) „Русская Старина“, изд. 1887 г., т. LIV, стр. 505—561.

будетъ отведено мѣсто и описанію воспоминанія столѣтней годовщины поэта въ академіи наукъ, въ дополненіе къ тому, что уже было сказано въ этомъ журналѣ о покойномъ поэтѣ.

Съ своей стороны, считаемъ необходимымъ дополнить и очеркъ дѣятельности брата поэта по тѣмъ даннымъ, которыя весьма обязательно доставлены намъ однимъ изъ свидѣтелей патріотической и многополезной дѣятельности Помпея Николаевича по обновленію и возрожденію нашихъ сѣверо-западныхъ окраинъ.

Какъ въ дѣятельности гр. М. Н. Муравьева нельзя усматривать исключительно гонителя поляковъ, яко-бы желавшаго крутыми мѣрами подавленія мятежа отмстить за русскихъ, такъ точно и въ трудахъ П. Н. Батюшкова мы видимъ стремленіе къ очищенію дѣла народнаго образованія въ краѣ не отъ одной только польщизны, но вообще отъ всѣхъ наносовъ, не свойственныхъ русскому краю.

До вступленія П. Н. Батюшкова въ управленіе виленскимъ учебнымъ округомъ, во многихъ школахъ Гродненской губерніи и по преимуществу въ уѣздахъ Бѣлостокскомъ и Бѣльскомъ, при разныхъ фабрикахъ, устроенныхъ нѣмцами, широко распространилось, подъ видомъ конфессіональнаго обученія, нѣмецкое обученіе. Фабриканты Моэсы, Захерты и проч. устроили при своихъ фабрикахъ многолюдныя школы съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ. Мало было бы горя въ томъ, если бы такая система образованія ограничивалась дѣтьми нѣмцевъ фабричныхъ; отчего же нѣмецкимъ дѣтямъ не учиться въ нѣмецкой школѣ, хотя бы и на русской землѣ? Но дѣло въ томъ, что въ эти школы привлекались бѣлоруссы и литвины римско-католическаго исповѣданія и даже крестьянскія дѣти православнаго исповѣданія. Такое же явленіе повторилось и въ Ковенской губерніи, гдѣ частію мѣстными землевладѣльцами, частію же реформатскими пасторами были устроены училища, съ привлеченіемъ педагоговъ-нѣмцевъ, получившихъ образованіе въ кенигсбергской учительской семинаріи. Училища эти по системѣ образованія не только ничего общаго не имѣли съ задачами русской народной школы, но положительно были имъ враждебны. Такая система обученія нашла себѣ покровительство въ извѣстномъ графѣ Кайзерлингѣ и въ виленской реформатской коллегіи, предсѣдателемъ которой въ то время состоялъ суперъ-интендентъ Липинскій, ярый поборникъ польскаго дѣла, выказавшій противодѣйствіе въ замѣнѣ польскаго языка русскимъ, при преподаваніи закона Божія въ слуцкой бывшей реформатской гимназіи, въ то время, какъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа для римско-католиковъ русскій языкъ былъ уже принятъ безъ всякаго протеста со стороны преподавателей-ксендзовъ.

Все это не ускользнуло отъ вниманія П. Н. Батюшкова, зорко слѣдившаго за народнымъ образованіемъ въ краѣ и ревниво охранявшаго русскія начала преподаванія отъ вторженія чуждыхъ элементовъ. Командировавъ сначала въ Гродненскую, а потомъ въ Ковенскую губерніи окружныхъ инспекторовъ В. П. Кулина и Н. Н. Новикова, Помпей Николаевичъ получилъ отъ нихъ характерное описаніе положенія нѣмецкихъ школъ. Въ обширныхъ запискахъ командированныя лица представили любопытную картину германизаціи мѣстнаго не-нѣмецкаго населенія путемъ школъ, облеченныхъ покровомъ конфессіональнаго обученія. Энергическія и рѣшительныя мѣры со стороны попечителя Батюшкова завершились распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшимъ въ февралѣ 1869 г. Этимъ распоряженіемъ прекращена независимость какихъ либо школъ въ краѣ отъ мѣстной училищной администраціи и всѣ школы реорганизованы на разумныхъ основаніяхъ.

Кромѣ характеристики дѣятельности П. Н. Батюшкова, приведенная справка не лишена интереса и въ другомъ отношеніи. Она показываетъ, что исторія германизаціи русскихъ окраинъ восходитъ въ болѣе отдаленную эпоху, чѣмъ это казалось въ наше время; дѣло только въ томъ, что теперь противъ германизаціи приняты законодательныя мѣры, тогда какъ въ 1860-хъ годахъ въ одной изъ важнѣйшихъ нашихъ окраинъ нѣмецкое вторженіе получило сильный отпоръ, благодаря иниціативѣ и энергіи одного лишь лица, съ честію и полнымъ пониманіемъ дѣла выполнившаго предстоявшую задачу.

Другая весьма важная мѣра, предпринятая и выполненная П. Н. Батюшковымъ, состоитъ въ учрежденіи русскихъ женскихъ пансіоновъ въ разныхъ городахъ сѣверо-западнаго края. Мѣра эта имѣетъ немаловажное значеніе, какъ первая и при томъ весьма удачная попытка поставить женское воспитаніе въ краѣ на правильную почву. Съ 1869 г., которому принадлежитъ время открытія упомянутыхъ учебныхъ заведеній, дѣло это остается донынѣ въ томъ направленіи, въ какомъ поставилъ его Помпей Николаевичъ Батюшковъ.

М. И. Г.

21-го сентября 1887 г.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

подлинныя его рукописи

въ изслѣдованіи и описаніи И. Ѳ. Бычкова.

I.

Съ давняго времени ежегодные отчеты, выпускаемые въ свѣтъ Императорскою Публичною Библіотекою въ С.-Петербургѣ, сдѣлались сборниками весьма драгоцѣнныхъ свѣдѣній для лицъ, интересующихся тою или другою отраслью науки вообще, и русскою исторіею, исторіею русской литературы и художествъ въ особенности.

Въ самомъ дѣлѣ, независимо отъ данныхъ какъ статистическихъ, такъ и иныхъ, знакомящихъ съ дѣятельностью перваго въ Россіи по своему значенію общественнаго книгохранилища, помянутые отчеты всегда представляютъ въ текстѣ или въ приложеніяхъ замѣтки, статьи, а иногда и цѣлыя изслѣдованія гг. ученыхъ, трудолюбивыхъ библіотекарей, по всѣмъ отраслямъ наукъ,—изслѣдованія, главнымъ образомъ, состоящія изъ научныхъ описаній тѣхъ или другихъ сокровищъ, хранящихся въ этой богатѣйшей библіотекѣ.

Одинъ изъ таковыхъ трудовъ, и притомъ вполнѣ замѣчательный, помѣщенъ въ приложеніи къ вышедшему въ августѣ мѣсяцѣ сего 1887 года «Отчету Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ»: мы говоримъ о составленномъ однимъ изъ почтенныхъ библіотекарей—онъ же завѣдуетъ рукописнымъ отдѣломъ Императорской Публичной Библіотеки — Иваномъ Ѳедоровичемъ Бычковымъ «Описаніи бумагъ В. А. Жуковскаго». Описаніе это занимаетъ двѣсти страницъ убористой печати и вноситъ множество наидрагоцѣннѣйшихъ данныхъ въ литературную дѣятельность знаменитаго поэта, представляя, между прочимъ, не только массу варьянтовъ уже извѣстныхъ его произведеній, весьма важныхъ для воспроизведенія предъ

читателями всего процесса творчества славнаго поэта, но выводя на свѣтъ и неизвѣстныя доселѣ произведенія Жуковскаго.

Въ этомъ-же трудѣ И. Ѳ. Бычкова—очень много поправокъ къ тексту послѣдняго восьмаго изданія (Спб. 1885 г.) сочиненій В. А. Жуковскаго, каковой текстъ внимательно сличенъ трудолюбивымъ изыскателемъ съ подлинными рукописями поэта, при чемъ И. Ѳ. установлены точныя указанія на время написанія той или другой пьесы, на имена лицъ, къ которымъ нѣкоторыя изъ нихъ писаны, и представлено не мало драгоцѣннѣйшихъ данныхъ къ біографіи Жуковскаго и характеристикѣ той сферы, въ которой онъ жилъ и трудился. Совершенно понятно, что отнынѣ ни новое изданіе сочиненій В. А. Жуковскаго, ни составленіе его жизнеописанія, ни даже лекціи гг. профессоровъ, учителей и преподавательницъ русской словесности объ этомъ столь крупномъ писателѣ, педагогѣ и гражданинѣ земли русской, крупномъ по его дарованіямъ и тому значенію, каковое имѣетъ Жуковскій въ исторіи русской литературы вообще и въ жизни его августѣйшаго питомца, Царя-Освободителя, въ особенности, не обойдутся отнынѣ безъ предварительнаго знакомства и справокъ съ отличнымъ трудомъ Ив. Ѳед. Бычкова о подлинныхъ бумагахъ В. А. Жуковскаго. Взглянемъ нѣсколько ближе на этотъ замѣчательный трудъ.

Въ 1883 году, какъ извѣстно, праздновался юбилей столѣтней годовщины дня рожденія В. А. Жуковскаго. Читатели припомнятъ, что «Русская Старина» приняла съ своей стороны весьма живое участіе въ чествованіи славной памяти—отличнаго поэта, гуманнѣйшаго педагога и превосходнѣйшаго по сердцу русскаго человѣка. На страницахъ «Русской Старины» явилось обширное собраніе дотолѣ не извѣстныхъ въ печати матеріаловъ къ жизнеописанію Жуковскаго; редакторъ журнала, пишущій эти строки, внесъ, въ званіи гласнаго Спб. Городской Думы, предложеніе общественному управленію столицы принять участіе въ торжествѣ юбилея Жуковскаго, имѣвшаго мѣсто въ Академіи Наукъ, каковое предложеніе было принято, равно и адресъ Спб. Думы, въ редакціи издателя «Русской Старины»; бюстъ Жуковскаго былъ вѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ въ торжественно публичномъ засѣданіи академіи, вѣнчанъ изъ рукъ городскаго головы въ сопровожденіи депутатовъ отъ столицы,—въ числѣ ихъ имѣлъ честь быть и пишущій эти строки [1]); затѣмъ городское управленіе ассигновало

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVII, въ которомъ помѣщено много сообщеній по поводу чествованія памяти В. А. Жуковскаго и матеріаловъ къ его біографіи, стр. 181—212; 429—456; 483—488; 664—678; 489—493 и проч. и проч.

сумму на постановку памятника В. А. Жуковскому въ Петербургѣ и таковой былъ устроенъ по конкурсу, Городскою Думою объявленному, поставленъ и торжественно открытъ въ С.-Петербургѣ въ 1887 году.

Очень полезны таковые юбилеи. Оживляютъ они въ обществѣ нравственный образъ чествуемаго писателя или общественнаго дѣятеля—со всѣми тѣми идеалами, къ достиженію которыхъ была направлена ихъ дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ на свѣтъ божій—изъ подъ-спуда русскаго, столь обычнаго, равнодушія, невниманія и небрежности—не рѣдко много цѣннаго матеріала къ жизнеописанію и характеристикѣ чествуемаго лица.

Такъ случилось и съ Жуковскимъ. Однимъ изъ самыхъ блестящихъ результатовъ того, что русское общество помянуло его—въ 1887 году, въ день столѣтней годовщины дня рожденія Василія Андреевича, было то, что уже въ 1884 году его сынъ—художникъ, и притомъ талантливый—Павелъ Васильевичъ Жуковскій, живущій, большею частію, въ Германіи, принесъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ обширное собраніе бумагъ, оставшихся послѣ его отца. Этотъ драгоцѣнный вкладъ не остался безъ вниманія среди массы рукописей книгохранилища. И. Ѳ. Бычковъ тогда же приступилъ къ его описанію, и вотъ оно явилось въ отчетѣ за тотъ же 1884 годъ, вышедшій нынѣ въ свѣтъ.

Все собраніе бумагъ Жуковскаго раздѣлено составителемъ описанія на отдѣлы; самый богатый его отдѣлъ имѣющій историко-литературное значеніе, составляютъ бумаги: сочиненія, переводы, дневники, замѣтки, педагогическія работы самого поэта, обнимающія почти всю его литературную дѣятельность съ 1800 по 1852 годъ.

Въ составленномъ И. Ѳ. Бычковымъ описаніи, бумаги эти распредѣлены такъ: а) Матеріалы для автобіографіи поэта и его путевые дневники; б) сочиненія и переводы, въ стихахъ и прозѣ; в) нѣсколько бумагъ, касающихся литературнаго общества «Арзамасъ»; г) бумаги, относящіяся до самообразованія Жуковскаго, и д) педагогическія его работы.

Въ каждомъ изъ названныхъ отдѣловъ бумаги размѣщены, насколько возможно, въ хронологической послѣдовательности.

Мы уже говорили, что составитель описанія нашелъ въ рукописяхъ Жуковскаго довольно много его произведеній, до сихъ поръ не напечатанныхъ; таковыя пьесы имъ приведены или въ отрывкахъ, дающихъ возможность быстро отыскать въ рукописяхъ поэта—цѣлое произведеніе, или теперь же въ описаніи помѣщены цѣликомъ, такъ напр. 64 стиха изъ «Вѣчнаго Жида», все переложеніе «Слова о полку Игоревѣ»—переложеніе чрезвычайной важности для исторіи

нашей словесности, именно потому, что оно принадлежитъ В. А. Жуковскому; конспектъ его автобіографіи, обозрѣніе записныхъ тетрадокъ поэта, его дневниковъ и проч. и проч.

Вотъ, напр., образчикъ вновь открытыхъ стихотвореній:

Тѣснятся всѣ къ тебѣ во храмъ,
И всѣ съ колѣнопреклоненьемъ
Тебѣ приносятъ ѳиміамъ,
Тебя гремящимъ славятъ пѣньемъ;
Я одинокъ въ углу стою,
Какъ жизнью, полонъ я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебѣ душою.

4 (16) февраля 1821 г.

Въ бумагахъ сохранилось множество замѣтокъ о планѣ и развитіи тѣхъ или другихъ задуманныхъ Жуковскимъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ и остались ненаписанными; составитель описанія весьма бережно сохраняетъ въ немъ всѣ таковые наброски; затѣмъ трудъ его былъ бы чрезвычайно обширенъ по объему, еслибы И. Ѳ. Бычковъ приводилъ всѣ открытыя имъ новыя редакціи стихотвореній или и вовсе не изданныя пьесы цѣликомъ, но онъ ограничивается, въ большинствѣ случаевъ, приведеніемъ начальныхъ строкъ, отмѣчая: Нач., т. е. начало. Таковой пріемъ вполнѣ основателенъ, такъ какъ трудъ г. Бычкова, прежде всего, есть указатель къ рукописямъ, поступившимъ въ общественное книгохранилище и для общаго пользованія всѣхъ интересующихся литературой.

Приводимъ изъ «Описанія» нѣкоторыя неизданныя стихотворенія Василія Андреевича, преимущественно небольшія по объему:

Трехъ Грацій древность признавала,
Тебя жъ, Эрминія, природа создала
На то, чтобъ Грацій ты собою затмѣвала,
Для Грацій—граціей была.

—

Вамъ странно, отъ чего во всю я жизнь мою
Такъ веселъ! Вотъ секретъ: вчера дарю забвенью,
Веселью нынѣ отдаю,
А завтра—Провидѣнью.

Къ портрету императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Въ царицахъ скромная, любовь страны своей,
И въ бурю бѣдъ она душой была спокойна,
И вѣкъ ея свой судъ потомству дастъ объ ней:
Была величія и счастія достойна.

А. А. Воейковой.

Сашка, Сашка!
Вотъ тебѣ бумажка.
Сегодня шестое ноября,
И я, тебя бумажкою даря,
Говорю тебѣ: здравствуй;
А ты скажи мнѣ: благодарствуй,
И желаю тебѣ всякаго благополучія,
Какъ въ губерніи маркиза Паулучія,
Такъ и во всякой другой губерніи и уѣздѣ,
Какъ по пріѣздѣ, такъ и по отъѣздѣ.
Избави тебя Богъ отъ Грабовскаго,
А люби и почитай господина Жуковскаго.

—

Кто нашу жизнь своимъ добромъ считаетъ,
За насъ впередъ заботливо глядитъ,
О счастіи, какъ мы, за насъ мечтаетъ,
Какъ мы отъ нашихъ бѣдъ дрожитъ,
Кто, проводивъ насъ въ дальній путь съ тоскою,
Въ кругу семьи нашъ празднуетъ возвратъ—
Того зовемъ мы братомъ иль сестрою;
Ты мнѣ—сестра, а онъ мнѣ—братъ!

Солнце и Борей.

Солнцу разъ сказалъ Борей:
„Солнце, ярко ты сіяешь!
Ты всю землю оживляешь
Теплотой своихъ лучей!...
Но сравнишься-ль ты со мною?
Я сто разъ тебя сильнѣй!
Захочу, пущусь, завою,
И въ минуту мракомъ тучъ
Потемню твой яркій лучъ.
Всей землѣ свое сіянье
Ты безъ шума раздаешь,
Тихо на небо взойдешь,
Продолжаешь путь въ молчаньѣ,
И закатъ спокоенъ твой!
Мой обычай не такой!
Съ ревомъ, свистомъ я летаю,
Всѣмъ верчу, все возмущаю,
Все дрожитъ передо мной.
Такъ не я ли царь земной!...
И труда не будетъ много
То на дѣлѣ доказать.

Хочешь власть мою узнать?
Вотъ, гляди: большой дорогой
Путешественникъ идетъ,
Кто скорѣй съ него сорветъ
Плащъ, которымъ онъ накрылся,
Ты иль я?“... И вмигъ Борей
Всею сплою своей,
Какъ непстовый, пустился
Съ путешественникомъ въ бой.
Тянетъ плащъ съ него долой!
Но напрасно онъ хлопочетъ...
Путешественникъ впередъ
Все идетъ себѣ, идетъ,
Уступить никакъ не хочетъ
И плаща не отдаетъ.
Наконецъ Борей въ досадѣ
Замолчалъ; и вдругъ изъ тучъ
Показало солнце лучъ,
И при первомъ солнца взглядѣ,
Оживленный теплотой,
Путешественникъ по волѣ
Плащъ, ему не нужный болѣ,
Снялъ съ себя своей рукой.
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
„Безразсудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь: злобы самовластной
Милость кроткая сильнѣй!“

Начало черноваго наброска стихотворенія:

Какая хитрая обманщица надежда!
Какъ любитъ нашею играть она душой?
Посмотришь—чудная блеститъ на ней одежда,
И, чтобъ вѣрнѣй плѣнить, она передъ тобой
Является или небесной благодатью
Или земной Ростопчиной!

Вотъ до сихъ поръ не бывшіе въ печати второй и третій куплеты «Пѣсни русскихъ солдатъ» (1834 г.):

Боже, царя храни!
Вѣрною стражей
Въ мирѣ у трона мы;
Страхъ и препона мы
Дерзости вражей.
Боже, царя храни!

Боже, царя храни!
Рады мы бою!
Царь нашъ, предъ нами будь!
Смерти подставимъ грудь,
Станемъ стѣною.
Боже, царя храни!

Драгоцѣнны свѣдѣнія, извлеченныя составителемъ «Описанія» изъ бумагъ Жуковскаго о времени и ходѣ его труда относительно перевода «Одиссеи» (стр. 113—114) и вообще о переводахъ Жуковскаго, разсѣянныя въ надлежащихъ мѣстахъ разсматриваемаго труда, а также обозрѣніе всего, что сохранилось въ бумагахъ Жуковскаго, поступившихъ въ публичную библіотеку, относительно педагогическихъ его трудовъ въ качествѣ воспитателя цесаревича Александра Николаевича....

Общее количество группъ книгъ (рукописныя), тетрадей, альбомовъ, отдѣльныхъ связокъ, папокъ бумагъ В. А., разобранныхъ и описанныхъ г. Бычковымъ,—193.

Чтобы оцѣнить всю значительность труда, употребленнаго въ теченіи продолжительнаго времени И. Ѳ. Бычковымъ на составленіе его «Описанія бумагъ В. А. Жуковскаго» надо знать, что большинство этихъ бумагъ писаны просто иногда невозможнымъ, по своей неразборчивости, почеркомъ поэта, очень часто карандашемъ—полуистершимся отъ времени, съ массою помарокъ, недописокъ, недомолвокъ.... и все это разобрано, систематически расположено и подмѣчены малѣйшія погрѣшности послѣдняго (1885 г.), восьмаго, изданія сочиненій В. А. Жуковскаго, каковыя оказались теперь при поразительно усидчивомъ сличеніи печатнаго текста съ подлинникомъ автора.

Болѣе значительныя изъ вновь открытыхъ И. Ѳ. Бычковымъ отрывковъ или и цѣлыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, стихотвореній и прозы Жуковскаго или бывшихъ и въ печати, но въ иной редакціи, суть слѣдующія: «Къ А. Н. Арбеневой» (1812 г. Описаніе, стр. 35—36). «Фурману» (1815 г. Описаніе, стр. 42); «Богатырь Алеша Поповичъ» (1810 г., Описаніе, стр. 50—52); «Солнце и Борей» (Описаніе, стр. 64—65); «Умирающій лебедь» (Описаніе, стр. 65—66); «Эолова арфа» (Описаніе, стр. 67—70); «Русская слава» (Описаніе, стр. 72); «Народная пѣсня» (Описаніе, стр. 72); Эпилогъ къ «Жизни за Царя», либретто оперы М. И. Глинки (Описаніе, стр. 73—77); «Часто въ прогулкахъ моихъ...» (Описаніе, стр. 77—78); «Агасферъ» (1831 г. Описаніе, стр. 93—94); три стихотворенія: «Пери», «Пѣснь бедуинки», «Мечта» (Описаніе, стр. 100—103); «Всесиленъ Богъ...,» (1841 г. Описаніе, 107); одно изъ размышленій политическаго содержанія

(Описаніе, 116—117); «Рустемъ и Зорабъ» (Описаніе, стр. 122—124); «Странствующій жидъ» (Описаніе, стр. 145—148); объ обществѣ «Арзамасъ» и проектѣ особаго сборника сочиненій его членовъ (Описаніе, стр. 157—163) и многія другія.

Помѣщенное въ дополненіи къ Описанію переложеніе «Слова о полку Игоревѣ», исполненное В. А. Жуковскимъ и нынѣ открытое въ его бумагахъ И. Ѳ. Бычковымъ, весьма замѣчательно. Нѣтъ сомнѣнія, что оно не только войдетъ въ новыя изданія сочиненій В. А. Жуковскаго, но и гораздо ранѣе явится въ перепечаткахъ въ учебникахъ по исторіи русской словесности и въ разныхъ хрестоматіяхъ, къ ней относящихся.

Честь и слава И. Ѳ. Бычкову за его добросовѣстный, усердный и въ высшей степени полезный трудъ по описанію бумагъ славнаго поэта и воспитателя незабвеннаго Государя-Освободителя!

Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1884 годъ (кстати отмѣтимъ, нельзя не пожалѣть, что появленіе отчетовъ этого книгохранилища до сихъ поръ не войдетъ въ сроки: въ 1887 году, да еще осенью, мы, казалось бы, могли читать отчетъ за 1886 годъ, а передъ нами отчетъ за 1884 годъ!) — эта книга заключаетъ въ себѣ кромѣ весьма важнаго по значенію описанія бумагъ Жуковскаго, еще описаніе (трудъ того-же И. Ѳ. Бычкова) бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, состоящихъ изъ 110 нумеровъ книгъ, связокъ и папокъ (см. приложеніе къ отчету, стр. 1—65); кромѣ того, есть нѣсколько интересныхъ замѣтокъ въ самомъ текстѣ отчета, относительно различныхъ пріобрѣтеній библіотеки за обозрѣваемый годъ, какъ то бумаги Суворова и проч.

Изъ статистическихъ же данныхъ приведемъ, въ заключеніе нашей статьи, любопытное для насъ, какъ редактора-издателя «Русской Старины», свѣдѣніе.

Въ ряду 416 повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ—по числу требованій читателями въ императорской публичной библіотекѣ—въ 1884 году «Русская Старина» занимаетъ шестое мѣсто или первое послѣ пяти литературно-научныхъ журналовъ («Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Отечественныя Записки», «Русская Мысль» и «Русское Богатство»), а именно:

«Русская Старина» требуема была для прочтеній 2,177 разъ; въ этой цифрѣ и число отказовъ—въ удовлетвореніи требованій, такъ какъ книги журнала были въ это время въ чтеніи у другихъ посѣтителей библіотеки.

Мих. Семевскій.

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

1828—1887 гг.

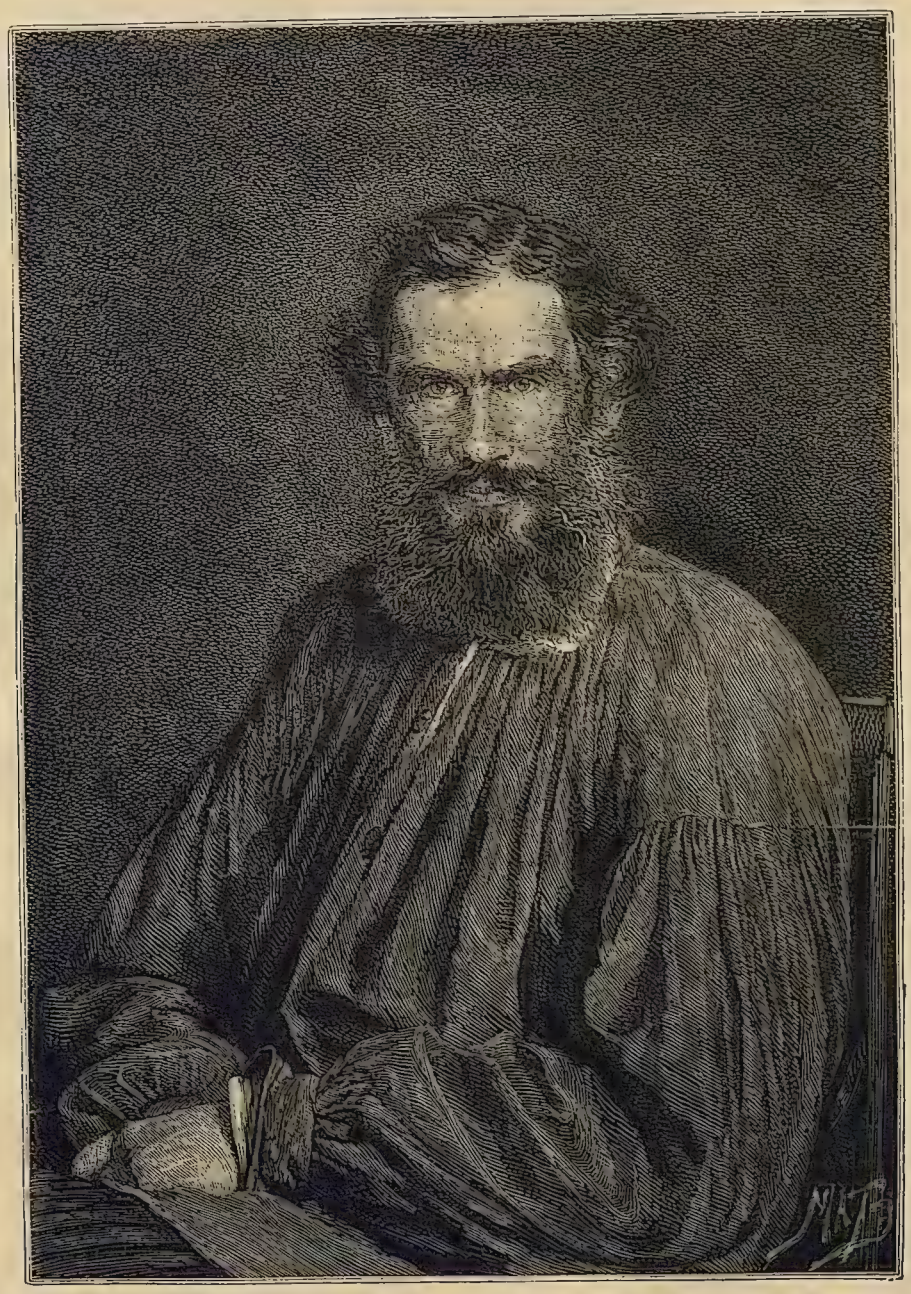
I.

Въ славной плеядѣ писателей, которыхъ полный разцвѣтъ относится къ великой эпохѣ Александра II, одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ занимаетъ, конечно, гр. Л. Н. Толстой. Если собственно съ этой эпохи обращено было на русскую жизнь и литературу особенное вниманіе и за границею, то въ послѣднее время вниманіе это преимущественно привлекъ къ себѣ, вмѣстѣ съ покойнымъ Ѳ. М. Достоевскимъ, именно Л. Н. Толстой. И это совершенно понятно: онъ, какъ и Достоевскій, вполнѣ самобытенъ и своеобразенъ, и, изучая его, иностранцы встрѣчаются съ тѣмъ, что совершенно для нихъ ново и ради чего русская литература и получаетъ для нихъ, наконецъ, образовательное значеніе.

Подробныхъ свѣдѣній о писателяхъ, еще не закончившихъ своего жизненнаго поприща (а мы надѣемся, что Л. Н. Толстой еще далеко его не закончилъ), трудно, конечно, и требовать. Только самыя выдающіяся черты сообщены были, сколько намъ извѣстно, близкимъ къ нашему автору лицомъ, въ краткомъ очеркѣ, находящемся въ томъ томикѣ избранныхъ сочиненій графа Л. Н. Толстаго, который входитъ въ составъ «Русской библіотеки» М. М. Стасюлевича (ч. IX, Спб., 1879).

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился 28-го августа 1828 г., въ томъ самомъ сельцѣ Ясная Поляна, Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, именемъ котораго онъ впослѣдствіи озаглавилъ свое извѣстное народно-педагогическое изданіе. Отецъ его, гр. Николай Ильичъ, участвовавшій въ войнахъ 1812 и 1813 гг., а равно и дѣдъ—Илья Андреевичъ, самыми именами сходятся съ тѣми дѣйствующими

лицами въ хроникѣ «Война и Миръ», которыя нѣсколько замаскированы въ ней фамиліею Ростовыхъ. Мать нашего автора, Марья Николаевна, рожденная кн. Волконская, точно также можетъ быть сближена съ извѣстнымъ лицомъ той же хроники, при чемъ даже самая фамилія ея очень мало видоизмѣнена (вмѣсто Волконскихъ — Болконскіе). Матери лишился нашъ авторъ на второмъ году своей жизни, отца на десятомъ. Воспитателями автора и его трехъ старшихъ братьевъ, по обычаю нашихъ барскихъ семействъ, были двое иностранцевъ—нѣмецъ и французъ. Это нѣсколько напоминаетъ то, что встрѣчаемъ мы въ первыхъ повѣстяхъ Л. Н. Толстого—«Дѣтство» и «Отрочество», которыя, однако-же, далеки отъ того, чтобы служить автобіографіею молодыхъ лѣтъ автора (гораздо болѣе автобіографическаго сообщено имъ въ «Войнѣ и Мирѣ», а потомъ въ «Исповѣди»). Въ 1841 г. семейство Толстыхъ переѣхало изъ деревни въ Казань (временно оно жило въ Москвѣ, гдѣ старшій братъ автора сперва готовился, а потомъ и поступилъ въ университетъ). Тутъ-то Левъ Николаевичъ сталъ и самъ, въ 1843 г., студентомъ (по факультету восточныхъ языковъ), вслѣдъ за своими братьями (сюда-же перешелъ изъ Москвы и старшій). Съ восточнаго факультета, выбраннаго, вѣроятно, совершенно случайно, Левъ Николаевичъ перешелъ на юридическій, тоже едва ли гармонировавшій съ его естественными наклонностями, но передъ экзаменомъ со втораго на третій курсъ совершенно вышелъ изъ университета и уѣхалъ съ братьями въ доставшуюся ему по раздѣлу Ясную Поляну, гдѣ и прожилъ до 1851 года (по временамъ посѣщая Москву и Петербургъ). Привязанность къ старшему брату заставила его переѣхать на Кавказъ, бывшій мѣстомъ службы этого брата, и поступить тамъ въ одну батарею съ нимъ, а именно въ 4-ю 20-й артиллерійской бригады. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, нашъ авторъ относилъ это къ тѣмъ грѣхамъ своей юности, въ которыхъ онъ такъ чистосердечно каялся въ своей «Исповѣди». На Кавказѣ написаны были «Дѣтство», сейчасъ же и посланное въ «Современникъ», затѣмъ «Отрочество», «Набѣгъ», «Утро молодаго помѣщика» и начата «Кавказская повѣсть» (часть которой—«Казаки» напечатана была потомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»). Въ 1853 г. Левъ Николаевичъ, по своей просьбѣ, былъ переведенъ въ дунайскую армію и участвовалъ въ кампаніи 1854 г. По отступленіи русской арміи изъ Яссъ, онъ перешелъ въ Севастополь и участвовалъ въ безсмертной его оборонѣ, служа въ легкой артиллеріи. Въ маѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ командиромъ горнаго дивизіона и участвовалъ въ роковомъ сраженіи на Черной рѣчкѣ 4-го августа, а 27-го августа былъ при штурмѣ Севастополя, послѣ котораго отправился курьеромъ въ Петербургъ.



ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

въ 1873 г.

гравюра В. Матэ съ портрета писаннаго Крамскимъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1887 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Севастопольскія впечатлѣнія отразились на его извѣстныхъ «Севастопольскихъ разсказахъ», въ которыхъ исчезаетъ все эффектное и все казовое военной поры, выступаетъ впередъ вся изнанка героической эпохи, но вполнѣ сохраняетъ свое обаяніе истинный героизмъ. Участіе въ великой севастопольской эпопеѣ никакъ уже не могло быть отнесено къ «грѣхамъ юности», хотя бы авторъ, впослѣдствіи, глядѣлъ свысока и на эту страницу въ своей жизни, теоретически увлекаясь своимъ ученіемъ о «непротивленіи злу».

Въ 1856 г. гр. Л. Н. Толстой вышелъ въ отставку и жилъ зимою въ Петербургѣ и Москвѣ, а лѣтомъ въ «Ясной Полянѣ» [1]). Послѣ двухъ поѣздокъ за границу, съ 1861 г. онъ жилъ въ деревнѣ, сперва исполняя должность мироваго посредника (перваго, по времени, призыва), потомъ занимаясь народными школами и издавая педагогическій журналъ «Ясная Поляна». Онъ, такимъ образомъ, и словомъ и дѣломъ принялъ живое участіе въ незабвенной порѣ нашего внутренняго возрожденія, которымъ мы отводили себѣ душу послѣ парижскаго міра. То полусатирическое отношеніе къ этой порѣ, которое проглянуло въ первой главѣ его неоконченнаго романа «Декабристы», по нашему мнѣнію, должно быть отнесено къ несомнѣннымъ уже «грѣхамъ» его геніальнаго пера (отрывки эти напечатаны были сперва въ сборникѣ «Литературнаго Фонда», а затѣмъ вошли и въ полное собраніе его сочиненій, т. 2).

Ко времени жизни отъ 1855 по 1861 годъ относятся у нашего автора: «Юность», послѣдній изъ севастопольскихъ очерковъ «Севастополь въ августѣ», «Два гусара», «Альбертъ», «Люцернъ», «Три смерти», «Семейное счастье», «Поликушка».

Въ 1862 г., Левъ Николаевичъ женился, въ Москвѣ, на дочери доктора Андрея Евстафьевича Берса, Софьѣ Андреевнѣ. Съ той поры живетъ онъ почти постоянно въ своей «Ясной Полянѣ», на зиму пріѣзжаетъ въ Москву, отдаваясь заботамъ о своихъ и крестьянскихъ дѣтяхъ, а въ послѣдніе годы и земледѣльческому труду.

---

[1]) Къ этому времени (мартъ 1856 г.) относится его портретъ въ офицерскомъ сюртукѣ, онъ снятъ въ общей группѣ съ слѣдующими его сотоварищами по литературѣ: И. С. Тургеневъ,—А. Н. Островскій,—И. А. Гончаровъ,—А. В. Дружининъ и Д. В. Григоровичъ. Фотографія исполнена у С. Л. Левицкаго, а превосходный снимокъ съ нея воспроизведенъ при „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., апрѣль.

II.

Любимецъ народныхъ былинъ, крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, распрощался съ плугомъ, взявшись за мечъ-кладенецъ ради обороны той же матери земли. Богатырь русской творческой мысли, Л. Н. Толстой, баринъ по происхожденію и по воспитанію, началъ съ военнаго поприща, а кончилъ тѣмъ, что навсегда поселился въ деревнѣ и взялся, въ прямомъ смыслѣ, за крестьянскій трудъ. Но настоящимъ его служеніемъ землѣ, т. е. населяющему ее міру-народу, остается все-таки его богатырскій мечъ—то перо, которымъ онъ постоянно оборонялъ почву, все непосредственное, свѣжее, безъискуственное отъ всего напускнаго и дѣланнаго, столь неразрывно связаннаго съ барскимъ бытомъ и барскими нравами.

Ко времени послѣ 1862 г. относятся два большія произведенія, «Война и Миръ» и «Анна Каренина»—съ одной стороны; «Азбука», «Книга для чтенія», статья «о народномъ образованіи»—съ другой.

«Война и Миръ», эта реалистическая эпопея нашихъ наполеоновскихъ войнъ, которою зачитывались и зачитываются люди самыхъ различныхъ воззрѣній и вкусовъ вслѣдствіе того, что тутъ творческая сила Л. Н. Толстаго достигла высшей степени своего развитія, вызвала, въ свое время, нападки со стороны искреннихъ, но односторонніхъ «патріотовъ» и побудила автора написать объяснительную статью, появившуюся въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г. [1]). Въ сущности, это—примѣненіе къ былой порѣ той же точки зрѣнія, съ которой отнесся авторъ въ своихъ Севастопольскихъ очеркахъ къ порѣ, непосредственно имъ самимъ пережитой. Тутъ такое же уничтоженіе казоваго, искусственнаго героизма при такомъ же сохраненіи всего обаянія отъ героизма настоящаго, неподдѣльнаго. Хроника «Война и Миръ», по своему основному воззрѣнію, должна бы имѣть особенно отрезвляющее впечатлѣніе въ той странѣ, гдѣ и сложились выраженія grand, sublime въ томъ фальшивомъ смыслѣ, какой и разоблачается тутъ нашимъ авторомъ.

«Анна Каренина», вызвавшая при своемъ появленіи со стороны нѣкоторыхъ странныя обвиненія за самый выборъ такого великосвѣтскаго сюжета, на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ то же, излюбленное Толстымъ, изобличеніе великосвѣтской лжи съ одной стороны,

---

[1]) Къ сожалѣнію, не вошедшую въ Полное собраніе сочиненій.

сведеніе вопроса о семейной нравственности къ его простымъ и естественнымъ основамъ—съ другой.

Статья о народномъ образованіи, появившаяся въ свое время въ «Отечественныхъ Запискахъ», является, въ связи съ другими педагогическими статьями нашего автора, защитою народнаго здраваго смысла отъ той прививной искусственной педагогики, которая видитъ въ крестьянскихъ дѣтяхъ какихъ-то идіотовъ по природѣ. Книжки для народнаго чтенія (выдержавшія тринадцать, а одна даже четырнадцать изданій), являются примѣненіемъ къ дѣлу того педагогическаго пріема Л. Н. Толстаго, въ силу коего самъ учитель долженъ прежде всего изучать ту народную почву, на которую хочетъ онъ дѣйствовать, считаться съ ея потребностями, наклонностями, а отчасти и ея вкусами.

Изъ критическихъ статей, относящихся къ дѣятельности Л. Н. Толстаго до 1862 года, самыми выдающимися по таланту остаются, конечно, статьи покойнаго А. А. Григорьева (въ журналѣ «Время» 1862 г.) [1]). Что касается слѣдующаго затѣмъ періода, то самую внимательную его оцѣнку представляютъ статьи Н. Н. Страхова, включенныя имъ въ Сборникъ критическихъ статей объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (Петербургъ, 1885 г.). «Анна Каренина», въ связи съ послѣдующими сочиненіями нашего автора, всего лучше оцѣнена преждевременно погибшимъ даровитымъ критикомъ М. С. Громекою въ рядѣ статей, сперва печатавшихся въ «Русской Мысли», а затѣмъ и отдѣльно изданныхъ подъ заглавіемъ: «Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстаго». М. 1885 г. [2]).

Уже въ заключительной части «Анны Карениной», особенно же въ эпилогѣ этого романа, авторъ коснулся уже нѣкоторыхъ вопросовъ, ставшихъ основною темою его послѣднихъ произведеній, изъ которыхъ только немногое вошло въ 12 томъ полнаго собранія его сочиненій, остальное же извѣстно по тѣмъ гектографированнымъ изданіямъ, которыя такъ и остаются недоступными большинству. Съ содержаніемъ ихъ отчасти знакомитъ книга покойнаго Громеки, а равно и статьи г. Гусева: «Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо новая вѣра» (въ «Православномъ Обозрѣніи» 1886 г.). Основательную оцѣнку религіозно-философскихъ воззрѣній Толстаго представляютъ также

---

[1]) Онѣ, къ сожалѣнію, не вошли въ 1-й и пока единственный томъ сочиненій даровитаго критика.

[2]) Эта замѣчательная книга вызвала брошюру князя Кемскаго (псевдонимъ): „Анна Каренина подъ ножемъ критики". Петербургъ, 1885 г.

статьи, появившіяся въ «Философскомъ сборникѣ» профессора Козлова (Кіевъ, 1885 г.).

Дидактизмъ послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстаго если иногда и сходится съ дидактизмомъ покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго, то во многомъ весьма существенномъ и основномъ даже прямо расходится съ нимъ—въ томъ, напримѣръ, что Толстой всю сущность христіанства сводитъ къ такъ называемому «непротивленію злу», тогда какъ Достоевскій былъ далекъ отъ того, чтобы въ употребленіи силы видѣть непремѣнно насиліе. Между тѣмъ оба они были поставлены на одну почву въ брошюрѣ г. Леонтьева: «Наши новые христіане—Ѳ. М. Достоевскій и Л. Н. Толстой», М., 1880 г. Брошюра эта исполнена самаго отчаяннаго изувѣрства. Новозавѣтная религія любви подмѣнена тутъ ветхозавѣтною религіею страха.

Очень тяжелое впечатлѣніе производятъ и новѣйшія выходки противъ Л. Н. Толстаго . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что въ этихъ произведеніяхъ гр. Толстаго многое недоговорено, невыяснено, многое доведено до самой парадоксальной крайности, а потому и можетъ и должно вызывать нападенія съ различныхъ сторонъ. Но нападенія нападеніямъ рознь.

Наша критика по поводу послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстаго раздѣлилась, можно сказать, на два стана. Къ числу дерзающихъ не только сомнѣваться въ вѣрности многаго, высказаннаго въ послѣднее время знаменитымъ писателемъ, но и горячо, даже рѣзко съ нимъ спорить, должны быть отнесены Н. К. Михайловскій (статьи котораго изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1875 г. и «Сѣвернаго Вѣстника» 1885 г. вышли въ видѣ отдѣльной книжки подъ заглавіемъ: «Критическіе опыты, I. Гр. Л. Н. Толстой», Петербургъ, 1887 г.); А. М. Скабичевскій (весьма интересныя статьи котораго также изданы отдѣльною книгою: «Гр. Л. Н. Толстой какъ художникъ и мыслитель». Критическіе очерки и замѣтки. Петербургъ, 1887 г.) и г. Слонимскій (замѣтки его печатались въ «Вѣстникѣ Европы» за 1886 г.). Къ числу же ревностныхъ защитниковъ и поборниковъ великаго писателя должны быть отнесены: бар. Р. А. Дистерло (статьи его изъ «Недѣли» переизданы отдѣльно подъ заглавіемъ: «Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ и моралистъ». Петербургъ. 1887 г.), особенно же Л. Е.

Оболенскій (издавшій свои статьи уже вторымъ дополненнымъ изданіемъ: «Л. Н. Толстой и его философскія и нравственныя идеи». Петербургъ, 1887 г.).

Пишущій эти строки сопричисленъ почтеннымъ издателемъ «Русскаго Богатства» къ первому, т. е. враждебному стану. Но это несправедливо. Въ своей книгѣ о «Русскихъ писателяхъ послѣ Гоголя» мы старались высказаться о Л. Н. Толстомъ безъ всякаго, кажется намъ, раздраженія. Мы даже вполнѣ признаемъ развивающее, образовательное значеніе геніальныхъ парадоксовъ, и относимъ къ числу ихъ и «непротивленіе злу», и боязнь какого бы то ни было употребленія денегъ, и обязательность для всѣхъ физическаго труда и т. п., но мы не думаемъ, чтобы геніальность писателя обязывала относиться къ нему только благоговѣйно, мы допускаемъ въ отношеніи къ генію и сомнѣніе, и полемическій жаръ, если они вызываются несоотвѣтствіемъ у этого генія основныхъ цѣлей съ добываемыми результатами.

Увлеченіе нашимъ великимъ писателемъ иностранной критики не можетъ служить предостереженіемъ или острасткою для критики русской. Да вѣдь и иностранная критика, даже въ лицѣ наиболѣе, кажется, восторженнаго г. де-Вогюэ, озадаченная, подобно отечественной критикѣ, исполинскою творческою силою Л. Н. Толстаго, и справедливо преклоняясь также передъ отвагою его критической мысли, далека однако-же отъ того, чтобы становиться молчалинскою. (Съ иностранными отзывами о нашемъ авторѣ знакомитъ книга Ѳ. Н. Булгакова: «Л. Н. Толстой и отзывы о немъ русской и иноземной критики». Спб. 1886 г.).

Послѣднее произведеніе гр. Л. Н. Толстаго—драма «Власть тьмы», безусловно защищаемая Л. Е. Оболенскимъ, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, болѣе сдержаннаго и вдумчиваго отношенія къ ней. Считая вполнѣ полезными для народа (развѣ за немногими исключеніями) разсказы Л. Н. Толстаго, и глубоко сожалѣя о новѣйшихъ затрудненіяхъ для ихъ распространенія, мы бы сочли, съ другой стороны, драму «Власть тьмы» вовсе не желательною для народной сцены. Мы можемъ ошибаться, но дѣйствіе ея на зрителей такой сцены невольно представляется намъ подходящимъ къ дѣйствію зрѣлища смертной казни. Дидактизмъ этой драмы разсчитанъ на устрашеніе, на самомъ-же дѣлѣ можетъ обратиться въ соблазнъ. Что касается значенія ея вообще, то ея психологія едва ли такъ безупречна, какъ это представляется г. Оболенскому, а ея ультрареализмъ не въ такой мѣрѣ выкупается идеальнымъ строемъ основной мысли, какъ въ «Смерти Ивана Ильича», послѣдней повѣсти Л. Н. Толстаго, вошедшей въ двѣнадцатый томъ Полнаго собранія его сочиненій.

Мы въ правѣ ожидать еще многаго отъ нашего великаго писателя, не только отъ его творческихъ силъ, но и отъ его могучей мысли, вѣрить въ то, что она пробьется на такую прямую дорогу, которая окажется въ самомъ дѣлѣ спасительною для всѣхъ насъ.

Ор. Ѳ. Миллеръ.

20-го октября 1887 г.

Поправка.

Въ статью В. И. Семевскаго, въ ноябрской книгѣ „Русской Старины“ 1887 г., вкралась описка: на стр. 423 напечатано: конфирмованномъ 19 апрѣля.

Слѣдуетъ читать: конфирмовано 19 декабря.

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ.

Къ воспоминаніямъ о его юбилеѣ 26-го сентября 1887 г.

I.

На торжествѣ чествованія Ивана Константиновича Айвазовскаго въ Императорской академіи Художествъ, въ числѣ депутатовъ, привѣтствовавшихъ уважаемаго юбиляра, въ ряду другихъ представителей отъ с.-петербургской городской думы, былъ гласный М. И. Семевскій. По прочтеніи Н. Н. Медвѣдевымъ адреса городской думы, М. И. Семевскій сказалъ:

— «Вслѣдъ за общимъ привѣтомъ съ моими сотоварищами по городской думѣ, обращеннымъ къ вамъ отъ с.-петербургскаго городскаго общественнаго управленія, позвольте мнѣ, высокоуважаемый Иванъ Константиновичъ, привѣтствовать васъ въ настоящій дорогой для всего русскаго общества день отъ редактируемаго мною изданія «Русская Старина».

«Десять лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ истинное удовольствіе выслушать отъ васъ подробное обозрѣніе всей вашей жизни и художественной дѣятельности: жизнь эта прошла въ непрестанныхъ трудахъ, посвященныхъ славѣ дорогаго нашего отечества, и эта слава далеко разнеслась за рубежемъ безпредѣльной Россіи. Имя ваше принадлежитъ теперь всему цивилизованному міру. Излагая свои Воспоминанія на страницахъ «Русской Старины», вы съ полнѣйшею искренностію повѣдали вашимъ современникамъ и потомству всѣ тѣ замѣчанія, всѣ тѣ указанія относительно искусства, мощнымъ представителемъ котораго вы доселѣ служите, — всѣ тѣ указанія, которыя выработаны вами въ теченіи многолѣтней труженической жизни вашей. Такимъ образомъ, вы не только дали русскому обществу многочисленныя

произведенія дивной кисти вашей, но и преподали вашимъ послѣдователямъ самые полезные совѣты и запечатлѣли ихъ въ вашихъ запискахъ. Многочисленные ученики и послѣдователи ваши, разсѣянные по всему лицу Россіи и за ея границами, конечно, не престанутъ имѣть въ своей памяти произведенія Айвазовскаго и воспользуются вашими указаніями. Живите же долго и да послужитъ ваша дѣятельность и въ будущемъ вдохновительницею русскихъ художниковъ. Привѣтствую васъ отъ глубоко признательной вамъ редакціи «Русской Старины».

Подробности торжества въ стѣнахъ императорской академіи художествъ, въ собраніи многочисленныхъ представителей всѣхъ сферъ знаній: науки, литературы, художества и искусствъ, въ собраніи, удостоенномъ присутствіемъ августѣйшаго президента императорской академіи художествъ, были напечатаны во всѣхъ газетахъ и во многихъ журналахъ, и намъ не приходится повторять ихъ здѣсь. Скажемъ лишь, что торжество это несомнѣнно навсегда сохранится и въ лѣтописи императорской академіи художествъ и въ исторіи русскаго общества, какъ въ высочайшей степени замѣчательная дань признательности и уваженія, которыя выразила, можно сказать, вся Россія и всѣ главнѣйшіе центры художественной дѣятельности въ Европѣ къ мощному русскому генію-художнику [1]).

II.

Въ тотъ же день, 26-го сентября, какъ опять таки извѣстно всѣмъ изъ газетъ, былъ торжественный обѣдъ юбиляру, данный многочисленнымъ собраніемъ представителей петербургскаго общества.

Обѣдъ происходилъ въ громадной залѣ бывшаго помѣщенія клуба художниковъ, въ Троицкомъ переулкѣ (нынѣ домъ Павлова). На обѣдѣ присутствовали: министры народнаго просвѣщенія и путей сообщенія, множество профессоровъ, академиковъ, художниковъ, писателей и различныхъ чиновныхъ и нечиновныхъ особъ; было не мало и дамъ.

---

[1]) Укажемъ здѣсь на хорошо составленную Л. Е. Мазировымъ брошюру: „Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея. Спб. 1887 г., въ м. 8 д., стр. 125. Это оттискъ очень хорошихъ статей по сему предмету, явившихся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, съ дополненіемъ адресовъ, рѣчей и привѣтствій на обѣдѣ, данномъ обществомъ юбиляру. Наша рѣчь не была своевременно нами написана, а сказана экспромтомъ, а потому явилась въ брошюрѣ въ извлеченіи (стр. 96).

Ред.

Послѣ обычныхъ тостовъ за здоровье Государя Императора и Августѣйшихъ особъ, а равно вслѣдъ за тостомъ, принятымъ съ особеннымъ одушевленіемъ, за здоровье высоко чтимаго юбиляра, первую рѣчь сказалъ редакторъ-издатель «Русской Старины» М. И. Семевскій.

— «Высокоуважаемый Иванъ Константиновичъ и милостивые государыни и государи! Позвольте перенести ваше вниманіе на старину, особенно дорогую для нашего юбиляра и весьма пріятную для русскаго общества. Я хочу перенести ваше воображеніе за 51 годъ, ни болѣе ни менѣе, до настоящаго времени, когда впервые появились, въ сентябрѣ 1836 г., на выставкѣ императорской академіи художествъ картины молодаго художника Айвазовскаго. Картины эти были тотчасъ замѣчены всѣми и привлекли къ себѣ толпы посѣтителей выставки. Издававшійся тогда журналъ «Художественная Газета», внимательно слѣдившая за состояніемъ и успѣхами художества въ Россіи и Европѣ, поспѣшила дать отзывъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели на русское его времени общество произведенія молодаго, до тѣхъ поръ совершенно безвѣстнаго, ученика академіи художествъ. Вотъ что писалъ редакторъ названной газеты, Несторъ Кукольникъ, писатель, по тому времени, довольно талантливый и, во всякомъ случаѣ, европейски многосторонне образованный, въ особенности отлично знавшій и понимавшій художество:

— „Картины этого художника изображаютъ: пароходъ, идущій въ Кронштадтъ, и голландскій корабль на открытомъ морѣ. Говоримъ безъ околичности, что талантъ художника поведетъ его далеко. Изученіе натуры откроетъ ему детальныя сокровища, о которыхъ теперь талантъ только догадывается“...

«Передавая содержаніе картинъ Айвазовскаго, Кукольникъ съ восторгомъ восклицаетъ:

„О! тутъ нечего ворожить! Еще нѣсколько лѣтъ опыта и труда, освѣщенныхъ размышленіемъ! Рожденный въ Крыму, на берегахъ Чернаго моря, какъ сонъ дѣтства, голубитъ онъ темныя воспоминанія золотого возраста, что уже громко говоритъ о внутреннемъ поэтическомъ дарованіи въ картинѣ его...

„Разнообразность его таланта видна въ быстромъ его трудѣ... Айвазовскій не можетъ, не долженъ быть одностороннимъ. Его фигуры, земля, небо доказываютъ чѣмъ онъ быть можетъ и долженъ. Произведенія Айвазовскаго теперь уже поражаютъ, кидаются въ глаза. Мы ожидаемъ, что они глубоко будутъ западать въ душу зрителя и на долго будутъ оставаться на днѣ ея... Дай, Господи, намъ многія лѣта, да узримъ исполненіе нашихъ надеждъ, которыми дѣлимся съ читателями“.

«Милостивые государыни и государи! Минулъ 51 годъ съ того момента, когда были напечатаны прочитанныя мною строки. Спрашивается: оправдалъ ли художникъ Айвазовскій высказанныя въ этомъ отзывѣ надежды? Отвѣтомъ на это можетъ служить то торжество, которымъ ознаменовывается сегодня болѣе чѣмъ полувѣковой юбилей его художественной дѣятельности! Но онъ сталъ оправдывать этотъ привѣтъ съ первыхъ же лѣтъ, когда выступилъ на самостоятельное поприще. Извѣстность его облетѣла всю Россію. Новому богатырю русской славы было тѣсно въ предѣлахъ обширнаго нашего отечества и его слава пролетѣла далеко, далеко за рубежъ Россіи: имя его славится и чествуется не только во всѣхъ центрахъ европейской цивилизаціи, но проникло и на дальній Востокъ, гдѣ только явились первые зерны этой цивилизаціи. И какимъ достойнымъ носителемъ русскаго генія явился чествуемый нами художникъ! Вся его многолѣтняя жизнь посвящена искусству и служенію на поприщѣ художествъ отечеству. Многочисленныя произведенія его сдѣлались украшеніемъ не только множества хранилищъ художественныхъ сокровищъ, но и предметами благотворенія, такъ какъ, чуткій и отзывчивый на все доброе, Айвазовскій многократно предоставлялъ всѣ сборы съ выставокъ своихъ произведеній на самыя разностороннія, но всегда самыя добрыя дѣла. Сотни учащихся художниковъ были поддержаны щедрою и доброю рукою великодушнаго своего учителя. И посмотрите, какою признательностію, какимъ уваженіемъ окружена личность высоко чтимаго нашего юбиляра! Что касается до славы его какъ первокласснаго дѣятеля отечественнаго искусства, то она такъ прочна, такъ велика, такъ возрасла въ теченіи болѣе чѣмъ полувѣка, что если бы къ многочисленному настоящему собранію представителей всей, можно сказать, знати русской науки, художествъ, литературы и искусствъ присоединились бы, возставъ изъ могилъ, геніальный Брюлловъ, дружеское участіе котораго ободряло первые взмахи дивной кисти Айвазовскаго, если бы, говорю я, явился геніальный Пушкинъ, любовавшійся на выставкѣ, въ сентябрѣ 1836 г., картинами Айвазовскаго, то и они съ величайшимъ восторгомъ присоединились бы къ намъ и слили бы свои клики съ нашимъ общимъ, отъ сердца вырывающимся кликомъ: да здравствуетъ дорогой нашъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, одинъ изъ могучихъ богатырей русской славы!»

Рѣчь эта была принята съ всеобщимъ энтузіазмомъ...

III.

7-го октября 1887 года, Иванъ Константиновичъ собралъ вокругъ себя, въ трехъ залахъ одного изъ извѣстныхъ ресторановъ Петербурга, до 150-ти лицъ своихъ близкихъ знакомыхъ, обоего пола Обѣдъ былъ вполнѣ достоинъ всѣмъ извѣстнаго радушія и гостепріимства Айвазовскаго. На этомъ обѣдѣ сказана была только одна рѣчь нынѣшнимъ ректоромъ с.-петербургскаго университета, г. Владиславлевымъ. Она извѣстна изъ газетныхъ сообщеній; въ ней г. Владиславлевъ предлагалъ наименовать Черное море моремъ Айвазовскаго, но затѣмъ, оставляя эту мысль, окончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, дабы это прекрасное море по прежнему оставалось вдохновителемъ мощныхъ произведеній Айвазовскаго,—своего поэта въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Но, оставляя море,—скажемъ отъ себя,—волноваться межъ роскошныхъ береговъ Тавриды, грознаго Кавказа и турецкими берегами, которые, рано или поздно, но сдѣлаются-же, наконецъ, берегами русскими и море Черное станетъ моремъ чисто русскимъ, подойдемъ ближе къ Айвазовскому какъ къ человѣку-гражданину, и спросимъ его, въ чемъ заключается причина, что все многочисленное собраніе 7 октября, состоявшее изъ лицъ самыхъ разнородныхъ по положенію своему и по состоянію,—лицъ, начиная отъ стоящихъ близъ трона сановниковъ до бѣдныхъ тружениковъ художества и искусства и до юныхъ учащихся—всѣ поспѣшили откликнуться на приглашеніе радушнаго хозяина, всѣ явились, никого не было въ нѣтяхъ. Мнѣ кажется, если-бы И. К. Айвазовскій послалъ приглашеніе и своему своенравному нѣкогда наставнику, профессору Таннеру, злобная зависть котораго чуть не погубила въ 1836 г. выступившаго на поприще художественной дѣятельности Айвазовскаго [1]); если-бы, говоримъ мы, могло дойти и до него, Таннера, давно уже сномъ смерти опочившаго, приглашеніе, то, всеконечно, и онъ явился-бы съ величайшимъ удовольствіемъ на эту дружественную и торжественную трапезу. Въ чемъ заключается причина этого явленія? Въ томъ ли только, что общество видитъ предъ собою мощный талантъ и того, какъ мы уже сказали, богатыря, который созидаетъ славу нашего отечества? Нѣтъ, не одно только это сознаніе, что предъ нами стоитъ человѣкъ вполнѣ историческій, но что именно предъ нами человѣкъ—какъ гражданинъ земли

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 657—670.

русской — заслуживаетъ полнѣйшей симпатіи. Вотъ что привлекло за эти столы многочисленныхъ гостей и заставило ихъ здѣсь соединиться въ столь тѣсную семью. Всѣ здѣсь присутствующіе дѣйствительно одушевлены однимъ чувствомъ уваженія и любви къ Айвазовскому.

Въ самомъ дѣлѣ, всю свою жизнь онъ свято исполнялъ Богомъ данное ему призваніе: онъ честно служилъ русскому народу дарованнымъ ему талантомъ; онъ, прославляя себя, прославилъ имя русскаго человѣка. Ни почести, ни чины, ни богатѣйшее вознагражденіе за его труды не могли не только уничтожить, ниже ослабить присущія ему душевныя качества. Доброта, привѣтливость, радушіе Айвазовскаго извѣстны издавна. Многіе изъ присутствующихъ на настоящемъ обѣдѣ многократно воспользовались знаменитымъ гостепріимствомъ владѣльца роскошнаго имѣнія близъ города Ѳеодосіи, а пробѣжитъ туда въ близкомъ будущемъ желѣзная дорога,—пробѣжитъ-же она, наконецъ, туда,—и число посѣтителей Ѳеодосіи значительно увеличится. Никогда, во всю свою жизнь, Айвазовскій не забывалъ, при какой бѣдности, при какой безвѣстности онъ,—самая фамилія котораго была для него еще въ 1836 году вопросомъ, ибо онъ писалъ и его называли: то Гайвазовскій, то Айвазовскій, — при какой безвѣстности началъ онъ свою дѣятельность, и потому сердце его всегда было и есть открыто для его бѣдствующихъ собратій по художеству. Никогда художникъ, въ особенности русскій, обращавшійся къ Айвазовскому, не былъ имъ невыслушанъ и неподдержанъ. Все это всѣмъ извѣстно. Выйдя изъ самой глубины низшаго слоя добраго русскаго народа, въ которомъ растворяются всѣ элементы инородческіе, въ томъ числѣ и армянскіе, и усвоиваются лучшія черты великорусскаго племени, Айвазовскій — вполнѣ русскій человѣкъ со всѣми его добрыми качествами.

Отмѣтимъ въ немъ черту какъ художника: никогда онъ не порывалъ связей съ академіею художествъ, своею учительницею; всегда сознавалъ, какъ много онъ былъ ей обязанъ. Между тѣмъ, кто не знаетъ, что эта почтенная старушка (ей теперь уже идетъ 122-й годъ!) бывала, въ особенности въ прежнее время, и своенравна, и капризна по отношенію даже къ Айвазовскому. Въ интересныхъ Запискахъ Ивана Константиновича («Русская Старина» изд. 1878 г.), мы читаемъ, между прочимъ, разсказы о томъ, что нерѣдко академія, именно потому, что она (говоримъ про прежнее время) капризная старушка, не находила иногда въ своихъ залахъ, во время выставокъ, удобнаго мѣста для картинъ своего знаменитаго мариниста, и развѣшивала ихъ то высоко, то въ дурно освѣщенныхъ углахъ, предпочитая имъ иногда произведенія болѣе слабой кисти. Но Айвазовскій,

зная, что это лишь припадки каприза и своенравія, относился постоянно ровно къ своей учительницѣ, не прерывалъ никогда съ нею связей, всегда стоялъ выше интригъ, козней, дрязгъ, чуждался сплетень, не принадлежалъ ни къ какимъ кружковымъ партіямъ, всегда былъ выше этого, и вотъ, посмотрите, какъ возликовала наша заслуженная старушка академія художествъ въ день сегодняшняго торжества, какъ сердечно, какъ любовно обняла она славнаго своего питомца!

Да! Иванъ Константиновичъ, проживъ до глубокой старости, можетъ высоко держать свое чело, не опуская глазъ ни предъ кѣмъ; жизнь его, какъ гражданина-художника, не имѣетъ пятенъ. Пусть же будетъ она поучительна для всѣхъ, начиная съ лицъ, стоящихъ высоко у власти, до тѣхъ, которые лишь вступаютъ на жизненный тернистый путь. Пусть помнятъ всѣ они, что лишь глубокая искренняя преданность своему долгу, честность, въ особенности же доброе сердце, чуткая отзывчивость на все, съ чѣмъ связано благо и слава дорогаго нашего отечества и нашихъ согражданъ, только это вѣнчается, подобно сегодняшнему дню, чувствомъ общимъ для всѣхъ, чувствомъ любви, признательности и уваженія.

IV.

30-го сентября 1887 г. въ собраніи с.-петербургской городской думы прочитано было секретаремъ собранія благодарственное письмо И. К. Айвазовскаго, къ общественному управленію столицы обращенное.

Такъ какъ письмо это составитъ не безъинтересную страницу въ біографіи маститаго художника, то мы перепечатываемъ этотъ документъ изъ «Извѣстій С.-Петербургской Городской Думы». (1887 г., № 38, стр. 277—278):

— «26-го сентября, въ день пятидесятилѣтняго юбилея моей художественной дѣятельности, общественное управленіе С.-Петербурга почтило меня своимъ привѣтомъ. Глубоко тронулъ меня этотъ высокій знакъ сочувствія къ моей художественной дѣятельности.

«Питомецъ императорской петербургской академіи художествъ,— я не могъ не вспомнить, что здѣсь, въ Петербургѣ, болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, я увидѣлъ зарю первыхъ моихъ успѣховъ; здѣсь, въ дорогомъ для меня городѣ, еще въ 1836 году, общество встрѣтило мои картины самымъ ободряющимъ вниманіемъ и тѣмъ возбудило во

мнѣ энергію всецѣло отдаться моему призванію служить пламенно любимому отечеству — въ качествѣ художника.

«Сюда, въ Петербургъ, всегда влекло меня сердце, и съ нимъ, съ этимъ славнымъ городомъ, дѣлился я, въ теченіи болѣе полувѣка, произведеніями моей кисти, представляя ихъ на выставки, оставляя на стѣнахъ общественныхъ музеевъ и частныхъ собраній, дворцовъ и зданій лицъ различнаго положенія и состоянія.

«И какъ тепло, какъ сердечно относилось ко мнѣ всегда общество петербургское! Нынѣ оказанный въ Петербургѣ высокій мнѣ почетъ, достойно увѣнчавъ полувѣковыя отношенія ко мнѣ его населенія, ярко озарилъ закатъ моей труженической жизни самымъ живительнымъ свѣтомъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, что сочувствіе ко мнѣ Петербурга послужитъ какъ настоящимъ, такъ и грядущимъ нашимъ художникамъ самымъ живымъ свидѣтельствомъ того, что въ Россіи и этотъ родъ служенія отечеству всегда найдетъ высоко-нравственную поддержку со стороны не только отдѣльныхъ лицъ и общества, но и общественныхъ управленій, соединяющихъ въ своей средѣ представителей всего населенія.

«Примите и передайте, ваше превосходительство, Николай Николаевичъ [1]), с.-петербургской городской думѣ выраженія безпредѣльной моей признательности. Иванъ Айвазовскій».

Собраніе постановило: напечатать письмо профессора Айвазовскаго въ «Извѣстіяхъ Городской Думы», что и было сдѣлано.

Мих. Семевскій

---

[1]) Исправлявшій должность городскаго головы — Н. Н. Медвѣдевъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восемнадцатый. ДЕКАБРЬ. 1887 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историч. очеркъ. Гл. X—XIII. Сост. М. А. Колчинъ . 591

II. Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в. Сост. В. И. Семевскій. 619

III. Записки Николая Никифоровича Мурзакевича. Гл. XX—XXI. Съ примѣч. кн. В. Д. Дабижа. . 649

IV. Русская Америка, 1862—1863. Сообщ. П. П. Андреевъ . . 681

V. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Новыя изданія его сочиненій, 1887. Сообщ. В. Е. Якушкинъ. 697

VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Стихотвореніе 1841 г. Сообщ. профес. П. А. Висковатовъ . 731

VII. Николай Васильевичъ Гоголь, служба его въ Патріотическомъ институтѣ, 1831—1835. Сообщ. Н. А. Бѣлозерская. . . . 741

VIII. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи. Біографич. очеркъ. (Окончаніе). Сост. Н. М. Колмаковъ. 757

IX. Императоръ Павелъ и его время. Записки барона Гейкинга, 1796—1801 гг. (Оконч.). Перев. П. О. 783

X. Николай Ивановичъ Пироговъ: записка его о преобразованіи Одесскаго лицея въ университетъ 816

XI. Адольфъ Петровичъ Берже: 1) Дѣятельность его какъ оріенталиста. Сообщ. Н. Гулакъ. — 2) Страница изъ посмертныхъ записокъ Ад. П. Берже. . . 819

XII. Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ: 1) Двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности, 1862—1887 гг. Сообщ. Г. К. Градовскій.—2) Автобіогр. замѣтки . 828

XIII. Историческіе документы и замѣтки: О царскихъ погребальныхъ саняхъ (837). — Московская старина (756).—Кн. А. Б. Куракинъ (618). — Павелъ Озерецковскій (843).—1815-й годъ. Сообщ. А. Ѳ. Кони (845).—Звѣрьяда (739). — Александръ II въ 1837 г. (676) — К. Брюловъ, М. Глинка и Н. Кукольникъ (848).—Акварели Ѳ. Г. Солнцева (851).

XIV. „Русская Старина“ въ 1887 г.: 1. Обзоръ двѣнадцати книгъ — 2. Сотрудники, 1870—1887 гг.— 3. Подписчики въ 1887 г.

XV. Библіографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ-группа: К. П. Брюлловъ, М. И. Глинка и Н. В. Кукольникъ, гравюра съ акварели П. А. Каратыгина (1840 г.).—II. Медальонъ Петра I, пожалованный архангельскому купцу Баженину. — III. Указатель личныхъ именъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Все изданіе «Русской Старины» изд. 1887 г. разошлось сполна.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1887.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1887 г.

Война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг. Сочиненіе генер.-маіора Андр. Никол. Петрова. Спб. 1885—1887 гг. Три тома, съ приложеніемъ плановъ и картъ.

Трудъ удостоенъ отъ Академіи Наукъ полной преміи въ 1500 руб., преміи имени Макарія, митрополита московскаго, причемъ разборъ сочиненія Андр. Ник. Петрова былъ составленъ, по приглашенію Академіи Наукъ, профессоромъ академіи генеральнаго штаба генер.-лейт. Г. А. Леромъ. По отзыву всѣми уважаемаго профессора, къ которому мы вполнѣ присоединяемся, Андр. П. Петровъ, въ своемъ обширномъ и многолѣтнемъ трудѣ, составляющемъ продолженіе еще бо́льшаго сочиненія того же автора и также удостоеннаго отъ академіи преміи: «Вторая турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II (1787 — 1791 гг.)»—явилъ «многосторонность. Онъ отвелъ широкое мѣсто въ своемъ военно-историческомъ изслѣдованіи — политическимъ дѣламъ, а въ дѣлахъ военныхъ не ограничивается, подобно писателямъ старой школы, только одною лицевою стороною, описаніями маршей и битвъ, но посвящаетъ особое вниманіе не бросающейся въ глаза, но за то крайне важной изнанкѣ дѣла, т. е. вопросамъ объ устройствѣ снабженія армій на театрѣ военныхъ дѣйствій, объ устройствѣ продовольственной и санитарной частей и прочихъ административныхъ учрежденій».

Какую бы великую службу оказало настоящее изслѣдованіе почтеннаго генерала-историка, если-бы оно явилось въ 1820-хъ годахъ! Вожаки русско-турецкихъ войнъ 1828—1829 гг., 1853—1855 гг., 1877—1878 гг. нашли бы много для себя полезнаго въ этой книгѣ, но, увы, русскіе люди издавна заднимъ умомъ крѣпки! Не любимъ мы смотрѣть правдѣ въ глаза, а дѣлая дѣло—не справляемся съ опытомъ и исторіей и повторяемъ старые промахи, дорого, слишкомъ дорого за то расплачиваясь и людьми, и деньгами, и умаленіемъ политическаго значенія Россіи! Такъ и теперь: чего ужаснѣе пережитаго въ 1877—1878 гг., и много славы, и много, много горечи для той же русской славы; казалось бы, надо все это сохранить на скрижаляхъ печатной исторіи, чѣмъ скорѣе, тѣмъ не только лучше, но крайне, крайне необходимо. А мы ждемъ, когда перемрутъ разныя могущія обидѣться самолюбія и хоронимъ подъ-спудъ матеріалы и сказанія современниковъ, лишая себя возможности освѣтить ихъ критикою правды. И грянетъ новая война съ бо́льнымъ человѣкомъ Востока, опирающимся на западныхъ недруговъ Россіи, и вновь опытъ пережитаго никакой пользы не принесетъ, и лишь спустя лѣтъ 60 явится новый трудолюбивый и талантливый Андрей Николаевичъ Петровъ и получитъ за свое изслѣдованіе: «Война 1877—1878 гг.» полную отъ академіи премію... Ну, и слава Богу! А пока будемъ читать, и съ большимъ удовольствіемъ, дѣйствительно интересное, отличнымъ языкомъ написанное и крупнымъ, четкимъ шрифтомъ отпечатанное соч. нашего времени Андр. Никол. Петрова: «Война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг.».

М. С.

Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства Т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣд. Д. И. Багалѣя. М. 1887. XVI+614, съ картою для 2-й четверти XVIII стол. Ц. 4 р.

Первоначально трудъ этотъ былъ помѣщенъ въ «Чтеніяхъ моск. общ. исторіи за 1886 годъ». Настоящій первый томъ его состоитъ изъ пяти главъ. Первая изъ нихъ посвящена историко-топографическому очерку степной окраины московскаго государства; вторая—московской государственной колонизаціи до Алексѣя Михайловича; третья—переселеніямъ въ московское государство малороссіянъ за тотъ же періодъ; четвертая—русской государственной колонизаціи со времени Алексѣя Михайловича; наконецъ, пятая—малорусской колонизаціи со времени Алексѣя Михайловича. Для своего объемистаго труда авторъ воспользовался многочисленными матеріалами въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и мѣстныхъ харьковскихъ архивахъ, а также въ возможной полнотѣ и печатною литературою. Самый выборъ темы нельзя не одобрить, такъ какъ авторъ состоитъ преподавателемъ въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ въ послѣднее время стали сосредоточиваться и разби-

ССЫЛЬНЫЕ И ЗАТОЧЕННЫЕ ВЪ ОСТРОГѢ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

X [1]).

Губернскій секретарь Пархомовъ.

Въ 1742 году изъ г. Архангельска, при указѣ Варсанофія, архіепископа архангельскаго, былъ присланъ въ Соловецкій монастырь Бѣлгородской губерніи губернскій секретарь Максимъ Пархомовъ „за немаловажную его духовную вину“, причемъ велѣно, расковавъ его, держать въ монастырскихъ трудахъ неисходно. Человѣкъ онъ по тому времени былъ довольно образованный, зналъ грамматику, риторику, латинскій, греческій и нѣмецкій языки. „Немаловажная духовная его вина“ была такого рода.

1722 года 8-го ноября, въ одномъ женскомъ монастырѣ, расположенномъ въ окрестностяхъ Бѣлгорода, происходило необычное дѣйствіе: постриженіе замужней женщины въ монашество. При обычномъ всѣмъ постриженницамъ вопросѣ священника: „почто, дщерь, притекла еси?“, она нервно вздрогнула, углы рта искривились въ стр дальческую улыбку, что-то въ родѣ протеста, отказа готово было сорваться съ языка ея, но суровый

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 45—71; ноябрь, стр. 333—360.

взглядъ мущины, стоявшаго нѣсколько поодаль ея, точно надвисшій мечъ надъ головою, заставилъ ее дать уставный отвѣтъ: „иноческаго житія хощу, отче честный". Когда же, послѣ вычисленія всѣхъ обязанностей и тягостей монашеской жизни, ее спросили—волею ли она хочетъ ангельскаго житія, языкъ ея отказался дать отвѣтъ, нервная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу и крупныя слезы потекли изъ глазъ. Послѣ постриженія, когда стали на нее накладывать монашеское платье, силы окончательно покинули ее, ноги подкосились и она только потому не упала, что стоящіе возлѣ нея монахини поддержали ее подъ руки. Послѣ окончанія обряда, ее, совершенно обезсиленную, унесли въ приготовленную ей келью. Всѣ присутствующіе, пораженные этимъ печальнымъ случаемъ, плакали.

Этому событію предшествовала длинная семейная драма.

Секретарь Бѣлгородской губ., Максимъ Пархомовъ, былъ женатъ уже лѣтъ семь и имѣлъ четверыхъ дѣтей; жену его звали Ириной. Жили они сначала согласно, любовно, но на бѣду приглянулась ему чернобровая статная красавица Дарья, жена Григорія Козмовскаго, обывателя г. Бѣлгорода. Страсть Пархомова разгоралась все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала противѣть ему его худенькая жена Ирина. Къ увеличенію зла, на привязанность Пархомова Дарья отвѣчала ему взаимностью, и они вступили въ преступную связь. Съ этихъ поръ для жены Пархомова начинается не жизнь, а каторга: ненавидимая мужемъ, она должна была выносить всевозможныя униженія и тяжкія истязанія. Одна отрада въ жизни ея были дѣти: это только спасало ее отъ самоубійства.

Случилось, что мужъ любовницы Пархомовъ вскорѣ умеръ и она, сдѣлавшись свободной, начала добиваться скрѣпленія своей связи бракомъ. Но для этого нужно было, чтобы жена Пархомова или умерла, или постриглась въ монашество. Естественная смерть не приходила, а на убійство они не рѣшались, оставалось одно: уговорить Ирину постричься въ монашество. Все было пущено въ ходъ: и ласки, и угрозы, голодъ и смертные побои, но бѣдная женщина не сдавалась, выносила всю эту каторгу ради дѣтей. Видя неуспѣшность всѣхъ своихъ стараній, чтобы согласить жену къ постриженію, Пархомовъ рѣшился на отчаянный шагъ—постричь ее силою. Невозможное дѣло нынѣ, насильное

постриженіе, въ старое время было въ большомъ ходу,—примѣры подавались къ этому свыше. Не полюбилась жена, надо жениться на другой; незаконная связь преслѣдовалась и государствомъ, и обществомъ, разводъ не дозволялся, а можно было заживо погребсти жену въ монастырѣ и съ чистою совѣстью пожениться на другой. Секретарь, важное лицо въ губерніи въ то время, избивъ жену до полусмерти, ведетъ ее въ монастырь и заставляетъ, при его же глазахъ, постричь ее въ монахини. Схоронивъ жену въ монастырѣ, Пархомовъ черезъ четыре дня перевѣнчался со своей возлюбленной Дарьей.

Проходитъ годъ. Пархомовъ, съ чистою совѣстью, какъ законный мужъ, живетъ со своей красавицей Дарьей. Несчастная инокиня Иродіада, въ тиши монастыря, забывъ побои, вздумала снять съ себя ненавистное черное платье, и съ этою цѣлью подаетъ просьбу въ духовную династерію, жалуясь на насильное постриженіе, проситъ разрѣшить ее отъ узъ монашества. Духовная династерія уважила просьбу жены Пархомова и освободила ее отъ монашества, о чемъ ей и выдали на руки указъ. Къ мужу она не смѣла явиться, а поселилась жить у своихъ родныхъ. Духовная династерія, принявъ фактъ насилія и освободивъ отъ монашества жену Пархомова, самого Пархомова не коснулась, не подвергла его никакому наказанію за насиліе; онъ преспокойно поживалъ со своей новой женой Дарьей, когда другая жена Ирина, боясь явиться къ нему, скиталась по родственникамъ. Минуло еще три года, у Пархомова отъ Дарьи родился сынъ Богданъ; по этому случаю, на радостяхъ, онъ задалъ большой пиръ. Кто-то, оскорбленный на этомъ пиру, изъ мести, написалъ въ синодъ доносъ, что Пархомовъ имѣетъ двухъ живыхъ женъ. Для обсужденія этой жалобы, 16-го декабря 1726 г., было въ синодѣ особое засѣданіе, на которомъ рѣшили, что постриженіе первой жены Ирины и бракъ со второй Дарьей Козмовской были противны уставамъ церкви, а потому рѣшили: бракъ Пархомова съ Дарьей Козмовской расторгнуть и считать недѣйствительнымъ, а велѣть ему, Пархомову, снова жить съ первой своей женой Ириной, если она того сама пожелаетъ; Пархомова же до конца жизни ни съ кѣмъ болѣе не вѣнчать. Для выслушанія этого приговора Пархомовъ былъ вытребованъ, въ маѣ 1727 г., въ С.-Петербургъ и далъ своеручную росписку

въ этомъ. Первая жена Пархомова, больная, еле живая, отказалась жить съ нимъ; вскорѣ она умерла.

Пархомовъ, давъ росписку, что не будетъ жить со второй женой, преспокойно отправился вмѣстѣ съ нею въ свою вотчину въ Переяславскую губ., и началъ жить по старому. У нихъ опять родился ребенокъ, дочь Елисавета, и Пархомовъ такъ былъ радъ этому случаю, что родины и крестины праздновалъ на широкую ногу. Объ этомъ случаѣ не преминули донести синоду, выставляя празднованіе родинъ и крестинъ какъ бы насмѣшкою надъ рѣшеніемъ синода. Синодъ, видя упрямство Пархомова относительно несожитія съ Дарьей Козмовской, рѣшилъ, на страхъ другимъ, предать его отлученію отъ церкви и анаѳемѣ. Синодскимъ указомъ отъ 5-го мая 1729 г. велѣно Пархомова и Дарью Козмовскую въ церкви не пущать, ни до какихъ таинствъ не допущать и ни съ какими требами духовенству въ домъ ихъ не входить. Должно быть крѣпка была ихъ взаимная привязанность, что, не смотря на такія страшныя въ то время мѣры синода, они не думали разлучаться и просить у синода пріобщенія къ церкви. Пождавъ полгода раскаянія и смиренія отлученныхъ супруговъ, синодъ рѣшился прибѣгнуть уже не къ духовнымъ мѣрамъ строгости; онъ послалъ указъ въ юстицъ-коллегію, чтобы она распорядилась розыскомъ беззаконниковъ, если найдетъ ихъ, то прислала бы въ синодъ для наказанія. Но не тутъ-то было. Услыхавъ о такомъ распоряженіи, беззаконники уѣхали въ одну глухую свою вотчину, около Глухова, и тамъ „аки свиніи въ блатѣ чрезъ многихъ лѣтъ валялись въ прелюбодѣйствѣ“.

Прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ Пархомовъ скрылся, много произошло перемѣнъ за это время на Руси, много правителей смѣнилось. Въ 1741 г. Пархомовъ задумалъ попытать счастья: онъ обратился въ кабинетъ принцессы Анны Брауншвейгской, съ просьбою освободить его отъ наказанія, въ юстицъ-коллегію не спрашивать и разрѣшить законное сожитіе съ Дарьей Козмовской, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время синодъ распорядился секвестромъ пархомовскихъ деревень, пока онъ не явится въ синодъ. Просьба его была уважена. Получивъ изъ кабинета указъ, онъ имѣлъ оплошность явиться съ нимъ въ синодъ для ходатайства о причтеніи къ церкви и тамъ былъ заарестованъ.

Сидя подъ карауломъ, скованный, Пархомовъ подаетъ синоду донесеніе, въ коемъ объявляетъ, что постановленія синода объ отлученіи отъ церкви признаетъ правильнымъ, и что жить болѣе съ Дарьей Козмовской не будетъ. Представленный предъ собраніемъ синода, онъ выразилъ тоже словесно. За такое покаяніе его освободили отъ оковъ, оставивъ подъ арестомъ. Но трудно было Пархомову отказаться отъ любимой женщины, съ которой прожилъ 20 лѣтъ, и онъ началъ умолять синодъ не разводить его съ Дарьей, простить его старую вину, дать возможность дожить имъ свой вѣкъ вмѣстѣ на законномъ основаніи. Такую просьбу синодъ счелъ дерзостью и оковы снова на него были наложены. Такимъ образомъ, Пархомовъ содержался при синодѣ 8 мѣсяцевъ, то вполнѣ раскаиваясь и подчиняясь рѣшенію синода, то прося разрѣшенія жить съ женою. Но при каждой попыткѣ просить разрѣшенія жить съ Дарьей на него налагались оковы, и снимали ихъ лишь тогда, когда онъ отказывался отъ такого злаго намѣренія. Въ началѣ 1742 г. нашли и Дарью Козмовскую въ Глуховѣ и прислали ее въ синодъ подъ караулъ. Перепуганная женщина согласилась на все, отказывалась отъ мужа, лишь бы дали ей свободу. Наконецъ, и Пархомовъ, и жена его окончательно объявили, что они болѣе не будутъ жить вмѣстѣ и просили свободы. Синодъ предварительно предложилъ имъ, дабы загладить ихъ проступки, не пожелаютъ ли они потрудиться въ монастырѣ, онъ въ мужскомъ, она въ женскомъ, но они отказались.

Получивъ отъ Пархомовыхъ раскаяніе, синодъ все-таки не рѣшался выпустить ихъ на свободу, опасаясь, что и послѣ этого они снова начнутъ „въ плотоугодіи пребывать“, а потому опредѣлилъ: Пархомова и Дарью Козмовскую отъ клятвъ и анаѳемы по церковному чиноположенію разрѣшить и ввести ихъ, какъ уставъ повелѣваетъ, въ церковь. Принимая во вниманіе важность ихъ вины, сочинить краткое письменное объясненіе ихъ проступка и приказать чередному архіерею въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ въ воскресный день, при собраніи народа, прочесть послѣ присоединенія Пархомовыхъ къ церкви. А чтобы Пархомовы не имѣли возможности жить вмѣстѣ, то рѣшили, заковавъ ихъ, отослать Пархомова въ Соловецкій монастырь, а Козмовскую въ одинъ изъ женскихъ монастырей.

Въ первое воскресенье послѣ крещенья 1742 г. въ Петропавловскомъ соборѣ состоялось торжественное присоединеніе къ церкви Пархомова и Козмовской, послѣ чего служащій архіерей прочелъ описаніе ихъ вины, которое заканчивалось приговоромъ:

—„Онаго Пархомова и Козмовскую отъ наложенныхъ на нихъ клятвъ и анаѳемы по церковному чиноположенію разрѣшить и въ церковь ввести ихъ, яко же чинъ и уставъ церкви о таковѣхъ повелѣваетъ, а о важности преступленія ихъ для публичнаго въ церкви прочтенія сочинить краткое на письмѣ изъясненіе, и то все учинить въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ въ воскресный день, при народномъ собраніи, чредослужащему архіерею. (Что и учиняется).

„Понеже оные Пархомовъ и Козмовская не устрашася таковыхъ нашихъ клятвъ и гнѣва божія и безсовѣстно и каменносердечно аки свиніи въ блатѣ чрезъ многихъ лѣтъ валялись въ прелюбодѣйствѣ и сами отъ своего произволенія съ покаяніемъ къ св. церкви не возвратились, и уже въ арестѣ будучи, особливо оный Пархомовъ, разными св. синоду доношеніями, повинуясь св. церкви и суду духовному и обѣщаваясь къ тому съ Козмовскою не жити, употреблялъ прошеніе о неразводѣ ихъ. И тако, ежели по принятіи ихъ къ св. церкви, попустить ихъ свободно жити отнюдь не надежно, чтобы они всесовершенно разлучились, но есть крайняя опасность паки по своему безстрастію и каменносердечію не впали въ прежнее скверное беззаконіе и не спогиблибъ съ душами своими вѣчно, какъ и прежде, за учиненнымъ уже проклятіемъ, то чинили. И для того, во отвращеніе отъ таковаго ихъ душепагубнаго сквернодѣйства, а на наставленіе ихъ къ покаянію и на путь спасенія, разослать ихъ каждаго въ монастыри подъ карауломъ скованныхъ“.

Такое торжественное присоединеніе къ церкви, подобное вывозу на эшафотъ, собрало громадную массу народа и Пархомовы, навѣрное, не одну недѣлю были темою для разговора.

О судьбѣ Дарьи я не имѣю никакихъ свѣдѣній; самъ же Пархомовъ, скованный, былъ 1 февраля того года отправленъ чрезъ Архангельскъ и Суму въ Соловецкій монастырь подъ конвоемъ двухъ синодскихъ солдатъ. Монастырскому начальству приказывалось расковать его и держать въ монастырскихъ трудахъ до кончины живота его неисходно, подъ надлежащимъ при-

смотромъ, чтобы онъ побѣгу не учинилъ, во всякомъ воздержаніи и наблюдательствѣ, и велѣть приходить ему къ божественной службѣ всегда и слушать ее со всепрележнымъ усердіемъ объ отпущеніи тягчайшаго своего согрѣшенія моленіемъ. Велѣно было поручить наблюденіе надъ нимъ какому либо опытному старцу и сему послѣднему вмѣнено въ обязанность дѣлать Пархомову наставленія. Особенное вниманіе приказывалось обратить на то, чтобы Пархомовъ не переписывался со своей женой, но по запросу архимандрита монастыря ему дозволено было переписываться съ дѣтьми и знакомыми, письма Пархомова къ которымъ сохранились при дѣлѣ, и я приведу нѣкоторыя изъ нихъ, такъ какъ они знакомятъ съ состояніемъ ссыльныхъ.

Разлука съ любимой женой, оторванность отъ родины, благодатной Малороссіи, и поселеніе въ такомъ крайсвѣтномъ монастырѣ, какъ Соловки, сильно повліяли на бѣднаго Пархомова. Ему становилось въ Соловкахъ такъ невыносимо, хотя онъ жилъ на свободѣ и сравнительно хорошо, что онъ сталъ просить какъ милости каторжной работы, писалъ объ этомъ и дѣтямъ и друзьямъ. По поводу этихъ писемъ и не разъ выраженнаго Пархомовымъ желанія быть переведеннымъ въ Петербургъ на каторгу, архимандритъ доносилъ синоду, что Пархомовъ ведетъ себя хорошо, но просится на каторгу и, описывая его отчаяніе, боится, „чтобы отъ онаго Пархомова обители убытку, а невиновнымъ напраснаго страданія не учинилось“. Изъ дѣла не видно была-ли уважена просьба Пархомова о переводѣ на каторгу, видно только, что онъ былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ.

Письма Пархомова изъ Соловокъ.

—„М. г. мой, Павелъ Васильевичъ! Прошу васъ, государя моего, не оставить меня прегорчайшаго невольника въ забвеніи. И елико Богъ тебѣ да поможетъ, сотвори милость. Изъ дѣтей моихъ ежели кого случится вамъ гдѣ видать, изволь сказать, что при отпускѣ сего письма я живъ. А дѣти мои служатъ въ арміи: Левъ капитаномъ въ Рязанскомъ драгунскомъ полку, Савва подпоручикомъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, Христофоръ—прапорщикомъ въ Новотроицкомъ драг. пол., Богданъ каптенармусомъ въ Слободскомъ драг. полку. И скажи, пожалуй, имъ, ежели изъ нихъ кого увидишь, чтобъ они о свободѣ моей изъ такой прегорькой моей неволи и ссылки били челомъ. А я въ прегорькой неволѣ и ссылки стражду съ два года и о нихъ, дѣтяхъ своихъ, всѣ-ли они живы, гдѣ и какъ обрѣтаются ни о чемъ неизвѣстенъ, и писемъ отъ нихъ ни отъ кого здѣсь, въ крайсвѣтномъ заморскомъ островѣ,

не получалъ, ибо и переслать не можно. Опиши, пожалуй, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ и изъ бѣлаго свѣта въ наше невольное, прегорькое и прескорбное темное мѣсто. А ежели кто человѣколюбецъ, милостивая утроба, ту высокую милость ко мнѣ показалъ и отъ сей прегорькой ссылки чрезъ его милостивое представительство меня свободили, а вмѣсто сей ссылки въ каторжную работу меня отдали, съ радостію моей души готовъ на каторгу, нежели въ семъ крайсвѣтномъ, заморскомъ, темномъ и студеномъ, прегорькомъ и прескорбномъ мѣстѣ быти. Здѣшней же горести нашей и описать не можно. Да подастъ вамъ всевышній Богъ на бѣломъ свѣтѣ при всякомъ благополучіи здравствовать на множество лѣтъ, чего я вамъ сердечно желаю. Азъ въ прегорьчайшей моей неволѣ въ денно и въ ночномъ моемъ рыданіи остаюсь вамъ слугою секретарь М. Пархомовъ. 4 февр. 1743 г. Соловки". (Синодскому канцеляристу Шеславскому).

—„Богданъ Максимовичъ, свѣтъ очей моихъ, здравствуй!

Я Божіею милостію въ прегорьчайшей неволѣ, въ ссылкѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ еще по волѣ божіей живъ. Отсюда же я послалъ къ вамъ и писалъ о своей горести четыре письма. А тѣ письма посланы въ Москву, въ пакетѣ, къ г-ну капитану Михаилу Семенову Ладыгину, да г-ну секретарю Сергѣю Ив. Попову. И изъ оныхъ вы получили-ли, о томъ отъ васъ и отъ ихъ милости ни отъ кого сюда къ себѣ писемъ я не получалъ и по нынѣ. Здѣсь при горьчайшей моей неволѣ и въ ссылкѣ стражду другой годъ, а въ С.-Петербургѣ, при св. синодѣ, въ казармѣ, содержался девять мѣсяцевъ подъ крѣпкимъ карауломъ. По указу св. синода велѣно солов. мон. о. архимандриту въ какомъ я буду состояніи, обо мнѣ въ синодъ писать, который по тому указу обо мнѣ, что я въ смиреніи нахожусь, и писалъ. И притомъ и мое прошеніе о свободѣ меня изъ ссылки послано марта 26 ч., прошлый годъ. На то все въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ прошломъ году, присланъ къ нему, о. архимандриту, указъ, что доношеніе и прошеніе мое получены, и обо мнѣ велѣно писать, какъ мнѣ въ ссылкѣ годъ пройдетъ. Нынѣ писалъ я къ отцу архимандриту съ прошеніемъ, чтобы онъ пожаловалъ по тому вторичному указу и обо мнѣ отписалъ и притомъ мое прошеніе въ синодъ къ нему послалъ, понеже въ зиму онъ обрѣтается на сухомъ тамъ берегу (а мы въ монастырѣ, за моремъ, на островѣ) и что изволитъ учинить того не знаю.

Когда ты сіе мое письмо получишь, какъ можешь у господъ своихъ командующихъ попроси объ отпускѣ себя и поѣзжай въ Москву или С.-Петербургъ, гдѣ св. синодъ обрѣтается, и проси милости у нихъ. И гдѣ тебѣ Господь способность подастъ о свободѣ меня изъ прегорьчайшей сей неволи изъ ссылки, тамъ и проси. Лучше бы быть мнѣ на каторгѣ, нежели въ здѣшнемъ крайсвѣтномъ на морѣ Соловецкомъ островѣ. Не токмо здѣшнимъ морскимъ жестокимъ, ядовитымъ воздухомъ человѣческое здоровье, но и желѣза съѣдаются. И ежели милости о свободѣ моей не получишь, то проси и бей челомъ и прямо напиши, чтобъ меня изъ сей ссылки взяли и въ каторжную работу въ Спб. отдали..... А письма изъ Москвы или С.-Петербурга посылай на нѣмецкой почтѣ, на г. Архангельскъ, а на пакетѣ надписывай: отдать въ гор. Архангельскъ, губер. секретарю Ѳед. Осип. Котельникову. 3 февр. 1743 года". Писано сыну Богдану).

XI.

1743 г.—распопъ Михайло Степановъ за убійство своей работницы—въ черные труды навѣчно.

1744 г. По указу св. синода велѣно матроса Никифора Куницына „за богоотступное своеручное его письмо, каково писалъ на князь тьмы, содержать его въ вѣчныхъ монастырскихъ до смерти его никуда не исходныхъ трудѣхъ.... и что за такое его тяжкое предъ Богомъ согрѣшеніе во всю свою жизнь приносить Господу Богу покаяніе, приходя съ работъ въ церковь ко всякому славословію по вся дни“.

Въ томъ же году, раскольщикъ Афанасій Бѣлокопытовъ, „за раскольническое его вымышленное толкованіе и за написаніе имъ важныхъ злодѣйственныхъ противныхъ тетрадишекъ и за непокорство святѣй православной восточной церкви и за прочія его воровства, вмѣсто смертныя казни, учинить жестокое наказаніе: бить кнутомъ и, урѣзавъ языка, сослать его во оный вашъ Соловецкій монастырь, въ которомъ содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ до смерти никуда неисходна“.

Въ слѣдующемъ 1745 г. Бѣлокопытову удалось убѣжать изъ тюрьмы, но не надолго; черезъ четыре дня его поймали и снова посадили. Вотъ что онъ разсказываетъ на допросѣ о своемъ побѣгѣ.

Къ окну его тюрьмы, по древнему обычаю, приходили разные люди и приносили подаянія, кто нитокъ, кто холста, кто съѣстнаго. Къ нѣкоторымъ приходящимъ къ нему людямъ онъ сталъ обращаться съ просьбою принести ему досокъ для того, чтобы построить въ своемъ казематѣ чуланъ. Досокъ ему наносили и чуланъ онъ построилъ, хотя топора ему не было дано. Найдя въ стѣнѣ кусокъ желѣза и нѣсколько гвоздей, за чуланною заборкою началъ понемногу ломать стѣну и послѣ долгихъ усилій, наконецъ, проломалъ ее. Въ темную ночь на 15 августа онъ вышелъ чрезъ проломанную дыру изъ каземата, взошолъ на крѣпостную стѣну и оттуда черезъ бойницу на веревкѣ, заранѣе

приготовленной изъ подаяннаго холста и нитокъ, спустился на землю. Выйдя за стѣну, онъ ушелъ въ лѣсъ и, найдя тамъ пустую избу, на время скрылся въ нее. Въ слѣдующую ночь онъ натаскалъ отъ этой избы къ морю досокъ, связалъ ихъ веревкою и на такомъ плотѣ пустился плыть въ море. Но на его несчастіе вѣтеръ былъ неблагопріятный, за море онъ уѣхать не могъ, его снова прибило къ берегу и 20 августа его схватили.

Первая неудача не отбила у него охоты еще попытать счастія какъ либо уйти изъ Соловокъ. Разъ его переводили изъ одного каземата въ другой, дорогой удалось ему незамѣтно взять ножъ. Съ помощію этого ножа онъ началъ у дверей своего каземата прорѣзывать отверстіе, а чтобы не было замѣтно это, то прорѣзанное мѣсто закладывалъ кускомъ дерева. Въ ночь на 14 сентября 1746 г., когда караульные всѣ спали, окончательно прорѣзалъ у двери отверстіе и, выйдя чрезъ него изъ каземата, скрылся въ лѣсѣ. И этотъ побѣгъ былъ неудаченъ: не зная мѣстности, онъ заблудился въ лѣсѣ и 22 сент. былъ пойманъ, засаженъ въ самый крѣпкій казематъ, скованный по рукамъ и ногамъ, и такъ сидѣлъ до смерти.

Въ 1746 г. изъ самарской воеводской канцеляріи, по распоряженію синода, присланъ новокрещенный изъ персіянъ Александръ Михайловъ за то, „чтобы онъ отъ благочестія какимъ либо случаемъ не могъ въ невѣріе обратиться и тѣмъ благочестіе поругано не было и для лучшаго въ благочестивомъ законѣ къ вѣрѣ утвержденія содержать его безысходно съ дачею надлежащаго пропитанія и съ крѣпкимъ смотрѣніемъ“.

Гренадеръ Ѳедоръ Устиновъ и канцеляристъ канцеляріи главной фортификаціи Михаилъ Платановъ за „нѣкоторыя важныя вины“, первый подъ караулъ, другой подъ присмотръ. Платановъ въ томъ же году умеръ.

1748 г. присланъ воспріявшій изъ жидовъ вѣру греческую Павелъ Ѳедоровъ, „дабы онъ отъ православныя вѣры не отвратился“, съ присовокупленіемъ, что если онъ пожелаетъ постричься въ монашество, то постричь его. Дѣйствительно, 1760 г. іюня 22 д., онъ былъ постриженъ монахомъ.

1749 г. Нижегородецъ Григорій Дружининъ, за расколъ, сумасшедшій, въ желѣзахъ и въ тюрьму. Изъ тюрьмы онъ бѣжалъ два раза, и въ обоихъ случаяхъ пойманъ. Какъ иногда бывалъ слабъ надзоръ за арестантами показываютъ побѣги Дружинина. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ у Никольскихъ воротъ, вмѣстѣ съ другими арестантами. Разъ караульные всѣ вышли изъ коридора и забыли задвинуть засовъ у его чулана. Пользуясь этимъ, онъ свободно вышелъ изъ тюрьмы, посидѣлъ немного между коробами въ Никольскихъ воротахъ, пока народъ прошелъ на обѣдъ, потомъ вышелъ изъ-за стѣны въ близь лежащій лѣсокъ и тамъ сбилъ съ ногъ кандалы. Въ лѣсѣ онъ заплуталъ между озерами, и потомъ былъ пойманъ.

1750 г. Игуменъ московской епархіи Крестовоздвиженскаго монастыря Ѳеофанъ „за явное съ женскимъ поломъ грѣхопаденіе“ сосланъ на годъ монастырскихъ трудовъ, а потомъ навсегда простымъ монахомъ. Человѣкъ, должно быть, образованный, что видно изъ описи его книгъ на четырехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Онъ былъ лишенъ игуменства и іеромонашества.

1752 г. По распоряженію архангельскаго епископа іеромонахъ Соловецкаго монастыря Рафаилъ за „волшебство“ лишенъ іеромонашества и отданъ въ монастырскіе поваренные труды, а равно и пономарь Кострюковъ и іеромонахъ Сергѣй за то же преступленіе посажены въ тюрьму.

Того же года. Дворцоваго села Ишеева крестьянинъ Василій Щербаковъ за важную его вину, учинивъ наказаніе, битъ кнутомъ нещадно, посланъ въ Соловецкій монастырь въ монастырскіе труды навѣчно, „понеже онъ, Щербаковъ, явился въ немаловажной винѣ и дабы отъ него впредь таковыхъ важныхъ продерзостей произойти не могло“. Живя въ монастырѣ, Щербаковъ написалъ какую-то тетрадь, которая, будучи отъ него отобрана, отослана въ тайную канцелярію. За написаніе этой тетради въ тайной канцеляріи опредѣлено: „оному Щербакову за сочиненіе имъ вышепоказанной суевѣрной, богопротивной и важной тетрадки и дабы онъ впредь таковыхъ тетрадокъ сочинять не дерзалъ

и имѣлъ бы отъ того крѣпкую предосторожность, и во удержаніе учинить наказаніе: бить плетьми и по учиненіи того наказанія содержать его въ Соловецкомъ монастырѣ, какъ посланнымъ ранѣе указомъ велѣно. Смотрѣть надъ нимъ весьма прилежно, почасту, дабы онъ впредь таковыхъ же тетрадишекъ сочинять не могъ, чего ради пера, чернилъ, бумаги, угля, береста и прочаго къ письму способнаго отнюдь бы при немъ не было и онаго ему не давать". Черезъ три года послѣ этого Щербаковъ умеръ.

1753 г. По распоряженію конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи присланъ раскольщикъ дьячковъ сынъ Иванъ Яковлевъ. Въ инструкціи, присланной вмѣстѣ съ нимъ, приказывается содержать его съ большою строгостію. „Раскольщика дьячкова сына Ивана Яковлева, говоритъ инструкція, за злодѣйственныя богопротивныя важныя его вины (о которыхъ въ тайной канцеляріи явно по дѣлу), сверхъ бывшаго ему розыску, вмѣсто смертныя казни учинить жесточайшее наказаніе: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ ноздри (которое ему и учинено), скована въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ содержать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ подъ крѣпкимъ карауломъ никуда неисходна, и постороннихъ къ нему, кромѣ караульныхъ, ни для чего не допускать, и караульнымъ же разговоровъ съ нимъ никакихъ имѣть не велѣть, и писемъ ни къ кому ни о чемъ писать ему не давать, чего ради пера, чернилъ и прочаго, чѣмъ можно писать, отнюдь бы при немъ не было; смотрѣть же накрѣпко того, дабы онъ не могъ каковымъ образомъ утечки учинить, и во время того его содержанія пищу ему давать токмо одинъ хлѣбъ и воду. А ежели, паче чаянія, оный Яковлевъ станетъ произносить каковыя важныя и непристойныя слова, тогда ему въ ротъ класть кляпъ, который вынимать тогда, когда ему пища давана быть и хлѣбъ, и о томъ, записывая и содержа секретно, изъ онаго монастыря писать въ тайную канцелярію".

При такомъ способѣ содержанія въ уединенномъ мѣстѣ, Яковлевъ имѣлъ силы прожить семь лѣтъ; онъ умеръ безъ раскаянія 11 авг. 1760 г.

Того же 1753 г. Игуменъ Руфъ, черниговскаго Клюшевскаго

монастыря за произнесеніе важныхъ и непристойныхъ словъ жестоко наказанъ плетьми и сосланъ въ Соловки монахомъ. Черезъ годъ снова былъ посланъ игуменомъ въ тотъ же Клюшевскій монастырь.

1754 г. Бывшій уніатскій попъ, принявшій православіе, Корнилій Судиловскій, „который подъ слѣдствіемъ явился въ наиважнѣйшей винѣ“. Содержать его велѣно въ трудахъ подъ карауломъ до кончины живота съ правомъ, впрочемъ, принять монашество.

1755 г. Холмогорецъ Василій Еремѣевъ въ уединенное мѣсто, съ правомъ класть клянъ въ ротъ.

Новокрещенный изъ евреевъ Афанасій Кискинъ за произнесеніе о вѣрѣ Христовой непристойныхъ словъ и поруганіе св. креста, для пребыванія на братской порціи, держать раскована, только подъ присмотромъ, „дабы онъ таковыхъ продерзостей, каковы у него прежде послѣдовали, чинить не могъ“.

Купецъ Яковъ Сергѣевъ, раскольникъ, въ уединенную тюрьму.

Іеромонахъ Высокопетровскаго монастыря Иринархъ „за произношеніе отъ него тягчайшаго богохуленіемъ согрѣшенія. Ему запрещено на три года священнослуженіе и назначено быть въ черной работѣ. Пища монашеская, въ среду и пятокъ сухояденіе, а хмѣльнаго никогда.

1756 г. Колодникъ Макаръ Алексѣевъ. Кто онъ и за что—неизвѣстно. Сказано только, что если онъ будетъ объявлять слово и дѣло или важность, то въ тайную канцелярію его не присылать, а, записавъ оныя секретно, посылать въ тайную канцелярію, а ему чинить за это наказаніе плетьми.

Бывшій іеродіаконъ Боровскаго монастыря Мартирій, а по растриженіи Митрофанъ Васильевъ, „за великоважную его вину,

по учиненіи жестокаго наказанія кнутомъ, содержать вѣчно, неисходно въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ".

Колодникъ Ѳедоръ Васильевъ за „вину его" содержать до кончины живота его никуда неисходна въ тяжкихъ трудахъ, дабы онъ утечки учинить не могъ, скована. Пищу давать ему противъ одного монаха.

1757 г. Свято-троицкой Сергіевой лавры монахъ Серапіонъ Магницкій „за безпокойство"; содержать въ поваренныхъ и хлѣбопечныхъ трудахъ неисходно, а если будетъ чинить безпокойство, то держать въ тюрьмѣ.

Сержантъ Московскаго полка Алексѣй Совѣтовъ „за учиненіе имъ продерзостной вины и не раскаяніе" содержать пять лѣтъ въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ.

1758 г. Новгородскаго Юрьева монастыря іеродіаконъ Іоасафъ Масловъ „за вину его" быть въ монастырѣ въ вѣчномъ неисходномъ житіи, а ежели, паче чаянія, оный Іоасафъ, будучи въ томъ монастырѣ, станетъ за собою или за кѣмъ другимъ сказывать слово и дѣло по 1 и 2 пунктамъ, или объявлять важность, то ему въ томъ, за многимъ его подозрительствомъ, не вѣрить и оговоренныхъ имъ людей подъ караулъ не брать и въ тайную канцелярію не присылать, а за то его сказыванье имъ слова и дѣла и объявленіе важности чинить въ монастырѣ наказаніе плетьми и для извѣстія объ этомъ писать въ тайную канцелярію.

1759 г. Присланъ изъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи колодникъ Петръ Салтыковъ, коего велѣно было содержать до кончины живота его никуда изъ онаго монастыря неисходно подъ карауломъ и поступать во всемъ, какъ отъ тайной канцеляріи опредѣлено „непремѣнно". При Салтыковѣ присланъ для услугъ его дворовый человѣкъ Игнатій Рагозинъ съ тѣмъ, что если Салтыковъ захочетъ отпустить Рагозина, то прислать его сначала въ тайную канцелярію. Зимою 1762 года Салтыковъ былъ освобожденъ. Объ его освобожденіи была послана экстренная

грамота въ зимнее время, и арестантъ былъ немедленно увезенъ въ Петербургъ.

Въ 1759 году присланы:

Два вдовые попа изъ Москвы Иванъ Леонтьевъ и Андрей Шапкинъ за пьянство первый, а второй по желанію, „а паче дабы отъ него нѣкотораго продерзовства не происходило“; и обои „за нѣкоторую вину“ биты были предварительно плетьми. Если захотятъ они принять монашество, то постричь ихъ, чѣмъ и воспользовался Шанкинъ. Замѣчено про обоихъ, чтобы объявленію ими слова и дѣла не вѣрили, а били-бы за это плетьми на мѣстѣ.

По указу Варсонофія, архіепископа холмогорскаго, присланы въ іюнѣ мѣсяцѣ архангелогородской Кузнечевской церкви попы Никола Ивановъ и Иванъ Васильевъ, дьяконъ Иванъ Кузьминъ и Нижнекайдокурской церкви попъ Никифоръ Наумовъ, всѣхъ ихъ, по наказаніи плетьми, велѣно держать до указа въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ, „а ежели оные попы и дьяконъ учнутъ чинить непослушаніе и своевольства, то смирять ихъ, по монастырскому обычаю, нещадно“. Всѣ они были освобождены въ октябрѣ того-же года.

Крестьянинъ Хлотаевскаго уѣзда Новотроицкаго дворцоваго села Ардатова слѣпой Василій Дурновъ „за вину его“ до кончины живота неисходно. Пища ему была назначена противу одного работника.

1760 г. Бывшій строитель Предтеченской пустыни, Трубчевскаго уѣзда, монахъ Варсонофій (Василій Марковъ) „за важную его вину содержать подъ крѣпкимъ карауломъ до конца живота его неисходно и никуда не пускать, а пищу давать противъ одного монаха“.

1761 г. Свято-троицкаго Александро-невскаго монастыря монахъ Ананія за непристойные его монашескому чину непорядочные поступки и за разные изъ монастыря побѣги и сказываньеза собою слова и дѣла битъ былъ, по распоряженію тайной

канцеляріи, предъ собраніемъ того Александро-невскаго монастыря братіи, плетьми нещадно и посланъ въ Соловецкій монастырь подъ караулъ „неисходно“.

Донскаго монастыря бѣглые: іеромонахъ Игнатій и іеродіаконъ Кипріянъ за „неоднократные побѣги изъ монастыря, за напрасное святѣйшаго синода утружденіе, за несправедливыя жалобы на члена синода Донскаго монастыря архимандрита Варсонофія; а паче за производимые отъ нихъ непристойные монашескому чину неприличные поступки и непотребства“. За эти вины имъ учинено было наказаніе шелепами при собраніи братства въ трапезѣ Донскаго монастыря. Въ Соловки посланы на послушаніе.

Изъ обрѣтающейся въ С.-Петербургѣ конторы преосвященнаго Іоасафа, епископа архангельскаго и холмогорскаго, „велѣно присланнаго изъ оной конторы главнаго магистрата ратсгера Андрея Давидова Опащикова сына его Петра, по просьбѣ отца, за непотребные, противомерзкіе и пьянственные его поступки въ монастырскіе черные труды до исправленія его въ состояніе“.

1762 г. Дворовый человѣкъ поручика Сабурова, Сергѣй Трифоновъ, въ монастырскіе труды. „А какъ онъ сумасшедшій, и оттого происходятъ разныя непристойныя слова, и для того во всемъ томъ, что онъ въ разговорахъ произносить будетъ, не вѣрить“.

Московскаго уѣзда села Жукова попъ Семенъ Васильевъ за „ложно вымышленное его о нѣкоторыхъ продерзкихъ и непристойныхъ словахъ показаніе“, закованный въ кандалахъ, „дабы онъ впредь ни на кого ложно доносить не отваживался“, посланъ къ вѣчному и неисходному содержанію въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ употреблять его велѣно въ работы. Буде-же онъ будучи въ пути или монастырѣ станетъ на кого о какихъ-либо дѣлахъ доносить или-же что произносить, то дабы неповинные люди не могли отъ него иногда претерпѣть каковаго оскорбленія, онымъ его доносамъ не вѣрить и никакихъ слѣдствій не

производить, а ему, яко уже доказательному клеветнику и продерзателю, чинить въ томъ мѣстѣ плетьми наказаніе".

1781 г. Секретарская вдова Матрена Теплицкая принесла жалобу оберъ-прокурору синода кн. Вяземскому на сына своего подпоручика Александра Теплицкаго, который за непорядочное поведеніе, по просьбѣ ея, содержался въ смирительномъ домѣ больше года и по сіе время велъ себя не порядочно, чиня ослушаніе и грубости и съ содержащимися тамъ колодниками заводитъ драки. По увольненіи изъ смирительнаго дома, онъ по прежнему „обращался въ предосудительныхъ поступкахъ". И, наконецъ, придя въ домъ матери своей, сначала обругалъ ее непотребными словами, а потомъ избилъ ее. Обо всемъ этомъ доложено было ея и. величеству, на что она повелѣть соизволила: „онаго Теплицкаго послать въ Соловецкій монастырь, чтобы содержать его тамъ до того времени, покуда онъ въ дерзновеніи своемъ раскается и развращенную свою жизнь исправитъ". Въ монастырѣ велѣно заставлять его рубить дрова, копать огороды и возить для монастыря воду.

Какъ не исправился Теплицкій въ смирительномъ домѣ, такъ мало пользы принесла ему жизнь въ Соловкахъ. Въ теченіи года въ монастырѣ онъ столько накуралесилъ, что архимандритъ не зналъ, что съ нимъ и дѣлать, и просилъ его убрать куда либо. На это отвѣчали изъ Петербурга, чтобы для смиренія назначали Теплицкаго въ такія тяжкія работы, какія только найдутся въ Соловкахъ. Но и это не помогло. Теплицкій въ Соловкахъ устроилъ фабрикацію фальшивой монеты, былъ пойманъ, судимъ и, по наказаніи кнутомъ, сосланъ въ каторгу.

XII.

Въ 1781 г. былъ присланъ особенный колодникъ, который именовался бывшимъ Пушкинымъ. За годъ до его присылки вологодскій и ярославскій генералъ-губернаторъ Мельгуновъ потребовалъ отъ соловецкаго архимандрита точнаго плана всѣхъ арестантскихъ помѣщеній. Въ октябрѣ того-же года архимандритъ получилъ отъ Мельгунова слѣдующее письмо:

„Весьма секретно". Высочайшее именное ея и. в. имѣю я повелѣніе о переводѣ одного секретнаго колодника изъ того мѣста, гдѣ онъ нынѣ содержится, для таково-жъ содержанія въ Соловецкомъ монастырѣ. А какъ сей преступникъ человѣкъ хитрый и дерзкій, того ради и повелѣно держать его такъ, чтобы онъ не только приходящихъ богомольцевъ, ниже кого изъ монастырскихъ жителей, исключая караульныхъ, какъ онъ ни кого, такъ и его никто-бъ видѣть не могли. Оный же колодникъ будетъ къ вамъ присланъ будущею весною, для котораго прошу ваше в—преподобіе приготовить удобное мѣсто къ вышеописанному содержанію; для лучшаго мнѣ усмотрѣнія присылаю при семъ тотъ планъ, который вы прислали ко мнѣ, прошу на оном назначить, въ которыхъ кельяхъ назначите вы посадить того колодника, однако-жъ, чтобы въ той палатѣ было одно окошко и то небольшое за желѣзною рѣшеткою. Гдѣ вы таковой покой назначите, при увѣдомленіи прошу опять доставить ко мнѣ планъ, дабы я могъ сіе видѣть. Сентября 27-го дня 1780 года.

Согласно этому предписанію для ожидаемаго арестанта былъ назначенъ казематъ между кожевенной кладовой и живописной палатой, въ с.-з. углу крѣпостной стѣны. А такъ какъ это помѣщеніе съ двухъ сторонъ было открыто, то для полнаго изолированія отъ всего живаго были устроены двѣ стѣны: одна высокая деревянная, другая каменная, упирающаяся въ крѣпостную стѣну. Для приспособленія каземата, согласно инструкціи, было израсходовано болѣе 200 рублей, которые монастырское начальство требовало съ Мельгунова, но тотъ отказалъ имъ въ этомъ на томъ основаніи, что казематъ останется у нихъ-же и пригодится для другихъ людей.

Когда, такимъ образомъ, былъ устроенъ казематъ во всемъ согласный требованіямъ Мельгунова и найденъ удовлетворяющимъ своему назначенію, былъ присланъ обѣщанный колодникъ при такомъ отношеніи Мельгунова:

„Секретно". Архангельскому оберъ-коменданту отъ меня предписано секретнаго колодника бывшаго Пушкина, о которомъ я вамъ прежде писалъ для содержанія въ Соловецкомъ монастырѣ, отправить къ вамъ на одномъ изъ монастырскихъ судовъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и тремя солдатами на цѣлый годъ, по гривнѣ на каждый день съ кормовыми деньгами; и для того, когда оный колодникъ къ вамъ въ Соловецкій монастырь привезенъ будетъ, имѣете в. в—преподобіе посадить его въ назначенный вами на планѣ подъ № 19 покой, приставя къ нему для караула присланныхъ съ нимъ отъ архангельскаго оберъ-коменданта унтеръ-офицера и солдатъ. А дабы онъ уйти не могъ, или не могло отъ него произойти какихъ пребывающимъ тамъ людямъ безпокойствъ и не меньше и приходящимъ для моленія въ монастырь людей, отнюдь-бы онъ, а равно и его никто видѣть не могъ, то его въ вышеписанномъ покоѣ приказать запереть, и изъ онаго никуда не выпускать, а на кормовыя деньги покупать ему пищу и платье и отдавать тѣ деньги для сей покупки онымъ приставленнымъ къ нему солдатамъ. О состояніи его, и какимъ образомъ онъ жизнь провождать будетъ, по прошествіи полугода, меня и вологодское намѣстничество увѣдомлять, надписывая на конвертѣ: по секрету, а нынѣ какъ скоро привезенъ будетъ, такъ меня увѣдомить-же. Апрѣля 27 дня 1781 года. Ярославль.

Ожидаемый колодникъ былъ привезенъ въ Соловки 18 іюля 1781 г. и посаженъ въ приготовленный казематъ, согласно инструкціи. Относительно содержанія его въ матеріальномъ отношеніи вышло недоразумѣніе: на содержаніе его пищей и одеждой полагалось по гривнѣ въ день, которую и расходовали его тюремщики, но съ наступленіемъ зимы потребовалось освѣщеніе и отопленіе, а потому монахи обратились съ просьбою о выдачѣ особыхъ денегъ на этотъ предметъ. Въ выдачѣ денегъ имъ отказали, а позволили, если захотятъ, брать изъ отпускаемой гривны по двѣ копѣйки на отопленіе и освѣщеніе. Что касается поведенія арестанта, то архимандритъ каждое полугодіе по октябрь 1784 г. доносилъ, что бывшій Пушкинъ ведетъ жизнь смиренную, никакихъ продерзостей не дѣлаетъ, такъ что обвиненіе его Мельгуновымъ въ хитрости и дерзости на дѣлѣ не оправдалось. Въ началѣ 1785 года онъ былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ. Кто онъ былъ—изъ дѣла не видно, извѣстно только, что онъ привезенъ былъ изъ Пустозерска.

Въ царствованіе Елизаветы было совершено одно изъ ряда вонъ выдающееся преступленіе: поручикъ Жуковъ вмѣстѣ со своею женою убилъ свою мать и родную сестру. Преступленіе это произвело въ обществѣ большое впечатлѣніе и правительство не знало какъ наказать этихъ злодѣевъ.

Екатерина II обратила вниманіе на дѣло Жуковыхъ; она дала запросъ членамъ синода бывали-ли подобныя преступленія въ исторіи, если были, то какъ относились къ нимъ святые отцы, и просила мнѣнія членовъ синода, какъ поступить съ Жуковыми. Синодъ отвѣчалъ, что подобные примѣры бывали въ исторіи и описывали разныя наказанія, коимъ подвергались такіе злодѣи, но что касается наказанія Жуковыхъ, то на это отвѣчали, что воля есть в. величества, но съ христіанской точки зрѣнія, лучше всего дать злодѣямъ возможность раскаяться, т. е. не казнить ихъ. Императрица рѣшила заключить Жуковыхъ по монастырямъ до смерти ихъ, чтобы они могли возчувствовать свой грѣхъ.

Для успокоенія общества былъ составленъ особый манифестъ, гдѣ излагалось злодѣяніе Жуковыхъ, запросъ членамъ синода и ихъ отвѣты и рѣшеніе императрицы, и манифестъ этотъ разосланъ повсемѣстно для обнародованія.

Поручикъ Жуковъ былъ заключенъ въ Соловецкую крѣпость. Изъ каземата его каждодневно водили въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ въ одеждѣ кающагося отмаливать свое злодѣяніе. Будучи помѣщикомъ, онъ взялъ съ собою двухъ слугъ, но не нуждаясь въ ихъ услугахъ въ казематѣ, онъ посылалъ ихъ сначала на заработки въ Архангельскъ, но когда ему запретили это дѣлать, то продалъ ихъ по 10 рублей за штуку.

Въ числѣ секретныхъ дѣлъ монастыря находится „дѣло о важномъ блеваніи смертоубійцы колодника Жукова“. Блеваніе это состояло вотъ въ чемъ.

Въ день коронованія императрицы въ монастырѣ была торжественная служба, на которой, между прочими, былъ и Жуковъ. Во время великаго выхода, когда архимандритъ, принимая св. дары, поминалъ царскую фамилію, Жуковъ, подойдя къ настоятельскому мѣсту, закричалъ: „..... какая она императрица, она де татарка“. Безумца увели. Послѣ службы отъ всѣхъ служащихъ были отобраны росписки, что они, подъ страхомъ смертной казни, ни кому не разскажутъ „блеванія“ Жукова. Начались допросы почему „блевалъ“, не подучалъ-ли кто, не было-ли сообщниковъ и проч., и, наконецъ, Жукова заковали и отправили въ Архангельскъ. Дѣло пошло своимъ чередомъ, и, наконецъ, о немъ доложено было государынѣ. Императрица повелѣла дѣло прекратить, а Жукова отправить обратно въ

Соловки, но заключить его тамъ такъ, чтобы про него никто ничего не зналъ. Просидѣвъ въ такомъ заключеніи около двухъ лѣтъ, Жуковъ „своею волею удавился“, какъ показывалъ его караульный.

Въ 1786 году монастырское начальство, имѣя въ виду манифестъ 1787 года, представило губернатору слѣдующую вѣдомость о содержащихся въ острогѣ арестантахъ съ обозначеніемъ ихъ преступленій, въ надеждѣ, что правительство освободитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, подведя подъ милостивый манифестъ.

Вѣдомость о содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ отъ іюня по октябрь мѣсяцъ 1786 г.

1) Ѳедоръ Васильевъ, содержащійся съ 1756 г., мая 28. По указу св. синода и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи за немаловажную его вину къ содержанію до кончины живота его никуда неисходна въ тяжкихъ трудахъ скована, а въ прошломъ 766 г. по выс. ея и. в. соизволенію велѣно оставить его подъ присмотромъ монашескимъ, а не подъ карауломъ.

2) Алакторскаго уѣзда, Дворцоваго села Новотроицкаго крестьянинъ Василій Думновъ (слѣпой), съ 1759 г., окт. 4. По ук. арх. д. конс., а въ оную по ук. синода, по опредѣленію бывшей тайной канцеляріи за вину его для содержанія неисходно до кончины живота.

3) Поручика Ивана Сабурова дворовый человѣкъ Сергѣй Трифоновъ, съ 1762 г., сент. 4. По ук. синода по в. пов. для употребленія въ работы, а какъ онъ сумасшедшій, отчего происходятъ всякія непристойныя слова, то что въ разговорахъ произносить будетъ, во всемъ томъ не вѣрить ему.

4) Новгородскаго пѣхотнаго полка солдатъ Иванъ Алексѣевъ (умеръ 1789 г.), съ 1762 г., окт. 1. По имянному ея и. в. указу на вѣчное пребываніе, и чтобы отъ него какихъ безпокойствъ монашествующимъ не произошло для содержанія караула командированы арханг. гарнизона солдаты, и чтобы его, кромѣ церкви, никуда не выпускать. 1781 г. велѣно изъ подъ караула свободить, а оставить подъ монашескимъ присмотромъ.

5) Малороссіянецъ Антонъ Любимскій, съ 1765 г., марта 6. По присланнымъ изъ св. синода изъ учрежденной по церковнымъ имѣніямъ коммиссіи и изъ коллегіи экономіи съ прописаніемъ имяннаго ея и. в. указа для содержанія яко безумнаго неисходно, и чтобы онъ себя и кого другаго не повредилъ какимъ орудіемъ и не допускать его имѣть бумаги, чернила, пера и проч.

6) Воложскій дворянинъ Михайло Ратицовъ, съ 1766 г., августа 19. По указу св. синода во исполненіе ея и. в. конфирмаціи за оказавшееся смертное преступленіе и безумство; дабы отъ него подобныхъ тому непстовствъ и неповинным людямъ вреда впредь произойти не могло, содержать скована, употреблять притомъ ко всякимъ работамъ. Ежели противъ чаянія со временемъ придетъ въ чувство, и тогда учинить ему церковное покаяніе, а чтобъ онъ другимъ людямъ вреда учинить не могъ, опредѣлить къ нему изъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ особливый караулъ, за которымъ во

время священнослуженія къ церковн. славословію водить и стоять до усмотрѣнія его состоянія въ паперти.

7) Бывшій бѣлгородской эпархіи, Миропольскаго Николаева монастыря архимандритъ, а нынѣ монахъ Григорій Спичинскій, съ 1772 г., марта 2. По имянному ея и. в. указу за оказавшіяся его вины, по лишеніи архимандритства, содержать простымъ монахомъ на неисходномъ послушаніи 1784 г. по секретному сообщенію яросл. и вологодск. ген. губерн. Мельгунова, по высочайш. повелѣнію Спичинскаго, какъ человѣка непостояннаго и дерзкаго нрава, также во многихъ клеветахъ и неосновательныхъ доносахъ и ложныхъ разглашеніяхъ извѣстнаго, содержать подъ стражею въ особливомъ покоѣ и никого къ нему изъ пріѣзжающихъ въ монастырь не допущать. Равно же для удержанія его отъ всякихъ клеветъ, бумаги, чернила и ничего къ письму способнаго ему не давать.

8) Бывшей сѣчи запорожской кошевой Петръ Кольнишевскій [1]), съ 1776 г., іюля 29. По указу синода во исполненіе высочайшаго ея и. в. на всеподдан. генер.-аншефа, военной коллегіи вице-президента, новороссійск. ген.-губернатора и кавалера Григ. Ал. Потемкина докладѣ конфирмаціи для содержанія безвыпускно изъ монастыря и удаленія не токмо отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ.

9) Филиппъ Тимофѣевъ, что нынѣ монахъ Филимонъ, съ 1780 г., декабря 22. По предписанію прокурора кн. Вяземскаго, вслѣдствіе ея и. в. соизволенія за обращеніе его напредъ сего въ пьянствѣ и оттого учиненное преступленіе и дерзость, чтобъ за жизнію и поведеніемъ имѣть неослабное смотрѣніе, и чтобъ онъ изъ монастыря никуда отлучаемъ не былъ, въ какомъ онъ состояніи находиться будетъ ежегодно къ его сіятельству рапортовать.

10) Бывшій Пушкинъ, съ 1781 г., іюня 18. По секретн. сообщенію ген.-губерн. Мельгунова во исполненіе высоч. ея и. в. повелѣнія для содержанія въ особливомъ покоѣ за особымъ карауломъ.

11) Лишенный дворянства и чиновъ отставной подпоручикъ Петръ Шелешовъ, съ 1783 г., іюня 5. По имянн. ея и. в. указу за оказавшееся неумышленное смертное отца своего убійство на вѣчное и безысходное пребываніе къ употребленію въ работу, чтобы онъ по смерть свою приносилъ покаяніе въ своемъ тяжкомъ преступленіи.

12) Отставной подпоручикъ Александръ Теплицкій, съ 1783 г., іюня 23. Во исполненіе ея и. в. повелѣнія приказано послать для содержанія до того времени, покуда онъ въ дерзновеніи своемъ раскается и развращенную жизнь свою исправитъ. На пропитаніе же ему изъ монастырской суммы ничего не производить, но принудить, чтобы онъ доставалъ себѣ работою.

13) Лишенный дворянства Илья Рачинскій, съ 1783 г., августа 4. Въ силу высоч. ея и. в. повелѣнія, по освобожденіи отъ оковъ, держать, во избѣжаніе побѣга и всякихъ непристойныхъ поступковъ, подъ надлежащимъ присмотромъ.

14) Лишенный чиновъ бывшій поручикъ Михаилъ Попескуль, съ 1785 года, октября 1. По высочайшему повелѣнію. По лишеніи чиновъ за нѣко-

---

[1]) О Кольнишевскомъ и его жизни въ Соловкахъ см. статью г-жи Ефименко «Русск. Стар.», т. XIV, изд. 1875 г.

торыя учиненныя имъ преступленія къ неисходному пребыванію и содержанію, какъ человѣка, наполненнаго дерзостію и отчаяніемъ и склоннаго не только къ клеветѣ, но и на всякія вредныя дѣянія, подъ такимъ присмотромъ, чтобы онъ никакъ изъ монастыря уйти не могъ, и писемъ писать ему никому не позволять и о образѣ жизни и поведеніи его извѣщать чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ архангельскаго губернатора.

15) Бывшій лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка лекарь Алексѣй Лебедевъ (1790 г. въ маѣ приказано было сдать его сенатскому курьеру для отправки въ С.-Петербургъ), съ 1786 г., мая 9. По высочайшему повелѣнію для содержанія подъ крѣпкою стражею особо отъ прочихъ колодниковъ, и кромѣ церкви его никуда не выпускать, принявъ при томъ всенаистрожайше соотвѣтственно высоч. ея и. в. повелѣнію предосторожности, дабы онъ ни себѣ, ни другимъ вреда по безумію причинить не могъ и не имѣлъ способу ни токмо къ сообществу съ кѣмъ бы то ни было, но и ни къ какому изъясненію безумныхъ изрѣченій на словахъ и на письмѣ и для того ни чернила, ни бумаги, ни прочаго къ письму служащаго ему не давать. На пропитаніе производить противъ одного монаха. О его жизни сообщать каждогодно кн. Вяземскому.

16) Полоцкаго намѣстничества мѣщанинъ Леоновичъ за переходъ изъ православія въ унію въ 1786 г.

По представленіи этой вѣдомости на благоусмотрѣніе ея и. в. государыня повелѣла, дабы всѣхъ показанныхъ въ вѣдомости, содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодниковъ, оставить въ томъ монастырѣ, на основаніи преждеучиненныхъ о содержаніи ихъ предписаній.

XIII.

Въ 1806 г. въ селѣ Константинополѣ, Маріупольскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, захвачено было полиціей три человѣка, не исповѣдующихъ никакой религіи и не признающихъ никакой власти. Ихъ подвергли допросамъ, причемъ оказалось, что они уже много лѣтъ ходятъ изъ мѣста въ мѣсто, проповѣдуя свое ученіе объ исчезновеніи благодати на землѣ и незаконности власти. По докладѣ о нихъ, Александръ I повелѣлъ послать ихъ въ Соловки для исправленія. 1807 г. въ Екатеринбургѣ они были скованы и каждый порознь отправлены въ Соловки въ заточеніе. Вмѣстѣ съ ними также отправленъ въ Соловки екатеринбургскій мѣщанинъ Соколовъ, по примѣру ихъ оказавшій сопротивленіе властямъ. Въ монастырѣ велѣно ихъ держать въ самомъ строгомъ заключеніи и направлять на путь истины кроткими

мѣрами. Пробывъ годъ въ заключеніи, они изъявили раскаяніе и желаніе присоединиться къ церкви. По донесеніи объ ихъ раскаяніи въ синодъ, они были подвергнуты еще годовому искусу, и потомъ присоединены къ церкви и чрезъ недолгое время освобождены.

Въ томъ же 1806 году въ Новгородѣ возбуждено было дѣло о распространеніи жидовствующей ереси. Однимъ изъ главныхъ виновныхъ оказался псаломщикъ Ивановъ, котораго за приверженность и распространеніе жидовствующей ереси, по высочайшему повелѣнію, сослали въ Соловки въ заточеніе, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

Въ томъ-же году гвардеецъ Ширшевъ, за убійство въ припадкѣ сумасшествія. Какъ сумасшедшій, былъ содержимъ въ особомъ мѣстѣ, но, понятно, заточеніе не вылѣчило его отъ сумасшествія.

1812 г., по высочайшему повелѣнію, присланъ крестьянинъ Вятской губ., Орловскаго уѣзда, Семенъ Шубинъ, за произношеніе на св. церковь и св. дары богохульныхъ словъ и за приверженность къ расколу. Пробылъ въ острогѣ непоколебимымъ въ своихъ заблужденіяхъ до своей смерти въ 1875 г. Умеръ 89 л. отъ роду; предъ смертію года три не въ состояніи былъ ходить.

Въ 1815 г., по высочайшему повелѣнію, присланъ въ Соловки изъ Петропавловской крѣпости французъ Августъ Турнель. За что—неизвѣстно. Человѣкъ онъ былъ, надо полагать, очень богатый, что видно изъ описи его имущества, привезеннаго съ собою, въ которой значится много золотыхъ и серебряныхъ вещей (колецъ золотыхъ болѣе 20 штукъ), 6 фраковъ и т. п. Въ 1820 г. онъ былъ увезенъ въ Архангельскъ.

Въ 1818 г. дворовый человѣкъ графа Головкина Антонъ Дмитріевъ, за распространеніе скопчества и за оскопленіе себя и своего господина гр. Головкина. Сидѣлъ въ соловецкой крѣпости до смерти своей, 1880 г. Онъ такъ свыкнулся съ тюрьмой, что когда въ 1870-хъ годахъ его освободили, то онъ не хотѣлъ

выйти изъ тюрьмы и тамъ доживалъ свой вѣкъ „не въ родѣ арестанта“. Умеръ не раскаявшись.

Въ 1821 г. присланъ, по высочайшему повелѣнію, томскій купецъ Меѳодій Петровичъ Шумиловъ. При присылкѣ его въ Соловки оберъ-прокуроръ синода, кн. А. Н. Голицынъ, послалъ на имя соловецкаго архимандрита слѣдующее своеручное письмо:

Секретно. Нужнымъ считаю сообщить вамъ, что съ симъ отношеніемъ посланный арестантъ есть скопецъ, по волѣ государя императора отправленъ генералъ-губернаторомъ с.-петербургскимъ гр. Милорадовичемъ. Его имя Меѳодій, по фамиліи Шумиловъ, сильно зараженъ скопческою ересью и очень не глупый человѣкъ. Надобно обратить на него ваше вниманіе для обращенія его на истинный путь, и не давайте ему способу сообщаться письмами, ни лично со своими сообщниками. Онъ преданъ душевно старику-начальнику скопцовъ, бывшему прежде въ Петербургѣ, и коего онъ почитаетъ даже Искупителемъ. Прошу васъ по временамъ увѣдомлять меня, какіе въ немъ плоды вы будете усматривать. Объ его фамиліи вамъ не нужно другимъ разсказывать и рапортовать въ Синодъ, а можно обозначать просто скопцомъ. Кн. Голицынъ. 19 авг. 1821 года.

Шумиловъ былъ сначала старообрядцемъ безпоповщинской секты, но въ 1818 г. присоединился къ православію. Очень богатый человѣкъ, имѣвшій процессъ съ 1-мъ департаментомъ сената по наложенію секвестра на его имущество въ 2.591,000 р. Умеръ въ Соловкахъ безъ раскаянія въ 1823 г., не дождавшись окончанія своей тяжбы.

1821 года инвалидъ Иванъ Кузнецовъ, за совращеніе въ расколъ военныхъ нижнихъ чиновъ. Не раскаялся и умеръ въ тюрьмѣ 1836 г.

1822 года с.-петербургскій мѣщанинъ Семенъ Кононовъ за скопчество. Умеръ въ соловецкой тюрьмѣ въ 1856 году безъ раскаянія.

Въ 1822 г. свѣтскимъ начальствомъ въ Калужской губерніи, Перемыс. уѣзда, въ дер. Жалековѣ и Полянахъ открыта новая секта, имѣющая, по соображенію калужскаго начальства, совершенное сходство съ сектою скопцовъ. Основателями этой секты оказались: земскій писарь Варѳоломей Павловъ, экономическіе

крестьяне Герасимъ и Евстаѳій Глумовы и Иванъ Терентьевъ. Комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго было отдано это дѣло, опредѣлилъ первыхъ троихъ послать въ Соловецкій монастырь въ число штатныхъ служителей. Варѳ. Павловъ оказался зараженнымъ венерическою болѣзнію, а потому отправленъ въ архангельскую больницу для излѣченія. Послѣ возвращенія его изъ больницы въ 1825 году, арестантъ штабсъ-капитанъ Созоновичъ произвелъ надъ нимъ операцію оскопленія, о чемъ монастырское начальство узнало лишь въ 1827 г. Послѣ этого случая Павлова заперли въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ, въ 1824 г., не раскаявшись.

Въ 1823 г. присланы въ соловецкій острогъ наставники старообрядческаго московскаго Рогожскаго кладбища, московскіе мѣщане Иванъ Ѳедотовъ и Сергѣй Гнусинъ, какъ распространители вреднаго государству ученія. При дѣлѣ о нихъ находится посланіе забайкальскихъ старообрядцевъ, гдѣ они просятъ своихъ наставниковъ разъяснить многіе спорные пункты своего вѣроученія. Изъ этого посланія видно, что Гнусинъ и Ѳедотовъ играли очень видную роль въ мірѣ старообрядцевъ. Сосланные въ Соловки, они были заключены въ острогъ и тамъ составляли одну душу. Въ своихъ заблужденіяхъ остались непоколебимы до смерти. Умерли они почти вмѣстѣ: Ѳедотовъ 22, а Гнусинъ 27 іюня 1839 г. Оставшіяся послѣ нихъ деньги 65 р., по духовному завѣщанію, были отданы для поминовенія неимущимъ, преимущественно содержащимся въ острогѣ.

Въ томъ же году, по высочайшему повелѣнію, присланы въ заточеніе рядовые 34-го егерскаго полка: Степанъ Евсѣевъ, Алекс. Яковлевъ, Иванъ Ивановъ, Клементій Григорьевъ, Игнатій Дружининъ и Иванъ Низовцевъ и крестьянинъ Павловъ за скопчество. Никто изъ нихъ не раскаялся, а потому они сидѣли въ заточеніи до смерти.

Въ 1825 г., по высочайшему повелѣнію, по наказаніи к утомъ, присланъ на вѣчно въ соловецкій острогъ на заточеніе учитель новоторжскаго приходскаго училища Василій Воскресенскій за богохульство. Находясь въ острогѣ, онъ, какъ чело-

вѣкъ сравнительно образованный, былъ употребляемъ на письменныя работы при архимандритѣ Досиѳеѣ. Его трудами разобранъ былъ соловецкій архивъ, сдѣлана ему опись; онъ составилъ „Историческое описаніе Соловецкаго монастыря“, 3 тома,— очень серьезный и добросовѣстный трудъ, изданный архимандритомъ Досиѳеемъ Нѣмчиновымъ, какъ его собственный трудъ. Конечно, онъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Соловки раскаялся въ своихъ рѣзкихъ словахъ относительно религіи, сказанныхъ въ запальчивости, но только черезъ десять лѣтъ освободили его изъ тюрьмы и то съ условіемъ остаться въ монастырѣ. Въ 1841 г. онъ принялъ монашество подъ именемъ Кассіана.

Крестьянинъ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, Иванъ Низовъ—въ 1825 г. посланъ въ Соловки, за расколъ и оскорбленіе святыни, въ число штатныхъ служителей. 4-го іюля 1826 г. бѣжалъ, подговоривъ пріѣзжихъ крестьянъ перевезти его на материкъ, но былъ пойманъ и заключенъ въ острогъ. Въ 1835 г. подалъ заявленіе о раскаяніи, и вскорѣ освобожденъ.

М. А. Колчинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ

въ селѣ Надеждинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи,

въ концѣ XVIII-го вѣка.

Обрядъ правила для здѣшняго образа жизни въ селѣ Надеждинѣ.

1. Хозяинъ, удаляясь отъ суетъ и пышностей мірскихъ, желаетъ и надѣется обрѣсти здѣсь уединеніе совершенное, и отъ онаго проистекающее счастливое и ничѣмъ неколеблемое спокойствіе духа.

2. Хозяинъ почитаетъ хлѣбосольство и гостепріимство основаніемъ взаимственнаго удовольствія въ общежитіи, слѣдственно видитъ въ оныхъ пріятныя для себя должности.

3. Всякое здѣсь дѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято съ удовольствіемъ и признаніемъ совершеннымъ.

4. Хозяинъ, наблюдая предметъ и пользу своего сюда пріѣзда, опредѣляетъ въ каждый день раздѣлять свое время съ жалующими къ нему гостьми, отъ часа пополудни до обѣда, время обѣда и всѣ (часы) послѣ обѣда до семи часовъ вечера.

5. Хозяинъ по вышесказанному наблюденію опредѣляетъ утро каждаго дня отъ семи часовъ до полудни для разныхъ собственныхъ его хозяйственныхъ объѣздовъ, осмотровъ и упражненій; а вечеръ каждаго дня отъ семи до десяти часовъ опредѣляетъ онъ для уединеннаго своего чтенія или письма.

6. Хозяинъ проситъ тѣхъ, кои могутъ пожаловать къ нему на одинъ или на два или на многіе дни, чтобъ, бывъ въ его домѣ, почитали сами себя хозяевами, никакъ не помня о немъ единственно въ семъ качествѣ; приказывали бы его людямъ все надобное для ихъ услуги и однимъ словомъ распоряжали бы своимъ временемъ и своими упражненіями отъ самаго утра, какъ каждый привыкъ и какъ каждому угодно, отнюдь не снаравливаяся къ провожденію времени самого хозяина, который чрезъ то съ новою къ нимъ благодарностію получитъ всю свободу имъ предпринятое безостановочно и съ продолжительнымъ тщаніемъ выполнять.

7. Хозяинъ никогда не ужинаетъ, но всякій день въ девять часовъ вечера будетъ у него ужинъ готовъ для всѣхъ прибывшихъ къ оному; и онъ, прося дозволенія отъ онаго всегда отлучаться, проситъ также своихъ случающихся гостей, не смотря на его отсутствіе, за оный садиться и за онымъ самимъ хозяйничать.

Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ.

Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка [1]).

IV [1]).

Мы видѣли въ первомъ очеркѣ, до какой степени было стѣснено въ первой четверти XIX вѣка обсужденіе въ нашей печати крестьянскаго вопроса; цензурныя строгости въ этомъ отношеніи были чрезвычайно велики и въ царствованіе императора Николая. Такимъ образомъ, наша интеллигенція была лишена возможности открыто разсуждать объ уничтоженіи крѣпостнаго права и необходимыхъ для этого средствахъ; но разъ возбужденная мысль не могла быть подавлена никакими запретительными мѣрами, и крестьянскій вопросъ дѣлается, какъ мы уже знаемъ, предметомъ усиленнаго вниманія тайнаго общества въ концѣ первой четверти XIX вѣка и кружка Петрашевцевъ въ концѣ 1840-хъ годовъ. Наконецъ, вопросъ о необходимости уничтоженія у насъ крѣпостнаго права начинаютъ обсуждать и заграницею, сначала иностранцы, а затѣмъ и русскіе, которые здѣсь высказываютъ свою мысль вполнѣ, безъ всякихъ стѣсненій.

Въ 1822 г. въ Парижѣ была издана, на французскомъ языкѣ, въ двухъ томахъ, весьма интересная книга Пассенана, подъ заглавіемъ: «Россія и рабство въ ихъ отношеніяхъ къ европейской цивилизаціи, или вліяніе крѣпостнаго права на домашнюю жизнь русскихъ, ихъ гражданское, нравственное и политическое состояніе и на судьбы Европы». Авторъ, многіе годы жившій въ Россіи, собралъ не мало фактовъ о печальномъ положеніи нашихъ крѣпостныхъ; кромѣ того, онъ доказываетъ въ своемъ сочиненіи невыгодность крѣпостнаго труда,

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 71—106; ноябрь, стр. 395—424.

опровергаетъ возраженія противъ необходимости освобожденія крестьянъ въ Россіи, считаетъ мало удачными мѣры въ пользу крестьянъ императора Александра I, но съ своей стороны предлагаетъ только ограниченіе власти господъ наказывать крѣпостныхъ и совѣтуетъ склонять помѣщиковъ къ отдачѣ крестьянамъ земли въ аренду участками отъ 15—30 десятинъ за половину или треть сбора [1]). Какъ бы слаба ни была положительная сторона книги Пассенана относительно крестьянскаго вопроса, во всякомъ случаѣ знакомство съ нею было бы полезно для русскаго общества уже вслѣдствіе того, что въ ней рѣзко обличались злоупотребленія помѣщичьею властью. Но сочиненіе это было въ 1823 г. запрещено въ Россіи и потому не имѣло замѣтнаго вліянія на русское образованное общество.

Авторъ вышедшаго въ свѣтъ значительно позднѣе (въ 1843 г.) и болѣе извѣстнаго сочиненія о Россіи, маркизъ Кюстинъ, удѣляетъ довольно мало вниманія положенію нашихъ крѣпостныхъ, но нельзя не замѣтить, что онъ съумѣлъ понять опасность безземельнаго освобожденія. Указавъ на то, что самая завѣтная мечта русскихъ крестьянъ — сдѣлаться изъ помѣщичьихъ казенными, авторъ продолжаетъ: «Освободивъ сразу такихъ людей» (какъ видно изъ послѣдующаго, тутъ дѣло идетъ о безземельномъ освобожденіи), «вы возбудите въ странѣ сильное волненіе. Съ той минуты, какъ крестьяне, лишенные земли, увидятъ, что ее продаютъ, отдаютъ въ наемъ и обработываютъ безъ нихъ, они поднимутся массами, крича, что у нихъ отнимаютъ ихъ имущество» [2]).

Гораздо болѣе вліянія, чѣмъ оба предыдущія сочиненія, имѣлъ въ Россіи трудъ Гакстгаузена, которому были предоставлены всѣ средства для того, чтобы онъ могъ основательно ознакомиться съ состояніемъ нашего отечества.

Въ маѣ 1842 г. русскій посланникъ въ Берлинѣ, бар. Мейендорфъ, обратился съ письмомъ къ графу Киселеву, въ которомъ, препровождая къ нему статью, появившуюся въ одной берлинской газетѣ о незадолго передъ тѣмъ изданномъ у насъ законѣ объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ говоритъ: «Статья эта составлена бар. Гакстгаузеномъ, который въ теченіи многихъ лѣтъ съ успѣхомъ изучалъ

---

[1]) La Russie et l'esclavage dans leurs rapports avec la civilisation européenne ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des russes, sur leur existence civile, morale et politique et sur les destinées de l'Europe, par M. P. D. de Passenans. P. 1822, tome I, 110—115, 153—166, 182—192.

[2]) La Russie en 1839, par le marquis de Custine. Seconde édition. P. 1843, t. I, p. 299.

положеніе крестьянъ среди славянъ и нѣмцевъ и даже имѣлъ спеціальное порученіе отъ прусскаго правительства произвести по этому предмету изысканія во всѣхъ частяхъ Германіи и сосѣднихъ странъ. Результатъ этихъ наблюденій изложенъ имъ во многихъ трудахъ, напечатанныхъ на счетъ прусскаго правительства. Они не только доставили г. Гакстгаузену почетную извѣстность, но служатъ отчасти основаніемъ реформъ, подготовляемыхъ въ аграрномъ законодательствѣ Пруссіи. Прилагаемая статья въ прусской газетѣ составляетъ самое блистательное доказательство проницательности г. Гакстгаузена. Непродолжительнаго путешествія въ Москву, сдѣланнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было для него достаточно, чтобы пріобрѣсти относительно положенія крестьянъ въ Россіи свѣдѣнія болѣе вѣрныя, чѣмъ тѣ, которыя сообщаютъ большинство иностранцевъ, посѣщавшихъ страну до и послѣ него». Далѣе Мейендорфъ высказалъ мысль, что если наше правительство назначеніемъ небольшаго пособія облегчитъ бар. Гакстгаузену путешествіе по Россіи, то, быть можетъ, онъ окажется полезнымъ для насъ своими обширными свѣдѣніями, не говоря уже о научномъ значеніи его изслѣдованій; баронъ Мейендорфъ обращалъ вниманіе Киселева также и на то, какъ важно для политическаго значенія и финансовыхъ интересовъ Россіи, чтобы въ Европѣ имѣли о ней благопріятныя свѣдѣнія, а ихъ всего скорѣе можетъ сообщить Гакстгаузенъ, судя по его статьѣ о законѣ 2-го апрѣля 1842 г., и имѣя въ виду его строго монархическія сужденія.

Въ приложенной къ этому письму статьѣ бар. Гакстгаузенъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ указу 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ: этимъ закономъ, какъ извѣстно, помѣщикамъ предоставлялось заключать съ своими крѣпостными договоры, по которымъ, сохраняя право собственности на свою землю, они могли отдавать ее въ пользованіе крестьянъ за условленныя повинности.

По докладу гр. Киселева, императоръ Николай повелѣлъ назначить бар. Гакстгаузену пособіе въ 1,500 руб., «не дѣлая, впрочемъ, изъ сего путешествія мѣру правительственную».

Прежде чѣмъ отправиться въ путь, бар. Гакстгаузенъ обратился къ Киселеву съ тремя письмами; пересылая ихъ нашему министру, Мейендорфъ писалъ: «Многія лица, знающія г. Гакстгаузена, полагаютъ, что его путешествіе... поможетъ русскому правительству выяснить, какимъ образомъ можно постепенно освободить крестьянъ. Я не могу вполнѣ раздѣлять это мнѣніе. Большое различіе въ положеніи крестьянъ въ Россіи и другихъ странахъ заставляетъ меня думать, что мѣры относительно этого сословія, вызванныя благородными намѣреніями государя императора, не могутъ походить на принятыя за

границею. Но если эта цѣль не будетъ вполнѣ достигнута, путешествіе бар. Гакстгаузена раскроетъ тѣмъ не менѣе много интересныхъ данныхъ».

Въ письмѣ къ Киселеву, отъ 17-го января 1843 г., Гакстгаузенъ говоритъ: «Двадцать лѣтъ моей жизни посвящены изученію исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ, и главное мое вниманіе привлекали ихъ деревенскія учрежденія, но я не ограничивался изысканіемъ въ прошедшемъ причинъ настоящаго положенія, а старался вывести изъ своихъ наблюденій законы дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія... Въ теченіи 12 лѣтъ я принималъ участіе въ законодательныхъ работахъ прусскаго правительства и долженъ былъ посѣтить одну за другою всѣ части королевства, чтобы изучить на мѣстѣ положеніе земледѣльческаго населенія, его главныя учрежденія и отношенія къ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, я былъ въ состояніи подробно ознакомиться съ тѣмъ, какія послѣдствія имѣли реформы, предпринятыя съ начала столѣтія въ разныхъ частяхъ Пруссіи. Я былъ свидѣтелемъ потрясенія, произведеннаго революціоннымъ режимомъ Франціи; я видѣлъ, какъ во многихъ странахъ имъ были разорваны всѣ узы общественнаго устройства; я видѣлъ безпорядокъ, внесенный во всѣ классы и состоянія, и какъ передъ идеями равенства и свободы исчезли не только всѣ преимущества рожденія, но и патріархальная власть сеньёра, почтеніе, часто заслуженное вѣковыми благодѣяніями. Такимъ образомъ, въ рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи дворянство лишилось своихъ владѣній и почти совершенно исчезло. Раздробленіе тамъ поземельной собственности не знало границъ, но одна власть счастливо пережила всѣ революціонныя потрясенія,—власть деревенскихъ общинъ, которыя, сильныя своимъ единствомъ, вынесли безъ поврежденія всѣ фазисы иностраннаго владычества. Измѣненія, которымъ должны были подвергнуться отношенія землевладѣльцевъ и крестьянъ въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи, были менѣе разрушительны, но тѣмъ не менѣе за нихъ принялись очень сурово. Во многихъ случаяхъ права, пріобрѣтенныя землевладѣльцами, были принесены въ жертву мнимому благосостоянію крестьянъ. Время залѣчило рану, нанесенную прусскому дворянству, само правительство, отказавшееся отчасти отъ своего слишкомъ поспѣшнаго образа дѣйствій, пришло ему на помощь, и было бы несправедливо не признать теперь улучшенія земледѣлія и общаго довольства населенія. Но весьма вѣроятно, что, сохранивъ за помѣщиками болѣе полную покровительственную власть надъ крестьянами, предохранили бы этихъ послѣднихъ отъ когтей ростовщиковъ и жидовъ, которые часто заставляютъ ихъ дорого расплачиваться за полученную свободу. Въ Вестфаліи

осмотрительное законодательство, кажется, избѣгло всѣхъ опасностей, не отклоняясь отъ пути, предначертаннаго мѣстною исторіею. Крестьяне оставались тамъ крѣпостными долѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ Пруссіи, но они были прикрѣплены къ землѣ, столько же ихъ собственными выгодами, какъ и законами. Сначала они были краткосрочными фермерами, но потомъ ихъ аренда сдѣлалась пожизненною и, наконецъ, превратилась, по праву обычая, въ эмфитеозъ, такъ что законъ, объявившій ихъ лично свободными, ничего не измѣнилъ въ ихъ дѣйствительномъ положеніи: ни патріархальныхъ отношеній къ господину, ни связей, соединявшихъ между собою членовъ общинъ, управляемыхъ своими выборными властями. Какой контрастъ въ положеніи крестьянъ между Вестфаліею и Помераніею, прежде принадлежавшею Швеціи, государь которой уничтожилъ, въ 1806 г., крѣпостное право однимъ почеркомъ пера! Лично свободные, не привязанные къ землѣ собственнымъ интересомъ, они влачатъ жизнь въ нищетѣ. Изъ почтенныхъ крестьянъ образовался классъ странствующихъ поденщиковъ. Таковы фазисы, пройденные Пруссіею, прежде чѣмъ вполнѣ установился существующій порядокъ вещей. Я видѣлъ, что Россія вступила на тотъ же путь, и мною овладѣло желаніе наблюдать ее въ эту эпоху жизненнаго развитія. Это желаніе сдѣлалось непреодолимымъ, когда появился достопамятный указъ 2-го апрѣля. Новый законъ обезпечиваетъ помѣщику право собственности на землю, но крестьянинъ пріобрѣтаетъ возможность» (слѣдовало бы прибавить: съ согласія помѣщика) «замѣнить барщину арендою, продолжительность которой можетъ быть увеличена по желанію. Онъ можетъ надѣяться на пріобрѣтеніе независимаго состоянія. Онъ будетъ обязанъ имъ землѣ, плодородіе которой увеличится его стараніями... Подъ защитою помѣщика укрѣпится общинный строй каждой деревни, и вмѣстѣ съ тѣмъ корпоративныя связи не ослабятъ того чувства уваженія и довѣрія, которое славянскій крестьянинъ всегда сохраняетъ къ своему господину, и которое есть одна изъ прекрасныхъ отличительныхъ чертъ низшихъ классовъ этого великаго народа. Внутренняя жизнь Россіи такъ оригинальна, что ее отнюдь не слѣдуетъ подгонять подъ масштабъ другихъ націй. Поэтому я вовсе не увѣренъ въ томъ, что сдѣланныя мною до сихъ поръ многочисленныя наблюденія могутъ быть полезны русскому правительству. Но если особыя условія, въ которыхъ находится Россія, не позволяютъ ей слѣдовать вполнѣ примѣру другихъ европейскихъ странъ, то знаніе того, что тамъ произошло, можетъ предохранить ее отъ возможныхъ ошибокъ. Я льщу себя надеждою, что могу быть нѣсколько полезнымъ въ этомъ смыслѣ».

На слѣдующій день Гакстгаузенъ въ письмѣ къ Киселеву дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній относительно закона 2-го апрѣля 1842 г. «На этотъ указъ», говоритъ онъ, «нападаютъ либералы западной Европы, потому что онъ не начинается деклараціею правъ человѣка, и такъ какъ онъ не затрогиваетъ даже вопроса о личной свободѣ крестьянина. Я слышалъ также, что многіе русскіе помѣщики считаютъ его мертворожденнымъ, такъ какъ онъ не имѣетъ принудительной силы. Но эти упреки, по моему мнѣнію, составляютъ лучшее доказательство его значенія. Указъ ограничивается тѣмъ, что устанавливаетъ принципы. Онъ резюмируетъ прошедшее, настоящее и будущее русскаго крестьянина. Это лучъ свѣта, брошенный правительствомъ среди мрака, чтобы освѣтить народу путь, которымъ онъ необходимо долженъ идти въ своемъ естественномъ развитіи. Законъ не желаетъ насильственно создавать новый порядокъ вещей; онъ только даетъ русскому народу возможность сознать то, что должно когда нибудь совершиться, ту цѣль, къ которой должны стремиться соединенныя усилія правительства и народа. Законъ этотъ даетъ крестьянину право заключать договоры съ господиномъ, слѣдовательно пріобрѣтать собственность и употреблять для ея защиты, даже противъ господина, средства, дозволенныя закономъ. Принципъ, столь охранительный, можетъ ли остаться безъ послѣдствій? Учрежденіе значительнаго числа фабрикъ въ деревняхъ угрожаетъ русскому крестьянину полнымъ порабощеніемъ. Новый законъ даетъ ему возможность пріобрѣсти независимое положеніе и достаточно гарантируетъ его сохраненіе. Крестьянинъ, который будетъ такъ счастливъ, что получитъ нѣсколько десятинъ въ аренду на правѣ эмфитеоза, увидитъ свое положеніе упроченнымъ навсегда. Даровать крестьянину личную свободу, не привязавъ его предварительно собственными выгодами къ обработкѣ земли, мнѣ кажется, было бы мѣрою не только ошибочною, но даже гибельною» (при этомъ Гакстгаузенъ опять ссылается на дарованіе личной свободы крестьянамъ въ Помераніи въ 1806 г.).

Всѣ эти соображенія о вредѣ личнаго безземельнаго освобожденія были уже не новостью для русскаго правительства; печальный опытъ, сдѣланный въ Остзейскомъ краѣ, былъ настолько убѣдителенъ, что правительство отказалось слѣдовать по этому пути, какъ это и было торжественно заявлено государемъ въ государственномъ совѣтѣ 30-го марта 1842 г. Но все-таки были не безполезны и заявленія Гакстгаузена, основанныя на наблюденіяхъ въ Западной Европѣ, хотя, само собою разумѣется, онъ совершенно напрасно приходилъ въ восторгъ отъ закона 2-го апрѣля 1842 г., который дѣйствительно оказался мертворожденнымъ.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ того, какъ Гакстгаузенъ, готовясь къ путешествію въ Россію, изложилъ Киселеву свои взгляды на крестьянскій вопросъ, взгляды, какъ мы видѣли, весьма консервативные, шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ, обратился 11-го марта 1843 г. съ слѣдующимъ секретнымъ письмомъ къ графу Киселеву: «Дошло до моего свѣдѣнія, что по вызову вашего сіятельства въ скоромъ времени прибудетъ въ С.-Петербургъ баронъ фонъ-Гакстгаузенъ. Обязанностью считаю предупредить васъ..., что Гакстгаузенъ извѣстенъ за человѣка либеральныхъ мыслей (?!), ненавидитъ дворянство (?!), и въ недавнемъ времени издана имъ литографированная брошюра о Лифляндіи, въ коей онъ возстаетъ противъ правъ дворянства». Киселевъ поспѣшилъ отвѣтить Бенкендорфу, что дошедшія до него свѣдѣнія «не совсѣмъ точны, ибо я», продолжаетъ министръ государственныхъ имуществъ, «не вызывалъ барона Гакстгаузена, не знаю его, и потому не могу судить о его либеральныхъ наклонностяхъ», и разсказываетъ далѣе, какъ было дѣло, прилагая при томъ и письмо Мейендорфа. «За таковымъ объясненіемъ», продолжаетъ Киселевъ, «которое считаю обязанностью сообщить вамъ..., дабы оградить г. Гакстгаузена отъ неблагонамѣренныхъ толковъ и дѣйствій, я полагаю, что ваше сіятельство не откажете ему въ благосклонномъ покровительствѣ вашемъ, для чести нашего правительства и пользы науки необходимомъ».

3-го марта Гакстгаузенъ прибылъ въ Ригу и тутъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что мѣстная цензура задержала нѣкоторыя бывшія при немъ книги (напримѣръ, «Путешествіе по Россіи» Коля и др.). Онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Киселева; послѣднему пришлось написать министру народнаго просвѣщенія, Уварову, и тотъ распорядился о возвращеніи книгъ Гакстгаузену.

Наконецъ, въ мартѣ 1843 г., Гакстгаузенъ пріѣхалъ въ Петербургъ, снабженный письмомъ къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ отъ короля прусскаго, которому онъ былъ лично извѣстенъ. Составленный Гакстгаузеномъ планъ путешествія по Россіи былъ просмотрѣнъ самимъ государемъ. Очень много матеріаловъ было сообщено Гакстгаузену изъ министерства государственныхъ имуществъ. Между прочимъ онъ услышалъ отъ великой княгини Елены Павловны, что въ канцеляріи министерства есть «Историческій обзоръ состоянія крестьянъ или крѣпостнаго права» во всей Россіи, составленный, по предписанію Киселева, предъ изданіемъ указа 2-го апрѣля 1842 г. Гакстгаузенъ обратился съ просьбою къ Киселеву о переводѣ и сообщеніи ему этого обзора, если онъ не слишкомъ объемистъ. Киселевъ написалъ такую резолюцію: «это не можно и не должно давать; краткій взглядъ

на этотъ предметъ можно имѣть отъ А. П. Заблоцкаго» [1]). Кромѣ того онъ велѣлъ сообщить Гакстгаузену, что для него будетъ назначенъ особый переводчикъ. По высочайшему повелѣнію шефъ жандармовъ и министры внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предписали мѣстнымъ властямъ оказывать всевозможное содѣйствіе нѣмецкому путешественнику; для сопровожденія его при обозрѣніи Петербурга шефъ жандармовъ назначилъ къ нему офицера своего вѣдомства. Но Бенкендорфъ былъ нѣсколько смущенъ, когда Гакстгаузенъ заявилъ ему, что желалъ бы ознакомиться съ образомъ жизни простаго народа въ Петербургѣ, приходящихъ сюда рабочихъ, а также бродягъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, и просилъ о командированіи къ нему съ этою цѣлью чиновника, знающаго нѣмецкій языкъ. «Не рѣшаясь опредѣлить, будетъ ли для барона Гакстгаузена прилично посѣщать такія мѣста, гдѣ жительствуютъ и бываютъ бродяги и подобные имъ люди», а также затрудняясь возлагать подобное порученіе на жандармскаго офицера, Бенкендорфъ обратился за совѣтомъ къ Киселеву. Тотъ отвѣчалъ, что онъ «неоднократно объяснялъ» Гакстгаузену, что «поѣздка его не есть мѣра правительственная и оффиціальная, а частная, предпринятая имъ для ученыхъ изысканій»; поэтому онъ «можетъ осматривать въ Россіи все то, что дозволяется видѣть всякому другому частному путешественнику, а затѣмъ», писалъ Киселевъ Бенкендорфу, «вмѣшательство правительства въ его изысканія, по моему мнѣнію, не нужно и было бы несогласно съ первоначально изъявленною по сему предмету высочайшею волею». Кромѣ 1,500 руб., назначенныхъ Гакстгаузену, ему были выданы еще прогоны на 6 лошадей (1,181 рубль), не считая прогоновъ для сопровождавшаго его чиновника, Адеркаса.

Въ концѣ апрѣля 1843 г. Гакстгаузенъ выѣхалъ изъ Петербурга. Черезъ Москву онъ направился въ Ярославль, Вологду, Устюгъ, оттуда въ Нижній Новгородъ, Казань, Самару, Саратовъ, Пензу, Воронежъ, Екатеринославъ, проѣхалъ по Крыму, наконецъ, чрезъ Одессу, Кіевъ и Тулу, въ концѣ октября того-же года прибылъ въ Москву, гдѣ и прожилъ до самаго отъѣзда заграницу въ апрѣлѣ 1844 г. Онъ собралъ множество интереснаго матеріала. Для переводовъ написанныхъ по русски бумагъ и различныхъ по нимъ объясненій Киселевъ отправилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Берлинъ на 4 мѣсяца чиновника министерства государственныхъ имуществъ, Лана, которому, впрочемъ,

[1]) Поэтому Заблоцкому было поручено составить для Гакстгаузена „Краткій взглядъ на положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи до состоянія указа 2-го апрѣля 1842 г. и объясненіе политическаго и внутренняго быта государственныхъ крестьянъ и правъ ихъ“. В. С.

пришлось прожить тамъ гораздо долѣе. Въ сентябрѣ 1845 г. онъ писалъ въ министерство, что «передъ отъѣздомъ изъ Петербурга баронъ Гакстгаузенъ далъ обѣщаніе написать и издать свою книгу въ теченіи одного года; теперь... прошло уже около осьмнадцати мѣсяцевъ, а книги все еще нѣтъ»; «всякій разъ, когда я говорю ему о качествѣ и достоинствѣ ожидаемой отъ него книги», продолжаетъ Ланъ, Гакстгаузенъ «значительно киваетъ головою, присовокупляя, что сочиненіе оправдаетъ всѣ ожиданія его сіятельства». Теперь мы знаемъ, что Гакстгаузенъ имѣлъ право говорить такимъ образомъ, такъ какъ его трудъ былъ дѣйствительно выдающимся въ свое время явленіемъ.

На напечатаніе книги автору было обѣщано пособіе, въ томъ случаѣ, если она окажется удовлетворительною, и государь повелѣлъ выдать Гакстгаузену 6,000 рублей на изданіе первыхъ двухъ томовъ подлинника. Они вышли въ свѣтъ въ 1847 г., а вслѣдъ затѣмъ появился и французскій переводъ, послѣ чего авторъ получилъ въ подарокъ золотую табакерку съ вензелемъ императора Николая. Въ 1851 г. Гакстгаузенъ сталъ ходатайствовать о назначеніи ему новаго пособія для напечатанія по французски третьяго и послѣдняго тома его сочиненія; тогда русское правительство изъявило согласіе на новое вспомоществованіе не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго просмотра этого тома. Когда онъ былъ полученъ въ нѣмецкомъ изданіи, гр. Киселевъ доложилъ государю, что «это сочиненіе, отличаясь весьма обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ состоянія Россіи, проникнуто глубокимъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ монархическихъ началъ и всего, что для блага Россіи ваше величество совершить изволили. При такомъ направленіи сочиненія, оно имѣетъ то особенное достоинство, что всѣ убѣжденія сочинителя основываются не на поверхностномъ взглядѣ или грубой лести, но на самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ положенія нашего государства, и если есть ошибки или невѣрности, то онѣ легко могутъ быть исправлены при французскомъ переводѣ». Поэтому Киселевъ признавалъ полезнымъ изданіе по французски третьяго тома этого труда, но такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ «важныя разсужденія» о внѣшней политикѣ, арміи и флотѣ, о церкви и дворянствѣ, то Киселевъ предлагалъ поручить разсмотрѣніе каждой изъ этихъ статей соотвѣтственнымъ учрежденіямъ, или лицамъ, стоящимъ во главѣ ихъ, и государь на это согласился [1]). Выписки изъ третьяго тома были прочитаны

---

[1]) Въ дѣлахъ министерства государственныхъ имуществъ сохранились замѣчанія нѣкоторыхъ вѣдомствъ на третій томъ сочиненія Гакстгаузена.

В. С.

государемъ, который нашелъ ихъ весьма интересными; онѣ переданы были также для прочтенія и наслѣднику цесаревичу. Что касается вопроса объ обращеніи книги Гакстгаузена въ Россіи въ подлинникѣ, то въ 1853 г. государь повелѣлъ: допустить продажу въ Россіи, подобно первымъ двумъ, и третьей части этого сочиненія, но не иначе, какъ съ исключеніемъ въ этой послѣдней трехъ мѣстъ, признанныхъ предосудительными [1]), и съ воспрещеніемъ переводить книгу на русскій языкъ. Всего на всего Гакстгаузенъ получилъ на поѣздку въ Россію и обратно, на переводы и изданіе своего сочиненія 11,237 р. Въ этотъ счетъ не входятъ выданныя ему прогонныя деньги и болѣе 2,000 руб. жалованія чиновнику Лану. Но та польза, которую принесло Россіи и русской наукѣ сочиненіе Гакстгаузена, вполнѣ окупаетъ эти расходы [2]).

Первые два тома сочиненія Гакстгаузена содержатъ главнымъ образомъ описаніе его путешествія, но это не бѣглыя путевыя замѣтки, а цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ наблюденій надъ различными явленіями внутренней жизни Россіи; есть, между прочимъ, и такія главы, какъ, напримѣръ, о половникахъ, о колонизаціи въ Россіи, о ногайскихъ татарахъ. Въ третьемъ томѣ, кромѣ указанныхъ уже статей, мы находимъ чрезвычайно интересную главу объ общинномъ землевладѣніи, гдѣ множество важныхъ и новыхъ данныхъ придаютъ особый интересъ труду Гакстгаузена и составляютъ главную заслугу автора. Мы не имѣемъ въ виду характеризовать все сочиненіе Гакстгаузена, а остановимся лишь на тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ дѣло идетъ о крѣпостномъ правѣ и объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ одной изъ главъ перваго тома, сообщивъ нѣсколько данныхъ объ исторіи у насъ крѣпостнаго права, авторъ говоритъ: «Пока Россія была еще чисто земледѣльческимъ государствомъ, крѣпостное право было мало обременительнымъ для помѣщичьихъ крестьянъ, особенно въ Великороссіи, гдѣ прежде было немного имѣній, обитаемыхъ помѣщиками; здѣсь обыкновенно не существовало барщины, и помѣщикъ передавалъ всю землю въ неограниченное пользованіе крестьянской общины за извѣстную ренту, какъ это и теперь часто бываетъ... Высота ренты предписывалась здѣсь самыми обстоятельствами.

---

[1]) На стр. 62 о распространеніи въ Россіи либеральныхъ, коммунистическихъ и соціалистическихъ идей; на стр. 85 и 205—206 о религіозныхъ вѣрованіяхъ въ Россіи.

[2]) См. три дѣла о путешествіи барона Гакстгаузена въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ. В. С.

Господинъ могъ получать только умѣренный чистый доходъ; если онъ желалъ выжимать болѣе, то крестьяне бѣднѣли, ихъ скотъ и хозяйственный инвентарь ухудшался или исчезалъ совершенно, земледѣліе приходило въ упадокъ, и они были не въ состояніи исполнять повинности. Съ другой стороны, правительство требовало, чтобы господинъ самъ отвѣчалъ за казенныя подати крестьянъ въ случаѣ ихъ несостоятельности, и такимъ образомъ собственный интересъ побуждалъ господина беречь своихъ крестьянъ, гуманно относиться къ нимъ и оказывать имъ помощь. Онъ долженъ былъ даже стараться поддерживать у нихъ извѣстный хозяйственный инвентарь, иначе онъ не могъ надѣяться на аккуратное полученіе ренты. При этомъ онъ жилъ не въ деревнѣ, а въ городѣ, и потому, конечно, не могъ контролировать силъ и зажиточности отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, не могъ, какъ говорится, смотрѣть имъ въ горшокъ, и потому долженъ былъ довольствоваться наложеніемъ оброка по числу душъ; такимъ образомъ, и безъ того уже сильное общинное устройство получало еще бо̀льшее значеніе. Русская община стала вслѣдствіе этого органически выработавшеюся, свободною республикою, вся зависимость которой ограничивалась тѣмъ, что она уплачивала постоянный оброкъ господину... Но теперь все это измѣнилось, и можно ожидать еще бо̀льшихъ перемѣнъ, вслѣдствіе проникновенія западно-европейской культуры, развитія промышленности и усиленія роскоши!» Упомянувъ далѣе объ искусственномъ разведеніи фабрикъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, о томъ, какъ тогда приписывали къ фабрикамъ и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя деревни, Гакстгаузенъ продолжаетъ: «Это собственно впервые пробудило въ Россіи мысль, что такъ какъ вся работа крѣпостныхъ принадлежитъ господину, то онъ можетъ употреблять ихъ на всякую работу, которая приноситъ ему выгоду. Ранѣе этого господинъ пользовался своими крѣпостными лишь въ двухъ видахъ: крестьянами въ земледѣліи и дворовыми для личнаго услуженія. Когда промышленность въ Россіи, поддерживаемая правительствомъ, все болѣе разросталась, когда дворянство побуждалось правительствомъ вездѣ учреждать фабрики, что въ послѣднія 25 лѣтъ совершалось въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, помѣщики воспользовались своими крѣпостными такимъ-же образомъ, какъ это было прежде на такъ называемыхъ казенныхъ фабрикахъ» (поссесіонныхъ?); «прежде всего они употребили на фабричныя работы свою праздную дворню..., затѣмъ взялись и за крестьянъ, сначала лишь излишнихъ для земледѣлія, а затѣмъ нерѣдко уменьшали или даже совершенно уничтожали запашку, такъ какъ въ неплодородныхъ и посредственныхъ мѣстностяхъ земледѣліе приноситъ менѣе дохода,

чѣмъ фабрика. Но скоро обнаружилось, что русскіе—плохіе фабричные работники, если эта работа составляетъ барщину, но что въ свою пользу они трудятся усердно. Поэтому даютъ крѣпостнымъ позволеніе самимъ искать работы, гдѣ они хотятъ, и облагаютъ ихъ за то оброкомъ».—«Мнѣ уже давно казалось», говоритъ авторъ въ примѣчаніи, «что правительство сдѣлало большую ошибку, чрезвычайно поощряя 25 лѣтъ тому назадъ промышленность и учрежденіе фабрикъ, не опредѣливъ ранѣе положительнымъ закономъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ это возможно (и какъ это уже совершилось въ Германіи), или по крайней мѣрѣ не установивъ точно отношеній крѣпостныхъ къ фабрикамъ» [1]). Упомянувъ далѣе о широкомъ распространеніи среди крѣпостныхъ оброчной системы и отхожихъ промысловъ, авторъ высказываетъ мысль, что съ 1812 г. среднее дворянство, познакомившись съ западно-европейскою жизнью и комфортомъ, стало презирать національные обычаи и жить на иностранный манеръ. «Оно уже и прежде было склонно къ роскоши, а съ тѣхъ поръ страшно обременило себя долгами. Его имѣнія стали продаваться и переходить въ руки выскочекъ, которыя разбогатѣли самыми дурными средствами на государственной службѣ или разными спекуляціями. Тогда были разорваны старинныя узы взаимной, изъ рода въ родъ унаслѣдованной, любви и вѣрности, которыя одни и дѣлали отношенія, основанныя на крѣпостномъ правѣ, человѣчными, или, по крайней мѣрѣ, сносными. Новые господа смотрѣли на крѣпостныхъ лишь какъ на орудіе, на машины для пріобрѣтенія денегъ. Посредствомъ государственной службы все болѣе выскочекъ получало дворянство». Со временемъ и старое дворянство «вступило въ ряды чиновниковъ и было болѣе или менѣе заражено господствующею среди нихъ испорченностью»..

Прежде, когда дворянство было не такъ многочисленно, когда оно составляло съ крѣпостными еще одинъ народъ и мало отличалось отъ него нравами, образованіемъ и міросозерцаніемъ, когда крѣпостное право обнимало лишь людей, занимающихся земледѣліемъ, когда старыя деревенскія общины еще не были ослаблены разрушительными раздѣлами, и въ нихъ былъ еще живъ могущественный принципъ истинной и упорядоченной свободы, тогда крѣпостное право не пред-

---

[1]) Въ введеніи къ книгѣ авторъ говоритъ, что „фабричная промышленность составляетъ одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій эмансипаціи, которая и въ Россіи постепенно начинаетъ дѣлаться необходимою“ (S. XIII). Во французскомъ переводѣ послѣдняя мысль еще болѣе ослаблена: „l'abolition de la servitude, qui commence à devenir pour la Russie un but, vers lequel elle doit tendre insensiblement“ (p. XI). В. С.

ставляло противуестественныхъ, губительныхъ отношеній [1]), а быть можетъ было даже необходимо для государственнаго развитія Россіи. Теперь оно сдѣлалось противоестественнымъ [1]), и все болѣе выясняется невозможность фиксировать его въ настоящей стадіи и вообще далѣе сохранять его. Этого не скрываетъ ни одинъ умный человѣкъ въ Россіи, но какъ уничтожить или преобразовать эти отношенія, не вызвавъ соціальной революціи? Это главный вопросъ дня!

«Въ настоящее время крѣпостное право въ Россіи есть сенъ-симонизмъ на выворотъ. Послѣдній, какъ извѣстно, требуетъ, чтобы людей надѣляли по ихъ потребностямъ и способностямъ. Господинъ также оцѣниваетъ своихъ крѣпостныхъ. Онъ говоритъ принадлежащему ему человѣку: «тебѣ столько-то лѣтъ, ты такого-то сложенія и здоровья, имѣешь такую-то силу и способность къ работѣ, такое-то образованіе, таланты и знанія, слѣдовательно ты представляешь собою такой-то капиталъ». Но вмѣсто того, чтобы далѣе сказать вмѣстѣ съ Сенъ-Симономъ: «такъ какъ ты имѣешь такую-то цѣнность, то тебѣ приходится столько-то изъ благъ земныхъ», русскій помѣщикъ говоритъ своему крѣпостному: «такъ какъ ты имѣешь такую-то цѣнность, то слѣдовательно ты долженъ заработывать столько-то; ты долженъ принести мнѣ проценты съ заключающагося въ тебѣ и принадлежащаго мнѣ капитала, и слѣдовательно ты будешь платить мнѣ столько-то!» [2]).

Въ другой главѣ перваго тома авторъ указываетъ на необходимость крупныхъ помѣстій для культурныхъ усовершенствованій, а слѣдовательно и благосостоянія народа, а такъ какъ, по его мнѣнію, большія хозяйства могутъ поддерживаться въ нечерноземной полосѣ Россіи или посредствомъ барщины, или введеніемъ системы хозяйства, связанной съ промышленными предпріятіями, то онъ и дѣлаетъ выводъ, что «въ настоящее время крѣпостное право еще нельзя уничтожить» (въ примѣчаніи онъ прибавляетъ, что «уничтоженіе или преобразованіе крѣпостнаго права должно всегда разсматривать въ Россіи какъ мѣстный, а не общегосударственный вопросъ»): «но его (крѣпостное право) можно превратить въ отношенія, нормированныя закономъ съ точно опредѣленною барщиною и обузданіемъ всякаго личнаго произвола, какъ это имѣлъ въ виду указъ 1842 г.» (I, 178). Въ другомъ мѣстѣ, сообщая свѣдѣнія объ урочномъ

---

[1]) Во французскомъ переводѣ ослаблено (p. 103).

[2]) Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von Aug. Freih. von Haxthausen. Hann. 1847. I, 113—118. В. С.

положеніи, введенномъ Буниным въ его тамбовскомъ помѣстьи, Гакстгаузенъ говоритъ: «Если бы правительству въ Россіи удалось такимъ образомъ точно и твердо регулировать барщину, то для настоящаго момента это было бы желательнѣе, чѣмъ уничтоженіе крѣпостнаго права. Изгнать изъ этихъ отношеній необузданный произволъ, установить законные предѣлы, которые были бы дѣйствительно соблюдаемы, возбудить во всѣхъ классахъ общества сознаніе своихъ правъ—въ этомъ заключалась бы великая задача настоящей минуты (II, 86—87) [1]). Проѣзжая по юго-западному краю, Гакстгаузенъ обращаетъ вниманіе на то, что австрійское правительство приняло серьезныя мѣры для ограниченія крѣпостнаго права въ присоединенныхъ къ Австріи польскихъ провинціяхъ, тогда какъ русское правительство этого не сдѣлало. Тутъ же говоритъ онъ объ издавна существующей въ западной Россіи инвентарной системѣ (II, 481—489, 493—494) [2]).

Въ третьей части своего труда, вышедшей въ свѣтъ уже въ 1852 г., въ главѣ, посвященной описанію государственныхъ имуществъ въ Россіи и ихъ управленія, Гакстгаузенъ вновь возвращается къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Придавая громадное значеніе тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты въ царствованіе императора Николая относительно государственныхъ крестьянъ, онъ говоритъ по этому поводу: «Установленіе правовыхъ принциповъ и нормъ обнимаетъ, однако, пока лишь меньшую часть деревенскихъ общинъ; постепенно согласовать съ этимъ и отношеніе другой части—составляетъ вторую великую задачу правительства. Что оно хорошо поняло необходимость этого и думаетъ дѣйствительно къ этому приступить, доказываетъ указъ 2-го апрѣля и послѣдовавшія затѣмъ распоряженія. Правительство остереглось произвольно затрогивать существующія права, оно только указало путь, постановило нормы, чтобы обѣ стороны могли полюбовно покончить между собою. По основному правилу крѣпостнаго права крѣпостной вовсе не имѣетъ собственности; господину принадлежитъ все, и онъ обязанъ только доставить

---

[1]) Трактуя о земледѣліи и хлѣбной торговлѣ въ Харьковской губерніи, авторъ говоритъ: „быстрое превращеніе крѣпостнаго права или даже установленіе обязательныхъ договорныхъ отношеній, сообразно указу 1842 г., безъ предварительнаго устройства всевозможныхъ путей сообщенія, было бы, по крайней мѣрѣ для этой мѣстности, истиннымъ бѣдствіемъ“ (II, 126).

[2]) Въ 1847 г. въ двухъ русскихъ журналахъ были помѣщены извлеченія изъ книги Гакстгаузена („Современникъ“, т. VI, смѣсь, стр. 38 — 48, и „Финскій Вѣстникъ“, т. XXII, стр. 1—16); но ни тамъ, ни здѣсь не были затронуты, вѣроятно, по причинамъ, отъ редакцій независящимъ, мнѣнія Гакстгаузена о крѣпостномъ правѣ. В. С.

крѣпостному пропитаніе. Итакъ, крѣпостному не достаетъ юридическаго права распоряженія: онъ не можетъ заключать контрактовъ, не можетъ дѣлать завѣщаній и т. п. Но со 2-го апрѣля 1842 г. законодательство даетъ русскому крестьянину право вступать въ договоры» (авторъ забываетъ о законѣ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ) «и тѣмъ совершенно уничтожаетъ настоящее крѣпостное право. Такимъ образомъ слагаются правовыя отношенія, подобныя существующимъ въ Вестфаліи, гдѣ не столько посредствомъ законодательства, сколько путемъ постепеннаго жизненнаго развитія образовались такія отношенія, что крѣпостной владѣетъ и пользуется крестьянскимъ имѣніемъ на основаніи договора съ своимъ господиномъ. Итакъ, въ настоящее время въ Россіи положено основаніе крестьянскихъ правъ; дальнѣйшее ихъ развитіе дѣло будущаго. Свобода никогда не должна быть подаркомъ; это высокое благо, которое можетъ быть лишь наградою за способности, стараніе и трудолюбіе. Ни одинъ разумный человѣкъ въ Россіи не можетъ и подумать о томъ, чтобы вдругъ, сразу, уничтожить крѣпостное право. Такое освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ провинціяхъ, вѣчно служащихъ пробною мѣстностью для русскаго законодательства, имѣло вовсе неблагопріятныя послѣдствія; еще и теперь трудятся тамъ надъ тѣмъ, чтобы установить мало-мальски прочныя соціальныя отношенія. Для Россіи такое прекращеніе крѣпостнаго права было бы несказаннымъ бѣдствіемъ. Если бы законодательство установило, что извѣстные классы или категоріи крѣпостныхъ (первоначально за исключеніемъ земледѣльцевъ), купцы, ремесленники, фабричные работники и т. п. имѣютъ право выкупаться на свободу въ извѣстное время на опредѣленныхъ условіяхъ, то были бы положены достаточныя основанія будущимъ правовымъ отношеніямъ. Остальное было бы дѣломъ времени» (III, 514—516). Далѣе авторъ указываетъ на то, какъ настоятельно необходимо правительству обратить вниманіе на усовершенствованіе земледѣлія не у однихъ государственныхъ, но и у помѣщичьихъ крестьянъ. «Этическій принципъ крѣпостнаго права», говоритъ здѣсь, между прочимъ, авторъ, «(безъ признанія котораго оно было бы невыносимою мерзостью), состоитъ въ томъ, что крѣпостныхъ должно разсматривать, какъ принадлежащихъ къ семейству господина и что слѣдовательно господинъ имѣетъ обязанность заботиться объ ихъ умственномъ и физическомъ благосостояніи. Поэтому государь долженъ смотрѣть на помѣстное дворянство, какъ на другую категорію своихъ слугъ и чиновниковъ, при посредствѣ которыхъ онъ руководитъ и управляетъ второю половиною своихъ подданныхъ, т. е. крѣпостными, образовываетъ этихъ послѣднихъ

и оказываетъ имъ содѣйствіе». По этому поводу авторъ распространяется о необходимости созданія въ Россіи поземельной аристократіи, чтобы посредствомъ нея направить крѣпостныхъ по пути земледѣльческихъ улучшеній и такимъ образомъ поднять въ Россіи уровень сельскаго хозяйства (III, 520—521) [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что Гакстгаузенъ, вполнѣ признавая значительное ухудшеніе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ и считая необходимымъ уничтоженіе мало по малу крѣпостнаго права, въ настоящее время требовалъ лишь его ограниченія. Важно было, конечно, что онъ настаивалъ на необходимости земельнаго обезпеченія крестьянъ при ихъ освобожденіи, но, какъ мы уже замѣтили, съ начала 1840-хъ годовъ правительство само пришло къ этой мысли.

Во время путешествія Гакстгаузена по Россіи съ нимъ познакомился въ 1843 году, въ Москвѣ, А. И. Герценъ, котораго поразилъ «ясный взглядъ» нѣмецкаго путешественника «на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще». Но по выходѣ въ свѣтъ всего сочиненія Гакстгаузена, Герценъ естественно остался недоволенъ его консервативными убѣжденіями вообще и въ частности взглядами на крестьянскій вопросъ. Въ изданной въ 1853 г. заграницею брошюрѣ «Крещеная собственность» онъ говоритъ: «Гакстгаузенъ старается доказать въ своей книгѣ, что помѣщикъ представляетъ патріархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ клановъ, или аравійскихъ эмировъ. Мнѣніе это, нѣкогда поддерживаемое плантаторами изъ московскихъ панславистовъ, совершенно ложно. Патріархальный глава общины—староста, выбранный міромъ, взятый изъ самой общины, равный всѣмъ. Онъ замѣняетъ отца и есть дѣйствительный опекунъ, ходатай, представитель деревни. Гдѣ же начинается необходимость другой главы, вотчима, посторонняго, опирающагося на внѣшнюю власть, не принимающаго никакого участія въ дѣлахъ общины, не несущаго ея тяги и обкладывающаго ее оброкомъ и барщиной? Если-бы помѣщикъ былъ только собственникъ земли, его права ограничивались бы

---

[1]) Было упомянуто, что различныя учрежденія и оффиціальныя лица дѣлали замѣчанія на третій томъ сочиненія Гакстгаузена. По вопросу о крѣпостномъ правѣ главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ его величества канцеляріи, гр. Блудовъ, сдѣлалъ лишь одно замѣчаніе: авторъ говоритъ, что помѣщикъ можетъ наказывать крѣпостныхъ до 5 ударовъ палками. Блудовъ поправилъ, что господа могутъ подвергать крѣпостныхъ наказанію розгами до 40 ударовъ, палками до 15 ударовъ, или же аресту на время отъ 1—7 дней, а въ случаяхъ особенной важности до 2 мѣсяцевъ (Арх. мин. госуд. имуществъ). В. С.

кортомными деньгами за нее, соотвѣтственной работой или половничествомъ. Но оно вовсе не такъ. Онъ владѣетъ гораздо больше человѣкомъ, нежели землею, онъ беретъ окупъ не съ десятины, а съ мышцъ, съ дыханія. Онъ заставляетъ платить за право работы, движенія, существованія. Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ, по превосходному выраженію, невзначай сорвавшемуся у Гакстгаузена, на обратномъ сенъ-симонизмѣ: чѣмъ больше способностей, тѣмъ больше требуетъ баринъ. Очевидная нелѣпость». Далѣе Герценъ говоритъ о разрывѣ между дворянствомъ и народомъ, о вредномъ для народа развитіи промышленности [1]), но онъ напрасно утверждаетъ, что всего этого не хочетъ видѣть Гакстгаузенъ и напрасно приписываетъ ему «страстную любовь» къ рабству.

V.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ожиданія тѣхъ, которые возлагали большія надежды на содѣйствіе Гакстгаузена нашему правительству въ дѣлахъ освобожденія крестьянъ, совершенно не оправдались; правда, онъ подкрѣпилъ своимъ авторитетомъ мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а также поддержалъ собранными фактами мнѣніе тѣхъ, которые, подобно Киселеву, стояли за сохраненіе общиннаго землевладѣнія; но уничтоженіе крѣпостнаго права онъ готовъ былъ отложить въ долгій ящикъ. Гораздо важнѣе и полезнѣе для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса было то, что одинъ изъ членовъ кружка Бѣлинскаго, А. И. Герценъ, переселился въ 1847 г. заграницу [2]). Въ лицѣ его кружокъ получилъ возможность свободно высказать свой взглядъ на крестьянское дѣло. Первоначально онъ пытался въ нашихъ журналахъ бороться съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ беллетристическихъ произведеній, будить русскую мысль изображеніемъ крѣпостничества въ неприкрашенномъ видѣ. И вотъ

---

[1]) „Развитіе промышленности, фабрикъ и самое распространеніе политической экономіи, переложенной на россійскіе нравы, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, „патріархальная глава общины“, сдѣлался мало по малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцемъ бѣлыхъ невольниковъ“.

[2]) Въ этомъ же году появилась за границею книга Н. И. Тургенева «La Russie et les russes», гдѣ авторъ подробно останавливался на крестьянскомъ вопросѣ; см. объ этомъ мою статью въ „Русской Мысли“ 1886 г., № 3.

В. С.

онъ задѣваетъ его, насколько возможно, и въ романѣ «Кто виноватъ», и въ повѣсти «Сорока воровка». На 1848 г. «Современникомъ» была обѣщана его повѣсть «Долгъ прежде всего», но она не была пропущена цензурой, безъ сомнѣнія за частыя вылазки въ ней противъ крѣпостнаго права. Это помѣшало автору окончить ее; въ 1851 году онъ разсказалъ въ сжатыхъ словахъ ея дальнѣйшій планъ, и въ такомъ видѣ, лишь въ 1854 г., она появилась въ свѣтъ заграницей.

Первымъ дѣйствующимъ лицомъ повѣсти является помѣщикъ Л. С. Столыгинъ, жизнь котораго авторъ относитъ еще къ концу XVIII-го вѣка, но въ его обращеніи съ крѣпостными читатель могъ найти не мало чертъ современныхъ ему нравовъ, которые, по мѣрѣ возможности, рисовали въ своихъ произведеніяхъ и другіе молодые писатели: Тургеневъ и Григоровичъ. Тяжела была жизнь дворовыхъ у Л. С. Столыгина: господинъ запрещаетъ имъ иногда жениться; въ конюшнѣ производятся такія суровыя расправы, что можно умереть во время наказанія, и проч. Въ характерѣ брата Льва Степановича выдающеюся чертою была чувственность, рано развившаяся, благодаря существованію дѣвичьей и покровительству матери его развратнымъ наклонностямъ. Сдѣлавшись помѣщикомъ, Степанъ Степановичъ матеріальной стороной хозяйства заниматься не любилъ и предоставилъ управленіе вотчиной старостѣ и повару. Сынъ его, унаслѣдовавъ имѣніе дяди, начинаетъ свое управленіе тѣмъ, что увеличиваетъ оброкъ на 10 рублей съ тягла. Найдя записку, въ которой дядя изъявляетъ желаніе отпустить на волю дворовыхъ, онъ сжигаетъ этотъ документъ. Михаилъ Степановичъ жилъ въ Москвѣ и страшно тѣснилъ дворню; завѣдываніе имѣніемъ онъ поручилъ другому лицу, но иногда безъ всякой нужды врывался въ его управленіе, «распространялъ ужасъ и трепетъ, брилъ лбы, наказывалъ, бралъ во дворъ, обременялъ совершенно ненужными работами». Въ ненаписанной и лишь кратко изложенной второй половинѣ повѣсти дѣйствующимъ лицомъ долженъ былъ явиться молодой человѣкъ, уже проникнутый «искреннимъ желаніемъ освобожденія крестьянъ».

Въ концѣ 1847 г., когда Герценъ былъ уже заграницей, въ «Современникѣ» печатались его «Письма изъ Avenue Marigny», въ которыхъ впервые въ нашей литературѣ высказывалось отрицательное отношеніе къ западно-европейской буржуазіи, къ буржуазной политической экономіи и горячая вѣра въ грядущее значеніе четвертаго сословія. Печатаніе этихъ корреспонденцій въ «Современникѣ» было прервано, и слѣдующія семь писемъ были изданы въ 1850 г. по нѣмецки, въ Гамбургѣ, подъ названіемъ: «Писемъ изъ Италіи и Франціи одного русскаго»; дописанное въ 1852 г., все это сочиненіе

было издано въ 1854 г. Въ немъ авторъ, сильно разочарованный событіями 1848 г., со строгою критикою относится къ современнымъ западно-европейскимъ политическимъ и экономическимъ порядкамъ, излагаетъ свои собственные взгляды на общественныя отношенія и ихъ будущее развитіе въ Европѣ и мѣстами находитъ слово сочувствія для русскаго народа и тѣхъ сторонъ русской жизни, которымъ, по его мнѣнію, предстоитъ весьма значительная роль: такъ, напримѣръ, западно-европейскія поземельныя отношенія вызываютъ у автора уже въ этомъ произведеніи сочувственное слово русской общинѣ.

Первою книгою, изданною Герценомъ на западѣ, была «Vom anderen Ufer» («Съ того берега»); рядъ статей, ее составляющихъ, былъ написанъ по русски въ 1848 — 1849 годахъ; авторъ самъ продиктовалъ ихъ затѣмъ по нѣмецки и напечаталъ въ 1850 г. (по русски она была издана въ дополненномъ видѣ въ 1855 г.). Въ нѣмецкомъ изданіи не появилось введенія подъ названіемъ «Прощайте», въ которомъ авторъ объясняетъ друзьямъ, почему онъ не возвращается въ Россію: «Я здѣсь полезнѣе», говоритъ онъ имъ: «я здѣсь безцензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель». Онъ ставитъ себѣ еще и другую задачу: знакомить съ Россіею Европу: «Разскажемъ ей объ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія.... который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія... Итакъ, прощайте, друзья... Быть можетъ и не такъ далекъ, какъ кажется, тотъ день, въ который мы соберемся, какъ бывало въ Москвѣ, и безбоязненно сдвинемъ наши чаши при крикѣ: «за Русь и святую волю!» Самая книга, впрочемъ, была посвящена анализу настоящаго западной Европы и ея вѣроятнаго будущаго; лишь мѣстами авторъ затрогиваетъ въ ней Россію.

Двойная роль, взятая на себя Герценомъ,—свободнаго выразителя идей того русскаго кружка, къ которому онъ принадлежалъ, и истолкователя Россіи предъ Европою,—ясно выразилась въ его письмѣ къ Мишле. Въ легендѣ о Костюшкѣ, напечатанной въ 1851 г. въ газетѣ «L'Evénement», Мишле помѣстилъ характеристику русскаго народа, которая вызвала горячій отвѣтъ Герцена, напечатанный отдѣльною брошюрою по французски въ 1851 г., а по русски впервые появившійся въ 1858 г. Подчеркивая слова Мишле, что сила русскаго народа «лежитъ въ аграрномъ законѣ, въ постоянномъ дѣлежѣ земли», авторъ прежде всего посвящаетъ свою брошюру подробному разъясненію

этой мысли: «Жизнь русскаго народа до сихъ поръ ограничивалась общиною; только въ отношеніи къ общинѣ и ея членамъ признаетъ онъ за собою права и обязанности. Внѣ общины все ему кажется основаннымъ на насиліи... Явная несправедливость помѣщиковъ привязываетъ его еще болѣе къ его правамъ и къ общинному устройству. Община спасла русскій народъ... отъ выкрашенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хотя и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно дожила до развитія соціализма въ Европѣ. Это обстоятельство безконечно важно для Россіи....

«Народъ начинаетъ роптать подъ игомъ помѣщиковъ; безпрестанно вспыхиваютъ мѣстныя возстанія. Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ; она готова принести въ жертву свои права. Царь колеблется. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно. Изъ всего этого вы видите, какое счастіе для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общины; какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину. Европа на первомъ шагу къ соціальной революціи встрѣчается съ этимъ народомъ, который представляетъ ему осуществленіе, полудикое, неустроенное, но все-таки осуществленіе постояннаго дѣлежа земель между земледѣльцами. И замѣтьте, что этотъ великій примѣръ даетъ намъ не образованная Россія, но самъ народъ. Человѣкъ будущаго въ Россіи — мужикъ, точно также какъ во Франціи—работникъ». Такимъ образомъ, Герценъ, подробно развивая мысль Мишле, съ которою онъ былъ согласенъ, въ то-же время горячо полемизируетъ противъ нѣкоторыхъ мѣстъ характеристики русскаго народа, сдѣланной французскимъ историкомъ. Особенно энергическій протестъ съ его стороны возбуждаютъ слѣдующія слова Мишле о русскомъ крестьянинѣ: «Его община не община, его семейство не семейство, его жена не жена; прежде чѣмъ ему, она принадлежитъ помѣщику; его дѣти не его дѣти; кто знаетъ, кто ихъ отецъ?» Разсматривая по этому поводу отношенія помѣщика къ крѣпостнымъ семействамъ, Герценъ говоритъ: «Для большей ясности отличимъ норму отъ злоупотребленій, права отъ преступленій. Jus primae noctis» (право первой ночи) «никогда не существовало въ Россіи. Помѣщикъ не можетъ законно требовать нарушенія супружеской вѣрности. Если бы законъ исполнялся въ Россіи, изнасилованіе крѣпостной женщины наказывалось бы точно также, какъ если бы она была вольная, т. е. каторжною работою или ссылкою въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Таковъ законъ;

обратимся къ фактамъ. Я не думаю отвергать, что при власти, данной правительствомъ помѣщикамъ, имъ очень легко насиловать дочерей и женъ своихъ крѣпостныхъ. Притѣсненіями и наказаніями помѣщикъ всегда добьется того, что найдутся отцы и мужья, которые будутъ предоставлять ему дочерей и женъ... Неудивительно также, что честные отцы и мужья не находятъ суда на помѣщика, благодаря прекрасному судебному устройству въ Россіи. Всѣ эти грязныя гадости возможны; стоитъ только вспомнить грубые и развращенные нравы части русскаго дворянства, чтобы въ этомъ убѣдиться. Но что касается до крестьянъ, то они далеко неравнодушно переносятъ развратъ своихъ господъ. Позвольте мнѣ привести этому доказательства: половина изъ помѣщиковъ, убиваемыхъ своими крѣпостными (по статистическимъ даннымъ ихъ число простирается отъ 60 до 70 въ годъ) [1]), погибаетъ вслѣдствіе своихъ эротическихъ подвиговъ. Процессы по такимъ подвигамъ рѣдки; крестьянинъ знаетъ, что суды не уважатъ его жалобъ; но у него есть топоръ; онъ имъ владѣетъ мастерски и знаетъ это тоже».

Въ 1853 г. Герценъ напечаталъ въ Лондонѣ, уже по русски, брошюру «Крещеная собственность», всецѣло посвященную крестьянскому вопросу; здѣсь онъ развиваетъ взгляды, раздѣляемые тогда лучшими представителями русскаго общества и положенные затѣмъ въ основу крестьянской реформы: онъ требуетъ надѣленія крестьянъ землею, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Признавая добрыя намѣренія императора Николая въ крестьянскомъ дѣлѣ, авторъ справедливо считаетъ совершенно неудачными принятыя имъ въ этомъ отношеніи мѣры.

«Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права,—ихъ слѣдуетъ уничтожить, ликвидировать. Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны: изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средство обойти законъ. У меня нѣтъ ни земли, ни крестьянъ, я покупаю дворовыхъ людей на имя моего сосѣда, а съ него беру заемное письмо. И потомъ, имѣя двѣ души и двѣ десятины, я могу покупать безъ всякаго ограниченія цѣлыя семьи живописцевъ, музыкантовъ, портныхъ, офиціантовъ и обкладывать ихъ произвольнымъ оброкомъ, черезъ годъ продавать въ рекруты. Торгъ людьми идетъ не хуже, какъ въ Кубѣ или Малой Азіи. Самое существованіе всего несчастнаго сословія дворовыхъ людей—внѣзаконное, ничѣмъ неопредѣленное и зависящее вполнѣ отъ помѣщика. Сколько крестьянъ можетъ взять

[1]) Цифры эти, если вѣрить даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, преувеличены. В. С.

помѣщикъ во дворъ изъ деревни, сколько рукъ отнять у семьи? Онъ можетъ взять жену у мужа и сдѣлать ее прачкой у себя въ домѣ, онъ можетъ взять послѣдняго сына у старика отца и сдѣлать изъ него лакея; пока помѣщикъ не уморилъ съ голоду или не убилъ физически своего крѣпостнаго человѣка, онъ правъ передъ закономъ и ограниченъ только однимъ топоромъ мужика. Имъ, вѣроятно, и разрубится запутанный узелъ помѣщичьей власти. Русское правительство соединено съ Англіей договоромъ противъ торга невольниками. Отчего же непремѣнно надобно быть чернымъ, чтобъ быть человѣкомъ въ глазахъ «бѣлаго» правительства».

На вопросъ: «гдѣ же средства для освобожденія крестьянъ», авторъ отвѣчаетъ: «Средства найдутся. Въ сущности, бояться нечего; вѣдь это хорошо разсказывать иностраннымъ газетамъ о дикихъ boyards moscovites, всегда готовыхъ на (...убійство) и грозныхъ своимъ вліяніемъ. Ихъ совсѣмъ нѣтъ. Весь народъ, очевидно, былъ бы за правительство, и не одинъ народъ, а вся образованная часть дворянства. Если закоснѣлые помѣщики и московскіе бояры будутъ противиться, имъ придется ограничиться ропотомъ. Отчего имъ и не позволить болтать о своемъ неудовольствіи? Они, впрочемъ, столько проповѣдывали намъ безусловную покорность передъ властью, что справедливо было бы отъ нихъ потребовать примѣръ. Да и гдѣ ихъ права? Они владѣли мужиками по царской милости; по царской немилости они перестали бы ихъ раззорять. Люди эти не имѣютъ партіи, ихъ сила мнимая.

«Въ рукахъ правительства рядъ соціальныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми оно можетъ безъ сильнаго и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею. Оно ихъ знаетъ изъ сотни проектовъ, поданныхъ съ 1842 г. Киселеву и Перовскому. Вмѣсто того, чтобы воспитательные дома превращать въ рынки, на которыхъ продаются ревизскія души съ молотка, правительство можетъ переводить долгъ на деревни и брать съ нихъ въ замѣну оброка свои 5%; оно можетъ сдѣлать внутренній заемъ для выкупа другихъ и прочее. Пусть оно только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ, пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ, составленіе обществъ, товариществъ длъ выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся».

На возраженіе, что если народъ выноситъ положеніе, въ которомъ онъ находится, то слѣдовательно онъ заслуживаетъ его, Герценъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Когда крестьянамъ становится не втерпежъ, они бѣгутъ, дѣлаютъ поджоги или рѣжутъ господъ. Рѣдко сговариваются они съ другими деревнями, хотя и были примѣры лѣтъ десять тому назадъ въ Тамбовѣ и Симбирскѣ, что нѣсколько

деревень дѣйствовали заодно. Бунты ихъ дѣлаются безъ мести и съ отчаянія, безъ всякой надежды поправить свое положеніе. Народу, разсѣянному по необозримымъ долинамъ и живущему въ деревняхъ открытыхъ со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ незащищенныхъ кромѣ лѣсовъ, трудно дѣлать возстанія.

«Сверхъ того, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія не былъ до нашего времени понимаемъ одинакимъ образомъ крестьянами и аболиціонистами. Съ точки зрѣнія либерализма и религіи собственности вопросъ разрѣшался прямо противъ народнаго смысла. Послѣ наполеоновской войны Александръ освободилъ эстовъ, принадлежавшихъ остзейскому дворянству, онъ далъ имъ личную свободу безъ земли. Весьма вѣроятно, если бы русскіе крестьяне съ нѣкоторою настойчивостью потребовали освобожденія, императоръ, при тогдашнемъ его настроеніи, уступилъ бы имъ. Часть дворянъ лучше не проситъ, какъ освободить мужиковъ, оставя за собой землю. Что-же было бы изъ такого освобожденія? Представьте себѣ европейское сельское устройство съ нашими чиновниками, съ нашей земской полиціей. Представьте себѣ двадцать милліоновъ пролетаріевъ, ищущихъ работы на господскихъ земляхъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой законности, гдѣ все управленіе подкупное и дворянское, гдѣ личность ничего, а вліяніе все. Помѣщики заключили бы между собой оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, такъ, какъ это было въ остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была бы съ ихъ стороны. Общинное начало было бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ; деревня бы потеряла свое единство, и въ полстолѣтія мы перегнали бы Ирландію.

«Есть люди, до сихъ поръ поддерживающіе пользу освобожденія безъ земли, освобожденія въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непремѣнно разовьется революціонное начало. Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе недостаточно для того, чтобы сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобы держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишающимъ ихъ куска хлѣба. Вообще пролетарій полей очень миренъ. Кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобъ быть болѣе нежели недовольнымъ. Онъ принимаетъ свое положеніе за судьбу, онъ страдаетъ, не знаетъ выхода, покоряется...

«Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится. Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину; община спасла народъ русскій; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по

рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому нибудь общинному устройству!..

«Помѣщичья власть, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ, легко снимется съ сельской жизни».

Многое изъ сказаннаго Герценомъ въ этой статьѣ не утратило и до сихъ поръ самаго животрепещущаго интереса и вполнѣ прилагается къ нѣкоторымъ противникамъ общины и людямъ, которые равнодушно смотрѣли бы на ея разрушеніе, по причинамъ, указаннымъ авторомъ «Крещеной собственности».

Въ другой статьѣ, написанной въ томъ же 1853 г., Герценъ обращается къ «русскому дворянству» и убѣждаетъ его, что «нельзя говорить о правахъ человѣческихъ, будучи владѣльцемъ человѣческихъ душъ».

«Многіе изъ васъ», продолжаетъ авторъ, «желали освобожденія крестьянъ; Пестель и его друзья ставили освобожденіе ихъ своимъ первымъ дѣломъ. Спорили сначала о томъ: съ землею или безъ земли дать волю? Потомъ всѣ увидѣли нелѣпость освобожденія въ голодъ, въ бродяжничество, и вопросъ шелъ только о количествѣ земли и о возможномъ возмездіи за нее». Упомянувъ о совѣщаніяхъ дворянства въ разныхъ губерніяхъ объ освобожденіи крестьянъ, Герценъ продолжаетъ:

«И вдругъ дворяне и правительство перепугались, и изъ ихъ — рукъ выпали всѣ благія начинанія. А бояться было нечего; разливъ 1848 г. былъ слишкомъ мелокъ, чтобы поднять наши степи. Съ тѣхъ поръ все заснуло. Куда дѣлось меньшинство, которое шумѣло въ петербургскихъ и московскихъ гостинныхъ объ освобожденіи крестьянъ? Чѣмъ кончились всѣ эти комитеты, совѣщанія, проекты, планы, предположенія?

«А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ. Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другаго цѣпами и вилами, тамъ-то прикащика задушили бабы на полу, тамъ-то камергера высѣкли розгами и взяли съ него подписку молчать.

«Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ, они только не умѣютъ приняться сообща за дѣло. Вы съ своей стороны знаете, что шагу впередъ нельзя сдѣлать безъ освобожденія крестьянъ. Но оно-то, по счастью, всего больше зависитъ отъ васъ. Зависитъ сегодня. Мы не знаемъ, что будетъ завтра. Чего же вы ждете въ самомъ дѣлѣ? Разрѣшенія правительства? Оно дало вамъ какой-то намекъ въ 1842 г. Вы имъ не воспользовались. Да и какое тутъ позволеніе? Насильно заставить владѣть невозможно: это было бы тиранство совершенно новаго рода, обратная конфискація. Ключъ

отъ цѣпи у васъ въ рукахъ. Намъ кажется умнѣе, разсчетливѣе уступить, нежели ждать взрыва. Французское дворянство, 4-го августа 1792 г., поступило въ десять разъ больше умно, нежели самоотверженно. Взвѣсьте, что вамъ выгоднѣе: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ, или борьба противъ освобожденія съ участіемъ правительства? Взвѣсьте, что выгоднѣе: начать собою новую свободную Русь и полюбовно рѣшить тяжелый вопросъ съ крестьянами, или начать противъ нихъ крестовый походъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой? Если есть только будущность Руси и міру славянскому, крестьяне будутъ свободны. И вы, и я, мы чувствуемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо. Если вы не съумѣете ничего сдѣлать, они все таки будутъ свободны по царской милости. Спасите себя отъ крѣпостнаго права [и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить. Пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго народа русскаго. Но торопитесь, время страдное, ни одного часа терять нельзя».

На вопросъ, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ надѣлить крестьянъ землею, Герценъ отвѣтилъ въ одной рѣчи, произнесенной имъ въ Лондонѣ 28-го февраля 1854 г.: «Опыты свести крестьянъ на самомалѣйшую долю земли были сдѣланы—и не удались. Какъ раздѣлить земли,—указываетъ самое положеніе дѣлъ и духъ народа. Мужикъ хочетъ себѣ лишь мірскую землю, лишь ту, которую пріобрѣлъ святымъ правомъ работы; больше онъ не требуетъ. Мужикъ русскій не вѣритъ, чтобы мірская земля могла принадлежать иному, нежели міру. Онъ скорѣе вѣритъ, что онъ самъ принадлежитъ землѣ, нежели, что землю можно отнять у міра. Это чрезвычайно важно». Другими словами, Герценъ требовалъ, чтобы крестьяне были освобождены не только съ землею, но и съ сохраненіемъ за ними всей той земли, которою они пользовались. Въ слѣдующемъ году, уже въ новое царствованіе, то-же требованіе повторилъ К. Д. Кавелинъ въ своей запискѣ объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

Въ указанныхъ сочиненіяхъ Герценъ высказалъ по крестьянскому вопросу все то, что было выработано лучшими представителями русской интеллигенціи, начиная съ Радищева, который уже требовалъ земельнаго надѣла для крестьянъ, и кончая членами кружка, къ которому принадлежалъ самъ авторъ «Крещеной собственности» до отъѣзда за границу, и обращаясь къ которому онъ говорилъ: «я здѣсь безцензурная рѣчь ваша». На сказанное имъ въ первой половинѣ 1850-хъ годовъ по крестьянскому вопросу можно смотрѣть, какъ на коллективное заявленіе самыхъ передовыхъ людей русскаго общества наканунѣ новаго царствованія, и потому указанныя сочиненія Герцена имѣютъ для насъ особенное значеніе. Сгруп-

пируемъ тѣ положенія по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, какія мы находимъ въ его произведеніяхъ разсматриваемой эпохи:

1) Полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ; должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Если крестьяне не будутъ освобождены, дѣло можетъ кончиться кровавымъ возстаніемъ.

2) Освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землей. Сочувствіе обезземеленію народа съ радикальной точки зрѣнія—нелѣпость.

3) Необходимо сохранить за крестьянами всю ту землю, которою они теперь пользуются.

4) Необходимо сохранить общинное землевладѣніе.

5) Если иниціативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то крѣпостное право будетъ уничтожено верховною властью, и дворянство не будетъ имѣть силы этому воспротивиться.

6) Освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ; возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ.

Вотъ программа по крестьянскому вопросу, выставленная свободнымъ органомъ русской интеллигенціи въ концѣ царствованія императора Николая; нѣсколько лѣтъ позднѣе она сдѣлалась и правительственною программою. Не было, однако, исполнено при уничтоженіи крѣпостнаго права одно изъ требованій Герцена,—необходимость сохраненія за крестьянами всей земли, предоставленной имъ въ пользованіе помѣщиками. Такимъ образомъ, теоретическія основы будущаго освобожденія были выработаны лучшими представителями интеллигенціи; оставалось лишь сдѣлать ихъ достояніемъ большинства общества и примѣнить къ дѣлу: такова была задача, поставленная исторіею второй половинѣ 1850-хъ годовъ.

VI.

Между тѣмъ какъ самые выдающіеся представители интеллигенціи уже выработали вполнѣ опредѣленную и благопріятную для народа программу по крестьянскому вопросу, масса дворянства или относилась еще къ нему безучастно, или преслѣдовала въ этомъ дѣлѣ узко-эгоистическіе интересы. Тѣмъ не менѣе, сознаніе, что съ крѣпостнымъ правомъ придется такъ или иначе скоро покончить, начинало постепенно проникать въ среду провинціальнаго дворянства, по крайней мѣрѣ въ лицѣ его членовъ, болѣе тронутыхъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи любопытно показаніе министра внутреннихъ дѣлъ, Перов-

скаго, какъ извѣстно, вовсе не принадлежавшаго къ числу либераловъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. «Время и новыя отношенія», писалъ онъ въ запискѣ 1845 г., «вовсе измѣнили взглядъ образованныхъ помѣщиковъ на крѣпостное право: они, конечно, опасаются послѣдствій свободы, зная необузданность народа, вышедшаго однажды въ какомъ либо отношеніи изъ своего обычнаго положенія и изъ предѣловъ повиновенія; его владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы. Помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдно-невыгодныя отношенія. Къ сему повели, мало по малу, возвысившаяся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ, безпечность крестьянина, который, принадлежа барину и привыкнувъ видѣть въ немъ опекуна своего, самъ о себѣ не заботится». Что помѣщики дѣйствительно считали свои обязанности относительно крестьянъ весьма обременительными, это видно изъ многихъ ихъ заявленій и между прочимъ изъ неизданнаго письма извѣстнаго смоленскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Друцкаго-Соколинскаго, къ мѣстному губернатору (1852 г.). «Теперь», читаемъ мы здѣсь, «когда нравственная старинная связь» (между помѣщиками и крестьянами) «колеблется, распоряженіямъ помѣщика не соотвѣтствуютъ добрая воля и усердіе крестьянъ, а весьма часто тамъ, гдѣ духъ независимости въ скрытой борьбѣ съ властью помѣщика беретъ верхъ, отъ неосторожнаго распоряженія мѣстнаго начальства, распоряженія владѣльца остаются вовсе неисполненными. Въ такихъ имѣніяхъ можетъ-ли быть какое либо устройство, можетъ-ли помѣщикъ обезпечить благосостояніе не только своихъ крестьянъ, но и собственнаго своего семейства. Земля не обработывается какъ должно и въ свое время, хозяйственныя строенія опускаются, урожаи отъ дурной и несвоевременной обработки земли оскудѣваютъ, доходы уменьшаются, словомъ, благосостояніе имѣній часъ отъ часу упадаетъ... Между тѣмъ обязанности о благоустройствѣ имѣнія остаются на владѣльцѣ. Нужны-ли крестьянину хлѣбъ, рабочая скотина, онъ проситъ, а во многихъ имѣніяхъ уже требуетъ его отъ помѣщика, пользуясь между тѣмъ землею вдвое болѣе, чѣмъ на помѣщика обработываетъ; попался-ли крестьянинъ въ корчемствѣ, штрафныя деньги взыскиваются съ помѣщика; оказалась-ли недоимка на крестьянахъ, земская полиція, по распоряженію губернскаго начальства, печатаетъ амбары помѣщика; постигъ-ли губернію неурожай, помѣщикъ покупаетъ для крестьянъ хлѣбъ на собственный свой капиталъ, а по неимѣнію денегъ проситъ пособія

у коммиссіи продовольствія, которая хотя и выдаетъ ссуду, но подъ залогъ, однако-же, собственнаго имѣнія помѣщика. Ясно, что въ страдательномъ положеніи есть лицо помѣщика. Онъ стремится поправить дѣло, требуетъ отъ крестьянина труда, но крестьянинъ нынѣ называетъ трудъ угнетеніемъ»... [1]). Въ виду этихъ-то непріятныхъ сторонъ владѣнія имѣніемъ на крѣпостномъ правѣ извѣстная часть дворянъ, по свидѣтельству Перовскаго, и начала примиряться съ мыслью о необходимости освобожденія крестьянъ, но при этомъ они, разумѣется, желали, чтобы земля осталась ихъ собственностью, какъ это видно и изъ того, что, по словамъ Перовскаго, «возвысившаяся цѣнность земель» была одною изъ причинъ новыхъ вѣяній среди дворянства по крестьянскому вопросу. Въ одной изъ разсмотрѣнныхъ выше статей А. И. Герцена онъ говоритъ, что передъ 1848 г. былъ замѣтенъ среди дворянъ нѣкоторый интересъ къ крестьянскому дѣлу. «Въ самыхъ помѣщичьихъ губерніяхъ, въ Пензѣ и Тамбовѣ, въ Ярославлѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и, наконецъ, въ Москвѣ вопросъ объ освобожденіи находилъ сочувствіе и нигдѣ не встрѣчалъ того остервененія, съ которымъ американскіе помѣщики защищали свои черныя права». Упомянувъ далѣе о проектѣ тульскаго дворянства, Герценъ говоритъ: «Въ десяти другихъ губерніяхъ совѣщались, дѣлали предположенія». Это показаніе мы должны оставить на отвѣтственности Герцена: намъ извѣстны совѣщанія по крестьянскому дѣлу, кромѣ Тульской, только въ Смоленской, Тверской, Рязанской и Петербургской губерніяхъ, если не считать, разумѣется, губерній западной Россіи, гдѣ такія совѣщанія были вызваны распоряженіемъ правительства о выработкѣ и затѣмъ введеніи обязательныхъ инвентарей. Тѣмъ не менѣе, интереса къ крестьянскому вопросу въ извѣстной части дворянства со второй половины 1840-хъ годовъ отрицать нельзя, хотя повторяю, отношеніе къ этому дѣлу большинства дворянъ было узко-эгоистическое.

Одною изъ важныхъ причинъ распространенія мысли о возможности освобожденія крестьянъ были удачныя попытки обработывать землю вольнонаемнымъ трудомъ; этого не упускаетъ изъ виду и Перовскій: «Опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ ненаселенной земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу помѣщика». А. П. Заблоцкій-Десятовскій въ своей извѣстной запискѣ 1841 г. также приводитъ примѣры хозяйствъ, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ, которые, по его словамъ, «доста-

[1]) Рукопись библіотеки архива мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ.

точно убѣждаютъ въ возможности обработки земли вольнонаемными работниками». Наконецъ, Ю. Ѳ. Самаринъ въ замѣткахъ, набросанныхъ въ Кіевѣ въ 1849—1850 гг., говоритъ о томъ, какъ усилилось распространеніе вольнонаемнаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ юго-западнаго края вслѣдствіе воздѣлыванія въ большихъ размѣрахъ свекловицы.

Не малымъ побужденіемъ къ прекращенію обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами являлась также и сильная задолженность дворянскихъ имѣній: въ 1852 г. въ государственномъ заемномъ банкѣ было заложено имѣній съ населеніемъ 634.651 душъ м. п., въ сохранныхъ казнахъ 5.209,114 душъ м. п., итого 5.843,765 душъ м. п., а такъ какъ по девятой ревизіи (1851 г.) всего крѣпостныхъ въ Россіи было 10.708,856 душъ м. п., то слѣдовательно 54% крѣпостныхъ было заложено. Среднимъ числомъ въ заложенныхъ имѣніяхъ приходилось въ 1856 г. долгу на ревизскую душу болѣе 69 рублей [1]). Уплата процентовъ по этимъ долгамъ лежала тяжелымъ бременемъ на помѣщичьихъ хозяйствахъ и наводила многихъ дворянъ на мысль, что было-бы весьма недурно раздѣлаться съ этими долгами, хотя бы посредствомъ освобожденія крестьянъ.

Если было, такимъ образомъ, немало причинъ, побуждающихъ дворянство серьезно остановиться на мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права, то какъ эти причины, такъ и вредное вліяніе, оказываемое существованіемъ несвободнаго труда на состояніе земледѣлія, промышленности, торговли и финансовъ, должны были въ скоромъ времени привести и правительство къ сознанію необходимости освобожденія крестьянъ. Въ этомъ отношеніи было весьма важно, что оно могло найти въ западной Европѣ примѣры окончательнаго прекращенія отношеній, вытекавшихъ изъ крѣпостнаго права. На полезныя размышленія наводилъ и собственный опытъ нашего правительства въ остзейскомъ краѣ.

9-го іюля 1849 г. было высочайше утверждено лифляндское крестьянское поземельное уложеніе. Цѣлью его было, при сохраненіи правъ, дарованныхъ крестьянамъ въ 1819 г., дать имъ возможность пріобрѣтать поземельную собственность, или, по крайней мѣрѣ, обезпечить за ними пользованіе землею, и способствовать уничтоженію барщины, которая признана вредною для крестьянъ и помѣщиковъ и допущена лишь временно по невозможности сразу совершенно устранить ее [2]). Въ этихъ видахъ было постановлено, чтобы въ каждомъ

[1]) Ходскій: „Поземельный кредитъ“, стр. 81, 83.

[2]) Въ 1845 г. правительство ограничило въ Лифляндіи и Эстляндіи размѣръ барщины высшею нормою, которую помѣщикъ не долженъ былъ переступать: относительно денежнаго оброка подобнаго постановленія издано не

помѣстьѣ въ теченіи пяти лѣтъ, при посредствѣ особой коммиссіи, были разграничены земли на мызныя, или господскія, и на крестьянскія. Крестьянскія земли помѣщикъ могъ только отдавать въ аренду крестьянамъ, или продать имъ въ собственность. Обмѣнить крестьянскія земли помѣщикъ могъ не иначе, какъ съ согласія крестьянскаго общества. Условія аренды должны были основываться на добровольномъ соглашеніи, и арендные контракты могли заключаться лишь на опредѣленный срокъ не менѣе шести и не долѣе пятидесяти лѣтъ. Для облегченія пріобрѣтенія крестьянами земель въ собственность былъ учрежденъ крестьянскій непрерывно-доходный банкъ [1]). Такимъ образомъ, правительство дѣлало опытъ приложенія кредитной операціи къ устройству быта крестьянъ.

Событія 1848 г. заставили, наконецъ, Германію и Австрію окончательно порѣшить крестьянскій вопросъ. 2-го марта 1850 года въ Пруссіи были приняты законы о выкупѣ повинностей и регулированіи отношеній между помѣщиками и крестьянами и объ учрежденіи рентнаго банка. Въ 1848 г. австрійскій сеймъ сдѣлалъ постановленіе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, т. е. объ уравненіи въ правахъ крѣпостнаго населенія съ прочими жителями имперіи и о выкупѣ повинностей; имп. Фердинандъ II подтвердилъ это постановленіе патентомъ 7-го сентября 1848 г. Ближайшее опредѣленіе способа и мѣры вознагражденія было сдѣлано патентами Франца Іосифа относительно австрійскихъ провинцій въ 1849 — 1850 гг., относительно Венгріи и Трансильваніи въ 1853—1854 гг.

Очередь уничтоженія крѣпостнаго права была теперь за Россіей.

В. И. Семевскій.

было. „Ужъ не отъ того-ли балтійское дворянство“, спрашиваетъ Самаринъ „такъ искренно возненавидѣло барщину съ 1846 г. и такъ полюбило оброкъ о которомъ (по крайней мѣрѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи) оно до этого времени не хотѣло и слышать“. („Окраины Россіи“ I, 76, 83, 84). В. С.

[1]) Банкъ этотъ долженъ былъ выдавать крестьянамъ ссуды на слѣдующихъ основаніяхъ: цѣна участка опредѣляется договоромъ между продавцемъ и покупателемъ. Изъ этой цѣны отъ 15 до 20% покупщикъ обязанъ заплатить продавцу наличными деньгами; 60% выдаетъ банкъ продавцу своими билетами, приносящими по 4%, выплачиваемыхъ банкомъ; затѣмъ остальные 20—25% остаются въ долгу на покупателѣ, который, какъ въ этой части капитала, такъ и на уплаченное банкомъ билетами, вноситъ банку по 4%, который эти проценты выдаетъ ежегодно продавцу. Такимъ образомъ, крестьянинъ, имѣя въ наличности 15 — 20% цѣны участка, могъ освободиться отъ всякихъ обязательствъ относительно помѣщика и былъ обязанъ только платить банку по 4% съ остальной суммы. В. С.

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XX [1]).

Возвращеніе Д. М. Княжевича.—Непріязненныя отношенія Надеждина къ профессорамъ лицея.—Путешествіе Н. Н. Мурзакевича съ проф. Нордманомъ по южной Бессарабіи и на остр. Фидониса.—И. А. Нелидовъ.—Опять поѣздка по Бессарабіи (1842 г.).—Размолвка съ Надеждинымъ.—Назначеніе частнаго пристава и питейнаго объѣздчика инспекторами гимназій. — Н. Н. Мурзакевичъ отклоняетъ отъ себя предложеніе гр. С. Г. Строгонова перейти въ московскій университетъ; назначеніе его библіотекаремъ одесской городской библіотеки и директоромъ одесскаго музея.—Надеждинъ оставляетъ Одессу. — Разстройство финансовыхъ дѣлъ Д. М. Княжевича, отъѣздъ изъ Одессы и смерть его (1844 г.). — Первый томъ Записокъ одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1845 г.).—Некрологъ Д. М. Княжевича, написанный Надеждинымъ и Григорьевымъ.—Заключительное слово о Д. М. Княжевичѣ.

Съ возвратомъ Княжевича изъ заграницы въ 1841 году хлопотня стала попрежнему. Частыя засѣданія общества, всегдашняя корректура чего нибудь отнимали у меня немало времени. Новые сотоварищи по лицею: Соловьевъ [2]), Коробкинъ [3]),

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666; т. LIV, апрѣль, стр. 129—144; іюнь, стр. 643—652; т. LV, сентябрь, стр. 477—498.

[2]) Соловьевъ, Мих. Александр. (1838—43); магистръ спб. унив., профессоръ по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи права. Напечаталъ: 1) диссертацію на степень магистра—„О значеніи законовъ, Спб. 1841 г.“; 2) Рѣчь на актѣ лицея 1840 г.“, и 3) разборъ книги: „Денница новоболгарскаго образованія, В. Априлова“,—въ „Одесск. Вѣстникѣ“.

[3]) Коробкинъ, Сем. Ѳедор. (1838—40); канд. спб. унив., исправл. должн. адъюнкта россійскаго законовѣдѣнія. Кн. В. Д.

Линовскій [1]), непріятные по характерамъ и по склонности къ сплетнямъ, которыми отъ скуки забавлялся Надеждинъ, на мирный кругъ нашъ, дружный, возъимѣли дурное вліяніе. Вслѣдствіе сплетней благороднѣйшій М. Д. Деларю [2]) вынужденъ былъ оставить лицей и удалиться въ деревню. И безъ того пламенный характеръ попечителя, поддерживаемый тремя вышесказанными лицами, при посредствѣ Надеждина, дѣлался чаще и чаще непріятнѣе. Бѣдный директоръ, небойкій бюрократъ, постоянно находился въ огнѣ. Не имѣя никакихъ особенныхъ причинъ, Княжевичъ, подъ видомъ введенія своихъ правилъ для воспитанниковъ гимназіи (въ это время соединенной, по уставу, съ лицеемъ).—правилъ чисто механическихъ, поселился въ зданіи лицея. Разумѣется, пошли по городу слухи, что-де въ гимназіи что-то не ладно, поелику попечитель перешолъ туда на житье! Я же видѣлъ „ревность не по разуму“, что въ смягченныхъ словахъ передалъ по принадлежности. Но вмѣсто отвѣта Княжевичъ перевелъ разговоръ на свое семейство.

Въ наступившую вакацію бессарабскій губернаторъ П. И. Ѳедоровъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе заняться статистическимъ описаніемъ Бессарабіи. Не суля многаго, я обѣщался сдѣлать возможное по моимъ силамъ. Съ разрѣшенія министра, давшаго мнѣ право отлучаться для сего каждый разъ не болѣе мѣсяца, я пригласилъ въ Бессарабію: профессора естественной исторіи Нордмана [3]) и рисовщика Бассоли. Каждый изъ насъ обязался

---

[1]) Линовскій, Влад. Альберт. (1839—53); маг. унив. св. Влад., проф. по каѳедрѣ практич. судопр. Труды его: 1) „Изслѣдованіе началъ уголовн. права по улож. царя Алексѣя Михаиловича. Одесса, 1847 г.“; 2) „Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовн. судопр. въ Россіи“,—сочиненіе, удостоенное почетнаго отзыва императорской академіи наукъ; 3) разныя статьи въ Запискахъ одесск. Общ. Итор. и Древн. и въ Одесскомъ Вѣстникѣ.

[2]) Деларю, Мих. Данил. (1837—41); переложилъ въ гекзаметры и издалъ въ Одессѣ, въ 1839 г., „Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святослава, внука Олегова“ и помѣщалъ свои стихотворенія въ Одесскомъ Альманахѣ.

[3]) Нордманъ, Александръ Давид. (1832—49); докторъ мед. берл. унив. и канд. филос. абовск. унив., профессоръ естеств. исторіи. Труды его: 1) Symbola ad monographiam Staphilinorum, Petropoli, 1837; 2) статьи по ихѳіологіи въ Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par A. Demidoff. Paris, 1840; 3) статьи въ Мемуарахъ спб. акад. наукъ и разн. статьи въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ. Кн. В. Д.

свѣдѣнія и работы по своей части доставлять лично начальнику области. Совмѣстный поѣздъ нашъ направленъ былъ прежде всего въ Кишиневскій уѣздъ. Около трехъ недѣль проѣздивши, я съ рисовщикомъ, а Нордманъ особо, наконецъ, съѣхались въ Рени, гдѣ услужливымъ и заботливымъ губернаторомъ все было приготовлено къ дальнему поѣзду — на классическій островъ Фидониса, въ древности извѣстный подъ именемъ Левки (бѣлый). Спустясь по Дунаю на большомъ катерѣ въ сопровожденіи губернаторскаго чиновника порученій, капитана В. С. Тихонова, и другихъ лицъ, мы пристали къ среднему Дунайскому устью, именуемому Сулинскимъ. Здѣсь ждала насъ мореходная лодка „Цецилія“, нагруженная въ изобиліи всякаго рода провизіею. Послѣ тихаго, благополучнаго плаванія по морю, 3-го іюня, раннимъ утромъ, вступили мы на необитаемый островъ. Единственные жители его: бѣлыя чайки, черные бакланы, да змѣи, сороканожки и друг. прыгающія и кусающія насѣкомыя. Бѣлокаменная скала саженъ 12 или 15, возвышающаяся надъ уровнемъ моря и представляющая продолговатую площадь, длиною версту и шириною около полуверсты, была покрыта густою травою и самосѣйною пшеницею. Крикомъ и хохотомъ встрѣтили насъ тысячи чаекъ, благоразумныя же змѣи старались убѣгать въ густую траву и ущелья. Остатки Ахиллесова небольшаго храма мы нашли въ разбитыхъ кускахъ, приготовленныхъ подрядчикомъ Бухтѣевымъ для постройки здѣсь морскаго маяка. Все, что имѣло архитектурную форму, я вынулъ и погрузилъ на лодку, а на мѣстѣ восхожденія на островъ велѣлъ рабочимъ копать землю. Во все пребываніе наше на островѣ собрано много различныхъ древнихъ эллинскихъ и римскихъ монетъ, рѣзныхъ камешковъ изъ колецъ, росписныхъ черепковъ отъ вазъ, нѣкогда великолѣпныхъ и другихъ мелкихъ вещей. Камень съ посвятительною надписью (Ευχαριστζμον) прежде былъ свезенъ въ Сулинскій карантинъ и оттоль отправленъ въ музей Общества. Сколько величественъ былъ видъ безпредѣльнаго моря днемъ, столько непріятны были ночлеги. Опасенія отъ укушенія змѣй и сороканожекъ (scolopendra morsitans) прерывали сонъ и безъ того легкій. Одинъ изъ спутниковъ нашихъ (И. А. Нелидовъ) былъ укушенъ сколопендрою, къ счастью безвредно. Поиски наши были-бы продолжительнѣе, но недостатокъ воды на

нашей лодкѣ, и той отъ сильныхъ жаровъ испортившейся, понудилъ насъ ускорить отплытіемъ. Добрые снарядители экспедиціи заботились о провизіи даже прихотливой, но упустили изъ виду, что и на водѣ можно умереть отъ безводья. 5 числа, вечеромъ, перебрались мы на „Цецилію“ и пустились въ обратный путь; но не тутъ-то было. Вѣтеръ, дотолѣ хотя слишкомъ слабый, но благопріятный, измѣнился въ свѣжій ZW. Скоро-ли придемъ въ Сулину? — Богъ знаетъ! — Куда-же плывемъ? — По направленію къ Варнѣ!—Нашъ дилетантъ-путешественникъ Нелидовъ, директоръ бессарабскихъ училищъ, осматривавшій Измаильское и Рениское училища, не сказавъ никому, куда онъ отправляется, тутъ сильно призадумался. Ночью морскія небольшія волны пріятно покачивали съ боку на бокъ послушные паруса; но къ довершенію бо̀льшей пріятности утромъ мы узнали, что плохая вода почти на исходѣ и, что важнѣе—„Цецилія“, какъ лодка перегрузная, не имѣетъ балласту: при свѣжемъ вѣтрѣ дѣло очень серьезное. На другой день вѣтеръ сталъ прежній, не дозволявшій судну лавировать. Опять вопросы: Куда идемъ? — Либо въ Варну, либо въ Константинополь!—Да намъ нужно въ Сулину! Шкиперъ съ 4 матросами, пожимая плечами, улыбались. Къ вечеру, однако, вѣтеръ умилостивился, лавировка пошла успѣшнѣе и мы къ ночи добрались до устья Сулина. По быстротѣ Дунайскаго теченія, поднимались „кошкою“, маленькимъ якоремъ, подвозимымъ впередъ и по канату притягивающимъ лодку къ себѣ. Роскошный ужинъ у начальника карантина, В. В. Соловьева, намъ сопутствовавшаго, ожидалъ насъ; пошли разговоры, смѣхъ до глубокой ночи. Мы размѣстились очень удобно; но чрезъ часъ, другой, третій, каждый изъ насъ вскакивалъ съ постели и сквозь зубы начиналъ ворчать. Это поднимали насъ знаменитые Дунайскихъ плавень комары, въ лѣтнее время носящіеся миріадами. Горе тому, кто, живя здѣсь, не имѣетъ „полога“—кисейный или другой какой либо сквозной мѣшокъ, накидываемый на постель, чтобы не пробрался комаръ. Несчастныя лошади, на карантинно-таможенныхъ кордонахъ, всю ночь бьются около курящихся кучекъ сора. Примѣры не рѣдкіе, что отбившаяся отъ кордона лошадь или корова закусывается или задушается комарами. Бывали случаи, что бѣглецы, желающіе переплыть на турецкую сторону Дуная (для

того, чтобы, возвратившись оттуда, объявить себя турецкими выходцами и тѣмъ получить свободу), заѣдались тѣми-же комарами. По невысылкѣ изъ Вилкова обѣщанныхъ лошадей, мы на другой день вынуждены были всѣ идти пѣшкомъ по сыпучему песку и густой травѣ. Переходъ отъ Сулина до Вилкова, на Килійскомъ рукавѣ Дуная, былъ около 30 верстъ. Волею-неволею поплелись. На половинѣ пути на уединенномъ рыбачьемъ хуторѣ нашли пару молодыхъ воловъ, впрягли въ повозочку и, усадя въ нее хромоногаго Нордмана и слабосильнаго итальянца Бассоли, двинулись далѣе. Въ 9 часовъ вечера прибыли на Вилковскій кордонъ. Ночевали между куревомъ, но все-таки жестоко были искусаны комарами. Утромъ двинулись въ Вилково—деревенскую Венецію: всѣ дома на водѣ. Хлѣбомъ-солью и икрою встрѣтили насъ провинившіеся вилковцы; но болѣе ихъ виноватый чиновникъ, завѣдывающій этимъ посадомъ, знавшій, что въ Вилковѣ, какъ и въ Венеціи, не водится лошадей. 11-го іюня, переправясь чрезъ Килійскій рукавъ, мы на борзыхъ коняхъ понеслись чрезъ полупустынный „Буджакъ“—Аккерманскій уѣздъ (древнее solitudines Getarum). Слѣдствіемъ нашего пѣшеходства было то, что я мѣсяцъ пролежалъ въ жестоко-воспалительной бессарабской горячкѣ, исходъ которой бываетъ часто неблагополучный. Эту мѣстность я описалъ выше.

Все, что могъ я написать для редакціи журнала нашего министерства, состояло въ статейкѣ: „О славяно-сербскомъ сборникѣ, напечатанномъ въ Венеціи Божидаромъ въ 1538 году“ (см. кн. XXXIV, стр. 49). Прочее время употреблено было на заготовленіе матеріаловъ для предположеннаго перваго тома Записокъ Общества Древностей. Программа Записокъ, пущенная въ свѣтъ и разосланная всѣмъ членамъ Общества въ половинѣ 1840 года, обѣщала многое. Чтобы ее выдержать, надлежало употребить особенныя усилія, посылать частныя и частыя письма къ членамъ и стороннимъ лицамъ, дѣлать розыски по архивамъ; справки, повѣрки, копировки и проч., дѣйствительно, были усиленныя. Видя, какъ ретиво хлопочетъ президентъ, и секретарь не сидѣлъ, сложа руки. Благодаря общему сочувствію, матеріалы прибывали постоянно. До глубокой ночи мы засиживались надъ пересмотромъ и редакціею доставленнаго. При откровенномъ, благодушномъ размѣнѣ мыслей дѣло хотя и медленно, но все-же

подвигалось, а зима и новый годъ стояли у дверей. Что-то принесетъ мнѣ новый годъ?

Наступившій 1842 годъ для меня лично былъ чуть-ли не такой, какъ и 1839 годъ: душевныя огорченія, болѣзнь усиленная, спѣшные труды и разстроенные планы.

Прежде всего началось тѣмъ, что семейство друга моего Кирьякова, по независящимъ отъ дѣтей и меня обстоятельствамъ, должно было, благодаря вмѣшательству сторонняго лица (Нисона), сперва сократить, а потомъ и разорвать наши сношенія. А я, по обѣщанію, данному покойному Кирьякову не оставлять его дѣтей безъ присмотра, только что прошлымъ лѣтомъ (вызванный въ Москву А. Д. Чертковымъ и М. Т. Качановскимъ) на приглашеніе графа С. Г. Строганова (котораго я нашелъ въ постели со сломанною ногою), перейти въ московскій университетъ, отвѣчалъ отказомъ, имѣвъ въ виду единственно дѣтей моего друга! Злой рокъ устроилъ иначе!... Къ разлитію желчи присоединилось кровохарканіе.... Что мнѣ оставалось дѣлать?... Съ тоски я пустился въ Бессарабію. Полубезпамятнаго меня нашелъ около Сатунова слѣдившій за мной, по приказанію П. И. Ѳедорова, добрый человѣкъ В. С. Тихоновъ; перевезъ онъ меня въ Измаилъ и тамъ заставилъ принять медицинскія пособія. Поправясь нѣсколько, я пустился по лѣсамъ и долинамъ богатой Бессарабіи, искалъ утѣшенія въ работѣ и не находилъ; все шло механически, холодно. Объѣхавъ многочисленные монастыри, не знаю почему пышно наименованные бессарабскою Ѳиваидою, живописные берега Днѣстра, усѣянные веселыми деревнями, и достигши до Хотина, я вернулся другою дорогою, по теченію р. Прута. Въ Одессѣ ждала меня кипа бумагъ, которыя надобно было подготовить къ первому тому, затѣмъ началось дѣло самаго хлопотливаго приготовленія Записокъ. Съ разнородными статьями возились буквально день и ночь. Лѣто Княжевичъ проводилъ на хуторѣ, устроенномъ для помѣщенія лицейскихъ воспитанниковъ,—это было около 5 верстъ за городомъ; сюда я ходилъ или ѣздилъ, на свой счетъ, съ статьями Надеждина; тамъ мы спорили, горячились и сессію кончали веселымъ хлѣбосольствомъ хозяйскимъ. До сего времени сношенія мои съ Надеждинымъ, довольно хорошія, рѣзко измѣнились вслѣдствіе неблагородныхъ дѣйствій гг. Соловьева и Линовскаго, а

еще болѣе по причинѣ затѣяннаго Надеждинымъ проекта о передѣлкѣ устава Общества Древностей, утвержденнаго 25 марта 1839 г. Кажется, задняя мысль прожектера состояла въ томъ, чтобы новою передѣлкою устава по нововводимымъ бюрократическимъ формамъ, сильно не нравящеюся вице-президенту Общества Стурдзѣ, побудить его отказаться отъ этого званія. Разумѣется, избраніе вице-президентомъ Надеждина могло совершиться при участіи лицъ учебнаго вѣдомства, состоящихъ въ качествѣ членовъ общества. На предложеніе Княжевича, сдѣланное въ засѣданіи, отсутствовавшій Стурдза письменно отвѣчалъ, что нѣтъ рѣшительно никакой настоятельной нужды въ передѣлкѣ только что утвержденнаго устава. Пошли писаться проекты, разсылаться по экстренной надобности къ членамъ, съ просьбою немедленно сообщить свои замѣчанія; затѣмъ частыя засѣданія; пренія принимали колкій оборотъ. Такъ, однажды, архіепископъ Гавріилъ рѣзко остановилъ Надеждина, неприлично выразившагося на счетъ Стурдзы: „перестаньте, замолчите! Отъ этого происходятъ всѣ ссоры и кляузы“. И ораторъ замолчалъ. Въ другое засѣданіе, на отвѣтныя замѣчанія Стурдзы на новый проектъ устава, Княжевичъ не только позволилъ себѣ, въ пылу гнѣва, сказать непочтительныя слова о рецензентѣ, но даже, къ обидѣ всѣхъ членовъ, бросилъ засѣданіе недоконченнымъ. Это происходило въ биржевой залѣ. Разумѣется, послѣ всего этого Стурдза письменно отказался отъ вице-президентства. Въ пору бурныхъ засѣданій Общества пріѣхалъ изъ Крыма князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Узнавъ все происходившее, онъ потребовалъ объясненій отъ Общества. А. Ѳ. Негри, Г. И. Соколовъ и я отправились къ князю, изложили дѣло, какъ происходило, и получили оффиціальный, назидательный совѣтъ уладить все миромъ, добавивъ: „что съ выходомъ Стурдзы Общество потеряетъ полезнаго члена“. Княжевичъ вслѣдствіе этого написалъ извинительное письмо къ Стурдзѣ, а Сафоновъ, Соколовъ и я отправились къ нему съ просьбою отъ имени князя остаться вице-президентомъ, въ чемъ Стурдза рѣшительно отказалъ, сказавъ, что не желаетъ нигдѣ встрѣчаться съ Надеждинымъ. И у Общества, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ, dentes sapientiae прорѣзывались съ болью! Вмѣсто извѣстнаго имени, кого же, наконецъ, избрали вице-

президентомъ?—Состоявшаго домашнимъ секретаремъ при князѣ Воронцовѣ, С. В. Сафонова! Сафоновъ удивился, а князь пожалъ плечами при извѣстіи о такомъ удачномъ избраніи, мимо ученаго архіепископа, оріенталиста Негри и даже архимандрита Аѳанасія, ученаго ректора семинаріи (теперешняго астраханскаго архіепископа).

Для бѣднаго директора лицея, Синицына, сверхъ двуличнаго инспектора, да г. Надеждина, прибавилось еще новое, горшее зло—вступленіе Княжевича (попечителя учебнаго округа) въ управленіе новороссійскимъ пошлиннымъ сборомъ съ ввозимой въ Новороссійскій край водки!... Какъ ни было неприлично сочетаніе такихъ двухъ занятій (даже вопреки изреченію Гоголя: „ученый человѣкъ не можетъ быть не пьяница“), но крайняя нужда склонила отца пятерыхъ дѣтей связать двѣ заботы: развитіе просвѣщенія и развитіе ввоза водки, для усиленія пошлиннаго сбора.

Еще служа вице-губернаторомъ или директоромъ канцеляріи министра финансовъ, Княжевичъ ввѣрилъ значительный капиталъ для дальнѣйшихъ оборотовъ казенному подрядчику, еврею Фейгину. Когда дѣла Фейгина пошли хуже и хуже, тогда Княжевичъ, чтобы спасти остатки своего капитала, въ счетъ разсчета, принялъ въ управленіе водочный пошлинный сборъ. Разумѣется, агентами всего этого дѣла были евреи, слѣдовательно пошли плутни, обманъ, покражи. Княжевичъ, видѣвшій все это и терявшій слѣдовавшія ему деньги, сталъ находиться чаще и чаще въ ненормальномъ противу прежняго положеніи: частный приставъ Морозовъ и питейный объѣздчикъ Шмаковъ были сдѣланы инспекторами кишиневской и симферопольской гимназій. Сношенія съ нимъ для всѣхъ стали тягостными. А тутъ г. Надеждинъ, съ своими постоянными дрязгами....

Послѣ многихъ огорченій, которыми судьба меня такъ щедро надѣляла, наступившій 1843 годъ доставилъ мнѣ нѣкоторыя пріятности.

Дамскій, поднятый на меня (за Нисона), походъ, могшій надѣлать множество непріятностей, кончился ничѣмъ. Князь Воронцовъ, близко знавшій меня, устранилъ все то, что могло бы мнѣ быть непріятнымъ. Узнавъ стороною, что я намѣреваюсь переселиться въ Москву, вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ приглашенія

графомъ С. Г. Строгоновымъ, князь Михаилъ Семеновичъ, по пріѣздѣ на короткое время, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Одессу (что онъ почти всякій годъ дѣлалъ, отправляясь на осмотръ ввѣреннаго его управленію края), чрезъ посредство Фабра, сдѣлалъ мнѣ предложеніе — занять мѣсто библіотекаря одесской городской публичной библіотеки, въ 1829 г. имъ основанной. Завѣдывавшій библіотекою нѣкто А. Спада (испанскій жидъ, выкрестъ іезуитскій и нѣкогда лекторъ у князя В. П. Кочубея) умеръ, и потому вакантное мѣсто, приносящее около 1,000 руб. сер. жалованья, совмѣстно съ должностью директора одесскаго городскаго музея, не смотря на множество искателей этого мѣста (въ числѣ ихъ былъ нѣкогда извѣстный издатель „Московскаго Дамскаго Вѣстника“, словоохотливый князь П. И. Шаликовъ, прозванный Воейковымъ въ извѣстномъ „Домѣ сумасшедшихъ“ спичкою Шаликовымъ), князь Воронцовъ предоставилъ мнѣ, какъ приведшему городской музей въ извѣстность, съ весьма лестнымъ при томъ отзывомъ, сдѣланнымъ имъ обо мнѣ за его многолюднымъ, параднымъ обѣдомъ. Разумѣется, на завтра, со всѣхъ сторонъ посыпались мнѣ поздравленія и визиты: даже всегда важночопорный П. Я. Марини въ первый разъ навѣстилъ меня въ бѣдненькой моей квартирѣ.

Въ финансовомъ отношеніи положеніе мое сдѣлалось хорошимъ. При той недороговизнѣ, которая была въ то время въ Одессѣ, окладъ въ 2,000 рублей, для человѣка, живущаго скромно, былъ весьма достаточный. Но чтобы не остаться непризнательнымъ къ графу С. Г. Строгонову, всегда ко мнѣ благорасположенному, при посредствѣ А. Д. Черткова я переслалъ благодарственное мое письмо. Отвѣтомъ на него было, что графъ всегда готовъ будетъ пристроить меня къ университету, какъ только объ этомъ его предварю.

Вотъ въ какомъ видѣ я получилъ публичную библіотеку. Прекрасное помѣщеніе въ домѣ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, указанное княземъ, вмѣщало въ себѣ шкафы, расположенные только по двумъ стѣнамъ одной изъ трехъ комнатъ библіотеки. Въ шкафахъ рѣденько были размѣщены книги, преимущественно французскія и др.; русскихъ почти не было примѣтно. Не было славянской Библіи, ни Новаго Завѣта; зато имѣлся Алкоранъ магометовъ, переводъ Колмакова; не было ни одного русскаго

классика, кромѣ изъѣденной молью Исторіи государства россійскаго Карамзина. Какъ библіотека начально составилась изъ добровольныхъ приношеній, слѣдовательно, большею частію изъ разнотома, то естественно изъ 8,580 томовъ книгъ, принятыхъ мною, полныхъ, дѣльныхъ сочиненій оказалось немного. Многое хорошее выписано было градоначальникомъ Алексѣемъ Ирак. Левшинымъ; но съ выѣздомъ его изъ Одессы, хищническая рука Спады получаемыя на содержаніе библіотеки деньги тратила смѣло на подарки опернымъ пѣвицамъ и великосвѣтскимъ дамамъ легкаго поведенія. Библіотека почти постоянно была закрыта: старый волокита, съ пріапическою физіономіею, рѣдко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; къ тому же библіотека зимою не отапливалась. Въ правилахъ 1830 года библіотеки, въ § 9, было оговорено, что „всякій можетъ входить въ библіотеку и оставаться въ ней со шляпою на головѣ, а зимою въ шинели или другой теплой одеждѣ; но никто не будетъ впущенъ съ собакою, трубкою или сигарою“. Все это, разумѣется, отталкивало любознательныхъ отъ посѣщенія и чтенія. Князь зналъ все это, но жалѣлъ старика, да и не зналъ куда его дѣвать. Старикъ же былъ пренахальный и пренавязчивый, къ тому же дамскій потѣшникъ.

Давая новый порядокъ книгамъ, при распредѣленіи ихъ по предметамъ, невольно знакомишься съ каждою. Увлекаясь занимательностью иной книги, я по цѣлымъ часамъ просиживалъ на подставленной къ шкафамъ лѣстницѣ. Назначенная для приведенія въ порядокъ коммиссія, изъ двухъ губернаторскихъ чиновниковъ, смотрѣла на это медвѣдемъ и лишь подписала приготовленные каталоги. Первымъ дѣломъ было: наполнить главные отдѣлы основными сочиненіями, что исподоволь систематически я и дѣлалъ. При выпискѣ новыхъ книгъ я отдавалъ предпочтеніе русскимъ (французскихъ романовъ было достаточно), притомъ историко и географическо-статистическаго содержанія, а главное, преимущественнѣе всего—тому, что относилось къ Новороссійскому краю. Затѣмъ, удѣляя изъ скромной суммы частицу, я погашалъ долги Спады, сдѣланные имъ у парижскихъ книгопродавцевъ. Разрозненныя сочиненія я исключилъ изъ каталоговъ. Въ августѣ того же, 1843-го, года библіотека была открыта для публики, по новымъ правиламъ: четыре дня по утрамъ, а два дня въ послѣобѣденное время. Разумѣется,

читатели явились постоянные. Профессора лицея, учителя гимназій и семинарій, студенты, ученики были главными посѣтителями. Что всего замѣчательнѣе: вакаціи лѣтнія и зимнія ученики въ большомъ числѣ посѣщали библіотеку. Къ чести молодаго поколѣнія я долженъ еще сказать, что пропажи книгъ не бывало; если же и случались иногда, то виною ея были ученые и по виду люди благоприличные. По выполненіи предположеннаго, я приступилъ къ ученой роскоши. Съ разрѣшенія князя было куплено, на особый счетъ города, богатое собраніе изданій объ изящныхъ искусствахъ, а также приступлено къ собиранію новороссійскихъ и бессарабскихъ инкунабулъ, хотя не важныхъ, но чрезвычайно рѣдкихъ и для края интересныхъ. Обо всемъ этомъ я въ свое время напечаталъ въ приложеніи къ „Новороссійскому календарю“ на 1848 г. маленькую статейку: „Одесская городская публичная библіотека, ея основаніе и успѣхи“.

Наконецъ, въ августѣ же (1844 г.) приступлено было къ изданію въ свѣтъ перваго тома Записокъ Общества. Въ редакціонномъ комитетѣ приняли участіе: Княжевичъ, какъ президентъ Общества, я, какъ секретарь, затѣмъ Стурдза, Надеждинъ и Григорьевъ [1]). Стурдза, какъ сказалъ я, отказался отъ участія въ Обществѣ; Григорьевъ, оставивъ лицей, уѣхалъ въ С.-Петербургъ—хлопотать въ министерствѣ о перемѣщеніи въ московскій университетъ на каѳедру русской исторіи; а затѣмъ уѣхалъ и Надеждинъ, назначенный редакторомъ Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, обновленнаго новымъ министромъ, графомъ Л. А. Перовскимъ. Выѣздъ Надеждина изъ Одессы совершился непредвидѣнно.

При содѣйствіи Княжевича, изобрѣтательнымъ умомъ Надеждина былъ придуманъ, якобы необходимый для Новороссійскаго края и Бессарабіи, „главный статистическій комитетъ“, разумѣется, съ порядочнымъ чиномъ и окладомъ жалованья для редактора. Проектъ княземъ былъ принятъ благосклонно, деньги нужныя разложились на всѣ четыре губерніи и уставъ посланъ

---

[1]) Григорьевъ, Васил. Васил. (1838—43); магистръ моск. унив., проф. восточныхъ языковъ. Труды его: 1) Описаніе куфическихъ монетъ X в., найденныхъ въ Рязанской губ. Спб., 1841 г., и 2) О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству. Москва, 1842 г.

Кн. В. Д.

на утвержденіе. Но нетерпѣливый Надеждинъ, съ согласія Княжевича, рѣшился уѣхать въ С.-Петербургъ и тамъ, при пособіи братьевъ и пріятелей Княжевича, пристроился сперва къ редакціи сказаннаго журнала, потомъ образовалъ изъ себя еще одно изъ многихъ новое секретное отдѣленіе по раскольничьимъ дѣламъ при министрѣ Перовскомъ. Прекрасное, дѣльное изслѣдованіе г. Надеждина „о скопческой ереси", напечатанное въ небольшомъ количествѣ секретныхъ экземпляровъ (въ 1845 году), давшее драгоцѣнный матеріалъ для исторіи заблужденій ума человѣческаго, все-таки не оправдываетъ инквизиторской обязанности, добровольно имъ на себя принятой. Правда, что за это и за преслѣдованіе раскольничьихъ архіереевъ, даже заграницею, онъ получалъ почетныя награды, но все-таки архіерея, назначеннаго австрійскими раскольниками для Россіи, не нашелъ, потому что онъ уже жилъ въ Москвѣ; это было его служебное fiasco. Мѣсто редактора главнаго статистическаго комитета, высочайше утвержденнаго въ этомъ году, получилъ Скальковскій. Итакъ, редакція Записокъ осталась на двухъ лицахъ. Снова начались мои походы и поѣзды на приморскій хуторъ, уже съ корректурами. Каждый листъ имѣлъ не менѣе четырехъ корректуръ. Къ концу декабря у насъ готово было первое отдѣленіе тома, а ихъ было впереди еще два.

Съ одинаковою ретивостью, но уже не съ тѣмъ бодрымъ и часто веселымъ духомъ встрѣтилъ бѣдный Княжевичъ наступающій 1844 г. Дѣла его окончательно разстроились; кромѣ потери всего капитала, онъ долженъ былъ платить еще за что-то въ казну. Это и еще слѣдующее маловажное обстоятельство имѣло дурное вліяніе на больнаго человѣка, болѣзнею котораго была сильно возбужденная впечатлительность. Ему захотѣлось имѣть отдѣльные дагерротипные портреты своего семейства и свой собственный. Въ рабочей всѣ портреты вышли, но его въ три присѣста совершенно не выходилъ. Это пустое обстоятельство, происшедшее, конечно, отъ несовершенства химическаго процесса, сильно подѣйствовало на него. Пріѣхавъ домой, Княжевичъ слегъ въ постель, съ которой уже полумертвый, въ сентябрѣ, пустился въ дальній путь, въ С.-Петербургъ, откуда не располагалъ болѣе воротиться въ Одессу. Все ученое сословіе лицея проводило его съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ. Конченную печа-

таніемъ книгу въ .... листовъ (.... страницъ in 4°) Дмитрій Максимовичъ взялъ съ собою въ Петербургъ: еще тамъ дѣлалась большая карта Скиѳіи, по Геродоту, къ статьѣ Надеждина. Но усилившаяся болѣзнь побѣдила мужественный организмъ. 1-го октября 1844 г. Дмитрій Максимовичъ умеръ на пути, въ сел. Буромкѣ (Полтавской губерніи).

Первый томъ Записокъ, оффиціальныя бумаги, представленія (въ томъ числѣ ходатайство объ отправленіи меня за границу) пошли сначала въ С.-Петербургъ къ его родному брату; потомъ, по разборѣ, возвращены въ Одессу.

За первый томъ, по ходатайству министра Уварова, дано семейству Княжевича денежное пособіе въ 8,000 р. и разсрочена недоимка; мнѣ же въ ноябрѣ присланъ орденъ св. Анны 3-й степени. Вотъ что по этому поводу показалось мнѣ страннымъ: въ одномъ и томъ же государствѣ заслуги оцѣниваются неравномѣрно. Мнѣ, профессору, коллежскому совѣтнику, за ученую дѣятельность дали крестъ по порядку служебному, и въ то-же время такой же крестъ, дававшій тогда право на потомственное дворянство, дали аудитору 14 класса Гужвѣ (изъ кантонистовъ), по представленію исправлявшаго должность генералъ-губернатора Ѳедорова!

Вотъ списокъ статей и статеекъ, помѣщенныхъ мною въ Запискахъ: 1) О двухъ эллинскихъ надписяхъ, найденныхъ вблизи села Троицкаго, въ имѣніи помѣщика Кобле. 2) О надгробномъ памятникѣ Потимоновомъ. 3) О латинской надписи съ именемъ Воспорскаго царя Савромата II. 4) Надпись на окладѣ евангелія въ монастырѣ Кипріана 1545 г. 5) О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ монетахъ, имѣющихся въ Одессѣ. 6) Договорная грамота сербскаго краля Стефана Уроша съ Дубровникомъ 1254 г. 7) Грамота Молдо-Влахійскаго воеводы Александра, 1407 г. 8) Указъ Петра Великаго, отъ 27 сентября 1724 г., о пріискахъ каменнаго угля. 9) Донесеніе Россійскаго резидента при Крымскомъ ханѣ, Никифорова, о низложеніи Крымъ-Гирея хана въ 1764 г. 10) Поѣздка на островъ Левки или Фидониса въ 1841 г. 11) Некрологъ М. М. Кирьякова. 12) Некрологъ А. Ф. Спады. 13) Часы Новороссійскаго издѣлія. 14) Древности, открытыя въ Парутинѣ. 15) Нѣкоторыя подробности о церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи. 16) Открытіе древностей близъ селенія

Карталъ. 17) Коллекція древнихъ памятниковъ, присланныхъ изъ Николаева Обществу. 18) Древніе памятники, подаренные С. Ю. Дестунисомъ. 19) Древности, переданныя Обществу изъ одесскаго городскаго музея. 20) Рисунки Василія Барскаго. 21) Пріобрѣтеніе Обществомъ неизданныхъ сочиненій Бларамберга, и 22) Пріобрѣтеніе Обществомъ сочиненія Дюбрюкса. Замѣтки, указанныя подъ №№ 17, 18, 19, 20, 21 и 22, составляютъ мою личную заслугу предъ Обществомъ.

Моему личному ходатайству Общество обязано тѣмъ, что получило въ свое владѣніе предметы вообще полезные, но для мѣстнаго музея—драгоцѣнные.

Итакъ, первый опытъ нашихъ совокупныхъ трудовъ явился въ свѣтъ и былъ благосклонно принятъ государемъ императоромъ, изъявившимъ трудившимся свое благоволеніе; покровитель же Общества, его высочество государь наслѣдникъ дозволилъ посвятить Записки его имени. Публика тоже встрѣтила первенца Общества хорошимъ пріемомъ. Казалось, трудившимся оставалось только почивать на пожатыхъ лаврахъ. Но злая судьба повернула дѣло иначе.

Г. Надеждинъ, которому весьма кстати пришлись слова, сказанныя Агамемнономъ быстроногому Ахиллесу: „тебѣ пріятны всегда споры, раздоры и битвы“ (Иліада, I гл., 177) [1]), и Григорьевъ совмѣстно написали некрологъ Д. М. Княжевича. Пускаясь въ панегирикъ, они умышленно допустили многія неточности и неумѣстныя неосновательныя указанія. И чтобы всему этому придать торжественный видъ, облекли статью свою въ оффиціальную форму, въ видѣ труда отъ издательнаго комитета, собравшагося въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ „титулярнаго“ вицепрезидента Сафонова. Сами собою, безъ разрѣшенія Общества, они напечатали некрологъ, приложили его къ Запискамъ и разослали; Обществу же сообщили о томъ для свѣдѣнія. Разумѣется, Общество, сдѣлавъ свои поправки нѣкоторыхъ мѣстъ, попросило комитетъ, сшедшійся въ С.-Петербургѣ вопреки § 69

---

[1]) Вотъ какъ А. А. Бестужевъ, въ VIII письмѣ къ Н. А. Полевому (см. „Рус. Вѣстн“ 1881 г., № III, 308), обрисовалъ характеръ нашего героя: „грязный духъ партій, въ немъ первенствующій, несносенъ Онъ, кажется, хочетъ строиться изъ вашихъ развалинъ Невысоко ему подняться“... Н. М.

устава, исправить указанное. Тогда Надеждинъ съ Григорьевымъ разобидѣлись и отказались отъ званія членовъ Общества. Сафоновъ, прибывшій въ Одессу, весьма неловко оправдывался, а Надеждинъ, сверхъ того, написалъ особое объяснительное письмо къ вице-президенту, который, съ своей стороны, на него далъ категорическій отвѣтъ. Послѣ сего всякія сношенія Общества съ двумя своевольниками навсегда прекратились. Надеждинъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, не счелъ долгомъ ни доставить Обществу книги, на покупку которыхъ онъ въ 1840 году взялъ 350 руб. асс., ни возвратить деньги. По примѣру ихъ отказался отъ участія въ Обществѣ еще г. Линовскій, выкрестъ изъ евреевъ. Отказъ трехъ помянутыхъ членовъ, смерть Княжевича и разнесенные благопріятелями Надеждина слухи, что Общество закрывается, не безъ огорченія были выслушаны остальными членами. Операція эта, впрочемъ, не осталась безъ благотворныхъ послѣдствій. Члены дружнѣе примкнули другъ къ другу, откровеннѣе стали взаимно высказываться и трудиться, не унижая качествъ работавшихъ. Благородный и откровенный характеръ Александра Ѳедоровича Негри и живое участіе благодушнаго архіепископа Гавріила, Тетбу де-Мариньи, Бруна, Соколова, Беккера[1]), Палеолога, сдѣлавшихся ретивыми сотрудниками, потрясенное интригами Общество упрочили и дали ему должное, прямое, мирное направленіе. Утомленный трудами и душевнымъ волненіемъ отъ дрязгъ, въ концѣ этого года я могъ сообщить редакціи Одесскаго Вѣстника только два матеріала для исторіи Одессы: а) „Любопытную исторію славнаго города Одессы“, сочиненную въ 17.... году дѣйств. ст. сов. Левашевымъ, брошюру рѣдкую, и б) „О младенчествѣ Одессы“, это—письмо А. И. Шостака, писанное въ 1807 г. въ С.-Петербургъ.

Что сказать мнѣ о покойномъ Княжевичѣ, котораго г.

---

[1]) Беккеръ, Павелъ Вас. (1837—62); докторъ іенскаго унив. и магистръ унив. Св. Владиміра, проф. римской словесности, директоръ одесск. второй гимназіи (1848—50) и директоръ Ришельевскаго лицея (1857—62). Труды его: 1) Гимназ. курсъ лат. яз. Одесса, 1844, 45; 2) Гражданскій бытъ Тиритовъ. Одесса, 1848; 3) Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисѳена, въ отношеніи къ древн. его колоніямъ,—сочин., удостоенное почетнаго отзыва акад. наукъ; 4) Die Heracleotische Halbinsel, Leipzig, 1856, и 5) разн. статьи, помѣщ. въ бюллет. ак. наукъ и въ журн. Кн. В. Д.

Надеждинъ воспѣлъ „безпокойную дѣятельность?“ Зная его въ теченіи семи лѣтъ, почти неразлучно съ нимъ проведенныхъ, скажу, что онъ былъ человѣкъ умный, практическій, добродушный и готовый не только на доброе дѣло, но и на всякую пріятную услугу; много начитанный, и при природной остротѣ и живости характера сильно впечатлительный. Вся прежняя его жизнь была ознаменована личною къ нему привязанностію всѣхъ, кто съ нимъ служилъ или имѣлъ дѣло. Но, къ прискорбію, долженъ сказать, что добрѣйшій Княжевичъ, съ пріѣзда въ Одессу Надеждина, видимо измѣнился. Надеждинъ былъ его домашній злой геній, отнявшій у своего кормильца добрую славу на умъ и на сердце. Надеждинъ не скрывалъ отъ всѣхъ, что онъ пишетъ разные проекты, программы, руководства по лицею и округу для Княжевича; не утаивалъ и нерасположенія къ лицамъ, ему ненравящимся по чему либо, и потому непріятнымъ и Княжевичу. Деларю оставилъ лицей именно по интригамъ Надеждина, а бѣдный, благородный директоръ лицея Н. И. Синицынъ умеръ отъ аневризма въ сердцѣ, вслѣдствіе грубаго обращенія съ нимъ Княжевича. Что дѣлать у насъ, на Руси, бѣдному служащему чиновнику, когда его преслѣдуетъ начальникъ? Суда и управы на него нѣтъ никакой. Остается терпѣть и страдать молча!

Заслуги Княжевича, въ отношеніи къ лицею и округу, значительныя. Къ прежнимъ хорошимъ основаніямъ, положеннымъ Покровскимъ для лицея и всѣхъ гимназій одесскаго учебнаго округа выборомъ способныхъ наставниковъ, Княжевичъ прибавилъ лицею многое,—третье камеральное отдѣленіе, открытое въ 1842 г., такимъ путемъ приблизилъ лицей къ университету. Увеличивъ дотолѣ сжатыя науки, согласно съ требованіями спеціальныхъ программъ, онъ далъ просторъ знаніямъ: такъ, введены были въ математическомъ отдѣленіи—физическая географія; въ камеральномъ—введеніе въ камеральную науку, государственное хозяйство, торговля, физика и физическая географія, химія, естественная исторія, сельское хозяйство, технологія и обозрѣніе русскихъ законовъ; въ юридическомъ—церковное право, судебная медицина; въ отдѣлѣ общихъ наукъ—сравнительная географія и исторія путешествій и открытій и русскія древности. Къ добросовѣстному преподаванію наукъ сочувственно относились студенты. Они съ своей стороны стали добросовѣстно посѣщать лекціи и начали самостоятельно

трудиться. О лицепріятіи на экзаменахъ не было въ поминѣ, доколѣ нужда не заставила самого Княжевича, противъ воли, сдѣлаться весьма снисходительнымъ къ внуку харьковскаго откупщика Кузина. Юношу, за 2,000 р. с. въ годъ, принялъ къ себѣ въ квартиру профессоръ нравственной философіи, а остальные профессора за большія деньги, стали вливать въ пустую голову знанія.... На выпускномъ экзаменѣ нашъ „молодецъ“ отличился, открывъ, что „Авраамъ распространялъ истинную христіанскую вѣру, а Наполеонъ былъ женатъ на дочери Александра I“.

Одно въ упрекъ можно поставить Княжевичу—отказъ отъ огромнѣйшаго магазина мятежника Собаньскаго (около 7 лѣтъ составлявшаго собственность лицея), гдѣ могъ вмѣститься весь лицей съ гимназіею, когда бы къ нему сдѣлали нѣкоторыя пристройки. Княжевичу хотѣлось имѣть лицей неподалеку отъ дома Кошелева, который (Княжевичъ) имѣлъ въ виду купить для себя, а также для квартиръ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Съ этою цѣлію архитекторъ Шашинъ дѣлалъ проектъ перестроекъ, а услужливый Симоновичъ указалъ на праздное мѣсто г. Комара, которое тогда же было у него куплено и потомъ застроено нынѣшнимъ новымъ зданіемъ лицея. Странная черта замѣчалась въ покойномъ: бывъ крайне снисходителенъ ко всѣмъ литераторамъ, онъ никакъ не могъ спокойно слышать и говорить о Гоголѣ и его „Мертвыхъ душахъ“.

XXI.

Дружескій кружокъ Н. Н. Мурзакевича.—Некрасивые поступки нѣкоторыхъ лицейскихъ дѣятелей. — Г. И. Соколовъ, инспекторъ лицея. — Назначеніе кн. М. С. Воронцова намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказъ (1845 г.).—Его проводы.—Н. Н. Мурзакевичъ приглашенъ состоять при Вел. Кн. Константинѣ Николаевичѣ, во время обозрѣнія Его Имп. Высочествомъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, Новороссійскаго края и Земли войска Донскаго.—Путешествіе.

Еще въ 1841 году дружественно расположенное ко мнѣ семейство Лачиновыхъ выѣхало въ Москву, и я остался въ полномъ одиночествѣ. Холостая компанія, состоявшая изъ университетскаго сверстника Ильина [1]), князя Гр. Гр. Голицына, князя Алекс. Ив. Гагарина (убитаго въ 185.... г. вмѣстѣ съ Ильинымъ въ Кутаисѣ бѣшеннымъ сванетомъ) [2]), Магницкаго (сына), Подолинскаго [3]), Полянскаго (внука графини Воронцовой, фаворитки Петра III, вышедшей замужъ за Полянскаго), и др., была хороша и мила, но все таки была холостая, шумная и иногда разгульная. Душа требовала разсѣянія кроткаго, бесѣды тихой, разсудительной. Такимъ былъ домъ Г. И. Соколова, также нашего современника по московскому университету, женатаго на старшей сестрѣ М. М. Кирьякова. Соколовъ прежде постоянно жилъ въ Одессѣ; но, женившись, нѣкоторое время занимался хозяйствомъ въ деревнѣ, а въ наступившемъ 1845 году переѣхалъ снова въ Одессу.

Въ лицеѣ въ это время былъ директоромъ А. Г. Петровъ [4]).

На вакантное мѣсто инспектора г. Линовскій рекомендовалъ удаленнаго изъ морскаго вѣдомства маіора Варунова.

---

[1]) Некрологъ его см. въ „Одесск. Вѣстн.“ на 185... г. №...

[2]) Владѣтельн. княземъ Дадешкаліани.

[3]) Подолинскій, Андрей Ив.; авторъ поэмъ Дивъ и Пери, Нищій и многихъ мелкихъ стихотвореній. Послѣднее изданіе его сочиненій вышло въ 1860 г., въ 2 т. in 8o; теперь его нѣтъ вовсе въ продажѣ. Подолинскій скончался въ 1886 г.

[4]) Петровъ, Александръ Григ., канд. харьк. унив., перемѣщенъ (1844 г.) изъ директоровъ первой кіевской гимназіи директоромъ лицея и помощн. попечителя, и оставался до 1852 г. Скончался въ сент. 1887 г., въ чинѣ тайн. сов. и въ должн. члена сов. управл. по дѣламъ печати.

Всегда послушный Линовскому, г. Петровъ сдѣлалъ оффиціальное представленіе объ утвержденіи рѣшительно никому неизвѣстнаго лица. Но князь Воронцовъ, имѣвшій свѣдѣнія о томъ, что дѣлается серьезнаго въ его краѣ и зная представляемаго Варунова по неисправной очисткѣ Сулинскаго гирла, въ проѣздъ изъ С.-Петербурга чрезъ Елисаветградъ, встрѣтивъ Соколова, предложилъ ему свое содѣйствіе. По совѣту министра Уварова г. Петрову было предложено принять просьбу Соколова, какъ университетскаго кандидата и человѣка, извѣстнаго литературными трудами въ одесскихъ періодическихъ изданіяхъ. Такимъ случаемъ Соколовъ [1]) сдѣлался моимъ сослуживцемъ. Даръ въ словѣ и письмѣ, основательное знаніе русской литературы, живой, благородный, великодушный характеръ, съ необыкновенною при тучности тѣла подвижностію, вотъ какія качества имѣлъ инспекторъ, руководитель юношества. Жена его наслѣдовала умъ и доброту брата. Здѣсь я нашелъ пріютъ въ моемъ одиночествѣ; здѣсь составилась оппозиція разроставшемуся безнаказанно лихоимству. Утра посвящая на лекціи и на устройство городской библіотеки, которая мнѣ очень полюбилась, я проводилъ вечера въ многочисленномъ кругу родственниковъ и сосѣдей Соколова.

По заведенному обычаю, князь Воронцовъ, послѣ Святой недѣли, выѣзжалъ изъ Одессы въ Алупку, гдѣ (кромѣ выѣзда по губерніямъ) проживалъ до первыхъ чиселъ декабря. Въ этотъ годъ онъ, противу обычая, долго жилъ въ Алупкѣ. Производство въ полковники его адъютанта, князя Алекс. Ив. Гагарина, возбудило говоръ, что князю предоставляется право отдѣльнаго командира войскъ. Засимъ скорый пріѣздъ его въ Одессу разъяснилъ дѣло: князь Михаилъ Семеновичъ собственноручнымъ (никому неизвѣстнымъ) письмомъ императора приглашался намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказъ. Трудно вообразить какую суматоху произвело это назначеніе въ кругу служащихъ; всѣ захотѣли служить при намѣстникѣ: бѣдному,

---

[1]) Соколовъ, Григ. Ив. (1845—1850); канд. моск. унив., инспекторъ лицея. Труды его: 1) по редакціи Зап. импер. общ. сельск. хоз. южн. Россіи съ 1847 по 57 г.; 2) Курсъ шелководства Деемета, съ франц.; 3) помѣщалъ статьи въ Записк. общ. истор. и древн. и др. періодическихъ изданіяхъ.

Кн. В. Д.

утомленному старику не давали ни отдыха, ни прохода военные и гражданскіе чины. На подобную просьбу П. В. Скаржинскаго [1]), князь отвѣчалъ, что его просьба объ адъютантствѣ есть двухсотая. Со всѣхъ мѣстъ съѣхались губернаторы, градоначальники „въ чаяніи движенія воды“. Съ 6 часовъ утра и до 6 вечера князь былъ заваленъ докладами, просьбами, записками. Чудный характеръ этого боярина! Ни разу не показалъ знака утомленія или неохоты выслушать кого либо. Каждое утро, по его призыву, являлся я въ его кабинетъ, гдѣ былъ невольнымъ зрителемъ и слушателемъ всего тамъ происходившаго. Урывая минуты, князь поручалъ мнѣ, какъ своему приближенному, отборъ нужныхъ ему книгъ и нѣкоторыхъ рукописей. Назначивъ около 368 томовъ книгъ изъ дублетовъ для городской публичной библіотеки, онъ рѣшалъ, пересматривая мои отмѣтки: полезны или не нужны онѣ библіотекѣ. Лесажева Жильблаза, не смотря на мое настояніе, таки не далъ, но отложилъ для себя. Каждый день обѣдая у него, я видѣлъ его величавое внѣшнее и внутреннее спокойствіе.

Въ январѣ 1845 г. князь поѣхалъ въ С.-Петербургъ, и вскорѣ, затѣмъ, въ Одессѣ услышали о паденіи могучаго фактотума военнаго министра Позена. Чиновный еврей задумалъ урѣзать права намѣстничьи, предварительно принятые и одобренные императоромъ. Въ февралѣ возвратился изъ С.-Петербурга князь утомленный; пріемы, укладка бумагъ, книгъ, картъ, обѣды многолюдные, докучливыя просьбы, какъ говорится, не давали свободно вздохнуть безмолвному труженику. Тѣ же ежедневныя порученія были мнѣ и въ этотъ разъ, по утрамъ, а вечеромъ обѣдъ.

7 марта 1845 г. назначено было для отъѣзда князя на Кавказъ.

Чудесная, весенняя, ясная, тихая погода на морѣ, почти весь городъ, высыпавшій на приморскій бульваръ и на пристань пароходную, представляли картину великолѣпную. Толпы простаго народа, отъ искренняго сердца, провожая князя, высказывали ему пожеланія всякихъ благъ. Мѣховая кавказская шапка, надви-

[1]) Полковникъ лейбъ-гусарскаго полка, сынъ Виктора Петровича Скаржинскаго, богатаго помѣщика Херсонской губерніи, пославшаго въ ополченіе въ 1812 г. экипированный и вооруженный кавалерійскій эскадронъ.
Кн. В. Д.

нутая на глаза, отчасти прикрывала слезы добраго болярина, за всѣхъ болѣющаго. Такое всеобщее народное заявленіе начальнику края, удаляющемуся, можетъ быть, навсегда, есть вѣнокъ гражданскій (corona civilis),—въ наше время, награда, выходящая изъ уровня всѣхъ существующихъ знаковъ отличій!

Съ пріѣздомъ князя въ Тифлисъ, его порученія, вопросы, справки не прекращались; самъ или чрезъ Сафонова (директора канцеляріи) онъ удостоивалъ меня письмами. Пользуясь правомъ, даннымъ мнѣ княземъ Воронцовымъ, я исподоволь пересматривалъ его большую библіотеку: все свѣжее о краѣ Новороссійскомъ непремѣнно получалось. Такимъ путемъ запасъ мѣстныхъ свѣдѣній моихъ увеличивался. И къ неожиданной моей радости благопріятный случай доставилъ мнѣ возможность подѣлиться ими съ однимъ высокимъ слушателемъ, удостоившимъ меня своимъ вниманіемъ.... Въ концѣ мая я собрался поѣхать на Кавказъ, куда давно приглашалъ меня мой пріятель А. А. Борзенко (служившій при князѣ въ Тифлисѣ). По обязанности городскаго библіотекаря я сказалъ о томъ одесскому военному губернатору Ахлестышеву. Этотъ передалъ мою просьбу исправляющему должность генералъ-губернатора, который, призвавъ меня къ себѣ, сказалъ, что не можетъ отпустить, имѣя въ виду скорое посѣщеніе Одессы Его Императорскимъ Высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Завѣдывая публичною библіотекою и музеемъ древностей, я не имѣлъ права возражать. 2-го іюня 1845 г. великій князь, обозрѣвая городъ, посѣтилъ и музей Общества.

Вниманіе 17-ти-лѣтняго отлично образованнаго юноши было обращено на всѣ предметы. Въ разспросахъ и разговорахъ, длившихся ровно три часа, великій князь выказалъ знанія, далеко превышающія его возрастъ. Вѣроятно и онъ былъ мною доволенъ; вечеромъ я былъ приглашенъ къ нему на чай. Великій князь и его сопровождающіе: воспитатель вице-адмиралъ Ѳ. П. Литке, его помощникъ капитанъ 1-го ранга Ѳ. С. Лутковскій, докторъ И. С. Гауровицъ, прежній учитель А. Ѳ. Гриммъ и сверстники великаго князя, мичмана: Н. А. баронъ Крюднеръ и С. А. баронъ Фридериксъ, всѣ помѣстились въ домѣ князя Воронцова. Послѣ чая Литке, попросивъ меня къ себѣ, пустился въ разспросы: какъ удобнѣе осмотрѣть южный край Россіи, если можно, во

всѣхъ отношеніяхъ? Сообщивъ то, что мнѣ было извѣстно, я готовъ былъ уходить, какъ Литке сказалъ, что его высочеству было бы полезно мое сопутствіе и потому спрашиваетъ: могу ли я на это согласиться? „Послѣ завтра мы плывемъ въ Константинополь, оттоль въ Смирну и обратно оттуда въ Крымъ". Всеохотно, отвѣчалъ я, готовъ служить его высочеству, но по порядку службы безъ высочайшаго разрѣшенія я не могу отправиться за границу.

Телеграфовъ тогда не было, но существовали курьерскія перекладныя, летавшія иногда на 5-е сутки въ Петербургъ. „Итакъ, до свиданья въ Одессѣ, куда мы еще заѣдемъ", сказалъ Литке, отпуская меня. 23-го іюня вечеромъ пароходъ явился на одесскій рейдъ, а я, разсчитывая на Крымъ, не изготовилъ себѣ необходимаго для дороги платья. На утро являюсь къ пароходу, находившемуся въ карантинной обсерваціи, вступаю въ переговоры и узнаю, что великій князь нѣсколько дней предполагаетъ заняться морскими эволюціями въ открытомъ морѣ. Нечего дѣлать, съ узелкомъ перебираюсь на пароходъ „Молодецъ". Странствуемъ по морю туда и сюда, подходимъ къ новороссійской, неумѣстно расхваленной бухтѣ, гдѣ великій князь выходилъ на берегъ и съ отрядомъ войска дошелъ до мѣста, нынѣ именуемаго Константиновскимъ укрѣпленіемъ. Отсюда повернули опять въ море и уже 12 августа подошли къ Ѳеодосіи. Высадили меня для отдыха, а И. К. Айвазовскаго [1]) на мѣсто его жительства. Вечеромъ, при сильномъ волненіи съ моря я снова поплылъ на пароходъ и тутъ уже вступилъ въ менторство. Кромѣ указанія всякихъ достопримѣчательностей въ томъ мѣстѣ, куда мы приставали или выѣзжали, я заблаговременно заготовилъ, еще въ Одессѣ, краткія, но точныя положительныя свѣдѣнія о томъ, что я признавалъ нужнымъ или полезнымъ показать. Право это мнѣ было предоставлено съ перваго вечера, у Ѳеодосіи, и поэтому Лутковскій и вся молодежь прозвали меня оберъ-квартирмейстеромъ. Замѣтки мои я подавалъ великому князю за утреннимъ чаемъ. Вставали въ 6 часовъ, въ 8 пили чай, въ 2 обѣдали, въ 8 вечерній чай, безъ ужина, и въ 11 час. ложились спать.

---

[1]) И. К. Айвазовскій—извѣстный маринистъ и профессоръ живописи. Кн. В. Д.

Приготовленный къ мѣстности, великій князь съ пользою для себя осматривалъ показываемое и удачно вступалъ въ разговоры съ мѣстными жителями. Молодежь, опасавшаяся во мнѣ увидѣть педанта, подобно нелюбимому ею нѣмцу Гримму, разувѣрилась и скоро привязалась ко мнѣ со всею полнотою чистой души. Напряженный умственно, я отдыхалъ въ кружкѣ умныхъ и добросердечныхъ юношей. Опытный морякъ Лутковскій, совершившій двукратное плаваніе вокругъ всего свѣта, полюбилъ меня такъ, что я сдѣлался его постояннымъ спутникомъ и соквартирантомъ. Учености въ Гриммѣ я не нашелъ. Это былъ обыкновенный старшій учитель гимназіи, знавшій въ подробности средневѣковую исторію Германіи, но прекрасный музыкантъ на фортепіано. Вкрадчивый характеръ умѣлъ выгодно его поставить между великимъ княземъ и Литке, суровымъ, сухимъ, положительнымъ морякомъ. Выше всѣхъ по образованію былъ докторъ П. С. Гауровицъ, выдававшій себя за датчанина.

Вотъ мѣста, посѣщенныя его высочествомъ: Ѳеодосія, Керчь, Таганрогъ, Ростовъ, Новочеркаскъ, Грушевскія каменноугольныя копи, опять Таганрогъ, Маріуполь, Бердянскъ, ногайскія, меннонитскія колоніи на р. Молочной, хозяйственный хуторъ Корниса, Перекопскія соляныя озера, Симферополь, Алушта, Чатыръ-дагъ, Никитскій садъ, Массандра, Ялта, Алупка, Меласъ, Байдарская долина, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Севастополь, Чоргунскій бассейнъ, Инкерманъ, Херсонесъ, Бахчисарай, Каралезъ, Мангупъ-Кале, Черкесъ-Кермень, опять Севастополь и Николаевъ.

Не обошлось безъ нѣкоторыхъ случаевъ, болѣе или менѣе смѣшныхъ или странныхъ, бывшихъ во время путешествія великаго князя. Въ Керчи, при осмотрѣ грязныхъ сопокъ, когда великій князь очень близко подошелъ къ жерлу, то градоначальникъ князь Херхеулидзевъ, отводя его, сказалъ: „берегитесь, в. в—во, здѣсь часто проваливаются....“ Въ Таганрогѣ полиціймейстеръ отозвался незнаніемъ названныхъ ему мѣстностей города; на вопросъ: давно ли здѣсь? „Только четыре мѣсяца“. Въ Новочеркаскѣ гостепріимные донцы и ихъ почтенный, изрубленный въ бояхъ, атаманъ Власовъ съ его начальникомъ штаба Хомутовымъ такъ угостили мичмановъ, что одинъ изъ нихъ (Крюднеръ) долженъ былъ выдти изъ-за стола. Досталось же бѣдняку отъ

непотачливаго Литке. Въ менонитскихъ колоніяхъ нѣмецкое чувство Литке до того разнѣжилось, что онъ почти воспѣлъ хвалебный гимнъ нѣмцамъ и произнесъ хулу бѣднымъ крестьянамъ русскимъ. Я возразилъ, что неудивительно благосостояніе колонистовъ, которымъ правительство дозволило выбрать лучшую землю, дало денежное пособіе; освободило навсегда отъ постоя, рекрутства, земской полиціи и многихъ другихъ раззорительныхъ мѣръ, которыми завалены, такъ сказать, по уши, какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне. За то же нѣмцы, напр., хозяинъ нашъ Корнисъ, вѣроятно, въ благодарность, не хотятъ изучать русскаго языка, почти изгнаннаго изъ школъ, и стараются составить status in statu. Великій князь Константинъ Николаевичъ согласился со мною. На соляномъ „Красномъ озерѣ“ ни управляющій словонаходчивый Озерецковскій, ни его ловкіе чиновники не могли сказать положительное количество соли въ „кабанахъ“. Въ Симферополѣ губернаторъ Пестель не зналъ дороги къ гимназіи и гдѣ живетъ таврическій муфтій. Въ Никитскомъ саду, изобильномъ разными сортами розъ и винограда, пьяный директоръ Гартвигъ выслалъ, вмѣсто себя, садовника, который съ пользою для любопытствующихъ указалъ роскошь мѣстной природы. Въ Алупкѣ вѣчно пьяненькій главноуправляющій полк. Ягницкій въ пространномъ дворцѣ скверно и тѣсно насъ размѣстилъ, за то щедро предлагалъ молодежи „запрещенный имъ напитокъ“. Въ Балаклавѣ на ночлегѣ насъ почти замучили мѣстныя злыя блохи. Въ Чоргунскомъ бассейнѣ подивились всѣ той ничтожной преградѣ (каменной стѣнкѣ), которая, по мнѣнію инженера Уптона, должна была задерживать страшнѣйшую массу воды, дающей питаніе севастопольскимъ докамъ. Кажется, что Уптонъ былъ болѣе способный винодѣлъ, чѣмъ гидро-техникъ. Въ Каралезѣ, знаменитомъ живописностью природы, полупьяный земскій исправникъ, Максимовичъ, сбившись съ дороги, довелъ всѣхъ насъ до изнуренія. Показавъ недостатки лицъ мѣстнаго управленія, я долженъ теперь сказать нѣсколько словъ въ похвалу мѣстной природѣ.

Плодородныя степи, прилегающія къ сѣверо-восточной части черноморскаго бассейна, украшенныя разнаго рода хлѣбами, снабжающими разноплеменные рынки Ростова, Таганрога и Симферополя; унылые аулы ногайскихъ татаръ и, въ противуполож-

ность имъ, веселыя менонитскія колоніи, обрамленныя густою растительностью; безплодныя и безводныя Перекопскія степи, а за ними, къ югу, постепенный переходъ холмовъ къ высокому каменистому хребту Яйлы и Чатыръ-дага; сталактитовыя пещеры и цѣлые пещерные города, когда-то первобытныя жилища первобытныхъ жителей Тавриды; живописныя долины и чудесный южный берегъ, яркимъ вѣнкомъ тропической зелени выдѣляющійся изъ морской синевы,—берегъ, не уступающій въ изяществѣ сицилійской и итальянской природѣ; изумрудные виноградники всѣхъ сортовъ лозъ южной Европы; масличныя, кипарисовыя деревья и горныя сосны (piniae), окружающія древніе храмы, остатки незапамятныхъ временъ; наконецъ, самые жители края: монголы, татары горные и степные, караимы, греки, армяне, малороссіяне, великороссіяне, нѣмцы, цыгане,—все это останавливало вниманіе путешественниковъ!... Все это заставляло пристальнѣе всматриваться въ представляющіяся картины... И благо тому, кому Провидѣніе ввѣритъ этотъ чудный край: имѣя власть, можно много сдѣлать для пользы и славы нашего отечества!....

Долѣе всего было пребываніе наше въ Севастополѣ. Здѣсь тогда былъ собранъ черноморскій флотъ въ полномъ составѣ. Великій князь ежедневно его осматривалъ. Особенно отличился выправкой корабль „12 апостоловъ“, командиръ Корниловъ.

Точность и быстрота въ выполненіи маневровъ, какъ я узналъ, не дешево стоила бѣднымъ матросамъ. Ученики свирѣпой Лазаревской школы: Путятинъ (графъ и бывшій мимолетный министръ просвѣщенія), Нахимовъ, Корниловъ, братья Истомины не щадили ни рукъ, ни ногъ, ни даже головъ несчастныхъ подчиненныхъ и все для того, чтобы „дѣлалось живо“!—Въ Севастополь, въ это время, возвратился изъ-подъ Даргинскаго похода принцъ Александръ Гессенскій, братъ императрицы нашей. Онъ подробно разсказалъ о той бойнѣ, которая была въ окрестностяхъ Дарго. Не легко ему достался георгіевскій крестъ. Въ сопутствіи принца великій князь сдѣлалъ поѣздку въ Бахчисарай, Каралезъ и обратно. На пути принцъ разсказалъ о перемѣнѣ въ обмундировкѣ, дѣлаемой княземъ Воронцовымъ на Кавказѣ, именно, о замѣнѣ мундировъ полукафтанами съ поясами, киверовъ—мѣховыми шапками и ременныхъ перевязей—легкими сумками, а коротенькихъ полусапожковъ—длинными по колѣно сапогами и, наконецъ, полушубками.

29 августа (1845 г.), за большимъ обѣдомъ, къ которому были приглашены морскія власти, было выпито по бокалу за новоутвержденное „Русское Географическое Общество“ въ С.-Петербургѣ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ великій князь. Его высочество, чокаясь со мною бокаломъ, сказалъ: „вы нашъ? надѣюсь, что не откажетесь содѣйствовать намъ“....

Такимъ образомъ неожиданно я былъ первоизбранникомъ новорожденнаго Общества.

Наканунѣ отплытія нашего изъ Севастополя въ Николаевъ, Лутковскій и мичмана уговорили меня сдѣлать имъ легонькій завтракъ. Когда пришло время и пришла „прожорливая младость“, явился адъютантъ принца и, наконецъ, и принцъ, затѣмъ великій князь и, о ужасъ! самъ Литке. Но дѣло обошлось. Порученіе мое кончилось и мнѣ неудобно было дѣлать наставленія. Выпили по бокалу шипучаго крымскаго вина и, при пожеланіи всякихъ успѣховъ Крыму, отправились на пароходъ „Сѣверную звѣзду“. Погода, повидимому, обѣщала быть тихою, хотя въ теченіи трехъ дней сильно бушевала. Эта тишь обманула опытныхъ моряковъ. Въ открытомъ морѣ зыбь насъ охватила гораздо хуже той, которая насъ нещадно качала отъ Ѳеодосіи до Керчи. Кромѣ Литке, принца, Лутковскаго,—всѣхъ укачало, я кое какъ крѣпился. Ночь была еще хуже, а пароходъ былъ старый и не крѣпкій. Къ полудню другаго дня насилу добрались до Днѣпровскаго лимана. У берега Парутинскаго выходили взглянуть на безчисленные Ольвійскіе курганы; я указалъ на мѣсто переправы шведскихъ войскъ Карла XII отъ косы русской и до косы волошской, и часу въ 5-мъ мы прибыли въ Николаевъ, встрѣченные княземъ Меншиковымъ и адмираломъ Лазаревымъ. Въ ожиданіи скораго пріѣзда императора со свитою, насъ размѣстили на „тѣсныхъ квартирахъ“.

Въ ночь на 9 сентября, дня рожденія великаго князя, государь императоръ уже былъ въ Николаевѣ.

Утромъ его высочество удостоилъ меня представленіемъ государю самымъ любезнымъ предвареніемъ,—„Спасибо!“, и приглашеніе къ чаю было отвѣтомъ на мой почтительный поклонъ. Меня смущало не то многочисленное общество, въ которомъ я имѣлъ честь находиться;—тутъ были: государь наслѣдникъ, великій князь, принцъ Гессенскій, графъ Орловъ, графъ Адлербергъ,

князь Меншиковъ и др. сильные сего міра; но меня смущали мои бѣлые панталоны, вымытые къ разсвѣту и просыхавшіе на ногахъ. Послѣ чая я пошелъ откланяться его высочеству предъ отъѣздомъ въ Одессу. Онъ хотѣлъ, чтобы я снова съ нимъ вернулся въ Севастополь. Но мои представленія, что мнѣ пора явиться къ своей должности, поддержанныя Ѳ. П. Литке, были уважены. Меня отпустили и предложили отправиться на нарочномъ пароходѣ въ Одессу, но я отклонилъ это тѣмъ, что пароходъ нужнѣе для другихъ. Послѣ дружескаго взаимнаго объятія, великій князь, отпуская, сказалъ, чтобы я не забывалъ своего стараго знакомаго, и на память о себѣ вручилъ перстень съ своимъ вензелемъ. На вопросъ Литке: не имѣю ли чего желать? я отвѣчалъ: „прошу удержать меня въ вашей благосклонной памяти“. Такая дешевая просьба хоть кому понравится.

Что сказать о личности Его Императорскаго Высочества великаго князя? Онъ умственно развитъ выше своихъ лѣтъ, строго логиченъ, въ занятіяхъ усидчивъ, пылокъ, нетерпѣливъ, сухъ въ обращеніи, но добръ и не злопамятенъ. Такъ я сужу по тѣмъ частымъ спорамъ, которые съ нимъ имѣлъ горячій Крюднеръ. Замѣчаемая въ немъ нѣкоторая угрюмость можетъ быть объяснена характеромъ воспитателя, человѣка сухого, упустившаго изъ виду наставленіе мудраго Соломона: „сыне, дай мнѣ сердце твое!“—Его сверстники, не исключая и Ѳ. С. Лутковскаго, были слабо и вообще односторонне подготовлены [1]).

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

---

[1]) Въ томъ же, 1845 году, 23 іюля, знаменитый поэтъ германскій Фридрихъ Боденштедтъ имѣлъ счастіе быть представленнымъ великому князю генералъ-адмиралу въ Константинополѣ и провести въ его обществѣ цѣлый вечеръ. Напомнимъ отзывъ этого профессора и славнаго литератора: „Я былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ обширное и отличное образованіе, много веселости и добродушнаго юмора. Великій князь, между прочимъ, превосходно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками“. („Русская Старина“ изд. 1887 г., томъ LIV, май, стр. 440).

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ

въ Уральскихъ горахъ въ іюлѣ 1837 г.

[Письмо маіора П. Е. Ахматова полковнику Касперову, въ г. Уфу].

11-го іюля 1837 г. Златоустъ.

М. г. Константинъ Николаевичъ! Исполняю желаніе ваше и съ тѣмъ вмѣстѣ собственное свое, чтобы подѣлиться со всѣми воспоминаніемъ о тѣхъ мгновеніяхъ, которыя такъ быстро пронеслись въ бытность здѣсь государя наслѣдника.

Его высочество изволилъ прибыть въ Міасскій заводъ 7-го іюля въ 6 часовъ вечера. Осмотрѣвши заводъ, гдѣ въ особенности обратила на себя вниманіе цесаревича плавка золотыхъ песковъ въ мѣдиплавиленныхъ печахъ, по новому способу горнаго начальника Златоустовскихъ заводовъ полковника Аносова, его высочество изволилъ при этомъ назвать его алхимикомъ, сказавъ:

— Вы, полковникъ, алхимикъ; вы изъ ничего дѣлаете золото.

Въ этомъ заводѣ хотя по маршруту и назначенъ былъ ночлегъ, но какъ объяснили, что обзоръ золотыхъ промысловъ удобнѣе сдѣлать въ обратный путь изъ Златоуста, чрезъ что сбережется цѣлый день во времени, то его высочество и изволилъ отправиться въ Златоустъ, куда и прибылъ въ 10 часовъ вечера. Спускаясь съ Урала, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ лошади разбили, безъ малѣйшаго, впрочемъ, вреда, одного изъ фельдъегерей, и потому нѣсколько верстъ изволилъ идти пѣшкомъ, милостиво разговаривая съ сопровождавшимъ его нашимъ горнымъ исправникомъ и любуясь по всей дорогѣ съ горы иллюминаціею, которою горѣлъ въ то время Златоустъ. Въ самомъ дѣлѣ, огненная гирлянда около заводскаго пруда, въ великолѣпныхъ рамахъ нашихъ горъ—была чудесна!

Въ Ветлугѣ, при самомъ въѣздѣ въ селеніе, его высочество встрѣченъ

былъ полиціймейстеромъ: тутъ-же собравшіеся иностранные мастера кричали ему виватъ и потомъ русское «ура!» безпрерывно сопровождало его до дворца. По выходѣ изъ коляски, его высочество милостиво всѣхъ привѣтствовалъ, обратился къ почетному караулу, принялъ рапортъ отъ генерала Шрама, сказавъ ему, что по послѣднему приказу онъ переводится командиромъ въ 23 бригаду; потомъ принялъ рапортъ отъ горнаго начальника и вошелъ во дворецъ. Тутъ же помѣстились генералъ-адъютантъ Кавелинъ, полковники: Юрьевичъ и В. И. Назимовъ и молодые офицеры А. В. Адлербергъ и Паткуль, а генералы В. А. Жуковскій и К. И. Арсеньевъ заняли особыя квартиры.

Можно сказать, что съ перваго же мгновенія его высочество обворожилъ всѣхъ: невыразимая доброта души на прелестномъ лицѣ его, ангельская улыбка, высокій ростъ и плѣнительная фигура — однимъ словомъ, все невольно заставляетъ обожать его.

На другой день, вставши довольно рано, его высочество до 11-ти часовъ занимался дѣлами; потомъ было представленіе чиновниковъ и осмотръ заводскаго и оружейнаго производствъ. При этомъ же его высочество изволилъ быть въ домѣ одного изъ иностранныхъ мастеровъ, чтобы посмотрѣть на домашній бытъ ихъ; былъ въ церкви, въ госпиталѣ и, наконецъ, въ арсеналѣ. Вообще его высочество былъ весьма веселъ, шутилъ и всѣмъ остался доволенъ, въ особенности же въ арсеналѣ. Тутъ поднесено было нѣсколько штукъ разнаго булатнаго оружія и его высочество оставилъ для себя нѣсколько, остальное раздѣлилъ всей свитѣ, а двѣ великолѣпныя стальныя вазы изволилъ назначить для императрицы. Послѣ обѣда его высочество изволилъ быть въ саду, гдѣ производилась проба кирасамъ, стрѣльбою изъ солдатскихъ ружей; потомъ отправился на Уреньгу, одну изъ высокихъ горъ, окружающихъ Златоустъ.

Взойдя на нее довольно скоро, онъ любовался прелестнымъ видомъ горы Таганая и окрестныхъ мѣстъ и былъ чрезвычайно веселъ и милостивъ. На самой вершинѣ его привѣтствовало громкое ура слѣдовавшаго за нимъ повсюду во множествѣ народа; спускаясь же съ горы почти бѣгомъ, онъ вдругъ останавливался, а народъ, не могши такимъ же образомъ удержаться, падалъ и толкалъ другъ друга, очутившись впереди его. Это въ самомъ дѣлѣ было забавно и его высочество отъ души смѣялся. Вечеромъ онъ занимался дѣлами; между тѣмъ горѣла иллюминація; толпы народа покрывали всю площадь, а подъ балкономъ играла музыка, составленная изъ здѣшнихъ иностранцевъ. Умилительно и отрадно было для сердца слышать въ толпахъ народа отзывы о цесаревичѣ. Одинъ мастеровой спрашиваетъ у другаго,

сколько разъ видѣлъ онъ наслѣдника? тотъ отвѣчаетъ, что видѣлъ хорошо только одинъ разъ; а я такъ видѣлъ пять разъ! говоритъ ему первый съ какимъ-то особеннымъ самодовольствіемъ. Мастеровые Кусинскаго завода просили своего управителя, чтобы имъ позволено было идти въ Златоустъ, видѣть цесаревича, и что за вторникъ—какъ рабочій день—они будутъ работать въ первый воскресный день. А для мастероваго очень много значитъ проработать двѣ недѣли сряду безъ отдыха, особенно при огненныхъ работахъ.

Отъѣздъ его высочества назначенъ былъ въ 5 часовъ утра 9 числа. Толпы народа ожидали уже его и онъ, простившись со всѣми ласково, отправился въ коляскѣ. За Ветлугою ожидали его и свиту верховыя лошади, выставленныя казачьимъ кантоннымъ Лябзинымъ; тутъ же были и наши заводскія лошади для начальника и нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, испросившихъ еще прежде позволеніе сопровождать его высочество до первой станціи.

Бывши въ Златоустѣ въ сюртукѣ Преображенскаго полка, тутъ его высочество изволилъ явиться въ казацкомъ кафтанѣ — и что это за прелесть! Нельзя было довольно насмотрѣться на него, какъ онъ рисовался на лошади и лихо скакалъ во весь карьеръ. Проѣзжая мимо сопки Урала, его высочеству вздумалось побывать на ней. Вздумано и сдѣлано! Онъ тотчасъ приказалъ одному изъ насъ слѣдовать впередъ и со всею свитою поворотилъ за вожатымъ въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ ни дороги, ни тропинки. Пока было можно, версты четыре мы слѣдовали на лошадяхъ; но потомъ отъ безпрерывно-увеличивающихся препятствій, отъ громадныхъ камней и крутизны, сошли съ лошадей и съ большимъ затрудненіемъ взбирались на самую вершину сопки. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе затрудненій и усталыхъ, такъ что изъ всей нашей кавалькады, которою его высочество нѣсколько разъ любовался, осталось немного.

Не смотря на убѣдительныя просьбы генералъ-адъютанта Кавелина, чтобы не подниматься далѣе, а удовольствоваться пройденнымъ пространствомъ и открывшимися уже прелестными видами, его высочество изволилъ отвѣчать, что онъ затѣмъ и рѣшился подниматься на гору, чтобы достигнуть высочайшаго пункта. Такимъ образомъ продолжая далѣе, первые очутились на самой вершинѣ Паткуль, Адлербергъ и одинъ изъ нашихъ горныхъ инженеровъ. Приблизившись къ ней съ великимъ княземъ, мы общими усиліями способствовали его высочеству перебраться чрезъ нѣсколько затруднительныхъ скалъ и, наконецъ, онъ на высотѣ, гдѣ по одну руку Европа, а по другую Азія, и мы всѣ прокричали ему ура.

Утро было чудесное. Его высочество радостенъ и веселъ, а мы,

горные, о! мы въ это время были на небесахъ! Отдохнувши нѣсколько, вдругъ его высочество говоритъ:

— Господа! споемте всѣ вмѣстѣ Боже царя храни! и началъ первый.

Каждый изъ насъ, кто какъ умѣлъ, но съ душевнымъ благоговѣніемъ, вторилъ ему и потомъ опять громкое ура огласило въ этомъ мѣстѣ предѣлы двухъ частей свѣта. Картина истинно величественная и потрясающая душу! Сынъ могущественнѣйшаго изъ владыкъ земныхъ, на уединенной скалѣ одной изъ высочайшихъ горъ Рифея, съ нѣсколькими изъ вѣрноподданныхъ державнаго отца его, испрашиваетъ ему благословеніе Царя царей! Слезы умиленія и благоговѣнія сопровождали мольбы наши.

Послѣ этого мы стали спускаться съ горы, избравъ для сего противный склонъ ея, и по нѣсколькимъ отдыхамъ, наконецъ, достигли почвы. Тутъ ожидали его высочество генералъ-адъютантъ Кавелинъ и нѣкоторые изъ свиты, не поднимавшіеся на вершину, и всѣ вмѣстѣ выѣхали на большую дорогу.

Послѣ столькихъ трудовъ, кажется, можно бы было нѣсколько пожелать покою и сѣсть въ приготовленныя качалки; но его высочество не согласился на это и остальныя 10 верстъ до станціи онъ быстро проскакалъ на лихомъ конѣ. Мы, горные, были сердечно рады этому, потому что еще нѣсколько мгновеній могли наслаждаться лицезрѣніемъ его.

Въ Сыростанѣ его высочество подчивалъ насъ чаемъ и шампанскимъ, по случаю дня рожденія генералъ-адъютанта Кавелина, и потомъ милостиво и ласково со всѣми нами простился. Коляска его помчалась и мы какъ бы вдругъ всего лишились! Глаза и сердца наши слѣдовали еще за экипажемъ, но скоро поднявшаяся пыль лишила насъ и этого. О, какъ грустно намъ стало! Зачѣмъ не дерзнули мы испросить еще позволенія сопровождать его высочество хотя до перваго золотаго рудника? Развѣ не были мы свидѣтелями милостиваго его вниманія къ намъ?

Поворотивъ отъ Сыростана вправо, его высочество въ сопровожденіи исправляющаго должность главнаго начальника, горнаго начальника и управляющаго золотыми промыслами, обозрѣлъ важнѣйшіе золотые рудники; былъ повсюду доволенъ и, къ вечеру выѣхавъ на большую дорогу, простился съ горнымъ начальникомъ, поцѣловалъ его и отправился далѣе по тракту въ Верхнеуральскъ.

Пребываніе здѣсь государя наслѣдника останется навсегда памятнымъ для Златоуста; но 9 число іюня будетъ счастливѣйшимъ днемъ нашей жизни. Тутъ не было ни этикету, ни церемоній, но за то какъ

пламенно горѣли къ нему сердца наши и чувства благоговѣнія къ нему были столь-же чисты—какъ чистъ нагорный воздухъ, коимъ дышали мы съ нимъ на вершинахъ Урала! Скала, на которой сидѣлъ его высочество, получитъ, по мѣрѣ возможности, болѣе правильный видъ и на ней высѣкутся вензель его, также годъ, мѣсяцъ и число пребыванія его тамъ и облегчится нѣсколько доступъ къ ней. Вмѣстѣ съ этимъ предположено, чтобы ежегодно, въ 9-е число іюня, подниматься на вершину скалы и праздновать воспоминаніе о немъ троекратнымъ ура и гимномъ: Боже царя храни!

Его высочество въ бытность въ Златоустѣ изволилъ пожаловать въ пользу бѣдныхъ 500 руб., столько-же мастеровымъ, 500 руб. работавшимъ поднесенное ему оружіе, 550 рублей міасскимъ мастеровымъ, 200 рублей иностранцу, у коего былъ въ домѣ, 100 рублей кирасному мастеру и сверхъ того щедро награждена прислуга при дворцѣ, какъ въ Златоустѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ все, почтеннѣйшій Константинъ Николаевичъ, что я по скорости успѣлъ собрать и записать о пребываніи въ Златоустѣ государя наслѣдника, этого ангела благодатнаго! Описаніе это оцѣните усердіемъ моимъ къ скорому выполненію вашего желанія, и не взыщите, что при этомъ я не могъ соблюсти красивыхъ оборотовъ слога, а писалъ, какъ диктовало мнѣ сердце.

Ахматовъ.

Сообщ. Н. П. Свѣчина,
рожденная Ахматова.

РУССКАЯ АМЕРИКА

1862—1863.

I.

Стахинская экспедиція.

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ воскресныхъ дней 1862 г. я стоялъ у обѣдни въ соборной церкви города Ново-Архангельска, главнаго центра бывшихъ русскихъ колоній на сѣверозападномъ берегу Сѣверной Америки и уступленныхъ, въ маѣ 1867 г., правительству Соединенныхъ Штатовъ за $7^1/_4$ милліоновъ долларовъ. Настоящее названіе этой мѣстности Аляска-Территорія. Видъ Ново-архангельскаго порта прилагается при этой книгѣ.

Въ срединѣ обѣдни я былъ приглашенъ тогдашнимъ главнымъ правителемъ колоній, капитаномъ 1-го ранга Иваномъ Васильевичемъ Фуругельмомъ, нынѣ адмиралъ, для какихъ-то переговоровъ. При входѣ моемъ въ кабинетъ главнаго правителя или губернатора, какъ тогда называли, И. В. сказалъ мнѣ: „вотъ въ американской газетѣ Echo du Pacific пишутъ, что въ рѣкѣ Стахинѣ найдено золото въ большомъ количествѣ, такъ что каждый золотоискатель добываетъ чуть не 20 долларовъ въ день; я хочу предложить вамъ отправиться туда, во первыхъ, потому, что нельзя же намъ не знать, что дѣлается въ селеніи Стахинѣ, принадлежащемъ Россіи, селеніи, чрезъ которое слѣдуютъ всѣ золотоискатели, и во вторыхъ, потому, что если вы увидите, что дѣйствительно золото есть, то не замедлите приступить къ его добычѣ“.

Надо было вообразить мою радость, что представился случай отправиться въ путешествіе, и къ тому же я считалъ за большую честь, что выборъ палъ на меня, и, конечно, выразилъ свою полную готовность отправиться туда, куда начальство прикажетъ [1]).

На основаніи моихъ переговоровъ съ главнымъ правителемъ, я немедленно приступилъ къ сформированію экспедиціи. Надо замѣтить, что предстояло дѣло не легкое, отчасти даже рискованное, приходилось проплыть на простой рыболовной байдарѣ (большой лодкѣ) слишкомъ 400 морскихъ миль, проливами, населенными дикарями индійскаго племени, калюжами или колошами, какъ ихъ называли.

Итакъ, выбравши хорошую байдару, оснастивъ ее какъ слѣдуетъ, надо было подумать какъ о составѣ экспедиціи, такъ и о провизіи, которую приходилось взять. Въ мое распоряженіе даны были 6 человѣкъ солдатъ одного изъ сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, 4 человѣка рабочихъ и 1 толмачъ (переводчикъ). Провизія наша состояла изъ 1 пуда чая, 10 пудовъ сахару, 35 пуд. черныхъ и 5 пуд. бѣлыхъ сухарей и 10 ведеръ гамбургскаго рому. Другаго ничего не дано, въ предположеніи, что, раздобывши золото, можно будетъ купить на пріискахъ все, что угодно. Разсчитывая, что по прибытіи въ селеніе Стахинъ, въ такой посудинѣ, какъ наша тяжелая байдара, невозможно будетъ подниматься въ рѣку Стахинъ къ мѣсту розсыпей, взято было еще для покупки легкаго дикарскаго бата 20 шерстяныхъ одѣялъ, 10 кусковъ ситцу и 20 пакетиковъ киновари-вермильону, краски, чѣмъ дикари красятъ себѣ лицо.

22-го мая 1862 года мною было получено слѣдующее предписаніе:

— „Получивъ подробныя свѣдѣнія объ открытіи золотыхъ розсыпей по рѣкѣ Стахину и о стеченіи туда иностранцевъ-золотоискателей, — возлагаю на васъ нижеслѣдующее порученіе:

1) Принявъ отъ порта 10 человѣкъ служителей компаніи и шлюпку, отправьтесь съ ними колошенскими проливами къ устью р. Стахинъ, по при

[1]) Я былъ стипендіатомъ Главнаго правленія россійско-американской компаніи и, по окончаніи курса въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ въ 1860 году, немедленно былъ отправленъ туда кругомъ свѣта на службу. Родился же я въ Калифорніи, селеніи Россъ, въ заливѣ Бодега Это селеніе до 1839 года также принадлежало Россіи. Мы тамъ сѣяли пшеницу, а американцы нашли громадныя залежи золота. Теперь тутъ, по близости, богатѣйшіе города Санъ-Франциско и Сакраменто. А.

бытіи куда передайте шлюпку колошенскому тоену [1]) на сохраненіе и купите колошенскій батъ, на которомъ должны вы подняться вверхъ по рѣкѣ Стахинъ къ тому мѣсту, гдѣ въ настоящее время находятся партіи золотоискателей.

2) По прибытіи къ мѣсту узнайте всѣ постановленія, которыя существуютъ и могутъ быть между промышленниками, и соблюдайте ихъ въ точности, избѣгая тѣмъ всякихъ столкновеній.

3) Выберите мѣсто поодаль отъ иностранцевъ и приступите немедленно къ промывкѣ золота, которую продолжайте какъ только возможно долѣе, имѣя въ виду, что вы должны возвратиться въ Ситху съ командой своими средствами, безъ всякой помощи отъ порта.

Во время слѣдованія вашего къ мѣсту назначенія выбирайте для ночлеговъ преимущественно отдѣльные острова, дабы тѣмъ оградить себя отъ нападеній дикарей врасплохъ; имѣйте постоянно часоваго, который долженъ быть поставленъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ палатки и по тому направленію, съ котораго можно ожидать нападенія.

Во время жительства на пріискахъ имѣйте также часоваго, ибо, не говоря уже о дикаряхъ, партіи золотоискателей есть выжиги всѣхъ націй, которые не упустятъ случая обокрасть васъ.

Какъ только представится возможность имѣть свѣжую провизію, продовольствуйте команду и главное заботьтесь о здоровьи [2]) ввѣренныхъ вамъ людей, потому что отъ сего послѣдняго зависитъ успѣхъ экспедиціи вашей; съ этою цѣлію не дозволяйте командѣ спать на голой землѣ и заставляйте ихъ просушивать платье послѣ ненастья.

Для поощренія къ работѣ назначенныхъ въ распоряженіе ваше людей, обѣщайте имъ десятую часть изъ заработанныхъ ими пріисковъ золота; вамъ же, какъ руководителю, я назначаю въ вашу пользу восьмую часть изо всей заработки.

По невозможности предвидѣть все, что можетъ встрѣтиться, я предоставляю вамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію сообразно обстоятельствамъ, будучи увѣренъ, что нашелъ въ васъ человѣка благоразумнаго и смѣлаго—два качества, необходимыя въ начальникѣ, для успѣха въ подобныхъ экспедиціяхъ. Главный правитель колоній капитанъ 1 ранга Фуругельмъ. Секретарь Кошкинъ".

Получивъ это предписаніе и вооружившись какъ самъ, такъ и команда винтовками и револьверами, мы послѣ прощаній и напутственнаго молебствія отправились, 4 іюня 1862 года, въ экспедицію.

Необходимо замѣтить, что всегда, когда по какимъ бы то ни было надобностямъ приходилось посѣщать колоніальные проливы, администрація снаряжала пароходъ подъ командою флотскаго офицера при приличной обстановкѣ, состоящей изъ воинской

---

[1]) Одинъ изъ представителей аристократіи дикихъ.

[2]) Со мной была аптечка съ самыми необходимыми лекарствами. А.

команды и внушительныхъ орудій и конгревовыхъ ракетъ. Настоящая же экспедиція подъ моей командой впервые отправилась, справедливо говоря, при мизерной обстановкѣ, на авось, будь что будетъ.

Путь нашъ лежалъ проливами Малымъ и Большимъ Погибшими, Чатамъ, Кековскимъ, Дюка-Кларенсъ и Стахинскимъ. Во всѣхъ этихъ проливахъ рыщутъ дикари для рыбной ловли, сушки рыбы, посѣщенія другъ друга и проч. Понятно, что байдара наша на веслахъ, при путномъ вѣтрѣ, подъ парусами, подъ флагомъ Россійско-американской компаніи [1]), производила на колошъ своего рода впечатлѣніе. Одни удивлялись, другіе боялись, третьи намѣревались ограбить, четвертые радовались появленію русскихъ совершенно запросто. До селенія Кеку я никуда не заѣзжалъ, останавливаясь ночевать, гдѣ Богъ велѣлъ.

Селеніе Кеку, въ которое мнѣ необходимо было завернуть для покупки бата, расположено на пересѣченіи проливовъ Чатама и Фридрихзунда. Съ этого мѣста начался рядъ безпокойныхъ ночей и разныхъ тревожныхъ сценъ. Въ ночь, предъ вступленіемъ на широкую водную площадь пролива Чатамъ, дикари начали давать намъ чувствовать, что мы въ дикой враждебной сторонѣ. Съ умысломъ или безъ умысла они начали пріучать меня къ свисту пуль, пролетавшихъ около нашего ночлега. Само собою разумѣется, что первая же здѣсь ночь проведена была безъ сна. На утро, перекрестившись на всѣ четыре стороны, мы начали переплывать проливъ, шириною до 12 миль. Спустя нѣкоторое время, снова начались выстрѣлы по нашей байдарѣ,—тогда я приказалъ толмачу прокричать показавшимся вновь кековцамъ, что мы русскіе, развѣ они не видятъ флага. Дѣйствительно, эта мѣра произвела свое дѣйствіе. Гребля была остановлена, паруса убраны; къ намъ подъѣхало на двухъ батахъ человѣкъ до 30-ти кековцевъ. Поздоровавшись и попотчивавши ихъ ромомъ и сухарями, я спросилъ, что означаютъ ночные и настоящіе выстрѣлы. Они въ отвѣтъ извинились, заявивши, что они никакъ не думали, что мы русскіе, что они привыкли видѣть русскихъ, ѣдущихъ на пароходѣ, что приняли насъ за англичанъ или французовъ, которыхъ они ненавидятъ за ихъ жестокое обращеніе съ ними,

[1]) Русскій купеческій съ двуглавымъ орломъ на бѣлой полосѣ. А.

а потому они и стрѣляли. Оставшись довольны переговорами и разставаясь съ ними, мы направились въ самое селеніе. Снова недоразумѣніе. На берегу стоитъ малюсенькая крѣпостца. Это есть не что иное, какъ досчатый срубъ или большой ящикъ, въ которомъ понадѣланы дыры, изъ которыхъ торчали концы ружейныхъ стволовъ. Снова приказываю объявить толмачу, чтобы они не смѣли стрѣлять, не боялись бы насъ, потому что мы русскіе и плывемъ въ Стахинъ въ гости. Подойдя къ крѣпостцѣ и вышедши на берегъ, мы были встрѣчены всѣми живущими въ селеніи, которыхъ числомъ было не болѣе ста человѣкъ. На мой вопросъ, гдѣ же остальные жители, получилъ отвѣтъ, что всѣ уѣхали въ лѣтникъ, т. е. лѣтнее пребываніе въ мѣстѣ, богатомъ рыбою и удобномъ для приготовленія юколы, т. е. сушеной рыбы. Угостивши главныхъ тоеновъ ромомъ, а тоеншъ чаемъ съ сухарями, направились далѣе въ сказанный лѣтникъ. Путь лежалъ кековскимъ проливомъ, по которому изъ европейцевъ никто не проходилъ, развѣ только мореплаватель Кукъ. Проливъ этотъ настолько мелководенъ, что ежечасно приходилось выскакивать за бортъ, чтобы протаскивать свою байдару. Птицъ въ этомъ проливѣ видимо-невидимо. Если при вѣткѣ громадная стая поднималась къ перелету, то мы буквально были засыпаемы пухомъ. Птицы разныя: гуси, утки, гагары, куропатки, рябчики, вороны. Изъ Кековскаго пролива мы вступили въ проливъ Дюка-де-Кларенсъ, на пересѣченіи котораго съ Стахинскимъ проливомъ и находился лѣтникъ. Здѣсь мы остановились ночевать; утромъ я купилъ большой батъ за товаръ, спеціально для того взятый, съ придачею одного ведра рому. Я сказалъ „ночевать“ въ смыслѣ дежурства ночью, спать же было нельзя и довольно рискованно, такъ какъ кековцевъ было нѣсколько сотъ человѣкъ. Остался же я здѣсь силою обстоятельствъ, не зная мѣстныхъ условій убыли воды. Оказалось, что вслѣдъ за нашимъ прибытіемъ вода начала убывать настолько скоро и сильно, что наша посудина осталась на верху какъ бы на краю пропасти. Убыль была слишкомъ 25 футъ. Купивши батъ и взявши его на буксиръ, мы признали за лучшее перебраться на другую сторону пролива, для осмотра и исправленія покупки.

Всѣ эти дни шелъ проливной дождь, промочившій насъ до мозга костей.

Толмачъ Павелъ, принявшій православіе еще въ дѣтствѣ, говоритъ мнѣ: „я попробую пошаманить, авось будетъ ясно". „Шамань, сколько угодно", отвѣчаю ему. Онъ беретъ винтовку, убиваетъ на лету какую-то птицу, треплетъ ее, напѣвая что-то по дикарски. Въ это время вѣтеръ перемѣнился и быстро появившееся ясное солнышко согрѣло и высушило насъ. Надо замѣтить, штука эта мнѣ стоила не мало хлопотъ; въ моей экспедиціонной семьѣ произошелъ религіозный диспутъ, который я едва прекратилъ, проклиная свое разрѣшеніе на шаманство.

Приспособивши купленный отъ кековцевъ батъ и буксируя его, мы поплыли при прекрасной погодѣ и попутномъ вѣтрѣ Стахинскимъ проливомъ. На вторыя сутки предъ нами открылся громадный заливъ, на берегу котораго расположено селеніе Стахинъ (бывшій русскій фортъ св. Діонисія); здѣсь жило самое богатое, сильное, многочисленное и воинственное изъ всѣхъ племенъ, населявшихъ архипелагъ. При видѣ насъ, тотчасъ было замѣтно на берегу особое движеніе. Надо прибавить, что племя это, благодаря частому посѣщенію его англичанами, было достаточно развито. Увидавъ на кормѣ моей байдары флагъ Россійско-американской компаніи, они нашли необходимымъ принять насъ какъ добрыхъ сосѣдей и гостей. Въ разстояніи версты уже начался салютъ, но не холостой, какъ принято у образованныхъ народовъ, а свинцовый. Дѣлать было нечего, приходилось отвѣчать и я приказалъ салютовать изъ 10-ти винтовокъ тоже пулями. Подъѣхавши къ берегу, я отрапортовалъ, что мы за люди, зачѣмъ прибыли и что намѣрены дѣлать. Отобравъ отъ моей команды оружіе и перевязавъ его веревками изъ древесныхъ корней, стахинцы пригласили меня и команду пожаловать на обѣдъ къ ихъ главному анкау, т. е. военачальнику, по имени Шекшъ. Господинъ этотъ, представлявшійся на видъ столѣтнимъ старцемъ и и къ тому же слѣпцомъ, одѣтъ былъ въ миткалевыя рубаху и кальсоны, имѣя поверхъ накидку, состоявшую изъ синяго шерстянаго одѣяла, окаймленнаго краснымъ сукномъ. Не могу забыть его характерной бороды изъ трехъ длинныхъ волосковъ. Теперь, когда читаешь или слышишь о трехъ бисмарковскихъ волоскахъ на головѣ, я всегда вспоминаю почтеннаго Шекша. Хотя общаго тутъ ничего нѣтъ, тѣмъ не менѣе вспоминается. Приняты мы были въ барабарѣ, т. е. домѣ, въ которомъ жилъ военачальникъ

НОВОАРХАНГЕЛЬСКЪ

1863.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

со своимъ семействомъ. Мнѣ подали старое кресло, а командѣ длинныя скамейки. Началось угощеніе. Я, какъ русскій анкау, и Шекшъ, какъ индѣйскій, въ знакъ равенства, должны были пить виски [1]) изъ одного стакана. Хотя и было мнѣ тошнехонько, смотря какъ старый слѣпецъ слюнявилъ стаканъ, но дѣлать было нечего, надо было показывать дружественныя отношенія. Команда же пила изъ общей чаши, представлявшей собой кострюлеобразную коробку, плотно сотканную изъ древесныхъ корней, называемую ишкатъ. Меню обѣда: нура или сушеная черная морская капуста и рисовая каша, очень любимая дикарями. Результатомъ такого угощенія было то, что моя команда напилась до положенія ризъ.

Пока команда отдыхала, я съ толмачемъ отправился осматривать Стахинъ и дѣлать визиты, между прочимъ, къ молодому Шекшу, наслѣднику стахинскаго князя, племяннику старика съ трехволосной бородой. У дикарей управленіе селеніемъ, за смертію владѣтельнаго князя, переходитъ не къ сыну, а къ старшему племяннику.

Молодой Шекшъ принялъ меня любезно и, узнавъ о цѣли моего путешествія, напросился сопровождать меня вверхъ по рѣкѣ, т. е. быть лоцманомъ. При прощаніи съ нимъ мы условились отправиться на другой день. Не тутъ-то было. Оригинальное обстоятельство задержало насъ на два дня. Получилось извѣстіе, что въ селеніи Кайганъ умеръ родной братъ Шекша.

У сѣверо-американскихъ дикарей существуетъ обычай, что если кто изъ нихъ поѣхалъ въ гости или по торговымъ дѣламъ въ другое селеніе и тамъ умеръ, то голова покойника должна быть отправлена на родину, а тѣло сожжено на мѣстѣ смерти. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: тѣло брата Шекша было сожжено въ Кайганѣ, а голову кайганцы послали въ Стахинъ. Вотъ, въ ожиданіи этой-то головы мы и не могли пуститься въ дальнѣйшій путь.

Опишу церемонію похоронъ головы.

Голова была привезена на бату въ ящикѣ, называемомъ калугой. Встрѣчена она была съ большимъ почетомъ и салютомъ. По вынутіи изъ калуги, голова была принесена и положена на приготовленный костеръ; когда растопки и сухія вѣтви были зажжены, началось душу раздирающее пѣніе, скорѣе неописуемый

[1]) Американская водка

вой или что-то въ этомъ родѣ, при своеобразной пляскѣ шести женщинъ въ желтыхъ шелковыхъ платьяхъ. По сожженіи, зола была собрана въ кучку и уложена въ памятникъ, состоявшій изъ шкафика на четырехъ высокихъ столбахъ, врытыхъ въ землю.

Поминки заключались въ измельченіи оставшагося имущества, изъ шерстяныхъ одѣялъ, ситцу, миткалю, мѣдныхъ листовъ (тынъ) и даже муслину, раздѣлѣ между земляками и родственниками этого добра и, въ концѣ концовъ, въ выпивкѣ до чертиковъ, потому что вечеромъ стахинцы, подъ вліяніемъ поминокъ, начали стрѣлять пулями куда попало и тѣмъ лишили насъ возможности подышать чистымъ воздухомъ.

Ночью меня будитъ мой толмачъ и говоритъ, что молодой Шекшъ проситъ пороху. Зачѣмъ? Салютовать при удушеніи 1 женщины и 2 мужчинъ, которые яко-бы должны сопровождать покойнаго на тотъ свѣтъ и тамъ исполнять роль прислуги. Позвалъ къ себѣ Шекша и, насколько съумѣлъ, убѣдилъ его, что онъ не имѣетъ никакого права распоряжаться чужою жизнью вообще и въ данномъ случаѣ въ особенности, что покойнику не нужна прислуга, что христіане этого не дѣлаютъ, однимъ словомъ, своею проповѣдью настолько повліялъ на умъ и сердце просителя пороха, что, повидимому, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, процесса удавленія не должно было послѣдовать. „Хорошо, сказалъ молодой Шекшъ, я согласенъ, но что скажутъ старшины?“ Дѣйствительно, часа черезъ два снова приходитъ Шекшъ и заявляетъ, что старшины уступаютъ мнѣ въ томъ, что не будутъ давить трехъ человѣкъ, а одного непремѣнно, причемъ Шекшъ сказалъ мнѣ, что если я не соглашусь, то стахинцы, во всякомъ случаѣ, совершатъ обрядъ, и непремѣнно, надъ тремя существами, такъ сказать, на зло мнѣ, но если они просятъ какъ бы дозволенія на удавленіе одного человѣка, то, по полученіи моего согласія, они исполнятъ свое слово и тѣмъ, по ихъ мнѣнію, имъ будетъ казаться, что они сдѣлали для меня большое одолженіе. Положеніе мое было, въ высокой степени, непріятное,—отправился на золотые пріиски, а тутъ разрѣшай вопросъ объ отнятіи жизни у человѣка. Подумавъ, что лучше спасти двухъ человѣкъ, нежели, оказавши сопротивленіе, разсердить стахинцевъ и тѣмъ заставить задавить троихъ, я началъ упрашивать, что ужъ если надо задавить кого нибудь, то пусть давятъ только не молодаго, а кого нибудь изъ очень старыхъ

или безнадежно больныхъ. Выборъ палъ на одну старуху, лѣтъ 80-ти, которую на другой день утромъ и задушили.

По окончаніи такого прискорбнаго обряда, молодой Шекшъ объявилъ мнѣ, что онъ теперь свободенъ, почему мы и порѣшили отправиться на завтра въ рѣку Стахинъ, причемъ просилъ, чтобы въ наступающую ночь я дозволилъ себя пошаманить для благополучнаго плаванія. Надо сознаться, что, поживши между дикарями, я какъ будто и самъ началъ дичать, почему и изъявилъ свое согласіе, съ большимъ интересомъ ожидая вечера.

Въ 11-мъ часу вечера меня потребовали къ шаману, живущему въ такой же барабарѣ, какъ и остальные дикари. По срединѣ барабары горѣлъ маленькій костеръ, въ четырехъ углахъ висѣли бубны, напоминающіе наши литавры. Когда меня усадили на скамейку, начались удары въ бубны при дикомъ пѣніи какихъ-то молитвъ и вытрясеніи почти двухъ корзинъ птичьяго пуху. Пухъ этотъ, разлетаясь по барабарѣ, садился на меня и залѣзалъ мнѣ въ ротъ, уши, глаза, что было крайне непріятно. Странное и отчасти страшное пѣніе продолжалось часа два. Затѣмъ птичьими крыльями смахнули съ моего лица пухъ и надѣли на шею и обѣ руки плетеные вѣночки изъ корней. Этимъ окончился обрядъ шаманства, причемъ молодой Шекшъ сказалъ, что шаманъ желаетъ мнѣ счастливаго пути.

Утромъ рано двинулись мы въ рѣку Стахинъ.

Въ устьѣ мы встрѣтили человѣкъ до ста золотоискателей разныхъ племенъ и нарѣчій, копошившихся на берегу съ своими лодченками, на которыхъ имъ приходилось подыматься вверхъ. Тутъ же стоялъ пароходъ William Moor, пришедшій изъ порта Симсонъ, принадлежавшій Гудзонбайской компаніи и привезшій пассажировъ, газеты и провизію. Когда я спросилъ капитана парохода стоитъ ли подыматься, есть ли золото, онъ мнѣ показалъ стакановъ шесть, наполненныхъ золотомъ, увѣряя, что это стахинское золото. Впослѣдствіи оказалось, что это была своего рода приманка, пріохочиваніе къ подъему. Ему, какъ купцу, выгодно было побольше ртовъ въ мѣстѣ розсыпи, такъ какъ у него были устроены тамъ магазины съ водкой и закуской; показываемое же имъ золото было изъ рѣки Фрезеръ.

Много ли, мало ли золота, мнѣ, во всякомъ случаѣ, надо было ѣхать. Устье рѣки очень широкое, входъ въ рѣку живописный

и величественный. Вся рѣка протекаетъ между двухъ рядовъ горъ; быстрота большею частію доходила до 10 узловъ теченія, т. е. до 17 футъ въ 1 секунду. Мы плыли, гребя десятью веслами, съ большимъ трудомъ, мѣстами поднимались посредствомъ отнесенія троса или толстой веревки изъ манильской пеньки впередъ, привязывая ее за дерево и затѣмъ притягиваясь по ней къ дереву и т. д. Въ рѣкѣ, имѣющей, какъ вообще всѣ золотоносныя рѣки, молочный видъ, водится вкусная рыба въ родѣ нашей лососины, по берегамъ рыщетъ много черныхъ медвѣдей, въ лѣсахъ громадное количество рябчиковъ и куропатокъ. По правому берегу встрѣчаются красивые глечеры, на лѣвомъ же берегу горячіе ключи. На девятый день подъема мы подошли къ самому опасному мѣсту въ рѣкѣ—водяному порогу или возвышенію. Иностранцы, большею частію, за извѣстную плату, проходили это мѣсто на буксирѣ парохода, у меня же денегъ не было, слѣдовательно, въ силу такого обстоятельства надо было рѣшиться броситься на веслахъ; на бичевой невозможно было, потому что порогъ окаймленъ двумя совершенно отвѣсными скалами; длина этого порога до полуверсты, ширина 20—30 саж. Мы пустились въ порогъ налегкѣ, такъ какъ провизія была нами предварительно перенесена черезъ горы, по ту сторону порога.

Съ помощью Бога намъ удалось благополучно переплыть это страшное мѣсто. До нашего прохода какъ здѣсь, такъ и въ рѣкѣ, погибло нѣсколько золотоискателей, только кресты тамъ и сямъ были нѣмыми свидѣтелями преждевременной гибели искателей приключеній.

На тринадцатый день я достигъ розсыпей и какъ всякій вновь прибывающій занялъ на счастье первое попавшееся удобное мѣсто на берегу рѣки. Раскинута была палатка и на другой день приступили къ устройству приспособленій для промывки; надо было устроить, по крайней мѣрѣ, два вашгердика для промывки земли, лежащей близь береговъ, такъ какъ въ самыхъ берегахъ золота не было. Изъ полученнаго чернаго песку или шлиха, амальгамаціоннымъ путемъ, т. е. при посредствѣ ртути, приходилось вылавливать золотыя песчинки. Это дѣлается у американцевъ такъ: берется желѣзная сковорода или лучше тазъ съ наклонными стѣнками, кладется вымытый шлихъ и чрезъ замшу по верху песка прыскается ртутью. Мельчайшія частички ртути, при трясеніи сковороды, благодаря своему вѣсу, стараются

добраться до дна сковороды, увлекая или растворяя встрѣчающееся на пути мучнистое золото. Надо замѣтить, что эта трудная работа производилась, сидя на корточкахъ у воды, такъ какъ при трясеніи сковороды необходимо, по мѣрѣ осажденія золотой амальгамы, водою сливать шлихъ вонъ въ рѣку. Вотъ такимъ способомъ иностранцы добываютъ себѣ золото во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Тихій океанъ въ С. Америкѣ. Оставшаяся на днѣ сковороды золотая амальгама прожимается чрезъ замшу и образовавшійся мягкій бѣлый кусочекъ нагрѣваютъ на желѣзномъ листѣ, ртуть улетаетъ, кусочекъ желтѣетъ и получается, наконецъ, золото. Команда моя занималась промывкой земли, а я собственно улавливаніемъ ртутью золота. Работа продолжалась 4 дня и добыто было до 10-ти золотниковъ золота. На четвертый день вода въ рѣкѣ поднялась и затопила розсыпь.

Вышло, что мы здѣсь погостили, отдохнули, на людей посмотрѣли и себя показали. Приходилось возвращаться, что и исполнено на другой день.

Какъ выше упомянуто, мы достигли, при трудной греблѣ, розсыпей въ 13 дней, работая по 12 часовъ, т. е. въ 156 часовъ, спустились же въ шестнадцать часовъ. Вотъ какая быстрая рѣка.

Въ Стахинѣ свирѣпствовала страшная оспа (petite vérole), отчаяніе стахинцевъ было полное, къ тому же умеръ старикъ Шекшъ, горячо любимый своими подданными. Когда онъ страдалъ сильною ломотою въ спинѣ, то проѣзжавшій англійскій докторъ далъ ему втираніе (нашатырный спиртъ съ вератриномъ, какъ мнѣ потомъ разсказывали). Старику бы надо было втирать, а родные посовѣтовали принять ему внутрь. Ясно, что онъ умеръ и тогда дикари, полагая, что англичане его отравили, поклялись мстить всѣмъ бѣлымъ. Надо было представить наше положеніе; нежданно, негаданно попали въ кавардакъ. Дно у байдары нашей было уже пробито и намъ было подсказано молодымъ Шекшемъ, который очень полюбилъ меня, чтобы мы были осторожнѣе и какъ можно скорѣе убирались. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ! Пока чинили байдару, заболѣла чѣмъ-то молодая жена Шекша. Онъ, зная и видя, что я лечилъ свою команду отъ запоровъ и тому подобныхъ болѣзней, упросилъ вылечить и его жену. Лечить любимую жену только что вступившаго въ управленіе Стахиномъ повелителя, въ такое смутное время, было дѣломъ не легкимъ. Ничего не понимая въ діагнозѣ, но предполагая,

что женщина эта тоже жертва оспы, и положительно не зная чѣмъ ее лечить, да къ тому же въ моей аптекѣ, по преимуществу, были только рвотныя, слабительныя да потогонныя средства, я натолкнулся на сушеную малину и началъ лечить отъ простуды, командѣ же приказалъ сколь возможно скорѣе чинить байдару. Заваривъ покрѣпче малины, я напоилъ ею больную и велѣлъ на ночь накрыть ее нѣсколькими одѣялами. Утромъ мы были готовы къ отплытію, а у больной выступили на всемъ тѣлѣ прыщики. Я, надо сознаться, перепугался, но не потерялся. Увѣривъ Шекша, что жена спасена, брагодаря скоро выступившимъ прыщамъ, лишь бы она не выходила изъ барабары, и простившись съ стахинцами, я поплылъ тѣми же проливами обратно. Паціентку свою я видѣлъ два года спустя совершенно здоровою, но лицо ея было достаточно испорчено оспою.

По возвращеніи въ портъ Ново-Архангельскъ мною былъ представленъ слѣдующій рапортъ:

„Господину главному правителю россійскихъ колоній въ Америкѣ капитану 1-го ранга Ивану Васильевичу Фуругельму.

Согласно предписанія вашего высокоблагородія, отъ 22-го мая 1862 г., принявъ отъ порта 10 человѣкъ команды, толмача и провизію, я отправился 4-го іюня сего года проливами на байдарѣ въ рѣку Стахинъ къ золотоноснымъ розсыпямъ. Въ половинѣ 9-го часа вечера, іюня 10-го, я прибылъ въ селеніе Кеку, гдѣ намѣревался купить батъ. Но такъ какъ здѣсь никого не было и встрѣтившіеся колоши сказали мнѣ, что всѣ разъѣхались по лѣтникамъ для заготовки провизіи, то я немедленно туда и отправился Кековскимъ проливомъ, оставя Фридрихзундъ и проливъ Врангеля влѣво. Въ полдень 12-го іюня, перейдя Стахинскій проливъ, прибылъ къ упомянутому лѣтнику и съ трудомъ купилъ батъ у здѣшняго старшаго тоена по имени Ткица. Купивъ батъ, отправился на другую сторону пролива для его починки и подготовки, на что употреблено два дня.

16-го іюня въ 3 часа пополудни прибылъ благополучно въ Стахинъ, гдѣ старшій тоенъ Куакетль Шекшъ принялъ насъ какъ нельзя лучше. По прибытіи сюда я немедленно распорядился вытащить байдару на берегъ, отдавъ ее подъ сохраненіе упомянутому тоену. На другой день я не могъ оставить селеніе, ибо лоцманъ просилъ повременить по своимъ дѣламъ.

18-го іюня, въ 11 часовъ утра, я отправился въ числѣ 13-ти человѣкъ со всей провизіей къ мѣсту назначенія. Съ 18-го по 27-е іюня прошли 130 миль по вычисленіямъ иностранцевъ-золотопромышленниковъ; на этомъ разстояніи отъ устья находится порогъ или узкія ворота до 20-ти сажень шириною—мѣсто очень опасное, по своей быстротѣ и водоворотамъ, почему раньше, чѣмъ пуститься въ эти ворота, я приказалъ перенести часть груза чрезъ горы для облегченія бата, что самое одобрилъ и лоцманъ. Хотя трудно было переходить чрезъ горы, но въ $2^1/_2$ часа я съ 8-ю человѣками спустился по ту сторону воротъ. Вернувшись назадъ, немедленно пустились на гребкахъ, — парусъ и бичевая невозможны. Иностранцы говорятъ, что неза-

долго до насъ потонули здѣсь двое, сорвавшись съ рулей. Въ продолженіе 1½ часа мы прошли это узкое мѣсто благополучно. На другой день пошелъ далѣе и 1-го іюля достигъ центра розсыпей. Здѣсь я встрѣтилъ промышленниковъ разныхъ націй. Особеннаго разговора съ ними не имѣлъ, — ихъ удивляло, что я скоро поднялся и мы русскіе были первые, которые поднялись вверхъ по рѣкѣ въ такое короткое время, т. е. въ 13 дней съ такимъ батомъ и грузомъ. Хозяева здѣшнихъ лавокъ утверждаютъ, что центръ розсыпи находится въ 165 миляхъ отъ устья.

Когда я спросилъ о богатствѣ и количествѣ добываемаго золота, то узналъ, что розсыпи довольно бѣдны и золото мелко, какъ мука (l'or est fin comme la farine), и что самые богатые участки даютъ до 5 дол. въ день. Тутъ же я узналъ, что открывшій золото въ р. Стахинѣ канадецъ T. Bog-Choquet отправился пѣшкомъ за вторыя ворота для отысканія настоящаго мѣсторожденія золота. Эти вторыя ворота гораздо опаснѣе первыхъ и никто еще изъ промышленниковъ не рисковалъ перейти ихъ. Получивъ такія грустныя свѣдѣнія, я поднялся еще выше и 2-го іюля занялъ мѣсто и утвердился на немъ. Здѣсь я командѣ далъ отдыхъ, приказалъ устроить баню изъ парусовъ и брезентовъ и починиться; самъ же наблюдалъ за ходомъ работы и за количествомъ золота, добываемаго сосѣдями, но видѣлъ, что работа не вознаграждала труда, и къ тому усмотрѣлъ, что мнѣ рѣшительно трудно было приступить къ промывкѣ, ибо не было ртути, раздѣлительныхъ чашекъ и проч. Это все такіе матеріалы, которые исключительно требуются здѣсь для промывки столь мелкаго золота, тогда какъ болѣе крупное ничего это не требуетъ. Продавъ собственное свое одѣяло, я купилъ одинъ фунтъ ртути и устроилъ 3 вашгердика, на которыхъ въ теченіи 4-хъ дней промылъ около 10 золотн. золота,—раздѣлительной чашкой пользовался отъ сосѣдей.

При такой обстановкѣ я все-таки хотѣлъ продолжать промывку нѣсколько дней, но вода начала прибывать и затопила розсыпь. Говорятъ, что самая малая вода бываетъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября.

Золото болѣе крупное находится за вторыми воротами или порогами. Число золотоискателей простирается до 400 человѣкъ, поднявшихся или на батахъ, или на пароходѣ. Всѣ эти неудачи и къ тому появившаяся оспа заставили меня вернуться обратно и 11-го іюля, въ 6 час. утра, я оставилъ розсыпи. 12-го числа, въ 2 ч. пополудни, прибылъ въ Стахинъ, гдѣ оспа уже была въ своей силѣ, почему я, продавъ батъ иностранцамъ, какъ можно скорѣе спѣшилъ оставить селеніе и на другой день въ полдень отправился въ проливы.

Долгомъ считаю сообщить, что при продажѣ бата я разговаривалъ съ разными лицами и, между прочимъ, узналъ, что: 1) стахинскіе колоши производятъ убійства и грабежи на проходящихъ шкунахъ и иностранцы увѣряютъ, что колоши оправдываются тѣмъ, что они дѣйствуютъ по приказанію русскаго начальства,—которое, само собою разумѣется, не отдавало подобныхъ распоряженій, и, сдѣлавъ выговоръ тоену, строго наказалъ, что если еще они посмѣютъ сдѣлать что-либо подобное, то русское начальство приметъ мѣры для возстановленія порядка, и что стахинскіе колоши поплатятся за это дорого. 2) Иностранецъ по имени Alonzo Newell открылъ въ русскихъ владѣніяхъ въ селеніи Танкасъ золото и спрашивалъ меня, что можетъ ли онъ разрабатывать безъ вѣдома начальства, на что я ему сказалъ, что слѣдуетъ дать знать вашему высокоблагородію, почему онъ, узнавъ отъ

меня ваше имя, обѣщалъ увѣдомить васъ чрезъ губернатора въ Викторіи [1])

Кромѣ того, необходимымъ считаю также довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія, что во время посѣщенія Стахина всѣ колоши были постоянно пьяны и имѣли большіе запасы крѣпкихъ напитковъ, которые, какъ они сами говорили мнѣ, получаютъ отъ иностранцевъ въ какомъ угодно количествѣ.

20-го іюля, въ 4½ ч. пополудни, прибылъ въ портъ,—команда все время была здорова и все вообще было благополучно.

Образцы золота имѣю честь у сего приложить".

Въ маѣ слѣдующаго 1863 года прибылъ въ портъ Ново-Архангельскъ командовавшій Тихоокеанскою эскадрою адмиралъ А. А. Поповъ, который, послѣ переговоровъ съ главнымъ правителемъ колоній, предложилъ мнѣ, какъ уже знакомому со Стахиномъ, отправиться туда еще разъ.

7-го мая 1863 года я получилъ слѣдующее предписаніе:

„Предлагаю вамъ отправиться на корветѣ „Рында" въ Стахинъ для участія въ экспедиціи, имѣющей собирать свѣдѣнія о золотѣ, и затѣмъ возвратиться въ Ново-Архангельскъ, представивъ мнѣ подробныя свѣдѣнія какъ объ иностранцахъ, находящихся на Стахинѣ, такъ и о количествѣ добываемаго ими золота.

„Всѣ эти свѣдѣнія также имѣете вы представить прямо отъ себя, чрезъ С. Франциско, въ главное правленіе въ С.-Петербургъ.

„При васъ слѣдуютъ штурманъ Кадинъ и толмачъ Жуковъ, которые должны находиться въ распоряженіи г. командира корвета.

„На расходы ваши и г. Кадина по содержанію столомъ получите отъ ново-архангельской конторы нѣкоторое количество иностранной монеты.

„Главный правитель колоній, капитанъ 1-го ранга Фуругельмъ.—Секретарь Кошкинъ".

Плаваніе на корветѣ „Рында", благодаря любезному и товарищескому отношенію ко мнѣ командира и офицеровъ, вспоминается мною какъ одно изъ счастливыхъ и пріятныхъ періодовъ моей юности.

По возвращеніи въ Ново-Архангельскъ мною, 26 мая 1863 г., представлено было слѣдующее донесеніе:

„Вслѣдствіе инструкціи, данной мнѣ вашимъ высокоблагородіемъ, я отправился 7-го мая на военномъ корветѣ „Рында" въ Стахинъ для участія въ экспедиціи, куда прибыли 8-го мая вечеромъ.

---

[1]) Главный городъ англійскихъ колоній въ С. Америкѣ.

„По распоряженію г. командира корвета лейтенанта Басаргина (нынѣ контръ-адмиралъ и флагъ-капитанъ его императорскаго величества), 10-го мая экспедиція отправилась въ рѣку Стахинъ въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Первое отдѣленіе имѣло цѣлію достичь центра золотоносныхъ розсыпей и отобрать всѣ свѣдѣнія, могущія, въ какой бы то ни было степени, быть полезными для Россіи, и состояло изъ лейтенанта Перелѣшина, американскаго геолога Блэка и меня. Эта экспедиція отправилась на вельботѣ съ 6-ю гребцами и лоцманомъ-туземцемъ. Надо при этомъ сказать, что въ инструкціи, данной г-ну Перелѣшину, назначено всего 8 дней для подъема по рѣкѣ и по истеченіи этого времени вернуться назадъ, хотя и не достигнувъ розсыпей; при такой обстановкѣ я былъ почти вполнѣ увѣренъ, что мы не достигнемъ цѣли и свѣдѣній полезныхъ никакихъ не отберемъ, да и не отъ кого будетъ. Мои предположенія исполнились,—до мѣста не дошли, въ рѣкѣ никого не видали и въ довершеніе всего, при концѣ 8-ми дневнаго срока, потеряли прекраснаго матроса Сергѣева,—онъ утонулъ на глубинѣ не болѣе $4^1/_2$ футовъ, причина тому Богу извѣстна; впрочемъ, была назначена изъ гг. офицеровъ слѣдственная комиссія для разсмотрѣнія причины гибели матроса и я по требованію комиссіи тоже долженъ былъ представить записку о его смерти, какъ очевидецъ. По истеченіи срока мы вернулись въ 15 рабочихъ часовъ на корветъ. Изъ собранныхъ мною свѣдѣній отъ иностранцевъ, вернувшихся съ розсыпей или за болѣзнію, или изъ-за нечего дѣлать, видно, что разработка идетъ гораздо выше по рѣкѣ, нежели въ прошедшемъ году, что изъ 450 золотопромышленниковъ остались едва ли 70,—что количество добываемаго золота отъ 2 до 10 долларовъ въ день,—что, между прочимъ, найденъ самородокъ въ 9 долларовъ,—что партія, отправившаяся въ прошедшемъ году для розысканія кореннаго мѣсторожденія, еще не вернулась и свѣдѣній о ней никакихъ нѣтъ, — что всѣ предполагаютъ о богатствѣ розсыпей ближе къ истоку и что въ случаѣ чего будетъ открытъ туда болѣе удобный путь чрезъ Портландскій каналъ къ самому озеру, изъ котораго падаетъ рѣка. Эти вернувшіеся иностранцы въ числѣ 7 человѣкъ просили г. командира корвета принять ихъ пассажирами до Викторіи и С. Франциско, въ чемъ имъ не отказано; больнымъ подается медицинская помощь. Изъ этой поѣздки я увидѣлъ какъ въ прошедшемъ году была оживлена

рѣка, такъ въ нынѣшнемъ она мертва, нѣтъ лагеря у устья, нѣтъ парохода и шкунъ, нѣтъ никого въ рѣкѣ кромѣ птицъ и черныхъ медвѣдей. Чему приписать это, пока невозможно,—или бѣдности розсыпей, или неудобству плаванія по рѣкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ трудности доставлять провизію и товары. Конечно, если найдутъ богатыя золотыя мины, то этотъ ли путь, или предполагаемый новый снова оживутъ и число золотопромышленниковъ не будетъ уменьшаться, а возрастать до тысячъ; мы видѣли примѣры въ Калифорніи и Австраліи.

„Второе отдѣленіе экспедиціи имѣло цѣлію исправить карту, черченную когда-то, до границы, отдѣляющей русскія владѣнія отъ англійскихъ, а также для отобранія всевозможныхъ свѣдѣній. Оно состояло изъ лейтенанта Бурачка и прапорщика корпуса штурмановъ Бутыркина и отправилось на 10-ти весельномъ катерѣ. Имъ дано сроку 14 дней. Результатомъ было то, что опись рѣки пришлось дѣлать съизнова, потому что карта, по словамъ ихъ, вовсе никуда не годится, направленіе рѣки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не то; глубина поставленная ни съ чѣмъ не сообразна, такъ на мѣстѣ 3-хъ саженъ въ настоящее время всего $2^1/_2$ фута; почему составляется новая карта, которая будетъ представлена въ департаментъ.

„Третье отдѣленіе экспедиціи имѣло цѣлію описать самое устье рѣки Стахинъ и состояло изъ прапорщика корпуса штурмановъ Дуркина и вольнаго штурмана Кадина. Порученіе исполнено вполнѣ и карта тоже готова къ отсылкѣ въ департаментъ. Какъ эту карту, такъ и глазомѣрную, составленную г. Глэкомъ, г-нъ Кадинъ будетъ имѣть честь представить вашему высокоблагородію.

„Касательно стахинскихъ колошъ честь имѣю донести, что они, попрежнему, имѣютъ у себя водку и проводятъ время въ пьянствѣ,—это говорили мнѣ иностранцы, принятые на корветъ, и кромѣ того, я самъ видѣлъ въ селеніи пьяныхъ. Надо полагать, что водку имъ доставляютъ иностранцы.

„Недалеко отъ якорнаго мѣста корвета на берегу поставленъ памятникъ матросу Сергѣеву, состоящій изъ пирамиды съ крестомъ въ ея вершинѣ.

„24-го мая 1863 г. утромъ оставили Стахинъ и на другой день вечеромъ прибыли въ портъ Ново-Архангельскъ благополучно“.

П. П. Андреевъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Новыя изданія его сочиненій

съ января по августъ мѣсяцы 1887 г. [1]).

29-го января 1887 г. окончился срокъ литературной собственности на сочиненія Пушкина, и сразу, въ первые же дни, появилось нѣсколько полныхъ изданій Пушкина, которыя заранѣе готовились къ этому сроку. Очень характерно для книжниковъ обѣихъ столицъ то обстоятельство, что сначала изданія эти появились лишь въ Петербургѣ, въ Москвѣ же къ сроку не вышло ни одного полнаго собранія сочиненій Пушкина, а затѣмъ, когда поразительный успѣхъ петербургскихъ изданій выяснился, въ Москвѣ послѣдовали одно за другимъ пять изданій: это показываетъ отсутствіе предпріимчивости и вмѣстѣ сильную степень спекуляторства у московскихъ издателей. Ниже мы увидимъ, что по существу и характеру самыхъ изданій сравненіе тоже не къ выгодѣ москвичей. Здѣсь я пока не говорю о школьномъ изданіи Пушкина, подъ редакціей Л. И. Поливанова, появившемся въ Москвѣ (первыхъ два тома) къ 29-му января.

Въ два-три дня вышло сразу пять изданій Пушкина, всего, по крайней мѣрѣ, до 40 тысячъ экземпляровъ. За ними послѣдовали еще и еще новыя изданія. Въ три мѣсяца на книжномъ рынкѣ появилось всего болѣе 150,000 (можетъ быть, и всѣ 200,000) экземпляровъ собраній сочиненія Пушкина въ разныхъ изданіяхъ, и до сихъ поръ число ихъ все растетъ и растетъ. И это кромѣ отдѣльныхъ изданій изъ Пушкина, экземпляры которыхъ должны считаться милліонами. Всѣ эти изданія отлично раскупались и раскупаются.

«Памятникъ нерукотворный», созданный Пушкинымъ, его безсмертныя

---

[1]) Краткіе отзывы о новыхъ изданіяхъ Пушкина были напечатаны мною въ № 115 „Русскихъ Вѣдомостей“ изд. 1887 г. В. Я.

произведенія широко распространятся теперь «по всей Руси великой». Но это только еще половина дѣла, тутъ еще является важный вопросъ, въ какомъ видѣ распространяются сочиненія Пушкина.

Мало того, что сочиненія Пушкина выходятъ въ многочисленныхъ дешевыхъ изданіяхъ, это, конечно, важно, но въ этомъ нѣтъ большой заслуги со стороны издателей: низкая цѣна объясняется конкурренціей, и при томъ даже при такой низкой цѣнѣ издатели все-таки имѣютъ очень достаточный барышъ. Итакъ, многочисленность общедоступныхъ изданій не представляется никакой заслугой: издатели при этомъ обязаны, главнымъ образомъ, позаботиться о достоинствѣ текста,—въ этомъ состоитъ наиболѣе важная и наиболѣе трудная сторона задачи. Изданій Пушкина много, каковъ-же текстъ ихъ?

Прежде всего остановимся на общихъ требованіяхъ, какія мы должны предъявлять къ изданіямъ Пушкина; эти требованія могутъ быть выражены двумя словами: полнота и точность. Къ достиженію обоихъ этихъ необходимыхъ качествъ въ изданіяхъ Пушкина—ведутъ одни и тѣ-же средства; 1) самостоятельное ознакомленіе со всѣми извѣстными рукописями поэта и 2) самостоятельное ознакомленіе со всѣми изданіями сочиненій Пушкина, какъ напечатанныхъ при жизни поэта, такъ и тѣхъ, которыя впервые или же въ дополненномъ видѣ явились послѣ его смерти: при этомъ я разумѣю, конечно, не только отдѣльныя изданія Пушкина, но и тѣ его произведенія или дополненія къ нимъ, которыя печатались по альманахамъ и по журналамъ, а также въ отдѣльныхъ монографіяхъ.

Главное собраніе рукописей Пушкина хранится теперь въ Москвѣ въ Румянцовскомъ музеѣ: тутъ находится больше тридцати черновыхъ тетрадей поэта, заключающихъ болѣе 2,000 писанныхъ листовъ подлиннаго текста, не говоря о копіяхъ, исправленныхъ Пушкинымъ. Изъ всѣхъ новыхъ изданій, о которыхъ я собираюсь говорить, только одно, редактированное П. О. Морозовымъ, пользовалось этими рукописями, и я укажу подробности этого ниже, говоря объ изданіи г. Морозова; а теперь остановлюсь нѣсколько на томъ значеніи, какое имѣетъ прежній печатный пушкинскій текстъ.

При жизни Пушкина многія его произведенія печатались по нѣскольку разъ, при чемъ Пушкинъ иногда дѣлалъ въ послѣдующихъ изданіяхъ поправки и измѣненія: такимъ образомъ, подлинный печатный Пушкинскій текстъ (буду такъ называть произведенія, напечатанныя при жизни поэта) даетъ не только окончательную редакцію того или другаго стихотворенія, но и варіанты къ нимъ. Надо прибавить, что между стихотвореніями Пушкина, напечатанными при его жизни, почти двѣ трети такихъ, рукописи которыхъ до насъ не дошли, что еще болѣе, конечно, увеличиваетъ значеніе подлиннаго печатнаго Пушкинскаго текста. Этотъ текстъ долженъ быть теперь внимательно изучаемъ всякимъ издателемъ (т. е. редакторомъ) сочиненій Пушкина, какъ составляющій ихъ первую и главную основу. Какъ ни важно изученіе рукописей

поэта (тѣмъ болѣе, что онѣ еще не исчерпаны), но изученіе подлиннаго печатнаго текста Пушкина, какъ главной основы изданія, еще важнѣе, еще обязательнѣе. Издатель долженъ изучить всѣ печатныя Пушкинскія редакціи каждаго стихотворенія (если этихъ редакцій нѣсколько), выбрать изъ нихъ основную (т. е. обыкновенно наиболѣе позднее изданіе) и дополнить ее указаніемъ имѣющихся варіантовъ. Далѣе, такъ какъ очень многія піэсы Пушкина (по счету даже бо́льшая часть ихъ) напечатаны послѣ смерти поэта и иногда по рукописямъ, теперь уже неизвѣстнымъ, то значитъ, подобному же изученію надо подвергнуть и посмертный печатный текстъ Пушкина. Однимъ словомъ, критическое изданіе сочиненій Пушкина,—а всякое добросовѣстное полное изданіе его должно быть критическимъ, если не по отношенію къ варіантамъ, то по отношенію все-таки къ основному тексту, — критическое изданіе Пушкина должно прежде всего основываться на печатномъ Пушкинскомъ текстѣ, какъ по отсутствію рукописей для бо́льшей части произведеній Пушкина вообще, такъ и по тому важному и самостоятельному значенію, какое, повторяю, принадлежитъ подлинному печатному Пушкинскому тексту, т. е. тексту произведеній его, напечатанныхъ имъ самимъ или подъ его наблюденіемъ, принимая, понятно, при этомъ во вниманіе тѣ измѣненія, которыя дѣлались Пушкинымъ для печати изъ цензурныхъ или личныхъ соображеній и т. д.

Всѣ эти общія элементарныя правила изданій, конечно, уже давно хорошо извѣстны, всегда всѣми признавались, имъ старались слѣдовать по возможности всѣ редакторы изданій Пушкина: П. В. Анненковъ, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремовъ; я бы и совсѣмъ не остановился на такихъ старыхъ истинахъ, если-бы недавно въ одномъ журналѣ не было высказано удивительное непониманіе этихъ основныхъ правилъ: говоря объ изданіяхъ Пушкина, одинъ рецензентъ назвалъ безполезной Сизифовой работой изученіе печатнаго текста Пушкина, сличеніе «книги въ бо́льшую осьмушку съ книгою въ малую осьмушку»...

Этотъ удивительный взглядъ на дѣло серіозно проповѣдуется въ назиданіе будущимъ издателямъ.

I.

Петербургскія изданія.

1. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. Цѣна за семь томовъ шесть рублей.

Предисловіе объясняетъ намъ, что изданіе это имѣло первою цѣлью «представить по возможности полный и тщательно провѣренный текстъ произведеній великаго поэта». Что же было сдѣлано редакціею для достиженія этой цѣли, этихъ основныхъ требованій? Предисловіе сейчасъ же даетъ намъ отвѣтъ: «соотвѣтственно этой цѣли, редакціею просмотрѣны, исправлены и дополнены по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ и Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, всѣ его произведенія, впервые появившіяся въ печати послѣ его смерти».

Ниже я сдѣлаю оговорку о такомъ ограниченіи, но въ общемъ избранный пріемъ можетъ быть одобренъ. Посмотримъ же на его результаты.

Прежде всего, г. Морозовъ, занимаясь рукописями Пушкина, извлекъ изъ нихъ нѣсколько новыхъ, прежде незамѣченныхъ или неразобранныхъ вещей. Такъ, между прочимъ, имъ впервые были прочитаны въ рукописяхъ Публичной библіотеки: три стихотворенія, изъ которыхъ два—1) «Мнѣ васъ не жаль» и 2) «Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ»—важны для біографіи поэта и, не смотря на свою неотдѣланность, отличаются высокимъ художественнымъ значеніемъ. Есть и еще дополненія изъ рукописей Публичной библіотеки. Изъ рукописей Румянцовскаго музея г. Морозовъ извлекъ неразобранные раньше черновые наброски: «Въ рощахъ карійскихъ», «Мнѣ жаль великія жены» и «Еще одной высокой, важной пѣсни» (послѣднее стихотвореніе интересно по біографическимъ мотивамъ). Затѣмъ сдѣланы дополненія въ нѣкоторыхъ піэсахъ (напр., 4 стиха въ посланіи къ гр. О. и т. д.), въ многихъ стихотвореніяхъ, также какъ и въ прозѣ, сдѣланы новыя исправленія, новыя вставки. Нечего и говорить, конечно, что всѣ многочисленныя дополненія и поправки Пушкинскаго текста, которыя сообщены были раньше въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ», на основаніи рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ,—всѣ они (или почти всѣ) вошли въ изданіе г. Морозова и при томъ иногда съ существенными исправленіями. Такимъ образомъ, въ общемъ г. Морозову удалось извлечь изъ черновыхъ рукописей Пушкина значительныя дополненія и поправки,—въ этомъ главная заслуга разбираемаго изданія; но все-таки я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о способѣ, какой употребленъ г. Морозовымъ для пользованія рукописями.

Прежде всего надо сказать, что г. Морозовъ не выяснилъ намъ этого способа, не опредѣлилъ своего отношенія къ рукописямъ. Какъ онъ ими пользовался? что онъ бралъ изъ нихъ, что оставлялъ? исчерпалъ ли онъ ихъ? и хотѣлъ ли исчерпать? На такіе вопросы «Предисловіе» не даетъ прямаго отвѣта; читателю приходится самому доискиваться ихъ рѣшенія.

Г. Морозовъ объясняетъ только (это мѣсто предисловія приведено выше),—что онъ свѣрялъ съ рукописями и исправлялъ лишь тѣ произведенія Пушкина, которыя появились въ печати послѣ смерти поэта. Такого ограниченія, конечно, нельзя безусловно одобрить. Несомнѣнно, провѣрка по рукописямъ для посмертнаго Пушкинскаго текста важнѣе, чѣмъ для подлиннаго его печатнаго текста, но она имѣетъ значеніе и для послѣдняго: она даетъ намъ черновыя къ нему дополненія и варіанты, отмѣчаетъ самый процессъ творчества поэта, иногда даетъ поправки къ типографскимъ ошибкамъ и опечаткамъ. Самъ г. Морозовъ, однако, не держится точно выставленнаго ограниченія и, свѣряя иногда съ рукописью произведеніе, напечатанное самимъ Пушкинымъ, даетъ черновыя дополненія, напр., къ «Е. Онѣгину», къ «Кавказскому плѣннику», къ «Разбойникамъ». Но это не входитъ въ систему г. Морозова, и онъ не даетъ, напр., извѣстныхъ уже ранѣе дополненій къ «Борису Годунову» или къ мелкимъ піэсамъ: «Шишкову», «Безвѣріе», «Мечтателю» и т. д. Впрочемъ, мы точно также находимъ не всѣ извѣстныя дополненія при нѣкоторыхъ піэсахъ, напечатанныхъ послѣ смерти Пушкина, — напр., при «Русалкѣ», при «Галубѣ»; или еще: нѣсколько піэсъ, напечатанныхъ по смерти поэта, остались у г. Морозова неисправленными по рукописямъ, укажу для примѣра: «Къ Молодой вдовѣ», «Письмо къ Лидѣ», «Щербинину»; не вполнѣ исправлены: «Заздравный кубокъ», «Желаніе» и пр. То-же самое мы видимъ въ отдѣлѣ прозы, не вполнѣ, напр., исправлены: «Арапъ Петра Великаго», «Исторія села Горохина», «Египетскія ночи», или оставленъ безъ поправокъ «Русскій Пеламъ» и т. д. Благодаря такому неправильному пріему, допускающему неполное исправленіе текста, оказалась возможною слѣдующая курьезная ошибка. Въ піэсѣ «Осеннее утро» у Пушкина шестой стихъ съ конца прежде былъ: «стоитъ туманъ на волнахъ похладѣлыхъ»; такъ и напечатано въ посмертномъ изданіи. Но въ рукописи Пушкинъ поправилъ: «...на нивахъ пожелтѣлыхъ»; г. Морозовъ исправилъ лишь одно послѣднее слово и у него вышло: «Стоитъ туманъ на волнахъ пожелтѣлыхъ»... (I, 140)... Очень странное описаніе чистыхъ царскосельскихъ прудовъ! [1]).

Если г. Морозовъ не сдѣлалъ съ рукописями Пушкина всего, что должно

---

[1]) Такъ еще, въ посланіи „Моему Аристарху“, г. Морозовъ сдѣлалъ поправки по рукописи, но сохранилъ въ серединѣ піэсы (I, 108) рядъ точекъ, совершенно ненужныхъ и ошибочно допущенныхъ П. В. Анненковымъ.

В. Я.

было бы, все таки и сдѣланное имъ вполнѣ заслуживаетъ благодарности. Что касается до печатнаго Пушкинскаго текста, то, къ сожалѣнію, г. Морозовъ занялся имъ не такъ внимательно.

Выше уже говорено о необходимости всякому издателю Пушкина изучить подлинный Пушкинскій текстъ, оригинальныя его изданія: такой пріемъ безусловно обязателенъ, и въ этомъ отношеніи можно сдѣлать г. Морозову сильный упрекъ.

Подлинный печатный Пушкинскій текстъ долженъ быть положенъ въ основу критическаго изданія сочиненій Пушкина, и всякій издатель долженъ выяснить, оговорить свое отношеніе къ этому тексту. Г. Морозовъ этого не дѣлаетъ, и читатель опять долженъ самъ заключать объ этомъ отношеніи; къ заключенію же онъ можетъ придти къ такому: г. Морозовъ мало, недостаточно пользовался подлинными Пушкинскими изданіями, а въ основу своего изданія положилъ текстъ Ефремовскаго изданія 1882 г. Г. Морозовъ взялъ текстъ 1882 г., исправлялъ и дополнялъ его по рукописямъ, но недостаточно свѣрилъ его съ подлиннымъ печатнымъ текстомъ: если не всегда, то часто онъ повторилъ текстъ 1882 г., сохранивъ его ошибки. Приведу нѣсколько примѣровъ, не оставляющихъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. У г. Морозова (I, 337) въ «Андрей Шенье»: «поднялась вновь усталая сѣкира», а въ собственныхъ изданіяхъ Пушкина 1825 и 1829 гг.: подъялась; «Вакхическая пѣсня» (I, 344): «поднимемъ стаканы»..., изданіе 1829 г.: «подымемъ»; «Цыганы» (II, 97): «провожалъ сіи шатры», въ изданіи 1832 г.: «провождалъ»; всѣ эти неточности повторены г. Морозовымъ изъ изданія 1882 г. Или вотъ еще примѣръ, особенно характерный у г. Морозова, вслѣдъ за изданіемъ 1882 г., «Посвященіе Плетневу» (II, 56) помѣщено въ концѣ 1828 г. и помѣчено 29-го декабря 1828 г., а между тѣмъ въ подлинномъ изданіи оно помѣчено: 29-го декабря 1827 г.

Такое же повтореніе ошибокъ или опечатокъ изданія 1882 г. замѣчается и въ текстѣ крупныхъ произведеній. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ «Е. Онѣгина». Глава I, строфа LX, стихъ 10: «Плоды трудовъ своихъ отдамъ», а у Пушкина во всѣхъ изданіяхъ: «плоды трудовъ моихъ»... — Глава III, строфа XVIII, послѣдній стихъ: «И съ пѣньемъ въ церковь повели», у Пушкина: «Да съ пѣньемъ»...—Глава VI, строфа XXI, стихъ 12-й: «Такъ наша вѣрная подруга»,—у Пушкина: «Такъ ваша»...—Глава VII, строфа XVI, стихъ 13-й: «Мальчишки разгоняли псовъ»,—у Пушкина: «Мальчишки разогнали»... Той же главы въ строфѣ XXXIV совсѣмъ пропущенъ цѣлый стихъ 6-й: «Высокопарный, но голодный».—Той же главы, строфа XXXVIII, стихъ 1-й: «Прощай, свидѣтель нашей славы», а у Пушкина вездѣ: «...падшей славы».—Глава VIII, строфа LI, стихъ 6-й: «А ты, съ которой образованъ»,—у Пушкина: «А та, съ которой»... Всѣ указанныя неточности, — ошибки или опечатки,—находятся въ изданіи 1882 г. и отчасти принадлежатъ

ему, отчасти повторены изъ предшествовавшихъ не Пушкинскихъ изданій, но во всякомъ случаѣ у г. Морозова онѣ (примѣровъ можно было бы привести гораздо больше) повторены изъ изданія 1882 г. и показываютъ намъ, что текстъ 1882 г. положенъ въ основу разбираемаго изданія. Быть можетъ, кто-либо найдетъ, что отмѣченныя неточности часто неважны, но, во-первыхъ, самъ г. Морозовъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть такого мнѣнія, а, во-вторыхъ, согласимся даже, что эти ошибки не важны: это вѣдь, однако, не значитъ, что ихъ слѣдуетъ повторять. Изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина—дѣло очень нелегкое; при обширности и сложности такого изданія въ немъ, конечно, трудно вовсе избѣжать ошибокъ и опечатокъ; но вотъ поэтому-то именно и не слѣдуетъ повторять еще чужія ошибки. Въ изданіи г. Морозова есть свои собственныя ошибки и опечатки (онѣ отчасти указаны въ поправкахъ изданія, отчасти были отмѣчены уже въ критикѣ), и есть кромѣ того еще ошибки и опечатки изданія 1882 г.; такимъ образомъ, тутъ является уже двойное количество ошибокъ, и какъ бы ни были онѣ маловажны, но если дѣло пойдетъ такимъ образомъ дальше, Пушкинскій текстъ будетъ мѣняться и искажаться все больше и больше. На данномъ примѣрѣ хорошо видно все значеніе выставленнаго выше принципа: необходимо изучать подлинный печатный Пушкинскій текстъ [1]).

Итакъ, въ основѣ разбираемаго изданія лежитъ, какъ мы видимъ, текстъ 1882 г.; тутъ нельзя не отмѣтить одной странности. Изданіе Литературнаго Фонда пользуется текстомъ Ефремовскаго изданія 1882 г.; особенно важную помощь долженъ былъ оказать VII томъ, въ которомъ г. Ефремовъ впервые собралъ переписку Пушкина (и у насъ есть доказательства, что VII томъ Ефремовскаго изданія опять таки послужилъ основой для VII тома разбираемаго изданія: такъ, напр., въ письмѣ къ Нащокину, отъ 27-го мая 1836 г., у г. Морозова, какъ и въ изданіи 1882 г., пропущена приписка); этого мало, въ своихъ примѣчаніяхъ г. Морозовъ часто пользуется примѣчаніями г. Ефремова, повторяя ихъ иногда буквально,—это особенно замѣтно въ VII томѣ, но встрѣчается также и въ другихъ. И не смотря на такое широкое и внимательное пользованіе изданіемъ 1882 г., въ разбираемомъ изданіи совсѣмъ не упоминается о предшествовавшихъ изданіяхъ П. А. Ефремова, какъ будто ихъ и не было. Такое умолчаніе очень странно.

Остановлюсь теперь еще на вопросѣ весьма важномъ для критическаго изданія, — на варіантахъ. О нихъ предисловіе выражается такъ: «что касается варіантовъ, то, въ виду возможно правильнаго возстановленія текста,

---

[1]) Нельзя также не замѣтить, что въ разстановкѣ знаковъ препинанія г. Морозовъ тоже бо́льшею частью слѣдуетъ изданію 1882 г., которое иногда значительно въ этомъ отношеніи отличается отъ подлинныхъ Пушкинскихъ изданій. Мнѣ кажется, что гдѣ возможно, т. е. въ большинствѣ случаевъ,—слѣдуетъ сохранять пушкинскую разстановку знаковъ препинанія. В. Я.

изъ числа ихъ приводятся, въ подстрочныхъ выноскахъ, лишь такіе, которые допускались самимъ авторомъ въ различныхъ при жизни его напечатанныхъ изданіяхъ его сочиненій, или же имѣютъ значеніе автобіографическое и историко-литературное..., мѣста, измѣненныя или отброшенныя при печатаніи, но не зачеркнутыя въ рукописи и т. п.». Признаюсь, я не понимаю, почему какіе бы то ни было варіанты, приведенные въ примѣчаніяхъ, могутъ мѣшать «правильному возстановленію (?) текста»,—къ чему тутъ какія-нибудь ограниченія? Конечно, можно считать мелкіе черновые варіанты излишними въ популярномъ изданіи Пушкина,—это другое дѣло,—но правильность текста тутъ не при чемъ. Впрочемъ, и при такомъ ограниченіи, странно мотивированномъ, остается все-таки значительное число варіантовъ, дать которыя обѣщается г. редакторъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не исполняетъ своего обѣщанія: мы почти не находимъ у него никакихъ варіантовъ. Можно было бы указать цѣлый рядъ піэсъ, гдѣ пропущены болѣе или менѣе важные варіанты, какъ изъ незачеркнутыхъ рукописей, такъ и изъ тѣхъ, «которые допускались самимъ авторомъ въ различныхъ, при жизни его напечатанныхъ, изданіяхъ его сочиненій»,—однимъ словомъ, такихъ, которые обѣщаны въ предисловіи; но такой списокъ былъ бы слишкомъ длиненъ; гораздо легче обратно привести списокъ тѣхъ стихотвореній, при которыхъ даны варіанты; въ первомъ отдѣлѣ (лирическія стихотворенія) я замѣтилъ такихъ стихотвореній всего шесть: «Наполеонъ» (I, 253), «Элегія» (I, 255), «Ріего» (I, 298), «Для береговъ отчизны дальней» (II, 119), «Полководецъ» (II, 175), «Памятникъ» (II, 190). Трудно сказать, чѣмъ руководствовался г. Морозовъ, выбирая только эти піэсы для указанія варіантовъ и оставляя безъ варіантовъ цѣлый рядъ другихъ стихотвореній. Нѣсколько чаще встрѣчается указаніе варіантовъ при крупныхъ произведеніяхъ, но и тутъ далеко нѣтъ желательной или даже обѣщанной полноты. Возьмемъ для примѣра «Е. Онѣгина». Извѣстно, что всѣ главы этого романа выходили сначала отдѣльно; отрывки изъ нихъ печатались раньше еще по журналамъ и альманахамъ; затѣмъ вышло полное изданіе романа въ 1833 г.; всѣ эти изданія различались между собою варіантами; были, наконецъ, еще новыя отличія и въ изданіи 1837 г. Всѣ эти варіанты г. Морозовъ долженъ былъ указать по прямому обѣщанію своего предисловія, но онъ этого не сдѣлалъ; вмѣсто обѣщаннаго, вмѣсто Пушкинскихъ печатныхъ варіантовъ онъ далъ, на ряду съ дополненіями, довольно много черновыхъ варіантовъ, большею частью несомнѣнно откинутыхъ Пушкинымъ, т. е. не подходящихъ подъ условленное ограниченіе. Иногда у г. Морозова внесены въ текстъ «Онѣгина» первоначальные варіанты, безъ указанія на позднѣйшія измѣненія и безъ оговорокъ. Такъ, третій стихъ XIX строфы главы второй у г. Морозова читается: «Она влюблялася въ романы», но это первоначальная редакція «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1826 г., въ изданіяхъ же 1826, 1833 и 1837 гг. читаемъ: «Она влюбилася»...; такъ, 12 стихъ

XXV строфы главы четвертой напечатанъ: «Улыбкой Ольги ободренный», но это редакція перваго изданія—1829 г., а въ изданіяхъ 1833 и 1837 гг. находимъ: «Улыбкой Ольги одобренный». Или еще: г. Морозовъ печатаетъ вторую главу «Е. Онѣгина», съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя сдѣланы, впервые, въ Ефремовскихъ изданіяхъ по подлинной рукописи (даже и тутъ объ Ефремовскомъ изданіи не упомянуто!), но совсѣмъ этого не оговариваетъ и не указываетъ прежней печатной Пушкинской редакціи измѣненныхъ мѣстъ. Однимъ словомъ, не смотря на обѣщанія, данныя въ предисловіи, разбираемое изданіе такъ невнимательно отнеслось къ варіантамъ, что они просто, можно сказать, въ немъ отсутствуютъ.

Кромѣ этихъ общихъ указаній относительно того, какъ изданіе Литературнаго Фонда пользуется рукописями и печатными изданіями Пушкина, сдѣлаю еще нѣсколько второстепенныхъ, частныхъ замѣчаній.

Недостаточная систематичность въ пользованіи рукописями, отмѣченная выше, отразилась, между прочимъ, и на помѣтахъ. Подъ немногими піэсами, впервые напечатанными по рукописи (о нихъ говорено выше) сдѣлана краткая ссылка на рукопись, но иногда подобная ссылка,—неизвѣстно зачѣмъ,—сдѣлана при такихъ произведеніяхъ, которыя не только были извѣстны раньше, но въ которыя не внесено тутъ никакихъ измѣненій (напр. II, стр. 124, стр. 313, или V, 109). Такія помѣты тутъ могутъ лишь сбивать читателя. Напротивъ того, иногда г. Морозовъ ни помѣтой, ни словомъ не упоминаетъ о рукописи тамъ, гдѣ вноситъ въ прежній текстъ существенныя измѣненія; напр., въ элегіи «Опять я вашъ, о, юные друзья» (I, 148), кромѣ другихъ поправокъ, на основаніи рукописи выкинуто шесть стиховъ, но объ этомъ ничего не сказано.

Надо еще отмѣтить, что г. Морозовъ дѣлаетъ иногда невѣрныя указанія на счетъ рукописей. Такъ, относительно пропуска въ отрывкѣ: «Мой другъ, уже три дня», онъ замѣчаетъ (I, 285): «здѣсь въ рукописи не достаетъ листа». Читатель долженъ подумать, что пропускъ очень великъ, въ цѣлый листъ, а между тѣмъ у Пушкина отрывокъ этотъ набросанъ на одной страничкѣ въ два столбца, пропускъ же въ срединѣ его зависитъ отъ того, что верхній уголъ страницы оторванъ (Рукопись № 2366, л. 8, см. «Русскую Старину», 1884 г., май, стр. 326. Описаніе рукописей Пушкина въ Румянцовскомъ музеѣ). Еще подобный примѣръ: г. Морозовъ говоритъ (I, 319), что наброски поэмы и драмы «Вадимъ» сохранились въ рукописяхъ Румянцовскаго музея, а между тѣмъ, по упомянутому сейчасъ описанію этихъ рукописей, въ нихъ находятся только отрывки драмъ и программа (поэмы), а самого наброска поэмы нѣтъ. Конечно, это мелочи, но г. Морозовъ, безъ сомнѣнія, согласится, что и такія мелкія ошибки нежелательны, что рукописями Пушкина слѣдуетъ пользоваться со всевозможною точностью.

Относительно правильности хронологическаго распредѣленія нѣкоторыхъ

произведеній, принятаго въ разбираемомъ изданіи, можно иногда сомнѣваться, но во всякомъ случаѣ никакъ нельзя было помѣщать подъ 1822-мъ годомъ программу «Стрѣлецъ, влюбленный въ боярскую дочь» и проч. (II, стр. 320); эта программа находится въ одной тетради съ «Арапомъ Петра Великаго» (1827 года). Можно-ли также относить къ 1820 году набросокъ «И чувствую, душа моя» (I, 232), когда онъ находится въ тетради 1829 года и имѣетъ отношенія къ другимъ произведеніямъ этого времени?

Подъ піэсой «Свободы сѣятель пустынный» г. Морозовъ выставилъ помѣту—«1-го декабря». Дѣйствительно, это стихотвореніе находится въ письмѣ Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 г., но Пушкинъ говоритъ въ письмѣ объ этихъ стихахъ, что онъ ихъ «написалъ надняхъ»; такимъ образомъ подъ стихами невозможно выставлять «1-го декабря», помѣту письма: они относятся къ концу ноября. Вообще надо замѣтить, въ разбираемомъ изданіи помѣты нерѣдко пропущены или переданы неточно, не вполнѣ, — наприм., въ нихъ иногда недостаетъ указанія года или мѣста тамъ, гдѣ въ рукописи оно есть. Подъ однимъ очень небольшимъ стихотвореніемъ: къ Аглаѣ (1821 г.), находимъ странную помѣту: «февраль—мартъ». Неужели оно такъ помѣчено въ рукописи Публичной библіотеки? Кажется, вѣрнѣе, что это догадка редактора; во всякомъ случаѣ, такую помѣту слѣдовало оговорить. Подъ 1820 годомъ стихи Чаадаеву, помѣченные «Съ морскаго берега Тавриды», должны, конечно, быть помѣщены раньше Нереиды и «Рѣдѣетъ облаковъ»..., двухъ піэсъ, помѣченныхъ «Каменка», а не послѣ ихъ, какъ это сдѣлано г. Морозовымъ: Пушкинъ въ Каменкѣ былъ послѣ Крыма.

Въ концѣ 1825 года помѣщены вмѣстѣ «Пѣсни, записанныя Пушкинымъ», и въ числѣ ихъ находимъ двѣ, которыя не сомнѣнно сочинены, а не записаны Пушкинымъ: 1) «Только что на проталинахъ весенніхъ» и 2) «Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку».

Предисловіе указываетъ, что въ примѣчаніяхъ объяснены, между прочимъ, заимствованія и подражанія Пушкина. Это очень важный и очень интересный вопросъ, который—замѣчу кстати—требовалъ бы спеціальнаго изслѣдованія; дать въ примѣчаніяхъ подобныя указанія—дѣло очень полезное (ср. ниже, объ изданіи г. Поливанова); но только при опредѣленіи этихъ подражаній и заимствованій надо наблюдать строгую мѣру, большую осторожность. Г. Морозовъ, между прочимъ, указываетъ (II, 338), будто описаніе гарема ночью въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ заимствовано Пушкинымъ у Байрона, изъ шестой пѣсни Донъ-Жуана; это указаніе совершенно невѣрно, такъ какъ Бахчисарайскій Фонтанъ написанъ въ 1822 году, а шестая пѣсня Донъ-Жуана издана только въ слѣдующемъ 1823 году. Такимъ образомъ, сходство въ описаніи гаремовъ у обоихъ поэтовъ случайное, т. е. зависѣвшее отъ общности сюжета. Этотъ примѣръ хорошо показываетъ, съ какою осмотрительностью надо дѣлать подобныя предположенія и сравненія. Не будь хронологическаго противорѣчія,

указаніе г. Морозова могло бы, пожалуй, получить общее признаніе, и тогда стали бы, можетъ быть, еще обвинять Пушкина въ умышленномъ запирательствѣ, такъ какъ онъ въ своей перепискѣ не разъ повторяетъ, что знаетъ только первыя пять пѣсенъ «Донъ-Жуана».

Вотъ еще ошибка въ этомъ отдѣлѣ примѣчаній: на стр. 371, тома I-го, напечатанъ отрывокъ—«Начало I-й пѣсни Дѣвственницы», и тутъ же замѣчено: «первые 17 стиховъ этого отрывка представляютъ довольно близкій переводъ начала поэмы Вольтера—Pucelle d'Orleans. Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ самому Вольтеру». Послѣднее совершенно невѣрно, такъ какъ весь отрывокъ переведенъ изъ Вольтера, въ концѣ же его не Пушкинъ насмѣшливо обращается къ Вольтеру, а Вольтеръ къ Шапелену, поэту XVII вѣка, который воспѣлъ Орлеанскую Дѣву въ двадцати четырехъ пѣсняхъ.

Особенность разбираемаго изданія составляетъ его расположеніе. Всѣ стихотворенія Пушкина раздѣлены на два отдѣла—мелкихъ и крупныхъ произведеній. Такое раздѣленіе, стало быть, основывается лишь на принципѣ удобства для читателей, а не на эстетическихъ требованіяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ многіе критики осуждали Пушкинское хронологическое распредѣленіе піэсъ, когда оно, послѣ долгаго забвенія, было возстановлено въ изданіи 1880 года; критики тогда находили крайне, наприм., неприличнымъ непосредственное сосѣдство графа Нулина съ Борисомъ Годуновымъ, въ изданіи же литературнаго фонда они какъ разъ находятся рядомъ, такъ какъ въ отдѣлѣ крупныхъ произведеній сохраняется хронологическій порядокъ. Но если разбираемое изданіе приняло свою систему въ видахъ удобства для читателей, то оно при этомъ сдѣлало очень существенную ошибку въ раздѣленіи томовъ, такъ какъ читателямъ могло бы казаться удобнымъ имѣть въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ томѣ всѣ мелкія піэсы поэта, а между тѣмъ тутъ именно этого-то и нѣтъ: первый отдѣлъ занимаетъ весь первый томъ и часть втораго тома, крупныя же произведенія составляютъ часть втораго тома и весь третій; объемъ томовъ нисколько не мѣшалъ изъ перваго отдѣла составить одинъ томъ, а второй отдѣлъ разбить на два цѣльныхъ тома; теперь же, при существующемъ дѣленіи на томы, при помѣщеніи указателя лишь въ третьемъ томѣ, почти все удобство, которое можно признавать за дѣленіемъ на два отдѣла, пропадаетъ. Для того, чтобы отыскать какое нибудь мелкое стихотвореніе въ разбираемомъ изданіи, читатель все-таки долженъ взять всѣ три первые тома: въ указателѣ третьяго тома найти заглавіе искомой піэсы, а затѣмъ отыскать ее въ первомъ или во второмъ томѣ.

VII томъ составленъ, какъ и въ изданіи 1882 года, изъ писемъ Пушкина, которыя здѣсь дополнены всѣмъ напечатаннымъ послѣ 1882 года и семейною перепискою. Письма здѣсь расположены въ хронологическомъ порядкѣ, каждый годъ отдѣльно: объ этомъ я тоже буду говорить дальше.

Очень удобно, что въ разбираемомъ изданіи примѣчанія слѣдуютъ непосред-

ственно за каждой піэсой, такъ что они на глазахъ у читателя, а не скрыты въ концѣ тома. Большое удобство представляютъ также указатели, составленные г. Морозовымъ: кромѣ обычнаго алфавита заглавій, онъ даетъ еще указатель хронологическій и указатель лицъ и предметовъ (недостаточно, впрочемъ, полные).

Къ изданію литературнаго фонда приложены три портрета; изъ нихъ два извѣстные: хорошая копія съ гравюры Гейтмана и плохая съ гравюры Уткина; третій портретъ—неудовлетворительная фототипія съ карандашнаго портрета, нарисованнаго въ 1820 году Жюлемъ Вернэ; къ сожалѣнію, мы не узнаемъ изъ предисловія никакихъ больше подробностей объ этомъ портретѣ. При Пугачевскомъ бунтѣ (VI томъ) находятся всѣ Пушкинскія приложенія.

Изданіе литературнаго фонда было обставлено очень серьезно: за нимъ наблюдала особая коммиссія, имѣвшая въ своемъ составѣ авторитетныхъ спеціалистовъ; подробная программа изданія была разсмотрѣна и одобрена отдѣленіемъ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ; наконецъ, самая редакція текста и составленіе примѣчаній были поручены лицу, уже извѣстному своими работами по русской литературѣ. При подобныхъ условіяхъ отъ изданія можно требовать многаго, очень многаго; поэтому-то о такомъ изданіи, объ его недостаткахъ и можно сдѣлать строгія замѣчанія. Наконецъ, я позволилъ себѣ остановиться подробнѣе на иныхъ, даже болѣе мелкихъ, промахахъ разбираемаго изданія потому, что оно, совершенно понятно, пользуется теперь особымъ авторитетомъ, послужило уже и еще будетъ служить образцомъ и матеріаломъ для другихъ изданій (см. наприм., ниже, объ изданіяхъ Марокуева, Сытина), такъ что всякая отдѣльная поправка къ нему можетъ имѣть близкое практическое значеніе. Но само собою разумѣется, что я не могъ задаваться въ этой статьѣ цѣлью систематически указать всѣ ошибки разбираемаго изданія: я отмѣчалъ общія черты, указывалъ отдѣльные, характерные примѣры.

Хотя указанные выше промахи и ошибки въ общемъ всѣ существеннаго характера, но все-таки они не лишаютъ разбираемаго изданія его достоинствъ. Оно исправило и дополнило Пушкинскій текстъ (особенно посмертный) на основаніи рукописей, причемъ нѣкоторыя дополненія и поправки явились здѣсь впервые. Напечатано изданіе, если не великолѣпно, то все-таки пріятно, на удовлетворительной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ красивомъ форматѣ. По внѣшности изданіе это, уступая прежнимъ, лучше всѣхъ новыхъ изданій.

2. А. С. Пушкинъ. Полное собраніе сочиненій. Изданіе В. В. Комарова, подъ редакціею П. А. Ефремова. Семь томовъ, цѣна три рубля.

П. А. Ефремовъ, давно извѣстный своими изданіями русскихъ писателей XVIII и XIX вѣка, два раза уже редактировалъ сочиненія Пушкина. Его первое изданіе 1880 года (Исаковское) надѣлало шуму: г. Ефремовъ впервые въ немъ отмѣтилъ ошибки и неточности Анненковскаго изданія; это было серіознымъ событіемъ въ исторіи Пушкинскаго печатнаго текста, и въ этомъ одномъ уже немаловажная заслуга г. Ефремова. Изданіе 1882 года (Ѳ. И. Анскаго, въ Москвѣ) имѣло весьма важную особенность: оно впервые дало собраніе писемъ Пушкина. Для обоихъ изданій г. Ефремовъ внимательно изучалъ печатный Пушкинскій текстъ, воспользовавшись также извѣстнымъ числомъ рукописей поэта, какъ хранящихся въ публичной библіотекѣ, такъ и находящихся въ частныхъ рукахъ; благодаря этому, ему удалось внести въ Пушкинскій текстъ немало поправокъ и даже дополненій. Но, къ сожалѣнію, въ его изданіяхъ были допущены неточности, опечатки: часть ихъ указана выше, когда говорилось о повтореніи ихъ въ изданіи литературнаго фонда.

Г. Ефремовъ тщательно внесъ теперь въ свое новое, Комаровское, изданіе всѣ поправки и дополненія, которыя явились въ печати съ 1882 года. За этотъ періодъ времени черновыя рукописи Пушкина сдѣлались общедоступными въ Румянцовскомъ музеѣ; обширныя извлеченія изъ нихъ, дополнявшія и исправлявшія прежній печатный Пушкинскій текстъ, были сообщены въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ». Г. Ефремовъ внимательно и вполнѣ воспользовался этими сообщеніями; самому ему, къ сожалѣнію, не пришлось заняться рукописями Пушкина въ Румянцовскомъ музеѣ. Въ этомъ отношеніи изданіе литературнаго фонда имѣетъ несомнѣнное преимущество: мы видѣли, что г. Морозовъ извлекъ изъ московскихъ рукописей новыя дополненія и поправки. Но такъ какъ, съ одной стороны, главный матеріалъ этихъ рукописей былъ болѣе или менѣе исчерпанъ въ обширныхъ сообщеніяхъ «Русской Старины», а съ другой, г. Морозовъ, какъ замѣчено было выше, не воспользовался всѣми оставшимися въ рукописяхъ данными, то по общему числу и важности поправокъ, внесенныхъ въ текстъ противъ изданія 1882 года, изданіе Комарова мало уступаетъ изданію литературнаго фонда; другими словами, если сравнить Комаровское изданіе съ изданіемъ 1882 года, разница окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ между Комаровскимъ изданіемъ и изданіемъ литературнаго фонда. Конечно, новыя дополненія г. Морозова, составляющія отличіе его изданіе отъ изданія Комаровскаго, имѣютъ немаловажное значеніе, являясь въ первый разъ; но за то у г. Ефремова, въ Комаровскомъ изданіи, есть нѣкоторыя дополненія, которыя хотя и были напечатаны

раньше, пропущены у г. Морозова; такъ, въ изданіи послѣдняго нѣтъ пѣсень о Стенькѣ Разинѣ, т. е. не тѣхъ, которыя записаны, а которыя сочинены Пушкинымъ (въ Комаровскомъ изданіи, II т., стр. 117); или не хватаетъ приписки въ письмѣ къ Нащокину (о чемъ было сказано уже выше; ср. изд. литературнаго фонда VII, 405, и изд. Ком. VII, 419); или еще, въ письмѣ къ Я. Н. Толстому тоже пропущена приписка (ср. изд. Л. Ф., VII, 40, съ изд. Ком., VII, 143), которую г. Морозовъ долженъ былъ знать и по рукописи, и изъ «Русской Старины» (1884 г., декабрь, стр. 576).

Г. Морозовъ самъ занимался по черновымъ тетрадямъ поэта, это большое преимущество; отъ этого текстъ его изданія полнѣе и точнѣе; но и изданіе г. Ефремова явилось въ достаточной полнотѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что по экономическимъ соображеніямъ для дешевизны цѣны (7 томовъ въ 8°—3 р.), въ Комаровскомъ изданіи изъ Джона Теннера и изъ записокъ Моро-де-Бразе помѣщены только предисловія. Точно также, французскія письма помѣщены лишь въ русскомъ переводѣ. Нѣкоторыя изъ ошибокъ прежняго изданія г. Ефремова устранены въ новомъ: знакъ, что г. Ефремовъ снова работалъ по подлинному печатному пушкинскому тексту.

Особенность прежнихъ Ефремовскихъ изданій составляло общее хронологическое распредѣленіе всѣхъ и мелкихъ, и крупныхъ стихотворныхъ произведеній Пушкина, въ новомъ изданіи эта особенность сохранена съ тѣмъ ограниченіемъ (какъ это уже было и въ изданіи 1882 года), что черновые наброски отнесены въ концъ каждаго тома. Я попрежнему считаю, что это общее хронологическое Пушкинское распредѣленіе стихотвореній — самое лучшее. Письма у г. Ефремова и теперь, какъ въ изданіи 1882 года, расположены не хронологически, а по лицамъ, къ которымъ писаны. Такой порядокъ мнѣ кажется тоже болѣе удобнымъ. Съ одной стороны письма къ одному лицу (наприм., къ женѣ) нерѣдко представляютъ у Пушкина нѣчто цѣлое, такъ что ихъ и удобно, и пріятно имѣть въ одномъ мѣстѣ, а съ другой для читателя (не для изслѣдователя) вообще, кажется, интереснѣе читать письма по лицамъ, а не по годамъ. Но правда, что для справокъ хронологическое распредѣленіе писемъ лучше. Вообще надо, кажется, быть довольнымъ, что г. Морозовъ и г. Ефремовъ различнымъ образомъ расположили письма Пушкина, и мы имѣемъ теперь ихъ собраніе и по времени, и по лицамъ.

Нельзя не пожалѣть, что въ Комаровскомъ изданіи нѣтъ прежнихъ примѣчаній г. Ефремова, сгруппировавшаго въ нихъ не мало интересныхъ данныхъ.

Къ Комаровскому изданію приложены шесть портретовъ Пушкина; между прочимъ, при II томѣ находится снимокъ съ портрета, рисованнаго Вернэ, но только портретъ этотъ крупнѣе, чѣмъ приложенный при изданіи литературнаго фонда (каковъ же размѣръ подлинника?), имя художника не названо, а самый портретъ отнесенъ къ 1821 г. (въ изданіи литературнаго фонда къ 1820 г.). Жаль, что и у г. Ефремова мы не находимъ никакихъ подробностей объ

этомъ портретѣ. Всѣ портреты Пушкина въ разбираемомъ изданіи исполнены неудовлетворительно: вмѣсто шести неудачныхъ политипажныхъ портретовъ Пушкина лучше было бы приложить одинъ хорошій. Нельзя не пожалѣть, что ни въ одномъ изъ новыхъ изданій Пушкина не повторенъ замѣчательный портретъ работы Райта, появившійся впервые при изданіи 1882 года.

При первомъ томѣ Комаровскаго изданія помѣщена небольшая біографія Пушкина, составленная г. П. П. Каратыгинымъ по его-же извѣстнымъ очеркамъ, напечатаннымъ раньше въ «Русской Старинѣ». Біографія написана живо, не смотря на краткость, но нѣкоторые факты передаются въ ней не совсѣмъ точно.

Изданіе г. Комарова напечатано хорошо, четкимъ шрифтомъ (не вездѣ чисто), на порядочной бумагѣ и, при дешевой цѣнѣ, представляетъ вполнѣ приличную внѣшность.

Первое изданіе г. Комаровъ пустилъ въ продажу (оно раскуплено было у него въ первый-же день), а затѣмъ рядъ послѣдующихъ изданій (безъ всякихъ измѣненій) онъ разсылаетъ желающимъ изъ подписчиковъ своей газеты «Свѣтъ».

3. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе А. С. Суворина. 10 томовъ. Цѣна 1 р. 50 к.
— Тоже, изданіе второе, исправленное и дополненное.

Въ печати уже достаточно извѣстна исторія этого изданія, по отношенію къ изданію Литературнаго Фонда, такъ что на ея подробностяхъ я останавливаться не буду. Вкратцѣ все дѣло въ томъ, что значительная часть изданія г. Суворина напечатана съ корректуръ Литературнаго Фонда [1]), не только со всѣми поправками, внесенными въ текстъ впервые въ этомъ изданіи, но и со всѣми его опечатками и ошибками. Для насъ въ этомъ дѣлѣ любопытно заявленіе А. С. Суворина, что онъ самъ за своимъ изданіемъ не слѣдилъ, а такъ какъ кромѣ него отвѣтственнаго редактора не имѣется, то оказывается, что издательская фирма г. Суворина печатала полное собраніе сочиненій Пушкина, не только не имѣя болѣе или менѣе авторитетнаго редактора, а просто предоставивъ все дѣло совмѣстному рѣшенію корректора и метранпажа. Такое отношеніе къ изданію представляется весьма страннымъ, и въ результатѣ его было то, что одна часть изданія была напечатана по чужимъ корректурамъ, а другая, по старому, совсѣмъ не исправленному тексту. Такъ все это изданіе и можно раздѣлить на два разные отдѣла: къ одному принадлежатъ мелкія піэсы, Е. Онѣгинъ, и значительная часть прозы,—все это напечатано по корректурамъ г. Морозова, со всѣми его дополненіями и поправками, которыя

[1]) Изданіе Литературнаго Фонда печаталось въ типографіи А. С. Суворина.
В. Я.

онъ сдѣлалъ, а также, понятно, и съ точнымъ воспроизведеніемъ ошибокъ и опечатокъ; ко второму отдѣлу относится бо́льшая часть крупныхъ произведеній и остальная проза; этотъ отдѣлъ напечатанъ по тексту 1882 года, т. е. безъ позднѣйшихъ поправокъ или дополненій, такъ что, напр., остались неисправленными Борисъ Годуновъ, Каменный Гость, Русалка и многое, многое другое. Есть, однако, очень немного вещей, которыя были исправляемы не по корректурамъ г. Морозова, а самостоятельно, но за то, большею частью, и не вполнѣ точно. Самодѣятельность безъименнаго редактора сказалась еще въ томъ, что въ изданіе внесенъ изъ «Чтеній московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» не принадлежащій, повидимому, Пушкину переводъ «Слова о Полку Игоревѣ», при чемъ текстъ не только не исправленъ по рукописи (хотя на сильныя неточности его было указано въ печати), но даже и не вставлены пропущенные пять стиховъ, которые приведены были въ «Русской Старинѣ» изд. 1884 года.

Самостоятельность разбираемаго изданія проявилась также въ распредѣленіи произведеній Пушкина по томамъ, главнымъ образомъ въ распредѣленіи мелкихъ піэсъ. Въ предисловіи (неизвѣстно кѣмъ оно написано, кѣмъ составленъ планъ изданія; предисловіе говоритъ отъ лица и́здательской фирмы «мы»), читаемъ: «мелкія стихотворенія мы раздѣлили на три тома, руководствуясь отчасти Бѣлинскимъ въ его разборѣ Пушкина. Въ третій томъ нашего изданія вошли тѣ стихотворенія первыхъ лѣтъ, которыя или самъ Пушкинъ печаталъ въ собраніяхъ своихъ сочиненій, или вообще указываются, какъ лучшія, или-же—хотя иногда и несправедливо—пользуются особенною извѣстностью. Въ этотъ же томъ вошли всѣ стихотворенія до 1826 года, когда дарованія Пушкина не выработались еще до полной самостоятельности (!?). Лучшія вещи этого періода мы перенесли въ четвертый томъ нашего изданія, въ которомъ помѣщены всѣ стихотворенія, которыя Пушкинъ написалъ послѣ 1826 г., кромѣ нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ,—ими мы дополнимъ третій томъ. Въ четвертый томъ нами выбраны эпиграммы, не имѣющія личнаго характера, или же сильнымъ и рѣзкимъ оборотомъ мысли получившія общую извѣстность. Всѣ стихотворные отрывки и варіанты мы собрали въ концѣ третьяго тома». Десятый томъ составленъ изъ стихотвореній лицейскихъ и до 1819 г. Вотъ какая странная система! Въ основу дѣленія на томы положена какъ будто хронологія: 1) лицейскія стихотворенія; 2) стихотворенія до 1826 г., и 3) стихотворенія послѣ 1826 г.; но при этомъ прямо сказано, что по оцѣнкѣ достоинства піэсъ (цѣнителемъ былъ все тотъ же безыменный редакторъ изъ служащихъ въ типографіи), онѣ переносятся произвольно изъ тома въ томъ, такъ что хронологія тутъ не при чемъ. И эта оцѣнка или расцѣнка произведена очень странно и небрежно. Такъ, въ IV томъ попало нѣсколько черновыхъ, совершенно неоконченныхъ, набросковъ, которые при томъ же отчасти относятся ко времени до 1826 г., т. е. въ

IV томъ могли попасть только по своему особенному художественному значенію, ставящему ихъ гораздо выше остальныхъ произведеній Пушкина того времени; таковыми, по мнѣнію безъименнаго редактора, напр., оказались отрывочныя четверостишія 1824 г.: «Два чувства равно близки къ намъ», «Забывъ и рощу и свободу», «Дитя, не смѣю надъ тобой» (IV, стр. 140); или, напр., тутъ-же находимъ стихотвореніе «Роза» («Гдѣ наша роза?»—IV, стр. 137), маленькую бездѣлку 1815 г., надъ которой самъ Пушкинъ отмѣтилъ у себя въ тетради: «не надо». Повидимому, безъименному редактору эта піэса показалась достойною занять мѣсто въ ряду лучшихъ стихотвореній той эпохи, «когда дарованіе Пушкина выработалось до полной самостоятельности». Вообще IV томъ на одну треть состоитъ изъ произведеній до 1826 г.; съ другой стороны, не мало отличныхъ позднихъ произведеній отнесено въ III томъ. Разбирая стихотворенія Пушкина съ такою строгою и своеобразною критикою, безъименный редакторъ сортируетъ ихъ вполнѣ по своему произволу,—піэсы, написанныя въ одно время и стоящія въ связи другъ съ другомъ, притомъ нисколько не различающіяся по достоинству,—попадаютъ въ разные томы. Этого мало: піэсы каждаго тома размѣщаются опять совершенно произвольно. Хронологія соблюдена въ X томѣ, но ни въ III, ни особенно въ IV томѣ на нее не обращено ни малѣйшаго вниманія, и всѣ піэсы перемѣшаны и перетасованы безъ всякой системы, безъ толку и смысла (и безъ указанія годовъ). Для всякаго читателя хронологическій порядокъ особенно мелкихъ лирическихъ произведеній Пушкина очень важенъ; онъ чрезвычайно удобенъ для отысканія той или другой піэсы: при чтеніи всякій легко и невольно запоминаетъ до нѣкоторой степени хронологическую послѣдовательность стихотвореній, изъ которыхъ многія имѣютъ такую тѣсную связь съ біографіей Пушкина, болѣе или менѣе извѣстной каждому читателю; такимъ образомъ, читатель легко потомъ находитъ разныя искомыя стихотворенія; не говорю уже о томъ, насколько, съ другой стороны, важнымъ и поучительнымъ поясненіемъ біографіи и личности поэта являются стихотворенія его, расположенныя хронологически. Нельзя не удивляться, къ чему безъименному редактору понадобилось устроивать такое болѣе, чѣмъ странное смѣшеніе! Перемѣшавъ стихотворенія Пушкина безъ всякой системы и цѣли, онъ еще нашелъ излишнимъ выставлять при каждой піэсѣ ея годъ; правда, къ изданію, по примѣру г. Морозова, приложенъ подробный хронологическій перечень, но какъ буду я искать въ этомъ погодномъ перечнѣ хотя «Розу», напечатанную съ лучшими стихотвореніями 1830-хъ годовъ и относящуюся къ 1815 году! Такая система или такая безсистемность въ расположеніи стиховъ поражаетъ своею полною безцѣльностью.

Не буду дѣлать подробныхъ указаній на отдѣльныя ошибки этого изданія,—ихъ очень не мало, и это слишкомъ бы насъ задержало. Довольно сказать, что оно повторило много ошибокъ и опечатокъ изъ изданія Литературнаго Фонда, да прибавило къ нимъ еще своихъ вдвое или даже втрое.

Къ разбираемому изданію приложены портреты Пушкина и его родныхъ (исполненные довольно плохо и не всегда вѣрно), нѣсколько видовъ (отмѣчу курьезъ: домъ Пушкина въ Кишиневѣ, благодаря ошибкѣ съ цинкографіей, представленъ навыворотъ, т. е. какъ бы въ зеркалѣ), нѣсколько снимковъ съ рукописей въ уменьшенномъ видѣ; выборъ этихъ снимковъ далеко не удаченъ, при томъ же если еще уменьшеніе рисунковъ не лишаетъ ихъ значенія, то уменьшонное факсимиле рукописи не имѣетъ смысла: такъ Пушкинъ никогда не писалъ, эти снимки не даютъ никакого понятія объ его почеркѣ. Находящаяся при первомъ томѣ «біографія А. С. Пушкина» представляетъ разсказъ краткій, безсодержательный и неточный,—въ такомъ видѣ она ни для кого не нужна; гораздо было бы лучше дать просто полный хронологическій перечень событій изъ жизни Пушкина, что имѣло бы большое значеніе, особенно бы при хронологическомъ расположеніи стихотвореній.

Внѣшность изданія не совсѣмъ пріятная, не совсѣмъ опрятная, хотя напечатано оно крупно и четко. Существенный недостатокъ: изданіе сброшюровано такъ скверно, что его стоитъ только перелистовать, чтобы оно разлетѣлось по листкамъ. Второе изданіе сброшюровано хорошо.

Первое изданіе фирмы Суворина разошлось въ нѣсколько дней (15,000 экз.); теперь вышло уже второе изданіе, «исправленное и дополненное» (30,000 экз.); конечно, эти исправленія и дополненія указываютъ на недостатки перваго изданія, такъ какъ новыхъ открытій безъименный редакторъ сдѣлать не могъ, такъ какъ новыхъ сообщеній по рукописямъ въ промежутокъ между двумя изданіями сдѣлано было очень немного.

Безъименная редакція заявляетъ, что во второмъ изданіи «распредѣленіе по томамъ нѣсколько измѣнено»; къ сожалѣнію, эти измѣненія ничего не значутъ: нѣсколько стихотвореній, по новому капризу, перенесены изъ III тома въ IV или обратно («Роза», о которой говорено выше, все-таки остается въ IV томѣ); прежняя безсистемность остается въ полной силѣ и попрежнему дѣлаетъ изданіе совершенно неудобнымъ, лишаетъ его значенія. Можно только одобрить перенесеніе изъ III тома въ I черновыхъ дополненій къ разнымъ поэмамъ. Надо еще замѣтить, что Суворинское изданіе отличается значительною осторожностью; въ немъ, напр., совсѣмъ нѣтъ оды «Вольность», «Кинжала», т. е. того, что находимъ въ другихъ такихъ-же дешевыхъ изданіяхъ; вѣроятно, этою же осторожностью объясняется и то, что второе изданіе перенесло въ X томъ «Посланіе въ Сибирь» (1827 г.), хотя по времени и по извѣстности эта піэса должна была бы находиться въ IV томѣ.

Въ черновыхъ дополненіяхъ къ Евгенію Онѣгину второе изданіе фирмы г. Суворина воспользовалось новыми сообщеніями, которыя даны въ отдѣльномъ изданіи Московскаго общества любителей россійской словесности; но изданіе фирмы г. Суворина не обратило никакого вниманія на поправки, внесенныя московскимъ изданіемъ въ самый текстъ романа на основаніи подлиннаго

печатнаго Пушкинскаго текста, и повторяетъ всѣ прежнія ошибки (см., напр., выше ошибки, указанныя въ «Евгеніи Онѣгинѣ» по изданію Литературнаго Фонда). Или еще: «Русалка» во второмъ Суворинскомъ изданіи осталась неисправленною попрежнему, «Каменный гость» исправленъ не вполнѣ, тоже «Арапъ Петра Великаго» и «Египетскія ночи»; «Дубровскій» не исправленъ окончательно по изданію Литературнаго Фонда, также «Исторія села Горохина»; совсѣмъ попрежнему неисправлены всѣ наброски повѣстей и т. д. Вообще улучшенія являются тутъ случайными и все изданіе, какъ оно поставлено, не можетъ, при отсутствіи самостоятельнаго редактора, внушать довѣрія. Надо прибавить, что второе изданіе выходило довольно медленно по томамъ, и безъименная редакція имѣла довольно времени на исправленія.

4. а) Сочиненія А. С. Пушкина. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изданіе Ф. Павленкова, исполненное подъ редакціей А. М. Скабичевскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

б) То-же, въ восьми томахъ, цѣна 1 р. 50 к.

Тоже, изданіе второе, въ одномъ томѣ или въ десяти томахъ, цѣна 1 р. 50 к.

Надо отдать справедливость г. Ф. Павленкову: онъ проявилъ много энергіи и предпріимчивости при изданіи сочиненій Пушкина. Напечатавъ ихъ въ одномъ томѣ большаго формата, въ два столбца, онъ разбилъ каждый столбецъ на двѣ страницы и напечаталъ то-же собраніе въ восьми маленькихъ томикахъ, пустивъ каждый изъ нихъ въ отдѣльную продажу. Затѣмъ г. Павленковъ еще варьировалъ эти изданія, выпустивъ ихъ на разныя цѣны,—на простой и на лучшей бумагѣ, въ переплетѣ и безъ переплета, а однотомное изданіе еще—съ картинами и безъ картинъ; далѣе, онъ съ того-же набора сдѣлалъ болѣе сорока отдѣльныхъ изданій изъ Пушкина, давъ также томъ мелкихъ стихотвореній, томъ поэмъ, томъ драмъ и т. д., и т. д. Наконецъ, онъ выпустилъ отдѣльнымъ альбомомъ картины къ Пушкину.

Выказавъ такую издательскую предпріимчивость, г. Павленковъ позаботился и о текстѣ своего изданія, поручивъ его редакцію извѣстному писателю А. М. Скабичевскому, т. е. и въ этомъ отношеніи г. Павленковъ сдѣлалъ, что могъ, и не его вина, что г. Скабичевскій оказался, къ сожалѣнію, не вполнѣ удовлетворительнымъ редакторомъ сочиненій Пушкина.

Довольно обстоятельная біографія Пушкина, приложенная г. Скабичевскимъ къ изданію, составлена хорошо (хотя въ ней есть ошибки—напр., говорится, что «На выздоровленіе Лукулла» написано на выздоровленіе гр. Уварова, отъ чего весь послѣдующій разсказъ объ этомъ стихотвореніи лишается смысла—и хотя со многими положеніями г. Скабичевскаго нельзя согласиться), но, какъ редакторъ Пушкинскаго текста, А. М. Скабичевскій не сдѣлалъ ничего. Выше достаточно было говорено уже о необходимости пользоваться подлинными изданіями и, по возможности, рукописями поэта.

Г. Скабичевскій въ этомъ отношеніи совершенно ничего не объясняетъ намъ въ своемъ предисловіи, какъ и чѣмъ онъ пользуется; заявляетъ только, что его изданіе «не имѣетъ въ виду никакихъ научныхъ цѣлей, назначается исключительно для публики»; но навряд ли это обстоятельство, — желаніе дать популярное изданіе,—можетъ оправдывать редакторскій пріемъ г. Скабичевскаго. Пріемъ этотъ до крайности простъ. Редактору нѣтъ дѣла ни до рукописей поэта, ни до подлиннаго печатнаго его текста. Онъ просто беретъ изданіе 1882 г. и перепечатываетъ его, выпуская нѣкоторыя вещи. Выше было уже сказано, насколько текстъ изданія 1882 г. требовалъ исправленій и дополненій на основаніи рукописей или хоть на основаніи тѣхъ сообщеній, которыя за послѣдніе годы были сдѣланы въ печати изъ этихъ рукописей. Разбираемое изданіе объ этомъ нисколько не заботится. Я замѣтилъ въ немъ всего три дополненія къ тексту 1882 г., всѣ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ,—дополненія, все крупныя, въ десятки стиховъ; но затѣмъ, всѣ остальныя дополненія, и крупныя, и мелкія, всѣ поправки, часто очень существенныя, все это—сообщенное давно уже въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ», оставлено редакторомъ разбираемаго изданія безъ всякаго вниманія, такъ что весь посмертный текстъ Пушкина повторенъ тутъ со всѣми страшными искаженіями, съ невозможными пропусками, какъ онъ печатался прежде. Особенно искалѣчена была посмертными издателями проза Пушкина, и все это такъ и напечатано въ разбираемомъ изданіи: въ «Арапѣ Петра Великаго», не говоря уже о другихъ ошибкахъ, такъ и осталась кормилица вмѣсто карлицы; въ наброскахъ для «Египетскихъ ночей» два отрывка попрежнему перепутаны другъ съ другомъ; не исправлены «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», «Альманашникъ», «Разговоръ» и т. д. Этого мало: «Дубровскій» почему-то напечатанъ по тексту 1880 г., т. е. даже безъ исправленій и дополненій изданія 1882 г. Такимъ образомъ, вообще редакторъ разбираемаго изданія вовсе и не подумалъ о необходимости исполнить тотъ не малый редакторскій трудъ, который выполненъ П. А. Ефремовымъ (не говоря уже о П. О. Морозовѣ, занимавшимся по рукописямъ), отъ котораго не отказался и г. Л. Поливановъ даже для школьнаго изданія (см. ниже).

Не обративъ никакого вниманія на поправки и дополненія изъ рукописей, разбираемое изданіе совершенно пренебрегло подлиннымъ печатнымъ текстомъ Пушкина. Выше было упомянуто объ ошибкахъ и неточностяхъ въ изданіи 1882 г.; разбираемое изданіе сохранило ихъ всѣ неприкосновенными, возстановивъ только пропущенный стихъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»; но для того, чтобы замѣтить, что въ строфѣ Онѣгина не хватаетъ четырнадцатаго стиха, конечно, не надо много изслѣдованій; всѣ же остальныя ошибки текста съ точностью воспроизведены въ разбираемомъ изданіи. Этого мало: въ немъ повторены иногда простыя опечатки изданія 1882 г., хотя бы онѣ нарушали даже размѣръ стиха, какъ, напр., въ «Лицейской годовщинѣ 1825 года», въ 7-й строфѣ:

Непоколебимъ, свободенъ и безпеченъ (должно быть: неколебимъ) и т. п.

При такихъ пріемахъ редакторской работы и при такомъ тщательномъ воспроизведеніи чужихъ опечатокъ не можетъ быть и рѣчи ни о полнотѣ, ни о точности текста.

Нельзя обойти молчаніемъ слѣдующаго страннаго факта. Въ изданіи 1882 г., при лицейскихъ запискахъ Пушкина (V, 1) сдѣлано нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній, въ которыхъ говорится о Пушкинѣ въ третьемъ лицѣ, онъ называется «поэтъ». Не смотря на это, разбираемое изданіе, помѣстивъ эти примѣчанія вслѣдъ за записками, дало имъ особое заглавіе: «примѣчанія Пушкина»! А. М. Скабичевскій оговорился въ предисловіи, что опускаетъ въ своемъ изданіи нѣкоторыя прозаическія малоинтересныя вещи, нѣкоторыя примѣчанія Пушкина, а изъ стихотвореній лишь безсвязные варіанты. Я не буду входить въ разборъ можно ли было опустить то или другое, но укажу на слѣдующій странный фактъ: пропущены вовсе не одни «безсвязные варіанты», а цѣлый рядъ болѣе или менѣе длинныхъ, законченныхъ стихотвореній, какъ-то: «Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ», посланіе Гнѣдичу: «Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный», посланіе къ Вигелю, къ Вяземскому, и такихъ пропусковъ много. Отчего же они зависѣли? Отъ совершенно случайнаго обстоятельства. Въ изданіи 1882 г. многія стихотворенія были помѣщены при письмахъ, къ которымъ они имѣютъ отношеніе, въ VII томѣ, и большинство такихъ піэсъ, во избѣжаніе повтореній, не были еще разъ напечатаны въ отдѣлѣ стихотвореній. Г. Скабичевскій не внесъ въ свое изданіе переписку Пушкина; поэтому, когда онъ взялъ изданіе 1882 г., чтобы перепечатать его, онъ просто откинулъ VII томъ, не обративъ вниманія на то, что онъ при этомъ откидываетъ и рядъ стихотвореній, напечатанныхъ съ письмами: такъ разбираемое изданіе и обошлось безъ нихъ.

Въ своемъ предисловіи А. М. Скабичевскій говоритъ о неудобствахъ хронологическаго распредѣленія даже мелкихъ стихотвореній Пушкина, такъ какъ для отысканія какой-либо піэсы при хронологическомъ порядкѣ большинству читателей каждый разъ приходится перерывать все изданіе (г. Скабичевскій забываетъ объ указателяхъ). Поэтому-то:

„Принимая во вниманіе вышеозначенныя [вовсе неубѣдительныя] соображенія, мы, по предложенію издателя, расположили произведенія Пушкина не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ систематическомъ—по родамъ и видамъ поэзіи и прозы, подобно тому, какъ были изданы сочиненія Пушкина имъ самимъ въ 1826 году [порядокъ, откинутый Пушкинымъ въ слѣдующемъ изданіи, которое расположено хронологически] и затѣмъ въ посмертномъ изданіи 1838 года [которое, кажется, было худшимъ изъ всѣхъ изданій Пушкина и которое до сихъ поръ всѣ ругательски ругаютъ]. Намъ кажется, что мы оказываемъ этимъ публикѣ двойную услугу“...

И далѣе объясняется, что при такомъ порядкѣ будто бы легче найти стихотвореніе, и что читатели тутъ «могутъ получить весьма не лишнія и

любопытныя свѣдѣнія о томъ, что далъ по каждому роду и виду поэзіи нашъ безсмертный поэтъ», хотя, конечно, права его на безсмертіе не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, много-ли, мало-ли одъ или эпиграммъ имъ написано. Наконецъ, г. Скабичевскій еще убѣжденъ—для учителей русской словесности гораздо удобнѣе систематическое распредѣленіе сочиненій Пушкина, хотя, конечно, учителя русской словесности никакъ не могутъ быть причислены къ «большинству», которое принуждено для отысканія какого нибудь стихотворенія рыться по всему изданію Пушкина.

Нечего, конечно, говорить о произволѣ, съ какимъ приходится дѣлить стихотворенія Пушкина по родамъ и видамъ; г. Скабичевскій между прочимъ принужденъ былъ устроить широкую и смѣшанную рубрику: «Антологіи (я), описанія, идиліи, пѣсни и думы», отнеся въ нее добрую часть всякихъ стихотвореній Пушкина. Вообще всѣ доводы редактора въ пользу распредѣленія «по родамъ и видамъ поэзіи», всѣ указанія на двойную или даже тройную выгоду такого систематическаго порядка совершенно не убѣдительны, да и самое примѣненіе на дѣлѣ тутъ же прямо показываетъ свои недостатки и не представляетъ никакихъ удобствъ, не можетъ оказать существенныхъ «услугъ». Почему же редакціею принятъ такой порядокъ? Кажется, прямой отвѣтъ мы находимъ въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ предисловія: «по предложенію издателя». Для издателя такое распредѣленіе по родамъ и видамъ поэзіи было важно: оно дало ему возможность выпустить сорокъ отдѣльныхъ зданій отъ того же набора (отдѣльно изданы посланія, сатиры и т. д.). Въ этомъ все и дѣло; издатель предложилъ свой порядокъ, редакторъ его принялъ, причемъ неудачно попытался оправдать его общими, а не издательскими соображеніями. Въ концѣ концовъ систематическое расположеніе въ изданіи Ф. Павленкова (хотя неудачное и неудобное), все-таки, конечно, лучше совершенной путаницы въ изданіи фирмы г. Суворина.

По внѣшности изданія Павленковскія удовлетворительны, и его восьмитомный Пушкинъ по виду пріятнѣе, чѣмъ Суворинское изданіе. Что же касается до портрета Пушкина въ Павленковскомъ изданіи и до иллюстрацій (числомъ 44), то они очень плохи. Лучше было бы дать меньше иллюстрацій, но не такихъ плохихъ политипажей, которые къ тому же, по крайней мѣрѣ отчасти, — не новы.

Изданіе Ф. Павленкова очень быстро разошлось и появилось вторично раньше, чѣмъ вышло второе Суворинское изданіе. Въ первомъ Павленковскомъ изданіи не было писемъ Пушкина: во второе изданіе они вошли (составивъ 9-й и 10-й томы въ многотомномъ изданіи). Но кромѣ прибавки писемъ второе изданіе не внесло никакихъ исправленій: оно представляетъ точное повтореніе перваго изданія, т. е. даетъ текстъ такъ, какъ онъ печатался еще въ 1882 году; оно добавило только подъ рубрикой «вновь найденныя стихотворенія»—семь піэсъ изъ изданія Литературнаго Фонда,—какъ будто все различіе

между изданіями г. Морозова и г. Павленкова исчерпывается этими семью стихотвореніями; гораздо лучше было бы вмѣсто этого прибавленія заняться точнымъ исправленіемъ всего текста. Біографія осталась въ прежнемъ видѣ. Текстъ писемъ заимствованъ изъ изданія Литературнаго Фонда.

II.

Московскія изданія.

5. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы. Т. I. Лирическія стихотворенія, — цѣна 1 р. 50 к. Т. II. Поэмы, сказки, баллады, эпическія пѣсни, — цѣна 80 к. Т. III (драматическія произведенія) и т. IV (романъ, повѣсти, проза)—еще не выходили.

Какъ уже было упомянуто выше, къ 29-му января, т. е. къ сроку окончанія литературной собственности на сочиненія Пушкина, въ Москвѣ появилось лишь школьное изданіе Льва Поливанова: съ него мы и начнемъ обзоръ московскихъ изданій.

Потребность въ школьномъ изданіи Пушкина сказалась уже давно. Не говоря объ отдѣльныхъ изданіяхъ изъ Пушкина съ этою цѣлью, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана крупная попытка въ этомъ направленіи: тогдашнимъ собственникомъ сочиненій Пушкина было выпущено школьное изданіе избранныхъ произведеній поэта въ трехъ томахъ подъ редакціей и съ объясненіями г. Козьмина; изданіе это, не смотря на свои недостатки, имѣло успѣхъ и скоро было повторено: такова была потребность въ подобномъ изданіи. Школьное изданіе Пушкина, сдѣланное теперь г. Поливановымъ, превосходитъ изданіе г. Козьмина, какъ по полнотѣ, такъ и по систематичности. Но все-таки и оно вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія.

Въ своемъ предисловіи (стр. VI) г. Поливановъ говоритъ: «что касается до полноты моего изданія, то въ немъ сохранено все, что представляетъ художественный интересъ и заслуживаетъ общаго вниманія; такого, что было бы неумѣстнымъ въ изданіи для семьи и школы, у Пушкина оказалось весьма немного. Вотъ почему я не счелъ возможнымъ назвать свое изданіе избранными сочиненіями». Другими словами, г. Поливановъ утверждаетъ, во первыхъ, что его изданіе есть почти полное собраніе сочиненій Пушкина, и, во вторыхъ, что онъ выпустилъ только то немногое, что не подходитъ для юношескаго возраста. Ни то, ни другое положеніе не вѣрно.

Судя по размѣрамъ томовъ, прежде всего трудно предположить, чтобы четвертый томъ далъ бы вмѣстѣ съ Е. Онѣгинымъ всю прозу, которая, безъ всякихъ комментарій, въ обыкновенныхъ изданіяхъ представляетъ три большихъ тома. И вообще, какъ можно, съ незначительными пропусками,

семь томовъ помѣстить въ четыре, да еще наполненныхъ, по крайней мѣрѣ на половину, критическимъ комментаріемъ? Томы г. Поливанова при этомъ меньше обычныхъ томовъ большаго изданія Пушкина. О неполнотѣ изданія мы можемъ вполнѣ судить и по первому тому: въ немъ помѣщено 247 стихотвореній, а между тѣмъ общее число всѣхъ мелкихъ піэсъ Пушкина превышаетъ 750, т. е. разбираемое изданіе даетъ только одну треть ихъ по счету; къ тому же, между стихотвореніями, вошедшими въ изданіе г. Поливанова, не мало такихъ, въ которыхъ сдѣланы болѣе или менѣе крупные пропуски. Такимъ образомъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о полнотѣ; это, несомнѣнно, не что иное, какъ «избранныя сочиненія».

Какъ же сдѣланъ этотъ строгій выборъ? Неужели двѣ трети мелкихъ стихотвореній Пушкина не годятся «для семьи и школы?» Нѣтъ, тысячу разъ—нѣтъ! Изъ откинутыхъ двухъ третей громадное большинство стихотвореній не заключаетъ въ себѣ ничего не подходящаго для юношества. Было бы очень долго перебирать подъ рядъ всѣ откинутыя г. Поливановымъ стихотворенія; достаточно будетъ указать на одинъ какой нибудь отдѣлъ,—возьмемъ, напр., посланія Пушкина въ первый періодъ его жизни, хоть до 1826 года. Г. Поливановъ выпустилъ посланія: къ Галичу два, къ Пущину три (одно дано въ отрывкѣ), къ Ломоносову, къ Кошанскому, къ Шишкову, къ Дельвигу два, къ Илличевскому (данъ отрывокъ), къ Зубову, къ Юрьеву, къ Щербинину, къ Кравцову два, къ Чаадаеву два (даны маленькіе отрывки при третьемъ посланіи), къ Кюхельбекеру, къ Энгельгардту, къ Катенину, къ Алексѣеву, къ Давыдову два. Конечно, быть можетъ, въ четвертой, скажемъ, части изъ названныхъ посланій въ изданіи для юношества пришлось бы сдѣлать нѣкоторые пропуски, но все-таки ихъ можно было бы напечатать съ этими сокращеніями (чего, какъ уже замѣчено, г. Поливановъ вовсе не избѣгаетъ); за то остальныя три четверти изъ нихъ могли бы быть даны въ своемъ цѣломъ и много послужили бы не только къ характеристикѣ самого Пушкина и его личныхъ связей, но въ значительной степени и къ характеристикѣ его взглядовъ на творчество: онъ прямо высказываетъ ихъ, обращаясь къ Дельвигу, Кошанскому или Шишкову и т. д. Кромѣ совершеннаго пропуска указанныхъ посланій, г. Поливановъ выкинулъ не мало стиховъ изъ другихъ посланій, у него приведенныхъ, при чемъ эти пропуски часто бываютъ непонятны, напр., въ посланіи къ А. Ѳ. Орлову или къ Жуковскому: въ послѣднемъ выпущено болѣе половины, вся характеристика русской литературы XVIII вѣка; зачѣмъ было ее выпускать? Если г. Поливановъ не согласенъ съ оцѣнками, сдѣланными у Пушкина, онъ могъ оговорить свой болѣе правильный взглядъ въ объясненіяхъ. Въ концѣ концовъ, изданію, безъ сомнѣнія, очень повредилъ пропускъ указанныхъ посланій, и этотъ пропускъ очень вредно отразился и на комментаріи, о чемъ будетъ сказано ниже.

Итакъ, изданіе г. Поливанова есть несомнѣнно собраніе избранныхъ

сочиненій Пушкина и притомъ вовсе не такое полное, которое могло бы быть (и должно бы быть) сдѣлано для достиженія цѣлей, поставленныхъ г. Поливановымъ.

Что касается до Пушкинскаго текста въ разбираемомъ изданіи, то съ одной стороны оно довольно внимательно воспользовалось сообщеніями изъ рукописей поэта въ «Русской Старинѣ» 1884 г. (иногда, впрочемъ, нужныя поправки не сдѣланы, см., напр., «Заздравный кубокъ», «Чернильница», или сдѣланы невѣрно, напр., въ наброскѣ о Риемѣ); но, съ другой стороны, въ основу текста положено изданіе 1882 г., при чемъ повторены многія его ошибки и даже просто опечатки (ср., напр., мѣста, указанныя выше для изданія Литературнаго Фонда, или еще, въ «Черепѣ» въ 65 стихѣ Увѣренность вмѣсто Умѣренность). Къ этому присоединяются и собственныя опечатки. Заимствованіе черновыхъ варіантовъ изъ «Русской Старины» или «Русскаго Архива» для школьнаго изданія часто не имѣетъ значенія, и редакторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, занявшись вмѣсто того выправкой текста по подлиннымъ Пушкинскимъ изданіямъ.

Въ своемъ комментаріи г. Поливановъ желалъ дать исторію каждаго произведенія и его оцѣнку. Разсказывая исторію лирическихъ піэсъ Пушкина, г. Поливановъ желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать послѣдовательную біографію поэта; мысль прекрасная, но исполненная далеко не вполнѣ: послѣдовательной біографіи и характеристики Пушкина мы у г. Поливанова все-таки не находимъ; ниже было говорено, напр., о пропускѣ въ разбираемомъ изданіи большинства посланій Пушкина къ его друзьямъ, а при этомъ, конечно, комментарій уже не можетъ дать намъ точнаго и полнаго изображенія дружескихъ связей Пушкина, вліяніе которыхъ имѣло такое значеніе въ молодые годы нашего поэта.

Значенію біографическаго комментарія мѣшаютъ еще допускаемыя иногда неточности, которыхъ очень легко было бы избѣжать. Такъ, на стр. 80 говорится, что первое изданіе Руслана и Людмилы, за отъѣздомъ Пушкина изъ Петербурга на югъ, было кончено Вяземскимъ, а на самомъ дѣлѣ оно было поручено Гнѣдичу; такъ дважды (стр. 84 и 132) г. Поливановъ увѣряетъ, будто Пушкинъ въ 1820-хъ годахъ изучалъ Овидія въ подлинникѣ, а между тѣмъ самъ Пушкинъ говоритъ намъ, что по выходѣ изъ лицея ничего не читалъ по латыни. Г. Поливановъ думаетъ, что заниматься Библіей Пушкинъ началъ въ Михайловскомъ, и забываетъ о его извѣстномъ письмѣ изъ Одессы, послужившемъ причиною высылки его въ Михайловское: «Читаю библію..»— такъ начинается это письмо. Въ другомъ мѣстѣ г. Поливановъ разсказываетъ, что Пушкинъ, по возвращеніи изъ ссылки, всю зиму 1826—1827 г. прожилъ въ Москвѣ, а между тѣмъ онъ уѣзжалъ въ серединѣ зимы мѣсяца на полтора опять въ Псковъ.

Говоря о собственномъ комментаріи г. Поливанова (онъ, кромѣ того, при-

водитъ много отзывовъ критики), укажу также примѣры совершенно невѣрнаго объясненія къ стихотвореніямъ. На стр. 176 по поводу «Оды графу Хвостову» говорится, будто Пушкинъ призываетъ Хвостова занять мѣсто тѣни Байрона «въ Аидѣ», что̀, по мнѣнію г. Поливанова, особенно комично; между тѣмъ изъ всего стихотворенія вполнѣ ясно, что Пушкинъ зоветъ Хвостова въ Грецію, «гдѣ отъ крови земля промокла»; ошибочное толкованіе въ данномъ случаѣ произошло отъ слишкомъ буквальнаго пониманія словъ: «на мѣсто тѣни знаменитой»; но вѣдь это и въ обыденной рѣчи постоянно говорится такъ: на мѣсто покойнаго, и никто не думаетъ, что это мѣсто въ гробу.

Другой примѣръ: по поводу «Обвала», на стр. 296, г. Поливановъ говоритъ: «это стихотвореніе вызвано мыслями о борьбѣ русскихъ войскъ съ горцами. Ср. съ (со) «Споромъ Лермонтова». Между тѣмъ, для всякаго читателя, думаю, несомнѣнно, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ никакой аллегоріи: Пушкинъ просто описываетъ картину природы, какую онъ видѣлъ самъ (первая строфа) и передаетъ далѣе случай съ обваломъ, о которомъ онъ слышалъ. И какое тутъ подобіе русской борьбы на Кавказѣ? Обвалъ (т. е. по г. Поливанову—русскія войска) завалилъ рѣку Терекъ (олицетвореніе горцевъ, ихъ характера и взглядовъ), но Терекъ сначала промылся подъ обваломъ, а потомъ обвалъ и совершенно разрушился, такъ что тамъ, гдѣ прежде шелъ по обвалу путь, теперь мчится только Эолъ. Нѣкоторое подобіе послѣдней строфы, со стихами въ «Спорѣ» Лермонтова, и послужило, повидимому, основаніемъ для толкованія «Обвала», какъ аллегоріи. У Пушкина:

И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ;
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

Г. Поливанову при этихъ стихахъ, должно быть, припомнились стихи Лермонтова:

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—орлы...

Надо думать, что, увлеченный воспоминаніемъ объ этихъ стихахъ, г. Поливановъ призналъ вообще сходство «Обвала» Пушкина со «Споромъ» Лермонтова и отсюда уже и призналъ «Обвалъ» за аллегорію, изображающую нашу борьбу съ горцомъ, хотя для этого нѣтъ никакихъ основаній: самые стихи, которые, повидимому, навели г. Поливанова на мысль о сравненіи, по сущности противуположны. У Лермонтова караваны проходятъ тамъ, гдѣ прежде

носились туманы и орлы, а у Пушкина наоборотъ: вѣтеръ носится тамъ, гдѣ передъ этимъ, благодаря случайному обвалу, могли проходить караваны. Но и кромѣ разбираемыхъ стиховъ никакой аналогіи между двумя піэсами въ цѣломъ провести нельзя: случайное и преходящее, хотя и величественное, явленіе обвала Пушкинъ никакъ не могъ сравнивать съ нашими завоеваніями на Кавказѣ. Вся піэса просто даетъ картину кавказской природы безъ всякаго олицетворенія и аллегоріи.

Для того, чтобы дать оцѣнку произведеній Пушкина, г. Поливановъ дѣлаетъ выборку изъ главнѣйшихъ нашихъ критиковъ: работа серьезная и очень полезная. Однако, опять надо замѣтить, что выборъ отрывковъ не всегда удаченъ; они иногда слишкомъ длинны, иногда черезъ-чуръ кратки, часто не согласованы, не сведены, а выводъ самому читателю бываетъ трудно сдѣлать,—для этого не дается достаточнаго матеріала. Какое, напр., значеніе могутъ имѣть такіе отзывы: «Мечтатель. По замѣчанію Бѣлинскаго, стихотвореніе это показываетъ сильное вліяніе Батюшкова. По мнѣнію Анненкова, оно представляетъ... первое проявленіе самостоятельнаго таланта. Размѣръ его (стихотворенія),—прибавляетъ отъ себя редакція,—употреблявшійся и Батюшковымъ,—одинъ изъ любимыхъ размѣровъ Жуковскаго». Такимъ образомъ, г. Поливановъ, вмѣсто того, чтобы высказаться—кто правъ, Бѣлинскій или Анненковъ, есть ли данная піэса подражаніе Батюшкову или нѣчто самостоятельное, указываетъ еще на сходство съ Жуковскимъ, т. е. оставляетъ вопросъ въ неопредѣленномъ положеніи: зачѣмъ же было его ставить? Или еще № 16. «Изъ посланія къ кн. А. М. Горчакову» (стр. 41). «По замѣчанію Бѣлинскаго, это стихотвореніе носитъ слѣды вліянія Батюшкова. По замѣчанію Гаевскаго, эта элегія, напоминая содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго къ Филалету, въ то-же время носитъ слѣды подражанія предсмертной элегіи Жильбера». И опять юный читатель оставляется въ недоумѣніи, кому же и въ чемъ подражалъ Пушкинъ въ данномъ случаѣ.

Существеннымъ достоинствомъ комментарія г. Поливанова представляется постоянно дѣлаемыя сравненія съ иностранными образцами Пушкина (гораздо полнѣе, чѣмъ у г. Морозова), при чемъ приводятся въ подлинникѣ или въ переводѣ иностранныя произведенія, которымъ подражалъ или изъ которыхъ заимствовалъ свои мотивы Пушкинъ.

По внѣшности, изданіе г. Поливанова не особенно изящно, напоминаетъ обычные учебники; къ тому-же комментарій, – въ немъ часто есть чужіе, не Пушкинскіе стихи,—недостаточно отдѣляется по шрифту отъ стихотвореній Пушкина, и послѣднія совершенно тонутъ въ немъ, такъ что ихъ иногда нелегко найти.

На оберткѣ вышедшихъ къ 29-му января первыхъ двухъ томовъ сказано: «томы III и IV печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени». Къ сожалѣнію, до сихъ поръ обѣщанные томы не появлялись.

Въ общемъ, изданіе г. Поливанова является удачнымъ, но все-таки оно не исчерпываетъ окончательно всей задачи, во-первыхъ, по неполнотѣ (не говоря уже объ ошибкахъ въ текстѣ), во-вторыхъ, по своей высокой цѣнѣ, въ третьихъ, наконецъ, потому, что оно разсчитано только для юношества старшаго возраста.

Всѣ остальныя изданія, о которыхъ буду говорить дальше, печатались уже послѣ выхода изданій выше разобранныхъ,—такимъ образомъ, они всѣ могли и должны были воспользоваться работою г. Морозова или г. Ефремова. Одни изъ нихъ это сдѣлали, другія нѣтъ, но во всѣхъ ихъ не видно и слѣда самостоятельной редакторской работы; поэтому очень подробно говорить о нихъ нечего,—я лишь кратко охарактеризую каждое изъ этихъ изданій и его отношеніе къ своему первоисточнику, т. е. къ тому изданію, которое положено въ его основу.

6. **Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе А. А. Карцева. Біографическій очеркъ составленъ А. Сосницкимъ. Одинъ томъ, цѣна 1 р. 25 к.**

Это изданіе не воспользовалось трудами непосредственныхъ предшественниковъ: оно даетъ текстъ, большею частью, неисправленный, непополненный, какъ онъ печатался до 1882 года включительно. По неполнотѣ и неточности текста, по преднамѣреннымъ пропускамъ для сокращенія своего объема, это изданіе близко къ (первому) изданію г. Павленкова; оно отличается отъ него тѣмъ, что часть стихотвореній и часть прозы напечатаны не по изданію 1882 года, а по изданію 1880 г., т. е. повторяетъ такія особенности его, напр., въ хронологіи піэсъ, которыя были исправлены еще въ изданіи 1882 г. (зачѣмъ это было нужно брать за образецъ изданіе 1880 г. — не понятно). За то расположеніе піэсъ въ разбираемомъ изданіи лучше, чѣмъ въ изданіи г. Павленкова (здѣсь только три отдѣла—лирика, эпосъ, драма); точно также лучше и внѣшность, т. е. бумага и печать (къ сожалѣнію, изданіе очень плохо сброшюровано); въ немъ, наконецъ, меньше опечатокъ. Замѣчу еще, что курьезная ошибка г. Скабичевскаго, съ примѣчаніемъ г. Ефремова къ Лицейскимъ запискамъ Пушкина, повторена и въ Карцевскомъ изданіи; надо думать, что она прямо заимствована изъ Павленковскаго изданія, — трудно предположить случайное совпаденіе въ столь странной ошибкѣ.

Портретъ Пушкина, «гравированный художникомъ Яновымъ» (т. е. это, конечно, значитъ—политипажъ) и находящійся на оберткѣ, совершенно никуда не годится. Къ изданію приложенъ біографическій очеркъ, составленный А. Соснецкимъ; читается онъ легко, но въ немъ не мало неточностей и замѣчается странная неразборчивость по отношенію къ источникамъ; тексты

Пушкина цитуются въ неисправленномъ видѣ, что для біографа иногда особенно неудобно.

Изданіе г. Карцева самое дешевое изъ всѣхъ болѣе или менѣе полныхъ изданій сочиненій Пушкина. По слухамъ, оно (15,000 экземпляровъ) почти все уже разошлось, и г. Карцевъ предполагаетъ выпустить второе изданіе, исправивъ и дополнивъ текстъ, но не возвышая цѣны.

7. а) Полное собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе В. Н. Маракуева. 10 томовъ, цѣна 1 р. 50 к., на плотной бумагѣ 2 р. 50 к., на веленевой 3 р. 50 к. б) Собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе В. Н. Маракуева. 6 томовъ, цѣна 1 р.

8. а) Полное собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе И. Д. Сытина и К°, 10 томовъ, цѣна 1 р. 50 к. б) Собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе И. Д. Сытина и К°, 6 томовъ, цѣна 1 р.

Всѣ эти четыре изданія, напечатанныя съ одного набора въ типографіи И. Д. Сытина и К°, представляютъ одно и то-же, поэтому я буду говорить о нихъ сразу. Впрочемъ, между изданіями Маракуева и Сытина есть еще одно различіе, кромѣ обертки, о которомъ будетъ сказано ниже.

Прежде всего замѣтимъ, что шеститомное Собраніе сочиненій отличается отъ десятитомнаго Полнаго собранія прямо отсутствіемъ послѣднихъ четырехъ томовъ, заключающихъ въ себѣ журнальныя статьи, историческія сочиненія, записки, письма.

Въ основу разбираемаго изданія положенъ текстъ изданія Литературнаго Фонда; текстъ этотъ перепечатанъ съ старательною точностью, при чемъ лица, завѣдывавшія перепечаткой, допустивъ, конечно, свои опечатки, постарались добросовѣстно сохранить всѣ ошибки своего подлинника, не обративъ вниманія даже на списокъ опечатокъ, приложенный къ изданію Литературнаго Фонда. Тутъ произошелъ характерный для разбираемыхъ изданій случай: въ изданіи Литературнаго Фонда, въ сценѣ изъ «Фауста», была пропущена по недосмотру цѣлая страница, такъ что потомъ эту сцену перепечатали на отдѣльномъ листкѣ, который и раздавался покупателямъ. Разбираемыя изданія не обратили вниманія на этотъ листокъ и напечатали сцену изъ Фауста съ пропускомъ 31 стиха!

Текстъ «Е. Онѣгина», «Бориса Годунова» и «Полтавы» въ разбираемыхъ изданіяхъ взятъ изъ отдѣльныхъ изданій, напечатанныхъ Обществомъ любителей россійской словесности. «Онѣгинъ» дѣйствительно напечатанъ въ этомъ изданіи точнѣе и полнѣе, но за то въ «Борисѣ Годуновѣ» и «Полтавѣ» тамъ данъ только основной текстъ, такъ сказать, вульгата, и гг. Маракуевъ-Сытинъ, воспроизведя его, даютъ «Бориса Годунова» въ менѣе полномъ видѣ, чѣмъ изданіе Литературнаго Фонда. При этомъ же тутъ воспроизведены опять

ошибки изъ изданій Общества словесности, а новыя дополненія къ «Евгенію Онѣгину» не взяты.

Гг. Маракуевъ-Сытинъ, пользуясь изданіемъ Литературнаго Фонда, выпустили, однако, многое изъ черновыхъ набросковъ и изъ мелкихъ произведеній Пушкина; при этомъ трудно понять, почему одно выброшено, а другое—совершенно такого же характера — оставлено. Гораздо правильнѣе отношеніе къ дѣлу въ изданіи г. Павленкова или г. Карцева: тамъ выпущены всѣ черновые наброски и дополненія, и читатель, по крайней мѣрѣ, знаетъ прямо, чего нѣтъ и что есть, а въ разбираемомъ изданіи это никому неизвѣстно. Навряд ли и сами издатели знаютъ, что они пропустили... Что? Галуба, ни болѣе, ни менѣе, какъ Галуба.

Дѣлая произвольные пропуски для своего изданія, гг. Маракуевъ-Сытинъ допустили при этомъ повтореніе одного и того-же. Въ этомъ отношеніи особенно отличились оба изданія г. Маракуева: въ нихъ дважды напечатана Полтава! Она помѣщена у г. Маракуева въ IV томѣ безъ примѣчаній и въ V томѣ опять цѣликомъ, съ примѣчаніями. Въ изданіи г. Сытина, печатавшагося съ того-же набора, но, очевидно, позднѣе, «Полтава» изъ IV тома выкинута.

Ко всѣмъ четыремъ разбираемымъ изданіямъ приложены одинаковые два портрета и два вида—все въ очень плохихъ политипажахъ; особенно портретъ Пушкина-мальчика поразителенъ по своей негодности. Приложенная краткая біографія и «примѣчанія» тоже изъ рукъ вонъ плохи. Наконецъ, всѣ эти изданія изобилуютъ опечатками.

У гг. Сытина и Маракуева было желаніе издать Пушкина точно и полно, но имъ въ этомъ помѣшали, съ одной стороны, экономическіе разсчеты, а съ другой неумѣніе взяться за дѣло и небрежность въ исполненіи.

9. Юбилейное изданіе. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, въ одномъ томѣ всѣ 7 книгъ, восьмая же книга включаетъ въ себѣ Пушкина біографію. Просмотрѣно и издано подъ редакціею Мальцева, по послѣднимъ дополненнымъ изданіямъ Анскаго, Суворина и Павленкова, редактированнымъ Скабичевскимъ, Ефремовымъ и другими. Изданіе г. Земскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

По одному заглавію можно уже судить объ этомъ изданіи, но для того, чтобы дать еще лучшее понятіе о немъ, приведу двѣ выдержки изъ объясненій редакціи: «нѣсколько словъ объ этомъ изданіи». Редакція объясняетъ, что въ изданіи

„не помѣщены: вторая часть исторіи Пугачевскаго бунта, которая почти вся состоитъ изъ однихъ матеріальныхъ замѣтокъ и, кромѣ того, камчатскія дѣла и матеріалы къ составленію исторіи Петра Великаго: они безусловно для публики излишни и не составляютъ ни малѣйшаго интереса, и помѣщеніе ихъ только бы усложнило это изданіе въ цѣнѣ безъ всякой пользы для нея (sic), и цѣна ему была бы вмѣсто одного рубля 50 к. уже не менѣе трехъ рублей“.

А въ концѣ еще:

Примѣчаніе. Помѣщеніе критическихъ замѣтокъ, примѣчаній и разбора на сочиненія Пушкина въ это дешевое изданіе совершенно излишне, что только увеличило бы болѣе чѣмъ вдвое цѣну, какъ мы на этотъ предметъ выше сказали" (sic).

Само изданіе представляетъ безобразную перепечатку изданія 1882 года, не только безъ дополненій и поправокъ (какъ и во второмъ Павленковскомъ изданіи внесены семь,—«около десяти», говоритъ г. Мальцевъ—піэсъ изъ изданія Литературнаго Фонда), но со всякими пропусками и искаженіями, съ совершенно произвольною перебивкою произведеній и пр., и пр. Послѣ стихотвореній 1823 г. находимъ 1828 и 1829 г.; затѣмъ «вторая книга» начинается стихотвореніями 1825 г., а далѣе идутъ годы 1826, 1827, 1830 и т. д. Кромѣ того и между отдѣльными годами піэсы перебиты.

Разбираемое изданіе очень осторожно въ цензурномъ отношеніи, дѣлаетъ поэтому много пропусковъ въ такихъ мѣстахъ, которыя совершенно свободно печатаются во всѣхъ другихъ изданіяхъ. Оно доходитъ до того, что послѣдній куплетъ въ «Посланіи въ Сибирь» (и заглавіе не дано) печатается такъ:

Ок.. тя.. пад...
Темн... рух... и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья м... вамъ отдадутъ.

И даже въ пѣснѣ о сынѣ С. Разина, вмѣсто «во царевомъ кабакѣ» — напечатано: «во цар... кабакѣ».

Опечатокъ въ изданіи множество. Внѣшность ужасная, бумага скверная, полей нѣтъ; текстъ напечатанъ что въ два, что въ три, а что въ четыре столбца,—это перебивается часто на одной страницѣ. Портреты очень плохи, особенно фантастическій портретъ Пушкина во весь ростъ; лицо Пушкина на немъ очень мало похоже, онъ закутанъ въ медвѣжью шинель, въ родѣ Державина, а въ облакахъ чья-то рука держитъ лавровый вѣнокъ, кругомъ котораго надпись: «вѣчная, безсмертная слава великому поэту русскому». Біографія—это «выдержки по редакціи Скабичевскаго». По заглавію и по вышеприведеннымъ образцамъ слога г. Мальцева можно судить о статьѣ. Къ изданію не приложено указателя, нѣтъ даже порядочнаго оглавленія. Вообще это изданіе во всѣхъ отношеніяхъ худшее изъ всѣхъ новыхъ изданій Пушкина, и наврядъ ли оно можетъ быть превзойдено въ будущемъ.

10. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Состоящее изъ 12-ти частей. Изданіе предназначено для всего русскаго народа. Съ приложеніемъ біографіи поэта, торжества открытія ему памятника въ Москвѣ, юбилея 50-тилѣтія и хромолитографированныхъ картинъ. Изданіе книгопродавца издателя С. И. Леухина (1 томъ, цѣна 2 р.).

Леухинское изданіе плохо, но всѣ таки нѣсколько лучше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ изданіе г. Земскаго. Оно напечатано на болѣе хорошей бумагѣ, всего въ два столбца съ полями; опечатокъ, правда, тоже очень много. Стихотворенія Пушкина перебиты тутъ, кажется, еще больше, чѣмъ у г. Земскаго; за то разбираемое изданіе полнѣе, не дѣлаетъ такихъ безобразныхъ пропусковъ. Текстъ, конечно, взятъ по изданію 1882 г. безъ исправленій. Біографія подробнѣе и нѣсколько лучше составлена, хотя, конечно, о самостоятельной работѣ, о самостоятельной мысли въ ней нѣтъ и помину, а источники ея взяты безъ разбору и безъ провѣрки. Свѣдѣнія объ открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ и о праздноваліи его памяти 29-го января 1887 г. заимствованы тоже безъ разбору и безъ системы изъ всякихъ газетъ. Хромолитографическія картины (объявленія г. Леухина все время, и до выхода изданія, и послѣ его появленія, упорно говорили объ олеографическихъ картинахъ), большею частью, крайне плохи.

III.

Мы разсмотрѣли всѣ или почти всѣ новыя «полныя собранія» сочиненій Пушкина [1]).

Изданій много, но общее впечатлѣніе получается далеко не благопріятное. Какъ уже замѣчено выше, дешевизна изданій не составляетъ еще заслуги издателей. Ни одно изъ новыхъ изданій, за двумя исключеніями, не можетъ удовлетворить двумъ основнымъ требованіямъ, — точности и полнотѣ. Исключеніе составляютъ только два наиболѣе дорогихъ изданія: изданіе Литературнаго Фонда подъ редакціей г. Морозова и Комаровское изданіе подъ редакціей г. Ефремова: только на эти два изданія была положена самостоятельная работа, только они представляютъ извѣстную гарантію относительно точности и полноты текста. Но вполнѣ удовлетворительными, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, и эти два изданія не могутъ быть названы. Во первыхъ,

[1]) Еще мнѣ извѣстны: 1) Изданіе газеты „Лучъ“, 2) Изданіе петербургскаго товарищества „Общественная польза“ и 3) одно одесское изданіе, выходившее отдѣльными выпусками; самостоятельнаго значенія они не имѣютъ. В. Я.

каждое изданіе изъ нихъ представляетъ разныя стороны редакторской работы: г. Морозовъ самостоятельно занимался рукописями поэта, г. Ефремовъ—печатнымъ Пушкинскимъ текстомъ; послѣднее, по моему, важнѣе, но собственно важно-то было бы соединеніе обѣихъ сторонъ. Во вторыхъ, въ обоихъ изданіяхъ есть существенные недостатки, нѣкоторые пропуски, ошибки и т. д. Оба изданія далеко не разрѣшили окончательно задачи, чѣмъ г. Ефремовъ, впрочемъ, и не задавался.

Поучительную, хотя очень печальную картину представляетъ исторія Пушкинскихъ изданій съ 29-го января 1886 года. На книжномъ рынкѣ появляется множество всякихъ «полныхъ» изданій; но только одно изъ нихъ было редактировано при помощи рукописей поэта, только другое при помощи подлиннаго печатнаго Пушкинскаго текста. Остальныя всѣ изданія пользовались безъ критики, часто безъ системы и со всевозможнымъ произволомъ трудами г. Ефремова и г. Морозова, при чемъ мы видимъ очень поучительное явленіе—постоянное повтореніе чужихъ ошибокъ,—не говоря уже о щедромъ прибавленіи собственныхъ ошибокъ. Въ концѣ концовъ на книжномъ рынкѣ распродано уже до 200 тысячъ экземпляровъ полныхъ изданій Пушкина и готовятся еще новыя изданія, такъ какъ спросъ все продолжается. Къ сожалѣнію, опытъ уже показалъ (второе изданіе Суворинское и Павленковское), что прежнія изданія, какъ они поставлены, навряд-ли могутъ быть исправлены. Поэтому-то очень важно извѣстіе о намѣреніи академіи наукъ предпринять изданіе сочиненій Пушкина.

Нечего говорить о томъ, что это обязанность академіи, исполнить которую академія можетъ, какъ должно: для этого у нея есть всѣ данныя.

Академія можетъ, не торопясь, не заботясь о требованіяхъ книжной спекуляціи, серьезно исполнить свою задачу. А задача и теперь еще предстоитъ нелегкая. Рукописи Пушкина все еще далеко не исчерпаны. «Описаніе» ихъ многое оставляло въ сторонѣ, притомъ же въ немъ, какъ и можно было ожидать и какъ показано г. Морозовымъ, вкралось достаточно ошибокъ и неточностей. Г. Морозовъ тоже не исчерпалъ рукописей, тоже допустилъ неточности. Будемъ надѣяться, что редакція академическаго изданія съумѣетъ окончательно изслѣдовать рукописи Пушкина. Затѣмъ ей, конечно, предстоитъ задача полнаго сличенія печатнаго Пушкинскаго текста.

Издавать сочиненія извѣстныхъ русскихъ писателей, это—одна изъ прямыхъ обязанностей академіи. Изъ примѣра съ изданіемъ сочиненій Державина мы можемъ видѣть, какъ хорошо обставлены бываютъ подобныя академическія изданія.

Нельзя сомнѣваться, что на изданіе сочиненій Пушкина будетъ теперь употреблено не менѣе труда и заботъ, и мы въ академическомъ изданіи будемъ имѣть полный и точный текстъ Пушкина, снабженный объясненіями и примѣчаніями, съ приложеніемъ портретовъ, видовъ, факсимиле рукописей и рисунковъ,

а также снимковъ съ извѣстныхъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Пушкина и проч. Само собою разумѣется, что на ряду съ такимъ роскошнымъ изданіемъ должно быть сдѣлано изданіе болѣе простое и очень дешевое,—быть можетъ, потребуется даже нѣсколько разныхъ изданій и т. д.

Спросъ на сочиненія Пушкина, не удовлетворенный еще количествомъ новыхъ изданій, тѣмъ болѣе не удовлетворенъ ихъ качествомъ. Поэтому-то, повторяю, нельзя не привѣтствовать съ особенною радостью намѣреніе Императорской Академіи наукъ издать собраніе сочиненій А. С. Пушкина достойнымъ образомъ.

В. Е. Якушкинъ.

Августъ 1887 г.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Стихотвореніе на французскомъ языкѣ

1841 г.

I.

Въ майской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г. (стр. 405) я помѣстилъ французскіе стихи, находящіеся между «предсмертными» стихотвореніями Лермонтова, о коихъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій редакторъ повторяетъ сказанное имъ и прежде, что это стихотвореніе «нельзя прочесть, потому что карандашъ стертъ». Карандашъ совсѣмъ не стерся и стихотвореніе читается легко, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, взглянувъ въ знаменитый альбомъ, хранящійся въ императорской публичной библіотекѣ. Помѣщая подлинникъ, я выразилъ неувѣренность, точно ли стихотвореніе принадлежитъ Лермонтову, или же только списано Михаиломъ Юрьевичемъ съ мыслью перевести его на русскій языкъ.

Въ августовской книгѣ «Русской Старины», на стр. 445, г. Якоби, сравнивъ стихи съ произведеніемъ Шиллера «Die Erwartung», находитъ, что это переводъ послѣдняго. Однако, все же остается невыясненнымъ, сдѣланъ ли переводъ Лермонтовымъ или инымъ лицомъ. Во всякомъ случаѣ, эти стихи не переводъ, а лишь навѣяны Шиллеромъ. Лирическое стихотвореніе послѣдняго состоитъ изъ 64 строчекъ, тогда какъ французская пьеса, о коей идетъ рѣчь, состоитъ изъ 18 строкъ. Если переложеніе дѣйствительно сдѣлано Лермонтовымъ, то это только характеризуетъ нашего поэта. Онъ любилъ стихъ кованный, выражался кратко и образно, не любилъ многоглаголенія, тогда какъ Шиллеръ охотно переходилъ въ риторику. Указаніе

г. Якоби побудило меня опять приглядѣться къ извѣстному стихотворенію нѣмецкаго поэта. Оно распадается, такъ сказать, на двѣ части. Въ немъ рисуется влюбленный, ожидающій свою возлюбленную, — онъ прислушивается къ малѣйшему шуму, весь поглощенный мыслью о ея появленіи. Это выражено краткими четырехстишіями, затѣмъ четырехстишія перерываются восьмистрочными ямбами, описывающими мечты и чувства ожидающаго, являясь какъ бы комментаріемъ. Можно читать четырехстишія одно за другимъ, выпуская комментаріи, и стихотвореніе произведетъ полное впечатлѣніе, даже выиграетъ въ своей лирической образности. Вѣроятно, Лермонтовъ, слагая французскіе стихи, если только онъ думалъ подражать нѣмецкому поэту, вызывалъ изъ памяти одни четырехстишія; но и тутъ французское стихотвореніе является въ болѣе сжатой формѣ, нежели оригиналъ.

Вѣрнѣе всего, что въ поэтической памяти поэта безсознательно сохранился мотивъ шиллеровскаго стихотворенія и онъ, при тождественной обстановкѣ и аналогическихъ чувствахъ, написалъ подобное-же. Переводомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать напечатанное мною стихотвореніе. Въ сказанномъ каждому легко увѣриться, сравнивъ его съ пьесою Шиллера въ оригиналѣ, или хоть въ переводѣ Мея въ изданіи собранія сочиненій Шиллера г. Гербеля (1875 г., стр. 45). Тамъ же находится нѣсколько стихотвореній Лермонтова, навѣянныхъ на 14-тилѣтняго юношу германскимъ поэтомъ.

Подъ вліяніемъ воспитательницы своей, нѣмки Кристины Рёмеръ, и гувернера г. Кана, Лермонтовъ въ дѣтствѣ находился подъ сильнымъ обаяніемъ поэзіи Лессинга, Гете и Шиллера въ особенности. Рано уже началъ онъ его переводить, подражалъ ему, давалъ своимъ произведеніямъ заглавія на нѣмецкомъ языкѣ [1]). Онъ писалъ даже стихи на языкѣ имъ излюбленныхъ поэтовъ.

Кромѣ четырехстишія Лермонтова на нѣмецкомъ языкѣ, мною уже напечатаннаго [2]), въ юношескихъ тетрадяхъ встрѣчается еще и слѣдующее стихотвореніе:

---

[1]) О вліяніи этомъ я говорю въ декабрьской кн. „Русской Мысли“ 1881 г.

[2]) Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnten sie erfreun,
Doch selbst, selbst glücklich wird sie nie.

Четырехстишіе это напечатано въ той же книжкѣ „Русской Мысли“ (прим. 51), но съ опечатками, искажающими смыслъ. Оно переведено самимъ Лермонтовымъ на русскій языкъ, съ прибавленіемъ еще новыхъ четырехъ стиховъ:

Ты слишкомъ для невинности мила
И слишкомъ ты любезна, чтобъ любить;

Dir folgen meine Thränen,
Dir die du von mir fliehst,
Und mein unendlich Sehnen
Ganz ohne Thränen siehst.
Jetzt ist der Tag verloren,
Auf den ich mich gefreut,
Doch was ich dir geschworen,
Hat mich noch niegereut.
Und könntest du ihn messen
Den Schmerz, den ich nicht mass,
Du würdest nie vergessen,
Den der dich nie vergass.
Der Anblick dieser Wunden
Würd' dir dann schmerzhaft sein,
Mir würden diese Stunden
Mein erstes Glück erneun.
Mein Herz, das du verkennest,
O, Freundin! bleibt doch dein;
Das Herz, für das du brennest,
Wird nicht so standhaft sein [1]).

Полміру дать ты-бъ счастіе могла,
Но счастливой самой тебѣ не быть...
Блаженства намъ не посылаетъ рокъ
Вдвойнѣ. Видала-ль быстрый ты потокъ?
Брега его цвѣтутъ, тогда какъ дно
Вездѣ глубоко, холодно, темно...

[1]) Переводъ: Во слѣдъ за тобою текутъ мои слезы,
Онѣ вызваны тобою, меня избѣгающею,
И на мою безграничную страсть
Глядящую вовсе безъ слезъ.
Погибъ для меня день,
Котораго я такъ радостно ожидалъ;
Но то, чѣмъ я поклялся тебѣ,
Во мнѣ еще не вызвало раскаянья.
Если-бъ ты могла измѣрить муку,
Которая для меня не имѣетъ мѣры,
То не могла бы забыть того,
Кто тебя никогда не забывалъ.
Видъ этихъ ранъ (моихъ)
Болѣзненно отозвался бы въ тебѣ —
Мнѣ же эти мгновенія
Напомнили бы часы перваго счастія.
Мое сердце, котораго ты не хочешь понять,
Другъ мой! все же останется твоимъ;
Сердце жь, къ которому ты пылаешь,
Не выкажетъ такого постоянства.

И это стихотвореніе я не могу рѣшительнымъ образомъ признать за Лермонтовское, хотя ни я, ни знатоки нѣмецкой литературы не могли отыскать его въ произведеніяхъ германскихъ поэтовъ. Во всякомъ случаѣ, и оно, и то, которое помѣщаю въ примѣчаніи, рисуютъ состояніе нашего поэта, въ то время полюбившаго сверстницу свою, молодую дѣвушку Варвару Александровну Лопухину, на всю жизнь оставшуюся ему милой. Тетради поэта полны мучительныхъ намековъ ревнивыхъ думъ и ощущеній, волновавшихъ молодую душу. Лермонтовъ перелагалъ въ стихи все, что его поражало, и никогда не писалъ ни строчки не пережитаго или не перечувствованнаго имъ.

Если стихи, о коихъ говорю я, не его, то они вполнѣ выражали, что ему хотѣлось выразить, и для него стали собственностью... Внимательное изученіе, однако, все же заставляетъ меня склоняться къ увѣренности, что поэтъ самъ излилъ чувства свои на иностранномъ языкѣ, а не списалъ чужое.

II.

Еще о французскихъ стихахъ Лермонтова.

Въ сентябрьской тетради «Русскаго Архива» изд. 1887 г. (стр. 128) помѣщена статейка: «Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ де-Гелль въ 1840 году», сообщенная кн. П. П. Вяземскимъ. Оказывается, что французское стихотвореніе, помѣщенное мною въ майской книгѣ «Русской Старины» изъ альбома «предсмертныхъ стихотвореній» Лермонтова, было въ нѣсколько измѣненной формѣ посвящено легкомысленной, но хорошенькой и умной француженкѣ, еще въ 1840 г. хвастливо говорившей объ отношеніяхъ своихъ къ славному молодому русскому поэту.

Сравнивая обѣ редакціи стихотворенія, я прихожу къ заключенію, что напечатанный мною текстъ болѣе отдѣланъ и слѣдовательно представляетъ позднѣйшій варіантъ. Этимъ объясняется также, почему стихи въ Альбомѣ написаны безъ всякихъ помарокъ, что и побудило меня высказать мысль о возможной принадлежности ихъ другому поэту и желаніи Михаила Юрьевича перевести пьеску на русскій языкъ. Кто знаетъ, какъ работалъ поэтъ, какъ изъ первоначальныхъ слабыхъ набросковъ мало по малу выходили строки большой граціи, сжатости и чистоты, тотъ сразу согласится, сравнивъ обѣ редакціи, что текстъ, напечатанный мною, является произведеніемъ красоты,

искренности и чистоты чувства, тогда какъ приводимый въ «Русскомъ Архивѣ» отзывается наброскомъ, недостаточно отдѣланнымъ, даже, пожалуй, циничнымъ, навѣяннымъ случаемъ никакъ не возвышеннаго характера. Это видно достаточнымъ образомъ изъ заключительныхъ двухъ строкъ. Въ моемъ текстѣ поэтъ пробуждается, когда голосъ возлюбленной касается его слуха, уста чела его:

Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

Въ текстѣ кн. Вяземскаго спящій просыпается, когда голосъ возлюбленной касается его слуха, нога ноги его:

Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

Удивляюсь, что кн. П. П. Вяземскій не указалъ на эту разницу. Онъ же отнесся къ стихотворенію, очевидно, критически и со вниманіемъ, потому что исправляетъ въ одномъ мѣстѣ текстъ мой и исправляетъ совершенно вѣрно. У меня напечатано:

Le bruit d'une feuille qui pousse
Le vent parfumé de la nuit.

тогда какъ князь указываетъ на то, что вмѣсто qui должно быть que,

Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Для бо́льшей наглядности приводимъ здѣсь еще разъ оба текста стихотворенія:

Je l'attends dane la plaine sombre...
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement —
Eh non! trompeuse espérance,
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute,
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit.
Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

A Madame Hommaire de Helle.

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement,—j'écoute
La grande voix du silence.

De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond.
Tout-à-coup, tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tournoie;
La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avançant à petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout-à-coup tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

Догадка моя о томъ, что мой текстъ есть уже исправленный, подтверждается, впрочемъ, и княземъ. Онъ (на стр. 141) говоритъ, что помнитъ, какъ въ зиму 1840—1841 гг. Лермонтовъ набрасывалъ свои статьи то карандашемъ, то перомъ. У князя въ памяти сохранились даже нѣкоторыя строки приводимаго стихотворенія, надъ коимъ работалъ поэтъ. Дѣйствительно, хронологія тоже подтверждаетъ мою догадку. Г-жа Гоммеръ де-Гелль говоритъ о стихотвореніи въ письмѣ отъ 29-го октября 1840 г., вскорѣ послѣ его поднесенія ей поэтомъ. Затѣмъ Лермонтовъ въ ноябрѣ уѣзжаетъ въ Петербургъ, куда является, пробывъ нѣсколько времени въ Москвѣ. Въ Петербургѣ князь Вяземскій видѣлъ, какъ Михаилъ Юрьевичъ работалъ надъ стихами. Уже совладавъ съ ними и давъ имъ совершенно иной колоритъ, Лермонтовъ внесъ ихъ передъ послѣднимъ роковымъ выѣздомъ въ Альбомъ, подаренный ему кн. Одоевскимъ. Не даромъ однимъ извѣстнымъ поэтомъ было замѣчено, что часто приходится краснѣть, вспоминая тѣ случаи жизни и тѣхъ женщинъ, которыя подавали первый поводъ къ сочиненію произведеній, являющихся потомъ съ печатью чистоты. Да что намъ до этого, скажу я, повторяя мысль Штрауса, біографа Ульриха Гуттена, что намъ до этого, изъ чего сложился горючій матеріалъ, лишь бы пламя горѣло чистымъ и яркимъ огнемъ. Къ тому же Лермонтовъ не занесъ въ завѣтную тетрадь то, что написалъ фривольной француженкѣ, а занесъ то, что, переработанное имъ, дышетъ чистотой и уже не можетъ считаться посвященнымъ иностранкѣ, да и ею, вѣроятно, было бы найдено недостаточно пикантнымъ. Впрочемъ, француженка оказывается женщиною не безъ ума и наблюдательности, когда говоритъ еще въ 1840 г. о значеніи и судьбѣ Лермонтова. Въ то время, когда многія лица, почитавшіяся въ обществѣ законодателями вкуса и «представителями образованности», видѣли въ Лермонтовѣ «дерзкаго корнета,

смѣвшаго мечтать о большой поэтической славѣ» [1]), чуткая француженка, пускай хоть со словъ чужихъ, называетъ его величайшимъ, по смерти Пушкина, поэтомъ Россіи. Затѣмъ она же замѣчаетъ (стр. 133): «Мнѣ жаль Лермонтова, онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англіи... а онъ великій поэтъ!!!»

Предсказаніямъ иностранки скоро было суждено осуществиться. Лермонтовъ палъ жертвой не столько своихъ «фарсовъ безъ злобы», надоѣдавшихъ другимъ, сколько жертвою заговора мелкихъ, ничтожныхъ людей, думавшихъ сдѣлать угодное нѣкоторымъ сильнымъ міра сего и выбравшихъ орудіемъ своимъ такого же, какъ они, но только болѣе ограниченнаго человѣка—такъ совершено было убійство.

Князь Вяземскій (на стр. 142) приводитъ разсказъ флигель-адъютанта Лужина, по которому императоръ Николай Павловичъ, при извѣстіи о смерти Лермонтова, сказалъ: «Собакѣ собачья смерть!» Впрочемъ, государь имѣлъ причины лично негодовать на поэта за дерзкую выходку противъ одной изъ великихъ княженъ—да и не за одно это. (Въ свое время я сообщу этотъ любопытный случай, рѣшившій судьбу Лермонтова). Услужливые люди, съ графомъ Бенкендорфомъ во главѣ, спѣшили поднять гоненіе на молодаго человѣка. Только заступничество добросердечнаго великаго князя Михаила Павловича спасало Михаила Юрьевича отъ болѣе тяжкихъ бѣдъ, но отъ смерти не могло спасти.

Что при такихъ условіяхъ,—я о подробностяхъ то же скажу въ своемъ мѣстѣ,—Лермонтовъ, какъ разсказываетъ кн. Вяземскій, «чувствовалъ себя неловко въ родственной компаніи» и даже съ нимъ, съ которымъ былъ прежде друженъ, сталъ холоденъ (стр. 141)—неудивительно. «Родственная компанія» была совершенно иного направленія, что сказалось ясно уже въ 1837 г., когда Лермонтовъ вступился за поруганную тѣнь Пушкина» [2]). Зрѣющій духъ поэта

[1]) Въ такомъ же родѣ выражалась о Михаилѣ Юрьевичѣ извѣстная пріятельница Гоголя и Пушкина, звѣзда великосвѣтскихъ салоновъ, А. О. Смирнова, рожд. Россетъ, которой Лермонтовъ посвятилъ всѣмъ извѣстное стихотвореніе. Да и мало ли подобныхъ отзывовъ могъ бы я еще привести.

П. В.

[2]) См. статью мою о стихахъ на смерть Пушкина въ январьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1887 г. Относительно незаслуженныхъ нареканій на Лермонтова со стороны „придворной молодежи“ ср. любопытную статью князя А. Васильчикова въ „Голосѣ“ 1875 г. № 15, посвященную защитѣ Михаила Юрьевича. Не могу допустить, чтобы Лермонтовъ, какъ намекаетъ князь, „имѣлъ что-то съ Монго Столыпинымъ“. Съ легкой руки мало правдиваго графа В. Сологуба распространилось мнѣніе, что между Михаиломъ

чувствовалъ себя не хорошо въ «родственной компаніи». Михаилу Юрьевичу было душно въ этой атмосферѣ, что можно заключить и изъ словъ самого князя Вяземскаго, разсказывающаго, что поэтъ говаривалъ ему: «скучно здѣсь, поѣдемъ освѣжиться къ Карамзинымъ». У Карамзиныхъ, какъ извѣстно, собиралось развитое и высокообразованное общество. Тутъ можно было встрѣтить представителей лучшей интеллигенціи столицы, людей мысли и таланта. Въ этой средѣ Лермонтовъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ. Вотъ если бы наоборотъ, изъ этого круга Михаилъ Юрьевичъ бѣжалъ освѣжиться въ компанію столичныхъ кутилъ, среди коихъ, по выходѣ въ офицеры, онъ одно время бывалъ слишкомъ часто—тогда бы дѣйствительно можно было упрекнуть поэта. Но на дѣлѣ было иначе. Сильно и быстро созрѣвали талантъ и умъ его. Его тяготила атмосфера, въ коей былъ онъ вынужденъ дышать, онъ рвался въ отставку, хотѣлъ весь отдаться творчеству литературной дѣятельности; но въ отставку его не пускали, даже въ 48 часовъ времени приказали выѣхать изъ столицы, и давшій это приказаніе гр. Бенкендорфъ въ то-же время сообщалъ на Кавказъ, куда высылали поэта, чтобы его держали въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку и ни за что не позволяли принимать участія въ экспедиціяхъ, которыя однѣ могли дать возможность опальному офицеру выйти изъ угнетающей зависимости.

Рядъ преслѣдованій, вынесенныхъ поэтомъ отъ своихъ недруговъ и особенно отъ графа Бенкендорфа [1]), побудившаго его отказаться отъ завѣтной мысли всецѣло отдаться литературной дѣятельности, взорвали молодаго человѣка такъ, что, уѣзжая на Кавказъ въ невольное изгнаніе, онъ набросалъ горькое стихотвореніе по адресу своего врага:

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, имъ преданный народъ.

Юрьевичемъ и Монго были натянутыя отношенія или ссора. Это неправда. Братъ „Монго“, Аркад. А. Столыпинъ, опровергаетъ этотъ слухъ самымъ энергическимъ образомъ, когда диктовалъ мнѣ свои сообщенія. Подтвердитъ это, конечно, и теперь. Монго Столыпинъ, этотъ рыцарь чести и правдивости, до послѣдняго не только искренно любилъ, но и глубоко уважалъ Лермонтова, которому закрылъ глаза.

[1]) Лермонтовъ уже разъ прибѣгалъ отъ преслѣдованія графа Бенкендорфа подъ защиту великаго князя Михаила Павловича, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его къ его высочеству, печатаемое во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Михаила Юрьевича. П. В.

Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ вождей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

Въ раздраженіи своемъ поэтъ не пощадилъ и Россіи, которую онъ любилъ такъ пламенно, къ славѣ которой онъ положилъ свою долю труда и генія.

Пав. А. Висковатовъ.

Юрьевъ-Ливонскій.
7-го сентября 1887 г.

Звѣріада [1]).

Въ уважаемомъ журналѣ „Русская Старина“ было помѣщено сообщеніе Е. А. Теляковскаго о шуткѣ, которая—по преданію, совершенно невѣрному — приписывалась въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ М. Ю. Лермонтову за время бытности поэта въ означенной школѣ; шутка эта была извѣстна подъ названіемъ „Звѣріада“ [2]). У меня, какъ у бывшаго воспитанника школы, сохранилось нѣсколько куплетовъ этой шутки, которые я здѣсь и сообщаю. Необходимо, однако, замѣтить, что „Звѣріада“ у меня находится уже въ измѣненномъ послѣдующемъ видѣ. Въ той-же „Русской Старинѣ“ выяснено, что „Звѣріада“ написана была г. Познанскимъ.

Звѣріада.

Пора начать намъ звѣріаду,
Собрались звѣри всѣ толпой,
Безсмысленныхъ барановъ стадо,
Подтянетъ васъ корнетъ лихой!..

***

Бывало эскадронъ гвардейскій
По всей Россіи славенъ былъ
И рысаки крестили Невскій,
Возили юнкеровъ кутилъ.

***

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1887 г., томъ LIV, апрѣль, стр. 250; май, стр. 504; т. LVI, ноябрь, стр. 517.

[2]) Названная такъ потому, что во времена М. Ю. Лермонтова, да и въ послѣдующія времена, въ школѣ подпрапорщиковъ младшій курсъ назывался звѣрями, а старшій корнетами. В. Т.

Теперь же духъ пѣхотный вѣетъ,
Забыто старое, какъ сонъ,
Нововведенья одолѣютъ,
И станетъ ротой эскадронъ.

***

Когда настанетъ то мгновенье,
Когда скажу въ послѣдній разъ:
Прощайте, стѣны заточенья,
Ужъ не увижу больше васъ!

***

Прощай, проклятый желтый домъ
Разсадникъ глупостей и вздора,
Въ тебѣ царитъ теперь Содомъ,
Настанетъ скоро и Гомора.

***

Прощайте, всѣ учителя,
Предметы общей нашей скуки,
Ужь не заставите меня
Приняться снова за науки.

***

Зубрите, юные вандалы,
Зубрите день, зубрите ночь,
Хватайте крупные вы балы,
Не то васъ выгонятъ всѣхъ прочь.

***

Кутите, пейте, веселитесь,
Посадятъ въ карцеръ—не бѣда,
Наукъ зубрить вы не трудитесь,
Не выйдетъ проку никогда.

***

Прощайте, иксы, плюсы, зеты,
Научныхъ формулъ легіонъ,
Барбеты, траверсы, банкеты,
Ѣзда въ манежѣ безъ стременъ.

***

Когда настанетъ страшный судъ,
Парадъ увидимъ превосходный,
Корнеты на небо взойдутъ,
А звѣри въ адъ пойдутъ повзводно... и т. д.

Первоначально всѣхъ куплетовъ было 57, а потомъ прибавилось и, кажется, чуть ли не доросло до 100 слишкомъ. Звѣріада до сихъ поръ жива въ стѣнахъ Николаевскаго училища.

Все это интересно, конечно, только потому, что преданіе и, повторяю, совершенно неосновательно, приписывало Лермонтову участіе въ этой шуткѣ.

Членъ общества русскихъ драматическихъ писателей

В. В. Туношенскій.

Варшава.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ,

служба его въ Патріотическомъ институтѣ

1831—1835 [1]).

Служба Н. В. Гоголя въ Патріотическомъ институтѣ относится къ первымъ годамъ его пребыванія въ Петербургѣ. Подобно многимъ великимъ талантамъ, прежде, чѣмъ выйти на настоящій путь, онъ пробовалъ свои силы въ несвойственной ему дѣятельности и только послѣ ряда разочарованій рѣшился отказаться отъ нея. Извѣстно, что, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь одно время хотѣлъ сдѣлаться актеромъ, но послѣ первой же репетиціи въ кабинетѣ тогдашняго директора театровъ, князя Гагарина, долженъ былъ убѣдиться въ своей полнѣйшей неспособности къ сценѣ. Затѣмъ онъ сталъ искать государственной службы, о которой мечталъ еще въ ранней юности, надѣясь ознаменовать ее великими дѣяніями, полезными для Россіи и даже всего человѣчества. 10-го апрѣля 1830 г., благодаря покровительству А. А. Трощинскаго, ему удалось поступить на службу въ департаментъ удѣловъ, но, по свидѣтельству его современниковъ, онъ оказался плохимъ чиновникомъ и, пробывъ здѣсь около года, былъ уволенъ по прошенію, какъ видно изъ приложеннаго ниже аттестата.

Послѣ этого новаго разочарованія, онъ рѣшилъ обратиться къ педагогической дѣятельности, къ которой почему-то считалъ себя особенно способнымъ, и довольно долго находился въ этомъ заблужденіи.

---

[1]) Долгомъ считаемъ принести глубочайшую благодарность главноуправляющему учрежденіями императрицы Маріи, д. т. сов. И. Н. Дурново, за благосклонное разрѣшеніе нашей просьбы о дозволеніи сотрудницѣ „Русской Старины“, Н. А. Бѣлозерской, снять копію съ документовъ, на основаніи которыхъ составлена ею настоящая статья. Документы хранятся въ архивѣ канцеляріи Патріотическаго института. Ред.

Въ 1831 году онъ досталъ рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ его на руки П. А. Плетневу, съ просьбой позаботиться о немъ. Плетневъ, занимавшій тогда должность инспектора классовъ въ Патріотическомъ институтѣ, исходатайствовалъ у ея в—ва для Гоголя мѣсто младшаго учителя исторіи въ этомъ заведеніи, съ жалованьемъ 400 р. въ годъ, какъ видно изъ представленія начальницы института, Л. К. Вистингаузенъ, отъ 6-го февраля.

Гоголь былъ очень доволенъ этимъ назначеніемъ, и въ письмѣ къ матери отъ 16-го апрѣля 1831 года, упоминая объ оставленіи «ничтожной для него службы» въ департаментѣ удѣловъ, онъ пишетъ: ...«Я могъ бы остаться теперь безъ мѣста, если-бы не показалъ уже нѣсколько себя. Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Впрочемъ, вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода въ томъ, что я теперь немного больше извѣстенъ, что лекціи мои мало по малу заставляютъ говорить обо мнѣ и главное, что имѣю гораздо болѣе свободнаго времени: вмѣсто мучительнаго сидѣнья по цѣлымъ утрамъ, вмѣсто 42 часовъ въ недѣлю, я занимаюсь теперь 6, между тѣмъ какъ жалованье даже немного болѣе; вмѣсто глупой безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ, занятія мои теперь составляютъ неизъяснимыя для души удовольствія. Осенью поступитъ ко мнѣ Екатерининскій институтъ и еще два заведенія; тогда я буду заниматься 20 часовъ и жалованья буду получать вчетверо болѣе теперешняго...» [1]).

Но эти ожиданія почему-то не оправдались и ему пришлось ограничиться преподаваніемъ въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ съ слѣдующаго 1832 года его жалованье было увеличено до 1,200 р. «Въ первое время, говоритъ авторъ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя», онъ принялся за исполненіе своихъ обязанностей съ жаромъ юноши, жаждавшаго найти достойное поприще для своей дѣятельности, и, забывая подъ вліяніемъ этого чувства о матеріальныхъ выгодахъ новой своей обязанности, смотрѣлъ на нее, какъ на цѣль своего существованія, на призваніе свыше». Онъ писалъ матери: ...«Я теперь болѣе, нежели когда либо тружусь и болѣе, нежели когда либо веселъ. Спокойствіе въ моей груди величайшее...»

Въ другомъ письмѣ того-же года, отъ 9-го октября, онъ убѣждаетъ мать не безпокоиться объ его маленькихъ сестрахъ: «Если-бы вы знали, моя безцѣнная маменька, какія здѣсь превосходныя заведенія для дѣвицъ, то вы бы вѣрно радовались, что ваши дочери

[1]) См. Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, т. V, Спб., 1857.

родились въ нынѣшнее время. Я не могу налюбоваться здѣшнимъ порядкомъ. Здѣсь воспитанницы получаютъ свѣдѣнія обо всемъ, что нужно для нихъ, начиная отъ домашняго хозяйства до знанія языковъ и опытнаго обращенія въ свѣтѣ, и вовсе не выходятъ такими вѣтренными, легкомысленными дѣвчонками, какими дарятъ другіе институты. Два здѣшніе института, Патріотическій и Екатерининскій, самые лучшіе, и въ нихъ-то, будьте увѣрены, что мои маленькія сестрицы будутъ помѣщены. Я всегда, хотя долго, но достигалъ своего намѣренія и твердо увѣренъ, что, съ помощью Божьею, достигну и въ этомъ...»

Можно догадываться, что Н. В. Гоголь съ такимъ же восторгомъ говорилъ и писалъ объ институтѣ и занятіяхъ въ немъ своимъ друзьямъ, судя по тому, что Погодинъ изъ Москвы выразилъ желаніе познакомиться съ записками ученицъ Гоголя. Но онъ медлилъ съ исполненіемъ этой, имъ же самимъ вызванной, просьбы. Увлекаемый силой своего таланта, онъ все болѣе и болѣе предавался литературнымъ занятіямъ. Наступала самая свѣтлая пора его жизни—начало его славы; въ 1832 году «Вечера на Хуторѣ» были окончательно изданы и увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ; Пушкинъ и Жуковскій оцѣнили молодаго писателя и этого было достаточно, чтобы упрочить его положеніе въ литературно-интеллигентномъ мірѣ. Подобный успѣхъ не могъ остаться безъ вліянія на Н. В. Гоголя и долженъ былъ указать на его призваніе. Но онъ продолжаетъ упорно держаться своей педагогической дѣятельности, хотя отношеніе его къ ней далеко не прежнее.

Такъ, напримѣръ, по поводу вышеупомянутыхъ ученическихъ записокъ, онъ пишетъ къ Погодину: «Журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ обезображенъ посторонними и чужими прибавками, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжекъ, какія попадутся имъ въ руки. При томъ же я только такое подносилъ имъ, что можно понять женскимъ мелкимъ умомъ...» Въ другомъ письмѣ, написанномъ двадцатью днями позже, онъ добавляетъ: «Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ: «Земля и Люди». Но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я оставилъ печатаніе... Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего...»

Лѣтомъ 1832 года Н. В. Гоголь рѣшилъ привести въ исполненіе свое обѣщаніе, данное матери относительно помѣщенія въ институтъ

младшихъ сестеръ: и съ этой цѣлью сталъ хлопотать объ отпускѣ, какъ видно изъ приложенныхъ ниже бумагъ: письма самого Гоголя къ статсъ-секретарю Н. М. Лонгинову, донесенія о немъ начальницы института и копіи съ выданнаго ему паспорта.

Отпускъ считался съ 1-го іюля и былъ данъ Н. В. Гоголю безъ вычета жалованья. Но сверхъ положенныхъ 28 дней онъ просрочилъ цѣлыхъ три мѣсяца; только въ концѣ сентября двинулся въ путь съ маленькими сестрами, прогостивъ въ Москвѣ у пріятелей, и не ранѣе первыхъ чиселъ ноября явился въ Патріотическій институтъ; вслѣдствіе этого въ правленіи института; какъ видно изъ прилагаемой черновой, поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы «по общему законоположенію о домовыхъ отпускахъ чиновниковъ» пріостановить жалованье учителя Гоголя Яновскаго со дня просрочки.

Но правила института, очевидно, не примѣнялись во всей строгости къ Н. В. Гоголю, потому что въ силу ли его личныхъ хлопотъ или благодаря заботливости лицъ, покровительствовавшихъ ему, высочайше повелѣно было выдать ему, въ слѣдующемъ 1833 году, «жалованья 200 рублей, пріостановленнаго по случаю неявки его на срокъ изъ домоваго отпуска».

Равнымъ образомъ, сестры его были приняты въ институтъ противъ всѣхъ правилъ, какъ видно изъ представленія начальницы отъ 13 ноября 1832 года, въ которомъ сказано: «Дѣвицы сіи не могутъ поступить ни на правахъ штатныхъ воспитанницъ, ни пансіонерокъ, но г. Гоголь проситъ, чтобы ихъ помѣстить въ замѣнъ его жалованья, коего производится ему отъ института 1,200 р. въ годъ»... Императрица утвердила это представленіе съ тѣмъ, чтобы «милость сія не служила примѣромъ для другихъ, единственно по уваженію къ ходатайству г-жи начальницы института, повелѣвъ такъ же и въ спискахъ воспитанницъ и пансіонерокъ дѣвицъ Гоголь Яновскихъ не считать за неимѣніемъ ими права на поступленіе въ Патріотическій институтъ» (5 декабря 1832 г.).

Хотя вопросъ о пріемѣ сестеръ Н. В. Гоголя былъ рѣшенъ только въ декабрѣ, какъ видно изъ приведенной бумаги, но онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ своего ходатайства, что писалъ матери отъ 22 ноября 1832 года: «Дѣти покамѣстъ живутъ у меня, потому что въ институтѣ произошли небольшія передѣлки и помѣщенія совсѣмъ нѣтъ. На слѣдующей недѣлѣ я ихъ отвезу. На счетъ отягощенія ихъ ученіемъ не безпокойтесь. Онѣ такъ мало успѣли, что будутъ помѣщены вмѣстѣ съ семилѣтними въ предуготовительное отдѣленіе, гдѣ почти ни чѣмъ не будутъ заниматься, выключая первыхъ началъ»... Затѣмъ, тремя днями позже, 25 ноября, Н. В. Гоголь пишетъ Погодину: «Пред-

ставьте себѣ мое горе: я не могу пріѣхать къ вамъ такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось. Патріотическій институтъ, видно, пронюхалъ мое намѣреніе. Вы знаете, что я везъ туда своихъ сестеръ съ тѣмъ, чтобы за нихъ платить. Я зналъ, что комплектъ полонъ, что больше не могутъ принять; но надѣялся, что для меня будетъ сдѣлано снисхожденіе. Какой же бы, вы думали, я получилъ отвѣтъ? Что сестры мои принимаются и платы за нихъ не требуется, но чтобы я за то находился при институтѣ неотлучно. Я согласился, чтобы сбросить съ себя полъ-обузы и избавиться на первый случай отъ хлопотъ»....

Дѣйствительно, Гоголь, въ виду принятаго имъ на себя обязательства, продолжалъ давать уроки въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ ему были оказаны новыя милости. На второй годъ поступленія сестеръ его въ институтъ [1]), а именно, съ января 1834 года, съ соизволенія ея в—ва велѣно г. Гоголю Яновскому производить положенное ему жалованье, а сестеръ считать сверхъкомплектными воспитанницами, вмѣнивъ ему сіе въ особое награжденіе. Кромѣ того, въ томъ же 1834 году, имя учителя Гоголя Яновскаго включено въ списокъ лицамъ и учителямъ при Патріотическомъ институтѣ, удостоеннымъ наградъ, и ему пожалованъ брилліантовый перстень.

Лѣтомъ, отъ 5 іюля 1834 г., въ правленіе Патріотическаго института поступило оффиціальное требованіе изъ канцеляріи попечителя спб. учебнаго округа о доставленіи «засвидѣтельствованной копіи съ формулярнаго о службѣ Гоголя списка» по случаю поданнаго имъ прошенія объ опредѣленіи его на каѳедру всеобщей исторіи. Гоголю, какъ извѣстно, удалось, послѣ многихъ хлопотъ, получить мѣсто адъюнкта при спб. университетѣ въ 1834—35 учебномъ году, гдѣ его педагогическая дѣятельность носитъ въ общихъ чертахъ тотъ же характеръ постепеннаго охлажденія къ ней, какъ и въ Патріотическомъ институтѣ. По свидѣтельству одного изъ его университетскихъ слушателей, Иваницкаго, онъ горячо принялся за дѣло, но кромѣ двухъ блестящихъ лекцій, всѣ остальныя его лекціи «были сухи и скучны, поговоритъ съ полчаса съ каѳедры да ужъ не показывается цѣлую недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять пріѣдетъ и опять та же исторія»....

Весной 1835 г. Н. В. Гоголь, утомленный двойною педагогическою

---

[1]) Сестры Н. В. Гоголя не могли быть приняты въ институтъ раньше 5 декабря 1832—дня подписи бумаги объ ихъ поступленіи. Изъ документовъ видно, что у Гоголя было удержано только годовое жалованье 1,200 р., такъ что сестры его, вѣроятно, поступили въ П. И. съ 1 января 1833 года или же недостающіе дни декабря 1832 не были приняты въ разсчетъ. Н. Б.

дѣятельностью, сталъ усиленно хлопотать объ отпускѣ въ Кавказскую губернію на четыре мѣсяца для поправленія разстроеннаго здоровья, какъ видно изъ прилагаемаго представленія начальницы Патріотическаго института отъ 23 апрѣля и собственноручнаго письма Гоголя къ Г. А. Шверину.

Но Н. В. Гоголю не удалось попасть на Кавказъ по причинѣ, которую онъ самъ объясняетъ въ своемъ письмѣ къ Погодину изъ Полтавы отъ 15 іюля 1835 г.: «Только на Кавказѣ не былъ, куда именно хотѣлъ направить путь. Проклятыхъ денегъ не стало и на половину вояжа. Былъ только въ Крыму, гдѣ пачкался въ минеральныхъ грязяхъ» и проч.

Между тѣмъ, начальница Патріотическаго института, быть можетъ, въ виду просрочки отпуска Н. В. Гоголемъ въ 1832 году или же вслѣдствіе недовольства его уроками, едва дождавшись окончанія четырехъ-мѣсячнаго срока, подала представленіе отъ 25 іюля 1835 г. о необходимости назначить новаго учителя исторіи. На это немедленно послѣдовало разрѣшеніе ея величества, какъ видно изъ прилагаемаго документа.

Н. В. Гоголь, заранѣе увѣдомленный своими доброжелателями о предстоявшей ему отставкѣ, написалъ В. А. Жуковскому слѣдующее письмо отъ 15 іюля 1835 года [1]):

.... «А теперь докучаю вамъ просьбою; вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи, что мѣсто мое въ Патріотическомъ институтѣ долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься, я привыкъ считать чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Мнѣ странно, потому что не имѣетъ права сдѣлать это Лонгиновъ, и вотъ почему: когда я просился на Кавказъ для поправленія здоровья, онъ мнѣ сказалъ, что причина моя законная и никакого препятствія нѣтъ на мой отъѣздъ. Зачѣмъ же онъ мнѣ тогда не сказалъ, что поѣзжайте, но помните, что вы чрезъ это лишитесь своего мѣста; тогда другое дѣло,—и можетъ быть я бы и не поѣхалъ. Впрочемъ, Плетневъ мнѣ пишетъ, что еще о новомъ учителѣ будетъ представленіе въ августѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ и что если императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому поводу я прибѣгаю къ вамъ, нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы императрица не согласилась? Она добра, вѣрно не согласится меня обидѣть»....

---

[1]) „Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 949.

Но хлопоты Н. В. Гоголя не увѣнчались успѣхомъ. Вмѣсто него въ Патріотическій институтъ назначенъ былъ учитель историческихъ наукъ въ Воспитательномъ домѣ, г. Соколовскій, съ прибавкой, согласно его прошенію, 450 р. къ 1,200 ежегоднаго жалованья, получаемаго бывшимъ учителемъ Гоголемъ Яновскимъ.

Этимъ кончаются документы, относящіеся къ службѣ Н. В. Гоголя въ Патріотическомъ институтѣ, которые помимо ихъ безусловнаго интереса со стороны фактическихъ свѣдѣній изъ жизни нашего великаго писателя, не лишены значенія для рѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) на чей счетъ воспитывались сестры Н. В. Гоголя? и 2) какъ велико было лично принадлежавшее ему имущество и имущество его матери? [1]).

Первый изъ этихъ вопросовъ рѣшается окончательно приведенными ниже документами и кромѣ того письмомъ самого Н. В. Гоголя къ Жуковскому, отъ 12 сентября 1839 года, въ которомъ, по поводу выпуска своихъ сестеръ, онъ проситъ исходатайствовать ему отъ ея в—ва денежное вспомоществованіе и, между прочимъ, пишетъ: «Можетъ быть, какимъ нибудь образомъ, государыня, на счетъ которой они воспитывались, что нибудь стряхнетъ на нихъ отъ благодѣтельной руки своей. Что же дѣлать мнѣ? Знаю, безстыдно и безсовѣстно съ моей стороны просить еще ту, которая уже такъ много удручила мое сердце безсиліемъ выразить благодарность мою. Но я не нахожу, не знаю, не вижу, не могу придумать средствъ.... и чувствую, что меня грызла бы совѣсть за то, что я не былъ безсовѣстнымъ», и проч. [2]).

Такимъ образомъ очевидно, что сестры Н. В. Гоголя только первый годъ своего пребыванія въ Патріотическомъ институтѣ воспитывались на счетъ брата, а все остальное время на счетъ государыни.

Что касается втораго вопроса, то онъ остается пока открытымъ, въ виду имѣющихся противорѣчивыхъ показаній:

1) Въ подлинномъ аттестатѣ Н. В. Гоголя, скрѣпленномъ казенною печатью, сказано: «какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, происходя изъ дворянъ, имѣетъ Полтавской губерніи въ уѣздахъ Полтавскомъ и Миргородскомъ 80 душъ крестьянъ и 700 десятинъ земли».

---

[1]) См. „Письмо въ редакцію“ Н. Быкова. „Новое Время“ 1887 г., № 4037, мая 28.

[2]) „Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 0935—0936.

2) Н. В. Гоголь въ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 28 февраля 1843 г., пишетъ изъ Рима, относительно матери и сестеръ: «Я, сдѣлавъ все, что могъ, отдалъ имъ свою половину имѣнія, сто душъ, и отдалъ, будучи самъ нищимъ» и пр. («Русская Старина», сентябрь, 1875 г., стр. 129, ст. «Н. В. Гоголь и неизданныя его письма»).

3) Въ другомъ письмѣ Н. В. Гоголя, того же года, отъ 18 марта, къ С. Т. Аксакову сказано также: «Я отказался отъ своей части имѣнія и отдалъ матери 100 душъ крестьянъ съ землями, тогда какъ самъ не былъ даже на полгода обезпеченъ»... (Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Спб., 1857 г., т. VI).

4) Въ «Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя» (Спб., 1856 г., т. I, стр. 83) сказано, что имѣніе Гоголей Яновскихъ состояло изъ 200 душъ крестьянъ и 880 десятинъ земли.

5) М. И. Гоголь въ письмѣ къ Косяровскому, отъ 23 іюня 1829 г., сообщаетъ, между прочимъ, по поводу своего долга покойному Д. П. Трощинскому, что «предложила его наслѣднику Андрею Андреевичу принять ея Яресковское имѣніе, состоящее изъ 70 десятинъ земли» и проч. («Русская Старина», 1887 г., мартъ, стр. 687).

6) Г. П. Данилевскій въ своей статьѣ «Знакомство съ Гоголемъ» пишетъ со словъ Анны Васильевны Гоголь: «Имѣніе Васильевка не было во владѣніи брата. Мать владѣла имъ пожизненно по завѣщанію свекрови. Крестьяне сосѣди звали ее «барыня изъ Яновщины». Это имѣніе нѣкогда было заложено, но выкуплено уже давно. Въ немъ за надѣломъ крестьянъ осталось на двѣ части около 700 десятинъ». (См. «Ист. Вѣстн.», декабрь, 1886 г., стр. 500).

7) Другой родственникъ Н. В. Гоголя сообщаетъ: ...«Мать Н. В. Гоголя (имѣя около 1,000 десятинъ земли, далеко не всегда такъ нуждалась, какъ о томъ говорила, и Н. В. Гоголь имѣлъ полное основаніе сказать, что «хорошій совѣтъ для нея важнѣе помощи, имѣя въ виду ея неумѣніе вести дѣла» и пр. («Н. Вр.» 1887 г. № 4037, мая 28).

8) Н. В. Гоголь въ письмѣ къ Косяровскому, отъ 8 сентября 1828 г., пишетъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ: «А для обезпеченія состоянія матери отказываюсь отъ своего наслѣдія и теперь занимаюсь составленіемъ дарственной записи, по которой часть имѣнія, принадлежащаго по завѣщанію мнѣ съ домомъ, садомъ, лѣсомъ и прудами, оставляется матери моей въ вѣчное владѣніе.... почему знать каковы еще будутъ мои сестры... можетъ быть.... наслѣдники не дадутъ ей и мѣста, гдѣ бы преклонить голову» и пр. («Русская Старина», 1876 г., январь, стр. 44, статья: Н. В. Гоголь въ его неизданныхъ письмахъ).

При сопоставленіи этихъ данныхъ невольно является вопросъ: какое же собственно было имущество у Гоголей Яновскихъ? Мы не считаемъ себя въ правѣ высказывать какихъ либо соображеній по этому поводу за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній и позволимъ себѣ только слѣдующую оговорку: если указанныя въ аттестатѣ 700 десятинъ и 80 душъ составляли въ тѣ времена не все имущество Гоголей Яновскихъ, а только часть, принадлежавшую Н. В. Гоголю (помимо частей матери и четырехъ сестеръ), то отсюда прямой выводъ, что они были достаточно обезпечены. Но тогда становится окончательно непонятнымъ: какимъ образомъ Н. В. Гоголь и его мать рѣшались прибѣгать къ благодѣяніямъ Д. П. и А. А. Трощинскихъ и эти, въ свою очередь, считали нужнымъ помогать имъ? [1]).

Н. А. Бѣлозерская.

I [2]).

Аттестатъ. Служившій министерства императорскаго двора въ Департаментѣ удѣловъ помощникомъ столоначальника коллежскій регистраторъ Николай Васильевичъ Гоголь Яновскій, какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, происходя изъ дворянъ, имѣетъ Полтавской губерніи, въ уѣздахъ Полтавскомъ и Миргородскомъ, 80 душъ крестьянъ и 700 десятинъ земли; по окончаніи курса ученія въ лицеѣ высшихъ наукъ князя Безбородко, съ правомъ на чинъ 14-го класса, поступилъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ 1830 года, апрѣля 10-го; указомъ правительствующаго сената того же года, іюня 3-го, утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора, со старшинствомъ со дня вступленія въ службу, а 10-го іюля помѣщенъ помощникомъ столоначальника; прошлаго же 1831 года марта 9-го, по прошенію его, изъ Департамента Удѣловъ уволенъ. По служенію его въ семъ департаментѣ поведенія былъ отличнаго и должность свою исправлялъ съ усердіемъ, въ штрафахъ, подъ судомъ и отпускахъ не былъ; отроду ему нынѣ 23 года, холостъ. Во удостовѣреніе чего и данъ ему, Гоголь-Яновскому, сей аттестатъ изъ Департамента Удѣловъ за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати. Въ С.-Петербургѣ. Генваря «25» дня 1832 года.

Вице-президентъ, гофмейстеръ и сенаторъ Перовскій.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ 1882 г., іюнь, стр. 675.—Тамъ-же, 1887 г., стр. 687.—Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, т. V. Спб., 1857 г., стр. 110—111, 120 и 137.

[2]). Архивъ канцеляріи Патріотическаго института въ С.-Петербургѣ, 1831 г., книга 40, № 864.

II [1]).

6-го февраля 1831 г. № 23.

Вашему п—ву честь имѣю донести, что преподаваніе исторіи въ младшемъ классѣ Патріотическаго института, которое донынѣ относилось къ обязанностямъ младшихъ классныхъ дамъ, Мелентьевой и Шемелевой, по причинѣ увеличившагося числа воспитанницъ младшаго возраста, оказывается для сихъ двухъ дѣвицъ обременительнымъ, и потому необходимо нужно опредѣлить въ институтъ особаго учителя для преподаванія исторіи во 2-мъ и 3-мъ отдѣленіяхъ младшаго возраста. Доводя о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, честь имѣю представить о желаніи служащаго нынѣ въ Департаментѣ Удѣловъ чиновника г. Гоголя принять на себя обязанность преподаванія исторіи младшимъ воспитанницамъ института, съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ, какое производилось дѣвицамъ Мелентьевой и Шемелевой.

Такъ какъ г. инспекторъ классовъ, рекомендующій сего чиновника, свидѣтельствуетъ о его способностяхъ и благонадежности, то не благоугодно ли будетъ вашему превосходительству исходатайствовать высочайшее соизволеніе на принятіе г-на Гоголя въ институтъ учителемъ исторіи во 2-мъ и 3-мъ отдѣленіяхъ младшаго возраста.

Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Резолюція: Ея императорское величество, соизволяя на сіе представленіе, повелѣваетъ допустить г. Гоголя къ преподаванію. 9 февраля 1831.

III [2]),

9-го іюня 1832 г.

М. г. Николай Михайловичъ (Лонгиновъ). Будучи въ необходимости ѣхать по домашнимъ обстоятельствамъ въ имѣніе мое, находящееся въ Полтавской губерніи Миргородскаго повѣта, покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать снабдить меня надлежащимъ отпускомъ на каникулярное время.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Николай Гоголь.

---

[1]) Арх. канц. Патріотич. института, 1831 г., кн. 40, № 103.

[2]) Тамъ-же, 1832 г., кн. 45.

IV [1]).

10-го іюня 1832 г.

Учитель исторіи въ Патріотическомъ институтѣ 14 класса, Николай Гоголь-Яновскій, желая воспользоваться наступающимъ вакантнымъ отъ ученія временемъ, проситъ объ увольненіи на сіе время въ отпускъ Полтавской губерніи въ Миргородскій повѣтъ, съ выдачею надлежащаго паспорта.

О таковой просьбѣ учителя Яновскаго честь имѣю представить на благоразсмотрѣніе вашего п—ва.

Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Резолюція: Высочайше уволенъ. 13-го іюня 1832 г.

V [2]).

По указу его в—ва государя императора Николая Павловича, самодержца всероссійскаго и проч., и проч., и проч.

Предъявитель сего, служащій при состоящемъ подъ высочайшимъ покровительствомъ государыни императрицы Патріотическомъ институтѣ учителемъ 14 класса Николай Вас. сынъ Гоголь-Яновскій, вслѣдствіе высочайшаго ея императорскаго величества соизволенія, уволенъ въ Полтавскую губернію отъ сего числа на двадцать восемь дней, въ увѣреніе чего данъ сей паспортъ за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ герба моей печати. Спб. іюня 1832 г.

Его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя моего тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь у принятія прошеній, на высочайшее имя подаваемыхъ, членъ коммиссіи прошеній и комитета заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Ник. Лонгиновъ.

VI [3]).

(Черновая съ помарками, безъ подписи).

13-го ноября 1832 г. № 262.

Съ высочайшаго соизволенія государыни императрицы, въ іюнѣ мѣсяцѣ послѣдовавшаго, учитель Патріотическаго института Гоголь-Яновскій уволенъ въ отпускъ на 28 дней, безъ вычета жалованья, считая съ 1-го іюля.

---

[1]) Арх. канц. Патріотич. института, 1832 г., кн. 45, № 163, стр. 546.

[2]) Арх. канц. Патріотич. института, 1832 г., кн. 45.

[3]) Тамъ-же.

По истеченіи сего срока, г. Гоголь къ должности не являлся и объясненія на сей случай никакого не представлялъ, но уже прибылъ въ первыхъ числахъ сего ноября, слѣдственно просрочивши три мѣсяца.

Не рѣшаясь самъ собою выдать слѣдующее г. Гоголю жалованье за сіи просроченные три мѣсяца, честь имѣю испрашивать разрѣшеніе вашего превосходительства не будетъ ли таковой отпускъ жалованья противенъ общимъ законоположеніямъ о домовыхъ отпускахъ чиновниковъ, коимъ со дня просрочки жалованье прекращается?

VII [1]).

13-го ноября 1832 г. № 263.

Учитель Патріотическаго института 14 класса Гоголь-Яновскій, возвратясь изъ домоваго отпуска, привезъ съ собою двухъ сестеръ въ томъ предположеніи, чтобы опредѣлить ихъ въ Патріотическій институтъ для воспитанія. Дѣвицы сіи не могутъ поступить ни на правахъ штатныхъ воспитанницъ, ни пансіонерокъ [2]), но г. Гоголь проситъ, чтобы ихъ помѣстить въ замѣнъ его жалованья, коего производится ему отъ института 1,200 р. въ годъ.

Принять сихъ дѣвицъ сверхкомплектными воспитанницами на такомъ положеніи, чтобы содержаніе ихъ, какъ на платье, бѣлье, такъ и на столъ, производилось изъ экономіи, безъ всякихъ для института особыхъ издержекъ, я нахожу возможнымъ и выгоднымъ для института. Выгода сія даетъ еще новый способъ составить особый капиталъ, если вашему превосходительству благоугодно будетъ исходатайствовать высочайшее соизволеніе ея императорскаго величества на обращеніе означенныхъ остающихся въ экономіи 1,200 р. для пенсіоновъ служащихъ при заведеніи, тѣмъ болѣе, что институтъ не имѣетъ въ виду особыхъ суммъ для таковаго назначенія, но считая обязанностію объяснить въ семъ случаѣ мнѣніе мое, я все сіе предоставляю благоусмотрѣнію вашего превосходительства.

Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Резолюція: Ея императорское величество соизволила утвердить сіе представленіе, съ тѣмъ, чтобы милость сія не служила примѣромъ впредь для другихъ, единственно по уваженію къ ходатайству г-жи начальницы института, повелѣвъ также и въ спискахъ воспитанницъ и пансіонерокъ дѣвицъ

---

[1]) Арх. канц. Патр. инстит. 1833 г., кн. 45, № 894.

[2]) Въ правилахъ Патріотическаго института заключается статья, по которой „принимаются въ сіе заведеніе только дочери военныхъ чиновъ“. Н. Б.

Гоголь-Яновскихъ не считать, за неимѣніемъ ими права на поступленіе въ Патріотическій институтъ. 5-го декабря 1832 г. Н. Лонгиновъ.

VIII [1]).

19-го октября 1833 г. № 215.

Не благоугодно ли будетъ вашему п—ву исходатайствовать высочайшее соизволеніе на выдачу учителю Гоголю Яновскому жалованья 200 руб., пріостановленнаго въ прошедшемъ году, по случаю неявки его на срокъ изъ домоваго отпуска, каковая сумма имѣется нынѣ въ наличности и хранится при институтѣ. Экономъ А. Кормилевъ.

Резолюція: высочайше повелѣно показанные 200 р. Яновскому выдать. 13 октября 1833 г. Н. Лонгиновъ.

IX [2]).

Объ учителѣ Гоголѣ и жалованьѣ его, оставленномъ было для пенсій.

№ 221, 22-го іюля 1834 г.

Въ 1832 г., по просьбѣ учителя Патріотическаго института Гоголя Яновскаго, помѣщены въ сіе заведеніе, на воспитаніе, двѣ его родныя сестры съ тѣмъ, чтобы жалованье, ему производимое, 1,200 руб. въ годъ оставалось въ пользу института. Сумма сія тогда же предназначена на составленіе пенсіоннаго капитала, въ основаніе коего 1,000 руб. внесены въ коммерческій банкъ на проценты. Прочіе же ежемѣсячно вычитаемые остаются въ храненіи при институтѣ.

Нынѣ учитель Гоголь Яновскій проситъ о производствѣ ему того жалованья съ 1-го января сего года.

О таковой просьбѣ, по уваженію отличныхъ и полезныхъ трудовъ его по институту, честь имѣю представить на благоразсмотрѣніе вашего превосходительства. Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Резолюція: Ея импер. в—во дѣйствительно соизволила объявить высочайшую волю еще въ началѣ сего года, чтобы г-ну Гоголю Яновскому производить положенное ему жалованье, а сестеръ его считать въ институтѣ сверхкомплектными воспитанницами, вмѣнивъ ему сіе въ особое награжденіе; почему и слѣдуетъ показанное жалованье ему производить съ 1-го генваря сего года. 26-го іюля 1834 г. Н. Лонгиновъ.

---

[1]) Арх. канц. Патр. инстит. 1833 г., кн. 47, № 821.

[2]) Тамъ-же, книга 51, 1834 г.

X [1]).

Списокъ лицамъ и учителямъ при Патріотическомъ институтѣ, удостоеннымъ наградъ, по случаю бывшаго въ нынѣшнемъ 1834 г. выпуска изъ сего заведенія окончившихъ воспитаніе дѣвицъ.

..... «Учителю исторіи 14-го класса Гоголь-Яновскому пожалованъ отъ ея величества брилліантовый перстень».....

XI [2]).

Министерство Народн. Просв. и проч. Попечитель Спб. учебнаго округа, канцелярія, въ С.-Петербургѣ, іюля 5-го дня 1834 г. № 986.

10-го іюня 1834 г.

Въ правленіе Патріотическаго института благородныхъ дѣвицъ.

Служащій въ ономъ институтѣ учителемъ исторіи въ высшихъ классахъ, Николай Гоголь, подалъ мнѣ прошеніе объ опредѣленіи его на каѳедру всеобщей исторіи въ с.-петербургскій университетъ. Посему покорнѣйше прошу оное правленіе доставить ко мнѣ засвидѣтельствованную копію съ формулярнаго о службѣ Гоголя списка. Попечитель князь Дондуковъ-Корсаковъ.

XII.

№ 61, 23-го апрѣля 1835 г., его пр—ву Н. М. Лонгинову.

Учитель Патріотическаго института Гоголь-Яновскій проситъ объ увольненіи его въ отпускъ по болѣзненному состоянію, въ Кавказскую губернію, на четыре мѣсяца.

О таковой просьбѣ его честь имѣю представить на благоразсмотрѣніе вашего превосходительства. Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Резолюція: Высочайше повелѣно уволить. 23-го апрѣля 1835 года. Н. Лонгиновъ.

---

[1]) Арх. канц. Патр. институт., книга 51, годъ 1834.

[2]) Тамъ-же.

XIII [1]).

По Патріотическому институту.

М. г. Густавъ Адольфовичъ. Я къ вамъ съ покорною просьбою. Двѣ недѣли собираюсь къ вамъ, но болѣзнь пригвоздила меня къ четыремъ стѣнамъ моей квартиры и потому рѣшаюсь писать къ вамъ. Я ѣду на Кавказъ. Николай Михайловичъ сказалъ мнѣ: отпускъ выдается, когда я получу увольненіе изъ университета. Попечитель мнѣ сказалъ, что онъ разрѣшаетъ отъѣздъ мой, но отпуска я не могу получить раньше, покамѣстъ не пройдетъ все это канцелярскимъ порядкомъ, что будетъ въ четвергъ, а между тѣмъ я въ пятницу ѣду, потому что товарищъ, ѣдущій со мною, не можетъ ждать, да и мнѣ тоже нельзя уже больше откладывать. Итакъ, я покорнѣйше прошу васъ, принявъ въ уваженіе подобное обстоятельство, изъяснить Николаю Михайловичу (Лонгинову) мою надобность, чѣмъ премного обяжете и безъ того обязаннаго вамъ много Н. Гоголя.

На обор. листа: его высокоблагородію милостивому государю Густаву Адольфовичу Шверину, въ домѣ Человѣколюбиваго Общества на Литейной.

XIV [2]).

№ 111, 25-го іюня 1835 г., его пр—ву Н. М. Лонгинову.

По случаю отсутствія изъ С.-Петербурга учителя исторіи въ Патріотическомъ институтѣ Гоголя-Яновскаго, который, будучи одержимъ болѣзнію, можетъ пробыть въ отпускѣ весьма долгое время и тѣмъ поставить институтъ въ затрудненіе, ибо должность его остается никѣмъ не занятою, принять на сіе мѣсто учителя историческихъ наукъ въ Воспитательномъ домѣ г. Соколовскаго.

Представляя о семъ вашему превосходительству, всепокорнѣйше прошу исходатайствовать высочайшее ея величества повелѣніе объ опредѣленіи Соколовскаго въ Патріотическій институтъ на мѣсто Гоголя-Яновскаго и увольненіи сего послѣдняго [3]). Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Сообщ. Н. А. Бѣлозерская.

---

[1]) Арх. канц. Патр. института, годъ 1835 г., кн. 53.

[2]) Книга 53, годъ 1835, № 591.

[3]) Въ бумагѣ за № 146 того же 1835 года, по случаю прибавки новому учителю Соколовскому 450 руб. къ прежнему жалованью, говорится: „бывшій учитель историческихъ наукъ въ Патріотическомъ институтѣ Гоголь-Яновскій получалъ жалованья за 12 часовъ по 100 руб., 1,200 въ годъ“. Н. Б.

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА.

Выписки изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1786 года.

Объявленіе отъ Петровскаго театра [1]).

Въ воскресенье, генваря 18, представлена будетъ большая опера Двое Скупыхъ, а послѣ нея балетъ, по окончаніи же спектакля маскерадъ.

Въ четвертокъ же, генваря 22, представлены будутъ на семъ театрѣ, заслужившія отъ почтенной публики одобреніе, большая комедія Уксусникъ и при ней опера Мельникъ, да небольшой балетъ, сочиненной изъ русскихъ пѣсенъ; сборъ за сей спектакль назначенъ отъ содержателя помянутаго театра, г. Медокса, старшему актеру, г. Померанцеву, въ ободреніе талантовъ сего публикѣ извѣстнаго актера и изъ уваженія къ двадцатилѣтней его при здѣшнемъ театрѣ службѣ. Любители россійской Тэліи, имѣющіе вкусъ въ театральныхъ зрѣлищахъ и знающіе цѣнить дарованіе по ихъ довольству, симъ покорнѣйше приглашаются удостоить оный спектакль своимъ присутствіемъ, и черезъ это оказать свою благосклонность тому изъ здѣшнихъ актеровъ, который по сіе время всегда имѣлъ счастіе заслуживать отъ публики одобреніе своихъ талантовъ.

Изъ Ахена, генваря 4 [2]).

Въ силу высочайшаго повелѣнія, всѣ питающіеся милостынею жиды изгнаны будутъ изо всѣхъ императорскихъ королевскихъ провинцій, и ни одному жиду впредь не будетъ позволяемо жениться, если онъ не имѣетъ средствъ содержать себя и свое семейство.

Любопытныя извѣстія [3]).

Въ первомъ нынѣшняго (1786) года листѣ однихъ Лондонскихъ Вѣдомостей помѣщена была слѣдующая картина истекшаго года: „Минувшею ночью, въ субботу, въ 12 часовъ, скончался Тысяча семь сотъ восемдесятъ пятой годъ послѣ 12 мѣсячной болѣзни, которую онъ перенесъ съ великою твердостію. Мы сообщимъ здѣсь перечни нѣкоторыхъ обстоятельствъ послѣдней его воли и завѣщанія: онъ оставляетъ жителямъ Лондона и Вестминстера до 5 тысячь мошенниковъ, кои вооружены пистолетами, кинжалами, дубинами и другими инструментами, для взлому домовъ, для грабежа и умерщвленія по большимъ проѣзжимъ дорогамъ и для отправленія нѣкоторыхъ другихъ тайныхъ дѣлъ въ городѣ. Нижнему духовенству отказалъ онъ нищету и много работы съ совершеннымъ недостаткомъ удовольствія и производства въ высшіе чины. Въ пользу молодыхъ господъ въ столицѣ оставляетъ онъ до 60 тысячь распутныхъ дѣвушекъ, изъ коихъ иныя, бывъ вспомоществуемы дворянствомъ, содержатъ у себя прекрасные экипажи, а другія едва съ голоду не умираютъ. Политикамъ отказываетъ онъ честность и надѣется, что имъ понравится сія бездѣлка. Духа же хранителя всего острова учинилъ онъ наслѣдникомъ множества неудавшихся надеждъ, дабы употребить оныя для будущей пользы. Знаніе и опытъ назначены исполнителями завѣщанія“.

Сообщ. Акс. Н. Труборовъ.

---

[1]) № 5. «Московскія Вѣдомости» 1786 года, генваря 17, суббота.

[2]) № 8. «Московскія Вѣдомости» 1786 года, генваря 28, среда.

[3]) № 12. «Московскія Вѣдомости» 1786 года, февраля 11, среда.

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ

министръ юстиціи.

«Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія».
Псал. Давида.

VI [1]).

Отношенія гр. Панина къ прочимъ министрамъ и пререканія съ управляющимъ межевымъ корпусомъ М. Н. Муравьевымъ.—Обходительность графа.—Отчеты министерства юстиціи.—Анекдоты о кіевскомъ прокурорѣ и Топильскомъ.—Разсказъ о покражѣ платка у графа на улицѣ.—Каррикатуры на графа и разныя измышленія одного памфлетиста на графа Панина.—Заключеніе.—Высочайшій рескриптъ на имя графа Панина за заслуги его въ теченіи 50-тилѣтней дѣятельности.

Отношенія графа Виктора Никитича къ прочимъ современникамъ-министрамъ были ровныя; исключеніе въ этомъ случаѣ составлялъ извѣстный въ свое время Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ. Онъ завѣдывалъ межевою частью въ имперіи, которая въ силу закона (т. I св. м. уз., ст. 9) состояла подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ министерства юстиціи. Михаилъ Николаевичъ, по своимъ понятіямъ и по существу межеваго дѣла, считалъ невозможнымъ состоять подъ вѣдѣніемъ министерства юстиціи. Чтобы избавиться отъ этого, онъ принималъ разныя мѣры, къ числу которыхъ относится то, что межевой корпусъ получилъ военное устройство, о чемъ состоялось Положеніе, высочайше утвержденное 24 августа 1850 года (т. X,

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LVI, ноябрь, стр. 297—332.

ч. III, ст. 9). Самъ Михаилъ Николаевичъ надѣлъ генеральскій мундиръ и торжественно явился во дворецъ, но тутъ его ожидала непріятность: военный министръ князь А. М. Чернышевъ, увидавъ новаго генерала, приказалъ замѣтить ему, что онъ прежде напечатанія приказа въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и явки къ нему, какъ министру, не имѣлъ права появляться во дворцѣ въ мундирѣ.

Разсказываютъ, что Муравьевъ долженъ былъ удалиться изъ дворца, а между тѣмъ приказъ о переименованіи Муравьева въ генералы состоялся съ нѣкоторою затяжкою—Муравьевъ удалился изъ дворца, заболѣлъ, у него разлилась желчь.

Самое переименованіе въ военное устройство всего межеваго корпуса состоялось, какъ разсказываютъ, въ свое время при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Государь въ концѣ 1840-хъ годовъ былъ въ Москвѣ; Муравьевъ, состоя въ званіи главнаго директора межеваго корпуса, успѣлъ показать государю Константиновскій межевой институтъ въ отличномъ видѣ.

Государь былъ доволенъ. Вотъ при этомъ М. Н. Муравьевъ успѣлъ убѣдить государя, что корпусу недостаетъ одного,—военнаго устройства.

Все это сдѣлалось безъ особаго участія министра юстиціи. Впослѣдствіи времени М. Н. Муравьевъ старался добиться того, чтобы отчеты его о состояніи межевой части были представляемы отъ него прямо къ государю помимо министерства юстиціи.

Вотъ все это и сопряженныя съ ними другія обстоятельства по отношенію зависимости межевой части образовали то, что между М. Н. Муравьевымъ и министромъ юстиціи графомъ Панинымъ были постоянныя пререканія.

Муравьевъ, однако-жъ, не достигъ своихъ цѣлей. Межевая часть осталась подъ главнымъ завѣдываніемъ и надзоромъ министра юстиціи. Г. Муравьеву былъ предоставленъ титулъ управляющаго межевою частью.

Отношенія графа Виктора Никитича къ своимъ подчиненнымъ были вообще учтивыя, любезныя и самыя приказанія давались въ смыслѣ порученій, безъ всякаго начальническаго тона. Бывшіе при немъ начальники канцеляріи П. И. Саломонъ, А. Д. Кригеръ, Н. П. Мансуровъ, К. К. Ренненкамфъ, И. И. Сущовъ,

Д. Б. Беръ и проч. постоянно передавали сослуживцамъ своимъ, что графъ, принимая ихъ у себя на дому или въ министерствѣ, или на дачѣ въ Павловскѣ, всегда выказывалъ любезность, приглашалъ ихъ къ обѣду, въ театрѣ въ ложу, бесѣдовалъ съ ними и часто дружески совершалъ прогулки.

То-же самое онъ выказывалъ въ бытность свою главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ.

Указывая на правителей канцеляріи министерства юстиціи прежняго времени, мы съ умысломъ пропустили имя М. Ив. Топильскаго, который, какъ увѣряютъ, совершенно несправедливо, былъ, въ виду суровости и самовластія графа, будто-бы мученикомъ его и долженъ былъ унижаться предъ нимъ до степени раба.

Такъ, это дѣйствительно говорили, но мы просимъ терпѣнія: М. И. Топильскому мы посвящаемъ особый отдѣлъ въ этой статьѣ и докажемъ, что униженія отъ него никто не требовалъ и что все мученичество его исходило отъ него самого и что, наконецъ, графъ былъ тутъ не при чемъ.

По мнѣнію графа Виктора Никитича опредѣленіе достоинствъ чиновника или вообще служащаго принадлежитъ его начальству или власти, а потому никакой похвальбы самого себя онъ не допускалъ,—такъ онъ думалъ по отношенію другихъ, а равно и самого себя.

Въ доказательство сего приведу слѣдующій случай.

По званію начальника VI отдѣленія я писалъ много лѣтъ сряду годичные отчеты по министерству юстиціи, которые представлялись государю императору чрезъ комитетъ гг. министровъ (ст. 14, т. I учрежденія комитета гг. министровъ), а иногда и лично государю предъ новымъ годомъ.

Вотъ помню, когда въ первый разъ мнѣ пришлось составлять сіи отчеты и, не зная требованій графа, я позволилъ себѣ восхвалять дѣятельность министра превыше всего.

Тутъ все представлено было въ розовомъ цвѣтѣ, не исключая даже того, что и накопленіе дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ приписывалось не бездѣйствію сихъ мѣстъ, а необходимости отнестись къ этимъ дѣламъ съ бо́льшимъ вниманіемъ. Топильскій, прочитавъ отчеты, былъ въ восторгѣ, заключилъ меня въ объятія

и расцѣловалъ. Представивъ отчеты графу Панину, я ждалъ одобренія, но сего не послѣдовало.

Графъ, призвавъ меня, сказалъ: я вовсе не желаю себя хвалить,—это не въ моихъ правилахъ. Отчеты должны представлять то, что мною сдѣлано, а по отношенію того, что нельзя было сдѣлать, я долженъ представить оправданія,—или болѣе или менѣе уважительныя причины. Поняли-ли вы меня? спросилъ графъ.

— „Понялъ", отвѣчалъ я. Съ тѣхъ поръ отчеты были писаны согласно указаніямъ графа Панина.

Припоминаю, что въ отчетахъ сихъ, представляемыхъ государю императору, графомъ Панинымъ указывалось на скудность средствъ судебнаго вѣдомства и въ особенности въ губернскихъ и уѣздныхъ мѣстахъ губерніи, говоря, что канцелярскіе чиновники оныхъ получаютъ иногда по 50 коп. сер. въ мѣсяцъ.

Къ этому же графъ прибавлялъ, что ограниченное содержаніе чиновниковъ министерства юстиціи даетъ поводъ или предлогъ оставлять эту службу и переходить въ другое вѣдомство.

Все это мы приводимъ къ тому, чтобы оправдать графа въ томъ, что будто-бы онъ скрывалъ предъ государемъ скудное содержаніе служащихъ въ его министерствѣ, а въ самихъ отчетахъ показывалъ неправильно о числѣ оставшихся нерѣшенныхъ дѣлъ.

Разсматривая сіи отчеты, нельзя было не остановиться на томъ, что по нѣкоторымъ департаментамъ сената оберъ-прокуроры позволяли себѣ показывать, что будто-бы къ новому году всѣ дѣла безъ остатка были рѣшены, но при ближайшемъ разсмотрѣніи сего невѣроятнаго факта оказывалось, что къ новому году почти по каждому изъ департаментовъ составлялась общая вѣдомость нерѣшеннымъ дѣламъ и противъ нихъ рукою первоприсутствующаго сенатора отмѣчалось: или потребовать свѣдѣній, или пополнить справками, или, наконецъ, доложить по запискамъ.

Дѣйствительно, нельзя отрицать, что могли быть случаи, что дѣла по обстоятельствамъ слѣдовало пополнить справками, но не скроемъ того, что право рѣшить дѣло по справкамъ принадлежало присутствію и возражать противу сего министерство юстиціи не имѣло основанія, ибо нельзя было сказать суду или

присутствію сената, чтобы они рѣшали дѣла безъ такихъ или другихъ свѣдѣній.

Говоримъ, что подобный порядокъ хотя и допускался въ судахъ и сенатѣ, но тутъ графъ Панинъ въ министерствѣ былъ не при чемъ; отчеты составлялись правильно и согласно представляемымъ частнымъ вѣдомостямъ.

Въ министерствѣ юстиціи отлично разумѣли какъ опредѣлить дѣятельность суда или сената, но самое зло относительно рѣшенія дѣлъ могло быть устранено только изданіемъ новаго устава судопроизводства, по коему дѣло помимо сторонъ не пополняется справками, ибо доставленіе сихъ справокъ принадлежитъ самимъ сторонамъ. Но довольно объ этомъ и будемъ продолжать по вопросу о томъ, что графъ Викторъ Никитичъ не любилъ самохвальства.

Однажды кіевскій прокуроръ, не будемъ упоминать его имени, прибылъ въ С.-Петербургъ съ письмомъ отъ Д. Г. Бибикова, бывшаго въ то время генералъ-губернаторомъ.

Бибиковъ восхвалялъ прокурора въ томъ отношеніи, что онъ, дѣйствуя по званію прокурора, умѣлъ въ то же время ладить и съ администраціею, т. е. не входить съ нею ни въ какія пререканія.

Графъ Панинъ, прочтя письмо, просилъ прокурора сѣсть и началъ ему говорить, что ему очень пріятно слышать, что его подчиненные, не ослабляя и не нарушая ни въ чемъ своихъ обязанностей, умѣютъ ладить съ губернскими властями.

Привѣтъ этотъ графъ, наклоняя голову свою, подтвердилъ рукопожатіемъ прокурора. Послѣдній пріятно улыбался и потомъ съ застѣнчивостью и съ нѣкоторою протяжкою въ голосѣ сказалъ графу: могу ли я, ваше сіятельство, ждать отъ васъ награды?

— Награды! сказалъ графъ, нахмурясь, это вы можете предоставить своему начальству.

— Но, но, ваше сіятельство, началъ опять прокуроръ, пріятно было бы слышать отъ васъ лично.

Графъ всталъ, прокуроръ тоже поднялся.

— Ваши напоминанія о наградѣ неумѣстны и я долженъ вамъ сказать, что вамъ отъ меня нечего ждать.

Прокуроръ растерялся, но, ободрясь, сказалъ: въ такомъ случаѣ не лучше-ли оставить вѣдомство министерства юстиціи? Прокуроръ ждалъ возраженія, коего не послѣдовало. Прекрасно сдѣлаете, было послѣднимъ словомъ графа. Прокуроръ удалился и вслѣдъ за тѣмъ перешелъ въ другое министерство. Жестоко, но графъ былъ правъ.

Подобный же случай былъ и съ оберъ-прокуроромъ М. Н. Лебедевымъ. Онъ въ свое время считался опытнымъ криминалистомъ, но не получая долго награды и въ особенности ленты чрезъ плечо, отправился къ графу и началъ выставлять ему свои заслуги. Графъ слушалъ его съ неудовольствіемъ и бесѣда сія кончилась тѣмъ, что Лебедевъ въ скоромъ времени перешолъ въ другое вѣдомство.

Кажется, что въ то время Лебедевъ былъ боленъ, но впослѣдствіи онъ опять возвратился въ министерство юстиціи и былъ достойнѣйшимъ сенаторомъ.

Случай этотъ относятъ къ жестокости графа, такъ-ли? Не кроется ли здѣсь своеобразный взглядъ на власть или вообще на начальство.

Нельзя же допустить, чтобы подчиненный настойчиво самъ домогался награды.

Далѣе, графъ Викторъ Никитичъ, по своимъ понятіямъ, не допускалъ, чтобы подчиненные, безъ основательныхъ причинъ, могли отказываться отъ возлагаемыхъ на нихъ порученій по службѣ.

Правило это извѣстно въ военной службѣ и соблюдается тамъ неукоснительно, но въ гражданскомъ вѣдомствѣ и, въ особенности въ средѣ молодыхъ людей, оно какъ-то смутно понималось.

Вотъ въ виду сего начала нѣкоторые молодые люди судебнаго вѣдомства получали добрые уроки отъ графа. Уроки сіи обличали въ графѣ великодушнѣйшаго начальника. Такой урокъ, какъ помню, получилъ нѣкто Вирандъ, правовѣдъ, окончившій курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1841 году. Онъ, какъ говорятъ, отказался ѣхать на постоянную службу въ одинъ изъ губернскихъ городовъ и долженъ былъ исполнять разныя временныя порученія графа въ другихъ городахъ.

Мы не безъ умысла разсказали о семъ случаѣ, чтобы выставить графа въ настоящемъ его видѣ, а не въ извращенномъ.

О немъ измышлялось много анекдотовъ относительно его эксцентричностей или, какъ другіе называли, чудачества.

Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, анекдоты сіи были отчасти невѣрояны, явно измышленные, а иногда плодъ болтовни разныхъ лицъ, пущенной въ ходъ такъ себѣ, ради смѣха.

Во всякомъ случаѣ воспоминанія о графѣ Панинѣ были бы неполны, если бы мы не обратили вниманія на этотъ предметъ.

Но прежде всего мы скажемъ, что во всѣхъ анекдотахъ о графѣ, если бы даже цѣликомъ признать ихъ правдивыми, не умаляется достоинство его, какъ министра, и не затрогивается его честь, какъ благороднаго человѣка.

Къ числу ярыхъ порицателей графа Панина слѣдуетъ отнести прежде всего русскаго публициста, эмигранта А. И. Герцена. Онъ постоянно въ издаваемомъ имъ журналѣ „Колоколѣ“ и въ особомъ изданіи, подъ названіемъ: „Голоса изъ Россіи“, осуждалъ вообще дѣйствія правительства, а въ томъ числѣ министерства юстиціи и лично графа Панина. А между тѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, что графъ Викторъ Никитичъ былъ весьма полезенъ лично Герцену въ дѣлѣ о слѣдовавшемъ ему наслѣдствѣ послѣ отца, на что онъ, какъ эмигрантъ, не имѣлъ права.

Говоря объ анекдотахъ, возникавшихъ и переходившихъ изъ устъ въ уста о графѣ Панинѣ, мы должны виновникомъ сего распространенія, по преимуществу, признать бывшаго при немъ несмѣнно М. И. Топильскаго.

Приводимый мною засимъ анекдотъ М. П. Топильскій разсказывалъ намъ самъ, въ смыслѣ жестокости и безсердечія графа Панина. Посмотримъ, такъ ли оный представляется на самомъ дѣлѣ? Графъ былъ въ помѣщеніи редакціонныхъ коммиссій и долженъ былъ возвратиться домой въ Павловскъ.

Проѣздомъ мимо департамента министерства юстиціи, что въ Малой Садовой, онъ остановился у самаго подъѣзда и, не выходя изъ кареты, сталъ настоятельно требовать къ себѣ Михаила Ивановича Топильскаго.

Курьеры одинъ за другимъ вбѣгали въ квартиру Топильскаго и сообщали ему, что графъ ждетъ его у подъѣзда и не дождется. Топильскій, впопыхахъ, едва успѣлъ накинуть на себя вицъ-мундиръ, съ неизбѣжными звѣздами, и выбѣжать на улицу безъ

шляпы: дверцы кареты отворились и онъ вскочилъ въ нее, а кучеръ, гонимый графомъ, быстро поѣхалъ по дорогѣ къ царскосельскому вокзалу.

— „Мнѣ нужно васъ видѣть, сказалъ графъ, садитесь и слушайте".

Въ чемъ состояла спѣшная бесѣда ихъ—не знаемъ; одни говорятъ, что графъ жаловался на одного члена редакціонной коммиссіи, командированнаго изъ министерства юстиціи, который не соглашался съ мнѣніемъ графа; другіе повѣствуютъ другое. Но не въ томъ дѣло! Бесѣда кончилась далеко еще до вокзала, графъ вдругъ остановилъ карету и, обращаясь къ Топильскому, сказалъ: „Вы свободны". Топильскій машинально выскочилъ изъ кареты и остался на улицѣ, безъ шляпы, въ вицъ-мундирѣ со звѣздами. Графъ не замѣтилъ ничего этого и поѣхалъ дальше.

Топильскій въ такомъ костюмѣ почувствовалъ неловкое свое положеніе. Къ счастью, у него былъ въ карманѣ платокъ, онъ, доставъ его, началъ утираться и пошелъ по дорогѣ домой; на бѣду мою, какъ разсказывалъ намъ самъ Топильскій, какой-то городовой, замѣтивъ грудь мою со звѣздами, а голову безъ шляпы, заподозрѣлъ, не сумасшедшій ли я!

„Да, продолжалъ Топильскій, графъ поступилъ со мной жестоко, безъ всякаго вниманія и милосердія ко мнѣ. Чтобы вы сдѣлали, сказалъ онъ мнѣ, на моемъ мѣстѣ?"

— Я попросилъ бы у графа позволенія остаться въ каретѣ и, довезя графа до вокзала и выпустивъ его, воротился бы въ той же каретѣ домой. Вѣдь карета эта помѣщалась въ зданіи министерства, гдѣ жили графъ и Топильскій?

„Да, такъ, но я не догадался этого сдѣлать", отвѣчалъ Топильскій.

Объясняя это Топильскому, я увѣрялъ его, что у графа вовсе не было въ мысляхъ оскорбить его или выказать ему какое-либо оскорбительное невниманіе. А между тѣмъ самъ Топильскій при жизни своей многимъ и многимъ разсказывалъ сослуживцамъ, что въ изъясненномъ происшествіи онъ видитъ жестокосердіе графа и его высокомѣріе. Подкладкою сего разсказа было то, чтобы возбудить сожалѣніе о немъ, что вотъ онъ сколько терпитъ отъ графа Виктора Никитича Панина.

Докончимъ этотъ разсказъ тѣмъ, что Топильскій у Чернышева моста, у одного своего сослуживца, обрѣлъ себѣ свободную шляпу и благополучно добрался до департамента, гдѣ онъ имѣлъ квартиру.

Въ противовѣсъ сему анекдоту разскажемъ другой, свидѣтельствующій о томъ, что графъ Панинъ не относился высокомѣрно къ Топильскому, а напротивъ, былъ къ нему чрезвычайно вѣжливъ. Мнѣ разсказывало за вѣрное лицо, жившее въ семьѣ графа, что онъ однажды, читая какого-то классика и встрѣтивъ недоразумѣніе въ одной изъ его фразъ, тотчасъ послалъ карету за Топильскимъ. Засимъ неизвѣстно, по пріѣздѣ послѣдняго, наши мужи сами ли разрѣшили встрѣтившееся недоразумѣніе или пришлось посылать къ какому-либо профессору—для разъясненія—мы не знаемъ.

Къ числу чудачествъ графа и его жестокости по отношенію ближайшихъ его подчиненныхъ порицатели его приводятъ слѣдующій случай:

Нѣкоторые чиновники, просившіеся въ отпускъ у графа, по словамъ порицателей, получили отказъ, а тѣ, которые вовсе и не думали объ отпускѣ — получили разрѣшеніе. Что это значитъ, спрашиваютъ многіе? Явно, или графъ пренебрегаетъ просьбами, или онъ смѣется надъ подчиненными, или онъ не въ своемъ умѣ? Ни то, ни другое.

Мы, по ближайшей извѣстности намъ графа, отвѣчаемъ такъ: ему отлично было извѣстно, въ какихъ отдѣленіяхъ департамента министерства юстиціи дѣла шли быстро и въ какихъ оныя затягивались. Поэтому, гдѣ дѣла шли безъостановочно, тамъ, по мнѣнію графа, могутъ быть разрѣшены отпуски, даже если бы чиновники и не просились въ оный, а гдѣ оказывалось замедленіе, тамъ они должны были получить отказъ.

Графъ въ душѣ былъ дипломатъ, а потому желалъ, чтобы его понимали, не требуя отъ него излишнихъ объясненій. Впрочемъ, такихъ случаевъ, гдѣ разрѣшался отпускъ вовсе не просившимъ его, а другіе получали отказъ,—былъ одинъ или два и едва ли оные относятся не къ 1846 г.

Самъ по себѣ фактъ этотъ ничего не значитъ, а между тѣмъ въ устахъ нѣкоторыхъ случаи эти и до сихъ поръ приводятся, какъ симптомъ какого-то чудачества со стороны графа. Явная

злоба! Не чудачество здѣсь было, а былъ тонкій намекъ, котораго не хотѣли понимать.

Такимъ образомъ, всѣ обвиненія графа въ жестокосердіи и чудачествахъ натянуты и измышлены.

Говоря о графѣ Панинѣ, мы не можемъ не посвятить нѣсколько строчекъ описанію его фигуры; онъ былъ высокъ ростомъ, голова его хотя и соотвѣтствовала росту, тѣмъ не менѣе она была велика, глаза также большіе и всегда мыслящіе.

Въ министерствѣ всегда онъ былъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ, а на улицѣ въ бекешѣ съ бобровымъ воротникомъ, если прогулка была зимою, или пальто, смотря по сезону, въ шляпѣ-цилиндрѣ,—съ палкой подъ мышкой; но при этомъ костюмѣ у него, по особой привычкѣ, кончикъ носоваго бѣлаго платка всегда или зачастую торчалъ изъ задняго кармана.

Ходилъ онъ всегда по Невскому проспекту, мимо Публичной библіотеки, задумчиво и при близорукости своей рѣдко отвѣчалъ на поклоны проходившихъ.

Весь станъ и самая походка обличали въ немъ философа.

Глядя на него и на стоявшихъ въ нишахъ зданія императорской публичной библіотеки статуй древнихъ греческихъ и римскихъ мудрецовъ, напримѣръ, Сократа, Евклида, Платона, Аристотеля и другихъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, мнѣ часто приходило въ голову сравнивать ихъ между собою.

Разница между ними была только въ костюмахъ, но если бы графа Виктора Никитича облечь въ тогу и открыть ему голову, то всякая разница между ними исчезла бы.

Послѣ всего этого я самъ себѣ задавалъ вопросъ: да не слѣдуетъ ли и ему, т. е. графу, со временемъ стать между сими мудрецами?

Слѣдуетъ, отвѣчалъ я самъ себѣ, тѣмъ болѣе, что онъ научно съ молоду хорошо былъ съ ними знакомъ!

Совершится ли это когда-нибудь или нѣтъ—не знаемъ, но вотъ что случилось съ нимъ по поводу торчащаго кончика носоваго платка изъ бекеши!

Графъ шелъ изъ своего дома, что въ Караванной улицѣ, въ зданіе министерства юстиціи, находящееся въ Малой Садовой. При переходѣ его послѣдней съ одной стороны на другую—какой-то уличный мальчишка, воришка по ремеслу, быстро подбѣжалъ къ

графу сзади, выдернулъ платокъ изъ бекеши и отбѣжалъ, а потомъ, показывая ему платокъ, вскричалъ: „баринъ, а баринъ, дашь гривенникъ—отдамъ, а не дашь—поминай, какъ звали!“

Рѣчь, какъ видите, опытнаго вора.

Графъ ощупалъ карманъ и, убѣдившись, что платокъ въ рукахъ мальчишки былъ дѣйствительно его, задумался, что дѣлать ему? Гнаться за нимъ, увы, не догонишь, тѣмъ болѣе, что на улицѣ было много грязи. Грозить ему? Какъ и чѣмъ? Полицейскія власти были въ отдаленіи, а главное, на бѣду,—порывшись въ своихъ карманахъ, онъ не безъ скорби убѣдился, что у него на этотъ разъ не было даже и гривенника.

Графъ взмолился! Сталъ говорить мальчику: отдай платокъ, гривенникъ получишь—вышлю сейчасъ вонъ изъ этого дома, указывая на министерство. Мальчишка выразилъ недовѣріе: надуешь, баринъ; переговоры продолжались на тему: графъ увѣрялъ, мальчикъ не довѣрялъ.

Чѣмъ бы все это кончилось—неизвѣстно. Изъ дома министерства вышелъ курьеръ; приближаясь къ графу, онъ началъ догадываться въ чемъ дѣло, но мальчишка былъ малый не простой—быстро убѣжалъ.

Графъ смѣялся и, войдя въ зданіе министерства, повернулъ въ квартиру директора Топильскаго.

— „Гдѣ Юлія Владиміровна?“ Такъ звали жену Топильскаго, спросилъ графъ. Новое недоразумѣніе! Ибо такого случая, чтобы графъ настоятельно и прямо отъ себя спрашивалъ къ себѣ супругу М. И. Топильскаго, еще не было ни разу во все долголѣтнее продолженіе службы ея мужа. Произошло неизбѣжное замедленіе! Графъ продолжалъ дожидаться и смѣяться; между тѣмъ въ испугѣ прибѣжалъ сверху изъ департамента и Михаилъ Ивановичъ, не смѣя спросить, что угодно графу.

Явилась, наконецъ, и Юлія Владиміровна. Графъ со смѣхомъ разсказалъ происшествіе съ нимъ и засимъ тайное требованіе къ себѣ Юліи Владиміровны разрѣшилось тѣмъ, что онъ попросилъ у нея на время носоваго платка.

Само собою Михаилъ Ивановичъ разсказывалъ объ этомъ многимъ, а нѣкоторые прибавляли, что будто бы графъ совѣтывалъ ему имѣть при себѣ всегда гривенникъ въ карманѣ, а то, чего Боже сохрани, и съ нимъ то-же случится.

Другіе пошли далѣе, говоря, что съ тѣхъ поръ дѣйствительно Михаилъ Ивановичъ имѣлъ у себя въ карманѣ, согласно указанію графа, на всякій случай, гривенникъ.

Въ послѣдующій день послѣ изложеннаго происшествія въ министерствѣ юстиціи, сенатѣ, среди разнаго служащаго люда, только и было рѣчи, что о графѣ, платкѣ и проч.

Во всей этой исторіи мы видимъ несомнѣнно, что графъ былъ отчасти юмористъ и добрѣйшая личность, чуждый, какъ истый аристократъ, всякаго чванства, и приключись эта исторія съ другимъ! Боже мой, сколько было бы тутъ шуму!

По разсказамъ, графъ Викторъ Никитичъ, какъ истый дипломатъ, былъ всегда учтивъ, любезенъ и никогда въ объясненіяхъ своихъ съ подчиненными не допускалъ какихъ либо грубостей. Это такъ, твердятъ его порицатели, но не безусловно, напримѣръ, при явкѣ къ нему почтенныхъ людей онъ предлагаетъ имъ садиться; но если бы они сѣли прежде его приглашенія, то онъ почелъ бы это за величайшее невѣжество. Въ подтвержденіе сего приводятъ то, что будто бы однажды сенаторъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій и Дурасовъ, придя къ графу въ кабинетъ, позволили себѣ сѣсть безъ приглашенія на стоявшій близъ графа Панина диванъ. Гнѣвъ свой онъ будто бы выразилъ тѣмъ, что по уходѣ сенаторовъ тотчасъ приказалъ убрать диванъ.

А мнѣ исторія эта была извѣстна совсѣмъ иначе. Графъ попросту убѣдился, что упомянутый диванъ стоялъ не на мѣстѣ и велѣлъ его вынести.

Случился-ли этотъ выносъ вслѣдъ за уходомъ сенаторовъ или послѣ—не знаемъ, но во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни грубости.

Но порицатели честнаго и безукоризненнаго имени графа не остановились на этомъ и приводятъ другіе случаи.

Въ Москвѣ былъ очень уважаемый оберъ-прокуроръ Михаилъ Акимовичъ Рюминъ. Вотъ этотъ Рюминъ пришелъ однажды къ графу, который тотчасъ предложилъ ему папиросъ, но онъ будто бы, къ удивленію графа, не отказался и сталъ курить.

По разсказамъ порицателей, графъ счелъ Рюмина сумасшедшимъ и заставилъ его выдти въ отставку.

Фактъ самъ по себѣ не заслуживающій никакого вѣроятія; но мы, дѣйствительно, должны сказать, что Рюминъ вышелъ въ

отставку потому, что онъ сильно, не гласнымъ образомъ, затянулся въ откупныя дѣла.

Согласитесь, что родъ занятій откупными дѣлами, т. е. спаиваніе православнаго люда, не согласуется съ обязанностями оберъ-прокурора.

Стало быть, куреніе Рюминымъ папиросъ при графѣ Панинѣ тутъ было не при чемъ!

Къ этому мы добавимъ, что, въ бытность графа предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, онъ всегда призозилъ съ собою большой запасъ папиросъ, сигаръ и нюхательнаго табаку.

Къ запасу прибѣгали всѣ и въ особенности П. Я. Булгаковъ, который, не безъ умысла обращаясь къ графу, безъ всякой церемоніи говорилъ: „неужели васъ, графъ, нельзя раззорить?“

Графъ улыбнулся и, любезно протягивая ему руки съ папиросами, сигарами, говорилъ: очень радъ, очень радъ!

Итакъ, анекдотъ о Рюминѣ съ папиросами чистая злобная выдумка и дурнаго свойства.

Питая къ личности графа Панина глубокое уваженіе, мы не желаемъ пропустить ни одного случая, который бы остался безъ провѣрки. Итакъ, будемъ продолжать далѣе.

Разсказываютъ, что появленіе его въ московскомъ сенатѣ во время коронаціи Императора Александра II произвело подавляющее впечатлѣніе: по объясненію порицателей, онъ съ Топильскимъ торжественно прошелся по департаментамъ впередъ и обратно, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на оберъ-прокуроровъ, ожидавшихъ его, и на служащихъ, и не кивнулъ имъ даже головою.

Дѣйствительно, въ свое время объ этомъ говорили.

Но Н. И. Стояновскій, нынѣ членъ государственнаго совѣта, бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ въ московскомъ сенатѣ, совершенно отвергаетъ этотъ фактъ.

Въ подтвержденіе словъ Н. И. Стояновскаго мы припоминаемъ другой случай.

Графъ Панинъ вошелъ разъ въ департаментъ министерства юстиціи, его встрѣтилъ и подошелъ къ нему директоръ М. М. Корніоленъ-Нинскій; идя съ нимъ по департаменту, онъ представлялъ ему каждаго изъ дѣлопроизводителей по порядку, говоря: вотъ этотъ,

называя по имени, отчеству и фамиліи, дѣлопроизводитель такой-то, окончилъ курсъ наукъ тамъ-то, служитъ въ занимаемой должности столько-то времени, исключительно занимается тѣмъ-то, въ особенности обнаруживаетъ способности по такимъ-то дѣламъ и т. д.

Словомъ, Пинскій не оставилъ никого и ничего не забылъ.

Графъ пріятно улыбался, протягивалъ руку каждому производителю и кончилъ тѣмъ, что сказалъ всѣмъ намъ: „господа, въ Матѳеѣ Ивановичѣ вы имѣете не только начальника, но и воспитателя". Слова—понятныя для всѣхъ насъ.

Есть основаніе думать, что разные разсказы, которые ходили по городу про графа, и даже каррикатуры на него, были ему отчасти извѣстны, но что онъ вовсе не сердился и относился ко всему этому своеобразно.

Въ доказательство сего приведемъ слѣдующее:

Въ департаментѣ министерства юстиціи служилъ изъ правовѣдовъ молодой человѣкъ по имени И. Д. Даниловъ.

Вотъ подъ вліяніемъ разныхъ розсказней про графа, онъ нарисовалъ на него каррикатуру и даже позволилъ себѣ издать ее въ свѣтъ.

Мы помнимъ ее, она не заключала въ себѣ ничего особенно остраго, но такъ какъ она все таки содержала въ себѣ насмѣшку надъ начальствомъ, а это плодъ запрещенный, то само собою она начала ходить по рукамъ.

Одна изъ нихъ представляла собою графа, заказывающаго какому-то чиновнику составить къ завтрашнему дню вѣдомость о еловыхъ шишкахъ, павшихъ съ деревьевъ назадъ тому 24 года. Авторъ каррикатуры видимо опорочиваетъ графа въ требованіи вѣдомостей о дѣлахъ минувшихъ годовъ.

Другая каррикатура представляла графа, приказывающаго кому-то (вѣроятно, Топильскому) заказать обѣдъ у Донона, такъ какъ вкусъ его ему извѣстенъ. Извѣстно, что графъ въ лѣтніе мѣсяцы съ Топильскимъ иногда обѣдалъ у Донона. Содержаніе, какъ видите, пустое.

Данилову дали понять неприличность его поступка и совѣтовали ему бросить это занятіе.

Даниловъ не унялся и самъ оставилъ министерство юстиціи.

По поводу памфлета, изданнаго А. И. Герценомъ на графа Панина мы разскажемъ еще одинъ забавный случай.

Герценъ, въ журналѣ своемъ „Колоколъ“, разсказывалъ, что будто бы ему попался портфель графа, который онъ какъ-то потерялъ. Въ этомъ портфелѣ заключались измышленные проекты графа Панина, по поводу назначенія его министромъ иностранныхъ дѣлъ, о чемъ, кстати скажемъ, много говорили. Въ проектѣ этомъ разсказывались разныя небылицы о томъ, какъ думаетъ графъ Панинъ преобразовать министерство, наприм., что онъ считаетъ необходимымъ заведеніе спеціально для дипломатовъ голубиной почты, что посломъ въ Мадридъ онъ полагаетъ назначить экзекутора департамента министерства юстиціи Лалаева, вмѣнивъ ему въ обязанность изучить испанскій языкъ непремѣнно въ шестинедѣльный срокъ.

Лалаевъ, умершій въ февралѣ этого года въ Петербургѣ въ глубокой старости, былъ человѣкъ безъ особаго образованія и въ департаментѣ завѣдывалъ казначейскою частію.

Наконецъ, въ этой же статьѣ Герценъ обвинялъ графа Панина и въ томъ, что онъ изъ сената сдѣлалъ военную богадѣльню.

Этотъ нумеръ „Колокола“ ходилъ въ видѣ запрещеннаго листа по Петербургу и, само собою, его читали съ наслажденіемъ; были и такіе, которые вѣрили разсказываемому Герценомъ.

Все это не могло не дойти до графа.

Вотъ въ одно прекрасное утро графъ собираетъ около себя лучшихъ людей министерства и сената, усаживаетъ ихъ около себя и начинаетъ самъ вслухъ читать измышленія Герцена, сопровождая это такимъ громкимъ смѣхомъ, что и другіе слушавшіе его также подражали ему.

Но вотъ дошли до обвиненія его относительно сената, что будто бы онъ сдѣлалъ изъ него военную богадѣльню. Графъ остановился и громко сказалъ: но вотъ это ложь злобная.

Причемъ краснорѣчиво объяснилъ, что ему, графу, принадлежитъ только представленіе въ сенаторы изъ оберъ-прокуроровъ и членовъ консультаціи. Всѣ же прочія лица, штатскія и военныя, получаютъ сенаторское званіе помимо его воли, причемъ, однако-жъ, указалъ, что ношеніе генеральскихъ эполетъ не можетъ служить порицаніемъ званію сенаторовъ и что, напротивъ того, многіе изъ нихъ совершенно оправдываютъ свое назначеніе.

Чтеніе „Колокола“ самимъ графомъ Панинымъ сдѣлалось извѣстнымъ всему Петербургу и объ этомъ перестали говорить.

Въ книгѣ, изданной въ 1859 г. въ Лондонѣ подъ названіемъ „Голоса изъ Россіи“, заключаются порицанія общаго порядка въ имперіи, а потому мы и не считаемъ нужнымъ входить во всѣ подробности, но остановимся на одномъ,—о томъ, что будто бы графъ Панинъ нещадно переводилъ чиновниковъ съ мѣста на мѣсто безъ всякой къ тому нужды.

Переводы чиновниковъ во время графа Панина, дѣйствительно, были и, можетъ быть, не согласовались съ желаніями ихъ, но чтобы сказать, что его переводы дѣлались безъ всякихъ поводовъ и необходимости къ тому, такъ, зря, то этого сказать нельзя. Переводы дѣлаются и теперь,—они обусловливаются разными соображеніями, имѣющими основу въ видахъ пользы службы.

Много еще можно бы было разсказать анекдотовъ о графѣ и обвиненій противъ него, но мы боимся утомить читателя и задаемся вопросомъ: отчего же прочіе министры современники его не подвергались такимъ разсказамъ и обвиненіямъ, какъ графъ Панинъ?

Нѣтъ, и прочіе министры въ былое время не избѣгали сего; и про нихъ пускались въ ходъ остроты и о нихъ сочинялись каррикатуры, но только въ другомъ родѣ, смотря по тому, какая сторона преобладала въ характерѣ или въ образѣ дѣйствія ихъ. Такъ, много говорили о министрѣ финансовъ графѣ Канкринѣ, который ревниво оберегалъ интересы казны. Не мало было пущено въ ходъ шутокъ и про его преемника Ѳедора Павловича Вронченко. А сколько было разсказовъ про Владиміра Петровича Буткова, какъ непремѣннаго посѣтителя всѣхъ гульбищъ въ С.-Петербургѣ!

Извѣстно, что графъ Викторъ Никитичъ любилъ уединяться и отдавать себя всецѣло труду, а почасту и научнымъ занятіямъ; чуждался общественныхъ удовольствій и неохотно посѣщалъ своихъ близкихъ знакомыхъ и не вступалъ съ ними въ дружескія бесѣды.

Вотъ все это въ глазахъ людей, любящихъ общество, свѣтъ, блескъ, придворныя новости, жаждущихъ и алчущихъ почестей и мѣстъ, интригующихъ за одно съ другими для достиженія разныхъ цѣлей—графъ казался для нихъ болѣе нежели страннымъ

и, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи онъ не былъ похожъ на другихъ. Впрочемъ, въ немъ почасту просвѣчивалъ одинъ недостатокъ; это—непрактичность въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, что, вѣроятно, произошло и развилось подъ вліяніемъ какой либо исключительной сферы, въ которой онъ былъ воспитанъ.

Но эта непрактичность не умаляетъ его прочихъ достоинствъ, какъ человѣка замѣчательнаго въ общественной и государственной дѣятельности, а равно и въ частной жизни, съ крайне строгимъ и неуклончивымъ направленіемъ.

Засимъ изъ всего нами правдиво высказаннаго мы должны заключить, что графъ Викторъ Никитичъ Панинъ былъ человѣкъ глубокообразованный, дѣятельный, честнѣйшій, дѣйствовавшій въ духѣ своего времени, преданный долгу службы, пользамъ государства и лично государямъ и ставившій законъ выше всего.

Послѣ всего намъ остается сказать: миръ праху твоему, доблестный дѣятель, воспитатель цѣлаго поколѣнія юристовъ. Жалѣемъ объ одномъ, что залъ большаго генералъ-прокурорскаго дома, сколько намъ извѣстно, не украшенъ еще его портретомъ.

Въ заключеніе нашей статьи, мы, какъ бы въ подтвержденіе всего сказаннаго нами, приведемъ въ цѣломъ составѣ своемъ содержаніе высочайшаго рескрипта 15 декабря 1869 года, послѣдовавшаго въ день пятидесятилѣтія служенія графа Панина престолу и отечеству.

Въ немъ же въ особенности просимъ обратить вниманіе на слова, что графъ Викторъ Никитичъ улучшилъ личный составъ судебнаго вѣдомства, образовалъ многихъ по этой части опытныхъ и знающихъ дѣятелей, чѣмъ и далъ возможность введенію судебныхъ реформъ.

Въ виду сихъ словъ частныя разсужденія о томъ, что будто бъ введеніе реформъ было дѣяніемъ другихъ министровъ, едва ли могутъ быть допускаемы.

Содержаніе рескрипта, приводимое нами дословно, слѣдующее:

Высочайшій рескриптъ,

послѣдовавшій на имя члена государственнаго совѣта, ст.-секретаря, дѣйствит. тайнаго совѣтника графа Панина.

Графъ Викторъ Никитичъ. Сегодня исполнилось 50 лѣтъ со времени вступленія вашего въ государственную службу. Полвѣка прослужили вы Россіи и тремъ ея монархамъ съ неослабленнымъ усердіемъ, неизмѣнною твердостію и непоколебимою преданностію престолу и отечеству. Начавъ 15-го декабря 1819 г. службу по дипломатической части, вы замѣчательными дарованіями своими, глубокимъ и всестороннимъ образованіемъ скоро обратили на себя вниманіе въ Бозѣ почившаго августѣйшаго моего родителя, и въ 1832 г. назначены были исправляющимъ должность товарища министра юстиціи, а съ 1839 г. вамъ ввѣрено было управленіе министерствомъ юстиціи. Почти 23-хъ-лѣтніе труды ваши по управленію этимъ министерствомъ ознаменовались въ особенности непрерывными усиліями къ улучшенію личнаго состава судебнаго сословія посредствомъ назначенія на судебныя должности лицъ, обладающихъ какъ надлежащими нравственными качествами, такъ и необходимою научною подготовкою. Образовавъ многихъ по этой части опытныхъ и знающихъ дѣятелей, вы тѣмъ предуготовили возможность введенія впослѣдствіи болѣе совершенныхъ формъ судоустройства и судопроизводства. Но среди многотрудныхъ обязанностей по управленію министерствомъ юстиціи, вы находили силы и время для исполненія и другихъ важныхъ государственныхъ порученій, возлагаемыхъ на васъ довѣріемъ монарховъ. Изъ числа этихъ порученій, мнѣ пріятно вспомнить здѣсь о возложенномъ мною на васъ предсѣдательствованіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ для составленія проектовъ законоположеній по крестьянскому дѣлу. Неуклонно слѣдуя даннымъ вамъ мною по сему предмету указаніямъ, вы исполнили это порученіе съ отличавшимъ васъ всегда неослабнымъ усердіемъ и пламеннымъ рвеніемъ ко благу и славѣ отечества. Позднѣе, въ званіи главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной моей канцеляріи, вы въ трудную пору разнообразныхъ и важныхъ законодательныхъ работъ вполнѣ оправдали мое къ вамъ довѣріе, и только совершенно разстроенное отъ многолѣтнихъ трудовъ здоровье вынудило васъ просить

объ увольненіи отъ сопряженныхъ съ этимъ званіемъ обязанностей. Въ настоящій, столь памятный для васъ, день, завершающій полстолѣтіе достославно пройденнаго вами служебнаго поприща, я призналъ справедливымъ, въ ознаменованіе моей признательности и полнаго къ вамъ благоволенія, пожаловать вамъ препровождаемый при семъ украшенный алмазами портретъ мой, для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ, и выражаю живѣйшее сердечное желаніе, чтобы мнѣ и горячо любимому отечеству дано было еще много лѣтъ пользоваться содѣйствіемъ вашего просвѣщеннаго ума и долголѣтней опытности.

Пребываю навсегда неизмѣнно вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано: „искренно васъ любящій и благодарный Александръ“.

Въ С.-Петербургѣ,
15-го декабря 1869 года.

Послѣ сего рескрипта, свидѣтельствующаго о заслугахъ графа Виктора Никитича Панина, намъ остается только благоговѣть предъ памятью его.

Миръ праху твоему, повторяемъ мы, доблестный дѣятель!

VII.

Михаилъ Ивановичъ Топильскій, бывшій директоръ департамента министерства юстиціи при графѣ Панинѣ.

Михаилъ Ивановичъ Топильскій, тайный совѣтникъ, сенаторъ 1-го департамента сената и разныхъ орденовъ кавалеръ, въ томъ числѣ Александра Невскаго, родился въ 1809 году и умеръ, скоропостижно, 2 января 1873 года въ Петербургѣ, на Царицыномъ лугу.

Родомъ онъ изъ дворянъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда; окончилъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата. Въ службу онъ вступилъ сначала въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора въ 1830 году, а потомъ въ 1835 г. онъ перемѣщенъ былъ въ г. Тверь, сначала правителемъ канцеляріи губернатора, а потомъ совѣтникомъ тамошняго губернскаго правленія.

Репутація трудолюбиваго, дѣловаго чиновника пріобрѣтена была имъ вскорѣ безспорно. Въ 1839 году онъ поступилъ въ судебное вѣдомство назначеніемъ новгородскимъ губернскимъ прокуроромъ. Въ слѣдующій засимъ 1840 годъ онъ переходитъ въ горольдію на мѣсто товарища герольдмейстера, а въ 1843 году перемѣщается въ министерство юстиціи на должность правителя канцеляріи г. министра. Въ 1845 году, онъ былъ уже вице-директоромъ департамента, а въ 1850 году, 27 августа, онъ получилъ мѣсто директора и въ этой должности онъ оставался по день увольненія графа Виктора Никитича изъ званія министра юстиціи, т. е. по 21 октября 1862 года. Въ сей день они оба получили назначеніе: графъ Панинъ членомъ государственнаго совѣта, а Топольскій сенаторомъ 1-го департамента.

Такимъ образомъ М. И. Топильскій былъ постоянно при графѣ Панинѣ почти 20 лѣтъ сряду. Разныя должности, которыя онъ занималъ при немъ: правителя канцеляріи, потомъ вице-директора и, наконецъ, директора, не измѣняли собственно его служебныхъ обязанностей и отношеній къ графу,—ибо въ сущности онъ былъ и оставался во все время неизмѣнно правителемъ его канцеляріи. Правда, съ повышеніемъ Топильскаго назначались другія лица на его мѣсто, но это было только по виду или, лучше сказать, на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ все оставалось по старому, т. е. М. И. Топильскій былъ, какъ и прежде сего, правителемъ канцеляріи при графѣ Панинѣ.

Скажемъ болѣе, что даже съ назначеніемъ графа въ государственный совѣтъ, а Топильскаго въ сенатъ, служебный день послѣдняго, по преимуществу, начинался также явкою его къ графу за полученіемъ личныхъ приказаній и порученій.

Различіе состояло въ томъ, что прежде на службѣ онъ являлся въ министерскій кабинетъ графа, а по увольненіи его онъ приходилъ къ нему на домъ по дѣламъ домашнимъ, коими Топильскій завѣдывалъ, или по другимъ случаямъ. Все это не выдумка, не слухъ, а чистая правда, основанная на словахъ самого Топильскаго, сказанныхъ имъ намъ въ 1872 г., т. е. 10 лѣтъ спустя послѣ выхода его изъ министерства.

Это ежедневное появленіе Михаила Ивановича предъ лицемъ графа Виктора Никитича и прежде, на службѣ, и послѣ, по выходѣ ихъ обоихъ изъ министерства, можно объяснить только взаимною ихъ пріязнію другъ къ другу. Графъ не могъ не

видѣть усердія къ службѣ Топильскаго и вѣрности его къ нему лично,—а сей послѣдній, при зависимости своей отъ него по службѣ, сознавалъ мощность и силу его характера, а равно личныя его достоинства и чувство расположенія къ нему графа.

Всѣмъ этимъ Топильскій дорожилъ и хвалился, но при отсутствіи своего твердаго характера онъ, такъ сказать, исчезалъ весь въ величіи графа, разлагался предъ нимъ до нуля, а вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ всякую свою сознательную самобытность.

Далѣе, скажемъ, что графъ смотрѣлъ на Михаила Ивановича, какъ на преданнѣйшаго къ нему человѣка, называлъ его иногда именемъ друга, но слово ты не исходило изъ его устъ. Топильскій, съ своей стороны, видѣлъ въ графѣ своего властелина и только, угождая ему, считалъ основу и спасеніе своего положенія обезпеченнымъ. Слѣдовательно, связь между ними была, но связь особаго рода, сначала она возникла на службѣ, потомъ окрѣпла временемъ и силою вещей, а потомъ съ привычкой обратилась во вторую натуру. Во всякомъ случаѣ равенства между ними не было, а при такихъ условіяхъ и самая дружба ихъ, въ смыслѣ сердечной взаимности и уваженія другъ къ другу, едва ли была мыслима.

Самъ по себѣ Михаилъ Ивановичъ былъ человѣкъ умный, образованный, начитанный, усердный, опытный вообще въ дѣлахъ и въ особенности въ канцелярской отпискѣ, интересный въ частной бесѣдѣ, но все это не предъ лицемъ графа. Тутъ онъ во всѣхъ случаяхъ положительно уничтожался. Слово графъ постоянно было въ его мысляхъ и на устахъ, онъ какъ будто жилъ для него и во имя его. Не касаясь внутреннихъ его чувствъ, для насъ въ Топильскомъ важна служебная его слабость.

Вотъ эту слабость онъ самъ сознавалъ, чувствовалъ и не скрывалъ предъ другими, но перемѣнить себя, стать предъ лицемъ графа въ смыслѣ разумнаго и вѣрнаго своему долгу подчиненнаго онъ не могъ, да такъ и остался до конца своей жизни.

Вслѣдствіе сего общее мнѣніе о немъ было такое, что онъ не служилъ, а прислуживался, а это не одно и то же.

Скажемъ истину, что своею безхарактерностью, доходившею до самоуничиженія, Топильскій дѣлалъ печальную извѣстность и графу Виктору Никитичу, и самъ себѣ лично. И дѣйствительно, цѣлая масса нареканій на графа, какъ министра и человѣка, и самого Топильскаго, и неизчислимое множество анекдотовъ про

нихъ обоихъ,—одинъ другаго невѣроятнѣе, безобразнѣе и глупѣе, къ крайнему нашему сожалѣнію, возникли и разсказывались по винѣ его, Топильскаго.

Но что въ особенности печально—это то, что самоуничиженія отъ Топильскаго никто не требовалъ и ничто къ этому его не вынуждало.

Онъ могъ служить и трудиться, какъ дѣлали его предшественники: Данзасъ, Кетгеръ и Корніолинъ-Пинскій; помогать графу въ смыслѣ разумнаго сослуживца, содѣйствовать ему, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, въ достиженіи служебныхъ цѣлей, представляя открыто и смѣло своему начальнику все, что оказывалось нужнымъ, и нисколько не боясь навлечь на себя гнѣвъ графа. Всего этого, говоримъ мы, у Топильскаго не было, а съ отсутствіемъ сего, въ памяти сослуживцевъ, къ крайнему сожалѣнію, онъ представляется въ смыслѣ какого-то слуги или раба графа Панина, т. е. человѣкомъ безъ воли и разумнаго сознанія своихъ прямыхъ обязанностей. Богъ знаетъ, почему графъ Викторъ Никитичъ представлялся Топильскому человѣкомъ гнѣвливымъ, грознымъ, жестокимъ, не терпящимъ; всего этого мы, какъ ближайшіе сослуживцы его, не примѣчали и не видѣли. Напротивъ того, графъ въ дѣлахъ былъ крайне хладнокровенъ, выжидавшій терпѣливо доклада и обстоятельнаго обсужденія дѣла, никогда не стѣснявшій никого преждевременными своими резолюціями и, наконецъ, человѣкъ уступчивый, если видѣлъ, что его мнѣніе опровергается основательными доводами другихъ. Мы готовы доказать это многими примѣрами. Ясно, что означенныя грозныя свойства графа Панина были только въ воображеніи его, Топильскаго, и представлять его такимъ было едва ли не съ умысломъ и въ видахъ его,—иначе самъ Топильскій, какъ справедливо думаютъ другіе, не казался бы вершителемъ личныхъ судебъ чиновниковъ министерства юстиціи.

Вотъ почему его обвиняли въ умышленномъ извращеніи предъ другими личности графа Панина; въ отстраненіи отъ него всѣхъ людей дѣльныхъ и благомыслящихъ; равнымъ образомъ, его обвиняли въ эксплоатаціи трудовъ своихъ подчиненныхъ, выдавая оные предъ графомъ за свои, и вообще въ отклоненіи личныхъ съ нимъ объясненій по дѣламъ службы, что въ особенности злобнѣе всѣхъ.

Однимъ словомъ, считали, что Топильскій пріобрѣлъ довѣріе графа не искреннею своею службою, а разными недостойными подвохами.

Въ направленіе и рѣшеніе дѣлъ судебныхъ онъ не мѣшался. Правда, они шли чрезъ его руки, онъ подписывался подъ докладами: „директоръ Топильскій“, но не стѣснялъ начальниковъ отдѣленій въ выраженіи своихъ мнѣній, и это была его добрая сторона. Особыхъ работъ большихъ и малыхъ, по дѣламъ и по законодательнымъ вопросамъ, онъ не производилъ. Въ важныхъ случаяхъ, подъ видомъ исполненія графскихъ приказаній, онъ только настаивалъ, не оставляя ни себя, ни другихъ въ покоѣ, суетился, бѣгалъ безъ мѣры и стращалъ графскимъ гнѣвомъ. При этомъ удобномъ случаѣ онъ называлъ самъ графа мучителемъ, властелиномъ, а себя мученикомъ.

Тревога, производимая Топильскимъ, дѣлала службу въ департаментѣ министерства юстиціи крайне безпокойною. Начали уходить. Топильскій объяснялъ это графу скудностью окладовъ.

Предъ лицемъ графа, какъ мнѣ неоднократно случалось видѣть, Топильскій держалъ себя крайне робко, почтительно и смиренно, садился не иначе, какъ по приглашенію, занималъ на стулѣ самую малую часть онаго, мнѣній никакихъ не заявлялъ, а только вторилъ графу, говоря: точно такъ, ваше сіятельство, и проч. Но лишь только графъ оканчивалъ съ нимъ бесѣду и уходилъ изъ министерства, Михаилъ Ивановичъ призывалъ подчиненныхъ, смотря по обстоятельствамъ то начальниковъ отдѣленій, то правителя канцеляріи, то старшаго юрисконсульта, выпрямлялся предъ ними, голосъ его крѣпъ и звучалъ, заявленія и приказанія становились настойчивѣе. Однимъ словомъ, совершалась метаморфоза и онъ дѣлался грознымъ начальникомъ! Слова: обратить вниманіе, скорѣе, немедленно, неотлагательно, позвать того или другаго, послать за нимъ курьера—раздавались зычно по кабинету. Все внимало ему. Ясно, что Михаилъ Ивановичъ былъ особаго закала ревнитель. Впрочемъ, оно не всегда было такъ. Напротивъ, если графъ выражалъ кому либо письменно свою благодарность за отличную разработку дѣла, что случалось не рѣдко, Михаилъ Ивановичъ призывалъ виновника и, сообщая ему резолюцію графа, тотчасъ бросался въ объятія дѣльца, лобызалъ его и увѣрялъ въ нелицемѣрной дружбѣ и любви.

По мнѣнію многихъ, такихъ людей Михаилъ Ивановичъ боялся и впослѣдствіи старался подъ благовиднымъ предлогомъ удалить изъ департамента, давъ имъ другое болѣе отдаленное назначеніе.

Поцѣлуи, какъ видите, были не безъ послѣдствій!

Пишущему сіи строки, по званію старшаго юрисконсульта, въ присутствіи Топильскаго, случалось убѣждать графа Виктора Никитича измѣнять свое первоначальное мнѣніе,—и Боже мой, что дѣлалось въ это время съ Топильскимъ, онъ просто млѣлъ и худѣлъ, чуть не дрожалъ, на него, право, больно было смотрѣть! Къ счастію, разногласія между мною и графомъ скоро оканчивались. Онъ уходилъ, а Топильскій, какъ бы воспрянувъ отъ сна, безпрестанно повторялъ мнѣ: какъ вы смѣлы съ графомъ! какъ вы смѣлы! и т. д.

Но дивясь особенности характера Михаила Ивановича, скажемъ, что онъ при излишней хлопотливости нерѣдко подвергался тѣлесному изнуренію и сильнымъ припадкамъ головной боли. Лекарство, кажется, онъ самъ себѣ придумалъ: онъ выпивалъ цѣлый стаканъ воды съ большою дозою перца; по его словамъ, это ему быстро помогало. И дѣйствительно, часто онъ падалъ отъ безсилія, бросался на постель, лежалъ въ растяжку, вскрикивая слабымъ голосомъ: я трупъ, я трупъ! Но пріемъ перцевой воды помогалъ ему быстро, онъ вскакивалъ и тотчасъ направлялся въ кабинетъ графа, если послѣдній требовалъ его къ себѣ. Возобновляемъ въ памяти читателя, что званіе сенатора М. И. Топильскаго нимало не измѣнило его отношеній къ графу. Онъ относился подобострастно ко всѣмъ его порученіямъ.

Наступилъ день 2-го января 1873 года. Этотъ день былъ послѣднимъ въ его жизни. Квартира его была, какъ помнится, въ домѣ Калугина у Пѣвческаго моста, и вечеромъ въ тотъ день онъ отправился къ бывшему своему подчиненному, а въ то время уже сенатору, Якову Яковлевичу Чемадурову, жившему на Гагаринской пристани. Разстояніе не близкое.

День былъ морозный, а костюмъ Михаила Ивановича далеко не былъ теплый; онъ былъ въ бекешѣ съ теплымъ воротникомъ и въ шляпѣ въ формѣ цилиндра. По какой надобности онъ былъ у Чемадурова—не знаемъ: одни говорятъ, что дѣло шло о составѣ политическаго отдѣла сената, а другіе, что онъ совѣтывался

относительно того, что Топильскаго вызывали въ Москву въ качествѣ свидѣтеля. Разсказываютъ, что въ бесѣдѣ у Чемадурова онъ былъ необыкновенно веселъ и шутливъ, а между тѣмъ смерть уже стояла за его плечами.

Возвращаясь пѣшкомъ домой и проходя Царицынъ лугъ, онъ подвергся апоплексическому удару и умеръ на мѣстѣ; но умеръ ли онъ мгновенно отъ удара, или въ обморокѣ онъ замерзъ въ безпомощномъ положеніи,—не знаемъ. Извѣстно только то, что полиція, замѣтивъ мертвое тѣло, не сразу открыла кто такой былъ умершій.

Всѣ были поражены такимъ извѣстіемъ. Графъ Викторъ Никитичъ скорбѣлъ въ особенности.

Отпѣваніе тѣла происходило 5-го января 1873 года въ сенатской церкви, что едва-ли не было единственнымъ примѣромъ со времени постройки оной.

На похороны собралось много сенаторовъ и лицъ судебнаго вѣдомства, но въ числѣ присутствующихъ не было графа, онъ былъ боленъ. Говорятъ, что дома онъ плакалъ чистосердечно теряя въ немъ друга.

Похороны происходили на Смоленскомъ кладбищѣ. Могила его украшена памятникомъ съ надписью: „Михаилъ Ивановичъ Топильскій, 1809—1873 г.“. Всѣ расходы по похоронамъ графъ принялъ на себя. Въ семьѣ графа Виктора Никитича смотрѣли на Михаила Ивановича, какъ на домашняго друга.

Онъ былъ женатъ на Юліи Владиміровнѣ, рожденной баронессѣ Штейнгейль, и оставилъ послѣ себя сына Владиміра, родившагося въ 1841 году [1]). По судебнымъ спискамъ значится, что онъ кончилъ

---

[1]) Баронесса Юлія Владиміровна была дочь знаменитаго по уму своему и высокимъ нравственнымъ качествамъ барона Владиміра Ивановича Штейнгейля (1783—1862 гг.), декабриста. Управляя въ 1814—1818 гг. канцеляріею московскаго главнокомандующаго Тормасова, В. И. Штейнгейль разумною и энергичною своею дѣятельностью много содѣйствовалъ возрожденію Москвы. Изъ обще государственныхъ мѣропріятій, по его иниціативѣ, но, конечно, чрезъ Тормасова состоявшихся, замѣчательна отмѣна рванія ноздрей у осужденныхъ въ каторжную работу (см. П. С. З., собраніе первое). Замѣшанный въ декабрьскую смуту, Штейнгейль изъ крѣпости имѣлъ смѣлость писать императору Николаю большія записки, но не о себѣ, а объ исправленіи разныхъ золъ, снѣдавшихъ дорогое для него отечество! Онъ былъ осужденъ по одному изъ высшихъ разрядовъ декабристовъ и, сосланный въ Сибирь, оставилъ

курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и состоитъ нынѣ почетнымъ мировымъ судьей Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ крестьянами въ количествѣ 250 душъ.

Не можемъ умолчать того, что Михаилъ Ивановичъ былъ религіозенъ и съ научнымъ направленіемъ. Онъ подчасъ и въ особенности предъ большими праздниками, когда служебныя тревоги утихали и когда душа его алкала покоя, онъ любилъ читать Евангеліе, Иліаду и разныхъ классиковъ.

Мы знаемъ, что и графъ Викторъ Никитичъ также прибѣгалъ къ этому успокоительному чтенію.

Извѣстно также, что Михаилъ Ивановичъ въ началѣ сороковыхъ годовъ усидчиво занимался шведскимъ языкомъ и въ 1846 г. перевелъ на русскій языкъ книгу подъ названіемъ: „Столбецъ шведскаго земскаго права“. За переводъ этой книги ему была объявлена отъ министерства юстиціи признательность.

Ради чего онъ занимался шведскимъ языкомъ и заслуживала-ли, по своему содержанію, перевода эта книга—не знаемъ; мы никогда ее не видали и не читали.

Усердіе Топильскаго къ службѣ подтверждается еще тѣмъ, что въ теченіи 42-лѣтней своей службы онъ былъ только четыре раза въ кратковременныхъ отпускахъ, изъ коихъ самый продолжительный былъ въ 29 дней и самый краткій въ двѣ недѣли.

Оканчивая сію статью, мы подтверждаемъ, что слова наши чистосердечны и что сказанное въ ней истина.

Н. М. Колмаковъ.

15-го мая 1887 г.
г. Кіевъ.

въ С.-Петербургѣ свою жену съ дѣтьми, страшась, что слабая женщина не перенесетъ всѣхъ ужасовъ слѣдованія за нимъ въ сибирскіе остроги. Въ 1856 году Владиміръ Ивановичъ, милостію незабвеннаго Александра II, въ числѣ прочихъ декабристовъ, возвращенъ въ Россію и у почтеннаго сына своего, нынѣ военнаго генерала, составителя и редактора „Военной россійской хроники“, нашелъ сердечный пріемъ. Въ это время мы познакомились съ барономъ Владиміромъ Ивановичемъ: это былъ самый симпатичный старикъ, веселый, бодрый, высокоразумный. Онъ умеръ 20 сентября 1862 г. Въ газетѣ „Современное Слово“ 1862 г. былъ напечатанъ нами тогда же его некрологъ.

Ред.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

Записки барона Гейкинга [1]).

[ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО].

1796—1801.

III.

Вторую поѣздку императора Павла въ Москву я считаю эпохою, наложившею новый отпечатокъ на характеръ его правленія и послужившею источникомъ злополучія для всѣхъ лицъ, окружавшихъ этого несчастнаго властителя.

Послѣ возвращенія изъ Москвы, измѣнчивое и причудливое настроеніе его характера дѣлалось съ каждымъ днемъ ощутительнѣе; онъ мучился непрерывнымъ безпокойствомъ; однако, можно было замѣтить, что въ немъ еще происходила внутренняя борьба. Религіозныя убѣжденія его постепенно ослабѣвали; въ привязанности его къ государынѣ тоже произошла рѣзкая перемѣна; расположеніе его къ г-жѣ Нелидовой сначала замѣнилось равнодушіемъ, а потомъ превратилось въ явную враждебность; довѣріе къ Куракину и Буксгевдену внезапно пропало, уступивъ мѣсто подозрительности и преслѣдованіямъ. Графы Румянцевъ и Вѣльгорскій, я и нѣкоторые другіе, на которыхъ ему указали, какъ на приверженцевъ императрицы — всѣ мы, одинъ за другимъ, были уволены или сосланы. Павелъ, окончательно увлеченный страстностію своей натуры, лишенный всякой обуздывающей силы, которая могла бы предупредить или умѣрить взрывы его характера, сталъ предаваться неслыханнымъ дотолѣ крайностямъ всякаго рода.

Но такъ какъ всѣ таковыя выходки явились лишь результатомъ и слѣдствіемъ странной и внезапной перемѣны въ мысляхъ и въ привычкахъ государя, то естественнымъ образомъ является желаніе изслѣдовать загадочныя причины этого. Мнѣ кажется, что я, по положенію, которое занималъ, равно

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LVI, ноябрь, стр. 365—394.

какъ и по моимъ связямъ, на которыя указано въ предшествующихъ главахъ, могъ бы разслѣдовать этотъ вопросъ.

Разгадкою столь необъяснимаго явленія могло бы служить слѣдующее.

При всѣхъ дворахъ есть извѣстный разрядъ людей, безнравственность коихъ столь же велика, сколько опасна. Эти низкія натуры питаютъ неодолимую ненависть ко всѣмъ, не раздѣляющимъ ихъ образа мыслей; понятія о добродѣтели они не могутъ имѣть, потому что оно связано съ понятіемъ объ уваженіи къ столь страшному для нихъ закону, а равно и къ чужому имуществу, столько для нихъ вожделѣнному; вслѣдствіе этого, всѣ эти люди соединяются противъ честнаго, безкорыстнаго и, дѣйствительно, просвѣщеннаго человѣка, охотно обольщающаго себя мыслію, что можетъ ограничиться презрѣніемъ къ нимъ, и забывающаго, что часто ихъ нужно и опасаться.

Мучимые жаждою богатства, господа эти позволяютъ себѣ все, чтобы его достигнуть; а такъ какъ высокія мѣста доставляютъ для этого болѣе средствъ, обезпечивая безнаказанность, то они и стремятся къ полученію должностей, изъ которыхъ можно извлекать разныя выгоды. Сильные своею злобою, они считаютъ коварство за умъ, дерзость въ преступленіи за мужество, презрѣніе ко всему на свѣтѣ — за умственное превосходство. Опираясь на эти воображаемыя достоинства, они, вопреки своему ничтожеству, добиваются мѣднымъ лбомъ до такихъ званій, которыя должны были бы заслужить наградою истинныхъ заслугъ государству.

Въ Петербургѣ сошлось нѣсколько подобнаго закала господъ, которые сблизились безъ взаимнаго уваженія, разгадали другъ друга, не объясняясь, и стали общими силами работать надъ устраненіемъ людей, которые являлись имъ помѣхою.

Орудіе, которымъ агитаторы всегда пользуются столь же ловко, какъ и успѣшно, — всегда служили дураки. Для привлеченія ихъ на свою сторону, агитаторы начинаютъ съ того, что сверхъ мѣры превозносятъ ихъ честность; дураки хотя внутренно и удивляются этимъ незаслуженнымъ похваламъ, но такъ какъ онѣ льстятъ ихъ тщеславію, то они беззавѣтно отдаются въ руки коварныхъ льстецовъ.

Такимъ-то порядкомъ произошло и то, что Кутайсовъ вдругъ оказался образцомъ преданности своему государю. Стали приводить примѣры его безкорыстія; стали даже приписывать ему извѣстную тонкость ума и выражать притворное удивленіе, какъ это государь не сдѣлаетъ чего нибудь побольше для такого рѣдкаго любимца. Кутайсовъ, въ концѣ концовъ, самъ началъ вѣрить, что его пріятели правы; но онъ далъ имъ понять, что императрица и фрейлина Нелидова его не любятъ и мѣшаютъ его возвышенію. Этого только и ждали: стали еще больше превозносить его и увѣрять, что отъ него самого зависитъ господство надъ Павломъ, если онъ подставитъ ему фаворитку по собственному выбору, которой предварительно поставитъ свои условія.

Напомнили ему о дѣвицѣ Лопухиной и внушили ему, что онъ долженъ дѣлать въ Москвѣ. Кутайсовъ обѣщалъ все исполнить; а такъ какъ ему намекнули, что и князь Безбородко тоже желалъ бы видѣть государя избавленнымъ отъ опеки императрицы, г-жи Нелидовой и братьевъ Куракиныхъ, то онъ всецѣло примкнулъ къ этому заговору, хотя и не предвидѣлъ его результатовъ.

Встрѣча, оказанная государю въ Москвѣ, была восторженная; а такъ какъ сердце у него отъ природы было мягкое, то онъ былъ живо тронутъ этими выраженіями преданности и любви. Бѣдный монархъ обладалъ любящею и чувствительною душою. И зачѣмъ это такъ случилось, что его раздражительный характеръ и болѣзненно-настроенное воображеніе вѣчно заставляли его идти ложнымъ путемъ! Исполненный радостью, онъ въ тотъ же вечеръ сказалъ Кутайсову:

— «Какъ отрадно было сегодня моему сердцу! московскій народъ любитъ меня гораздо болѣе, чѣмъ петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ».

«Это меня не удивляетъ», отвѣчалъ Кутайсовъ.

— «Почему же?»

«Не смѣю объяснять».

— «Такъ приказываю тебѣ это».

«Обѣщайте мнѣ, государь, никому не передавать этого».

— «Обѣщаю».

«Государь, дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковымъ, какой вы есть дѣйствительно — благимъ, великодушнымъ и чувствительнымъ; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую-либо милость, то говорятъ, что это государыня, или г-жа Нелидова, или Куракины выпросили ее у васъ. Такъ что, когда вы дѣлаете добро, — то это они; если же кого покараютъ—то это вы караете».

— «Значитъ, говорятъ, что.... я даю управлять собою».

«Такъ точно, государь».

— «Ну, хорошо же, я покажу, какъ мною управляютъ!»—Гнѣвно приблизился Павелъ къ столу и хотѣлъ писать; но Кутайсовъ бросился къ его ногамъ и умолилъ на время сдержать себя.

На слѣдующій день государь посѣтилъ балъ, гдѣ молодая Лопухина неотлучно слѣдовала за нимъ и не спускала съ него глазъ. Онъ обратился къ какому-то господину, который какъ бы случайно очутился по близости отъ него, но принадлежалъ къ той же группѣ. Господинъ этотъ, съ улыбкою, замѣтилъ:

— «Она, в. в., изъ-за васъ голову потеряла».

Павелъ разсмѣялся и возразилъ, что она еще дитя.

— «Но ей уже скоро 16 лѣтъ»,— отвѣтили ему.

Затѣмъ онъ подошелъ къ Лопухиной, поговорилъ съ нею и нашелъ, что она забавна и наивна; а послѣ бесѣды объ этомъ съ Кутайсовымъ все

устроено было между симъ послѣднимъ и мачихою дѣвицы. Рѣшено было соблюдать глубочайшій секретъ и не сообщать даже отцу ея всѣхъ статей заключеннаго договора, который, впрочемъ, только въ Петербургѣ долженъ былъ вполнѣ осуществиться; между тѣмъ, и родитель, и вся семья должны были быть переведены туда. Хотя Павелъ, по возвращеніи, довольно удачно скрывалъ свои тайныя намѣренія и даже пожаловалъ подарки мнимымъ креатурамъ императрицы, однако, нѣкоторыя слова, сорвавшіяся съ языка у вернувшихся изъ Москвы лицъ, возбудили подозрѣніе относительно того, что замышлялось. Негодяи часто бываютъ болтливыми: это, можетъ быть, благодѣяніе природы, снабдившей и ядовитыхъ змѣй погремушками. О лопухинской интригѣ скоро узнали, хотя и притворились ничего не знающими. Меня поразило, однако, выраженіе лица Павла, когда онъ смотрѣлъ на свою супругу и на фрейлину Нелидову. Я сказалъ объ этомъ одному изъ приближенныхъ ко двору людей, но тотъ мнѣ отвѣтилъ: «Это только преходящая туча. Изволятъ дуться, но не надолго».

Наиболѣе поразило меня то, что креатуры Безбородко пошли въ ходъ, постоянно стали получать знаки благоволенія и рѣзко критиковали финансовыя операціи генералъ-прокурора князя Куракина. Правда, что его вспомогательная касса для дворянства была неудачно придумана; но теперь стали распространять слухъ, что онъ, создавая это учрежденіе, руководился низкими разсчетами личнаго интереса.

Закулисные интриганы чувствовали, что ихъ коалиція можетъ держаться и привести къ желанной цѣли лишь въ томъ случаѣ, если должности генералъ-прокурора и петербургскаго генералъ-губернатора будутъ въ ихъ рукахъ. Прежде всего, поэтому, они стали подкапываться подъ князя Алексѣя Куракина и генерала Буксгевдена. Кутайсовъ теперь только и зналъ, что расхваливать Палена; а такъ какъ ему извѣстны были тайные соглядатаи Павла, то онъ съумѣлъ воспользоваться ими, чтобы доводить — повидимому самымъ естественнымъ образомъ—до ушей государя многочисленныя восхваленія человѣка, которому желали дать мѣсто.

Однажды Павелъ, находясь въ небольшомъ кружкѣ своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Странно! Никогда не слыхалъ я, чтобы о комъ либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значитъ, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость поправить».

Предавшись такому теченію мысли, государь все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемѣрно-чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія.

Планъ—окружить государя новыми людьми, какъ ни тщательно былъ скрываемъ, однако, не могъ ускользнуть отъ проницательности многихъ,

заинтересованныхъ въ дѣлѣ, лицъ; наконецъ, внезапное повелѣніе г. Лопухину, который былъ сенаторомъ въ Москвѣ, прибыть въ Петербургъ, достаточно ясно указало на близкое развитіе какого-то обширнаго проекта.

Однажды государь такъ дурно обошелся съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ, что тотъ вслѣдствіе этого захворалъ. Императрица хотѣла было поговорить въ его пользу; но этимъ тоже заслужила гнѣвъ своего супруга. На сей разъ гроза прошла мимо; но неудачная мысль государыни ускорила развязку. Узнавъ, что г-жа Лопухина должна прибыть въ Петербургъ, она имѣла неосторожность написать ей угрожающее письмо, чтобы воспрепятствовать исполненію этого плана.

Письмо это пришлось тайнымъ согласникамъ какъ разъ съ руки. Оно было доставлено Павлу, который пришелъ въ неописуемый гнѣвъ....

22-го іюля дворъ находился въ Петергофѣ. Такъ какъ то былъ день рожденія императрицы, то и я былъ принужденъ туда отправиться. Государь былъ въ явно-дурномъ настроеніи; со мною обратился холодно и не сказалъ мнѣ ни одного слова. Фрейлина Нелидова казалась мнѣ погруженною въ глубокую печаль, которую она напрасно старалась скрыть. Балъ этотъ скорѣе былъ похожъ на похороны, и всѣ предсказывали новую грозу.

На слѣдующій день Павелъ уѣхалъ въ Гатчину. 24-го числа онъ находился еще тамъ, когда заслышанъ былъ вдругъ пушечный громъ со стороны Петербурга. Такъ какъ государь, особымъ приказомъ, воспретилъ учить войска въ послѣобѣденное время, то обратился къ в. кн. Александру съ вопросомъ:

— «Что значитъ эта пушечная пальба?»

«Можетъ быть,—отвѣчалъ тотъ,—это какой-нибудь корабль прибылъ, и ему салютуютъ изъ крѣпости».

Вскорѣ, однако, пальба усилилась. Государь, внѣ себя отъ гнѣва, послалъ адъютанта въ Петербургъ, чтобы спросить у генералъ-губернатора графа Буксгевдена о причинахъ этой канонады. Едва успѣлъ адъютантъ уѣхать, какъ Павелъ отправилъ другаго, съ приказаніемъ Буксгевдену—немедленно явиться въ Гатчину.

Случилось это въ 7 часовъ вечера, а первый курьеръ прибылъ въ Петербургъ уже съ наступленіемъ ночи. Первому гонцу Буксгевденъ отвѣчалъ, что это артиллерійскій генералъ дѣлалъ, съ его разрѣшенія, испытаніе пушкамъ, и что онъ не могъ отказать въ этомъ разрѣшеніи, такъ какъ государь въ прошлогоднемъ приказѣ, относительно послѣобѣденныхъ ученій, сдѣлалъ исключеніе для артиллеріи, и исключеніе это еще не отмѣнено. Отвѣтъ этотъ былъ доложенъ государю въ 5 часовъ утра, такъ какъ онъ приказалъ сообщить ему о томъ въ какое бы время ни было. Павелъ, хотя успокоенный этимъ донесеніемъ, остался, однако, въ дурномъ расположеніи духа.

Поутру Паленъ и другіе генералы явились во дворецъ, для представленія

своихъ рапортовъ. Павелъ приказалъ ввести Буксгевдена и сталъ упрекать его, что онъ разрѣшилъ то, что было воспрещено. Тотъ сослался на неотмѣненный приказъ прошлаго года. Тогда Павелъ сказалъ ему:

— «Это все отговорки для оправданія вашей безпечности, которую я слишкомъ хорошо замѣчаю. Вы—болѣе не петербургскій генералъ-губернаторъ,— ступайте!»

Въ то же время онъ позвалъ къ себѣ Палена:

— «Поручаю вамъ должность генералъ-губернатора; но садитесь сейчасъ же въ карету Буксгевдена и примите отъ него всѣ дѣла, касающіяся его вѣдомства».

Паленъ нашелъ все въ величайшемъ порядкѣ, и говорятъ, что онъ отдалъ полную справедливость своему предшественнику, въ докладѣ государю. Мнѣ, лично, Буксгевденъ сказалъ:

— «Я уже за три недѣли предвидѣлъ этотъ ударъ, и каждую минуту ожидалъ его. Исторія съ артиллерійскимъ ученьемъ послужила лишь предлогомъ».

Такимъ образомъ, важнѣйшая, послѣ генералъ прокурорской, должность очутилась въ рукахъ согласниковъ; съ этой минуты, перемѣны вдругъ стали быстро слѣдовать одна за другою.

Наконецъ, прибылъ г. Лопухинъ, но безъ семьи. Государь хотѣлъ было передать ему портфель генералъ-прокурора, но онъ убѣдительно просилъ, чтобы его отъ этого избавили. Тогда государь предложилъ означенную должность барону Васильеву: тотъ наотрѣзъ отказался, говоря, что и безъ того несетъ слишкомъ большую отвѣтственность, какъ главный казначей, чтобы взять на себя двойную работу.

Павелъ, будучи постоянно возбуждаемъ противъ князя Алексѣя Куракина, далъ, наконецъ, безусловное повелѣніе Лопухину исполнять должность генералъ-прокурора, пока здоровье будетъ ему это дозволять. Князь Алексѣй переведенъ былъ въ 1-й департаментъ сената; а вице-канцлеръ, постоянно испытывавшій на себѣ гнѣвъ государя, подалъ въ отставку, но Павелъ, не любившій, чтобы его предупреждали, приказалъ объявить ему, что онъ самъ лучше знаетъ, когда настанетъ время для его увольненія.

Съ этого времени только и слышно было ежедневно о новыхъ увольненіяхъ отъ службы. Но прежде, чѣмъ продолжать свой разсказъ, скажу нѣсколько словъ объ исторіи съ мальтійскимъ орденомъ.

Извѣстно, что о-въ Мальта былъ, 18 іюня 1798 г., сданъ французамъ; виною этому гораздо менѣе была трусость рыцарей, нежели измѣна нѣкоторыхъ якобинцевъ. Когда извѣстіе это дошло до Петербурга, то Литта сообразилъ, что изъ бѣдствій ордена можетъ извлечь личную выгоду для себя. Англійскій дворъ, до крайности раздраженный успѣхомъ французовъ, приказалъ своему посланнику, лорду Уитворту, дѣйствовать согласно съ Литтой, дабы подвигнуть Павла къ самымъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Вслѣдствіе ихъ происковъ,

Павелъ, безъ того уже разгнѣванный постыдною сдачею главной резиденціи ордена, покровителемъ котораго онъ только что объявилъ себя, соизволилъ на учрежденіе судилища надъ гросмейстеромъ Гомпешемъ, который долженъ былъ лишиться своего званія.

Членами этого верховнаго трибунала назначены: князь Безбородко, князь Александръ Куракинъ, графъ Кобенцль, графъ Віельгорскій (комтуръ ордена), графъ Буксгевденъ (рыцарь прусскаго ордена Іоаннитовъ), два французскіе дворянина, о которыхъ говорили, что они сложили съ себя орденскій обѣтъ, два священника изъ католическаго пріората въ Россіи и я.

Несообразность всей этой процедуры, равно какъ нарушеніе всѣхъ законныхъ формъ хотѣли прикрыть тѣмъ, что обвиненіе и приговоръ произведены были съ такою поспѣшностію, что все дѣло было окончено въ полтора часа.

Дабы ввести въ заблужденіе иностранныхъ членовъ ордена и добиться ихъ согласія на этотъ противузаконный актъ, испросили у государя формальное объявленіе, въ которомъ онъ обѣщалъ защиту всего ордена, вообще, и каждаго члена, въ частности. Сдѣлавъ этотъ шагъ, Павелъ уже не могъ отступать назадъ. Онъ и пошелъ впередъ, большими шагами, и воспользовался всею силою своего положенія — для содѣйствія видамъ Литты и лондонскаго двора.

Такъ какъ окружавшіе Павла интриганы очень хорошо знали, какъ слѣдуетъ пользоваться его первымъ увлеченіемъ, то они и побудили его сорить русскими деньгами на пользу ордена, котораго духъ и организація не имѣли рѣшительно никакого соотношенія къ политическому устройству русскаго государства. И въ самомъ дѣлѣ, на что намъ былъ въ Россіи Іоаннитскій орденъ, разъ что мы имѣли ордена св. Георгія для военныхъ, и св. Владиміра для гражданскихъ чиновъ? Зачѣмъ было бросать три милліона на орденскія дотаціи? Зачѣмъ было пріобрѣтать, за очень дорогую цѣну, великолѣпное зданіе, чтобы помѣстить тамъ нѣсколькихъ французовъ и итальянцевъ? Всѣ эти великолѣпныя затѣи совпадаютъ со второю эрою Павлова царствованія, т. е. онѣ слѣдуютъ за его второю поѣздкою въ Москву.

Кутайсову, который въ орденѣ Іоаннитовъ могъ бы занимать только мѣсто послушника, тайно была обѣщана степень Большаго креста. Самъ же Павелъ не удовольствовался титуломъ гросмейстера, но именовалъ себя самодержавнымъ государемъ ордена. Съ того времени все стало возможнымъ, и очень скоро все пошло весьма своеобразно. Послѣ того, что Литта былъ назначенъ намѣстникомъ гросмейстера, онъ сталъ себѣ все дозволять, и, наконецъ, даже отрекся отъ своего обѣта, чтобы жениться на графинѣ Скавронской, первый мужъ которой умеръ въ Италіи.

Павелъ приходилъ все въ болѣе и болѣе дурное настроеніе духа, и что должно было еще болѣе поразить наблюдателя,—помимо взрывовъ своего гнѣва, сталъ выказывать и притворство. Во время послѣдняго доклада, который

имѣлъ у него, въ качествѣ генералъ-прокурора, князь Алексѣй Куракинъ, Павелъ обнялъ его, хвалилъ его усердіе, а на другой же день уволилъ. Слѣпая подозрительность побуждала его преувеличенно-торопливо наносить свои удары и увольняемыхъ имъ лицъ удалять, посредствомъ изгнанія изъ столицы. Единственнымъ хорошимъ качествомъ, какое онъ сохранилъ, была благотворительность; о немъ, вмѣстѣ съ Тацитомъ, можно было бы сказать: Erogandae per honesta pecuniae cupiens quam virtutem diu retinuit, cum caetera exueret. Подобно тому, какъ онъ уволилъ Буксгевдена, такъ прогналъ и честнаго адмирала Плещеева, и притомъ съ безпримѣрною жестокостію. Онъ велѣлъ ему безотлагательно ѣхать въ свою деревню, хотя жена Плещеева лежала еще больная, послѣ родовъ. Въ виду сего Плещеевъ написалъ смѣлое письмо государю, который, наконецъ, и разрѣшилъ ему отложить отъѣздъ до выздоровленія жены. Адмиралъ, бывъ воспитанъ совмѣстно съ Павломъ, сохранилъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы иногда высказывать ему правду. Такой человѣкъ казался опаснымъ, и его нужно было поскорѣе удалить, даже не соблюдая законовъ человѣколюбія.

Всѣ эти событія дѣлали для меня службу чрезвычайно непріятною; я охотно попросился бы въ отставку, но примѣръ вице-канцлера удерживалъ меня отъ этого. Такимъ образомъ, пришлось мнѣ пребывать въ ожиданіи взрыва бомбы и надъ моею головою.

Буксгевденъ, съ того дня, какъ былъ отрѣшенъ отъ должности генералъ-губернатора, рапортовался больнымъ и не выходилъ изъ дома, твердо рѣшившись дождаться лишь сентября, чтобы просить о совершенномъ увольненіи отъ службы, такъ какъ онъ еще числился шефомъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Однажды, въ воскресенье, встрѣтилъ я у графини Буксгевденъ, кромѣ офицеровъ помянутаго полка, еще одного господина, образъ мыслей котораго былъ извѣстенъ мнѣ. Графиня, между многими хорошими свойствами, имѣла одно дурное: высказывать все, что у ней было на умѣ. Она позволила себѣ нѣсколько необдуманныхъ выходокъ противъ новыхъ мѣропріятій; но когда, во время этого разговора она обратилась ко мнѣ, то я возразилъ ей, что не могу съ точностью судить объ этихъ дѣлахъ,—что я умѣю лишь повиноваться и....

— «И молчать», подхватила она. «Урокъ этотъ хорошъ и достоинъ вашей политики, господинъ сенаторъ. Но я—женщина, и говорю, что думаю».

Я пристально взглянулъ на нее и показалъ глазами на извѣстнаго господина. Она меня поняла, но продолжала:

— «Ахъ, я не стану стѣсняться, потому что окружена только друзьями нашего дома; не правда-ли?...» прибавила она, обратясь къ г. К....

— «Конечно, сударыня», отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смутившись, и затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, удалился.

Черезъ три дня послѣ этого жена моя пріѣхала къ графинѣ. Въ прихожей

она застала приготовленія къ отъѣзду, увидѣла г-жу Нелидову въ слезахъ, а графиню въ величайшемъ волненіи.

«Какъ, милая графиня, вы уѣзжаете?»

— «Да развѣ вы не знаете, что насъ выгоняютъ изъ Петербурга?»

«Но за что-же?»

— «Это ужъ его тайна. Счастіе еще, что имѣніе мое всего въ 30 верстахъ отъ Петербурга, такъ какъ мнѣ остается всего 48 часовъ времени, чтобы покинуть столицу». Разговоръ, конечно, заключился слезами и жалобами. Всѣ три дамы вмѣстѣ воспитывались въ институтѣ и любили другъ дружку.

— «Я поѣду вслѣдъ за моею милою Буксгевденъ, сказала Нелидова, и оставлю дворъ, гдѣ».... рыданіе прервало ея слова.

На слѣдующій день мы посѣтили г жу Нелидову, которая показала намъ письмо, которое только что было написано ею государю и въ которомъ она испрашивала у него позволенія послѣдовать за своею подругою. Письмо было написано превосходно. Государь, на другой же день, прислалъ весьма любезный отвѣтъ; но въ немъ ничего не упоминалось объ испрашиваемомъ дозволеніи.

Нелидова написала другое письмо, слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ умолчаніе в. в—ва относительно моей просьбы я принимаю какъ разрѣшеніе оной, то намѣрена воспользоваться этимъ, и завтра уѣзжаю». Одновременно съ симъ она просила Палена о выдачѣ ей подорожной. Паленъ прислалъ подорожную, но просилъ воспользоваться ею лишь на другой день; а въ то же время онъ отправилъ гонца къ государю, находившемуся въ Гатчинѣ. Разсказывали, что Павелъ, извѣстясь объ этой твердой рѣшимости Нелидовой уѣхать, ужасно разгнѣвался и воскликнулъ:

— «Хорошо-же, пускай ѣдетъ; только она мнѣ за это поплатится!»

Пребываніе государя за городомъ освобождало меня отъ необходимости являться ко двору столь же часто, какъ въ столицѣ. Обстоятельство это я считалъ счастіемъ для себя. Подъ предлогомъ нездоровья я уклонился отъ присутствія на двухъ празднествахъ; но мнѣ намекнули, что Павелъ замѣчаетъ отсутствующихъ, хотя бы и дѣлалъ видъ, во время появленія ихъ при дворѣ, какъ будто не обращаетъ на нихъ вниманія. Теперь, повидимому, все наводило на него скуку, все было ему въ тягость. Привыкнувъ, въ теченіи двадцати лѣтъ, дѣлиться всѣми чувствами и задушевными мыслями съ г-жею Нелидовою, онъ, лишившись ея привлекательнаго общества, тотчасъ-же и живо почувствовалъ эту утрату. Ужасающая пустота замѣнила удовольствія безграничной довѣренности, и вскорѣ сообщительная душа Павла сознала себя обреченною на полное одиночество. Онъ очутился вполнѣ отъ всѣхъ отчужденнымъ, такъ какъ въ тѣхъ людяхъ, которые стали теперь окружать его, не находилъ ни одного, способнаго понять его возвышенныя мысли. Императрица,

при многихъ ея хорошихъ качествахъ, не обладала тѣмъ родомъ любезности и веселости, какой онъ находилъ въ г-жѣ Нелидовой. Положеніе его стало невыносимымъ, и вину этого онъ сталъ взваливать на всякаго встрѣчнаго. Гнѣвъ его, прежде всего, проявился въ отношеніи Нелидовой. Генералъ-адъютантъ, носившій ту-же фамилію, былъ внезапно уволенъ въ отставку; та-же участь постигла и двоюроднаго ея брата князя Барятинскаго.

Императрица постоянно писала Нелидовой, и письма свои отправляла по почтѣ. Сначала ихъ вскрывали, но убѣдившись, что они не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго, перестали дѣлать это. Тѣмъ не менѣе, Павлу была очень досадна эта непоколебимая привязанность его супруги, которая въ то время, какъ онъ былъ великимъ княземъ, сильно, напротивъ того, не жаловала г-жу Нелидову. Досада Павла отразилась на обращеніи съ супругою своею... Графъ Віельгорскій, который по своему званію гофмаршала принужденъ былъ часто бесѣдовать съ императрицею о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся его должности, сталъ, на одномъ изъ придворныхъ собраній, говорить ей о чемъ-то подобномъ. Государь нахмурился и замѣтилъ великому князю Александру:

— «Вотъ онъ опять толкуетъ ей о пустякахъ».

Великій князь бросилъ на графа взглядъ, давая ему понять, чтобы онъ удалился. Віельгорскій отошелъ и приблизился къ игрокамъ въ бостонъ, сидѣвшимъ за карточнымъ столомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя.

— «Вотъ, посмотрите, сказалъ Павелъ, теперь онъ старается приблизиться, чтобы подслушивать о чемъ мы говоримъ».

Великій князь опять далъ Віельгорскому знакъ отойти; но тотъ, находясь подлѣ четырехъ игроковъ, не вообразилъ себѣ даже, что въ немъ подозрѣваютъ столь тонкій слухъ, а тѣмъ паче—намѣреніе подслушивать своего государя. Онъ остался на своемъ мѣстѣ, спокойно продолжая разговаривать съ игроками, чтобы доказать, что его вниманіе никуда болѣе не отвлечено. Тѣмъ не менѣе, Павелъ такъ упрямо стоялъ на своемъ ложномъ предположеніи, что на слѣдующій же день смѣнилъ Віельгорскаго и назначилъ на его мѣсто Нарышкина.

Можно себѣ представить, какъ я былъ огорченъ такою несправедливостью въ отношеніи человѣка, который былъ украшеніемъ двора и котораго я искренно любилъ. Онъ сообщилъ мнѣ о постигшей его судьбѣ, прибавивъ:

— «Я рѣшился спокойно сидѣть дома, гдѣ мои дѣти и моя библіотека доставятъ мнѣ гораздо болѣе пріятное занятіе, нежели мелочи моей гофмаршальской должности»

Не прошло однако и трехъ недѣль, какъ Павелъ приказалъ графу отправиться въ Вильно и, безъ его позволенія, не выѣзжать оттуда.

Ясно предвидя, что и до меня дойдетъ очередь, я велъ дѣла юстицъ-коллегіи съ такою акуратностью, что генералъ-прокуроръ могъ-бы въ любой моментъ провѣрить ихъ; между тѣмъ какъ гордый своими связями архі-

епископъ (Богушъ-Сестренцевичъ) дѣлалъ, въ своемъ департаментѣ, множество несправедливостей....

Около этого времени государь вызвалъ изъ изгнанія графа Петра Головкина; но когда тотъ явился ко двору съ не въ мѣру торжествующею физіономіею, то Павелъ разсердился и, вскорѣ затѣмъ, назначилъ его капитаномъ одного изъ кораблей кронштадтскаго флота. Тутъ Головкинъ выкинулъ, на маневрахъ, какую-то глупую штуку, за которую, по морскому уставу, угрожало разжалованіе; однако, при помощи денегъ, выпутался изъ бѣды.

Новые царедворцы хорошо замѣчали, что Павелъ сильно скучаетъ, понимали и необходимость забавлять его. Сначала вздумали было познакомить его поближе съ французскою актрисою Шваліе, но такъ какъ это не удалось, то рѣшились, по крайней мѣрѣ, приблизить къ нему одного человѣка, который могъ развлекать его своими выдумками, но правила котораго не были строги, а общеизвѣстное злоязычіе всегда возбуждало противъ него тайное недоброжелательство придворнаго и городскаго общества.

Такимъ человѣкомъ явился генералъ Ѳ. В. Растопчинъ, не задолго передъ тѣмъ удаленный отъ двора. Воспитанный за границею, онъ пріобрѣлъ тамъ наружно-блестящее образованіе; красно говорилъ, отлично схватывалъ смѣшныя стороны другихъ людей и прекрасно умѣлъ передразнивать ихъ. Трудно было сравниться съ нимъ въ искусствѣ набросать какую нибудь записку; но онъ могъ умно изложить и дѣловое письмо, не требовавшее ни обстоятельности, ни глубины.

Павелъ зналъ его. Еще будучи великимъ княземъ, онъ однажды прогналъ его изъ-за своего стола, при которомъ тотъ находился въ качествѣ дежурнаго камергера. Хотя характеръ Растопчина былъ ему противенъ, однако, при своемъ вступленіи на престолъ, онъ опять взялъ его къ себѣ. Съ тѣхъ поръ Павелъ не разъ лишалъ его своей благосклонности, но такъ какъ выходки Растопчина были забавны, а онъ теперь умиралъ со скуки, то и поспѣшилъ опять призвать его ко двору. При томъ, Растопчинъ былъ личнымъ врагомъ Нелидовой—причиною больше, чтобы благоволить ему.

Значеніе его стало быстро возрастать; онъ зналъ слабыя стороны царя, ловко умѣлъ польстить имъ, и осыпалъ соперниковъ своихъ сарказмами, обнаруживавшими ихъ ничтожество и невѣжество.

— «Тѣмъ лучше, однажды замѣтилъ на это Павелъ, это вѣдь машины, которыя только должны умѣть повиноваться».

Но и Павелъ, и Растопчинъ заблуждались. Тотъ, кто не умѣлъ правильно написать и двухъ строкъ, оказался хитрѣе и тоньше ихъ и всѣхъ академиковъ Европы, какъ то мы увидимъ изъ продолженія этихъ воспоминаній.

Спокойный, кроткій и почтенный характеръ новаго генералъ-прокурора Лопухина не совсѣмъ пришелся по вкусу Павла, который началъ находить удовольствіе въ разрушеніи имъ же самимъ воздвигнутаго зданія. Перемѣнить

всѣхъ чиновниковъ при дворѣ и въ иностранной коллегіи, разстраивать всю армію непрерывнымъ увольненіемъ полковниковъ и генераловъ, изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, это казалось ему проявленіями сильной воли, долженствующими доказать всей Европѣ, что у него главнымъ дѣломъ было соблюденіе строгихъ правилъ относительно порядка, справедливости и точности.

Вдругъ Павелъ открыто заявилъ себя противникомъ Франціи и послалъ австрійцамъ вспомогательныя войска, главное начальство надъ коими поручено было генералу Розенбергу, человѣку храброму, но не пользовавшемуся никакою извѣстностью, въ военномъ смыслѣ. Назначеніе это разсчитывалъ получить Рѣпнинъ, который, въ виду сего, всегда старался унизить достоинства Суворова, не любимаго Павломъ и отставленнаго отъ службы за то, что осмѣлился выразить мнѣніе, будто можно выигрывать сраженія, не обременяя солдатъ крагами, косами и пудрою.

Назначеніе Розенберга всѣхъ удивило, а русскихъ просто привело въ отчаяніе, такъ какъ они опасались, что завянутъ тѣ лавры, которые пожинало, въ теченіи тридцати лѣтъ, наше постоянно побѣдоносное войско. Къ счастію, австрійцы, или скорѣе эрцгерцогъ Карлъ, были столь разумны, что какъ милости испросили назначенія Суворова, и Павелъ не рѣшился отказать въ ихъ просьбѣ. Рѣпнинъ-же увлекся въ отношеніи къ этому извѣстному генералу до такихъ низостей, что мнѣ и говорить о нихъ не хочется. Лучше приведу я здѣсь такую черту характера, которая дѣлаетъ честь какъ человѣку, рѣшившемуся выразить ее словами, такъ и государю, выслушавшему эти слова безъ гнѣва.

Генералъ графъ Ферзенъ былъ прикомандированъ къ кадетскому корпусу и подчиненъ в. к. Константину Павловичу. Долго выносить остроумныя выходки этого юноши стало ему не въ моготу, и онъ попросилъ объ увольненіи въ отставку. Павелъ пожелалъ узнать причину. Сначала храбрый солдатъ этотъ сказалъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ; но затѣмъ, когда стали у него допытываться о настоящей причинѣ, онъ прибавилъ:

— «В. в. требуете правды? Ну, такъ простите меня, государь, но, право, грустно для человѣка, состарѣвшагося на войнѣ, имѣть и надъ собой и подъ собой однихъ дѣтей».

Если бы побольше людей подобнаго закала стояло вблизи престоловъ, то послѣдніе держались бы покрѣпче, а государи могли бы менѣе опасаться измѣны.

Работая усердно надъ порученными мнѣ дѣлами, я съ досадою усматривалъ, что составленіе уголовнаго кодекса не подвигалось впередъ. Спорили о незначущихъ выраженіяхъ, и я нерѣдко высказывалъ по этому поводу свое неудовольствіе, пока намекъ, вырвавшійся у сенатора Колокольцева, не раскрылъ мнѣ глазъ. Дѣло въ томъ, что Павелъ повелѣлъ ввести смертную казнь. Въ виду состава людей, его теперь окружавшихъ, а также и потому, что самъ онъ день ото дня становился все подозрительнѣе и вспыльчивѣе,

введеніе смертной казни являлось вдвойнѣ опаснымъ. Этимъ-то спасительнымъ опасеніемъ товарищи мои, конечно, оказались болѣе меня проникнутыми, когда Колокольцевъ замѣтилъ мнѣ:

— «Можетъ быть, мы наше дѣло окончимъ черезъ-чуръ скоро».

Я понялъ его, и только сказалъ въ отвѣтъ:

«Вы правы! Будемъ спѣшить медленно, дабы не могли намъ попрекнуть, что мы, изъ слишкомъ большой поспѣшности, представили дурную работу».

И дѣйствительно, число доносовъ и арестованій все увеличивалось. Лопухинъ не только имѣлъ мужество передъ судомъ защищать тѣхъ, которые казались ему невинными, но онъ добивался для нихъ и вознагражденія понесенныхъ убытковъ, и другихъ удовлетвореній. Всѣ стали неприличнымъ образомъ преклоняться передъ нимъ, когда онъ сдѣлался генералъ-прокуроромъ, а дочка его готовилась къ прибытію въ Петербургъ. Съ такою же неприличною неблагодарностію всѣ отвернулись отъ князя Алексѣя Куракина, когда его звѣзда поблекла. Многія изъ лицъ, теперь избѣгавшихъ съ нимъ встрѣчи, или яростно на него нападавшихъ, были обязаны ему своимъ быстрымъ повышеніемъ. Это возмутительное поведеніе раздосадовало меня, и хотя я ничѣмъ не былъ обязанъ кн. Алексѣю Куракину, но продолжалъ посѣщать какъ его, такъ и графа Буксгевдена. Однажды Паленъ замѣтилъ мнѣ:

— «А я видѣлъ вашу карету въ той улицѣ».

«Это у Буксгевдена,—громко отвѣчалъ я.—Пока онъ въ городѣ, я буду его посѣщать. И чтобы никто не воображалъ себѣ, что я намѣренъ прятаться, я приказываю стоять у его подъѣзда экипажу съ моимъ гербомъ и моею ливреею».

— «Это весьма непрактично»,—возразилъ Паленъ.

«Чувство дружбы старше практичности. А впрочемъ, вѣдь онъ не преступникъ, и надѣюсь, что меня мои друзья не перестанутъ посѣщать, когда я болѣе не буду сенаторомъ».

Съ Лопухинымъ я держалъ себя осторожно. Вице-предсѣдатель Корфъ просилъ меня представить его этому вельможѣ, и я сдѣлалъ это съ удовольствіемъ. Онъ принялъ меня крайне внимательно; но я, видя его заваленнымъ работою, сказалъ ему:

— «Я слишкомъ уважаю занятія в. пр-ва, чтобы впредь утруждать васъ своими посѣщеніями. Никогда не явлюсь я передъ вами,—развѣ что по дѣлу, относящемуся къ государевой службѣ. Минуты, похищаемыя у васъ, заставляютъ, можетъ быть, вздыхать какого нибудь несчастнаго, ожидающаго рѣшенія своей участи. Вы можете презирать меня, г. генералъ-прокуроръ, если я когда нибудь нарушу это обѣщаніе».

Лопухинъ былъ изумленъ моими словами, и этотъ чистосердечный тонъ, повидимому, болѣе понравился ему, чѣмъ та низкая лесть, которую передъ нимъ расточали и которая должна была опротивѣть ему.

Выше мною замѣчено, что характеръ Павла становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Чтобы представить себѣ, до чего это доходило, разскажу, что произошло съ графомъ Строгоновымъ,—конечно, осторожнѣйшимъ изъ людей, когда либо бывшихъ при дворѣ. Однажды онъ явился въ сенатъ весьма опечаленнымъ; я выразилъ ему мое живѣйшее участіе и просилъ разсказать, что у него за горе.

— «Меня удалили изъ Павловска,—отвѣчалъ онъ,—за то, что я сказалъ государю, что скоро пойдетъ дождь».

«Возможно ли?»

— «Слишкомъ возможно; и вотъ какъ было дѣло: у государыни, въ теченіи нѣсколькихъ дней, была небольшая лихорадка; сырость ей вредна. Между тѣмъ, дня три тому назадъ государь предложилъ ей сдѣлать прогулку. Взглянувъ въ окно, государыня замѣтила:

«Я боюсь, что дождь пойдетъ?»

— «А вы какъ думаете?» спросилъ у меня государь.

«Я вижу, в. в., что небо пасмурно, такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ дождь, и даже скоро».

— «А, на этотъ разъ вы всѣ сговорились, чтобы мнѣ противорѣчить,—воскликнулъ Павелъ; мнѣ надоѣло переносить это! Впрочемъ, я замѣчаю, графъ, что мы другъ другу болѣе не подходимъ. Вы меня никогда не понимаете; да, кромѣ того, у васъ есть обязанности въ Петербургѣ; совѣтую вамъ вернуться туда».

«Я низко поклонился,—продолжалъ Строгоновъ,—ушелъ, и сталъ приготовляться къ тому, чтобы выѣхать на слѣдующій же день; но мнѣ намекнули, что я не дурно сдѣлалъ бы, уѣхавъ немедленно, потому что государь, по уходѣ моемъ, изволилъ сказать:

— «Я думаю, что графъ Строгоновъ понялъ меня».

Бѣдный старецъ былъ до глубины души огорченъ. Онъ принадлежалъ къ кружку великой Екатерины, и пребываніе у двора обратилось ему въ потребность. Онъ былъ царедворцемъ не изъ-за честолюбія или интереса, но въ силу той несчастной машинальной привычки, которая обращается, наконецъ, во вторую природу и заставляетъ царедворцевъ умирать со скуки, если у нихъ отнимаютъ право скучать при дворѣ.

За нѣсколько лишь дней предъ тѣмъ Павелъ отправилъ въ изгнаніе статсъ-секретаря Нелединскаго. Послѣдній былъ сначала замѣщенъ г. Неплюевымъ, а потомъ нѣкіимъ г-мъ Б., который долго занималъ незначительное мѣсто въ иностранной коллегіи; этотъ Б. (Бакунинъ?) былъ сыномъ аптекаря, не обладалъ ни душою, ни умомъ, ни познаніями, но такъ какъ онъ пресмыкался передъ Кутайсовымъ, то его ничтожество оказалось удобнымъ для плановъ извѣстной группы.

Нашъ оберъ-прокуроръ Козадавлевъ былъ изъ 3-го департамента пере-

веденъ въ 1-й; его замѣнилъ нѣкто г. Дмитріевъ,—человѣкъ отличный. Еще въ бытность его гвардейскимъ офицеромъ сдѣланъ былъ на него и на двухъ товарищей его анонимный доносъ въ замыслахъ на жизнь государя. Въ то время генералъ-губернаторомъ былъ еще Архаровъ: онъ представилъ подметное письмо Павлу, который и повелѣлъ арестовать всѣхъ троихъ офицеровъ. Однако, уже черезъ недѣлю открылось, что вся эта исторія выдумана была лакеемъ, котораго одинъ изъ помянутыхъ господъ отъ себя прогналъ.

Убѣдившись въ невинности офицеровъ, Павелъ приказалъ возвратить имъ, во время развода, ихъ шпаги. Въ подобныхъ случаяхъ принято благодарить царя, преклоняя колѣна; онъ же, обнимая благодарящаго, поднималъ его на ноги. Но Дмитріевъ ограничился тѣмъ, что подошелъ къ государю и сказалъ:

«В. в. дозволите мнѣ не оскорблять васъ выраженіями благодарности; потому что, такъ какъ я не виновенъ, то и милости мнѣ отъ в. в-ва никакой не оказано. Но такъ какъ гвардія ваша, государь, должна стоять выше всякаго подозрѣнія, то мнѣ не приличествуетъ болѣе оставаться на службѣ, и я умоляю, в. в., даровать мнѣ отставку».

Государь, пораженный пристойнымъ и почтительнымъ тономъ этихъ словъ, обнялъ Дмитріева, со словами:

— «Въ вѣрности вашей я никогда не сомнѣвался; а это только обычная формальность. Я былъ бы радъ, если-бъ вы остались».

«Убѣдительнѣйше прошу, в. в.,—возразилъ Дмитріевъ,—дать мнѣ отставку; да я, кромѣ того, и не обладаю нужнымъ здоровьемъ для того, чтобы оставаться солдатомъ».

— «Ну, извольте; такъ какъ вы этого желаете, то я даю вамъ разрѣшеніе. Однако, укажите генералъ-прокурору, какое мѣсто вы желали бы получить на гражданской службѣ».

Такимъ-то образомъ Дмитріевъ попалъ оберъ-прокуроромъ въ сенатъ. На этомъ мѣстѣ онъ выказалъ столько величія душевнаго, безкорыстія и деликатности, какъ рѣдко можно было встрѣтить между оберъ-прокурорами, особенно между тѣми, которые возводились на эту должность изъ секретарей...

Въ это время встрѣчалъ я въ Петербургѣ родственника моего, г. Ренне, который занимался личными дѣлами Палена, въ Курляндіи, и превозносилъ его до небесъ. Онъ находилъ, что квартира наша очень мило устроена.

— «Жалко,—сказалъ я ему,— что такъ много денегъ было брошено на ея устройство».

«А почему же?»

— «Потому что мы скоро ее покинемъ».

«Вы шутите,— возразилъ онъ; Паленъ конфиденціально говорилъ мнѣ что если вы устояли противъ первой бури, то васъ оставятъ въ покоѣ».

— «Не вѣрьте! До меня еще дойдетъ очередь, и я совершенно приготовился къ этому... Впрочемъ, мнѣ будетъ пріятнѣе вернуться на родину, нежели оставаться свидѣтелемъ того, что здѣсь ежедневно совершается».

На слѣдующій же день послѣ этого разговора вице-канцлеръ кн. Александръ Куракинъ былъ уволенъ отъ должности,—хотя довольно учтивымъ образомъ. На его мѣсто мѣтилъ Растопчинъ, который уже перешелъ въ гражданскую службу и былъ членомъ иностранной коллегіи. Однако, на этотъ разъ онъ промахнулся. Князь Безбородко—хотя уже очень больной—провелъ назначеніе своего племянника, Кочубея. Увольненіе князя Александра Борис. Куракина не было потерею, такъ какъ онъ страдалъ положительнымъ отсутствіемъ способностей и трудолюбія. Человѣкъ тщеславный, занятый своимъ туалетомъ и своими брильянтами, онъ интересовался лишь женщинами, музыкою, да дурачествами. Будучи холоднымъ эгоистомъ, онъ никому не приносилъ ни вреда, ни пользы. Впрочемъ, онъ хорошо объяснялся по русски, нѣмецки и французски, обладалъ представительною наружностію и хорошими манерами, но лицо его не имѣло никакого выраженія и смѣхъ былъ дурацкій.

Преемникъ его былъ способнѣе, но не заслуживалъ еще, однако, должности вице-канцлера въ такомъ громадномъ государствѣ, какова Россія. Онъ былъ камергеромъ; затѣмъ посланъ въ Константинополь, гдѣ прочелъ нѣсколько сочиненій по политической части и, благодаря извѣстной рутинѣ, хорошо изучилъ нѣкоторыя дипломатическія формулы. Этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы дать ему мѣсто, которое прежде служило наградою лишь долговременной и блестящей дипломатической карьеры.

Послѣ увольненія князя А. Б. Куракина я замѣтилъ, что гнѣвъ противъ г-жи Нелидовой снова возобладалъ надъ Павломъ, который выражалъ это преслѣдованіемъ ея друзей. Я видѣлъ, что скоро очередь дойдетъ и до меня, въ виду той дружбы, которая была между Нелидовой и моею женою.

И точно, 6 го сентября 1798 г., когда я только что всталъ отъ стола, прибывшій ординарецъ вручилъ мнѣ нижеслѣдующую собственноручную записку (на нѣмецкомъ языкѣ) генерала Палена:

«Я только что получилъ приказаніе, которое долженъ сообщить вамъ; но занятія мои не дозволяютъ мнѣ выйти; а потому прошу васъ пожаловать ко мнѣ, дабы вы могли принять нужныя мѣры. Остаюсь, какъ всегда, вамъ преданный Паленъ.

С.-Петербургъ, 6-го сентября 1798 года".

Всѣ смотрѣли на меня съ безпокойствомъ; но я, на вопросъ моей встревоженной жены, спокойно отвѣчалъ:

«Паленъ имѣетъ мнѣ сообщить нѣчто относительно юстицъ-коллегіи».

Затѣмъ, приказавъ закладывать карету и отведя въ сторону генерала Фромандіера, который съ нѣсколькими другими друзьями моими обѣдалъ у меня, сказалъ ему:

— «Приготовьте жену къ моему увольненію и къ отъѣзду изъ Петербурга. Эта записка мнѣ достаточно ясна».

Паленъ принялъ меня весьма дружелюбно, ввелъ въ свой кабинетъ и тамъ сказалъ мнѣ:

— «Я не знаю, чѣмъ побужденъ былъ государь потребовать, чтобы вы просили объ отставкѣ».

Вотъ повелѣніе, которое государь собственноручно написалъ Палену:

«Имѣете объявить тайному совѣтнику и сенатору барону Гейкингу, чтобы просилъ объ отставкѣ, такъ какъ онъ постоянно жалуется на болѣзненное состояніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пускай онъ доставитъ генералъ-прокурору названіе своей деревни».

— «Я,—продолжалъ Паленъ,—просто въ отчаяніи отъ этой непріятности, которая обрушилась на васъ безвинно, такъ какъ знаю, что вы всегда усердно и безкорыстно служили государю... но, что же дѣлать? Я готовлюсь на то, чтобы въ одинъ прекрасный день получить такой же комплиментъ, и меня прогонятъ, можетъ быть, еще съ бо́льшимъ шумомъ».

«Я и не ропщу на это повелѣніе,—отвѣчалъ я,—и смотрю на него, какъ на милость, потому что теперь уже болѣе невозможно служить... Позвольте мнѣ, генералъ, здѣсь же, у васъ, написать требуемое государемъ прошеніе. Онъ, по крайней мѣрѣ, усмотритъ во мнѣ послушаніе; а вы, изъ того спокойнаго тона, которымъ я изложу мою просьбу, можете заключить, насколько мнѣ желательно возвратиться въ нѣдра моей семьи».

Паленъ уступилъ мнѣ свое мѣсто, и я написалъ приблизительно слѣдующее:

«Государь, такъ какъ печальное состояніе моего здоровья не дозволяетъ мнѣ служить съ тѣмъ усердіемъ, къ которому обязываетъ меня благодарность, то прошу васъ всемилостивѣйше уволить меня въ отставку, съ пенсіею, которую герцогъ курляндскій назначилъ мнѣ пожизненно, и которой я лишился лишь по полученіи той, какая присвоена званію сенатора. Такъ какъ я имѣніе мое, Бранденбургъ, сдалъ въ аренду, то и не обладаю никакимъ имѣніемъ. Въ виду сего, прошу в. в. милостиво разрѣшить мнѣ пребываніе въ Митавѣ, гдѣ я встрѣчу содѣйствіе моего прежняго врача и дружеское участіе моихъ родственниковъ».

Зная, какъ любитъ Павелъ быстрое исполненіе его повелѣній, я тутъ же запечаталъ письмо и просилъ Палена немедленно отправить оное въ Гатчину...

Черезъ два дня генералъ-прокуроръ увѣдомилъ меня, что е. в. соизволилъ мнѣ разрѣшить ѣхать въ Митаву, но въ пенсіи отказалъ. Этотъ отказъ заставилъ меня опасаться, что отставка мнѣ будетъ написана въ непріятныхъ выраженіяхъ, потому что у государя, на этотъ предметъ, былъ троякій родъ редакціи:

1) «По случаю болѣзни, увольняемъ мы его, согласно собственному его прошенію, отъ всякаго рода служебныхъ занятій».

Это давало право надѣяться, что увольняемое лицо, въ случаѣ выздоровленія, могло опять получить должность.

2) «Согласно прошенію, всемилостивѣйше увольняемъ его въ отставку».

3) «Такой-то увольняется отъ службы».

Я уже не говорю объ «исключеніяхъ» изъ службы, которыя, въ гражданской службѣ, случались рѣдко.

13-го сентября 1798 г. я, наконецъ, получилъ изъ сената запечатанный пакетъ. Содержаніе бумаги было слѣдующее:

«По повелѣнію е. и. в. императора и самодержца всероссійскаго, правительствующій сенатъ сообщаетъ тайному совѣтнику и кавалеру, барону Гейкингу, именной и за собственною е. и. в—ва подписью указъ, отъ 8-го сентября, гласящій тако:

«Согласно прошенію тайнаго совѣтника, сенатора барона Гейкинга, увольняемъ его отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей. Павелъ».

«Вслѣдствіе сего, сенатъ приказалъ сообщить вамъ о семъ оффиціально. 13-го сентября 1798 г.»

Получивъ отставку, я въ тотъ же день отправился къ Палену, чтобы попросить его о выдачѣ паспорта, который онъ тутъ же приказалъ для меня изготовить, сказавъ:

— «Я сегодня же вечеромъ доложу объ этомъ государю».

Жена моя осталась въ Петербургѣ, чтобы распорядиться продажею моего дома, вещей и частію гардероба, которая мнѣ, въ провинціи, уже не была нужна.

Разославъ лишь немногимъ лицамъ мои прощальныя визитныя карточки, я отправился въ путь...

IV.

Путешествіе мое я устроилъ такъ, чтобы въ Митаву прибыть въ 8 часовъ утра. Тамъ я остановился въ домѣ моего друга, г. Дершау, такъ какъ мой собственный домъ еще не былъ очищенъ квартировавшимъ въ немъ жильцемъ.

Я началъ съ того, что написалъ губернатору Ламсдорфу, чтобы извѣстить его о моемъ прибытіи... Когда я показалъ ему подлинный указъ о моей отставкѣ, то онъ убѣдился, что я отнюдь не подвергся окончательной немилости государя, а слѣдственно принадлежу къ числу тѣхъ, которые могутъ спокойно жить въ своей провинціи. Посѣщеніе губернатора принесло мнѣ много пользы, и мало по малу всѣ городскіе обыватели стали появляться ко мнѣ!

Черезъ нѣсколько дней я и самъ рѣшился выйти. Первый мой визитъ былъ къ Ламсдорфу, у котораго я освѣдомился, не слѣдовало ли бы мнѣ представиться королю Людовику XVIII, которому, въ то время, государь оказывалъ еще наилучшее расположеніе. Онъ, такъ сказать, принудилъ его сложить

съ себя названіе графа Лилльскаго, окружить себя своими тѣлохранителями, принять титулъ короля и требовать оказанія почестей, подобающихъ этому титулу. Ламсдорфъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно, и я просилъ его, на другой же день, представить меня.

Въ воскресенье я отправился въ замокъ, гдѣ впервые увидѣлъ несчастнаго Людовика XVIII. Въ послѣдней изъ пріемныхъ комнатъ мы увидѣли двухъ старыхъ кавалеровъ ордена св. Лудовика, стоявшихъ на часахъ съ обнаженными шпагами. По докладѣ о насъ, вышелъ самъ король, который — признаюсь—внушалъ мнѣ живѣйшее участіе. Говоритъ онъ хорошо, обладаетъ обширными познаніями въ латинской, французской, итальянской и англійской литературахъ; память у него изумительная. При разговорѣ онъ отличается любезностію и изяществомъ выраженій. Менѣе пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня герцогъ Ангулемскій: онъ глядѣлъ какимъ-то сконфуженнымъ и никогда ничего не умѣлъ сказать, хотя поговорить ему, повидимому, и хотѣлось. Герцогъ Беррійскій имѣетъ воинственную наружность, держится непринужденно и просто...

Меня оставили къ обѣду, за которымъ я сидѣлъ подлѣ герцога Ангулемскаго, отдѣлявшаго меня отъ короля. Бесѣда не прерывалась и шла о предметахъ весьма разнообразныхъ. Послѣ обѣда король сталъ говорить со мною о несчастіяхъ своего брата, Людовика XVI, и, видя, насколько я растроганъ, замѣтилъ мнѣ:

— «Я терзаю ваше чувствительное сердце; судите же, какъ я самъ долженъ страдать».

Между прочимъ онъ показалъ мнѣ печать Франціи, которую всегда носилъ его злополучный братъ.

— «Только благодаря чему-то въ родѣ чуда попала она въ мои руки,— прибавилъ онъ, взволнованнымъ голосомъ,—и потому я и придаю ей величайшую цѣнность»...

Если въ глазахъ чувствительныхъ людей вообще человѣкъ, постигнутый несчастіемъ, пріобрѣтаетъ новое право на уваженіе, то право это является еще болѣе сильнымъ въ глазахъ того смертнаго, который самъ только что потерпѣлъ несправедливость. Мнѣ, при такомъ душевномъ настроеніи, каждый французъ являлся существомъ священнымъ, и мнѣ казалось, что только они вполнѣ мнѣ сочувствуютъ...

Надѣясь пріятнымъ образомъ прожить въ Митавѣ, я занялся устройствомъ моего дома, гдѣ разсчитывалъ наслаждаться сообществомъ милыхъ французовъ... Но однажды (въ октябрѣ), когда я сидѣлъ за чтеніемъ моего любимца Жанъ-Жака Руссо, мнѣ доложили о пріѣздѣ губернатора. Г. Ламсдорфъ вошелъ блѣдный и разстроенный. Сочтя его больнымъ, я сталъ выражать ему свое участіе и вмѣстѣ съ тѣмъ упрекать его за то, что при его слабомъ здоровьѣ онъ выѣзжаетъ въ такой холодъ...

— «Не въ томъ дѣло,—отвѣчалъ онъ съ смущеніемъ,—здоровье мое не такъ плохо... но я очень огорченъ, и должность моя становится мнѣ день ото дня невыносимѣе... Больно мнѣ то, что съ нѣкотораго времени приходится выполнять лишь непріятныя порученія»...

При этихъ словахъ я все понялъ; а такъ какъ, при моемъ возбужденномъ воображеніи, я все сталъ представлять себѣ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, то и обратился къ Ламсдорфу съ вопросомъ:

«Что же? внизу дожидается фельдъегерь съ кибиткою? Куда-же меня повезутъ?»

— «Ну, еще не такъ жестоко; однако, государь повелѣлъ вамъ немедленно оставить Митаву и, до дальнѣйшихъ приказаній, пребывать у себя въ имѣніи».

Онъ показалъ мнѣ указъ: въ немъ ничего болѣе не заключалось, кромѣ того, что сейчасъ было сказано.

«Въ чемъ же моя вина, — воскликнулъ я, — что меня наказываютъ ссылкою?»

— «Этого я не знаю,—отвѣчалъ Ламсдорфъ; можетъ быть, не написали ли вы чего?»

«Развѣ вы можете думать это о человѣкѣ, который такъ долго служилъ въ Петербургѣ?» возразилъ я.

— «Ну, такъ это должно быть здѣсь сочинили какую нибудь новую клевету; потому что, если разсчитать время отбытія фельдъегеря изъ Петербурга, то кажется, что онъ долженъ былъ быть посланъ оттуда черезъ часъ или два по прибытіи митавской почты».

Поговоривъ со мною еще нѣсколько минутъ объ этомъ непонятномъ наказаніи, губернаторъ всталъ и замѣтилъ:

— «Вы знаете, что повелѣніе государя должно быть исполнено въ теченіи 24-хъ часовъ, и я не скрою отъ васъ, что фельдъегерю приказано отъѣхать не ранѣе, какъ увидя, что вы оставили Митаву».

Я посмотрѣлъ на часы.

«Теперь 4; даю вамъ слово, что завтра передъ четырьмя часами я буду въ моей каретѣ у вашего подъѣзда, чтобы проститься съ вами; и вы можете сказать фельдъегерю, чтобы онъ проводилъ меня за городъ»...

На другой день, между 2 и 3 часами, прибыла моя жена, которую фельдъегерь обогналъ на дорогѣ. Она, конечно, чрезвычайно изумилась, видя всѣ приготовленія къ отъѣзду.

«Ѣду въ Бранденбургъ, — сказалъ я ей, — чтобы опять принять это имѣніе въ собственное управленіе, потому что тогда мы больше будемъ извлекать выгодъ изъ него. Да къ тому же,—прибавилъ я, принудивъ себя улыбнуться,—могутъ во всякое время вздумать сослать насъ туда, какъ это уже со многими случалось».

— «Ахъ,—воскликнула жена моя, поблѣднѣвъ,—мы навѣрное туда сосланы!»

«А если бы и такъ, моя милая? Что же за бѣда быть удаленнымъ на 12 верстъ отъ города?»

— «Такъ вотъ что хотѣлъ мнѣ дать понять генералъ Бенкендорфъ!..»

Затѣмъ она разсказала мнѣ о загадочномъ разговорѣ, который имѣла съ нимъ и г. Ховеномъ, и настоящаго смысла коего она не могла понять; но они приготовили ее къ полученію какой нибудь дурной вѣсти...

Попросивъ жену на время остаться въ городѣ и отдохнуть, я сѣлъ въ карету и остановился у губернатора, гдѣ, на лѣстницѣ, увидѣлъ моего фельдъегеря, съ значительною миною посматривавшаго на часы. При видѣ его, я ощутилъ невольный трепетъ.

Еще полтора часа и я увидѣлъ себя навсегда изгнаннымъ въ имѣніе, отданное въ аренду другому лицу, и гдѣ я могъ считать себя постороннимъ человѣкомъ, присутствіе котораго было терпимо лишь благодаря высочайшему указу.

Губернаторъ посовѣтовалъ моей женѣ видѣть какъ можно меньше людей. Онъ полагалъ, что императору Павлу не понравилось то необычайное участіе, которое выказано было мнѣ при моемъ возвращеніи, и поэтому намъ слѣдовало уберечь отъ непріятностей и себя, и нашихъ друзей, которые стали бы посѣщать насъ. Бо́льшую часть нашего времени мы съ женою проводили—сами того не замѣчая—въ тщетныхъ стараніяхъ узнать, что́ было виною постигшей меня судьбы.

Наконецъ, черезъ письма, доставленныя моимъ друзьямъ надежнымъ путемъ, я добился столь долго ожидаемой разгадки.

«Государь разгнѣвался вслѣдствіе полученнаго изъ Митавы донесенія, будто вы посѣщаете балы и собранія и во всеуслышаніе говорите, что скоро опять появитесь при дворѣ еще съ бо́льшимъ блескомъ и будете пользоваться еще бо́льшимъ благоволеніемъ.

— «Онъ хочетъ идти наперекоръ мнѣ!»—воскликнулъ Павелъ; «хорошо-же! я его ушлю туда, гдѣ ему не передъ кѣмъ будетъ хвастаться!»

«Паленъ, который былъ при этомъ, ничего не сказалъ въ вашу защиту; но князь Лопухинъ горячо заступился за васъ и говорилъ такъ разумно, что обезоружилъ гнѣвъ государя, и тотъ, наконецъ, сказалъ:

— «Напишите курляндскому губернатору, чтобы онъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій отправилъ барона въ его имѣніе».

«Все это самъ Паленъ разсказывалъ одному изъ своихъ приближенныхъ (который васъ не любитъ), и очень удивлялся тому участію, которое выказалъ къ вамъ генералъ-прокуроръ. Успокойтесь же; вскорѣ все можетъ перемѣниться».

Письмо это и точно на время успокоило меня; но я непремѣнно хотѣлъ добиться, кто былъ сочинителемъ этого на меня доноса изъ Митавы; въ тоже время я косвенными путями старался опровергнуть клевету, жертвою коей

сдѣлался; но забылъ при этомъ, что все не подходившее къ планамъ новыхъ придворныхъ дѣльцовъ никогда не доходило до государя.

Долго не находили друзья мои надежнаго случая, чтобы писать ко мнѣ. Наконецъ, въ ноябрѣ 1798 года, я получилъ письмо, изъ котораго привожу слѣдующую выдержку: «Ваша болѣзнь огорчаетъ меня болѣе вашей ссылки, потому что мы, живущіе въ столицѣ, несчастнѣе васъ. Только и видимъ, что общую ломку. Страхъ овладѣваетъ всѣми. Бѣдный генералъ Ховенъ только что получилъ увольненіе за то, что его жена была воспитана съ г-жею Нелидовою и онѣ не переставали быть дружными между собою. Растопчинъ перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ дѣйств. тайнаго совѣтника и званіемъ члена иностраннаго департамента. Такимъ образомъ, онъ состоитъ въ рангѣ генералъ-аншефа! А зачѣмъ? Паленъ получилъ Андреевскую ленту, а его пріятель, Кутайсовъ—Анну 1-го класса съ брильянтами. Увѣряютъ, что его украсятъ еще и большимъ Мальтійскимъ крестомъ, потому что государь, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался гросмейстеромъ этого ордена, сознаетъ себя абсолютнымъ господиномъ надъ всѣми его законами и статутами. 17-го октября происходила церемонія провозглашенія Павла гросмейстеромъ Іоаннитовъ. Онъ уже былъ ихъ протекторомъ, но послѣднее званіе оказалось болѣе соотвѣтствующимъ его достоинству. До сихъ поръ всѣ гросмейстеры были избираемы изъ числа подданныхъ другихъ государей. Но Литта, становясь намѣстникомъ гросмейстера, надѣется исполнять всѣ его обязанности и извлекать изъ этого всѣ возможныя для себя выгоды.

«Придворные интриганы не перестаютъ поддерживать самыя необычайныя идеи государя, котораго раздражительность постоянно усиливается и грозитъ намъ большими бѣдами... Дризенъ только что назначенъ губернаторомъ въ Курляндію и немедленно уѣзжаетъ. Онъ можетъ смѣнить Ламсдорфа, но не можетъ заставить забыть его. Какая разница между этими обѣими личностями!»...

Тяжкая болѣзнь заставила меня письменно просить князя Лопухина объ исходатайствованіи мнѣ высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ Митаву для пользованія совѣтами врачей. Разрѣшеніе это было дано и 2-го марта 1799 г. я возвратился въ городъ. Однако, Дризенъ опять далъ мнѣ совѣтъ, поменьше принимать къ себѣ посѣтителей.

— «Мы окружены шпіонами,—прибавилъ онъ вполголоса,—и вамъ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, какъ поступаетъ государь, если на кого-либо разгнѣвается».

Вслѣдствіе этого я просилъ моихъ пріятелей и знакомыхъ не посѣщать меня въ одинъ и тотъ же часъ, но порознь.

Новыя извѣстія изъ Петербурга гласили слѣдующее: «Князь Лопухинъ, которому его положеніе опротивѣло, настоятельно требуетъ увольненія. Напрасно его самого и его дочку осыпаютъ титулами и богатствами: душа его возму-

щается всѣми совершаемыми несправедливостями... Благосклонность къ Палену ежедневно увеличивается. Онъ сдѣланъ русскимъ графомъ, равно какъ и пріятель его Кутайсовъ, который, сохраняя за собою зва ніе гардеробмейстра, получилъ кромѣ того должность придворнаго егермейстра».

Проѣзжавшій въ это время черезъ Митаву г. М. увѣрялъ меня, что у Палена много враговъ, въ особенности генералъ Аракчеевъ, подобно ему сдѣланный графомъ, и генералъ Кологривовъ, которые и не скрываютъ своей ненависти къ нему.

Аракчеевъ—одинъ изъ гатчинскихъ выскочекъ, былъ отличнымъ и необычайно дѣятельнымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Государь любилъ его какъ лицо, имъ самимъ созданное и сформированное; но онъ былъ желченъ, дурно образованъ и ненавидимъ почти всѣми военнослужащими. Кологривовъ состоялъ прежде въ должности шталль-юнкера; у него была смѣлая осанка и Павелъ, считавшій его храбрецомъ (потому что тотъ былъ хвастунъ), съ изумительною быстротою перевелъ его черезъ всѣ чины, сдѣлалъ генераломъ и шефомъ гвардейскихъ гусаровъ. Когда находили на него припадки страха, онъ приказывалъ Кологривову спать у себя въ комнатѣ. Вслѣдствіе всего этого наглость Кологривова увеличилась до тѣхъ же размѣровъ, до какихъ доходили его ограниченность и невѣжество.

Однажды этотъ господинъ имѣлъ глупость нагрубить Палену. Не заблуждаясь относительно мнимой храбрости своего противника или будучи убѣжденнымъ, что при дворѣ она останется безъ послѣдствій, Паленъ отвѣтилъ ему съ глубочайшимъ презрѣніемъ и въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Этотъ энергическій отпоръ заставилъ наглеца замолчать. Но должно полагать что съ этого времени любовь ихъ другъ къ другу не увеличилась.

Открытая вражда Аракчеева и Кологривова противъ Палена только возвысила его въ глазахъ публики, которая обоихъ помянутыхъ генераловъ проклинала. Паленъ, будучи гораздо хитрѣе ихъ, добился увольненія Аракчеева. Павелъ, сверхъ того, выслалъ его вонъ изъ Петербурга и онъ появился опять лишь на другой день послѣ смерти государя.

Что меня еще болѣе поразило, это—внезапное увольненіе Литты. Благосклонность, которою онъ пользовался, казалась превыше всякихъ подкоповъ; однако, вопреки его итальянской хитрости, нашли средство показать государю нѣкоторыя письма брата Литты, папскаго нунція, который и былъ высланъ за границу безъ всякихъ соображеній съ его званіемъ. Въ означенной корреспонденціи встрѣтились мѣста, которыя такъ разгнѣвали Павла, что онъ разомъ лишилъ Литту всѣхъ присвоенныхъ ему званій. Sic transit gloria mundi!

За три мѣсяца передъ тѣмъ, на одномъ изъ разводовъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ: «Фельдмаршалъ князь Рѣпнинъ увольняется въ отставку,

съ дозволеніемъ ему носить мундиръ». Вотъ каковымъ оказался плодъ наружнаго обожанія, цѣною котораго человѣкъ этотъ держался на своемъ мѣстѣ! Но князь Рѣпнинъ, при многихъ хорошихъ качествахъ, имѣлъ душу царедворца, а этимъ все сказано. Онъ былъ внѣ себя отъ постигшей его судьбы; писалъ ко всѣмъ, кто пользовался хоть сколько-нибудь царскою милостію; но ни въ комъ не нашлось мужества или охоты хлопотать за него.

Мое личное пребываніе въ Митавѣ услаждалось любезнымъ обществомъ французскихъ эмигрантовъ, которое возбуждало во мнѣ хорошее расположеніе духа и благотворно поэтому дѣйствовало на здоровье. Не могу вслѣдствіе сего обойти молчаніемъ прибытія супруги Людовика XVIII-го и madame Royale (дочери Людовика XVI), присутствіе коихъ несомнѣнно обѣщало придать нашему городу новый блескъ. Но день прибытія королевы ознаменовался непріятнымъ скандаломъ, котораго послѣдствія печально повліяли на Людовика XVIII-го.

Въ то время, какъ кареты королевы поочередно подъѣзжали къ замку, присутствующіе съ удивленіемъ замѣтили, что одна изъ нихъ своротила въ сторону и направлена была прямо къ дому губернатора. Въ этомъ экипажѣ сидѣла камеръ-фрау королевы. Ее пригласили выйти и предъявили ей повелѣніе Людовика XVIII, въ силу котораго она должна была немедленно вернуться за границу, съ воспрещеніемъ ей когда-либо опять приближаться къ королевѣ.

Женщина эта начала громко протестовать противъ такого предательства (по ея выраженію) и, ставъ на порогѣ дома, у котораго собралась толпа народа, разсказывала чудовищныя вещи про Людовика XVIII. Въ это время королева, замѣтивъ, что ея дорогая г-жа Курвиліонъ не является, стала нетерпѣливо освѣдомляться о причинахъ ея отсутствія. Ей отвѣтили, что король, считая эту женщину подстрекательницею и виновницею возникшихъ между высокими супругами недоразумѣній, счелъ за лучшее отослать ее. Тогда королева вышла изъ себя; объявила, что сейчасъ же опять уѣдетъ, жаловалась на вѣроломство и показывала подлинное письмо короля, гдѣ было имъ написано: «вы можете взять съ собою г-жу Курвиліонъ, если находите это безусловно необходимымъ».

Эта исторія сдѣлалась предметомъ общихъ толковъ. Митавскіе якобинцы были въ восторгѣ и разсказывали ее въ извращенномъ видѣ. Меня это задѣло за живое. Я поговорилъ съ однимъ лицемъ, которое и объяснило мнѣ, что король напрасно послѣдовалъ совѣту г-на Сенъ-Прп, подстрекнувшаго его къ этой неправильной выходкѣ, которой внѣшнія формы, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы смягчить. Между тѣмъ, г-жа Курвиліонъ добилась того, что ее только отправили въ Вильно, гдѣ она помѣстилась въ одномъ изъ монастырей, съ обязательствомъ оставаться въ немъ до окончательнаго рѣшенія королемъ ея участи. Но оттуда она нашла случай написать письмо государю, который

вызвалъ ее въ Петербургъ, гдѣ она втихомолку стала интриговать противъ короля.

Немедленно по прибытіи madame Royale, Людовикъ XVIII испросилъ у государя соизволеніе на вступленіе ея въ бракъ съ герцогомъ Ангулемскимъ. Павелъ написалъ невѣстѣ весьма любезное письмо и прислалъ ей великолѣпное алмазное ожерелье.

Къ свадебнымъ празднествамъ приглашено было все митавское дворянство; я не смѣлъ присутствовать на нихъ, но жена моя тамъ была. Насколько внушало всѣмъ участіе сама madame Royale, настолько же не понравилось непривѣтливое обращеніе королевы. Она не обладала благородными манерами и была постоянно въ дурномъ расположеніи духа. Въ день представленія ей, она не обмолвилась ни однимъ словомъ, такъ что ни одна изъ дамъ не захотѣла опять пріѣхать въ замокъ.

Между тѣмъ наступилъ сезонъ морскихъ купаній въ Бальдонѣ; мы отправились туда, но, проскучавъ четыре недѣли, опять вернулись въ городъ. Вскорѣ по нашемъ возвращеніи, я однажды утромъ, въ 4 часа, получилъ отъ племянницы моей, г-жи Тормасовой, жившей съ своимъ мужемъ въ Литвѣ, слѣдующаго содержанія записку:

— «Я въ ужаснѣйшемъ отчаяніи. Государь только что исключилъ мужа моего изъ службы и отправилъ его въ Динаминдскую крѣпость. Мужъ мой въ эту ночь проѣзжаетъ черезъ Митаву; я же пріѣду туда нѣсколькими часами ранѣе. Я его не оставлю, и не будутъ же имѣть жестокость отказать мнѣ въ дозволеніи раздѣлить его заключеніе, такъ какъ онъ боленъ и едва избѣгнулъ удара».

Это неожиданное событіе сильно разстроило меня.... Впрочемъ, комендантъ крѣпости, генералъ Шиллингъ, былъ отцемъ для заключенныхъ въ ней, и, ради облегченія ихъ участи, часто подвергался опасности потерять мѣсто. Онъ разрѣшилъ г-жѣ Тормасовой остаться при мужѣ; а такъ какъ генералъ-губернаторъ Бенкендорфъ былъ задушевнымъ другомъ генерала Тормасова, то содѣйствовалъ всему, что могло бы облегчать его участь.

Спрашиваешь себя невольно: какое же преступленіе совершилъ генералъ Тормасовъ, чтобы понести столь строгое наказаніе? А дѣло вотъ въ чемъ: Павелъ передалъ начальство надъ Литовскою дивизіею младшему въ чинѣ генералу. Честолюбивый Тормасовъ, въ первомъ порывѣ неудовольствія, написалъ монарху, что онъ готовъ повиноваться повелѣніямъ его в—ва, но не можетъ служить подъ начальствомъ младшаго генерала, и проситъ объ отставкѣ. Онъ, конечно, былъ не правъ относительно соблюденія внѣшнихъ формъ; но проступокъ его все-таки не заслуживалъ тройнаго наказанія: 1) отнятія полка и генеральскаго чина, 2) лишенія мундира и 3) заключенія въ крѣпость.

По прошествіи нѣкотораго времени, Тормасовъ былъ выпущенъ на свободу, но съ приказаніемъ жить въ своемъ имѣніи. Такъ какъ у жены его была

деревня въ Курляндіи, то онъ отправился туда и велъ весьма пріятную сельскую жизнь, по близости отъ Митавы.

Князь Лопухинъ, наконецъ, получилъ отставку. Мѣсто его занялъ генералъ Беклешовъ, бывшій прежде губернаторомъ въ Ригѣ, а потомъ орловскимъ и курскимъ генералъ-губернаторомъ. Должность генералъ-прокурора есть одна изъ тѣхъ, вліяніе которой распространяется на все государство и внушаетъ такой же страхъ въ Камчаткѣ, какъ въ Курляндіи или въ Петербургѣ.

Генералъ-прокуроръ есть око монарха, а ему самому очами служатъ прокуроры, распредѣленные по всѣмъ губерніямъ государства; послѣдніе обязаны не только блюсти за поддержаніемъ закона, но и секретно увѣдомлять своего начальника о всемъ, что можетъ имѣть соотношеніе съ безопасностію государя или вообще правительства.

Выборъ новаго генералъ-прокурора повсюду былъ встрѣченъ съ удовольствіемъ. Беклешовъ, еще въ должности лифляндскаго губернатора, пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которая осталась за нимъ и на другихъ мѣстахъ.

Находясь въ Петербургѣ, я познакомился съ нимъ, но только поверхностно, однако, былъ очень радъ его назначенію, будучи убѣжденъ, что онъ пойдетъ прямою дорогою. Паленъ, хорошо знавшій Беклешова еще въ Ригѣ, старался выказать будто на назначеніе послѣдняго повліялъ онъ; но я знаю изъ надежнаго источника, что государь самъ возъимѣлъ эту мысль.

Благоволеніе къ Палену и Растопчину росло день ото дня. Послѣдній назначенъ былъ главноуправляющимъ почтъ и награжденъ Андреевскою звѣздою. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Кутайсову пожалована звѣзда св. Александра Невскаго: мы видимъ, что эти господа были осыпаны знаками высочайшей благосклонности.

Растопчинъ давно уже мѣтилъ на мѣсто государственнаго канцлера, и исполнялъ его должность съ тѣхъ поръ, какъ былъ назначенъ членомъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Кочубея уволили, а графъ Панинъ назначенъ вицеканцлеромъ. Вскорѣ мы узнаемъ тайныя къ тому побужденія и увидимъ, что всѣ эти крутыя перемѣны, приписываемыя Павлу, были только послѣдствіями глубоко-заходившихъ соображеній и такой тонкой интриги, которая можетъ сравниться лишь съ адскою ловкостію, съ какою она приведена была въ исполненіе.

О Беклешовѣ стали, какъ бы случайно, поговаривать въ неблагопріятномъ смыслѣ; а такъ какъ онъ показывалъ видъ, что не обращаетъ на это вниманія, то опала его была рѣшена. Стали дѣлать ему тысячи непріятностей; а такъ какъ онъ, кромѣ того, осмѣлился противорѣчить государю, когда тотъ сталъ вмѣшиваться въ судебныя дѣла и вздумалъ рѣшать ихъ безъ предварительнаго разбора, то его стали попрекать въ учительскомъ тонѣ, въ тяжеловѣсномъ и непріятномъ веденіи дѣлъ.

Павелъ замѣнилъ его генераломъ Обольяниновымъ, справедливость котораго, при мнѣ, Паленъ превозносилъ до облаковъ, и о которомъ тотъ же Паленъ отзывался съ презрѣніемъ, когда, послѣ кончины государя, я прибылъ въ Петербургъ.

Фрейлина Нелидова, проживая въ имѣніи графа Буксгевдена, заболѣла, и такъ какъ ей грозила опасность ослѣпнуть, то она просила у государя разрѣшенія возвратиться въ ея любезный Смольный институтъ, дабы тамъ лѣчиться у своего обычнаго врача; одновременно съ этимъ она ходатайствовала и за графа Буксгевдена, который желалъ отправиться съ своимъ семействомъ за границу.

Государь не только ей все разрѣшилъ, но даже послалъ ей придворные экипажи. Это возвращеніе сильно обезпокоило придворныхъ интригановъ: они стали опасаться легко предвидимыхъ послѣдствій свиданія.

Пущены были въ ходъ всѣ подпольныя интриги, чтобы удержать монарха отъ посѣщенія своего прежняго друга. Его прогулки стали уже направляться въ сторону Смольнаго; но Кутайсовъ, повсюду его сопровождавшій, по обязанности своей новой должности, оберъ-шталмейстера, съумѣлъ встревожить самолюбіе Павла и этимъ удержать его отъ перваго шага къ новому сближенію.

Императрица, съ другой стороны, узнавъ, что Павелъ колеблется и, повидимому, желаетъ опять увидѣться съ Нелидовою, старалась придать этому примиренію торжественный оттѣнокъ. Она устроила у себя блестящій вечеръ, и государь обѣщалъ явиться на ея приглашеніе. Клика интригановъ сочла себя погибшею; но княжна Лопухина и Кутайсовъ напрягли всѣ усилія, для внушенія Павлу, что онъ снова бросается въ сѣти, отъ которыхъ успѣлъ избавиться.

Послѣ долгихъ колебаній, Павелъ перемѣнилъ свое намѣреніе и, въ 7 часовъ вечера, послалъ сказать императрицѣ, что онъ не прибудетъ на ея собраніе. Онъ пошелъ еще дальше: торжественно обѣщалъ Лопухиной никогда не посѣщать Смольнаго, пока тамъ будетъ проживать г-жа Нелидова.

Жена моя написала Нелидовой письмо, съ выраженіемъ опасеній за ея здоровье. Въ полученномъ отъ нея отвѣтѣ, между прочимъ, было сказано: «Я поставила себѣ за правило—не видѣться ни съ кѣмъ, кромѣ моихъ институтскихъ пріятельницъ, и отъ этой неизмѣнной рѣшимости ни за что не отступлю.»—И точно: она ни разу не была въ городѣ и постоянно жила въ глубочайшемъ уединеніи.

Около этого времени посѣтилъ меня старшій сынъ графа Шуазеля и сообщилъ мнѣ, что его отецъ, а также и бѣдный генералъ Ламбертъ подверглись внезапному изгнанію. Послѣдняго заставили даже встать съ постели, чтобы онъ безотлагательно очутился за петербургскими заставами.

Поступокъ съ Шуазелемъ и Ламбертомъ заставилъ меня опасаться за участь Людовика XVIII. Я сказалъ объ этомъ одному изъ его приближенныхъ, аббату

Мари, но эти господа были такъ увѣрены въ благорасположеніи Павла, что я не настаивалъ на своихъ опасеніяхъ.

Дѣйствительно, императоръ только что предложилъ королю закрѣпить узы дружбы выраженіями рыцарскаго братства. Онъ принялъ ордена св. Духа и св. Лазаря, а королю прислалъ ордена св. Андрея и Мальтійскій. Король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать кавалерами ордена св. Лазаря г.г. Палена, Растопчина и Панина и, съ разрѣшенія государя, пожаловалъ тотъ же орденъ курляндскому губернатору и генералу барону Ферзену. Въ Петербургъ повезли эти знаки отличія аббатъ Эджмонъ-де-Фирмонъ и г. де-Коссе. Оба они были осыпаны высочайшими милостями. Фирмонъ утверждалъ, что Павелъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, обнаружилъ высшую степень привлекательности и любезности.

Легко понять, что Людовикъ XVIII и всѣ его приближенные сочли это новымъ священнымъ обязательствомъ со стороны Павла не оставлять ихъ; увѣренности, которой предались господа французы, я отнюдь не раздѣлялъ; но на откровенно выражаемыя мною опасенія мнѣ весьма вѣжливо дали замѣтить, что моя собственная невзгода заставляетъ видѣть все въ черномъ свѣтѣ.

Между тѣмъ опять наступилъ сезонъ морскихъ купаній, и мы отправились въ Бальдонъ, который на этотъ разъ представился чѣмъ-то въ родѣ Элизіума. Кто-бы ожидалъ найти тамъ такое собраніе?... Ех-генералъ-прокуроръ Беклешовъ (незадолго предъ тѣмъ бывшій звѣздою первой величины), ех-президентъ, академіи художествъ и ех-посолъ [1]) графъ Шуазель-Гуфье, я, ех-сенаторъ ех-генералъ Екеля и нѣсколько другихъ «ех-овъ», которые занимали менѣе важныя должности, но можетъ быть всѣ искали на морскихъ купаньяхъ не столько облегченія отъ тѣлесныхъ недуговъ, сколько необходимаго развлеченія, вслѣдствіе понесенныхъ ими нравственныхъ страданій.

Несчастіе сближаетъ людей, особенно если они потерпѣли одинаковаго рода несправедливость. Впрочемъ, съѣхавшіяся въ Бальдонъ лица сначала говорили между собою только о своихъ болѣзняхъ, избѣгая всякаго видимаго сближенія, потому что боялись шпіонства. Замѣчены были двѣ или три подозрительнаго вида личности; но ихъ было легко избѣгнуть или наводить на ложные слѣды.

Я былъ очень радъ ближе познакомиться съ Беклешовымъ. Его открытое лицо, его простыя, иногда даже грубоватыя, манеры весьма мнѣ нравились. Никогда не говоря ничего о самомъ государѣ, мы бесѣдовали съ нимъ о нѣкоторыхъ общихъ мѣропріятіяхъ, и я никогда не слыхалъ отъ него ни одного существенно-ложнаго сужденія, хотя не всегда раздѣлялъ его мнѣнія относительно нѣкоторыхъ господъ, къ которымъ онъ питалъ несправедливое предубѣжденіе.

---

[1]) Онъ былъ французскимъ посломъ въ Константинополѣ.

Однажды я заговорилъ съ нимъ о моемъ печальномъ положеніи, и онъ сказалъ мнѣ:

— «Вы напрасно считаете свое положеніе худшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ списокъ лицъ, состоящихъ подъ особымъ надзоромъ, и могу васъ увѣрить, что васъ тамъ нѣтъ; а если показываютъ видъ, что имѣютъ относительно васъ особыя повелѣнія, такъ это только одна изъ выходокъ, позволяемыхъ себѣ провинціальнымъ начальствомъ, для придачи себѣ важности».

О Паленѣ Беклешовъ никогда не говорилъ; но этимъ молчаніемъ все высказывалось. О Кутайсовѣ онъ тоже избѣгалъ разговоровъ, но презрѣніе выражалось на его лицѣ, когда произносили имя этого господина.

По возвращеніи изъ Бальдона, я получилъ письмо изъ столицы (отъ 15 сент. 1800 г.). Какъ велико было мое изумленіе, когда я прочелъ слѣдующее:

«Паленъ только что лишенъ должности петербургскаго генералъ-губернатора; его сына, полковника конной гвардіи, высылаютъ, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, его экипажи и кибитки уже стоятъ наготовѣ. Онъ ждетъ немедленнаго повелѣнія собрать свою дивизію, такъ какъ у насъ будетъ война съ Англіею [1]), и, вслѣдствіе сего, мы приводимъ въ движеніе наши сухопутныя войска. Готовятся также большіе маневры около Гатчины».

По прошествіи нѣсколькихъ дней я получилъ новое извѣщеніе:

«Паленъ стоитъ крѣпче, чѣмъ когда либо. На маневрахъ онъ командуетъ однимъ корпусомъ, а Кутузовъ другимъ. Государь внѣ себя отъ радости, что имѣетъ въ своемъ войскѣ двухъ столь отличныхъ тактиковъ. Онъ пожаловалъ имъ подарки; а генераловъ и офицеровъ наградилъ такъ, какъ будто они выиграли важное сраженіе. Тѣ, которые знаютъ секретъ этой комедіи, говорятъ, что былъ задобренъ Дибичъ [2]), и что онъ водилъ государя (на маневрахъ) такимъ образомъ, чтобы скрыть отъ него маленькіе промахи. Этотъ прожженный пруссакъ на каждомъ шагу восклицалъ, по нѣмецки: «О великій Фридрихъ! Если-бъ ты могъ видѣть армію Павла!.. Она выше твоей!» Этотъ притворный энтузіазмъ совершенно покорилъ сердце государя. Воображеніе его было возбуждено въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что надо было отдать справедливость нашимъ войскамъ, исполнявшимъ всѣ движенія съ величайшею точностію».

---

[1]) Высоч. приказъ 31 августа 1800 г.

[2]) Этотъ Дибичъ былъ прежде адъютантомъ у Фридриха II. Такъ какъ ему были извѣстны всѣ подробности образа жизни великаго короля, то Павелъ, старавшійся подражать послѣднему во всѣхъ мелочахъ, весьма дорожилъ Дибичемъ и, наконецъ, сталъ глядѣть на все его глазами. Авт.

Паленъ, сверхъ прочихъ своихъ должностей, вскорѣ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ остзейскихъ провинцій; такъ что власть его простерлась и на важныя, по своему значенію, гавани.

Въ это же время внезапно былъ смѣненъ Дризенъ; мѣсто его получилъ вице-губернаторъ Арсеньевъ, а на мѣсто послѣдняго назначенъ казанскій прокуроръ Брискорнъ.

Война Англіи объявлена была вслѣдствіе занятія ею о-ва Мальты и отказа ея немедленно возвратить этотъ островъ Ордену. Павелъ, въ высшей степени разгнѣванный, сначала отдалъ повелѣніе (14 окт. 1800 г.) арестовать всѣ англійскія суда, находившіяся въ нашихъ гаваняхъ, а затѣмъ (18 окт.) распространилъ это повелѣніе и на всѣ принадлежавшіе англичанамъ товары и имѣнія.

Эта насильственная мѣра вызвала сильнѣйшее волненіе въ Петербургѣ и Ригѣ, гдѣ находились англійскіе торговые дома съ оборотами, простиравшимися до нѣсколькихъ милліоновъ.

Однако, окружающіе Павла смотрѣли, повидимому, съ удовольствіемъ на эту анти-политическую мѣру. Геніальный Бонапарте тотчасъ же принялъ во вниманіе этотъ моментъ неудовольствія противъ лондонскаго кабинета и сталъ дѣлать Павлу лестныя предложенія, сначала черезъ Берлинъ, а потомъ непосредственно. Письмо его было такъ ловко составлено и такъ преисполнено лицемѣрнаго восхищенія государемъ, что Павелъ забылъ свою ненависть къ Франціи и сблизился съ правительствомъ, которому только что грозилъ огнемъ и мечемъ.

Между тѣмъ Паленъ сталъ главною пружиною во всѣхъ дѣлахъ. Онъ предложилъ Павлу одно изъ самыхъ смѣлыхъ мѣропріятій, которое было совершенно во вкусахъ государя.

— «В. в. изволили,—сказалъ онъ,—по справедливости наказать очень многихъ офицеровъ исключеніемъ изъ службы. Но между ними, безъ сомнѣнія, есть и такіе, которые исправились и стали бы служить еще съ бо̀льшимъ усердіемъ, если-бъ имѣли счастіе быть вновь призванными».

«Вы правы,—отвѣтилъ государь,—я прощаю всѣхъ, и прикажу немедленно принять ихъ опять на службу».

Мы видимъ, какъ охотно онъ желалъ дѣлать добро и исправлять увлеченія своего слишкомъ подвижнаго характера.

1-го ноября 1800 г. Павелъ издалъ свой извѣстный манифестъ, по которому всѣмъ уволеннымъ или исключеннымъ изъ службы разрѣшалось опять вступить въ нее, если только они не были осуждены по формальному приговору суда. Однако, прибавка къ этому манифесту поразила всѣхъ мыслящихъ людей. Въ ней значилось, что всѣмъ уволеннымъ и исключеннымъ (которые были разбросаны отъ Иркутска до прусской границы) повелѣно лично явиться въ Петербургъ.

Эта закорючка привела въ отчаяніе тѣхъ людей, которые, уже впавъ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ 3,000—4,000 верстъ до столицы, чтобы потомъ пройти, можетъ быть, столько же до назначенныхъ имъ полковъ... Этимъ разрушалось то добро, которое государь думалъ сдѣлать; для лицъ неимущихъ оно оказалось совершенно призрачнымъ.

Появились по дорогамъ офицеры (многіе изъ нихъ были украшены георгіевскими и владимірскими крестами), плетущіеся пѣшкомъ или влекомые голодными клячами. Многимъ пришлось просить милостыни, чтобы добраться до Петербурга.

Всѣ эти затрудненія могли не придти въ голову Павла, который никогда этого не соображалъ; но какъ могли они не быть взвѣшены тѣми, которые посовѣтовали ему это доброе дѣло и лучше государя должны были знать настоящее положеніе офицеровъ?

Впрочемъ, и разумно ли было разомъ собрать въ столицу такое значительное число недовольныхъ? Развѣ не знали, что не всѣхъ офицеровъ опять примутъ? Развѣ не слѣдовало опасаться, что люди, претерпѣвшіе голодъ и холодъ для того, чтобы вновь быть принятыми на службу, могутъ, попавъ въ число отверженныхъ, предаться всякимъ выходкамъ, внушаемымъ отчаяніемъ?

Но эти-то соображенія, которыя всему плану должны бы были дать совсѣмъ иное осуществленіе, именно и побудили исполнить его такъ, какъ онъ былъ исполненъ. Нынѣ уже не остается сомнѣнія въ томъ, что хотѣли вызвать взрывъ.

А между тѣмъ похвалы Палену перелетали изъ устъ въ уста. Чтобы обезпечить всходы посѣяннаго имъ сѣмени, онъ многимъ генераламъ (о которыхъ думалъ, что огорчилъ ихъ болѣе другихъ) написалъ частныя письма, въ которыхъ совѣтовалъ воспользоваться царскою милостію.

Генералъ Тормасовъ находился еще въ изгнаніи и не былъ включенъ въ общую амнистію. Онъ получилъ отъ Палена «полный участія и дружескій совѣтъ»—обратиться прямо къ государю, и тотъ послѣдовалъ этому совѣту. Ему было дано разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ; тамъ онъ былъ представленъ Павлу, который почти вовсе не зналъ его лично и который былъ совершенно увлеченъ тономъ его разговора и осанкою. Онъ наименовалъ Тормасова инспекторомъ кавалерійскихъ войскъ, стоявшихъ въ Лифляндіи и Курляндіи, и далъ ему назначеніе состоять при шведскомъ королѣ, котораго вскорѣ ожидали въ Петербургѣ. Государь, вообще, оказывалъ Тормасову большія, можетъ быть, слишкомъ большія отличія; и съ этихъ поръ Паленъ къ нему охладѣлъ. Черезъ короткое время онъ доставилъ ему опасное мѣсто командира конной гвардіи, шефомъ которой былъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Генералъ-прокуроръ Обольянинновъ исходатайствовалъ у государя, чтобы милость, явленная военнымъ, распространена была и на гражданскихъ чиновниковъ. Многіе изъ уволенныхъ снова поступили на службу, какъ, напримѣръ,

графъ Віельгорскій... Зубовъ, Куракинъ, Волконскій, Долгорукій и многіе другіе, наиболѣе оскорбленные, просились опять на службу, и всѣ были приняты. Но со многими бѣдными офицерами весьма жестко обошлись. На разводѣ, къ которому ихъ собрали, Павелъ, часто по одному взгляду на офицера, обращался къ своему адъютанту со словами: «принять» или «отказать», — не объявляя никакихъ тому причинъ. Въ томъ или другомъ изъ данныхъ случаевъ указанный офицеръ понуждаемъ былъ, не позже какъ черезъ три дня, оставить столицу; этотъ срокъ былъ достаточенъ для того, чтобы отчаявшемуся человѣку увлечься какимъ либо порывомъ яростя. Но Провидѣніе судило иначе, и большая часть недовольныхъ не выходила изъ предѣловъ долга.

Въ это время вся политическая система Павла круто измѣнилась. Онъ сблизился съ Бонапартомъ, предложившимъ ему Мальту и возвращеніе русскихъ плѣнныхъ. Панинъ впалъ въ немилость. Графъ Караманъ, котораго Людовикъ XVIII отправилъ посланникомъ въ Петербургъ, былъ внезапно высланъ оттуда. Король вообразилъ себѣ, что этотъ министръ чѣмъ нибудь не понравился государю, и счелъ за лучшее написать Павлу, спрашивая его, чѣмъ Караманъ такъ ему не угодилъ, что онъ наказалъ его изгнаніемъ. Господа придворные изловчились представить это письмо государю въ такую минуту, когда онъ находился въ крайне дурномъ расположеніи духа. Совершенно не понявъ намѣренія Людовика XVIII, Павелъ гнѣвно воскликнулъ:

— «Какъ! Онъ требуетъ у меня отчета въ моихъ дѣйствіяхъ? Надѣюсь, что я у себя дома еще господинъ!» [1]).

Едва успѣлъ онъ успокоиться отъ перваго волненія, какъ его снова ухитрились разгнѣвать, и 3 (15) января 1801 года обнаружилось страшное дѣйствіе этого гнѣва. Генералъ Ферзенъ получилъ отъ Палена письмо слѣдующаго содержанія:

«Сообщите Людовику XVIII, что государь совѣтуетъ ему отправиться къ своей супругѣ, въ Киль».

Пораженный какъ громомъ, несчастный Людовикъ написалъ государю трогательное письмо, заключавшееся слѣдующими словами:

---

[1]) Эту фразу Павелъ повторялъ часто, и большею частію не тогда, когда слѣдовало. Такъ было, когда онъ однажды, въ минуту неудовольствія, приказалъ было наложить амбарго на всѣ шведскія суда, находившіяся въ нашихъ гаваняхъ. Графъ Буксгевденъ имѣлъ смѣлость противорѣчить ему.

— „Какъ!—воскликнулъ Павелъ, внѣ себя отъ гнѣва,—я развѣ не господинъ у себя дома?“

„Нѣтъ, в. в.,—спокойно отвѣчалъ Буксгевденъ,—взаимныя международныя отношенія утверждены торжественными договорами, которыхъ вы не можете нарушать, не оскорбляя чувства вашей справедливости“.

Помолчавъ съ минуту, государь обнялъ Буксгевдена, и — амбарго не состоялось. Авт.

— «Повинуюсь, вопреки горести, внушаемой мнѣ столь жестокимъ неблаговоленіемъ, и ожидаю полученія необходимыхъ паспортовъ».

Государя постарались, однако, еще болѣе разсердить, выславляя ему покорность короля, какъ доказательство, сколь мало онъ дорожитъ пріютомъ, столь великодушно ему предоставленнымъ. Павелъ доведенъ былъ до того, что, забывъ всѣ священные законы гостепріимства, приказалъ объявить королю, что: такъ какъ онъ только требуетъ своихъ паспортовъ, то они будутъ ему выданы, но съ условіемъ, чтобы онъ сейчасъ же воспользовался ими, какъ для себя, такъ и для всей его свиты.

Этотъ страшный взрывъ гнѣва уничтожилъ всѣхъ французовъ, которые не ожидали такой жестокости ..

Никогда не забуду отъѣзда несчастнаго Людовика XVIII и герцогини Ангулемской... Кавалерамъ свиты пришлось бы, среди зимы, отправиться въ дорогу пѣшкомъ, если-бы сострадательные люди не оказали имъ посильной помощи. Въ помощи этой приняли участіе не только дворяне, но и бюргеры курляндскіе.

Всѣ эти событія такъ потрясли меня, что, распростившись съ моими пріятелями-французами, я захворалъ и едва черезъ нѣсколько недѣль могъ поправиться...

Перев. съ нѣмецкаго и сообщ. И. О.

Примѣчаніе. „Записки курляндскаго дворянина“, представленныя въ извлеченіи въ ноябрьской и декабрьской книгахъ „Русской Старины“ изд. 1887 г., изданы, впервые, на нѣмецкомъ языкѣ въ 1885 г., причемъ фамилія автора скрыта; оказывается, что записки принадлежатъ барону Гейкингу. Сенаторъ и предсѣдатель юстицъ-коллегіи въ царствованіе Павла Петровича, Гейкингъ былъ женатъ на дочери Лафонъ, начальницѣ общества благородныхъ дѣвицъ (Смольнаго монастыря). Въ запискахъ знаменитаго могилевскаго римско-католическаго митрополита Богуша Сестренцевича, а затѣмъ въ извѣстномъ сочиненіи о. М. Я. Морошкина: „Іезуиты въ Россіи, съ царствованія Екатерины II и до нашего времени“. Спб., 1867 г., ч. I, стр. 289—313, разсѣяно множество подробностей о борьбѣ, которую велъ Сестренцевичъ, ратовавшій противъ римской куріи и іезуитовъ, съ барономъ Гейкингомъ—сторонникомъ (какъ пишетъ историкъ Морошкинъ) папы и іезуитовъ и имѣвшимъ вліяніе на католическій департаментъ въ Спб., бывшій нѣкоторое время въ подчиненіи коллегіи юстиціи. Желающихъ ознакомиться съ интересными подробностями борьбы Сестренцевича съ барономъ Гейкингомъ отсылаемъ къ сочиненію о. М. Я. Морошкина.

Н. Ш.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

О преобразованіи Одесскаго лицея въ университетъ.

Вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность попечителя одесскаго учебнаго округа, я обратилъ первое мое вниманіе на значеніе учебныхъ заведеній округа и на то вліяніе, ту роль, которую сама мѣстность края предназначила имъ имѣть въ нравственно-духовныхъ дѣлахъ всего православно-славянскаго народонаселенія востока. Всѣ наши восточные единоплеменники не имѣютъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ бы науки излагались на славянскомъ нарѣчіи, и самое ближайшее для нихъ есть только одно: Одесскій лицей. Въ немъ постоянно воспитываются нѣсколько болгаръ изъ турецкихъ подданныхъ. Но бо́льшая часть изъ нихъ, по ихъ собственному сознанію, ищутъ образованія не у насъ, а на западѣ, въ странахъ католическихъ; то-же самое, и еще въ несравненно бо́льшихъ размѣрахъ, дѣлаютъ и наши молдавскіе единовѣрцы. Причина очевидна. Одесскій лицей, по его настоящей организаціи, не можетъ удовлетворять современнымъ требованіямъ просвѣщенія.

И наши, и турецкіе подданные изъ славянъ, получивъ въ немъ одно только поверхностное образованіе, доканчиваютъ его на западѣ и теряютъ тамъ, мало приготовленные въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, то сочувствіе, которое одушевляетъ всегда каждаго молодаго человѣка, на цѣлую его жизнь, къ мѣсту, гдѣ онъ получилъ основательное, коренное образованіе. Католицизмъ и грубое вольнодумство уже завладѣваютъ первыми начатками заграничной молдавской литературы, вліяніе которой быстро распространяется и на нашихъ молдавскихъ подданныхъ. Въ Константинополѣ уже издаются журналы на болгарскомъ языкѣ, которые хотя и не содержатъ покуда ничего антирусскаго, однако-же, со временемъ они пробудятъ сочувствіе и въ нашихъ болгарахъ, но не въ нашу пользу, тѣмъ болѣе что уменьшеніе

господствовавшаго доселѣ вліянія фанаріотовъ, столь ненавистнаго славянамъ, и введеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ въ Константинопольской болгарской церкви ихъ сильно расположитъ въ пользу турецкаго правительства. Католики и протестанты и въ Константинополѣ, и въ Бухарестѣ уже учреждаютъ училища для нашихъ единовѣрцевъ; въ Болградѣ, покуда онъ принадлежалъ намъ, не было ни одного болгарскаго училища и цѣлые годы проходили въ одной тщетной перепискѣ объ его учрежденіи; теперь, когда Болградъ отошелъ отъ Россіи, молдавское правительство уже ассигновало сумму для открытія народной школы. Всѣ эти обстоятельства доказываютъ, что наше нравственное и научно образовательное вліяніе на нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе слабѣетъ; но безутѣшнѣе всего то, что оно ослабѣваетъ и для нашихъ пограничныхъ подданныхъ, соплеменныхъ съ турецкими и молдавскими ихъ единовѣрцами. Мысль дѣйствовать на нихъ посредствомъ нашего торговаго общества [1]), посредствомъ частныхъ пожертвованій на сооруженіе храмовъ и пріютовъ въ Палестинѣ и посредствомъ нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, превосходна. Но мы можемъ только то дать, что мы сами имѣемъ. А все, что мы имѣемъ, это преданность православію и престолу, сочувствіе къ нашимъ собратамъ и нѣкоторыя матеріальныя пособія. Но этого уже теперь мало, когда вліяніе запада на востокъ обнаруживается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, когда оно поддерживается глубокимъ знаніемъ дѣла и систематически проводимою пропагандою. Вотъ почему я твердо убѣжденъ, что покуда мы сами не изберемъ равнаго по силѣ духовно-научнаго оружія, то наше противодѣйствіе западу останется слабымъ и немощнымъ. Мы должны сначала учредить и усилить центръ нашихъ дѣйствій. Мы должны сначала образовать изъ нашихъ соплеменниковъ, нашихъ единовѣрцевъ и изъ насъ самихъ людей нравственно и научно способныхъ противодѣйствовать западу. Единовѣріе и единоплеменность съ нашими восточными собратами на нашей сторонѣ; но нравственно и научно мы слишкомъ еще слабы.

Если обществу пароходства и удастся, при частныхъ пожертвованіяхъ, основать различные пункты сближенія на востокѣ съ нашими единовѣрцами, то все еще не будетъ доставать самаго главнаго: тѣхъ дѣятельныхъ и нарочно для того приготовленныхъ распространителей нравственно-научнаго вліянія, которыми такъ изобилуетъ западъ. У него есть миссіонеры, посвятившіе себя исключительно этой цѣли,

[1]) Русское общество пароходства и торговли.

въ его руки переходитъ теперь и образованіе учителей для нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ.

Всѣ эти соображенія заставили меня еще за годъ предъ симъ обратиться къ г. министру просвѣщенія съ проектомъ о преобразованіи Одесскаго лицея въ высшее учебное заведеніе, съ цѣлію сообщить ему именно такую организацію, которая способствовала бы къ укрѣпленію нашихъ связей съ нашими восточными собратами по вѣрѣ и по племени. Очевидно, что Одесса, по ея мѣстности, могла бы быть именно тѣмъ центромъ нашихъ дѣйствій и истиннымъ разсадникомъ людей, могущихъ осуществить эту важную политическую цѣль. Нѣтъ сомнѣнія, что такой разсадникъ, дѣйствуя сообща съ обществомъ торговли и пароходства, мощно бы противодѣйствовалъ усиливающемуся вліянію запада на востокъ. Въ Одессѣ бы подготовлялись и учители, и врачи, и сестры для тѣхъ благотворительныхъ заведеній, которыя общество постепенно бы учреждало въ избранныхъ имъ пунктахъ на востокѣ. Для такого преобразованія лицея въ Одессѣ я не требовалъ увеличенія штата отъ правительства; я указывалъ на другіе источники и именно на сборъ по $2^1/_2$ коп. съ каждой четверти хлѣба, вывозимаго изъ всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Уже и прежде, съ 1817 г., Лицей получалъ на содержаніе до 4 к. съ четверти пшеницы, вывозимой только изъ одного Одесскаго порта. Впослѣдствіи онъ передалъ этотъ доходъ, явственно къ своему ущербу, государственному казначейству и получилъ отъ него въ замѣнъ по 16 т. руб. сер. ежегодно. Но государственное казначейство обязалось выдавать эту сумму только до новаго закона объ одесскомъ порто-франко. Въ прошломъ (1857) году одесское порто-франко уничтожено, и я полагалъ, что это самое удобное время для предлагаемаго мною преобразованія. Но мой проектъ, вѣроятно, встрѣтилъ препятствіе со стороны министерства финансовъ и до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

Твердо убѣжденный, что Одесскій лицей при предлагаемыхъ мною измѣненіяхъ можетъ осуществить то высокое назначеніе, къ которому онъ предопредѣленъ мѣстностью самаго края, я откровенно объяснилъ г. министру просвѣщенія, что, считая дѣятельность мою при настоящей организаціи Лицея лишенною существенной цѣли, оставаться долѣе его представителемъ in statu quo было бы противно моимъ убѣжденіямъ и моимъ понятіямъ о долгѣ чести и службы.

Н. И. Пироговъ.

2 апрѣля 1858 г.
Одесса.

АДОЛЬФЪ ПЕТРОВИЧЪ БЕРЖЕ

какъ оріенталистъ.

Литературная дѣятельность недавно скончавшагося А. П. Берже проявилась не только въ изданіи десяти громадныхъ томовъ Актовъ Кавказской Археографической Коммиссіи, но и во многихъ цѣнныхъ вкладахъ по персидской исторіи, лексикографіи и литературѣ нашихъ закавказскихъ инородцевъ. Сюда относится, напримѣръ, его русскій переводъ персидской исторіи Джемаледдина Карабахскаго, его персидско-французскій словарь, изданный въ 1868 году въ Лейпцигѣ, а также его сборникъ пѣсень закавказскихъ поэтовъ XVIII и XIX столѣтій, на тюркско-адербейджанскомъ языкѣ, изданный имъ тоже въ Лейпцигѣ въ 1869 году.

Продолжительное пребываніе Ад. П. Берже въ Персіи дало ему возможность усвоить себѣ основательно персидскій языкъ. При составленіи своего персидско-французскаго словаря, онъ пользовался—какъ самъ объ этомъ говоритъ въ предисловіи — указаніями многихъ ученыхъ персіянъ въ Тегеранѣ и въ Тавризѣ, а также совѣтами г. Графа, бывшаго въ продолженіи двадцати лѣтъ первымъ драгоманомъ при нашемъ посольствѣ въ Тегеранѣ. Къ персидско-французскому словарю, обнимающему болѣе 500 страницъ убористой печати, на двухъ столбцахъ, прибавлена таблица, замѣняющая собою французско-персидскій словарь, а также сравнительная таблица магометанскаго и христіанскаго лѣтосчисленія. Извѣстно, что въ настоящее время персидскій словарь Бьянки сдѣлался уже библіографическою рѣдкостію, а у насъ въ Россіи,—сколько мнѣ извѣстно, — имѣется только краткій словарь Болдырева, изданный 50 лѣтъ тому назадъ и составляющій третій томъ его персидской хрестоматіи. Поэтому мы, русскіе, должны быть благодарны А. П. Берже за его трудъ, представляющій собою незамѣнимое пособіе при изученіи языка сосѣдняго намъ народа. Правда,

придирчивый критикъ можетъ найти въ книгѣ А. П. Берже многіе недостатки. Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ критическомъ журналѣ Царнке «Literarisches Centralblatt», за 1869 годъ, на страницѣ 1267, при оцѣнкѣ труда г-на Берже жалуются на то, что попадаются многія устарѣлыя слова арабскія и персидскія, а напротивъ не достаетъ много нынѣ употребительныхъ; жалуются также на необозначеніе или неточное обозначеніе произношенія многихъ словъ, и, наконецъ, на неправильности въ приводимыхъ арабскихъ грамматическихъ формахъ. Все это можетъ быть справедливо, но не умаляетъ въ нашихъ глазахъ важности и пользы труда А. П. Берже для насъ, русскихъ.

Перейдемъ къ его сборнику адербейджанской поэзіи. Этотъ изящно изданный сборникъ представляетъ собою почти всю поэтическую литературу закавказскихъ магометанъ. По свидѣтельству германскаго критика (см. Zarncke, Literarisches Centralblatt 1869, p. 1031), многія пѣсни, въ особенности старшихъ поэтовъ Вакифа и Закира, могли бы въ хорошемъ поэтическомъ переводѣ сравниться и по формѣ, и по содержанію съ лучшими произведеніями новѣйшей германской музы. Въ означенномъ сборникѣ помѣщены произведенія различныхъ поэтовъ, напримѣръ, Вакифа, Кассимъ-Бека Закира, Мессихы, Ашикъ Пери, Ахундова и т. д.

Вакифъ жилъ въ Шушѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, во время правленія тамъ Ибрагимъ-Хана. Про него разсказываютъ, что онъ обладалъ большими свѣдѣніями въ астрономіи, и предсказалъ даже однажды безошибочно лунное затмѣніе, а затѣмъ вскорѣ и землетрясеніе. Этимъ онъ обратилъ на себя вниманіе Ибрагимъ-Хана, который сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ и даже возвелъ въ санъ визиря. Вакифъ считался также искуснымъ строителемъ; такъ дворецъ хана въ Шушѣ, зданіе, гдѣ помѣщались правительственныя мѣста и городскія стѣны, возведены Вакифомъ.

Въ 1796 году, когда шахъ Ага-Могаметъ-Ханъ предпринялъ походъ противъ Грузіи и пограничныхъ ханствъ, онъ наводнилъ своими войсками Карабахъ и обложилъ Шушу. Во время осады онъ велѣлъ бросить въ городъ стрѣлу, съ привязанною къ ней бумажкою, на которой былъ написанъ стихъ:

„Изъ небеснаго орудія, метающаго снаряды, изрыгаются камни, приносящіе смерть и разрушеніе; а ты, въ твоемъ ослѣпленіи, защищаешься противъ нихъ въ крѣпости стеклянной“.

Въ отвѣтъ на это Ибрагимъ-Ханъ велѣлъ пустить стрѣлу съ слѣдующимъ стихомъ:

„Если Тотъ, въ Котораго я вѣрую, есть моя охрана, то Онъ сохранитъ въ цѣлости стекло въ отверстіи, сдѣланномъ камнемъ".

Ага-Могаметъ-Ханъ спросилъ кто написалъ этотъ стихъ, и когда ему назвали Вакифа, то онъ поклялся въ томъ, что убьетъ поэта, какъ только возьметъ Шушу, и дѣйствительно, едва Шуша сдалась, какъ шахъ велѣлъ отыскать убѣжище, куда спрятался Вакифъ, и привести бѣднаго поэта передъ свои грозныя очи. Въ ту самую ночь, однако, которая предшествовала дню, въ которомъ долженъ былъ предстать Вакифъ, самъ шахъ Ага-Могаметъ-Ханъ былъ убитъ рукою своего служителя Сеферъ-Али-Бека. Въ происшедшей за тѣмъ суматохѣ Могаметъ-Бекъ, племянникъ Ибрагимъ-Хана, захватилъ власть въ Карабахѣ, и бѣдный Вакифъ всетаки поплатился жизнію за свою привязанность къ прежнему своему повелителю Ибрагимъ-Хану.

Кромѣ Вакифа мы замѣтимъ въ сборникѣ А. П. Берже еще стихотворенія Кассимъ-Бекъ Закира и Мессихы. Кассимъ-Бекъ умеръ въ Шушѣ въ 1857 году; его произведенія отличаются особенною красотою слога. Мессиха былъ современникъ Вакифа, его стихосложеніе отличается особеннымъ искусствомъ. Изъ новѣйшихъ стихотворцевъ въ особенности выдаются Ашикъ Пери и Ахундовъ.

Въ Карабахѣ, въ деревнѣ Мараліанъ, не берегу Аракса, явилась въ 1829 году 16-ти лѣтняя татарская дѣвица, по имени Ашикъ Пери, замѣчательная не только красотою, но и прекраснымъ поэтическимъ дарованіемъ, въ особенности даромъ импровизаціи. Она вступала въ состязаніе со многими современными поэтами и оставалась всегда побѣдительницею. Въ числѣ ея соперниковъ находился и карабахскій армянинъ Мирза Джанъ Мадатовъ, игравшій важную роль при генералѣ Ермоловѣ и извѣстный не только какъ даровитый поэтъ, но и какъ страстный поклонникъ прекраснаго пола. Мадатовъ явился въ деревню Мараліанъ въ Карабахѣ, гдѣ находилась Ашикъ Пери, и вызвалъ ее на состязаніе въ импровизаціи.

Эта импровизація Ашикъ Пери по настоящее время сохранилась въ памяти народной какъ единственное воспоминаніе поэтическаго таланта этой замѣчательной женщины (см. сборникъ А. П. Берже, стр. 126—128). Ашикъ Пери умерла въ 1833 году.

Послѣднимъ по времени — last not least, говоря съ агличанами — мы назовемъ Мирза-Фетъ-Али Ахундова, еще недавно состоявшаго здѣсь въ Тифлисѣ переводчикомъ при главномъ управленіи. Онъ, между прочимъ, написалъ нѣсколько комедій и это есть, по отзывамъ знатоковъ, первый и очень удачный опытъ на этомъ поприщѣ татарской словесности. Эти комедіи были переведены и на русскій языкъ и

нѣсколько разъ давались и на нашей сценѣ, напримѣръ: «Мостали Шахъ, знаменитый колдунъ».

Приведемъ здѣсь переводъ поэтическаго состязанія между Ашикъ Пери и Мирза Джаномъ, о которомъ выше было говорено. Ашикъ Пери обращается къ Мирза Джану какъ къ извѣстному поэту, человѣку современности, и вызываетъ его говорить о разныхъ вопросахъ изъ метафизики и мусульманскаго богословія.

„О поэтъ, ты мужъ современный, говори съ майдана, выучивъ наизустъ книгу жемчужную, говори отъ души".

„Есть семь земель, семь небесъ, семь вопросовъ (выучиваемыхъ) наизустъ; семь мыслей, семь омовеній, семь жемчужинъ равно совершенныхъ".

„Семь созвѣздій, семь планетъ, восемь раевъ безподобныхъ; семь молитвословій, семь Имамовъ, семь столбовъ знанія".

Мирза Джанъ уклоняется отъ отвѣта. Онъ насмѣхается надъ идеализмомъ Ашикъ Пери и объявляетъ себя поклонникомъ женской красоты:

„Не вдавайся въ пустыя бредни, о роза Пери, говори лучше о другѣ. Мнѣ что за дѣло будущая жизнь, твое дѣло говорить что нибудь сердце плѣнительное".

„О семи земляхъ, о семи небесахъ къ чему спрашивать? Я нашелъ одного руководителя и пріобрѣлъ отъ него совершенство".

„Я не стану грустить о раѣ, въ этомъ мірѣ ты дай мнѣ возможность (наслаждаться); о жестокомъ другѣ, обожающемъ любовника, говори".

Ашикъ Пери продолжаетъ все парить въ сферахъ идеала. Теперь она старается выразить, въ довольно загадочныхъ выраженіяхъ, что вѣрованія: евреевъ, христіанъ и мусульманъ въ сущности сводятся къ одному и тому же, и что имя Іисуса и Маріи упоминается съ благоговѣніемъ и въ Евангеліи, и въ Библіи, и въ Коранѣ:

„Одного корня святость и друга Господня (т. е. Авраама) и солнце подобнаго Ерусалимца (Іисуса?). Онъ измѣнилъ (строй) ума человѣческаго и окончательно схватилъ (т. е. основалъ) церковь".

„Ежечасно упоминается наизусть (имя) Іисуса и Маріи, то въ Евангеліи, то въ Джемджимѣ (т. е. Ветхомъ Завѣтѣ), то въ основаніи вѣры (т. е. коранѣ). Говори".

Мирза Джанъ опять уклоняется отъ прямаго отвѣта, причемъ все таки проглядываетъ его азіатское варварство и религіозная нетерпимость:

„Я нашелъ святость друга Господня, солнце подобнаго. На что это мнѣ? Я схватилъ вмѣстѣ съ четками поясъ (молитвенный евреевъ) и жезлъ. На что это мнѣ?".

„Одна Пери дѣлаетъ безумнымъ отъ любви. На что мнѣ величіе Мойсея? Я не люблю ни Тору (т. е. Пятикнижіе), ни Псалтырь. Ты, ударяя въ струны, говори".

Ашикъ Пери осуждаетъ эпикуреизмъ Мирза Джана и находитъ, что это свойственно однимъ язычникамъ. Она совѣтуетъ ему не увлекаться восхваленіемъ розоцвѣтнаго вина, объясняетъ ему, что̀ такое, по ея мнѣнію, христіанство и требуетъ, чтобы онъ велъ бесѣду о душѣ:

„Ты найдешь на пути язычниковъ стремленіе къ наслажденію. Душа и рѣчь твоя да не восхваляютъ розоцвѣтнаго вина".

„Обычай и законъ людей [1]) кресту поклоняющихся зоветъ Іисусъ церковью. Веди бесѣду о душѣ".

На требованіе вести бесѣду о душѣ Мирза Джанъ отвѣчаетъ, что въ его душѣ нѣтъ несбыточныхъ стремленій подниматься птицею въ выспреннія области, бросая тѣло какъ пустую клѣтку. Затѣмъ онъ опять заводитъ рѣчь о жестокосердіи Ашикъ Пери и о томъ, что она отвергаетъ его искательство:

„У меня душа не стремится къ неумѣстнымъ желаніямъ, птицею улетая изъ тѣла и подымаясь словно изъ пустой клѣтки".

„Роза (т. е. Ашикъ Пери) меня обижаетъ, бросая мои стоны міру на вѣтеръ, и стараясь потопить меня ученаго. Объ этомъ глазѣ, проливающемъ кровавыя слезы, говори".

Теперь Ашикъ Пери обращается къ самой себѣ. Она сознаетъ какъ опасно ея вліяніе на всякаго приближающагося къ ней, какъ она ввергаетъ его въ безумную любовь. Но ея задача гораздо выше. Она прошла уже Тарикатъ, т. е. Путь жизни, теперь ей слѣдуетъ проложить путь къ Урфану, тогда она будетъ говорить о жизненной водѣ, о древѣ безсмертія, о райскомъ садѣ Рисвана. Тарикатъ или Путь жизни это есть ученіе, основанное на предписаніяхъ Корана, а Урфанъ—это есть высшая ступень, которую достигаютъ мистики: тогда они наслаждаются созерцаніемъ Божества и всѣхъ чудесъ горняго міра:

„О Пери! твое сердце безумствовало, переходя изъ рукъ въ руки. Ты прошла путь жизни, Тарикатъ, теперь тебѣ слѣдуетъ провести дорогу къ Урфану".

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ по арабски: гальвабали, т. е. слово въ слово: «говорящіе да!» Для уразумѣнія этого нужно знать, что по вѣрованіямъ мусульманъ, когда Богъ сотворилъ первыхъ людей, то онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Знаете ли вы кто я?» Они же отвѣтили: Да! Н. Г.

„Въ морѣ—рыбы, на сводѣ небесъ Марсъ и Сатурнъ. Говори о жизненной водѣ, о вѣтвяхъ дерева безсмертія, о райскомъ садѣ Рисвана".

Тутъ Мирза Джанъ окончательно отказывается далѣе слѣдовать за пареніемъ Ашикъ Пери, и постыдно слагаетъ предъ ней оружіе, проклиная вѣроятно въ душѣ ту минуту, когда онъ вздумалъ вызвать на состязаніе этотъ синій чулокъ, котораго сердце не бьется никакимъ нѣжнымъ чувствомъ. Для насъ же, европейцевъ, мечтательно-идеальная Ашикъ Пери стоитъ неизмѣримо выше грубо чувственнаго Мирза Джана. Поистинѣ, закавказскія мусульманки могутъ гордиться такимъ явленіемъ, какъ Ашикъ Пери [1]). Оно доказываетъ, что въ нихъ, не смотря на внѣшній гнетъ, на гаремную жизнь, все таки теплится божественная искра. О, если бы мы съумѣли придать этой искрѣ надлежащую пищу и развитіе, не отрывая мусульманскую женщину отъ ея вѣрованій, отъ ея среды, какой могущественный рычагъ мы получили бы для поднятія интеллектуальнаго и нравственнаго уровня нашихъ мусульманскихъ соотечественниковъ!

Николай Ив. Гулакъ.

Августъ 1886 г.
Тифлисъ.

---

[1]) Ашикъ Пери не есть вовсе единичное явленіе между женщинами Закавказья. Я слыхалъ отъ здѣшнихъ мусульманъ, что въ настоящее время, въ Карабахѣ, находится нѣкая Фатма, не уступающая Ашикъ Пери въ дарѣ стихотворства. Н. Г.

Адольфъ Петровичъ Берже.

Страница изъ его посмертныхъ записокъ.

† 31 января 1886 г.

Я былъ еще очень молодъ, когда во мнѣ обнаружилась склонность къ путешествіямъ, и въ страны, по возможности, болѣе отдаленныя. Съ лѣтами склонность эта обратилась въ страсть и едва только я покончилъ свои разсчеты съ университетомъ, какъ принялся за осуществленіе завѣтной своей мечты. Окончивъ курсъ по отдѣленію восточной словесности, меня въ особенности увлекалъ Востокъ. Въ этихъ видахъ, спустя нѣсколько дней послѣ послѣдняго экзамена, я обратился къ своему почетному опекуну, Сергію Степановичу Ланскому, исправлявшему тогда должность министра внутреннихъ дѣлъ, съ просьбою исходатайствовать мнѣ высочайшее разрѣшеніе на 6-ти-лѣтнее путешествіе по Египту, Аравіи, Персіи и Турціи, съ ежегоднымъ денежнымъ обезпеченіемъ. Ланской отнесся весьма сочувственно къ моей просьбѣ, обѣщалъ доложить ее государю императору, жившему тогда въ Петергофѣ, и даже назначилъ день для полученія отвѣта. Въ восторгѣ отъ пріема вернулся я домой. Прошло нѣсколько дней въ какомъ-то лихорадочномъ ожиданіи, но вотъ наступилъ срокъ, и я, какъ теперь, помню раннее лѣтнее утро, когда я на лихачѣ мчался къ Выборгской заставѣ, гдѣ, на собственной дачѣ, жилъ Ланской.

Едва успѣлъ я войти въ пріемную, какъ явился Сергій Степановичъ и, улыбаясь, произнесъ:

— Государь совѣтуетъ вамъ ѣхать на Кавказъ.

— Ваше выс—во, отвѣчалъ я,—вѣдь я на Кавказъ не просился; къ тому же государь совѣтуетъ, а совѣтъ можно не принять; тутъ дѣло предоставляется собственной волѣ.

— Вы правы, но не совсѣмъ, совѣтъ государя равносиленъ повелѣнію.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ исполнить волю его величества.

— Непремѣнно, я еще вчера, прибавилъ онъ,—съ отъѣхавшимъ курьеромъ, писалъ о васъ кн. Воронцову. Разсчитываю на скорый отвѣтъ.

Такимъ образомъ, участь моя была рѣшена. Спустя недѣли три былъ полученъ отвѣтъ кн. Михаила Семеновича о причисленіи меня, сверхъ штата, къ его собственной канцеляріи, съ производствомъ мнѣ въ годъ 300 р. Проведя послѣ того мѣсяца три въ кругу родныхъ, я выѣхалъ изъ Петербурга 3-го декабря 1851 года. Въ Москвѣ я случайно нашелъ себѣ попутчика, нѣкоего Мирзу-Аббаса, ѣхавшаго въ Тегеранъ отъ персидскаго посланника Мирза-Мухаммед-Хусейна.

Мирза Аббасъ былъ лучшимъ для меня развлеченіемъ въ дорогѣ. Мы отправились изъ Бѣлокаменной обыкновеннымъ, прямымъ путемъ черезъ Тулу, Воронежъ и Новочеркаскъ на Ставрополь, гдѣ я сдѣлалъ визитъ начальнику Кавказской линіи, ген. Завадовскому. На другой день мы отправились далѣе. Мы ѣхали день и ночь. Мѣстами намъ встрѣчались костры около казачьихъ пикетовъ или на привалахъ отдѣльныхъ частей войскъ. Изъ Екатериноградa и другихъ станицъ до Владикавказа, кромѣ курьеровъ съ конвоемъ, никого послѣ 5-ти часовъ пополудни не выпускали. Далѣе же остановокъ уже не было. Наконецъ, переваливъ черезъ главный хребетъ, я, 31-го декабря, въ 5 часовъ пополуночи, достигъ Тифлиса, гдѣ остановился въ гостинницѣ противъ дома намѣстника, когда-то принадлежавшей Франсуа Дюбеку, а въ то время женившемуся на его вдовѣ бессарабскому мѣщанину и отъявленному мошеннику Александру Бѣльцеву. Это была довольно скверная, но лучшая гостинница въ городѣ. Занявъ комнату и сложивъ въ ней свой небольшой багажъ, я прежде всего отправился въ сѣрныя минеральныя бани. Погода стояла сырая и грязь на немощенныхъ улицахъ была непролазная. Свѣтъ только что брезжился и среди невозмутимой тишины слышались одни крики погонщиковъ муллъ и ишаковъ, навьюченныхъ углями или сѣномъ. Извощиковъ нигдѣ не было видно и мнѣ пришлось, утопая въ грязи, пропонтировать пѣшкомъ цѣлыхъ двѣ версты. Но вотъ я достигъ бань, столь прославленныхъ Пушкинымъ въ его «Путешествіи въ Эрзерумъ». Испытавъ на себѣ всю ловкость тифлисскихъ терщиковъ, уже давно знакомыхъ съ современнымъ массажемъ хотя въ болѣе или менѣе грубой формѣ, я возвратился въ гостинницу, купивъ на дорогѣ въ какой-то лавкѣ съ тульскими товарами цилиндръ. Переодѣвшись, я отправился въ канцелярію намѣстника и тотчасъ же былъ представленъ кн. Воронцову. Маститый старецъ встрѣтилъ меня въ высшей степени благосклонно и, спустя нѣсколько минутъ, отпустилъ, сказавъ:

— О дѣлахъ поговоримъ послѣ, а сегодня прошу васъ встрѣтить у меня новый годъ.

Я былъ сильно утомленъ отъ дороги; бани еще болѣе меня разслабили и потому первою заботою мнѣ было отдохнуть. Приказавъ себя разбудить въ 8 часовъ вечера, я легъ и соснулъ тѣмъ непробуднымъ сномъ, который, полагаемъ, не безъизвѣстенъ всякому дорожному человѣку. Въ 9 часовъ я былъ на балѣ. Весь верхній этажъ намѣстническаго дома былъ ярко освѣщенъ. Общество приглашенныхъ было столько же многочисленное, сколько и разнообразное. Элементы европейскій и азіатскій оказались перемѣшанными и трудно было сказать, который изъ нихъ преобладалъ. Костюмы и туалеты бросались въ глаза своею роскошью и изяществомъ. Между многими военными я обратилъ особенное вниманіе на кн. В. О. Бебутова, П. Е. Коцебу и нѣкоторыхъ другихъ, а также на незадолго передъ тѣмъ передавшагося намъ Хаджи-Мурата, извѣстнаго наиба Шамиля. Въ 10 часовъ въ залу вошли свѣтлѣйшіе князь и княгиня Воронцовы, которой я тутъ же былъ представленъ. Вслѣдъ за появленіемъ хозяевъ, раздались звуки прекрасно составленнаго театральнаго оркестра и начались танцы. Послѣ польскаго, вальса и кадрили, европейскую музыку смѣнила туземная, и я впервые имѣлъ случай познакомиться съ лезгинкою—этимъ извѣстнымъ національнымъ танцемъ, произведшимъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Въ полночь былъ сервированъ роскошный ужинъ, за которымъ весело встрѣтили новый годъ. Затѣмъ снова и еще болѣе оживленно продолжались танцы. Въ 3 часа пополуночи я возвратился домой и бросился въ объятія Морфея.

Я проснулся далеко за полдень. Первою моею мыслью было позаботиться о пріисканіи квартиры, такъ какъ при имѣвшихся у меня 60-ти рубляхъ дальнѣйшее пребываніе въ гостинницѣ было бы крайне неразсчетливо. Но гдѣ найти квартиру, а особенно такую, кото...

Примѣчаніе. На этомъ словѣ обрываются записки незабвеннаго друга и сотрудника нашего Адольфа Петровича Берже, начатыя 20-го января 1886 г.; 31-го января того же года онъ скончался къ величайшему горю всѣхъ его многочисленныхъ почитателей, и какъ ученаго, и какъ писателя. См. очеркъ жизни и трудовъ Ад. П. Берже въ „Русской Старинѣ“ изданія 1886 г. т. XLIX, мартъ, стр. 727—744; его портретъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., т. LI, сентябрь. Ред.

Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ.

Двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности

1862—1887 гг.

Въ маѣ 1887 года многіе петербургскіе литераторы обратились къ Э. К. Ватсону съ слѣдующимъ коллективнымъ письмомъ:

„Глубокоуважаемый Эрнестъ Карловичъ! Двадцать пять лѣтъ тому назадъ выступили вы на литературное поприще и съ тѣхъ поръ неизмѣнно оставались на немъ однимъ изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей. Честность и непоколебимость вашихъ убѣжденій, твердо выдерживавшія напоръ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, талантливое и въ высшей степени добросовѣстное примѣненіе къ дѣлу вашихъ многосторонніхъ знаній и способностей, неусыпное охраненіе вами — всюду, гдѣ представлялись для васъ къ тому возможность и случай — лучшихъ литературныхъ традицій, — все это пріобрѣло вамъ искреннѣйшее уваженіе всѣхъ тѣхъ, для которыхъ, какъ для васъ, дорого дѣло литературы въ истинномъ значеніи этого слова. Они же привыкли высоко цѣнить и любить въ васъ прямаго, искренняго, теплаго человѣка, который и въ житейскомъ отношеніи нигдѣ и никогда не поступался своими благородными мыслями и чувствами.

„Примите-же сегодня, въ двадцатипятилѣтнюю годовщину вашей прекрасной дѣятельности, нашъ сердечный, искренній привѣтъ, заключающій въ себѣ и благодарность за все, сдѣланное вами, и желаніе, чтобъ долго еще физическія силы позволяли вамъ сохранять силы духовныя въ той ненарушимости, которою онѣ отличались до сихъ поръ, и служить ими обществу съ прежнею энергіею, прежнимъ умѣньемъ и прежнею пользою".

Намъ кажется не безполезнымъ дополнить это письмо нѣкоторыми фактическими указаніями. Дѣятельность г. Ватсона хотя и проходила на глазахъ всѣхъ, но не была настолько освѣщена, чтобы общественное мнѣніе могло вполнѣ сознательно присоединиться къ тѣмъ привѣтствіямъ, которыя выражены въ означенномъ письмѣ, вышедшемъ изъ чисто литературной среды.

I.

Э. К. Ватсонъ воспитывался въ одной изъ московскихъ гимназій и блестяще окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по филологическому факультету. Это было въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ. Само собою разумѣется, что идеальныя стороны этой свѣтлой эпохи привлекли и охватили всю душу молодого человѣка, какъ и всю живую и мыслящую часть тогдашняго русскаго общества. Обновлявшаяся жизнь, вызвавшая усиленную работу мысли, заставила литературу и искусство выйти изъ области туманныхъ высотъ и мечтаній или изъ застоявшагося отчужденія отъ сколько нибудь реальныхъ интересовъ. Потребовалось примѣненіе къ дѣлу тѣхъ идеаловъ, которые таились и долго назрѣвали въ умахъ, но которые очень мирно уживались съ самою неприглядною дѣйствительностью. Эта раздвоенность, какъ извѣстно, имѣла для многихъ даже особую привлекательность. Она увеличивала число приверженцевъ гуманныхъ идей и вербовала въ лагерь «людей сороковыхъ годовъ», именно потому, что подобныя сочувствія обходились довольно дешево. Дѣйствительное осуществленіе тогдашнихъ идеаловъ представлялось почти невозможнымъ и, во всякомъ случаѣ, очень отдаленнымъ. Легко было найти сторонниковъ освобожденія крестьянъ, если въ то-же время носители высокой идеи могли преспокойно пользоваться плодами крѣпостнаго труда, ссылаясь на сложность и неразрѣшимость этой задачи или на безполезность и даже вредъ единичныхъ и личныхъ усилій къ ея разрѣшенію. Но шестидесятые годы потребовали перехода отъ словъ и пышныхъ фразъ къ дѣлу. Для каждаго настала провѣрка дѣйствительной силы носимыхъ имъ убѣжденій. Ряды «людей сороковыхъ годовъ» разомъ порѣдѣли. Правительству пришлось почти искусственно группировать искреннихъ приверженцевъ преобразованій. Самъ покойный Государь, какъ теперь вполнѣ выяснено, не разъ сѣтовалъ на свое одиночество въ предпринятомъ имъ великомъ подвигѣ на пользу русскаго народа и всего человѣчества. Твердая воля съумѣла, конечно, побѣдить открытое противодѣйствіе преобразованіямъ и на время обуздать скрытое неудовольствіе. Ясная программа всегда создаетъ сторонниковъ. Но число ихъ стало наполняться и такими людьми, которые примкнули къ дѣлу или подъ давленіемъ чисто личныхъ интересовъ, или съ затаенною надеждою, если не помѣшать созданію новыхъ условій жизни, то какъ можно болѣе съузить ихъ практическое значеніе. За тѣми видными исключеніями, за тѣми государствен-

ными людьми и общественными дѣятелями, имена которыхъ навсегда сохранятся въ лѣтописяхъ русской исторіи и въ благодарной памяти народа, правительство могло опереться только на силы образованной части молодежи, той ея части, которая хотя и родилась и воспиталась при крѣпостномъ правѣ, но не успѣла еще сжиться и пропитаться вредными сторонами крѣпостнаго быта. Среди этой молодежи преобразовательная дѣятельность не только нашла полное сочувствіе и искреннихъ приверженцевъ, но правительству приходилось зачастую даже сдерживать слишкомъ горячее рвеніе или черезчуръ далеко заносившіяся мечтанія. Тутъ-то открылся источникъ тѣхъ горестныхъ недоразумѣній, которыя одно время сблизили самыя крайнія отношенія къ преобразовательной дѣятельности прошлаго царствованія, загромоздивъ дорогу правильному теченію жизни. Въ то время, какъ одни требовали слишкомъ многаго и заносились далеко впередъ, — далѣе всего того добра, которое подтверждалось чужимъ опытомъ и оправдывалось современнымъ знаніемъ,—другіе не хотѣли ничѣмъ поступиться изъ стараго и тянули назадъ. Въ обоихъ случаяхъ получалось отрицательное отношеніе къ тому добру, которое было въ нашихъ рукахъ. Оно не переглось, отрицалось и растрачивалось. Самая неблагодарная задача выпала на долю именно тѣхъ, кто старался охранить и удержать это добро и открыть дорогу дальнѣйшему спокойному и правильному его развитію.

Въ 1860-хъ годахъ образованнымъ людямъ можно было проявить свое содѣйствіе дѣлу обновленія Россіи или на государственной службѣ, или въ журналистикѣ, которая породила тогда еще новую въ нашей жизни силу политической печати. Многіе молодые люди выполнили свое призваніе двумя этими путями; но въ то уже время явилась возможность и спеціализаціи. Если каждый сколько-нибудь талантливый молодой человѣкъ, находясь на службѣ, не могъ не принимать болѣе или менѣе дѣятельнаго участія въ журналистикѣ, благодаря устанавливавшейся тѣсной связи между государственными и общественными интересами, — то возникли и такія условія, которыя давали приложеніе и исключительно публицистическому труду. Э. К. Ватсонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые почти прямо изъ университета вошли въ ряды публицистики и посвятили себя ей исключительно. Первые труды г. Ватсона появились въ наиболѣе уважавшихся въ то время періодическихъ изданіяхъ. Нечего указывать, что эти изданія принадлежали къ либеральному направленію, такъ какъ въ то время вся русская журналистика, съ «Русскимъ Вѣстникомъ» Каткова во главѣ, проявляла самое горячее сочувствіе ко всѣмъ преобразованіямъ. Какъ извѣстно, только во второй поло-

винѣ 1860-хъ годовъ сдѣлалось возможнымъ появленіе реакціоннаго органа въ нашей печати, въ лицѣ «Вѣсти», но эта газета не могла долго существовать, уступивъ свое мѣсто болѣе или менѣе неудачнымъ подражателямъ, въ родѣ «Русскаго Міра». Даже извѣстное дѣленіе нашей умственной жизни на «западническое» и «славянофильское» направленія почти совершенно сгладилось въ то время по отношенію къ главнѣйшимъ вопросамъ тогдашней внутренней жизни.

Солидное образованіе, полученное г. Ватсономъ, а быть можетъ и особенности темперамента, не дозволили ему впасть въ тѣ крайности, которыя увлекли иныхъ молодыхъ людей и нѣкоторыхъ талантливыхъ писателей той эпохи. Мы не встрѣчаемъ г. Ватсона на сторонѣ тѣхъ явленій, которыя окрещены были именемъ «нигилизма». Онъ не отрицалъ всего прошлаго только потому, что оно не было новое. Грубый и узкій матеріализмъ не привлекъ его и не заставилъ позабыть высокое значеніе искусства, поэзіи, научныхъ изысканій. Не былъ г. Ватсонъ и на сторонѣ того «радикализма», который хотя и отрѣшился отъ грубаго матеріализма, но не хотѣлъ признавать «эволюціонной теоріи», воображая, что человѣчество можно передѣлывать и переустраивать по произволу, и чѣмъ разрушительнѣе относиться къ прошлому и настоящему, тѣмъ, будто бы, скорѣе и вѣрнѣе наступитъ золотой вѣкъ общаго счастья и правды.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ г. Ватсона можно было, по тогдашнему, включить въ число «отсталыхъ» или въ пренебрегаемые ряды «постепеновцевъ». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Ватсонъ не былъ и въ числѣ тѣхъ «передовыхъ», которые балагурствовали въ угоду моднымъ вѣяніямъ только потому, что это было выгодно, что легкомысленная болтовня на либеральныя темы встрѣчала болѣе благодарный пріемъ и лавры, нежели отстаиваніе старыхъ устоевъ жизни. Словомъ, г. Ватсонъ принадлежалъ къ самымъ серьезнымъ и искреннимъ сторонникамъ широкаго, полнаго безостановочнаго обновленія нашей жизни, при помощи легальныхъ средствъ, подготовляемыхъ свободною борьбою мнѣній, торжествомъ идей, а не насилій. Онъ находился на сторонѣ того средняго или равноденственнаго теченія жизни, о которомъ упомянуто выше и которое, къ сожалѣнію, встрѣтило потомъ такихъ невоздержанныхъ противниковъ въ двухъ совершенно крайнихъ и враждебныхъ направленіяхъ, но вполнѣ сошедшихся на отрицательныхъ отношеніяхъ къ преобразовательной дѣятельности шестидесятыхъ годовъ и къ ея дальнѣйшему законному развитію.

При такомъ освѣщеніи становятся вполнѣ понятными тѣ факты, которые опредѣляютъ литературно-публицистическую дѣятельность Э. К. Ватсона и которые послужили источникомъ для сочувственнаго

къ ней отношенія со стороны многихъ представителей литературы и журналистики. Г. Ватсонъ принималъ самое видное и дѣятельное участіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», когда эта газета находилась въ рукахъ покойнаго В. Ѳ. Корша. Главною рабочею силою этой газеты былъ Э. К. Ватсонъ, завѣдывавшій иностраннымъ отдѣломъ и раздѣлявшій редакціонные труды В. Ѳ. Корша, въ особенности во время его отлучекъ за границу.

Когда «С.-Петербургскія Вѣдомости» (съ 1875 года) перешли въ другія руки, г. Ватсонъ долженъ былъ искать новаго примѣненія своимъ трудамъ. Онъ примкнулъ къ редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей», поступившихъ въ то время въ руки В. А. Полетики и переименованныхъ потомъ въ «Молву». Здѣсь г. Ватсонъ занялъ то-же мѣсто, которое имѣлъ и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Лучшимъ цѣнителемъ этой дѣятельности является В. А. Полетика, который не разъ свидѣтельствовалъ въ ея пользу и навсегда сохранилъ такія-же дружескія связи съ г. Ватсономъ, какія соединяли съ нимъ до самой могилы и В. Ѳ. Корша [1]).

Въ концѣ 1870-хъ годовъ непрерывная и многолѣтняя журнальная работа настолько подорвала здоровье г. Ватсона, что врачи предписали ему безусловный отдыхъ отъ умственныхъ занятій и продолжительное пребываніе заграницей. Вернувшись, въ 1880 году, въ Петербургъ, Э. К. Ватсонъ не засталъ уже «Молвы». Съ тѣхъ поръ, число періодическихъ изданій въ Петербургѣ все болѣе и болѣе сокращалось. Литературные труженики стали чувствовать тѣсноту отъ недостатка свободнаго мѣста. Въ послѣдніе годы г. Ватсонъ принималъ только отрывочное и случайное участіе въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и занимался переводами. Такъ, онъ сдѣлалъ переводъ прозаическихъ произведеній Виктора Гюго, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ (Вольфа).

Мы увѣрены, что Э. К. Ватсонъ, получивъ привѣтственное письмо

---

[1]) Коршъ скончался 26-го іюня 1883 г. въ Гейдельбергѣ, погребенъ въ іюлѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ. Помѣщаемъ здѣсь его автобіографическую, собственноручную замѣтку изъ II-го тома альбома редакціи „Русской Старины“, „Знакомые“ (стр. 123): „Коршъ, Валентинъ Ѳедоровичъ, род. 23 ноября 1828 года, окончилъ курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1830 году, съ 1856 г. редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, издававшихся тогда отъ университета, съ 1863 года редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, которыя были у него (взяты) въ концѣ 1874 года... съ мая 1877 года негласный редакторъ „Сѣвернаго Вѣстника“, запрещеннаго послѣ одиннадцатимѣсячнаго существованія, а съ октября 1881 года редакторъ „Заграничнаго Вѣстника“.—17-го января 1882 г.“.

Ред.

отъ своихъ литературныхъ и журнальныхъ друзей, пріобрѣлъ высокое нравственное удовлетвореніе и не пожалѣлъ о пережитыхъ имъ невзгодахъ. Въ теченіи всей своей литературной дѣятельности онъ шелъ по той дорогѣ, которая зачастую ведетъ къ нуждѣ, но можетъ вызвать и болѣе или менѣе горячее привѣтствіе, которое на рубли оцѣнить невозможно.

Г. К. Градовскій.

II.

Восполняемъ статью талантливаго публициста нашего Г. К. Градовскаго фактическимъ обзоромъ труженической жизни нашего собрата по журналистикѣ. Приводимъ его автобіографическій листокъ изъ III-го тома нашего альбома „Знакомые“. Ред.

Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ родился 1-го января 1839-го года въ городѣ Волоколамскѣ, Московской губерніи, гдѣ отецъ его служилъ лѣкаремъ. Дѣтство свое провелъ при родителяхъ въ Московской, Смоленской и Курской губерніяхъ. Въ 1848-мъ году былъ привезенъ родителями въ Москву и отданъ во 2-ю московскую гимназію (въ 1850-хъ годахъ единственную классическую, съ обоими древними языками, гимназію во всемъ московскомъ учебномъ округѣ). Въ 1856-мъ году окончилъ въ ней курсъ, съ золотою медалью, съ правомъ на чинъ 14-го класса и съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Въ томъ-же году поступилъ въ московскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, по которому и окончилъ курсъ въ іюнѣ 1860-го года, со степенью кандидата. Въ августѣ того-же года, по рекомендаціи тогдашняго декана факультета, Серг. Мих. Соловьева, былъ приглашенъ учителемъ исторіи, всеобщей и русской, въ старшіе классы 1-го московскаго кадетскаго корпуса, гдѣ и оставался по 13-ое марта 1862-го г., когда оставилъ должность учителя и исключительно посвятилъ себя литературѣ и публицистикѣ.

Еще съ осени 1861-го года онъ началъ принимать участіе въ издававшихся въ то время Вал. Ѳед. Коршемъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, помѣщая въ нихъ разныя компилятивныя статьи, а лѣтомъ 1862-го года напечаталъ въ нихъ же статью о дѣятельности новаго въ то время института мировыхъ посредниковъ въ Смоленской губерніи. Весною 1862-го года пріѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ, познакомился съ редакціей „Современника“ и, по ея предложенію, написалъ для этого журнала статью „О прусской конституціи“. („Современникъ“ за 1862 г., кн. V). Въ октябрѣ 1862-го года онъ совсѣмъ переселился въ Петербургъ и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, по политическому отдѣлу, издававшейся въ то время Ник. Григ. Писаревскимъ газеты „Современное Слово“. Въ то же время онъ, по приглашенію г. Писаревскаго, взялъ на себя составленіе III тома, издававшагося редакціей „Современнаго Слова“, „Обзора европейскихъ конституцій“. Въ этотъ третій

томъ вошли исторія и обзоръ конституцій: бельгійской, голландской и піемонтской. (Первый томъ этого „Обзора“ составленъ былъ покойнымъ А. В. Лохвицкимъ, а второй—докторомъ В. Ханкинымъ).

При возобновленіи въ январѣ 1863-го года, послѣ семи-мѣсячной пріостановки, изданія журнала „Современникъ“, Н. А. Некрасовъ и А. Н. Пыпинъ обратились къ Ватсону съ предложеніемъ взять на себя веденіе ежемѣсячнаго политическаго отдѣла въ „Современникѣ“,—по рекомендаціи сотрудника, прежде завѣдывавшаго этимъ отдѣломъ въ журналѣ,—и затѣмъ въ 41 книгѣ „Современника“ (съ января 1863-го г. по май 1866-го года) политическій отдѣлъ въ этомъ журналѣ принадлежалъ перу Ватсона. Кромѣ того, за это время имъ помѣщенъ въ „Современникѣ“ еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей, а именно: „Шульце-Деличъ и Лассаль“, „Манчестерская школа въ Англіи и англійскіе рабочіе союзы“, „Что такое великіе люди въ исторіи?“ (по поводу сочиненія Наполеона III: „Исторія Юлія Цезаря“), „Авраамъ Линкольнъ“ (по случаю трагической смерти Линкольна въ апрѣлѣ 1865-го года) и, наконецъ, довольно обширную статью, печатавшуюся въ нѣсколькихъ книжкахъ „Современника“—„Огюстъ Контъ и позитивная философія“. Въ мартѣ 1866-го года, когда М. М. Стасюлевичъ возобновилъ изданіе „Вѣстника Европы“ (въ первые годы книжки выходили по четыре раза въ годъ), онъ также предложилъ Ватсону веденіе политическаго отдѣла въ своемъ журналѣ, что и продолжалось до осени 1867-го года.

Въ маѣ 1866-го года, по прекращеніи изданія журнала „Современникъ“, Вал. Ѳед. Коршъ (въ газетѣ котораго, какъ сказано выше, Ватсонъ въ 1861-мъ году, въ Москвѣ, впервые выступилъ на журнальное поприще), предложилъ ему заступить въ издававшихся имъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ мѣсто выбывшаго изъ Петербурга Ник. Вик. Альбертини и перешедшаго въ адвокатуру К. К. Арсеньева—по веденію политическаго отдѣла газеты. Года полтора Ватсонъ соединялъ работу въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ съ вышеупомянутой работой для „Вѣстника Европы“, но съ осени 1867-го года онъ весь отдался „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“. Уже съ 1868-го года онъ, сохраняя за собою политическій отдѣлъ газеты, сталъ помогать В. Ѳ. Коршу по редакціонной работѣ вообще; а въ 1869-мъ году онъ оффиціально былъ утвержденъ со-редакторомъ В. Ѳ. Корша по изданію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и съ этихъ поръ до 31-го декабря 1874-го года посвятилъ себя всецѣло этой газетѣ, очень часто замѣняя собою нуждавшагося въ продолжительномъ отдыхѣ и потому неоднократно уѣзжавшаго на долгое время изъ Петербурга Вал. Ѳед. Корша. Многія передовыя статьи по иностранной политикѣ и рядъ статей о необходимости введенія налога на капиталъ, появлявшихся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ этой эпохи, принадлежали его перу.

Ватсонъ издалъ монографію: „Эпилогъ франко-прусской войны. Очеркъ исторіи парижской коммуны“.

Въ маѣ же мѣсяцѣ 1875-го года тогдашній издатель газеты „Биржевыя Вѣдомости“ (переименованной впослѣдствіи въ „Молву“) Вас. Апол. Полетика пригласилъ Ватсона къ сотрудничеству въ своей газетѣ. Принявъ на себя и здѣсь, какъ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, завѣдываніе политическимъ отдѣломъ и писаніе передовыхъ статей по иностранной политикѣ, Ватсонъ принималъ въ качествѣ помощника г. Полетики дѣятельное участіе въ редактированіи газеты вообще. Кромѣ того, когда въ 1877—1878

годахъ В. Ѳ. Коршъ снова выступилъ на журнальное поприще съ газетой „Сѣверный Вѣстникъ“, Ватсонъ, не прекращая занятій своихъ въ „Молвѣ“, опять явился сотрудникомъ В. Ѳ. и по этой новой его газетѣ. Занятія по двумъ газетамъ не помѣшали ему согласиться на предложеніе генерала М. Н. Анненкова—принять участіе, въ качествѣ сотрудника, въ трудахъ высочайше учрежденной, подъ предсѣдательствомъ гр. Э. Т. Баранова, коммиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи.

Съ прекращеніемъ весною 1879-го года газеты „Сѣверный Вѣстникъ“, а весною 1881-го года изданія газеты „Молва“, прекращается почти и журнальная дѣятельность Ватсона. Нѣсколько мѣсяцевъ составленія „Земскихъ Обозрѣній“ для „Голоса“, нѣсколько фельетоновъ по иностранной общественной жизни въ „Русскія Вѣдомости“, нѣсколько десятковъ „Политическихъ Хроникъ“ въ „Недѣлю“, кратковременное сотрудничество въ недолговѣчномъ „Заграничномъ Вѣстникѣ“ В. Ѳ. Корша (прекратившемся со смертью В. Ѳ.), въ „Новостяхъ“ и въ „Изящной Литературѣ“ П. И. Вейнберга — вотъ и весь журнальный балансъ Ватсона за послѣднія шесть лѣтъ.

Въ 1883-мъ году Ватсонъ, по приглашенію покойнаго М. О. Вольфа, принялъ на себя переводъ для предпринимавшагося Вольфомъ полнаго изданія сочиненій Виктора Гюго въ русскомъ переводѣ, переводъ всѣхъ романовъ В. Гюго (за исключеніемъ „Les Misérables“), первый томъ которыхъ и вышелъ въ свѣтъ осенью 1886-го года, содержа въ себѣ исключительно переводъ Ватсона. Многіе труды Ватсона, оригинальные, компилятивные и переводные, напечатаны также въ издававшейся А. Е. Ландау „Еврейской Библіотекѣ“ и въ издаваемомъ имъ и понынѣ журналѣ „Восходъ“.

О САНЯХЪ, УПОТРЕБЛЯВШИХСЯ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ

русскихъ великихъ князей, царей и царицъ.

Въ засѣданіе св. синода, 28 января 1725 года, прибылъ полковникъ, онъ же и синодальный оберъ-прокуроръ, г. Болтинъ, и предложилъ записать въ журналъ, что вице-президентъ св. синода преосвященный Ѳеофанъ, архіепископъ Псковскій и Нарвскій, объявилъ ему словесно постановленіе общаго собранія св. синода и высокоправ. сената о томъ, чтобъ немедленно былъ посланъ съ нарочно-посылаемымъ отъ сената полполковникомъ Зыбинымъ указъ, къ оставшимся въ Москвѣ членамъ св. синода, о присылкѣ въ С.-Петербургъ двухъ украшенныхъ крестовъ, одного изъ Успенскаго собора, а другаго изъ церкви Успенія Пресв. Богородицы, что на Покровкѣ, называемаго Сверчковской. И тотъ, и другой назначались для учреждаемой въ С.-Петербургѣ церемоніи погребенія усопшаго императора Петра Великаго.

По предложенію этому св. синодъ приказалъ выслать изъ Москвы немедленно два хрустальные запрестольные креста, находящіеся въ большомъ Успенскомъ соборѣ, а вмѣстѣ съ ними приказалъ выслать и письменное, о церемоніальномъ преждепреставльшихся государей Россійскихъ погребеніи, извѣстіе.

Состоявшійся по сему указъ подполковникъ Зыбинъ доставилъ въ Москву 5 февраля, въ 2 часа пополудни, и находящіеся тамъ члены св. синода: Леонидъ, архіепископъ Сарской и Подонской, и Іерофей, архимандритъ Новоспасской, немедленно приказали внести кресты изъ Успенскаго собора въ Синодальную крестовую палату, что и было исполнено протопопомъ Ѳедоромъ Панкратьевымъ и ключаремъ Родіономъ Евсеевымъ. По осмотрѣ и подробной описи крестовъ, они были вложены въ нарочно-сочиненные ковчеги, и, по запечатаніи синодальною печатью, вручены нарочно-посылаемому отъ конторы прав. сената

въ С.-Петербургъ капитану Семеновскаго полка г. Родію, вмѣстѣ съ выписями изъ записныхъ книгъ о погребеніи царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей.

По доставленіи крестовъ въ С.-Петербургъ, они были препровождены отъ св. синода, 15 февраля, къ распоряжавшемуся устройствомъ церемоніи генералъ-фельдцейхмейстеру графу Брюсу; полученными же при этомъ выписями, о погребеніи въ Москвѣ царей, св. синодъ намѣревался воспользоваться какъ указаніемъ и пособіемъ на порядокъ при погребеніи въ С.-Петербургѣ скончавшагося императора. Но такъ какъ вслѣдъ сему былъ присланъ въ св. синодъ отъ графа Брюса проектъ устраиваемой по сему церемоніи съ участіемъ въ ней: конныхъ и пѣшихъ фуріеровъ, лошадей въ печальныхъ и цвѣтныхъ уборахъ, рыцарей въ черныхъ и золотыхъ латахъ, маршалковъ, церемоніймейстеровъ, гофмейстеровъ, герольдмейстеровъ, литавръ, штандартовъ и прочихъ заморскихъ и зарубежныхъ новшествъ, до того несходныхъ съ старыми православно-русскими обычаями, значущимися въ выписяхъ, что эти послѣднія ни къ чему послужить не могли.

Выписи эти, въ настоящее время, находятся въ архивѣ св. синода, при дѣлѣ о погребеніи Петра Великаго, и ни одна изъ нихъ не была напечатана. А такъ какъ въ печати нашей находится очень немного описаній погребенія царей, и притомъ описанія эти, во 1-хъ, очень кратки, а во 2-хъ, помѣщены въ такихъ изданіяхъ, какъ напримѣръ: Древняя Россійская Вивліоѳика, второе изданіе которой вышло въ 1789 году, или Выходы государей и Дворцовые разряды, которые мало доступны большинству читателей, то не безъизлишне помѣстить хоть одну изъ упоминаемыхъ выписей на страницахъ «Русской Старины».

Избирая для сего выпись о погребеніи царя Ѳеодора Алексѣевича, какъ заключающую въ себѣ болѣе подробностей, приводимъ содержаніе ея въ точномъ спискѣ:

«В) 190 (1682) году апрѣля въ 27 день, въ четвертокъ, во 12-мъ часу дня, въ послѣдней четверти, приходили отъ великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, къ святѣйшему патріарху, въ Крестовую палату, Ларіонъ митрополитъ Суздальской, да укладничей Иванъ Петровичъ Чаплыгинъ. И святѣйшій патріархъ, пришедъ въ соборную церковь и облачась во святительскую одежду, ходилъ съ ризою Господнею къ великому государю въ верхъ, ризъ-положенскою лѣстницею; а отъ великого государя ризу Господню принесъ въ соборную церковь Варсоноѳій, митрополитъ Сарской и Подонской, тое жъ лѣстницею.

«И въ 13-мъ часѣ дня, въ первой четверти, великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичь всеа Великія и Малыя и Бѣлыя

Россіи самодержецъ, оставя земное царство, преселися въ вѣчный покой,—и бысть благовѣстъ въ болшой колоколъ.

«И того жъ часа въ верху, въ комнатѣ и въ передней, при святѣйшемъ патріархѣ и при властехъ: бояря, и окольничіе, и думные, и ближніе люди, стольники, и стряпчіе, и дворяне, и дьяки и жильцы,—а въ соборной церкви—всякихъ чиновъ люди цѣловали животворящій крестъ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу; а въ то время въ соборной церкви были: митрополиты Іона Ростовской, Филаретъ Нижегородской, Иларіонъ Суздальской, да бояринъ Петръ Михайловичь Салтыковъ, думной дворянинъ Богданъ Ѳедоровичь Полибинъ, думной дьякъ Григорій Богдановъ.

«Апрѣля въ 28-й день въ пятокъ, въ 3-мъ часу дня, въ 1-й четверти, былъ благовѣстъ въ болшой колоколъ изрѣдка къ выносу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, тѣла его государского. По благовѣсту святѣйшій патріархъ ходилъ въ верхъ къ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, ризъ-положенскою лѣстницею, и власти собирались въ Крестовую полату; и отъ великого государя святѣйшій патріархъ сошелъ въ 4-мъ часу дня въ 1-й четверти, тою лѣстницею. А въ 3-й четверти 4-го часа, святѣйшій патріархъ со властьми изъ Крестовой шелъ въ соборную церковь большею. И облачась во архіерейскія одежды изъ соборной церкви святѣйшій патріархъ и митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, протопопы, ключари, и соборные и приходскіе священницы и діаконы, и весь освященный соборъ, во облаченіяхъ со крестами и со иконами, шли въ верхъ, для выносу государского тѣла среднею лѣстницею Красного крыльца. И въ то время былъ звонъ перемѣняясь во всѣ колокола изрѣдка, а народомъ роздавали свѣщи. А съ верху святѣйшій патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами и со иконами, шли въ соборъ Архангела Михаила въ 5-мъ часу дня, въ послѣдней четверти; а за крестами несли государское тѣло стольники и стряпчіе, подъ аксамитомъ, и шли бояре, и окольничіе, и думные, и ближніе люди въ черномъ платьѣ; и за государскимъ гробомъ несли благовѣрную государыню царицу и великую княгиню Марѳу Матвѣевну на черномъ сукнѣ; а за царицею шелъ великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, въ смирномъ платьѣ, и за великимъ государемъ шла мать его государева благовѣрная государыня царица и великая княгиня Наталія Кириловна. А съ Красного крыльца государской гробъ

и благовѣрную государыню царицу и великую княгиню Марѳу Матвѣевну несли въ соборъ Архангела Михаила въ саняхъ стольники и стряпчіе. И великій государь проводилъ государской гробъ въ соборъ Архангела Михаила и, простясь у государского гроба, пошелъ въ свои государскія хоромы благовѣщенскою лѣстницею; а святѣйшій патріархъ его великого государя провожалъ въ верхъ во архіерейской одеждѣ. И проводя его великаго государя, пришедъ святѣйшій патріархъ въ соборъ Архангела Михаила, служилъ со властьми божественную литоргію; и послѣ литоргіи было дѣйство погребенія государского тѣла по чину; а у литоргіи и у погребенія была благовѣрная государыня царица и великая княгиня Марѳа Матвѣевна [1]) и бояра, и окольничіе, и думные, и ближніе и всякихъ чиновъ люди. А какъ государской гробъ опущали въ гробницу и въ то время былъ звонъ противъ прежняго. И послѣ погребенія святѣйшій патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами и со иконами, шли въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и бысть звонъ по тому жъ. И пришедъ святѣйшій патріархъ въ соборную церковь и подавъ всѣмъ благословеніе, и со властьми пошелъ въ Крестовую полату. И по Крестовой былъ столъ, и святѣйшій патріархъ кушалъ въ Крестовой же. А столовое кушанье и питье было государское. Кормилъ святѣйшаго патріарха и властей боярин и дворецкой князь Василій Ѳедоровичъ Одоевской. И послѣ стола была литія за упокой блаженныя памяти по великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцѣ.

«А послѣ литіи была заздравная чаша о многолѣтномъ здравіи великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца».

Какъ изъ упоминаемыхъ выписей, такъ и изъ описаній, помѣщенныхъ въ вышеозначенныхъ изданіяхъ, видно, что при погребеніи особенная обрядность заключалась въ саняхъ, на которыхъ относились тѣла усопшихъ царей и царицъ. Это послѣднее видно изъ описанія погребенія Агафьи Симеоновны, супруги царя Ѳеодора Алексѣевича, скончавшейся 14 іюля 1681 года [2]). Но соблюдалось ли это при погребеніи царевичей и царевенъ, утвердительно сказать нельзя, такъ какъ единичное указаніе, что тѣло царевны Татіаны Михайловны «несли на одрѣ, а не на саняхъ» [3]) не говоритъ положительно ни за, ни противъ.

---

[1]) На выносѣ и при погребеніи присутствовала и царевна Софья Алексѣевна. См. Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. XI, стр. 212.

[2]) Дочь Симеона Федоровича Грушецкаго. Повѣнчана съ царемъ 18 іюля 1680 года. О погребеніи ея см. Древнюю Росс. Вивліоѳику, ч. XI, стр. 208.

[3]) См. тамъ же, стр. 215. А. Т.

Впрочемъ, почетъ для саней былъ еще и въ томъ, что овдовѣвшихъ царицъ относили на нихъ какъ въ церковь при погребеніи царя, такъ и изъ церкви послѣ погребенія. Первое видно изъ приведенной выше сего выписи, а послѣднее изъ выписи о погребеніи царя Алексѣя Михайловича, гдѣ значится: «Государыню царицу и великую княгиню Наталію Кириловну несли изъ церкви въ верхъ въ саняхъ, рундукомъ, на среднюю лѣстницу».

Замѣчательно, что царь Петръ Алексѣевичъ при погребеніи братьевъ своихъ, царей Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей, просто шелъ за ихъ гробами; тогда какъ при погребеніи царя Алексѣя Михайловича сына его, царя Ѳеодора Алексѣевича, несли въ креслахъ.

Гонитель старыхъ обычаевъ какъ бы видѣлся въ Петрѣ и въ то время, не смотря на то, что при погребеніи старшаго брата Петру не было и 10 лѣтъ.

Послѣ всего этого самъ собою рождается вопросъ: откуда же взялся обычай относить усопшихъ государей изъ дворцовъ ихъ къ мѣсту погребенія въ саняхъ, и почему эти послѣднія удостоились такого почета?

Что обычай этотъ существовалъ въ давнія времена, такъ на это есть указаніе въ лѣтописи Нестора, гдѣ подъ 15 числомъ іюля 1015 года значится про мощи великаго князя Владиміра Святославича: «възложьше и на сани, везъше, поставиша и въ святѣй Богороди» [1]). Затѣмъ въ рукописномъ житіи св. Бориса и Глѣба есть рисунокъ, на 79 страницѣ, подъ заглавіемъ: «несуть святого Бориса на погребеніе», гдѣ видно, что мощи князя положены на сани, которыя несутъ четыре отрока. Въ этомъ же житіи есть другой рисунокъ, на 128 стр., подъ заглавіемъ: «несуть святого Глѣба на санкахъ въ рацѣ каменѣ». Текстъ же къ этому рисунку говоритъ: «вземше Глѣба въ рацѣ каменоу, въставивше на сани и емше оужи повезоша». Въ живой зависимости отъ этого обычая великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, составляя свое духовное завѣщаніе, или поученіе дѣтямъ, поясняетъ причину, побудившую его къ составленію этого завѣщанія, говоря: «Сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похваливъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади» [2]). Тотъ же

---

[1]) См. Лаврентьевскую лѣтопись, изданіе Археографической коммиссіи, 1846 года, т. I, стр. 56.

[2]) См. тамъ же, годъ 1096, стр. 100. Значеніе словъ „сѣдя на санехъ“ неизвѣстный издатель Духовнаго завѣщанія, Спб., 1793 года, объясняетъ „будучи при дверяхъ гроба“. Одинаково съ этимъ такъ же неизвѣстный авторъ книги: „Старина русской земли“, Москва, 1866 года, эти же слова объясняетъ: „предъ смертью, стоя, какъ говорится, одною ногою въ могилѣ“. А. Т.

обычай существовалъ и въ Владимірѣ на Волыни, что видно изъ сказанія о погребеніи, скончавшагося 10-го декабря 1287 года, великаго князя Владиміра Васильковича: «Княгини же его со слугами дворьными омывше его, и увиша и оксамитомъ со круживомъ, якоже достоить царемъ, и возложиша и на сани, повезоша до Володимѣря; горожане же отъ мала и до велика, мужи и жены и дѣти, с плачемъ великимъ проводиша своего господина. Привезъшимъ же и во Володимѣрь у епископью ко святоѣ Богородици, и тамо поставиша и на санѣхъ во церкви, зане бысть поздно» [1]). Все это указываетъ на существованіе упоминаемаго обычая съ начала введенія христіанства въ Россіи; но ни мало не разъясняетъ вопроса: откуда взялся этотъ обычай, и почему именно не другое что, а сани удостоились такого почета?

Намъ кажется, что разъясненіемъ этого вопроса можетъ служить обычай, существующій съ незапамятныхъ вѣковъ у крестьянъ—глухихъ Вологодскихъ уѣздовъ, которые во всякое время года отвозятъ своихъ покойниковъ на погостъ, или кладбище, и теперь не иначе какъ на саняхъ, и сани, вслѣдъ этому, покидаются на могилѣ, перевернутыми вверхъ полозьями. И то, и другое дѣлается по глубокому тайному вѣрованію, что покойнику пріятнѣе добраться до могилы не на иномъ чѣмъ, какъ на саняхъ, и что они же пригодятся ему и впослѣдствіи. Не даромъ же норманъ, сынъ бурнаго моря, хоронилъ себя въ своей неразлучной подругѣ—лодкѣ; не даромъ же дѣти вольныхъ степей, печенѣгъ, половецъ, хоронили съ собою своихъ вѣрныхъ друзей—ретивыхъ коней; не даромъ же и теперь мордвинъ, чувашанинъ, черемисъ кладутъ своимъ покойникамъ въ гробъ или трубку съ табакомъ, или качадыкъ съ лыками. Если же норманъ во времена доисторическія вѣрилъ, что ему безъ лодки не обойтись на томъ свѣтѣ; если печенѣгу или половцу нельзя было показаться тамъ же безъ своего коня; если мордвину и чувашанину и теперь скучно на томъ же свѣтѣ безъ табаку, или безъ плетенія лаптей,—то отъ чего же въ былое время славянину, а затѣмъ русскому человѣку не стосковаться въ темной и душной могилѣ по своей родимой матушкѣ-зимѣ и не вырваться оттуда въ часъ полуночный, да при блескѣ яснаго мѣсяца, на свѣжемъ чистомъ воздухѣ, не прокатиться на своихъ санкахъ по свѣту вольному!

Аскалонъ Труворовъ,
членъ Археографической коммиссіи.

5-го ноября 1887 г.

[1]) См. Лѣтопись по Ипатскому списку, изданіе Археографической коммиссіи. 1871 года, стр. 604.

ПАВЕЛЪ ОЗЕРЕЦКОВСКІЙ,

первый, по времени, оберъ-священникъ.

[Изъ дней Павла I.

Постъ оберъ-священника (нынѣ главный священникъ) арміи и флота, какъ извѣстно, учрежденъ императоромъ Павломъ Петровичемъ.

Не знаю, сохранилось-ли гдѣ нибудь преданіе о томъ—какъ и при какихъ обстоятельствахъ послѣдовало это учрежденіе; но вотъ что я слышалъ объ этомъ отъ одного близкаго мнѣ лица, сошедшаго уже въ могилу. Разсказъ этотъ представляется весьма правдоподобнымъ какъ по самой характерности случая, что было въ то время не рѣдкостію, такъ и потому, что лицо, отъ котораго мнѣ довелось слышать о немъ, было хорошо знакомо съ родными перваго оберъ-священника и, слѣдовательно, могло получить эти подробности изъ болѣе или менѣе достовѣрнаго источника.

Когда у Павла Петровича явилась мысль о назначеніи въ полки особыхъ священниковъ, и о томъ было объявлено св. синоду, со стороны послѣдняго послѣдовало распоряженіе, чтобы епархіальные архіереи немедленно выслали въ Петербургъ нужное количество священниковъ, для назначенія ихъ на вновь учрежденныя при полкахъ должности. Преосвященные, воспользовавшись симъ случаемъ, отправили въ столицу тѣхъ іереевъ, отъ которыхъ, по ихъ слабостямъ и другимъ недостаткамъ и несоотвѣтствію занимаемымъ ими мѣстамъ,—желали избавиться: въ военной-то службѣ исправятъ, дескать, скорѣе. Въ числѣ такихъ-то іереевъ оказался молодой, весьма представительный, не дюжиннаго ума и бойкій на словахъ священникъ Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій (кажется, братъ извѣстнаго члена академіи наукъ Николая Яковлевича Озерецковскаго),—не нравившійся епархіальному начальству, какъ можно полагать, не столько по какимъ

либо другимъ причинамъ, сколько, быть можетъ, по характеру и не всегдашней сдержанности его въ тѣхъ отношеніяхъ, какія существуютъ въ духовной іерархіи и какія въ то время требовались суровѣе.

По волѣ императора всѣ явившіеся кандидаты на новыя должности должны были быть представлены его величеству. Разумѣется, приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы пріѣзжіе священники предстали предъ монархомъ въ соотвѣтственномъ видѣ и въ томъ порядкѣ, какой тогда строго соблюдался. Сами представлявшіеся, изъ коихъ нѣкоторые не имѣли даже случая лицезрѣть императора, трепетали; оставался не смущеннымъ одинъ только о. Озерецковскій. Въ назначенное время эти священники были привезены во дворецъ и, по заведенному порядку, выстроены по ранжиру въ пріемной комнатѣ. Случилось такъ, что Павелъ Яковлевичъ оказался ростомъ выше сотоварищей и потому всталъ на правомъ флангѣ.

Императоръ, выйдя быстро изъ кабинета, прямо обратился съ вопросомъ къ о. Озерецковскому:

«Какъ тебя зовутъ?»

— «Павелъ, ваше императорское величество», громко и безъ всякаго смущенія отвѣтилъ вопрошаемый.

Случайная тождественность имени Озерецковскаго съ именемъ государя, открытое лицо, прямой взглядъ и несмущенность его въ отвѣтѣ обратили на себя вниманіе его величества. Окинувъ взоромъ молодаго священника, государь быстро обошелъ остальныхъ и, вернувшись къ Озерецковскому, спросилъ его уже болѣе мягко:

— «Какъ ваше отчество?»

«Павелъ Яковлевъ Озерецковскій, в. и. в.», также прямо отвѣчалъ священникъ.

Государь направился въ кабинетъ; но, дойдя до двери, обернулся къ Озерецковскому и сказалъ:

— «Павелъ Яковлевичъ, пожалуйте сюда».

Озерецковскій смѣло послѣдовалъ за государемъ и дверь тотчасъ же закрылась. О чемъ изволилъ бесѣдовать императоръ съ Озерецковскимъ — неизвѣстно и можно думать, что послѣдній не распространялся объ этомъ ни съ кѣмъ; по крайней мѣрѣ, о содержаніи этого разговора я ничего не слыхалъ; но дѣло въ томъ, что вошедшій вскорѣ того въ кабинетъ, по звонку государя, дежурный засталъ уже Озерецковскаго сидящимъ тамъ; приказано было тотчасъ же подать камилавку и затѣмъ послѣдовательно какіе-то ордена, — какіе, теперь не упомню хорошо; въ заключеніе государь, снявъ съ себя мальтійскій крестъ и надѣвая его на Озерецковскаго, — сказалъ:

— «Павелъ Яковлевичъ, — я назначаю васъ оберъ-священникомъ моихъ арміи и флота; отнынѣ вы имѣете доступъ ко мнѣ во всякое время дня и ночи».

Подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности перваго оберъ-священника я не имѣю, но слышалъ только, что онъ въ одномъ важномъ случаѣ, пользуясь расположеніемъ къ нему императора Павла и даннымъ ему правомъ являться къ его величеству днемъ и ночью, — оказалъ величайшую услугу государству. Объясняли мнѣ это такимъ образомъ: однажды, въ моментъ раздраженія, Павелъ Петровичъ далъ такой приказъ генералъ-губернатору, приведеніе въ исполненіе котораго вызвало бы весьма печальныя послѣдствія. Приказъ этотъ былъ данъ вечеромъ, а въ 6 часовъ утра онъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Генералъ-губернаторъ не зналъ, что дѣлать. Въ этомъ критическомъ положеніи онъ рѣшился обратиться за помощью къ оберъ-священнику. Это было уже около 12 часовъ ночи. Протоіерей Озерецковскій, выслушавъ генералъ-губернатора, — тотчасъ же одѣлся какъ слѣдуетъ быть во дворцѣ и отправился туда. Часовымъ всѣмъ извѣстно было о правѣ пріѣзда Озерецковскаго во дворецъ во всякое время и потому онъ безъ всякой задержки былъ пропущенъ до самаго кабинета государя. Подойдя къ дверямъ, —Озерецковскій слегка постучалъ въ нихъ и услыхалъ грозный окликъ: «кто тамъ?» «Павелъ Озерецковскій, в. и. в.», отвѣчалъ протоіерей; государь открылъ дверь и, со словами: «ахъ, — Павелъ Яковлевичъ; пожалуйте»,—ввелъ его въ кабинетъ; что тамъ происходило дальше— тоже неизвѣстно; но слышно было, что императоръ быстро ходилъ по кабинету и о чемъ-то горячо говорилъ съ оберъ-священникомъ. Чрезъ нѣкоторое время шаги прекратились и разговоръ, какъ замѣтно было, пошелъ тише,—а затѣмъ послѣдовалъ обычный звонокъ и приказаніе тотчасъ же позвать генералъ-губернатора, — который, конечно, не замедлилъ явиться, ибо ждалъ невдалекѣ, разсчитывая, что во всякомъ случаѣ его потребуютъ... или для полученія приказанія объ отмѣнѣ грознаго повелѣнія, или—для арестованія оберъ-священника, дерзнувшаго безпокоить государя въ такую пору и по такому щекотливому обстоятельству. Кончилось, однако, тѣмъ, что послѣдовало повелѣніе объ оставленіи безъ исполненія суроваго указа.

Но какъ ни высоко поднялся Озерецковскій, онъ, какъ можно полагать, не могъ заглушить въ себѣ того чувства, которое пришлось ему испытать при отправленіи его въ Петербургъ, и потому не оказывалъ особаго уваженія св. синоду, состоявшему изъ іерарховъ, въ числѣ которыхъ, быть можетъ, находился и тотъ, который былъ причиною горя, имъ испытаннаго, — хотя это же горе и послужило

къ его благополучію. Къ указамъ синода онъ относился по своему усмотрѣнію и тѣ, которые ему не нравились, не исполнялъ или испрашивалъ высочайшія повелѣнія объ отмѣнѣ ихъ.

При жизни благоволившаго къ нему государя, конечно, никто не посягалъ на него; но за то, когда императоръ скончался, а съ нимъ пало и значеніе Озерецковскаго, — духовное начальство рѣзко измѣнило свои отношенія къ нему. Оберъ-священникъ не могъ перенести этого удара, и покончилъ съ собою самоубійствомъ чрезъ отравленіе. Эти послѣднія свѣдѣнія, впрочемъ, я получилъ уже гораздо позднѣе, когда мнѣ представился случай видѣть портретъ о. Озерецковскаго, находящійся въ пріемной комнатѣ главнаго священника арміи и флотовъ.

Сообщ. Н. Д. Горемыкинъ.

1815 годъ.

Письмо прапорщика Софійскаго пѣхотнаго полка Василія Ч—ина къ родителямъ.

1816 года, іюля 21-го дня, городъ Овручъ.

Я не смѣю иначе начать письмо мое, какъ повергнувшись заочно къ ногамъ вашимъ, просить великодушнаго прощенія за столь долгое молчаніе!.. Но... любезные батюшка и матушка! Вы должны быть ко мнѣ хотя нѣсколько снисходительнѣе, припомня, что я былъ во Франціи, и что этотъ походъ занималъ нѣкоторую часть времени въ разсужденіи моего писанія. Но я не оправдываюсь!.. Ибо вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы оттуда возвратились, и я, отдыхая, былъ столь уже разнѣженъ, что откладывалъ со дня на день увѣдомить васъ обо всемъ со мною случившемся съ начала 1814 года, т. е. со дня моего выпуска. Родители! я вамъ приношу чисто-сердечную исповѣдь, вы видите во мнѣ кающагося... и хотя во уваженіе моего мученія во время перехода отъ г. Симятичь до Парижа — забудьте этотъ проступокъ; вообразите себѣ!! Не имѣвши лошади, а равно какъ и денегъ, чтобы купить её, и подумавши даже о трудностяхъ похода, я вдругъ испытываю для перваго разу всѣ непріятности онаго! Бывши покрыть

всегда пылью и потомъ, при приближеніи къ Рейну, со дня на день чувствительно терялъ бодрственность съ моимъ здоровьемъ. А Акимъ, если бы вы изволили знать, что потерпѣлъ въ это время! Въ десять разъ болѣе меня онъ съ самаго г. Плотска, что при выходѣ изъ Польши въ Пруссію, несъ на себѣ мой чемоданъ (ибо отсюда уже не стали давать намъ подводъ), не оставя нигдѣ ничего подъ предлогомъ излишняго, — до нашихъ квартиръ г. Шалина; что уже во Франціи, за 30 часовъ отъ Парижа, онъ было пропалъ бѣдный... если бы нѣкоторые изъ солдатъ, сжалившись надъ нимъ, не смотря на тягость, ихъ обременяющую, не помогали бы ему нѣсколько въ его ношѣ. Мы съ сожалѣніемъ смотрѣли другъ на друга и иногда слезы навертывались на глазахъ нашихъ. «Вы больны, сударь», говорилъ онъ мнѣ, когда увидитъ, что я поблѣднѣю отъ усталости, «только сдѣлайте милость не останьтесь въ госпиталѣ, а то я безъ васъ пропаду», и плачетъ!!! «Нѣтъ Акимъ», говорилъ я ему черезъ силу, чтобы ободрить его, «я здоровъ, но ты не брось чемодана, ибо и мнѣ безъ тебя не можно обойтись, кто понесетъ его». Но слава Богу... Онъ и добрыя нѣмецкія и французскія вина поддержали насъ обоихъ; во Франціи же мнѣ очень хорошо, ибо я одинъ только могъ нѣсколько разговориться съ французами и потому и былъ всегда на глазахъ своего шефа, вскорѣ послѣ смотра нашего государя подъ г. Вертю (Vertue), а что это былъ за ревю! Императоры и короли всѣхъ державъ Европы, выключая Отоманской Порты, тамъ присутствовали, а жителей, жителей!! Милліоны, цѣлой Парижъ былъ тамъ... вообразите себѣ поле, на коемъ нѣтъ ни одной лощины, простирающееся во всѣ стороны такъ ровно, по крайней мѣрѣ верстъ на 10 держащее на себѣ 200,000 русскихъ. А какіе маневры мы тамъ сдѣлали, признаюсь, пустили пыль въ глаза французамъ! Мы все дѣлали не по командѣ, а по пушкѣ, которая находилась на превысокой горѣ, по срединѣ поля возвышающейся, гдѣ была императорская палатка; по первомъ выстрѣлѣ изъ высокой пушки мы сдѣлали на караулъ и крикнули ура! оглушили!!! и артиллерія привѣтствовала государя залпами изъ батарей. Послѣ многихъ другихъ нашихъ построеній и мы начали стрѣлять!!! То-то огню!... Мы стояли въ ордеръ-баталіи, т. е. въ три линіи, и мы были въ середней. День былъ прежаркій, дымъ и пыль вѣтеръ несъ прямо на насъ. Ахъ, что это было за зрѣлище, мы уже видѣли изображеніе нашего цѣлаго фронта и притомъ въ чужой землѣ! это пріятно!! Представьте себѣ поля Шампаніи, откуда получаемъ мы самыя лучшія вина! Мы тамъ стояли полгода, но не въ лагеряхъ, а на квартирахъ; описаніе нашего благополучія въ бытность во Франціи чрезвычайно должно быть продолжительно, для чего и оставляю я это до другаго

раза, а скажу вамъ, что вскорѣ послѣ смотра нашего подъ Вертю сдѣланъ я былъ въ одномъ изъ шампанскихъ городовъ, а именно въ Епернѣ (Epernay), комендантомъ, и пробылъ въ сей должности четыре мѣсяца, гдѣ имѣлъ случай достать трехъ хорошихъ лошадей безъ малѣйшей заплаты, равно какъ и нѣкоторыя пособія въ разсужденіи обмундировки. Въ другомъ письмѣ буду я обо всемъ писать гораздо подробнѣе. Да напишите, батюшка и матушка, въ которомъ полку служитъ дядюшка Алферій Алферьевичъ и какимъ чиномъ? Я живу, слава Богу, хорошо и если узнаю, что Всевышній и васъ сохранилъ для отрады моей, то желанія мои будутъ въ полной мѣрѣ удовольствованы. Братца Евгенія и сестрицъ цѣлую заочно и желаю имъ быть веселымъ и счастливымъ, и одна просьба отъ меня—не забывать своего брата!

Впрочемъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія въ надеждѣ, что незадолго получу отвѣтъ отъ васъ, пребываю вашъ всепокорнѣйшій сынъ Василій Ч—инъ.

Сообщ. **Анат. Ѳ. Кони.**

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

Карлъ Брюлловъ, Михаилъ Глинка и Несторъ Кукольникъ,

замѣтка къ изображенію этой группы.

Въ весьма длинномъ ряду достопамятныхъ русскихъ людей дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ, „Русская Старина“ въ теченіи восемнадцати лѣтъ изданія этого ежемѣсячнаго историческаго сборника останавливала особенное вниманіе своихъ читателей на творчествѣ и жизни величайшаго композитора—творца русской оперы—Михаила Ивановича Глинки. Напомнимъ въ помѣщенномъ здѣсь перечнѣ главнѣйшіе изъ матеріаловъ, до его біографіи относящихся и явившихся на страницахъ „Русской Старины“:

Записки Михаила Ивановича Глинки, 1804—1854 гг. Сообщ. Л. И. Шестакова, рожденная Глинка, изд. 1870 г., т. I и II (въ трехъ изданіяхъ).

Михаилъ Ивановичъ Глинка въ воспоминаніяхъ сестры его Л. И. Шестаковой. 1870 г., т. II (въ трехъ изданіяхъ), 1884 г., т. XLIV, 1885 г., томъ XLV.

Воспоминанія Ѳеофила Матвѣевича Толстого, по поводу записокъ М. И. Глинки, 1827—1857 гг. 1871 г., т. III.

Воспоминанія о Михаилѣ Ивановичѣ Глинкѣ, 1825—1855 гг. П. А. Степанова (нынѣ генер.-отъ-инфантеріи). 1871 г., т. IV.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, 1839—1841 гг. Воспоминанія Александра Николаевича Струговщикова. 1874 г., т. IX.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, статья Н. А. Мельгунова. 1874 года, томъ IX.

Историкъ Малороссіи Николай Андреевичъ Маркевичъ, другъ М. И. Глинки. Біографич. замѣтка. Сообщ. И. Дан. Павловскій. 1874 г., т. X.

Михаилъ Ивановичъ Глинка. Первоначальный планъ оперы: „Русланъ и Людмила“. Подлинная рукопись Глинки, принадлежащая П. А. Степанову. Состав. В. В. Стасовъ. 1871 г., т. III.

Письма и программы М. И. Глинки по поводу составленія либретто

К. П. БРЮЛОВЪ,— М. И. ГЛИНКА,— Н. В. КУКОЛЬНИКЪ

ВЪ 1842 Г.

РИСУНОКЪ СЪ НАТУРЫ П. А. КАРАТЫГИНА.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

оперы „Русланъ и Людмила“. Предисловіе и примѣчанія В. В. Стасова. Сообщ. В. В. Ширковъ. 1872 г., т. V.

Первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“, 1835 г. Сообщ. Л. И. Шестакова, рожденная Глинка, съ предисловіями и примѣчаніями къ „Жизни за Царя“. Сообщ. проф. В. В. Никольскій. 1881 г., т. XXX.

Письма М. И. Глинки къ Людвигу Андреевичу Гейденрейху, 1842—1856 годовъ. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1874 г., т. IX.

Письма М. И. Глинки къ А. Н. Сѣрову, къ родителямъ и письмо къ нему К. Булгакова. Сообщ. Л. И. Шестакова, рожденная Глинка. 1883 г., томъ XXXVII.

Отрывокъ изъ письма М. И. Глинки къ Нестору Вас. Кукольнику изъ Парижа, 15 февр. 1845 г. (въ дополн. къ Запискамъ Глинки). 1870 г., т. II (въ трехъ изданіяхъ).

Разсказъ Нестора Вас. Кукольника о кончинѣ М. И. Глинки. Сообщ. И. А. Пузыревскій. 1870 г., т. II (въ трехъ изданіяхъ).

Воспоминанія Л. И. Кармалиной, рожденной Бѣленицыной, о М. И. Глинкѣ и Александрѣ Сергѣевичѣ Даргомыжскомъ. 1875 г., т. XIII.

М. И. Глинка. Разсказъ о немъ доктора и его друга Л. А. Гейденрейха. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1876 г., т. XVII.

Воспоминанія А. Я. Петровой, рожденной Воробьевой, по поводу 500-го представленія оперы М. И. Глинки „Жизнь за Царя“, 27-го ноября 1879 г. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1880 г., т. XXVI.

М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій. Замѣтки по поводу отзывовъ А. С. Даргомыжскаго. Сообщ. П. А. Степановъ. 1875 г., т. XIV.

М. И. Глинка 8-го апрѣля 1836 г. Сообщ. Мих. Пѣтуховъ. 1883 года, томъ XXXVII.

М. И Глинка и А. Г. Рубинштейнъ. (Замѣтка о концертѣ въ пользу памятника М. И. Глинки). 1883 г., XXXVIII.

М. И. Глинка и В. А. Жуковскій. (Изъ альбома „Русской Старины“ автобіографическихъ замѣтокъ русскихъ дѣятелей. Томъ II, стр. 46). Сообщ. въ альбомъ Л. И. Шестакова, рожд. Глинка. 1884 г., т. XLI.

Михаилу Ивановичу Глинкѣ. Акростихъ, составл. NN. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1876 г., т. XVI.

Подписка на сооруженіе памятника М. И. Глинкѣ. 1870 г., т. II (въ трехъ изданіяхъ).

О подпискѣ на памятникъ М. И. Глинкѣ. 1872 г., т. V.

О памятникѣ М. И. Глинкѣ въ Петербургѣ. Замѣтка Ред., 1883 года, томъ XXXVII.

Открытіе памятника М. И. Глинкѣ въ Смоленскѣ, 20-го мая 1885 г. Замѣтка Ред. 1885 г., т. XLVI.

Францъ Листъ и графъ М. Ю. Вьельгорскій въ 1839 г. Сообщ. М. А. Веневитиновъ. 1883 г., т. LII.

Рисунокъ памятника на могилѣ М. И. Глинки въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ Петербургѣ. 1870 г., т. II, при стр. 632.

Снимокъ съ предсмертнаго письма Михаила Ивановича Глинки, отъ 15-го января 1857 г. 1870 г., т. II, изд. 1 и 2, при стр. 624; изд. 3, при стр. 423.

Къ значительному по объему и весьма важному по содержанію для біографіи М. И. Глинки матеріалу, сообщенному на страницахъ „Русской Старины“, прилагаемъ нынѣ интересную картинку: это уменьшенный, но точный ксилографическій снимокъ (гравюра на деревѣ) съ акварели извѣстнаго писателя-артиста, покойнаго Петра Андреевича Каратыгина.

По кончинѣ этого писателя-артиста, нашего дорогаго друга и усерднаго при жизни сотрудника „Русской Старины“, — его почтенный сынъ, Петръ Петровичъ Каратыгинъ, подарилъ намъ акварельный рисунокъ—работы его отца.

Рисунокъ изображаетъ трехъ знаменитыхъ друзей: К. П. Брюлловъ, М. И. Глинка и Н. В. Кукольникъ. Всѣ трое изображены очевидцемъ, ихъ добрымъ пріятелемъ П. А. Каратыгинымъ, на ихъ обычной сходкѣ, въ 1839—1841 гг., у Кукольника — за бутылкою вина, да и не за одною; три таланта, изъ которыхъ двое геніальные русскіе люди, богатыри русской славы, очень, очень часто сходились и коротали время! Глинка игралъ и пѣлъ свои дивныя произведенія, Брюлловъ—въ виду своихъ картинъ—трактовалъ объ искусствѣ, Н. В. Кукольникъ, большой знатокъ художествъ и тонкій цѣнитель искусства, человѣкъ весьма образованный, сообщалъ свои выводы изъ всего, что было имъ прочитано и изучено въ обширной литературѣ иностранцевъ по сему поводу.... А щедрое возліяніе Бахусу подогрѣвало бесѣду.... Объ этихъ сходкахъ см. въ „Русской Старинѣ“ интересныя воспоминанія покойнаго писателя и поэта А. Н. Струговщикова, изд. 1874 г., томъ IX.

Ред.

РУССКІЙ НАРОДЪ

ВЪ ТРЕХЪ-СТАХЪ АКВАРЕЛЯХЪ,

ИСПОЛНЕННЫХЪ

ПРОФЕССОРОМЪ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Солнцевымъ

ВЪ 1827—1887 ГГ.

Имя Ѳедора Григорьевича Солнцева (род. 14-го апрѣля 1801 г.), профессора археологической живописи и старѣйшаго члена Императорской Академіи Художествъ, въ теченіи болѣе нежели шестидесятипятилѣтняго его служенія отечественному искусству, сдѣлалось хорошо извѣстнымъ на всемъ пространствѣ нашего отечества въ средѣ тѣхъ лицъ, которыя сколько нибудь интересуются отечественной стариной, столь мастерски, вполнѣ художественно воспроизводимой имъ въ акварельныхъ неподражаемыхъ рисункахъ. Извѣстно монументальное изданіе, исполненноевъ 1846 — 1853-хъ годахъ иждивеніемъ и повелѣніемъ Императора Николая Павловича, — «Древности Россійскаго Государства», семь громаднѣйшихъ томовъ; оно состоитъ болѣе нежели изъ 500, неподражаемою кистью профессора Солнцева исполненныхъ, рисунковъ. Кромѣ того, до 3.000 оригинальныхъ его рисунковъ отечественной старины, еще не изданныхъ, хранится въ Московской оружейной палатѣ.

Изъ обширныхъ, интересныхъ записокъ Ѳ. Г. Солнцева, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изданіе 1876 г. (томы XV и XVI), нашимъ читателямъ хорошо извѣстенъ весь ходъ самаго усидчиваго труда профессора Солнцева. Изъ тѣхъ же записокъ извѣстно, что для своихъ художественно-археологическихъ произведеній, онъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, совершилъ объѣздъ самыхъ замѣчательныхъ, по старинѣ, городовъ и монастырей русскихъ. Тогда же заинтересовавшись типами и костюмами русскихъ людей обоего пола и различныхъ мѣстностей Россіи, Ѳ. Г. Солнцевъ воспроизвелъ ихъ въ своихъ прелестныхъ акварельныхъ рисункахъ. Вотъ извлеченіе изъ перечня этихъ акварелей Ѳ. Г. Солнцева:

Женщины гор. Курска, Бѣлозерска, Воронежа, Устюжны-Желѣзнопольской, Боровска, Галича (Костромской губ.), Тихвина, Торжка,

Новоторжка, Вышняго Волочка, Твери, Осташкова, Ржева, различныхъ уѣздовъ: Псковской губ., Рязанской, Витебской, Смоленской, Ярославской; гор. Мышкина; рисунки цѣлыхъ группъ изъ обитателей; костюмы Пензенской губ., черемисовъ, Петербургскаго уѣзда, Тамбовской губ. въ различныхъ уѣздахъ, Олонецкой губ., вотяки и вотячки, Тульской губ. въ различныхъ ея уѣздахъ, Нижегородской губ. въ различныхъ ея уѣздахъ, гор. Серпухова, Волынской губ., Калужской, Московской, Владимірской и различные типы въ мѣстныхъ костюмахъ обитателей Малороссійскихъ губ. вообще и Кіевской губ. въ особенности, а также Волынской; старинные костюмы казаковъ и казачекъ, обитателей и обитательницъ Дона; костюмы Польскихъ и Литовскихъ губерній, возсоединенныхъ съ Россіей, причемъ, исполнены какъ костюмы старые XVIII вѣка, такъ и костюмы и типы болѣе поздняго времени, также отдѣльные типы крестьянъ Литвы; польскіе и западно-русскіе евреи, костюмы албанцевъ и венгерцевъ, являющихся въ Россію и въ ней торгующихъ; костюмы славянъ иноземныхъ, живущихъ по торговымъ и другимъ дѣламъ въ Россіи, а также славяне различныхъ мѣстностей Австріи и Балканскаго полуострова; русскіе цыгане и цыганки въ ихъ пляскахъ и въ ихъ обыденномъ быту; различные представители финовъ и чухонъ; типы и костюмы русскихъ людей прошлыхъ столѣтій, изображеніе бояръ, воиновъ, людей торговыхъ; татары и различные русскіе инородцы.

Долгомъ считаемъ обратить вниманіе гг. директоровъ и хранителей нашихъ музеевъ, въ особенности музея рисовальной школы барона Штиглица въ С.-Петербургѣ, на описанный нами альбомъ Ѳ. Г. Солнцева. Это единственное достояніе маститаго художника, но онъ готовъ его продать, въ виду преклонной своей старости (87 лѣтъ), при своей жизни, въ пользу весьма недостаточныхъ своихъ внуковъ и внучекъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ живописи, Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ жительство имѣетъ въ С.-Петербургѣ, Пески, 5-я улица, домъ Семенова. Къ нему и предлагаемъ обратиться, кто пожелаетъ, для переговоровъ объ условіяхъ уступки описаннаго нами живописнаго альбома типовъ и костюмовъ русскаго народа.

Ред.

24-го ноября 1887 г.

Медальонъ Петра I,
пожалованный
архангельскому купцу Д. Баженину.

(См. «Русскую Старину» изд. 1887 г., т. LVI, ноябрь, стр. 554).

Сообщ. **Н. Н. Платуновъ.**

Городъ Слободской,
Вятской губ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1887 г.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

I.

Восемнадцатый годъ изданія „Русской Старины“ представилъ читателямъ не меньшее количество записокъ, воспоминаній и различныхъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ, историческихъ матеріаловъ, какъ и въ предъидущіе годы этого изданія, посвященнаго всесторонней разработкѣ отечественной исторіи, исторіи русской литературы и искусствъ.

Въ отдѣлѣ записокъ и воспоминаній (мемуары) мы можемъ отмѣтить продолженіе записокъ адмирала и перваго по времени морскаго министра Павла Васильевича Чичагова. Записки эти продолжали печататься въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. и продолженіе ихъ протянется еще долгое время. Подлинникъ ихъ, писанный на отдѣльныхъ листахъ и клочкахъ бумаги на французскомъ языкѣ, требуетъ внимательнаго разбора и не менѣе внимательнаго перевода; при томъ текстъ оныхъ обставляется примѣчаніями издателя этихъ записокъ, одного изъ представителей фамиліи Чичаговыхъ. Примѣчанія эти составляются по документамъ, извлекаемымъ изъ различныхъ архивовъ. Въ главахъ записокъ адмирала, напечатанныхъ въ обозрѣваемомъ году, Чичаговъ ведетъ разсказъ объ эпохѣ Екатерины II, повѣствуетъ о великихъ замыслахъ государыни по изслѣдованію Ледовитаго

океана, также о событіяхъ по флоту 1770—1775 гг., характеризуетъ дѣятельность своего достопамятнаго отца, Василія Яковлевича Чичагова, одного изъ славнѣйшихъ русскихъ мореходовъ и вождей нашего флота; затѣмъ Павелъ Васильевичъ переходитъ къ интереснымъ подробностямъ о своемъ воспитаніи и характеризуетъ, въ этомъ отношеніи, нравы и обычаи своего времени, отъ насъ отдаленнаго на цѣлое столѣтіе.

Спокойному разсказу адмирала Чичагова мы можемъ противопоставить желчный, юмористическій, довольно иногда безпорядочный, но всегда чрезвычайно интересный разсказъ его современника—Александра Михайловича Тургенева. Читатели „Русской Старины“ достаточно уже знакомы съ этою интересною личностью. Питомецъ геттингенскаго университета, офицеръ эпохи Екатерины II и Павла I, губернаторъ послѣдовательно въ двухъ губерніяхъ, въ различные годы царствованія Николая Павловича, директоръ медицинскаго департамента въ трудную эпоху войны 1831 г., наконецъ, въ маститой старости счастливый свидѣтель величайшаго событія въ новѣйшей исторіи Россіи—освобожденія крестьянъ,—А. М. Тургеневъ превосходно зналъ свое отечество, пламенно любилъ его и всею душою привязанъ былъ къ своимъ друзьямъ, каковы—Василій Андреевичъ Жуковскій, Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, Дашковъ, а въ позднѣйшіе годы своей жизни—Николай Алексѣевичъ Милютинъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и нѣкоторые другіе. Въ запискахъ своихъ А. М. является довольно желчнымъ быто-описателемъ, при чемъ характеризуетъ яркими чертами различныхъ историческихъ дѣятелей минувшаго времени. Въ этомъ отношеніи, т. е. по желчности своей, онъ нѣсколько напоминаетъ намъ историка князя М. М. Щербатова, автора извѣстнаго историческаго мемуара, изданнаго на страницахъ „Русской Старины“ въ 1870 г.,—мы говоримъ о „Повреждении нравовъ въ Россіи“. Но Щербатовъ бичуетъ нравы русскаго общества первыхъ трехъ четвертей XVIII вѣка, а Александръ Михайловичъ Тургеневъ представляетъ рѣзкіе очерки лицъ и нравовъ конца XVIII вѣка и первыхъ десятилѣтій XIX-го столѣтія. Нѣкоторая безпорядочность записокъ Тургенева объясняется тѣмъ, что онѣ писаны въ послѣдній періодъ его долголѣтней жизни, писаны безъ справокъ съ документами, единственно по памяти, и едва-ли

авторъ, составляя ихъ исключительно для самыхъ близкихъ своихъ друзей, имѣлъ въ виду возможное появленіе ихъ въ печати. Въ самомъ дѣлѣ, записки эти набросаны Александромъ Михайловичемъ по совѣту Ивана Васильевича Кирѣевскаго, знаменитаго писателя и народника 1830-хъ и 1840-хъ годовъ. А. М. Тургеневъ былъ связанъ искреннею дружбою съ Кирѣевскимъ и его супругой; въ годы жизни своей въ Москвѣ, А. М. часто приходилъ къ нимъ, прочитывалъ написанное и оставлялъ у нихъ отдѣльныя тетради. Всѣ эти тетради составили затѣмъ объемистый сборникъ, который онъ и подарилъ супругѣ Кирѣевскаго. Какъ зѣницу ока, чуть ни подъ нѣсколькими замками, никому не показывая манускриптъ, хранила госпожа Кирѣевская эту рукопись и лишь въ 1885 году отдала ее почтенному своему сыну—Сергѣю Ивановичу. Этотъ послѣдній, замѣтивъ, что „Русская Старина“ издала уже часть записокъ Александра Михайловича по рукописи, сообщенной внукомъ автора, нашелъ, что сообщеніе господина Сомова составляетъ лишь сжатое извлеченіе изъ помянутыхъ записокъ,—извлеченіе, впрочемъ, сдѣланное самимъ А. М. Тургеневымъ,—и потому поспѣшилъ весьма обязательно передать намъ эту рукопись, какъ онъ пишетъ, „дѣйствительную драгоцѣнность для отечественной исторіи новѣйшаго времени“.

Въ „Русской Старинѣ“ 1888 года мы предполагаемъ представить еще нѣсколько главъ изъ обширныхъ мемуаровъ Александра Михайловича Тургенева [1]).

Говоря объ эпохѣ Екатерины II, къ которой относятся явившіяся до сихъ поръ главы записокъ Чичагова и Тургенева, отмѣтимъ въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года подробный разсказъ о персидскомъ походѣ 1796 года.

Объ этомъ походѣ вообще въ нашей исторической литературѣ мало свѣдѣній. Указываемый же разсказъ тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ принадлежитъ русской женщинѣ, слѣдовавшей за своимъ мужемъ въ походъ; г. Бакунинъ, мужъ состави-

---

[1]) Подлинная рукопись этихъ Записокъ озаглавлена ея составителемъ—Ермолафія и занимаетъ четыреста восемьдесятъ пять страницъ убористаго письма in folio, на толстой, сѣрой бумагѣ; пока немного болѣе половины этихъ Записокъ издано нами въ „Русской Старинѣ“, но и то, увы, съ пропусками и мѣстами съ смягченіемъ нѣкоторыхъ выраженій. Ред.

тельницы записокъ, командовалъ однимъ изъ полковъ предводимаго графомъ Валерьяномъ Зубовымъ отряда. Читатель, конечно, замѣтилъ въ воспоминаніяхъ Бакуниной нѣсколько интересныхъ чертъ для характеристики какъ этого баловня счастія, такъ и нѣкоторыхъ изъ лицъ, его окружавшихъ.

Въ 1884 и 1885 годахъ мы имѣли истинное счастіе напечатать обширныя посмертныя Записки знаменитаго Николая Ивановича Пирогова, прямо, такъ сказать, завѣщанныя имъ „Русской Старинѣ“, при чемъ самое написаніе записокъ едва-ли ни было вызвано нашими письмами къ покойному Николаю Ивановичу, съ которыми мы задолго до его достопамятнаго юбилея къ нему обращались. Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г. мы представили обширный очеркъ того же знаменитаго автора, очеркъ, который вынуждены были, за два года предъ симъ, не по нашей волѣ, выпустить изъ текста записокъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ (1884 и 1885 гг.). Въ этомъ очеркѣ Пироговъ дѣлаетъ обзоръ событій эпохи Царя-Освободителя и съ ясностью и глубиною мысли, Пирогову обычными, доискивается причинъ разныхъ прискорбныхъ явленій, омрачившихъ одно изъ славнѣйшихъ царствованій въ русской исторіи. Въ настоящемъ же году „Русской Старины“ мы помѣстили двѣ замѣчательныя записки Н. И. Пирогова по отдѣльнымъ вопросамъ, а именно: весьма важный докладъ его въ 1858 г. о необходимости преобразованія одесскаго лицея въ университетъ и записку объ учрежденіи въ университетахъ каѳедры географіи.

Несомнѣнно нами же вызванъ къ написанію своихъ записокъ Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, доброй памяти основатель и наиусерднѣйшій подвижникъ Императорскаго Новороссійскаго историческаго общества въ Одессѣ, въ званіи вице-президента каковаго общества Мурзакевичъ и скончался въ 1883 г.

Каждый разъ, когда только пріѣзжалъ Николай Никифоровичъ въ Петербургъ, онъ посѣщалъ насъ, и его добродушные остроумные разсказы представляли много любопытнаго. Каждый разъ мы просили его сохранить эти воспоминанія въ связно изложенныхъ, возможно подробныхъ, запискахъ. „Онѣ васъ не минуютъ“, говаривалъ шутя Николай Никифоровичъ. Но вотъ онъ

умираетъ въ Одессѣ и, конечно, намъ не могло придти и въ голову, чтобы сочлены его по одесскому историческому обществу упустили бы изъ виду какъ записки, такъ и вообще бумаги лица, которое всю свою жизнь отдало преимущественно на упроченіе и развитіе дѣятельности имъ основаннаго общества; между тѣмъ это случилось, и мы совершенно неожиданно получили какъ записки, такъ и бумаги покойнаго отъ почтеннаго священника одного изъ полковъ, расположенныхъ въ одной изъ западныхъ губерній. Этотъ священникъ, какъ племянникъ покойнаго, унаслѣдовалъ его бумаги, и мы глубоко признательны почтенному пастырю церкви за то, что онъ избралъ „Русскую Старину“ для помѣщенія своего интереснаго, для отечественной исторіи, наслѣдства.

Въ самомъ дѣлѣ, питомецъ семинаріи въ Смоленскѣ, разрушенія каковаго города во время нашествія французовъ онъ былъ свидѣтелемъ, затѣмъ воспитанникъ московскаго университета—Мурзакевичъ всю жизнь вращался среди людей науки и былъ очень близокъ къ такому славному и крупному историческому дѣятелю, каковъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Разсказъ Мурзакевича вращается вокругъ лицъ, служившихъ на учебномъ и ученомъ поприщѣ, и разсказъ этотъ исполненъ правды и интереса; стоитъ, напр., лишь вспомнить о томъ, что онъ говоритъ о князѣ Воронцовѣ, Княжевичѣ, Надеждинѣ, профессорѣ Каченовскомъ, Ѳ. П. Литке и о многихъ другихъ лицахъ, а равно о порядкахъ въ московскомъ университетѣ его времени и т. д. Мы не напечатали еще вполнѣ его обширныхъ записокъ, и читатели „Русской Старины“ въ будущемъ году встрѣтятся еще съ ними на страницахъ нашего изданія. Долгомъ считаемъ при этомъ отмѣтить, что запискамъ Николая Никифоровича много посчастливилось въ томъ отношеніи, что въ лицѣ его большаго почитателя и друга, князя Василія Дмитріевича Дабижа, мы нашли редактора этихъ обширныхъ мемуаровъ. Князь Василій Дмитріевичъ подготовилъ рукопись къ печати, обставилъ ее примѣчаніями и, такимъ образомъ, помогъ скорѣйшему ея появленію въ „Русской Старинѣ“.

Мы упомянули о 1812 годѣ. Весьма интересную страницу въ лѣтопись этого достопамятнаго года внесло помѣщенное А. С. Князевымъ въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“—сказаніе псковскаго гражданина, ѣздившаго, въ составѣ депутаціи отъ

города Пскова, съ привѣтомъ генералу Витгенштейну, избавителю не только Пскова, но, какъ увѣряли тогда, и Петербурга отъ нашествія французовъ. Въ этомъ разсказѣ много простодушія, но въ немъ вырисовывается типичная фигура Витгенштейна, славнаго вождя и человѣка, не смотря на свою иностранную фамилію, до мозга костей чисто русскаго.

Запискамъ иностранцевъ мы, какъ извѣстно уже читателямъ, отводимъ, сравнительно, мало мѣста на страницахъ „Русской Старины“, но въ обозрѣваемомъ году нами сдѣлано пріятное исключеніе для записокъ графа Фицтума, саксонскаго посла при дворѣ императора Николая Павловича, разсказъ котораго „Наканунѣ Крымской войны“, конечно, обратилъ вниманіе многихъ любителей историческаго чтенія. Фигура императора Николая весьма выпукло выдѣлилась въ разсказѣ Фицтума; причины же и поводы къ кровавому севастопольскому разгрому дѣлаются отнынѣ окончательно выясненными.

Изъ переводныхъ статей нами помѣщено въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“: извлеченіе изъ сочиненія Джорджа Макартнея: „Описаніе Россіи“ (XVIII-го вѣка), съ англійскаго; извлеченіе же изъ недавно изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ записокъ барона Гейкинга о временахъ императора Павла, а также не болѣе какъ извлеченіе приведено, какъ мы уже сказали, изъ записокъ графа Фицтума, трактующаго объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и петербургскомъ дворѣ за время кануна Крымской войны. Эти послѣднія записки, повторяемъ, особенно любопытны, такъ какъ онѣ разъясняютъ тѣ обстоятельства, которыми вызвана была эта, столь дорого стоившая для нашего отечества, борьба съ Европою, а равно обстоятельства, которыми сопровождалось начало этой героической для русскаго войска, но, во всякомъ случаѣ, бѣдственной кампаніи.

Въ предыдущіе годы нашего изданія мы отводили много мѣста очеркамъ и воспоминаніямъ изъ быта нашего духовенства. Въ обозрѣваемомъ году, по отношенію къ духовенству, мы имѣли возможность помѣстить лишь нѣсколько главъ изъ обширнѣйшихъ записокъ извѣстнаго покойнаго профессора петербургской духовной академіи Д. И. Ростиславова. Записки эти много лѣтъ

тому назадъ начаты нами печатаніемъ и долго еще будутъ занимать читателей нашего изданія. Мы уже говорили въ одномъ изъ предъидущихъ обозрѣній, что записки Ростиславова, по отношенію къ описанію быта православнаго русскаго духовенства, имѣютъ такое же историческое значеніе, какъ изданныя „Русской Стариной“ въ 1870—1873 гг. записки А. Т. Болотова по отношенію къ быту русскаго дворянства XVIII вѣка.

Въ николаевское время на видномъ планѣ стояли военно-учебныя заведенія. Старый учитель Зайцевъ вводитъ читателя въ классныя комнаты тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ и рисуетъ намъ не вполнѣ приглядныя картины тогдашняго кадетскаго воспитанія; тѣмъ не менѣе корпусамъ и русская армія, и русское общество обязано многими достопамятными людьми. Изъза стѣнъ кадетскихъ корпусовъ выходили не только доблестные воины, но и труженики науки. Въ нашемъ очеркѣ—„Дворянскій полкъ со времени его основанія“, 1807—1859 гг.,—мы привели весьма длинный перечень людей государственныхъ, дѣятелей общественныхъ, администраторовъ, педагоговъ, людей науки, литературы и искусствъ—все питомцы Дворянскаго полка—прямая задача котораго была, однако, дать русской арміи только бравыхъ офицеровъ. И онъ ихъ далъ—до 15,000 лицъ, и 500 изъ нихъ сложили свои головы на полѣ брани—за царя и отечество!

Яркимъ очеркомъ боевой жизни одного изъ славнѣйшихъ военныхъ дѣятелей, бывшаго питомцемъ военно-учебнаго заведенія, является воспоминаніе доктора О. Ф. Гейфельдера о Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ. Искренностью дышитъ исповѣдь одного изъ лицъ, также бывшаго воспитанника кадетскаго корпуса, лица, посвятившаго себя наукѣ археологіи—мы говоримъ о воспоминаніяхъ князя П. А. Путятина.

Довольно многіе берутся за составленіе своихъ записокъ и воспоминаній, въ особенности охотно описываютъ различныя лица свои впечатлѣнія въ качествѣ участниковъ послѣдней войны за независимость славянъ. Но принимаясь за перо, эти господа нерѣдко пускаются въ обсужденіе такихъ операцій военныхъ,

вдаются въ такую критическую оцѣнку, характеризуютъ такихъ военныхъ дѣятелей, о которыхъ, по своему крайне скромному положенію въ рядахъ арміи, они не могутъ знать въ точности и пишутъ обыкновенно со словъ другихъ; вотъ почему мы довольно осторожны въ помѣщеніи таковыхъ записокъ. По нашему мнѣнію только лицо, стоявшее близко къ дѣлу, такъ сказать вожаки самого дѣла могутъ дать что либо цѣнное для исторіи помянутой войны. Въ этомъ вниманіи мы сочли необходимымъ приступить, въ 1886 году, къ печатанію записокъ генерала отъ инфантеріи Павла Дмитріевича Зотова и не престанемъ скорбѣть, что продолженіе печатанія оныхъ оказалось преждевременнымъ. Если же мы дали мѣсто въ обозрѣваемомъ году очеркамъ вольноопредѣляющаго браваго воина С. Соболева, а также сестры милосердія г-жи С. Арентъ, то только потому, что тѣ и другіе очерки, при несомнѣнной талантливости ихъ изложенія, ограничиваются тою сферою, среди которой жили и дѣйствовали эти подвижники русской арміи и подвижницы госпиталей. Въ самомъ дѣлѣ, ни г-жа Аренсъ, ни г-нъ Соболевъ, не вдаваясь въ трактацію о томъ, что не входило въ сферу дѣйствительно ими пережитаго, выстраданнаго, передуманнаго, честно и искренно, такъ сказать, характеризуютъ будничную обстановку и закулисную сторону быта славной русской арміи, много крови пролiявшей за освобожденіе братьевъ-славянъ. Таковые очерки, вмѣстѣ съ обстоятельными и весьма серьезными изслѣдованіями Николая Илларіоновича Козлова о санитарныхъ мѣрахъ, принятыхъ во время войны 1877—1878 годовъ, объ обширномъ и весьма замѣчательномъ трудѣ котораго мы представили въ обозрѣваемомъ году критическій обзоръ, являются, какъ намъ кажется, цѣннымъ вкладомъ въ литературу исторіи послѣдней русско-турецкой войны.

II.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій и историческихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ книгахъ 1887 года „Русской Старины", мы прежде всего должны упомянуть о монографіи нашего уважаемаго историка Д. И. Иловайскаго. Эта монографія посвящена эпохѣ Василія III и разсказу о пріобрѣтеніи имъ Пскова и Смоленска; она представляетъ отрывокъ изъ Исторіи Россіи, составляемой г. Иловайскимъ. Монументальный трудъ этого ученаго, мы говоримъ о его исторіи, издавна пріобрѣлъ ему всеобщій почетъ и уваженіе; а по его сжатымъ, яснымъ, обстоятельнымъ учебникамъ готовится русской исторіи едва ли уже ни третье поколѣніе русскаго общества.

Въ очеркѣ профессора русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ Д. А. Корсакова — „Русская Старина" напомнила читателямъ типичную личность одного изъ первыхъ, по времени, нашихъ историковъ,—мы говоримъ о Василіи Никитичѣ Татищевѣ, имя и труды котораго могутъ быть поставлены въ уровень съ трудами его современника—великаго Ломоносова. Татищевъ — одинъ изъ самыхъ видныхъ птенцовъ Петра Великаго.

Магистръ русской исторіи В. И. Семевскій помѣстилъ въ нашемъ изданіи, за 1887 годъ, новыя главы изъ своего многолѣтняго и въ высшей степени замѣчательнаго историческаго изслѣдованія: „Исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го вѣковъ". Въ главахъ, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ въ обозрѣваемомъ году, талантливый и трудолюбивый ученый ознакомилъ читателя съ борьбою крестьянъ противъ помѣщичьей власти въ эпоху наближайшую ко времени освобожденія крестьянъ въ Россіи, а также съ нѣкоторыми эпизодами изъ исторіи развитія въ русскомъ обществѣ мысли о необходимости освобожденія крестьянъ—за время съ конца царствованія Екатерины II до 1855-го года.

Многолѣтній трудъ В. И. Семевскаго нынѣ оконченъ. Кстати замѣтимъ, что было бы желательно, дабы авторъ „Исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи“ не остановился въ этомъ трудѣ на восшествіи на престолъ императора Александра II, но предпринялъ бы новый трудъ, а именно принялъ-бы на себя составленіе исторіи непосредственной подготовки реформы 19-го февраля 1861 г. Для того, чтобы таковой трудъ явился достойнымъ великаго дѣла прошлаго царствованія, необходима, конечно, возможность воспользоваться всѣми относящимися къ этому вопросу матеріалами, свято сберегаемыми въ архивахъ; къ счастію, до сихъ поръ, за немногими исключеніями, В. И. Семевскій, сколько намъ извѣстно, не встрѣчалъ, въ этомъ отношеніи, препятствій и могъ широко воспользоваться неизданными матеріалами для своего изслѣдованія. Пора намъ имѣть обстоятельную картину послѣднихъ и самыхъ важныхъ годовъ,—1855—1861 гг.,—въ исторіи борьбы съ крѣпостнымъ правомъ правительства, общества и литературы, и намъ кажется, что В. И. Семевскій, многіе годы посвятившій на разработку исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи,—успѣшнѣе всякаго другаго—составилъ бы и послѣднюю, такъ сказать, часть этой исторіи.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ нашей литературѣ отечественной исторіи нѣкоторымъ историческимъ дѣятелямъ XVIII вѣка особенно посчастливилось: они неоднократно служили и продолжаютъ служить предметами изслѣдованій; такъ, о митрополитѣ Ѳеодосіи Яновскомъ мы имѣемъ уже нѣсколько изысканій въ трудахъ С. М. Соловьева, И. А. Чистовича, Г. В. Есипова и другихъ; за всѣмъ тѣмъ И. Я. Морошкинъ нашелъ возможнымъ вновь остановиться предъ этою весьма крупною, весьма типичною личностью изъ духовной іерархіи эпохи преобразованій въ Россіи. Морошкинъ посвятилъ ей обширную монографію. При этомъ авторъ основалъ свое изслѣдованіе почти исключительно на документахъ государственнаго архива и весьма тщательно не только извлекъ изъ него новыя свѣдѣнія, но, что весьма важно, провѣрилъ и исправилъ тѣ документы и тѣ свѣдѣнія, которыя были, не безъ крупныхъ ошибокъ, напечатаны его предшественниками. Монографія И. Я. Морошкина, быть можетъ, нѣсколько суха, быть можетъ, нѣсколько для повремен. изданія

объемиста, но, несомнѣнно, весьма важна для исторіи эпохи Петра Великаго.

Изъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года, особенное вниманіе нашихъ читателей привлекъ на себя историческій очеркъ М. А. Колчина. Мы не знакомы съ прочими трудами этого писателя, если таковые появлялись въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, но то, что имъ сообщено на страницахъ „Русской Старины“, а именно очеркъ: „Ссылки и заключенія въ острогѣ Соловецкаго монастыря съ XVI вѣка по 1855 г.“, безспорно замѣчательно. Это стройно составленное изслѣдованіе—плодъ разысканій въ архивѣ знаменитой Соловецкой обители—вводитъ читателя въ хронику весьма интересную. Авторъ знакомитъ со всѣмъ порядкомъ ссылки, въ теченіи трехъ съ половиною столѣтій продолжавшейся, на Бѣлое море, разсказываетъ о водвореніи несчастныхъ въ ужасной обители и о содержаніи ихъ въ не менѣе ужасныхъ каменныхъ, деревянныхъ и земляныхъ тюрьмахъ; но, что еще важнѣе, г. Колчинъ даетъ совершенно новыя данныя о личностяхъ ссыльныхъ. Большинство этихъ страдальцевъ суть типичные представители русскаго общества различныхъ эпохъ, начиная со временъ Іоанна Грознаго; при этомъ нѣкоторые изъ нихъ не болѣе, какъ изступленные фанатики, полупомѣшанные, нервные больные, мѣсто которымъ было бы въ сумасшедшемъ домѣ, въ больницахъ, куда они и были иногда отправляемы изъ-за тюремныхъ затворовъ Соловецкой обители. Но не мало было между заточенниками и лицъ съ обширными умственными способностями, виновныхъ лишь въ томъ, что позволяли себѣ мыслить о предметахъ запретныхъ, о вопросахъ, большею частью, религіозныхъ, и мыслить не такъ, какъ мыслили представители современной имъ свѣтской и духовной власти. Хроника г. Колчина, за недостаткомъ мѣста, не окончена въ обозрѣваемомъ году, а потому читатели „Русской Старины“ найдутъ ея окончаніе въ слѣдующемъ, девятнадцатомъ, году нашего изданія. Тому же автору принадлежитъ въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. очеркъ: „Флигель-адъютантъ Шумскій въ Соловкахъ, 1836—1851 гг.“.

Насколько интересно изслѣдованіе г. Колчина, настолько

сухо изслѣдованіе нашего молодаго ученаго г. Юргенсона по поводу Замѣчаній на Записки генерала Манштейна", каковыя Замѣчанія, при изданіи ихъ впервые въ полномъ видѣ на страницахъ „Русской Старины", были приписаны графу Петру Ивановичу Панину. Тѣмъ не менѣе, однако, для литературы отечественной исторіи изслѣдованія, подобныя труду г. Юргенсона, крайне необходимы и составляютъ цѣнный въ нее вкладъ, въ данномъ случаѣ именно потому, что самыя Записки Манштейна, къ которымъ относятся помянутыя Замѣчанія—не Панина, а гр. Миниха-сына, какъ то, кажется, вполнѣ обстоятельно доказалъ г. Юргенсонъ, — составляютъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ важныхъ по достовѣрности, обстоятельности и добросовѣстности автора памятниковъ къ исторіи Россіи, за время съ 1727-го по 1744-й годъ.

Говоря о почтенномъ трудѣ г. Юргенсона о графѣ Минихѣ-сынѣ, какъ объ авторѣ „Замѣчаній на записки Манштейна", упомянемъ съ признательностью о сообщеніи президента императорской академіи наукъ графа Д. А. Толстаго, — сообщеніи имъ на страницы „Русской Старины" интересныхъ матеріаловъ къ біографіи и характеристикѣ этого самаго графа Миниха, сына фельдмаршала, личности, достопамятной въ исторіи Россіи первой половины XVIII вѣка, автора интересныхъ Записокъ и другихъ историческихъ трудовъ.

Въ „Русской Старинѣ" 1887 г. окончено печатаніе весьма любопытной и доселѣ бывшей запретной книги, именно: „Русскіе избранники и случайные люди", трудъ Гельбига. По мѣрѣ того, какъ русская исторія разрабатывается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ императорское русское историческое общество, а также различныя историческія повременныя изданія вносятъ въ свои драгоцѣнные сборники массу весьма важныхъ для исторіи XVIII вѣка матеріаловъ, расширяется и поле для любознательности любителя и изслѣдователя отечественной исторіи XVIII вѣка. То, что было лѣтъ 20 тому назадъ недоступнымъ, то уже входитъ нынѣ въ общій оборотъ чтенія и, нерѣдко, съ недоумѣніемъ спрашиваешь, что́ могло вызывать опасеніе въ той или другой, относящейся до русской исторіи, книгѣ или монографіи,

и почему таковыя значились въ числѣ запретныхъ плодовъ для русскаго читателя, въ то время, когда повсюду въ Европѣ таковыя историческія книги цитировались тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ и, увы, довѣріемъ, что онѣ были запрещены въ нашемъ отечествѣ!?

Книга Гельбига представляетъ сто десять біографій тѣхъ русскихъ и иноземныхъ людей, которымъ, такъ или иначе, но особенно улыбнулась фортуна [1]). Эти біографіи не всѣ отличаются точностью: не мало въ нихъ ошибокъ, но, однако, всѣ онѣ имѣютъ достоинство записокъ современника, писавшаго о многихъ изъ выведенныхъ имъ баловней фортуны, какъ о личныхъ своихъ знакомыхъ, съ которыми встрѣчался въ палатахъ петербургскихъ дворцовъ и въ салонахъ петербургской аристократіи, или же разсказы его основаны на показаніяхъ лицъ, близко знавшихъ этихъ избранниковъ счастія и героевъ слѣпаго случая. Это не памфлеты, не злые поклепы желчнаго иноземца, бьющаго на скандалъ для успѣха книги, нѣтъ, это спокойный разсказъ человѣка просвѣщеннаго, любознательнаго и желавшаго, въ возможно добросовѣстныхъ очеркахъ, познакомить читающую публику съ представителями русскаго, преимущественно придворнаго, общества за время съ 1690-го по 1790 г.

Русскому переводу сочиненія Гельбига, выдержавшаго на нѣмецкомъ языкѣ два изданія, на страницахъ „Русск. Стар.“ довольно посчастливилось; переводъ принадлежитъ бывшему нѣкогда профессору университета св. Владиміра въ Кіевѣ, В. А. Бильбасову, писателю талантливому и ученому, въ послѣдніе годы всецѣло отдавшему свой невольный досугъ отъ дѣятельности публициста и редактора нѣкогда весьма распространенной газеты „Голосъ“ на разработку отечественной исторіи въ области XVIII вѣка, съ исторической литературой каковаго столѣтія В. А. Бильбасовъ превосходно знакомъ. Это обширное знакомство г. Бильбасова съ источниками и выразилось въ данномъ случаѣ въ обширныхъ и кропотливо составленныхъ примѣчаніяхъ къ каждой изъ 110-ти біографій, имъ же переведенныхъ изъ книги Гельбига. Конечно, есть у него, т. е. у коментатора,

---

[1]) Курьезно, что въ число таковыхъ счастливцевъ Гельбигъ включилъ Радищева, котораго, какъ извѣстно, фортуна не очень-то побаловала.

пропуски и недомолвки, даже въ ссылкахъ на „Русскую Старину“ и другія историческія изданія (см., напримѣръ, по отношенію къ Радищеву, гдѣ не указано весьма замѣчательное изслѣдованіе В. Е. Якушкина),—но таковые пропуски читателямъ, знакомымъ съ „Русской Стариной“, легко восполнить. Гораздо труднѣе, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, восполнить не зависѣвшіе отъ насъ пропуски въ самомъ текстѣ перевода сочиненія Гельбига. Пропуски эти касаются по преимуществу нѣкоторыхъ, если можно такъ выразиться, интимныхъ подробностей, почти вездѣ замѣненныхъ въ нашемъ изданіи точками, равнымъ образомъ касаются подробныхъ исчисленій, какія дѣлаетъ Гельбигъ относительно матеріальныхъ благъ, выпавшихъ на долю баловней случая—въ тысячахъ крестьянскихъ душъ и милліонахъ рублей; но, во первыхъ, все это у нашего саксонца не безъ преувеличенія, а во вторыхъ, все это извѣстно съ бо́льшею документальною точностью изъ другихъ трудовъ, бывшихъ уже въ нашей печати, и, наконецъ, мы не теряемъ надежды, что настанетъ время, когда русская историческая литература, подобно таковымъ же литературамъ нѣмецкой, французской, англійской и иныхъ народовъ, будетъ свободна отъ необходимости прикрываться краснорѣчивыми точками, заставляющими подозрѣвать подъ собой Богъ-вѣсть какіе ужасы, въ то время, какъ таковыхъ вовсе на лицо не имѣется, а были явленія, легко объясняемыя временемъ, когда таковыя происходили.

И въ самомъ дѣлѣ, величію такой геніальной женщины, какъ Екатерина II, этой созидательницы славы и могущества горячо любимой ею Россіи, могли ли бы сколько нибудь повредить разсказы болѣе или менѣе достовѣрные, разсказы ея современниковъ о нѣкоторыхъ ея слабостяхъ и увлеченіяхъ? Намъ кажется, и всегда будетъ казаться, что вреда отъ сообщенія разсказовъ о нихъ на страницахъ изданія серьезнаго, преслѣдующаго чисто научную цѣль, изданія строго безпристрастнаго,—вреда, повторяемъ мы, произойти не можетъ, а, напротивъ,—польза, такъ какъ спокойное, безпристрастное и безъ урѣзокъ (чуть ни сказали—языка!) изслѣдованіе на русскомъ языкѣ всегда будетъ служить отпоромъ массѣ тѣхъ пасквилей объ этой государынѣ, которые, подъ видомъ историческихъ мемуаровъ и цѣлыхъ исторій ея

времени, напечатаны, да и до сихъ поръ печатаются за рубежемъ нашего отечества.

Во всякомъ случаѣ, долгомъ считаемъ принести глубочайшую нашу благодарность г. президенту императорской академіи наукъ за его просвѣщенное содѣйствіе къ разрѣшенію появленія въ нашемъ изданіи помянутаго историческаго труда; широта взгляда—на задачи отечественной исторіи—г. президента академіи хорошо извѣстна, и наука русской исторіи и исторія русскаго просвѣщенія имѣютъ нѣсколько цѣнныхъ въ нихъ вкладовъ со стороны гр. Д. А. Толстаго.

Какъ трудъ Гельбига есть хроника русскаго общества и петербургскаго двора XVIII вѣка, такъ историческій очеркъ Н. М. Колмакова о фамиліи гр. Строгоновыхъ, помѣщенный въ нашемъ изданіи обозрѣваемаго года, есть хроника одной изъ выдающихся фамилій русскихъ бояръ XVIII и XIX столѣтій. Мы говоримъ о статьяхъ его по поводу извѣстнаго дома въ С.-Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ, принадлежащаго графамъ Строгоновымъ. Таковыя хроники весьма любопытны, такъ какъ въ нихъ, на ряду съ фактами фамильной жизни, являются нерѣдко историческія данныя, имѣющія общее значеніе, сохранившіяся для потомства въ семейныхъ архивахъ и фамильныхъ преданіяхъ. Отдаемъ полную справедливость той любви и заботливости, съ которою составлена Н. М. Колмаковымъ его интересная хроника; въ то же время не можемъ не пожалѣть, что современные представители многихъ старинныхъ русскихъ фамилій, предки которыхъ играли болѣе или менѣе видныя роли на историческомъ поприщѣ, крайне безучастно относятся и къ своимъ предкамъ, и къ тѣмъ залежамъ историческаго матеріала, которыя хранятся въ ихъ семейныхъ архивахъ. Благодаря легкомыслію и нерачительности своихъ владѣльцевъ, эти залежи историческихъ матеріаловъ ждутъ лишь пожара или какой либо другой бѣдственной случайности, дабы безслѣдно погибнуть для исторіи. А сколько такихъ фамильныхъ архивовъ исчезло, да и теперь, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, утрачиваются и гибнутъ навсегда! Не то мы видимъ у нашихъ сосѣдей, гдѣ подбираются на типографскій станокъ малѣйшія крупицы, важныя для исторіи хотя бы отдѣльныхъ родовъ той или другой фамиліи. А что и у насъ фамильныя

сказанія изъ семейныхъ хроникъ лицъ даже весьма второстепенныхъ имѣютъ не маловажный интересъ для характеристики своего времени, довольно указать въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ на сказаніе о декабристѣ Булатовѣ, сообщенное трудолюбивымъ и энергическимъ изслѣдователемъ старины А. А. Титовымъ. И посмотрите—какъ жизненно обрисовываются фигуры историческихъ лицъ, повидимому, уже давно и хорошо извѣстныхъ, совершенно новыми штрихами, лишь только изслѣдователь обращается, такъ сказать, къ семейнымъ матеріаламъ этихъ самыхъ лицъ. Мы говоримъ о статьяхъ, въ нашемъ изданіи обозрѣваемаго года, о партизанѣ Фигнерѣ и въ особенности о матеріалахъ, въ этомъ же году въ „Русской Старинѣ“ сообщенныхъ, объ одномъ изъ народныхъ нашихъ героевъ, генералѣ Кульневѣ!

Въ отдѣлѣ изслѣдованій, конечно, замѣченъ обширный трудъ Н. М. Колмакова: „Біографія графа Виктора Никитича Панина“. До сихъ поръ жизнь этого государственнаго дѣятеля эпохи императора Николая Павловича и этого преемника Якова Ивановича Ростовцева въ трудахъ по освобожденію крестьянъ,—была извѣстна лишь по обширному памфлету, напечатанному въ концѣ 1850 годовъ въ Лондонѣ, въ изданіи А. И. Герцена: „Голоса изъ Россіи“. Памфлетъ былъ весьма интересенъ, пересыпанъ множествомъ презабавныхъ анекдотовъ, но все же это былъ памфлетъ, не болѣе.

Жизнь и государственная дѣятельность графа Виктора Никитича Панина заслуживала вполнѣ обстоятельнаго обозрѣнія и вотъ почему трудъ г. Колмакова, правду сказать, немножко апологическій и представляющій лишь бѣглый очеркъ, справедливо обратилъ на себя вниманіе нашихъ читателей.

Въ послѣдніе годы, именно съ 1881-го, — „Русская Старина“ отводитъ все болѣе и болѣе страницъ для знакомства нашихъ современниковъ и нашихъ потомковъ съ незабвенною эпохою возрожденія дорогаго нашего отечества, съ эпохою Александра II. Въ обозрѣваемомъ году по отношенію къ этому, особенно дорогому для насъ, времени, мы помѣстили очеркъ объ американскомъ посольствѣ въ Россію въ 1867 году, очеркъ, принадлежащій нашей постоянной сотрудницѣ В. В. Тимощукъ.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ мы помѣстили въ 1887 г. окончаніе знаменитыхъ монографій К. Д. Кавелина по крестьянскому вопросу.

По поводу исторіи преобразованій военно-учебныхъ заведеній мы дали обширный очеркъ одного изъ лицъ, весьма близко знающихъ эти достопамятныя, въ ряду другихъ реформъ императора Александра II, преобразованія.

По отношенію къ исторіи послѣдней русско-турецкой войны, 1877—1878 гг., мы помѣстили статью генерала-отъ-инфантеріи Криднера и коментировали ее обстоятельными замѣчаніями и возраженіями П. Н. Воронова, полковника генеральнаго штаба, молодаго, трудолюбиваго изыскателя и большаго знатока въ области новѣйшей военной исторіи.

Извѣстно, что Александръ II, въ его неусыпныхъ трудахъ къ возрожденію и обновленію всего внутренняго строя нашего отечества, вызвалъ къ жизни тысячи народныхъ училищъ. Частая сѣть народныхъ школъ покрыла наше отечество въ эпоху его преобразованій. Съ полнымъ довѣріемъ Царь-Освободитель предоставилъ городскія школы вѣдѣнію городскихъ общественныхъ управленій. Исторія перваго десятилѣтія (1877—1887) начальныхъ городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ на почвѣ общественнаго самоуправленія, изложенная въ талантливомъ очеркѣ Д. Д. Семенова на страницахъ „Русской Старины“ обозрѣваемаго года, какъ нельзя лучше показываетъ, какъ блистательно оправдали городскія управленія, по крайней мѣрѣ общественное управленіе Петербурга, довѣріе великаго государя. Читая этотъ въ высшей степени поучительный очеркъ того, что можетъ сдѣлать общественное самоуправленіе, когда оно пользуется извѣстною свободою, на добро направленною, невольно укрѣпляешься въ надеждѣ, что если не явятся какія либо препоны къ дальнѣйшему развитію этой дѣятельности, то еще и при нашей жизни мы увидимъ вполнѣ отрадное явленіе: въ Петербургѣ не будетъ, даже въ бѣднѣйшихъ слояхъ его населенія, дѣтей школьнаго возраста, которыя не спѣшили бы получить образованіе и воспитаніе подъ сѣнью городскихъ училищъ. При массѣ школъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ, и по числу, и по качеству, потребностямъ населенія, неминуемо, наконецъ, явится

законъ объ обязательности обученія для всего населенія, тотъ законъ, который пустилъ уже глубокіе корни почти на всемъ пространствѣ Европы, за исключеніемъ Россіи и Турціи.

Дорого намъ время Александра II. Не менѣе дорога память его славныхъ сподвижниковъ. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занималъ А. В. Головнинъ, преждевременную кончину котораго русское общество оплакало въ ноябрѣ 1886 г. Въ нашемъ очеркѣ, посвященномъ его памяти, а затѣмъ въ матеріалахъ, вслѣдъ затѣмъ нами напечатанныхъ, мы постарались, какъ съумѣли, освѣтить эту высоко замѣчательную, въ особенности въ нравственномъ отношеніи, личность; мы не разстанемся съ нею еще долго. Мы получили множество самыхъ интересныхъ данныхъ, освѣщающихъ этого государственнаго мужа, всей душой преданнаго Царю-Освободителю и жившаго, можно сказать, любовью къ славѣ дорогой ему Россіи, страдавшаго ея горемъ, трудившагося для ея блага. Дорого намъ, что нашъ, отъ сердца вылившійся, очеркъ вызвалъ полное сочувствіе нѣсколькихъ наиближайшихъ сподвижниковъ великаго монарха. Отъ одного изъ нихъ мы получили слѣдующія дорогія для насъ строки:

.... „Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы высказать вамъ, Михаилъ Ивановичъ, съ какимъ удовольствіемъ я прочелъ въ мартовской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г. вашу прекрасную статью о покойномъ Александрѣ Васильевичѣ Головнинѣ. Продолжавшіяся болѣе тридцати пяти лѣтъ мои дружескія съ нимъ отношенія даютъ мнѣ право заявить, что почтенная эта въ высшей степени личность очерчена вами вполнѣ достойно и правдиво“. (Письмо отъ 15 марта 1887 г.).

... „Съ особеннымъ удовольствіемъ прочиталъ я біографическую вашу статью объ А. В. Головнинѣ, написанную съ чувствомъ и правдою“,—пишетъ къ намъ отъ 17-го апрѣля этого же года другой изъ государственныхъ людей современной Россіи: „помѣщеніе въ концѣ оной выписки изъ моего къ вамъ письма доказало мнѣ, что вы раздѣляете мой взглядъ на высокія нравственныя достоинства покойнаго“...

Усердно просимъ лицъ, знавшихъ А. В. Головнина, продолжать дѣлиться съ нами всѣмъ тѣмъ, что можетъ послужить матеріаломъ, хотя бы и не въ близкомъ будущемъ, для обстоятельной

біографіи этого вполнѣ достопамятнаго дѣятеля въ ряду сподвижниковъ Александра II.

Отдавая дань высокаго уваженія къ памяти опочившимъ государственнымъ людямъ, „Русская Старина“ неизмѣнно встрѣчаетъ словомъ сердечнаго сочувствія тружениковъ науки, литературы и художествъ. Въ настоящемъ году мы имѣли случай и достаточный поводъ воздать дань уваженія, по поводу 50-лѣтнихъ юбилеевъ—высокоуважаемому труженику россійской археологіи и исторіи П. И. Савваитову и славному художнику И. К. Айвазовскому, одному изъ тѣхъ богатырей русскаго народа, которые геніемъ своимъ и неутомимою дѣятельностью созидаютъ славу и гордость русскаго народа въ общей семьѣ цивилизованнаго міра. Въ этомъ же году мы имѣли случай высказать наше мнѣніе о другомъ могучемъ талантѣ: мы говоримъ о славномъ писателѣ-сатирикѣ М. Е. Салтыковѣ (Щедринѣ). Да, таковыя лица, какъ гр. Левъ Николаевичъ Толстой, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, композиторъ Чайковскій, скульпторъ Антакольскій — являются свѣточами современнаго русскаго народа и, конечно, каждый изъ нихъ займетъ весьма видное мѣсто въ исторіи цивилизаціи нашего отечества, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Къ графу Льву Николаевичу Толстому мы будемъ имѣть случай обратиться на страницахъ нашего изданія, а въ настоящемъ году мы, по поводу приложенія къ „Русск. Стар.“ гравюры его портрета, исполненной художникомъ В. В. Мате съ извѣстнаго, весьма характернаго, портрета Крамскаго (1873), сообщили очеркъ дѣятельности гр. Л. Н. Толстаго, составленный уважаемымъ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ.

III.

Въ отдѣлѣ, такъ сказать, сырыхъ матеріаловъ „Русской Старины", въ обозрѣваемомъ году, явилось не мало отдѣльныхъ документовъ, имѣющихъ интересъ и историческое значеніе. Тутъ челобитныя Ломоносова и Суворова, реляція священника очевидца о взятіи Очакова 1788 г., различные указы Петра I, Анны Ивановны, Елисаветы Петровны, Екатерины II [1]), тутъ же и цѣлая серія нами открытыхъ, въ одномъ изъ заграничныхъ архивовъ (именно въ Ганноверѣ), писемъ Екатерины II къ доктору Циммерманну, до сихъ поръ остававшихся либо неизданными, либо хотя и бывшихъ въ печати, но съ болѣе или менѣе значительными пропусками и погрѣшностями. По поводу этой послѣдней переписки должно съ большимъ уваженіемъ упомянуть о состояніи архивовъ въ королевствѣ прусскомъ, управляемыхъ знаменитымъ историкомъ и архивистомъ Зибелемъ. Эти архивы поражаютъ посѣтителей не только отличнымъ внѣшнимъ своимъ устройствомъ, своимъ порядкомъ и личнымъ составомъ своихъ чиновниковъ, большею частью, людей науки, людей высокопросвѣщенныхъ, но въ особенности—замѣчательною доступностью къ тѣмъ сокровищамъ, которыя хранятся въ картонахъ этихъ архивовъ. Въ самомъ дѣлѣ, матеріалы архивовъ въ Пруссіи, на всемъ ея пространствѣ, доступны каждому изслѣдователю; выдача копій самыхъ точныхъ, самымъ обстоятельнымъ образомъ исполненныхъ, обставлена такою ничтожною таксою за снятіе оныхъ и до такой степени чужда всякой формальности и хлопотъ, что и по отношенію къ своимъ архивамъ Пруссія практикуетъ то-же правило, которое давно существуетъ въ ней по всѣмъ прочимъ ея учрежденіямъ, а именно, что и государственные архивы суть учрежденія, существующія не только для канцелярій и чиновниковъ, но и для любознательной публики. Давай-то Господи, чтобы мы, перенявшіе многое доброе изъ нѣметчины, переняли

---

[1]) Особенно признательны мы за сообщеніе въ 1887 г. отдѣльныхъ историческихъ документовъ Г. К. Рѣпинскому, Ан. Ѳед. Кони, А. Мерцалову, Н. Н. Селифонтову, А. А. Титову, Н. К. Шильдеру и мног. др.

и указанную нами доступность къ государственнымъ хранилищамъ историческихъ матеріаловъ. Какъ бы быстро пошла у насъ впередъ наука отечественной исторіи при этомъ непремѣнномъ условіи!

Для исторіи Екатерины II весьма цѣнно, сообщенное въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., собраніе подлинныхъ ея писемъ и повелѣній къ графу В. П. Мусину-Пушкину, за время войны съ Швеціей, 1788—1789 гг., съ предисловіемъ и весьма обстоятельными примѣчаніями В. А. Бильбасова.

Подъ заголовкомъ „Петербургская старина“, въ обозрѣваемомъ году, привели мы продолженіе, за многіе уже годы тянущихся у насъ, выписокъ почтеннаго Г. И. Студенкина изъ единственнаго органа русской гласности за время императора Павла; мы говоримъ о выпискахъ изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, 1796—1801 годовъ. Эти выписки, при всей своей кажущейся отрывочности, составляютъ съ длиннымъ рядомъ нами же изданныхъ въ „Русской Старинѣ“ подлинныхъ указовъ, повелѣній и рескриптовъ Павла Петровича, полную, яркую картину того душнаго для русскаго общества времени, которое настало на цѣлые четыре года послѣ царствованія великой Екатерины. Это время ждетъ своего историка, быть можетъ будетъ ждать очень долго и поэтому задача историческаго изданія собирать на свои страницы матеріалы для таковой исторіи.

Отличными разсадниками историческихъ знаній по отечественной исторіи, археологіи, археографіи, нумизматикѣ и этнографіи являются на Руси—ученыя архивныя коммиссіи, энергіею Н. В. Калачова и графа Д. А. Толстаго основанныя. Совершенно понятно, что „Русская Старина“ близко заинтересована въ упроченіи и развитіи этихъ учрежденій, именно въ интересѣ науки отечественной исторіи; вотъ почему въ этомъ же году мы, кромѣ весьма обстоятельнаго обозрѣнія дѣятельности всѣхъ существующихъ въ нашемъ отечествѣ помянутыхъ коммиссій, обзора, составленнаго уважаемымъ директоромъ археологическаго института, профессоромъ И. Е. Андреевскимъ, помѣстили объ одной изъ наиболѣе дѣятельныхъ коммиссій—Рязанской—особую, нами

составленную, статью. И на будущее время мы обѣщаемъ съ живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдить за дѣятельностью губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій.

IV.

Исторія русской литературы всегда одинаково интересовала „Русскую Старину“, какъ и отечественная исторія.

Въ 1887 г. отечественная словесность имѣла свой дорогой день: мы говоримъ о столѣтней годовщинѣ дня рожденія поэта К. Н. Батюшкова, этого талантливаго предтечи геніальнаго Пушкина, и какъ блистательно ознаменована была эта годовщина!

Явилось монументальное, превосходное изданіе всѣхъ твореній Батюшкова, въ стихахъ и въ прозѣ, изданіе уважаемаго дѣятеля общественнаго—П. Н. Батюшкова. На страницахъ этого изданія явилось вполнѣ талантливое, чисто академическое, въ серьезномъ смыслѣ этого слова, изслѣдованіе магистра русской словесности—Л. Н. Майкова. Это изслѣдованіе сдѣлало бы честь каждой европейской литературѣ, а въ нашей русской литературѣ, въ которой съ трудомъ насчитывается десятка два всесторонникъ изысканій о трудахъ нашихъ классическихъ писателей,—трудъ Л. Н. Майкова является поистинѣ драгоцѣннѣйшимъ вкладомъ въ исторію нашей словесности. Впрочемъ, вообще надо порадоваться, что, наконецъ, и у насъ на Руси сочиненія и жизнь нашихъ писателей пережитаго времени все болѣе и болѣе вызываютъ изыскателей. Статьи, очерки, изысканія и замѣтки В. Е. Якушкина, Л. Поливанова, П. А. Висковатаго, Н. С. Тихонравова, Е. С. Некрасовой, академика Я. К. Грота, Н. А. Бѣлозерской, сообщенія которыхъ явились на страницахъ нашего изданія и въ обозрѣваемомъ году, какъ нельзя лучше показываютъ, что жизнь и сочиненія нашихъ великихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя—будутъ изслѣдованы также всесторонне, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, какъ то мы видимъ въ англійской, нѣмецкой и французской литературахъ по отношенію къ ихъ великимъ поэтамъ; тамъ сформированы и существуютъ многіе годы цѣлыя общества почита-

телей ихъ геніальныхъ поэтовъ; члены таковыхъ обществъ съ особенною любовью трудятся въ дѣлѣ изысканій по отношенію къ ихъ жизни и ихъ сочиненіямъ. Кто не слыхалъ, напримѣръ, про общества Шекспира, Шиллера, Гете, Байрона и др.; надо надѣяться, что и у насъ имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова лягутъ въ основаніе организаціи цѣлыхъ обществъ, посвященныхъ трудамъ объ ихъ жизни и ихъ литературной дѣятельности; имѣемъ же мы и въ настоящее уже время въ С.-Петербургѣ музеи именъ Пушкина и Лермонтова.

Едва ли надо говорить, что „Русская Старина“, доколѣ лишь будетъ она существовать, не престанетъ посвящать свои страницы изслѣдованіямъ жизни и дѣятельности этихъ трехъ геніевъ, а равно на обнародованіе вновь открываемыхъ перловъ ихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи мы особенно счастливы и даже въ настоящую минуту можемъ заявить нашу надежду на то, что въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Русской Старины“ изд. 1888 г. мы помѣстимъ вновь открытый высокоуважаемымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ неизданный отрывокъ изъ романа-поэмы А. С. Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“.

Но останавливаясь съ особенною любовью и вниманіемъ предъ коллосами русской литературы, мы не обходимъ и второстепенныхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей пережитаго времени. Въ ряду ихъ, безспорно, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ былъ Александръ Васильевичъ Дружининъ, человѣкъ обширнаго, вполнѣ европейскаго образованія, превосходный знатокъ иностранныхъ литературъ, одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ англійскихъ классическихъ писателей Шекспира, Байрона и друг. А что всего важнѣе и дороже для семьи современныхъ русскихъ писателей и ученыхъ—это то, что А. В. Дружининъ былъ основатель, въ ноябрѣ 1859 года, литературнаго фонда. Значеніе и польза этого учрежденія — извѣстны всѣмъ и каждому, кто интересуется положеніемъ русскаго писателя. Литературный фондъ составляетъ, въ теченіи болѣе уже четверти вѣка, главное средоточіе всего круга русской пишущей, зачастую бѣдствующей братіи, единственный представитель и ходатай за нужды этой семьи тружениковъ, единый его оберегатель и пособникъ

въ дни лишеній и испытаній, каковые, увы, зачастую на нихъ выпадаютъ...

Въ обозрѣваемомъ году печальное событіе—внезапная кончина писателя Михаила Павловича Розенгейма—дало намъ поводъ помѣстить его автобіографію; это живое, полное интереса, въ особенности для насъ, пишущей братіи, сказаніе о прохожденіи сквозь всякія бѣды русскаго литератора — продиктовано покойнымъ его достойнѣйшей супругѣ В. И. Розенгеймъ и ею записано какъ бы не отъ лица мужа, а въ третьемъ лицѣ.

Въ бытность нашу за границей, въ 1886—1887 гг., мы имѣли истинное удовольствіе познакомиться съ профессоромъ Ф. фонъ-Боденштедтомъ; это—всѣми уважаемый нѣмецкій писатель, старѣйшій изъ современныхъ германскихъ поэтовъ; онъ особенно дорогъ для русскаго образованнаго общества тѣмъ, что, въ теченіи почти полувѣка, служитъ русской литературѣ, знакомя съ нею, въ своихъ талантливыхъ переводахъ на нѣмецкій языкъ, европейскую публику. Въ самомъ дѣлѣ, переводы Боденштедта—сочиненій Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Аксакова, Надсона и др., по талантливости равняются подлинникамъ. Мы очень рады, что имѣли и досугъ, и возможность ознакомить нашихъ читателей съ труженическою жизнью и характеристикой этого маститаго поэта и переводчика, а равно, благодаря его дружеской къ намъ любезности, напечатали въ обозрѣваемомъ году цѣлый рядъ писемъ къ нему такихъ крупныхъ, по своему значенію, русскихъ писателей, каковы: И. С. Тургеневъ и И. С. Аксаковъ. Мы надѣемся, что и на будущее время профессоръ Боденштедтъ, съ интересомъ и вниманіемъ слѣдящій за „Русской Стариной“, не оставитъ ее своими дальнѣйшими сообщеніями, а равно продолженіемъ любопытныхъ воспоминаній, первыя главы которыхъ явились въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года.

На страницахъ „Русской Старины“ изданія 1887 года мы закончили печатаніемъ Записки Татьяны Петровны Пассекъ, съ ихъ многочисленными приложеніями—подлинныхъ писемъ А. И. Герцена, его жены Натальи Александровны, рожденной Захарьиной, и Н. П. Огарева, 1840—1870 годовъ. Записки

Т. П. Пассекъ, талантливой маститой писательницы (род. въ 1810 г.), начаты нами еще въ 1872 г.; при изданіи ихъ встрѣчались нѣкоторыя затрудненія со стороны покойнаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати въ 1873—1875 гг., М. Н. Лонгинова, а потому печатаніе шло съ продолжительными перерывами; но затѣмъ вполнѣ признана была справедливою та истина, что общественные и литературные дѣятели, о которыхъ повѣствуетъ въ своихъ сказаніяхъ Т. П. Пассекъ, отойдя уже въ вѣчность, тѣмъ самымъ сдѣлались достояніемъ исторіи русскаго общества и русской культуры, для которой они, положительно или отрицательно, но все же трудились и притомъ весьма замѣтно, а потому печатаніе ея воспоминаній было возобновлено и закончено безъ дальнѣйшихъ затрудненій.

Герценъ и Огаревъ, безспорно, писатели съ крупными талантами; мы не говоримъ о Герценѣ какъ о публицистѣ, но въ немъ видимъ писателя беллетриста съ отличнымъ дарованіемъ, а Огаревъ вполнѣ по праву занялъ видное мѣсто среди поэтовъ 1840—1860 годовъ. Притомъ разсказъ г-жи Пассекъ такъ спокоенъ, такъ объективенъ, что онъ не могъ не явиться на страницахъ такого изданія, какъ „Русская Старина“, одна изъ цѣлей которой—относиться ко всему минувшему съ полнѣйшимъ и самымъ искреннимъ безпристрастіемъ.

Упомянувши о Герценѣ, пожелаемъ, дабы одна изъ самыхъ лучшихъ частей его извѣстныхъ въ европейской литературѣ мемуаровъ—„Былое и думы“, остающаяся до сихъ поръ въ рукописи у его сына, А. А. Герцена, профессора академіи въ г. Лозанѣ, въ Швейцаріи, явилась бы, наконецъ, въ печати. Эту неизданную часть записокъ покойнаго Герцена мы имѣли истинное наслажденіе прочесть во Флоренціи, въ рукописи, въ октябрѣ 1878 г. Авторъ говоритъ въ ней объ одномъ романическомъ эпизодѣ изъ своей частной жизни, но говоритъ какъ художникъ, дивно очерченными образами, а потому это произведеніе составляетъ одинъ изъ лучшихъ художественно-литературныхъ его трудовъ. Кстати скажемъ: теперь, когда прошло болѣе восемнадцати лѣтъ послѣ кончины Герцена,—казалось бы возможнымъ появленіе на Руси его чисто беллетристическихъ произведеній, а отчасти и его мемуаровъ.

Вообще, по отдѣлу литературы „Русская Старина“ 1887 г. особенно много дала произведеній нашихъ талантливѣйшихъ поэтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на ея страницахъ, именно за это время, явились стихотворенія, до сихъ поръ не бывшія еще въ печати — Лермонтова, Жуковскаго, К. Н. Батюшкова, барона Дельвига, Н. М. Языкова, А. Полежаева, Веневитинова, Бенедиктова, Дениса Давыдова, Якубовича, Никитина, Огарева, Некрасова, Розенгейма, графа А. К. Толстаго, Н. Ф. Павлова, Ознобишина, А. С. Хомякова, Ив. С. Аксакова, Добролюбова, Авраама Норова, Колошина, крестьянина Дрожжина, Рамшіева (псевдонимъ) и перепечатано изъ книги, не поступившей въ продажу, нѣсколько прелестнѣйшихъ стихотвореній молодаго, весьма симпатичнаго поэта К. К. Ро....ва.

Кромѣ того, „Русская Старина“ 1887-го года въ весьма обязательномъ сообщеніи талантливой писательницы Е. С. Некрасовой, представила не безъинтересный альбомъ знаменитаго библіографа С. Д. Полторацкаго, сохранившаго отъ утраты множество поэтическихъ и сатирическихъ произведеній современныхъ ему писателей,—произведеній, ходившихъ долгое время въ рукописныхъ спискахъ.

Читатели, конечно, также замѣтили въ нашемъ журналѣ обозрѣваемаго года цѣлое собраніе очень поэтическихъ и весьма вѣрныхъ переводовъ изъ Гейне, принадлежащихъ столь безвременно умершему знаменитому русскому педагогу В. И. Водовозову. Эта въ высшей степени симпатичная личность тонкими чертами обрисована, въ обозрѣваемомъ году, въ сердечно написанномъ, талантливомъ очеркѣ одной изъ его ученицъ, которая, вспоминая о В. И. Водовозовѣ, помянула добрымъ словомъ и другаго славнаго педагога, его же друга, К. Д. Ушинскаго.

Отъ времени до времени мы помѣщаемъ, какъ извѣстно, нѣкоторые памятники народной русской словесности. Въ книгахъ настоящаго года нашего изданія мы помѣстили одну лишь пьесу этого рода, но она весьма своеобразна и интересна. Мы говоримъ о длинной пѣсни „Горе киргиза“, въ которой этотъ народъ съ грустью и болью описуетъ свое печальное положеніе.

Поэтическое дарованіе недавно, почти на зарѣ своей жизни, угасшаго писателя Надсона вполнѣ справедливо и тонко очерчено на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины“ извѣстнымъ нашимъ профессоромъ и писателемъ О. Ѳ. Миллеромъ. Перу того же друга нашего Ореста Ѳедоровича принадлежитъ въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., какъ мы уже замѣтили выше, сжатый, но, полагаемъ, вполнѣ обстоятельный очеркъ—жизни и трудовъ первокласснаго современнаго русскаго писателя, графа Льва Николаевича Толстаго, по поводу котораго, смѣло можно сказать, что въ послѣдніе годы, положительно, не проходитъ дня, дабы въ какомъ либо органѣ печати, какъ русской, такъ и иностранной, не говорили бы, впрочемъ, добавимъ—не говорили-бы и вкривь, и вкось!

V.

По отдѣлу исторіи искусствъ, за весь обозрѣваемый годъ, мы можемъ лишь отмѣтить очерки, посвященные художественной дѣятельности Ѳ. Г. Солнцева и И. К. Айвазовскаго, да статью артиста г. Свободина: его воспоминанія о В. В. Самойловѣ. Но, конечно, „Русская Старина“ не разъ еще возвратится къ Самойлову, едва ли не послѣднему великому артисту по его многогранному сценическому дарованію, такъ живо напоминавшему намъ наилучшее, самое блестящее время въ исторіи русской драматической сцены (1840—1850-ые годы). Вотъ почему мы усердно просимъ всѣхъ почитателей В. В. Самойлова, всѣхъ лицъ, близко его знавшихъ, сообщать относительно этого, въ величайшей степени даровитаго, вполнѣ европейскаго артиста, свои воспоминанія и матеріалы къ его жизнеописанію.

Что касается до неподражаемаго мариниста г. Айвазовскаго, мощный талантъ котораго прославилъ его имя повсюду въ Европѣ, то по случаю достопамятнаго дня 26-го сентября 1887 г., дня празднованія болѣе нежели полувѣковаго его служенія искусству, на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины“ посвящены ему, И. К. Айвазовскому, краткое извлеченіе изъ

его же замѣчательныхъ Записокъ, явившихся въ нашемъ журналѣ изд. 1878 г., и двѣ наши рѣчи, на означенномъ торжествѣ сказанныя.

VI.

Отдѣлъ исторической библіографіи въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., попрежнему, состоялъ изъ краткихъ замѣтокъ, преимущественно сообщенныхъ нашимъ давнимъ сотрудникомъ профессоромъ императорскаго университета св. Владиміра въ Кіевѣ, по каѳедрѣ русской исторіи, В. С. Иконниковымъ, съ присоединеніемъ, отъ времени до времени, и нашихъ собственныхъ замѣтокъ. Недостатокъ мѣста въ нашемъ журналѣ не позволялъ и не позволяетъ намъ помѣщать большія критическія статьи о произведеніяхъ русской исторической литературы, между тѣмъ какъ, дѣйствительно, съ каждымъ годомъ эта литература обогащается трудами, нерѣдко весьма замѣчательными, по поводу которыхъ могутъ и должны бы являться критическія монографіи; но это задача литературно-научныхъ періодическихъ изданій, мы же не всегда даже находимъ мѣсто многимъ сообщеніямъ записокъ (мемуаровъ), историческихъ очерковъ и различныхъ матеріаловъ къ отечественной исторіи,—до того много ихъ поступаетъ въ архивъ „Русской Старины“ и до того богатъ онъ сообщеніями, поступившими въ 1870—1887 гг. и до сихъ поръ остающимися въ рукописи, не смотря на то, что книги „Русской Старины“ давно уже, по объему своему, значительно превышаютъ размѣръ, который можетъ быть данъ при весьма малой подписной цѣнѣ на этотъ журналъ.

VII.

Начавши ранѣе всѣхъ историческихъ журналовъ украшать „Русскую Старину“ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, мы и въ обозрѣваемомъ году старались, чтобы какъ выборъ лицъ, для воспроизведенія ихъ въ портретахъ, такъ и самое выполненіе гравюръ были бы вполнѣ удачны. А имѣя въ виду, что гравюра на мѣди всегда передаетъ портретъ въ болѣе изящномъ тонко-художественномъ воспроизведеніи, мы и въ обозрѣваемомъ году помѣщали нерѣдко гравюры на мѣди. Таковы превосходные портреты: профессора археологической живописи Ѳ. Г. Солнцева, маститаго патріарха современной русской академіи художествъ; нашего геніальнаго сатирика-писателя М. Е. Салтыкова и статсъ-секретаря А. В. Головнина; портретъ послѣдняго, впрочемъ, вслѣдствіе сообщенія плохой фотографіи, менѣе всего удался, а потому мы воспроизведемъ его вновь, въ 1888-мъ или въ одномъ изъ послѣдующихъ годовъ, по лучшей фотографіи. Гравюры эти принадлежатъ рѣзцу талантливаго художника Ѳ. А. Мѣркина, кромѣ портрета-медальона архіепископа Ѳеодосія Яновскаго,—точный снимокъ, воспроизведенный на мѣди съ старинной гравюры, сообщенъ изъ собранія Ю. Б. Иверсена и приложенъ къ „Русской Старинѣ“ 1887 г. Портретъ славнаго поэта К. Н. Батюшкова переданъ читателямъ „Русской Старины“ 1887 г. въ превосходной гравюрѣ первокласснаго современнаго гравера на мѣди профессора И. П. Пожалостина. Что касается до гравюръ на деревѣ, то они выполнены извѣстными учениками и послѣдователями академика Сѣрякова—И. И. Матюшинымъ, В. В. Мате, Г. И. Грачевымъ; портреты, ими выполненные для нашего изданія въ обозрѣваемомъ году, суть: партизанъ Фигнеръ, отшельникъ Ѳедоръ, графъ С. Г. Строгоновъ, портретъ-группа: К. П. Брюлловъ, М. И. Глинка и Н. В. Кукольникъ; М. Ю. Лермонтовъ въ гробу; графъ Л. Н. Толстой, поэтъ М. П. Розенгеймъ; кромѣ того помѣщенъ гравированный г. Вейерманомъ портретъ Помпея Николаевича Батюшкова.

Совершенно неудачнымъ портретомъ мы должны назвать портретъ Николая Никифоровича Мурзакевича—фототипически воспроизведеннаго въ одной изъ мастерскихъ города Мюнхена,—новое доказательство того, что намъ не для чего обращаться къ чужестранцамъ, когда у себя дома имѣются отличные художники.

Кромѣ портретовъ, въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. помѣщено нѣсколько рисунковъ, политипажей, таковы: аудіенція американца Фокса у императора Александра II,—памятники: Кульневу, Булатову, поэту Батюшкову и проч.

Въ заключеніе нашего обзора долгомъ считаемъ отмѣтить отрадный для насъ, какъ редактора-издателя „Русской Старины“, фактъ: все изданіе этого историческаго журнала, изданіе 1887 г., еще къ октябрю мѣсяцу сего года разошлось сполна, до послѣдняго экземпляра, по подпискѣ.

Не въ первый разъ таковой успѣхъ сопровождаетъ нашъ трудъ, но каждый разъ онъ, несомнѣнно ободряя редактора, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о возрастаніи самаго живаго интереса въ нашихъ читателяхъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли русской, къ подробной, серьезной и, главное, правды исполненной разработкѣ отечественной исторіи и исторіи русской литературы.

Безпристрастіе, полная правда и любовь къ дорогому Отечеству—будутъ присущи „Русской Старинѣ“ и на будущее время, а неизсякаемый архивъ этого изданія, постоянно обновляемый вновь поступающими записками, воспоминаніями, очерками и матеріалами, пребудетъ источникомъ, изъ котораго, по прежнему, съ строгимъ выборомъ, будемъ мы черпать содержаніе для „Русской Старины“ и въ 1888-мъ году, какъ то дѣлали въ теченіи восемнадцати лѣтъ изданія этого ежемѣсячнаго историческаго журнала.

Ред.

С.-Петербургъ
18-го ноября 1887 г.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературные статьи и матеріалы

въ 1870—1887 гг.

[по 18-е ноября 1887 г.].

Абаза, — Л. В. Абашкинъ, — Р. В. Авдіевъ, — В. П. Авенаріусъ, — Д. В. Аверкіевъ, — И. П. Аврамовъ, — Ага-бекъ-Гасабовъ, — П. Агапѣевъ, — Н. Агафоновъ, — Агентовъ, — А. Аграномовъ, — Адасова, — А. К. Адлицовъ,—М. П. Азанчевскій,—проф. И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ,—Аксюкъ, вдова, — И. И. Акутинъ, — П. В. Алабинъ, — С. И. Аландскій, — М. А. Албычевъ, — М. Александровъ,—А. Е. Алекторовъ, — К. Алмазовъ,—А. Н. Альмединген, — В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,— И. М. Амелицкій,—Е. Н. Аммонъ,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андозскій,—директоръ археолог. института профес. И. Е. Андреевскій, — В. Андреевъ,—П. П. Андреевъ,—Х. К. Андреевъ, — Анненковъ,—І. В. Антоновъ, — М. А. Антоновъ,—А. А. Антуфьевъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргилландеръ,—И. А. Аренсъ, — С. Аренсъ,—Аркадіевъ,— М. П. Арнольди, — О. Е. Арнольди,—Ѳ. С. Арнольди, — епископъ Арсеній,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—К. К. Арсеньевъ,—В. И. Асташевъ,—профес. Н. А. Астафьевъ,—Аринчъ,—В. А. Арцимовичъ,—И. Арцимовичъ,—А. Ф. Арцишевскій,—П. Я. Аршеневскій,—Т. В. Астаховъ, — В. Асташевъ, — Астракова, — Н. П. Ахвердовъ, — Д. Д. Ахшарумовъ,—А. Ю. Ашебергъ.

К. Ѳ. Багговутъ,— И. Н. Баевъ,— Г. И. Баіхаровъ,— Байхаровъ,—В. И. Бакунина,—Баландовичъ,—В. С. Балашевъ,—О. С. Балкъ,—А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, — Н. П. Бараніусъ, — профес. С. И. Барановскій,— Баранцевъ, — о. А. И. Баратынскій, — В. Л. Баратынскій, — А. И. Барзецовскій,— А. В. Бароновъ,—проф. Н. И. Барсовъ,—А. П. Барсуковъ,—Н. П. Барсуковъ,— З. А. Баршъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—кн. В. И. Барятинскій,— Д. Д. Баскаловъ,—А. И. Басовъ,—П. Н. Батюшковъ, — А. П. Бахрушинъ,— Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ, — Б. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ,— А. Безсоновъ, — В. Безсоновъ, — А. Безукладиновъ, — И. Е. Бельцманъ, — Н. Л. Бенуа,—г. Бердяевъ,—П. В. Березинъ,—В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, — Ан. П. Берже, — С. Н. Берже, — І. Берманъ,—М. А. Берманъ,— Беръ,—профес. І. В. Бертенсонъ,—г. Бертухъ,— І. Берхинъ, — М. А. Бестужева, — О. А. Бестужева, — В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — Бибиковъ, — Н. Билибинъ, — проф. В. А. Бильбасовъ, —

А. А. Бильдерлингъ,—бар. Бистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій,—Бларамбергъ,—гр. А. А. Бобринскій,—П. О. Бобровскій,—Н. Н. Бобровъ,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—С. Богоянскій,—баронъ Н. К. Богушевскій,—г. Бодеманъ (въ Гановерѣ),—профес. Ф. Ф. фонъ-Боденштедтъ,—И. Н. Божеряновъ,—И. В. Болдыревъ,—В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—П. Ѳ. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Борзецовскій,—В. А. Борисовъ,—Боричевскій,—Д. Н. Бородинъ,—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. Ѳ. Бороздинъ,—С. М. Борщовъ,—И. Бочаровъ,—А. К. Бошнякъ,—П. Ѳ. Брандтъ,—художн. Н. К. Брезе,—Р. И. Бржостовская,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Брунеръ,—А. П. Брянцевъ,—И. Брянцевъ,—Н. Буковскій,—Д. А. Булатовъ,—Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины,—А. Булыгинъ,—Е. Ѳ. Буринскій,—Н. Ѳ. Бурцовъ,—Я. Бутковскій,—баронъ Бутлеръ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—К. А. Бухъ,—В. Е. Бучневичъ,—М. Быковъ,—М. Быстровъ,—акад. А. Ѳ. Бычковъ,—Ѳ. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Д. Бѣлевичъ,—Н. А. Бѣлозерская,—И. П. Бѣлоконскій,—С. А. Бѣлокуровъ,—А. П. Бѣляевъ (декабр.),—баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ,—Н. А. Ваганов,—В. Н. Ваксель,—Н. Н. Вакуловскій,—М. С. Валевскій,—В. В. фонъ-Валь,—графъ П. А. Валуевъ,—А. У. Варакомскій,—К. А. Варгунинъ,—И. Варунъ-Секретъ,—И. И. Василёвъ,—К. П. Василенко,—Н. Васильева,—А. И. Васильевъ,—К. И. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—В. А. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—Н. В. Вахтинъ,—Георгъ Веберъ (въ Гейдельбергѣ),—Веденянинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Вейнбергъ,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—г. Вельяминовъ,—Н. Вельяшевъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ,—П. Вересовъ,—А. В. Верещагинъ,—А. И. Веригинъ,—Ѳ. Ѳ. Веселаго,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—Ѳ. Ѳ. Винбергъ,—Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—П. А. Виноградовъ,—С. Виноградскій,—Випроревъ,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый),—Ѳ. А. Витбергъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—Н. П. Вишняковъ,—Владимірова,—А. Владиміровъ,—М. Владыкинъ,—Г. П. Власовъ,—И. Влодзимірскій,—Е. Н. Водовозова,—А. Н. Воейковъ,—П. П. Возницынъ,—А. М. Войновъ,—Г. А. Волжевъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—С. Волосатова,—П. П. Волховской,—Вольдемаръ,—Вонлярлярская,—Г. А. Воробьевъ,—Е. З. Воронина,—Н. А. Воронихинъ,—П. А. Вороновъ,—Павелъ Никол. Вороновъ,—Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова,—Н. Я. Воскобойниковъ,—Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронесса Вревская,—баронъ Б. А. Вревскій,—П. И. Вріони,—Вудъ.—А. А Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—княгиня Гагарина, рожденная Иванова,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—П. Гагенъ,—А. Гакъ,—профес. А. Д. Галаховъ,—А. С. Галаховъ,—М. Н. Галкинъ-Врасскій,—С. А. Галкинъ,—К. И. Гамаринъ,—А. Ѳ. Гамбургеръ,—Е. А. Ганъ,—Я. Гарелинъ,—А. А. Гатцукъ,—А. Гацинскій,—Гвоздиковъ,—Э. Гебель,—К. К. Гейнсъ,—В. И. Гейсмаръ,—

О. Ф. Гейфельдеръ,—К. К. Гелингъ,—И. С. Генбачевъ,—г. Геничъ,—А. А. Герке,—В. Ц. Герцыкъ,—профес. А. А. Герценъ,—П. А. Гильтебрандтъ,—Гилюсъ,—Д. И. Гиппіусъ,—К. К. Гирсъ,—В. О. Гладкій,—К. В. Гладковская,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Глинка,—П. Гловацкій,—Глуховъ,—А. А. Глѣбова,—Д. Е. Гнусинъ,—Гнѣдичъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—г. Голицынскій,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—Н. И. Головачъ,—Я. Ѳ. Головацкій,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—К. Д. Головщиковъ,—К. М. Голодниковъ,—И. А. Голышевъ,—Н. И. Голубевъ,—В. В. Голубцовъ,—М. Г. Гольмдорфъ,—проф. В. А. Гольцевъ,—Гомановскій,—Гондатти,—А. Н. Гончаровъ,—И. А. Гончаровъ,—артистъ И. Ѳ. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—Н. Д. Горемыкинъ,—М. Горилецкій—М. П. Горловъ,—Городецкая,—М. И. Городецкій,—С. В. Городецкій,—профес. от. М. И. Горчаковъ,—проф. А. Д. Градовскій,—Г. К. Градовскій,—художн. Г. И. Грачевъ,—А. К. Грегоріади,—А. Е. Гренъ,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—Я. И. Григорьевъ,—И. Я. Гриммъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ,—Н. В. Губерти,—Н. И. Гулакъ,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—М. П. Гусаковскій,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ.

Кн. В. Д. Дабижа,—В. Н. Давыдовъ,—Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Н. Т. Давыдовъ,—Н. Данилевская,—А. С. Даниловъ,—Данильченко,—худож. А. И. Даугель,—Г. Е. Дахновичъ,—Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—В. А. Дейлидовичъ,—Н. Д. Дела-Флизъ,—А. К. Де-Ливронъ,—С. Дельпесъ,—И. Д. Деляновъ,—А. П. Демидовъ,—П. А. Деммертъ,—А. Демминъ,—Г. Д. Демяновскій,—худож. Деньеръ,—баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ,—фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—Г. А. Джаншіевъ,—В. А. Дзюбенко,—А. И. Дидриксъ,—Діатроптовъ,—Дмитріевъ,—А. Дмитріевъ,—Н. Г. Дмоховскій,—Л. Л. Добровъ,—Ѳеофанъ Г. Доброленскій,—Ф. Н. Добрянскій,—Я. И. Довголевскій,—В. Дойлидовичъ,—В. Док—ій,—кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ,—П. П. Должиковъ,—Л. П. Долинка,—В. П. Долотовъ,—К. И. Домонтовичъ,—Е. И. Дощанская,—А. Г. Достоевская,—Живко-Драговичъ,—Марко-Драговичъ,—А. М. Дренякинъ,—С. Д. Дрожжинъ,—кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій,—А. Дубицкій,—академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ,—А. В. Дурново,—П. В. Дуровъ,—М. Л. Духонинъ.

К. Евлентьевъ,—Евреиновъ,—А. Е. Егоровъ,—Егорьевскій,—Ф. Езіоранскій,—от. П. П. Еланскій,—от. І. Еланскій,—кн. Енгалычевъ,—князь Н. Н. Еникѣевъ,—Епанчинъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—К. И. Ермолинъ,—В. М. Еропкинъ,—В. В. Еропкина,—А. Ерошкинъ,—А. Есаковъ,—Г. В. Еспиовъ,—Я. И. Есьманъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. П. Жакмонъ,—А. Н. Ждановъ,—Н. Н. Жеденевъ,—В. Желеховскій,—В. П. Желиховская,—Н. Ѳ. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—А. В. Жиркевичъ,—от. В. И. Жмакинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—А. Жуковъ,—худож. Пав. Вас. Жуковскій,—Н. Н. Жуковскій,—Петръ Влад. Жуковскій,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ,—А. Заборинскій,—акад. П. П. Забѣлло,—Л. А. Загоскинъ,—С. М. Загоскинъ,—С. А. Загряжская.—В. Заенчковскій,—Т. М. Заишкевичъ,—И. К. Зайцевъ,—Ѳ. Д. Зайцевъ,—П. Т. Залѣсскій,—Замысловъ,—А. Зандрокъ,—Заржецкій,—Я. И. Заринъ,—Е. И. Зарина,—С. И. Зарудный,—А. Г. Затлеръ,—И. Н. Захарьинъ,—Д. Захаровичъ,—В. Захаровъ,—К. Защукъ,—профес. Н. Ѳ. Здекауеръ,—А. К. Зейдеръ,—А. И. Зеленой,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Л. Зиссерманъ,—М. З. Зіоровъ,—М. Злотковскій,—І. Э. Змунчилла, рожд. Стогова,—А. Змѣевъ,—Л. Ѳ. Змѣевъ,—Золотовъ,—А. И. Зотова,—А. Ѳ. Зубковскій,—В. Р. Зотовъ,—А. Ѳ. Зубковскій,—Е. Б. Зубова, рожден. баронеса Вревская,—В. А. Зыбинъ,—А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская,—О. И. Иванова, рожденная Анненкова,—Н. И. Ивановъ,—А. В. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ,—И. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—Петръ Вас. Ивановъ,—М. Н. Ивановъ,—Н. Ѳ. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Ю. Б. Иверсенъ,—А. Игнатовичъ,—от. архимандритъ Игнатій (Малышевъ),—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—А. Извольскій,—П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—К. В. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—Л. В. Ильяшевичъ,—М. А. Имбергъ,—Инсарскій,—А. Д. Исаковъ,—Л. С. Исарловъ,—Н. О. Истинской,—Г. Ѳ. Исѣевъ.

Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казина,—Казинъ,—А. Г. Казначеевъ,—П. С. Калачевскій,—М. М. Калиновская,—Калиновскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—Ѳ. А. Каменскій,—А. Канаринъ,—кн-ня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Кашнистъ,—П. А. Карабьинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—П. П. Каратыгинъ,—И. Каргопольцевъ,—Н. Н. Каргопольцевъ,—М. А. Каргинъ,—от. А. В. Кармазинскій,—П. Карнауховъ,—Г. Ѳ. Карповъ,—Каррикъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. П. Карцевъ,—г. Карцевъ,—П. Кастальскій,—Н. Н. Касьяновъ,—В. Катеневъ,—В. Катенинъ,—В. Каченовскій,—Н. С. Кашкинъ,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—проф. И. П. Келеръ,—М. Кельдышъ,—Н. П. Кельшъ,—Ѳ. Ѳ. Кенигъ,—А. П. Кеппенъ,—Т. Кибальчичъ,—Кильдюшевскій,—Кирилловъ,—С. И. Кирѣевскій,—Л. В. Киселева,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Китицынъ,—Ѳ. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—А. С. Клевановъ,—П. Клениковъ,—Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Д. А. Кобяковъ,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коведаевъ,—М. М. Ковязинъ,—Козадавлевъ.—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій,—С. Козловскій,—Н. И. Козловъ,—ген.-ад. Козляниновъ,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—З. Койданскій,—А. Кокосовъ,—Колачевскій,—А. Коленковскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—Д. Г. Колокольцовъ,—А. А. Колокольцевъ,—Е. Колокольцевъ,—В. И. Колосовъ,—М. А. Колчинъ,—бар. М. Колычевъ,—А. Л. Колянковскій,—В. А. Комаровъ.—А. Ф. Кони,—гр-ня Н. М. Коновницына,—А. О. Константинова,—Д. А. Копьева,—И. П. Корниловъ,—П. С. Коробка,—А. Коробовъ,—П. А. Коробьинъ,—І. А. Корозо,—Я. И. Коростовцевъ,—А. Корсаковъ,—профес. Д. А. Корсаковъ,—бар. Корфъ,—Г. Ѳ. Карчевскій,—Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ,—Я. И. Костенецкій,—М. Костылевъ,—Ѳ. Н. Костюковъ,—Н. П. Косяровскій,—

Иванъ А. Кравцовъ, — И. С. Кравцовъ, — А. А. Краевскій, — А. А. Красильниковъ, — В. А. Краснокутскій, — И. В. Краснопѣвцевъ, — А. Я. Креминской,—В. Д. Кренке,—В. В. Крестовскій,—Ю. А. Крестцовъ,—баронъ Криденеръ,—Н. Ѳ. Крузе,—М. Круповичъ,—С. Крутиковъ,—Н. А. Крыжановскій,—Крыжовъ,—А. Д. Крыловъ,—Н. Г. Крыловъ,—П. И. Крюковъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—В. В. Кузминъ,—Г. Кузминъ,—А. Кузнецовъ,—И. Кузнецовъ,—Н. И. Куликовъ,—Н. Н. Куликовъ,—П. А. Кулишъ,—акад. А. А. Куникъ, — М. А. Куплетскій, — И. К. Купріяновъ, — В. Курдановскій,— В. В. Курдюмовъ,— И. Курисъ,—М. Куроптевъ,—П. А. Кусковъ,—Н. Кутейниковъ, — М. Н. Кучаевъ, —Ю. Кушакевичъ.

С. И. Лаврентьева, —Т. Н. Лаврентьевъ,— проф. Н. Лавровскій,—Я. Лавровъ,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—Е. Лазо,—І. А. Лазовъ,—И. Ланинъ,—г. Ланкенау,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларіонова, по первому мужу Соловьева, рожден. Арбузова,— А. Ласкѣевъ, — Н. В. Латкинъ, — С. Лашкаревъ,—А. С. Лашкевичъ,—С. И. Лашкевичъ, — А. С. Лацинскій,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—проф. В. Лебедевъ,— В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ,—К. А. Лебедевъ,—К. И. Лебедевъ,—Г. Лебединецъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—П. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—М. Ю. Левестамъ,—С. Л. Левицкій,—О. И. Левицкій,—Г. П. Левицкій,—А. А. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ,—М. М. Лемницкій, — профес. Ленцъ (въ Марбургѣ), — артистъ Л. Л. Леонидовъ, — Леоновъ, — Леопольдовъ, — Н. В. Лепешинской, — И. В. Лермонтовъ,—В. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, — К. Ф. ДеЛивронъ,—М. И. Лилеевъ, — А. Линбергъ, — И. А. Линниченко, — Н. О. Линовскій, — И. Линскій, — Липовицкій, — Д. Д. Лисенко, — П. Литвинова, — В. И. Лихачевъ,—А. В. и А. Н. Лишины,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—П. В. Лобановъ,—Л. Я. Лозинскій,—А. Ломачевскій,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ,—С. Ц. Лопацкая,—Н. Лопухинъ,—П. В. Лопухинъ,—Е. А. Лопушинскій,—графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,—Лоссовская,—І. В. Лохвицкій,—Лошаковъ,—А. Луганинъ,—П. Ѳ. Лузановъ,—Лукинскій,—В. К. Луцкій,—А. Львовъ, — Анатолій Ник. Львовъ, — Л. Ѳ. Львовъ, — Ѳ. Ѳ. Львовъ,—Н. С. Лыкошинъ, — А. С. Лыкошинъ,—Н. С. Лѣсковъ,—В. И. Лѣствицынъ,—Любарскій, — Н. Н. Любовичъ,—М. Н. Любощинскій,—И. Людмиловъ,— И. М. Лядовъ,—А. Я. Ляпуновъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—Л. Н. Майковъ,—П. В. Майковъ,—В. Н. Майновъ,—епископъ Макарій,—С. М. Макарова,—Н. Я. Макаровъ,— от. П. Макаровъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—Н. Н Макшеевъ,—профес. А. И. Макшѣевъ,— И. П. Малаховскій,—Л. В. Малининъ,—П. Ѳ. Малиновскій,—И. Н. Мамакинъ,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—А. П. Мансуровъ,—К. А. Маньковскій,—А. В. Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Маринъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,— О. М. Марковникова,—Е. Л. Марковъ,—М. О. Марксъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ, — В. Мартыновъ, —П. Мартыновъ,—кн. Н. Масальскій,—Н. В. Масловичъ,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Масоловъ, — А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—А. П. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—художн. В. В. Матте,—Ив. Матченко,—художн. И. И. Матюшинъ,—Н. А. Матякинъ,—А. Маховъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—А. А. Маюровъ,—бар. П. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ,—М. Межаковъ, — бар. Мейендорфъ,—

Н. К. Меллеръ,—Мельниковъ,—Н. Мельницкій. — Меншиковъ, — бар. И. К. Мердеръ,—А. Е. Мерцаловъ,—А. Мечинскій,—Н. Мечъ, — Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—А. М. Миклашевскій, — акад. художн. М. О. Микѣшинъ,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—Н. С. Милошевичъ, — А. П. Милюковъ, — Милюковъ, —М. А. Милютина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стиль,—графъ Д. А. Милютинъ,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н. Минхъ,—К. Мирзоевъ,—М. Ѳ. Мирковичъ,—П. Мироносицкій,—С. Миропольскій,—М. П. Митковъ, — А. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. Ѳ. Михайловъ,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—полковн. Г. Михельсонъ, — І. О. Мишинъ, — А. Ѳ. Можаровскій, — Меѳ. Мирон. Молчановъ, — А. Морганъ,—графъ А. А. Мордвиновъ —Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Мориновъ,—А. И. Моркевичъ, — П. И. Морозовъ, — П. О. Морозовъ, — Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—И. Я. Морошкинъ, — Я. Морошкинъ, — А. П. Муликовскій, — Г. А. Муравьевъ (внукъ декабриста), — гр. М. Н. Муравьевъ (внукъ Виленскаго),—о. П. И. Мурзакевичъ,—Н. С. Мусинъ-Пушкинъ,—М. А. Мусницкій, — Е. Ѳ. Муяки, — художн. Ѳ. А. Мѣркинъ, — А. К. Мѣтлина,—Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкій,—М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—В. Надпорожный,—К. В. Назарьева,—М. В. Назимова,—контръ-адм. Назимовъ,—М. А. Назимовъ,—от. А. Накропинъ,—А. П. Налимовъ,—В. Напорожскій, — П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохницкій,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Ю. Ѳ. Нейманъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Н. В. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—графъ Д. К. Нессельроде,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Неѣловъ,—С. А. Никитенко,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаи, — О. Ѳ. Николаи,—А. А. Никольскій,—С. Никольскій,—Р. Н. Никулинъ,—М. Д. Ниловъ,—Д. Ниловъ,—графъ Нирод ъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. М. Новицкій,—М. Д. Нововъ,—А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Носъ,—А. Е. Носъ.

Обезерскій,—Облеуховъ,—кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—К. И. Огаревъ,—П. Огіевскій,—П. И. Огородниковъ,—С. Ф. Огородниковъ,—Н. Ф. Ожеде-Ранкуръ,—Н. П. Озеровъ,—Ю. А. Однобишинъ, — Н. А. Окуневъ, — П. А. Олферовскій, — М. Л. Ольшевскій, — Н. О. Омельяненко,—Ольхинъ,—В. И. Онупріенко,—А. Онѣгинъ,—от. С. И. Опатовичъ,—И. И. Ореусъ, — В. Ф. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. Б. Орловъ, — Ив. Никол. Орловъ, — Н. М. Орловъ, — П. А. Орловъ,—Ф. Ф. Орловъ,—проф Н. А. Осокинъ,—бар. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сакенъ,—бар. А. А. Остенъ-Сакенъ,—А. Острогорскій,—П. Осѣцкій,—М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ,—А. Ѳ. Павловскій,—Павловскій,—И. Ф. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—В. Ѳ. Павловъ,—Н. Х. Палаузовъ,—Н. А. Паленовъ,—Н. Палибинъ,—С. М. Палицынъ,—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—художн. Пантемакеръ,—Н. И. Пановъ, — С. Ф. Панютинъ,—П. А. Панчулидзевъ,—С. А. Панчулидзевъ,—С. А. Панчулидзевъ,—С. Ѳ. Папроцкій,—Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—Парландъ, архитекторъ,—М. Д. Пархомовъ, — И. В. Паскачинъ, — В. Пассекъ, — Т. П. Пассекъ,—

Пафнутьевъ,—А. Пахолковъ,—В. К. Пашковъ, — В. Пащенко, — И. Пеньковскій,—профес. І. Первольфъ, — Г. Г. Перетцъ, — Э. П. Перцовъ, — Перьфильева, — Н. А. Перьфильевъ, — генер.-лейт. Пестичъ, — Петерсонъ, — Г. П. Петерсонъ, — С. Петровскій, — Алексан. Павл. Петровъ, — П. Петровъ, — Андр. Ник. Петровъ, — проф. Н. И. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ,—А. Г. Петровъ,—от. Пирлингъ,—В. Н. Пироговъ,—А. А. Пирогова,—Н. В. Пирожковъ,—А. Н. Писарева,—С. П. Писаревъ, — В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ,—Платонова,—Н. Н. Платуновъ,—А. А. Повало-Швыйковскій,—С. И. Погодина, — И. П. Поддубный, — И. Е. Подтягинъ,—Ѳ. Подтягинъ, — Подушкинъ, — Подшиваловъ,—профес.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—И. Г. Познанскій,—А. П. Покровскій,—В. Ѳ. Покровскій,—Г. Покровскій,—Н. В. Покровскій, — П. Н. Полевой, — Ѳ. И. Полежаевъ,—А. П. Полетаевъ,—Н. А. Поливановъ, — В. Н. Поливановъ, — Л. И. Поливановъ, — Поликарповъ, — А. С. Полонскій, — Я. П. Полонскій, — А. Полторацкій,—В. Поляковъ,—профес. И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ, -Ѳ. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—Василій Петр. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—Нилъ А. Поповъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—А. П. Порто,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской, — полков. Потто, — Н. Н. Правиковъ,—П. Я. Прейсъ,—А. Преображенскій,—Н. М. Пржевальскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Д. И. Прозоровскій,—П. К. Прокоповичъ,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—Пронина,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. Пругавинъ,—С. Л. Пташицкій,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ,—кн. П. А. Путятинъ,—Е. П. Пуценко,—П. А. Пушкаревъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

В. Равпзъ,—И. Ф. Радзиковскій,—А. Ф. Радченко,—Раздеришинъ,—М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—Е. К. Раппъ, А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Регменскій, — К. Я. Реймерсъ, — Ѳ. Ѳ. Рейнботъ,—И. С. Ремезовъ,—Н. В. Реутскій, — Н. Ржавская,—Н. Ѳ. Ржевская, — графъ А. А. Ржевускій, — Н. Ридингеръ, — Н. В. Ринкъ, — А. Ѳ. Риттихъ, — Д. А. Ровинскій,—Н. Роговъ,—Г. И. Родзевичъ,—Д. П. Родіоновъ,—В. Рожковъ,—от. протоіерей А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—В. И. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—Г. Ѳ. Романенко-Щирый,—П. П. Романовичъ, — А. Н. Романовскій,—К. К. Ро—въ,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—Н. И. Ростиславовъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,— Д. Рубакинъ, — Ѳ. Рубановскій, — Рубецъ, — С. А. Рудакова, — К. И. Рудницкій,—Н. Рудыковскій, — баронъ В. Р. Румель, — Л. Е. Руммель,— Руничъ, —А. Ѳ. Рутценъ, — Рыбкинъ, — Н. Рындовскій, — В. Рышковъ,—Е. С. Рѣпина,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—профес. П. И. Савваитовъ,—А. А. Савельевъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—Ѳ. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Садовскій,—Н. Сажинъ,—Н. Ѳ. Сазоновъ,—В. Саитовъ,—П. И. Саламонъ,—графиня Е. В. Саліасъ, рожд Сухово-Кобылина (псевдон. въ литерат. Евгенія Туръ),—А. П. Саломовъ,—М. Е. Салтыковъ,—В. Самариновъ,—Н. Ѳ. Самаринъ,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—А. Д. Сатинъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамочкинъ,—Свистуновъ,—П. М. Свободинъ,—Н. П. Свѣчина,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—А. В. Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семевская, рожден. Буташевичъ-Петрашевская,—магистръ русск. исторіи В. И. Семевскій,—Д. Д. Семеновъ,—П. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,—Л. М. Сементовскій,—А. Сементовскій,—Е. Семичёва,—К. А. Семковскій,—К. К. Сентъ-Илеръ,—А. Н. Сергѣевъ,—Сергѣевъ,—А. Серебряковъ,—Л. М. Сердюкова,—И. О. Сержпутовскій,—Серно-Соловьевичъ,—графы Е. и Н. Е Сиверсъ,—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Спманскій,—Симоновъ,—Н. П. Синельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—Н. Е. Сироткинъ,—Р. П. Ситовскій,—Н. Н. Скалонъ,—А. Е. Скальковскій,—А. А. Скальковскій,—художникъ Г. Н. Скамони,—А. Скворцовъ,—А. И. Скиндеръ,—В. Скипскій,—Б. Скоробогатый,—Ѳ. М. Скородумовъ,—А. И. Скребицкій,—С. Д. Слатинъ,—А. Слѣпцовъ,—А. В. Смирновъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—О. Н. Смирнова,—Смѣкаловъ,—Д. Д. Смышляевъ,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—Л. Соболевъ,—С. Соболевъ,—А. П. Созановичъ,—В. Соколовскій,—А. П. Соколовъ,—А. Н. Соколовъ,—Н. И. Соколовъ,—В. Т. Соколовъ,—Е. И. Соколовъ,—профес. Ѳ. Г. Солнцевъ,—от. П. Соловьевъ,—П. И. Соловьевъ,—М. В. Соловьевъ,—Солтанъ,—А. И. Сомовъ,—А. Е. Сомовъ,—И. В. Сорокинъ,—Р. П. Сорокинъ,—Сосновская,—П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. И. Сперанскій,—А. Спицынъ,—И. Сиротининъ,—М. И. Ставраки,—Станевичъ,—С. А. Станкевичъ,—А. И. Старкъ,—Н. И. Стародубскій,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—В. П. Степановъ,—Н. И Степановъ,—П. А. Степановъ,—С. Стерлеговъ,—Стишевскій,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Н. В. Стороженко,—Стороженко,—П. Строевъ,—Стронинъ,—В. Я. Стоюнинъ,—А. Г. Стояновская,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—А. И. Стригоцкій,—Р. Строгановъ,—Н. С. Стромиловъ,—Б. В. Струве,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступишинъ,—М. М. Субботинъ,—С. Судаковъ,—І. М. Судіенко,—С. Н. Сулима,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—Е. Сысоева,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тицъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татариновъ,—о. протоіерей Арс. Вас. Тачаловъ,—А. З. Теляковскій,—Е. А. Теляковскій,—А. А. Телятниковъ,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Н. Тетеревниковъ,—А. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—А. И. Тимофѣевъ,—

Вѣра Вас. Тимощукъ, рожден. Кузнецова, — Тимченко-Рубанъ, — Н Титова, — А А. Титовъ, — В. П. Титовъ, — Н. Н. Титовъ,—Т. Тихменевъ, — И. Тихомировъ, — А. Е. Тихонравова,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня А. И. Толстая,—графиня С. А. Толстая,—графъ Д. А. Толстой,—П. С. Толстой,—В. М. Толстой,—Томашевъ.—А. М. Томилина, — Н. Е. Топчіевъ,—П. Травинъ,—г. Трахтенбергъ,—Н. Трескинъ,—В. Третескій,—Л. Н. Трефолевъ, — В. Г. Трироговъ, — А. Трифоновъ, — П. Трофимовскій, — Д. А. Трощинскій, — А. Н. Труворовъ, — А. Д. Тумановъ, — В. В. Тупоменскій, — Турау,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Н. П. и М. П. Тучковы,—Алексѣй Тыртовъ,—И. И. Тѣльновъ, —И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ,—В. А. Успенскій,—П. М. Устимовичъ.

Н. Фадѣева,—М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—Н. М. Федоровъ,—Н. Федотьевъ,—А. Федоченко,—А. И. Фелькнеръ,—Я. Фетистовъ,—А. Фехнеръ,—М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ,—А. П. Философова,—В. Д. Философовъ,—В. С. Флеринъ,—К. Н. Флиге,—Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флитъ,—Д. Флоринскій,—О. Е. Франкъ,—баронъ А. А. Фредериксъ, — бар. В. А. Фредериксъ, — бар. Фредериксъ,—Фрезе,—А. Г. Фрикенъ,—Фролковъ,—А. Е. Фролова, — Н. А. Фроловъ,—Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ,—Хижняковъ,—С. А. Хмырова,—Хмѣльницкій, — Н. Ф. Хованскій, — А. А. Ходневъ, — П. Ф. Хомутовъ, — от. А. Хорошуновъ, — Г. Р. Хорули, — И. Е. Хорунженковъ,—А. Н. Хребтовъ,—П. Хржановскій,—М. Н. Хрущовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Цвиленевъ, — С. Ѳ. Цвѣтковъ,—И. Е. Цвѣтковъ,—М. Р. Цебрикова,—Цебриковъ,—М. И. Цейдлеръ,—кн. Д. Н. Цертелевъ,—А. Цимбалистовъ.

Адамъ Мих. Чайковскій,—гр. Э. К. Чапскій,—А. И. Чарторижскій,—В. Р. Чевскій,—Ѳ. Ѳ. Чека пнъ,—Н. М. Челищевъ,—И. А. Черемухинъ,—П. А. Черкесова,—И. Черновъ, — В. Ф. Чернышевъ, — М. Г. Черняевъ, — К. А. Четверухинъ,—В. Н. Чеховъ,—Е. В. Чешихинъ,—Г. С. Чириковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,—Л. М. Чичаговъ, — И. Чичеринъ,— М. М. Чичаговъ,— Н. Чуйковъ, — А. А. и П. А. Чумиковы.

Г. А. Эзовъ, — А. Экземплярскій, — Э. Элерсъ, — Н. А. Энгельгардтъ,— К. Г. Эрнротъ.

Е. А. Шакѣевъ,—П. П. Шалфѣевъ,—И. И. Шамшевъ,—Ф. А. Шатовъ,—кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—В. И. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—И. А. Шмаковъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—Шелехова,—В. И. Шенрокъ,—Н. Шеншинъ,—А. В. Шереметевъ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинка,—П. Д. Шестаковъ,—И. І. Шеталовъ.—Н. И. Шигановъ,—Н. К. Шильдеръ,—Н. И. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ѳ. Ѳ. Шиманъ,—Н. Ширяевъ,—А. Д. Шишковъ,—С. Д. Шишковъ,—А. Шкляревскій.—Я. Шлегель,—А. О. Шлейснеръ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шогуровъ, — профес. Штейнгейль (въ Марбургѣ), — Н. К. Штрандманъ, — С. Н. Шубинской, — Б. В. Шульцъ, — П. А. Шульцъ, — А. Д. Шумахеръ,—Д. Шумиловъ,—А. Шуровскій.

Н. А. Щепкинъ,—С. П. Щепкинъ, — А. Щербаковъ, — Щербачевъ, — Н. Щеховскій.

М. Л. Юдинъ,—П. Л. Юдинъ,—г. Юзефовичъ,—Н. Юнгъ,—А. Юргенсонъ,—П. И. Юркевичъ,—П. О. Юрченко.

Д. Д. Языковъ,—С. М. Якимахъ,—проф. живоп. В. И. Якобій,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Вяч. Евгеніевичъ Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ, — И. И. Янжулъ, — Г. Д. Яновичъ, — С. Х. Яновскій,—Л. И. Янушъ,—А. И. Янъ,—С. А. Ярошъ,—П. Яспицкій,—В. Н. Ястребовъ,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова.

Н. Н. Ѳедоткинъ.—профессоръ Н. Ѳирсовъ.

Редакторъ-издатель «Русской Старины» **Михаилъ Ивановичъ** Семевскій, почетный членъ археологическаго института,—членъ археографической коммиссіи,—Императорскихъ обществъ: любителей древней письменности (въ С.-Петербургѣ), — Исторіи и Древностей Россійскихъ при московскомъ и новороссійскомъ университетахъ, — археологическаго общества (въ Спб.),—русскаго географическаго,—рязанской ученой архивной коммиссіи,—псковскаго статистическаго комитета,—почетный членъ ростовскаго (въ Ярославской губ.) музея церковныхъ древностей, почетный членъ петровскаго общества изслѣдователей астраханскаго края, членъ историческаго въ Москвѣ музея и членъ королевскаго общества исторіи въ Лондонѣ.

Вслѣдъ за списокъ нашихъ сотрудниковъ „Русской Старины“ долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: И. С. Аксаковъ,—С. А. Амировъ,—Л. Н. Антроповъ,—А. П. Арбузовъ,—проф. Н. Я. Аристовъ,—А. И. Артемьевъ,—А. Н. Афанасьевъ,—А. Ѳ. Багговутъ,—Я. П. Баклановъ,—П. И. Барановъ,—А. А. Баранцевъ,—князь А. И. Барятинскій,—Л. П. Батюшковъ,—А. П. Башуцкій,—професс. Н. В. Бергъ,—Ад. П. Берже.—Е. А. Бестужева,—М. А. Бестужевъ (декабристъ),—професс. М. И. Богдановичъ,—професс. О. М. Бодянскій,—М. П. Болотовъ,—адм. Бутаковъ,—Н. Д. Быковъ,—професс. И. Д. Бѣляевъ,—И. П. Варпаховскій,—П. П. Васильевъ,—кн. А. И. Васильчиковъ,—К. Н. Вельяминовъ,—Н. В. Веригинъ,—А. Ѳ. Волковъ,—Андрей Степановъ Вороновъ,—Н. М. Востоковъ,—И. В. Вуичъ,—А. Н. Вульфъ,—от. И. Гагаринъ (іезуитъ),—Г. Н. Геннади,—Н. В. Гербель,—професс. Эрн. Германъ (въ Марбургѣ),—П. П. фонъ Гецъ,—А. Ѳ. Гильфердингъ,—Ѳ. Н. Глинка,—К. П. Голенко,—А. В. Головнинъ,—свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ,—А. К. Гриббе,—В. Д. Давыдовъ,—В. И. Даль,—Данильченко,—П. М. Дараганъ,—кн. П. П. Демидовъ санъ-Донато,—М. Ѳ. Де-Пуле,—Н. Н. Де-Прерадовичъ,—Н. П. Дуровъ,—И. И. Европеусъ,—А. П. Есиповъ,—А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—Д. Н. Замятнинъ,—К. К Злобинъ,—И. Ѳ. Золотаревъ,—В. А. Золотовъ,—П. Д. Золотовъ,—П. Д. Зотовъ,—К. А. Зыбинъ,—В. А. Инсарскій,—Н. В. Калачовъ,—Ф. В. Каразинъ,—В. Н. Карамзинъ,—А. М. Каратыгина, рожден. Колосова,—П. А. Каратыгинъ,—Е. П. Карповичъ.—Е. Д. Карповъ,—бар. Кене,—Н. Х. Кетчеръ,—Д. И. Киніани,—А. Н. Кирилинъ,—А. М. Княжевичъ,—М. Е. Ковалевскій,—О. И. Константиновъ,—графъ М. А. Корфъ,—баронъ Н. А. Корфъ,—профессоръ Н. И. Костомаровъ,—графъ П. Е. Коцебу,—И. И. Красовскій,—А. Н. Креницынъ,—Г. И. Кузьминскій,—С. Е. Кулѣша,—кн. Куракинъ,—от. К. Кустодіевъ,—М. В. Кюхельбекеръ,—П. П. Ламбинъ,—професс. П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ,—А. Ф. Леопольдовъ,—Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—кн-ня С. А. Мадатова,—Л. С. Маковъ,—Б. М. Маркевичъ,—М. А. Марковъ,—от. Ив. Мартыновъ (іезуитъ),—П. И. Мельниковъ,—П. К. Менковъ,—П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Митринъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—М. И. Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ),—Ѳ. Н. Муратовъ,—Н. Н. Мурзакевичъ,—П. А. Мухановъ,—А. С. Наставинъ,—професс. А. И. Никитскій,—професс. В. В. Никольскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—

Ѳ. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,—И. Т. Осининъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—А. Н. Островскій,—И. Д. Павловскій,—акад. П. П. Пекарскій,—профес. Н. И. Пироговъ,—А. О. Подвысоцкій,—А. И. Подолинскій,—А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—О. А. Пржецлавскій,—М. М. Рангъ,—В. Ѳ. Ратчъ,—Н. А. Ратынскій,—А. В. Рачинскій,—Людмила Ив. Рикордъ,—М. П. Розенгеймъ,—баронъ А. Е. Розенъ (декабристъ),—ген. лейт. Д. И. Романовскій,—ген. Рудаковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовниковъ,—артистъ В. В. Самойловъ,—проф. И. И. Свѣзевъ,—А. С. Стибневъ,—И. В. Сливановъ,—И. Е. Семевскій,—А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—А. Е. Сеславина, рожден. Семевская,—Д. И. Скобелевъ,—акад. и профес. С. М. Соловьевъ,—И. И Сосницкій,—Т. А. Сосновскій,—А. Л. Спасскій,—Е. Э. Старковъ,—Н. П. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—от. А. П. Сулоцкій,—акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ,—К. Н. Тихонравовъ,—Токарева,—графъ Ѳ. П. Толстой,—А. В. Топоровъ,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—И. С. Тургеневъ,—кн. С. Н. Урусовъ,—В. И. Фелькснеръ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—А. В. Фрейгангъ,—М. Д. Хмыровъ,—И. Р. фонъ-деръ Ховенъ,—Н. Р. Цебриковъ (декабристъ),—Мих. Чайковскій (Садыкъ-Паша),—В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чеботаревъ,—членъ госуд. сов. ген.-адъют. К. В. Чевкинъ,—И. А. Чернавскій,—проф. Я. А. Чистовичъ,—Н. К. Чупинъ,—І. И. Шишкинъ,—Т. И. Шишкининъ,—баронъ В. И. Штейнгейль (декабристъ),—А. И. Штукенбергъ,—В. К. Шульцъ,—П. К. Щебальскій,—М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ,—А. И. Языковъ,—Ястржемскій,—Б. М. Ѳедоровъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо́льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлые фамильные архивы, напр. К. В. Чевкина,—находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

М. С.

Въ числѣ подписчиковъ на „Русскую Старину“

изд. 1887 года состоятъ

особы Августѣйшей Фамиліи:

Его Императорское Величество Государь Императоръ,
Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ,
Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна,
Въ Комнаты Августѣйшихъ Дѣтей Государя Императора,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Алексѣй Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Сергій Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Павелъ Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Константинъ Николаевичъ,
Его Императорское Высоч. Государь В. К. Константинъ Константиновичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Николай Николаевичъ,
Ея Императорское Высочество Государыня В. К. Александра Петровна,
Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Михаиловичъ,
Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ,
Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михаиловичъ,
Его Императорское Высочество Герцогъ Евгеній Максимиліановичъ,
Его Императорское Высочество Герцогъ Георгій Максимиліановичъ,
Ея Императорское Высочество Герцогиня Марія Максимиліановна.

Примѣчаніе. Въ старину списки подписчиковъ на историческія книги и періодическія изданія печатались въ тѣхъ же изданіяхъ. Слѣдуя этому обычаю, редакція „Русской Старины“, въ 1870 г., т. е. въ первый годъ своего изданія, также начала было печатать поименный списокъ подписчиковъ, но скоро пришлось отъ этого отказаться въ виду значительнаго числа подписчиковъ.

Нынѣ ежегодно помѣщая въ декабрьской книгѣ статистическую вѣдомость числа подписчиковъ, мы предпосылаемъ ей списокъ особъ Августѣйшей Фамиліи, изъ году въ годъ, постоянно возобновляющихъ подписку на наше изданіе историческій журналъ „Русская Старина“.

Ред.

„Русская Старина“ и ея изданія

въ числахъ подписчиковъ.

I.

„Русская Старина“ въ 1887 году.

Въ 1887 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Абобіорнеборгской губ.	2	24. Забайкальской обл.	44
2. Акмолинской обл.	25	25. Заравшанскомъ окр.	7
3. Амурской обл.	12	26. Иркутской губ.	71
4. Архангельской губ.	7	27. Казанской	85
5. Астраханской	38	28. Калишской	7
6. Бакинской	52	29. Калужской	41
7. Бессарабской губ.	80	30. Карской обл.	9
8. Вазасской	1	31. Кіевской губ.	177
9. Варшавской.	95	32. Ковенской	27
10. Виленской	62	33. Костромской.	43
11. Витебской	40	34. Кубанской обл.	53
12. Владимірской	77	35. Курляндской губ.	11
13. Вологодской	38	36. Курской	92
14. Волынской	64	37. Кутаисской	24
15. Воронежской	71	38. Кѣлецкой	13
16. Выборгской.	12	39. Лифляндской	43
17. Вятской	55	40. Ломжинской	15
18. Гродненской.	45	41. Люблинской	30
19. Дагестанской обл.	18	42. Минской.	35
20. Донской обл.	58	43. Могилевской	24
21. Екатеринославской губ	120	44. Московской.	44
22. Елисаветпольской	10	45. Нижегородской	50
23. Енисейской.	23	46. Новгородской.	60

47. Нюландской	11
48. Олонецкой	18
49. Оренбургской	32
50. Орловской	85
51. Пензенской	54
52. Пермской	108
53. Петроковской	17
54. Плоцкой	22
55. Подольской	71
56. Полтавской	120
57. Приморской обл.	48
58. Псковской губ.	49
59. Радомской	15
60. Рязанской	56
61. Самарской	51
62. С.-Михельской	1
63. С.-Петербургской	86
64. Саратовской	92
65. Семипалатинской обл	10
66. Семирѣченской	15
67. Симбирской губ.	40
68. Смоленской	66
69. Ставропольской	25
70. Сувалкской	9
71. Сѣдлецкой губ.	14
72. Сыръ-Дарьинской обл.	35
73. Тавастгусской губ.	3
74. Таврической	131
75. Тамбовской	94
76. Тверской	60
77. Терской обл.	48
78. Тифлисской губ	96
79. Тобольской	28
80. Томской	32
81. Тульской	75
82. Тургайской обл.	2
83. Уральской	7
84. Уфимской губ	29
85. Ферганской обл.	13
86. Харьковской губ.	144
87. Херсонской	202
88. Черниговской	69
89. Черноморскому окр.	7
90. Эриванской губ.	13
91. Эстляндской	15
92. Якутской обл	15
93. Ярославской губ.	59
Итого	4301
II. Въ Москвѣ	447
III. Въ С.-Петербургѣ:	
съ доставк. и безъ доставки.	1177
IV. За границею	75
Всего разошлось въ 1887 г.	6000

Все изданіе „Русской Старины“ изд. 1887 года,—въ количествѣ 6,000 экз.,—разошлось сполна къ 28-му октября 1887 года, до послѣдняго экземпляра, по подпискѣ.

II.

„Русская Старина“ въ изданіяхъ 1870—1886 гг.

разошлась въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

	Напечатано:	Разошлось:	Осталось:
1870 г. изданія первое, второе и третье.	4,025	3,908	117
1871 г. изданіе первое.	3,500	Не осталось ни одного экз., всѣ сполна разошлись.	
1872 г. изданія первое и второе. . .	4,500		
1873 г. изданіе первое.	5,000		
1874 г. » »	5,515		
1875 г. » »	6,000		
1876 г. изданія первое и второе. . .	6,535	6,388	147
1877 г. изданіе первое.	5,525	5,428	97
1878 г. » »	5,525	5,432	93
1879 г. » »	5,525	5,445	80
1880 г. изданія первое и второе. . .	6,025	5,868	157
1881 г. изданіе первое.	6,010	5,946	64
1882 г. » »	5,600	разошлось сполна.	
1883 г. » »	6,000	5,976	24
1884 г. изданія первое и второе. . .	6,625	6,487	138
1885 г. изданіе первое.	6,100	5,947	153
1886 г. » »	6,000	5,968	32
1887 г. » »	6,000	разошлось сполна.	

III.

Книги, изданныя редакціей „Русской Старины“:

«Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», изд. 1870 г.
«Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», изд. 1871 г.
«Записки Е. А. Хвостовой», изд. 1871 г.
«Записки Гавріила Ивановича Добрынина», изд. 1872 г.
«Записки Михаила Ивановича Глинки», изд. 1870 г.
«Записки князя Якова Шаховского», изд. 1872 г.
«Петровскій сборникъ», изд. 1872 г.
«Русская Родословная книга», подъ редакціей кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, два тома, изд. 1873 и 1875 гг.
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», изд. 1882 г.

Не осталось ни одного экземпляра, всѣ сполна разошлись.

	Напечатано: экземпляровъ.	Разошлось:	Осталось:	
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», 2 изд., 1886 г.	2,000	1,700	300	
«Записки сельскаго священника», Спб., изд. 1882 г.	1,825	1,329	496	
«Царица Прасковья», оч. изъ русск. исторіи М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	3,000	3,000		Разошлось сполна.
«Слово и дѣло», очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	2,600	2,600		
«Слово и дѣло», третье изд., 1884 г.	2,400			Изданія сполна проданы магазину Цинзерлинга.
«Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ», очеркъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, изд. второе, 1884 г.	4,000			
«Систематическая роспись содержанія «Русской Старины» изд. 1870—1884 гг.». Спб., 1885 г., съ портр.	1,000			

Оставшіеся, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, продаются у г. Цинзерлинга: каждая книга по 1 руб. 28 коп. съ пересылкою.

	Напечатано: экземпляровъ.	Разошлось:	Осталось:
«Русскіе дѣятели» въ портретахъ, изданныхъ редакціею истор. журнала «Русская Старина». Второе собраніе, Спб., 1886 г.	2,500	2,500	Разошлись сполна, до послѣдняго экземпляра.
«Павловскъ», очеркъ его исторіи, 1777—1877 гг., съ портретами и множествомъ рисунковъ, гравир. Л. А. Сѣряковымъ. Эта книга составлена ред. «Русской Старины», но издана иждивеніемъ Августѣйшаго Владѣльца города Павловска. .	1,825	1,825	

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина“ *А. Н. Пыпарева.*

16-го ноября 1887 г.
Спб.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ LIII, LIV, LV и LVI тт.

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1887 г.

Абаза, А. А., мн-ръ финанс., т. LIV, 167.

Абаза, М. А., т. LIII, 126.

Абрамовъ, Александр. Констант., ген.-лейт., начальн. 13-й дивизіи, † 1886 г., т. LIV, 184.

Ага-Магомедъ ханъ, т. LIII, 347.

Агапѣевъ, Петръ Еремѣев., сообщ.: «Борода въ нашей арміи», т. LV, 423—430.

Адлербергъ, гр., Влдм. Өед., ген.-ад., мн-ръ двора 1860 г., томъ LIII, 130, т. LVI, 331.

Адлербергъ, А. В., т. LVI, 677, 678.

Айвазовскій, Ив. Конст., проф. живописи, р. 1817 г., т. LVI, 263—272, 583—590, 670.

Аксакова, А. Ѳ., т. LIV, 812.

Аксаковъ, Серг. Тим., т. LIII, 249—250, 699, 702, т. LV, 571, т. LVI, 482, 484, 748.

Аксаковъ, Григ. Серг., 1868 г., т. LIII, 506.

Аксаковъ, Конст. Серг., т. LIV, 210—213, 248, 437, т. LV, 571—586.

Аксаковъ, Иванъ Сергѣев., р. 1823 г., † 1886 г., т. LIII, 112, 506, т. LIV, 166, 265, 556, 812, т. LV, 146—147, 423, 430, 571—586, 695, т. LVI, 497.

Алабовъ, И. С., гласн. спб. думы 1886 г., т. LV, 696.

Александра Ѳеодоровна, импера-ца, р. 1798 г., † 1860 г., т. LIII, 287, т. LIV, 81, 370, 732, т. LVI, 625.

Александра Іосифовна, вел. княгиня, т. LIII, 58, 70.

Александра Павловна, вел. княгиня, въ супруж. палатина Венгер., р. 1783 г., † 1801 г., т. LVI, 428.

Александръ I, импер., р. 1777 г., † 1825 г., т. LIII, 18, 19, 30, 44, 81, 82, 105, 139, 205, 236, 240, 245, 251, 262, 269, 294, 336, 613, т. LIV, 37, 58, 71—80, 175, 176, 369, 370, 434, 513, 639—642, т. LV, 165—182, 325, 328, 601, 604, 688, т. LVI, 71—106, 127, 136, 217, 218, 366, 370, 394, 395, 405, 425, 436, 438, т. LVI, 516, 530, 613, 620, 641, 787, 792.

Александръ II, имп., р. 1818, † 1881 г. Посѣщеніе имъ института въ Новой Александріи, т. LIV, 241—243, упом. т. LIII, 47—75, 115, 124, 125, 129—180, 389, 435, 436, 440, 441, 769, 774—778, т. LIV, 87, 181, 252, 345—366, 370, 557, 693, 712, 733, т. LV, кн. VII, стр. I—II, 79, 220, 602, 605, 618, 636, 688, т. LVI, 309, 312, 315, 321, 330, 331, 406, 424, 507, 573, 575, 676—680, 774—775.

Александръ III, императоръ, т. LIII, 50, 65.

Алексѣевъ, сенат., т. LIII, 86.
Алексѣевскій, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 1629 г., † 1676 г., т. LIII, 83, 578, т. LIV, 172, 192, 212, т. LV, 512, 601, 672, т. LVI, 546, 837, 840.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, т. LIII, 8, 31, т. LIV, 31, 32, 91, 143, 192, 650, т. LV, 4.
Альбертини, Ник. Викт., т. LVI, 834.
Альгаротти, гр., путешествен., т. LIV, 314, 315, 617.
Ангальтъ-Бернбургскій, принцъ, Викт. Амедей, ген.-поруч. 1789 г., т. LIV, 303.
Ангальтъ, гр., Ѳ. Е., т. LIII, 556.
Андерсонъ, Петръ, адмир. 1770 г., томъ LV, 38.
Андреевъ, П. П., сообщ. „Русская Америка 1862—1863 гг.“, т. LVI, 681—696.
Андреевскій, Ив. Ефимов., проф., директ. археолог. инст., сообщ. „Ученыя архивныя коммиссіи въ 1886 г.“, т. LVI, 537—553, упом. т. LIII, 296.
Андріяновъ, инсп. Полтавск. кадетск. корп., т. LIV, 641.
Андросовъ, Вас. Андр., издат. „Моск. Наблюдателя“, т. LIII, 43.
Анна Іоанновна, импер-ца, р. 1693 г., † 1740 г., т. LIV, 174, 325, 568, 569, 573, 578—581, 614—631, т. LV, 17, 18, 32, 513, 514.
Анна Леопольдовна (Карловна), правител., р. 1718 г., † 1746 г., т. LIV, 224, 619, 625, 626, 631, 636.
Анненковъ, Пав. Вас., т. LIII, 712, 714, т. LVI, 408, 699, 701, 723.
Анненковъ, А. С., архит., т. LIII, 662
Анненковъ, Мих. Никол., генер.-лейт. 1880 г., т. LIV, 237, т. LV, 210, 211, т. LVI, 835.
Аносовъ, горн. нач. Златоустовск. заводовъ 1837 г., т. LVI, 676.
Анчутинъ, инспект. Полтавск. кадетск. корп., т. LIV, 691.
Анчутинъ, полковн. 1877 г., т. LIV, 799.
Апраксина, Екат. Влдм., рожд. княж. Голицына, статсъ-дама, т. LIV, 79.
Апраксинъ, гр., Петръ Матв., бояринъ 1721 г., т. LVI, 282, 360.
Апраксинъ, Ст. Ст., т. LIII, 18.
Апухтинъ, А. Л., попечит. Варш. учебн. округа 1885 г., т. LV, 141.
Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., генер. артилл., р. 1769 г., † 1834 г., т. LIII, 76, 335, 384, т. LIV, 145, 146, 151, 197, т. LV, 419—422, т. LVI, 99, 805.
Арапетовъ, Ив. Павл., бывшій чл. редакціон. комм., † 1887 г., т. LIV, 167.
Арбеневъ, Іос. Іевлев., премьеръ-маіоръ 1789 г., т. LIV, 54, 59.
Арбузовъ, Антонъ Петровичъ, декабр., т. LIII, 464.
Армфельдъ, бар., генер. 1788 г., томъ LIII, 561.
Арсеньева, Е. А., рожд. Столыпина, бабка М. Ю. Лермонтова, т. LIII, 511, т. LVI, 110.
Арсеньевъ, Илья Алекс., изд. „Петерб. Газ.“, т. LV, 611, 612, 625.
Арсеньевъ, К. К., т. LVI, 410, 834.
Артамоновъ, полковн. 1877 г., т. LIII, 185, т. LIV, 801.
Архангельскій, П. В., проф., т. LIII, 296, 652.
Архаровъ, спб. генер.-губерн., т. LVI, 373, 379, 381, 797.
Арцимовичъ, Викт. Ант., бывшій тобольскій, затѣмъ калужскій губернат. 1858 г., чл. комм. о губерн. и уѣздн. учрежд., первоприсутствующій въ I-мъ деп. сената, т. LIII, 777, 784, т. LIV, 180, т. LVI, 313.
Арцимовичъ, М. В., чл. Костромской архивн. коммис., т. LVI, 546.
Асенкова, Варвара Александр., артистка, т. LIV, 792, т. LV, 134, 135.
Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Александръ Никол., писатель, т. LIII, 776, т. LV, 641—662.
Ахлестышевъ, одесск. воен. губернат., т. LVI, 669.
Ахматовъ, П. Е., маіоръ, т. LVI, 676—680.
Ахшарумовъ, Дм. Дм., т. LVI, 416, 417.
Ашикъ, т. LV, 496.
Ашъ, бар., К. И., смоленск. губернат. 1812 г., т. LIII, 20, 42, 274, 275, томъ LIV, 130.

Бабичевъ, Андр. Кондр., адъюнктъ философ. наукъ, директ. таганрог. гимназ., † 1859 г., т. LIII, 294, т. LV, 497, 498.
Бабстъ, Иванъ Констант., профессоръ, т. LIII, 445.
Багратіонъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф., р. 1756 г., † 1812 г., т. LIII, 611.
Багратіонъ, кн., тверск. губернаторъ 1866 г., т. LIII, 69.
Багратіонъ-Мухранскій, кн. Георгій Конст., статсъ-секрет., сенат., чл. госуд. сов., † 1877 г., т. LIV, 248.
Баженины, т. LV, 123—126, т. LVI, 554.
Баженинъ, Никиф. Степ., т. LVI, 554.
Базилевскій, А. Н., предсѣд. кіевск. казен. пал., т. LIV, 88.
Базилевскій, камергеръ, т. LIII, 403.
Бакунина, Варв. Ив., ея воспоминанія: «Персидскій походъ въ 1796 году», т. LIII, 343—374.
Бакунина, Екатер., сообщила замѣтку. «Александра Михайловна Верещагина», т. LV, 430.
Бакунинъ, Мих. Мих., полковн. Владим. пол. 1796 г., т. LIII, 343.
Бакунинъ, Мих. А., эмигрантъ, т. LV, 575, т. LVI, 146—155.
Балашевъ, камергеръ, томъ LIV, 233, т. LV, 206.
Бантышъ-Каменскій, т. LIV, 629.
Барановъ, графъ, Э. Т., томъ LIII, 132, т. LVI, 835.
Барановъ, Пав. Мих., т. LIII, 248.
Баратынскій, Евгеній Абрамов., поэтъ, † 1844 г., т. LIII, 464, т. LV, 453—457,
Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богдан., воен. мн-ръ 1812 г., р. 1761 г., † 1818 г., т. LV, 227.
Барковскій, Ив. Осип., генер., нач. статист. отд. мн-ва пут. сообщ., т. LIII, 799,
Барсовъ, Н. И., профес., т. LVI, 251.
Барсуковъ, А. П., чл. археографическ. коммис., т. LVI, 560.
Бартеневъ, П. И., т. LVI, 560.
Басаргинъ, адмир., т. LVI, 695.
Бассевичъ, гр., голштинск. посолъ при русскомъ дворѣ 1723 г., т. LV, 7, 8, т. LVI, 487.
Батенковъ, Гавр. Степ., декабр., писатель, т. LIII, 795, т. LIV, 404, 406, 642, т. LVI, 222, 223, 481.
Батюшковъ, Николай Львов., т. LIV, 509, 511.
Батюшковъ, Л. П., кап. генер. штаба 1839 г., т. LV, 489, 490.
Батюшковъ, Помпей Никл., ковенскій вице.-губ. 1850, впосл. помощн. попечит. виленск. учебн. окр., нынѣ д. тайный сов., почетн. опекунъ, т. LIV, 505—548, 551—561, т. LVI, 555—566.
Батюшковъ, Конст. Никол., писатель. р. 1787 г., † 1855 г., т. LIV, 240, 505—548, 721, т. LV, 128, 129, т. LVI, 102, т. LVI, 555—566.
Бауеръ, Ив. Васил., ген.-маіоръ 1788 г., т. LIII, 570.
Бауеръ, инжен., т. LVI, 29.
Баумгартенъ, Е. К., нач. управл. учил. воен. вѣд. 1864 г., т. LIV, 708.
Бахметевъ, генер. 1813 г., т. LIV, 513.
Бахтинъ, основат. Орлов. кадет. корп., т. LIII, 795.
Башуцкій, спб. коменд. 1826 г., т. LIII, 212, 214, 218, 219.
Башуцкій, сенат., т. LVI, 313.
Бебутовъ. кн., Вас. Осип., ген.-отъ-инф., † 1858 г., т. LVI, 827.
Безбородко, Илья Андр., тн. сов., сенат., † 1815 г., т. LIV, 44—45.
Безбородко, графъ, Александр. Андреев., вице-канцл. 1763 г., † 1799 г., т. LIII, 85, 86, 87, 336, т. LIV, 36, 38—43, 69, 297, т. LVI, 15, 19, 385, 428, 440, 443, 444, т. LVI, 785—789, 798.
Безъ-Корниловичъ, М. О., генералъ 1812 г., т. LIII, 638.
Безобразовъ, В. П., секрет. географич. общ. 1857 г., т. LIV, 167, 438.
Беккеръ, Пав. Вас., проф. римск. словесн., директ. Ришельевскаго лицея 1857—1862 г., т. LVI, 663.
Беклешовъ, ген.-прокур., т. LVI, 808, 810, 811.
Бенедиктовъ, Влдм. Григор., писатель, р. 1807 г., † 1873 г., т. LIII, 745, 751, 756, 757, т. LIV, 792, т. LV, 467, т. LVI, 473—477.

Бенигсенъ, бар., генералъ-отъ-кавалер. 1805 г., т. LIII, 605, 607.
Бенкендорфъ, гр., Алексдр. Христофор., шефъ жандарм., р. 1783, † 1844 г., т. LIV, 146, т. LVI, 625, 626, 737, 738.
Бергманъ, Петръ Өед., полк. 1789 г., т. LIV, 61.
Бередниковъ, В. Т., чл. учил. коммис. въ спб. 1886 г., т. LV, 696.
Берже, Адольфъ Петров., предсѣдатель кавказск. археографическ. коммисіи, р. 1828 г., † 1886 г., т. LIV, 416, т. LV, 484, т. LVI, 819—827.
Беренсъ, Викт., инжен., профес., писат., т. LIII, 797.
Берингъ, мореплаватель, т. LV, 309.
Берлинскій, М. Ѳ., инспекторъ кіевск. гимназіи 1815 г., т. LIII, 662.
Берманъ, М. А., дѣлопроизвдт. городск. учил. коммис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
Берсъ, Андр. Евстаф., докт., т. LVI, 577.
Бестужевъ, Алексдр. Алексдр. (Марлинскій), писатель, декабр., † 1837 г., т. LIV, 434, т. LVI, 405, 662.
Бестужевъ, Никл. Алексдр., декабр., т. LIII, 212, 216, т. LVI, 405.
Бестужевъ-Рюминъ, Петръ Михайлов., 1727 г., т. LVI, 488.
Бестужевъ-Рюминъ, Констан. Никол., профес., т. LIII, 112, т. LIV, 563, 565, 567, 587.
Бестужевъ-Рюминъ, Алексѣй Петров., велик. канцл., † 1768 г., т. LIII, 303, 305, 330, 331, 333, 334, т. LIV, 615.
Бехтѣевъ, рус. повѣренный въ Парижѣ, т. LIII, 588.
Бецкій, Ив. Ив., д. т. сов., р. 1704 г., † 1795 г., т. LIII, 322—325, 465, 548. 587, т. LIV, 638.
Бибиковъ, псковск. вице-губернаторъ 1811 г., т. LV, 326.
Бибиковъ, Алексдр. Алексдр., предвод. спб. ополченія 1812 г., т. LIV, 61.
Бибиковъ, Дм. Гавр., ген.-ад., кіевск. генер.-губ., т. LIII, 139, т. LIV, 731, т. LVI, 414, 761.
Бильбасовъ, В. А., сообщ. переводъ съ примѣч. соч. **Гельбига**: «Русскіе избранники и случайные люди», т. LIII, 299 — 328, 533 — 560, т. LIV, 35 — 46, т. LVI, 1—30, 425—444, упом. т. LIII, 562, т. LV, 163.
Бильдерлингъ, Александръ Александр., нач. николаевск. кавалер. учил. въ Спб. 1886 г., сообщ. «Лермонтовскій музей въ Петербургѣ», томъ LIII, 507—511, упом. 792.
Биронъ, Іоганнъ Эрнестъ, герц. курлянд., р. 1690 г., † 1772 г., т. LIII, 466, 555, т. LIV, 311, 312, 324, 570, 578, 615, 623, 627, 631, 632, т. LV, 515, т. LVI, 433.
Бискупскій, ген., нач. штаба 11-го корп. 1877 г., т. LIII, 186.
Благово, Дм. Дм. (въ монаш. о. Пименъ, архимандр.), настоят. русск. посольск. церкв. въ Римѣ, т. LIV, 572.
Благовѣщенскій, Николай Мих., ректор. варшавск. унив., т. LV, 141.
Бларамбергъ, Ив. П., археологъ, дир. одес. музея 1825 г., т. LIII, 661, 666, т. LIV, 136, т. LV, 496.
Блудовъ, Д. Н., мн-ръ внутрен. дѣлъ, т. LVI, 216, 302, 304, 311, 634.
Блюментростъ, лейбъ-мед. Петра В., т. LIV, 586, 587.
Бобровскій, Пав. Осипов., нач. воен.-юридич. акад., писат., т. LIII, 799, т. LIV, 705.
Богдановичъ, Ипполитъ Өед., писатель, авт. «Душеньки», т. LIV, 74, т. LV, 127.
Богдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. LIII, 637, 795, т. LIV, 78, т. LVI, 404.
Богдановскій, профес., т. LIII, 137.
Боголюбовъ, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.
Богомолецъ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Богуславскій, Н. Г., спб. губернск. прокуроръ 1861 г., т. LIII, 214.
Бодеманъ, сообщ. «Императрица Екатерина II въ письмахъ къ доктору Циммерманну», т. LV, 239—320.
Боденштедтъ, Фридрихъ (Fr. v. Bodenstedt), поэтъ и профес., переводч. на нѣмецк. яз. соч. Лермонтова, Пушкина и др., т. LIV, 407 — 503, т. LV, 571 — 600, т. LVI, 107, 675.

Бодянскій, Осипъ Максимов., проф. москов. универс., р. 1808 г., † 1877 г., т. LIV, 652, 687, 688, т. LV, 655, 657, 658.
Бологовскій, Я. Д., т. LIII, 284.
Болтинъ, синод. об.-прокур. 1725 года, т. LVI, 836.
фонъ-Боль, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.
Бороздинъ, генер., т. LIV, 135.
Барятинскіе, т. LIII, 534.
де-Ботта, маркизъ, т. LIV, 326.
Боткинъ, М. П., чл. учил. коммис. въ Спб., 1886 г., т. LV, 696, т. LVI, 272.
Боткинъ, Серг. П., профес. медицины, т. LVI, 150—161, 170.
Брадке, Е. Ѳ., попечит. кіев. учебнаго окр., т. LIV, 130, т. LVI, 507.
Бранденбургъ, А., археологъ, начальн. артил. музея въ Спб., т. LIII, 800.
Браницкая, графиня, т. LIII, 310.
Браницкіе, т. LV, 492.
Браницкій, гр., польск. коронный гетманъ, т. LIII, 304.
Братскій, Ѳ. И., художн., т. LIII, 110.
Брикнеръ, А. Г., сообщ. «Екатерина II въ перепискѣ съ докторомъ Циммерманномъ», т. LIV, 271—294, 591—612, упом. 53, 295, т. LV, 239.
Брискорнъ, прокур. юстицъ-коллегіи, т. LVI, 380, 812.
Брозинъ, ген.-м. 1836 г., т. LV, 482.
Бруни, ректор. акад. худож., т. LIII, 110, т. LIV, 162, 163, 673.
Брунновъ, бар., русск. посл. въ Лондонѣ 1866 г., т. LIII, 50, т. LIV, 396, 398, 399.
Брюловъ, К. П., художн., т. LIII, 741, 742, т. LIV, 673, 720, т. LVI, 586, 848—850.
Брюсъ, гр., Я. А., ген.-фельдцейхмейст., презид. мануфактуръ и бергъ-коллегіи 1718 г., т. LIII, 556, т. LIV, 337, томъ LVI 837.
Брюсъ, Романъ Виллимов., т. LV, 12.
Брюсъ, гр., Як. Виллим., инжен., астрономъ, т. LIV, 568.
Брюсъ, гр., спб. ген.-губернат., т. LIII, 87—92.
Буксгевденъ, гр., спб. ген.-губернаторъ, т. LIII, 383, 384, 611, 613, т. LVI, 381, 391, 783—795, 814.
Булатова, Пелаг. Алсдр., въ зам. Преженцова, т. LIII, 220.
Булатовъ, Алексдр. Мих., команд. 12-го егерск. пол., полковн., декабр., † 1826 г., т. LIII, 203—222.
Булатовъ, Мих. Мих., камеръ-пажъ, т. LIII, 205, 207, 211.
Булатовъ, Д. А., сообщ.: „Къ родословію фамиліи Муравьевыхъ“, т. LV, 338, упом. т. LIII, 205.
Булгаковъ, П. Я., т. LVI, 769.
Булгаковъ, Я. Ив., русск. послан. при портѣ 1789 г., т. LIII, 561, т. LIV, 308.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедикт., р. 1789 г. † 1809 г., т. LVI, 486.
Буличъ, Нпк. Никит., проф., т. LIII, 438.
Бунге, Ник. Христіан., мн-ръ финанс., 1881 г., т. LIII, 438, 777, 784.
Бутаковъ, адм. 1866 г., т. LIII, 55.
Буташевичъ-Петрашевскій, Мих. Вас. см. **Петрашевскій**.
Бутвиловскій, Мартынъ Ив., т. LIII, 644, 645.
Бутковъ, Влдм. Петр., т. LVI, 772.
Бутурлина, Алекс. Ив., т. LV, 202.
Бутурлины, графы, т. LIII, 290.
Бутурлинъ, фельдм., т. LV, 514.
Бутурлинъ, Петръ Алексдр., т. LIII, 590.
Буцковскій, сенат., т. LVI, 313.
Бычковъ, Ѳед. Афанас., сообщ. «Матеріалы къ русской исторіи XVIII-го вѣка», т. LVI, 487—490.
Бычковъ, Аѳан. Ѳед., директ. публичн. библ., т. LIII, 127, т. LVI, 211.
Бычковъ, Ив. Аѳанас., т. LVI, 567—574.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григ., писатель, р. 1810 г., † 1848 г., т. LIII, 531, 766, т. LV, 454, 455, 466, 567, т. LVI, 407, 409, 418, 723.
Бѣлозерская, Надежда Алексдр., сообщ. „Марія Ивановна Гоголь“, т. LIII, 667—710, „Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ“, т. LIV, 713 — 737, „Россія въ шестидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка“, т. LV, 499 — 522, „Николай Васильевичъ Гоголь“, т. LVI, 741—755, упом. т. LIII, 515—528.
Бѣляевъ, Алексдр. Петров., декабристъ, р. 1803 г., т. LIII, 511.

Бюлеръ, бар., Ѳ. А., д. тайн. сов., почетн. опекунъ, сообщ. „Стихотвор. И. С. Аксакова“, т. LIV, 812, упом. т. LIII, 506.
Бюргеръ, Ан. Иванов., издат. «Радуги», т. LV, 478.
Бюшингъ, ученый и писатель, т. LIII, 225, 227, 228.

Валенъ, бар., ген.-м., гельсингф. гражд. губерн. 1866 г., т. LIII, 51.
Валуевъ, об.-церемоніймейст., т. LVI, 389.
Валуевъ, гр., Петръ Алсдр., мн-ръ внутр. дѣлъ 1866 г., мн-ръ госуд. имущ. 1872 г., т. LIII, 58, т. LV, 623, т. LVI, 507, 524.
Ванновскій, П. С., нач. Павловск. учил., нынѣ воен. министръ, т. LIV, 703.
Варадиновъ, авт. „Исторіи мн-ва внутр. дѣлъ“, т. LIII, 391.
Варгунинъ, Н. А., чл. городской учил. коммис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
Варсанофій, архіеп. архангельск. 1742 г., т. LVI, 591.
Василевскій, Дм. Еф., проф. московск. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 272, 273.
Васильевъ, гр., Алексѣй Ив., сенат., мн. финанс., † 1807 г., т. LVI, 1—2.
Василій III, вел. кн. московскій, т. LIV, 1—34.
Васильчиковъ, Алексдр. Семен., офиц. кон. гвард. 1772 г., т. LIII, 543.
Васильчиковъ, П. А., т. LIII, 80.
Васильчиковъ, кн., Викторъ Иларіон., ген.-ад. 1857 г., т. LIV, 167.
Васильчиковъ, кіевск. ген.-губернат., т. LIII, 137.
Ватсонъ, Эрнестъ Карл., писат., род. 1839 г., т. LVI, 828—835.
Ведерниковъ, Васил., сообщ. «Заводчикъ Александръ Яковлевъ», т. LIV, 263—264.
Вейнбергъ, Петръ Исаев., писат., томъ LVI, 835.
Великопольскій, писат., т. LIII, 799.
Вельтманъ, помощн. директ. московск. оруж. палаты, т. LIV, 726, 729.
Вельяминовъ, ген.-губерн. зап. Сибири 1828 г., т. LIII, 276.
Вельяминовъ-Зерновъ, В. В., акад., т. LIV, 258, т. LVI, 83.
Веневитиновъ, М. А., сообщ. замѣтку, т. LIII, 710, упом. LVI, 560.
Веневитиновъ, Дм. В., поэтъ, † 1827 г., т. LIII, 202, 710, т. LIV, 404, т. LV, 135, 136, 460, 461, 567.
Венелинъ, Ю. И., ученый, т. LIII, 285, т. LIV, 661.
Венюковъ, Мик. Ив., сообщ. „Рязанцы“, т. LIV, 662, „Одинъ изъ питомцевъ Дворянскаго полка А. А. Тилло“, 712, „Четверостишіе Н. Н. Забудскаго“, 737, упом. т. LIII, 799.
Верещагина, Александра Мих., т. LV, 430.
Вержбицкій, полк. 1830 г., т. LIV, 222.
Верманъ, баронесса, Александра Вас., дочь В. А. Жуковскаго, т. LIV, 240, 518.
Весселъ, Н. Х., издат. „Педагог. Сборн.“, т. LIV, 704.
Весселъ, об.-квартирмейст., томъ LIV, 360, 365.
Фонъ-Визинъ, Мих. Александр., декабр., т. LVI, 406.
Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель, т. LIV, 71, т. LVI, 563.
Вильдеманъ, ген.-ад., т. LIV, 316.
Вилье, лейбъ-мед., т. LV, 177, т. LVI, 530.
Винтеръ, Ив. Ив., директ. Ришельевск. музея 1831 г., т. LIII, 238, 652.
Висковатовъ, Пав. А., профес., сообщ. „Мих. Юрьев. Лермонтовъ“, томъ LIV, 405—406, т. LVI, 107—126, „Альбомъ дерптскаго университета“, т. LV, 238, „Михаилъ Юрьев. Лермонтовъ“, т. LVI, 731—739, упом. т. LIII, 380, 510, 511, 634—647, т. LIV, 258, 421, 627, т. LV, 55, 58, 63, 67, 68, 327, 445, 562.
Вистингаузенъ, Л. К., нач. патріотич. институт. 1831 г., т. LVI, 742—755.
Виттъ, гр., И. О., нач. воен. поселен. въ Новорос. 1830 г., нач. Ришельевскаго лицея, т. LIII, 284—298, 652, т. LIV, 130, 646, т. LV, 483—486.
Віардо Гарсіа, Паулина, пѣвица, т. LIV, 472—496.
Віельгорскій, гр., гофмейст., т. LVI, 369, 374, 783, 792.

Владиміръ Александровичъ, его и. выс. вел. князь, т. LIII, 54, 65, т. LVI, 559.
Владиславлевъ, ректъ. спб. унив. 1887 г., т. LVI, 587.
Власовъ, Георгій Петр., генер.-лейтен., т. LIII, 796.
Владиміровъ, Өед. Петр., сахарн. фабрикантъ, † 1792 г., т. LIII, 542.
Влезковъ, И. И., предсѣд. тверск. окружн. суда, т. LVI, 541.
Воденниковъ, А. Д., гласн. спб. думы 1884 г., т. LVI, 192.
Водовозовъ, Вас. Ив., педаг., р. 1825 г., † 1886 г. т. LIII, 471—494, 531, т. LV, 431—440.
Воеводскій, смол. губернск. предв. двор. 1812 г., т. LIII, 27.
Воейкова, Александра Алсдр., т. LV, 237, 238.
Воейковъ, Алексдр. Өед., писат., т. LIV, 517, т. LV, 606.
Войцеховичъ, А. И., сенат., т. LVI, 313.
Воленсъ, В. П., чл. учил. коммисс. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696, т. LVI, 169.
Волковъ, Апол. Андр., генер.-поруч. 1789 г., т. LIV, 305.
Волковъ, М. А., секрет. константинопол. миссіи, т. LIII, 660.
Волковъ, полтавск. губерн., т. LIV, 689.
Волковъ, Өед. Григ., актеръ въ XVIII вѣкѣ, т. LIII, 83, 84.
Волконская, княг., Марія Никл., рожд. Раевская, т. LV, 135.
Волконская, княг., Зинаида Алексдр., рожд. княжна Бѣлосельская, писательница, т. LV, 135, 461.
Волконская, княг., М. П., т. LIV, 732.
Волконскіе, князья, т. LIII, 290.
Волконскій, кн., М. С., тов. мн-ра народн. просв., т. LVI, 251.
Волконскій, кн., Серг. Григ., т. LV, 135.
Волконскій, кн., Петр. Мих., мн-ръ двора, т. LIII, 208, 209, т. LIV, 349, 378. 379, 729, т. LVI, 86, 270.
Волоцкій, А. А., ставропол. губ., т. LIV, 737, т. LV, 640.
Волынской, Артемій Петр., об.-егермейст., кабинетъ-мн-ръ, род. 1689 г., † 1740 г., т. LIV, 578, 623.
Воробьевъ, художн., т. LIV, 74.
Воронецъ, ген.-лейт., директ. дворянск. полка 1855 г., т. LIV, 693, 695.
Воронихинъ, Андрей Никифор., проф. архитект., строит. Казанск. собора въ Спб., † 1814 г., т. LIV, 72, 75.
Вороновъ, Пав. Никл., сообщ. «По поводу статьи: Второе сраженіе подъ Плевно, 18 іюля 1877 г.», т. LIV, 793—810, упом. т. LIII, 181—192.
Воронцова, граф., Анна Карл., рожд. Скавронская, т. LIII, 586, 592, 594.
Воронцова, граф., Анна Мих., въ зам. барон. Строгонова, † 1769 г., т. LIII, 583, 584, 586, 589—594.
Воронцова, Марія Роман., въ зам. Бутурлина, т. LIII, 590.
Воронцова, Елисав. Роман., † 1792 г., т. LIII, 592, т. LVI, 666.
Воронцова, граф-ня Елисав. Ксавер., т. LIV, 140, 143.
Воронцовъ, гр., впосл. кн., Мих. Семен., новороссійск. ген.-губерн. 1830 г., намѣстн. кавказск., генер.-фельдмарш., р. 1781 г., † 1856 г., т. LIII, 5, 31, 246, 247, 248, 282, 283, 284, 286, 287, 654, т. LIV, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 144, 154, 160, 643, 646, 647, 655, т. LV, 478—497, т. LVI, 655—673, 826.
Воронцовъ, гр., Алексдр. Роман., госуд. канцл. род. 1741 г., † 1805 г., т. LIV, 36, 39, 40, 45, т. LVI, 26.
Воронцовъ, гр., Сем. Ром., полном. пос. при лонд. дворѣ, р. 1744 г., † 1832 г., т. LIII, 283, 594, т. LIV, 607, т. LV, 525,
Воронцовъ, гр., Мих. Илларіон., канцл., р. 1714 г., т. LIII, 583, 584, 585, 586, 587, 591, 593, т. LIV, 92, 315.
Воронцовъ, Ром. Илларіон., † 1783 г., т. LV, 525.
Воронцовъ, гр., 1757 г., т. LIII, 467—469.
Воскресенскій, В. А., чл. учил. комм. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
Востоковъ, А. Х., т. LIV, 649.
Вохинъ, Никол. Вас., ген.-м., р. 1790 г., † 1853 г., т. LIII, 621, 630.
Врангель, Егоръ Петр., директ. полтавск. кадетск. корп. 1850 г., впосл. попечит. виленск. учебн. окр., т. LIV, 633, 684, 691.

Врангель, А. И., ревельск. губернат. 1788 г., т. LIV, 305.
Вронченко, Θед. Павл., мн-ръ финанс. 1846 г., † 1852 г., т. LVI, 772.
Вульфъ, Екат. Петр., т. LV, 237.
Выходцевскій, инспект. 1-го кадетск. корп., т. LIV, 691.
Вышеславцевъ, Ар. С., т. LIII, 509.
Вѣра Константиновна, вел. княг., въ зам. герц-ня Виртембергская, томъ LIII, 510.
Вяземская, княж., Анна Александр., въ зам. Зубова, † 1835 г., т. LVI, 426.
Вяземскій, Никифоръ, учит. царев. Алексѣя Петровича, т. LVI, 32.
Вяземскій, кн., т. LIV, 433.
Вяземскій, кн., Алексдр. Алексдр., ген.-прокур. 1787 г., т. LIII, 86, 87, 564, т. LIV, 45, т. LV, 47.
Вяземскій, кн., Петръ Андреев., писат., р. 1792 г., † 1878 г., т. LIII, 236, 464, т. LIV, 512, 543, 545, 792, т. LVI, 102, 103, 160.
Вяземскій, кн., П. П., т. LVI, 721, 734—738.

Гавриловъ, М. М., профес. московск. унив. 1825 г., т. LIII, 267.
Гавріилъ Розановъ, архіеп. херсонск. и таврич. 1839 г., т. LIV, 658, т. LV, 487.
Гагаринъ, кн., Ив., сообщ. «Екатерина II во время войны съ Швеціей, письма и повелѣнія гр. В. П. Мусину-Пушкину», т. LIII, 551—574, т. LIV, 47—70, 295—308.
Гагаринъ, кн., М. П., сибирск. генер.-губернат. 1711 г., т. LIV, 331, 338.
Гагаринъ, кн., Павелъ, т. LIV, 435.
Гагаринъ, кн., Алекс. Ив., т. LVI, 666, 667.
Гагаринъ, кн., директ. театровъ, томъ LIII, 688, т. LVI, 741.
Гаевскій, Викт. Павл., т. LIV, 760.
Гайдебуровъ, П. А., т. LVI, 505, 506.
Гакстгаузенъ, т. LVI, 620—635.
Галаганъ, Григ. Павл., чл. редакц. комм. 1860 г., нынѣ чл. государств. совѣта, т. LIV, 167.
Галафѣевъ, ген.-лейт., т. LIII, 510.
Галаховъ, А. С., сообщ.: «Николай Александровичъ Добролюбовъ», т. LVI, 233—235, упом. т. LIII, 248, 279, томъ т. LVI, 559, 560.
Гальбергъ, скульпт., т. LIV, 74.
Гамалей, Θед. Мих., управл. одесск. таможн. 1836 г., т. LV, 481.
Гамбургеръ, Анд. Θ., ст.-сек., т. LIII, 75.
Ганъ, Елена Андреев., рожд. Фадѣева, писат.-романистка, † 1842 г., т. LIII, 733—766, т. LV, 236, 430.
Ганъ, Ив. Алексѣев., т. LIII, 735, 737.
Гарновскій, Мих., артиллер. полковн., ссыл. на его Записки, т. LIII, 572.
Гатцукъ, А. А., сообщ. «Замѣтки В. И. Даля на Крестовый календарь», т. LVI, 231—232.
Гауровицъ, П. С., докторъ, т. LVI, 669, 671.
Гедеоновъ, смоленск. губернат. 1804 г., т. LIII, 18.
Гейкингъ, бар., предс. юстицъ-колл. въ царств. Павла I, т. LVI, 365—394, 783—815.
Гейнсъ, братья, т. LIII, 799.
Гейфельдеръ, О. Ф., сообщ. „Воспоминанія врача о М. Д. Скобелевѣ“, т. LIV, 217—239, т. LV, 203—225.
Фонъ-Гельбигъ, Георгъ, секр. саксонск. посольства при дворѣ Екатерины II 1787—1796 гг., † 1813 г., т. LIII, 299—328, 533 — 550, 558, т. LIV, 35 — 46, т. LVI, 1—30, 425—444, уп. т. LV, 163.
Геннади, Г. Н., т. LVI, 699.
Гешвендъ, А. Р., чл. учил. комм. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
Гербель, В. В., команд. артилл. гренад. корп. 1833 г., впосл. инспект. порохов. зав., † 1870 г., т. LV, 446. т. LVI, 515.
Гербель, Никол. Вас., писат., т. LIII, 711, 712, 713, 714, т. LV, 136, 446.
Герберштейнъ, посолъ, т. LIV, 26, 29, 30—34.
Гердъ, А. Я., педагогъ, т. LVI, 168.
Германъ, Ив. Ив., ген.-лейт., ген.-квартирмейст., т. LVI, 29—30.
Герценъ, Наталія Алексдр., т. LVI, 146.

Герценъ, Алексдр. Ив., писат. и публицистъ, т. LIV, 439, т. LV, 558, 575, т. LVI, 145, 331, 407, 634—646, 763, 770, 771.
Герштенцвейгъ, ген. 1856 г., т. LIV, 351, 361, 362, 695, т. LV, 483.
Гетунъ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Гильденштубе, ген.-ад. 1866 г., томъ LIII, 61.
Гильтебрандтъ, Петръ Андр., членъ археогр. комм., учен. справщикъ при св. синодѣ, т. LVI, 243—244, 247, 252.
Гильфердингъ, Алексдр. Θед., помощн. ст.-секрет., предсѣд. славянск. благотворит. комитета, ученый и писатель, р. 1831 г., † 1872 г., т. LIII, 111, 112, 114, 126.
Гинцель, Карлъ Христіанов., ген.-поруч., правит. выборгск. намѣстнич. 1788 г., т. LIII, 568.
Гладкій, предсѣд. екатеринославск. пал. госуд. им. 1839 г., т. LV, 488.
Глазенапъ, секундъ-маіоръ Псковск. пѣх. полка 1788 г., т. LIII, 570, 571.
Глинка, Н., изд. зап. Манштейна, томъ LIV, 310.
Глинка, Θед. Никл., писат., т. LV, 604, 605, 612—615, т. LVI, 87.
Глинка, Сергѣй Н., изд. «Русск. Вѣстн.», т. LIV, 510, т. LVI, 86.
Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 г., † 1857 г., т. LIII, 741, т. LV, 695, томъ LVI, 848—850.
Глинскій, кн., Мих. Львов., т. LIV, 1—34.
Глѣбовъ-Стрѣшневъ, Θед. Петр., томъ LIII, 208.
Гнусинъ, Дм. Емельянов., печн. дѣлъ маст., т. LIII, 515—528.
Гнѣдичъ, Никол. Ив., писат., † 1833 г., т. LIV, 74, 507, 510, 511, 517, 520, 522, 542, 544, 721, т. LV, 127—131, 457, 464, т. LVI, 721.
Гогель, ген., смотрит. царскос. дворца 1866 г., т. LIII, 56.
Гоголь, Марія Ив., мать Н. В. Гоголя, р. 1794 г., † 1868 г., LIII, 667—710.
Гоголь-Яновскій, Васил. Аѳанасьев., 1825 г., т. LIII, 667, 670, 671, 674, 676, т. LIV, 434.
Гоголь, Никол. Васил., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. LIII, 249—250, 531, 667—731, 775, т. LIV, 95—128, 156, т. LV, 127, 553—570, 622, т. LVI, 486, 741—755.
Годеинъ, ген.-лейт., директ. 1-го кад. корпуса 1839 г., т. LIV, 678, 691.
Голенищева-Кутузова, Олимп. Серг., въ зам. Кульнева, т. LIII, 630.
Голицына, княг., Наталія Петр., рожд. гр. Чернышева, т. LIV, 78.
Голицынъ, кн., Мих. Мих., фельдмарш. т. LIV, 196.
Голицынъ, кн., Н. С., ссыл. на его замѣт. „Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ“, т. LVI, 217, 220.
Голицынъ, кн., Вас. Серг., т. LV, 481.
Голицынъ, кн., Дмит. Мих., полномочн. русск. посолъ въ Вѣнѣ, † 1793 г., томъ LIII, 587, т. LIV, 196, 306, т. LVI, 439.
Голицынъ, кн., Алексдр. Никл., оберъ-прокур. св. синода, мн-ръ духовн. дѣлъ и просв., р. 1773 г., † 1844 г., т. LIII, 18, 235, 276, 289, 290, 294, 296, т. LIV, 197, т. LV, 478, т. LVI, 94.
Голицынъ, кн., Андр. Мих., смоленск. витебск. и могилевск. ген.-губернат. 1847 г., т. LIII, 429.
Голицынъ, кн., Леонидъ Мих., т. LIII, 413, 414, 415, 416, 421, 424.
Голицынъ, кн., Сергѣй Мих., т. LIV, 380, 381.
Голицынъ, кн., Гр. Гр., т. LVI, 666.
Голицынъ, кн., Вас. Вас., т. LIV, 255.
Голицынъ, кн., Анд. Анд., т. LIII, 221.
Голицынъ, кн., Влдм. Борис., т. LIV, 78.
Голицынъ, кн., Дм. Влдм., московск. ген.-губернат., т. LIV, 79.
Голицынъ, кн., Мих., т. LIV, 410, 423
Головачевъ, В., т. LIII, 555.
Головкинъ, гр., 1727 г., т. LVI, 487.
Головкинъ, гр., Юр. Алекс., харьковск. попечит. 1838 г., т. LV, 477.
Головкинъ, гр., Петръ, т. LVI, 793.
Головкинъ, гр., кам.-юнк., томъ LV, 479, 480.
Головкинъ, гр., т. LIV, 613, 630.
Головинъ, Евг. Ал., ген.-губернат. Остзейск. края 1847 г., т. LIV, 208.

Головнина, Авд. Степ., рожд. Лутковская, т. LIII, 769, 771, 786.
Головнинъ, Вас. Мих., вице-адм., писатель, т. LIII, 771.
Головнинъ, Алексдр. Вас., мн-ръ нар. пр., ст.-секр., чл. гос. сов., р. 1821 г., † 1886 г., т. LIII, 438, 442, 443, 445, 449, 767—790, т. LIV, 167, 180, 270, т. LV, 441—445, 663—666, т. LVI, 507—515.
Гольтгойеръ, сенат., т. LVI, 313.
Гончаровъ, Ив. Алекс., писат., т. LIV, 422, 792, т. LV, 608, 618, 619, 621, томъ LVI, 577.
Горбачевскій, Ив., декаб., т. LIII, 795.
Горбуновъ, Ив. Ѳед., артистъ и писат., сообщ.: „князь Александръ Борисовичъ Куракинъ", т. LVI, 618.
Горемыкинъ, Н. Д., сообщ.: „Павелъ Озерецковскій", т. LVI, 842—845.
Горковенко, контръ-адм. 1866 г., томъ LIII, 48, 56, 59, 65.
Городецкій, Митроф. Ив., т. LVI, 558.
Горчаковъ, кн., Мих. Дм., генер.-ад., р. 1792 г., † 1861 г., т. LIV, 346, 347, 351, 356, 363.
Горчаковъ, кн., Алексдр. Мих., госуд. канцл., род. 1798 г., † 1883 г., т. LIII, 49, 52, 66, 70, 71, 72, 73, 109, 236.
Гофмейстеръ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Граве, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Градовскій, Н. Г., т. LIII, 283.
Градовскій, Г. К., сообщ.: „Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ", т. LVI, 828—833.
Грановскій, Тимо. Никл., проф. моск. унив., т. LIII, 531, т. LIV, 84, т. LV, 647, 654, 657.
Графъ, перев. драгоманъ при русск. посол. въ Тегеранѣ, т. LVI, 819.
Гребенка, Евг. Павл., писат., р. 1812 г., т. LV, 127.
Гребенщиковъ, Яковъ Алексдр., воен. писат.-публицистъ, т. LIII, 800.
Гревениць, бар., Пав., т. LIII, 236.
Гревенсъ, Гр. А., т. LIV, 519.
Грейгъ, Самуилъ Карлов., адмир., гл. команд. кронш. порт. 1775 г., † 1788 г., т. LIII, 553, 566, 567, 569, 572, т. LIV, 48, 602, т. LV, 37, 297, 299.
Грейгъ, Алексѣй Самуил., адмир. 1866 г., т. LIII, 74.
Гречъ, Никл. Ив., писат., род. 1787 г., † 1867 г., т. LIII, 757, т. LV, 621, т. LVI, 486.
Грибоѣдовъ, Алексдр. Серг., писатель, род. 1795 г., † 1829 г., т. LIII, 531, т. LV, 567.
Григоровичъ, А. А., пис., т. LVI, 579.
Григоровичъ, В. И., профес. казанск. унив., т. LV, 658.
Григоровичъ, Васил. Ив., конференцъ-секрет. акад. худ., т. LIV, 672.
Григоровичъ, Дм. Вас., писат., т. LIII, 775, т. LIV, 750, 751, т. LVI, 577.
Григорьевъ, В. В., оріенталистъ, т. LV, 487, 492, 493, 495, т. LVI, 659.
Гриммъ, бар., Фридр.-Мельхіоръ, корреспонд. Екатерины II, род. 1723 г., † 1807 г., т. LIV, 271, 274, 283, 284, 594, 597.
Гриммъ, А. Ѳ., т. LVI, 669, 671.
Гриневичъ, проф., т. LIII, 294.
Гродековъ, И. И., ген.-м., бывш. воен. губерн. Сыръ-Дарьинск. обл., т. LIV, 231, 235, 237.
Громека, М. С., т. LVI, 579.
Гротъ, Конст. Карл., самарск. губерн. 1858 г., бывш. чл. особ. комм. о губ и уѣздн. учр., ст.-секр., чл. гос. сов., т. LIII, 438, 777, 784, т. LIV, 180.
Гротъ, Яковъ Карл., акад., сообщ.: «Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ въ заботахъ о Гоголѣ 1846 г.», т. LIII, 249—250, „Михаилъ Васильевичъ Милоновъ", т. LVI, 363—364, упом. т. LIII, 702, т. LIV, 521, т. LVI, 244, 559, 563.
Гудовичъ, т. LIII, 347.
Гулакъ-Артемовскій, П. П., т. LIII, 234.
Гулакъ, Никл. Ив., сообщ.: „Адольфъ Петровичъ Берже какъ оріенталистъ", т. LVI, 819—824.
Гурко, Влдм. Алексдр., ген.-ад., варшавск. ген.-губернат. 1887 г., т. LIII, 193, 201, т. LIV, 439.
Гурьевъ, Дм. Алексдр., мн-ръ финанс., т. LV, 326.

Дабижа, кн., Вас. Дм., сообщ. біографич. очеркъ Н. Н. Мурзакевича и примѣч. къ его запискѣ., т. LIII, 1—15, упом. т. LVI, 515.

Давыдовъ, В. Н., сообщ. „Квартира Александра Сергѣевича Пушкина въ концѣ января 1837 г.“, т. LIV, 161—164, упом. 737.

Давыдовъ, ген.-м. 1771 г., т. LIII, 536.

Давыдовъ, Ив. Ив., профес., деканъ москов. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 269, т. LIV, 661, т. LV, 650, 654, 655, 658.

Давыдовъ, Денисъ Васильев., партизанъ 1812 г., ген.-лейт., воен. писат., р. 1784 года, † 1839 г., т. LIII, 634, 641, 643, т. LV, 228—231, 323, 335, 337, 338, т. LVI, 471—473.

Даль, Германъ Юрьевичъ, директ. таможни, † 1789 г., т. LVI, 23, 26.

Даль, Влдм. Ив., писат., т. LIII, 772, т. LVI, 231, 232.

Данзасъ, Б. К., сенат., т. LIII, 109.

Данненштернъ, инжен. 1842 г., томъ LV, 164.

Данилевскій, А. С., т. LIII, 669.

Данилевскій, Г. П., тайн. совѣтн. писатель, т. LIII, 707, 776, т. LIV, 792, т. LVI, 748.

Даниловичъ, Григ. Григ., генер.-адъют., бывш. директ. 2 кад. корп., съ марта мѣсяца 1877 г. воспитат. Е. И. В. Государя Наслѣдника цесаревича Николая Александровича, т. LIII, 796, т. LIV, 703, 704.

Дашкова, княг., Екатер. Романов., рожд. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. LIII, 102, 103, 104, томъ LIV, 143, т. LVI, 13, 26, 27, 80, 85, 86.

Дашковъ, Дм. Васил., мн-ръ юстиціи 1833 г., т. LVI, 298, 302, 304, 311, 318.

Двигубскій, Ив. Алекс., профес. и ректор. московск. унив. 1825 г., т. LIII, 17, 265, 266, 271.

Дебре, Алексѣй, учит. рисов., томъ LVI, 515.

Деларю, Мих. Данил., пис., т. LVI, 650, 664.

Дельвигъ, бар., Карл. Ив., ген.-поруч., выборгск. об.-комендант., † 1791 г., томъ LIII, 565.

Дельвигъ, бар., нач. шт. 4-го корпуса 1856 г., т. LIV, 360, 361.

Дельвигъ, бар., Антонъ Ант., писат., р. 1789 г., † 1831 г., т. LIII, 109, 202, 464, 710, т. LIV, 404, т. LV, 453—461.

Дельвигъ, бар., Андр. Ив., инж.-ген., сенат., † 1887 г., т. LIII, 521, 523, 784.

Деляновъ, И. Д., директ. публ. библіот. 1866 г., вп. чл. гос. сов., мн-ръ нар. пр., т. LIII, 56, т. LVI, 189, 249, 559.

Демидовъ, Никита, заводчикъ, т. LIV, 329—344, 569.

Демьяненковъ, Никол. Аѳанас., нач. артил. акад., проф., томъ LIII, 798.

Денисовъ, Ѳед. Петр., атам. войск. донск. 1789 г., т. LIV, 60, 61, 64, 67, 297.

фонъ-Дервизъ, об.-прокур. гражд. деп. сената, т. LVI, 313.

Державинъ, Гавр. Романов., писатель, р. 1743 г., † 1816 г., т. LIV, 74, 197, 510, 521, т. LVI, 80, 106, 559, 560, 729.

Дерфельденъ, Отто Вильг., ген.-поруч. 1786 г., т. LIV, 56.

Деспотъ-Зеновичъ, бакинск. городск. голова 1880 г., т. LV, 207.

Дестунисъ, С. Ю. т. LV, 488.

Детловъ, К. К., сообщ. «На могилахъ Кульнева», т. LIII, 633—648, уп. 376.

Дивова, рожд. гр. Бутурлина, томъ LIII, 549.

Дивовъ, сенат., т. LIII, 411, т. LVI, 433.

Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 г., † 1831 г., томъ LIII, 636.

Дистерло, бар., Р. А., т. LVI, 580.

Дитятинъ, проф., т. LV, 476.

Дмитріевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., мн-ръ юстиціи, писатель, р. 1760 г., † 1837 г., т. LIII, 202, 266, 710, т. LIV, 404, т. LV, 460, 461, т. LVI, 302, т. LVI, 797.

Дмитріевъ, А. А., преподават. пермск. гимназ., т. LIV, 571.

Добровольскій, В. А., т. LVI, 138.

Добролюбовъ, И. В., чл. учен. рязанск. комм., т. LIV, 191.

Добролюбовъ. Никл. Алексдр., его стихотвор. „Посланіе къ С. П. Галахову", т. LVI, 233—235, упомин. т. LV, 620, т. LVI, 518.
Докучаевъ, Т. В., чл. эксп. гор. учил. комм. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
Долгорукій, кн., Григ. Θед., т. LVI, 278.
Долгорукій, кн., Яковъ Θед., т. LV, 28.
Долгорукій, кн., Васил. Влдм., ген.-лейт. 1715 г., т. LIV, 335, 337, 338, 339, 340, 341, 343.
Долгоруковъ, кн., Влдм. Петр., рижск. губернат. 1752 г., т. LIV, 89.
Долгоруковъ-Крымскій, кн., В. М., ген., т. LIII, 555, 556.
Долгоруковъ, кн., Влад. А., московск. ген.-губернат. 1866 г., т. LIII, 60, 65, т. LIV, 346, 350, 387.
Долгоруковъ, кн., генер.-ад. 1863 г., т. LVI, 507.
Долгоруковъ, кн., Пав. Вас., т. LIII, 739.
Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., генер.-адъют., шефъ жандармовъ съ 1861—1865 г., т. LIII, 440.
Долгоруковъ, кн., ссыл. на его «Родословн. книгу", т. LV, 202.
Долгорукой, В., сообщ. «Отшельникъ Александръ (Θеодоръ) въ Сибири», т. LVI, 217—220.
Домонтовичъ, И. И., чл. городск. учил. комм. въ Спб., 1886 г., т. LV, 696.
Домонтовичъ, Мих., т. LIII, 798.
Домонтовичъ, Конст. Ив., чл. редакц. комм. 1860 г., первоприс. IV-го деп-та сен., т. LIII, 435, 777, 784.
Дондукъ, княгиня, т. LIII, 206.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., П. А., попечит.. спб. учебн. окр., т. LIV, 644, т. LVI, 754.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Алексдр. М. т. LIV, 440.
Донецъ-Захаржевская, Ел. Ал., рожд. Самойлова, т. LV, 481.
Дороховъ, ген.-м. 1812 г., т. LV, 323.
Достоевскій, Андр. Мих., т. LV, 463.
Достоевскій, Θедоръ Мих., писатель, † 1881 г., т. LV, 567, 695, т. LVI; 411—419, 575, 580.
Дохтуровъ, ген. 1812 г., т. LV, 227.
Драгомировъ, Мих. Ив., нач. военн. акад., воен. писат., т. LIII, 798, т. LIV, 769, т. LV, 185.
Дренякинъ, А. М., сообщ. «Вкладъ Петра I на сооруженіе храма въ Бѣлгородѣ», т. LV, 84.
Дризенъ, Курляндскій губерн., т. LVI, 804, 812.
Дрожжинъ, Спирид. Дм., поэтъ, т. LV, 148—154, т. LVI, 236—238.
Дружининъ, П. М., т. LIV, 552.
Дружининъ, Алексдр. Васил., т. LIV, 739—760, 792, т. LV, 620, 630, т. LVI, 577.
Друцкой-Соколинскій, кн., Д. В., сообщ. «Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій», т. LIV, 268.
Друцкой-Соколинскій, кн., смоленск. губерн. предвод. двор., т. LIII, 397, 421, 422, 423, 424, 427, т. LVI, 490—492, 645.
Дубасовъ, Н. И., предсѣд. тамбовск. архивной комм., т. LVI, 544.
Дуббельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба корп. жандарм., т. LIII, 775, т. LVI, 420, 485.
Дубровинъ, Никол. Θед., генер.-маіоръ, писат., академикъ, т. LIII, 800.
Дубянскій, Θед. Яковлев., † 1771 г., т. LVI, 2.
Дудровичъ, И. И., проф., т. LIII, 291, 651, 652.
Дудышкинъ, инспект. полтавск. кадет. корпуса, т. LIV, 686, 691.
Дудышкинъ, Степ. Степ., ред. „От. Зап." т. LIV, 792, т. LV, 614.
Дурново, И. Н., главноуправл. учрежд. им-цы Маріи, т. LVI, 741.
Дьяченко, драматич. писат., т. LIII, 796.

Евгеній Болховитиновъ, митроп. кіевскій, т. LIII, 661.
Екатерина I, им—ца, р. 1684 г., † 1727 г., т. LIII, 582, т. LIV, 276, 277, 569, т. LV, 2, 9, 32, 33, т. LVI, 361, 488.
Екатерина II, им-ца, р. 1729 г., † 1796 г., т. LIII, 41, 43, 77—103, 305—339, 439, 457, 465, 533—574, 582, 590—598, томъ LIV, 35—81, 174, 175, 197, 271 — 308,

368, 434, 509, 565, 591—612, 636, 638, т. LV, 35—39, 50, 51, 125, 202, 239—320, 499, 503, 512, 515, 529, 531, 542, 679—700, т. LVI, 1—31, 71, 72, 76, 299, 300, 365—367, 377, 425—442, 516, 610, 796.
Екатерина Михаиловна, вел. княг., т. LIII, 58.
Елагинъ, Ив. Перфил., об.-егермейст., сенат., † 1793 г., т. LIII, 319—321, т. LV, 202.
Елена Павловна, вел. кн., въ зам. принц. Голштейнъ-Ольденбур., т. LIII, 127, 436, 440, 443, 448, 450, 559, томъ LV, 585, т. LVI, 444, 625.
Елисавета Петровна, им-ца, р. 1709 г., † 1761 г., т. LIII, 41, 304, 305, 319, 330, 331, 333, 334, 532, 538, 581, 582, 585, 586, 587, 591, 732, т. LIV, 89, 91, 318—321, 632, 633, 634, т. LV, 312, 514, 522, т. LVI, 437, 548, 609.
Елисавета Алексѣевна, им-ца, р. 1779 г., † 1826 г., т. LIII, 532, т. LIV, 75, 78, 79, 80, т. LV, 60, 63, 478, т. LVI, 127, 137.
Еникѣева, княг., Варвара Павл., рожд. Бахметева, т. LIII, 402, т. LVI, 525—528.
Еникѣевъ, кн., Никл. Никл., т. LVI, 525—528.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-лейт., р. 1777 г., † 1861 г., т. LIII, 274, 639, т. LIV, 148, т. LV, 462, 483, т. LVI, 13—16, 821.
Еропкинъ, П. Д., т. LVI, 85.
Еропкины, ихъ родословная, т. LV, 474—475.
Есиповъ, П. В., т. LV, 11, 15, т. LVI, 38.
Есманъ, Ярославъ, сообщ.: „Эпизодъ изъ быта помѣщиковъ“, т. LIV, 269—270.
Ефремовъ, П. А., сообщ.: „О сообщеніи матеріаловъ для изданія сочиненій Полежаева“, т. LVI, 226—227, упом. т. LIII, 510, т. LIV, 507, 521, 544, т. LVI, 108, 111, 699—729.

Жадановъ, Евг., т. LIII, 800.
Жеваховъ, кн., Семенъ Иван., т. LIII, 104—105.
Желиховская, Вѣра Петр., рожд. Ганъ, сообщ.: „Елена Андреевна Ганъ“, томъ LIII, 733—766, „Антонія Кюлвейнъ“, т. LVI, 196, упом. т. LV, 237, 238, 430.
Желѣзновъ, Н. И., директ. Петровской землед. акад. 1866 г., т. LIII, 61.
Желябужскій, оберъ-фискалъ 1711 г., т. LIV, 330.
Жемчужниковъ, А., т. LIV, 792.
Жомини, военн. губернат. Смоленска, 1812 г., т. LIII, 25, 26.
Жизневскій, предсѣд. тверск. архивн. комис., т. LVI, 541, 547.
Жуковская, Екат. Ѳед., т. LVI, 516.
Жуковскій, Васил. Андреев., писатель, р. 1788 г., † 1852 г., т. LIII, 179, 238, 241, 531, 643, 696, т. LIV, 197, 240, 511—518, 545, 720, т. LVI, 70, 84, 85, 102—105, 398, 399, 485, 497, 560—574, 677, 742—747.
Жуковскій, Степ. Мих., стат.-секрет., бывшій чл. редакц. комм., † 1877 г., т. LIII, 447, 448, 777, 784, т. LIV, 183.
Жуковскій, П. В., сообщ.: „Въ образцовомъ кавалерійскомъ полку“, т. LV, 155—163, „Екатерина Ѳедоровна Жуковская“, т. LVI, 516, упом. 696, т. LVI, 272.
Журавлевъ, врачъ 1880 г., т. LV, 203.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Парф., членъ редакц. комм. 1860 г., статсъ-секр., чл. госуд. сов., † 1881 г., т. LIII, 57, 272, 435, 437, 438, 440, 777, 784, томъ LIV, 167, т. LV, 695, т. LVI, 626, 646.
Забудскій, Н. Н., офиц. генер. штаба, т. LIV, 737.
Забѣлинъ, П. Е., предсѣд. москов. общ. исторіи и древност., писат.-историкъ, т. LIV, 258—261, т. LVI, 250, 562.
Забѣла, Викт., украинскій поэтъ, томъ LIII, 707.
Забѣлла, пр., т. LIII, 412.
Завадовская, рожд. граф. Апраксина, т. LIV, 37.
Завадовскій, Петръ Васильев., сенат., директ. банка, р. 1733 г., † 1812 г., т. LIII, 86, т. LIV, 35—37, 40, т. LVI, 3.

Завадовскій, ген., нач. Кавказ. линіи 1851 г., т. LVI, 827.
Завалишинъ, Дм. Иринарх., декабр., т. LVI, 402, 404.
Загоскинъ, Мих. Ник., писат., р. 1789 г., † 1852 г., т. LIV, 729, LV, 335.
Загряжскій, ген.-лейт., т. LIV, 142.
Зайцевъ, И. К., сообщ.: „Воспоминанія стараго учителя И. К. Зайцева“, томъ LIV, 663—691.
Закревская, Марина Осиповна, въ зам. Нарышкина, т. LIII, 590.
Закревскій, гр., Арсеній Андреев., московскій ген.-губерн., † 1865 г., т. LIV, 268, т. LVI, 420.
Зальца, бар., т. LIII, 213, т. LVI, 75.
Замятнинъ, Д. Н., мн-ръ юстиціи, томъ LIII, 109, т. LVI, 311, 313, 321, 324.
Зарудный, Серг. Иван., сенат., т. LIV, 270, т. LVI, 323—325.
Захаржевская, Елена Алексѣев., рожд. графиня Самойлова, т. LIV, 654.
Звѣревъ, С., сообщ.: „Филаретъ Гумилевскій, епископъ рижскій“, т. LIV, 206—209.
Здекауеръ, Н. Ѳ., лейбъ-медикъ, дѣйств. тайн. совѣтн., т. LIII, 784.
Зедделеръ, бар., изд. Военно-энциклоп. лексикона, т. LIV, 311.
Зейдеръ, Фридрихъ, докторъ философ., пасторъ, р. 1771 г., † 1834 г., т. LIII, 251—262.
Зейдеръ, Карлъ Ѳедор., докторъ медиц., бывшій проф. мед.-хирургич. академіи, т. LIII, 252.
Зеленый, мн-ръ госуд. имущ., т. LIII, 58.
Зичи, художн., т. LIII, 131.
Золотовъ, Василій Алекс., писат., педаг., т. LIII, 653, 776, т. LV, 442.
Зоричъ, Семенъ Гаврилов., † 1799 г., т. LVI, 3—5.
Зотовъ, Пав. Дмитр., ген.-отъ-инфант., р. 1824 г., † 1879 г., т. LIII, 191.
Зотовъ, В. Р., писатель, т. LV, 632.
Зотовъ, З. К., т. LV, 610.
Зубовъ, кн., Платонъ Алексдр., ген.-ад. 1796 г., † 1827 г., т. LIII, 281, 388, т. LIV, 40, 41, 42, т. LVI, 367, 379, 380, 424—432.
Зубовъ, Валеріанъ Алексдр., † 1804 г., т. LIII, 344—373, т. LVI, 432—437.
Зубовъ, Николай Алесдр., шталмейст., † 1805 г., т. LVI, 437—438.
Зубовъ, гр., Дм. Александр., камергеръ, † 1836 г., т. LVI, 426.
Зуевъ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Зыбинъ, подполк. 1725 г., т. LVI, 836.

Ивановъ, А. А., художн., т. LIII, 712: 714, 717, 719.
Ивашковскій, Сем. Мартын., профес. московск. унив. 1825 г., т. LIII, 265.
Игнатовичъ, А., сообщ.: „Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ“, т. LIII, 506, „Генералъ Непейцынъ“, т. LV, 640.
Иконниковъ, Влдм. Степанов., профес. кіевск. унив., т. LIII, 662 и библіогр. листокъ въ „Русской Старинѣ“ 1887 г.
Икскуль, бар., директ. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 690, 691.
Иловайскій, Дм. Ив., профес., сообщ., „Пріобрѣтеніе Пскова и Смоленска Василіемъ III“, т. LIV, 1—34, упом. томъ LIV, 214.
Инзовъ, Ив. Никит., ген.-отъ-инфант., масонъ, гл. попечит. и предсѣд. комит. о колонист. южной Россіи, р. 1768 г., † 1845 г., т. LIII, 238—248, 283—286, т. LIV, 658.
Иннокентій (Борисовъ), еписк. чигир., впосл. архіеп. херсон. и таврическій, т. LIV, 139.
Иннокентій (Платоновъ), архимандр., преподават. богосл. въ москов. универс. 1825 г., т. LIII, 265, 267.
Иноземцевъ, проф., т. LV, 647.
Исаковъ, Н. В., ген.-адъют., нач. воен.-учебн. завед., т. LIV, 700, 703, 705, 708.
Исленьевъ, генер. 1826 г., т. LIII, 217.
Истоминъ, Ѳ. М., т. LVI, 249.

Іоаннъ III, вел. кн. московск., т. LIV, 1, 7, 29—31, 579, т. LVI, 533.
Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 г., † 1584 г., т. LIII, 578, 581, т. LIV, 172, 650, 651, т. LV, 512, томъ LVI, 350, 351, 533.

Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, † 1696 г., т. LVI, 837, 840.
Іоаннъ VI Антоновичъ, импер., род. 1740 г., † 1764 г., т. LIII, 331.

Кавелинъ, Конст. Дмитр., профес., род. 1818 г., † 1885 г., т. LIII, 431—463, 777, 783, т. LIV, 165—179, т. LV, 647, 659, т. LVI, 505, 643, 677—679.
Каверинъ, сенат. 1812 г., т. LIII, 26.
Кавосъ, Е. Ц., чл. городск. учил. комм. въ спб. 1886 г., т. LV, 696.
Казначеевъ, А. И., таврич. губернат. 1836 г., т. LIV, 139.
Кайгордовъ, Несторъ, т. LIII, 801.
Кайдановъ, т. LIV, 638.
Кайсаровъ, П. С., корпусный команд., т. LIII, 17.
Калачовъ, артилл. ген. 1877 г., т. LIII, 187, т. LIV, 806.
Калачовъ, Никл. Вас., археологъ, директ. археол. инст., сенат., р. 1819 г., † 1885 г., т. LIII, 112, 113, т. LIV, 185—188, т. LVI, 539, 542.
Калиновскій, А., сообщ.: „Яковъ Петровичъ Кульневъ 1766—1812 гг.“, т. LIII, 375—388, упом. 603.
Каменская, фрейл., т. LIV, 278, 279.
Каменскій, гр., Мих. Ѳедотов., генер.-аншефъ, † 1809 г., т. LIII, 379, 614, 616, т. LIV, 56, т. LV, 307, 322.
Кампенхаузенъ, лифляндск. губернат., т. LVI, 379, 380, 383.
Канищева, Агнія Алсдр., т. LV, 237.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., мн-ръ фананс. съ 1823—1844 гг., † 1845 г., т. LVI, 772.
Каннабихъ, полк. 1877 г., т. LIV, 795.
Кантакузенъ, кн., Алекс., т. LIV, 658.
Кантемиръ, кн., Антіохъ Дм., т. LIV, 564, т. LV, 522, т. LVI, 563.
Капнистъ, Василій Васильев., писат., р. 1757 г., т. LV, 127, т. LVI, 79, 80.
Каподистрія, гр., Ив. Антонов., мн-ръ иностр. дѣлъ, презид. греческ. республ., р. 1776 г., † 1831 г., т. LIII, 238, 242, 243, т. LV, 478, 479, т. LVI, 303.
Карамзинъ, Николай Мих., исторіогр., р. 1766 г., † 1826 г., т. LIII, 238, 241, 337, 341, 342, 578, т. LIV, 197, 258, 390, 434, 510—515, 535, 545, 565, томъ LV, 686, т. LVI, 131, 302.
Карасевскій, об.-прокур. синода, томъ LVI, 345.
Каратыгинъ, Вас. Андр., артистъ, томъ LIII, 740, т. LIV, 674.
Каратыгинъ, Петръ Андреев., писат.-артистъ, т. LIV, 850.
Каратыгинъ, Петръ Петров., т. LVI, 711, 850.
Карлгофъ, В. И., помощн. попечителя кіевск. учебн. округа 1842 г., т. LV, 495, 496.
Карнѣевъ, попечит. харьков. универс., т. LIII, 293, 294.
Карповъ, Н. П., сообщ.: „Отечественная война“, т. LIV, 738.
Карцевъ, А. А., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 724—726.
Карцовъ, Пав. Петров., воен. писат., т. LIII, 796.
Карцовъ, костромск. предвод. дворян., 1866 г., т. LIII, 68.
Карцовъ, тульск. помѣщ. 1848 г., томъ LIII, 405.
Касперовъ, Конст. Никл., полк. 1837 г., т. LVI, 676—680.
Кастріото-Скандербекъ, Г. В., предсѣд. рязанск. учен. архивн. ком. 1885 г., т. LIV, 189, 562.
Катенинъ, генер. 1856 г., т. LIV, 351.
Катковъ, Мих. Никиф., издат. „Москов. Вѣдом.“, т. LIII, 445, 446, 770, 771, 781, т. LIV, 424, 432.
Кауфманъ, генер., т. LIV, 439.
Каховскій, екатериносл. губерн. 1722 г., т. LVI, 488.
Каховскій, полковн., т. LIV, 705.
Качаловъ, предсѣдат. губернск. управы Новгор. губ., 1866 г., т. LIII, 59.
Каченовскій, Мих. Троф., проф., ректор. москов. универс. 1837 г., т. LIII, 265, 266, 271, 276, 279, 661, т. LIV, 131, 132, 650, 660—662, т. LV, 487, т. LVI, 83, 482, 654.
Кашкинъ, Серг., т. LVI, 480, 481.

Квашина-Самарина, Анна Петровна, т. LIV, 510.
Кейзерлингъ, гр., попечит. дерптскаго учебн. окр. 1863 г., т. LVI, 509.
Кейтъ, Яковъ, фельдм., т. LIV, 89, 90, 316, 318, 319, 321, 618.
Келлеръ, графиня, фрейл., т. LIII, 70.
Келеръ, консерваторъ эрмитажн. минцъ-кабинета, т. LIII, 666, т. LIV, 649.
Кеневичъ, В. Ѳ., преподават. словесн., т. LIII, 797, т. LV, 463.
Кеппенъ, П. И., т. LV, 487.
Керсновскій, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Капнистъ, Вас. Вас., писат., р. 1756 г., † 1823 г., т. LIV, 510, 546.
Кикина, Марья Ѳед., т, LIV, 738.
Кикинъ, П., т. LIV, 738.
Килевейнъ, Антонія, т. LV, 236—238.
Киновичъ, П. П., директ. полоцк. корп. 1857 г., т. LIV, 695, 696, 703.
Кипренскій, художн., т. LIV, 74, 506, т. LVI, 556.
Кирхнеръ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Кирьяковъ, Мих., директ. одесской таможни, т. LIII, 281, 283.
Кирьяковъ, Мих. Мих., т. LIII, 653, 656, 659, 664, 665, т. LIV, 129, 138, т. LV, 477, 481, 482, 486—489, т. LVI, 654.
Кирьяковы, т. LIII, 281.
Киселева, Л. В., сообщ.: „Солдатская пѣсня 1812 г.“, т. LVI, 228—229.
Киселева, Александра Дмитр., въ зам. Милютина, т. LIII, 437.
Киселевъ, гр., Пав. Дмитр., мн-ръ госуд. имущ. 1848 г., † 1872 г., т. LIII, 416, 436, 437, 440, т. LIV, 391, т. LV, 226—235, т. LVI, 620—627.
Кишенскій, Ѳед. Иванов., подпоруч. Астрахан. полка, впослѣд. ген.-маіоръ, т. LIII, 533—537.
Клей, америк. послан. въ Россіи 1866 г., т. LIII, 47, 52, 56, 58, 63, 64, 70, 72.
Клейнмихель, гр., Петр. Андр., генер.-адъют., мн-ръ пут. сообщ., † 1869 г., т. LIII, 794, 795.
Клименковъ, С. И., т. LIII, 44.
Клингеръ, Ив., генер.-маіоръ, сообщ.: „М. Ѳ. Ѳедоровъ“, т. LV, 640.
Ключаревъ, А., директ. госуд. казначейства, т. LIII, 33.
Кнорингъ, ген.-м. 1794 г., т. LIII, 377.
Кноррингъ, Б. Ѳ., т. LIII, 553.
Княжевичъ, В. М., т. LV, 487.
Княжевичъ, Дм. Максимов., попечит. одесск. учебн. округа, т. LIII, 8, 13, 755, 756, т. LIV, 650, 655, 656, 659—662, т. LV, 477, 480 — 495, 604, т. LVI, 649—665.
Князевъ, Алксдр. Серг., сообщ.: „Сказаніе псковскаго гражданина о томъ, какъ депутаты отъ г. Пскова ѣздили въ армію въ 1812 г.“, т. LV, 55—74.
Кобеко, Д. Ѳ., членъ совѣта мн — ра финанс., тайн. совѣтн., писат., т. LIII, 78, т. LVI, 250.
Ковалевскій, Евг. Петр., мн-ръ народн. просв., т. LIII, 137, 783, т. LIV, 792, т. LVI, 508, 768.
Ковалевскій, оберъ-прокур. уголовнаго департ., т. LVI, 313.
Коваленкова, К. И., сообщ.: „Александра-Фленушка“, т. LVI, 230.
Коверскій, Эдуардъ, генер., т. LIII, 800.
Кожина, рожд. княжна Волконская, т. LIII, 206, 208, 209.
Козадавлевъ, оберъ-прокур. 1-го департ. сената, т. LVI, 796.
Козловъ, Н. И., дѣйств. тайн. совѣтн., главн. воен. медицин. инспект. арміи 1877 г., т. LV, 75.
Козловъ, И. Ив., поэтъ, т. LIV, 413, 438.
Козляниновъ, Тимоѳ. Гавриловъ., вице-адмир. 1789 г., т. LIV, 68.
Кокоревъ, В. А., т. LIII, 59, 60.
Кокошкина, Варв. Дм., рожд. Глѣбова, т. LIII, 206, 207, 208, 216, 219.
Колмаковъ, Н. М., сообщ.: „Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ“, т. LIII, 575—602, т. LIV, 71—94, „Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ“, 297 — 332, т. LVI, 757—782.
Кологривовъ, генер., т. LVI, 805.
Колокольцевъ, сенат., т. LVI, 794, 795.
Колошинъ, П., декабр., т. LVI, 396.
Колошинъ, Серг. Павл., издат. „Зрит. общ. жизни и пр.“, его стихотв.: „Испанія и Россія“, т. LIV, 692, т. LVI, 518.

Колчинъ, Мих. Андреев., сообщ.: „Флигель-адъютантъ Михаилъ Андреевичъ Шумскій въ Соловкахъ“, т. LIV, 145—154, „Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря“, т. LVI, 45—69, 333—363, 591—617.
Кольнишевскій, кошев. атам. Запорож. сѣчи, т. LVI, 53, 69.
Кольцовъ, А. В., т. LV, 460, 461, 562, 567.
Комаровъ, В. В., издат. сочин. А. С. Пушкина, т. LVI, 709—711.
Комисаровъ-Костромской, Осипъ Ив., т. LIII, 54.
Кони, А. Ѳ., сообщ.: „Рескриптъ императора Павла I 1800 г.“, т. LIII, 374, „Рескриптъ императора Николая“, 732, „Указъ Петра Великаго“, т. LV, 452, „Замѣтка Петра I“, т. LVI, 211—212, „1815 годъ. Письмо прапорщика софійскаго пѣхотн. полка Василія Чагина къ родителямъ“, т. LVI, 845—847, упом. 513.
Коновницынъ, генер.-лейтен. 1812 г., т. LV, 226, 227.
Константинъ Павловичъ, вел. князь, цесарев., р. 1779 г., † 1831 г., т. LIII, 81, 82, 269, т. LIV, 76, 347, 371, т. LVI, 137, 138, 370, 425, 794, 813.
Константинъ Николаевичъ, вел. кн., генералъ-адмиралъ, родился 9 сентября 1827 года, т. LIII, 436, 440, 442, 443, 447, 773, 777, 785, 788, т. LIV, 440, 513, 732, 733, т. LVI, 266, 271, 669, 672.
Константинъ Константиновичъ, вел. князь, т, LVI, 559.
Коншинъ, Никл. Мих., поэтъ, † 1859 г., т. LV, 464—466.
Корейша, Д. В., коллеж. ассес. 1839 г., т. LV, 487.
Кори, помощн. инспект. 1-го кадетск. корп. 1839 г., т. LIV, 678, 691.
Корниловъ, Ив. Петр., попечит. вил. учебн. округа, нынѣ д. тайн. сов., почетн. опекунъ, т. LIV, 552.
Корниловъ, Владм. Алексѣев., ген.-ад., адмир., † 1853 г., т. LVI, 673.
Карніоленъ-Пинскій, М. М., директ. департ. мн-ва юстиц., т. LVI, 313, 769, 770—778.
Коробкинъ, Сем. Ѳед., канд. спб. унив. т. LVI, 649.
Короваевъ, инспект. полтав. кадетск. корп., т. LIV, 691.
Корсаковъ, Ив. Никл., камерг. 1779 г., т. LIII, 595—601, т. LVI, 5—8.
Корсаковъ, Мих. Матв., т. LIII, 213, 214.
Корсаковъ, ген.-маіоръ, помощн. нач. военно-учебн. завед., т. LIV, 700.
Корсаковъ, Д. А., проф., сообщ.: „Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ“, томъ LIII, 431—450, „Василій Никитичъ Татищевъ“, т. LIV, 563—590, томъ LVI, 250.
Корфъ, бар., впосл. гр., М. А., директ. императ. публ. библіот., т. LIII, 109, 127, 128, т. LVI, 312, 321, 322, 507.
Корфъ, Н. А., педагогъ, т. LV, 688.
Корфъ, бар., П. Л., т. LV, 693.
Коршъ, Евг. Ѳед., т. LIV, 792.
Корякинъ, Никол. Мих., помѣщикъ, т. LVI, 543.
Коршъ, Вал. Ѳед., издат. Спб. Вѣд., † 1883 г., т. LVI, 832—835.
Косоговскій, П. П., новгор. предводит. дворян. 1863 г., т. LIII, 124.
Костомарова, Алина Леонт., рожд. Крательская, по первому мужу Кисель, т. LVI, 503—506.
Костомаровъ, Никл. Иван., р. 1817 г., † 1885 г., т. LIII, 226, 531, 778, томъ LV, 18, т. LVI, 503—506.
Косяровскій, Петръ Петров., т. LIII, 676, 677, 678, 682, 683, 687, 689, 695, т. LVI, 748.
Косяровскій, И. М., т. LIII, 667.
Котельникова, Софья Марк., рожден. Кисель, т. LVI, 503—506.
Котельниковъ, инспект. полтавскаго кадетск. корпуса, т. LIV, 691.
Котлубицкій, ген.-ад., т. LIII, 340, 341.
Коховскій, декабр., т. LIII, 216.
Коцебу, П. Е., т. LVI, 827.
Коцебу, Фридрихъ (у намѣстн. кавказ.), т. LIV, 439.
Кочубей, княг., Елена, рожд. Бенкендорфъ, т. LIV, 391.
Кочубей, Викт. Павл., предсѣд. госуд. совѣта 1833 г., LIV, 77.

Кошелевъ, Александр. Ив., чл. рязанск. комит. по крестьянск. дѣламъ, писат. 1858 г., т. LIII, 437, т. LIV, 167, 662.

Краббе, управл. морск. мин-вомъ 1866 г., т. LIII, 49, 55, 58, 70.

Краевскій, Андр. Алсдр., бывш. изд. „Голоса", предсѣд. училищн. комм. въ Спб., т. LIII, 272, т. LIV, 792, т. LV, 692—696, т. LVI, 109, 146, 192, 193.

Красовскій, цензоръ, т. LIII, 775, 798.

Красовъ, Васил. Иван., учитель, † 1860, т. LIV, 424—431, т. LV, 460.

Крафтъ, П. О., инжен. 1842 г., т. LV, 164.

Крафтъ, Ник. Осип., инж.-ген. 1846 г., т. LIII, 525.

Кремпинъ, Ам. Яковлев., нач-да спб. екатерининск. инст., т. LV, 238.

Кремпинъ, Валер. Александр., писат., изд. „Разсвѣта", т. LIII, 796.

Кригеръ, А. Д., правит. канц. мин—ва юстиц., т. LVI, 758.

Кроненбергъ, Амалія Андр., т. LV, 237.

Кругликовъ, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.

Криденеръ, бар., Н., генер.-отъ-инф., сообщ.: „Второе сраженіе подъ Плевною 18-го іюля 1877 г.", т. LIII, 181—192, упом. т. LIV, 793—810.

Крузенштернъ, Алексѣй (у намѣстн. кавказ.), т. LIV, 439.

Крузъ, Александр. Ив., вице-адмир. 1789 г., т. LIV, 296.

Крутиковъ, С., сообщ.: „Николаевская желѣзная дорога", т. LV, 164.

Крыловъ, генер. 1877 г., т. LIII, 191.

Крыловъ, А., цензоръ 1852 г., томъ LVI, 486.

Крыловъ, Ив. Андр., баснописс., т. LIV, 74, 720, т. LV, 129, 463, 464.

Крюгеръ, Х. Х., чл. учил. комис. въ спб. 1886 г., т. LV, 696.

Крюднеръ, бар., Н. А., т. LVI, 669, 671, 675.

Крюковъ, Дм. Львов., проф. московск. универс., т. LV, 647, 654—657.

Кудрявый, инсп. полт. кадетск. корп., т. LIV, 691.

Кузнецовъ, А., сообщ.: „Вольныя и невольныя дѣянія стараго суда", т. LIV, 265—267.

Кузминская, Марья Григ., т. LV, 237.

Кузьминъ, Пав., секундъ-маіоръ, комендант. Нишлотской крѣп. 1788 г., т. LIII, 553, 572.

Кузьминъ, Пав., шт.-капит. генер. шт., декабр., т. LVI, 416, 420—422.

Кузьминъ-Короваевъ, инспект. полтавскаго кадетск. корп., т. LIV, 690.

Кукольникъ, Несторъ Васильев., томъ LIII, 751, т. LVI, 585, 648—650.

Кукъ, мореплават., т. LVI, 685.

Кулеваевъ, Мих. Семен., т. LIII, 214.

Кулинъ, В. П., окружн. инспект., учил. Ковенск. губ., т. LVI, 566.

Кулишъ, Пантелейм. Алексдр., акад., т. LIII, 707, 709, 713.

Кульнева, Марья Петр., въ зам. барон. Мантейфель-Сей, т. LIII, 376.

Кульнева, Луиза Иван., рожд. Гребницъ, т. LIII, 617, 629.

Кульнева, Дарья Алексѣев., рожд. Валуева, † 1810 г., т. LIII, 630.

Кульневъ, Пав. Петр., аббатъ, † 1808 г., т. LIII, 628, 631.

Кульневъ, Яковъ Петров., ген.-маіоръ, шефъ Гроднен. гусар. пол., р. 1763 г., † 1812 г., т. LIII, 376—388, 603—648, т. LV, 67—70.

Кульневъ, Ив. Петр., шефъ ревельскаго гарнизон. полка 1808 г., т. LIII, 376, 381—388, 603—627, 631.

Кульневъ, Мих. Петров., т. LIII, 626, 631, 645, 646.

Кульневъ, Никл. Петр., полк., т. LIII, 625, 629, 631.

Кульневы, ихъ родословіе, т. LIII, 630—632.

Кумани, Н. М., т. LV, 487.

Куникъ, Аристъ Аристов., акад., томъ LIII, 127, т. LIV, 565, т. LVI, 247.

Купреяновъ, И. П., гофъ-фурьеръ, т. LV, 681.

Купріяновъ, И. К., археол., т. LV, 139.

Куракинъ, кн., Борисъ, т. LIII, 334.

Куракинъ, кн., Александр. Борис., вицеканцл., т. LIII, 334, 558, т. LVI, 618, 787, 789, 798.
Куракинъ, кн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., т. LIII, 334, т. LVI, 367—385, 783, 786, 790, 795.
Курляндцевъ, Н. Д., проф., т. LIII, 296.
Куропаткинъ, генер. 1880 г., т. LIV, 236, 794, 807.
Курочкинъ, Вас. Степ., изд. „Искры", т. LIII, 798, т. LV, 622, 631.
Кутайсовъ, Ив. Павл., камерд. Павла I, об.-гофмарш., т. LIV, 41, т. LVI, 380, 385, 430, 442—444, 784—811.
Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Иллар., т. LIV, 381, т. LV, 60, 63, 64, 323—326, т. LVI, 811.
Кушакевичъ, А. Я., инспект. образц. кавалер. пол. 1844 г., т. LIV, 678, 691, т. LV, 156.
Кушелева, графиня, рожд. Васильчикова, т. LVI, 330.
Кушелевъ, Ив. Ив., сен., т. LIV, 58, 59.
Кушелевъ-Безбородко, гр., Г. А., томъ LIII, 711, 712, 713.
Кюлвейнъ, Антонія, т. LVI, 196.
Кюстинъ, маркизъ, т. LVI, 620.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ, декабр., т LIII, 236, т. LVI, 395, 406, 481.

Лавровъ, Петръ Лавр., гвардіи полковн., профес., эмигрантъ, т. LV, 629
Лавровскій, П. А., истор., т. LIV, 565.
Ладомирскій, Васил. Никол., черниг. предв. двор. 1844 г., т. LIII, 598, 602.
Ладомирскіе, т. LIII, 596.
Лажечниковъ, И. И., писат. романистъ, цензоръ 1858 г., т. LIV, 675, т. LV, 608, 617, 618.
Лазаревъ, Мих. Петр., адмир., бывшій гл. команд. черномор. флота, р. 1788 г., † 1851 г., т. LVI, 674.
Лазаревъ, Антонъ, сообщ.: «На пороховыхъ заводахъ въ 1779—1781 гг.», т. LIV, 245—248.
Лазаревъ, Ив. Лазар., † 1801 г., т. LIV, 45—46.
Лазовскій, А. П., т. LVI, 226.
Лалаевъ, экзек. департ. мн-ва юстиціи, т. LVI, 319.
Ламанскій, В. И., профес., томъ LVI, 249, 250.
Ламбертъ, гр., генер. 1856 г., т. LIV, 351.
Ламбертъ, гр., І. К., т. LIII, 290.
Ламсдорфъ, гр., курляндск. губернат., т. LIII, 201, т LVI, 377, 800—804.
Ланжеронъ, гр., херсонск. губернаторъ, т. LIII, 291—295.
Ланкенау, сообщ.: «Много знающій учитель иностранецъ», т. LIV, 240.
Ланской, Александръ Дмитр., ген.-ад., камерг., † 1784 г., т. LVI, 9—14.
Ланской, В. С., мн-ръ внутренн. дѣлъ 1826 г., т. LIII, 392, 395.
Ланской, Сергѣй Степан., мн-ръ внутр. дѣлъ съ 1855—1862 г., т. LIII, 137, т. LV, 133, LVI, 825.
Ланской, главный интенд. 1812 г., томъ LV, 226
Ланской, Пав. Петр., ген.-лейт. 1844 г., т. LV, 158, 159.
Ласси, Петръ Петр., фельдмар., т. LIV, 318, 319, т. LV, 483, 489.
Латкинъ, Ник Вас., сообщ.: «Купеческій родъ гор. Архангельска: Баженины», т. LV, 123—126, упом. т. LVI, 554.
Де-Лафонъ, директриса смольн. инст., т. LVI, 366, 370, 815.
Лачиновъ, начал. одесск. тамож. окр. 1836 г., т. LV, 484.
Лашкаревъ, ген. 1877 г., т. LIII, 188.
Лебедевъ, М. Н., сенат., т. LVI, 762.
Лебедевъ, Касторъ Никиф., сенаторъ, т. LIV, 132.
Лебедевъ, П. С., редакторъ «Русскаго Инвалида», профес. воен. администр., т. LIV, 351, 504.
Левашевъ, Вас. Ив., ген.-пор. 1788 г., т. LIII, 553, 560, 561, 563.
Левашовъ, кіевск. ген.-губерн. 1835 г., т. LIV, 130.
Левенвольдъ, об.-гофм., т. LIV, 615, 632.
Левендаль, гр., Влад., т. LIV, 316, 318, 319, 320, 618.
Левенштернъ, генер. 1812 г., томъ LV, 226—227.

Левестамъ, М. Ю., архит., сообщ.: «По поводу очерка: Дмитрій Емельяновичъ Гпусинъ», т. LIII, 515—523.
Левицкій, Казиміръ, ген.-лейт., военный писатель, т. LIII, 799.
Левшинъ, Алексѣй Ирак., одесск. градоначальн., т. LIV, 655, 659, т. LV, 481, 487, 497, т. LVI, 658.
Лейхтенбергскій, принцъ, Николай Максиміліановичъ, т. LIV, 270.
Лейхтъ, Степ., ген.-лейт., проф. никол. акад. ген. штаба, т. LIII, 798.
Лексъ, Мих. Ив., прав. канц. новорос. ген.-губ. 1830 г., т. LIII, 283, т. LV, 482.
Лемницкій, М., сообщ.: «Александръ I въ Пулавахъ», т. LV, 165—182.
Леоновъ, полк. войска донск. 1789 г., т. LIV, 61.
Леонтьевъ, П. М., † 1875 г., т. LIII, 781.
Лепко, профес., т. LIII, 296.
Лермонтовъ, Г. В., т. LV, 693.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель, р. 1814 г. † 1841 г., т. LIII, 507—511, 531—750, т. LIV, 250, 405—406, 409, 413, 420, 438, 440—442, 504, т. LV, 136, 430, 445, 455, 456, 459, 467, 554—610, т. LVI, 107—126, 517, 723, 731—739.
Лерхе, Г. Г., членъ учил. ком. въ спб. 1886 г., т. LV, 696.
Лерхе, новгордск. губернаторъ 1866 г., т. LIII, 59.
Лестокъ, т. LV, 515.
Лессовскій, конт.-адм. 1866 г., т. LIII, 48—74.
Леухинъ, С. И., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 728.
Ливенъ, бар., ген.-кварт. 1858 г., томъ LIV, 201—203, 361, 695.
Ливенъ, кн., мн-ръ народн. просв., томъ LIII, 656.
Ливенцовъ, М. А., сообщ.: «Александръ Васильевичъ Дружининъ», томъ LIV, 739—760.
Ливенцовъ, А. М., генер., томъ LIV, 740, 741.
Лидерсъ, гр., ген.-ад. 1853 г., т. LIV, 346, 350, 359.
Линовскій, Владм. Альберт., профес. практич. судопр., т. LVI, 650, 666, 667.
Липинъ, нижен. 1842 г., т. LV, 164.
Липранди, Ив., ген., т. LVI, 410—423.
Литта, гр., Юлій Помпеев., конт.-адм. 1789 г., впосл. полномочн. мн-ръ мальтійскаго орд., т. LIV, 63, т. LVI, 385, 788, 789, 805.
Литке, Ѳед. Петр., адмир., воспит. вел. кн. Конст. Никол., т. LIII, 773, томъ LVI, 669—675.
Лихачевъ, контръ-адмир. 1866 г., томъ LIII, 51, 55.
Лихонинъ, О. С., директоръ 1-го кад. корп., т. LIV, 691.
Лобановъ-Ростовскій, кн., А. Б., ссыл. на его «Родословную книгу», т. LIII, 580, т. LIV, 736.
Лодеръ, профес. моск. унив. 1825 г., т. LIII, 272.
Ломоносовъ, Мих., Вас., акад., писат., р. 1711 г. † 1765 г., т. LIV, 564, 566, 589, 590, т. LV, 522, т. LVI, 211—212, 563.
Лонгиновъ, Никл. Мих., ст.-секрет., т. LVI, 744—755.
Лонгиновъ, Н. Н., ссылка на его статью: «Русскіе писатели XVIII вѣка», томъ LV, 202.
Лопухина, Варвара Алексдр., фрейлина, т. LVI, 380, 443, 734, 785.
Лопухинъ, Алексн. Алексѣев., т. LIII, 507, 508, т. LVI, 787—808.
Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Таріелов., т. LIII, 785, 786, т. LIV, 440.
Лохвицкій, К. А., археол., т. LIII, 662.
Лохвицкій, А. В., т. LVI, 834.
Лошкаревъ, генер. 1877 г., т. LIV, 806
Лужинъ, фл.-ад., т. LVI, 737.
Лузинъ, Ив., крпгсъ-ком., т. LVI, 216, 554.
Лукницкій, Ар. Вл., издат. «Сѣвернаго Меркурія», т. LIV, 524.
Лукьяновъ, Я. А., проф., т. LIII, 44.
Лутковскій, Ѳ. С., адмиралъ, т. LVI, 669—675.
Лучшевъ, Нпк. Ив., т. LIV, 642.
Любощинскій, Маркъ Никол., чл. ред. ком. 1860 г., нынѣ чл. госуд. совѣта т. LIII, 784, т. LVI, 313, 325, 327.
Львовъ, Андр. Лавр., т. LVI, 473.
Львовъ, кн., начал. печатнаго двора въ Москвѣ, т. LVI, 353.

Магницкій, Монт. М., прок. московск. синод. конт., т. LV, 477, 478, 484, 485.
Мазировъ, Л. Е., т. LVI, 584.
Мазуркевичъ, ген.-м. 1844 г., т. LV, 158.
Майковъ, Валеріанъ Никол., писатель † 1847 г., т. LVI, 409.
Майковъ, Л. Н., помощн. директ. спб. публ. библ., академ., магистръ русск. словесн., т. LIV, 505, 508, 519—522, 546—548, т. LVI, 247, 556—566.
Майковъ, Аполлонъ Никол., тайн. сов., поэтъ и писатель, т. LIII, 72, т. LIV, 792, т. LV, 467, т. LVI, 561.
Макаровъ, Алексѣй Васильев., кабин.-секр., т. LV, 2, т. LVI, 39, 40, 42, 43, 276, 277, 293, 295.
Макартней, Джоржъ, англ. послан. при дворѣ Екатерины II, т. LV, 499—522.
Маккавѣевъ, А. Ѳ. т. LIII, 800.
Максимовичъ, Мих. Александр., проф. русск. слов., ректъ. кіевск. унив., томъ LIV, 139, 652, т LV, 487.
Максимовъ, С. В., писат., авт. «Сибирь и каторга», т. LIII, 401, 406, 776, томъ LIV, 792, т. LVI, 222.
Макшѣевъ, Алексѣй Ив., профес. воен. акад., писат., т. LIII, 796.
Малаховъ, В. П., хирургъ, т. LIII, 283.
Малиновскій, А. Ѳ., нач. моск. госуд. архива, т. LIV, 131.
Маловъ, Мих. Яковл., ад.-проф. моск. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 266.
Мальцевъ, т. LVI, 726—727.
Мальцевъ, Серг. Ив., генер., т. LVI, 319.
Мамоновъ, гр., Алексдр. Матв., † 1803 г., т. LIII, 92, 310, т. LVI, 4, 17—21.
Мандтъ, лейбъ-мед., т. LIV, 371.
Мандерштернъ, нач. 21-го див. 1861 г., т. LIV, 366.
Мансуровъ, Н. П., правит. канц. мн-ра юст., т. LVI, 758.
Мансуровъ, А., сообщ.: «Александръ Васильевичъ Головнинъ», томъ LV, 441—445.
Манштейнъ, генер., ссыл. на его Зап., т. LIV, 309—328, 613—628.
Маракуевъ, В. Н., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 725—726.
Мардефельдъ, бар., Густавъ, пруск. посланникъ при русск. дворѣ 1725 г., т. LV, 9.
Марини, П. Я., т. LVI, 657.
Маринъ, Серг. Никиф., поэтъ, т. LIV, 203—205.
Маринъ, А. А., чл. рязанск. учен. арх. ком. 1887 г., т. LIV, 189, 203.
Марія Александровна, им-ца (Максимиліана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія, принцесса Дармштадтск.), род. 1824 г., † 1880 г., т. LIII, 49, 57, 58, 440, т. LIV, 243, 560, 734.
Марія Николаевна, вел. кн., въ супр. герцог. Лейхтенбергская, род. 1819 г., † 1876 г., т. LIII, 57, 58, 74, 111, томъ LIV, 378, 393, 674.
Марія Ѳеодоровна, им-ца, род. 1759 г., † 1828 г., т. LIII, 50, 81, 83, 205, 259, 559, т. LIV, 75, 76, 513, т. LV, 171 т. LVI, 127, 137.
Маркардъ, І. М., ольденбургск. лейбъ-мед., т. LIV, 272, 277, 278, 279—294, 591—612, т. LV, 239.
Маркевичъ, Ал., сообщ.: «Пѣсня объ Аракчеевѣ», т. LIII, 76, «Закладная на образа въ XVII вѣкѣ», т. LV, 476.
Марковъ, Е. Л., сообщ.: «Воспоминанія сестры милосердія Софіи Аренсъ», томъ LV, 85—122, 377—418.
Марковъ, каб.-секрет., т. LIV, 40, 42. т. LVI, 428.
Мартосъ, скульпт., т. LIV, 74, 75.
Мартыновъ, т. LIV, 792.
Матюшкинъ, Ф. Ф., сен., т. LIII, 109.
Медвѣдевъ, Никл. Никл., тов. городск. головы въ Спб. 1877 г., т. LVI, 590.
Межовъ, В. И., состав. «Пушкиніаны», т LIII, 495—506, т. LIV, 155, т. LV, 461—462.
Мей, Левъ Алксн., писат., т. LIV, 792.
Мейендорфъ, бар., об.-гофмар. 1863 г., т. LIII, 192, т. LVI, 507, 620, 621.
Мейнгардтъ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Меллеръ, Ив. Ив., генер. 1779 г., томъ LIV, 246.
Мельгуновъ, ярославск. ген.-губернат. 1781 г., т. LVI, 608, 609.

Мельниковъ, Пав. Петр., проф. механ., впосл. мн-ръ пут. сообщ., т. LV, 164.

Мельниковъ, П. И., т. LVI, 230.

Мельниковъ, Ив. Андр., тайн. сов., † 1850 г., т. LIII, 203, 206.

Менгденъ, бар., фрейл., т. LIV, 618.

Меншиковъ, кн., Алекс. Данил., генералиссимусъ, чл. верх. тайн. сов., род. 1674 г., † 1729 г., т. LIII, 83, т. LIV, 569, т. LV, 14, 20, 21, т. LVI, 284, 487.

Меншиковъ, кн., Алексдр. Серг., морск. мн-ръ, р. 1787 г., † 1869 г., т. LIII, 773, т. LIV, 368, 369, 387, 396, 397, 401, 404, 484, т. LVI, 674.

Меньковъ, П. К., ген.-лейт., ред. «Военнаго Сборника», т. LV, 624.

Мердеръ, ген.-м. 1864 г., т. LIII, 132.

Мерзляковъ, Алексѣй Өед., проф., писатель, т. LIII, 265, 266, 267, 276.

Мерцаловъ, Ал. Е., сообщ.: «Къ родословной Еропкиныхъ», т. LV, 474—475, «Разсказъ священника очевидца о взятіи Очакова» 1788 г., т. LVI, 213—215.

Меттернихъ, т. LIV, 639—642.

Мещерская, кн., т. LVI, 221.

Мещерскій, кн., Дм., магазинъ-вахтеръ адм. вѣд. 1739 г., т. LVI, 363.

Мещерскій, кн., А., т. LIV, 662.

Мещерскій, кн., тверск. предвод. двор. 1866 г., т. LIII, 69.

Миллеръ, Ор. Ѳ., проф., сообщ.: «С. Я. Надсонъ», т. LVI, 495—502, „Гр. Левъ Ник. Толстой", 575—582, упомин. LIII, 583, т. LIV, 565.

Милоновъ, Мих. Вас., поэтъ-сатирикъ, т. LVI, 363—364.

Милорадовичъ, гр., Мих. Ан., спб. воен. губерн., т. LVI, 103.

Милюковъ, А. П., писатель, т. LVI, 418, 419.

Милютинъ, Влад. Алексѣев., проф. гос. права спб. унив., † 1855 г., т. LIII, 437.

Милютинъ, Алексѣй Мих., д. ст. сов., т. LIII, 437.

Милютинъ, Ник. Алексѣев., чл. госуд. сов., род. 1818 г., † 1872 г., т. LIII, 126, 127, 437, 448, 530, 777, т. LIV, 167, 181—184, т. LV, 133.

Милютинъ, гр., Д. А., членъ госуд. совѣта, генералъ-адъют., сообщ.: «Отечественная война», томъ LV, 226—227, «Денисъ Васильевичъ Давыдовъ», 228—231, «Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и Михаилъ Ѳедоров. Орловъ», 231—233, «По поводу событій 14 декабря 1825 г.», 235—235, упом.: т. LIII, 437, 778, томъ LIV, 345, 351, 412, 697, т. LV, 133, 603, 663, 665.

Минаевъ, Дм., поэтъ, т. LIII, 797.

Минихи, графы, т. LIII, 229—234.

Минихъ, бар., Христіанъ, об.-гофмейст., т. LIV, 615, 634.

Минихъ, гр., Эрнестъ, т. сов., камерг., † 1788 г., т. LIII, 227, 233, 465, 466—469, т. LIV, 311—328, 613—638.

Минихъ, гр., Бурхардъ-Христофъ, ген.-фельдм., род. 1683 г., † 1767 г., т. LIII, 225—234, 465—469, т. LIV, 314, 315, 319, 615—635, т. LV, 488, 489, 515.

Минкина (Шумская), Наст. Ѳед., домоправительница гр. Аракчеева, т. LV, 420, 421.

Мировичъ, подпоруч. 1763 г., т. LIII, 331, т. LV, 516.

Митковъ, М. П., чл. учил. ком. въ спб. 1886 г., т. LV, 696.

Митусовъ, Григ. Петр., сенат., † 1871 г., т. LIII, 596.

Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, т. LIII, 64, т. LV, 635, т. LIV, 131, 132, 581, т. LVI, 546, 551.

Михаилъ Павловичъ, велик. кн., род. 1798 г., † 1849 г., т. LIII, 209, 216, т. LIV, 347, 348, 349, 352, 680, 681, т. LV, 159, 161—163, 175, т. LVI, 410, 737.

Михаилъ Николаевичъ, вел. кн., т. LIV 697, 700, 706.

Михайловъ, М. Л., писат., т LIII, 776, т. LIV, 472, 792, т. LV, 562.

Михайловскій, Н. К., т. LVI, 580.

Михайловскій-Данилевскій, А. И., ген., воен. истор., т. LIII, 641, т. LIV, 810.

Михельсонъ, Ив. Ив., ген. отъ инфан., род. 1740 г., † 1807 г., т. LIII, 549, 550, 553, 570, 605, 607, т. LIV, 59—62, томъ LV, 308, 311, 313.

Мичуринъ, Левъ, предс. пронск. земск. управы 1887 г., т. LVI, 512—514.
Модестовъ, В. И., проф., т. LIII, 770.
Момбели, М., геодезистъ, астрономъ, т. LIII, 799.
Мордвиновъ, Семенъ Ив., адмиралъ, р. 1701 г., † 1777 г., т. LV, 38.
Мордвиновъ, Никол. Сем., адмиралъ, т. LV, 39, т. LVI, 373, 376, 377.
Мордовцевъ, Дан. Лук., сообщ.: «Памяти Софьи Марковны Котельниковой, урожд. Кисель», т. LVI, 593—596.
Морковъ, Аркад. Ив., русск. послан. въ Швеціи, † 1827 г., т. LVI, 439—441.
Морозовъ, Григ. Ѳед., боярин., т. LIV, 14.
Морозовъ, П. Т., секр. общ. сельск. хоз. 1838 г., т. LV, 480.
Морозовъ, П. О., писатель, т. LV, 546, т. LVI, 698—729.
Морошкинъ, Ѳед. Лук., проф. москов. унив., т. LIII, 272, 277, т. LIV, 661.
Морошкинъ, И. Я., сообщ.: «Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ Новгородскій», т. LV, 1—34, т. LVI, 31—44, 273—296.
Морошкинъ, М. Я., т. LVI, 815.
Мочаловъ, артистъ, т. LIV, 674, 792.
Муравьева, Екат. Ѳед., т. LIV, 510, 518, 545.
Муравьевъ, Никита Мих., корнетъ кавалергардскаго п., декабр., † 1854 г., т. LVI, 403.
Муравьевъ, Мих. Никит., курат. моск. унив. 1801 г., воспит. Александра I, † 1807 г., т. LIV, 509, 510, 511, 546, т. LVI, 100.
Муравьевъ, Никол. Наз., т. LIV, 546.
Муравьевъ, Александр. Никол., полковн. генер. штаба, декабр., впосл. иркутск. полицеймр., нижег. губернаторъ, сен., † 1863 г., т. LIII, 204, т. LVI, 396.
Муравьевъ, гр., Мих. Никол. (Виленскій), род. 1796 г., † 1866 г., т. LIII, 126, 127, 224, т. LIV, 554, 737, томъ LV, 133, т. LVI, 565.
Муравьевъ-Амурскій, гр., Ник. Ник., ген.-ад., бывш. тульск. губерн., впосл. ген.-губерн. Восточ. Сибири, † 1881 г., т. LIII, 127.
Муравьевъ, Никол. Никол., т. LVI, 135.
Муравьевъ, Серг. Никол., т. LV, 225.
Муравьевъ, Мих., декабр., т. LVI, 396.
Муравьевъ-Апостолъ, Матв. Иванов., декабр., род. 1793 г., † 1886 г., т. LIII, 204, т. LVI, 482.
Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв., сен., род. 1762 г., † 1851 г., т. LIV, 510, 546.
Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив., кап. л.-гв. Семеновск. п. 1820 г., декабр., род. 1796 г., † 1826 г., т. LVI, 403.
Муравьевы, къ ихъ родосл., т. LV, 338.
Мурзакевичъ, Никиф. Адріан., свящ., т. LIII, 3, 16—26.
Мурзакевичъ, Никол. Никиф., р. 1806 г., † 1883 г., его Записки, т. LIII, 1—46, 262—298, 651—666, т. LIV, 129—144, 643—662, т. LV, 477—497 т. LVI, 646—675.
Муромцова, Е. Н., т. LIII, 512, т. LIV, 692.
Муромцовъ, Л. М., т. LIV, 254.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., т. LIV, 714, 715, т. LV, 28.
Мусинъ-Пушкинъ, русск. полномочн. посолъ при лондонск. дворѣ 1772 г., т. LV, 41.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., Платонъ Ив., т. LIII, 555.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., Валент. Плат., главноком. финлянд. арм. 1788 г., † 1807 г., т. LIII, 551—574, т. LIV, 47—70, 295—308.
Мухинъ, Е. О., проф. моск. унив. 1830 г. т. LIII, 279.
Мысловскій, П. Н., протоіер. казанск соб. 1826 г., т. LIII, 215, 216, 218.
Мѣняевъ, К. С., чл. учил. ком. въ спб. 1886 г., т. LV, 696.
Мѣркинъ, Ѳ. А., художн. грав., т. LIII, 531, 787, т. LIV, 713.
Мясновъ, тульск. губерн. предв. двор. 1846 г., т. LIII, 394, 395, 396, 397, 420, 427.
Мясоѣдовъ Андр. П., т. LIII, 509.

Набоковъ, Д. Н., сенат., томъ LVI, 313, 325.
Нагаевъ, Алексѣй, адмиралъ 1770 г., т. LV, 38.

Нагловскій, ген. 1877 г., т. LIII, 182.
Надеждинъ, Никол. Ив., проф., издат. «Телескопа», т. LIII, 755, т. LIV, 134, 197, 660—662, т. LV, 491, 492, 494, 495, т. LVI, 650—664.
Надсонъ, С. Я., поэтъ, † 1887 г., т. LIV, 410, 497—503, т. LVI, 495—502.
Надѣинъ, Митроф., книгопр., т. LIII, 800.
Назаровъ, кн., Никол. Степ., учит. слов., т. LIII, 797.
Назимовъ, В. И., т. LVI, 677.
Назимовъ, Мих. Алексдр., штаб.-кап., декабр., вносл. членъ псковск. губ. по кр. дѣл. прис., т. LIII, 511.
Нарбутъ, П. Ѳ., т. LIII, 800.
Нарышкина, Ол., урожд. гр. Потоцкая, т. LIII, 286.
Нарышкина, Марья Антон., урожд. кн. Четвертинская, т. LV, 482.
Нарышкинъ, Алексдр. Львовичъ, томъ LVI, 128.
Нарышкинъ, гофмарш., т. LVI, 792.
Нарышкинъ, Л. К., бояр., т. LIV, 336.
Нарышкинъ, Левъ Алексдр., генер.-м., т. LIII, 286, 590, т. LV, 481, 482, 484.
Нарышкинъ, Мих. Мих., полк., декабр., † 1863 г., т. LIII, 511.
Нарѣжный, В., писат., т. LVI, 104, 105.
Нассау-Зигенъ, принцъ, Карлъ, вице-адмир. 1789 г., т. LIV, 60, 63, 64, 66, 295, 296—299, 302, 307, т. LV, 309, 311.
Наталья Алексѣевна (прицес. гессенъ-дармштадтская Вильгельмина), вел. кн., первая супруга цесарев. Павла Петровича, род. 1755 г. † 1776 г., т. LIII, 79, т. LVI, 838, 840.
Нахимовъ, Пав. Степ., инспект. моск. учил. 1843 г., т. LV, 641, 642, 645, 647—653, т. LVI, 673.
Невѣровъ, Януарій Мих., чл. сов. мн-ра народн. просв., р. 1810 г., т. LIV, 249.
Негри, А. Ѳ., д. ст. сов. 1839 г., томъ LV, 487, 493, т. LVI, 663, 655, 656.
Незеленый, проф., т. LV, 681.
Нейдгардтъ, Ф., моск. генер.-губерн., вносл. намѣстн. кавказск. 1843 г., томъ LIV, 410, 430, 439.
Неклюдовъ, об.-прокур. сен. 1790 г., т. LIII, 554.
Некрасова, Е. С., сообщ.: «Гоголь предъ судомъ иностранной литературы», томъ LV, 553—570, «Альбомъ С. Д. Полторацкаго», т. LVI, 127—144, 471—486, упом. т. LIII, 733.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев., поэтъ писат., род. 1821 г., † 1877 г., т. LIII, 531, 798, т. LIV, 792, т. LV, 132, 612, 629, т. LVI, 496, 834.
Нелединскій-Мелецкій, т. LVI, 473, 796.
Нелидова, Екат. Ив., фрейл., т. LIII, 82.
Нелидова, Ольга, урожд. кн. Хилкова, т. LIV, 471, 478, 487, 488, 491—496.
Нелидова, В. А., фрейл., т. LVI, 325, 329, 368, 380, 442, 443, 783—809.
Нелидовъ, ген.-ад. 1798 г., томъ LIV, 200—201.
Нелидовъ, русск. посолъ въ Константинополѣ, т. LIV, 471.
Нелидовъ, И. А., т. LVI, 651—652.
Непейцынъ, генер., † 1843 г., т. LV, 61, 640.
Непокойчицкій, ген.-ад. 1877 г., т. LIV, 795, 797.
Нессельроде, гр., Карлъ Васил., канцл., род. 1780 г., † 1862 г., т. LIII, 235—247, т. LIV, 369—375, 382—399, т. LV, 479, т. LVI, 302.
Нестеровъ, Алексѣй, помощн. об.-фиск. 1711 г., т. LIV, 329, 332, 342.
Несторъ, лѣтописецъ, т. LVI, 840.
Нечаевъ, С. Д., об.-прокур. синода, томъ LIV, 658, 659, т. LVI, 345.
Никитенко, А. В., профес., т. LIV, 645, 792.
Никитинъ, И. С., его стих. «Филантропъ», т. LIII, 470.
Никитинъ, Алексдр. Степ., архитект., т. LIII, 521.
Никитинъ, Никол. Вас., архит. 1856 г., т. LIII, 521.
Никитскій, Алексдр. Ив., проф. истор. варшавск. универс., † 1886 г., т. LV, 137—142, т. LVI, 70.
Николаевъ, спб. плацъ-адъют. 1826 г., т. LIII, 215.
Николаи, бар., А. П., т. LIII, 772, 777 784.

Николай I, им-ръ, род. 1796 г., † 1855 г., т. LIII, 134, 139, 223, 224, 269, 389—430, 436, 438, 440, 524, 636, 647, 732, 741, 753, т. LIV, 75, 81, 82, 86, 130, 175, 176, 197, 249, 252, 253, 269, 347, 367—404, 434, 671, 673, 718, 721, 728, 729, 731, 733, 734, 737, т. LV, 156, 237, 238, 446, 479, 482, 483, 571, 602, 604, 605, 617, 649, 663, 687, 688, т. LVI, 266, 269, 270, 302, 305, 315—331, 405, 490—492, 516, 619, 621, 632, 639, 644, 737, 781.

Николай Николаевичъ, вел. кн., томъ LIII, 54, 57, т. LIV, 706, 796, 798, 799, 800, 809.

Николай Александровичъ, вел. кн., цесарев., † 1865 г., т. LIII, 442, томъ LIV, 552, 554.

Никонъ, патріархъ, т. LIV, 172, т. LVI, 45, 67, 284, 352.

Ницкевичъ, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.

Нилова, Праск. Мих., т. LIV, 510.

Нилусъ, Петръ Богд., ген., т. LIII, 220.

Новиковъ, Н. Н., окружн. инспекторъ учил. Гродн. губ., т. LVI, 566.

Новиковъ, Никол. Ив., писат., мартин., род. 1744 г., † 1818 г., т. LIII, 17, 103, 104, т. LV, 680—682, т. LVI, 482, 483, 563.

Новосильскій, П. М., т. LIII, 657.

Новосильскій, Ѳ. М., адмир. 1866 г. т. LIII, 52, 55, 74.

Новосильцевъ, Н. Н., т. LIV, 77, т. LV, 176, 181, 236.

Нордманъ, вице-ад. 1866 г., т. LIII, 51.

Нордманъ, Алексдр. Давидов., проф., т. LIII, 657, т. LIV, 140, 646, 655, 657, т. LVI, 650, 651, 653.

Норовъ, Абр. Серг., его стихотвор. «На смерть Александра Пушкина», томъ LIII, 6, 136. LIV, 250.

Оболенскій, кн., Конст. Петр., т. LVI 479—482.

Оболенскій, кн., Л. Е., т. LVI, 581.

Оболенскій, кн., Евг. Петр., декабристъ, т. LVI, 127, 479—482.

Оболенскій, кн., Д. А., членъ Госуд. Совѣта, т. LIII, 775, 779.

Оболенскій, кн., ген.-комис. по морск. мн-ву 1857 г., т. LIV, 166.

Обольяниновъ, ген.-прокур., томъ LVI, 813.

Обресковъ, моск. губерн. 1812 г., т. LV, 226, 227.

Обуховъ, Б. П., самарск. губерн. пред. двор. 1862 г., † т. LIII, 448.

Огаревъ, ген.-ад. 1866 г., т. LIII, 65.

Огаревъ, Никол. Платон., поэтъ-писатель, т. LVI, 145, 146, 151, 157, 161, 407, 477.

Одинцовъ, Алексѣй Алексѣевичъ, ген.-лейт., нижегор. губерн. 1866 г., томъ LIII, 65.

Одоевскій, кн., Васил. Ѳед., боярин, т, LVI, 839.

Одоевскій, кн., Алексдр. Ив., корнетъ л.-гв. коннаго полка, декабр., поэтъ, † 1839 г., т. LIII, 202, 511, 531, 710, томъ LV, 135, 456, 460, 461.

Одоевскій, кн., Влад. Ѳед., писатель, т. LIV, 405, т. LVI, 574, 736.

Ожаровскій, ген.-ад. 1814 г., т. LIV, 641.

Озерецковскій, Пав. Яковл., перв. по времени, об.-священ., т. LVI, 842—845.

Озеровъ, В. А., писат., т. LIV, 510, 511, 546, т. LVI, 127—129.

Озеровъ, послан., т. LIII, 128.

Озерскій, Влад., писат., т. LIII, 801.

Однобишинъ, полтавск. губерн. 1849 г., т. LIV, 683.

Однобишинъ, Д. П., поэтъ, т. LV, 143.

Оленина, Анна Алексѣев., въ замуж. Андро, т. LV, 128.

Оленина, Елис. Марк., т. LV, 128.

Олениинъ, Алексѣй Никол., през. акад. худ., † 1842 г., т. LIV, 510, 511, 544, 546, 649, 716—737, т. LV, 87, 128.

Ольга Константиновна, ея величество королева греческ., т. LIII, 70, т. LVI, 524: въ альбомъ редактора „Русской Старины".

Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георг., т. LIII, кн. II, 1, 74, 128.

Оомъ, Ѳ., ст.-секрет., т. LVI, 561.

Ореусъ, И. И., ген.-маіоръ, членъ воен. учен. комитета, ссыл. на его очеркъ: «Д. П. Трощинскій», т. LIII, 670, 701. Сообщ. «Наканунѣ Крымской войны, Записки графа Фицтума», т. LIV, 367—404, «Императоръ Павелъ и его время», т. LVI, 365—394, 783—815.
Орлай, И. С., лейбъ-мед., † 1828 г., т. LIII, 295, 296, 297, 298.
Орлова, гр., Анна Ал., т. LIV, 650.
Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Гр., т. LIII, 326, 331, т. LIV, 278, 592, томъ LV, 38—49, 281—283, т. LVI, 300, 488.
Орловъ, Мих. Ѳед., ген.-м., декабристъ, т. LIV, 661, т. LV, 135, 228—233.
Орловъ, Григ. Никит., дѣйств. камерг., об.-гофм. 1787 г., т. LIII, 563.
Орловъ, кн., Григ. Григ., ген.-фельдц., род. 1734 г., † 1783 г., т. LIII, 305, т. LIV, 276—279, 281, 284, 592, т. LV, 500, т. LVI, 431.
Орловъ, гр., впосл. кн., Алексѣй Ѳед., чрезвыч. пос. при турецк. дворѣ 1829 г., шефъ жанд., † 1861 г., т. LIII, 237, 775, т. LIV, 369, 387—389, т. LVI, 317, 325, 329, 415, 486.
Орловъ, Иванъ Григ., т. LIV, 278.
Орловъ-Денисовъ, гр., фл.-ад., т. LIII, 398, т. LV, 325.
фонъ-деръ-Остенъ, бар., т. LIII, 308.
Остервальдъ, Анна Павл., урожд. фонъ-Зассъ, фрейлина, т. LIII, 321.
Остервальдъ, Дитрихъ, учит. вел. кн Павла Петровича, † 1794 г., т. LIII, 321—322.
Остерманъ, Андр. Ив., кабин.-министр., † 1747 г., т. LVI, 487.
Остерманъ, гр., Ѳед. Андр., ген.-анш., † 1804 г., т. LIV, 311, 313.
Остерманъ, гр., Ив. Андр., сенат., гос. канц., † 1811 г., т. LVI, 377, 440.
Остерманъ-Толстой, гр., корп. команд., т. LIII, 45.
Остерманъ-Толстой, гр., А. И., томъ LIII, 414.
Остермейеръ, Дарья Ал., т. LV, 237.
Островскій, Алексдр. Никол., писат., род. 1823 г., † 1886 г., т. LIII, 775, 776, т. LIV, 573, 788, т. LVI, 577.
Остроградскій, полковн., команд. л.-гв. Гродненск. гусарск. п. 1877 г., томъ LIII, 194.
Острожскій, кн., Константинъ, гетманъ литовскій, т. LIV, 25, 27, 30.

Павелъ I, импер., р. 1754 г., † 1801 г., т. LIII, 78—80, 104, 251, 255, 259—262, 285, 308, 315, 335, 336, 340, 374, 553—564, 581, т. LIV, 37—42, 56, 71—75, 93, 135, 197—203, 272, 389, 434, т. LV, 36, 54, 479, 501, 543, 604, т. LIV, 14, 81, 216, 365—394, [429, 430—444, 488. т. LVI, 516, 554, 842.
Павленковъ, Ф., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 715—726.
Павлова, т. LIII, 598, 599.
Павловъ, Н., его стихотв. „Ecce Homo“, т. LIV, 811.
Павловскій, Ив. Фр., сообщ. «Александръ Васильевичъ Головнинъ», томъ LV, 663—666.
Фонъ-деръ-Паленъ, баронъ, А. В., чл. учил. комис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
Паленъ, шефъ конно-гвард. пол., т. LVI, 387, 388.
Паленъ, Матв. Ив., бар., прибалт. ген.-губ., † 1863 г. т. LVI, 366, 367, 368, 372, 377, 379, 380.
Паленъ, ген.-отъ-кавалер., Спб. ген.-губернат., † 1826 г., т. LVI, 786—814.
Паленъ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Палеологъ, М. Г., учит. греч. школ. въ Одессѣ 1839 г., т. LV, 487.
Палибинъ, Никол., сообщ. «Фрейганги», т. LIV, 243, «Кн. Багратіонъ-Мухранскій», 248.
Палибинъ, профес. законовѣдѣн., т. LIV, 504.
Пальмъ, А., писат., т. LIII, 796.
Панагіодоръ-Никовулъ, А. Ѳ., археологъ, т. LV, 487.
Панаевъ, Ив. Ив., писатель, т. LIV, 792, т. LV, 611, 620.
Панина, графиня, Софья Влдм., рожд. гр. Орлова, † 1844 г., т. LVI, 299.
Панина, графиня, Наталья Павл., рожд. Тизенгаузенъ, т. LVI, 299, 318, 319

Панинъ, гр., Никита Ив., канцлеръ, бывшій воспит. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 г., † 1783 г., т. LIII, 465, 586, т. LVI, 300.
Панинъ, гр., Никита Петров., дипломатъ, вице-канцл. † 1837 г., т. LVI, 299.
Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиц., томъ LV, 484, 501, т. LVI, 297—332, 757—782.
Панинъ, гр., И., т. LV, 36.
Панинъ, гр., Алексдр. Никит., попечит. харьков. учебн. окр., † 1850 г., т. LVI, 300.
Панинъ, гр., Петръ Ив., т. LIV, 309—328, 613—628.
Пановъ, Н. А., декабр., т. LIII, 212, 216.
Пархомовъ, Максимъ, губернск. секрет., 1742 г., т. LVI, 591—593.
Паскевичъ, гр. Эриванскій, кн. Варшавскій, Ив. Ѳед., генер.-фельдмарш., † 1856 г., т. LIII, 20, 45, т. LIV, 384, т. LV, 483, т. LVI, 328, 329.
Пассекъ, Татьяна Петров., ея воспоминанія, т. LVI, 145—162.
Пассекъ, Вадимъ, т. LIII, 272.
Пассекъ, генер., т. LVI, 401, 402.
Пассенанъ, ссыл. на его соч.: «Россія и рабство и пр.», т. LVI, 619.
Паткуль, Алексдр., ген.-ад., † 1877 г., т. LVI, 677, 678.
Паулуччи, ген.-отъ-инфант., курлянд., эстл. и псков. ген.-губернат. 1824 г., т. LIII, 139, 248, т. LVI, 404.
Паульсонъ, І. И., педагогъ, т. LVI, 168.
Пекарскій, Петръ Петр., академикъ, т. LIV, 565.
Перевлѣсскій, П., т. LIII, 464.
Перевощиковъ, Д. М., профес. москов. унив. 1826 г., т. LIII, 270, т. LV, 643, 661.
Пересмыцкая, Александра Васил., томъ LV, 237.
Перовскій, А. А., попечит. харьков. учебн. окр., т. LIV, 131.
Перовскій, гофмейст., сенат. 1832 г., т. LVI, 749.
Перовскій, Левъ Алексѣев., мн-ръ внутр. дѣлъ, т. LIII, 395, 396, 420, 772, т. LIV, 249, 415, 492, т. LVI, 644—660.
Пестель, Пав. Ив., полковн., декабр., † 1826 г., т. LIII, 216, т. LVI, 396, 403—407, 642.
Пестель, Симфероп. губернат., т. LVI, 672.
Петковичъ, Мих., т. LVI, 130.
Петрашевскій, Мих. Вас., † 7 декабря 1867 г., т. LVI, 127, 408—424, 480.
Петръ I, импер., р. 1672 г., † 1725 г., т. LIII, 41, 329, 330, 349, 355, 452, 457, 577, 578, 581, т. LIV, 45, 173, 174, 196, 247, 255, 329, 343, 344, 358, 368, 564, 566—569, 573, 574, 579, 582, 583, 586—590, 630, 651, т. LV, 1—38, 50, 84, 123, 179, 303, 312, 452, 488, 489, 509, 513—518, 635, 636, 674—676, 691, т. LVI, 31—70, 211, 273, 276, 285, 289, 292, 293, 356, 357, 359, 377, 384, 435, 487, 546, 554, 629, 836—840.
Петръ III, Ѳедоровичъ, импер., р. 1728 г. † 1762 г., т. LIII, 78, 227, 305, 319, 331, 332, 334, 540, 586, 591, 592, т. LIV 174, 620, 636, т. LV, 515.
Петровъ, П. Н., археологъ и писатель, т. LVI, 249, 273.
Петровъ, Никл. Павл., профес. матем., т. LIII, 800.
Петровъ, П. Н., т. LIV, 310—328, т. LV, 202.
Петровъ, Алексдр. Григ., дир. Ришельев. музея 1844—1852 г., † 1887 г., т. LVI, 666, 667.
Петровъ, авт. «Очерковъ Украинск. лит. XIX стол.», т. LIII, 234.
Петровичъ, Степ. Петр., подполковн. Невск. ѣхотн. пол. 1788 г., т. LIII, 568.
Петровскій, смоленск. коменд., томъ LIII, 45.
Петрусевичъ, генер. 1880 г., т. LIV, 220, 227, 229, т. LV, 206, 209, 210, 218, 223.
Пеутлингъ, екатеринослав. губернат. 1839 г., т. LV, 488.
Пирогова, А. А., т. LIV, 251—253.
Пироговъ, Никл. Ив., хирург., профес. род. 1810 г., † 1881 г., его Посмертныя записки, т. LIII, 133—180, поправки къ его запискамъ, 222, 272, упом. 13, 531, 774, 779, 788, т. LIV, 251—253, 349,

т. LV, 215, 218, 688, т. LVI. 493—494, 816—818.
Писаревъ, А. А., попечит. москов. учебн. окр., т. LIII, 45, 269, 271.
Писаревскій, Н. Г., писатель и публицистъ, т. LIII, 795т, LVI, 833.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, писат., т. LIV, 792.
Писемскій, Ѳ. А., редакт. Библ. для Чтен., т. LV, 614, 630.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказн. атам. войска донск. 1799 г., т. LIII, 364. т. LIV, 303.
Платуновъ, Н. Н., сообщ.: «Баженины», т. LVI, 554.
Плаутинъ, ген.-ад. 1856 г., т. LIV, 351.
Плетневъ, Петръ Алсдр., акад.-писат., † 1864 г., т. LIII, 249—250, 702, т. LIV, 244, 517, 792, т. LV, 456, 458, т. LVI, 107, 415, 418, 420, 422, 742.
Плетневъ, В. А., т. LVI, 541.
Плещеевъ, адмир., т. LVI, 790.
Побѣдоносцевъ, Констант. Петров., чл. госуд. сов., д. т. сов., т. LVI, 559.
Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800, † 1875 г., т. LIII, 62, 276, 445, 691, 696, т. LIV, 131, 133, 556, 729, т. LV, 487, 647, 654, 657, т. LVI, 254, 743—746.
Погребовъ, Н. И., спб. город. голова, т. LV, 694.
Поджіо, Алексдр., декабр., т. LVI, 481.
Подолинскій, Андр. Ив., поэтъ, р. 1806 г., † 1886 г., т. LIII, 283, 531, 755, т. LV, 467, т. LVI, 553, 666.
Пожалостинъ, Ив. Петр., граверъ на мѣди, акад., адъюнктъ профес., 1887 г., т. LIV, 215, 506, 734, т. LVI, 556, 559.
Познанскій, Т., сообщ. «Звѣрьяда», т. LIV, 504, упомин. т. LVI, 517.
Познякъ, Яковъ Аникіев., сенат., т. LIII, 267, 268, 274.
Покровскій, Н. Ѳ., попечит. одесск. учебн. окр. 1831 г., т. LIII, 5, 288, 651, 653, 654, 657, 660, 665, т. LIV, 130, 645, 646, LVI, 664.
Полевой, Никл. Алексѣев., писат., род. 1796 г., † 1846 г., т. LIII, 268, 757, т. LIV, 131, 134, 637, т. LV, 606, 630, т. LVI, 484, 485, 662.
Полежаевъ, А., писат., т. LIII, 270, т. LVI, 140, 141, 226.
Полетика, Вас. Апол., изд. «Молвы», т. LVI, 832, 834.
Поливанова, В. Н., сообщ. «Николай Михайловичъ Языковъ», т. LVI, 224—225.
Поливановъ, Левъ И., сообщ. «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», т. LIII, 235—248, т. LVI, 697, 716—724.
Поливановъ, В. Н., сообщ. стихотв. Н. Павлова «Ecce Homo», т. LIV, 811, «Моимъ друзьямъ, стихотв. И. С. Аксакова», т. LV, 146—147.
Полонскій, Яковъ Петр., писат., т. LIV, 792.
Полторацкій, Серг. Дм., т. LVI, 127—144, 471—486.
Понятовскій, Станисл. Авг. IV, кор. польскій, т. LIII, 299—318, 319.
Поповъ, Андр. Яковл., т. LIV, 642.
Поповъ, А. А., адм. 1866 г., т. LIII, 55, 58, 74, т. LVI, 694.
Порошинъ, Сем. Андр., воспит. в. кн. Павла Петров., ссыл. на его Записки, т. LIV, 73.
Порфирій, архим., ректор. одес. семин. 1839 г., т. LV, 487.
Поссе, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Потаповъ, Алксн. Львов., Виленск. ген., губернат., т. LIV, 552, 553, 555.
Потаповъ, ген.-ад., наказн. атаманъ войска донск., т. LIV, 706.
Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ. Алексдр., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. LIII, 9, 10, 309, 310, 337—340, 544—561, т. LIV, 36, 45, 54, 56, 61, 68. 135, 289—307, 600, 601, 603, 645, т. LV, 285, 293—311, 492, 529, т. LVI, 3—27, 427—435.
Потемкинъ, Пав. Серг., генер., т. LVI, 434, 435.
Потемкинъ, спб. губерн. предводит. двор., т. LVI, 414.
Потоцкій, Ст., предсѣд. госуд. сов. и сов. мн-въ Варшав. княж., т. LV, 181.
Потѣхинъ, А. А., писат., т. LIII, 776, т. LIV, 792, т. LV, 696.

Похитоновъ, генер. 1877 г., т. LIII, 187, 188, т. LIV, 805, 806.

Прасковья Ѳедоровна, царица, р. 1664 г., † 1723 г., т. LIV, 193, 194, 195, 567, 569.

Пржевальскій, Н. М., т. LVI, 193.

Прозоровскій, кн., Алексдр. Алексдр., т. LIII, 101, 104, 105, 106.

Прокоповичъ, Н. Я., т. LIII, 712, 713.

Прокоповичъ-Антонскій, Ант. Антонов., ректм. моск. унив. 1825 г., т. LIII, 264, 271.

Протасова. Екат. Афанас., рожд. Бунина, т. LIII, 179.

Протасова, фрейлина, т. LIV, 278, 279.

Протасовъ, гр., Н. А., об.-прокур. св. синода, т. LIV, 149, 150, 151, 153, 391, 648, т. LVI, 65, 341, 342.

Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1774 г., т. LIII, 549, 550, т. LIV, 247, 571.

Де-Пуле, М. Ѳ., инспект. полтавск. кадет. корп., писатель, т. LIV, 691.

Путятинъ, кн., Пав. Арсеньев., его Воспоминанія, т. LIII, 107—132, 532, упом., т. LIV, 270.

Путятинъ, кн., Арсен. Степ., Валдайск. предвод. дворян. 1864, т. LIII, 132.

Путятинъ, гр., мн-ръ народн. просв., т. LIII, 248, 778, т. LVI, 673.

Пушкинъ, Алексдр. Серг., р. 1798 г., † 1837 г., т. LIII, 43, 109, 235—248, 464, 495—506, 531, 600, 652, 744, 751, 772, 775, т. LIV, 79, 155—160, 161—164, 250, 390, 409, 413, 441, 442, 514, 519, 551, 562, 720, т. LV, 128, 129, 453, 456—459, 463—465, 467, 473, 545—567, 640, 695, т. LVI, 70, 102, 132, 560, 586, 697—730.

Пушкинъ, Алексѣй, команд. л.-гв. Преображ. пол., т. LIII, 214, 221.

Пушкинъ, Левъ Серг., т. LIV, 156, 159.

Пушкинъ, Васил. Львов., писат., т. LIII, 234, т. LIV, 512, 545, 546.

Пущинъ, Нпк. Ник., генер., директ. Дворянск. пол., т. LIV, 681.

Пущинъ, И. И., декабр., ссыл. на его Зап., томъ LIII, 238.

Пыпинъ, А. Н., писатель и учен., томъ LVI, 834.

Пѣтуховъ, М. О., сообщ.: «Звѣрьяда», т. LVI, 517.

Радецкій, генер. 1877 г., т. LV, 340.

Радищевъ, Алексдр. Никол., директ. таможни, писатель, † 1802 г., т. LVI, 25—28, 100, 101.

Радловъ, акад., т. LVI, 546.

Раевскій, Святосл. Афанас., т. LIV, 109, 110, 111.

Раевскій, Васил. Ѳедосѣев. т. LVI, 132.

Раевскій, Н. Н., генер., 1813, т. LVI, 267, 513, 538, 539, 540.

Разумовскій, гр., Кириллъ, ген.-фельдмарш., т. LIV, 35, 36, 38, 42.

Разумовскій, гр., Петръ Алексѣев., томъ LIV, 644.

Разумовскій, гр., Андр. Кирил., камергеръ, т. LIII, 79, 80.

Рамшевъ, (псевдонимъ), поэтъ, т. LV, 592—600.

Ренненкампфъ, К. К., правит. канцел. мн-ра юстиц., нынѣ дѣйств. тайн. сов., т. LVI, 758.

Ранцау, баронесса, воспитат. вел. княж. Ольга Конст., т. LIII, 70.

Распоповъ, П., сообщ. «Горе Киргиза», т. LV, 447—452.

Растопчина, графиня, рожд. Сушкова, писательница, † 1858 г., т. LIII, 745.

Растопчинъ, Ѳ. В., ген., т. LVI, 793, 798, 808.

Растрелли, гр., архитект., т. LIII, 575, 576, 583, 584.

Ратынскій, Н. А., тн. сов., † 1887 г., т. LVI, 250.

Ратьковъ-Рожновъ, В. А., чл. учил. комис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.

Рахмановъ, помѣщ., т. LIII, 404.

Рачинскій, кавалеръ мальт. ордена, т. LVI, 335.

Рейтернъ, Мих. Христофор., мн-ръ финанс. 1866 г., т. LIII, 58, 438, 772, 774, 777, 778, т. LIV, 167.

Репнинъ, кн., Никл. Вас., ген.-аншефъ, чрезвыч. полномочн. посолъ въ Константинополѣ 1775 г., впосл. ревельск. ген.-губ. 1781 г., фельдмарш. 1798 г., р. 1734 г., † 1801 г., т. LIII, 339, 340, 556, т. LIV, 68.

Репнинъ, Н. Г., новороссійск. воен. губернат. 1818 г., т. LVI, 93, 94, 95.

Репнинъ, кн., гродн. ген.-губернат., т. LIII, 315.

Репнинъ, кн., генер. 1789 г., т. LV, 310, 320.

Репнинъ-Волконскій, кн., малороссійск. ген.-губернат., т. LIII, 297.

Фонъ-Рехенбергъ, Петръ Астафьевичъ, шефъ москов. гарнизон. пол. 1797 г., т. LIV, 198—203.

Ржевскій, нижегород. губернат. 1721 г., т. LVI, 280.

Рибасъ, гр., Настасья Ив., рожд. Соколова, т. LIII, 327.

Рибасъ, Осипъ Ив., ген.-м., позже адмиралъ, т. LIV, 303.

Рибасъ, Осипъ Мих., ген.-кригсъ-комис., † 1808 г., т. LIII, 326—327.

Ридигеръ, гр., генер. 1856 г., т. LIV, 346, 350, 351, 359, 361.

Ризенко, профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 264.

Римскій-Корсаковъ, Александр. Мих., † 1840 г., т. LIV, 70.

Римскій-Корсаковъ, Я. Н., т. LV, 20.

Риттеръ, Александр. Өед., писат., т. LIII, 799.

Рихтеръ, ген.-ад., т. LVI, 559.

Рихтеръ, Өед. Өед., профес. архитект., т. LIII, 524.

Ришелье, герц., Э. О., одесск. градоначальн. 1803—1814 г., т. LIII, 288, 289.

Роберти, т. LIII, 553.

Ровинскій, Дм. Александр., сенат., род. 1826 г., т. LVI, 531—536.

Роджерсонъ, т. LIV, 611.

Рожковъ, В., сообщ. «Доносы фискаловъ на Никиту Демидова», т. LIV, 329—344.

Розбергъ, редакт. «Одес. Вѣстн.», т. LIII, 654.

Розенъ, бар., Андр. Евг., декабристъ, † 1884, т. LIII, 204, 215, т. LIV, 148, т. LVI, 404, 405.

Розенбергъ, генер., т. LVI, 794.

Розенгеймъ, Вѣра Ив., рожд. Усова, т. LV, 636—639.

Розенгеймъ, Мих. Павл., поэтъ, писатель, р. 1820 г., † 1887 г., т. LIII, 72, т. LV, 601—639.

Рогозинниковъ, Илья Ил., инспекторъ ярослав. гимн. 1871 г., т. LV, 464, 466.

Роджерсонъ, т. LV, 287.

Романовъ, В. В., чл. учил. комис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.

Романовичъ, П. П., сообщ. «Разсказы бывшихъ военныхъ поселянъ о гр. Аракчеевѣ», т. LV, 419—422.

Ромодановскій, кн., Өед. Юрьев., т. LVI, 288.

Ростиславовъ, Дмт. Ив., профес. спб. дух. акад., р. 1809, † 1877 г., т. LIV, 215, т. LVI, 445—470.

Ростовцевъ, гр., Яковъ Ив., ген.-ад., предсѣд. ред. ком., р. 1803 г., † 1860 г., т. LIII, 447, 448, 777, т. LIV, 349—362, 660, 680, 686, 687, 693—698, т. LVI, 305, 307.

Ростопчинъ, гр., Андрей, сообщ. «кн. Николай Григорьевичъ Щербатовъ», т. LIII, 388.

Ростопчинъ, гр., Өед. Васил., об.-камерг., ген.-инф., моск. главнокоманд. 1812 г., р. 1765 г., † 1826 г., т. LIV, 197—199, 381, т. LVI, 367, 368.

Роховъ, ген.-лейт., прус. посл. въ Спб., 1852 г., т. LIV, 369, 370, 372, 374, 375.

Рубинштейнъ, Ант. Григ., композ., т. LIV, 418.

Рудаковъ, команд. Свеаборгск. порта 1866 г., т. LIII, 51.

Рудзевичъ, ген.-лейт., Костромск. губернат. 1866 г., т. LIII, 67.

Руммель, бар., Васил. Влдм., сообщ. «Подлинныя письма Якова Кульнева къ брату 1805—1812 г.», т. LIII, 605—632, упом. 376, 603.

Руммель, инспект. полтавск. кадетск. корп., т. LIV, 691.

Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Алексдр., фельдм., р. 1725 г., † 1796 г., т. LIII, 85, 545, 556, т. LIV, 35, 38, 39, 42, 245—248, 616—618, т. LV, 604.
Румянцевъ, гр., Никл. Петр., госуд. канцл., р. 1754 г., † 1826 г., т. LIII, 34, 35, 662, т. LVI, 369, 370, 375, 783.
Рунцэ, воспитат. внуковъ Миниха, томъ LIII, 227—234, 465—467, т. LIV, 635.
Рылѣевъ, Никита Ив., спб. об.-полиціймейст., т. LIII, 87—92.
Рылѣевъ, Кондрат. Ѳедор., декабр., писат., р. 1795 г., † 1826 г., т. LIII, 213, 216, т. LV, 567, 604, 605, т. LVI, 403, 405.
Рѣдкинъ, Петръ Григ., профес., чл. гос. сов., т. LIII, 155, 156, 272, т. LV, 647.
Рѣпинскій, Григ. К., сенаторъ, сообщ. «Александръ Васильевичъ Суворовъ», т. LVI, 212, упом. т. LIII, 792.
Рѣпнинъ, кн., лифл. и эстл. ген.-губ., т. LVI, 366, 369, 370, 380, 387, 391.
Рѣпнинъ, кн., В. Н., т. LIV, 644.
Рѣпнинъ, кн., фельдмарш., т. LV, 61, 66, т. LVI, 805, 806.
Рюминъ, Мих. Аким., об.-прокур. моск. сената, т. LVI, 768, 769.

Савваитовъ, Пав. Ив., профес. чл.-кор. акад. наукъ, чл. археогр. ком. и разн. учен. общ., т. LIV, 258—261, т. LVI, 247—262.
Савельевъ, Алексдр. Калистрат., т. LV, 463.
Савельевъ, А. И., ген.-лейт., археологъ, т. LVI, 250.
Савицкій, Ив., т. LIII, 798.
Сазоновъ, генер. 1812 г., т. LIII, 638.
Сазоновъ, П. А., т. LIV, 812.
Сакенъ, генер. 1813 г., т. LV, 328, 329.
Салдернъ, Каспаръ, рус. послан. въ Копенгагенѣ 1760 г., д. тн. сов., т. LIII, 537—540, т. LVI, 439, 440.
Саліасъ, Елисав. Вас. (Евгенія Туръ), сообщ. «Шепелевы», т. LV, 163.
Саломонъ, П. И., правит. канц. мн-ра юстиц., т. LVI, 758.
Салтыковъ, Петръ Серг., т. LIII, 334.
Салтыковъ, Алексѣй Петр., бояр., московск. губернат. 1717 г., т. LIV, 341.
Салтыковъ, гр., Ив. Петр., ген.-ад., томъ LIII, 556, 557.
Салтыковъ, Никл. Ив., ген.-аншефъ, фельдмарш., т. LIII, 81, 82, 101, 555, 556, т. LV, 514, т. LVI, 377, 425—427.
Салтыковъ, (Щедринъ), Мих. Евграф., писат.-сатирикъ, бывш. чл. особ. ком. о губ. и уѣздн. учрежд. 1860 г., т. LIII, 529—531, т. LIV, 244, 562.
Самаринъ, Дм. Ѳед., т. LVI, 560.
Самаринъ, Юрій Ѳед., писат., р. 1819 г., † 1876 г., т. LIII, 127, 128, 404, 777, т. LIV, 167, 210, 435, 437, т. LV, 583, т. LVI, 647, 648.
Самаринъ, Мих., сенат., т. LV, 28.
Самойловъ, В. В., артистъ, † 1887 г., т. LIV, 674, 785—792.
Самойловъ, гр., Ник. Алекс., т. LV, 481.
Самойловъ, ген.-лейт. 1788 г., т. LV, 300.
Самоквасовъ, А. Я., профес., т. LIII, 114.
Сандуновъ, Ник. Ник., профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 266, 268, 270—273, 279.
Сапожниковъ, ген., т. LIV, 681.
Сафоновъ, С. В., прав. канц. намѣстн. кавказ., т. LIII, 284, т. LIV, 141, томъ LV, 487, т. LVI, 655, 656, 662, 663, 669.
Сахаровъ, Ив. Петр., археологъ, т. LIII, 439, т. LVI, 255.
Сверчковъ, художн., т. LIII, 56.
Свиньинъ, адмир. 1880 г., т. LV, 207.
Свиньинъ, Пав. Петров., издат. «Отечественныхъ записокъ», т. LIV, 310, 627.
Свиньинъ, И. П., т. LVI, 102, 103.
Свободинъ, П., сообщ. «Василій Васильевичъ Самойловъ», т. LIV, 785—792.
Свѣчина, Н. П., рожд. Ахматова, сообщ.: «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Уральскихъ горахъ въ іюлѣ 1837 г.», т. LVI, 676—680.
Святополкъ-Мирскій, кн., ген., 1877 г., т. LV, 354.
Саитовъ, В. И., т. LIV, 506, 545, 548, т. LVI, 556, 557.

Селивановъ, Андрей Васил., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1887 г., сообщ.: «Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, шутка-стихотвореніе «Единство», т. LIII, 512—514, «А. С. Хомяковъ въ эпоху освобожденія крестьянъ», т. LIV, 254, «Испанія и Россія, стихотв. И. Колошина», 692., т. LIV, 189, 195—198, 217, т. LVI, 543—546.

Селифонтовъ, Н. Ник., ст.-сек., сенат., т. LIV, 203.

Семевскій, Мих. Ив., ред.-изд. «Русск. Старины», сообщ.: «Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ», т. LIII, 529—531, т. LIV, 244, «Александръ Васильевичъ Головнинъ», 769 — 787, «Дворянскій полкъ, основанный въ 1807 г.», 791—802, «Рязанская ученая архивная коммиссія, 1884—1887 гг.», т. LIV, 185—216а, «Очеркъ жизни и трудовъ Фридриха Боденштедта», т. LIV, 409—422, «Константинъ Николаевичъ Батюшковъ», 505—548, «Павелъ Ивановичъ Савваитовъ», т. LVI, 245—262, «Иванъ Константиновичъ Айвазовскій», 263—272, 583—590; упом.: т. LIII, 15, 112, 488, 558, т. LIV, 443, 470, 736, т. LV, 239, 577, 668, 693—696, 704—706, т. LVI, 193, 194. Кромѣ того, всѣ статьи и замѣтки, подписанныя «Ред.», какъ и въ предъидущіе годы изданій «Русской Старины» (1870—1887) принадлежатъ М. И. Семевскому.

Семевскій, Васил. Ив., магистръ русск. исторіи, сообщ.: «Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе императора Николая I», т. LIII, 389—430, 435, «Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой пол. XIX в.», т. LVI, 71—106, 395—424, 619—648, упом., т. LIV, 269 т. LVI, 525—582.

Семевскій, Влдм. Егор., т. LIII, 797.

Семевскій, Алексдр. Ив., земск. дѣят., † 1879 г., т. LIII, 800.

Семека, В. А., инспект. народн. учил. въ Спб., т. LVI, 173.

Семенова, Екат. Сем., артис., р. 1786 г., † 1849 г., т. LV, 129—131.

Семеновъ, Дм. Дм., сообщ.: «Первое десятилѣтіе спб. городскихъ начальныхъ училищъ», т. LV, 668—703, т. LVI, 163—195, упом., т. LIII, 488.

Семеновъ, Пав., сообщ. «На смерть Александра Пушкина», т. LIV, 250.

Семеновъ, Никл. Петр., чл. редакц. ком., сенаторъ, 1860 г., т. LIV, 214.

Семеновъ, Петръ Петр., чл. редакц. ком. 1860 г., т. LIII, 777, 784, т. LIV, 214.

Семичевъ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.

Сенковскій, Осипъ Ив., профес. спб. унив., писат., † 1858 г., т. LIII, 742, 743, 745, 751, 755, 757, т. LIV, 749—755, т. LV, 606, 621.

Сен-При, графы, т. LIII, 290.

Сенявинъ, Алексѣй Наумов., адмир., † 1797 г., т. LV, 37.

Сенявинъ, Никол. Ив., адмир. 1770 г., т. LV, 38, 39, 51, 52, 54.

Серебряковъ, Апол. Алексѣев., инж., нач. Николаевск. ж. дор. 1856 г., томъ LIII, 519.

Серебряковъ, генер., т. LIII, 795.

Сержпутовскій, И., сообщ. «Puschkiniana», т. LIII, 495—506.

Серра Капріоли, маркиза, т. LIII, 206.

Сеславинъ, А. Н., партиз. 1812 г., т. LV, 322, 325, 336, 337.

Сестренцевичъ, Богушъ, арх. мог., т. LVI 379, 392, 393, 815.

Сиверсъ, гр., Ив. Яковл.. сенат., т. LVI, 373, 374.

Сиверсъ, гр., нач. артил. 1810 г., томъ LV, 322.

Сиверсъ, гр., Е. Е., вице-директ. инсп. департ., т. LIV, 705.

Сиверсъ, русск. посолъ, т. LIII, 312.

Сиверсъ, баронъ, Карлъ Ефимов., томъ LIII, 588.

Сиверсъ, гр., Н. Е., чл. учил. комис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 693, 696.

Сидоровъ, Мих. Конст., изслѣдоват. Сѣвера Россіи, † 1887 г., т. LV, 704—706.

Силивестръ, авт. «Домостроя», т. LVI, 350.

Симашко, Ф. И., педагогъ, нач. полтавск. воен. гимназ., т. LIV, 691.

Симсонъ, П. Ѳ., т. LVI, 541.
Синицынъ, Н. И., дир. Ришел. лицея 1833 г., т. LIII, 656, т. LVI, 656, 664.
Сипягинъ, прапорщ. л.-гв. конно-гренад. пол. 1877 г., т. LIII, 193—201.
Сипягинъ, Н. М., дивиз. генер., томъ LIII, 206.
Скабичевскій, А. М., т. LVI, 580, 715—726.
Скавронская, Марія Никол., рожд. графиня Строгонова, т. LIII, 582.
Скавронскій, гр., Мартинъ Карловъ., камерг., т. LIII, 582, т. LIV, 91.
Скалонъ, инспект. полтав. кадет. корп., т. LIV, 683, 691.
Скальковскій, А. А., тн. сов., предсѣд. одес. статист. комит., т. LIII, 283, томъ LIV, 138, т. LV, 487, т. LVI, 660.
Скаржинскій, П. В., полк. лейбъ-гусар. полка, т. LVI, 668.
Скарятинъ, Д. Я., новгород. губернат. 1863 г., т. LIII, 123, 124, 132.
Скобелевъ, Ив. Никитч., ген.-инф., коменд. спб. крѣп., † 1849 г., т. LIV, 197.
Скобелевъ, Мих. Дмитр., генер.-ад., р. 1843 г., † 1882 г., т. LIII, 190, 191, т. LIV, 217—239, 662, т. LV, 354, 203—225.
Слизовъ, Петръ Борисов., кап. флота 1788 г., т. LIII, 569.
Слонимскій, т. LVI, 580.
Смирнова, А. О., рожд. Россеттъ, томъ LVI, 737.
Смирновъ, Сем. Алекс., профес. москов. унив., т. LIII, 265.
Смирновъ, Васил. Дм., профес., т. LIV, 259.
Смирновъ, А. А., т. LVI, 541.
Смирновъ, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.
Смоликовскій, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Снегиревъ, Ив. Мих., профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 264, 266, т. LIV, 131, 134, 135, 653, 726, т. LV, 487.
Собакинъ, Савва Яковл., владѣл. Холуницк. заводовъ, т. LIV, 263.
Соболевъ, Ив., ярослав. городск. голова, т. LVI, 251.
Соболевъ, Сергѣй, сообщ.: «Русско-турецкая война въ Болгаріи», т. LIV, 761—784, т. LV, 183—202, 339—376.
Соболевскій (одна изъ его шутокъ), т. LIII, 106.
Соботовскій, Пав., архіеп. харьковск., т. LIII, 28.
Соймоновъ, сенат., т. LVI, 373, 374, 377, 383, 384.
Соколовъ, Григ. Ив., инсп. ришельевск. лицея, т. LVI, 667.
Солнцевъ, кн., Ив. Егоров., т. LIV, 714.
Солнцевъ, Ѳед. Григ., профес. археологическ. живописи, р. 1801 г., т. LIII, 665, т. LIV, 134, 557, 650, 651, 713—737.
Соловьева, Ольга Алексѣев., во втор. бракѣ Ларіонова, т. LIV, 181.
Соловьевъ, Мих. Александр., проф. энцик. и истор. права, т. LVI, 649.
Соловьевъ, Серг. Мих., проф.-историкъ, р. 1820 г., † 1879 г., т. LIII, 531, т. LIV, 565, 567, 627, т. LV, 2, 6, т. LVI, 34, 275, 833.
Соловьевъ, Яковъ Александр., сенат., быв. чл. редакц. ком., † 1876 г., т. LIII, 447, 448, т. LIV, 181—184, т. LVI, 305.
Соллогубъ, гр., Влдм. Александр., писатель, † 1882 г., т. LIV, 792.
Сосницкій, А., т. LVI, 724.
Софія Алексѣевна, царевна-правител., р. 1657 г., † 1704 г., т. LVI, 839.
Спада, А. Ф., директ. одес. город. музея 1839 г., т. LV, 487, 496, 497, т. LVI, 657, 658.
Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 г., † 1839 г., т. LIV, 642, т. LV, 478, т. LVI, 304, 404.
Спиридовъ, адмир., т. LV, 38, 41, 43, 47,
Спренгпортенъ, бар., впосл. графъ, Егоръ Максимов., генер., † 1819 г., т. LIII, 571, 572.
Спѣшневъ, петрашевск. кружка 1849 г., впосл. миров. посредн. въ Псков. губ., †, т. LVI, 424.
Срезневскій, Изм. Ив., проф. спб. унив., академикъ, т. LIII, 439, т. LIV, 735, т. LVI, 253, 255, 258.
Стакельбергъ, гр., рус. послан. въ Испаніи, т. LVI, 439.

Старицкій, Е. П., т. LIV, 180.

Старовъ, Ник. Дм., преподават. русск. словесн., т. LIII, 476—485, 487, 488.

Старчевскій, Л. А., редакторъ «Сына «Отеч., т. LV, 614.

Старчевскій, Альбертъ Викент., редакт. «Библ. для Чтенія», т. LIV, 739—760.

Стасовъ, архитект., т. LIII, 662.

Стасюлевичъ, М. М., чл. учил. комис. въ Спб. 1886 г., ред.-изд. „Вѣстника Европы", т. LV, 627, 696, т. LVI, 193.

Стекль, рус. посл. въ Вашингтонѣ 1866 г., т. LIII, 66.

Стемиковскій, Ив. А., Керчь-Еникольск. градонач., т. LIV, 136, т. LV, 496.

Степановъ, Никл. Алексдр., изд. „Искры", т. LIII, 756, 757.

Стерлеговъ, С., сообщ.: «Прошеніе кригсъ-комиссара Лузина Павлу I», т. LVI, 216.

Стефанъ Яворскій, митрополл., т. LV, 1—32, т. LVI, 32, 42, 273, 275, 289, 291.

Столпянскій, педагогъ, т. LV, 442.

Столыпина, фрейлина, т. LIII, 124.

Столыпинъ, ген. 1877 г., т. LIV, 796.

Стояновскій, Н. И., чл. госуд. сов., сообщ.: «Библіотека училища правовѣдѣнія», т. LIII, кн. II, 1; упом.: томъ LIII, 792, т. LIV, 720, т. LVI. 769.

Страховъ, Ив. Варѳолом., т. LVI, 8.

Страховъ, Н. Н., т. LVI, 579.

Стрешневъ, Тихонъ Никит., бояринъ, т. LIV, 255, 341.

Строгонова, граф-ня, рожд. княг. Трубецкая, т. LVI, 7.

Строгонова, гр., Юлія Петр., рожд. граф. Ойейгаузенъ, т. LIV, 562.

Строгонова, графиня, Софія Влдм., рожд. княж. Голицына, † 1845 г., т. LIII, 577, 579, т. LIV, 78, 79, 80, 82, 87.

Строгонова, графиня, Наталія Павлов., † 1872 г., т. LIII, 577, 600, т. LIV, 83, 87.

Строгонова, баронес., Софья Кирил., рожд. Нарышкина, † 1737 г., томъ LIII, 582.

Строгонова, Марья Яковл., рожд. Новосильцова, перв. статсъ-дама при дворѣ Петра I, т. LIII, 578.

Строгонова, баронес., Екат. Петр., см. Трубецкая.

Строгоновъ, Спиридонъ, татарск. мурза, родонач. фамиліи Строгоновыхъ, т. LIII, 578, 579.

Строгоновъ, Григ. Дмитр., † 1715 г., т. LIII, 577, 578, 579, 581.

Строгоновъ, гр., Алексдр. Григ., бывш. мн-ръ внутр. дѣлъ, т. LIV, 86.

Строгоновъ, бар., Серг. Григ., † 1756 г., т. LIII, 577, 580—585, т. LIV, 83—94,

Строгоновъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., попечит. моск. учебн. окр., впосл. сенаторъ, р. 1794 г., † 1882 г., т. LIII 269, 577, 579, 584, 600, 601, т. LIV, 84, 132, 133, 425, 651, 656, 661, 662, т. LV, 641, 695, т. LVI, 654, 657.

Строгоновъ, гр., Алексдр. Серг., сенат. президт. акад. худож., директ. публичн. библ., † 1811 г., т. LIII, 577, 582—600, т. LIV, 71—77, 89—94, 510, 546, 729

Строгоновъ, гр., Пав. Алексдр., р. 1774 г., † 1817 г., сенат., т. LIII, 577, томъ LIV, 76, 77, 78, 81, 82, 87, 92.

Строгоновъ, бар., впосл. гр. Григор. Алексдр., русск. посолъ въ Швец., Исп. и Турц., р. 1770 г., † 1857 г., т. LIV, 82, 562.

Строгоновъ, гр., Серг. Алексдр., т. LIII, 577, т. LIV, 84, 86.

Строгоновъ, Григ. Дмтр., т. LIII, 577.

Строгоновъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., т. LVI, 507.

Строгоновъ, одесск. ген.-губернат., томъ LIII, 136.

Строгоновъ, гр., Григорій, т. LIV, 391.

Строгоновы, графы, т. LIII, 575—602, т. LIV, 71—94.

Строевъ, П., чл. археографич. ком., томъ LIV, 729.

Струве, астрономъ, т. LIII, 784.

Струмилла, генер., директ. полтавск. кадет. корп. 1849 г., т. LIV, 682, 683, 691.

Стрѣшневъ, сенат., т. LV, 28.

Студенкинъ, Г. И., сообщ.: «Орудіе пытки въ 1847 году», т. LIV, 249—250, «Греческая гимназія въ Екатеринославлѣ», т. LV, 376.

Студицкій, докт., т. LIV, 223—226.

Стурдза, А. С., т. LIII, 283, 287, т. LV, 477—494, т. LVI, 655, 659.

Суворинъ, А. С., т. LVI, 711—718.

Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александръ Вас., фельдмарш. 1799 г., т. LIII, 340, 341, 376, 378, 387, 556, т. LV, 310, 312, 313, 488, 489, 529, томъ LVI, 201, 212, 794.

Суворовъ, Александр. Вас,, ген.-поруч., р. 1729 г., † 1800 г., т. LIV, 68.

Суворовъ, свѣтл. кн., Александр. Аркад., ген.-ад., † 1882 г., т. LIII, 132.

Суздальцевъ, И. И., чл. учил. комис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.

Сукинъ, коменд. спб. крѣпости 1826 г., т. LIII, 215, 218.

Сумароковъ, Александр. Петров., писат., директ. импер. театра 1760 г., р. 1717 г., т. LIV, 616, т. LV, 522, 604, т. LVI, 72—74, 563.

Супоневъ, полковн. 1880 г., т. LIII, 374.

Сутгофъ, Александр. Никол., декабр., т. LIII, 212.

Сухово-Кобылинъ, А. В., помѣщ., томъ LIV, 661, т. LV, 163.

Сухозанетъ, Никл. Онуфр., воен. мн-ръ 1861 г., вносл. намѣстн. Царства Польскаго, т. LIV, 360, 361, 363.

Сухотинъ, вице-адм. 1782 г., LV, 530.

Сухтеленъ, Петръ Корнильев., инж., ген.-м. 1790 г., т. LIII, 566, т. LIV, 67.

Сухонинъ, И., т. LIV, 792.

Сушкова, Екат. Ал., въ зам. Хвостова, т. LIII, 746—751, т. LV, 430.

Сущовъ, П. И., прав. канц. мн-ра юст., т. LVI, 758.

Сысоева, Екат., сообщ. замѣтку: «А. К. Абрамовъ», т. LIV, 184.

Сытинъ, И. Д., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 725—726.

Сѣрякова, Любовь Александр., т. LIV, 502.

Татанцевъ, Н. С., профес., т. LVI, 504.

Танковъ, А., сообщ.: „Мирные судьи по проекту дворянства въ 1826 г.“, т. LIII, 223, 224, „Всероссійскій дворянскій молебенъ“, т. LVI, 490—492.

Тарновскій, Вас. Вас., т, LIV, 167.

Татищевъ, Никита Алексѣев., стольникъ 1686 г., т. LIV, 567.

Татищевъ, Васил. Никит., историкъ, род. 1686 г., † 1750 г., т. LIV, 563—590.

Татищевъ, Петръ Алексѣев., ген.-м., масонъ, т, LIII, 566.

Татищевъ, Ник. Алексѣев., ген.-маіоръ 1788 г., т. LIII, 551, 566, т. LIV, 59.

Таубе, бар., т. LIV, 703.

Теляковскій, Е. А., сообщ.: „Звѣрьяда“, т. LIV, 250, 504.

Тепловъ, т. LIII, 83.

Тергукасовъ, генер. 1880 г., т. LV, 209.

Терновскій, П. М., профес. богослов. моск. унив. 1827 г., т. LIII, 272, томъ LV, 654, 655.

Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., инженеръ, ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LIII, 54.

Тилло, А. А., геодезистъ, нач. шт. I-го армейск. корп. 1887 г., т. LIV, 712.

Тимаевъ, М. М., т. LV, 236.

Тимощукъ, Вѣра Вас., сообщ.: „Американское посольство въ Россіи въ 1866 г.“, т. LIII, 47—75, перевела: „Замѣчанія на записки генер. Манштейна. А. Я. Юргенсона“, т. LIV, 309—328, 613—637, „Воспоминанія Фридриха Боденштедта о пребываніи въ Россіи“, 423 — 442, 470—496, т. LV, 571—583, „Императрица Екатерина II въ письмахъ къ доктору Циммерманну 1785—1791 гг.“, т. LV, 280—320; сост. „Алф. Указт.“.

Тимоѳеевъ, Алексѣй Алексѣев., генер., т. LIII, 797.

Титова, Н. (псевдонимъ), сообщ.: „К. Д. Ушинскій и В. И. Водовозовъ“, т. LIII, 471—494.

Титовъ, Андрей Ал., сообщ.: „Александр. Михайловичъ Булатовъ, † 19 января 1826 г.“, декабр., т. LIII, 203—222.

Титовъ, В. П., русскій посолъ въ Константинопол. 1845 г., т. LIV, 214, 440.

Тихменевъ, П., сообщ.: «Рекогносцировка за Балканы въ декабрѣ 1877 г.», т. LIII, 193—201, 532.

Тихоновъ, В. С., капит., т. LVI, 651.

Тихонравовъ, Никл. С., проф., сообщ.: „Тарасъ Бульба Н. В. Гоголя", т. LIII, 711—731, т. LIV, 95—128, упом. т. LV, 556, т. LVI, 562, 563.

Тихоцкій, генер., директ. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 689, 690, 691.

Токмаковъ, И. Ѳ., архив. моск. главн. архива, писатель, т. LIV, 191, т. LVI, 545—549.

Толстая, граф., Марья Никл., рожд. княг. Волконская, т. LVI, 576.

Толстая, граф., Софья Андр., рожд. Берсъ, т. LVI, 577.

Толстой, гр., Алексѣй Конст., писатель, р. 1834 г., † 1875 г., его стихотв.: „Единство", т. LIII, 512—514, т. LIV, 792, т. LV, 144—145.

Толстой, гр., Дм. Андреев., членъ госуд. совѣта, мин—ръ внутр. дѣлъ, презид. император. акад. наукъ, сообщ.: „По поводу письма фельдмарш. гр. Миниха къ Руниз", т. LIII, 465 — 469, упом. т. LIII, 774, т. LIV, 185, 214, 558—561, 634, 637, т. LV, 445, 700, т. LVI, 515.

Толстой, гр., Дмитр. Никол., т. LIV, 206—209, 214.

Толстой, Петръ Андр., т. LVI, 44.

Толстой, Ѳеоф. Матв., т. LIII, 512, т. LV, 144—145.

Толстой, гр., Левъ Никл., писат., т. LIII, 529, т. LIV, 792, т. LVI, 575—582.

Толстой, гр., А. П., одесск. градонач. 1836 г., т. LV, 484, 485, 487.

Толстой, гр., Ѳ. П., вице-презид. импер. академіи художествъ, т. LIV, 74, томъ LV, 612.

Толстой, гр., об.-гофмейст. 1864 г., томъ LIII, 132.

Тонъ, К. А., ректор. имп. акад. худож. 1849 г., т. LIII, 524.

Тоцильскій, Мих. Ив., директ. департ. мин—ва юстиціи, впослѣд. сенаторъ, † 1873 г., т. LV, 484, 485, т LVI, 315, 759—782.

Тормасовъ, генер., т. LVI, 781, 807, 813.

Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., инженеръ, ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LIV, 217.

Травинъ, П., сообщ.: „Н. А. Добролюбовъ", т. LVI, 518.

Траубенбергъ, генер.-маіоръ 1871 г., т. LIII, 536.

Треповъ, Ѳед. Ѳед., генер.-адъютантъ, т. LIII, 257.

Трефолевъ, Л. Н., сообщ.: „Крыловъ, Пушкинъ, Коншинъ", т. LV, 463—466.

Тройницкій, Никол. Григ., т. LIV, 155, 156—160, т. LVI, 70.

Тройницкій, Александръ Григ., редакт. Одесск. Вѣстн. 1837 г., т. LIV, 155, 156, 160.

Трощинскій, Андр. Андр., т. LIII, 689, 690, 691, 701, 706, т. LVI, 741, 749.

Трощинскій, Дм. Прокоф., директоръ почтъ, мн-ръ удѣловъ, сенат. 1799 г., т. LIII, 86, 669—687, т. LVI, 748, 749.

Трубецкая, княг., Натал. Васил., рожд. Хованская, т. LIII, 594.

Трубецкая, княж., Анна Серг., въ зам. гр. Строгонова, т. LIV, 82, 562.

Трубецкая, княг., Ек., т. LV, 135, 136.

Трубецкая, княг., Елис., т. LIV, 392.

Трубецкая, княж., Екат. Петр., въ зам. баронес. Строгонова, р. 1744 г., † 1815 г., т. LIII, 594, 596—602.

Трубецкой, кн., Ив. Юрьев., ген.-фельдм., т. LIII, 322, 325.

Трубецкой, кн., Петръ Ник., т. LIII, 594.

Трубецкой, кн., канцл. 1757 г., томъ LIII, 467.

Трубецкой, кн., Серг. Петр., полков. л.-гв. Преобр. пол., декабр., † 1860 г., т. LIII, 204, 216, т. LVI, 396, 397, 398, 403, 404.

Труворовъ, Аскалонъ Николаев., членъ археограф. коммис., сообщ.: „Аламъ", т. LIV, 255—262, „Московск. старина", т. LVI, 756, „Сани, употреблявшіяся при погребеніи русскихъ велик. княз. и царей", т. LVI, 836, 841.

Туманскій, В. И., т. LIII, 659.

Тургеневъ, Ив. Серг., р. 1818 г., † 1883 г., т. LIII, 112, 772, 773, 777, т. LIV, 409, 418, 470—496, 502, 792, т. LV, 553, 562, 695, т. LVI, 147, 148, 160, 577.
Тургеневъ, Никол. Ив., т. LVI, 99, 102, 398, 399, 400, 402, 404, 635.
Тургеневъ, Александръ Мих., р. 1772 г., † 1863 г., его Записки, т. LIII, 77—106, 329—342.
Тургеневъ, Алексдр. Ив., директ. канц. мн—ра духов. дѣлъ и народн. просв., т. LIII, 17, т. LIV, 514, 516, 543—546, т. LVI, 221.
Турунovъ, предсѣд. цензурн. комит., въ послѣд. сенаторъ, т. LV, 624.
Турчанинова, Софья Ив., рожд. бар. Эльмптъ, т. LIII, 549.
Турчаниновъ, Петръ Ив., кабинетъ-секрет., директ. строит. конторы 1793 г., впосл. ст.-секрет., т. LIII, 548—549.
Турчаниновъ, ген.-лейт. 1800 г., томъ LVI, 197.
Тутолминъ, Тимоѳ. Ив., генер.-поруч., ген.-губерн. арханг. и олонецк. 1784 г., т. LIII, 569, т. LIV, 63, 797, 801.
Тучкова, Маргар. Мих., рожд. Нарышкина, игуменья Бородинск. монаст., т. LIII, 220.
Тучковъ, Алексѣй Васил., инж.-генер. 1788 г., т. LIII, 566.
Тютрюмовъ, Н., художн., т. LIII, 795.
Тютчевъ, Ѳед. Ив., писат., † 1873 г., т. LIV, 792, т. LV, 133, т. LVI, 129.

Убри, Пав. Петр., русск. посолъ при берлинск. дворѣ 1820 г., т. LIII, 634.
Уваровъ, Сергѣй Семен., мн-ръ народн. просв, † 1855 г., т. LIII, 43, 657, 779, т. LIV, 545, 644, 648, 659, т. LV, 465, 479, 488, 495, т. LVI, 625, 661, 667.
Уитвортъ, лордъ, англ. послан. при спб. дворѣ, 1798 г., т. LVI, 788.
Ульрихсъ, Юл. Петр., профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 273.
Урусовъ, кн., С. Н., ст.-секр., членъ государств. совѣта, т. LVI, 314.
Урусовъ, кн., т. LIV, 644.
Устимовичъ, Петръ М., сообщ.: „Стихотворенія на смерть Д. В. Веневитинова“, т. LIII, 202, „Замѣтку къ Очеркамъ Украинской лит. XIX в.“, 234, „Стихотворенія, посвященныя Н. М. Языкову“, 464, «М. А. Назимову», 511, «Поэтъ Д. В. Веневитиновъ“, т. LIV, 404, „Николай Ивановичъ Гнѣдичъ“, т. LV, 127—131, „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“, 132—136, „Литературныя замѣтки“, 453—462, упом. т. LIII, 710.
Устиновичъ, Дмитр., еписк. смоленск. 1804 г., т. LIII, 18.
Устряловъ, Никол. Герас., академикъ, † 1870 г., т. LIII, 578, 579, 581.
Усовъ, П. С., редакт. „Сѣв. Пчелы“, т. LV, 621, 634.
Уткинъ, Никл. Ив., профес., граверъ, т. LVI, 533, 708.
Ушаковъ, Андрей Ив., т. LVI, 44.
Ушинскій, К. Д., педагогъ-писат., томъ LIII, 471—494, 783, т. LV, 668, 688.

Фабръ, А. Я., правит. канц. новорос. ген.-губ., т. LIV, 135, 137, 138, т. LV, 481, 486, 487, т. LVI, 657.
Фадѣева, Ел. Павл., т. LIII, 763—765.
Фадѣевъ, Рост. Андр., воен. писатель, т. LIII, 763.
Фальковскій, Ирпней, еписк. Смоленск. 1812 г., т. LIII, 20, 26.
Фальконетъ, Стефанъ-Маврикій. скульп., р. 1716 г., † 1791 г., т. LIV, 271.
Ферзенъ, гр., генер., т. LVI, 794, 814.
Фигнеръ, Алексдр. Самойл., партизанъ 1812 г., р. 1787 г., † 1813 г., томъ LV, 321—338, т. LVI, 227.
Филаретъ (Ѳед. Никитичъ), патріархъ, т. LVI, 551.
Филаретъ Гумилевскій, еписк. рижскій съ 1841—1858 гг., архіеп. харьковскій, затѣмъ черниговск., р. 1805 г., † 1866 г., т. LIV, 197, 206—209.
Филаретъ (Вас. Дроздовъ), митропол. московск., р. 1782 г., † 1867 г., т. LIII, 64, 115, 272, т. LIV, 134, 552, 722, 730, т. LVI, 65.

Филимоновъ, Ю. Д., археологъ, томъ LIV, 190.
Филиппенко, Илья, т. LIII, 800.
Филипсонъ, попечит. спб. учебн. окр., сенаторъ, т. LIII, 778.
Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ, гр., саксон. повѣр. въ дѣл. въ Спб. въ 1852 г., его Записки: „Наканунѣ Крымской войны", т. LIV, 367—404.
Ферзенъ, гр., об.-егермейст. 1862 г., т. LIII, 116, 119, 120, 121, 125, 132.
Ферстеръ, инжен.-генер. 1830 г., томъ LIII, 656.
Фетъ, А. А., поэтъ, т. LIII, 234.
Фетхъ-Али, ханъ, шахъ персидскій, р. 1762 г., † 1834 г., т. LIII, 359.
Фоксъ, чрезвыч. америк. послан. въ Россіи 1866 г., Описаніе его путешествія въ Россію 1867 г., т. LIII, 47—75.
Фотій (Петръ Никитичъ Спасскій), архимандр., настоят. Новгород. Юрьева монаст., р. 1792 г., † 1838 г., т. LIV, 197, 650.
Фредериксъ, Ив. Юрьев., † 1779 г., т. LIII, 541.
Фредериксъ, Андр. Ив., артиллер., р. 1760 г., т. LIII, 541.
Фредериксъ, А. А., бар., тамбовск. губернат., т. LVI, 542, 551.
Фрейганги, т. LIV, 243.
Фрейгангъ, Петр. Ив., генер. корп. жандарм., т. LIV, 243.
Фрейгангъ, Андр. Ив., цензоръ, т. LIII, 775, т. LIV, 243.
Фрейтагъ, Ѳ. Ѳ., т. LV, 487.
Френъ, Х. Д., т. LV, 487.
Фридериксъ, бар., С. А., фл.-ад., т. LIV, 147, т. LVI, 669.
Фришъ, сенат., т. LVI, 313.
Фуругельмъ, Ив. Васильев., гл. правит. русск. сѣв. американск. колон. 1862 г., т. LVI, 681—696.

Хаминъ, А., директ. 1-го моск. корп., т. LVI, 251.
Ханкинъ, докт., т. LVI, 834.
Ханыковъ, т. LVI, 423.
Хвостовъ, управл. госуд. заемн. банкомъ, т. LIII, 86.
Хвощинская (Заіончковская), Н. Д., писательница (псевдонимъ: „Крестовскій"), т. LIV, 215.
Херхеулидзевъ, кн., З. С., смоленск. губернат. 1851 г., т. LIII, 421, 422, 424, 425.
Хижняковъ, сообщ.: «Письмо А. П. Ермолова къ К. В. Чевкину», т. LV, 462.
Хилкова, княгиня, т. LIV, 471.
Хлѣбниковъ, П. К., генер.-аудиторъ, т. LV, 681.
Хмѣльницкій, смол. губернат. 1816 г., т. LIII, 42, 664.
Хмыровъ, Мих. Дм., ссыл. на его монографію, т. LIII, 226.
Ховенъ, сенат., т. LVI, 369, 373, 374, 376, 388, 389.
Хоментовскій, полк. 1812 г., т. LV, 227.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., † 1860 г., т. LIV, 210, 254, 437, т. LV, 580, 583—585, 611, 612, т. LVI, 497.
Храповицкій, Алексдр. Васил., ст.-секр., т. LIII, 84, 85, 87, 555, 560, 562, 571, т. LIV, 291, 292, 308, 595—599, 603.
Храповицкій, ген.-ад., спб. воен. ген.-губернат. 1847 г., т. LIV, 250.
Хрущовъ, Дмитр. Петр., тов. мн-ра гос. им., т. LIII, 437.
Хрущовъ, гофмейст. 1857 г., т. LIV, 167.

Це, предсѣд. цензурн. комит., внесл. сенат., т. LV, 623, 624.
Цимбалистовъ, Андрей, т. LVI, 70.
Циммерманнъ, Іоганнъ Георгъ, докт. корреспонд. Екатерины II, † 1795 г., т. LIV, 271—294, 591—612.
Цвѣтаевъ, Лев. Алекс., профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 266, 272, 273.

Чаадаевъ, Петръ, т. LVI, 221.
Чаадаевъ, ротм. гвардіи, т. LIV, 660, 661.
Чагинъ, Никол., артил., т. LIII, 799.
Чановъ, Ѳед. Ѳед., сов. спб. губернск. правл. 1827 г., т. LV, 497, 498.

Чарторыйская, княг., Изабелла, т. LV, 170, 171, 182.
Чарторыйскіе, т. LV, 165—182.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, мн-ръ иностран. дѣлъ и приближ. импер. Александра I, т. LV, 167—182.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, фельдм., т. LV, 182.
Чашниковъ, Н. В., инспект. учил. казанск. учебн. окр., т. LIII, 44.
Чевкинъ, Конст. Влдм., нач. штаба горн. инж. 1845 г., главноуправл. пут. сообщ., предсѣд. департ. госуд. эконом. 1866 г., ген.-адъют., † 1875 г., т. LIII, 519, 781, т. LV, 462.
Чемадуровъ, Яковъ Яковл., сенаторъ, т. LVI, 780, 781.
Чемесовъ, граверъ, т. LVI, 532.
Черепановъ, профес., т. LVI, 98, 99.
Черкасскій, кн., кабинетъ-мн-ръ, 1740 г., т. LIV, 615.
Черкасскій, кн., Влдм. Алексд., членъ редакц. коммиссіи 1860 г., † 1878 г., т. LIII, 115, 126, т. LIV, 167, 183, 210—213.
Черницкій, генер., об.-квартирм. 1 арміи 1861 г., т. LIV, 363, 364.
Чернышевъ, гр., Алексд. Ив., ген.-ад., воен. мн-ръ 1833 г., т. LV, 234—235, 446.
Чернышевъ, гр., Ив. Григ., вице-президент. адмиралт.-коллегіи, сенат., дѣйств. камергеръ, † 1797 г., т. LIII, 308, т. LIV, 53, т. LV, 41, 48—50, т. LVI, 377.
Чернышевъ, гр., Петръ Григ., полном. мн-ръ при дат., прус. и англ. дворѣ, † 1773 г., т. LIII, 308, 588, т. LIV, 78, 90.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., президент. воен. коллег., впосл. ген.-фельдмарш. и москов. ген.-губернат., т. LIII, 308.
Чернышевъ, Андр. Гаврилов., ген.-м., командиръ петерб. крѣпости, † 1797 г., т. LIII, 328.
Чернышевъ, гр., Н. Г., т. LV, 39, 40.
Чернышевскій, Ник. Гавр., писатель, т. LV, 630, 631.
Черняевъ, Мих. Григ., генер.-лейтен., т. LIII, 797, 798.
Четвертинскіе, князья, т. LIII, 290.
Чертковъ, А. Д., т. LIV, 133, 661, 662, 706.
Чивилевъ, А. И., профес. москов. унив., т. LV, 655, 658.
Чистовичъ, И. А., профес., писатель т. LV, 4, 5, 15, т. LVI, 275.
Чирковичъ, полковн. 1836 г., томъ LV, 485, 486.
Чичаговъ, Василій Яковлев., адмиралъ, р. 1725 г., † 1809 г., т. LIII, 552, 553, т. LIV, 58, 62, 68—70, 296, 304, т. LV, 37, 38, 48—54.
Чичаговъ, Пав. Васил., адм., морск. мн-ръ, т. LV, 35—54, 307, 523—544.
Чичаговъ, Л. М., сообщ.: „Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова", т. LV, 35—54, 522—544, упом. кн. VII, стр. I—II.
Чичеринъ, А., сообщ. „Лузинъ", томъ LVI, 554.
Чулковъ, Мих. Петров., об.-секрет. сената 1762 г., т. LIII, 102, 103.
Чумаковъ, профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 264, 270.
Чумиковъ, А. А., сообщ.: „Вызовъ на дуэль кн. Меттерниха императоромъ Александромъ I", т. LIV, 639—642.

Шадурскій, гр., т. LIII, 206.
Шаликовъ, П. И., т. кн., LIV, 546, т. LVI, 657.
Шараповъ, учитель, т. LIV, 424.
Шаринъ, т. LV, 55—74.
Шаровскій, сенат., т. LVI, 313.
Шафрановъ, директ. народн. учил. въ Спб., т. LV, 689.
Шаховской, В., ссыл. на его воспом. объ ахалъ-тэк. экспед., т. LIV, 222.
Шаховской, кн., ген. 1877 г., т. LIII, 185, 188, 189, 190, т. LIV, 801, 807, 808.
Шаховской, кн., А. А., писат., томъ LVI, 105, 127, 128.
Шаховской, кн., т. LIII, 295.
Шванебахъ, Б. П., нач. москов. Александров. учил., т. LIV, 703.
Шверинъ, Густавъ Адольфов., т. LVI, 755.
Шебуевъ, художн., т. LIV, 74.
Шевченко, Тарасъ Григ., поэтъ-художн., р. 1814 г., † 1861 г., т. LIII, 531, томъ LIV, 676.

Шевыревъ, Степ. Петр., профес., томъ LIII, 250, 698, т. LIV, 729, т. LV, 647, 654, 656, т. LVI, 748.
Шепелевъ, генер.-лейт., т. LV, 163.
Шепелевы, т. LV, 163.
Шереметевъ, гр., Серг. Дм., предсѣд. имп. общ. любит. древней письмен., т. LVI, 250.
Шереметевъ, фельдмарш., т. LV, 635.
Шереметева, графиня, Анна Петр., фрейлина, † 1768 г., т. LVI, 300.
Шернваль, Аврора Карл., въ зам. Демидова, во втор. бракѣ Карамзина, т. LV, 455.
Шернваль, Эмилія Карл., въ зам. граф. Мусина-Пушкина, т. LV, 455, 456.
Шестаковъ, П. Д., сообщ.: „Московскій университетъ въ 1840-хъ годахъ", томъ LV, 641—662.
Шешковскій, Степ. Ив., нач. тайной канц., † 1794 г., т. LIII, 89, 104, 597, т. LVI, 24—27.
Шиллингъ, генер., коменд. Динаминд. крѣп., т. LVI, 807.
Шилль, О. Н., професс. гельсингфор. унив., т. LV, 619, 626, 630.
Шильдеръ-Шульднеръ, ген. 1877 г., т. LIII, 184, т. LIV, 797—800.
Ширинскій-Шахматовъ, кн., Платонъ Алексдр., т. LIV, 648, 650, 660, томъ LV, 487.
Ширинскій-Шихматовъ, кн., А. А., т. LIV, 546, 552.
Ширяй, Анна Ив., въ зам. Безбородко, т. LIV, 44.
Ширяевъ, москов. актеръ, т. LIV, 668, 669.
Шихъ-Али, дербентск. ханъ 1795 г., т. LIII, 347, 355—373.
Шихматовъ, кн., С. А., стихотворецъ, т. LIV, 526.
Шишковъ, А. С., адмир., мн-ръ народн. просв., т. LIII, 270, 295, 296, 656, т. LV, 236.
Шкларевичъ, Влад., профес. артиллер., писат., т. LIII, 800.
Шландеръ, инжен. 1842 г., т. LV, 164.
Шлецеръ, Христ., профес. моск. унив. 1825 г., т. LIII, 265.
Шлиппенбахъ, директ. 1-го кадет. корп., т. LIV, 688, 689, 691.
Шодуаръ, баронъ, С. И., т. LV, 487.
Шрамъ, генер. 1837 г., т. LVI, 677.
Штакельбергъ, гр., русск. послан. при Неаполитанск. дворѣ, т. LIV, 516.
Штейнгейль, баронесса, Юлія Владм., въ зам. Топильская, т. LVI, 781.
Штейнгейль, бар., Влдм. Ив., отставн. подполковн., декабр., р. 1784 г., † 1862 г., т. LVI, 403, 405, 406, 781.
Штенгеръ, коменд. дворца въ Гатчинѣ, т. LIII, 256.
Штрандманъ, Оттонъ Густав., ген.-м. 1789 г., т. LIV, 58.
Штиглицъ, банкиръ, т. LIII, 286.
Штукенбергъ, Ив. Ѳед., инж. путей сообщ., т. LIII, 252.
Штукенбергъ, А. И., † 1887 г., сообщ. „Пасторъ Зейдеръ послѣ и до его ссылки въ Сибирь", т. LIII, 251—262, упом т. LV, 164.
Шуберскій, Эрнестъ Ив., инж.-ген., т. LIII, 521, 523.
Шуваловъ, Ив. Ив., об.-камергеръ, куратор москов. унив., т. LIII, 587.
Шуваловъ, гр., Петръ Андр., прибалтійск. ген.-губернат., впосл. шефъ жандарм., т. LIII, 129.
Шуваловъ, гр., П. И., т. LIII, 467.
Шульцъ, бар., Вильгельмъ Вас., ген.-маіоръ 1786 г., т. LIII, 572.
Шульцъ, бар., ген.-м. 1788 г., т. LIV, 53, 57, 62.
Шумскій, Мих. Андреев., фл.-адъют. † 1851 г., т. LIV, 145—154.

Щебальскій, П. К., † т. LIV, 311, 312, 326, 626.
Щепинъ-Ростовскій, кн., Дм. Алексдр. декабр., т. LIII, 212.
Щепкинъ, М. С., артистъ, т. LIV, 792.
Щербатова, княг., Соф. Степ., рожд. Апраксина, т. LIII, 208.
Щербатова, княг., Софія Алексдр., рожд. граф. Апраксина, т. LIII, 602.

Щербатова, княжна, фрейлина, томъ LVI, 19.

Щербатовъ, кн., Алексѣй Григ., моск. ген.-губерн. 1840 г., т. LIII, 388.

Щербатовъ, кн., Григ. Алексѣев., попечит. спб. учеб. окр., предс. цензурн. комит. 1857 г., т. LIV, 167, т. LV, 608, 618, 619.

Щербатовъ, кн., Никол. Григ., ген.-м., т. LIII, 388.

Щербатовъ, кн., москов. город. голова 1866 г., т. LIII, 59, 65.

Щербатовъ, кн., М. М., историч. писат., т. LIII, 553, 554.

Щербининъ, Мих. Павл., директ. канц. намѣстн. кавказ. 1855 г., т. LIII, 284, т. LIV, 155, 156, 160.

Щулепниковъ, Алек. др. Вас., адмир., коменд. Кронштад. 1866 г., т. LIII, 52.

Эвальдъ, Ѳ. Ѳ., педаг., † 1879 г., т. LV, 693.

Экекъ, Матвѣй Матв., об. почт.-директ., т. LVI, 22.

Эллисъ, Софья Алексдр., рожд. Кирѣева, т. LVI, 110, 111.

Эллiотъ, Ив. Андр., бат. ком. въ Двор. пол. 1855 г., т. LIV, 694.

Энгельгардтъ, Вас. Вас., команд. кир. пол., т. LIII, 237, 239, 339.

Энгельгардтъ, ген.-лейт. 1856 г., томъ LIV, 351.

Эристовъ, кн., Дм. Алексѣев., сенат., т. LIII, 108.

Юргенсонъ, А. Я., сообщ.: „Фельдмаршалъ графъ Бурхардъ Христофъ Минихъ въ заботахъ о воспитаніи своихъ внуковъ“, т. LIII, 225—234, 465, „Замѣчанія на записки о Россіи генер. Манштейна“, т. LIV, 309—328.

Юрченко, П., сообщ. замѣтку: „Александръ Ивановичъ Никитскій“, томъ LVI, 70.

Юрьевъ, Никан. Ив., ген., директ. полтав. кадет. корп., т. LIV, 684—691.

Юрьевичъ, Семенъ Алексѣев., ген.-отъ-инф., † 1868 г., т. LVI, 677.

Юсуповъ, кн., Н. Б., президн. московск. дворцов. конт., т. LIV, 722.

Ягужинскій, гр., Пав. Ив., ген.-прокуроръ, впосл. кабинетъ мн-ръ, р. 1683 г., † 1736 г., т. LIV, 567.

Языковъ, Никол. Мих., поэтъ, р. 1803 г., † 1846 г. т. LV, 456, 457, 467, т. LVI, 224—225.

Языковъ, Д. Д., сообщ. „С. П. Колошинъ“, т. LVI, 518, упом. 99.

Якоби, Н., сообщ.: М. Ю. Лермонтовъ“, т. LV, 445, упом. т. LVI, 731, 732.

Яковлевъ, Л. Я., чл. учил. ком. въ Спб. 1886 г., † 1887 г., т. LV, 696.

Яковлевъ, Алексдр. Иван., заводчикъ, † 1844 г., т. LIV, 263—264.

Якубовичъ, Л., его стихотв.: „Сергѣю Николаевичу Муравьеву“, т. LV, 225.

Якушкинъ, Ив. Дмитр., декабр., ссыл. на его Записки, т. LIII, 215, 218, упом. т. LVI, 396—405.

Якушкинъ, Евген. Иванов., т. LVI, 403.

Якушкинъ, Вячеслав. Евген., сообщ. „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“, т. LV, 545—552, т. LVI, 697—730.

Янъ, Андр. Ив., сообщ.: „Гавріилъ Степановичъ Батенковъ“, т. LIV, 642.

Янъ, т. LVI, 222.

Янькова, Елиз. Петр., † 1861 г., томъ LIV, 572.

Ярцевъ, оріенталистъ, т. LV, 495.

Ястржембскій, инспект. технолог. инст., т. LVI, 416, 419.

Яценковъ, цензоръ 1815 г., томъ LVI, 88, 95.

Ѳедоръ Іоанновичъ, царь, т. LVI, 351.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, т. LIV, 192, т. LVI, 837—840.
Ѳедоръ, отшельникъ, т. LVI, 529.
Ѳедоровъ, ставроп. полицеймейст., т. LIV, 737.
Ѳедоровъ, Мих. Ѳеод., т. LV, 640.
Ѳедоровъ, П. И., бессараб. губернат., т. LV, 484, 485, 487, 494, т. LVI, 650, 654, 661.
Ѳеодосій Яновскій, архіеп. Новгород., т. LV, 1—34, т. LVI, 31—44, 273—296.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіеписк. Псковскій, т. LV, 1, 3, 6, т. LVI, 31, 274—293, 836.
Ѳеофилактъ Русановъ, архіеп. Рязанскій 1812 г., т. LIII, 26.

Состав. Вѣра Вас. Тимощукъ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3р